ПОЛНАЯ ИСТОРІЯ

РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Соч. Хитрово.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

МОСКВА

1880.

ПОЛНАЯ ИСТОРІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

СВѢТЪ, ПРАВДА И НАРОДЫ РОССІИ ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ; ИЛИ

ПОЛНАЯ ИСТОРІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

ЖИЗНЬ РУССКАГО НАРОДА СО ВРЕМЕНИ ПРИЗВАНІЯ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЕЙ; ВСѢ ВОЙНЫ, НАБѢГИ, БУНТЫ, ЛИТЕРАТУРА, МУЗЫКА, ТЕАТРЪ, ХУДОЖЕСТВА

ДО НЫНѢ БЛАГОПОЛУЧНО ЦАРСТВУЮЩАГО ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II,

ЦАРЯ ОСВОБОДИТЕЛЯ НАРОДОВЪ.

Соч. Хитрово.

ТОМЪ I.

МОСКВА.
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У КНИГОПРОДАВЦА С. И. ЛЕУХИНА.
1880.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жизнь человѣка поучительна для того, кому онъ ее передаетъ въ живомъ разсказѣ,—жизнь цѣлаго народа съ его вѣрованіями, государственнымъ строемъ, нравами и обычаями еще поучительнѣе. Если занимательно слушать разсказъ старика о его житьѣ—бытьѣ, о горѣ и радостяхъ, которыя онъ пережилъ на своемъ вѣку, и пользоваться добытой имъ опытностью, то какой высокій интересъ имѣетъ прошедшее всего народа, особенно русскаго. Есть иностранцы, которые съ величайшей любовью занимались и занимаются русской исторіей; но *русскому* не знать «отъ куда пошла русская земля» и сдѣлалась сильна и многолюдна—это не простительно! Любовь къ отечеству и его державному главѣ, воинская и гражданская доблесть,—все это появляется въ человѣкѣ, особенно сильно и разумно, когда онъ вѣдаетъ скрижали своей исторіи. Высокіе примѣры самопожертвованія, твердости характера, милосердія и человѣчности великихъ мужей русскихъ влекутъ къ нимъ сердце и научаютъ подражать. Наконецъ, что можетъ быть интереснѣе и любопытнѣе, какъ прослѣдить всю жизнь русскаго народа и тѣхъ, кто правилъ имъ? Ни одинъ романъ, ни одна повѣсть о какихъ то не существующихъ герояхъ созданныхъ воображеніемъ писателя, не можетъ сравниться съ истинной исторіей, гдѣ дѣйствуютъ не образы вымысла, а дѣйствительно жившіе и оставившіе о себѣ память въ средѣ своего народа и дѣяніями своими повліявшіе на его жизнь. Что можетъ болѣе занять умъ и говорить сердцу человѣка, привлечь его къ добру и отклонить отъ зла? Не только заботливое изученіе исторіи, но даже простое чтеніе ея лѣтописей въ высшей степени полезно и интересно! Чего нельзя найдти тамъ и какіе образы не представятся воображенію?.... Бояринъ Борисъ Годуновъ цѣлые десятки лѣтъ таилъ въ себѣ безумную мысль достигнуть престола, и для этого подсылаетъ убійцъ злодѣйски умертвить послѣднюю отрасль царей московскихъ Рюрикова дома, Димитрія царевича—ребенка, и жадно ловитъ его вѣнецъ Мономаховъ, чтобы возложить на свою преступную голову. Въ Кремлѣ собраніе лучшихъ людей земли русской молитъ боярина князя Пожарскаго, спасшаго отечество, принять въ воздаяніе великихъ заслугъ его тотъ-же вѣнецъ, но онъ съ трепетомъ отвѣчаетъ, что недостоинъ носить его и указываетъ для блага Россіи на Михаила Ѳеодоровича Романова, родоначальника славныхъ царей доселѣ правящихъ русскимъ народомъ. Какая противоположность! Одинъ спасъ Россію, ему хотятъ вручить власть надъ нею, но онъ удаляется въ безсмертіе; а другой злодѣйски захватываетъ ее и тѣмъ самую память о себѣ предаетъ вѣчному позору! Крѣпкій разумомъ и сильный волею царь Іоаннъ Грозный сначала правилъ Россіею милостиво и мудро, сдерживаемый благо-

творнымъ вліяніемъ супруги своей царицы Анастасіи Романовны, изъ знаменитаго семейства бояръ Романовыхъ, но по смерти ея помрачилъ умъ свой и славу страшными жестокостями,—но и это, мы смѣло можемъ сказать, послужило во благо русскому государству: Грозный царь смирилъ бояръ, потомковъ удѣльныхъ князей, страшными казнями и ссылками заставилъ ихъ забыть свое высокое происхожденіе и не искать своихъ отчинъ; слѣдовательно, избавилъ Россію отъ ихъ своеволья и раздробленія т. е. отъ участи Польши, погубленной необузданностью магнатовъ, и Швеціи, упадокъ которой обусловленъ былъ стѣсненіемъ королевской власти непокойной аристократіей! На Грознаго царя возсталъ суровый въ монашеской жизни, строгій въ добродѣтеляхъ и не менѣе царя грозный, но только въ обличеніи пороковъ,—митрополитъ Филиппъ. Онъ и Іоаннъ сошлись на помостѣ церкви и наступила страшная, потрясающая минута: смиренный и кроткій черноризецъ, а передъ нимъ Грозный и жестокосердый царь. Монахъ, который никогда не смѣлъ противорѣчить царю, даже безъ трепета поднять на него глаза, помня, что это помазанникъ Божій,—ополчается на него въ защиту караемыхъ имъ невинныхъ людей, находитъ въ смиренной душѣ своей страшную силу не ходатайствовать, не молить о пощадѣ ихъ, но обличить и громить царя, укрѣпившись заповѣдью Христа, что пастырь долженъ положить душу за паству свою. Въ какой странѣ жили два столь различные человѣка? Оба съ желѣзною волею, но святитель твердо направленный къ добру, а царь къ злу, и нельзя было Іоанну заставить замолчать Филиппа, какъ приказавъ задушить его Малютѣ Скуратову. Такова ли борьба духовенства на просвѣщенномъ, но въ тоже время своекорыстномъ, западѣ? Тамъ духовенство ради почестей и корысти подкапывало власть королей, а въ Россіи сословіе это возвышаетъ голосъ, если необходимо было противорѣчить царю, то для его же пользы и славы, за что покорно отдаетъ жизнь свою! Какія дивныя страницы записаны въ исторіи Руси! Въ душу молодаго послушника Чудова монастыря, въ Москвѣ, западаетъ страшнодерзкая мысль выдать себя за Димитрія, сына Іоанна Грознаго, и сдѣлаться царемъ. Кто возбудилъ въ немъ эту мечту, кто представилъ ему возможность перехода изъ темной келіи монастыря въ Грановитую палату чертоговъ царскихъ, наполненныхъ блескомъ и всею роскошью востока и запада? Исторія не знаетъ этой тайны и молодой монахъ, носившій съ годъ шапку мономаха, не унесъ ее даже въ могилу: прахъ отъ сожженнаго его тѣла смѣшали съ порохомъ и, зарядивъ въ пушку, выстрѣлили въ ту сторону, откуда онъ пришелъ и принесъ годину бѣдствій своей родинѣ. Смута самозванщины хотя и тяжело легла на Русскую землю, но миновала не напрасно. Спустя двѣсти лѣтъ, при нашествіи Наполеона, каждый гражданинъ хотѣлъ быть Мининымъ-Сухорукимъ, духовный—Авраамiемъ Палицынымъ, доблестнымъ келаремъ Сергіевой лавры, и дворянинъ—княземъ Пожарскимъ, борцомъ за униженное отечество,—и какое же время породило Минина, Палицына и Пожарскаго? Время смутъ и злодѣйствъ заставило сердца ихъ запылать истинной любовью къ отечеству и сдѣлало ихъ мужами высокихъ добродѣтелей; въ народѣ же пробудило благородныя и безкорыстныя стремленія. Какое дѣйствіе на умъ производитъ сопоставленіе того, что было въ началѣ государства русскаго и что теперь! Между Уральскими горами и отрогами Карпатъ, между Чернымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, во

время великаго переселенія народовъ, появилось изъ глубины Азіи, колыбели рода человѣческаго, племя мирное, чуждое воинственности и бѣдное: лыки и вѣники часто шли въ дань князьямъ, особенно въ Литвѣ. Всѣ племена славянскія жили по обычаю ихъ; но вотъ рознь появилась между ними и пошли усобицы, а потому понадобился имъ князь всея земли русской, иначе сказать, власть верховная, чтобы по правдѣ и закону вѣдать ими. Прошли вѣка и славяне образовали народъ русскій, отличающійся любовью къ царямъ и отечеству, а благія послѣдствія этого пришли сами собой: крѣпкій государственный строй далъ ему охрану его правъ и развилъ природныя способности до того, что онъ сталъ великимъ народомъ подъ державой великихъ царей! Дѣйствительно Россія, скованная мощной рукой великаго работника на тронѣ—Петра I и направленная Екатериной II, вознеслась трудами послѣдующихъ царей въ славѣ и могуществѣ. Во всѣ годины испытаній русскій народъ и государи его твердо берегли самобытность и крѣпко стояли за свою независимость. «Не потерпимъ королевича Владислава избраннаго на Русскій престолъ,» сказали въ Нижнемъ-Новгородѣ и вся Россія возстала на поляковъ и изгнала ихъ изъ Кремля московскаго и отовсюду. Царь московскій Василій Іоанновичъ Шуйскій былъ привезенъ плѣнникомъ къ королю Сигизмунду и гордые магнаты Польши приказывали ему стоять передъ Сигизмундомъ. «Царь московскій никогда не будетъ стоять передъ королемъ польскимъ» отвѣчалъ Василій и менѣе чѣмъ черезъ два столѣтія эхомъ откликнулись на это слова Косцюшки, диктатора Польши и человѣка великихъ способностей. «Конецъ Польши!» вскричалъ онъ, сдаваясь въ плѣнъ русскимъ, и польскія области вошли въ составъ государства русскаго.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II прогремѣла изъ конца въ конецъ вселенной имя Суворова, оставшееся и донынѣ въ памяти народной символомъ побѣдъ! Тридцать слишкомъ лѣтъ ему ни разу не измѣнила побѣда и весь свѣтъ удивлялся ему, какъ великому герою—полководцу. «Соединивъ съ геніемъ полководца изученіе военной науки, русскаго солдата, цѣнности каждаго оружія, и мѣстностей, гдѣ сражался,—соединивъ все это съ беззавѣтной храбростью, Суворовъ нашелъ тайну побѣды! Каждая битва его должна составлять предметъ особеннаго изученія военныхъ людей. На каждый бой у него являлась новая идея. Падая, какъ громъ небесный, на Измаилъ и Прагу, выигрывая въ Польшѣ и въ Турціи битвы «солдатскими ногами,» по выраженію маршала де-Сакса, соединяя быстроту и ударъ при Фокшанахъ и Рымкинѣ, летучій партизанъ за Кубанью и въ Пруссіи, Суворовъ, связанный планами Вѣны, боролся въ Италіи, какъ будто въ обличеніе тактическихъ *скрибусовъ*, какъ называлъ онъ Макковъ и Альвиньчи, съ лучшими послѣ Наполеона революціонными полководцами, двумя противоположностями, осторожнымъ Моро и пылкимъ Жубертомъ, и преданный судьбою и союзниками, не уступилъ въ Швейцаріи «избалованному любимцу побѣдъ,» Массенѣ! Поставленный за толпою людей, отличенныхъ родомъ, богатствомъ, почестью, въ вѣкъ Разумовскихъ и Потемкиныхъ, Суворовъ прикрылъ себя личиною шутки и юродства, какъ истина прикрывается дурацкою шапкою съ бубенчиками басни. И пока смѣялись надъ его оригинальностью, онъ ушелъ изъ виду соперниковъ, какъ Россія ушла изъ виду Европы.» Потемкинъ тоже былъ безспорно одинъ изъ тѣхъ людей

которые споспѣшествовали блеску и величію царствованія Екатерины—«человѣкъ ума необыкновеннаго, предпріятій безмѣрныхъ, труда безпрерывнаго—дикая поэзія сѣвера и востока! Онъ былъ истиннымъ баловнемъ своенравной фортуны· семинаристъ и фельдмаршалъ, монастырскій послушникъ и знатный вельможа, бѣдный неизвѣстный дворянинъ и полновластный правитель Россіи—Потемкинъ былъ полнымъ представителемъ блестящаго вѣка Екатерины II, того времени, когда Россія только что соединилась съ Европою. Что сдѣлано могучимъ Потемкинымъ, то не въ состояніи уничтожить даже желѣзная рука времени: рѣшеніе участи Польши, внѣшняя политика Россіи, присоединеніе южныхъ областей, устройство и преобразованіе Новороссійскаго края, гордый Черноморскій флотъ, преобразованіе войскъ, и, наконецъ, дана жизнь такому краю, гдѣ были голыя, непривѣтныя степи, кочевья татарскихъ ордъ и шалаши полудикихъ казаковъ. Знаменитый временщикъ царствованія Екатерины умеръ 52 лѣтъ—5-го Октября 1791 года, при переѣздѣ изъ Яссъ въ Николаевъ, среди необъятной Бессарабской пустыни, на своемъ походномъ плащѣ. Бѣдная пирамида въ степяхъ Бессарабіи и теперь означаетъ то мѣсто, гдѣ скончался этотъ замѣчательный человѣкъ, гдѣ, тяжело дыша, глядѣлъ онъ помутившимися глазами на свѣтлое, безоблачное небо, на широкую, безбрежную даль степи.

Но слава Суворова, Потемкина и Рѣпнина, не умаляетъ нисколько славы знаменитаго дѣятеля отечественной войны—князя Кутузова—Смоленскаго, сподвижника Александра Благословеннаго. Свѣтелъ и великъ являлся онъ на поляхъ Бородина, Тарутина, Малоярославца, въ снѣгахъ Краснаго и льдахъ Березины;—и среди побѣдоноснаго войска, объ руку царя, перешелъ Нѣманъ, за который бѣжалъ отъ него громоносецъ, угрожавшій гибелью русской землѣ; среди радостныхъ кликовъ Европы, онъ разорвалъ кандалы, которые были приготовлены для нея гордымъ и доселѣ непобѣдимымъ Наполеономъ.

Царствованіе Александра I было славно и велико дѣлами, и эту славу и величіе Россіи не ослабилъ ни на одну іоту его царственный братъ, мудрый императоръ Николай I, оставившій въ наслѣдіе корону русскую нынѣ благополучно царствующему государю императору Александру II Николаевичу, отцу—освободителю народовъ. Это послѣднее царствованіе едвали не самое замѣчательное въ Русской исторіи, по быстрому, неудержимому движенію впередъ Россіи, волею монарха,—развитіемъ торговли и промышленности, освобожденіемъ слишкомъ 20 милліоновъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости; завоеваніемъ Кавказа, Хивы и проч., постройкой на громадное протяженіе желѣзно-дорожной линіи, телеграфа, введеніемъ гласнаго судопроизводства, земскихъ учрежденій, отмѣной тѣлеснаго наказанія и проч. проч. проч., наконецъ цѣлымъ рядомъ побѣдъ и замѣчательныхъ подвиговъ русскихъ войскъ въ въ послѣднюю войну съ Турціей, которая окончилась совершеннымъ разгромомъ послѣдней и освобожденіемъ нѣсколькихъ христіанскихъ княжествъ изъ подъ мусульманскаго ига.

И такъ, все прошедшее Россіи только можетъ объяснить ея настоящую славу и могущество, а потому каждому *русскому* должно знать его, чтобы разумно и добровольно, если то нужно будетъ, принести въ жертву отечеству своему имущество и самую жизнь.

I.

Начало Руси.

Народы населявшіе нынѣшнюю Россію въ древности. Славяне. Ихъ нравы, образъ жизни, религія и обычаи. Войны ихъ съ другими народами. Покореніе Славянъ Норманами. Призваніе князей.

Все пространство нынѣшней европейской Россіи въ древности населяли различные народы, главнѣйшимъ изъ нихъ были славяне, которые раздѣлялись на различныя племена, а именно: славяне, обитавшіе по западной Двинѣ и верховьямъ Днѣпра назывались Кривичами; тѣ которые жили по Днѣпру—Полянами; по Припяти, Горыни, Случу и Тетереву обитали Древляне, Бужане по западному Бугу, Вятичи по р. Окѣ и наконецъ племя, жившее около озера Ильменя и по рѣкѣ Волхову собственно и носило имя славянъ.—Къ югозападу отъ славянъ жили Литва, къ юговостоку болгары и хозары, а на сѣверовостокѣ обитали финскія племена: мордва, чудь, черемиссы и другіе. О появленіи славянъ въ Европѣ ничего неизвѣстно, но вообще полагаютъ, что они коренные обитатели Европы. Характеръ славянъ описываютъ такъ: это былъ народъ воинственный, который постоянно нападалъ на другіе народы, грабилъ, жегъ селенія, безпощадно убивая жителей не разбирая ни пола, ни возраста, или же уводилъ въ рабство, но вмѣстѣ съ тѣмъ они отличались гостепріимствомъ, добродушіемъ; въ мирное время они съ радостью принимали путешественника, кто бы онъ не былъ, и всячески старались угостить его; рабамъ своимъ часто давали свободу; нѣкоторые изъ нихъ занимались земледѣліемъ, а это способствовало къ смягченію нравовъ. Жили они въ селеніяхъ; города явились уже позднѣе. Государственнаго устройства не было никакого, а каждое семейство управлялось старшиною, и только во время опасности отъ нашествія непріятеля или когда они сами думали сдѣлать набѣгъ, то тогда соединялись вмѣстѣ и избирали одного предводителя. Религія славянъ была языческая, главнымъ богомъ почитался Перунъ, которому славяне приносили иногда и человѣческія жертвы. По смерти какого нибудь родственника они справляли тризну, т. е. три дня пировали на его могилѣ и въ это время происходили жертвоприношенія. Погребали обыкновен-

но со всѣми боевыми доспѣхами и даже клали въ могилу разныя домашнія принадлежности, чтобы покойный ни въ чемъ не нуждался на томъ свѣтѣ.

Набѣги свои они чаще всего дѣлали на Грецію (Византійскую Имперію,) вѣроятно ихъ привлекало туда богатство этой страны; по большей части они оставались побѣдителями и привозили оттуда множество богатыхъ и дорогихъ вещей.

Въ 859 году славяне, а также кривичи и чудь были покорены варягами, народомъ жившимъ въ Скандинавіи или нынѣшней Швеціи. Варяги составляли одно изъ племенъ народа, называемаго норманнами. Норманны отличались воинственностію, были отличные мореходы и жили однимъ грабежомъ; разбойничая на морѣ, они приводили въ ужасъ всю западную Европу своимъ пиратствомъ. Однакоже черезъ два года Варяги были изгнаны изъ славянскихъ земель; но освободившись отъ нихъ славяне не жили между собою мирно; у нихъ начались раздоры, родъ возставалъ на родъ и не было никакого порядка. И вотъ тогда они рѣшились выбрать себѣ князя, который могъ бы возстановить спокойствіе. Но они не хотѣли выбирать между своими, а отправили пословъ къ тѣмъ же варягамъ. Послы прибывъ сказали: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и володѣть нами.» Тогда три брата изъ племени варяговъ—руссовъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ приняли предложеніе пословъ и, собравъ дружину, прибыли къ славянамъ. Это было въ 862 году и съ тѣхъ поръ земля славянская стала называться Русью.

Братья раздѣлили между собою славянскія земли такимъ образомъ: Рюрикъ посѣлился въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣломъ Озерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Вскорѣ Синеусъ и Труворъ умерли, тогда Рюрикъ соединилъ всѣ земли подъ свою власть.

Преданіе не упоминаетъ ни о какихъ событіяхъ въ княженіе Рюрика, извѣстенъ только годъ его смерти (879.)

II.

Олегъ, его походы. Перенесеніе столицы въ Кіевъ. Аскольдъ и Диръ. Игорь. Княженіе Ольги. Святославъ.

По смерти Рюрика, за малолѣтствомъ сына его Игоря, государствомъ сталъ править Олегъ. Это былъ человѣкъ предпріимчивый и замѣчательнаго ума. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его было покореніе Кіева и перенесеніе туда столицы.

Во времена Рюрика двое изъ дружины его Аскольдъ и Диръ получили отъ него дозволеніе отправиться дальше на югъ для завоеваній. Собравъ дружину, они перешли Днѣпръ, побѣдили Хозаръ и взяли Кіевъ. Отсюда уже они ходили въ Грецію. Гре-

ки вездѣ въ ужасѣ бѣжали отъ русскихъ, въ Константинополѣ настала страшная паника, но одно обстоятельство спасло этотъ городъ, а также и всю Грецію отъ раззоренія. На морѣ сдѣлалась страшная буря, большинство русскихъ судовъ было разбито, такъ что Аскольдъ и Диръ съ остатками своей дружины принуждены были возвратиться обратно въ Кіевъ.

Задумавъ овладѣть Кіевомъ, Олегъ отправился туда на лодкахъ, но однако открытою силою взять его побоялся, почему и употребилъ хитрость: большинство лодокъ онъ оставилъ позади, а самъ съ небольшою горстью людей, подъ видомъ купца, подплылъ къ Кіеву. Здѣсь онъ отправилъ пословъ къ Аскольду и Диру, прося ихъ явиться къ нему на лодку. Тѣ, нисколько не подозрѣвая опасности, приняли приглашеніе; но какъ только они появились, какъ были окружены воинами и тотчасъ же убиты. Безъ всякаго сопротивленія Олегъ вступилъ въ Кіевъ, назвалъ его матерью городовъ русскихъ и перенесъ туда столицу.

Другой замѣчательный походъ Олега — это въ Грецію, на Царьградъ. Походъ этотъ былъ необыкновенно удаченъ; когда онъ подступилъ къ Царьграду, то нагналъ такой страхъ на Византійскаго Императора Льва Философа, что тотъ предложилъ ему богатые подарки, множество золота и серебра, различныхъ драгоцѣнныхъ тканей, прося его отступить. Олегъ согласился и, заключивъ съ греками выгодный договоръ, съ огромными богатствами отплылъ отъ Константинополя. Преданіе разсказываетъ, что онъ повѣсилъ свой щитъ надъ воротами Царьграда.

Кромѣ того онъ покорилъ Древлянъ, Сѣверянъ, Родимичей, Кривичей, у которыхъ отнялъ городъ Смоленскъ и наложилъ на нихъ дань. Народъ, удивленный его успѣхами назвалъ его вѣщимъ, т. е. мудрымъ, почитая его за колдуна.

О смерти Олега составилась легенда такого рода: однажды ему пришло желаніе узнать отъ чего онъ умретъ.

Тогда онъ призвалъ кудесниковъ или волхвовъ, тѣ отвѣчали ему, что смерть его произойдетъ отъ любимаго его коня. Олегъ тотчасъ же распорядился отослать своего коня, поручивъ дружиннику смотрѣть и ходить за нимъ; самъ же никогда уже болѣе не ѣздилъ на немъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Олегъ пожелалъ узнать, что сдѣлалось съ его любимымъ конемъ. Онъ уже давно палъ, отвѣчали ему. Олегъ засмѣялся и горько сожалѣлъ, что повѣрилъ предсказанію кудесника.

Желая посмотрѣть хоть его кости, онъ просилъ указать ему мѣсто, гдѣ онѣ лежали; мѣсто было указано. Обвиняя кудесниковъ въ обманѣ, онъ нечаянно наступилъ на черепъ. Тогда оттуда выползла змѣя и ужалила его въ ногу, отчего Олегъ и скончался.

Олегъ умеръ въ 912 году и мѣсто его заступилъ Игорь. Этотъ князь былъ, какъ видно, человѣкъ слабаго характера, нелюби-

мый своею дружиною за то что предпочиталъ всѣмъ любимца своего Свѣнельда. Древляне въ его княженіе отложились отъ него, но онъ пошелъ на нихъ войною, усмирилъ ихъ и наложилъ на нихъ большую дань. Нарушивъ договоръ съ греками, онъ велъ противъ нихъ двѣ войны, изъ которыхъ первая была весьма несчатна для Игоря: онъ былъ разбитъ на сушѣ, а флотъ его истребленъ такъ называемымъ греческимъ огнемъ, такъ что самъ Игорь едва спасся съ остатками своей дружины.

Въ это время въ Европѣ появляется дикій азіатскій народъ, Печенѣги. Они заняли пространство между Ураломъ и Волгою, но вскорѣ были вытѣснены оттуда другимъ народомъ, также пришедшимъ изъ Азіи, Половцами. Тогда Печенѣги расположились кочевьями ближе къ русской землѣ. Это былъ народъ свирѣпаго вида, полудикій и кровожадный.

Игорь, желая отмстить грекамъ, заключилъ съ печенѣгами союзъ, а также призвалъ къ себѣ на помощь варяговъ. И вотъ съ огромнымъ полчищемъ онъ двинулся на грековъ, но при устьѣ Дуная его встрѣтили греческіе послы отъ Императора Романа и предложили ему подарки, вмѣстѣ съ тѣмъ имъ удалось разстроить союзъ Игоря съ печенѣгами, подкупивши послѣднихъ. Игорь взялъ подарки и заключилъ съ греками мирный договоръ. Желая взять дань съ Древлянъ, Игорь снова пошелъ на нихъ войною и осадилъ ихъ городъ Коростень. Однако походъ этотъ для него былъ слишкомъ печаленъ, озлобленные древляне умертвили его самымъ жестокимъ образомъ: они привязали его къ двумъ деревьямъ, потомъ пустили ихъ, и несчастный князь былъ разорванъ на двое. У Игоря остался сынъ Святославъ, но такъ какъ онъ былъ еще малолѣтенъ, то государствомъ стала управлять мать его Ольга, умнѣйшая изъ русскихъ государынь, прозванная въ народѣ, также какъ и Олегъ, вѣщею.

Прежде всего она задумала отмстить древлянамъ, которые уже при Игорѣ отложились и выбрали себѣ княземъ Мала. Случай помогъ ей въ этомъ. Древляне полагая, что Ольга, какъ женщина, не рѣшится мстить имъ за своего мужа, прислали къ ней пословъ, прося руки ея для своего князя. Ольга притворно согласилась и велѣла сказать посламъ, что она желаетъ, чтобъ ихъ принесли въ лодкахъ на рукахъ къ ней во дворецъ. Послы, обрадованные такою почестью, немедленно изъявили свое согласіе; но когда ихъ принесли, то бросили съ лодками въ нарочно выкопанный для того ровъ. «Хороша вамъ *почесть*,» спросила ихъ Ольга. «Намъ хуже, чѣмъ Игорю,» отвѣчали несчастные послы,— ихъ засыпали землею. Послѣ этого Ольга послала сказать древлянамъ, что тогда только пріѣдетъ къ нимъ, когда они пришлютъ къ ней людей знатныхъ, иначе кіевляне не пустятъ ее. Древляне исполнили ея просьбу и послали къ ней самыхъ знатныхъ людей. Когда послы прибыли, то Ольга велѣла натопить баню, при-

гласила туда гостей, но какъ только они туда взошли, баню тотчасъ же заперли и затѣмъ сожгли вмѣстѣ съ послами.

Но и этой местью не удовлетворилась Ольга; она послала сказать древлянамъ: теперь я иду къ вамъ, приготовьте побольше меду; я хочу справить тризну на могилѣ моего мужа. Древляне исполнили ея просьбу, и вотъ княгиня съ небольшою дружиною отправилась на могилу Игоря. На пиръ собралось нѣсколько тысячъ древлянъ. Когда ихъ напоили пьяными, то Ольга сдѣлала знакъ своей дружинѣ, и тѣ принялись убивать древлянъ, при чемъ было ихъ убито около 5,000 человѣкъ.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга собрала большое войско и отправилась на древлянъ, взявши съ собой и маленькаго Святослава. При встрѣчѣ съ древлянами, князь первый бросилъ копье. Видя это, дружина воздушевилась. «Князь началъ!» крикнули воеводы, «не отставайте отъ князя!» Древляне были разбиты и заперлись въ своемъ городѣ. Простоявъ цѣлое лѣто вокругъ города и видя что не можетѣ взять его, Ольга придумала такую хитрость: она предлагала древлянамъ сдаться, обѣщаясь не мстить, причемъ потребовала съ нихъ въ видѣ дани съ каждаго двора по три голубя и по три воробья. Когда все это было ей доставлено, она велѣла привязять къ каждой птицѣ кусочекъ сѣры, завернутой въ тряпку и зажечь, затѣмъ птицъ пустили; тѣ, конечно, полетѣли къ своимъ гнѣздамъ и зажгли городъ. Множество жителей погибло отъ огня, тѣхъ же, которые, желая спастись, выбѣгали изъ города, воины Ольги перехватыли и убивали или же забирали въ плѣнъ, такъ жестоко отмстила Ольга древлянамъ за варварское убійство своего мужа.

Какъ женщина высокаго ума, Ольга, конечно, понимала всю несостоятельность язычества, и вотъ она приняла христіанство. Въ это время въ Кіевѣ было много христіанъ и даже существовала церковь Св. Иліи. Прибывъ въ 957 году въ Константинополь, Ольга пожелала креститься, воспріемникомъ ея былъ самъ греческій Императоръ Константинъ Багрянородный. При этомъ преданіе разсказываетъ слѣдующее: Императоръ, еще до крещенія Ольги, предложилъ ей вступить съ нимъ въ бракъ. Ольга отвѣчала согласіемъ, съ тѣмъ только, чтобъ Императоръ былъ ея воспріемникомъ. Тотъ согласился, но когда, по окончаніи обряда, снова повторилъ ей свое предложеніе, та отвѣчала: «да вѣдь по закону христіанскому нельзя имѣть мужемъ крестнаго отца.» «Провела ты меня, Ольга,» замѣтилъ ей Императоръ.

Возвратившись изъ Константинополя, Ольга стала уговаривать и Святослава принять христіанство, но тотъ отказался и до конца своей жизни остался язычникомъ. Ольга старалась и о внутреннемъ управленіи своего государства: такъ между прочимъ она раздѣлила землю на участки, заботилась объ улучшеніи городовъ и вообще ей приписываютъ много полезнаго.

Ольга продолжала править даже и тогда, когда сынъ ея Святославъ выросъ и возмужалъ. Это былъ настоящій воинъ, который не любилъ сидѣть дома, жажда славы влекла его въ далекія страны, вся жизнь его прошла въ битвахъ и въ битвѣ же сложилъ онъ свою голову. Вотъ какъ лѣтописцы описываютъ Святослава: онъ велъ жизнь въ высшей степени суровую, спалъ подъ открытымъ небомъ, подстеливъ подъ себя конскій *потникъ*, а подъ голову клалъ сѣдло, въ пищу употреблялъ полусырое мясо, въ битвѣ всегда кидался первый; думая напасть на какой нибудь народъ, онъ прежде посылалъ сказать имъ: иду на васъ! Прежде всего онъ обратилъ свое оружіе противъ вятичей, платившихъ дань хозарамъ. Святославъ скоро покорилъ ихъ. Тогда хозары, не желая лишиться дани, выступили противъ Святослава, но были разбиты, и Святославъ завладѣлъ столицей ихъ Бѣлой Вѣжей; такимъ образомъ хозарское царство было окончательно разрушено. Далѣе князь обратился противъ ясовъ и косоговъ, жившихъ у подошвы кавказскихъ горъ. Былъ даже на Кубани и уже оттуда, по приглашенію греческаго императора, двинулся съ 60,000 войскомъ противъ болгаръ. Болгары были данниками греческаго императора, но не только не платили дани, а даже дѣлали частые набѣги на Грецію и раззоряли ее, почему греческій императоръ Никифоръ Фока и обратился къ нему за помощью. Святославъ скоро разбилъ ихъ, овладѣлъ городами и даже столицей ихъ Переяславцемъ на Дунаѣ, но здѣсь онъ долженъ былъ вернуться въ Кіевъ, который подвергнулся опасности со стороны печенѣговъ.

Во время отсутствія Святослава, печенѣги осадили Кіевъ и держали его въ блокадѣ. Воевода Претичъ, которому князь довѣрилъ защищать городъ во время своего отсутствія, стоялъ за Днѣпромъ, но ничего не могъ сдѣлать по малочисленности своей дружины. Положеніе Кіева быть отчаянное. Наконецъ Претичъ пустился на хитрость: двинувшись противъ печенѣговъ, онъ объявилъ имъ, что это только передовой отрядъ, а за нимъ идетъ самъ князь. Печенѣги повѣрили и отступили, но вскорѣ явился Святославъ, который и прогналъ ихъ.

Переяславецъ такъ понравился Святославу, что онъ хотѣлъ перенести туда столицу и уже сбирался оставить Кіевъ, но Ольга удержала его. «Подожди хоть моей смерти, тогда иди куда хочешь,» говорила она. Ольга умерла черезъ три дня и была похоронена по христіанскому обряду.

Послѣ смерти матери, Святославъ вскорѣ отправился въ Переяславецъ, напередъ раздѣливъ свою землю между тремя сыновьями: старшему Ярополку онъ отдалъ Кіевъ, другому Олегу—землю древлянскую, а младшему Владиміру—Новгородъ. Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Греціи измѣнилось: императоръ Никифоръ Фока погибъ и его мѣсто занялъ Іоаннъ Цимисхій. Это былъ

государь необыкновенно храбрый и замѣчательнаго ума. Онъ преобразовалъ свое войско, пріучивъ его къ тактикѣ.

Видя, что владычество Святослава надъ Болгаріей угрожаетъ его государству, онъ просилъ его оставить эту страну, но храбрый Святославъ отвѣчалъ отказомъ и напалъ на Цимисхія. При Доростолѣ (нынѣ Силистрія) произошло нѣсколько битвъ, которыя были неудачны для русскаго князя. Потерявъ большую часть дружины, раненый самъ, онъ долженъ былъ заключить миръ, по которому обязался оставить Болгарію и не тревожить Грецію.

Возвращаясь обратно, Святославъ встрѣтилъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ цѣлыя полчища печенѣговъ. Окруженный ими со всѣхъ сторонъ онъ палъ на полѣ битвы.

III.

Междоусобія сыновей Святослава. Убійство Ярополка. Княженіе Владиміра. Владиміръ язычникъ. Походъ Владиміра на Грековъ. Принятіе имъ христіанства. Крещеніе Руси. Раздѣленіе Руси на удѣлы и смерть Владиміра. Его завѣщаніе сыновьямъ.

Святославъ, какъ уже извѣстно, еще при жизни своей, раздѣлилъ Русь между тремя сыновьями. Старшій изъ нихъ Ярополкъ, княжившій въ Кіевѣ, считалъ себя великимъ княземъ, а братьевъ подвластными себѣ, но тѣ княжили совершенно самостоятельно, не признавая власти брата.

Вначалѣ отношенія между братьями были дружелюбныя, но вотъ случилось происшествіе, которое повело къ междоусобіямъ. Олегъ, князь древлянскій, убилъ на охотѣ сына воеводы Свѣнельда Люта. Отецъ, который былъ опекуномъ Ярополка, пожаловался князю, который и рѣшился наказать Олега. Между братьями произошла битва и побѣжденный Олегъ бѣжалъ въ Овручъ, но на мосту произошла свалка, и Олегъ упалъ въ воду, и былъ задавленъ навалившимися на него лошадьми. Ярополкъ раскаявался и горько плакалъ надъ трупомъ своего брата, упрекая при этомъ Свѣнельда. Древлянская область была присоединена къ кіевскому княжеству.

По понятіямъ того времени пролитая кровь требовала отмщенія. Почему какъ только новгородскій князь Владиміръ услышалъ о смерти Олега, то по совѣту своего дяди и опекуна удалился къ варягамъ. Но черезъ 3 года, собравъ большую дружину, онъ выступилъ противъ Ярополка. Ярополкъ защищался нерѣшительно, вѣроятно угнетаемый совѣстію. Одинъ изъ его любимцевъ, нѣкто Блудъ, задумавъ измѣнить ему, сталъ его уговаривать предаться въ руки брата. Не подозрѣвая измѣны, Ярополкъ исполнилъ коварный совѣтъ и жестоко поплатился за это. Владиміръ велѣлъ его умертвить. Такимъ образомъ Владиміръ соеди-

нилъ подъ своею властью всю тогдашнюю Русь и сдѣлался единодержавнымъ властителемъ.

Въ княженіе Владиміра русская земля значительно расширилась. Этотъ князь былъ человѣкъ воинственный, и первыя 8 лѣтъ его княженія прошли въ безпрерывныхъ походахъ. Походы эти были необыкновенно удачны. Такимъ образомъ Владиміръ подчинилъ своей власти вятичей, которые снова взбунтовались, овладѣлъ городомъ Перемышлемъ въ Галиціи, усмирилъ радимичей, жители Лифляндіи принуждены были платить ему дань, ходилъ противъ крымскихъ балгаръ, жившихъ на Волгѣ; еще ранѣе, передъ войною съ Ярополкомъ, онъ овладѣлъ Полоцкомъ, приказавъ умертвить полоцкаго князя Рогвольда, а дочь его Рогнѣду взялъ себѣ въ жены. Преданіе разсказываетъ, что желая отмстить за убійство своего отца, Рогнѣда хотѣла убить своего мужа, и ночью занесла уже надъ нимъ ножъ, но Владиміръ во время проснулся. Вначалѣ онъ было собственноручно хотѣлъ казнить свою супругу, но былъ удержанъ отъ этаго своимъ маленькимъ сыномъ Изяславомъ и простилъ Рогнѣду. Кромѣ этихъ войнъ онъ безпрерывно бился съ печенѣгами, которые, въ это время, дѣлали постоянные набѣги на русскую землю.

Но самымъ важнымъ дѣломъ Владиміра—это принятіе имъ христіанства и крещеніе русскаго народа. Вначалѣ Владиміръ былъ ярымъ идолопоклонникомъ: онъ строилъ языческіе храмы и даже приносилъ въ жертву людей, такъ напримѣръ послѣ завоеванія Галиціи, онъ задумалъ принести богамъ жертву; выборъ палъ на сына одного варяга—христіанина. Отецъ, защищая своего сына, началъ порицать языческихъ боговъ; раздраженный народъ умертвилъ ихъ обоихъ.

Задумавъ перемѣнить вѣру, Владиміръ долго не зналъ, какую бы ему избрать. Лѣтописецъ Несторъ разсказываетъ, что къ нему приходили послы изъ разныхъ земель и каждый, конечно, представлялъ свою религію истинною. Когда пришли магометане, то Владиміръ, разспросивъ ихъ, сказалъ имъ, что многоженство, допускаемое ихъ вѣрой, ему очень нравится, но запрещеніе вина не согласно съ обычаями русскаго народа, потому что пити есть веселіе Руси. «Не можемъ мы безъ того быть.» Евреевъ онъ спросилъ: «гдѣ ваша родина?» «Іерусалимъ,» отвѣчали тѣ. «Почему жъ вы не тамъ живете?» «А потому, что Богъ разгнѣвался на насъ и разсѣялъ насъ по всей землѣ.» «Боюсь чтобъ и съ нами не случилось того же,» сказалъ имъ Владиміръ и отпустилъ ихъ. Греческая вѣра болѣе всѣхъ другихъ понравилась Владиміру. Разсказываютъ, что когда греческій посолъ показалъ ему картину страшнаго суда, Владиміръ, объятый ужасомъ, воскликнулъ: «благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!» «Крестись,» отвѣчалъ ему тотъ, «и будешь спасенъ.»

Созвавъ значительнѣйшихъ бояръ, Владиміръ сказалъ имъ,

что приходили къ нему разные народы и всякъ выхвалялъ свою вѣру, но что ему болѣе другихъ понравилась вѣра греческая. «Пошли, князь, людей толковыхъ испытать, чья вѣра лучше,» отвѣчали ему бояре, «вѣдь извѣстно, что всякъ будетъ хвалить свое.»

Владиміръ послушался совѣта и отправилъ десять пословъ въ разныя земли. Когда послы прибыли въ Грецію, то императоры Василій и Константинъ, узнавъ цѣль ихъ прибытія, велѣли патріарху совершить торжественную службу. Русскіе были поражены великолѣпіемъ греческой службы и говорили, что не знаютъ гдѣ они находятся—на небѣ или на землѣ. По возвращеніи въ Кіевъ, послы съ восторгомъ отзывались о греческой вѣрѣ, и вотъ Владиміръ рѣшился принять ее.

Вскорѣ послѣ этаго событія Владиміръ осадилъ греческій городъ Корсунь. Не смотря на храбрую защиту, жители однако принуждены были сдаться. Разсказываютъ, что Владиміръ взялъ городъ при помощи одного грека, по имени Анастаса, который бросилъ въ русскій станъ стрѣлу съ запискою, гдѣ говорилось, что на востокъ есть подземные колодцы и совѣтовалось русскимъ перекопать ихъ. Когда Владиміръ, послушавшись этаго совѣта, *перенялъ* воду, то жители, лишившись воды, сдались. Взявши городъ, Владиміръ отправилъ пословъ къ греческимъ императорамъ, онъ требовалъ въ замужество себѣ ихъ сестру Анну, въ случаѣ же отказа, грозилъ имъ войною. Императоры отвѣчали, что христіанка не можетъ быть женою язычника. Владиміръ велѣлъ сказать имъ, что онъ готовъ креститься. Уговоривши сестру, братья отправили ее, вмѣстѣ со священниками, къ Владиміру. Преданіе говоритъ, что въ это время Владиміръ заболѣлъ и ослѣпъ. Анна, прибывши въ Корсунь уговорила его тотчасъ же креститься и по окончаніи обряда Владиміръ прозрѣлъ. «Наконецъ-то я узналъ Бога истиннаго» воскликнулъ Владиміръ съ восторгомъ.

Вернувшись въ Кіевъ, Владиміръ вскорѣ приступилъ къ крещенію русскаго народа. Прежде всего онъ окрестилъ своихъ сыновей и приближенныхъ, затѣмъ велѣлъ жечь и рубить идоловъ, а главнаго изъ нихъ, Перуна, привязали къ лошадиному хвосту и бросили въ Днѣпръ. Огорченный народъ бѣжалъ за своимъ богомъ, проливая слезы и кричалъ: выдыбай, выдыбай, боже! Но однакоже сопротивленія со стороны народа не было. Греческіе священники и митрополитъ проповѣдывали народу ученіе Христа.

Наконецъ, въ назначенный день и часъ, князь приказалъ всему народу собраться на берегу Днѣпра, куда явился и самъ, вмѣстѣ съ супругою и священниками. Весь народъ погрузился въ воду и надъ ними было совершено св. крещеніе—это было въ 988 году.

Вскорѣ были посланы священники по всѣмъ городамъ русскимъ крестить народъ. Такъ произошло это великое событіе.

Крестивши народъ русскій, Владиміръ сталъ заботиться объ устроеніи храмовъ. Еще прежде, окрестившись самъ, онъ построилъ церковь въ завоеванномъ имъ Корсунѣ, который возвратилъ императорамъ.

Сдѣлавшись христіаниномъ Владиміръ совершенно перемѣнился. Изъ прежняго неукротимаго и часто жестокаго человѣка, онъ сдѣлался добрымъ и милостивымъ до того, что даже не хотѣлъ казнить смертью и злодѣевъ, бѣдные всегда могли приходить къ нему на дворъ, гдѣ имъ изъ казны выдавались деньги, по улицамъ онъ велѣлъ развозить хлѣбъ, мясо, рыбу и другіе припасы для тѣхъ изъ бѣдняковъ, которые по болѣзни не могли добраться до двора его. И народъ полюбилъ добраго князя; онъ прозвалъ его Владиміръ—Красное-Солнышко. Неутомимо заботясь о распространеніи христіанства, онъ вызывалъ изъ Греціи священниковъ и художниковъ для устроенія храмовъ, постройка которыхъ шла весьма быстро; нѣкоторыя изъ церквей отличались замѣчательнымъ великолѣпіемъ, какъ напримѣръ Десятинная въ Кіевѣ, построенная на мѣстѣ погибшихъ мученическою смертью варяговъ. Князь также заботился и о просвѣщеніи своего народа, повелѣвъ учить мальчиковъ грамотѣ.

Владиміръ очень часто задавалъ большіе пиры своей дружинѣ, столъ его постоянно былъ уставленъ разными кушаньями, такъ что всякій изъ дружинниковъ могъ приходить и ѣсть, даже когда самого Владиміра и не было въ Кіевѣ. Разсказываютъ, что однажды дружина возроптала на него за то, что князь заставляетъ ихъ ѣсть деревянными ложками, тогда Владиміръ приказалъ сдѣлать серебряныя, говоря: «серебромъ и золотомъ не добудешь вѣрной дружины, а съ нею добуду много серебра и золота.» Долго еще послѣ смерти его народъ вспоминалъ о пирахъ любимаго своего князя Красное-Солнышко.

Для безопасности жителей южной руси отъ набѣговъ печенѣговъ, князь основалъ множество городовъ по рѣкамъ Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ.

По принятіи христіанства, Владиміръ уже не предпринималъ тѣхъ хищническихъ набѣговъ, которые онъ такъ любилъ, будучи язычникомъ, однако жъ онъ долженъ былъ защищать Русь отъ грабежей дикихъ ордъ хорватовъ и печенѣговъ, которыя часто нападали и грабили государство. Война его съ хорватами окончилась удачно. Заключивъ съ ними выгодный миръ, князь узнаетъ о нападеніи печенѣговъ на кіевскую область. Немедленно поспѣшилъ онъ на помощь и встрѣтилъ печенѣговъ на берегахъ рѣки Трубежа. Лѣтописецъ разсказываетъ, что князь печенѣжскій вызвалъ Владиміра и сказалъ ему: «пусть съ нашей стороны, а также и съ вашей выйдетъ богатырь и если ваша сторона

одолѣетъ, то мы не будемъ воевать съ вами три года, а если наша, то мы будемъ три года опустошать вашу землю.» Владиміръ согласился и велѣлъ кликнуть кличъ къ народу, не найдется ли кто изъ русскихъ сразиться съ печенѣгомъ, но никто не находился, потому что печенѣжскій богатырь былъ громаднаго роста. Князь опечалился. Тогда подошелъ къ нему старикъ и сказалъ: я вышелъ въ поле съ четырьмя сыновьями, а меньшій остался дома. До сихъ поръ никто не могъ одолѣть его. Однажды, разсердившись на меня, онъ разорвалъ на двое толстую воловью кожу. Обрадованный князь тотчасъ же велѣлъ послать за нимъ, и когда тотъ явился, то для опыта потребовалъ привести дикаго быка. Быка раздражили, прикоснувшись къ нему раскаленнымъ желѣзомъ и когда онъ, разъяренный, бѣжалъ мимо юноши, тотъ одной рукой вырвалъ у него изъ боку клокъ мяса. На другой день русскій богатырь схватился съ печенѣжскимъ. Великанъ, увидя своего противника, который былъ небольшаго роста, засмѣялся. Но однако русскій такъ крѣпко сжалъ его, что тотъ мертвымъ повалился на землю. Обрадованные русскіе бросились на печенѣговъ, и тѣ едва успѣли спастись бѣгствомъ. Печенѣги и послѣ этаго еще не переставали опустошать русскую землю, но Владиміръ всегда успѣвалъ отражать ихъ.

Вскорѣ, послѣ принятія христіанства, Владиміръ раздѣлилъ свое государство между сыновьями и далъ имъ въ совѣтники опытныхъ людей. Онъ скончался въ 1015 году, испытавъ на старости лѣтъ большое огорченіе: сынъ его Ярославъ, князь новгородскій, отказался платить ему дань, которую обыкновенно платили всѣ намѣстники новгородскіе, и объявилъ себя независимымъ княземъ. Тогда Владиміръ, собравши войско, собирался наказать непокорнаго сына. Между тѣмъ Ярославъ, призвавъ варяговъ, готовился выступить противъ отца. Къ счастію до кровопролитія не дошло, такъ какъ Владиміръ заболѣлъ и скончался.

IV

Междоусобіе князей послѣ смерти Владиміра. Святополкъ окаянный. Убійство князей. Борьба Ярослава съ Святополкомъ. Княженіе Ярослава.

Владиміръ, какъ извѣстно, еще при жизни своей, раздѣлилъ Русь на 12 удѣловъ. Такой порядокъ государственнаго устройства не предвѣщалъ ничего хорошаго, въ особенности потому, что въ числѣ удѣльныхъ князей былъ Святополкъ, сынъ умерщвленнаго Ярополка, котораго Владиміръ усыновилъ. Онъ никогда не могъ забыть убійства своего отца, а такъ какъ по понятіямъ того времени пролитая кровь требовала отмщенія, то нельзя было ожидать, чтобы племянникъ Владиміра могъ жить въ мирѣ съ его сыновьями. Съ другой стороны подобное раздѣленіе государства

могло породить споры даже и между родными братьями, а слѣдовательно повести къ междоусобіямъ. Дѣйствителано такъ оно и случилось.

Святополкъ объявилъ себя великимъ княземъ и, горя желаніемъ отмстить за смерть отца, приглашалъ братьевъ отъ имени умирающаго Владиміра въ Кіевъ, говоря, что будто отецъ ихъ желаетъ передъ смертью съ ними проститься. Трое изъ князей Борисъ, князь Муромскій, Глѣбъ, князь Древлянскій и Святославъ Владимірскій отнеслись съ довѣріемъ къ словамъ Святополка и отправились въ Кіевъ, но дорогой были умерщвлены тайными убійцами. Князь же новгородскій Ярославъ былъ предупрежденъ своей сестрой Преславою объ опасности, почему онъ и избѣгнулъ участи своихъ братьевъ. Узнавъ объ убіеніи братьевъ, Ярославъ набралъ дружину изъ новгородцевъ и варяговъ, двинулся къ Кіеву, встрѣтилъ Святополка на берегахъ Днѣпра и разбилъ его на голову. Святополкъ бѣжалъ къ своему тестю Польскому королю Болеславу храброму и съ помощію его разбилъ Ярослава на берегахъ Буга и овладѣлъ Кіевомъ; Ярославъ убѣжалъ въ Новгородъ. Между тѣмъ Святополкъ разсорился съ своимъ тестемъ королемъ Болеславомъ, вслѣдствіе чего тотъ оставилъ его въ Кіевѣ, а самъ ушелъ въ Польшу. Страшась Ярослава, Святолкъ убѣжалъ къ Печенѣгамъ и съ огромными полчищами двинулся къ Кіеву, но Ярославъ, встрѣтивъ его при рѣкѣ Альтѣ, разбилъ окончательно. Самъ Святополкъ, прозванный окаяннымъ, бѣжалъ неизвѣстно куда и пропалъ безъ вѣсти. Ярославъ сталъ господствовать въ Кіевѣ, подъ его же властью находился Новгородъ и земли убитыхъ Святополкомъ князей. Брячиславъ, князь Полоцкій, племянникъ Ярослава, завидуя могуществу своего дяди, вторгся въ Новгородъ и разграбилъ его. По усмиреніи Брячислава, Ярославу пришлось бороться съ болѣе могущественнымъ врагомъ—это съ Мстиславомъ, княземъ Тмутороканскимъ. Борьба однакожъ кончилась миромъ между обоими князьями, а послѣ смерти Мстислава, который умеръ бездѣтнымъ, вся русская земля перешла во власть Ярослава, который и правилъ всею Русью въ предолженіе 35 лѣтъ самодержавно.

Правленіе Ярослава, котораго исторія назвала мудрымъ, было въ высшей степени благодѣтельно для Россіи. Это былъ государь миролюбивый и если воевалъ, то по необходимости. Главное его вниманіе было устремлено на внутреннее развитіе государства. Онъ былъ первымъ законодателемъ русской земли, собравъ въ одну книгу правила и обычаи народа; этотъ сводъ былъ названъ имъ «Русской Правдой.» Желая образовать духовенство, онъ учредилъ въ Новгородѣ школу для 300 мальчиковъ, сыновей духовныхъ лицъ, самъ переводилъ и списывалъ божественныя книги, строилъ церкви. Въ особенности замѣчательна его тактика касательно отношеній между русской и греческой цер-

ковью. Не желая, чтобъ русскіе священники и епископы находились въ такой же зависимости отъ греческаго патріарха, въ какой находятся католики отъ папы, онъ самъ утвердилъ Иларіона кіевскимъ митрополитомъ, который былъ избранъ русскими епископами; вообще въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно; русскому духовенству Ярославъ далъ различныя права и льготы, возвысивъ его въ глазахъ народа.

Во внѣшнихъ дѣлалъ онъ дѣйствовалъ какъ государь мудрый. Ярославъ не искалъ завоеваній, но за то всегда готовъ былъ защитить каждый клокъ своего государства.

Уважая права сосѣднихъ государей, онъ также требовалъ уваженія и къ своему собственному достоинству: такъ когда греки оскорбили однаго знатнаго русскаго, онъ немедленно объявилъ войну греческому императору Константину Мономаху и кончилъ ее, заключивъ почетный миръ. Какъ дальновидный политикъ, онъ искалъ сношеній съ западными государствами; насколько сношенія эти были тѣсны, доказываетъ то, что одна изъ дочерей его Елизавета была замужемъ за Гаральдомъ, принцемъ Норвежскимъ, другая Анна за Генрихомъ I, королемъ французскимъ, Анастасія за Андреемъ I, королемъ Венгерскимъ и наконецъ сестра Марія за Польскимъ королемъ Казимиромъ I. Сыновья Ярослава также женились но иностранныхъ принцессахъ. Это доказываетъ, что и въ то отдаленное отъ насъ время, Россія имѣла тѣсное сношеніе съ Европою, благодаря мудрости своего государя.

Изъ внутреннихъ войнъ Ярослава заслуживаютъ вниманія походы его противъ печенѣговъ, которыхъ онъ такъ ослабилъ, что съ тѣхъ поръони уже не смѣли тревожить русскаго государства. Для защиты Россіи отъ варваровъ, онъ построилъ много городовъ, изъ числа которыхъ замѣчателенъ Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ.)

Наконецъ, однимъ изъ важныхъ дѣлъ Ярослава было возвращеніе всѣхъ червенскихъ городовъ, которые были захвачены польскимъ королемъ Болеславомъ храбрымъ еще въ то время, когда онъ разсорясь съ своимъ зятемъ Святополкомъ—окаяннымъ,уходилъ въ Польшу. По дорогѣ онъ и захватилъ всѣ червенскіе города. Но сынъ его Мечиславъ, человѣкъ слабаго ума, не могъ помѣшать русскимъ возвратить города обратно. Ярославъ, соединившись съ братомъ своимъ Мстиславомъ—Удалымъ, княземъ Тмутораканскимъ, разбилъ польское войско и снова возвратилъ Россіи всѣ червенскіе города; затѣмъ вторгнулся въ самую Польшу, гдѣ освободилъ множество русскихъ плѣнныхъ. Состарѣвшись Ярославъ все таки не переставалъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Не задолго до смерти онъ созвалъ въ Кіевѣ епископовъ и велѣлъ посвятить въ митрополита Иларіона, котораго уважалъ за его достоинства, чѣмъ доказалъ свою полную независимость отъ греческаго патріарха. Ярославъ положилъ на-

чало удѣльному праву, раздѣливъ государство между пятью сыновьями; онъ одного изъ нихъ назначилъ великимъ княземъ, которому всѣ остальные должны были повиноваться, какъ своему государю. Великій Князь имѣлъ право суда надо всѣми остальными князьями, онъ разрѣшалъ ихъ споры, и рѣшенію его князья должны были безпрекословно подчиняться. Ярославъ думалъ этимъ предотвратить междоусобія, такъ какъ онъ видѣлъ, насколько страдала отъ этого Россія, поэтому онъ и назначилъ верховнаго начальника въ лицѣ Великаго Князя, но и самый мудрый человѣкъ можетъ ошибаться и, какъ мы увидимъ послѣ, междоусобія не только не прекратились, но продолжались съ большею силою, ослабили Россію и довели ее до ига монгольскаго. Государство свое Ярославъ раздѣлилъ такимъ образомъ: старшему сыну Изяславу отдалъ Кіевъ, Святославъ получилъ Черниговъ, Всеволодъ Переяславль, Вячеславъ Смоленскъ и Игорю Владиміръ—Волынскій. Умирая Ярославъ призвалъ къ себѣ сыновей и убѣждалъ ихъ жить между собою въ мирѣ, почитать и слушаться старшаго брата, какъ бы его самого. Скончался онъ въ Вышгородѣ въ 1054 году, поручивъ предъ смертью похоронить его въ Кіевѣ, въ Софійской церкви, которая была имъ же и основана.

V

Удѣльная система.

а) Борьба дядей съ племянниками.

Раздѣливъ свое государство между пятью сыновьями, Ярославъ ничего не далъ своимъ внукамъ, которыхъ у него было двое: Ростиславъ, сынъ умершаго старшаго сына Ярослава Владиміра, и Всеславъ, сынъ извѣстнаго Брячислава, князя полоцкаго. Обидѣвъ внуковъ, Ярославъ, конечно не предвидѣлъ, что это послужитъ главнымъ поводомъ къ междоусобіямъ, а между тѣмъ иначе не могло и быть, и вотъ, вскорѣ по смерти Ярослава, начинается вражда старшихъ поколѣній, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ Ярославичей, съ младшими поколѣніями. Это былъ первый періодъ междоусобія русскихъ князей. Вообще время удѣловъ есть одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ русской исторіи: вмѣсто того, чтобъ бороться и отражать внѣшнихъ враговъ, русскіе князья принялись истреблять другъ друга, анархія была ужасная, постоянныявойны князей между собою, вражда ихъ, такъ ослабила Россію, что когда появились дикія орды монголовъ, страна уже не могла представить твердаго сопротивленія; однимъ словомъ эта распря князей привела Россію къ двухсотлѣтнему рабству.

Десять лѣтъ послѣ смерти Ярослава, дяди и племянники жили мирно и Россія наслаждалась внутреннимъ спокойствіемъ; князья вооружались только лишь противъ *внѣшнихъ* враговъ. Въ это время въ Россіи появился новый страшный народъ—половцы, единоплеменный съ печенѣгами. Вторгнувшись въ Европу, половцы вытѣснили печенѣговъ, кочевавшихъ тогда въ нынѣшней юговосточной Россіи, затѣмъ двинулись на Переяславль, гдѣ княжилъ Всеволодъ; разграбивъ страну и побѣдивъ Всеволода, они съ богатой добычей вернулись къ Дону. Нравы этаго народа были совершенно дикіе; грабежъ почитался дѣломъ обыкновеннымъ; жили они въ шатрахъ; пищею имъ служимо кобылье молоко, сырое мясо и даже кровь животныхъ.

Вмѣсто того чтобъ общими силами соединиться и прогнать страшнаго врага, русскіе князья сами обращались къ половцамъ за помощью, и Россія, раздираемая междоусобіями, должна была еще выносить нашествіе варваровъ. Черниговскіе князья чаще всего обращались къ половцамъ, и тѣ всегда пользовались случаемъ грабить и разорять русское государство. Лѣтописцы разсказываютъ, что предъ этими великими бѣдствіями Россіи появились многія знаменія и явленія.

Внукъ Ярослава, Ростиславъ, первый нарушилъ миръ. Живя въ Новгородѣ, онъ собралъ тамъ дружину и напалъ на Тмуторокань, гдѣ княжилъ сынъ Святослава, Глѣбъ Святославичъ, изгналъ князя и овладѣлъ городомъ. Отецъ Глѣба, Святославъ, поспѣшилъ на помощь сыну. Ростиславъ однако возвратилъ городъ безъ сопротивленія, но когда Святославъ удалился, онъ снова занялъ городъ, но не долго тамъ прожилъ, такъ какъ былъ отравленъ убійцей, подосланнымъ греками, которые опасались воинственнаго и отважнаго Ростислава. Этотъ князь, говоритъ лѣтописецъ Несторъ, былъ храбръ, добръ и великодушенъ, такъ что потеря его была большимъ несчастіемъ для Россіи; онъ болѣе всѣхъ способенъ былъ управлять русскимъ государствомъ.

Другой племянникъ Ярослава, Всеславъ, человѣкъ вѣроломный, злаго характера, считая себя прямымъ наслѣдникомъ великокняжескаго престола, овладѣлъ Новгородомъ, разграбилъ его, похитивъ даже всѣ драгоцѣнности въ Софійской церкви и съ награбленнымъ имуществомъ ушолъ въ княжество полоцкое. Тогда Ярославичи соединились, взяли Минскъ, и самого князя заманили къ себѣ хитростію, но какъ только онъ явился въ шатеръ великаго князя, какъ былъ схваченъ и заключенъ въ темницу вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Между тѣмъ половцы не переставали грабить и разорять Россію. Ярославичи, соединившись вмѣстѣ, пошли противъ общаго врага, но на берегахъ рѣки Альты были окончательно разбиты половцами. Великій князь Изяславъ и братъ его Всеволодъ убѣжали въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Кіевляне, стыдясь своего пораженія, стали требовать у князя

оружія, но, получивъ отказъ, взбунтовались, освободили изъ темницы Всеслава, котораго народъ и объявилъ великимъ княземъ. Изяславъ дѣйствовалъ нерѣшительно и, узнавъ объ избраніи Всеслава, бѣжалъ изъ Кіева вмѣстѣ съ братомъ своимъ Святославомъ. Народъ разграбилъ домъ его, захвативъ всѣ драгоцѣнности.

Изяславъ прибылъ въ Польшу къ двоюродному брату своему польскому королю Болеславу II и просилъ у него помощи. Болеславъ гостепріимно принялъ Изяслава и охотно согласился помогать ему, далъ войско и Изяславъ двинулся на Кіевъ. Всеславъ, хотя и выступилъ съ войскомъ противъ Изяслава, но, не довѣряя своимъ подданнымъ, тайно убѣжалъ въ Полоцкъ. Тогда между кіевлянами и великимъ княземъ произошли переговоры. Опасаясь мести Изяслава, кіевляне объявили ему, что пустятъ его въ городъ лишь съ небольшой свитой. Великій князь торжественно обѣщался быть милосерднымъ и послалъ въ городъ сына своего Мстислава. Жестокій Мстиславъ нарушилъ договоръ и казнилъ множество гражданъ. Изяславъ въѣхалъ въ городъ вмѣстѣ съ Болеславомъ, который однако же не долго оставался въ Кіевѣ и удалился въ Польшу.

Изяславъ, снова занявъ престолъ кіевскій, прежде всего задумалъ отомстить врагу своему Всеславу, князю полоцкому, отъ котораго претерпѣлъ столько бѣдствій. Собравъ большую дружину, онъ осадилъ Полоцкъ и взялъ его, посадивъ тамъ сына своего Мстислава, того самаго который такъ вѣроломно поступилъ съ кіевлянами; но неутомимый Всеславъ, собравъ войско осадилъ Новгородъ. Однако же новгородцы разбили его и Всеславъ бѣжалъ въ Полоцкъ, былъ снова разбитъ третьимъ сыномъ Изяслава Ярополкомъ; не смотря на это, ему все таки удалось удержать за собою Полоцкъ.

VI.

в) Борьба Ярославичей между собой. Смерть Изяслава. Княженіе Всеволода.

Два сына Ярослава, Игорь, князь владимірскій и Вячеславъ, Смоленскій, умерли; слѣдовательно изъ Ярославичей остались только трое: Изяславъ, Великій князь кіевскій, Святославъ, князь черниговскій и Всеволодъ, переяславскій. Вскорѣ между ними возникла междоусобица, не давши Руси вздохнуть отъ прежнихъ.

Во время отсутствія Изяслава, Святославъ, князь черниговскій, завладѣлъ Новгородомъ и даже грозилъ отнять у него и Кіевъ, что дѣйствительно и исполнилъ. Соединившись съ Всеволодомъ переяславскимъ, котораго увѣрилъ будто великій князь сговорился противъ нихъ съ княземъ полоцкимъ, они выступили противъ Изяслава. Изяславъ, захвативъ большія сокровища,

бѣжалъ изъ Кіева въ Польшу, надѣясь своими богатствами расположить къ себѣ польскаго короля Болеслава II, но тотъ принялъ его холодно и въ помощи отказалъ. Несчастный Изяславъ бѣжалъ въ Германію и былъ представленъ императору Генриху IV, которому предложилъ подарки. Прося помощи у императора, Изяславъ обязывался подчинить ему русскую державу. Генрихъ принялъ въ немъ участіе и отправилъ посла къ Святославу, который овладѣлъ Кіевомъ. Императоръ угрожалъ войною, въ случаѣ если русскіе князья не возвратятъ престола законному его государю.

Святославъ принялъ пословъ весьма дружелюбно и отправилъ съ ними къ императору богатые подарки. Генрихъ, какъ бы подкупленный этими подарками, да наконецъ и не имѣя возможности воевать съ русскими, такъ какъ самъ находился въ затруднительномъ положеніи, ограничился однимъ только увѣщаніемъ.

Видя, что въ Германіи ничего не подѣлаешь, Изяславъ обратился къ Папѣ, обязуясь признать его своимъ главою. На престолѣ св. Петра сидѣлъ въ это время знаменитый Григорій VII. Папа обѣщался ему помочь и отправилъ къ Святославу буллу такого содержанія: «Григорій епископъ, слуга слугъ Божіихъ, Димитрію, князю Россіянъ, (прежде русскіе князья носили два имени—одно языческое, другое христіанское), и княгинѣ, супругѣ его, желаетъ здравія и посылаетъ Апостольское благословеніе.

Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣста Рима, смиренно молилъ насъ, чтобъ мы властію св. Петра утвердили его на княженіи, и далъ присягу быть вѣрнымъ главѣ апостоловъ. Мы исполнили сію благую волю—согласную съ вашею, какъ онъ свидѣтельствуетъ—поручили ему кормило государства россійскаго именемъ верховнаго апостола, съ тѣмъ намѣреніемъ и желаніемъ, чтобы св. Петръ сохранилъ ваше здравіе, княженіе и благое достояніе до кончины живота, и сдѣлалъ васъ нѣкогда сопричастникомъ славы вѣчныя. Желая также изъявить готовность къ дальнѣйшимъ услугамъ, довѣряемъ симъ посламъ,—изъ коихъ *одинъ вамъ* извѣстенъ и *другъ вѣрный* — изустно переговорить съ вами о всемъ, что есть и чего нѣтъ въ письмѣ. Пріимите ихъ съ любовію, какъ пословъ св. Петра; благосклонно выслушайте и несомнѣнно вѣрьте тому, что они предложатъ вамъ отъ имени нашего и пр.

Всемогущій Богъ да озаритъ сердца ваши и да преведетъ васъ отъ благъ временныхъ ко славѣ вѣчной. Писано въ Римѣ, 15 мая, Индикта XIII,» то есть, въ 1075 году.

Заступничество папы не имѣло никакого успѣха. И только случай помогъ Изяславу снова занять кіевскій престолъ. Святославъ умеръ и его мѣсто занялъ Всеволодъ. Изяславъ, собравши нѣсколько тысячъ поляковъ, пошелъ на Кіевъ, но Всеволодъ добровольно передалъ ему престолъ и братья примирились.

Изяславъ и Всеволодъ раздѣлили русскую землю между со-

бою на двѣ половины. Всеволодъ получилъ княжество Черниговское, а сыну его Владиміру отданъ Смоленскъ.

Отъ умершихъ троихъ братьевъ Вячеслава, Святослава и Игоря остались дѣти, а именно князья Олегъ и Романъ сыновья Святослава, Борисъ Вячеславовичъ и Давидъ Игоревичъ. Раздѣливъ русскую землю, Изяславъ и Всеволодъ не дали удѣловъ своимъ племянникамъ,—это подало поводъ къ новому междоусобію.

Олегъ по волѣ дядей долженъ былъ жить въ Черниговѣ, и не смотря на хорошее обращеніе съ нимъ, онъ бѣжалъ въ Тмуторокань, и тамъ, сговорившись съ Борисомъ, они няняли огромныя полчища половцевъ и съ этой ордою вступили въ Черниговское княжество, разбили Всеволода, который бѣжалъ въ Кіевъ къ брату великому князю Изяславу, и былъ имъ принятъ съ чисто братскимъ радушіемъ.

Изяславъ немедленно собралъ войско, чтобъ наказать дерзскихъ племянниковъ; сынъ Всеволода Владиміръ также шелъ на помощь къ своему отцу изъ Смоленска. — Взявши приступомъ Черниговъ, они встрѣтили войско Олега и Бориса. Близъ Чернигова произошла жестокая битва, въ которой пали предводители обѣихъ сторонъ Изяславъ и Борисъ, но войска Изяслава побѣдили и Олегъ обратился въ бѣгство. Такимъ образомъ великимъ княземъ долженъ былъ сдѣлаться послѣдній изъ Ярославичей Всеволодъ. Тѣло Изяслава было привезено въ Кіевъ и народъ съ плачемъ провожалъ его гробъ. Изяславъ былъ государь добрый, хотя и малодушный; онъ нисколько не учавствовалъ въ жестокостяхъ своего сына, Мстислава; онъ первый изъ русскихъ князей уничтожилъ смертную казнь, опредѣливъ вмѣсто нея денежную пеню. Изъ внѣшнихъ дѣлъ Изяслава особенно заслуживаетъ вниманія сношеніе его съ Греціей, которой онъ часто оказывалъ поддержку своими войсками, въ которыхъ Греція, начинавшая тогда уже разлагаться, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, сильно нуждалась.

По обычаю того времени, престолъ великокняжескій доставался не сыну умершаго государя, а старшему въ родѣ, почему, по смерти Изяслава, великимъ княземъ сдѣлался Всеволодъ.

Правленіе Всеволода было весьма несчастливо. Онъ, какъ и Изяславъ былъ государь весьма добродушный и человѣколюбивый, но весьма слабохарактерный, между тѣмъ какъ при тогдашнемъ состояніи государства, постоянныхъ смутахъ и волненіяхъ, требовалась рука твердая и сильная, которая могла бы обуздывать безпокойныхъ князей. Самъ Всеволодъ сознавалъ, что онъ, не въ состояніи сохранить великокняжеское достоинство и часто сожалѣлъ о томъ времени, когда онъ былъ удѣльнымъ княземъ. Междоусобія при немъ продолжались безпрерывно, но кромѣ этого государство постигло другое бѣдствіе: въ 1092 году настали страшные жары, вслѣдствіе засухи произошелъ неурожай,

затѣмъ насталъ страшный голодъ, появились болѣзни, народъ умиралъ тысячами; въ довершеніе всего половцы возобновили свои набѣги, безпрепятственно грабили и сожигали русскіе села и даже города—печальное то было время!

Сдѣлавшись великимъ княземъ, Всеволодъ утвердилъ дѣтей Изяслава въ тѣхъ удѣлахъ, которые имъ назначилъ отецъ, сыну же своему Владиміру отдалъ въ удѣлъ Черниговъ. Изяславъ оставилъ двухъ сыновей: Святополкъ, княжившій въ Новгородѣ и Ярополкъ, князь владимірскій. Эти князья, не смотря на то, что дядя подтвердилъ ихъ права на удѣлы и относился къ нимъ съ отеческою заботливостью, все таки были имъ недовольны и вооружались противъ него. Ярополкъ, впрочемъ, былъ жестоко наказанъ за свое вѣроломство. Измѣнивъ своему дядѣ, онъ былъ настигнутъ Владиміромъ, сыномъ Всеволода, и бѣжалъ въ Польшу. Вскорѣ онъ раскаялся и испросилъ прощенія у дяди, который не только простилъ его великодушно, но еще возвратилъ ему прежній удѣлъ. Ярополкъ однако не доѣхалъ до мѣста своего княженія—Владиміра, а былъ убитъ на дорогѣ своимъ слугою. Добродушный Всеволодъ оплакалъ своего племянника.

Извѣстный Всеславъ, князь Полоцкій, осадилъ Смоленскъ и сжегъ его. Сынъ великаго князя Владиміръ, знаменитый въ послѣдствіи и прозванный Маномахомъ, поспѣшилъ на помощь Смоленску, но нашелъ тамъ однѣ только развалины. Въ отмщеніе за это онъ бросился въ полоцкое княжество, опустошилъ его и взялъ Минскъ. Только одинъ Маномахъ своимъ умомъ, храбростью, побѣдами и могъ поддерживать престолъ своего отца.

Половцы постоянно опустошали русскую землю въ княженіе Всеволода, но всегда были разбиваемы мужественнымъ Владиміромъ. Романъ, сынъ Святослава, желая отмстить за падшаго въ битвѣ брата своего Бориса, нанялъ половцевъ и напалъ на Всеволода; однако половцы ему измѣнили и заключили съ великимъ княземъ миръ; самого же Романа умертвили дорогой.

Итакъ Всеволодъ въ душѣ миролюбивый и мягкаго характера все время своего великокняженія принужденъ былъ вести постоянныя войны.

Кромѣ описанныхъ уже войнъ, Всеволодъ долженъ былъ бороться съ ростиславичами, т. е. сыновьями Ростислава, но они были усмирены Владиміромъ; наконецъ болгары, жившіе на берегахъ рѣки Камы, захватили городъ Муромъ, который однако же скоро былъ у нихъ отнятъ.

Старость, постоянныя войны — все это сильно ослабило великаго князя. Онъ пересталъ заниматься государственными дѣлами, пересталъ самъ творить судъ и расправу, какъ это было въ обычаяхъ того времени, а предоставилъ все это своимъ любимцамъ, отчего происходили несправедливости и притѣсненія; народъ ропталъ, но Всеволодъ былъ уже глухъ къ этому ропоту,—

несчастія сломили его окончательно. Онъ умеръ въ 1093 году, оставивъ двухъ сыновей: даровитаго Владиміра и Ростислава.

VII.

Княженіе Святополка. Борьба съ половцами. Междоусобія князей. Съѣздъ въ Любечѣ.

Со смертію Всеволода старшая линія Ярослава прекратилась. Государство должно было распредѣлиться между его внуками. Титулъ великаго князя былъ предоставленъ Святополку, сыну Изяслава, хотя умный Владиміръ и могъ бы занять престолъ великокняжескій, но онъ съ благородствомъ и не желая междоусобій уступилъ его старшему въ родѣ. Этотъ князь горячо любилъ отечество и не разъ уже жертвовалъ своимъ самолюбіемъ для пользы государства.

Половцы снова напали на русскую землю, но уже по винѣ великаго князя. Святополкъ былъ человѣкъ въ высшей степени коварный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и легкомысленный. Половцы прислали къ нему пословъ съ мирными предложеніями, но великій князь приказалъ ихъ бросить въ темницу, и вотъ возгорѣлась война. Половцы напавъ на его область, жестоко разоряли ее. Устрашенный князь обратился къ нимъ съ предложеніями о мирѣ, но варвары уже не соглашались. Великій князь, по совѣту бояръ, обратился къ Владимиру, который княжилъ въ Черниговѣ. Владиміръ не замедлилъ придти на помощь вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ростиславомъ. Между тѣмъ громадныя полчища половцевъ осаждали городъ Торческъ. Войско русское значительно уступало въ числѣ непріятельскому. Мудрый Владиміръ видѣлъ, что побѣда не возможна, почему и предлагалъ уладить дѣло миромъ, но совѣта его не послушали и жестоко поплатились за это. Половцы, стремительнымъ натискомъ заставили русскихъ отступить, при этомъ множество русскихъ погибло отъ руки непріятеля, большинство утонуло въ рѣкѣ, въ числѣ послѣднихъ находился и братъ Владиміра, Ростиславъ. Торческъ принужденъ сдаться и былъ сожженъ, и жители уведены въ неволю.

Русскіе князья, не смотря на опасность, грозящую государству отъ дикихъ варваровъ, не только не соединились между собою для общей борьбы, но нѣкоторые даже сами приводили ихъ опустошать русскую землю; такъ поступилъ, между прочимъ, Олегъ, князь Тмутороканскій. Съ ордами этихъ варваровъ, онъ осадилъ Владиміра въ Черниговѣ и требовалъ себѣ этого города. Великодушный Владиміръ, не желая пролитія крови, уступилъ ему княженіе. Наконецъ и половцы поплатились за свои набѣги, хотя русскіе поступили и вѣроломно, но въ то время обманъ, насиліе и вѣроломство въ военныхъ дѣйствіяхъ считались за очень обык-

новенное. Да нельзя строго и винить русскихъ: города ихъ были опустошены, села также преданы огню, множество жителей уведены въ неволю,—вся Россія, въ то время, представляла картину страшнаго разрушенія. По заключеніи міра съ половцами два ихъ князя съ своими воинами безпечно жили въ Переяслѣ. Тогда многіе изъ бояръ, предложили Владиміру воспользоватьтя *случаемъ и перебить* всѣхъ половцевъ. Послѣ нѣкотораго колебанія князь согласился и месть была совершена.—Вскорѣ послѣ этого Русскіе сдѣлали набѣгъ на самую землю половцевъ и возвратились съ богатой добычей. Вскорѣ послѣ этого русскимъ удалось одержать значительную побѣду надъ врагами: при мѣстечкѣ устье близъ Переяславля половцы на голову были разбиты русскими и самъ даже князь ихъ палъ въ битвѣ.

Между тѣмъ междоусобія князей продолжались. Олегъ черниговскій овладѣвъ, съ помощію Половцевъ и благодаря великодушію Владиміра, Черниговомъ обязался выступить вмѣстѣ съ князьями противъ половцевъ, но не исполнилъ своего слова; съ другой стороны, сынъ Владиміра, Изяславъ, овладѣлъ городомъ Муромомъ, принадлежащимъ къ черниговскому княжеству, такимъ образомъ обѣ стороны стали другъ къ другу во враждебныя отношенія.—Чтобъ уладить дѣла Великій князь и Владиміръ приглашали Олега въ Кіевъ на княжескій съѣздъ, но тотъ оказался. Чтобъ принудить его, Святополкъ и Владиміръ, соединившись вмѣстѣ овладѣли Черниговомъ, бились болѣе мѣсяца подъ Стародубомъ. Олегъ принужденъ былъ покориться и далъ обѣщаніе пріѣхать въ Кіевъ. Но борьба съ Олегомъ еще не кончилась: въ другой разъ Олегъ не исполнилъ даннаго слова явиться въ Кіевъ, а вмѣсто этого, набравъ дружину, двинулся къ Мурому, которымъ, какъ уже было сказано выше, овладѣлъ сынъ Владиміра, Изяславъ. Олегъ разбилъ Изяслава, который палъ въ битвѣ и возвратилъ Муромъ, а также захватилъ Суздаль и Ростовъ. Мстиславъ, сынъ Владиміра и крестный сынъ Олега, уважаемый народомъ за свое благородство, скромно просилъ Олега возвратить неправильно захваченные имъ города, но, получивъ отказъ, принужденъ былъ силою оружія отнять ихъ у своего крестнаго отца. Олегъ заперся въ Муромѣ.

Желая сохранить миръ, Владиміръ также убѣждалъ Олега возвратить города, для чего даже послалъ къ нему съ письмомъ младшаго своего сына Вячеслава. Вѣроломный Олегъ наружно согласился заключить миръ, но какъ только Мстиславъ распустилъ свои войска, Олегъ тотчасъ же появился подъ стѣнами Суздаля, гдѣ тогда находился Мстиславъ, но тотъ, наскоро собравъ дружину, приготовился къ битвѣ, къ счастію съ нимъ успѣлъ соединиться братъ его Вячеславъ, и Олегъ разбитый бѣжалъ въ Рязань. Благородный Мстиславъ вскорѣ однако успѣлъ примирить Олега съ великимъ княземъ и своимъ отцемъ. Желая прекратить бѣд-

ствія русской земли, вслѣдствіе междоусобій, Владиміръ пригласилъ всѣхъ князей на съѣздъ въ г. Любечѣ. Съѣздъ состоялся, князья бесѣдовали дружелюбно и казалось примирились. На съѣздѣ рѣшено было раздѣлить русскую землю такимъ образомъ: Святополъ, какъ Великій князь получилъ, конечно, Кіевъ. Сыновьямъ Святослава или святославичамъ: Олегу дали Черниговъ, Давиду—Рязань, Ярославу—Муромъ, сыну Игоря Давиду—Владиміръ Волынскій, Владиміръ Мономахъ получилъ Переявлавль и Смоленскъ, а сыну его Мстиславу дали Новгородъ. Изъ всѣхъ князей на съѣздѣ не былъ только одинъ извѣстный Всеславъ, князь полоцкій, который велъ безпрестанныя войны съ великимъ княземъ Всеволодомъ; за нимъ все таки укрѣпили Полоцкъ.

Такъ окончился этотъ достопамятный съѣздъ.

VIII.

Ослѣпленіе Василько. Война князей съ Святополкомъ. Нашествіе венгровъ. Второй съѣздъ князей. Пораженіе половцевъ.

Казалось, что послѣ съѣзда князей въ Любечѣ, должна была наступить тишина и спокойствіе, раздоры князей должны были бы прекратиться, но на самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Не смотря на то, что всѣ князья цѣловали крестъ, обѣщаясь жить въ мирѣ и согласіи, однако какъ только они разъѣхались, страшное злодѣйство, совершенное Святополкомъ и Давидомъ Игоревичемъ, поразило всѣхъ другихъ князей и снова возбудило междоусобіе.

Давидъ Игоревичъ, желая погубить своего племянника Василько Ростиславича, пріѣхалъ въ Кіевъ къ великому князю Святополку и оклеветалъ несчастнаго Василько, говоря, что тотъ замышляетъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ погубить ихъ обоихъ. Легковѣрный Святополкъ, повѣрилъ гнусной клеветѣ, обѣщался примѣрно наказать Висилько.

Василько проѣзжая мимо Кіева, заѣхалъ помолиться Богу въ монастырь св. Михаила. Святополкъ и Давидъ прислали за нимъ, приглашая его къ себѣ. Но когда Василько, не подозрѣвая злаго умысла, прибылъ къ дядямъ, какъ былъ схваченъ и скованный брошенъ въ темницу. Вскорѣ онъ былъ отправленъ въ Бѣлгородъ, гдѣ его ослѣпили. Несчастнаго отвезли во Владиміръ, столицу князя Давида, и бросили въ темницу. Такое злодѣйство послужило причиною страшнаго кровопролитія и было источникомъ новыхъ бѣдствій русскаго народа.

Владиміръ Мономахъ, узнавъ объ этомъ ужаснулся и горько заплакалъ. Первою его мыслью была месть злодѣямъ. Онъ не замедлилъ увѣдомить братьевъ Святославичей о совершенномъ преступленіи и пригласилъ ихъ примѣрно наказать изверговъ.

Князья Олегъ и Давидъ Святославичи, соединившись съ Вла-

диміромъ подступили къ Кіеву съ войскомъ и требовали отвѣта отъ Святополка. Святополкъ, оправдывая себя, сваливалъ всю вину на Давида. Кровопролитіе казалось неизбѣжнымъ, но Митрополитъ, посланный великимъ княземъ, успѣлъ умолить князей не терзать земли русской междоусобыми. Великодушный Владиміръ послушалъ словъ митрополита, и князья удалились отъ Кіева, взявъ съ Святополка обѣщаніе наказать Давида.

Между тѣмъ родной братъ ослѣпленнаго Василько, Володарь Ростиславичъ, осадилъ городъ Бужскъ, гдѣ находился Давидъ. Володарь требовалъ выдачи брата и при этомъ только условіи заключилъ съ Давидомъ миръ. Но когда Василько былъ освобожденъ и выданъ, Володарь нарушилъ миръ и жестоко отмстилъ Давиду: онъ сжегъ до тла городъ Всеволожь, принадлежащій Давиду, умертвилъ жителей города и, наконецъ, осадивъ Владиміръ, требовалъ выдачи трехъ бояръ, которые подали Давиду гнусную мысль ослѣпить Василько. Двое изъ нихъ были выданы и тотчасъ же казнены, третій же убѣжалъ.

Въ это время и Святополкъ, связанный обѣщаніемъ, шелъ наказать Давида. Давидъ убѣжалъ къ польскому королю, но, не получивъ отъ него помощи, заперся во Владимірѣ; однако вскорѣ принужденъ былъ заключить миръ съ Святополкомъ, по которому лишился своего княжества.

Святополкъ, усмиривъ Давида, обратился противъ Ростиславичей, требуя отъ нихъ двухъ областей: Перемышля и Теребовля. Это было новое вѣроломство со стороны Святополка, такъ какъ онъ, вступая въ владимірскую область, клялся имъ въ дружбѣ. Разбитый Ростиславичами, онъ призвалъ на помощь венгерскаго короля Коломана. Несчастная Россія увидала теперь новыхъ враговъ.

Между тѣмъ Давидъ успѣлъ примириться съ Ростиславичами, и на этотъ разъ оказалъ услугу имъ и Россіи.

Онъ отправился къ половцамъ и уговорилъ храбраго половецкаго хана Боняка помочь Ростиславичамъ противъ Святополка и венгровъ. Володарь, при помощи половцевъ, снова разбилъ Святополка, и венгры были изгнаны изъ русскихъ предѣловъ. Не успѣла утихнуть эта распря, какъ снова разгорѣлась война опять таки между Святополкомъ, Давидомъ и Ростиславичами. Владиміръ Мономахъ снова явился примирителемъ; онъ пригласилъ ихъ на вторичный съѣздъ. Въ это время половцы опустошали русскую землю и князья, въ виду общей опасности, а также утомясь войнами, съ радостью приняли приглашеніе Владиміра. Второй съѣздъ состоялся близъ Кіева, туда явился также и Давидъ Игоревичъ, который не осмѣлился на этотъ разъ ослушаться князей. На этомъ съѣздѣ заключенъ былъ тѣсный союзъ между Святополкомъ, Святославичами и Владиміромъ. Давидъ былъ лишенъ владимірскаго княжества — ему былъ оставленъ

только городъ Бужскъ, — онъ принужденъ былъ покориться.

Вскорѣ послѣ этаго съѣзда составился союзъ князей противъ половцевъ, безпрерывно опустошавшихъ русскую землю. Всѣ князья болѣе или менѣе пострадали отъ этаго дикаго народа и только лишь одного Мономаха они и страшились. Этотъ князь постоянно разбивалъ ихъ. Въ продолженіи своихъ войнъ съ ними онъ взялъ въ плѣнъ до 300 хановъ.

На этотъ разъ князья дѣйствовали дружно, одинъ только Олегъ Святославичъ, по болѣзни, отказался присоединиться къ нимъ.

Наконецъ назначенъ былъ походъ за Донъ въ самую средину половецкой земли. Войска направились сухимъ путемъ и водою. Походъ былъ необыкновенно удаченъ, давно уже русскіе не одерживали подобной побѣды. Половцы были окончательно разбиты. Побѣдителямъ досталось множество верблюдовъ, лошадей и другаго скота, съ большею радостью они возвратились, надѣясь, что враги уже надолго оставятъ ихъ въ покоѣ.

Но однако они ошиблись въ этомъ. Половцы, снова собравшись съ силами, вторгнулись въ русскую землю и, захвативъ невольниковъ, съ богатою добычей уже возвращались домой, какъ вдругъ были настигнуты воеводами Святополка и были разбиты. Но и послѣ этаго они еще не унялись, и продолжали время отъ времени дѣлать воровскіе набѣги, такъ что вынудили князей снова дѣйствовать соединенными силами. Опять русскіе войска двинулись за Донъ. На берегахъ рѣки Сала половцы окружили русскихъ, но понесли страшно-жестокое пораженіе. Этотъ походъ былъ еще славнѣе, чѣмъ первый: множество плѣнныхъ и богатая добыча достались русскимъ. Половцы окончательно потеряли силу вредить русскому народу, и Россія обязана этимъ все тому же Владиміру Мономаху, такъ какъ онъ уговарилъ князей предпринять этотъ знаменитый походъ.

Святополкъ вскорѣ послѣ этой войны умеръ. Исторія сохранила о немъ дурную память: это былъ малодушный, вѣроломный, неблагодарный и вмѣстѣ съ тѣмъ трусливый человѣкъ, въ несчастное княженіе котораго Россія претерпѣла такъ много бѣдствій.

IX.

Княженіе Владиміра Мономаха.

По смерти Святополка великокняжескій престолъ долженъ былъ, по праву старшинства, перейти къ князьямъ черниговскимъ, сыновьямъ Святослава, но имя Владиміра Мономаха было такъ славно, что народъ громко требовалъ его избранія въ великіе князья, да и многіе изъ самихъ князей желали того же. Его воинская слава, замѣчательный умъ и наконецъ всѣмъ извѣстное великодушіе и доброта доставили всеобщую любовь. Въ особен-

ности кіевляне сильно желали видѣть его на тронѣ Ярослава. Собравшись на совѣтъ князья, въ виду требованій народа, единогласно избрали Владиміра, и онъ былъ объявленъ великимъ княземъ. Даже Святославичи не спорили и добровольно отказались отъ своего права. Отправили пословъ къ Мономаху, но тотъ, не желая оскорбить Святославичей, рѣшительно отказался занять великокняжескій престолъ. Между тѣмъ кіевляне не желали имѣть другаго государя, кромѣ Мономаха. Въ Кіевѣ произошелъ бунтъ, отъ котораго въ особенности пострадали жиды. Кіевскіе граждане вторично отправили къ нему пословъ. Тогда, видя безначаліе, Владиміръ изъявилъ свое согласіе и съ торжествомъ въѣхалъ въ Кіевъ.

Главною причиною кіевскаго мятежа было ростовщичество евреевъ. Владиміръ поспѣшилъ искоренить это зло: онъ собралъ знатнѣйшихъ бояръ и по совѣщаніи съ ними издалъ законъ, по которому кредиторъ, взявъ три раза, такъ называемые третные проценты, лишался капитала, который онъ давалъ въ займы—это было первое дѣло великаго князя на пользу народа.

Изъ внутреннихъ его дѣлъ въ особенности замѣчательно измѣненіе, сдѣланное имъ, въ удѣльной системѣ. Онъ ясно понималъ, что междоусобія князей приведутъ къ раздробленію государства на мелкія, самостоятельныя части, что, конечно, поведетъ къ ослабленію и даже къ паденію государства, для силы котораго необходимо единство. Онъ полагалъ, что для пользы государства необходимо чтобъ власть сосредоточилась въ одномъ родѣ. Поэтому внутренняя его политика стремилась къ этой цѣли. Но Владиміръ проводилъ свою систему государственнаго устройства не посредствомъ насилія, а напротивъ въ высшей степени справедливо: онъ отнималъ владѣнія только у князей безпокойныхъ и вредныхъ для государства. Это была та самая политика, которой слѣдовалъ и Ярославъ.

Посмотримъ же теперь, насколько удачно и какъ приводилъ онъ свою систему въ исполненіе.

Прежде всего ему пришлось управиться съ княземъ полоцкимъ, Глѣбомъ. Извѣстно, что полоцкіе князья, начиная съ Всеслава, всегда питали ненависть къ Ярославичамъ. Эта ненависть перешла въ родовую и нисколько не уничтожалась при Владимірѣ.

Князь минскій, Глѣбъ, отказывалъ въ повиновеніи Владиміру и внезапно напавъ на городъ Слуцкъ, сжегъ его до тла. Владиміръ, соединясь съ Ольговичами и княземъ черниговскимъ, Давидомъ, напалъ на полоцкую землю и взявши нѣсколько городовъ усмирилъ Глѣба, но не надолго. Глѣбъ вскорѣ снова оскорбилъ князя и былъ лишенъ своихъ владѣній, привезенъ Кіевъ, гдѣ и умеръ заключенный въ тюрьмѣ; Князь владимірскій Ярославъ, сынъ Святополка, былъ женатъ на внучкѣ Владиміра, но нѣсколько

разъ отсылалъ ее отъ себя. Великій князь, оскорбленный такимъ поведеніемъ, осадилъ Владиміръ, Ярославъ смирился, но потомъ опять оскорбилъ дѣда и, опасаясь наказанія, бѣжалъ въ Польшу. Великій князь лишилъ его владѣній, которыя отдалъ въ удѣлъ своему сыну Роману, а по смерти его Андрею. Такая политика привела къ тому, что города: Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Суздаль, Переяславль и Владиміръ—Волынскій находились во власти его рода, слѣдовательно оставались только три княжества, черниговское, полоцкое и червенское, гдѣ княжили Ольговичи и Ростиславичи.

Въ Новгородѣ княжилъ молодой внукъ Владиміра, сынъ Мстислава—Всеволодъ. Пользуясь его молодостью, новгородцы произвели мятежъ, но Владиміръ скоро усмирилъ ихъ, заключивъ въ тюрьму нѣсколько знатнѣйшихъ гражданъ. Опасаясь новыхъ безпорядковъ, онъ смѣнилъ новгородскаго посадника и посадилъ на эту должность кіевскаго вельможу.

Въ княженіе Владиміра произошло столкновеніе съ финскимъ племенемъ Чудь. Мстиславъ, сынъ великаго князя, совершилъ противъ нихъ два похода, и оба раза оставался побѣдителемъ. Сынъ Мстислава, Всеволодъ, прославился труднымъ походомъ въ Финляндію; походъ этотъ не смотря на ужасныя, почти непроходимыя, по случаю весенняго времени, дороги, былъ очень удаченъ: другой сынъ Мономаха, Георгій, счастливо воевалъ съ казанскими болгарами и возвратился домой съ богатой добычей. Половцы въ княженіе Мономаха не осмѣливались дѣлать набѣги, напротивъ третій сынъ Владиміра, Ярополкъ, проникъ въ ихъ землю и завоевалъ у нихъ три города. Такимъ образомъ, оружіе Мономаха вездѣ имѣло успѣхъ. Слава его разнеслась даже въ западной Европѣ. Греція страшилась русскаго князя.

Поручивъ сыновьямъ военныя дѣла, самъ Мономахъ занялся дѣлами внутренними. Онъ объѣзжалъ свое государство, строилъ и укрѣплялъ города, улучшалъ пути сообщенія, т. е. устраивалъ мосты. Изъ городовъ, построенныхъ Мономахомъ—это Владиміръ на Клязьмѣ.

При Владимірѣ было второе нашествіе венгровъ на Россію, которые были призваны извѣстнымъ Ярославомъ, княземъ Владимірскимъ. Дѣло произошло такимъ образомъ: Ярославъ, послѣ своего пораженія, просилъ помощи у венгерскаго короля Стефана, сына разбитаго русскими Коломана. Стефанъ, горя желаніемъ отмстить за пораженіе своего отца, обѣщался помогать Ярославу и собравъ войско, состоящее изъ венгерцевъ, богемцевъ и поляковъ, вторгся въ русскіе предѣлы и осадилъ городъ Владиміръ, въ которомъ находился тогда сынъ великаго князя Андрей; Ярославъ также находился въ венгерскомъ войскѣ. Увѣренный въ побѣдѣ, онъ грозилъ Андрею страшною местію, если тотъ не сдастъ города. Великій князь Владиміръ отправилъ на

помощь Андрею Мстислава, но тотъ не успѣлъ еще придти, какъ случилось событіе, которое рѣшило войну. Двое владимірцевъ, чтобы спасти городъ, рѣшились выдти изъ крѣпости. Они спрятались на дорогѣ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать Ярославъ.

Ярославъ, ничего не подозрѣвая, безпечно ѣхалъ съ двумя всадниками, но, поравнявшись съ заговорщиками, былъ пронзенъ копьями. Напуганные этимъ событіемъ, венгерцы поспѣшили заключить миръ съ великимъ княземъ. Такъ кончилось это второе нашествіе венгровъ.

Владиміръ Мономахъ скончался въ 1125 году, 73 лѣтъ отъ роду, прокняживъ 13 лѣтъ. Тѣло его было погребено въ Кіевѣ, въ Софійскомъ храмѣ.

Владиміръ оставилъ послѣ себя пять сыновей. Мстиславъ, который при жизни отца княжилъ въ Переяславѣ, долженъ былъ сдѣлаться великимъ княземъ. Княженіе Мономаха рѣзко отличается отъ княженій предъидущей эпохи: междоусобія были прекращены, внѣшнія войны оканчивались счастливо, половцы уже не смѣли болѣе безпокоить русское государство, такъ что населеніе могло вздохнуть спокойно послѣ столькихъ перенесенныхъ несчастій. Но это спокойствіе окончилось вмѣстѣ со смертью великаго князя. Послѣ него, какъ мы увидимъ, снова начинаются смуты и междоусобія которыя привели народъ русскій къ весьма плачевному результату

О характерѣ Владиміра уже довольно извѣстно. Остается упомянуть только объ истинной и глубокой религіозности Великаго Князя. Лѣтописцы разсказываютъ, что слезы текли по его щекамъ во время молитвы. Вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, онъ распорядился перенести мощи св. Бориса и Глѣба, которыя находились тогда въ старой деревянной церкви, въ новую каменную. Это событіе было чисто народнымъ торжествомъ. Почти всѣ князья съѣхались тогда въ Кіевъ. Множество народа толпилось на улицахъ во время перенесенія праха св. Угодниковъ. Три дня сряду, по этому случаю, угощали бѣдныхъ,

Характеръ Владиміра лучше всего виденъ изъ завѣщанія, которое онъ оставилъ своимъ дѣтямъ. Оно настолько замѣчательно, что мы производимъ его цѣликомъ: «Приближаясь ко гробу» пишетъ онъ, «благодарю Всевышнаго за умноженіе дней моихъ: Рука Его довела меня до старости маститой. А вы, дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила, въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобрить ихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: *онъ говоритъ несправедливо!*»

«Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла его!» Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по большой части словами Давида, красоту творенія и благость Творца, Владиміръ продолжаетъ:

«О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: сіе противно христіанству. Будьте отцами сиротъ: судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виновнаго: жизнь и душа христіанина священна. Не призывайте всуе Имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте оныя. Братья сказали мнѣ: изгонимъ Ростиславичей и возьмемъ ихъ область, или ты намъ не союзникъ! Но я отвѣтствовалъ: не могу забыть крестнаго цѣлованія; развернулъ Псалтирь и читалъ съ умиленіемъ: вскую печальна еси, душе моя? Уповай на Бога, яко исповѣмся Ему. Не ревнуй лукавнующимъ ниже завиди творящимъ беззаконіе. Не оставляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ: ибо всѣ умремъ. Принимайте съ любовію благословленіе духовныхъ; не удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ добро, да молятся за васъ Всевышнему. Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы тлѣнны; нынѣ живы, а завтра во гробѣ. Бойтесь всякой лжи, піянства и любострастія, равно гибельнаго для тѣла и души. Чтите старыхъ людей какъ отцевъ, любите юныхъ какъ братьевъ. Въ хозяйствѣ сами прилѣжно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на отроковъ и тіуновъ, да гости не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего. На войнѣ будьте дѣятельны; служите примѣромъ для воеводъ. Не время тогда думать о пиршествахъ и покоѣ. Разставивъ ночную стражу, отдохните.»

«Человѣкъ погибаетъ внезапу: для того не слагайте съ себя оружія, гдѣ можетъ встрѣтиться опасность, и рано садитесь на коней. Путешествуя въ своихъ областяхъ, не давайте жителей въ обиду княжескимъ отракамъ; а гдѣ остановитесь, напойте, накормите хозяина. Всего же болѣе чтите гостя, и знаменитаго и простаго, и купца и посла; если не можете одарить его, то хотя брашномъ и питіемъ удовольствуйте: ибо гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую объ насъ славу. Привѣтствуйте всякаго человѣка, когда идете мимо. Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти надъ собою. Все хорошее, узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ пятью языками: за что хвалятъ насъ чужестранцы. Лѣность мать пороковъ: берегитесь ее. Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей читайте наизусть молитвы, или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: *Господи помилуй!* Не засыпайте никогда безъ земнаго поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь въ землю три раза. Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу

утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой; такъ дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце: они славили Господа съ радостію и говорили: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный. Потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту; а въ полдень спали: ибо не только человѣку, но и звѣрямъ и птицамъ Богъ присудилъ отдыхать въ часъ полуденный. Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку; на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя; не надѣялся на посадниковъ и бирючей; не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ; самъ назиралъ церковь и Божественное служеніе, домашній распорядокъ, конюшню, охоту, ястребовъ и соколовъ.» Исчисливъ свои дѣла воинскія, уже извѣстныя читателю, Владиміръ пишетъ далѣе: «Всѣхъ походовъ моихъ было 83; а другихъ маловажныхъ не упомню. Я заключилъ съ половцами 19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ болѣе ста лучшихъ ихъ князей и выпустилъ изъ неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и потопилъ въ рѣкахъ. Кто путешествовалъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бывалъ въ Кіевѣ у родителя прежде Вечеренъ. Любя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ меня металъ на рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами; вепрь сорвалъ мечъ съ бедры моей, медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и низвергнулъ коня подо мною. Сколько разъ я падалъ съ лошади! Дважды разбилъ себѣ голову, повреждалъ рука и ноги, не блюдя жизни въ юности, и не щадя головы своей. Но Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ; но являйтесь мужами во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе Божіе надежнѣе человѣческаго.»

X.

Княженіе Мстислава и Ярополка.

Мстиславъ, старшій сынъ Владиміра Мономаха, отличался такою же мудростью и благоразуміемъ, какъ и его отецъ. Храбрость его и искусство веденія войны уже были испытаны еще при жизни Владиміра. Занявъ великокняжескій престолъ, онъ продолжалъ политику своего отца. Къ несчастію княженіе его продолжалось всего только 7 лѣтъ, но и въ это короткое время, онъ совершилъ столько, что исторія назвала его великимъ. Вступивъ на престолъ, Мстиславъ раздѣлилъ русскую землю такимъ образомъ: самъ онъ управлялъ Кіевомъ и Смоленскомъ; братья

его княжили: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей во Владимірѣ, Юрій Долгорукій въ Суздалѣ; а сыновья: Изяславъ и Ростиславъ въ Курскѣ и Смоленскѣ. Однимъ изъ важныхъ дѣлъ Мстислава было окончательное покореніе враждебнаго полоцкаго княжества. Еще Владиміръ Мономахъ приготовилъ его паденіе, Мстиславъ же окончательно уничтожилъ. Задумавъ покорить Полоцкъ, Мстиславъ пригласилъ князей присоединиться къ нему; на зовъ его откликнулись всѣ князья, исключая Ростиславичей. Огромныя силы обступили городъ Изяславль, гдѣ находился зять Мстислава, Брячиславъ, который хотѣлъ бѣжать, но попался въ плѣнъ. Все полоцкое княжество было завоевано, князья Половецкіе съ ихъ женами и дѣтьми отвезены въ ссылку въ Константинополь, а самое полоцкое княжество Мстиславъ отдалъ въ удѣлъ сыну своему Изяславу. Такимъ образомъ только два княжества черниговское и червенское оставались не въ родѣ мономаха.

Половцы, узнавъ о смерти Мономаха, снова подняли голову и собирались уже напасть на Россію, но переяславскій князь Ярополкъ, братъ Мстислава, собравъ небольшую дружину, разбилъ ихъ окончательно. Но половцы не унялись, и еще разъ русскимъ пришлось сразиться съ ними. Это случилось по слѣдующему поводу: «Всеволодъ, князь черниговскій, выгналъ изъ Чернигова дядю своего Ярослава и казнилъ его воеводъ. Ярославъ жаловался Мстиславу, и тотъ обѣщался примѣрно наказать его. Между тѣмъ Всеволодъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ на помощь половцевъ, которые, никогда не упускали случая пограбить, спѣшили къ нему въ числѣ 7000 человѣкъ. Подойдя къ предѣламъ Россіи, они отправили къ Всеволоду пословъ, съ извѣстіемъ, что идутъ, но послы ихъ были схвачены посадниками Ярополка, и половцы, тщетно ихъ ожидая и опасаясь измѣны, ушли обратно. Оставшись безъ помощи, Всеволодъ смирился и просилъ прощенія у великаго князя. Мстиславъ хотя считалъ необходимымъ наказать вѣроломнаго князя, но за него вступилось духовенство, которое тогда имѣло большую силу. Мстиславъ не рѣшился отказать въ просьбѣ духовныхъ лицъ, и простилъ Всеволода. Простивши Всеволода, Мстиславъ рѣшилъ наказать половцевъ. Онъ нанесъ имъ жестокое пораженіе и прогналъ за Волгу, такъ что съ тѣхъ поръ они не рѣшались вторгаться въ русскія области. Финское племя Чудь давно уже платило дань русскимъ князьямъ, но часто отказывалось, вслѣдствіе чего и происходили войны съ ними. Еще при Владимірѣ Мономахѣ Мстиславъ ходилъ усмирять этотъ народъ. Точно тоже случилось и при Мстиславѣ, великій князь принужденъ былъ два раза посылать сына своего Всеволода съ войскомъ для усмиренія чуди. Оба похода окончились побѣдой, но во второмъ походѣ Всеволодъ потерялъ много воиновъ.

Заботясь о мирѣ, Мстиславъ поднималъ оружіе лишь въ слу-

чаяхъ крайней необходимости. Онъ, какъ и отецъ его, не терпѣлъ распрей между князьями, и если они возникали, то старался уладить дѣло мирнымъ путемъ. Иногда это ему и удавалось, какъ напримѣръ въ распрѣ князей Владимірко и Ростислава.

Володарь, братъ ослѣпленнаго Василько, имѣлъ двухъ сыновей: Ростислава и Владимірко. По смерти отца, Ростиславъ княжилъ въ Перемышлѣ, а Владимірко въ Звенигородѣ. Братья постоянно ссорились между собою, и только Владиміръ Мономахъ могъ ихъ сдерживать, но по смерти Мономаха ссоры ихъ возобновились, и Владимірко хотѣлъ завладѣть удѣломъ Ростислава, но за Ростислава стоялъ самъ великій князь и многіе другіе князья. Тогда Владимірко обратился за помощью къ венгерскому королю Стефану, который и прислалъ ему 3000 войска. Владимірко вмѣстѣ съ венграми заперся въ Звенигородѣ. Ростиславъ долго осаждалъ этотъ городъ, но былъ отбитъ. Великій князь своимъ словомъ успѣлъ примирить обоихъ братьевъ, и война эта не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій.

Незадолго до смерти великій князь предпринялъ походъ въ Литву. Война окончилась весьма удачно. Мстиславъ привелъ въ Кіевъ множество плѣнныхъ.

Княженіе Мстислава вообще было очень счастливо и только лишь одно народное бѣдствіе омрачило спокойствіе государства: зима 1125 года была необыкновенно сурова, глубокій снѣгъ лежалъ до конца апрѣля, отъ страшнаго холода вымерзли всѣ озими, почему въ 1126 году наступалъ страшный голодъ, особенно въ Новгородской области, множество людей погибало; на дорогахъ и даже на улицахъ города валялись трупы, но къ счастію это бѣдствіе не долго продолжалось.

Возвратившись изъ Литвы, великій князь вскорѣ умеръ. Послѣ него начались смуты.

Княженіе двухъ умныхъ и обладающихъ сильнымъ характеромъ князей кончилось. Россія отдохнула въ продолженіи 20 лѣтъ отъ страшныхъ междоусобій. Владиміръ и Мстиславъ своими достоинствами съумѣли сдерживать честолюбивыя поползновенія удѣльныхъ князей; внѣшніе враги всегда были отражаемы. Теперь наступаетъ другая эпоха, эпоха страшной борьбы князей за первенство, иначе говоря за Кіевскій престолъ.

Владиміръ, раздавая удѣлы только своимъ сыновьямъ и братьямъ, чтобъ удержать власть въ своемъ родѣ, думалъ, что это родство послужитъ къ обезпеченію спокойствія и государственнаго благосостоянія. Между тѣмъ это была большая ошибка, что доказываетъ исторія Ярославичей. Пока на престолѣ сидѣли люди съ сильнымъ характеромъ, спокойствіе было обезпечено, но какъ скоро государемъ сдѣлался человѣкъ слабый и малодушный, то необходимо должны были возникнуть междоусобія, въ особенно-

сти потому, что Кіевскій престолъ служилъ приманкою для всѣхъ князей.

Такимъ слабымъ и малодушнымъ государемъ явился Ярополкъ Владиміровичъ, который занялъ, по праву старшинства, Кіевскій престолъ. Междоусобія начались вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ объявленъ великимъ княземъ и вотъ по какому поводу: великій князь Мстиславъ, передавая ему престолъ, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Ярополкъ обязывался передать въ удѣлъ сыну Мстислава, Всеволоду, Переяславль. Ярополкъ немедленно же, по своемъ вступленіи на престолъ, исполнилъ свое обѣщаніе, но когда Всеволодъ прибылъ въ Переяславль, то чрезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ оттуда своимъ дядею, Юріемъ, княземъ Суздальскимъ и Ростовскимъ. Великій князь, вмѣсто того чтобъ настоять на своей волѣ, какъ бы то сдѣлалъ Владиміръ или Мстиславъ, и принять рѣшительныя мѣры, малодушно отступилъ: онъ уговорилъ Юрія отказаться отъ Переяславля и отдалъ эту область Изяславу Мстиславичу, князю Полоцкому; обманутый же Всеволодъ вернулся въ Новгородъ, гдѣ онъ прежде княжилъ. Новгородцы было не пустили его, обижаясь на него за то, что онъ ихъ хотѣлъ оставить, но потомъ одумались, и Всеволодъ засѣлъ въ Новгородѣ, но уже власть его была ограничена.

Вячеславъ, которому великій князь отдалъ Переяславль, обязался взамѣнъ этого уступить свой удѣльный городъ Туровъ племяннику своему, Изяславу Мстиславичу. Но Вячеславъ скоро началъ жалѣть объ этомъ, бросилъ Переяславль и отнялъ у племянника Туровъ. Тогда Юрій снова овладѣлъ Переяславлемъ. Такимъ образомъ Изяславъ остался безъ удѣла. Онъ обратился за помощью къ Новгородскому князю Всеволоду. Всеволодъ согласился, къ нимъ пристали также Ольговичи, которые призвали половцевъ. Все войско раздѣлилось на два отряда. Всеволодъ пошелъ на Юрія, но потерпѣлъ пораженіе при Ждановой горѣ.

За эту битву новгородцы изгнали несчастнаго князя, и онъ умеръ во Псковѣ. Изяславъ же былъ счастливѣе: опустошивъ Переяславскую область, онъ заключилъ съ Ярополкомъ выгодный миръ, по которому получилъ Владиміръ Волынскій, а Переяславль былъ отданъ князю Андрею Владиміровичу. Этой враждой Мономаховичей воспользовались черниговскіе князья, которые всегда добивались великокняжескаго престола. Одинъ изъ нихъ, Святославъ Ольговичъ, былъ избранъ новгородцами. Узнавъ, что бывшій князь новгородскій находится въ Псковѣ, Святославъ рѣшилъ осадить Псковъ, такъ какъ псковитяне не имѣли права держать у себя изгнаннаго князя, потому что Псковъ принадлежалъ къ Новгородской области, слѣдовательно долженъ подчиняться новгородскому князю. Призвавши на помощь Половцевъ, онъ двинулся ко Пскову, но псковитяне такъ укрѣпили свой городъ,

что Святославъ, не надѣясь взять его, ушелъ обратно. Въ скоромъ времени и онъ испыталъ участь Всеволода.

Новгородцы, по своей собственной винѣ, терпѣли страшный недостатокъ въ хлѣбѣ. Такъ какъ они разсорились со многими князьями и оскорбили псковитянъ, то тѣ прекратили съ ними всякія сношенія, почему прекратился подвозъ хлѣба, и вотъ причина голода.—Князь тутъ, конечно, ни въ чемъ виноватъ не былъ, но все таки новгородцы обвиняли его, и съ безчестіемъ прогнали изъ Новгорода. Но боясь мести Ольговичей, они оставили у себя заложниками его бояръ и жену, а княжить пригласили къ себѣ Ростислава, сына Юрія. Святославъ же по дорогѣ въ Черниговъ, проѣзжая мимо Смоленска, жители котораго были преданы Мономаховичамъ, былъ схваченъ и заключенъ въ монастырь. Причина такого поступка заключалась въ томъ, что братъ Святослава Всеволодъ Ольговичъ и другіе Ольговичи, собравъ половцевъ, грабили и опустошали земли Мономаховичей,—словомъ анархія была полная. — Ольговичи, разоривши нѣсколько городовъ, приближались уже къ Кіеву, когда Ярополкъ, соединившись со всѣми Мономаховичами и пригласивъ на помощь венгровъ, подступилъ къ Чернигову. Всеволодъ смирился и просилъ мира. Ярополкъ великодушно согласился на миръ, и князья подписали договоръ; великій князь возвратился въ Кіевъ и вскорѣ тамъ умеръ.

Во время Ярополкова княженія образовалось новое княжество Галицкое. Владимірко, сынъ Володаря, удалился на берегъ Днѣстра въ Галичъ, который и сдѣлалъ своимъ столичнымъ городомъ, такимъ образомъ было положено основаніе княжеству Галицкому. Этотъ Владимірко также участвовалъ въ походѣ князей противъ Ольговичей. Живя въ Галичѣ, онъ дѣлалъ безпрестанные набѣги на Польшу, мстя имъ за своего отца, котораго они обманомъ взяли въ плѣнъ. Въ свою очередь и Болеславъ, король польскій, жестоко мстилъ Владиміркѣ, нападая и разоряя Галицкое княжество.

XI.

Княженіе Всеволода Ольговича.

По смерти Ярополка престолъ великокняжескій, по праву, принадлежалъ переяславскому князю Вячеславу, который и прибылъ въ Кіевъ, гдѣ былъ торжественно провозглашенъ Митрополитомъ и всѣмъ народомъ государемъ. Всеволодъ Ольговичъ, который давно искалъ случая овладѣть Кіевскимъ престоломъ, услышавъ о смерти Ярополка и зная малодушіе и безпечность Вячеслава, немедленно собралъ войско, осадилъ Кіевъ и даже сжегъ предмѣстье Кіева Копыревское. Устрашеный Вячеславъ добровольно уступилъ ему свое мѣсто, а самъ выѣхалъ изъ города. Всеволодъ

съ торжествомъ въѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ объявилъ себя великимъ княземъ. Чтобы привлечь къ себѣ Митрополита, бояръ, а также и народъ, онъ задалъ великолѣпный пиръ. Такимъ образомъ династія Мономаховичей была свергнута, и Ольговичи добились своей цѣли.

Мономаховичи были поражены, когда узнали о случившемся, и хотя Всеволодъ высказалъ желаніе жить со всѣми въ мирѣ, Мономаховичи соединились и спѣшили наказать дерзкаго похитителя престола.

Всеволодъ, желая предупредить Мономаховичей, собралъ войско, раздѣливъ его на два отряда. Одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ воеводъ, послалъ противъ Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владиміровича, а съ другимъ двинулся самъ противъ Андрея Переяславскаго, думая отнять у него Переяславль и отдать его въ удѣлъ своему брату Святославу Ольговичу. Здѣсь должно замѣтить, что Переяславскій удѣлъ считался первымъ послѣ Кіевскаго и обыкновенно великіе князья избирались изъ князей переяславскихъ, а потому князь, замышляющій захватить Кіевскій престолъ, старался прежде всего овладѣть Переяславскимъ удѣломъ.

Осадивъ Переяславль, Всеволодъ потребовалъ его сдачи, но князь Андрей рѣшительно отказалъ ему, говоря, что дѣдъ и отецъ его владѣли Переяславлемъ, и онъ не отступится отъ своихъ правъ, пусть Всеволодъ возметъ его силою и убьетъ его, какъ Святополкъ убилъ Бориса и Глѣба. Произошла битва и Андрей, разбивъ Всеволода, обратилъ его въ бѣгство; послѣ чего великій князь принужденъ былъ заключить миръ.

Также неудаченъ былъ походъ и другаго отряда подъ начальствомъ воеводъ. Встрѣтившись съ войсками Изяслава Мстиславича, воеводы позорно бѣжали съ поля битвы, не давъ сраженія. Такимъ образомъ Всеволодъ вездѣ терпѣлъ неудачу, но Мономаховичи не успѣли соединиться между собою, а потому и были принуждены заключить съ нимъ миръ, по которому признали его великимъ княземъ. Всеволоду удалось даже привлечь на свою сторону сыновей Мстислава и заключить съ ними союзъ, обѣщаясь сдѣлать ихъ наслѣдниками великокняжескаго престола.

Владимірко, основатель галицкаго княжества, былъ человѣкъ честолюбивый, хитрый, но отличался необыкновеннымъ мужествомъ. Постоянно воюя съ поляками и венграми, онъ нагналъ на нихъ сильный страхъ. Этотъ князь, желая увеличить свою область, пользовался раздорами князей. Главная его цѣль была овладѣть Владиміромъ Волынскимъ, гдѣ княжилъ сынъ Всеволода, кромѣ того онъ уже успѣлъ захватить нѣкоторые удѣлы своихъ братьевъ. Тогда Всеволодъ убѣдилъ своихъ братьевъ, а также и Мономаховичей наказать безпокойнаго князя.

Большое войско соединенныхъ князей осадило Галичъ; ка-

залось, что Владимірко нѣтъ спасенія, но изворотливый князь привлекъ на свою сторону Игоря, брата великаго князя, обѣщая ему держать его сторону, а также и помочь войскомъ при восшествіи Игоря на Кіевскій престолъ. Князья узнавъ про союзъ Владимірко съ Игоремъ, должны были заключить миръ, который впрочемъ не долго продолжался. Владимірко изгналъ своего племянника Іоанна Берлодника, князя звенигородскаго. Великій князь принялъ его подъ свою защиту. Владимірко началъ готовиться къ войнѣ. Тогда Всеволодъ, узнавъ о его замыслахъ, призвалъ на помощь половцевъ и осадилъ Звенигородъ. Звенигородцы, которыми предводительствовалъ храбрый воевода Иванъ Холдѣевичъ, бились отчаянно. Всеволодъ, потерявъ множество воиновъ, принужденъ былъ отступить. Прибывши въ Кіевъ, онъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ. Еще не задолго до смерти Всеволодъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Игоря. Созвавъ князей въ Кіевъ, онъ убѣдилъ ихъ присягнуть ему. Князья исполнили его волю. Изъ внѣшнихъ дѣлъ Всеволода замѣчательны дѣла польскіе. Польскій король Владиславъ, зять Всеволода, стѣсненный своими братьями, обратится къ Всеволоду за помощью. Великій князь, тогда уже былъ болѣнъ, почему послалъ вмѣсто себя брата своего Игоря. Игорь вступилъ въ Польшу, но однако до войны не дошло, такъ какъ братья короля польскаго смирились и уступили Владиславу четыре города.

Передъ смертью Всеволодъ заставилъ народъ присягнуть его брату, а также напомнилъ и князьямъ о данной ими клятвѣ.

О характерѣ Всеволода можно сказать, что это былъ человѣкъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый, умѣлъ сдерживать князей и не смотря на вражду къ нему Мономаховичей, онъ все таки съумѣлъ ихъ привлечь на свою сторону противъ Владимірко галицкаго.—Къ народу онъ относился съ справедливостью и народъ любилъ его.

По кончинѣ великаго князя смуты и междоусобія не только не прекратились, но разгорѣлись еще болѣе.

XII.

Княженіе Игоря. Его паденіе. Княженіе Изяслава. Умерщвленіе Игоря.

По вступленіи на Кіевскій престолъ Игоря, кіевляне потребовали отъ него, чтобъ онъ удалилъ тіуновъ или судей, которые отличались грабительствомъ и, вмѣсто правосудія, угнетали народъ. Особенно, изъ числа ихъ, выдавался одинъ по имени Ратша, который всякими неправдами нажилъ огромныя богатства. Игорь обѣщалъ исполнить волю народа, но однако не исполнилъ сво-

его слова. Тогда раздраженные кіевляне рѣшили свергнуть его съ престола, который тайно предложили Изяславу Мстиславичу, внуку Владиміра Мономаха.

Узнавъ объ опасности, Игорь просилъ помощи у черниговскихъ князей, но тѣ медлили, между тѣмъ какъ Изяславъ, собравши войско, подступилъ уже къ Кіеву. Кіевляне тотчасъ же передались на сторону Изяслава и онъ торжественно вступилъ въ городъ, гдѣ и былъ объявленъ великимъ княземъ. Игорь былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Такъ окончилось княженіе этаго несчастнаго князя. Престолъ же кіевскій снова занялъ прямой потомокъ Мономаха.

Вступивъ на престолъ, Изяславъ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами. Князья черниговскіе Ольговичи вступились за своего родственника Игоря. Мономаховичи также питали къ нему вражду, во первыхъ потому, что старшій въ ихъ родѣ, Вячеславъ, уже былъ великимъ княземъ, слѣдовательно престолъ по двойному праву принадлежалъ ему. Съ другой стороны честолюбивый князь Юрій Владиміровичъ давно уже добивался кіевскаго престола, Владимірко, князь галицкій, тоже не былъ доволенъ, что великимъ князямъ былъ избранъ энергичный государь. Такимъ образомъ положеніе Изяслава было весьма трудное, но, благодаря своимъ способностямъ, онъ вышелъ изъ него съ честію.

Прежде всего онъ обратился противъ своего дяди Вячеслава, который занялъ кіевскіе города и распоряжался въ кіевской области какъ будто бы онъ самъ былъ великимъ княземъ, но посланный Изяславомъ смоленскій князь изгналъ его, оставивъ ему въ удѣлъ Дорогобужъ Смоленскій.

Но самымъ главнымъ врагомъ великаго князя былъ Святославъ Ольговичъ, братъ несчастнаго Игоря. Этотъ человѣкъ былъ благороднѣйшаго характера, такъ когда послы великаго князя сказали ему, что онъ можетъ спокойно княжить, если откажется отъ брата, то Святославъ, со слезами на глазахъ, отвѣчалъ имъ: «возмите у меня все, что я имѣю, но только освободите брата.»

Святославъ прежде всего думалъ просить помощи у князей черниговскихъ, но узнавъ, что они заключили тайный договоръ съ Изяславомъ, обратился къ суздальскому князю Юрію Владиміровичу, дядѣ Изяслава, о которомъ уже было сказано. Заключивъ съ нимъ союзъ и призвавъ на помощь половцевъ, Святославъ началъ готовиться къ войнѣ. Въ это время черниговскіе князья, Изяславъ и Владиміръ Давидовичи, раззоривъ сѣверную область, осадили Новгородъ, но не могли взять его; тогда они напали на село Игорево, гдѣ находился дворецъ князя Игоря, который они разграбили и сожгли. Между тѣмъ великій князь съ войскомъ приближался къ Новгороду. Святославъ съ своей дружиной и союзными половцами бѣжалъ въ карачевскую землю,

страну глухую и покрытую непроходимыми лѣсами. Но Изяславъ Давидовичъ съ 3000 конницы настигъ его. Завязалась отчаянная битва, въ которой Святославъ, не смотря на малочисленность своего войска, окончательно разбилъ Изяслава Давидовича.

Несчастія Изяслава возрастали: союзникъ Святослава Ольговича, Юрій князь суздальскій, разбилъ рязанскаго князя, который оказывалъ помощь Изяславу; въ это же самое время Святославъ опустошилъ часть смоленской области, наконецъ черниговскіе князья измѣнили ему самымъ коварнымъ образомъ и заключили союзъ съ Святославомъ.

Измѣна черниговскихъ князей повела къ роковымъ послѣдствіямъ для несчастнаго князя Игоря.

Кіевляне, раздраженные этой измѣною, рѣшили умертвить несчастнаго князя, который въ это время уже былъ постриженъ въ схимники. Разъяренная толпа, не смотря на увѣщанія князя Владиміра и митрополита, ворвалась въ церковь, гдѣ Игорь молился въ это время. Князь былъ схваченъ и убитъ самымъ звѣрскимъ образомъ. Изяславъ, узнавъ объ этомъ событіи, ужаснулся. Теперь меня назовутъ убійцей, сказалъ онъ своимъ боярамъ.

Умерщвленіе Игоря еще болѣе разожгло междоусобную войну. Услышавъ о смерти брата и считая Изяслава убійцей, Святославъ заплакалъ и поклялся отомстить. Соединясь вмѣстѣ съ Глѣбомъ, сыномъ Юрія, онъ осадилъ Курскъ. Жители Курска безъ сопротивленія сдались Глѣбу, но узнавъ, что великій князь идетъ имъ на встрѣчу, Святославъ и Глѣбъ удалились въ черниговскую область, гдѣ Изяславъ произвелъ уже большія опустошенія. Война казалось притихла, но не надолго. Вскорѣ Святославъ въ союзѣ съ половцами разорилъ Брачинъ, а Глѣбъ напалъ на Переяславль, но взять его не могъ, такъ какъ жители защищались съ большимъ мужествомъ. Скоро Глѣбъ принужденъ былъ покориться великому князю, который осадилъ его въ Городцѣ.

Вѣроломные Давидовичи, черниговскіе князья, измѣнивъ Изяславу, измѣнили теперь и Святославу, заключивъ съ великимъ княземъ миръ. Дѣло произошло такимъ образомъ: Ростиславъ, старшій сынъ Юрія Суздальскаго, не смотря на то что отецъ его велъ войну съ Изяславомъ, былъ на сторонѣ великаго князя. Онъ явился къ нему въ Кіевъ, былъ обласканъ и получилъ удѣлъ. Давидовичи, опасаясь какъ бы сынъ не примирилъ своего отца съ Изяславомъ, предложили миръ, тогда и Святославъ Ольговичъ, лишившись союзниковъ, тоже изъявилъ желаніе прекратить войну. Миръ торжественно былъ заключенъ въ Черниговѣ, и князья цѣловали крестъ обязуясь дѣйствовать за одно съ Изяславомъ. Самаго великаго князя въ Черниговѣ не было, но онъ прислалъ отъ себя уполномоченныхъ.

Только одинъ Юрій суздальскій твердо отказывался поми-

риться. Честолюбивый князь все еще надѣялся овладѣть кіевскимъ престоломъ и, какъ мы увидимъ послѣ, вполнѣ достигъ этаго.

Всѣ князья, заключившіе миръ, обязались сообща дѣйствовать противъ Юрія, но такъ какъ время для походовъ было неудобное, то война была отложена. Пытались было склонить къ міру и Юрія, но тотъ упорно отказывался.

Заключивъ миръ, князья разъѣхались. Великій князь прибылъ въ Новгородъ, гдѣ былъ принятъ съ энтузіазмомъ. Новгородцы восторженно требовали войны съ суздальскимъ княземъ. Тогда, не смотря на неудобное время, великій князь, видя готовность новгородцевъ, вторгся въ суздальскую область, и страшно опустошилъ ее, но распутица (тогда была весна) сильно затрудняла движеніе, такъ что Изяславъ, не смотря на свой успѣхъ, рѣшился отложить войну и, со множествомъ плѣнныхъ, вернулся въ Кіевъ.

Къ этому времени относится извѣстіе о Москвѣ. Когда она была основана, положительно неизвѣстно. Первое извѣстіе о ней относится къ 1147 году 28 марта. Въ этотъ день князь Святославъ Ольговичъ и его союзникъ Юрій суздальскій пировали въ этомъ городѣ, послѣ побѣды Юрія надъ княземъ рязанскимъ и удачнаго похода князя Святослава въ смоленскую область.

Городъ Москва относился тогда къ суздальской области. Основаніе ее приписываютъ князю Юрію суздальскому; лѣтописцы разсказываютъ, что на мѣстѣ Москвы, прежде находилось село богатаго боярина Степана Ивановича Кучки, который за какую-то вину былъ по приказанію Юрія казненъ. Мѣсто очень понравилось князю и онъ основалъ здѣсь городъ, которому въ послѣдствіи суждено было стать во главѣ русскихъ городовъ.

Военныя дѣйствія вскорѣ начались, но на этотъ разъ счастіе было не въ пользу великаго князя. Князь Юрій, оставшись одинъ, безъ союзниковъ, можетъ быть, по необходимости, и заключилъ бы миръ, тогда бы прекратились и междоусобія въ русской землѣ, которая требовала отдыха послѣ столькихъ волненій, но случилось одно обстоятельство, которое разрушило всѣ надежды на миръ.

Обстоятельство это заключалось въ слѣдующемъ: Ростиславъ, сынъ Юрія суздальскаго, который измѣнилъ отцу и передался на сторону Изяслава, совершилъ свой поступокъ по глубокому внутреннему убѣжденію, что дѣло великаго князя правое, и онъ былъ вѣрнымъ другомъ князя, но нашлись не доброжелатели, которые оклеветали Ростислава Юрьевича предъ великимъ княземъ, утверждая, что будто онъ имѣетъ намѣреніе овладѣть кіевскимъ престоломъ. Великій князь, не разобравъ дѣла, повѣрилъ клеветѣ и съ позоромъ отправилъ Ростислава къ отцу; дружину же его велѣлъ заковать въ цѣпи. Эта неосторожность и легковѣріе стоили Изяславу большихъ несчастій.

Князь Юрій суздальскій воспылалъ гнѣвомъ, увидя безчестіе

сына и тотчасъ же сталъ приготовляться къ войнѣ. Соединившись съ половцами, онъ выступилъ противъ великаго князя.

Святославъ Ольговичъ, не смотря на недавнія клятвы и заключеніе мира, тоже присоединился къ Юрію. Причина такого поступка заключалась вв томъ, что Святославъ никогда не могъ простить Изяславу убійство своего брата, котораго онъ очень любилъ, и считалъ своимъ священнымъ долгомъ отмстить за смерть его. Поэтому, узнавъ, что Юрій набираетъ войско, онъ старался воспользоваться удобнымъ случаемъ.

Итакъ, значитъ, противъ великаго князя вооружилось трое союзниковъ: князь Юрій суздальскій, Святославъ и половцы. Князья же черниговскіе, не смотря на приглашеніе Юрія, отказались отъ союза и остались вѣрными великому князю.

Князь Юрій съ своими союзниками осадилъ Переяславль. Великій князь заперся въ городѣ. Епископъ и бояре совѣтовали Изяславу примириться съ Юріемъ, но князь, отвергнувъ ихъ совѣты, вышелъ въ поле и напалъ на союзниковъ. Битва была ужасная и великій князь понесъ жестокое пораженіе, такъ что самъ едва могъ пробиться и ускакать въ Кіевъ, откуда по совѣту гражданъ уѣхалъ во Владиміръ. Взявъ Переяславль, Юрій пошелъ на Кіевъ и безпрепятственно вошелъ въ него.

Между тѣмъ великій князь обратился за помощью къ королямъ: Венгерскому Гейзѣ, Богемскому Владиславу и къ Полякамъ, которые всѣ охотно согласились помочь ему. Юрій же заключилъ, въ свою очередь, союзъ съ храбрымъ Владимірко, княземъ галицкимъ. Поляки и Венгерцы, на которыхъ Владимірко наводилъ страхъ, узнавъ что онъ въ союзѣ съ Юріемъ, совѣтовали Изяславу примириться съ своимъ дядей и удалились изъ Россіи.

Князь Юрій и союзники осадили городъ Луцкъ въ Волыни; здѣсь особенно отличился сынъ Юрія Андрей, который оказалъ большую неустрашимость.

Послѣ трехнедѣльной осады, Юрій заключилъ миръ, по которому Изяславъ отказался отъ велико-княжескаго престола и взамѣнъ этаго получилъ въ удѣлъ Владимірскую область съ новгородскими данями, кіевскій же престолъ рѣшили отдать Вячеславу.

Однако Юрій не исполнилъ мирнаго договора, занявъ самъ Кіевъ. Тогда Изяславъ, съ небольшою дружиною, внезапно явился подъ Кіевомъ. Князь Юрій, пораженный неожиданнымъ его появленіемъ, бѣжалъ въ Городецъ. Изяславъ объявилъ себя великимъ княземъ и когда въ Кіевъ прибылъ Вячеславъ, онъ уговорилъ его удалиться обратно въ Вышгородъ.

Но вскорѣ Изяславъ снова испыталъ такое же несчастіе. Владимірко, князь галицкій, союзникъ Юрія, быстро приближался къ Кіеву, князья черниговскіе также соединились съ Юріемъ. На берегахъ рѣки Стугны произошла битва, великій князь былъ разбитъ и бѣжалъ въ Кіевъ. Князь Юрій слѣдовалъ за нимъ по пя-

тамъ и вскорѣ уже былъ подъ Кіевомъ. Изяславъ принужденъ былъ бѣжать въ Владимірскую область.

Союзники вошли въ городъ и отслужили молебствіе въ Печерскомъ монастырѣ. Владимірко вскорѣ удалился изъ Кіева и вернулся въ Галичь, взявъ по дорогѣ нѣсколько волынскихъ городовъ.

Изяславъ снова предложилъ миръ, но Юрій отвергнулъ его; тогда князь заключилъ союзъ съ венгерскимъ королемъ Гейзою, который далъ ему 10,000 человѣкъ войска. Изяславъ пошелъ на Кіевъ, но на пути встрѣтился съ сильнымъ отрядомъ Владимірко. Не рѣшаясь вступить въ битву, князь употребилъ военную хитрость. Ночью онъ велѣлъ разложить большіе огни. Непріятель былъ обманутъ и Изяславъ ушелъ, благополучно избѣгнувъ опасности. Дорогой онъ отрядилъ брата своего Владиміра къ Бѣлгороду, гдѣ находился сынъ Юрія, Борисъ. Владиміръ, внезапно напавъ на городъ, взялъ его, такъ что Борисъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Кіевъ, гдѣ находился тогда его отецъ.

Юрій, узнавъ отъ сына о приближеніи Изяслава, поспѣшно бѣжалъ въ Остеръ. Народъ принялъ Изяслава съ неподдѣльнымъ восторгомъ и праздники слѣдовали за праздниками.

Узнавъ о бѣгствѣ Юрія и потери Бѣлгорода, Владимірко высказалъ сильное неудовольствіе за такую непростительную безпечность отца и сына, и самъ удалился въ Галицію, собирая по дорогѣ дань съ волынскихъ городовъ. Изяславъ, получивъ престолъ, предлагалъ его своему престарѣлому дядѣ Вячеславу, котораго онъ когда-то изгналъ изъ Кіева. Вячеславъ, тронутый такимъ поступкомъ, назвалъ его своимъ сыномъ и предложилъ управлять вмѣстѣ. Такимъ образомъ въ Кіевѣ явилось два князя, но Вячеславъ уже былъ старъ, слѣдовательно все управленіе княжества сосредоточивалось въ рукахъ Изяслава.

Неутомимый Юрій снова собрался съ силами: призвалъ Ольговичей, заключилъ союзъ съ Половцами и осадилъ Кіевъ. Престарѣлый Вячеславъ всячески убѣждалъ Юрія не проливать понапрасну крови. Тотъ соглашался прекратить военныя дѣйствія и признавалъ Вячеслава великимъ княземъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы Изяславъ и Ростиславъ оставили Кіевъ.

Неудача переговоровъ повела къ битвамъ. Первое сраженіе было не совсѣмъ удачно для Изяслава и онъ отступилъ подъ самый Кіевъ. Вячеславъ вторично пытался уговорить Юрія, но и въ этотъ разъ безуспѣшно. Началась кровопролитная битва, Юрій принужденъ былъ отступить, чтобъ соединиться съ Владимірко, который шелъ къ нему на помощь. Изяславъ, понимая опасность такого соединенія, бросился за нимъ въ погоню; всѣ Кіевляне, которые только могли носить оружіе, поспѣшили на помощь своему любимому князю. Изяславъ настигъ Юрія за Стугною и здѣсь произошла рѣшительная битва. Не смотря на ужасную бурю

и дождь войска съ обѣихъ сторонъ дрались съ ожесточеніемъ. Андрей, сынъ Юрія, выказывалъ чудеса храбрости, Изяславъ былъ раненъ, князь Владиміръ черниговскій убитъ, вообще битва была жестокая и кончилась полнымъ пораженіемъ Юрія, который съ небольшимъ остаткомъ войска бѣжалъ въ Переяславль, но Мстиславичи осадили его и тамъ. Тогда Юрій смирился и принялъ миръ, по которому онъ обязывался оставить Переяславль и жить въ Суздалѣ, а Переяславль побѣдители отдали въ удѣлъ его же сыну Андрею, слѣдовательно съ Юріемъ поступлено было слишкомъ снисходительно; но вѣроломный князь ждалъ только случая, чтобъ снова возобновить войну; онъ главнымъ образомъ разсчитывалъ на Владимірко, который обѣщалъ ему помощь; вскорѣ послѣ мирнаго договора онъ уже началъ звать Половцевъ. Вскорѣ случилось происшествіе весьма печальное для Изяслава. Думая наказать Владимірко, который всегда старался ему вредить и принесъ много вреда государству, Изяславъ обратился за помощью къ другу своему венгерскому королю Гейзѣ и послалъ къ нему сына своего Мстислава. Гейза, какъ и всегда, охотно согласился помочь ему и далъ Мстиславу нѣсколько тысячь войска. Мстиславъ, вступивъ въ Волынь, пировалъ вмѣстѣ съ Венгерцами, которые всѣ напились пьяными. Вдругъ передъ разсвѣтомъ показался Владимірко, но Венгерцы не только что не могли идти въ бой, но даже не были въ состояніи и встать. Началось ужасное побоище. Большая часть Венгровъ была истреблена. Князь Мстиславъ Изяславичъ едва ускакалъ съ своими боярами.

Князь Юрій суздальскій, какъ извѣстно, долженъ былъ по мирному договору оставить Переяславль и переселиться въ Суздаль, но онъ нисколько не думалъ исполнять условія договора и оставался въ Переяславлѣ. Наконецъ, по настоянію Изяслава, оставилъ этотъ городъ, но въ Суздаль все таки не поѣхалъ, а отправился въ Городецъ, гдѣ и поселился, изыскивая способы отмстить Изяславу за свое пораженіе.

Изяславъ, получивъ извѣстіе о пораженіи сына своего Мстислава и зная что Юрій причастенъ этому, призвалъ союзниковъ и, осадивъ Городецъ, заставилъ Юрія принять слѣдующія условія: во 1-хъ Переяславль уступается князю Мстиславу и во 2-хъ самъ Юрій немедленно долженъ удалиться въ Суздаль. Городецъ же великій князь вначалѣ было отдалъ сыну Юрія Глѣбу, но потомъ отнялъ его и велѣлъ срыть до основанія.

Затѣмъ Изяславъ обратился на другаго своего врага, галицкаго князя Владимірко. Заключивъ по обыкновенію союзъ съ Гейзой, оба государя двинулись противъ общаго врага и близъ рѣки Сана встрѣтились съ Владимірко. Венгры и Русскіе бросились въ битву, Владимірко былъ побѣжденъ и ускакалъ въ Перемышль. Притворясь раненымъ, онъ умолялъ союзниковъ о пощадѣ. Изяславъ, а въ особенности сынъ его Мстиславъ, зная ко-

варство Владимірка, не очень довѣряли его болѣзни и не хотѣли и слышать о мирѣ, но Гейза не согласился съ ними и простилъ Владимірка, да кромѣ того королю венгерскому нельзя было болѣе и оставаться въ Галиціи, такъ какъ Греческій Императоръ Мануилъ, другъ Владимірка, опустошалъ Венгерскую землю.

Такимъ образомъ миръ съ Владимірком былъ заключенъ. По этому миру онъ обязался никогда не вредить великому князю Изяславу и въ знакъ вѣрности своего слова цѣловалъ крестъ св. Стефана, но для такого человѣка, какимъ былъ Владимірко, нарушить клятву ничего не значило. И дѣйствительно, лишь только Гейза ушелъ въ Венгрію, какъ Владимірко уже сталъ подумывать о мести. Узнавъ что Юрій собираетъ войско, онъ поспѣшилъ къ нему на помощь, но былъ разбитъ Изяславомъ. Отступая, Владимірко захватилъ на пути многіе города и, прибывъ въ Галичъ, сталъ готовиться къ новому походу, но умеръ, не успѣвъ исполнить своего намѣренія.

Князь Юрій суздальскій, прибывъ въ Суздаль, ни какъ не могъ примириться съ своимъ положеніемъ и, нарушивъ клятву, сталъ готовиться къ новой войнѣ. Заключивъ союзъ съ князьями рязанскими, Святославомъ Ольговичемъ и половцами, онъ осадилъ Черниговъ, но великій князь Изяславъ скоро пришелъ на помощь осажденному городу. половцы бѣжали, тогда и Юрій принужденъ былъ отступить и городъ Черниговъ былъ спасенъ.

Желая наказать половцевъ за помощь, которую они постоянно оказывали его врагамъ, великій князь отправилъ съ отрядомъ сына своего Мстислава въ землю половецкую. Мстиславъ весьма удачно воевалъ, разбилъ половцевъ и освободилъ множество русскихъ плѣнныхъ.

Владимірке наслѣдовалъ сынъ его Ярославъ, это былъ человѣкъ такого же двуличнаго характера, какъ и его отецъ. Вступивъ во владѣніе княжествомъ, онъ старался усыпить Изяслава наружнымъ миролюбіемъ. Изяславъ требовалъ отъ него возвращенія городовъ, захваченныхъ его отцомъ и видя, что тотъ старается оттянуть дѣло, обратился къ оружію.

Войска сошлись на берегахъ рѣки Серета; битва произошла жестокая и великій князь, захвативъ множество плѣнныхъ, вернулся въ Кіевъ.

Между тѣмъ князь Юрій, завоевавъ страну вятичей, готовился снова выступить противъ Изяслава. Со стороны галицкаго князя Ярослава также нужно было опасаться войны. Изяславъ готовился обуздать враговъ, но вскорѣ умеръ.

Престарѣлый Вячеславъ пережилъ своего племянника, котораго горько оплакивалъ.

Изяславъ заслужилъ всеобщую любовь народа за его великодушіе и благородство характера. Самъ Изяславъ весьма дорожилъ этой любовью;—не отдалялся, а напротивъ былъ близокъ къ на-

роду, онъ часто пировалъ вмѣстѣ съ гражданами. Дѣла государственныя также подвергалъ на обсужденіе народа.—Войны велъ онъ, хотя и часто, но по крайней необходимости. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ жертвовалъ своимъ достоинствомъ лишь бы только избѣгнуть пролитія крови, такъ напримѣръ, когда новгородцы взбунтовались и съ безчестьемъ изгнали своего князя Ярослава, сына великаго князя, то Изяславъ, не смотря на кровную обиду, нанесенную ему этимъ поступкомъ, не наказалъ новгородцевъ, но ограничился лишь тѣмъ, что вмѣсто Новгорода, далъ въ удѣлъ Ярославу Владиміръ Волынскій.

Изъ внутреннихъ дѣлъ Изяслава важно, въ особенности, одно, касающееся духовенства. Ярославъ великій, какъ извѣстно, заставилъ епископовъ посвятить Иларіона въ Митрополиты, не испрашивая согласія константинопольскаго Патріарха. Но послѣ смерти великаго князя старый порядокъ возобновился и русскіе Митрополиты находились въ зависимости отъ константинопольскихъ Патріарховъ. Великій князь Изяславъ пошелъ, въ этомъ случаѣ, по слѣдамъ Ярослава: по смерти Митрополита Михаила, онъ собралъ шесть епископовъ и велѣлъ имъ посвятить въ Митрополиты Климента черноризца. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ о законности посвященія, всѣ епископы, исключая только одного Нифонта новгородскаго, согласились исполнить волю великаго князя. Такимъ образомъ Изяславъ, какъ и Ярославъ, ясно выразили свою волю: что церковь русская должна быть независима. Примѣръ на западѣ, гдѣ папа подчинилъ себѣ даже государей, не остался не замѣченнымъ нашими князьями и заставилъ ихъ слѣдовать такой политикѣ, въ отношеніи греческихъ патріарховъ, которые хотя и протестовали противъ этого, не желая выпускать изъ своихъ рукъ власть надъ русскимъ духовенствомъ, но должны были уступить твердости русскихъ государей.

XIII.

Княженіе Ростислава—Михаила Мстиславича и Изяслава Давидовича. Восшествіе на Кіевскій престолъ Юрія Долгорукаго.

Смерть великаго князя Изяслава развязала руки честолюбивымъ князьямъ черниговскимъ, а въ особенности же Юрію, князю суздальскому, который ужь давно добивался кіевскаго престола. Прежде всѣхъ явился Изяславъ Давидовичъ, князь черниговскій, но не былъ пущенъ въ Кіевъ старымъ Вячеславомъ который призвалъ къ себѣ Ростислава, брата Изяслава, князя новгородскаго и смоленскаго. Вячеславъ передалъ ему дружину и власть, говоря, что онъ уже старъ и не можетъ заниматься дѣлами государства.

Ростиславъ не былъ похожъ на своего брата по характеру: это былъ хотя человѣкъ и добрый, но слабый и малодушный, а потому онъ и не могъ удержать въ своихъ рукахъ великокняжеской власти, тѣмъ болѣе, что имѣлъ дѣло съ такими хитрыми и коварными соперниками, какими были князь Юрій и Изяславъ черниговскій. Здѣсь нуженъ былъ государь твердаго характера.

Старый Вячеславъ, своимъ добродушіемъ и мягкимъ характеромъ, заслужилъ глубокую любовь народа, который, предлагая Ростиславу престолъ, требовалъ отъ него, чтобъ онъ уважалъ и почиталъ дядю какъ отца.

Вскорѣ начались междоусобія: трое князей, Изяславъ черниговскій, Святославъ Ольговичъ и Юрій суздальскій—эти три бича русскаго народа, заключили между собою союзъ; дѣло конечно не обошлось и безъ половцевъ, которые всегда пользовались раздорами князей, чтобъ грабить русскую землю и охотно оказывали помощь всякому, ктобы ихъ ни приглашалъ.

Глѣбъ, сынъ Юрія, нанявъ этихъ половцевъ, осадилъ Переяславль, но былъ разбитъ Мстиславомъ, сыномъ покойнаго князя Изяслава.—Великій князь, чтобъ придупредить Юрія, шелъ на Черниговъ, какъ вдругъ узналъ о смерти любимаго дяди Вячеслава. Возвратившись въ Кіевъ и похоронивъ дядю, котораго нородъ горько оплакивалъ, онъ снова вернулся къ войску.

Подступивъ къ Чернигову, великій князь встрѣтился съ Изяславомъ на берегахъ рѣки Бѣлоуса. Однако битвы, по малодушію князя, не произошло. Ростиславъ отказывался отъ Кіева и титула великаго князя, уступая все это князю черниговскому, и просилъ лишь только одного—мира. Союзникъ его Мстиславъ, сынъ Изяслава, разсерженный такою трусливостью, увелъ свои войска. Тогда половцы бросились на дружину Ростислава и многихъ изрубили.

Получивъ такъ дешево побѣду, Изяславъ вступилъ въ Кіевъ и былъ объявленъ великимъ княземъ, но его княженіе продолжалось всего лишь нѣсколько дней; болѣе хитрый и пронырливый Юрій занялъ его мѣсто.

Когда князь суздальскій узналъ о событіяхъ, происшедшихъ подъ Черниговомъ, то, примирившись съ Ростиславомъ Мстиславичемъ, пошелъ на Кіевъ, приказалъ сказать Изяславу, чтобъ онъ выѣхалъ изъ города, такъ какъ, по праву старшинства, престолъ кіевскій долженъ принадлежать ему—Юрію. Изяславъ не осмѣлился ослушаться Юрія и немедленно отправился въ Черниговъ.

Наконецъ-то князь Юрій достигнулъ предмета своихъ желаній—кіевскаго престола, изъ-за котораго онъ пролилъ столько крови и совершилъ множество злодѣйствъ. Вся жизнь его прошла въ борьбѣ за этотъ престолъ и вотъ, уже въ старости, онъ

достигаетъ своей цѣли. Вступивъ въ Кіевъ, Юрій былъ объявленъ великимъ княземъ.

XIV

Княженіе Юрія Владиміровича Долгорукова.

Достигнувъ престола, князь Юрій не былъ любимъ народомъ. Причиною тому было его, всѣмъ извѣстное, коварство; постоянныя кровопролитія и смуты въ государствѣ, большею частію, также исходили отъ него. Будучи самъ сыномъ Мономаха, онъ постоянно вредилъ Мономаховичамъ, къ которымъ кіевскій народъ, чтя память великаго Владиміра, былъ очень привязанъ. Всѣ войны Юрія, по большей части, были направлены противъ Мономаховичей,—союзники же его были враги ихъ, какъ напримѣръ Владимірко галицкій, князья черниговскіе и Ольговичи. Вообще этотъ князь, ради своего честолюбія, жертвовалъ всѣмъ; нарушить клятву для него ровно ничего не значило. Даже старшій сынъ его Ростиславъ, какъ извѣстно, гнушался вѣроломнаго отца.

Впрочемъ княженіе его продолжалось не долго.

Сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ прежде всего распредѣлилъ удѣлы слѣдующимъ образомъ: сыновьямъ—Андрею назначилъ Вышгородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль и Васильку окрестности Роси.

Не всѣ князья однако же признали Юрія великимъ княземъ, такъ Мстиславъ Изяславичъ открыто объявилъ себя его врагомъ, напалъ на Волынь и опустошилъ эту область. Черниговскіе князья заключили съ нимъ союзъ, и рѣшили вмѣстѣ дѣйствовать противъ великаго князя.

Между тѣмъ какъ самъ Юрій, ослабленный старостью, желалъ мира и спокойствія. Онъ призывалъ князей, убѣждая ихъ забыть вражду, но все это оказалось напраснымъ; князья не могли довѣрять его склонности къ миру и тишина въ Россіи продолжалась лишь очень короткое время.

Первымъ нарушилъ ее Мстиславъ, внукъ Юрія, который изгналъ своего дядю Владиміра изъ владимірской области. Князь Владиміръ былъ союзникъ Юрія и великій князь, рѣшивъ наказать внука, осадилъ Владиміръ. Кровопролитныя битвы продолжались цѣлыя десять дней. Наконецъ Юрій уступилъ, снялъ осаду и удалился.

Въ Новгородѣ, въ это время, княжилъ сынъ Юрія, Мстиславъ Юрьевичъ, но народъ, не любя этого князя, пригласилъ къ себѣ Ростислава Мстиславича. Мстиславъ же принужденъ былъ бѣжать.

Наконецъ четверо изъ князей: Изяславъ Давидовичъ Черниговскій, Ростиславъ, Святославъ Владиміровичи и Мстиславъ

Изяславичъ волынскій, вступивъ между собою въ союзъ, собирались идти въ Кіевъ, какъ вдругъ было получено извѣстіе о смерти Юрія.

Эта смерть была счастливымъ событіемъ, потому что отвратила страшное кровопролитіе. Да и самъ Юрій избавился отъ позора быть изгнаннымъ изъ Кіева, что, при всеобщей ненависти къ нему народа, непремѣнно бы случилось, какъ только союзники подступили къ стѣнамъ города. Въ самомъ дѣлѣ, эта ненависть была настолько велика, что какъ только лишь народъ узналъ о его смерти, разграбилъ его дворецъ и умертвилъ многихъ преданныхъ ему бояръ. Изъ внутреннихъ дѣлъ его, когда онъ былъ великимъ княземъ, нѣтъ ни одного выдающагося, да впрочемъ, въ такое короткое княженіе и притомъ при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, трудно было и сдѣлать что нибудь. Между тѣмъ, будучи еще удѣльнымъ княземъ, Юрій показалъ свои административныя способности: онъ строилъ города, изъ которыхъ кромѣ Москвы замѣчательны: Юрьевъ, Переяславль Залѣсскій и Дмитровъ; проводилъ дороги, но особенно трудился надъ распространеніемъ христіанской религіи, построивъ нѣсколько церквей—и покровительствуя духовенству, которое въ то время имѣло благотворное вліяніе на народъ. Священники тогда были единственными учителями русской земли.

XV

Княженіе Изяслава Давидовича.

Со смертью князя Юрія Долгорукаго начинается уже другая эпоха. До этого времени центръ тяжести государства находился въ Кіевѣ. Удѣльныя князья хотя и стремились къ независимости, но все таки на кіевскаго князя смотрѣли, какъ на старшаго изъ всѣхъ князей. Всѣ раздоры между князьями происходили, большею частію, изъ-за кіевскаго престола. Однимъ словомъ, Кіевъ считался главою Руси. Со смертью послѣдняго сына Мономаха такой порядокъ рушился. Значеніе Кіева все болѣе и болѣе падаетъ. Русь дробится на множество княжествъ, но только совершенно независимыхъ.

Престолъ кіевскій снова перешелъ къ черниговскимъ князьямъ. Врагъ Юрія Долгорукова Изяславъ Давидовичъ, по приглашенію кіевлянъ, прибылъ въ Кіевъ и былъ объявленъ великимъ княземъ.

Изяславъ первый ослабилъ кіевское княжество, отдавъ родовой удѣлъ свой Черниговъ князю Сѣверскому, чтобы имѣть въ немъ надежнаго союзника. Такимъ образомъ у великаго князя осталась лишь одна кіевская область, да нѣсколько городовъ

черниговской области. Съ этихъ поръ паденіе Кіева уже стало замѣтно и санъ великаго князя потерялъ всякое значеніе.

Но за то въ суздальской землѣ возникаетъ новое могущественное княжество—Владимірское.

Основатель его сынъ Юрія Долгорукаго, извѣстный своею храбростью, князь Андрей Юрьевичъ, съ грустію смотрѣлъ на кровопролитія и междоусобія, раздирающія Россію. Онъ не могъ видѣть этой кровавой картины, и вотъ, не сказавши отцу, тайно уѣхалъ въ суздальскую землю. Тамъ онъ построилъ новый городъ Боголюбовъ въ которомъ, постоянно и жилъ. Другой городъ Владиміръ на Клязьмѣ, Андрей увеличилъ и украсилъ такъ, что скоро этотъ городъ сталъ имѣть первенствующее значеніе въ Россіи и затмилъ Кіевъ. Княженіе Изяслава не было счастливо; оно прошло, большею частію, въ войнахъ, неудачныхъ для великаго князя. Прежде всего онъ предпринялъ походъ на Туровъ, который обѣщалъ дать въ удѣлъ Владиміру Мстиславичу. Собравъ большое войско и соединившись съ князьями волынскимъ, галицкимъ и смоленскимъ, онъ осадилъ Туровъ, гдѣ княжилъ Юрій Ярославичъ. Войска простояли 10 дней, но не могли взять города, такъ какъ Юрій искусно оборонялся. Изяславъ принужденъ былъ уйти назадъ.

Вскорѣ Изяславъ разсорился съ своимъ союзникомъ княземъ галицкимъ, Ярославомъ. Причиною ссоры послужило слѣдующее обстоятельство. У Ростислава, брата извѣстнаго уже Владимірка, остался сынъ Іоаннъ, по прозванію Берладникъ. Іоаннъ отличался мужественнымъ и благороднымъ характеромъ. Не имѣя удѣла, онъ жилъ на службѣ великаго князя. Жители галицкіе давно уже приглашали его къ себѣ на княженіе, вслѣдствіе чего онъ былъ опасенъ Ярославу. Ярославъ требовалъ у великаго князя выдачи своего двоюроднаго брата. Изяславъ не только отказалъ въ выдачѣ, но даже объявилъ войну Ярославу, думая изгнать его изъ Галиціи и отдать княжество Іоанну. Пригласивъ множество Половцевъ онъ съ огромнымъ войскомъ осадилъ Галичъ, но союзники измѣнили ему и передались непріятелю. Изяславъ понесъ жестокое пораженіе. Великій князь бѣжалъ за Днѣпръ. Князь галицкій и его союзники князья волынскіе, разбивъ Изяслава, пошли на Кіевъ и безпрепятственно вошли въ него. Но никто изъ князей не хотѣлъ воспользоваться престоломъ Мономаха, тогда рѣшено было возвратить престолъ Ростиславу Мстиславичу, который уже былъ великимъ княземъ, но позорно уступилъ свой престолъ Изяславу Давидовичу. Союзники отправили къ нему пословъ въ Смоленскъ, гдѣ Ростиславъ тогда княжилъ. Принявъ приглашеніе, онъ въ другой разъ былъ объявленъ великимъ княземъ. Изъ этого событія уже ясно видно до какой степени кіевскій престолъ утратилъ свое прежнее обаяніе. Прежде за обладаніе имъ лилась кровь и совершались преступленія, теперь же онъ добровольно уступается другому.

XVI.

Вторичное княженіе Ростислава Мстиславича. Суздальскій князь Андрей. Война съ Болгарами. Княженіе Мстислава Изяславича. Паденіе Кіева.

Вступивъ на кіевскій престолъ, Ростиславъ принужденъ долгое время бороться съ изгнаннымъ Изяславомъ, за котораго вступился могущественный владимірскій князь Андрей. Война вначалѣ была весьма несчастлива для великаго князя. Андрей овладѣлъ Новгородомъ; Изяславъ же, собравъ большія толпы половцевъ, явился подъ Кіевомъ. Началось сильное сраженіе, Ростиславъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Бѣлгородъ.

Но Изяславъ властвовалъ не долго. Услышавъ, что Мстиславъ волынскій, печенѣги и галичане идутъ къ Ростиславу на помощь, онъ поспѣшно бѣжалъ и былъ убитъ дорогою.—Ростиславъ снова вернулся въ Кіевъ. Вскорѣ онъ примирился и съ Андреемъ, который возвратилъ ему Новгородъ, убѣдясь что управлять безпокойными новгородцами дѣло довольно трудное.

Умный Андрей, видя, какъ государство гибнетъ вслѣдствіе удѣльной системы, понялъ что единовластіе необходимо. Поэтому въ своемъ суздальскомъ княжествѣ онъ не давалъ городовъ ни сыновьямъ, ни братьямъ; а когда братья его Мстиславъ, Василько и Михаилъ стали изъявлять свое негодованіе на его образъ дѣйствій, онъ немедленно изгналъ ихъ вмѣстѣ съ преданными имъ боярами. Такимъ образомъ въ суздальскомъ княжествѣ утвердилось единовластіе.

Удалившись въ суздальскую землю и занимаясь внутреннимъ устройствомъ княжества, Андрей однако принужденъ былъ взяться за мечъ. Оскорбленный сосѣдними болгарами, Андрей, соединившись съ муромскимъ княземъ Юріемъ, разбилъ ихъ на голову. Вскорѣ великій князь Ростиславъ скончался въ глубокой старости, завѣщая свой престолъ Мстиславу князю волынскому.

Мстиславъ, не извѣстно почему, поручилъ пока занять Кіевъ племяннику своему Васильку Ярополковичу,

Пользуясь отсутствіемъ великаго князя, дядя его, братъ Ярославъ и князь дорогобужскій Владиміръ Андреевичъ захватили нѣсколько городовъ; оскорбленный Мстиславъ, призвавъ на помощь галичанъ и поляковъ. явился въ Кіевъ и усмирилъ князей. Только лишь одинъ изъ нихъ, дядя его Владиміръ Мстиславичъ, заперся въ Вышгородѣ и думалъ обороняться. Взявши Вышгородъ Мстиславъ простилъ Владиміра и даже далъ ему въ удѣлъ Котельницу, но Владиміръ, измѣнивъ нѣсколько разъ своему племяннику, навлекъ на себя всеобщее презрѣніе. Опасаясь строгаго

возмездія со стороны Мстислава, онъ бѣжалъ къ суздальскому князю Андрею, который и поселилъ его въ рязанской области.

Одно изъ важныхъ событій въ княженіе Мстислава,—это былъ походъ на половцевъ, которые не переставали разорять русскую землю.

Великій князь созвалъ князей, сказалъ имъ рѣчь, въ которой краснорѣчиво убѣждалъ ихъ ополчиться на половцевъ. Всѣ князья изъявили согласіе и каждый изъ нихъ привелъ свою дружину. Походъ былъ чрезвычайно удаченъ. Разбивъ половцевъ, князья вернулись съ багатой добычей и освободили многихъ русскихъ, находившихся въ плѣну у половцевъ.

Мстиславъ былъ послѣднимъ великимъ княземъ кіевскимъ. Кіевъ палъ, уступивъ свое первенство Владимиру.

Событіе это произошло такимъ образомъ:

Новгородцы изгнали своего князя Святослава Ростиславича; Святославъ бѣжалъ къ Андрею суздальскому, который принялъ его подъ свое покровительство.

Новгородцы, оставшись безъ князя, обратились къ Мстиславу кіевскому, который и послалъ къ нимъ сына своего Романа. Это и было причиною ненависти Андрея къ Мстиславу. Андрей, заключивъ союзъ со многими князьями и собравъ огромное войско, поручилъ его сыну своему Мстиславу, который осадилъ Кіевъ и взялъ его приступомъ; войска Андрея три дня грабили священный городъ. Мстиславъ убѣжалъ въ Волынь, а Кіевъ Андрей отдалъ въ удѣлъ своему брату Глѣбу.

XVII.

Князь Андрей Боголюбскій.

Взявъ Кіевъ, Андрей сталъ самымъ могущественнымъ государемъ въ русской землѣ. Всѣ князья, исключая только черниговскихъ и галицкаго, находились въ полной зависимости отъ Андрея. Собственная его область суздальская была очень обширна.

Глѣбъ, утвердившись на престолѣ кіевскомъ, не долго княжилъ спакойно. Вскорѣ показались огромныя полчища половцевъ, которые жгли и грабили города и села; князь Михаилъ, братъ Глѣба, собравъ небольшую дружину бросился за половцами, которыхъ настигъ и нанесъ имъ страшное пораженіе, взялъ 1500 плѣнныхъ и освободилъ множество русскихъ.

Не успѣлъ Глѣбъ освободиться отъ половцевъ, какъ узналъ, что свергнутый съ престола Мстиславъ идетъ на него съ большимъ войскомъ; дѣйствительно Мстиславъ, заключивъ союзъ съ

Ярославомъ галицкимъ, который далъ ему нѣсколько полковъ, быстро приближался къ Кіеву. Глѣбъ, имѣя только небольшую дружину и не надѣясь на кіявлянъ, бѣжалъ въ Переяславль.

Овладѣвъ Кіевомъ, Мстиславъ осадилъ Вышгородъ, но союзники измѣнили ему. Получивъ извѣстіе, что Глѣбъ идетъ съ половцами, Мстиславъ принужденъ былъ удалиться въ Волынь и тамъ снова началъ готовиться къ войнѣ, но въ скорѣ заболѣлъ и умеръ.

Въ то время, какъ эти событія происходили на югѣ, на сѣверѣ тоже возгорѣлась война между новгородцами и княземъ Андреемъ, который хотѣлъ наказать ихъ за постоянныя возмущенія противъ своихъ законныхъ князей. Но война эта окончилась весьма печально для Андрея. Первая битва произошла на Бѣлоозерѣ. Небольшой отрядъ новгородцевъ окончательно разбилъ довольно значительное войско князя суздальскаго. Раздраженный этой неудачей Андрей рѣшился жестоко отмстить новгородцамъ.

Собравъ большой отрядъ, къ которому присоединились дружины князей рязанскаго, муромскаго, полоцкаго и смоленскаго, и поручивъ главное начальство сыну своему Мстиславу, онъ послалъ всю эту массу войскъ на несчастный Новгородъ. По пути Мстиславъ жегъ и опустошалъ селенія новгородской области, безъ пощады убивая ни въ чемъ невиновныхъ жителей.

Осадивъ Новгородъ, Мстиславъ требовалъ немедленной сдачи. Новгородцы, вспоминая судьбу Кіева, рѣшились защищаться до послѣдней крайности.

Битва началась на четвертый день, и новгородцы одержали блистательную побѣду, обративъ Мстислава въ бѣгство. Спасеніе свое они приписывали чудесамъ Божіей Матери, икону которой Архіепископъ Іоаннъ носилъ по городу, во все время сраженія. Войска Мстислава, на возвратномъ пути, терпѣли страшныя бѣдствія и умирали отъ голода или болѣзней, такъ какъ имъ пришлось отступать по странѣ ими же опустошенной и разграбленной. Вскорѣ новгородцы заключили миръ съ Андреемъ, по которому удержали всѣ свои права, данныя имъ Ярославомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязались принять, назначеннаго имъ Андреемъ, князя Рюрика Ростиславича.

Едва окончилась война съ новгородцами, какъ пришла вѣсть, что половцы снова грабятъ русскія земли. Князь Михаилъ, братъ Андрея, не медленно двинулся имъ на встрѣчу и разбилъ варваровъ, освободивъ 400 человѣкъ русскихъ, Въ это время скончался Глѣбъ, князь кіевскій, братъ Андрея; на мѣсто его Андрей, имѣвшій уже титулъ великаго князя, назначилъ Романа Ростиславича, князя смоленскаго.

Разбивъ дикихъ половцевъ, Андрей перенесъ свое оружіе на болгаръ; причины этой войны не извѣстны.

Лѣтописцы разсказываютъ только, что сынъ Андрея, Мстиславъ, соединившись съ рязанцами и муромцами, взяли одинъ болгарскій городъ и шесть деревень, но возвращаясь назадъ, они едва не были настигнуты шестью тысячнымъ болгарскимъ отрядомъ. Вскорѣ, послѣ этой войны, Мстиславъ скончался.

Не задолго до своей смерти Андрей велъ довольно неудачную войну съ Ростиславичами. Подозрѣвая, что братъ его Глѣбъ умеръ неестественною смертью, а былъ убитъ однимъ изъ кіевскихъ вольможъ, Григоріемъ Хатовичемъ, великій князь сталъ требовать его выдачи.—Но Романъ Ростиславичъ, который княжилъ въ это время въ Кіевѣ, зная невинность Хатовича, отказалъ Андрею.—Разгнѣванный великій князь велѣлъ всѣмъ Ростиславичамъ выѣхать изъ южныхъ областей. Тогда Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ Ростиславичи, ночью пробравшись въ Кіевъ, схватили тамъ брата Андрея Всеволода и племянника Ярополка, за тѣмъ осадивъ другаго Андреева брата Махаила, въ городѣ Торчеслѣ, заключили съ нимъ миръ, по которому Рюрикъ Ростиславичъ получилъ кіевское княжество.

Но Андрей не призналъ этого мира, а собравши до 50,000 войска, рѣшилъ строго наказать Ростиславичей. Войска подъ предводительствомъ Юрія, сына Андрея, безпрепятственно заняли Кіевъ; Рюрикъ бѣжалъ въ Бѣлгородъ, Давидъ въ Галичъ, а Мстиславъ, съ незначительною дружиною, заперся въ Вышгородѣ.

Эта многочисленная армія соединилась еще съ войсками другихъ князей, подвластныхъ Андрею. Всѣхъ князей было болѣе двадцати. Главное начальство надъ ней принялъ Святославъ, внукъ Олега.

Святославъ осадилъ Вышгородъ. Казалось, что гибель Мстислава не избѣжна. Но его храбрость и дарованія, а также случай, помогли ему выдти изъ этого положенія самымъ блестящимъ образомъ.

Войска стояли девять недѣль и не могли взять маленькую крѣпость. Армія еще болѣе усилилась, когда къ ней на помощь пришелъ съ своимъ отрядомъ князь Изяславъ Ярославичъ Луцкій. Но этотъ князь самъ добивался кіевскаго престола и узнавъ, что одни изъ союзныхъ князей—Ольговичи, предназначаютъ его себѣ, заключилъ съ Мстиславомъ и Рюрикомъ тайный союзъ и наконецъ явно перешелъ на ихъ сторону. Тогда устрашенная и трусливая армія обратилась въ бѣгство.

Мстиславъ выступилъ изъ крѣпости и нанесъ союзникамъ окончательное пораженіе; взялъ множество людей въ плѣнъ и захватилъ весь непріятельскій обозъ.

Вскорѣ послѣ этаго неудачнаго дѣла Андрей былъ убитъ своими вельможами, которые ненавидѣли князя за его строгость. Это печальное событіе произошло, какъ разсказываютъ лѣтописцы, такимъ образомъ: одинъ изъ братьевъ жены Андрея былъ, по

приказанію князя, казненъ за какое-то преступленіе. Братъ казненнаго, Іоакимъ, поклялся отомстить князю и вступилъ въ заговоръ съ другими вельможами. Ночью заговорщики вломились въ спальню Андрея и убили его самымъ звѣрскимъ образомъ.— Дворецъ великаго князя былъ разграбленъ на другой же день жителями Боголюбова.—Въ городѣ начался мятежъ. Народъ грабилъ дома богатыхъ гражданъ и умертвилъ многихъ чиновниковъ.

Характеръ великаго князя Андрея уже достаточно извѣстенъ изъ прежняго описанія. Народъ, а въ особенности владимірцы, его любилъ и былъ къ нему привязанъ. Князь былъ добръ и отличался благотворительностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ строго слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ законовъ, и вотъ причина ненависти къ нему бояръ, которымъ онъ не давалъ своевольничать и казнилъ безъ пощады ослушниковъ.

Андрей былъ искренно набоженъ: онъ строилъ церкви, улучшалъ бытъ духовныхъ и обратилъ множество болгаръ и евреевъ въ христіанство.

Но главнѣйшая заслуга Андрея была та, что онъ первый сдѣлалъ починъ къ учрежденію единовластія въ русской землѣ.

XVIII.

Княженіе Михаила и Всеволода Юрьевичей.

Послѣ несчастной кончины Андрея Юрьевича, народъ собравшись на Вѣче, провозгласилъ великимъ княземъ Глѣба, зятя Ростислава Юрьевича, брата Андрея Боголюбскаго. Племянники убитаго Андрея, Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, увѣдомленные о выборѣ ихъ родственника, великодушно отказались за него и предложили престолъ своему дядѣ Михаилу Юрьевичу, который и въѣхалъ во Владиміръ при всеобщей радости народа.

Но Ярополкъ скоро раскаялся въ своемъ великодушіи и рѣшился овладѣть владимірскимъ престоломъ. Соединившись съ муромцами и рязанцами, онъ осадилъ Владиміръ. Не желая кровопролитія, Михаилъ удалился изъ города и Ярополкъ былъ объявленъ великимъ княземъ владимірскимъ, братъ же его Мстиславъ занялъ Суздаль и Ростовъ.

Однако вскорѣ своими поступками братья возбудили противъ себя народъ. Такъ Ярополкъ, на примѣръ, отнималъ у церквей ихъ доходы, бояре, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Чернигова и которымъ онъ роздалъ важныя должности, отягощали народъ поборами. Въ довершеніе всего, Ярополкъ отдалъ чтимую владимірцами икону Богоматери Глѣбу Рязанскому. Этотъ послѣдній поступокъ окончательно раздражилъ народъ и владимірцы снова стали звать къ себѣ Михаила, который и принялъ ихъ приглашеніе.

Услышавъ о приближеніи Михаила, Ярополкъ съ войскомъ выступилъ ему на встрѣчу, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Рязань къ своему зятю Глѣбу. Михаилъ вторично занялъ владимірскій престолъ. Суздаль и Ростовъ также признали власть его.

Икона Богоматери и множество церковныхъ драгоцѣнностей, похищенныхъ Ярополкомъ изъ владимірскихъ церквей, находились въ рукахъ Глѣба. Великій князь принудилъ его возвратить все это обратно.

Михаилъ княжилъ всего только одинъ годъ и умеръ, заслуживъ глубокую любовь народа своею кротостью и добродушіемъ.

Изъ сыновей Юрія Долгорукаго оставался теперь только одинъ Всеволодъ, который и избранъ владимірцами на великокняжескій престолъ тотчасъ же по смерти Михаила.

Но Ростовцы отказались признать его своимъ княземъ и пригласили къ себѣ Мстислава, князя новгородскаго, племянника Всеволода. Мстиславъ, не довольствуясь Ростовомъ, вздумалъ овладѣть и Владиміромъ, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ; когда же новгородцы не пустили его, онъ ушелъ въ Рязань къ зятю своему Глѣбу, котораго уговарилъ объявить войну Всеволоду. Собравъ войско, они прежде всего напали на Москву и сожгли ее, затѣмъ, пригласивъ постоянныхъ враговъ русской земли, половцевъ, опустошили суздальскую землю, взяли и разграбили Боголюбовъ, но были разбиты Всеволодомъ на берегахъ рѣки Колокши; Глѣбъ, Мстиславъ и сынъ Глѣба Романъ были взяты въ плѣнъ. Раздраженный народъ громко требовалъ ихъ казни и чтобы спасти имъ жизнь, великій князь велѣлъ заключить ихъ въ тюрьму, а когда народное волненіе утихло, то выпустилъ на свободу. Впрочемъ преданіе разсказываетъ, будто народъ, ворвавшись въ тюрьму, ослѣпилъ двухъ князей Мстислава и Ярополка (который былъ схваченъ въ Воронежѣ) Ростиславичей и когда они, уже выпущенные на свободу, помолились въ Смоленскѣ въ церкви св. Глѣба, то прозрѣли.

Получивъ свободу, Мстиславъ, призванный новгородцами, сталъ княжить въ Новгородѣ, но вскорѣ умеръ и мѣсто его заступилъ братъ его Ярополкъ, врагъ великаго князя.

Оскорбленный такимъ избраніемъ, Всеволодъ потребовалъ, чтобъ новгородцы изгнали Ярополка и хотя граждане исполнили его волю, но Всеволодъ, не смотря на это, вторгнулся въ новгородскую область, сжегъ Торжекъ и Волоколамскъ, чѣмъ сильно вооружилъ противъ себя новгородцевъ, которые, въ досаду ему, выбрали себѣ князя не изъ его рода, а Мстислава, брата князя смоленскаго, получившаго названіе Храбраго. Это былъ, дѣйствительно, человѣкъ необыкновенной храбрости и благороднаго характера, кромѣ того онъ отличался безкорыстіемъ, что въ то время было рѣдкостью. Управляя Новгородомъ, онъ усмирилъ эстонцевъ, но, внезапно заболѣвъ, скончался. Новгородцы иск-

ренно оплакали любимаго князя. На мѣсто Мстислава новгородцами, опять таки къ неудольствію великаго князя, былъ избранъ Владиміръ, сынъ черниговскаго князя Святослава. Причину неудовольствія Всеволода легко понять, если вспомнить, что черниговскіе князья постоянно находились въ враждебныхъ отношеніяхъ съ Мономаховичами. Выборъ новгородцевъ и еще одно обстоятельство произвели разрывъ между Всеволодомъ и Святославомъ черниговскимъ.

Всеволодъ, ненавидя черниговскаго князя, вступился за сыновей умершаго князя рязанскаго Глѣба, у которыхъ зять черниговскаго князя, Романъ, отнялъ удѣлы. Разбивъ войско Романа, великій князь взялъ въ плѣнъ сына Святослава черниговскаго, Глѣба. Это и было причиною разрыва. Святославъ съ цѣлою ордою нанятыхъ половцевъ пошелъ на Переяславль и встрѣтилъ великаго князя за 40 верстъ отъ этаго города. Однако на этотъ разъ обѣ враждебныя стороны не рѣшились на битву. Между тѣмъ наступила весна, самое неудобное время для военныхъ дѣйствій. Святославъ ушелъ въ Новгородъ, и по пути сжегъ Дмитровъ.

Лѣтомъ военныя дѣйствія возобновились. Считая важнымъ для успѣха своего дѣла занять Кіевъ, гдѣ княжилъ одинъ изъ Ростиславичей, Рюрикъ, Святославъ соединившись съ своимъ братомъ Ярославомъ, осадилъ этотъ городъ. Рюрикъ убѣжалъ въ Бѣлгородъ и заключилъ съ Святославомъ миръ, по которому уступилъ ему кіевское княжество.

Въ это время другой Ростиславичъ, извѣстный уже Ярополкъ, который княжилъ въ Торжкѣ, дѣлалъ безпрестанные набѣги на суздальскую область. Великій князь, взявъ послѣ мужественной обороны городъ, сжегъ его до тла, а Ярополка, въ цѣпяхъ, отправилъ во Владиміръ.

Между тѣмъ новгородцы, союзники черниговскаго князя, измѣнили ему. Изгнавъ его сына изъ Новгорода, они обратились къ Всеволоду и просили его назначить имъ князя по его собственному выбору. Всеволодъ прислалъ къ нимъ своего родственника, князя Ярослава Владиміровича и такимъ образомъ снова подчинилъ Новгородъ своему вліянію.

Вскорѣ великій князь заключилъ миръ съ Святославомъ черниговскимъ, признавъ за нимъ право на кіевскій престолъ и освободилъ сына его Глѣба.

По заключеніи мира, Всеволодъ и Святославъ, а также князья рязанскіе и муромскій, соединивши свои войска, отправились воевать въ богатую Болгарію, но походъ этотъ кончился почти ничѣмъ. Всеволодъ потерялъ любимаго своего племянника Изяслава, убитаго въ сраженіи; сильно опечаленный, вернулся назадъ, заключивъ миръ съ болгарами.

Въ это же время въ западной и южной Россіи также гре-

мѣло оружіе: въ западной литовцы напали и страшно опустошивъ псковскую область, вернулись обратно къ себѣ, не встрѣтивъ нигдѣ русскаго войска, потому что новгородцы не успѣли придти на помощь бѣднымъ псковитянамъ. Въ южной же Россіи походъ, противъ внѣшнихъ враговъ — половцевъ, былъ очень удаченъ.

Кіевскій князь Святославъ, соединившись со многими другими князьями южной Россіи, ходилъ за Днѣпръ гдѣ тогда были половцы. Встрѣтивъ ихъ на берегахъ Орели, князья разбили ихъ, захватили 7000 плѣнныхъ, множество лошадей и оружія. Другая битва произошла близь Хороля, гдѣ находился самъ ханъ половецкій, Кончакъ. Эта битва была также удачна для русскихъ.

Но половцы вскорѣ жестоко отмстили за свое пораженіе. Впрочемъ виною этого были сами русскіе, или правильнѣе отвага и славолюбіе двухъ русскихъ князей, Игоря новгородскаго и брата его Всеволода трубчевскаго. Исторія ихъ похода описана въ поэтическомъ сказаніи, извѣстномъ подъ названіемъ «Слово о полку Игоревѣ.»

Игорь и Всеволодъ, завидуя славѣ Святослава, рѣшились отличиться подвигомъ гораздо труднѣйшимъ. Они проникли въ самую глубь половецкой земли и вначалѣ одержали надъ ними побѣду. Никогда еще русскіе не заходили такъ далеко въ владѣнія половцевъ, но они дорого и заплатили за свою смѣлость. Испуганные и изумленные половцы дружно соединились и, окруживъ немногочисленный отрядъ русскихъ, почти всѣхъ положили на мѣстѣ или взяли въ плѣнъ. Самъ Игорь, сынъ его Владиміръ и братъ Всеволодъ попались въ руки половцевъ, которые, уничтоживъ русскій отрядъ, напали на переяславскую область и, опустошивъ множество селъ, ушли во свояси.

Игорю, къ счастію, удалось вскорѣ убѣжать. Черезъ два года возвратился братъ его Всеволодъ и сынъ Владиміръ, который женился тамъ на дочери половецкаго хана Кончака.

Въ то время, когда великій князь находился въ походѣ противъ болгаръ, въ рязанскомъ княжествѣ происходили междоусобія. Глѣбъ, князь рязанскій, оставилъ послѣ себя пять сыновей. Трое изъ нихъ: Романъ, Игорь и Владиміръ, осадили въ Пронскѣ остальныхъ двухъ братьевъ Всеволода и Святослава, имѣя намѣреніе лишить ихъ жизни.

Вернувшись изъ похода великій князь, раздраженный несогласіями братьевъ, напалъ на рязанскую область, разорилъ ее, чѣмъ и возстановилъ спокойствіе.

Между тѣмъ въ галицкомъ княжествѣ произошли весьма важныя событія.

Князь галицкій Ярославъ скончался, завѣщавъ престолъ сыну своему Олегу, другому же сыну отдалъ въ удѣлъ Перемышль. Но схоронивъ князя, бояре изгнали Олега и престолъ отдали Владиміру.

Этотъ князь былъ страшнѣйшій развратникъ и горькій пья-

ница, онъ безчестилъ женъ и дѣвицъ; наконецъ сильно оскорбилъ бояръ, женившись на попадьѣ. Весь народъ пришелъ въ негодованіе отъ его порочныхъ наклонностей. Составился заговоръ. Отъ Владиміра требовали выдачи попадьи для казни. Тогда Владиміръ, захвативъ съ собою свои сокровища, съ женою и дѣтьми бѣжалъ въ Венгрію. Галичане же призвали къ себѣ Романа Мстиславича, князя Владимірскаго (въ Волыни.) Между тѣмъ венгерскій король Бела, выразивъ свое участіе къ Владиміру, обѣщалъ возвратить ему престолъ. И дѣйствительно, собравъ войско, онъ направился въ Галицію.

Услышавъ о приближеніи Белы, Романъ бѣжалъ, такъ что венгерскій король безпрепятственно вошелъ въ Галичъ. Но здѣсь онъ выказалъ величайшее вѣроломство. Вмѣсто того, чтобъ возвратить престолъ Владиміру, онъ объявилъ своего сына Андрея королемъ галицкимъ и, оставивъ ему отрядъ Венгровъ, удалился, взявъ съ собой Владиміра, какъ плѣнника. По прибытіи же въ Венгрію, Владиміръ былъ заточенъ въ башнѣ, но вскорѣ ему удалось бѣжать и онъ прибылъ къ германскому императору Фридриху Барбароссѣ и обратился къ нему за помощью.

Императоръ принялъ въ немъ участіе и далъ ему письмо къ польскому королю Казиміру Справедливому.

Казиміръ не отказалъ въ помощи русскому князю и далъ ему сильный отрядъ войска, съ которымъ Владиміръ вступилъ въ галицкую землю.

Галичане, услышавъ объ этомъ, изгнали Андрея, и Владиміръ снова занялъ свой престолъ.

Желая обезопасить себя отъ венгровъ и поляковъ, Владиміръ прибѣгнулъ къ покровительству своего дяди, великому князю Всеволоду и подчинился ему со всѣмъ своимъ княжествомъ. Такимъ образомъ могущество Всеволода еще болѣе увеличилось. Романъ, отправляясь въ Галичъ на княженіе, отдалъ свой удѣлъ— Волынскую область своему брату Всеволоду. Лишившись же галицкаго престола, онъ бѣжалъ во Владиміръ, но братъ уже не пустилъ его. Романъ обратился за помощью къ Рюрику, и тотъ заставилъ Всеволода возвратить престолъ брату. Между тѣмъ въ Новгородѣ произошли дѣла другаго рода: новгородцы изгнавъ своего князя Мстислава, снова просили Всеволода прислать къ нимъ на княженіе родственника его Ярослава Владиміровича, котораго они еще такъ недавно изгнали. Всеволодъ изъявилъ свое согласіе, и Ярославъ прибылъ въ Новгородъ. Въ первый годъ его княженія новгородцы сдѣлали набѣгъ на Скандинавію или нынѣшнюю Швецію и съ большою добычею возвратились домой.

Все громадное пространство на сѣверо-востокъ отъ Новгородской области носило названіе: одна ея часть страны—Печорской, другая Югорской. Новгородцы причисляли эти земли къ своимъ владѣніямъ и собирали дань съ дикихъ племенъ, насе-

лявшихъ эти земли. Дань эта состояла, по большей части, изъ звѣриныхъ шкуръ.

Желая освободиться отъ ига русскихъ, жители этихъ странъ убили новгородскихъ чиновниковъ, пріѣхавшихъ за полученіемъ дани. Новгородцы, рѣшившись наказать ихъ, послали туда воеводу съ большимъ отрядомъ; но русскіе, по не осторожности воеводы, были разбиты и самъ воевода убитъ. Спаслось и возвратилось въ Новгородъ только около ста человѣкъ.

Между тѣмъ въ Кіевѣ, въ это время, совершились большія перемѣны. Святославъ, князь кіевскій, скончался и престолъ занялъ Рюрикъ. Князь владимірскій Всеволодъ, искусно продолжая политику брата своего Андрея, прислалъ въ Кіевъ своихъ бояръ, для утвержденія Рюрика на кіевскомъ тронѣ, давая этимъ понять зависимость князя отъ него, Всеволода.

Рюрикъ охотно призналъ его старшимъ княземъ и искалъ въ немъ покровительства, но, хотя и безъ умысла, оскорбилъ его. Желая заручиться покровительствомъ другаго могущественнаго князя, Романа Мстиславича Волынскаго, который былъ его зятемъ, онъ отдалъ ему пять городовъ въ Кіевской области.

Всеволодъ оскорбился, и гнѣвъ его утихъ лишь тогда, когда Рюрикъ, съ согласія Романа, отдалъ эти города Всеволоду. Всеволодъ же подарилъ одинъ изъ нихъ сыну Рюрика. Романъ, заподозрѣвъ обманъ со стороны тестя, заключилъ союзъ съ Ярославомъ черниговскимъ, уговаривая его идти на Кіевъ; но не надѣясь побѣдить Рюрика этими силами, такъ какъ за него вступился бы Всеволодъ, онъ искалъ союзниковъ въ Польшѣ.

Мѣжду тѣмъ въ Польшѣ также произошло междоусобіе. Король Казиміръ умеръ и братъ его Мечиславъ, пользуясь молодостью Казиміровыхъ сыновей, задумалъ похитить у нихъ престолъ.

Романъ предложилъ помогать князьямъ, разсчитывая, что и они ему послѣ помогутъ. Но надежды его не оправдались. Мечиславъ остался побѣдителемъ и Романъ, самъ раненый, удалился во Владиміръ, откуда отправилъ пословъ въ Кіевъ съ просьбою о прощеніи, и примирился съ тестемъ.

Едва кончилась эта распря, какъ возникла другая между Рюрикомъ же и Ольговичами, князьями черниговскими. Ольговичи, по требованію великаго князя владимірскаго Всеволода, кіевскаго Рюрика и смоленскаго Давида обязались ни когда не искать ни Кіева, ни Смоленска. Обязательство это они скрѣпили клятвою.

Рюрикъ, въ благодарность за это, обѣщалъ имъ выпросить у брата Витебскъ. Но черниговскіе князья, измѣнивъ присягѣ, напали и опустошили смоленскую область. Мстиславъ, племянникъ Давида, князя смоленскаго, былъ ими разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Тогда Рюрикъ, нанявъ половцевъ, выступилъ противъ клятвопреступниковъ. Съ своей стороны и Ольговичи нашли себѣ союз-

ника, того самаго Романа, зятя Рюрика, который еще такъ не давно униженно просилъ у него прощенія.

Впрочемъ подобнаго рода неблагодарность и нарушеніе клятвъ, въ то время, считалась очень обыкновеннымъ.

Наконецъ великій князь Всеволодъ рѣшился самъ вмѣшаться въ эту распрю. Соединившись съ Давидомъ, княземъ смоленскимъ, князьями рязанскими, муромскими и половцами, онъ готовился уже вступить въ черниговскую область, когда Ярославъ, одинъ изъ Ольговичей, смирился и просилъ мира. Довольный его покорностью, великій князь, не взирая на возраженія Рюрика, брата его Давида и князей рязанскихъ, согласился на просьбу Ярослава и заключилъ съ нимъ миръ. Огорченный Рюрикъ, досадуя на Всеволода, отнялъ у него города, которые подарилъ прежде, и поступилъ весьма не осторожно, нанеся обиду самому могущественному князю. Вскорѣ Рюрикъ долженъ былъ горько раскаяться въ своемъ поступкѣ.

Могущество Всеволода все болѣе и болѣе возрастало. Принявъ галицкое княжество подъ свое покровительство, Всеволодъ подчинилъ своему вліянію всѣхъ русскихъ князей, за исключеніемъ лишь князя черниговскаго, который не признавалъ никакой зависимости отъ великаго князя и былъ постояннымъ врагомъ его. Наконецъ судьба и здѣсь благопріятствовала Всеволоду. Коварный Ярославъ черниговскій скончался и престолъ его занялъ прямодушный князь Игорь Сѣверскій, извѣстный своимъ несчастнымъ походомъ на половцевъ. Такимъ образомъ Всеволодъ не имѣлъ уже враговъ внутри Россіи и могъ обратиться противъ враговъ внѣшнихъ, въ числѣ которыхъ были постоянные враги Россіи—половцы. Собравъ большія силы, онъ принудилъ половецкихъ хановъ удалиться за Донъ.

Наконецъ своевольный и свободный Новгородъ, который игралъ своими государями, изгоняя ихъ изъ области и снова приглашая княжить, и тотъ долженъ былъ безпрекословно подчиниться волѣ хитраго Всеволода.

Новгородцы, недовольные своимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, отправили пословъ къ великому князю съ просьбою, чтобъ онъ прислалъ къ нимъ на княженіе своего сына, а Ярослава отозвалъ. Великій князь задержалъ ихъ пословъ. Оскорбленные новгородцы выгнали Ярослава и избрали сына князя Черниговскаго. Тогда Всеволодъ повелѣлъ, тобъ Новгородцевъ вездѣ ловили и приводили во Владиміръ. Но хуже всего для нихъ было то, что великій князь, властвуя почти во всей русской землѣ, сильно вредилъ ихъ торговлѣ, отъ которой зависили сила и благосостояніе новгородскихъ гражданъ. Такая политика князя принесла желаемые результаты. Убивъ ихъ торговлю, онъ заставилъ опомниться новгородскихъ гражданъ.

Цѣлые полгода крѣпились новгородцы, наконецъ не выдер-

жали и смирились. Изгнавъ своего князя, они послали выборныхъ людей ко Всеволоду, которые, раскаяваясь въ своихъ заблужденіяхъ, умоляли князя простить ихъ и снова отпустить Ярослава Владиміровича.

Наконецъ князь смягчился и Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Народъ его принялъ съ величайшимъ восторгомъ. Но вскорѣ Всеволодъ вызвалъ къ себѣ Ярослава, а въ Новгородъ послалъ своего малолѣтняго еще сына Святослава—Гавріила. Такимъ образомъ не оружіемъ, какъ прежде, но хитростью и умомъ былъ покоренъ свободный Новгородъ.

Въ это время въ Галиціи случилось важное событіе; Галицкій князь Владиміръ умеръ, не оставивъ потомства. Почти всѣ князья южной Россіи взволновались. Каждому хотѣлось овладѣть богатымъ княжествомъ. Хитрый Романъ волынскій, зять Рюрика, обратился за помощью къ полякамъ. Галичане, хорошо зная этого вѣроломнаго и жестокаго князя, умоляли герцога Лешка, сына Казиміра, взять на себя управленіе княжествомъ. Но тотъ отказался и поляки, овладѣвъ Галичемъ, возвели на престолъ Романа. Ужасное время настало тогда для всей Галиціи. Романъ оказался сущимъ звѣремъ. Видя ненависть къ нему народа, онъ жестоко мстилъ, изобрѣтая страшнѣйшія казни: бояръ живыми закапывали въ землю, четвертовали и вообще подвергали всевозможнымъ мукамъ.

Рюрикъ и Ольговичи, князья черниговскіе, желая воспользоваться не любовію галичанъ къ Роману, заключили союзъ противъ него. Но Романъ предупредилъ ихъ. Пока они еще собирали войско, онъ уже появился подъ стѣнами Кіева. Ольговичи и Рюрикъ принуждены были заключить миръ и выѣхать изъ Кіева, который Романъ, по желанію великаго князя владимірскаго, отдалъ своему двоюродному брату Ингварю Ярославичу Луцкому. Но вскорѣ послѣ этого, Ольговичи и Рюрикъ со множествомъ половцевъ, осадили Кіевъ, взяли его и опустошили страшнымъ образомъ, разграбили церкви и умертвили множество жителей. Удовлетворивъ себя такою ужасною местью, они оставили Кіевъ, и Рюрикъ заперся въ Овручѣ.

Желая отклонить Рюрика отъ союза съ Ольговичами, Романъ осадилъ Овручъ и предложилъ ему миръ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ разорвалъ свою связь съ черниговскими князьями. Не подозрѣвая коварства, Рюрикъ охотно согласился на это условіе, но вдругъ былъ схваченъ, отвезенъ въ Кіевъ и насильно постриженъ въ монахи; жена и дочь его испытали ту же участь.

Жестокій, но энергичный и умный Романъ прославилъ русское оружіе. Греческій императоръ, Алексѣй Комнинъ, находился въ очень затруднительномъ положеніи. Дикіе половцы напали на имперію и страшно опустошали Ѳракію; императоръ обратился тогда къ Роману, могущество котораго достигло, въ это время,

высшей степени. Романъ вторгся въ половецкую землю, разбилъ половцевъ и принудилъ тѣхъ, которые воевали въ Греціи, возвратиться домой для спасенія своего отечества. Освободивъ многихъ русскихъ плѣнныхъ, онъ вернулся въ Галичъ.

Кромѣ этого похода, Романъ велъ еще двѣ войны съ Польшею. Первая изъ нихъ окончилась весьма выгоднымъ для него миромъ; во второй же Романъ, вступивъ въ битву съ небольшой дружиной противъ многочисленнаго польскаго войска, былъ разбитъ и самъ палъ на полѣ сраженія.

Въ княженіе Романа папа Инокентій III сдѣлалъ попытку подчинить русскую землю своему вліянію.

Съ этою цѣлью, онъ отправилъ посла къ Роману, такъ какъ военная слава галицкаго князя разнеслась въ это время далеко на западѣ. Папа, зная честолюбіе Романа, предлагалъ ему нѣсколько городовъ и обѣщалъ сдѣлать его королемъ, но Романъ съ гордостью отвергъ предложенія Папы.

Романъ оставилъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ сыновей: Даніила и Василько. Четырехлѣтній Даніилъ былъ провозглашенъ княземъ галицкимъ.

Въ это время Рюрикъ, узнавъ о смерти зятя, покинулъ монастырь, гдѣ былъ постриженъ и снова объявилъ себя княземъ кіевскимъ. Заключивъ союзъ съ Ольговичами, онъ двинулся къ Галичу, думая безпрепятственно овладѣть имъ, но ошибся въ разсчетѣ. Мать Даніила обратилась за помощью къ венгерскому королю Андрею, тому самому, который нѣкогда княжилъ въ Галичѣ. Андрей, принявъ въ ней участіе, послалъ сильный отрядъ въ княжество, который и занялъ Галичъ. Подступивъ къ Галичу и видя, что онъ защищается сильною арміею венгерцовъ, Рюрикъ, послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ для него сраженій, вернулся обратно въ Кіевъ,

Но вскорѣ, соединясь съ Мстиславомъ, княземъ смоленскимъ, черниговскимъ княземъ Всеволодомъ, по прозванію Чермный, поляками и со множествомъ половцевъ, Рюрикъ снова предпринялъ походъ на Галичъ. Венгерскій король Андрей, узнавъ объ этомъ, спѣшилъ на помощь галицкимъ князьямъ, но не успѣлъ придти во время. Княгиня, супруга Романа, какъ только получила вѣсть о приближеніи многочисленныхъ враговъ, бѣжала съ своими дѣтьми во Владиміръ Волынскій. Между тѣмъ Андрей, не давъ соединиться полякамъ съ черниговскими князьями, заключилъ миръ съ первыми, по которому галицкимъ княземъ былъ признанъ Ярославъ, сынъ великаго князя владимірскаго. Но галичане, по совѣту бояръ, тайно отправили пословъ въ русскій лагерь и предложили галицкій престолъ одному изъ черниговскихъ князей, Владиміру Игоревичу Сѣверскому.

Вступивъ на престолъ, Владиміръ, исполняя желаніе галицкихъ бояръ, требовалъ отъ владимірцевъ выдачи князей Даніила

и Василько. Несчастная княгиня бѣжала ночью вмѣстѣ съ своими сыновьями, изъ Владиміра и прибыла въ Венгрію, гдѣ съ участіемъ была принята королемъ Андреемъ.—Владиміръ Сѣверскій занялъ всю волынскую область и отдалъ ее своему брату Святославу.

Властолюбимый Всеволодъ Чермный, князь черниговскій, былъ сильно недоволенъ, узнавъ о выборѣ галичанами князя Владиміра, такъ какъ самъ добивался галицкаго престола, но скрывъ, на время, свое неудовольствіе, онъ обратился противъ Рюрика и Мстислава, овладѣлъ Кіевомъ и Переяславлемъ, изгнавъ князя переяславскаго Ярослава, сына великаго князя.

Всеволодъ рѣшилъ наказать дерзскаго князя и соединившись съ новгородцами, князьями муромскими и рязанскими, пошелъ на Кіевъ; но узнавъ дорогою, что рязанскіе князья замышляютъ измѣну, велѣлъ ихъ схватить, заковать въ цѣпи и отвезти во Владиміръ. Самъ-же вторгся въ рязанскую область, опустошилъ се, и самый городъ Рязань сжегъ до тла.

Лишивъ рязанскихъ князей ихъ удѣловъ, Всеволодъ отдалъ эту область своему сыну Ярославу. Одному изъ рязанскихъ князей, Изяславу Владиміровичу, удалось бѣжать изъ плѣна. Соединившись съ Всеволодомъ Чермнымъ, они напали на московскую область, но были разбиты сыномъ великаго князя Юріемъ.

Въ это время въ Новгородѣ, которымъ управлялъ сынъ Всеволода, Святославъ, произошла важная перемѣна. Одинъ изъ мелкихъ русскихъ князей Мстиславъ, сынъ Мстислава Храбраго, бывшаго князя новгородскаго, зная, что воспоминаніе объ отцѣ его еще не остыло у новгородцевъ, захватилъ Торжекъ и отправилъ оттуда пословъ въ Новгородъ; новгородцы съ радостью признали его своимъ княземъ и заключили Святослава со многими боярами въ архіерейскомъ домѣ.

Къ общему удивленію, великій князь не только не наказалъ новгородцевъ, но признавъ Мстислава княземъ ихъ, онъ даже назвался отцомъ его. Новгородцы, не сдѣлавъ никакого вреда Святославу, отпустили его къ отцу.

Вскорѣ Всеволодъ примирился и съ Ольговичами, которые оскорбили его, изгнавъ его сына изъ Переяславля. Всеволоду Чермному былъ отданъ Кіевъ, Рюрикъ взялъ Черниговъ, а Переяславль былъ отданъ великому князю.

Между тѣмъ въ Галиціи происходили большіе безпорядки. Князь галицкій, Владиміръ Игоревичь, враждовалъ къ брату своему Роману, князю звенигородскому, подозрѣвая его въ намѣреніи захватить галицкій престолъ. Ромамъ бѣжалъ въ Венгрію, гдѣ просилъ помощи у короля Андрея. Получивъ большой отрядъ венгровъ, онъ взялъ Галичъ и изгнавъ Владиміра, объявилъ себя великимъ княземъ.

Съ другой стороны король польскій Лешко Бѣлый, восполь-

зовавшись междоусобіемъ Игоревичей, взялъ Владиміръ Волынскій и отдалъ его Александру, сыну умершаго Всеволода Мстиславича.

Романъ, овладѣвъ Галичемъ, не долго однако властвовалъ тамъ. Андрей, король венгерскій, будучи имъ не доволенъ, велѣлъ захватить Романа и привезти въ Венгрію, но Романъ вскорѣ оттуда бѣжалъ и вновь захватилъ Галичъ.

Думая, что власть можно сохранить лишь только строгостію, Романъ сталъ свирѣпствовать въ Галичѣ, казня бояръ безъ пощады. Возмущенные галичане призвали на помощь Андрея, короля венгерскаго, и тотъ, разбивъ Игоревичей, посадилъ на галицкій престолъ Даніила. Романъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Владиміръ Игоревичъ успѣлъ убѣжать, но вскорѣ былъ пойманъ и привезенъ вмѣстѣ съ братомъ въ Галичъ. Озлобленные галицкіе бояре требовали ихъ казни. Венгры, получивъ отъ нихъ богатые подарки, выдали имъ несчастныхъ князей и оба брата, послѣ многихъ мукъ и поруганій надъ ними, были повѣшены. Вскорѣ послѣ этого скончался Всеволодъ, великій князь владимірскій; не задолго до смерти, онъ имѣлъ несчастіе видѣть неповиновеніе старшаго своего сына Константина. Назначая его наслѣдникомъ своего престола, Всеволодъ требовалъ, чтобъ онъ отдалъ ростовскую область брату своему Юрію, но Константинъ отказался исполнить волю своего отца. Тогда раздраженный Всеволодъ, созвавъ изъ всѣхъ городовъ бояръ, дворянъ, купцовъ, священниковъ и пригласивъ епископа Іоанна, заставилъ ихъ присягнуть второму своему сыну Юрію, лишая такимъ образомъ наслѣдства своего старшаго сына.

Въ княженіе Всеволода, произошло столкновеніе между полоцкимъ княземъ Владиміромъ и ливонскими рыцарями.

О поселеніи нѣмцевъ въ Ливоніи и образованіи ими ордена Меченосцевъ извѣстно слѣдующее: нѣмецъ Мейнгардъ, католическій монахъ и проповѣдникъ, желая просвѣтить свѣтомъ христіанскаго ученія эстонцевъ, которые были идолопоклонники, прибылъ съ нѣмецкими купцами въ Ливонію. Страна эта принадлежала тогда могущественному полоцкому князю Владиміру. Мейнгардъ явился къ нему въ Полоцкъ и получивъ дозволеніе отъ князя мирно обращать язычниковъ въ христіанство, основалъ въ Искулѣ церковь, крестилъ язычниковъ и вообще успѣшно распространялъ католическую религію. Преемники его уже стали обращать въ христіанство не словомъ, а оружіемъ. Несчастныхъ эстонцевъ, которые не желали креститься, убивали безъ пощады. Множество нѣмцевъ, съ благословенія папы, поощрявшаго убійство эстонцевъ, стекалось въ Ливонію. Въ 1201 году, епископъ Альбертъ основалъ такъ называемый орденъ Меченосцевъ, обязанность которыхъ состояла въ распространеніи христіанства оружіемъ. Папа утвердилъ этотъ орденъ и подчинилъ его епис-

копу рижскому, (Рига была основана тѣмъ же Альбертомъ въ 1240 г.). Альбертъ, усыпляя князя полоцкаго подарками, самъ между тѣмъ не дремалъ: онъ строилъ крѣпости, увеличивалъ число рыцарей, вообще сталъ въ Ливоніи твердою ногою.

Увидѣвъ свою ошибку, князь полоцкій осадилъ Икскуль. Но папа, узнавъ объ опасности, которая грозила недавно образованной церкви, просилъ датскаго короля помочь Альберту. Король, снарядивъ флотъ, плылъ къ берегамъ Ливоніи. Князь полоцкій, услышавъ о приближеніи иностраннаго флота, принужденъ былъ снять осаду.

Могущество ливонскихъ рыцарей все болѣе и болѣе увеличивалось. Епископъ Альбертъ велъ даже войну съ однимъ изъ русскихъ князей, Всеволодомъ двинскимъ, взялъ въ плѣнъ его семейство, отнялъ область, принадлежащую князю и, только тогда, когда князь призналъ себя данникомъ Альберта, тотъ возвратилъ свободу семейству князя и сдѣлалъ его намѣстникомъ отнятой у князя области.

XIX.

Княженіе Юрія Всеволодовича.

Великій князь Всеволодъ оставилъ пять сыновей, которые послѣ его смерти раздѣлились на два, враждебные другъ другу, лагеря. Двое братьевъ: Ярославъ Ѳеодоръ, князь переяславскій и Святославъ, который княжилъ въ Юрьевѣ польскомъ, были на сторонѣ великаго князя Юрія и только одинъ изъ братьевъ Дмитрій—Владиміръ былъ союзникомъ старшаго брата Константина, который получилъ въ удѣлъ Ростовъ и Ярославль.

Лишивъ старшаго сына законнаго наслѣдства, Всеволодъ оставилъ послѣ себя новый источникъ къ междоусобіямъ. И дѣйствительно, вскорѣ по смерти великаго князя, Константинъ напалъ на Кострому и сжегъ ее. Наконецъ случились событія, которыя низвергли съ престола Юрія и доставили санъ великаго князя Константину.

Князь кіевскій Рюрикъ скончался. Властолюбивый Всеволодъ Чермный, изгналъ его сыновей изъ кіевской области. Тѣ обратились къ великодушному Мстиславу, князю новгородскому, но тотъ въ это время былъ слишкомъ занятъ другими дѣлами. Литовцы, напавъ на псковскую землю, выжгли и раззорили окрестности Пскова. Съ другой стороны, ливонскіе рыцари опустошали сѣверную Ливонію, которая принадлежала новгородцамъ. Мстиславъ съ 15,000 войскомъ тщетно искалъ нѣмцевъ, которые заперлись въ Ригѣ. Дойдя до самаго моря и взявъ дань съ Чуди, онъ вернулся обратно въ Новгородъ. Прибывъ туда, князь со-

бралъ Вѣче и просилъ народъ вступиться за потомковъ Мономаха. Народъ съ радостію согласился исполнить просьбу великаго князя, но въ Смоленскѣ вдругъ объявили князю, что желаютъ возвратиться домой. Но когда огорченный Мстиславъ, рѣшивъ ихъ оставить, выѣхалъ изъ Смоленска, новгородцы опомнились и, догнавъ князя, просили его вести ихъ въ битву.

Война окончилась полнымъ торжествомъ для Мстислава. Виновникъ ея Всеволодъ Чермный, бѣжалъ изъ Кіева въ Черниговъ, гдѣ вскорѣ и умеръ, двое черниговскихъ князей были взяты въ плѣнъ. Кіевскимъ государемъ былъ объявленъ князь смоленскій.

Вскорѣ Мстиславъ, оставивъ Новгородъ, отправился въ южную Россію, куда призывали его важныя дѣла. Новгородцы же, не желая оставаться безъ князя, призвали къ себѣ Ярослава—Ѳеодора, брата великаго князя Юрія. Но Ѳеодоръ началъ свое княженіе страшными жестокостями и, когда народъ взволновался, онъ уѣхалъ въ Торжекъ. Въ это время, вслѣдствіе неурожая, въ Новгородѣ насталъ страшный голодъ. Народъ умиралъ массами. Озлобленный же Ѳедоръ не пропускалъ хлѣба въ столицу. Новгородцы нѣсколько разъ отправляли къ князю пословъ, умоляя его возвратиться, но не могли смягчить жестокаго Ѳеодора, который задерживалъ пословъ въ Торжкѣ и ужь не выпускалъ ихъ обратно. Положеніе новгородцевъ было отчаянное.

Мстиславъ, оставляя новгородцевъ, обѣщался быть ихъ защитникомъ и вотъ, этотъ великодушный князь, услышавъ о ихъ бѣдствіи, немедленно явился въ Новгородъ. Съ восторгомъ привѣтствовали новгородцы своего спасителя.

Мстиславъ сталъ дѣйствовать энергично. Прежде всего, онъ объявилъ Ѳеодору, чтобы тотъ немедленно оставилъ Торжекъ и освободилъ задержанныхъ имъ новгородцевъ. Но Ѳеодоръ, надѣясь на помощь брата своего великаго князя, объявилъ ему войну.

Мстиславъ, заключивъ союзъ съ Константиномъ, которому онъ обѣщалъ доставить великокняжескій престолъ, двинулся къ Ржевкѣ, которую осадилъ Святославъ, присланный Юріемъ на помощь брату. Силы осажденныхъ и осаждающихъ были слишкомъ не равны: въ Ржевкѣ находилось только 100 воиновъ, а у Святослава ихъ было 10000 человѣкъ. Но подоспѣвшій съ своимъ отрядомъ Мстиславъ разбилъ и заставилъ удалиться войска Святослава.

Рѣшительная битва произошла близъ Юрьева. Самъ князь владимірскій Юрій пришелъ съ своими войсками, кромѣ того на помощь ему явились князья муромскіе. Мстиславъ, не желая кровопролитія два раза предлагалъ миръ великому князю и Ѳеодору; но, получивъ гордый отказъ, началъ военныя дѣйствія. Битва произошла на Липецкомъ полѣ и кончилась полнымъ пораженіемъ великаго князя и его союзниковъ, не смотря на то, что

армія ихъ была гораздо многочисленнѣе войскъ Мстислава и Константина. Уронъ, со стороны побѣжденныхъ, простирался до 9233 человѣкъ одними убитыми. Ѳеодоръ убѣжалъ въ Переяславль и въ отмщеніе за свое пораженіе приказалъ задушить многихъ новгородскихъ купцовъ, Юрій же прискакалъ во Владиміръ.

Осадивъ Владиміръ, Мстиславъ потребовалъ сдачи, но Юрій и не думалъ обороняться, такъ какъ въ городѣ остались одни лишь старики, женщины, да дѣти; молодежь вся почти легла на полѣ битвы и только немногіе лишь раненые возвратились въ городъ. Юрій съ двумя сыновьями явился къ новгородскому князю и отдался въ его руки. Мстиславъ взялся быть посредникомъ между нимъ и братомъ его Константиномъ. Наконецъ было заключено условіе, по которому Юрій получилъ въ удѣлъ Городецъ, Константинъ же былъ объявленъ великимъ княземъ.

XX.

Княженіе Константина Всеволодовича.

1216—1219.

Овладѣвъ съ помощью храбраго и умнаго Мстислава владимірскимъ престоломъ, Константинъ началъ свое княженіе съ истинно благороднаго подвига. Забывъ все зло, которое причинилъ ему Юрій, онъ только помнилъ о его несчастіи; желая его утѣшить, призвалъ къ себѣ во Владиміръ и назначилъ своимъ наслѣдникомъ. Тронутый Юрій искренно поклялся забыть прошедшее. Великодушіе Константина простерлось еще далѣе,—онъ отдалъ въ удѣлъ своему брату одинъ изъ главныхъ городовъ владимірскаго княжества—Суздаль.

Точно также великодушно поступилъ онъ и съ другимъ своимъ братомъ—жестокимъ Ѳеодоромъ, котораго Мстиславъ хотѣлъ строго наказать и, съ этою цѣлью уже осадилъ Переяславль, но Ѳеодоръ прибѣгнулъ къ Константину и, только благодаря его заступничеству, Мстиславъ согласился заключить съ нимъ миръ. Новгородцы, запертые въ переяславскихъ тюрьмахъ, были освобождены и Мстиславъ, совершивъ великое дѣло, съ торжествомъ возвратился въ Новгородъ, въ которомъ однако не долго пробылъ; важные дѣла снова требовали его присутствія въ южной Россіи.

Во время его отсутствія, литовцы и нѣмцы бросились грабить новгородскую землю, но однако были разбиты. Новгородцы захватили множество плѣнныхъ и 700 лошадей.

Вскорѣ вернулся и Мстиславъ, но опять не на долго. Объѣхавъ новгородскую область и водворивъ вездѣ порядокъ, онъ

собралъ вѣче и простился съ новгородцами, которые горячо упрашивали его остаться. Важныя дѣла, которыя заставили Мстислава отправиться въ южную Россію—это были бѣдствія въ знаменитомъ галицкомъ княжествѣ.

Такъ какъ Даніилъ, князь галицкій, былъ еще ребенокъ, то государствомъ правили бояре. Распоряжаясь княжествомъ по собственному произволу, они, конечно, не могли терпѣть присутствія въ Галичѣ матери малолѣтнихъ князей и принудили ее удалиться въ Бѣлецъ, но своевольные воеводы скоро были наказаны за свою дерзость. Андрей, король венгерскій, узнавъ объ этомъ, пришелъ съ войскомъ въ Галичъ и наказалъ мятежныхъ бояръ, а главнаго изъ нихъ, Владислава, велѣлъ заковать въ цѣпи. Но галичане не усмирились. Вскорѣ послѣ ухода Андрея въ Венгрію, они тайно пригласили къ себѣ князя Мстислава, по прозванію Нѣмой, который, прибывъ въ Галичъ, заставилъ Даніила бѣжать въ Венгрію. Съ другой стороны герцогъ Лешко Бѣлый отнялъ у Василька Бельзъ, который отдалъ своему тестю Александру.

Въ другой разъ пришлось Андрею венгерскому идти защищать права Даніила, но, узнавъ на дорогѣ о страшномъ возстаніи въ Венгріи, онъ былъ принужденъ вернуться назадъ, поручивъ управленіе галицкимъ княжествомъ извѣстному уже Владиславу, котораго онъ освободилъ отъ оковъ.

Владиславъ прибылъ въ Галичъ съ венгерскимъ отрядомъ, и при этомъ имѣлъ дерзость объявить себя княземъ.

Тогда мать Даніила обратилась къ герцогу Лешко, прося его покровительства, который, принявъ въ нихъ участіе, осадилъ Галичъ, но взять его не могъ. Ему удалось лишь склонить тестя своего Александра уступить княгинѣ города: Тихомль и Перемиль.

Одинъ изъ друзей несчастнаго семейства, сендомирскій воевода Пакославъ, заключилъ съ венгерскимъ королемъ условіе такого рода: малолѣтній сынъ Андрея, Коломанъ, долженъ былъ жениться на малолѣтней дочери герцога Лешко, Саломеѣ, и имъ будетъ отданъ Галичъ, Перемышль король обязывался отдать полякамъ, Даніилу же съ братомъ отдать Владиміръ и наконецъ, въ заключеніе всего, онъ Пакославъ, долженъ былъ получить городъ Любачевъ. Вотъ какъ нахально распоряжались иностранцы русскими городами.

Вскорѣ эти условія были приведены въ исполненіе и сынъ Андрея былъ объявленъ галицкимъ княземъ. Но вслѣдствіе неблагоразумія своего отца, онъ скоро утратилъ этотъ престолъ. Ревностный католикъ Андрей задумалъ подчинить Папѣ все галицкое княжество, и ввести въ немъ католическую вѣру. Съ этою цѣлью, онъ вошелъ въ переговоры съ Папой. Молодой Коломанъ, сынъ Андрея, по приказанію Папы и своего отца изгналъ изъ Галича православнаго епископа и всѣхъ русскихъ священ-

никовъ, народъ роптал, но ничего не могъ сдѣлать. Къ счастью случай избавилъ галичанъ отъ ига Папы и угнетенія Андрея. Король Андрей и герцогъ Лешко поссорились между собою. Что бы отомстить Лешко звалъ изъ Новгорода Мстислава, храбрость и умъ котораго были ему хорошо извѣстны. Мстиславъ принялъ приглашеніе и вотъ причина его отъѣзда въ Новгородъ.

Въ это время въ рязанскомъ княжествѣ произошло ужасное событіе: Глѣбъ, князь рязанскій, и братъ его Константинъ условились между собою погубить своихъ родственниковъ. Они исполнили свое намѣреніе самымъ коварнымъ образомъ: пригласивъ ихъ на пиръ, Глѣбъ и Константинъ съ помощью слугъ и половцевъ, которые вошли по данному знаку, умертвили шестерыхъ князей и всѣхъ бояръ, находившихся съ этими князьями. Къ сожалѣнію, это ужасное злодѣйство осталось безъ наказанія, такъ какъ великій князь Константинъ былъ болѣнъ и видимо приближался къ смерти.

Онъ скончаля въ 1219 году, 33 лѣтъ отъ рожденія. Его ранняя смерть сильно опечалила владимірцевъ, которые любили своего добраго и великодушнаго князя. Лѣтописецъ разсказываетъ, что характеръ князя былъ необыкновенно кротокъ; вся жизнь его отличалась благотворительностью, такъ что когда онъ умеръ, множество нищихъ шло за его гробомъ. Князь отличался также искреннею набожностью, много читалъ священныхъ книгъ и, какъ прибавляетъ лѣтописецъ, жилъ по ихъ правиламъ.

XXI.

Княженіе Юрія Всеволодовича.

1219—1224.

Въ княженіе Юрія Всеволодовича Галичъ былъ окончательно освобожденъ отъ иноземцевъ. Освободителемъ явился храбрый Мстиславъ, князь новгородскій, который, какъ уже извѣстно, покинулъ Новгородъ и, по приглашенію герцога Лешко, отправился въ южную Россію. Прибывъ въ Кіевъ и собравъ войско, онъ неожиданно подступилъ къ Галичу. Воеводы, управляющіе Галиціей, не ожидая такого быстраго нападенія, бѣжали въ Венгрію.

Мстиславъ, занявъ Галичъ, объявилъ себя княземъ и выдалъ дочь свою Анну за князя Даніила. Между тѣмъ союзникъ Мстислава, герцокъ Лешко, успѣлъ захватить часть западной Россіи; но Мстиславъ не желая съ нимъ ссориться, не мѣшалъ ему владѣть этою частью. Но молодой Даніилъ былъ совсѣмъ другаго мнѣнія объ этомъ. Видя, что тесть позволяетъ Лешко расхищать его владѣнія, онъ вооружился и отнялъ у поляковъ всѣ русскія земли. Тогда Лешко, подозрѣвая въ этомъ козни Мстислава, возобновилъ свой союзъ съ

Андреемъ Венгерскимъ. Соединенныя войска поляковъ и венгровъ, подъ начальствомъ Коломана, разбили воеводу Мстислава Дмитрія. Тогда Мстиславъ, оставивъ Даніила въ Галичѣ и приказавъ ему тотчасъ же выдти изъ города, какъ скоро приблизятся къ нему польскія и венгерскія войска, самъ удалился вначалѣ въ Кіевъ, а потомъ, соединившись съ зятемъ и отправивъ его во Владиміръ, ушелъ въ половецкую землю, съ цѣлію нанять половцевъ.

Мѣжду тѣмъ союзники взяли Галичъ. Король Андрей прислалъ имъ еще сильный отрядъ для подкрѣпленія, подъ начальствомъ барона Фильнія.

Даніилъ въ это время заключилъ миръ съ Литвою, князьями жмутскими и латышскими. Вскорѣ подоспѣлъ и Мстиславъ, который, собравши въ Кіевѣ войско, нанялъ кромѣ того множество половцевъ. На берегахъ Днѣстра произошла битва и окончилась полнымъ пораженіемъ польскихъ и венгерскихъ войскъ. Рѣшивъ удачно сраженіе, Мстиславъ осадилъ Галичъ, гдѣ заперся Коломанъ. Недостатокъ воды и пищи скоро заставилъ жителей сдаться. Коломанъ вмѣстѣ съ своею супругою былъ отвезенъ въ Торческъ, главныхъ-же воеводъ князь отдалъ въ награду половцамъ и своей дружинѣ. Андрей венгерскій, получивъ извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ и плѣнѣ сына, дерзко требовалъ его возвращенія, угрожая въ противномъ случаѣ рѣшить дѣло оружіемъ; но, получивъ твердый и хладнокровный отвѣтъ Мстислава, вступилъ съ нимъ въ переговоры при помощи преданнаго ему галицкаго боярина Судислава, къ которому русскій князь имѣлъ особое довѣріе.

Здѣсь Мстиславъ, благодаря интригамъ бояръ, совершилъ крайне не политичное, неблагоразумное и даже безчестное дѣло. Вмѣсто того, чтобы отдать галицкій престолъ законному его наслѣднику—Даніилу, онъ заключилъсъ Андреемъ венгерскимъ условіе, по которому младшій сынъ Андрея долженъ былъ жениться на дочери Мстислава, въ приданое которой онъ отдавалъ Галицію.

Теперь спрашивается: для чего велась война? Для чего было пролито столько крови? Это ослѣпленіе Мстислава можно объяснить лишь только тѣмъ, что въ числѣ бояръ галицкихъ было много доброжелателей венгерскому королю и они опутали добродушнаго Мстислава, который мало смыслилъ въ политикѣ.

Между тѣмъ въ новгородской землѣ происходили также важныя событія. Новгородцы, оставленные Мстиславомъ, призвали княжить къ себѣ племянника его Святослава, князя смоленскаго. Вскорѣ въ Новгородѣ начались безпорядки, произошли даже убійства и Святославъ, не имѣя возможности и силы управиться съ безпокойными новгородцами, уступилъ престолъ брату своему Всеволоду, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ.

Но безпокойства не прекратились и при этомъ князѣ. Впрочемъ виною ихъ былъ самъ Всеволодъ. Возненавидя посадника

новгородскаго, всѣми любимаго и уважаемаго Твердислава, князь хотѣлъ убить его, но за посадника вступился народъ и Всеволодъ не рѣшился привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Въ это время нѣмецкіе рыцари, владѣя южною Ливоніею, пытались подчинить своей власти и сѣверную, принадлежащію новгородцамъ, но были разбиты Всеволодомъ за рѣкою Эмбахомъ.

Вскорѣ Всеволодъ, котораго новгородцы не любили, былъ изгнанъ народомъ. Мѣсто его занялъ осьмилѣтній сынъ великаго князя Юрія, по имени также Всеволодъ. Въ его княженіе война съ ливонскими рыцарями возобновилась.—Великій князь прислалъ на помощь новгородцамъ брата своего Святослава съ сильнымъ отрядомъ. Святославъ, соединившись съ новгородцами, опустошилъ Ливонію, ограбилъ и раззорилъ католическія церкви и наконецъ осадилъ городъ Кеси (нынѣшній Венденъ,) но не могъ взять и отступилъ. Война велась безпрерывно. Въ то время, когда Святославъ опустошилъ Ливонію, нѣмцы вмѣстѣ съ латышами вторглись въ псковскую и новгородскую область, гдѣ сожгли нѣсколько деревень.—Къ этимъ врагамъ прибавились новые, датчане и шведы.

Новгородскій князь, малолѣтній Всеволодъ, соскучившись въ Новгородѣ, тайно бѣжалъ съ своими боярами къ отцу во Владиміръ, тогда народъ, избравъ брата великаго князя Ярослава—Ѳеодора, забылъ всѣ прежнія его жестокости и зло, причиненное имъ Новгороду во время голода. Первымъ дѣломъ Ѳеодора былъ походъ его противъ датчанъ, которые подъ начальствомъ храбраго своего короля Вольдемара II высадились на берегахъ Эстоніи, гдѣ король, побѣдивъ жителей этой страны, заложилъ крѣпость Ревиль. Оставивъ въ новоустроенномъ городѣ епископа и воиновъ, Вольдемаръ вернулся въ Данію. Въ то же время туда прибыли и шведы, также съ намѣреніемъ крестить язычниковъ. Такимъ образомъ жители оказались уже между трехъ огней: нѣмцевъ, датчанъ и шведовъ, которые всѣ другъ друга ненавидѣли и каждый изъ этихъ народовъ хотѣлъ имѣть свое исключительное вліяніе на язычниковъ, не позволяя другому вмѣшиваться. Понятно, что отъ этаго терпѣли одни лишь несчастные жители Ливоніи. Наконецъ народъ не выдержалъ и возсталъ на своихъ притѣснителей. Мятежъ распространился по всей Ливоніи. Шведы были разбиты, Ревель взятъ и датчане оттуда изгнаны. Народъ умертвилъ множество рыцарей, священниковъ и купцевъ. Наконецъ, не надѣясь управиться однимъ со врагами, они обратились къ новгородскому князю.

Ѳеодоръ съ 20,000 войскомъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь, но война эта была не особенно удачна. Желая выгнать датчанъ изъ Ревеля, онъ осаждалъ этотъ городъ четыре недѣли, но не могъ взять его. Опустошивъ феллинскую область и захвативъ

множество плѣнныхъ, Ярославъ—Ѳеодоръ съ богатою добычею возвратился въ Новгородъ.

Ярославъ—Ѳеодоръ не долго послѣ этого оставался въ Новгородѣ и удалился оттуда по своему собственному желанію. Мѣсто его вторично занялъ малолѣтній сынъ Юрія, Всеволодъ, вмѣсто котораго правили бояре.

Времена были очень тяжелыя для Новгорода: литовцы и нѣмцы вторгались и опустошали новгородскія владѣнія и даже имѣли намѣреніе отнять у нихъ Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ.) Тогда новгородскіе правители уступили этотъ городъ полоцкому князю Вячко, который славился храбростію и умомъ; кромѣ того онъ былъ грозою нѣмцевъ, одерживая, нѣсколько разъ, надъ ними побѣды.

Принявъ Юрьевъ въ свое владѣніе, Вячко разбилъ рыцарей, которые подступили уже къ этому городу.

Тогда епископъ Альбертъ, собравъ сильное войско, осадилъ Вячко въ Юрьевѣ. Альбертъ предлагалъ ему выйти изъ города съусловіемъ уступить этотъ городъ Ливонскому ордену; но Вячко, надѣясь на новгородцевъ, отвергъ его предложенія. Епископъ рѣшилъ взять городъ приступомъ. Битва произошла ужасная; Вячко защищался отчаянно, но нѣмцы и латыши значительно превосходили русскихъ численностью. Русскіе и жители города всѣ положили свои головы въ этой битвѣ; спасся только лишь одинъ бояринъ, котораго непріятель пощадилъ и послалъ въ Новгородъ, объявить новгородцамъ о своемъ пораженіи.

Между тѣмъ новгородцы уже шли на помощь Юрьеву. Узнавъ о несчастіи и не надѣясь побѣдить рыцарей своими силами, они заключили съ епископомъ миръ. Литовцы тоже продолжали дѣлать свои разбойничьи набѣги на новгородскую область. Такъ, разбивъ посадника города Русы, они съ большою добычею вернулись въ Литву. Война съ ними была довольно затруднительна, такъ какъ литовцы всегда избѣгали открытаго сраженія; ограбивъ и разоривъ землю, они тотчасъ же скрывались во связи.

Описавъ событія, происшедшія въ южной и сѣверо-западной Россіи, обратимся теперь къ Россіи восточной, гдѣ также гремѣло оружіе.

Ингварь Игоревичъ рязанскій, единственный изъ князей, который спасся отъ руки Глѣба, княжилъ въ Старой Рязани. Глѣбъ, убивъ своихъ родственниковъ, готовилъ ту же участь и Ингварю. Собравъ половцевъ, онъ осадилъ Рязань, но былъ разбитъ, бѣжалъ въ степи, гдѣ и умеръ въ сумасшествіи. Ингварь, такимъ образомъ, сдѣлался единственнымъ повелителемъ рязанской области. Соединившись съ войсками великаго князя Юрія, онъ ходилъ на половцевъ и разбилъ ихъ на голову.

Въ княженіе Юрія, произошло столкновеніе русскихъ съ камскими болгарами. Болгары напали на городъ Устюгъ, жители ко-

тораго признавали власть великаго князя. Тогда Святославъ, братъ Юрія, соединившись съ муромскими князьями, осадилъ болгарскій городъ Ошелъ, сжегъ его и перебилъ жителей. Въ то же время одинъ изъ воеводъ великаго князя взялъ нѣсколько болгарскихъ городовъ. Устрашенные болгары прислали пословъ къ великому князю съ богатыми подарками, которые отъ имени народа просили миръ. Юрій, отвергнувъ вначалѣ ихъ предложенія, готовился къ походу, но, смягченный подарками, согласился наконецъ заключить миръ.

Къ этому же времени относятъ основаніе Юріемъ Нижняго Новгорода.

Россія подъ игомъ Монголовъ.

1224—1240.

Далеко, въ обширныхъ степяхъ средней Азіи, между кочевьями дикихъ монгольскихъ племенъ, въ концѣ XII вѣка по Р. Х. прогремѣло страшное имя Темучина, начальника и повелителя одной монгольской орды, кочевавшей по рѣкѣ Амуру. Съ самаго ранняго дѣтства и въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ, Темучину много пришлось пережить неудачь и опасностей, часто грозившихъ его жизни, пока онъ добился наконецъ власти надъ измѣнившимъ ему племенемъ, присоединившимся по смерти его отца, владѣтельнаго хана, къ другой сосѣдней ордѣ и отказавшейся подчиниться ему.

Приведя къ повиновенію непокорныхъ монголовъ, Темучинъ придумалъ страшное наказаніе главнымъ виновникамъ возмущенія: онъ велѣлъ вскипятить воду въ семидесяти котлахъ и бросилъ ихъ живыми въ кипятокъ. Такая страшная расправа съ врагами привела въ неописанный ужасъ не только возвращенныхъ къ наслѣдственной власти Темучина монголовъ, но и всѣ сосѣдственныя кочевыя орды, такъ что уже Темучину безъ особеннаго труда удалось потомъ и ихъ подчинить своей власти. Но предпріимчивому и закаленному въ долгихъ несчастіяхъ Темучину, этого показалось мало, и онъ сталъ достигать власти надъ всѣми монгольскими ордами, кочевавшими въ необозримыхъ азіатскихъ степяхъ и это ему удалось—участь непокорныхъ, сваренныхъ въ котлахъ, приводила въ неописанный страхъ и трепетъ вождей монгольскихъ ордъ и они спѣшили подчиняться требованію Темучина и признавали его своимъ повелителемъ.

Собравъ къ себѣ всѣхъ князей, Темучинъ объявилъ себя Чингисханомъ, т. е. великимъ ханомъ и задумалъ завоевать чуть не весь свѣтъ. Собравъ громадное войско, Чингисханъ двинулся въ походъ, сначала въ южную Монголію, которую и покорилъ, по-

томъ перенесъ оружіе въ сѣверные предѣлы Китая, гдѣ раззорилъ множество городовъ и дошолъ до самой столицы Китая, Пекина. Но не окончивъ войны съ Китаемъ, Чингисханъ двинулъ свои войска для завоеванія Бухары, а двухъ искусныхъ своихъ полководцевъ съ большими силами послалъ въ степи, лежавшія близъ Кавказа и занимаемыя половцами и велѣлъ завоевать ихъ.

Такимъ образомъ полчища Чингисхана появились въ Европѣ и сдѣлали нападеніе на половцевъ. Это произошло въ 1224 году.

Неожиданное появленіе монголовъ напугало половецкихъ князей, и они обратились съ просьбою о помощи къ нѣкоторымъ русскимъ князьямъ, имѣвшимъ владѣнія въ южной полосѣ Россіи.

Мстиславъ Удалой, князь галицкій, первый изъявилъ согласіе на помощь половцамъ и склонилъ къ тому же еще нѣкоторыхъ сосѣднихъ князей.

Забывъ свои недружелюбныя отношенія къ половцавъ и постоянныя войны съ ними, русскія князья собрали свои дружины и пошли выручать враговъ. Когда предводители монголовъ услышали, что русскіе князья идутъ съ дружинами противъ нихъ, то отправили къ нимъ на встрѣчу пословъ, которые прибывъ въ лагерь князей, сказали имъ, что мы пришли только на своихъ *холопей и конюховъ* поганыхъ половцевъ, а съ вами у насъ *рати нѣту*.

Вообще рѣчи пословъ татарскихъ были самыя миролюбивыя; но это только еще болѣе воодушевило князей, которые истолковали посольство татарскихъ полководцевъ боязнью сразиться съ ними, а потому они вмѣсто всякаго отвѣта умертвили пословъ и продолжали путь. Не дождавшись результатовъ отправленнаго посольства къ князьямъ русскимъ, татары снарядили второе, но и эти послы не подѣйствовали на князей мирными заявленіями; князья отказались отъ всякихъ переговоровъ съ татарами и повели свои храбрыя дружины за Днѣпръ и углубились въ степи, ища встрѣчи съ татарами. Юноши, воины княжескіе рвались въ битву, не внимая голосу опытныхъ мужей, которые держались выжидательнаго положенія.

Наконецъ, дружины русскихъ князей столкнулись съ небольшимъ передовымъ отрядомъ татаръ и разбили ихъ. Этотъ незначительный успѣхъ еще болѣе придалъ смѣлости князьямъ, и они вѣрили въ несомнѣнную побѣду надъ полчищами татаръ. Побѣда и въ самомъ дѣлѣ была возможна, но между князьями вышелъ разладъ и этимъ общее дѣло было погублено.

Честолюбивый Мстиславъ Удалой, не желая раздѣлить славу побѣды надъ врагами съ князьями—соратниками, присоединился къ половцамъ и ушолъ впередъ.

На берегахъ рѣки Калки Мстиславъ встрѣтился съ главными силами полководцевъ Чингисхана. Еще была возможность одуматься и подождать, пока подойдутъ другіе князья съ дружинами,

но Мстиславъ, обуреваемый жаждой честолюбія, ринулся на татаръ съ одной своей дружиной и съ половцами. Татарская рать далеко превосходила численностью воиновъ Мстислава Удалаго, а потому, не смотря на мужество дружинниковъ, Мстиславъ былъ разбитъ на голову и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Затѣмъ монголы разбили и остальныя русскія дружины; нѣсколько князей были убиты во время битвы, а остальныхъ татарскіе военачальники обманомъ заманили въ свой лагерь, и когда стали потомъ пиромъ праздновать свою побѣду, то велѣли положить ихъ подъ доски, на которые сѣли пировать, и, разумѣется, задавили.

Татары однако почему-то не захотѣли воспользоваться своей побѣдой, и, послѣ страшнаго опустошенія земли половцевъ, удалились въ свои азіатскія степи.

Такъ прошло тринадцать слишкомъ лѣтъ, а о монголахъ не было никакихъ извѣстій, и Русь почти забыла о нихъ; но въ 1237 году, снова явились грозные азіаты въ предѣлахъ Руси; во главѣ ихъ стоялъ Батый, внукъ Чингисхана, котораго уже не было въ живыхъ въ это время. Батый пришолъ съ громадными силами и имѣлъ цѣлію завоеваніе всѣхъ земель, прилегающихъ къ Днѣпру.

Раззоривъ болгарскую землю на Камѣ, Батый пошолъ къ предѣламъ рязанскаго княжества. Испуганные вторичнымъ появленіемъ громадной монгольской орды, князья рязанскіе дружно сплотили свои силы и грудью стали защищать свои владѣнія, но Батый сломивъ ихъ силы, взялъ Рязань и истребилъ ее огнемъ и мечемъ, такъ что не были пощажены даже женщины и дѣти.

Покончивъ съ рязанскимъ княжествомъ, Батый двинулся далѣе къ сѣверу, предавая огню и разрушенію всѣ селы и города, попадающіеся ему на пути, и, между прочимъ, сжегъ небольшой городокъ Москву, который былъ только еще не за долго передъ тѣмъ отстроенъ.

Также какъ съ Рязанью, Батый поступилъ и съ Владиміромъ. Послѣ недолгаго, хотя и энергичнаго отпора, городъ былъ взятъ штурмомъ, и всѣ жители въ немъ были умерщвлены, а самый городъ сожженъ. Послѣ того Батый еще успѣлъ раззорить и уничтожить около двадцати городовъ.

Во время же гибели Владиміра, великаго князя, Юрія Всеволодовича не было въ немъ:—заслышавъ о приближеніи Батыя, онъ поѣхалъ къ Ярославлю собрать войска, но не успѣлъ явиться съ помощью къ своему городу, въ которомъ погибло и его семейство. Юрій Всеволодовичъ не хотѣлъ оставить безъ отмщенія свирѣпыхъ татаръ и, собравши большую дружину, ударилъ на нихъ на берегу р. Сити. Битва была ужасная; воины Юрія и

самъ князь сражались какъ львы, но не могли одолѣть многочисленнаго врага, и были разбиты, и храбрый князь убитъ.

Послѣ того Батый осадилъ Торжокъ и не смотря на стойкость жителей, взялъ его и истребилъ, какъ и всѣ другіе прежде завоеванные имъ города. Затѣмъ ханская орда двинулась было къ Новгороду, но побоялась весенняго разлива рѣкъ и топкихъ болотъ; не доходя 100 верстъ, повернула въ юго-восточныя степи. На этомъ пути Батый встрѣтилъ въ жителяхъ небольшаго города Козельска такихъ упорныхъ защитниковъ, что принужденъ былъ простоять подъ стѣнами его около двухъ мѣсяцевъ, и прозвалъ его за это *злымъ городомъ*. Несчастные жители Козельска рѣшились скорѣе умереть, нежели уступить городъ врагамъ, и всѣ до одного погибли отъ рукъ озлобленныхъ татаръ-побѣдителей. Преданіе говоритъ, что малолѣтній князь козельскій потонулъ въ крови мужественныхъ защитниковъ города.

Уничтоживъ половцевъ, Батый пошелъ на Волынь и Галицію, всюду внося огонь и смерть. Взявъ Кіевъ и раззоривъ его до основанія, татары двинулись въ Венгрію, но на дорогѣ Батый получилъ извѣстіе о смерти великаго хана Угадая, наслѣдника Чингисхана и своего дяди, а потому вернулся къ востоку, чтобы быть на выборахъ новаго хана.

Вообще монголы своею храбростію, а больше злодѣйствами, нагнали такой великій страхъ, что даже могущественный тогда папа Римскій, Иннокентій IX, сформировалъ посольство, и отправилъ къ Батыю въ его станъ, Сарай, который гордый завоеватель построилъ тогда на берегу р. Ахтубы, впадавшей въ Волгу.

Чрезвычайно любопытные записки составилъ одинъ изъ участвующихъ въ посольствѣ папы къ Батыю, монахъ Плано-Карпини. Вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ:

«Въ Мазовіи встрѣтили мы князя россійскаго, Василька, (брата Даніилова, ходившаго тогда съ мазовскимъ герцогомъ на ятвяговъ) который разсказалъ намъ много любопытнаго о татарахъ. Узнавъ, что не должно ѣхать въ Орду съ пустыми руками, мы купили нѣсколько бобровыхъ и другихъ шкуръ. Конрадъ, герцогъ краковскій,—епископъ и бароны польскіе снабдили насъ также всякими мѣхами, прося князя Василька быть нашимъ покровителемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали мы въ его столицу (Владиміръ Волынскій), гдѣ отдохнувъ, желали бесѣдовать съ россійскими епископами, и предложили имъ письма отъ папы, который убѣждалъ ихъ присоединиться къ латинской церкви; но епископы и Василько отвѣтствовали, что они не могутъ ничего сказать намъ безъ князя Даніила, брата Василькова, бывшаго тогда въ Ордѣ. Послѣ чего Василько отправилъ насъ съ вожатымъ въ Кіевъ, куда мы и прибыли благополучно, не смотря на глубокій снѣгъ, холодъ и многія опасности: ибо литовцы безпрестанными

набѣгами тревожатъ сію часть Россіи. Жителей вездѣ мало: они истреблены монголами, или отведены ими въ плѣнъ. Въ Кіевѣ наняли мы татарскихъ лошадей, а своихъ оставили: ибо они могли бы умереть съ голода въ дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни сѣна, ни соломы; а татарскія, разбивая копытами снѣгъ, питаются одною мерзлою травою.»

«Первое мѣсто, въ коемъ живутъ монголы (близь Кіева), называется Хановымъ. Они со всѣхъ сторонъ окружили насъ, спрашивая, за чѣмъ и куда ѣдемъ? Я отвѣчалъ, что мы послы отца и владыки всѣхъ христіанъ, который, ничѣмъ не оскорбивъ государей татарскихъ, съ крайнимъ изумленіемъ свѣдалъ о раззореніи Венгріи и Польши, гдѣ живутъ его подданные; что онъ, желая мира, въ письмахъ своихъ убѣждаетъ хановъ принять вѣру христіанскую, безъ коей нѣтъ спасенія. Монголы удовольствовались нѣкоторыми подарками и дали намъ вожатыхъ до Орды главнаго ихъ начальника. Онъ назывался Куремсою, предводительствуетъ шестидесятью тысячами воиновъ и хранитъ западные предѣлы монгольскихъ владѣній. Куремса отправилъ насъ къ Батыю, первѣйшему изъ хановъ послѣ великаго.»

«Мы проѣхали всю землю половецкую, обширную равнину, гдѣ текутъ рѣки Днѣпръ, Донъ, Волга и Яикъ, и гдѣ лѣтомъ кочуютъ татары, повинуясь разнымъ воеводамъ, а зимою приближаются къ морю греческому (или Черному). Самъ Батый живетъ на берегу Волги, имѣя пышный, великолѣпный дворъ, и 600,000 воиновъ, 160,000 татаръ и 450,000 иноплеменниковъ, христіанъ и другихъ подданныхъ. Въ пятницу Страстныя недѣли провели насъ въ ставку его между двумя огнями, для того, какъ говорили татары, что огонь есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ, отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы должны были нѣсколько разъ кланяться и вступить въ шатеръ, не касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и вельможи на скамьяхъ; другіе на землѣ, мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ тонкаго полотна, принадлежалъ королю венгерскому: никто не смѣетъ входить туда безъ особеннаго дозволенія, кромѣ семейства ханскаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ, и Батый съ великимъ вниманіемъ читалъ письма Иннокентіевы, переведенныя на языки славянскій, арабскій и татарскій. Между тѣмъ онъ и вельможи его пили изъ золотыхъ или серебреныхъ сосудовъ: причемъ всегда гремѣла музыка съ пѣснями. Батый имѣетъ лицо красноватое; ласковъ въ обхожденіи съ своими, но грозенъ для всѣхъ; на войнѣ жестокъ, хитръ, и славится опытностію. Онъ велѣлъ намъ ѣхать къ великому хану.»

«Хотя мы были весьма слабы, ибо питались во весь постъ однимъ просомъ и пили только снѣжную воду, однакожъ ѣхали скоро, пять или шесть разъ въ день мѣняли лошадей, гдѣ нахо-

дили ихъ. Земля половецкая во многихъ мѣстахъ есть дикая степь: жители истреблены татарами, или бѣжали; другіе признали себя ихъ подданными. Она граничитъ къ сѣверу съ Россіею, Мордвою, Болгаріею, Башкиріею, отечествомъ венгровъ и съ самоѣдами, обитающими на пустынныхъ берегахъ Океана; къ югу съ аланами (оссетинцами) черкесами, казарами и Греціею. За половцами начинается страна кангитовъ (канглей или хвалисовъ) совершенно безводная, и мало населенная. Въ сей печальной степи (нынѣ киргизской) умерли отъ жажды бояре Ярослава, князя россійскаго, посланные имъ въ Татарію: мы видѣли ихъ кости. Вся земля опустошена монголами; жители, не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ, и такъ же, какъ половцы, не знаютъ хлѣбопашества, а кормятся однимъ скотоводствомъ.»

«Около Вознесенія Христова въѣхали мы въ страну бесерменовъ (хазаровъ или хивинцевъ), говорящихъ языкомъ половцевъ, но исповѣдующихъ вѣру сарацинскую. Тамъ представилось намъ множество селъ и городовъ опустошенныхъ. Владѣтель ихъ, называемый великимъ султаномъ, погибъ со всѣмъ родомъ отъ меча татарскаго. Сія земля имѣетъ большія горы и сопредѣльна къ сѣверу (Востоку) съ черными китанами, (въ малой Бухаріи) гдѣ живетъ Сибанъ, братъ Батыевъ, и гдѣ находится дворецъ ханскій. Далѣе мы увидѣли обширное озеро (Байкалъ), оставили его на лѣвой сторонѣ, и чрезъ землю кочующихъ наймановъ въ исходѣ Іюня прибыли въ отечество монголовъ, которые суть истинные татары.»

«Уже нѣсколько лѣтъ они готовились къ избранію великаго хана; но Гаюкъ еще не былъ торжественно возглашенъ Октаевымъ преемникомъ; онъ велѣлъ намъ ждать сего времени, и послалъ къ матери, вдовствующей супругѣ Октаевой, именемъ Тураканѣ, у коей собирались всѣ чиновники и старѣйшины: ибо она тогда была правительницею. Ея ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣстить болѣе 2000 человѣкъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато украшенныхъ серебромъ, и совѣтовались между собою. Одежда ихъ въ первый день была пурпуровая бѣлая, на другой день красная, на третій синеватая, а на четвертый алая. Народъ толпился внѣ ограды. У воротъ стояли воины съ обнаженными мечами; въ другія ворота, хотя оставленныя безъ стражи, никто не смѣлъ входить кромѣ Гаюка. Вельможи безпрестанно пили кумысъ и хотѣли насъ также поить; но мы отказались. Они вездѣ давали первое мѣсто намъ и россійскому князю Ярославу, тутъ же находились два сына грузинскаго царя, посолъ Калифа багдадскаго и многіе другіе послы сарацинскіе, числомъ до четырехъ тысячъ: одни съ дарами, иные съ данію.»

«Такимъ образомъ мы жили цѣлый мѣсяцъ въ семъ шумномъ станѣ, называемомъ Сыра Орда, и часто видѣли Гаюка. Когда онъ выходилъ изъ шатра своего, пѣвцы обыкновенно шли впереди и

громко пѣли его славу. Наконецъ дворъ переѣхалъ въ другое мѣсто, и расположился на берегу ручья, орошающаго прекрасную долину, гдѣ стоялъ великолѣпный шатеръ, называемый Златая Орда. Столпы сего шатра, внутри и снаружи украшеннаго богатыми тканями, были окованы золотомъ. Тамъ надлежало Гаюку торжественно возсѣсть на престолъ въ день Успенія Богоматери. Но ужасная непогода, градъ и снѣгъ препятствовали совершенію обряда до 24 августа. Въ сей день собрались вельможи, и смотря на югъ, долго молились Всевышнему: послѣ чего возвели Гаюка на златый тронъ, и преклонили колѣна; народъ также. Князья и вельможи говорили императору: мы хотимъ и требуемъ, чтобы ты повелѣвалъ нами. Гаюкъ спросилъ: желая имѣть меня государемъ, готовы ли вы исполнять мою волю; являться, когда позову васъ; идти, куда велю, и предать смерти всякаго кого наименую? Всѣ отвѣтствовали: готовы!.... И такъ (сказалъ Гаюкъ), слово мое да будетъ отнынѣ мечемъ! Вельможи взяли его за руку, свели съ трона и посадили на войлокъ, говоря императору: надъ тобою небо и Всевышній; подъ тобою земля и войлокъ. Если будешь любить наше благо, милость и правду, уважая князей и вельможъ по ихъ достоинству, то царство Гаюково прославится въ мірѣ, земля тебѣ покорится и Богъ исполнитъ всѣ желанія твоего сердца. Но если обманешь надежду подданныхъ, то будешь презрителенъ, и столь бѣденъ, что самый войлокъ, на которомъ сидишь, у тебя отнимется. Тогда вельможи, поднявъ Гаюка на рукахъ, возгласили его императоромъ, и принесли къ нему множество серебра, золота, камней драгоцѣнныхъ и всю казну умершаго хана; а Гаюкъ часть сего богатства роздалъ чиновникамъ въ знакъ ласки и щедрости. Между тѣмъ готовился пиръ для князей и народа; пили до самой ночи и развозили въ телѣгахъ мясо, вареное безъ соли.»

«Гаюкъ имѣетъ отъ роду 40 или 45 лѣтъ, росту средняго, отмѣнно уменъ, догадливъ и столь важенъ, что никогда не смѣется. Христіане, служащіе ему, увѣряли насъ, что онъ думаетъ принять вѣру Спасителеву, ибо держитъ у себя христіанскихъ священниковъ и дозволяетъ имъ всенародно передъ своимъ шатромъ отправлять Божественную службу по обрядамъ греческой церкви. Сей императоръ говоритъ съ иностранцами только черезъ переводчиковъ, и всякой кто подходитъ къ нему, долженъ стать на колѣна. У него есть гражданскіе чиновники и секретари, но нѣтъ стряпчихъ: ибо монголы не терпятъ ябеды, и слово ханское рѣшитъ тяжбу. Что скажетъ государь, то и сдѣлано; никто не смѣетъ возражать или просить его дважды объ одномъ дѣлѣ. Гаюкъ, пылая славолюбіемъ, готовъ цѣлый міръ обратить въ пепелъ. Смерть Октаева удержала монголовъ въ ихъ стремленіи сокрушить Европу: нынѣ имѣя, новаго хана, они ревностно желаютъ кровопролитія, и Гаюкъ, едва избранный, въ первомъ совѣтѣ съ князьями

своими, положилъ объявить войну церкви нашей, имперіи римской, всѣмъ государямъ христіанскимъ и народамъ западнымъ, если св. отецъ—чего Боже избави—не исполнитъ его требованій, то есть, не покорится ему со всѣми государями европейскими: ибо монголы, слѣдуя завѣщанію Чингисханову, непремѣнно хотятъ овладѣть вселенною.»

«Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ насъ, равно какъ и другихъ пословъ. Секретарь его сказывалъ ему имя каждаго; однакожь не многіе изъ нихъ были впущены въ ставку императорскую. Дары, поднесенные ими хану, состояли въ шелковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣдлахъ, также вельблюдахъ и лошакахъ, богато украшенныхъ. Между сими безчисленными дарами мы замѣтили одинъ зонтикъ, весь осыпанный драгоцѣнными камнями.»

«Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ шатровъ стояло болѣе пятисотъ телѣгъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ, шелковыми одеждами: что все было отдано хану, князьямъ и вельможамъ, которые послѣ дарили тѣмъ своихъ чиновниковъ. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего не имѣли. Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ не хотѣлъ вступить съ нами въ переговоры, и мы около мѣсяца жили праздно, въ скукѣ, въ недостаткѣ, получая отъ Моголовъ на пять дней не болѣе того, что надлежало издержать въ одинъ день; а купить было нечего. Къ счастію добрый россіянинъ, золотарь, именемъ Комъ, любимецъ Гаюковъ, надѣлялъ насъ всѣмъ нужнымъ. Онъ сдѣлалъ печать для хана и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и камнями драгоцѣнными съ разными изображеніями, и съ удовольствіемъ показывалъ намъ свою работу.—Наконецъ Гаюкъ, призвавъ насъ, спросилъ, есть-ли у папы люди знающіе языкъ татарскій, русскій, или арабскій? Нѣтъ, отвѣчали мы: хотя въ Европѣ и находятся нѣкоторые арабы, но далеко отъ того мѣста, гдѣ живетъ папа. Впрочемъ мы брались сами перевести на латынскій языкъ, что будетъ угодно хану написать къ св. отцу. Въ слѣдствіе того пришелъ къ намъ Кадакъ, государственный министръ, съ тремя ханскими секретарями для сочиненія грамоты, которую мы, слушая ихъ, писали на латинскомъ языкѣ, и толковали имъ каждое слово: ибо они боялись ошибки въ переводѣ, и спрашивали, ясно-ли рузумѣемъ что пишемъ? Пристава наши говорили, что ханъ отправитъ съ нами собственныхъ пословъ въ Европу, если будемъ о томъ просить его: но сего мы не хотѣли: во-первыхъ для того, что они увидѣли-бы несогласіе и междоусобіе государей христіанскихъ, столь благопріятное для невѣрныхъ; во-вторыхъ, ежели-бы съ послами Гаюка сдѣлалось какое несчастіе въ Европѣ, то онъ еще болѣе остервенился-бы противъ христіанъ. Къ тому же ханъ не уполномочилъ-бы сихъ пословъ для заключенія надежнаго мира,

а велѣлъ-бы имъ единственно вручить письма св. отцу такого-же содержанія, какъ и данныя намъ за его печатію.»

«Откланявшись Гаюку и матери его, которая дала намъ по шубѣ лисьей и по красному кафтану, мы отправились въ обратный путь, 14 Ноября, чрезъ необозримыя пустыни; не видали ни селеній, ни лѣсовъ; ночевали въ степяхъ, на снѣгу, и пріѣхали къ Вознесенію въ станъ Батыевъ, что-бы взять у него письма къ папѣ. Но Батый сказалъ, что онъ не можетъ ничего прибавить къ отвѣту хана, и далъ намъ пропускъ, съ коимъ мы благополучно доѣхали до Кіева, гдѣ считали насъ уже мертвыми, равно какъ и въ Польшѣ. Князь россійскій Даніилъ и братъ его, Василько, оказали намъ много ласки въ своемъ владѣніи, и собравъ епископовъ, игуменовъ, знатныхъ людей, съ общаго согласія объявили, что они намѣрены признать св. отца главою ихъ церкви, подтверждая все сказанное ими о томъ прежде чрезъ особеннаго посла, бывшаго у папы.»

Утвердивъ свое владычество надъ Русью, Батый сталъ править ею изъ своего стана, на р. Ахтубѣ, названный имъ Сараемъ. Въ этотъ станъ должны были являться князья русскіе, и сломивъ свою княжескую гордость унижаться передъ сильнымъ ханомъ кланяться языческимъ кумирамъ, чтимымъ монголами, проходить между двухъ священныхъ огней, разложенныхъ при входѣ въ ханскую палатку; разговаривать съ ханомъ стоя на колѣняхъ. Все это было страшно тяжело исполнять князьямъ русскимъ, привыкшимъ только повелѣвать, но они не могли и не смѣли ослушаться приказаній сильнаго хана и должны были во всемъ угождать ему, если кто хотѣлъ удержать голову на плечахъ или хоть остаться владѣтельнымъ княземъ своей области. Ослушниковъ строго наказывалъ Батый. Такъ князь черниговскій, Михаилъ, съ однимъ изъ своихъ бояръ отказались въ станѣ Батыя покланиться статуѣ Чингисхана, и за это были наказаны страшной, мучительной смертью. Такая-же участь постигла и еще нѣкоторыхъ князей, не хотѣвшихъ исполнить ханской воли. Устрашенные этими ужасными примѣрами, князья низко клонили головы передъ татарскимъ ханомъ, отвозили богатые дары его любимымъ женамъ, давали взятки его сановникамъ, и только этимъ способомъ получали отъ хана утвержденія въ правахъ владѣть своими родовыми волостями.

Когда, въ 1243 году, Батый въ первые потребовалъ русскихъ князей къ себѣ въ орду, то Ярославъ Всеволодовичъ, князь владимірскій, занявшій престолъ послѣ убитаго татарами брата, князя Юрія—первымъ явился туда и безпрекословно выполнилъ все, что предписывалъ унизительный для княжескаго достоинства татарскій этикетъ. Это очень польстило хану, и онъ призналъ его старшимъ между всѣми князьями, т. е. великимъ княземъ.

Послѣ нашествія Батыя, юго-восточная часть Россіи оказа-

лась вь ужасномъ состояніи. Города били раззорены и выжжены, а смрадъ, отъ множества гніющихъ въ нихъ труповъ, которые не были прибраны, былъ такъ великъ, что не рѣшались подходить къ нимъ. Оставшіеся въ живыхъ жители разбѣгались и укрывались вь дремучихъ лѣсахъ.

Дань, собираемая ханскими баскаками съ покореннаго русскаго народа, была чрезвычайно тяжела для послѣднихъ, а потому сборъ часто задерживался и тогда татары, или жиды, бравшіе на откупъ у хана сборъ податей, производили страшныя истязанія надъ несчастными недоимщиками: ихъ выводили на площади и нещадно били по ногамъ палками до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не выкупалъ ихъ или измученные они не умирали подъ палками. Множество неимѣющихъ возможности чѣмъ заплатить дани, татары угоняли въ рабство къ себѣ въ орду, гдѣ ихъ мучили работами безъ отдыха.

Но русскій народъ еще благодарилъ Бога за одно, что тираны—покорители не посягали на его религію, на его обычаи и языкъ.

Вообще татары явились страшнымъ бичемъ для Россіи, и она много выстрадала подъ этимъ тяжелымъ игомъ.

Св. Александръ Невскій, сынъ Ярослава.

1247—1263.

Такъ какъ Батый былъ отчасти зависимъ отъ великаго хана монгольскаго, то по завоеваніи Россіи онъ и послалъ на поклонъ къ нему Ярославова Всеволодовича, поставленнаго въ великія князья. Послушный князь Ярославъ отправился въ Монголію съ дарами къ великому хану, но на дорогѣ умеръ. Тогда за обладаніе владимірскимъ столомъ между князьями начался споръ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ, пока самъ ханъ не отдалъ его въ руки сына Ярослава, Александра, который прославился своими побѣдами надъ Литвою, шведами и ливонцами, во время княженія своего въ Новгородѣ. Самымъ важнымъ подвигомъ Александра—была одержанная имъ побѣда надъ шведами въ 1240 году, при устьѣ Ижоры, на берегахъ р. Невы, за что и получилъ прозваніе невскаго.

Дѣло въ томъ, что папы римскіе, въ продолженіи многихъ лѣтъ, добивались главенства надъ русскою церковію; принимали всѣ способы къ этому и готовы были пожертвовать всѣмъ для осуществленія своихъ плановъ; но это имъ не удавалось—ни князья, ни народъ русскій и въ особенности наше духовенство и слышать равнодушно не могли о притязательствѣ папъ на русскій святительскій престолъ. И папамъ оставалось одно сред-

ство—сила оружія; но русскія дружины были сильны въ свое время и поднятіе оружія могло слишкомъ дорого обойдтись святѣйшимъ отцамъ католической церкви.

Но едва Россія потерпѣла погромъ отъ нашествія монголовъ и силы ея упали, Папа вздумалъ было воспользоваться, наконецъ, такой удобной минутой и подготовилъ въ Швеціи большое *крестоносное* ополченіе противъ русскихъ. Шведы въ громадномъ количествѣ, подъ предводительствомъ искустнаго воина Биргера, перешли русскую границу и напали на новгородскую область. Вторженіе шведовъ въ предѣлы новгородскія было такъ неожиданно, что князь Александръ не имѣлъ времени звать на помощь себѣ сосѣднихъ князей и долженъ былъ выступить противъ враговъ съ весьма незначительными силами своего княжества. Но доблестный князь не унывалъ:— «Насъ не много, но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ» —сказалъ онъ своимъ дружинникамъ и смѣло повелъ ихъ на крестоносцевъ, которые были разсѣяны имъ какъ стадо барановъ и едва убрались въ свои предѣлы. Въ этой кровавой схваткѣ со шведами, Александръ не только руководилъ боемъ, но принималъ личное участіе, сражаясь въ первыхъ рядахъ своихъ воиновъ, и своими руками нанесъ ударъ по лицу шведскому военачальнику.

Литва столько разъ была подъ боевымъ мечемъ Александра, что наконецъ отказалась отъ всякой борьбы съ нимъ и перестала безпокоить набѣгами его владѣнія.

Ливонцы, по стопамъ шведовъ, тоже захотѣли воспользоваться безсильемъ раззоренной Россіи и ударили на Псковъ, который не смогъ дать отпора врагамъ и палъ. Тогда ливонцы, ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, стали тѣснить то одно, то другое княжество и, наконецъ, вторглись съ запада въ предѣлы новгородскіе и успѣли завоевать водскую пятицу, и, чтобы прочнѣе утвердить свое господство въ этой завоеванной части новгородскаго княжества, построили тамъ крѣпость.

Стѣстенные почти со всѣхъ сторонъ, новгородцы боялись однаго вступить въ борьбу съ пришлецами и отправили пословъ бить челомъ бывшему своему князю Александру, который не могъ ужиться съ вольницей новгородской и покинулъ городъ. Послы новгородскіе долго упрашивали князя быть въ Новгородъ и опять княжить имъ, наконецъ онъ согласился.

Собравъ подъ свои знамена новгородскія дружины, Александръ пошелъ на нѣмцемъ, которые не смотря на свои построенные укрѣпленія не могли справиться съ Александромъ и бросили крѣпость. Псковъ былъ тоже отбитъ вождемъ новгородскимъ, но этого не было достаточно; Александръ хотѣлъ навсегда отбить охоту у ливонцевъ переходить русскую границу и показать имъ, что русскіе князья умѣютъ не только защищать свои владѣнія, но и нападать на дерзскихъ—онъ вторгнулся въ Ливонію. Нѣмцы

дали битву Александру на льду Чудскаго Озера. Бой былъ жестокій, но побѣда осталась за Александромъ—ливонцы были разбиты и усѣяли своими трупами огромное пространство по Чудскому озеру.

Не одной отважностью воина выдавался Александръ Невскій между всѣми тогдашними князьями русскими, но и безграничной любовью къ отечеству и страдальцу—народу, и это было гораздо важнѣе его боевыхъ качествъ,—народъ, задавленный нуждой и тяжолымъ рабствомъ, имѣлъ большую нужду въ сильномъ защитникѣ передъ ханомъ татарскимъ, готовымъ ежеминутно снова предать Россію огню и разграбленію—и таковымъ защитникомъ явилъ себя Александръ Невскій.

Такъ, напримѣръ, ханъ послалъ изъ орды своихъ татаръ въ Россію для народной переписи и исчисленія податей, но вслѣдствіе разныхъ насилій и жестокостей, какія были пущены въ дѣло ханскими посланцами, народъ во многихъ мѣстахъ взбунтовался, а въ Новгородѣ переписчики даже были убиты. Эти обстоятельства вызвали страшный гнѣвъ со стороны хана, и онъ отдалъ повелѣніе своимъ многочисленнымъ и закаленнымъ въ бояхъ войскамъ готовиться въ походъ для наказанія бунтовщиковъ. Этотъ походъ хана грозилъ новыми и ужасными бѣдствіями Россіи;—много было-бы пролито крови христіанской и раззорено городовъ и селъ, да всѣхъ бѣдъ отъ этого похода трудно было-бы и перечесть, но Александръ Невскій отвратилъ страшный мечъ монголовъ отъ своего отечества; съ опастностью собственной жизни, онъ помчался въ орду, много богатыхъ подарковъ повезъ съ собою и успѣлъ умилостивить хана, и, чтобы болѣе сблизиться съ ханомъ и его вельможами и чрезъ то упрочить спокойствіе Россіи, прожилъ цѣлый годъ въ ордѣ. Возвращаясь потомъ во Владиміръ, князь Александръ Невскій умеръ въ Городцѣ въ 1263 г. Церковь причислила Александра Невскаго къ лику святыхъ и нетлѣнные мощи его почиваютъ въ настоящее время въ С.-Петербургѣ, въ Невской лаврѣ. Они перенесены сюда изъ Владиміра по повелѣнію Петра Великаго, въ 1724 году.

Возвышеніе Москвы и первая борьба ея съ Тверью.

Зависимость великокняжескаго престола отъ хана золотой орды много стоила крови и раззоренія русскому народу, на котораго обрушились главнымъ образомъ всѣ княжескія междоусобицы изъ-за первенства. Обыкновенно въ ордѣ выдавали грамоту тому изъ князей русскихъ, кто больше платилъ за это. Иногда соискатели великокняженія подолгу живали въ ордѣ и

сорили деньгами передъ вельможами ханскими. Но чтобы обезсилить противника, князья часто прибѣгали къ самымъ жестокимъ средствамъ: нанимали отряды татаръ, которые врывались во владѣнія противника князя, который ихъ нанялъ, и производили ужасныя опустошенія. Особенно ожесточенно боролись между собою князья московскіе и тверскіе.

Соперниками явились князь тверской Михаилъ Ярославовичъ, внукъ Александра Невскаго, которому по праву старшинства долженъ былъ принадлежать великокняжескій престолъ, и Юрій Даніиловичъ (отецъ котораго Даніилъ Александровичъ, младшій сынъ Александра Невскаго, считается основателемъ московскаго княжества, въ концѣ XIII в.) князь московскій. Юрій Даніиловичъ, во чтобы-то ни стало, хотѣлъ отбить великокняженіе у брата Михаила тверскаго, а потому, зная алчность къ деньгамъ приближенныхъ вельможъ хана, онъ вслѣдъ за Михаиломъ отправился въ орду и сталъ подкупать этихъ сильныхъ татарскихъ сановниковъ. Тѣ, соблюдая только свои выгоды, не отказались выхлопотать Юрію грамоту на великокняженіе и запросили съ него за это довольно большую сумму. Юрій согласился на предложенныя ему условія, но Михаилъ далъ больше денегъ вельможамъ хана, чѣмъ они просили съ Юрія и получилъ грамоту. Вражда между князьями загорѣлась, и они стали искать только случая, чтобы погубить одинъ другаго. Случай не замѣдлилъ представиться: въ ордѣ воцарился новый ханъ, по имени Узбекъ, и Михаилъ, въ качествѣ великаго князя, отправился на поклонъ къ новому хану и тамъ успѣлъ оклеветать Юрія, какъ ненадежнаго данника золотой орды и готоваго измѣнить ей. Юрій былъ вызванъ въ Сарай къ отвѣту, но онъ такъ умѣлъ повести дѣло, что даже попалъ въ большую милость къ хану и, проживъ затѣмъ въ ордѣ два слишкомъ года, женился на одной изъ сестеръ Узбека, Кончакѣ. Тогда уже Юрій задумалъ силой завладѣть великокняжескимъ престоломъ, для чего собралъ рать изъ монголовъ и пошелъ къ Твери. Михаилъ встрѣтилъ брата съ большимъ войскомъ и разбилъ приведенныхъ имъ монголовъ, причемъ ему удалось взять въ плѣнъ его жену, Кончаку, которая однако скоро умерла. Это послѣднее обстоятельство дало Юрію новое орудіе противъ великаго князя; онъ поѣхалъ въ орду и успѣлъ убѣдить гордаго Узбека, что Михаилъ будто отравилъ его сестру. Эта клевета достигла цѣли. Михаилъ былъ вызванъ въ ханскую ставку, гдѣ его лишили жизни самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Юрій добился наконецъ великокняженія, но скоро долженъ былъ поплатиться за свое вѣроломство: послѣ Михаила остался сынъ Димитрій, прозванный почему-то «Грозныя Очи,» который въ свою очередь отправился въ орду и доказалъ Узбеку, что отецъ его сдѣлался жертвою клеветы Юрія, котораго и вызвали для объясненія въ Золотую орду. Пылкій Димитрій однако не могъ

дождаться ханскаго суда и самъ отомстилъ за смерть своего отца, умертвивъ Юрія почти передъ самымъ ханскимъ шатромъ, за что и самъ былъ убитъ по приказанію Узбека. Великокняженіе отнадо было Александру Михаиловичу тверскому, брату Дмитрія.

Іоаннъ I, Симеонъ и Іоаннъ II.

1328—1340. 1340—1353. 1353—1359.

По смерти Юрія, въ Москвѣ сталъ княжить братъ его Іоаннъ Даніиловичъ, прозванный за щедрость при подаяніяхъ милостыни и за умѣнье копить деньги—Калитою, т. е. мѣшокъ съ деньгами. Іоаннъ человѣкъ былъ дальновидный и отличался умѣньемъ вести дѣла такимъ образомъ, что почти не возбуждалъ ни въ комъ подозрѣній къ своимъ замысламъ. Онъ не только что не отказался отъ борьбы съ тверскими князьями за великокняженіе, но всѣ свои мысли и силы сосредоточилъ на этомъ вопросѣ; только путь онъ избралъ другой для достиженія своей цѣли, чѣмъ его предшественникъ.

Прежде всего Іоаннъ старался разширить свои владѣнія пріобрѣтеніемъ, на скопленныя имъ деньги, селъ и городовъ отъ сосѣднихъ князей, а деньги на пріобрѣтеніе земель онъ доставалъ изъ татарской казны, такъ какъ угождая хану и его вельможамъ, выхлопоталъ себѣ право собирать подати съ удѣльныхъ княжествъ и доставлять ихъ въ орду, причемъ умѣлъ обогощать и свою казну значительной частію этого сбора татарской дани.

Онъ неуклонно угождалъ ханамъ, часто ѣздилъ въ орду къ Узбеку, привозилъ ему груды серебра, представлялъ дѣтей своихъ какъ вѣрныхъ слугъ ханскихъ.

Пріобрѣвъ, такимъ образомъ, неограниченную довѣренность Узбека, Іоаннъ добился самовластія въ отечествѣ и сталъ по волѣ хана называться великимъ княземъ всея Руси—тѣснилъ князей удѣльныхъ, стращалъ ихъ гнѣвомъ ханскимъ, посылалъ къ нимъ своихъ бояръ и слугъ для сбора дани татарамъ.

Іоаннъ, чтобы еще больше возвысить московское княжество убѣдилъ митрополита всея Руси св. Петра перенести изъ Владиміра митрополію въ Москву. По смерти Іоанна, Узбекъ утвердилъ въ великокняжескомъ достоинствѣ сына его Семеона, поддержавшаго политику отца.—Семеонъ держалъ удѣльныхъ владѣтелей въ такомъ почтительномъ отдаленіи, что современники прозвали его гордымъ.

Семеонъ умеръ во время моровой язвы, опустошившей тогда землю русскую. Престолъ великокняжескій занялъ братъ Семеона, Іоаннъ II. Главнымъ руководителемъ Іоанна былъ св. Алексій, митрополитъ московскій, имѣвшій вліяніе на хана черезъ его лю-

бимую жену Тайдулу, которой онъ вылечилъ глаза. Такъ, когда сынъ Тайгулы, свирѣпый Бердибекъ, убивши отца и 12 братьевъ, овладѣлъ престоломъ и грозилъ раззорить Россію, то она по ходатайству митрополита отвратила эту грозу и смирила жестокаго сына.

Дмитрій Іоанновичъ Донской,

1363—1389.

ВАСИЛІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ. ВАСИЛІИ II ТЕМНЫЙ. ІОАННЪ III.

1389—1425. *1425—1462.* *1462—1505.*

Іоанну II наслѣдовалъ сынъ его Димитрій Іоанновичъ прозванный впослѣдствіи Донскимъ, за побѣду, одержанную имъ надъ татарами близь р. Дона, на Куликовомъ полѣ, 8 сентября 1380 года.

Димитрій слѣдовалъ политикѣ дѣда,—но стѣсняя удѣльныхъ князей, Димитрій часто раздражалъ непослушаніемъ хана. Въ его княженіе татарскій полководецъ Мамай, погубивъ всѣхъ соперниковъ ханства въ Золотой ордѣ, возстановилъ Батыево царство и далъ ему въ ханы Мамантъ—Салтана, именемъ котораго властвовалъ самъ.

Въ 1378 году Димитрій истребилъ шедшихъ на него нѣсколько тысячь татаръ на берегахъ рѣки Вожи, и это была почти первая побѣда русскихъ надъ татарами. Послѣ этого Мамай поднялъ всю свою орду, соединился съ половцами, черкесами и другими обитателями Кавказа, и съ княземъ Олегомъ рязанскимъ, наконецъ пригласилъ литовскаго князя Язайла идти на Москву.

Димитрій, узнавъ о движеніи Мамая, собралъ всѣхъ князей (кромѣ рязанскаго) подъ свои знамена, и унего составилась такимъ образомъ громадная рать, около 200,000 т. воиновъ. Съ такими силами Димитрій не боялся вступить въ борьбу съ сильнымъ и грознымъ Мамаемъ, который похвалялся уничтожить Россію.

Передъ походомъ Димитрій испросилъ благословеніе у св. Сергія Родонежскаго въ основанномъ имъ Троицкомъ монастырѣ, близь Москвы. Св. пустынникъ благословилъ Димитрія на великій подвигъ и далъ ему въ помощники двухъ своихъ иноковъ—богатырей Ослабя и Пересвѣта.

На обширномъ Куликовомъ полѣ произошло сраженіе, при впадѣніи р. Непрядвы въ Донъ. Когда Димитрій подошолъ съ своими войсками на близкое разстояніе къ татарамъ, то составилъ военный совѣтъ изъ князей, на которомъ рѣшено было не

медля напасть на Мамая, чтобы не дать ему время соединиться съ полками литовскими, которые велъ на помощь ему князь Ягайло.

(*) «Утромъ 8 сентября, когда все уже было готово къ битвѣ, стоялъ густой туманъ. Пользуясь этимъ, великій князь часть войска подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича серпуховскаго и воеводы Димитрія Боброка, не замѣтно отправилъ въ засаду въ лѣсъ. Къ полудню туманъ сталъ расходиться. Тогда Димитрій разставилъ полки и, объѣзжая ихъ, такъ воодушевлялъ воиновъ: «умремъ, возлюбленные отцы и братья, за святую вѣру, за святыя церкви и за братій нашихъ.» Возвратясь подъ свое черное знамя, великій князь снялъ съ себя одежду, облекъ въ нее любимаго своего боярина Бренка, посадилъ его на своего коня и велѣлъ носить передъ нимъ свое знамя; самъ-же изъявилъ желаніе сражаться въ переднихъ рядахъ, на равнѣ съ простыми воинами. Въ это время принесли посланіе отъ св. Сергія, который ободрялъ великаго князя помощію Божіею и Пресвятой Богородицы. Въ полдень начали сходиться враги. Татары спустились съ горы и стали стѣною; не было имъ мѣста развернуть свои полки. «Страшно было смотрѣть, говоритъ сказаніе, какъ два огромныя войска шли на кровопролитный бой.» Мамай остался на горѣ, чтобы оттуда наблюдать за ходомъ битвы. Димитрій-же былъ въ переднихъ рядахъ. Битва открылась поединкомъ богатырей. Изъ среды татарскаго войска выѣхалъ богатырь Телебей и, хвастаясь своею силою и храбростью, сталъ вызывать себѣ соперника. Изъ русскаго войска выѣхалъ Пересвѣтъ въ шлемѣ, накрытомъ схимою, возложенную на него св. Сергіемъ. Богатыри понеслись на встрѣчу другъ другу и на всемъ скаку ударили себя копьями съ такою силою, что оба упали на землю мертвые. Вслѣдъ затѣмъ данъ былъ сигналъ и начался бой, какого до сихъ поръ не бывало на Руси.»

Десять верстъ пространства занимали войска обоихъ противниковъ и кровь лилась ручьями, все поле было усѣяно трупами павшихъ въ борьбѣ воиновъ, такъ что не было возможности двигаться всадникамъ. Но не смотря на невообразимую стойкость русскихъ полковъ, татары стали было одолѣвать, и если-бы великій князь не отдѣлилъ часть своихъ силъ во время тумана, то Мамай одержалъ-бы побѣду и разгромилъ бы тогда всю Русь— въ то время, когда русскіе войска стали ослабѣвать и подались назадъ подъ страшнымъ напоромъ непріятельскихъ силъ, князь Владиміръ Андреевичъ и Боброкъ не ожиданно вывели свои дружины изъ засады и ударили въ тылъ татарамъ. Эта горсть свѣжихъ воиновъ рѣшила участь не только сраженія, но и всей Россіи; монголы были обращены въ бѣгство и оставили въ добычу

(*) Рождественскій.

весь свой лагерь. Великаго князя нашли подъ деревомъ едва живымъ. Такъ окончилась важная для Россіи Куликовская битва, которой она освободилась наконецъ, хоть на время, отъ тяжолаго татарскаго ига и могла свободно вздохнуть.

До окончательнаго-же освобожденія Россіи отъ татаръ было еще далеко, и она не долго пользовалась сомостоятельностью послѣ куликовской битвы. Грозный завоеватель Тамерланъ посадилъ, вмѣсто Мамая, бѣжавшаго въ Кафу, на капчатскій престолъ Тахтамыша, который по воцареніи потребовалъ отъ Москвы дани и покорности. Димитрій Іоанновичъ Донской рѣшился отказать ему какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Тогда Тахтамышъ неожиданно явился съ громадными силами подъ Москвой, во время отсутствія великаго князя, взялъ ее и, разграбивъ до основанія, сжегъ, что и принудило героя куликовской битвы, Димитрія, снова признать себя данникомъ Золотой орды.

Димитрію Іоанновичу не суждено было дождаться освобожденія Россіи отъ ея враговъ азіатцевъ; въ 1389 году онъ скончался, оставивъ великокняжескій престолъ московскій сыну своему *Василію I*, продолжавшему по смерти отца дѣло собиранія русской земли.

Нападеніе Тамерлана на Золотую орду Тахтамыша и внутренніе раздоры до того ослабили ее, что Василій нѣсколько лѣтъ не ѣздилъ въ орду и не платилъ дани. При-немъ было два нашествія на Россію: Тамерлановo и Эдигеево; послѣдній неожиданно вторгся въ русскіе предѣлы, и подступилъ къ Москвѣ, но, взявъ выкупъ въ 3000 рублей, возвратился въ орду, грозя вторичнымъ нашествіемъ, если великій князь не смирится. Василій Димитріевичъ покорился, но вслѣдъ за тѣмъ возобновились въ ордѣ жестокія междоусобія, чѣмъ онъ и воспользовался, изрѣдка посылая ханамъ монгольскимъ дары, но въ орду самъ уже не ѣздилъ болѣе. Умеръ въ 1425 г. Сынъ его Василій II., ослѣпленный Димитріемъ *Шемякою,* а потому прозванный *Темнымъ.* По ослѣпленіи Василія, Шемяка было завладѣлъ московскимъ престоломъ, но царствовалъ не долго и былъ свергнутъ; престолъ великокняжескій перешолъ опять къ Василію II, который потомъ царствовалъ до 1462 г. завѣщавъ престолъ сыну своему Іоанну.

Іоаннъ III былъ истый типъ московскихъ князей. Разсчетливый, твердый, онъ явился самымъ ревностнымъ и сильнымъ объединителемъ русской земли. При немъ почти уничтожились удѣлы и прекратилось татарское владычество. И все это совершилось его прозорливой политикой. Онъ ловилъ каждый случай для соединенія княжествъ въ одно государство и такъ искустно велъ дѣла, что удѣлы исчезли сами собою: одни князья добровольно уступали ему свои удѣлы,—другіе, умирая бездѣтными, отказывали ему свои отчины духовными завѣщаніями,—а третьи, сами нарушивъ

договоръ, сношеніями съ ордою и Литвой, навлекали на себя гнѣвъ Іоанна, и удѣлы ихъ присоединялись къ Москвѣ; въ то же время вольная вѣчевая община «Новгородъ—великій», лишилась своей политической самостоятельности. Іоаннъ объявилъ его гражданамъ свое непреклонное рѣшеніе: «хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ; въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, а будетъ только моя государева воля,» и Новгородъ былъ покоренъ, лишенъ вѣча, посадника и сравненъ во всемъ съ другими городами.

Такимъ образомъ Іоаннъ III возстановилъ въ Россіи единодержавіе въ предѣлахъ отъ Перми до Чернигова и отъ Новгорода до Ельца.

Вступая на престолъ великокняжескій, Іоаннъ уже не просилъ у хана ярлыка на княженіе и даже совсѣмъ отказался платить дань, хотя и называлъ себя данникомъ ханскимъ; а усилясь въ своихъ владѣніяхъ, въ 1480 году окончательно разорвалъ всѣ узлы зависимости, прогналъ изъ Москвы ханскихъ пословъ. Хотя послѣ того ханъ и вторгся въ Россію, но какъ посланный Іоанномъ въ обходъ ему отрядъ войскъ дошолъ до его улусовъ и уничтожилъ ихъ въ конецъ, тогда ханъ, услыхавши объ этомъ раззореніи своего царства, бѣжалъ отъ русскихъ предѣловъ.

Не задолго своей смерти, крымскій ханъ Менгли—Гирей, союзникъ Іоанна, совершенно истребилъ Золотую орду, столько лѣтъ страшную для Россіи.

Съ паденіемъ Золотой орды, рушилась послѣдняя связь между монголо-татарскихъ ордъ, и они начали жить каждая для себя.

Такъ сбросила съ себя Россія ненавистное татарское иго и начала свой исполинскій ростъ, продолжавшійся и по настоящее время.

Василій III Іоанновичъ.

1505—1533.

Сынъ и пріемникъ Іоанна III, Василій, ознаменовалъ свое княженіе присоединеніемъ послѣднихъ удѣловъ, Пскова и Рязани. Псковитяне хотя и имѣли свой судъ и управленіе, но всецѣло подчинялись въ большихъ дѣлахъ управѣ московскаго князя, отъ лица котораго жилъ въ Псковѣ бояринъ—намѣстникъ. По приказанію великаго князя, намѣстники его стали грубо обходиться съ псковитянами, считавшими себя вольными гражданами, а потому они пошли къ великому князю въ Москву и принесли челобитную на его намѣстника, требуя управы. Василій Іоанновичъ только казалось и ждалъ того; онъ обвинилъ псковитянъ въ

мятежѣ противъ его великокняжеской власти и силою уничтожилъ ихъ вѣчевые порядки и отмѣнилъ посадниковъ.

Оставалось только подчинить своей власти Василію Рязань, но князья рязанскія долго не подавали ни какого повода къ неудовольствію со стороны великаго князя московскаго, безропотно исполняя всѣ его приказанія. Василій наконецъ рѣшился такъ или иначе покончить съ Рязанью—обвинивъ рязанскаго князя въ тайныхъ сношеніяхъ съ татарами и Литвою, онъ велѣлъ схватить его и посадить въ темницу, а Рязань присоединилъ къ своимъ отчиннымъ владѣніямъ.

Покончивъ на всегда съ удѣлами, великое княжество московское принуждено было вести постоянныя войны съ безпокойными пограничными сосѣдями. Такъ коронные владѣтели Польши и Литвы спорили съ Москвою за границы. Василій Іоанновичъ собралъ войска, и отбилъ у нихъ городъ Смоленскъ, искони принадлежавшій Россіи, что, однако, вмѣстѣ съ отвоеванной Іоанномъ III у нихъ-же сѣверской областью, еще больше усилило вражду сосѣдей противъ московскаго княжества.

Но самые опасные и безпокойные сосѣди великаго княжества были крымскіе татары, дѣлавшіе безпрестанные набѣги на наши владѣнія черезъ свои безлюдныя степи; плѣнныхъ христіанъ не убивали татары, но уводили въ рабство и продавали ихъ потомъ на турецкихъ базарахъ, такъ какъ въ то время торгъ невольниками—христіанами, былъ въ большомъ ходу въ Турціи.

Отъ перваго брака съ Соломоніей, Василій не имѣлъ дѣтей, въ продолженіе уже двадцатилѣтняго супружества, и долженъ былъ наконецъ привыкнуть къ мысли—остаться на всегда бездѣтнымъ и передать царство своимъ братьямъ, изъ которыхъ не одного не было способнаго. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе увеличивало безъотрадную печаль царя, грустившаго за будущее своего царства. Разсказываютъ, что однажды увидѣвъ гдѣ-то въ лѣсу гнѣздо съ маленькими птенцами, царь заплакалъ и, обращаясь къ своимъ приближеннымъ, сказалъ:—«Птицы счастливѣе меня; у нихъ есть дѣти. Кому оставлю послѣ себя царство? Братьямъ-ли, которые и своихъ удѣловъ не умѣютъ устроить?» Нѣкоторые угодливые бояре отвѣчали на это: «Государь, неплодную смоковницу посѣкаютъ; а на ея мѣсто садятъ другую.» Василій Іоанновичъ принялъ этотъ совѣтъ къ свѣдѣнію, и, испросивъ совѣта и благословенія у московскаго митрополита Даніила, развелся съ Соломоніей—ея постригли въ монахини. Елена Глинская сдѣлалась второй супругой Василія, отъ которой родился у него сынъ Іоаннъ, прозванный впослѣдствіи *Грознымъ*. Осталось преданіе, что будто, во время рожденія Іоанна, была такая страшная *гроза*, что земля колебалась—это происходило въ 1530 году, а въ 1533 году великій князь Василій Іоанновичъ внезапно заболѣлъ и скончался.

Іоаннъ IV Грозный.

1533—1584.

За малолѣтствомъ Іоанна, дѣлами царства правила мать его Елена. Братья Василія Іоанновича, Юрій и Андрей, вздумали было воспользоваться малолѣтствомъ своего племянника, великаго князя, и завладѣть трономъ, на ихъ замыслы были обнаружены правительницей, которая обоихъ ихъ лишила за это свободы. Сама же Елена удержала въ рукахъ бразды правленія, только около пяти лѣтъ. Причиной было то, что она, приблизивъ къ себѣ боярина князя Телепнева—Оболенскаго, поручила ему всѣ важнѣйшія дѣла въ царствѣ, и только одного его слушала и заставляла остальныхъ придворныхъ бояръ почитать своего любимца старшимъ между ими. Это крайне не понравилось боярамъ, и они наконецъ рѣшились погубить и правительницу и Телепнева, что и успѣли сдѣлать. Елена была отравлена, а Телепневъ—Оболенскій былъ задушенъ.

Іоаннъ все еще былъ слишкомъ малъ для того, чтобы вступаться въ дѣла правленія, а потому бояре самовольно подѣлили власть между собою, и возымѣли мысль возвысить свое павшее значеніе, которымъ пользовались бояре въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Но дѣйствуя не дружно и стараясь всячески унизить одинъ другаго, чтобы завладѣть первенствомъ въ государствѣ, бояре не могли достигнуть своей цѣли; вліяніе боярское уничтожилось на всегда. Кромѣ того, они не были способны даже пріобрѣсти расположенія народа, который видя ихъ постоянныя крамолы и междоусобія изъ-за власти, видя какъ они творятъ всяческій кривосудъ и грабятъ казну государеву, глядѣлъ на нихъ, какъ на ненавистныхъ чужеземцевъ, а не какъ на своихъ родовыхъ бояръ, полезныхъ дѣятелей государства и блюстителей законовъ.

При такомъ порядкѣ вѣщей, боярамъ, разумѣется, некогда было заниматься воспитаніемъ великаго князя; они едва только успѣвали опутывать другъ друга сѣтями интригъ и крамоловъ; они даже дошли до такой дерзости, что оказывали явное неуваженіе особѣ будущаго царя, затѣвая ссоры въ его присутствіи и всевозможныя неприличныя сцѣны. Князья Шуйскіе, Бѣльскіе и Глинскіе—вотъ были главные виновники неурядицъ, во время малолѣтства великаго князя, отъ которыхъ страдалъ народъ православный, и которые своимъ недостойнымъ поведеніемъ подавали дурные примѣры воспріимчивому отъ природы Іоанну.

Предоставленный самому себѣ, Іоаннъ рано сталъ проявлять дурныя наклонности и въ особенности жестокость, несвойственную дѣтскому возрасту. Онъ любилъ, напримѣръ, заставлять страдать разныхъ животныхъ причиняя имъ всевозможныя мученія, кидалъ

ихъ изъ оконъ своихъ высокихъ теремовъ на землю и, ради потѣхи, давилъ даже людей, во время верховыхъ прогулокъ по Москвѣ съ молодыми боярами.

Вотъ какъ вели себя бояры, управлявшія судьбами государства, во время малолѣтства Іоаннова, и какія послѣдствія изъ того вышли: «смуты и козни придворныя—пишетъ, между прочимъ, намъ извѣстный историкъ Карамзинъ—занимали думу болѣе, нежели внутреннія и внѣшнія дѣла государственныя. Не долго князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій пользовался властію: болѣзнь, какъ надобно думать, заставила его отказаться отъ двора. Онъ жилъ еще года два или три, не участвуя въ правленіи, но сдавъ оное своимъ ближнимъ родственникамъ, тремъ Шуйскимъ: князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ и Ѳедору Ивановичу Скопину, которые, не имѣя ни великодушія, ни ума выспренняго, любили только господствовать и не думали заслуживать любви согражданъ, ни признательности юнаго вѣнценосца истиннымъ усердіемъ къ отечеству. Искусство сихъ Олигарховъ состояло въ томъ, чтобы не терпѣть противорѣчія въ Думѣ и допускать до государя единственно преданныхъ имъ людей, удаляя всѣхъ, кто могъ быть для нихъ опасенъ или смѣлостію, или разумомъ, или благородными качествами сердца. Но Іоаннъ, приходя въ смыслъ, уже чувствовалъ тягость беззаконной опеки, ненавидѣлъ Шуйскихъ, особенно князя Андрея, наглаго, свирѣпаго, и склонялся душою къ ихъ тайнымъ или явнымъ недоброхатамъ, въ числѣ коихъ былъ совѣтникъ Думы, Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ. Олигархи желали пристойнымъ образомъ удалить его, и не могли; и видя возрастающую любовь къ нему Іоаннову, рѣшились прибѣгнуть къ насилію: во дворцѣ, въ торжественномъ засѣданіи Думы, въ присутствіи государя и митрополита, Шуйскіе съ своими единомышленниками, князьями Кубенскими, Палецкимъ, Шкурлятевымъ, Пронскими и Алексѣемъ Басмановымъ, послѣ шумнаго пренія о мнимыхъ винахъ сего любимца Іоаннова, вскочили какъ неистовые, извлекли Воронцова силою въ другую комнату, мучили, хотѣли умертвить. Юный государь въ ужасѣ молилъ митрополита спасти несчастнаго: Первосвятитель и бояре Морозовы говорили именемъ великаго князя, и Шуйскіе, какъ бы изъ милости къ нему, дали слово оставить Воронцова живаго, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили въ темницу. Іоаннъ вторично отправилъ къ нимъ митрополита и бояръ съ убѣжденіемъ, чтобъ они послали Воронцова на службу въ Коломну, если нельзя ему быть при дворѣ и въ Москвѣ. Шуйскіе не согласились: государь долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ отвезли въ Кострому. Изображая тогдашнюю наглость вельможъ, лѣтописецъ сказываетъ, что одинъ изъ ихъ клевретовъ, Ѳома Головинъ, въ спорѣ съ митрополитомъ наступилъ на его мантію, изорвалъ оную въ знакъ презрѣнія.

«Сіи крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ правителяхъ государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душою, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою державы россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникающими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ князь Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго вельможу у государя и государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. Напримѣръ, любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а бояре говорили: «пусть державный веселится!» Окруживъ Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись когда онъ безчинно рѣзвился съ ними, или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о князѣ Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтренность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ головою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы великій князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ козни въ Кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, государевы дяди, князья, Юрій и Михаилъ Васильевичи, мстительные, чистолюбивые: первый засѣдалъ въ Думѣ, второй имѣлъ знатный санъ конюшаго. Они, не смотря на бдительность Шуйскихъ, внушали тринадцатилѣтнему племяннику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время

объявить себя дѣйствительнымъ самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые угнетая народъ, тиранятъ бояръ и надругаются надъ самимъ государемъ, угрожая смертію всякому, кого онъ любитъ; что ему только надо вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и тоже совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: Дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ Лавру Сергіеву, и на охоту въ Волокъ-Ламскій, съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ бояръ, въ первый разъ явился повѣлителемъ грознымъ; объявилъ съ твердостію, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю, что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго: князя Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ умертвили сего знатнѣйшаго вельможу. Шуйскіе и друзья ихъ безмолвствовали: народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ, что онъ ненасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли, отнималъ дворянскія земли, угнетая крестьянъ; что даже слуги его господствовали и тиранствовали въ Россіи, не боясь ни судей, ни законовъ. Но сія варварская казнь, хотя и заслуженная недостойнымъ вельможею, была ли достойна истиннаго правительства и государя? Она явила, что бѣдствіе Шуйскихъ не умудрило ихъ преемниковъ; что не законъ и не справедливость, а только одна сторона надъ другою одержала верхъ, и насиліе уступило насилію: ибо юный Іоаннъ, безъсомнѣнія, еще не могъ властвовать самъ собою: князья Глинскіе съ друзьями повелѣвали его именемъ, хотя и сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что «съ того времени бояре начали имѣть страхъ отъ государя.»

«Опалы и жестокость новаго правленія дѣйствительно устрашили сердца. Сослали Ѳедора Шуйскаго—Скопина, князя Юрія Темкина, Ѳому Головина и многихъ другихъ чиновниковъ въ отдаленныя мѣста: а знатнаго боярина, Ивана Кубенскаго, сына двоюродной тетки государевой, княжны Углицкой, посадили въ темницу: онъ находился въ тѣсной связи съ Шуйскими, но отличался достоинствами, умомъ, тихимъ нравомъ. Его заключили въ Переяславлѣ, вмѣстѣ съ женою, тамъ, гдѣ сидѣлъ нѣкогда злосчастный князь Андрей Углицкій съ дѣтьми своими. Казнь, изобрѣтенная варварствомъ, была участію сановника придворнаго, Афанасья Вутурлина, обвиненнаго въ дерзкихъ словахъ: ему отрѣзали языкъ передъ темницею въ глазахъ народа. Черезъ пять мѣсяцевъ, освободивъ Кубенскаго, государь снова возложилъ на него опалу, также на князей Петра Шуйскаго, Горбатаго, Димитрія Палецкаго и на своего любимца, боярина Ѳедора Ворон-

цова; простилъ ихъ изъ уваженія къ ходатайству митрополита, но не надолго. Разнесся слухъ, что ханъ крымскій готовится идти къ нашимъ предѣламъ: сынъ его, Иминь, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ свободно грабилъ въ уѣздахъ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ, (гдѣ наши воеводы только спорили о старшинствѣ, не двигаясь съ мѣста для отраженія непріятеля). Самъ Іоаннъ, уже вступивъ въ лѣта юности, предводительствовалъ многочисленною ратью, ѣздилъ на богомолье водою въ Угрѣшскій монастырь св. Николая, прибылъ къ войску и жилъ въ Коломнѣ около трехъ мѣсяцевъ. Ханъ не явился. Воинскій станъ сдѣлался дворомъ, и злые честолюбцы занимались кознями. Однажды государь, по своему обыкновенію, выѣхалъ на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятидесятью новгородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какія-то жалобы: Іоаннъ не слушалъ, и велѣлъ своимъ дворянамъ разогнать ихъ. Новгородцы противились: началась битва; стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, умертвили съ обоихъ сторонъ человѣкъ десять. Государь возвратился въ станъ, и велѣлъ ближнему дьяку, Василію Захарову, узнать кто подучилъ новгородцевъ къ дерзости и мятежу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ Глинскими, донесъ ему, что бояре, князь Иванъ Кубенскій и Воронцовы—Ѳедоръ и Василій, суть тайные виновники мятежа. Сего было довольно: безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, гнѣвный Іоаннъ велѣлъ отрубить имъ головы, объявивъ, что они заслужили казнь и прежними своими беззаконіями во время боярскаго правленія. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невинность, укоряя Ѳедора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительно первенства между боярами, и досадовалъ, когда государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовавъ паденію Шуйскихъ и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный любимецъ положилъ голову на одной съ нимъ плахѣ!.... Такъ новые вельможи, пѣстуны или совѣтники Іоанновы, пріучали юношу—монарха къ ужасному легкомыслію въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и тиранству! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибели; подобно имъ не удерживали, но стремили Іоанна на пути къ разврату, и пеклись не о томъ, чтобы сдѣлать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ея въ рукахъ собственныхъ.»

«Между тѣмъ великій князь ѣздилъ по разнымъ областямъ своей державы, но единственно для того, чтобы видѣть ихъ славные монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ притѣсненія корыстолюбивыхъ намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Васильевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ въ Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, Новѣгородѣ, Псковѣ, гдѣ, окруженный сонмомъ бояръ и чиновниковъ, не видѣлъ печалей народа, и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности; ска-

калъ на борзыхъ ишакахъ, и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность: ибо сіи путешествія государевы, не принося ни малѣйшей пользы государству, стоили денегъ народу. Дворъ требовалъ угощенія и даровъ. Однимъ словомъ, Россія еще не видала отца-монарха на престолѣ, утѣшаясь только надеждою, что лѣта и зрѣлый умъ откроютъ Іоанну святое искусство царствовать для блага людей.»

Такъ великому князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ митрополита и долго говорилъ съ нимъ на—единѣ. Митрополитъ вышелъ отъ него съ лицемъ веселымъ, отпѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, послалъ за боярами—даже и за тѣми, которые находились въ опалѣ,—и вмѣстѣ съ ними былъ у государя. Еще народъ ничего не вѣдалъ; но бояре, подобно митрополиту, изъявили радость. Любопытные угадывали причину, и съ нетерпѣніемъ ждали открытія счастливой тайны.»

«Прошло три дня. Велѣли собраться двору: первосвятитель, бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ митрополиту: «Уповая на милость Божію и на святыхъ заступниковъ земли русской, имѣю намѣреніе жениться: ты отче благословилъ меня. Первою моею мыслію было искать невѣсту въ иныхъ царствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. Въ младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтися нравомъ съ иноземкою: будетъ ли тогда супружество счастіемъ? Желаю найдти невѣсту въ Россіи, по волѣ Божіей и по твоему благословенію.» Митрополитъ съ умиленіемъ отвѣтствовалъ: «Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе столь вожделѣнное для твоихъ подданныхъ! благословляю оное именемъ Отца небеснаго.» Бояре плакали отъ радости, какъ говоритъ лѣтописецъ, и съ новымъ восторгомъ прославляли мудрость державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: «еще до своей женидьбы исполнить древній обрядъ предковъ его и *вѣнчаться на царство.*» (16 Генваря, царь вѣнчался на царство.)

«Между тѣмъ знатные сановники, окольничіе, дьяки, объѣзжали Россію, чтобы видѣть всѣхъ дѣвицъ благородныхъ и представить лучшихъ невѣстъ государю: онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы Захарьиной, которой мужъ, Романъ Юрьевичъ, былъ окольничимъ, а свекоръ бояриномъ Іоанна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ. Но не знатность, а личныя достоинства оправдывали сей выборъ, и современники, изображая свойства ея, приписываютъ ей всѣ женскія добродѣтели, для коихъ только находили они имя на языкѣ русскомъ: цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, набожности, чувствительности, благость, соединенные съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ: ибо она считалась уже необходимою принадлежностью

счастливой царской невѣсты.» (Обрядъ вѣнчанія совершился въ храмѣ Богоматери.)

«Юные супруги явились глазамъ народа: благословенія гремѣли на стогнахъ кремля. Дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней. Царь сыпалъ милости на богатыхъ; Царица питала нищихъ. Воспитанная безъ отца въ тиши уединенія, Анастасія увидѣла себя какъ-бы дѣйствіемъ сверхъ-естественнымъ перенесенною на театръ мірскаго величія и славы; но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами, и, все относя къ Богу, покланялась Ему и въ царскихъ чертогахъ также усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы—матери. Прервавъ веселые пиры двора, Іоаннъ и супруга его ходили пѣшкомъ въ Троицкую Сергіеву лавру и провели тамъ первую недѣлю великаго поста, ежедневно молясь надъ гробомъ св. Сергія.»

«Сія набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ, не могли укротить его пылкой, безпокойной души, стремительной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Онъ любилъ показывать себя царемъ, но не въ дѣхъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей, игралъ, такъ сказать, милостями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы доказать свою независимость, и еще зависѣлъ отъ вельможъ, ибо не трудился въ устроеніи царства и не зналъ, что истинно независимый царь, есть только царь добродѣтельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, что хотѣли, именемъ юноши—государя; наслаждались почестями, богатствомъ, и равнодушно видѣли невѣрность частныхъ властителей; требовали отъ нихъ раболѣпства, а не справедливости. Кто уклонялся предъ Глинскими, тотъ могъ смѣло давить народъ, и быть ихъ слугою значило быть господиномъ въ Россіи. Намѣстники не знали страха—и горе угнетеннымъ, которые мимо вельможъ шли къ трону съ жалобами! Такъ граждане псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ самодержавію и смѣлѣйшіе другихъ (весною въ 1547 году) жаловались новому царю на своего намѣстника, князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ; кричалъ, топалъ; лилъ на нихъ горящее вино, палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большаго колокола въ Москвѣ; онъ ускакалъ въ столицу и бѣдные псковитяне остались живы. Честные бояре безмолвствовали во дворцѣ: шуты, скоморохи забавляли царя, а льстецы славили его мудрость. Добродѣтельная Анастасія молилась вмѣстѣ съ Россіею, и Богъ услы-

шалъ ихъ. Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностію устремиться на путь добродѣтели. Для исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ.»

«Сія столица ежегодно возрастала своимъ пространствомъ и числомъ жителей. Дворы болѣе и болѣе стѣснялись въ кремлѣ, въ Китаѣ; новыя улицы примыкали къ старымъ въ посадахъ; домы строились лучше для глазъ, но не безопаснѣе прежняго: тлѣнныя громады зданій, гдѣ-гдѣ раздѣленныя садами, ждали только искры огня, чтобы сдѣлаться пепломъ. Лѣтописи Москвы часто говорятъ о пожарахъ, называя иные *великими;* но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12 Апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами, гостинные казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20 Апрѣля обратились въ пепелъ всѣ улицы за Яузою, гдѣ жили гончары и кожевники; а 24 Іюня, около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, съ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою, и скоро вспухнулъ Кремль, Китай, большой посадъ. Вся Москва представила зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густаго дыма. Деревянныя зданія исчезали, каменные распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени заглушаемъ былъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и въ другихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, даже мощи святыхъ истлѣли. Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхался отъ дыма, силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живой былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ собора только вынесли образъ Маріи, писанный св. Петромъ митрополитомъ и *правила церковныя*, привезенныя Кипріяномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ: къ счастію, огонь, разрушивъ кровлю и паперти, не проникъ во внутренность церкви. Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи угасло пламя, но развалины курились нѣсколько дней по всей Москвѣ. «Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли: дерева обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Нельзя, по сказанію современниковъ, ни описать, ни вообразить сего бѣдствія. Люди съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили какъ тѣни среди обширнаго пепелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія; не находили, и выли какъ дикіе

звѣри.» «Счастливъ» говоритъ лѣтописецъ «кто умиляясь душою, могъ плакать и смотрѣть на небо!» Утѣшителей не было: Царь съ вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить кремлевскій дворецъ; богатые также спѣшили строиться; о бѣдныхъ не думали. Симъ воспользовались непріятели Глинскихъ: духовникъ Іоанновъ, протоіерей Ѳеодоръ, князь Скопинъ-Шуйскій, бояринъ Иванъ Петровичъ Ѳеодоровъ, князь Юрій Темкинъ, Нагой и Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, дядя царицы: они составили заговоръ; а народъ, расположенный несчастіемъ къ изступленію злобы и къ мятежу, охотно сдѣлался ихъ орудіемъ.»

«Въ слѣдующій день государь поѣхалъ съ боярами навѣстить митрополита въ Новоспасской обители. Тамъ духовникъ его, Скопинъ-Шуйскій и знатные ихъ единомышленники объявили Іоанну, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь удивился и велѣлъ изслѣдовать дѣло боярамъ, которые, чрезъ два дня пріѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто жогъ столицу? Въ нѣсколько голосовъ отвѣчали имъ: «Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ, княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по Москвѣ. Вотъ отъ чего мы сгорѣли!» Сію басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не вѣрили ей, однакожъ молчали: ибо Глинскіе заслужили общую ненависть. Многіе поджигали народъ, и самые бояре. Княгиня Анна, бабка государева, съ сыномъ Михаиломъ находились въ Ржевскомъ своемъ помѣстьѣ. Другой сынъ ея, князь Юрій, стоялъ на кремлевской площади среди бояръ; изумленный нелѣпымъ обвиненіемъ, и видя ярость черни, онъ искалъ безопасности въ церкви Успенія, куда вломился за нимъ и народъ. Совершилось дотолѣ неслыханное въ Москвѣ злодѣйство: мятежники въ святомъ храмѣ убили роднаго дядю государева, извлекли его тѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ; разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили множество ихъ слугъ и дѣтей боярскихъ. Никто не унималъ беззаконія: Правительства какъ бы не было.»

«Въ сіе ужасное время, когда юный царь трепеталъ въ воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода, приближался къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ головою царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огонь небесный испепелилъ Москву; что сила Вышняя волнуетъ народъ и ліетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ святое писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму царей земныхъ; заклиналъ его быть ревностнымъ ис-

полнитетемъ сихъ уставовъ, представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія, потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался другимъ человѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, простеръ десницу къ наставнику вдохновенному. Требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ—и пріялъ оную. Смиренный іерей, не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго вѣнценосца на пути исправленія, заключивъ тѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, коего описываютъ земнымъ Ангеломъ: имѣя нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ добру, онъ искалъ Іоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы отечества, и царь нашелъ въ немъ рѣдкое сокровище, друга, необходимаго самодержцу, чтобы лучше знать людей, состояніе государства, истинныя потребности онаго: ибо самодержецъ съ высоты престола видитъ лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ отдаленія; а другъ его какъ подданный стоитъ на ряду со всѣми, смотритъ прямѣе въ сердца и вблизи на предметы. Силивестръ возбудилъ въ царѣ желаніе блага: Адашевъ облегчилъ царю способы благотворенія. Такъ повѣствуетъ умный современникъ, князь Андрей Курбскій, бывшій тогда уже знатнымъ сановникомъ двора. По крайнѣй мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Іоанновой славы, новая ревностная дѣятельность въ правленіи, ознаменованная счастливыми для государства успѣхами и великими намѣреніями.»

«Чтобы торжественнымъ дѣйствіемъ вѣры утвердить благословенную перемѣну въ правленіи и въ своемъ сердцѣ, государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы; созвалъ святителей, умиленно каялся въ грѣхахъ, и разрѣшенный, успокоенный ими въ совѣсти, причастился св. таинъ. Юное сердце его хотѣло открыть себя предъ лицемъ Россіи: онъ велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избранныхъ, всякаго чина или состоянія, для важнаго дѣла государственнаго. Они собралися, и въ день воскресный послѣ обѣдни, царь вышелъ изъ Кремля съ духовенствомъ, съ крестами, съ боярами, съ дружиною воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ грубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ обратился къ митрополиту и сказалъ: «святый владыко! Знаю усердіе твое къ благу и любовь къ отечеству: будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери; а вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть самовластными; моимъ именемъ похитили саны и чести, богатѣли неправдою, тѣснили народъ, и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенаніямъ бѣдныхъ, и не было обличенія въ устахъ моихъ! Вы, вы дѣлали, что хотѣли,

злые крамольники, судіи неправедные! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилось? Я чистъ отъ сея крови! А вы ждите суда небеснаго!»

Тутъ поклонился государь на всѣ стороны и продолжалъ: «Люди Божіе и намъ Богомъ дорованные! Молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны! Нельзя исправить *минувшаго* зла: могу только *впредь* спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте чего ужъ нѣтъ и не будетъ! Оставьте ненависти, вражду; соединимся всѣ любовію христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ!»

«Въ тотъ-же день онъ поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ, обиженныхъ, и сказалъ ему торжественно: «Алексій! ты не знатенъ, не богатъ, но добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто высокое, не по твоему желанію, а въ помощь душѣ моей, которая стремится къ такимъ людямъ, да утолите ея скорбь о несчастныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ! не бойся ни сильныхъ, ни славныхъ, когда они, похитивъ честь, беззаконствуютъ. Да не обманутъ тебя и ложныя слезы бѣднаго, когда онъ въ зависти клевещетъ на богатаго! Все рачительно испытывай, и доноси мнѣ истину, страшася единственно суда Божія.» Народъ плакалъ отъ умиленія вмѣстѣ съ юнымъ своимъ царемъ.»

Съ этого времени дѣйствительно началось славное царствованіе Іоанново. 23 Февраля 1551 года, царь повелѣлъ собраться въ Москвѣ собору изъ всѣхъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, который самъ царь назвалъ «*соборомъ слугъ Божіихъ,*» а современники назвали «Стоглавымъ.» На разсмотрѣніе этого собора Іоаннъ предложилъ дополненіе уложенія Іоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной дѣятельности. Судебникъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ Соборомъ, и затѣмъ утвержденъ государемъ.

За тѣмъ Іоаннъ приказалъ устроить церковь: исправить ея обряды, книги—искаженные писцами; а также обратилъ вниманіе на нравы самого духовенства; завелъ училища въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ, въ которыхъ велѣно духовенству поучать дѣтей и воспитывать ихъ въ страхѣ Божіемъ; запретилъ высшимъ духовнымъ сановникамъ и монастырямъ покупать вотчины у дворянъ, что не мало способствовало къ исправленію нравственности монаховъ въ богатыхъ монастыряхъ и избавили государство отъ бездѣятельныхъ владѣтелей недвижимыхъ имѣній, грозившихъ расширить свои владѣнія до невѣроятныхъ размѣровъ ко вреду общества и государства. Кромѣ того, царь поручилъ нѣкоему иностранцу Шлитту пригласить изъ за границы—художниковъ, ремесленниковъ, аптекарей, типографщиковъ, лекарей и людей искусныхъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ. Шлиттъ

хотя самъ и не успѣлъ исполнить въ точности царскаго порученія, но достаточно было того, что иностранцы черезъ него узнали о желаніи русскаго царя; многіе изъ надобныхъ людей тайно перешли границу, явились къ царю и много способствовали Россіи въ ея гражданскомъ образованіи. Но все исчисленное здѣсь, касательно внутренняго преобразованія государства, то это сотая доля того, что успѣлъ совершить Іоаннъ Грозный въ продолженіи двѣнадцати спокойныхъ и блестящихъ лѣтъ его царствованія—именно до 1560 года. Судьба покровительствовала Іоанну и во внѣшнихъ дѣлахъ—такъ онъ присоединилъ къ Россіи два царства: казанское и астраханское.

Казанское царство, начавшееся вскорѣ послѣ вторженія въ Россію Батыя и сдѣлавшееся самостоятельнымъ около 1436 года, постоянно враждовавшее съ Москвою, наконецъ принуждено было смириться предъ Іоанномъ IV.

Еще Іоаннъ III, въ 1487 году, взялъ Казань, захватилъ въ плѣнъ ихъ царя Алегама и на престолъ посадилъ Махмудъ-Ахмета, какъ данника Россіи. Іоаннъ Грозный далъ казанцамъ царя Шилъ-Алея, который своею жестокостію возбудилъ ропотъ; русскій воевода Адашевъ успѣлъ принудить его отказаться отъ престола, а казанцевъ убѣдилъ управляться московскимъ намѣстникомъ, но они было одумались и провозгласили царемъ Эдигера. Тогда 130,000 войска, подъ личнымъ предводительствомъ Іоанна, обложили Казань: непрерывныя битвы длились пять недѣль, наконецъ Казань была взята приступомъ, въ 1552 году. Эдигеръ плѣненъ; Іоаннъ, не возстановляя казанскаго царства, присоединилъ его къ своей державѣ, и такимъ образомъ, окончательное покореніе сильнаго казанскаго царства состоялось, избавивъ Россію отъ множества безпокойствъ, причиняемыхъ татарами.

Царство астраханское, начавшееся въ XIII вѣкѣ и сдѣлавшееся самостоятельнымъ съ 1502 года до 1554 года, не предпринимало ничего противъ Россіи. Въ 1554 году, астраханскій ханъ составилъ союзъ противъ Россіи, былъ побѣжденъ, на его мѣсто поставленъ Дервишъ-ханъ, который однако не дружелюбно сталъ относиться къ Россіи и даже вредить ей, за что и былъ свергнутъ. Тогда Іоаннъ назначилъ въ Астрахань своего царя—присяжника; но, узнавъ его измѣну, послалъ войско, которое и привело, въ 1557 году, въ подданство государя весь астраханскій край.

Эти два завоеванія имѣютъ грамадное значеніе для Россіи и доставили славу великаго завоевателя Іоанну IV.

Съ 1560 года, къ неутѣшной горести русскаго народа, кроткое и богатое по содержанію великими дѣлами, царствованіе Іоанново измѣнилось. Вслѣдствіе навѣтовъ и происковъ бояръ, царь удалилъ отъ себя мудрыхъ и доблестныхъ совѣтниковъ, Сильвестра и Адашева, и это покалебало кормило правленія въ рукахъ

Іоанна Грознаго. Онъ приблизилъ къ себѣ новыхъ и недостойныхъ людей—боярина Алексѣя Басманова, кравчаго Ѳеодора, князя Афанасія Вяземскаго, Василія Грязнаго и Малюту-Скуратова Бѣльскаго, готовыхъ на все злое и жестокое; гордившихся ложною преданностію царю и нелюбившихъ своего отечества. Къ этому несчастію присоединилось другое и самое важное—скончалась добродѣтельная царица Анастасія Романовна. Ея смерть глубоко опечалила царя и ожесточила его сердце. Въ ней онъ лишился истиннаго друга, такъ благотворно дѣйствовавшиго на его пылкій, строптивый характеръ.

Оставшись одинокимъ и ежечастно подстрѣкаемый ложными навѣтами своихъ новыхъ любимцевъ, Іоаннъ сталъ до крайности подозрителенъ; вездѣ ему видѣлись измѣны и непослушанія, такъ что наконецъ онъ принялся за казни, чтобы избавиться отъ мнимыхъ предателей и злоумышленниковъ, готовыхъ будтобы посягнуть на его жизнь.

Главные злодѣи изъ приближенныхъ ко двору: Басмановъ, Малюта Скуратовъ и Вяземскій, зная что у Сильвестра и Адашева осталась сильная и многочисленная партія между окружающими царя, при которой весьма возможно было и то, что царь рано или поздно могъ возвратить удаленныхъ отъ престола честныхъ временьщиковъ, представителей этой партіи, и тогда власть и расположеніе царское опять будетъ въ ихъ рукахъ;—крамольники рѣшились погубить всѣхъ бояръ съ симпатіей относившихся къ памяти изгнанныхъ, чтобы властвовать потомъ однимъ, сдѣлаться необходимыми совѣтниками и стражами царя. Орудіе, употребленное Малютою Скуратовымъ и его единомышленниками противъ бояръ, было до такой степени губительно, что отъ него не было никакой возможности спастись и оправдаться—новые любимцы Іоанновы искусно съумѣли бросить искру ужаснаго подозрѣнія въ неспокойное сердце царя, будто бывшіе его любимцы Сильвестръ и Адашевъ, съ преданными имъ боярами, чародѣйствомъ извели царицу Настасью Романовну, въ той надеждѣ, что-бы по кончинѣ царя править царствомъ.

Смерть любимой супруги было такое больное мѣсто въ сердцѣ Іоанна, что онъ безъ всякихъ зрѣлыхъ размышленій принялъ клевету за чистую монету, и брошенная искра вспыхнула. Тѣмъ болѣе царь повѣрилъ извѣту царицы, что она скончалась внезапно—стало быть неестественной смертью.

Сильвестръ удалился въ монастырь, а Адашевъ находился въ Ливоніи и былъ назначенъ управлять воеводствомъ. Царь приказалъ судить ихъ заочно въ самовластномъ управленіи государствомъ, послѣ чего Сильвестръ былъ отправленъ въ Соловки, а Адашевъ отданъ подъ стражу въ Дерптъ, гдѣ онъ однакожъ скоро умеръ.

Первый неправедный шахъ въ правосудіи былъ такимъ обра-

зомъ сдѣланъ Іоанномъ, двое главныхъ безбожниковъ и злоумышлителей (какъ былъ увѣренъ царь) противъ царскаго живота понесли наказаніе, которое хотя и было не жестоко судя по обвиненію, но царь умилостивился, принимая во вниманіе ихъ важныя заслуги предъ государствомъ. Затѣмъ оставались ихъ клевреты, сообщенники — зло нужно было вырвать съ корнемъ, и царь, безъ малѣйшаго снисхожденія, безъ малѣйшей пощады началъ преслѣдовать друзей Сильвестра и Адашева. Достаточно было самой пустой причины, чтобы боярская голова упала на плаху, угодила подъ топоръ палача. Кровь казненныхъ бояръ, какъ бы опьянила ожесточеннаго царя и число жертвъ съ каждымъ днемъ все увеличивалось; темницы были переполнены осужденными на смерть; пыткамъ не было конца—ихъ исполнялъ Малюта Скуратовъ. Не смотря на покорность, безропотность и смиреніе осужденныхъ и предаваемыхъ смерти бояръ, которые до конца сохранили преданность престолу и безъ ропота умирали подъ пытками и подъ сѣкирой палача,—Іоаннъ не измѣнилъ своихъ дѣйствій, не увѣрялся въ ихъ невинности и продолжалъ думать, что все высшее сословіе возстановлено противъ царской власти и въ тиши точитъ ножъ измѣны. Скуратовъ, Басмановъ и Вяземскій въ томъ завѣряли царя, доказывали кромолу бояръ показаніями *пытаемыхъ* или слугъ боярскихъ или самихъ бояръ, изъ которыхъ страшными мученіями вымогали эти оговоры.

Видя такое немилосердіе и несправедливость царя, нѣкоторые знатные бояре, спасая жизнь, бѣжали изъ предѣловъ отечества. Между послѣдними былъ знаменитый воинъ и вельможа, воевода Дерпта, и другъ Адашева — князь Андрей Курбскій. Узнавъ отъ своихъ друзей, что участь его рѣшена въ Москвѣ, и что его ждетъ смерть, онъ бѣжалъ въ Литву съ однимъ преданнымъ ему слугою Василіемъ Шибановымъ, оставивъ въ Дерптѣ жену и десятилѣтняго сына, которые не могли за нимъ слѣдовать. Изъ Литвы, Курбскій, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разлуки съ семьей и тяжелыхъ душевныхъ страданій, написалъ письмо царю, которое рѣшился лично вручить Іоанну Грозному его слуга и товарищъ по изгнанію, Шибановъ — онъ подалъ царю, на Красномъ крыльцѣ, запечатанный конвертъ и сказалъ: «отъ господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михаиловича.» Іоаннъ воспылалъ гнѣвомъ, вонзилъ слугѣ Курбскаго въ ступню ноги острый жезлъ свой и грозно глядѣлъ ему въ лицо. Кровь ручьемъ потекла изъ раны; но Шибановъ стоялъ спокойно и молчалъ, какъ будто ничего не случилось съ нимъ. Царь оперся на жезлъ и велѣлъ одному изъ своихъ приближенныхъ бояръ читать вслухъ письмо. Такъ писалъ князь Курбскій:

«Царю, нѣкогда свѣтлому, отъ Бога прославленному—нынѣже, по грѣхамъ нашимъ, омраченному адскою злобою въ сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми

невѣрными владыками земли. Внимай! Въ смятеніи горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзалъ ты сильныхъ во Израилѣ, вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ Вседержителемъ, и святую, побѣдоносную кровь ихъ проліялъ во храмахъ Божіихъ? Развѣ они не пылали усердіемъ къ царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь измѣнниками, христіянъ чародѣями, свѣтъ тьмою и сладкое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя сіи предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыева царства, гдѣ предки наши томились въ тяжкой неволѣ? Не ими ли взяты твердыни Германскія въ честь твоего имени? И что же воздаешь намъ, бѣднымъ? гибель! Развѣ ты самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и правосудія вышняго для царя? Не описываю всего, претерпѣннаго мною отъ твоей жестокости: еще душа моя въ смятеніи; скажу единое: ты лишилъ меня святыя Руси! Кровь моя, за тебя изліянная, вопіетъ къ Богу. Онъ видитъ сердца. Я искалъ вины своей, и въ дѣлахъ и въ тайныхъ помышленіяхъ; вопрошалъ совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю грѣха моего предъ тобою. Я водилъ полки твои, и никогда не обращалъ хребта ихъ къ непріятелю: слава моя была твоею. Не годъ, не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ трудахъ и подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и болѣзни, не видя матери, не зная супруги, далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все извѣстно. Ему поручаю себя въ надеждѣ на заступленіе святыхъ и праотца моего, князя Ѳедора Ярославскаго. Мы разстались съ тобою на вѣки: не увидишь лица моего до дня суда страшнаго. Но слезы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мутителю. Бойся и мертвыхъ: убитые тобою живы для Всевышняго: они у престола его требуютъ мести! Не спасутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ безсмертнымъ ласкатели, бояре недостойные, товарищи пировъ и нѣги, губители души твоей, которые приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву!—Сію грамоту, смоченную слезами моими, велю положить въ гробъ съ собою и явлюся съ нею на судъ Божій. Аминь. Писано въ градѣ Вольмарѣ, въ области короля Сигизмунда, государя *моего*, отъ коего съ Божею помощію надѣюсь милости и жду утѣшенія въ скорбяхъ.» (*)

Царь Грозный выслушалъ письмо и велѣлъ Шибанова предать пыткамъ, чтобы выпытать отъ него, какъ обстоятельства побѣга Курбскаго, такъ и то, что не было ли у него и не осталось ли въ Москвѣ участниковъ и единомышленниковъ. Но этотъ замѣчательный человѣкъ, слуга князя Курбскаго, Шибановъ, ничего не сказалъ. Переживая страшныя, мучительныя пытки, онъ радовался, что умираетъ за своего добраго господина. Эта необыкновенная преданность слуги, такая необычайная въ немъ

(*) Исторіи Карамзина.

твердость духа—удивила даже Іоанна—изумила его палачей. Пылая гнѣвомъ и мучимый внутреннимъ голосомъ совѣсти, волнуясь и безпокоясь, Іоаннъ Грозный написалъ отвѣтъ Курбскому:

«Во имя Бога Всемогущаго, Того, Кѣмъ живемъ и движимся, Кѣмъ цари царствуютъ и сильные глаголютъ, смиренный христіанскій отвѣтъ бывшему Россійскому боярину, нашему совѣтнику и воеводѣ, князю Андрею Михаиловичу Курбскому, *восхотѣвшему быть Ярославскимъ владыкою*..... Почто, несчастный, губитъ свою душу измѣною, спасая бренное тѣло бѣгствомъ? Если ты праведенъ и добродѣтеленъ, то для чего же не хотѣлъ умереть отъ меня, строптиваго владыки, и наслѣдовать вѣнецъ мученика? Что жизнь, что богатство и слава міра сего? Суета и тѣнь: блаженъ, кто смертію преобрѣтаетъ душевное спасеніе! Устыдися раба своего, Шибанова: онъ сохранилъ благочестіе предъ царемъ и народомъ; давъ господину обѣтъ вѣрности, не измѣнилъ ему при вратахъ смерти. А ты, отъ единаго моего гнѣвнаго слова, тяготишъ себя клятвою измѣнниковъ; не только себя, но и душу предковъ твоихъ: ибо они клялись великому моему дѣлу служить намъ вѣрно со всѣмъ ихъ потомствомъ. Я читалъ и разумѣлъ твое писаніе. Ядъ аспида въ устахъ измѣнника; слова его подобны стрѣламъ. Жалуешься на претерпѣнныя тобою гоненія; но ты не уѣхалъ бы ко врагу нашему, если бы мы не излишне миловали васъ, недостойныхъ! Я иногда наказывалъ тебя за вины, но всегда легко, и съ любовію; а жаловалъ примѣрно. Ты въ юныхъ лѣтахъ былъ воеводою и совѣтникомъ царскимъ; имѣлъ всѣ почести и богатство. Вспомни отца своего; онъ служилъ въ боярахъ у князя Михаила Кубенскаго! Хвалишься пролитіемъ крови своей въ битвахъ: но ты единственно платилъ долгъ отечеству. И велика ли слава твоихъ подвиговъ? Когда ханъ бѣжалъ отъ Тулы, вы пировали на обѣдѣ у князя Темкина, и дали непріятелю время уйти во свояси. Вы были подъ Невлемъ съ 15000 и не умѣли разбить четырехъ тысячь Литовцевъ. Говоришъ о царствахъ Батыевыхъ, будто бы вами покоренныхъ: разумѣешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани:) но чего намъ стоило вести васъ къ побѣдѣ? Сами идти не желая, вы безумными словами и въ другихъ охлаждали ревность къ воинской славѣ. Когда буря истребила подъ Казанью суда наши съ запасомъ, вы хотѣли бѣжать малодушно и безвременно требовали рѣшительной битвы, чтобы возвратиться въ домы побѣдителями или побѣжденными, но только скорѣе. Когда Богъ даровалъ намъ городъ, что вы дѣлали? грабили! А Ливаніею можите ли хвалиться? Ты жилъ праздно во Псковѣ, и мы семь разъ писали къ тебѣ, писали къ князю Петру Шуйскому: *идите на нѣмцевъ!* Вы съ малымъ числомъ людей взяли тогда болѣе пятидесяти городовъ; но своимъ ли умомъ и мужествомъ? Нѣтъ, только исполненіемъ, хотя и лѣнивымъ, нашего распоряженія.

Чтожъ вы сдѣлали потомъ съ своимъ мудрымъ начальникомъ, Алексѣемъ Адашевымъ, имѣя у себя войско многочисленное? едва могли взять Феллинъ. Ушли отъ Пайды! Если бы не ваша строптивость, то Ливонія давно бы вся принадлежала Россіи. Вы побѣждали невольно, дѣйствуя какъ рабы, единственно силою понужденія. Вы, говорите, проливали за насъ кровь свою: мы же проливали потъ и слезы отъ вашего неповиновенія. Что было отечество въ ваше царствованіе и въ наше малолѣтство? Пустынею отъ Востока до Запада; а мы, унявъ васъ, устроили селы и грады тамъ, гдѣ витали дикіе звѣри. Горе дому, коимъ владѣетъ жена; горе царству, коимъ владѣютъ многіе! Кесарь Августъ повелѣвалъ вселенною, ибо не дѣлился ни съ кѣмъ властію. Византія пала, когда цари начали слушаться эпарховъ, синклитовъ и поповъ, братьевъ вашего Сильвестра..... Безстыдная ложь, что говоришь о нашихъ мнимыхъ жестокостяхъ! Не губимъ *сильныхъ во Израилѣ;* ихъ кровію не обогряемъ церквей Божіихъ: *сильные,* добродѣтельные и славные служатъ намъ. Казнимъ однихъ измѣнниковъ — и гдѣ же щадятъ ихъ? Константинъ Великій не пощадилъ и сына своего; а предокъ вашъ, святый князь Ѳедоръ Ростиславовичъ, сколько убилъ христіанъ въ Смоленскѣ? Много словъ, горестныхъ для моего сердца; но еще болѣе измѣнъ гнусныхъ, вездѣ и всѣмъ извѣстныхъ. Спроси у купцовъ чужеземныхъ, пріѣзжающихъ въ наше государство: они скажутъ тебѣ, что твои *представители* суть злодѣи уличенные, коихъ не можетъ носить земля Русская. И что такое *представители отечества?* Святые ли, боги ли, какъ Аполлоны, Юпитеры? Доселѣ владѣтели Россійскіе были вольны, независимы: жаловали и казнили своихъ подданныхъ безъ отчета. Такъ и будетъ! Уже я не младенецъ. Имѣю нужду въ милости Божіей, Пречистыя Дѣвы Маріи и святыхъ угодниковъ: наставленія человѣческаго не требую. Хвала Всевышнему: Россія блаженствуетъ; бояре мои живутъ въ любви и согласіи: одни друзья, совѣтники ваши, еще во тьмѣ коварствуютъ. Угрожаютъ мнѣ судомъ Христовымъ на томъ свѣтѣ: а развѣ въ семъ мірѣ нѣтъ власти Божіей? Вотъ ересь Манихейская! Вы думаете, что Господь царствуетъ только на небесахъ, діаволъ во адѣ, на землѣ же властвуютъ люди: нѣтъ, нѣтъ! Вездѣ Господняя держава, и въ сей и будущей жизни. Ты пишешь, что я не узрю здѣсь лица твоего *эѳіопскаго:* горе мнѣ! какое бѣдствіе! Престолъ Всевышняго окружаешь ты убіенными мною: вотъ новая ересь! Никто, по слову Апостола, не можетъ видѣть Бога. Положи свою грамоту въ могилу съ собою: симъ докажешь, что и послѣдняя искра христіанства въ тебѣ угасла: ибо христіанинъ умираетъ съ любовію, съ прощеніемъ, а не съ злобою. Къ довершенію измѣны называешь Ливонскій городъ Вольмаръ областію короля Сигизмунда, и надѣешся отъ него милостей, оставивъ своего законнаго, Богомъ даннаго тебѣ,

властителя. Ты избралъ себѣ государя лучшаго! Великій король твой есть рабъ рабовъ: удивительно ли, что его хвалятъ рабы? Но умолкаю: Соломонъ не велитъ плодить рѣчей съ безумными; таковъ ты дѣйствительно. Писано нашея великія Россіи въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта мірозданія 7072, іюля мѣсяца, въ 5 день.» (*)

Письмо Курбскаго не благотворно подѣйствовало на Іоанна; онъ еще болѣе ожесточился противъ боярскаго сословія и началъ преслѣдовать и казнить ихъ безъ милосердія; уничтожилъ большее число друзей Курбскаго. Не надѣясь на свою безопасность въ Москвѣ и вообще подозрѣвая всѣхъ окружающихъ его въ измѣнѣ, царь наконецъ удалился изъ столицы въ Александровскую слободу (теперь городъ Александровъ, Владимірской губерніи,) гдѣ окружилъ себя нѣсколькими тысячами молодыхъ дворянъ, тѣлохранителей и далъ имъ названіе *опричниковъ,* которые, при поступленіи въ новую царскую дружину, должны были давать клятвенныя обѣщанія не щадить даже отца и мать, если того потребуетъ польза государства. Чтобы заручиться большею преданностію опричниковъ, царь щедро одарилъ ихъ помѣстьями, деньгами, далъ имъ такіе обширныя права, какими не пользовались даже вельможи государства; имѣть дѣло съ царскимъ опричникомъ было большимъ несчастьемъ для всякаго подданнаго. Въ богатомъ платьѣ разъѣзжали опричники по городамъ и селамъ, грабили, убивали, буйствовали и притѣсняли жителей, и ни гдѣ нельзя было найти на нихъ управы. На сѣдлахъ опричниковъ были металлическія метлы и собачьи головы, въ знакъ того, что они «вымѣтаютъ измѣну изъ Русской земли и грызутъ царскихъ недруговъ.»

Новое мѣстопребываніе царя (Александровская слобода) была окружена окопами и рвами на подобіе крѣпости; на всѣхъ дорогахъ къ слободѣ стояла стража и никого не пропускала ни въ слободу, ни обратно безъ вѣдома самого царя, который велъ весьма странный образъ жизни: дворецъ былъ обращенъ въ монастырь, 300 человѣкъ изъ дружины опричниковъ составляли братію, а царь былъ ихъ игуменомъ. Цѣлый день, съ ранняго утра, Іоаннъ находился въ церкви съ своею импровизированной братіею, а вечеромъ присутствовалъ при допросахъ и пыткахъ; жажда крови измѣнниковъ до такой степени была сильна въ немъ, что если мало было доносовъ отъ опричниковъ, то онъ упрекалъ ихъ въ бездѣйствіи, въ нерадѣніи благу государства, стоявшаго будто бы на краю погибели отъ злоумысловъ крамольниковъ—бояръ. Святитель Митрополитъ Филиппъ, возмущенный жестокостью Іоанна, сталъ безпощадно обличать его въ недостойномъ поведеніи,—но, былъ отставленъ отъ управленія митрополіей и потомъ удушенъ въ

(*) Исторія Карамзина.

кельи монастыря Малютою Скуратовымъ по приказанію царя. Святой Филиппъ былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, кто не боясь гнѣва Грознаго Царя, говорилъ ему объ отвѣтственности передъ Богомъ за невинно пролитую кровь подданныхъ—обличалъ его въ недостойныхъ дѣлахъ.

Посвятивъ себя единственно *искорененію вредныхъ плевелъ* изъ среды своихъ слугъ—бояръ, Іоаннъ почти забылъ или вообще мало заботился о дѣлахъ внѣшнихъ, и этимъ съумѣли воспользоваться поляки и шведы — стали раззорять пограничныя русскія области, разбили воеводъ нашихъ. Іоаннъ былъ въ крайне возбужденномъ состояніи по случаю этихъ неудачь и приписывалъ успѣхи непріятелей измѣнамъ своихъ слугъ. Въ это неспокойное время, для Іоаннова сердца, кто-то изъ его свирѣпыхъ любимцевъ, добылъ доносъ на новгородцевъ, что будто они хотятъ перейти на сторону Литвы. Царь удовольствовался одной голой клеветой и рѣшилъ безъ всякаго суда и слѣдствія строго наказать мнимыхъ измѣнниковъ; онъ самъ пошолъ съ войскомъ на Новгородъ, и предварительно раззоривъ его, предалъ позорной казни единовременно нѣсколько тысячь лучшихъ новгородскихъ гражданъ; не смотря на то, что весь Новгородъ, во главѣ съ своимъ духовенствомъ, съ образами и хоругвями вышелъ на встрѣчу къ своему грозному властелину и палъ предъ нимъ ницъ, не имѣя даже въ помыслахъ ничего противнаго его царской волѣ.

За неожиданный набѣгъ на Москву Крымскаго Хана, будто бы допущенный боярами—измѣнниками, разгнѣванный Іоаннъ казнилъ многихъ знатныхъ лицъ. Ужасъ и трепетъ охватилъ всю русскую землю.

Вслѣдствіе неудачь во внѣшнихъ дѣлахъ и продолжительной войны съ Польшею и Швеціею, царь принужденъ былъ отказаться отъ Ливоніи и заключить невыгодный миръ съ этими двумя землями.

Только уже въ концѣ царствованія, Іоаннъ сдѣлалъ еще одно важное пріобрѣтеніе, а именно пріобрѣтеніе обширнаго сибирскаго царства, которое было завоевано нѣсколькими стами донскихъ казаковъ, которыми командовалъ знаменитый атаманъ Ермакъ Тимоѳеевъ. Завоеваніе Сибири было дѣломъ совершенно случайнымъ, и не только безъ вѣдома, но даже противъ воли царя. Дѣло въ томъ, что донскіе казаки, бывши во времена Адашева усердными слугами государства, сдѣлались потомъ отчаянными, неугомонными своевольниками, грабя по Волгѣ торговые суда и безчинствуя въ степяхъ Крыма, Украйны: разбивали корованы на пути отъ Каспійскаго моря въ Москву—даже грабили пословъ азіатскихъ. Царь наконецъ вынужденъ былъ неоднократно посылать свои войска для преслѣдованія шаекъ этихъ разбойниковъ, но они были не уловимы, а иногда и дерзки до того, что сами нападали и разбивали преслѣдовавшія ихъ войска. Царь гнѣвался и пойманнымъ

разбойникамъ не давалъ пощады, и кромѣ того, нѣкоторыхъ буйныхъ предводителей казацкихъ шаекъ заочно приговорилъ къ смерти: атамановъ Ермака Тимофеева и Ивана Кольца, отличавшихся особенно смѣлыми разбоями и личной отвагой въ бояхъ. Имя Ермака было настолько извѣстно, что богатѣйшіе помѣщики Строгановы, имѣвшіе на Вычегдѣ соляные промыслы, пригласили его принять на себя защиту Перми отъ набѣговъ сибирцевъ и ногайцевъ. Ермакъ пришолъ на зовъ Строгановыхъ съ своею дружиною удалыхъ казаковъ въ числѣ 500 человѣкъ; кромѣ того, Строгановы дали ему еще триста вооруженныхъ бойцевъ, набранныхъ ими изъ бродягъ и разныхъ бездомовыхъ людей, снабдили его порохомъ, свинцомъ и всѣмъ необходимымъ запасомъ. Давъ обѣтъ честно заслужить прощеніе государя за свои разбои, Ермакъ двинулся на судахъ по р. Чусовой съ своею дружиной во внутрь Сибири. Когда Іоаннъ узналъ объ этомъ походѣ разбойничей шайки, онъ гнѣвно наказалъ Строгановымъ не знаться съ безпутной вольницей и воротить ее изъ похода; такъ какъ онъ хотя и далъ Строгановымъ позволеніе имѣть свою дружину, для защиты отъ татаръ азіатскихъ, но въ его жалованной грамотѣ было сказано, чтобы бродягъ дружинниками имъ не имѣть, а наипаче съ разбойниками дружбу водить. Царь грозилъ даже *большою опалой* Строгановымъ, въ случаѣ если они замедлятъ исполненіемъ его наказа. Между тѣмъ славныя побѣды Ермака не заставили себя ждать. На берегахъ р. Иртыша онъ встрѣтился съ войсками престарѣлаго сибирскаго хана Кучума, предвотельствуемыми его племянникомъ, царевичемъ Маметкуломъ, и разбилъ ихъ на голову, заставивъ разсѣяться по степямъ Ишимскимъ; кромѣ того, покорилъ столицу Кучума Искеръ (близъ нынѣшняго Тобольска) и взялъ въ плѣнъ самого царевича Маметкула. Утвердивъ такимъ образомъ за Россіей пространства Сибири отъ Уральскихъ горъ до р. Иртыша, Ермакъ отправилъ посольство въ Москву, чтобы ударить челомъ царю—царствомъ сибирскимъ. Во главѣ посольства находился атаманъ Иванъ Кольцо, приговоренный Іоанномъ къ смертной казни. Вѣсть о покореніи Сибири переполнила необычайной радостью сердце царя; онъ милостиво принялъ посольство Ермака, сидя на своемъ великолѣпномъ тронѣ; забылъ вины бывшихъ разбойниковъ и не только простилъ ихъ, но и одарилъ богатыми подарками—Ермака Тимофеевича пожаловалъ титуломъ князя Сибирскаго, дорогой шубой съ своего царскаго плеча, послалъ ему крѣпкую стальную кольчугу и проч. Черезъ два года, въ этой самой жалованной царемъ кольчугѣ—Ермакъ утонулъ, бросившись вплавь къ лодкамъ по Иртышу, во время внезапнаго нападенія татаръ на его станъ, когда утомленные въ погонѣ за непріятелемъ, казаки спали крѣпкимъ сномъ, не принявъ, противъ обыкновенія, предосторожностей.

Іоаннъ Грозный былъ женатъ неоднократно и скончался въ

1584 году, оставивъ двухъ сыновей: Ѳедора отъ Анастасіи и Дмитрія отъ послѣдней жены Маріи, изъ рода Нагихъ. Старшій сынъ царя—Іоаннъ Іоанновичъ, не задолго его кончины, умеръ отъ руки гнѣвнаго отца.

Ѳеодоръ Іоанновичъ.

1584—1598.

Съ царствованіемъ Ѳеодора Іоанновича началось для Россіи новое, тихое время, и ужасы царствованія его грознаго родителя скоро забылись народомъ, глубоко-преданнымъ своимъ вѣнчаннымъ властителямъ. Въ лицѣ Іоанна Грознаго, русскій народъ видѣлъ только гнѣвъ Божій, наказавшій его за грѣхи царской рукою, и—только.

Царь Ѳеодоръ былъ кротокъ и набоженъ; проводилъ время сидя за книгами священнаго писанія или въ путешествіяхъ по церквамъ и монастырямъ, и вообще имѣлъ болѣе склонности къ монашеству, чѣмъ къ трону; а потому правленіе дѣлами государства поручилъ боярской думѣ, въ которой главную роль игралъ бояринъ Борисъ Годуновъ, родной братъ царицы Ирины. Умный и энергичный Годуновъ такъ осторожно держалъ себя въ самое тяжелое время царствованія Іоанна Грознаго, что ни въ одной партіи не возбудилъ не малѣйшаго подозрѣнія и неудовольствія къ себѣ; никто не боялся его хитраго, тонкаго ума; наконецъ такъ умѣлъ лавировать между царемъ и временьщиками, что его участія во всѣхъ ужасныхъ дѣлахъ не видалъ народъ и опальные не роптали на него; и, такимъ образомъ, онъ остался живъ и, кромѣ того, сохранилъ за собой право стать на ту или на другую сторону при дворѣ, смотря по обстоятельствамъ. Соправителями Годунова въ думѣ были бояре—князь Шуйскій, князья Мстиславскіе, Богданъ Бѣльскій и Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ.

Право на вступленіе на престолъ Ѳедора было неоспоримо, какъ старшаго сына Іоанна, но, вслѣдствіе его моральныхъ недостатковъ, родственники и сторонники втораго сына царя, отъ Маріи, Димитрія, возбудили было вопросъ о неспособности Ѳеодора править царствомъ, и взволновали умы въ пользу царевича Димитрія. Однако Шуйскій и Годуновъ возстали противъ этого и уже взволновали народъ, который подступилъ съ угрозами къ Кремлю. Главный виновникъ волненія Богданъ Бѣльскій, по распоряженію боярской думы, былъ схваченъ и отправленъ въ ссылку, и толпа успокоилась. Димитрія царевича, вмѣстѣ съ матерію, отправили на жительство въ г. Угличъ. Ѳеодоръ сдѣлался царемъ

и торжественно короновался на царство, 31 мая 1584 года, въ Успенскомъ соборѣ.

Борисъ Годуновъ не вдругъ сталъ во главѣ правленія; въ лицѣ князя Шуйскаго онъ встрѣтилъ сильнаго соперника на первенство, (Никита Романовичъ умеръ въ самомъ началѣ царствованія Ѳеодора; Бѣльскій, Мстиславскіе удалены), въ боярской думѣ.—На сторонѣ Шуйскаго были знатность рода и его боевые подвиги, но Борису Годунову болѣе сочувствовалъ во первыхъ самъ царь, а во вторыхъ все молодое дворянство, и главное—народъ. Ходили темные слухи, что онъ отравилъ царскаго дядю, Никиту Романовича, который мѣшалъ ему на пути къ сану перваго сановника въ государствѣ, но это только были слухи, а фактовъ не было на лицо. Между этими двумя партіями началась жестокая борьба, въ которой однако хитрый, рѣшительный, способный пойдти на все, преслѣдуя свои чистолюбивыя цѣли Годуновъ восторжествовалъ. Митрополитъ Діонисій вздумалъ примирить сильныхъ соперниковъ и, съ этою цѣлію, пригласивъ ихъ обоихъ къ себѣ, сталъ уговаривать. Годуновъ наружно примирился, но Шуйскій, не подозрѣвая скрытой вражды Годунова, искренно протянулъ ему руку, о чемъ съ нѣкоторымъ даже удовольствіемъ заявилъ стоявшимъ передъ крыльцомъ Грановитой палаты людямъ, которые крайне интересовались исходомъ этой важной борьбы двухъ сановниковъ государства. Но слушатели, державшіе сторону Шуйскаго, не довѣрчиво отнеслись къ объявленному имъ примиренію, а двое богатыхъ купцовъ (Шуйскій былъ любимецъ купечества московскаго) даже вслухъ сказали Шуйскому въ отвѣтъ слѣдующее: «Помирились вы нашими головами: и вамъ отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть.» Въ туже ночь смѣльчаки эти пропали, словно въ воду канули. Вѣсть объ этомъ таинственномъ происшествіи быстро облетѣла всю Москву—народъ заговорилъ, заволновался и не стѣсняясь обвинялъ Годунова въ гнусномъ убійствѣ этихъ двухъ купцовъ, опромѣтчиво сказавшихъ ему неугодное. Шуйскій былъ чрезвычано возмущенъ поступкомъ Годунова, и съ прежней ненавистью снова началъ съ нимъ борьбу. Для Шуйскаго ясно стало, что Борисъ Годуновъ имѣетъ намѣреніе не только овладѣть первымъ голосомъ въ думѣ, но даже престоломъ.

Ѳеодоръ былъ безъдѣтенъ, а потому Шуйскій, чтобы въ корнѣ уничтожить дерзкій замыселъ Годунова, подговорилъ митрополита дѣйствовать на слабаго царя въ томъ смыслѣ, чтобы онъ рѣшился, для блага отечества, развестись съ безплодной супругой. Дѣло это однако нужно было вести очень осторожно, чтобы не подать ни малѣйшаго вида сильному временьщику — но, не смотря на всѣ ихъ мѣры въ этомъ смыслѣ, Годуновъ былъ во время извѣщенъ о затѣянной противъ него интригѣ и положилъ ей конецъ: Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и безъ суда сосланы. Митро-

политъ пошолъ къ царю ходатайствовать за невинныхъ Шуйскихъ и принесъ между тѣмъ жалобу на вѣроломство Годунова, обличая его въ домогательствѣ короны. Царь не повѣривъ жалобамъ и наговорамъ на своего любимца, и торжествующій Годуновъ отправилъ челобитчика вслѣдъ за Шуйскими, а архипастырскій жезлъ отдалъ преданному себѣ епископу Ростовскому—Іову.

Сдѣлавшись такимъ образомъ полноправнымъ правителемъ государства, Годуновъ заставилъ умолкнуть недовольныхъ имъ, и скрыть свои чувства подъ личиной покорности, чтобы не лишиться свободы или даже головы.

Борисъ Годуновъ такъ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія, что даже коронованные особы искали его дружбы и лично сносились съ нимъ—фактически царствовалъ надменный Годуновъ въ Россіи, а истинный царь Ѳеодоръ Іоанновичъ звонилъ въ колокола и молился Богу; онъ былъ далекъ отъ суеты мірской. Въ сущности, Борисъ былъ чрезвычайно умный бояринъ и дѣльный правитель, и царство Русское было спокойно въ его правленіе; дѣла внѣшнія находились почти въ блестящемъ положеніи. Такъ онъ удачно велъ войну со Швеціею и наконецъ заключилъ съ нею вѣчный миръ, въ 1595 году, по которому Россія удержала за собой всѣ земли, на которыя претендовала шведская корона; съ Англіей и Австріей поддерживалъ самыя дружественныя отношенія; враждебную намъ Турцію держалъ въ рукахъ, вслѣдствіе дружбы Россіи съ вѣчнымъ врагомъ султана—персидскимъ Шахомъ Аббасомъ.

Чтобы заручиться прочной и надежной поддержкой, при исполненіи въ будущемъ своихъ коварныхъ цѣлей, Борисъ Годуновъ убѣдилъ царя основать въ Россіи патріаршій престолъ. Царь согласился, вызвалъ въ Москву Константинопольскаго патріарха Іеремія, и, по указанію Годунова, его клевретъ, митрополитъ Московскій Іовъ, былъ посвященъ Іереміемъ въ санъ патріарха всея Руси. Такимъ образомъ, властію патріарха, поставленнаго Годуновымъ, все духовенство должно будетъ, какъ разсчитывалъ дальновидный Борисъ,—поддерживать его цѣли—что и было потомъ.

Итакъ, все почти было подготовлено Борисомъ Годуновымъ, къ укрѣпленію за нимъ высокой власти въ будущемъ: Ѳеодоръ оставался по прежднему бездѣтнымъ и обладалъ весьма слабымъ здоровьемъ; опасные бояре удалены отъ престола. Но вотъ, оставалась еще одна преграда передъ Годуновымъ: царевичъ Димитрій! Онъ былъ прямой и единственный наслѣдникъ престола по смерти брата; а по ненависти къ временьщику за изгнаніе—ребенка-царевича, его матери—царицы и всей ихъ родни и за разныя притѣсненія, чиненныя имъ всему роду. Нагихъ, Годунову грозила неминуемая гибель; онъ это хорошо сознавалъ, и рѣшился пойдти на страшное дѣло—рѣшился погубить царственнаго отрока.

Былъ субботній день, 15 Мая 1591 года. Царевичъ сходилъ по обыкновенію къ обѣднѣ, прошелъ во дворецъ, отобѣдалъ и затѣмъ, въ сопровожденіи кормилицы Ждановой и мамки Волоховой, пошолъ поиграть на широкомъ дворѣ. Хотя царица—мать, остерегаясь извѣта своему дѣтищу со стороны временьщика, никогда не оставляла его безъ своего материнскаго глазу, но на этотъ разъ, по какой-то роковой случайности, осталась въ хоромахъ. Вдругъ, на дворѣ раздался крикъ отчаянія. Царица выбѣжала на рѣзное крыльцо и была поражена ужасной картиной: царевичъ Димитрій, окровавленный, съ перерѣзаннымъ горломъ лежалъ на рукахъ у кормилицы Ждановой, и еще трепеталъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Трудно выразить отчаяніе несчастной царицы, которая подбѣжавъ склонилась надъ трупомъ зарѣзаннаго злодѣями ребенка, не могла плакать, цѣпенѣя отъ горя и ужаса. Волохова стояла поодаль, какъ приговоренная къ смерти; она вѣроятно только въ эту минуту поняла, какого страшнаго преступленія она была участницей. Кормилица, рыдая, указывала на убѣгавшихъ убійцъ царевича—Битяговскаго, Волохова, (родственника няньки,) и Качалова, присланныхъ Годуновымъ въ Угличъ, *для службы* царскому семейству.

Роковая вѣсть о цареубійствѣ съ быстротою молніи пронеслась по Угличу — зазвучалъ набатный колоколъ; кипя местью и гнѣвомъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ народъ. Злодѣевъ, указанныхъ кормилицею убитаго царевича, схватили, и безъ пощады лишили жизни. Говорятъ, что злодѣи въ послѣдніе минуты указывали на Годунова, какъ на главнаго виновника мученической смерти царевича.

Изъ Углича послали гонца къ царю съ подробнымъ извѣстіемъ о случившемся несчастіи. Прежде все донесеніе, разумѣется, попало въ руки Бориса Годунова, который, говорятъ, былъ чрезвычайно обрадованъ этою вѣстью, такъ какъ послѣднее препятствіе къ исполненію его замысловъ исчезло со смертью Димитрія царевича. Но когда онъ вошелъ къ царю съ докладомъ, то лицо его было грустно и глаза заплаканы—онъ былъ опытнымъ царедворцемъ и искустно притворствовалъ. Однако онъ не объявилъ правды царю, а сказалъ, что царевичъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей болѣзни. Добродушный Ѳеодоръ вполнѣ повѣрилъ шурину, и долго неутѣшно оплакивалъ своего ребенка—брата.

Чтобы скрыть преступленіе, Годуновъ немедленно отправилъ въ Угличъ трехъ преданныхъ себѣ людей: боярина, князя Василія Шуйскаго и двухъ дьяковъ Вылузгина и Клешнина, для производства дознанія. Слѣдователи, по указанію правителя, нашли, что царевичъ не былъ зарѣзанъ руками преступниковъ, а зарѣзалъ самъ себя въ припадкѣ болѣзни, будто-бы давно замѣченной въ ребенкѣ. Дѣло о таинственной смерти царевича, по

приказанію Ѳеодора, было представлено на судъ общей государственной Думы, члены которой находясь подъ давленіемъ того-же Годунова изрекли такой приговоръ: *«граждане Углича достойны казни за свое беззаконіе.»*

Годуновъ торжествовалъ. Онъ теперь надѣялся окончательно устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ участіи убіенія царевича; 200 лучшихъ гражданъ Углича были казнены имъ за своевольство и самосудъ надъ преданными царскими слугами; нѣкоторымъ отрѣзали языки, множество народу заключено въ оковы и посажены въ тюрьмы на вѣчно, нѣсколько тысячь отправлено въ ссылку въ Сибирь и проч.

Царица—мать за плохой надзоръ за царевичемъ была пострижена Годуновымъ въ монахини и отправлена въ Никольскую пустынь; всѣ родные царевича были измучены пытками и сосланы въ отдаленные города, подъ строгій надзоръ. И на оборотъ—Годуновъ щедро наградилъ родныхъ злодѣевъ убившихъ царевича.

Семь лѣтъ еще царствовалъ Ѳеодоръ, и этимъ временемъ Борисъ Годуновъ воспользовался какъ нельзя лучше. Чтобы задобрить бояръ, онъ укрѣпилъ за ними крестьянъ, и далъ нѣкоторыя другія преимущества, которыхъ они лишились при Іоаннѣ Грозномъ. Обладая громадными помѣстьями, онъ имѣлъ постоянныя дѣла съ богатыми промышленниками и умѣлъ лаской и уступками привлечь ихъ на свою сторону, дѣйствуя въ то же время черезъ нихъ и на черный народъ, которому онъ тоже чинилъ не малыя поблажки во всемъ и, кромѣ того, послѣ большаго пожара въ Москвѣ, случившагося два года спустя послѣ смерти царевича Димитрія, нѣсколько тысячъ погорѣльцевъ долгое время кормилъ на свои деньги, возобновилъ погорѣвшую постройку; одѣлъ и помогалъ деньгами.

7-го января 1598 года, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ скончался, завѣщая престолъ своей супругѣ (сестрѣ Годунова) Иринѣ, а душеприкащиками назначилъ Бориса Годунова и патріарха Іова.

Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.

1598—1605.

Тотъ часъ послѣ похоронъ Ѳеодора, царица Ирина объявила, что она не приметъ корону, и желаетъ постричься въ монахини. Царицу долго уговаривали не бросать осиротѣвшій престолъ, но она отказалась на отрѣзъ отъ самодержавной власти и, принявъ постриженіе подъ именемъ Александры, переѣхала въ Новодѣвичій монастырь, куда послѣдовалъ за ней и братъ ея Борисъ.

Тогда въ кремлѣ Патріархъ Іовъ, какъ первый сановникъ государства, объявилъ собравшемуся духовенству, боярамъ и раз-

наго чина людямъ, (приверженцамъ Годунова,) что такъ какъ царскій родъ прекратился, то правленіе государствомъ должно перейдти къ боярской Думѣ. Но присутствующіе отвѣчали ему, что не желаютъ Думы боярской, а просятъ его назначить къ избранію, «кого Богъ укажетъ», въ цари. Патріархъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ довѣріемъ и указалъ на Годунова. Всѣ закричали «согласны!» Тогда Іовъ предложилъ предстоящимъ немедленно отправиться съ нимъ въ Новодѣвичій монастырь и просить высокаго боярина принять корону Мономахову. Народъ съ патріархомъ во главѣ пошелъ къ Борису и сталъ упрашивать его быть царемъ ему; но хитрый Годуновъ, выслушавъ просьбу бояръ и духовенства, со слезами на глазахъ сказалъ, что онъ только простой подданный и о престолѣ царскомъ даже помышлять не смѣетъ; онъ на отрѣзъ отказался отъ предлагаемой великой чести.

Прошло еще нѣсколько дней междуцарствія и весь осиротѣвшій русскій народъ сталъ горевать и бояться смутъ, погибели государства. Патріархъ еще нѣсколько разъ пытался уговорить Бориса исполнить просьбу народа, но не имѣлъ успѣха. Народъ сталъ волноваться; клевреты Годунова дѣлали свои дѣла.

Наконецъ патріархъ Іовъ, взявъ съ собою иконы и хоругви, царскую корону и сопровождаемый множествомъ духовенства и толпою народа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, пошолъ въ Новодѣвичій монастырь. Народъ передъ окнами монастырскими сталъ на колѣни и плакалъ; а патріархъ со всею знатью государства вошолъ въ монастырь и, поднеся корону Борису Годунову, сталъ вмѣстѣ съ другими умолять царицу—инокиню благословить своего брата на царство; просили пожалѣть плачущій народъ, который не хочетъ признать надъ собой никакой другой власти, кромѣ царской. Тогда только Годуновъ наконецъ согласился уступить просьбамъ патріарха и народа, и принявъ благословеніе отъ царицы, скоро короновался на царство (въ 1598 году.)

Первые годы царствованія Бориса Годунова прошли безмятежно и благодѣтельно для подданныхъ; царь былъ добръ и милостивъ ко всѣмъ, кто обращался къ нему въ нуждѣ; ласкалъ бояръ, далъ многіе льготы народу и проч. Но въ 1600 году вдругъ прошолъ слухъ, что царевичъ Димитрій живъ, а вовсе не зарѣзанъ, что погубленъ былъ вмѣсто него кто-то другой, а настоящій царевичъ успѣлъ какимъ-то чудомъ спастись. Совѣсть Годунова далеко не была спокойна, и этотъ роковой слухъ произвелъ на него губительное дѣйствіе; онъ вдругъ совершенно измѣнился: здѣлался подозрительнымъ до крайности и безпощадно жестокимъ. Старанія его отыскать въ народѣ дерзскаго, осмѣливающагося назвать себя царевичемъ Димитріемъ, оказались тщетны, и онъ ни съ того, ни съ сего принялся вымѣщать свое мучительное безпокойство на окружавшихъ его престолъ боярахъ: Бѣльскій, Шуйскіе и Романовы—вотъ кто первые попались на глаза подозри-

тельному царю; ему пала въ голову мысль, что никто иной какъ только эти потомки Рюрика могутъ имѣть виды на захваченный имъ престолъ, только де имъ нуженъ бунтъ легковѣрнаго народа и мое сверженіе, чтобы помѣняться со мной ролями, и этого предположенія оказалось достаточнымъ для изрѣченія гибели этихъ трехъ знатныхъ фамилій: Бѣльскій былъ обвиненъ въ какихъ-то преступныхъ замыслахъ и заключенъ подъ стражу (Бѣльскій былъ воспитателемъ Димитрія царевича.) Шуйскіе были подвергнуты большой опалѣ; Романовы, какъ любимцы народа, пострадали болѣе всѣхъ: ихъ жестоко пытали, обвиняя въ замыслѣ извѣсть колдовствомъ царя, и потомъ сослали. Старшаго въ родѣ Романовыхъ, умнаго и начитаннаго Ѳеодора Никитича, Годуновъ приказалъ постричъ въ монахи подъ именемъ Филарета.

Эти жестокія мѣры Годунова противъ своихъ опасныхъ соперниковъ не только не успокоили его, но даже еще болѣе взволновали его встревоженное воображеніе; онъ разослалъ шпіоновъ во всѣ мѣста, которые братались съ народомъ и подслушивали, что говорятъ про царя и мнимаго царевича. Достаточно было произнести кому нибудь одно неосторожное слово; его тотчасъ хватали, заключали въ оковы, подвергали пыткамъ и ссылали, или просто душили. Настало ужасное время. Историки говорятъ, что дошло до того, что отцы доносили на дѣтей (имѣя въ виду корысть, такъ какъ шпіонство хорошо оплачивалось Годуновымъ,) дѣти на отцовъ, жены на мужей и на оборотъ и проч. Въ народѣ поднялся ропотъ и ненависть противъ Годунова, котораго онъ, не смотря на всѣ его милости и льготы, не переставалъ считать цареубійцей.

Ко всему этому еще присоединился голодъ и моръ, отъ которыхъ въ одной Москвѣ погибло около двухсотъ тысячъ человѣкъ. Царь жертвовалъ громадныя суммы изъ своей собственной казны, для облегченія народнаго бѣдствія, хоронилъ умершихъ бѣдняковъ на свой счетъ, но помощь его была каплей упавшей въ море сравнительно съ грандіозностью нуждъ народа, который дошелъ до такого состоянія нищеты, что съ жадностью пожиравъ собакъ, кошекъ и тому подобную гадость.

Всѣ эти несчастія, посѣтившія русскую землю, народъ принималъ какъ Божеское наказаніе за страшный грѣхъ Годунова, который уже и самъ сталъ вѣрить этому,—его снѣдало раскаяніе; смертная тоска схватывала по временамъ его преступную душу; онъ почти совсѣмъ потерялъ аппетитъ и сонъ, былъ угрюмъ и задумчивъ; всѣ сторонились отъ него, какъ зачумленнаго..... онъ боялся показываться народу.....

Между тѣмъ самозванецъ уже дѣйствительно появился съ войскомъ на границахъ Россіи, шолъ прямо на Москву—народъ ждалъ его; онъ видѣлъ въ немъ свое спасеніе отъ переживаемыхъ имъ бѣдствій за ужасные грѣхи царя, безвинно казнившаго столько людей.

Часъ Годунова насталъ. Онъ видѣлъ, что ему нѣтъ никакого спасенія; онъ зналъ и чувствовалъ, что не одинъ изъ его наружно-преданныхъ царедворцевъ не обнажитъ за него меча; никто не станетъ защищать его, нелюбимаго, даже словами.

Не могъ пережить гордый Годуновъ своего преближающагося позора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неумолимый законъ справедливости требовалъ возмездія.....

13 апрѣля 1605 года, въ послѣобѣденное время, царь неожиданно заболѣлъ, и ровно черезъ два часа Бориса Годунова не стало; онъ принялъ, какъ полагаютъ, отраву.

Царь Ѳеодоръ Борисовичъ и I-й Лжедмитрій.

1605—1606.

ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

1606—1610.

Мнимый царевичъ, дѣйствительно, уже шелъ на Москву, вездѣ съ радостью встрѣчаемый заблуждавшимся народомъ.

(*) Кто-же былъ этотъ мнимый царевичъ и откуда онъ взялся? Въ царствованіе Годунова, въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ, въ числѣ иноковъ, былъ простой дьякъ Григорій Отрепьевъ, боярскій сынъ, бѣднаго и незнатнаго званія. Съ виду онъ былъ не взраченъ: средняго роста, рыжеватъ, съ бородавками на блѣдномъ лицѣ и имѣлъ одну руку короче другой; но эти наружные недостатки восполнялись у него: смѣлостью, хитрымъ умомъ и бойкой, разумной рѣчью. Лѣтами онъ былъ еще очень молодъ; но, не смотря на это, многое зналъ изъ книгъ, чего не знали другіе; многому прилежно учился и слылъ за большаго грамотѣя, такъ что патріархъ Іовъ посвятилъ его въ діаконы и взялъ къ себѣ «для книжнаго дѣла.» Въ этомъ званіи онъ часто ѣздилъ съ патріархомъ въ царскій дворецъ и плѣнился его пышностію и великолѣпіемъ. Конечно, Григорію болѣе чѣмъ всякому другому было извѣстно, что Годуновъ сидитъ не по праву на престолѣ, что на немъ лежитъ несмываемымъ пятномъ—убіеніе Димитрія въ Угличѣ и что народъ, неизмѣнно вспоминая замученнаго царевича, не любитъ Бориса и не считаетъ его законнымъ государемъ. Эти-то объстоятельства внушили смѣлому діакону необычайную и дерзкую мысль—мысль, назваться Димитріемъ, будто-бы спасшимся въ Угличѣ отъ убійцъ, зарѣзавшихъ вмѣсто него подмѣненнаго младенца:.... Какъ не дика показалась-бы эта мысль всякому другому, но пытливому и отчаянному Отрепьеву, разъ явив-

(*) Михневичъ.

шись въ его буйной головѣ, она не давала болѣе покоя. Человѣкъ, точно помѣшался на такой, казалось, несбыточной мечтѣ..... Были тутъ, можетъ быть, и постороннія подущенія, какъ говорятъ о томъ и преданія. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что Григорій сталъ говорить, какъ-бы въ шутку своимъ товарищамъ: «знайте, что я буду царемъ на Москвѣ!» Одни смѣялись на это, другіе плевали обезумѣвшему вралю въ глаза; но нашлись и такіе, которые сочли за нужное донести о томъ патріарху и самому Годунову. Патріархъ не обратилъ было вниманія на этотъ извѣтъ; но Годуновъ встревожился не на шутку и велѣлъ выслать Отрепьева въ Соловки, на вѣчное покаяніе будто-бы за ересь. Въ дѣйствительности-же въ немъ шевельнулся страхъ,—ужъ, подлинно, не проявился-ли ему опасный соперникъ въ ничтожномъ и безвѣстномъ инокѣ?

Однако, друзья шепнули Григорію про ожидающую его ссылку по царскому приказу, и онъ не сталъ ея дожидаться. Друзья-же доставили ему возможность и бѣжать изъ Москвы. Этотъ случай какъ-бы помогъ только рѣшенію безумца—осуществить на дѣлѣ свою чудовищную мечту. Онъ увидѣлъ, что его боятся, а сталобыть считаютъ возможнымъ то, что онъ задумывалъ. Это его подзадорило идти дальше въ своемъ намѣреніи. Во время своихъ скитаній по разнымъ мѣстамъ, онъ кое-гдѣ уже прямо называлъ себя царевичемъ Димитріемъ. Такъ въ Новгородсѣверскомъ монастырѣ, проѣздомъ, онъ оставилъ записку архимандриту, въ которой написалъ: «я царевичъ Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего.»

Вскорѣ послѣ этаго, мы находимъ его уже въ кругу удалыхъ запорожскихъ казаковъ, буйной вольницей жившей тогда въ низовьяхъ рѣки Днѣпра—въ такъ называвшейся «сѣчи.» Тамъ растриженный инокъ промѣнялъ свою ряску на казачій кафтанъ и, вмѣсто четокъ, обзавелся саблей и всѣми воинскими доспѣхами. Запорожцы его полюбили за удаль и молодечество, а онъ прилежно сталъ учиться у нихъ ратному дѣлу. Произошедши эту мудрость, Отрепьевъ ушолъ отъ запорожцевъ: они ему пока ни на что не нужны были больше. Теперь его задачей было пробраться въ Польшу и тамъ искать средствъ для осуществленія своей завѣтной мысли. Онъ зналъ, что нигдѣ, въ другомъ мѣстѣ, ни найти ему больше для себя помощи. Польша въ это время была еще отдѣльнымъ государствомъ и находилась въ постоянной враждѣ съ Россіей. Враги послѣдней всегда были ея друзьями, а какого болѣе злаго врага русской землѣ могла представить Польша, какъ не самозванщину, которая должна была не минуемо смутить, разстроить и раззорить все наше государство? Поляки и, въ особенности, духовенство ихъ—ксендзы, тѣмъ охотнѣе ухватились за безумную выходку Отрепьева, что они безпрерывно пытались совратить Россію съ православія и обратить въ латинскую като-

лическую вѣру. Теперь, при помощи сомозванца, имъ показалось очень возможнымъ произвести такое совращеніе вѣры въ нашемъ народѣ.

Изъ Запорожья Отрепьевъ попалъ на службу въ домъ одного знатнаго польскаго пана—Вишневецкаго. Здѣсь онъ измѣнилъ свою распутную доселѣ жизнь и постарался снискать особенное вниманіе къ себѣ своего господина. Однажды онъ прикинулся больнымъ, позвалъ для исповѣданія католическаго духовника и сказалъ ему, подъ великой тайной, что у него подъ головами имѣется бумажный свитокъ, въ которомъ написано, что онъ никто иной, какъ Димитрій царевичъ. Само собою разумѣется, что духовникъ тотчасъ-же передалъ эту тайну Вишневецкому, а тотъ немедленно побѣжалъ къ мнимому больному—сколько и мнимому царевичу. Свитокъ дѣйствительно оказался подъ подушкой и, сверхъ того, Отрепьевъ въ большее еще доказательство, что онъ подлинный Димитрій—показалъ на груди золотой, осыпанный алмазами крестъ, который, по его словамъ, данъ ему будто-бы при крещеніи крестнымъ отцомъ. Легковѣрный панъ принялъ эту хитросплетенную ложь за чистую правду, а ея виновника немедленно окружилъ самыми усердными заботами и попеченіями. Григорій, за часъ предъ этимъ ничтожный слуга, сразу сталъ теперь бариномъ..... Вишневецкій радъ былъ теперь самолично сдѣлаться его нижайшимъ слугою.

Смѣлый шагъ, такимъ родомъ, былъ сдѣланъ и сдѣланъ какъ нельзя удачно. Несбыточная, безумная мечта приняла плоть и кровь, будто въ доказательство какъ глубоко бываетъ иногда людское неразуміе и легковѣріе! Словомъ, самозванецъ—это горе и язва осиротѣвшаго народа, былъ готовъ; оставалось дать ему средства совершить безпримѣрное злодѣйство: сѣсть на царскій престолъ! И эту услугу съ готовностью оказали ему поляки и ихъ ксендзы.

Вскорѣ Вишневецкій разгласилъ о своемъ невѣроятномъ открытіи повсюду. Паны зашевелились. Дошла вѣсть эта и до ихъ короля Сигизмунда. Король этотъ всей душой былъ преданъ своимъ ксендзамъ—іезуитамъ. Безъ ихъ совѣта онъ шагу не дѣлалъ и во всемъ, какъ говорится, плясалъ по ихъ дудкѣ. Разумѣется, они ему представили, какъ будетъ выгодно для Польши и для католической вѣры, признать самозванца и, забравъ его въ руки, посадить на россійскій престолъ. Тогда онъ все станетъ дѣлать по ихнему, а стало-быть, совратитъ русскій народъ изъ православія въ латинство. Королю очень понравилась эта мысль и, не взирая на предостереженія и улики благоразумныхъ людей, что все это одинъ обманъ и іезуитская каверза, Сигизмундъ твердо порѣшилъ помогать самозванцу въ его безумномъ намѣреніи. Нельзя, конечно, думать, чтобы на этотъ счетъ поляки вовсе не заблуждались, видя въ Отрепьевѣ дѣйствительно царевича; одна-

ко, несомнѣнно и то, что никто изъ нихъ, а въ особенности ксендзы, не были твердо увѣрены въ подлинности мнимаго Дмитрія; многіе-же открыто считали его ловкимъ обманщикомъ, но разоблачить его не входило въ польскіе разсчеты. Всѣ радовались удобному случаю повредить Россіи. Чрезъ Вишневецкаго, самозванецъ скоро сошелся со многими польскими панами и, между прочимъ, съ богатѣйшимъ и знаменитѣйшимъ воеводою сендомирскимъ, Юріемъ Мнишекъ. Горячо ухватился за это дѣло честолюбивый воевода. У него была дочка, гордая и такая же честолюбивая какъ отецъ, красавица Марина. Многіе паны добивались чести жениться на ней; но она постоянно отвергала ихъ предложенія, будто предчувствуя, что судьба сулила ей впереди быть, хоть мимолетно, россійской царицей. Самозванецъ, чуть увидѣлъ ее, чрезвычайно плѣнился ея прекрасною наружностью и, спустя нѣсколько времени, признался ей, что готовъ для нея всю душу свою положить. Это только и нужно было властолюбивой паннѣ и ея отцу. Марина объявила мнимому царевичу, что она согласна выдти за него за мужъ, но только тогда, когда онъ станетъ царемъ на Москвѣ.

Понятно, что это еще болѣе подзадорило самозванца добиваться своей цѣли. Воевода Мнишекъ сталъ теперь ему самымъ усерднымъ помощникомъ и другомъ и, прежде всего, представилъ его королю Сигизмунду. Король принялъ Отрепьева весьма ласково, повѣрилъ, искренно или притворно, его баснословію и сказалъ: «Да поможетъ вамъ Богъ, московскій князь Димитрій! А мы, выслушавъ васъ, несомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына и, въ доказательство нашей дружбы къ вамъ, опредѣляемъ для васъ ежегодно 40,000 злотыхъ.» Затѣмъ онъ обнялъ его и возложилъ на него свою золотую королевскую цѣпь; но такъ какъ прямо нарушить миръ съ Россіей ему не хотѣлось, то онъ предоставилъ только самозванцу право «безпрепятственно сноситься съ панами и пользоваться ихъ вспоможеніемъ.» Этого было довольно. При посредствѣ воеводы Мнишека, мнимый царевичъ очень скоро собралъ порядучную дружину изъ разношерстной вольницы, которой много шаталось въ то время въ Польшѣ, и которая за деньги готова была служить кому угодно.

Но прежде, чѣмъ пустить самозванца идти на Москву, ксендзы и Мнишекъ озаботились покрѣпче привязать его къ себѣ разными обязательствами. Во первыхъ, онъ принялъ католичество и поклялся въ вѣчной вѣрности римскому папѣ. Затѣмъ, Мнишекъ вынудилъ у него запись, въ которой, въ случаѣ вступленія сомозванца на престолъ, предоставлялъ себѣ право получить милліонъ злотыхъ, а дочери—владѣніе Новгородомъ и Псковомъ, съ областями. Сверхъ этого, нѣкоторые уѣзды смоленскаго княжества были обѣщаны въ даръ самому королю Сигизмунду. Такъ,

бѣглый разстрига распоряжался достояніемъ Россіи, предавая ее во власть іезуитамъ и полякамъ.

Послѣ этихъ уговоровъ, Лжедимитрій, съ будущимъ тестемъ и другими польскими панами, во главѣ безпорядочной толпы бездомной и распутной сволочи, открылъ свой знаменитый походъ въ Россію. Тамъ у него было въ это время уже много друзей, которые не подозрѣвали злодѣйскаго обмана, и съ нетерпѣніемъ ждали увидѣть мнимаго царевича. Прежде всѣхъ присоединились къ нему, въ немаломъ числѣ, запорожскіе и донскіе казаки, а когда онъ вошелъ съ ними на русскую землю, города, встрѣчавшіеся ему на пути, сдавались одинъ за другимъ безъ боя. Препятствіе оказалъ одинъ только Новгородъ.—Сѣверскъ, гдѣ начальствовалъ Басмановъ и отразилъ нападеніе дружины самозванца. Годуновъ, между тѣмъ, выслалъ противъ обманщика порядочное войско; но въ войскѣ этомъ не было уже ни усердія, ни ревности: одни считали самозванца настоящимъ государемъ и не хотѣли подымать на него оружіе; другіе поступили точно также изъ ненависти къ Борису, и—такимъ образомъ, вѣрныхъ ему оставалось очень немного; а когда онъ умеръ и на царство вступилъ его молодой сынъ Ѳеодоръ Борисовичъ, войско охватила почти поголовная измѣна, въ пользу Лжедимитрія. Тотъ-же Басмановъ, который недавно еще храбро отразилъ полчище обманщика, теперь будучи главнымъ военачальникомъ, предался ему и торжественно назвалъ его въ Путивлѣ царемъ русскимъ. Этому гибельному примѣру послѣдовали и остальные военачальники съ войскомъ. Мятежъ съ быстротою распространился повсюду, и торжествующій Лжедимитрій гордо и величаво подвигался къ Москвѣ, среди безпрерывныхъ радостныхъ криковъ обманутаго народа. «Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!»

Посмотримъ, что дѣлалось въ эту пору въ Москвѣ. Тотчасъ (послѣ смерти Годунова, наслѣдуя его права, вступилъ на престолъ его молодой сынъ Ѳеодоръ Борисовичъ.)Этотъ прекрасный юноша отличался свѣтлымъ умомъ, душевной твердостью и добрымъ, честнымъ сердцемъ; но ужасная память о Борисѣ омрачала и престолъ Ѳеодора: ненависть къ отцу перешла и къ сыну: на людяхъ всегда такъ бываетъ, хоть это, быть можетъ, и не совсѣмъ справедливо. По неисповѣдимой судьбѣ, родъ Годунова не могъ остаться на россійскомъ престолѣ, и кара за грѣхъ отца должна была упасть на неповинную голову сына. Ѳеодора Борисовича признали царемъ высшее духовенство, боярская дума и многіе изъ народа, кого покуда еще не смутила окончательно вѣсть о мнимомъ царевичѣ. Первымъ дѣломъ молодаго царя было успокоить Россію, изгнавъ изъ ея предѣловъ самозванца. Онъ выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ Басманова; но Басмановъ измѣнилъ своей присягѣ..... Ѳеодоръ Борисовичъ и

Москва, а съ нею и вся Россія, остались безъ защиты и сдѣлались нетрудной добычей для самозванца.

Желая приготовить Москву къ торжественному и радушному принятію себя, Лжедимитрій прежде чѣмъ вступить въ ея стѣны, послалъ туда грамоту къ народу, въ которой увѣщевалъ: «бить челомъ ему, какъ царю законному.» Москвичи сначала слушали грамоту въ недоумѣніи, потомъ стали говорить: коли войско, бояре и многіе города поддались Димитрію, значитъ онъ не ложный царь. Стоять противъ его силы мы не можемъ. Да и за кого стоять? За Годуновыхъ—ненавистныхъ похитителей державной власти?! Нѣтъ! Да идетъ къ намъ и да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ?» Этотъ кликъ почти былъ единодушный. Пользуясь такимъ настроеніемъ народа, многочисленные враги Годуновыхъ и пособники Лжедимитрія бросились тотчасъ буйною толпою въ Кремлевскій дворецъ, съ неистовыми криками «смерть Годуновымъ!» защищать послѣднихъ было уже не кому. Безъ всякаго почти сопротивленія, яростная толпа схватила несчастное семейство,—вытащила его изъ дворца и посадила подъ стражу. Дома всѣхъ близкихъ и родственниковъ Годуновыхъ были разграблены и разрушены, а они сами, кто не успѣлъ скрыться, разсажены по тюрьмамъ. Этой же участи не избѣжалъ и патріархъ Іовъ—старинный и самый преданный другъ покойнаго Бориса и его семьи. Толпа схватила его и заточила въ Старицкій монастырь. Но разсвѣрипѣвшей и никѣмъ неудерживаемой разнузданной вольницѣ всего этого показалось недовольно. Подъучаемая злоумышленниками, клевретами самозванца, она на вѣки запятнала себя кровью невинныхъ и беззащитныхъ. Несчастный Ѳеодоръ Борисовичъ и его мать были убиты и растерзаны, а его сестра—молодая Ксенія была заключена въ монастырь и пострижена. Ненависть, затаенная до сихъ поръ, къ Годуновымъ, не оставила въ покоѣ и мертваго. Останки Бориса были вырыты изъ царской могилы и зарыты уединенно вмѣстѣ съ тѣлами супруги его и сына.

Остальной народъ и бояре, безмолвные свидѣтели совершеннаго злодѣянія, приписали все суду Божію, и увлеченные страхомъ и обманомъ, присягнули Лжедимитрію и огромной толпою, съ хоругвями и «хлѣбомъ солью,» вышли къ нему на встрѣчу. Въ это время онъ уже приблизился къ первопрестольной Москвѣ, во главѣ многочисленнаго войска. Не покориться передъ нимъ Москвѣ, дѣйствительно, не возможно было теперь.

И вотъ, 20 Іюня 1605 года, въ ясную тихую погоду, двинулся Лжедимитрій, съ величайшей пышностью, къ воротамъ Москвы, окруженный духовенствомъ и боярами и сопутствуемый несмѣтными толпами народа. Въ тихомъ воздухѣ торжественный звонъ тысячи московскихъ колоколовъ смѣшивался съ несмолкаемыми радостными кликами народа: «Вотъ онъ нашъ батюшка, государь

Димитрій Ивановичъ!») Всѣ были счастливы; но вдругъ, при проѣздѣ черезъ мостъ на Москвѣ-рѣкѣ, при безоблачномъ небѣ и совершенной тишинѣ, поднялся такой страшный вихрь, что многихъ всадниковъ сорвало съ коней. Народъ смутился и, кладя крестное знаменіе, съ ужасомъ почуялъ въ этомъ недоброе предзнаменованіе. Смущеніе это еще болѣе усилилось, когда во время сейчасъ-же послѣдовавшаго молебствія въ Кремлѣ, раздались звуки польской музыки. Нашлись и такіе, кто призналъ въ мнимомъ царѣ разстригу Гришку Отрепьева; но уличить его еще не пришло время. Народъ еще вполнѣ вѣрилъ, что онъ настоящій наслѣдникъ царя Ивана Васильевича.

Началъ Лжедимитрій царствовать. Царствованіе это началось съ того, съ чего началось оно и при Борисѣ Годуновѣ—съ задабриванія народа. Всякаго рода льготы и милости широкой рѣкой полились на бояръ, на духовенство, на купечество, на простолюдье. Никто не былъ забытъ. Были возвращены изъ заточенія сосланные противники Годунова,—въ томъ числѣ семья Романовыхъ и мать убіеннаго царевича Димитрія—царица инокиня Мареа. Потребно было, чтобы она признала въ самозванцѣ своего сына. На встрѣчу ей, когда ея съ царскими почестями везли изъ монастыря въ Москву, выѣхалъ Лжедимитрій, въ сопровожденіи огромной толпы народа. Всѣмъ хотѣлось видѣть, какъ встрѣтятся мать съ сыномъ послѣ долгой разлуки. Вышло все, какъ по писанному: самозванецъ и царица—мать со слезами на глазахъ бросились другъ другу въ объятія. Народъ умилился и плакалъ глядя на нихъ. Никому еще не было извѣстно тогда, что слабую, несчастную, убитую горемъ женщину, обольщеніями и угрозой склонили признать обманьщика за сына, въ чемъ она потомъ, какъ увидимъ, всенародно и покаялась..... Понятно, что такое зрѣлище еще болѣе утвердило народъ въ заблужденіи, что на престолѣ сѣлъ настоящій царевичъ. Но не смотря на это, смѣлые люди, хорошо знавшіе всю подноготную самозванца, начали тайно и явно уличать его и стараться о его сверженіи. У нихъ нашлись сторонники. Въ числѣ такихъ людей былъ знаменитый князь, а въ послѣдствіи царь Василій Ивановичъ Шуйскій, человѣкъ, въ сущности, хитрый и честолюбивый. Однако, судьба избрала его какъ бы орудіемъ гибели Лжедимитрія. Вскорѣ онъ составилъ противъ него заговоръ, но не удачно. Намѣреніе его было обнаружено, онъ осужденъ былъ на смерть, и голова его уже лежала на плахѣ, какъ вдругъ самозванецъ объявилъ ему прощеніе, желая показать народу, что онъ незлобивъ и многомилостивъ даже къ врагамъ своимъ. Тѣмъ не менѣе, Шуйскій не покинулъ своихъ мыслей и, почти тотчасъ послѣ помилованія, сталъ составлять новый заговоръ. Ему это легко было сдѣлать, такъ какъ, надо вамъ сказать, самозванецъ, утвердившись на престолѣ, сталъ очень самонадѣянъ, безпеченъ, велъ жизнь разгульную, якшался съ по-

ляками, которыхъ во множествѣ привелъ съ собою въ Москву, и почти во всемъ придерживался ихъ обычаямъ, чуждымъ и непріятныхъ русскому народу. Все это мало по малу вооружило противъ него москвичей и раскрывало имъ глаза. Много помогли такой перемѣнѣ буйства и безчинства поляковъ въ Москвѣ, которымъ явно покровительствовалъ мнимый царь. Тогдашніе ревнители русской старины ненавидѣли все иностранное, не православное, а Лжедимитрій во всемъ походилъ скорѣе на поляка, чѣмъ на русскаго. Къ довершенію этаго состоялась, наконецъ, и свадьба его на кровной полькѣ Маринѣ Мнишекъ, достигшей такимъ образомъ званія россійской царицы. (Тихіе, мирные дотолѣ царскіе кремлевскіе дворцы, походившіе на монастыри, обратились вдругъ, къ великому соблазну и смущенію благочестивыхъ людей того времени, въ шумные притоны заморской музыки и пляски, пировъ и распутства по цѣлымъ ночамъ на пролетъ.) Эта безвременная и неугомонная гульба изъ дворца полилась по всему городу. Пьянство, азартныя игры, скоморошество и открытый развратъ, распространились по всѣмъ концамъ смиренной и благочестивой первопрестольной Москвы. День изо дня повсюду, какъ говорится, шелъ дымъ коромысломъ. Указывая на это, враги самозванца легко успѣли навербовать себѣ многочисленныхъ сторонниковъ. Большинство народа стало убѣждаться, что мнимый царь никто иной, какъ богомерзкій, по выраженію лѣтописца, обманщикъ и похититель русскаго престола. У всѣхъ зажглось къ нему чувство злобы и мести, исходъ которыхъ уже былъ близокъ, благодаря стараніямъ Шуйскаго.

Къ лихимъ, безпутно-отчаяннымъ натурамъ, безспорно принадлежалъ и Отрепьевъ—названный царь Димитрій. Молва о его удачномъ безпримѣрномъ обманѣ, и все болѣе и болѣе усиливавшееся сомнѣніе народа въ подлинности его царскаго происхожденія, вскорѣ породили повсюду смуты. Явились люди, у которыхъ зародилась дикая мысль о возможности другаго самозванца. «Что-жъ,» думали эти разнузданныя головы, «коли разстрига—дьякъ смогъ достигнуть такой удачи, отчего и другой не сможетъ того-же сдѣлать?» И мы видимъ, дѣйствительно, что самозванцы, къ ужасу и бѣдѣ всей русской земли, стали появляться въ то печальное время одинъ за другимъ, какъ грибы послѣ дождя. Довольно сказать, что въ нѣсколько лѣтъ ихъ перебывало цѣлыхъ восемь. Уже при жизни перваго изъ нихъ, еще благополучно сидѣвшаго на московскомъ престолѣ, на Дону вдругъ объявился новый самозванецъ, назвавшійся царевичемъ Петромъ, небывалымъ сыномъ покойнаго царя Ѳеодора Ивановича. Не смотря на явную безсмыслицу этаго самозванства, оно нашло сторонниковъ, въ особенности, въ средѣ тогдашняго буйнаго казачества. Согласно родственному, будто бы, приглашенію Лжедимитрія, сказанный Лже—Петръ шелъ къ Москвѣ съ своими привер-

женцами; но на дорогѣ, узнавъ о гибели мнимаго дяди, отступилъ назадъ, производя повсюду грабежи и разбои.

Объ окончательной участи этаго обманщика и объ остальныхъ самозванцахъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь возвратимся къ судьбѣ перваго Лжедимитрія, самаго важнаго изъ нихъ. Во-первыхъ онъ, надо сказать правду, былъ умнѣе ихъ всѣхъ, образованнѣе, а потому долѣе морочилъ народъ, одно время почти единодушно считавшій его настоящимъ царемъ, и притомъ, что самое главное, онъ одинъ изъ всей самозванной клики, добился того, что сѣлъ, хоть не надолго, въ Москвѣ, на престолѣ древнихъ русскихъ царей. Другіе злодѣи ипрестола этаго не оскверняли и понесли заслуженную месть внѣ стѣнъ Бѣлокаменной.

Въ то время, какъ самонадѣянный и безпечный самозванецъ Димитрій утопалъ въ нѣгѣ и роскоши, проводилъ дни и ночи въ развратѣ и гульбѣ, князь Шуйскій не дремалъ, и подготовилъ на этотъ разъ огромный и вѣрно разсчитанный заговоръ. 17-го мая 1606 г., на разсвѣтѣ, Москва была разбужена набатомъ. Весь городъ почти поднялся на ноги; бояре и народъ, во главѣ съ княземъ Шуйскимъ, устремились въ Кремль; разбили и разогнали стражу нѣмецкую самозванца; вломились во дворецъ; убили Басманова и сбросили его тѣло съ крыльца. Услышавъ шумъ и догадавшись о его причинѣ, Лжедмитрій въ страхѣ выскочилъ изъ окна, разбилъ себѣ голову и ушибъ ногу; его внесли во дворецъ и стали допрашивать. Судъ и расправа были коротки. Два выстрѣла изъ ружей положили самозванца на мѣстѣ. Разъяренная толпа сволокла его тѣло и тѣло Басманова на Лобное мѣсто и предавала ихъ поруганію втеченіе трехъ дней. Потомъ ихъ зарыли въ яму. Но черезъ нѣсколько дней тѣло Лжедимитрія отрыли, сожгли на кострѣ, и пепелъ отъ него выстрѣлили изъ пушки на вѣтеръ. Въ то время, какъ его волокли изъ дворца, Шуйскій вызвалъ къ народу царицу—инокиню и она объявила передъ всѣми, что Лжедимитрій не сынъ ея, а признала она его прежде единственно изъ страха смерти. Обманъ былъ обнаруженъ, такимъ образомъ, всенародно.

Между тѣмъ народная месть не ограничилась убіеніемъ одного самозванца—досталось ее и на долю его пособниковъ—поляковъ, которые наѣхали съ нимъ въ Москву. Ихъ перебили безъ пощады нѣсколько сотъ человѣкъ, и еслибъ за остальныхъ не заступился князь Шуйскій съ боярами, живымъ не выпустили-бы ни одного. Спаслась, вслѣдствіе этаго, и молодая жена самозванца—Марина, и ея отецъ, воевода Мнишекъ.

Шуйскій, покончивъ съ самозванцемъ, смирилъ и угомонилъ разъярившійся народъ и собралъ въ Кремлѣ для совѣта боярскую думу. Надо было избрать новаго царя, и дума. по голосу друзей и приверженцевъ Василія Ивановича Шуйскаго, безъ противорѣчія согласилась на его избраніе, какъ достойнѣй-

шаго изъ нихъ. Шуйскій добивался царскаго сана подъ рукою уже давно, и это намѣреніе болѣе всего побудило его возстать на самозванца. Для достиженія честолюбивой цѣли представлялась лучшая минута; притомъ же старинный и заслуженный родъ князей Шуйскихъ пользовался въ народѣ почетомъ и довѣріемъ. Однако, Василій Ивановичъ не могъ дать прочнаго спокойствія и счастія русской землѣ, которая опять-таки была ни при чемъ при его избраніи на царство. Если онъ достигъ цѣли безъ преступленій, ни какъ Борисъ, ни какъ Лжедимитрій, то все же, по кореннымъ правиламъ, на престолѣ сѣлъ онъ также самовластно и также случайно, воспользовавшись смутными обстоятельствами. Такое дѣло не могло быть свято и прочно въ глазахъ народа и— оно такъ вышло въ дѣйствительности. Все кратковременное царствованіе Василія Ивановича было исполнено несчастій и бѣдствій: помимо безпрерывныхъ и повсемѣстныхъ мятежей отъ появленія то тамъ, то здѣсь, одинъ за другимъ, иногда по трое за разъ, лихихъ самозванцевъ или «воровъ,» какъ ихъ называли тогда, на обезсиленную Россію грянули теперь и поляки уже открытой войной. Они помнили недавнюю рѣзню ихъ собратьевъ въ Москвѣ, да сверхъ того такого удобнаго случая для удачнаго нападенія на русскую землю, какой представлялся имъ тогда, они не хотѣли и не могли пропустить. Неостывшая вражда ихъ къ Россіи всегда пользовалась такими случаями. Напрасно Василій Ивановичъ, вступивъ на престолъ, старался ихъ смягчить и примирить,—онъ достигъ только того, что отсрочилъ немного войну съ ними. А дѣлъ и заботъ у него и безъ поляковъ было очень много. Приходилось, не вкладывая мечъ въ ножны, постоянно отбиваться отъ напоровъ самозванщины. Къ великому еще счастію Россіи и Василія Ивановича, судьба послала имъ тогда въ защиту славнаго воителя, мужественнаго и разумнаго юношу, двадцатилѣтняго князя Михаила Скопина—Шуйскаго, приходившагося племянникомъ царю. Это былъ, по истинѣ, въ то время ангелъ—хранитель русской земли; хоть и его сгубила на зарѣ жизни людская зависть и злоба. Первымъ его подвигомъ было отраженіе отъ Москвы удалой казацкой вольницы, которая подъ предводительствомъ атамана Болотникова разносила мятежъ, во имя новаго самозванца. Пораженіе Болотникова было довершено въ Тулѣ: его казнили; казнили при этомъ и доставшагося въ руки Лже-Петра, о которомъ говорено выше. Но едва былъ потушенъ мятежъ здѣсь, какъ онъ уже загорѣлся въ другомъ мѣстѣ: одновременно появилось два самозванца—Лжедимитрія, и теперь они уже стали истреблять одинъ другаго. Самозванецъ, явившійся въ городѣ Стародубѣ, скоро усилился, поймалъ соперника и умертвилъ его. Борьба для царскаго войска съ этимъ новымъ злодѣемъ была не легка. Съ помощію стародубской и всякой другой толпами стекавшейся къ нему вольницы, онъ овладѣлъ многими го-

родами и вскорѣ сталъ грозить самой Москвѣ, остановившись по близости къ ней, въ селѣ Тушинѣ. Отсюда и его историческое назнаніе «Тушинскій воръ.» Кто онъ былъ родомъ и званіемъ—это осталось въ неизвѣстности. Народу говорили, что Лжедимитрій успѣлъ скрыться изъ Москвы во время всеобщаго волненія, и что вмѣсто его былъ убитъ кто-то другой, этому вѣрили и шли за нимъ. Жена убитаго въ Москвѣ самозванца, гордая полька Марина Мнишекъ, обуреваемая честолюбіемъ, нагло рѣшилась признать Тушинскаго вора своимъ мужемъ, и тѣмъ какъ бы подтвердила вымышленный имъ разсказъ о своемъ чудесномъ спасеніи.

Между тѣмъ Тушинскій воръ грозилъ Москвѣ, и все болѣе и болѣе усиливался перебѣжчиками и разнымъ сбродомъ, два литовскихъ военачальника—паны Лисовскій и Сапѣга съ большими силами осадили Троицкою Сергіевскую лавру, имѣя цѣлію завладѣть ея несмѣтными богатствами, скопленными знаменитымъ монастыремъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Восемь мѣсяцевъ простояли литовскіе паны подъ стѣнами св. обители, несчетное число разъ ходили на приступъ, но не имѣли успѣха. Монахи, крестьяне и горсть стрѣльцовъ мужественно отбивали отчаянные приступы враговъ, каждый разъ нанося имъ страшный уронъ.

Наконецъ царь Василій Шуйскій послалъ племянника своего Михаила Скопина въ Новгородъ за ратными людьми. Скопинъ собралъ тамъ, сколько было возможно, войска, кромѣ того пять тысячь воиновъ взялъ въ помощь у шведскаго короля, который не любилъ Сигизмунда и не хотѣлъ его успѣховъ—и двинулся съ этими силами къ Москвѣ. Путь его былъ славнымъ, тріумфальнымъ шествіемъ; города, захваченные поляками, были очищены Скопинымъ отъ непріятеля; паны Лисовскій и Сапѣга были принуждены снять осаду Троицкой лавры и пошли къ Смоленску, чтобы соединиться съ войсками Сигизмунда; Тушинскій воръ тайкомъ оставилъ свой лагерь и бѣжалъ въ Калугу, гдѣ потомъ былъ убитъ однимъ татарскимъ княземъ; послѣ чего поляки тоже бѣжали изъ Тушина, но только не вслѣдъ за своимъ бывшимъ предводителемъ, а туда, куда пошли Лисовскій и Сапѣга, т. е. на помощь польскому королю, осаждавшему Смоленскъ. Молодой и храбрый Михаилъ Скопинъ торжественно вошолъ въ освобожденную имъ Москву. Народъ видѣлъ въ немъ своего избавителя, а потому отдалъ ему всѣ свои неподкупныя симпатіи, и даже громко выражалъ желаніе видѣть его царемъ. Михаилъ Скопинъ отказался отъ этой чести, но, не смотря на этотъ отказъ, былъ измѣннически отравленъ во время пира, въ домѣ своего дяди Димитрія Шуйскаго, брата царя, завидовавшаго его громкой славѣ и любви къ нему народа. Отравленіе Скопина, готовившагося было идти на помощь осажденному поляками Смоленску, возмутило народъ до такой степени, что на домъ Димитрія Шуйскаго

было сдѣлано яростное нападеніе и только благодаря вмѣшательству вооруженныхъ стрѣльцовъ, подоспѣвшихъ на помощь царскому брату, послѣдній не былъ убитъ. Но, не смотря на это народное нерасположеніе къ Димитрію Шуйскому, онъ былъ назначенъ командовать войсками, высланными противъ поляковъ къ Смоленску и, какъ неспособный военачальникъ, потерпѣлъ отъ польскаго гетмана Жолкѣвскаго страшное пораженіе близь деревни Клушиной. Тогда царь Василій Шуйскій уже лишился, наконецъ, всякаго народнаго довѣрія и былъ низложенъ и силою постриженъ въ монахи вмѣстѣ съ своей супругой.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

1610—1613.

Князь Пожарскій и гражданинъ Мининъ. (Спасители отечества).

Настало междуцарстіе—бѣдственное, ужасное время для Россіи. Многія области ея были заняты поляками и шведами, города были раззорены и выжжены; кромѣ того, по всему государству разсыпались мѣлкія шайки казаковъ, поляковъ и всевозможнаго сброда, которыя, пользуясь безъ началіемъ и вообще смутнымъ временемъ, безпощадно грабили и убивали жителей, жгли села и хутора, однимъ словомъ, опустошали Россію елико возможно. Но что всего важнѣе—Москва, благодаря невѣжеству и неспособности Димитрія Шуйскаго, была наконецъ занята польскими войсками. Это произошло такимъ образомъ: разбивъ Димитрія Шуйскаго, польскій военачальникъ Жолкѣвскій безпрепятственно дошелъ до Москвы и предложилъ боярамъ выбрать одно изъ двухъ: или согласиться на избраніе польскаго королевича Владислава царемъ Россіи добровольно, или защищаться и вслучаѣ неудачи быть принужденнымъ на это избраніе. Защищать Москву было некому и нечѣмъ, а потому бояре, недопуская напраснаго кровопролитія и разгрома Москвы, избрали Владислава царемъ и отправили къ Сигизмунду, и подъ Смоленскъ, посольства, съ просьбой отпустить сына царствовать въ Русской землѣ, и отворили ворота польскимъ войскамъ.

Съ великой неохотой русскіе люди выбрали въ цари польскаго королевича, и мирились еще въ этомъ только потому, что Владиславу первымъ условіемъ было поставлено принять православіе, и что отправили посольство къ Сигизмунду людей честныхъ и религіозныхъ, изъ которыхъ въ особенности митрополитъ ростовскій Филаретъ, (Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, постриженный Годуновымъ въ монахи,) которые не выдадутъ отечество на погибель и православную религію на поруганіе.

Сверхъ всякаго ожиданія, король польскій Сигизмундъ не только холодно принялъ посольство московское, но даже самыхъ пословъ задержалъ въ своемъ лагерѣ въ видѣ заложниковъ, за то, что они отказались, до окончанія переговоровъ, ходатайствовать передъ боярской думой о сдачѣ польскимъ войскамъ Смоленска. Оказалось, что Сигизмундъ задумалъ самъ сдѣлаться царемъ Московскимъ, о чемъ митрополиту Филарету удалось увѣдомить изъ польскаго лагеря патріарха Гермогена, (осьмидесятилѣтняго старца, строгаго блюстителя православія, мужа непоколебимой твердости духа,) о грозившей опасности отечеству, такъ какъ Сигизмундъ былъ извѣстенъ за католика—фанатика.

Едва получилось въ Москвѣ это важное увѣдомленіе Филарета, какъ Гермогенъ тотчасъ-же разрѣшилъ народъ московскій отъ присяги Владиславу и разослалъ энергичное воззваніе по всѣмъ городамъ русскимъ, призывая народъ къ оружію для спасенія отечества и вѣры православной. Поляки заключили маститаго патріарха подъ стражу, но его воззваніе уже сдѣлало свое славное дѣло; около тридцати городовъ русскихъ ополчилось по его слову, и въ короткое время сто слишкомъ тысячъ ратниковъ осадили поляковъ въ Москвѣ. Поляки принуждали Гермогена написать грамоту къ предводителямъ народнаго возстанія и уговорить ихъ снять осаду, но знаменитый патріархъ вмѣсто требуемой у него грамоты, мужественно изрекъ проклятія на голову поляковъ, которые за это подвергли его мученіямъ въ душной темницѣ, гдѣ онъ вскорѣ и скончался.

Главнымъ предводителемъ народнаго ополченія былъ умный и отважный Прокопій Ляпуновъ (рязанскій дворянинъ,) отличавшійся безкорыстіемъ и глубокою любовію къ отечеству, чѣмъ, къ несчастію, не могли похвалиться другіе вожди народные (ихъ было до 15-ти,) которые заводили между собой постоянные споры о старшинствѣ и мѣшали общему дѣлу. Самымъ вреднымъ въ семьѣ русскихъ ополченцевъ оказался атаманъ Заруцкій, командовавшій тульскими дружинами и казаками. Онъ-то именно и сѣялъ сѣмена раздора между предводителями, чтобы потомъ одному овладѣть Москвою для сына самозванца отъ Марины и именемъ его самому править государствомъ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, Заруцкій пустилъ слухъ, что будто-бы Ляпуновъ хочетъ истребить всѣхъ казаковъ. Когда эта выдумка достигла до ушей казаковъ, они съ яростію бросились на Ляпунова и умертвили его. Въ лицѣ Ляпунова ополченцы потеряли главнаго поборника независимости отечества, дружины его разбрелись по своимъ городамъ, а затѣмъ, мало по малу, разстроилось и все народное ополченіе; подъ Москвою остались только Заруцкій и Трубецкой, которые уже не были страшны полякамъ.

А между тѣмъ враги не дремали; Сигизмундъ покорилъ Смоленскъ и готовился идти къ Москвѣ; Новгородъ занялъ шведски-

ми войсками генералъ Делагарди, и заставилъ новгородцевъ присягнуть шведскому королевичу Филиппу; польскій военачальникъ Ходкѣвичъ успѣлъ пробраться съ свѣжими войсками сквозь ряды, оставшихся подъ Москвою, русскихъ дружинниковъ и увеличить число осажденныхъ въ Москвѣ поляковъ, поджидавшихъ Сигизмунда, чтобы сдать ему первопрестольную столицу, и тѣмъ окончательно надѣть на Россію цѣпи рабства. Всѣ видѣли близкую гибель отечества и не знали какъ помочь горю.

Въ это тяжолое время два знаменитыхъ духовныхъ мужа: Архимандритъ Сергіевской Лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ снова разсылаютъ воззваніе къ народу, призывая его для новой борьбы съ врагами въ защиту Москвы и православной вѣры. Грамоты съ воззваніемъ отъ Лавры читались съ умиленіемъ во всѣхъ городахъ, но народъ безнадежно опускалъ головы, не надѣясь болѣе на единодушіе ополченцевъ, которые уже разъ были собраны подъ Москву и не имѣли успѣха. Казалось, что Москва, а съ нею и участь всего русскаго государства были оставлены на произволъ судьбы..... Но въ эту критическую минуту, знаменитый нижегородскій гражданинъ, Козьма Мининъ Сухорукій, воодушевленный грамотою Сергіевской обители, говоритъ собравшимся на площади нижегородцамъ: «граждане! Отечество наше гибнетъ! Не пожалѣемъ ничего; продадимъ свое имущество, заложимъ женъ и дѣтей, и соберемъ казну для войска!» Этою патріотической рѣчью Мининъ такъ увлекъ нижегородцевъ, что они немедленно стали приносить на площадь свое имущество и деньги для найма ратныхъ людей. Примѣру нижегородцевъ послѣдовали другіе города и вскорѣ такимъ образомъ собралось довольно значительное войско, предводительство которымъ было поручено, по указанію того-же Минина, князю Пожарскому, уже заявившему себя доблестнымъ полководцемъ во многихъ сраженіяхъ, и получившаго рану въ битвѣ съ поляками въ время послѣдняго похода къ Москвѣ.

Подъ стѣнами Москвы Пожарскій повстрѣчался съ польскими войсками, которыми командовалъ Ходкѣвичъ, и разбилъ ихъ на голову. Поляки бѣжали въ Москву и запердись было въ Кремлѣ, но Пожарскій доведъ ихъ до голода и принудилъ сдаться. Такимъ образомъ Россія была спасена.

Домъ Романовыхъ.

Бояринъ Романъ Юрьевичъ Захарьинъ.

Бояринъ Никита Романовичъ. Анастасія Романовна, Супруга Іоанна Грознаго.

Бояринъ Ѳедоръ Никитичъ (Патріархъ Филаретъ.)

МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

От Марьи Ильинишны Милославской Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Іоаннъ V. Софія.

Екатерина за Герцогомъ Меклембургскимъ.

Анна Леопольдовна за принц. Брауншв.

ІОАННЪ VI АНТОНОВИЧЪ.

АННА ІОАННОВНА.

От Натальи Кирилловны Нарышкиной ПЕТРЪ I Великій.

От Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной. Царевичъ Алексѣй. Софья Шарлота принц. Вольфенб.

ПЕТРЪ II.

От ЕКАТЕРИНЫ I ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА. Анна за герц. Голштинскимъ.

ПЕТРЪ III, супр. ЕКАТЕРИНА II Великая.

ПАВЕЛЪ I, супр. Марія Ѳедоровна.

АЛЕКСАНДРЪ I. Константинъ. НИКОЛАЙ I, супруга Александра Ѳеодоровна. Михаилъ.

АЛЕКСАНДРЪ II, супруга Марія Александровна. Константинъ. Николай. Михаилъ. Марія. Ольга.

Цесаревичъ Александръ, супруга Марія Ѳеодоровна. Владиміръ. Алексѣй. Сергій. Павелъ. Марія.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство

въ 1613 году.

Едва только князю Пожарскому и доблестному гражданину Минину Божій промыслъ помогъ спасти Москву, а вмѣстѣ съ ней и всю Россію отъ поляковъ, едва отбитъ былъ ими Кремль, какъ они тотчасъ-же собрали совѣтъ изъ именитыхъ людей московскихъ, въ которомъ и положено было разослать грамоты по всѣмъ городамъ русскимъ, въ которыхъ просили прислать лучшихъ выборныхъ людей въ Москву для избранія царя Россіи.

Этотъ кличъ въ разосланныхъ грамотахъ нашолъ дружный отголосокъ въ сердцахъ измученнаго долгими бѣдствіями русскаго народа; со всѣхъ концовъ земли русской стали немедленно стекаться выборные люди въ первопрестольный городъ, и когда, наконецъ, съѣхались всѣ эти народные представители, то общимъ голосомъ добровольно наложили на себя трехдневный постъ, прежде чѣмъ приступить къ великому дѣлу—выбора царя.

Три дня народъ молился и плакалъ, призывая въ помощь себѣ промыслъ Божій, который-бы указалъ народу на достойнѣйшаго между ними быть его царемъ, его охраной и защитникомъ отъ враговъ; затѣмъ приступлено было къ выборамъ.

Но еще въ тѣ дни молитвы и поста, не разъ между народомъ, то шопотомъ, то громко, произносилосъ имя молодаго Михаила Ѳеодоровича Романова, какъ единственнаго представителя, ни чѣмъ не запятнаннаго знаменитаго боярскаго рода, связаннаго къ тому-же кровнымъ родствомъ и съ угасшимъ царскимъ родомъ.

Наконецъ это имя стало такъ популярно между народомъ и его представителями, что еще ранѣе дня назначеннаго для выборовъ, отъ всѣхъ сословій были сдѣланы письменныя заявленія, что они желаютъ имѣть царемъ всей земли русской юнаго Михаила Романова.

Этихъ народныхъ заявленій было слишкомъ достаточно, чтобы всѣ подпольные интриги и происки претендентовъ, стушевались сами собой, смолкли; никто изъ нихъ уже не могъ надѣяться сломить интригами народную волю; всякій видѣлъ въ ней перстъ Божій, въ концѣ концовъ невольно присоединился къ народу и сталъ мыслить съ нимъ за одно,—партій не было.

Между тѣмъ бродившія еще по руси шайки неугомонныхъ поляковъ крѣпко надѣялись, что ихъ королевичъ такъ или иначе, а будетъ сидѣть на облюбованномъ московскомъ престолѣ.

Но, когда однако до нихъ донесся слухъ, что народъ положилъ избрать на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, то эта

вѣсть ихъ смутила. Въ этомъ предназначенномъ юношѣ—избранникѣ они почувствовали опаснаго соперника своему королевичу; а потому они задумали предупредить еще несостоявшійся пока выборъ и погубить молодаго Михаила.

Развѣдавъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ живетъ съ своею матерію, инокиней Марфой, безъ всякой охраны, въ уединенномъ Ипатьевскомъ монастырѣ, близь города Костромы, поляки снарядили туда хорошо вооруженный отрядъ, съ цѣлію захватить молодаго боярина—царевича.

Эта опасная шайка злодѣевъ безъ всякой помѣхи добралась уже до окрестностей св. Ипатьевской обители; но такъ какъ дорога къ самому монастырю была полякамъ неизвѣстна, то они, достигнувъ, случайно, села Домнина, которое именно принадлежало къ вотчиннымъ владѣніямъ Михаила Ѳеодоровича, обратились съ требованіемъ къ поселянамъ указать имъ пожилаго и опытнаго крестьянина, который-бы хорошо зналъ дорогу въ Ипатьевскій монастырь, пролегавшую дремучимъ лѣсомъ.

Добродушнымъ крестьянамъ, перепуганнымъ вооруженными людьми, не тотчасъ и на умъ пришло—какія могли злыя мысли таиться въ головахъ вооруженныхъ пришлецовъ, а потому они и указали имъ на домъ крестьянина Ивана Сусанина, умнаго и любившаго родину старика, у котораго въ это самое время за браннымъ столомъ пировалъ женихъ его дочери съ родней; гостей былъ полонъ домъ.

Поляки подошли къ дому Сусанина и послали вызвать его къ себѣ.

Посланный крестьянинъ вошолъ въ избу къ Сусанину.

— Выдь-кось на минуту, дядя Иванъ, тебя поляки спрашиваютъ!....

— Поляки?.... зачѣмъ?.... удивленно спрашиваетъ старикъ.

— Да требуютъ дорогу показать въ Ипатьевскій монастырь.

— А!.... такъ вотъ я имъ зачѣмъ нуженъ!—тихо промолвилъ Сусанинъ и въ головѣ его тотчасъ-же промелькнула мысль о замышляемомъ поляками цареубійствѣ; а Сусанинъ и все село уже знали, что ихъ молодаго боярина земля русская выбираетъ въ цари, на Москвѣ.

Воодушевленный затаенной мыслію, лечь костьми за царя и спасти его, Сусанинъ съ непокрытой головой вышелъ за вороты къ полякамъ.

— Что угодно вамъ отъ меня, добрые люди?—спросилъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Намъ проводникъ нуженъ. Дорогу знаешь въ Ипатьевскій монастырь?—грубо обратились къ нему поляки.

— Какъ не знать, родимые, вѣкъ свой изжилъ въ этихъ мѣстахъ!....

— Такъ одѣвайся, да проводи насъ!....

Чтобы не возбудить къ себѣ подозрѣнія въ полякахъ, Сусанинъ не спросилъ ихъ зачѣмъ они идутъ въ монастырь, и, кромѣ того, чтобы выиграть нужное ему время, онъ униженно предложилъ ворогамъ зайдти къ нему въ избу и, пока онъ сготовится, выпить по чаркѣ крѣпкаго вина, кстати и рукобитье празднуется, говорилъ онъ имъ.

Поляки хотя и торопились поскорѣе добраться до цѣли, но какъ было время зимнее, и они порядкомъ перезябли, то и не заставили долго упрашивать себя, вошли за хозяиномъ въ большую свѣтлицу.

Едва Сусанинъ усадилъ гостей, какъ тотчасъ-же тихо вызвалъ въ сѣни своего пріемнаго сына, сироту, почти еще ребенка, и торопливымъ, прерывающимся шопотомъ сказалъ ему:

— Ванюшка! я хочу послать тебя въ Ипатьевскій монастырь..... найдешь ты дорогу?....

— Найду, батюшка. А зачѣмъ?....

— Видишь ты: эти злодѣи идутъ погубить царя, нашего молодаго боярина, Михаила Ѳеодоровича..... его на Москвѣ народъ въ цари выбралъ..... скорѣе бѣжи сейчасъ-же, спаси царя нашего. Ванюшка!.... скажи тамъ въ монастырѣ, чтобы укрыли его!.... А ужъ я тутъ промѣшкою съ этими поляками..... бѣжи-же, торопись, родной!.... да смотри, никому ни слова!....

Смышленый сирота понялъ всю важность возлагаемаго на него пріемнымъ отцомъ порученія, и, ни слова не говоря, исчезъ изъ дома.

Между тѣмъ, Иванъ Сусанинъ, вмѣстѣ съ женой и дочерью, сталъ подчивать гостей виномъ и хлѣбомъ-солью.

Время шло. А поляки хотя и пьютъ вино, но нѣтъ, нѣтъ, да и шептаться начнутъ между собой, все торопятъ другъ друга въ путь дорогу, да видно никому не хотѣлось отъ такого раздолья, да изъ тепла идти на холодъ, пошепчатъ и опять угомонятся; нѣкоторые ужъ захмелѣли.

Стало ужъ дѣло къ вечеру близиться. Наконецъ начальникъ отряда посмотрѣлъ въ окно, да и схватился за саблю.

— Ей! старикъ! крикнулъ онъ на хозяина, одѣвайся живѣй да маршъ! пора!....

— Сейчасъ, кормилецъ! отвѣчалъ Сусанинъ, видя невозможность долѣе задерживать поляковъ, и вышелъ съ женой и дочерью на черную половину жилья.

— Куда ты, Иванъ, одинъ идешь съ этими супостатами, на ночь глядя!....

— Они тебя убьютъ въ лѣсу-то, ни ходи, батюшка! упрашивали женихъ съ дочерью.

— Полно, полно вамъ, отстранивъ ихъ отъ себя рукою старикъ, давайте-ко мнѣ вотъ подпояску, да руковицы съ шапкой, идти надо, а то *гости* разсерчаютъ!....

Сусанинъ спокойно, но торопливо одѣлся по дорожному, положилъ передъ иконами три поклона въ землю, а затѣмъ взялъ нареченнаго зятя и дочь за руки и благословилъ ихъ:

— Ну, дѣти, въ смертѣ и животѣ одинъ Богъ воленъ; живите мирно, да согласно, коли я не ворочусь!.... А ты, старуха, Богу молись за меня!.... прибавилъ старикъ, обращаясь къ женѣ.

Жена и дочь было громко заплакали.

— Т-пъ!.... замолчите! остановилъ ихъ старикъ; сохрани Богъ поляки услышутъ..... догадаются..... тогда и себя, да и меня сгубите..... *раньше времени*!..... нну, Богъ съ вами..... оставайтесь!.... тихо проговорилъ Сусанинъ и, махнувъ рукой, поспѣшно вышелъ изъ избы къ ожидавшимъ его полякамъ, съ которыми и отправился въ путь.

Въ воздухѣ начала между тѣмъ разыгрываться страшная мятель и вьюга, а вскорѣ и стемнѣло. Задумавъ пожертвовать своею жизнію за царя и за св. Русь, и задержать поляковъ на возможно долгое время, чтобы дать возможность пріемышу предувѣдомить въ монастырѣ о грозившей царю опасности, Иванъ Сусанинъ съ умысломъ сбился съ дороги, пролегавшей къ монастырю и, мало по малу, завелъ поляковъ въ страшную, непроходимую чащу дремучаго лѣса.

Въ непроглядной ночной темнотѣ и подъ грустный акомпаниментъ снѣжной вьюги, лезли злоумышленники по глубокому снѣгу за доблестнымъ Сусанинымъ, который все утѣшалъ ихъ, что вотъ ужъ скоро, прямикомъ, они доберутся до монастыря. Поляки вѣрили и шли.

Такъ проплутали они всю ночь, стала заниматься заря.

Тутъ только оглядѣлись поляки и догадались, наконецъ, что Сусанинъ ихъ обманулъ. А силъ ужъ у нихъ больше не стало лазить по сугробамъ; обступили они проводника и, угрожая смертію, стали требовать, чтобы онъ вывелъ ихъ изъ лѣсу.

Но угрозы смертію не напугали Сусанина, онъ и безъ того шолъ на смерть. Разсчитавъ, что теперь ужъ не выбраться скоро полякамъ изъ лѣсу, и царь успѣетъ спастись отъ злодѣевъ, Сусанинъ улыбнулся гордой улыбкой на застрастку поляковъ, стоявшихъ вокругъ него съ обнажонными саблями, и отвѣчалъ имъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Не добраться вамъ теперь, супостатамъ, до нашего царя!.... не выйти вамъ отсюдова! Завелъ я васъ въ такую трущобу, куда и дикій звѣрь тропы не прокладывалъ!....

Страшная злоба овладѣла обманутыми злодѣями, которые тутъже, на мѣстѣ, изрубили старика и истоптали ногами его окровавленный трупъ.

Такою-то геройскою смертію палъ Иванъ Сусанинъ, спасшій жизнь родоначальнику нашихъ великихъ государей,—и подвигъ его до нынѣ воспѣвается въ пѣсняхъ народныхъ.

Между тѣмъ событія въ Москвѣ шли своимъ чередомъ; въ первую недѣлю великаго поста выборные и народъ собрались на Красную площадь. Нѣсколько человѣкъ изъ бояръ и знатныхъ духовныхъ лицъ взошли было на лобное мѣсто и хотѣли говорить съ народомъ, но голоса ихъ заглушили десятки тысячь голосовъ, требовавшихъ избранія въ цари всей Русской земли «Михаила Ѳеодоровича Романова.»

Такъ торжественно совершилось всенародное избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича—перваго царя Россіи изъ дома Романовыхъ, слишкомъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ! 14-го Марта 1613 года, народные представители Русскаго государства, въ числѣ множества знатныхъ особъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, прибыли изъ Москвы въ Кострому и, затѣмъ, съ крестнымъ ходомъ и въ сопровожденіи громадной толпы народа изъ мѣстныхъ жителей, отправились къ Ипатьевскому монастырю возвѣстить юнаго Михаила Ѳеодоровича, что онъ всенародно избранъ въ цари Россіи.

Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ посольство московское, но отъ провозглашенія отказался.

Опечаленные отказомъ Михаила, послы прибѣгли тогда къ посредничеству его родительницы инокини Марфы; но и она не склонялась на ихъ сторону. Она отвѣчала посламъ московскимъ, что сынъ ея слишкомъ молодъ для правителя, особенно въ такое смутное и тяжолое время, казна была расхищена, народъ бѣдствовалъ, разъѣдаемый внутренними неурядицами.

Кромѣ того, инокиня Марфа высказала посламъ московскимъ, что она боится за своего сына, такъ какъ бояре московскіе на ея глазахъ клялись и измѣняли клятвы въ вѣрности тремъ государямъ, а именно: Борису Годунову, Лжедимитрію и Василію Шуйскому, хотя Борисъ Годуновъ, точно также былъ избранъ Москвою.

Затѣмъ Марфа поставила на видъ посламъ московскимъ еще то важное обстоятельство, что отецъ избраннаго народомъ въ цари Михаила, митрополитъ Филаретъ, находился въ плѣну у польскаго короля, который, провѣдавъ объ избраніи сына на московскій престолъ, выместить за это на отцѣ.

Послы московскіе отвѣчали инокини—матери царя, что Борисъ Годуновъ, Лжедимитрій и Василій Шуйскій хотя и были царями,, но имъ измѣнили бояре потому, что они завладѣвали короной царской не съ согласія всего народа русскаго, не были единодушно выбраны имъ, какъ теперь выбралъ онъ Михаила Ѳеодоровича, и что въ то время и единомыслія такого не было ни у бояръ, ни у народа; всѣ шли порознь; а теперь стала за одно вся Русская земля, какъ одинъ человѣкъ, и бьетъ челомъ своему царю избраннику.

Но когда Марфа и на эти рѣчи пословъ отвѣчала отказомъ благословить сына на царство, тогда послы приняли другую так-

тику и сказали ей, что вся отвѣтственность передъ Богомъ падетъ на того, кто не захотѣлъ спасти отечество отъ неминуемой гибели и раззоренія, вслѣдствіе того, что оно не имѣетъ законнаго правителя. Только послѣ этихъ увѣщаній инокиня наконецъ согласилась благословить сына на царство.

Священный обрядъ коронованія Михаила Ѳеодоровича происходилъ въ Москвѣ 11-го Іюля 1613 года. Юный царь, по вступленіи своемъ на престолъ щедро наградилъ князя Пожарскаго и Кузьму Минина, а также всѣхъ родственниковъ Ивана Сусанина, которымъ покровительствовалъ потомъ до конца своей жизни.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

1613—1645.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича началось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Казна была пуста, народъ былъ раззоренъ до крайности, и кромѣ того, шайки враговъ, какъ стаи хищныхъ коршуновъ, со всѣхъ сторонъ опустошали Русь. Особенно отличался въ этомъ нѣкто Лисовскій, урожденецъ Литвы, который, какъ метеоръ, не ожиданно и быстро перелеталъ съ одного края Россіи на другой, и при этихъ переходахъ все опустошалъ на своемъ пути пожарами и грабежами, нагоняя страхъ на всю русскую землю.

Кромѣ того, въ Прикаспійскомъ краѣ, не отставалъ своими злодѣйствами отъ пана Лисовскаго атаманъ Заруцкій, таскавшій за собой Марину и ея сына, котораго Заруцкій думалъ сдѣлать царемъ русскимъ, а за него управлять самовластно царствомъ. Шайки казаковъ, подъ предводительствомъ атамана Баловня, точно также дѣлали повсюду набѣги и опустошали край.

Внѣшніе враги тоже не давали покоя государству: съ одной стороны грозили шведы, добивавшіеся русскаго престола для своего принца, но такъ какъ съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича эта надежда рушилась, то они уже безпокоили Россію изъ одной мести; подъ ихъ властью находился Новгородъ.

Съ другой стороны набѣгали поляки, не признавшіе Михаила царемъ, который будто бы похитилъ престолъ у ихъ королевича Владислава; они владѣли Смоленскомъ и нѣкоторыми другими русскими городами, затѣмъ держали въ нечестномъ плѣну русскаго посла, митрополита Филарета, родителя царя, въ которомъ нуждалась русская земля, какъ въ опытномъ мужѣ по дѣламъ государства.

Не смотря однако на такое бѣдственное положеніе Россіи, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ не только удержался на престолѣ, но

даже съумѣлъ впослѣдствіи успокоить государство, и сдѣлать его сильнымъ для отпора внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Прежде всего, Михаилъ Ѳеодоровичъ, посовѣтовавшись съ созваннымъ имъ земскимъ соборомъ, обратилъ все свое вниманіе на дѣла внутреннія въ государствѣ.

Противъ Заруцкаго, который успѣлъ овладѣть Астраханью и притомъ безпрестанно волновалъ казаковъ и народъ, принуждая ихъ присягать сыну Марины, былъ посланъ изъ Москвы князь Одоевскій, съ довольно сильнымъ отрядомъ войска, къ которому присоединились потомъ терскія казаки, отложившіеся отъ Заруцкаго. Заруцкій далъ имъ сраженіе подъ стѣнами Астрахани, но потерпѣвъ пораженіе, бѣжалъ къ Уралу, гдѣ однакожъ былъ настигнутъ воинами Одоевскаго и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ.

Заруцкаго и сына Марины казнили въ Москвѣ, а Марина была заключена въ темницу, гдѣ она и умерла.

Покончивъ съ Заруцкимъ, царь, желая добромъ усмирить все еще жившихъ грабежомъ и разбоями казаковъ, послалъ къ нимъ для увѣщаній суздальскаго епископа; но казаки не только что не вняли увѣщаніямъ архипастыря, а даже возымѣли дерзость, собравшись, впрочемъ, въ большомъ количествѣ, подъ начальствомъ Баловня, пойти на Москву.

Здѣсь однако ихъ ожидала такая-же участь, какая постигла и шайку Заруцкаго: близь Серпухова они были настигнуты государственными войсками и почти всѣ истреблены вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ.

Затѣмъ оставалось уничтожить еще одного и уже послѣдняго, опаснаго врага, Лисовскаго. Это, однако, оказалось далеко не легкимъ дѣломъ для войскъ государевыхъ. Лисовскій такъ быстро передвигался съ одного мѣста на другое и вообще былъ такой лихой наѣздникъ и вожакъ, что ни князь Пожарскій, уже испытанный, опытный полководецъ, ни затѣмъ другіе бояре, предводители царскихъ войскъ, отряженныхъ противъ этого литвина, ни могли ничего сдѣлать въ продолженіе трехъ лѣтъ. Именно въ 1616 году Лисовскій скоропостижно умеръ и избавилъ уже, наконецъ, Россію отъ постоянныхъ тревогъ и опастностей.

Еслибы еще Михаилу пришлось бороться съ одними внутренними врагами, то Лисовскій не удержался-бы долго, не смотря на всѣ свои уловки; но важно то, что въ одно и то же время онъ принужденъ былъ вести борьбу и съ иноземцами.

Знаменитый шведскій король Густавъ Адольфъ, пользуясь крайнимъ положеніемъ Руси, повелъ войска свои въ предѣлы Россіи и осадилъ Псковъ, имѣя цѣлію захватить Новгородскую область. Воеводою въ Псковѣ былъ въ то время бояринъ Морозовъ, любимецъ царя; онъ съ необыкновеннымъ мужествомъ выдержалъ жестокую трехдневную осаду шведовъ, которые принуждены были

наконецъ пребѣгнуть къ англійскому агенту, Джону Мерику, при посредствѣ котораго и открылись переговоры о мирѣ. Джонъ Мерикъ охотно принялъ на себя посредничество изъ торговыхъ видовъ, такъ какъ, съ прекращеніемъ войны, англійская торговля должна была усилиться. Послѣ долгихъ пререканій съ обоихъ воюющихъ сторонъ, былъ заключенъ наконецъ договоръ въ селѣ Столбинѣ, близъ Ладоги, по которому Шведы возвращали Россіи Новгородъ и нѣкоторые другіе города, а именно: Гдовъ, Ладогу, Старую Русу и Порховъ, а Россія отдала всѣ свои прибалтійскія земли, и такимъ образомъ совершенно отрѣзала себя отъ Балтійскаго моря.

Но не смотря однако на эту большую потерю, Столбовскій миръ былъ очень выгоднымъ русскому государству, потому что оно развязавъ себѣ руки со шведами, могло двинуть всѣ свои силы противъ болѣе опаснаго врага Польши.

Королевичъ Владиславъ все еще надѣялся быть царемъ русскимъ, а потому, заручившись содѣйствіемъ малороссійскаго гетмана Сагайдачнаго, выступилъ въ походъ на Москву. Это произошло въ сентябрѣ 1617 года.

Первымъ сдался королевичу Дорогобужъ и сдался какъ царю московскому. Затѣмъ трусливые воеводы, князья Пронскій и Бѣлосельскій, безъ бою, отдали полякамъ Вязьму и бѣжали въ Москву, гдѣ ихъ потомъ, какъ измѣнниковъ отечеству, наказали плетьми и сослали въ Сибирь.

Только Можайскъ и Калуга, которую защищалъ князь Пожарскій, не сдавалась польскимъ войскамъ и задерживала ихъ около года.

Въ томъ же роковомъ сентябрѣ, но уже 1618 года, поляки пошли къ Москвѣ.

Тогда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ созвалъ большой соборъ изъ всѣхъ знатныхъ людей московскихъ и просилъ ихъ содѣйствія, между тѣмъ, какъ самъ за себя сказалъ, что будетъ твердо держаться до тѣхъ поръ, пока непріятель не будетъ отраженъ.

На соборѣ жители Москвы поклялись умереть за своего любимаго царя и за святую родину; вооружались, чѣмъ могли, и стали ждать польскихъ полчищъ.

Между тѣмъ королевичъ Владиславъ поджидалъ еще на помощь къ себѣ гетмана Сагайдачнаго, который, поспѣшно идя на соединеніе съ первымъ, оставилъ по себѣ кровавый слѣдъ, опустошая все на пути своемъ; однихъ только городовъ было разграблено имъ около десяти, не считая селъ и деревень.

Соединившись, эти два предводителя и врага Руси, пошли брать приступомъ Москву, но имъ не удалось это смѣлое предпріятіе и они принуждены были отступить отъ стѣнъ московскихъ съ громадными потерями къ Троицкой Лаврѣ.

А такъ какъ приближалась зима и у Владислава съ Сагайдач-

нымъ не доставало запасовъ, и вообще положеніе ихъ войскъ дѣлалось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе, въ виду мужественной стойкости защитниковъ отечества, то непріятель принужденъ былъ открыть переговоры о перемиріи, которое и закончилось въ селѣ Деулинѣ, около Сергіевской Лавры.

Перемиріе заключено было на четырнадцать съ половиною лѣтъ, и учиненъ размѣнъ плѣнныхъ.

Россія уступила польшѣ по Деулинскому договору Смоленскъ и сѣверные города, но зато возвратила изъ плѣна митрополита Филарета Никитича, что и было цѣлію этого договора со стороны русскаго царя.

Королевичъ Владиславъ отъ притязаній на русскій престолъ однако не отказывался, при подписаніи мирнаго договора, и продолжалъ именовать себя царемъ московскимъ, что подавало поводъ къ новой, неизбѣжной войнѣ съ Польшей, и къ ней даже стали готовиться въ Москвѣ.

Въ 1632 году, въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ III, и, по случаю выбора новаго короля, тамъ начались весьма важные безпорядки, такъ что страна была всецѣло поглощена своими внутренними дѣлами. Время это было очень удобно для войны съ Польшей, и Россія, воспользовшись имъ, направила свои полки къ ея предѣламъ, подъ начальствомъ славнаго воеводы, боярина Шеина, прославившагося обороной Смоленска, перешедшаго потомъ къ полякамъ.

Походъ Шеина однако не былъ удачнымъ, хотя онъ и проложилъ себѣ дорогу уже къ Смоленску, и осадилъ его. Городъ готовился къ сдачѣ, какъ неожиданно Владиславъ, избранный королемъ Польши, явился съ войскомъ на помощь осажденному городу. Кромѣ того, въ войскѣ Шеина распространилась вѣсть, что татары, подкупленные поляками, напали на наши украинскіе города и безпощадно разграбляютъ ихъ и жгутъ, а потому многіе изъ служивыхъ людей, устрашенные этою вѣстью, ушли изъ лагеря защищать свои помѣстья отъ татаръ. Обезсиленный большою убылью людей, Шеинъ принужденъ былъ снять осаду города, гдѣ его тотъ часъ же со всѣхъ сторонъ окружили войска Владислава.

Положеніе такимъ образомъ полководца Шеина сдѣлалось безвыходнымъ, которое ежедневно усложнялось еще большою смертностью людей въ его полкахъ, вслѣдствіе недостатка пищи и отъ холода.

При такихъ условіяхъ, Шеинъ не могъ надѣяться пробиться сквозь сильныя непріятельскія ряды войскъ съ своими изнуренными, малочисленными полками, и сдался на капитуляцію. Онъ оставилъ весь свой обозъ полякамъ, пушки, и проходя съ войсками мимо короля, преклонилъ предъ нимъ знамена.

За эту неудачу, Шеина, по возвращеніи въ Москву, судили какъ измѣнника и отрубили ему голову. Полагаютъ, однако, что Шеинъ былъ такъ строго осужденъ вслѣдствіе происковъ бояръ, которые мстили ему за его гордость.

Вслѣдъ за Шеинымъ Владиславъ пошелъ къ Москвѣ, но и его войску приходилось плохо, такъ какъ голодъ и холодъ, да и болѣзни давали о себѣ знать. Кромѣ того, онъ получилъ извѣстіе, что къ границамъ Польши идутъ турецкія войска. Все это заставило тогда Владислава поспѣшить заключеніемъ мира съ Россіей, по которому онъ наконецъ отказался отъ притязаній на московскую корону. Миръ былъ заключенъ на рѣчкѣ Поляновкѣ, близь Вязьмы, гдѣ происходилъ размѣнъ плѣнныхъ по Деулинскому договору.

Это произошло въ 1634 году.

Войны съ Польшей больше уже не было, послѣ того, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; но за то едва не возгорѣлась война съ сильной турецкой имперіей.

Турки постоянно безпокоили донскихъ казаковъ, такъ что они наконецъ принуждены были соединиться съ запорожцами, и, для охраны себя, задумали овладѣть укрѣпленнымъ турецкимъ городомъ Азовомъ, находящимся при впаденіи Дона. Эта смѣлая попытка удалась казакамъ; Азовъ былъ взятъ ими, а жители, кромѣ христіанъ, всѣ были умерщвлены.

О взятіи Азова казаки дали знать Московскому царю, но царь желая избѣжать войны съ Турціей, не одобрилъ самовольнаго взятія ими турецкаго города, и помощи не далъ.

Не смотря на это, казаки не бросили Азова и продержались въ немъ около трехъ лѣтъ.

Наконецъ въ 1641-мъ году, султанъ Ибрагимъ, разсерженный такой упорной стойкостью казаковъ, выслалъ противъ нихъ двѣсти тысячъ войска, и осадилъ городъ. Но и такое страшное превосходительство въ силахъ не дало туркамъ побѣдъ надъ горстью храбрыхъ казаковъ, засѣвшихъ въ стѣнахъ Азова. Казаки стойко выдержали 24 приступа и принудили турокъ снять осаду.

Но казаки однако не надѣялись удержать за собой городъ одними своими силами, а потому, отписавъ въ Москву о своихъ новыхъ побѣдахъ надъ турками, онѣ просили царя принять Азовъ подъ его высокую царскую руку.

Взять за себя Азовъ было выгоднымъ дѣломъ для Россіи, а потому царь рѣшился выслушать объ этомъ мнѣніе народа въ большомъ земскомъ соборѣ.

Представители всѣхъ сословій дали письменные отвѣты по этому вопросу, изъ которыхъ царь увидалъ, что государство находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что о войнѣ съ Турціею нельзя и думать. А потому предписано было казакамъ оставить Азовъ, что они и сдѣлали; но, покидая городъ, они такъ разорили его, что остались однѣ развалины.

Патріархъ Филаретъ и его соправительство.

Когда послѣ Деулинскаго договора митрополитъ Филаретъ приблизился къ Москвѣ, царь и весь народъ московскій вышли ему на поклонъ. Встрѣча была самая трогательная: царь первый поклонился въ ноги своему родителю и затѣмъ, обнявшись, они долго плакали отъ радости, а съ ними и народъ.

Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Москву, Филаретъ былъ посвященъ въ санъ патріарха, и по волѣ царя сдѣлался его соправителемъ, даже именовался потомъ во всѣхъ грамотахъ «великимъ государемъ,» принималъ офиціально иностранныхъ пословъ, какъ бы самодержавный государь.

Пользуясь такимъ громаднымъ вліяніемъ, Филаретъ много сдѣлалъ для государства, и вообще былъ человѣкъ очень дѣятельный и предпріимчивый. При Филаретѣ совершенно стушевалась власть бояръ, окружающихъ царскій престолъ, и возстановилось самодержавіе молодаго и кроткаго царя. А это было самое главное, такъ какъ, пользуясь довѣріемъ государя, бояре творили всякія неправды съ народомъ, и все больше и больше приводили въ упадокъ его достатки, такъ что, наконецъ, цѣлые города отказывались платить государственныя подати, вслѣдствіе совершеннаго раззоренія; между тѣмъ какъ бояре богатѣли, строили себѣ дома и покупали земли и вотчины. Въ судахъ тоже трудно было бѣдному дождаться торжества правому дѣлу; судили такъ: кто богатъ, тотъ и правъ.

Съ упадкомъ первенствующаго значенія криводушныхъ бояръ, народъ мало по малу сталъ оживать. По предложенію Филарета, царь созвалъ въ Москву выборныхъ людей со всего государства, разузнавъ отъ нихъ истинныя нужды народа, разослалъ писцовъ во всѣ города и области. На обязанности этихъ писцовъ лежало равномѣрное распредѣленіе налоговъ на тяглыхъ людей и составленіе, такъ называемыхъ, «писцовыхъ книгъ,» въ которыхъ бы точно значились росписи тяглыхъ земель. Затѣмъ, чтобы ослабить злоупотребленія чиновниковъ и воеводъ, царь выдавалъ грамоты городамъ, по которымъ они могли судиться своимъ словеснымъ судомъ чрезъ выборныхъ старостъ. И такимъ образомъ, взяточничество, успѣвшее пустить глубокіе корни въ нравы чиновныхъ людей, которое крѣпло въ нихъ цѣлыми столѣтіями и вошло даже въ обычай, при Филаретѣ наказывалось строго, и упало на степень только *секретныхъ* посуловъ, за которыми услѣдить было ужъ невозложно. И это ужъ много значило. Затѣмъ нѣсколько разъ, по совѣту своего мудраго и усерднаго соправителя, царь созывалъ великую земскую думу, вмѣстѣ съ которой изыскивались

средства къ облегченію участи народа, который къ концу царствованія Михаила Θеодоровича, почти вполнѣ успѣлъ оправиться отъ смутнаго времени и начать свой, задержанный на время, исполинскій ростъ.

Также утвердилъ Михаилъ Θеодоровичъ власть свою надъ Сибирскими народами, которые, воспользовавшись междуцарствіемъ и потомъ почти безпрерывными войнами Россіи со шведами и поляками, подъ предводительствомъ приверженцевъ Кучумова дома поднимали бунты въ разныхъ областяхъ, и успѣли было оттѣснить царскихъ воеводъ къ западу. Михаилъ искусно съумѣлъ укротить волненія сибиряковъ; укрѣпилъ города,построенные Борисомъ Годуновымъ; населилъ ихъ русскими, прислалъ ратныхъ людей и оружіе; основалъ многія слободы; ввелъ порядокъ въ управленіи подвластными народами, раздѣливъ ихъ на волости и проч.

Алексѣй Михайловичъ.

1645—1676.

Послѣ смерти Михаила Θеодоровича на престолъ вступилъ шестнадцатилѣтній сынъ его, Алексѣй Михайловичъ.

Самый главный вопросъ былъ рѣшенъ Михаиломъ; онъ крѣпко утвердилъ свою династію на русскомъ престолѣ, но еще многое имъ не было окончено и все это осталось какъ-бы въ наслѣдство мудрому сыну его Алексѣю.

Такъ еще не рѣшенъ былъ окончательно вопросъ о правахъ Швеціи и Польши на нѣкоторыя русскія области, отторгнутыя королемъ Польши Сигизмундомъ III и Густавомъ Адольфомъ, королемъ шведскимъ, хотя по договорамъ Столбовскому и Поляновскому Россія и принуждена была отказаться отъ изъ древле принадлежавшихъ ей владѣній, при Балтійскомъ морѣ и по Днѣпру, но эти потерянныя земли, такъ были необходимы нашему отечеству для безопасности, что оно не могло оставить ихъ окончательно за вѣчно враждующими съ нимъ сосѣдями, а потому отношенія съ ними у Россіи были постоянно натянутыми, и грозили неминуемымъ разрывомъ.

Кромѣ того, преждевременная смерть Михаила не допустила его рѣшить вопросъ о Малороссіи, вопросъ первенствующей важности.

Мудрость Алексѣя Михаиловича въ управленіи государствомъ обнаружилась не вдругъ. Первые годы своего царствованія онъ совсѣмъ почти не занимался дѣлами и большую часть времени проводилъ въ разъѣздахъ по разнымъ монастырямъ и на соколиной охотѣ, къ которой былъ страстно привязанъ, а кормило прав-

ленія оставалось въ рукахъ приближенныхъ къ нему бояръ: Морозова, Милославскихъ и другихъ.

Морозовъ былъ воспитателемъ молодаго царя и потому пользовался полнымъ его довѣріемъ. Вліяніе его на царя въ особенности усилилось съ того времени, какъ онъ женился на родной сестрѣ царицы, Маріи Ильинишны, изъ рода Милославскихъ. И самый выборъ Алексѣя Михаиловича былъ направленъ именно Морозовымъ; когда два года спустя послѣ воцаренія, царь задумалъ жениться, то, по обычаямъ того времени, во дворцѣ были собраны 200 самыхъ красивѣйшихъ дочерей знатныхъ и незнатныхъ дворянъ, а также и бояръ, изъ которыхъ царь выбиралъ себѣ невѣсту. Между собранными красавицами Алексѣю Михаиловичу понравилась дочь не богатаго и не знатнаго дворянина Всеволожскаго, которой было повелѣно до свадьбы жить во дворцѣ съ царскими сестрами. Въ корыстныхъ видахъ Морозова было, чтобы Всеволожская не была царицей, и онъ, говорятъ, велѣлъ опоить ея какимъ-то снадобьемъ, и когда съ ней сдѣлался обмарокъ, то царю доложили, что выбранная имъ невѣста подвержена припадкамъ падучей болѣзни, которую родители ея хотѣли съ умысломъ скрыть отъ него.

Морозовъ достигъ своей цѣли; Всеволожскихъ судили какъ за измѣну и потомъ вмѣстѣ съ дочерью, бывшей невѣстой царя, отправили въ Сибирь. Цѣль Морозова ясно обнаружилась тогда, когда послѣ женидьбы царя на дочери стольника Милославскаго, онъ черезъ десять дней женился на ея сестрѣ.

Пользуясь почти неограниченнымъ довѣріемъ юнаго государя, какъ родственникъ по супругѣ и воспитатель, Морозовъ, окруживъ престолъ своими родственниками и преданными ему людьми, совершенно подчинилъ себѣ «судъ и расправу,» обогощалъ свою казну и раззорялъ государство.

Такъ онъ отдалъ въ откупъ иноземцамъ разныя необходимыя предметы для общежитія; наложилъ тяжолый налогъ на соль. Даны были разныя льготы частнымъ лицамъ и обществамъ; эти льготы были такъ многочисленны, что стали чувствительны въ народѣ, такъ какъ не стало равенства ни въ платежѣ податей, ни въ судѣ и расправѣ,—безъ чего не можетъ существовать ни одно благоустроенное государство.

Кромѣ того, иноземнымъ гостямъ было присвоено исключительное право безпошлинной торговли, чѣмъ русскіе купцы были страшно стѣснены, и оттого внутренняя промышленность почти всецѣло перешла въ руки первыхъ. Народъ сталъ громко роптать. Онъ хорошо зналъ, отъ куда идетъ все зло, и имена Морозова и его клевретовъ произносились съ ненавистью во всеуслышаніе.

Къ довершенію бѣдствій народа присоединились частые и опустошительные пожары, неурожай, голодъ, падежъ скота, и все это Морозовъ скрывалъ отъ царя.

Наконецъ терпѣніе народа истощилось и въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ; такая необузданная ярость охватила чернь, что врывались въ знатные боярскіе дома и разграбляли ихъ до тла; убили двухъ сановниковъ, принадлежавшихъ къ клевретамъ Морозова, и, наконецъ, подступили къ самому дворцу и дерзко потребовали головы самаго временщика.

Тогда государь, ради защиты своего любимца, принужденъ былъ самъ выйти къ этой взбунтовавшейся черни и ласковой рѣчью успѣлъ уговорить недовольныхъ, обѣщая имъ казнить Трахиніотова, имѣвшаго дурное вліяніе на дѣла и на котораго жаловался народъ; Морозова-же на время отправилъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь.

Привязанность государя къ Морозову была однако такъ велика, что онъ, когда волненіе въ Москвѣ успокоилось, во время одного крестнаго хода, обратился къ народу съ рѣчью, въ которой выразилъ свое сожалѣніе о злоупотребленіяхъ несправедливыхъ судей и объявилъ, что на ихъ мѣста опредѣлены люди честные. При этомъ обѣщалъ понизить цѣну на соль, на что народъ особенно жаловался, и уничтожить монополіи. Въ заключеніе царь сталъ просить за дорогаго ему Морозова. Умиленный народъ воскликнулъ: *«да здравствуетъ государь на многія лѣта: Да будетъ воля Божія и государева!»* Морозовъ былъ возвращенъ, но уже не занималъ мѣсто правителя; впрочемъ, по прежнему, былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ государю. Алексѣй Михаиловичъ совѣтовался съ нимъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Морозовъ даже успѣлъ заслужить любовь народа, помогая всѣмъ, кто къ нему не обращался.»

Волненія въ народѣ, однако, не ограничились одной Москвой и отразились на всей Россіи, въ особенности-же чувствительные безпорядки произошли въ Псковѣ и Новгородѣ.

Бунтъ новгородскій былъ украшенъ твердостію и енергіей, въ послѣдствіи знаменитаго патріарха, Никона, который предалъ бунтовавшихъ жителей проклятію и запретилъ духовенству исполнять всѣ духовныя требы, какъ-то: не отпѣвать, ни вѣнчать и не крестить, а церкви запечаталъ. За эти мѣры новгородцы такъ разсердились на Никона, что нѣкоторые изъ нихъ, самые ярые бунтовщики, ворвались въ палаты митрополита и избили его.

Но, не смотря на это ужасное происшествіе, Никонъ остался не преклоненъ въ своемъ рѣшеніи и Новгородъ покорился, уступивъ предъ страшною духовною карой.

Псковъ-же былъ усмиренъ оружіемъ.

Хотя Никонъ совѣтовалъ и архіепископу псковскому, Макарію, примѣнить его новгородскую мѣру къ усмиренію и псковитянъ, но Макарій не имѣлъ мужества Никона, а потому и не рѣшился выполнить его совѣтъ.

Кромѣ сказанныхъ причинъ къ волненіямъ народа въ Москвѣ и Псковѣ, былъ также и выпускъ мѣдныхъ рублей: вслѣдствіе запрещенія иностраннымъ купцамъ безпошленно торговать въ Россіи, кромѣ одного гор. Архангельска, у насъ сталъ чувствоваться большой недостатокъ въ серебряной монетѣ, которая исключительно шла изъ-заграницы, черезъ руки иностранныхъ купцовъ. Тогда у насъ на Руси еще не знали рудокопнаго дѣла и серебра было негдѣ взять, а его брали готовой иностранной монетой и перечеканивали на нашу. Отъ этого-то недостатка въ обращеніи серебряныхъ денегъ—упала внутренняя промышленность и торговля, и народъ волновался. Тогда, чтобы пополнить этотъ важный недостатокъ, царь велѣлъ чеканить мѣдные рубли и пустилъ ихъ въ обращеніе; но, такъ какъ, не смотря на то, что поддѣлка этой монеты наказывалась смертію, ихъ появилось громадное количество, такъ что они до того наконецъ упали въ цѣнѣ, что за одинъ серебряный рубль давали до пятнадцати мѣдныхъ рублей.

И такимъ образомъ волненія на Руси продолжались болѣе трехъ лѣтъ, такъ что царь Алексѣй Михаиловичъ задумалъ положить имъ конецъ, созваніемъ смышленыхъ людей изъ дворянъ, купцовъ и посадскихъ со всей земли русской на земскій соборъ для составленія соборнаго уложенія въ 1648 году.

Такъ какъ судебникъ Ивана Грознаго уже устарѣлъ, а приказные дьяки пользовались всякими способами творить самосудъ, чѣмъ вызывали ненависть и волненія въ народѣ, то царь пожелалъ, чтобы самъ народъ, чрезъ своихъ лучшихъ людей, заявилъ о своихъ нуждахъ и указалъ на недостатки стараго уложенія законовъ, т. е. судебника.

Особеннымъ желаніемъ царя было дать народу судъ равный для всѣхъ и смягчить смертную казнь преступниковъ.

Ранѣе этого, судъ творился княжескими тіунами—словесно и въ сомнительныхъ случаяхъ допускался судъ Божій, или иначе—испытаніе огнемъ и желѣзомъ въ доказательство невинности, чѣмъ ловкіе приказные люди и злоупотребляли. Со времени-же изданія «Уложенія,» хотя это и было отмѣнено, но явилось другое зло, а именно: появились многочисленныя канцелярскія формы при судопроизводствѣ, много времени проходило въ перепискѣ и положено было начало страшнаго процесса: «слово и дѣло.» Онъ состоялъ въ томъ, что кто желалъ сдѣлать доносъ о чемъ либо царю, то выходилъ на улицу и кричалъ «караулъ! знаю государево дѣло и слово!» Тогда царскіе пристава брали крикуна и приводили его въ приказъ и тотчасъ-же брали и тѣхъ, на кого онъ показывалъ для *розыску* надъ ними.

Такъ въ 1694 году, мужикъ на Москвѣ закричалъ на улицѣ «караулъ» и объявилъ, что онъ знаетъ «слово и дѣло.» Царскія пристава отвели его въ царскій приказъ къ боярину Троекурову,

которому мужикъ сказалъ: «выдайте мнѣ изъ государевой казны пятнадцать рублевъ, я сдѣлаю себѣ крылья и буду летать *журавлемъ.*» Государь указалъ выдать ему просимую сумму. И когда потомъ мужикъ сдѣлалъ себѣ крылья, то на Красной площади, въ присутствіи царя и бояръ, былъ произведенъ опытъ, но онъ не удался. И хотя мужикъ оправдывался тѣмъ, что слишкомъ тяжелы сдѣлалъ крылья и хотѣлъ исправить свою ошибку и говорилъ:» дайте мнѣ еще пять рублей изъ государевой казны; я сдѣлаю на нихъ крылья полегче и вѣрно буду летать», но указано было того мужика бить не щадно батагами, чтобы и другимъ не повадно было облыжно показывать.

Этимъ страшнымъ правомъ заявлять «слово и дѣло» часто пользовались и бояре и холопы изъ своихъ корыстныхъ цѣлей и чувства мести; такъ какъ указываемыхъ крикунами людей, если они тотчасъ-же не признавались взводимой на нихъ винѣ, подвергали суду Божьему и тѣмъ, конечно, часто вымогались напрасныя признанія.

Но царь Алексѣй Михаиловичъ, по врожденному своему добросердечію и неусыпнымъ заботамъ о правдѣ, принялъ мѣры противъ притѣсненій въ судахъ по заявленіямъ «слово и дѣло» тѣмъ, что въ селѣ Коломенскомъ, близь Москвы, гдѣ царь часто и подолгу живалъ, поставленъ былъ у дворца ящикъ, куда, ищущіе правосудія люди, могли опускать свои челобитныя, которыя царь прочитывалъ всегда самъ, даже и ключъ отъ этого ящика хранился лично у него.

Патріархъ Никонъ.

Патріархъ Никонъ былъ сынъ крестьянина и мірское имя его: было Никита. Въ дѣтствѣ онъ научился грамотѣ отъ монаховъ, полюбилъ чтеніе духовныхъ книгъ и уже 20 лѣтъ добился священническаго сана, а впослѣдствіи потеря дѣтей дозволила ему принять монашество.

Здѣсь-то, глубокая начитанность Никона и его высокій умъ, обратили на него вниманіе царя и доставили ему, впослѣдствіи, санъ митрополита новгородскаго, гдѣ, какъ сказано, онъ своими духовными мѣрами и твердостію съ умѣлъ затушить народный мятежъ, за что уже вскорѣ былъ поставленъ патріархомъ всея Россіи и сдѣлался (особеннымъ) другомъ царя.

Дѣйствительно, Никонъ направлялъ царя на одно доброе: заботился объ устройствѣ церкви, стараясь исправить безпорядочную жизнь и нравы духовенства, которое къ величайшему соблазну народа даже вносило произволъ и въ богослуженіе. Такъ, нѣкоторые священники служили обѣдню на семи просфорахъ, дозволяли двумъ, тремъ вмѣстѣ читать и даже пѣть на разные на-

пѣвы и наконецъ позволялось инымъ мірянамъ молиться въ церкви на свои принесенныя изъ домовъ иконы, не обращая вниманія на то и неслѣдя за тѣмъ, что дѣлается въ алтарѣ. Все это происходило не только по невѣжеству духовенства, которое большею частью было не болѣе образовано своей паствы, но коренилось и въ неправильности богослужебныхъ книгъ. Должно замѣтить, что книжное дѣло на Руси до Іоанна Грознаго было въ рукахъ невѣжественныхъ переписчиковъ, а при немъ съ введенія въ Москвѣ книгопечатанія ошибки, надѣланные писцами въ рукописяхъ, вкрались и въ печатныя книги, что замѣчено было еще при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, но не исправлено по неумѣнію какъ взяться за это дѣло. Никонъ зналъ, входя еще на патріаршій престолъ, что великое неустроеніе существуетъ въ церкви, и потому-то, при поставленіи своемъ въ іерархи всероссійскіе, прямо обратился къ народу со словами: «будете-ли почитать меня какъ архипастыря и отца и дадите-ли мнѣ устроить церковь?» Народъ, бывшій тогда въ Успенскомъ соборѣ, поклялся чтить Никона и дать ему возможность ввести церковный порядокъ. Заручившись торжественной клятвой народа, Никонъ, съ согласія царя, созвалъ соборъ изъ высшаго духовенства, на которомъ исправлены были богослужебныя книги по греческимъ рукописямъ, привезенныхъ съ Афона и изъ другихъ монастырей греческихъ; а старыя—указано было сжечь. Противниками Никона, по исправленію книгъ, были многія духовныя лица, лично нерасположенныя къ строгому патріарху, и особенно протопопъ Аввакумъ, самый даровитый изъ всѣхъ враговъ Никона, и соловецкіе монахи, приверженцы старины, удаленные отъ Москвы и потому привыкшіе къ самостоятельности, даже не приняли новыхъ книгъ, не смотря на хитрый допросъ посланнаго дьяка съ уколами царя и патріарха, пытавшаго монаховъ такъ: «а что великій государь и царь Алексѣй Михаиловичъ православенъ-ли?» Патріархъ Никонъ православенъ-ли и ихъ повелѣнія православны-ли?» На что монахи отвѣчали утвердительно, но только что дѣло касалось принятія новыхъ книгъ,—они упорно молчали; достаточно сказать, что соловецкая обитель выдержала семилѣтнію осаду царскихъ войскъ и уступя только силѣ, подчинилась волѣ царя и Никона. Все это дало начало церковному расколу, и укрѣпила его ссора царя съ Никономъ по совершенно пустому поводу. Бояринъ царскій Хитровъ нанесъ оскорбленіе посланному патріарха; тотъ пожаловался царю, прося его разобрать дѣло и наказать обидчика; но чувства Алексѣя перемѣнились къ Никону, благодаря навѣтамъ приближенныхъ царя, возбуждавшихъ въ немъ подозрѣніе, что патріархъ стремится захватить свѣтскую власть, что титулъ «великаго государя,» данный ему, поселилъ въ суровой душѣ іерарха какія-то несбыточныя надежды,—и жалоба на этотъ разъ была не удовлетворена ранѣе всегда сговорчивымъ царемъ. Кромѣ того раздраженный Никонъ

узналъ еще, что царь ушелъ къ обѣднѣ въ Чудовъ монастырь, избѣгая свиданія съ патріархомъ.

Тогда Никонъ сложилъ съ себя въ Успенскомъ соборѣ свой санъ, надѣлъ монашескую рясу и, не смотря на плачъ народа провожавшаго его, уѣхалъ въ Воскресенскій, близь Москвы, монастырь; и хотя отказъ отъ патріаршества былъ полный, но Никонъ увезъ съ собой туда жезлъ святителей московскихъ; цѣль его была, чтобы вновь избранный патріархъ получилъ жезлъ изъ его рукъ и, слѣдовательно, утвержденіе новаго архипастыря Никонъ желалъ поставить въ зависимость отъ себя. Сколько ни уговаривали его, онъ остался непреклоненъ, и царь, наконецъ, вызвалъ двухъ восточныхъ патріарховъ, которые на духовномъ соборѣ, чрезъ почти девять лѣтъ со времени отшествія Никона съ престола, вызвали его на судъ и лишили сана, выставя вины его: самовольное оставленіе престола своего, исхожденіе изъ храма безъ окажденія его и нѣкоторыя дерзкія слова про царя сказанныя имъ. Гордый Никонъ и на соборъ явился не какъ смиренный подсудимый, а блистая низанными жемчугомъ и убранными драгоцѣнными камнями одеждами святительскими; съ предношеніемъ креста, сопутствуемый воскресенскою братіею, онъ вошелъ въ палату, гдѣ сидѣли восточные патріархи, а всѣ другіе и даже самъ царь стояли по сторонамъ, и началъ сказывать краткое молитвословіе; потомъ, говоря: «я вѣдь мѣсто съ собою не принесъ, я патріархъ этой земли и мнѣ здѣсь надо сидѣть.» И добавилъ: «я поставленъ патріархомъ при народѣ въ Успенскомъ соборѣ, а вы, какъ разбойники, завели меня раздѣвать въ темное мѣсто.»

Въ отвѣтъ на это патріархи объявили Никону, чтобъ онъ писался «монахъ Никонъ.» Потомъ онъ былъ посаженъ въ сани, и, сопровождаемый плачемъ народа и бранью врага своего архимандрита Сергія, вывезенъ въ заточеніе на Бѣло-озеро, гдѣ прожилъ около 15-ти лѣтъ; но по воцареніи сына Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича, возвращенъ въ Воскресенскій монастырь, куда, отправившись на стругѣ по Волгѣ, заболѣлъ и умеръ въ Ярославлѣ на рукахъ прежняго своего врага архіепископа Сергія, который испросилъ себѣ прощеніе у умирающаго. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ свою очередь, испросилъ у вселенскихъ патріарховъ возвращеніе сана покойному и самъ присутствовалъ при погребеніи его по чину патріаршему въ Воскресенскомъ монастырѣ. Исправленіемъ Богослужебныхъ книгъ, заведеніемъ духовныхъ училищъ, строгимъ надзоромъ за чистотой жизни духовенства, всегда полезными совѣтами царю Алексѣю Михаиловичу къ упроченію порядка въ русскомъ государствѣ, чѣмъ даже лично способствовалъ въ Новгородѣ, при укрощеніи мятежа, наконецъ своей 15-ти лѣтней ссылкой на Бѣло-озеро, вотъ великія заслуги патріарха Никона.

Если Алексѣй Михаиловичъ старался упрочить порядокъ вну-

три Руси, то принявъ титулъ «обладателя всѣхъ сѣверныхъ странъ, отчича и дѣдича,» онъ этимъ ясно показалъ, что и извнѣ будетъ слѣдовать политикѣ своихъ предшественниковъ: все, когда нибудь потеряное Россіей въ борьбѣ съ сосѣдями, возвратитъ обратно, а въ поводахъ къ этому не было недостатка. Участь Малороссіи вскорѣ обратила на себя вниманіе царя. Надо сказать, что по Днѣпру начали образовываться еще съ XV вѣка братства бобылей, людей бѣжавшихъ изъ Россіи, а частью изъ Литвы и Польши. Этихъ бѣглецовъ называли казаками и черкессами; ихъ ремесло—была война или, вѣрнѣй сказать, грабежи побережья Чернаго моря, заселеннаго турками, набѣги на Польшу, а иногда даже на единовѣрную казакамъ Россію. На Хортицкомъ островкѣ Днѣпра была сѣчь, гдѣ жили самые знаменитые казаки — запорожцы; здѣсь-то учились они владѣть конемъ и саблею. Изъ Запорожья по всей Малороссіи, какъ называютъ эту страну и до нынѣ, выходили лучшіе бойцы за православную вѣру, которые и отъ Крыма, тогда заселеннаго татарами, подъ властью хановъ—Гиреевъ, защищали нашу окрайну. Хищники—татары должны были опрокидываться большою частью на Польшу, оставляя въ сторонѣ Русь. Казаки всегда помнили свое родство съ московскимъ государствомъ; въ русскомъ царѣ видѣли своего покровителя, чему доказательствомъ служитъ присяга ихъ Іоанну III и внуку его Іоанну IV Грозному; но послѣдній своей жестокостью оттолкнулъ ихъ отъ себя; Стефанъ Баторій, король польскій, сталъ ласкать казаковъ, давать богатые подарки ихъ войсковому старшинѣ и довелъ до того, что казаки признали надъ собой покровительство Польши. Съ той поры преемники Баторія должны были неминуемо, время отъ времени, враждовать съ московскими государями; и претѣсненія Малороссіи, начавшіяся при Сигизмундѣ III, заставили поляковъ вѣдаться и съ самими казаками. Сигизмундъ III задумалъ утвердить на украйнѣ господство папы, какъ переходъ къ искорененію православной вѣры и русской народности, т. е. къ введенію католицизма и ополяченью казаковъ. Средство для этого нашли въ веденіи уніи, такъ сказать, въ признаніи православными духовнаго главенства римскаго папы и въ принятіи отъ Рима нѣкоторыхъ обрядовъ. Чтобы заставить принять унію, поляки и литовскіе магнаты стали унижать православную церковь отдачей церковныхъ доходовъ на откупъ жидамъ: безъ платы жиду—откупщику нельзя было ни хоронить, ни вѣнчать въ православной церкви. Помѣстья богатыхъ казаковъ по немногу, путемъ всякихъ насилій и уловокъ, перешли къ полякамъ, и началось въ Малороссіи ихъ полное хозяйничество. Въ это время плохо пришлось даже «реэстровымъ» казакамъ, т. е. получающимъ жалованье отъ правительства и составлявшимъ отдѣль нуюдружину, которыхъ было до 6000 человѣкъ, а остальные совсѣмъ были приравнены къ крѣпостнымъ, и называла

ихъ гордая польская знать холопами. Число всѣхъ казаковъ при Стефанѣ Баторіи было 40 тысячъ, слѣдовательно до 36 т. осталось изъ нихъ безправными и задавленными польскимъ игомъ. Казакамъ оставалось только одно: саблей искать себѣ спасенія отъ поляковъ; они такъ сдѣлали. Въ запорожской сѣчи жила еще доблесть казацкая, туда то бѣжали задавленные польскимъ гнетомъ враги уніи, оттуда-то пѣлись по украйнѣ вольныя пѣсни запорожцевъ и вдохновляли бѣднаго хлопа на борьбу съ панствомъ. Гетманъ Петръ Конишевичъ Сайгадачный съумѣлъ облегчить участь своей родины; онъ заставилъ поляковъ бояться себя, а спасеніе Польши отъ нашествія 100 тысячъ турокъ и татаръ, которымъ онъ вмѣстѣ съ Владиславомъ, сыномъ короля Сигизмунда, нанесъ полное пораженіе и заставилъ снять осаду Хотина. Почетныя условія Деулинскаго договора съ Россіей были выговорены поляками, благодаря помощи Сайгадачнаго, и за это онъ заставилъ польскій сеймъ облегчить участь православнаго населенія Малороссіи, а съ уніей бороться и перомъ даже, оспаривая ее законность въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ. Послѣ Сайгадачнаго все пошло по старому; но казаки, помня его время, нанесли сначала у Переяславля пораженіе Конецпольскому и, воодушевившись этимъ, начали избіеніе поляковъ и жидовъ: десятки тысячъ тѣхъ и другихъ пали подъ казацкими саблями. Гетманъ Остромиза, успѣвшій было разбить Потоцкаго, былъ окруженъ имъ, обманутъ предложеніемъ выгодныхъ условій сдачи, и колесованъ въ Варшавѣ-же. Бѣдствія Украйны дошли до послѣдней крайности. Города обезлюдили, народъ дошелъ до нищеты, и всѣмъ оставалось только принять унію, что бы сохранить жизнь. Царь Михаилъ не оказалъ помощи растерзанной Малороссіи, но сынъ его Алексѣй только и помышлялъ о времени, когда ему придется заплатить Польшѣ за угнетеніе православія и присоединить къ московскому государству Украйну. Случай представился: насиліе, сдѣланное однимъ польскимъ паномъ надъ семействомъ простаго казака Богдана Хмѣльницкаго, напавшаго на хуторъ и завладѣвшаго женой Богдана. Хмѣльницкій поѣхалъ въ Варшаву искать суда за захватъ его жены и всего хутора Чигиринскимъ подстаростой паномъ Чаплицкимъ, но Сенатъ отказалъ Богдану, а король Владиславъ, къ которому вынужденъ былъ обратиться обиженный,—сказалъ ему: «зачѣмъ у тебя вотъ сабля съ боку?» «Защищаться,» отвѣчалъ Богданъ, «Такъ развѣ она деревянная,» добавилъ король, что ты ей не управишься съ своимъ врагомъ?» Затѣмъ король упомянулъ, что онъ послалъ льготныя грамоты на Украйну, что онъ въ нихъ между прочимъ далъ право всѣмъ казакамъ, принесшимъ ему по разнымъ обидамъ отъ пановъ свои челобитныя, расправиться съ обидчиками саблей и пикой. Хитрый-же гетманъ, тогда правившій Малороссіей былъ за одно съ панами и не объявилъ ихъ войску, а какъ оказалось, впослѣдствіи, зарылъ ихъ у себя въ саду, откуда только хитростью Хмѣльниц-

кому удалось ихъ достать и объявить войсковому старшинѣ. Когда узнали казаки содержаніе королевскихъ грамотъ,—ярости ихъ не было границъ: виновный гетманъ былъ низложенъ, и взоры всей Украйны, съ того времени, обратились на Хмѣльницкаго; ему-то, думали казаки, править булавой. Кромѣ того, Богданъ прямо отъ короля успѣлъ заѣхать въ сѣчь, заручился тамъ согласіемъ запорожцевъ и всѣхъ бѣжавшихъ туда враговъ уніи на святую брань противъ Польши за вѣру и родину. Въ то же время Хмѣльницкій снесся съ Ирымомъ—Ханомъ, который получилъ отказъ Польши въ платежѣ дани за безопасность отъ его грабежей. Богдану была дана помощь, и ему не трудно послѣ этого было разбить на голову поляковъ. Дѣйствительно, побѣды при Желтыхъ водахъ и Корсунѣ были сигналомъ къ поголовному возстанію казаковъ, и пошла опять рѣзня пановъ и жидовъ; запылали казацкіе хутора, но и панскихъ хоромъ казаки пожгли много. Хлѣльницкій давно думалъ найдти защиту подъ высокой рукой московскаго государя, а теперь видя, какъ его казацкіе полки таютъ отъ переселенія въ Россію, онъ уразумѣлъ, что настала пора принять покровительство и принести присягу ему и малороссійскому народу искони православному русскому царю. Алексѣй, не только не испугался изъ этого войны съ Польшей и Литвой, но съ радостію принялъ знаменитаго Богдана и всю Малороссію подъ свою защиту. Царь дѣйствовать началъ осторожно. Алексѣй завелъ переговоры съ королемъ и явился сначала миротворцомъ враждующихъ. Переговоры эти никакихъ послѣдствій не имѣли; только угроза Богдана въ случаѣ отказа Алексѣя, принять покровительство отъ султана, заставила царя поступить смѣло; онъ послалъ боярина Бутурлина привести Богдана къ присягѣ и принять все войско въ подданство.

Бутурлинъ, пріѣхавъ въ Переяславль, принялъ отъ Хмѣльницкаго и войсковаго старшины клятву въ вѣрности Алексѣю, и объявилъ съ того времени, 8 января 1654 года,—Малороссію, присоединенной къ государству московскому навѣчно. Минута принесенія присяги Богданомъ и именитыми казаками была торжествомъ для угнетеннаго казачества, и на рѣчь Хмѣльницкаго несмѣтныя толпы народа радостно отвѣтили: «хотимъ быть подданными царя православнаго.» «Да будетъ такъ,» произнесъ гетманъ громко, и началъ цѣловать крестъ въ вѣрности Алексѣю Михайловичу и его преемникамъ, а за нимъ присягнулъ и весь народъ. Затѣмъ, Бутурлинъ объявилъ, что царь указалъ: 1) число казаковъ, получающихъ жалованье отъ царя и записанныхъ въ реэстръ, увеличить до 60000 чел., 2) гетманъ, войсковые: судья, писарь, сборщики податей и другіе чины свободно избираются большинствомъ голосовъ, преимущественно изъ уроженцевъ Украйны и 3) гетманъ можетъ принимать иностранныхъ пословъ, и даже вести отъ своего имени самостоятельно переговоры съ

дворами другихъ державъ. Король Янъ Казиміръ, какъ только узналъ объ отпаденіи отъ Польши Малороссіи, немедленно объявилъ войну Россіи. Дальновидный Алексѣй Михайловичъ давно уже приготовился къ войнѣ и, не ожидая появленія въ нашихъ предѣлахъ польскихъ полчищъ, вошелъ въ Литву съ 200000 войска, раздѣливъ его на четыре части.

Направленіе русскихъ войскъ было такое: одна часть, подъ личнымъ предводительствомъ царя, пошла на Смоленскъ; остальныя войска, подъ начальствомъ князя Трубецкаго двинулись къ Могилеву. Кромѣ того, казаки бросились на города сѣверскіе и начали раззорять ихъ; между тѣмъ какъ Шереметьевъ по теченію Двины забиралъ Литовскіе. Это вторженіе русскихъ повело къ сдачѣ лично самому царю Смоленска, а тѣмъ временемъ полководцы его заняли Минскъ, Гродно, Витебскъ, Могилевъ, Вильно и почти все княжество литовское. Польскія войска, разбитыя князьями Черкасскимъ и Трубецкимъ, бросились, подъ начальствомъ короннаго гетмана Радзивила, въ бѣгство, послѣ побѣдъ русскихъ подъ Оршей и Шкловомъ, и остановились только на р. Нѣманѣ. Такой скорый и блестящій успѣхъ русскихъ произошелъ оттого, что большею частью города литовскіе сами отворяли ворота русскимъ, такъ какъ владычество поляковъ на литвѣ раззорило до того этотъ край, что русскихъ принимали литовцы, какъ избавителей и то еще, что царь самъ былъ при войскѣ, чѣмъ прекратились распри подководцевъ, спорившихъ часто о старшинствѣ своихъ родовъ и личному самолюбію своему жертвовавшихъ пользами отечества.

Не знали поляки, гдѣ кончится побѣдное шествіе русскихъ; но внезапно появившаяся въ Россіи моровая язва, отвлекла царя отъ Смоленска, и военныя дѣйствія съ нашей стороны добровольно прекратились.

Пользуясь бѣдствіемъ въ московскомъ государствѣ, поляки могли бы поободриться, но необузданный поступокъ Яна Казиміра тотчасъ же навлекъ на Польшу грозу со стороны Швеціи. Этотъ, всегда предусмотрительный государь, принялъ къ несчастію Польши титулъ «короля шведскаго,» такъ какъ былъ родственникъ пресѣкшейся тамъ династіи Густава Вазы, чѣмъ навлекъ на себя, какъ претендентъ, страшный гнѣвъ вступившаго на тронъ шведскаго Карла X.

Слѣдствія этого для Польши были ужасны. Карлъ задумалъ овладѣть Польшей и, вообще, широко утвердить свою власть на сѣверѣ. Съ такими-то замыслами шведы обрушились всѣми своими силами на Привислянскій край сначала, а потомъ заняли Варшаву и Краковъ, два главнѣйшихъ города Польши. Сосѣдній Бранденбургскій курфюрстъ, данникъ Польши, пользуясь ея безсиліемъ, тоже присоединился къ шведамъ. Царь Алексѣй въ свою очередь не замедлилъ опять занять все княжество литовское. Чтобы спасти

свою самобытность и самостоятельность государства хотя нѣсколько, польскій сеймъ поспѣшилъ поднести Карлу корону польскую, но тотъ отказался принять ее отъ сейма.

Янъ Казиміръ видя гибель его государства и ясно понимая, благодаря зоркости своего ума, что рано или поздно, не одни области польскія отдѣльно, но и вся Польша должна перейдти подъ власть русскаго царя,—обратился къ Алексѣю Михайловичу и заключилъ съ нимъ въ Вильнѣ договоръ, условія котораго были: 1) по смерти Казиміра на польскій престолъ долженъ взойти Алексѣй Михайловичъ и его преемники, а до этого времени царю писаться только въ титулѣ «королемъ польскимъ;» а Малороссія и Бѣлоруссія теперь же присоединяются къ московскому государству: 2) навсегда отмѣнить Унію, предоставить полную свободу православному и католическому вѣроисповѣданіямъ, и затѣмъ 3) русской и польской державамъ имѣть постоянно оборонительный и наступательный союзъ противъ другихъ государствъ. Впрочемъ статьи виленскаго договора не образумили поляковъ; они еще не вѣрили въ возможность потери самостоятельности своей и присоединенія Польши къ Россіи

Но Алексѣй Михайловичъ, считая Польшу своимъ достояніемъ, обратилъ оружіе свое на завоеванную Карломъ Лифляндію, чтобъ выгнать оттуда шведовъ. Только городъ Рига сопротивлялась царю; всѣ же другіе города этой области покорились русскимъ. Не одно это, но страхъ императора германскаго Леопольда I и короля датскаго, что самолюбіе Карла и его любовь къ завоеваніямъ приведутъ и ихъ государства къ гибели, заставилъ этихъ монарховъ объявить войну швеціи. Покинутый своимъ союзникомъ курфюрстомъ бранденбургскимъ, Карлъ вышелъ изъ Польши и ударилъ на Данію, съ которой и такъ, вслѣдствіе близкаго сосѣдства со Швеціей, у Карла было соперничество и давняя вражда. Тѣмъ временемъ Польша опомнилась и нѣсколько собралась съ силами; но вмѣсто того, чтобы жить въ мирѣ съ сосѣдями, объявила Россіи войну, отвергая всѣ постановленія Виленскаго договора. Царь съ своей стороны постарался заключить трехлѣтнее перемиріе съ Карломъ. Послѣ того началась 8-ми лѣтняя война Россіи съ Польшей, въ которой то Польша, то Россія поперемѣнно одолѣвали; но отъ этой войны только Россія много выиграла.

Во все продолженіе этой войны Малороссія была яблокомъ раздора нашего съ Польшей. Гетманы переходили попоремѣнно то на сторону царя, то подъ покровительство Польши. Такъ по смерти Богдана Хмѣльницкаго его сынъ Юрій и Виговскій, спорившіе между собой за булаву, поступали одинаково въ этомъ направленіи, а именно: Виговскій, сѣвъ на гетманство, искалъ дружбы Россіи, а потомъ, задумавъ сдѣлаться владѣтельнымъ княземъ Украйны, сначала перешелъ на сторону Польши. Смѣна гетмановъ

одного за другимъ шла быстро; честолюбію людей корыстныхъ былъ данъ широкій просторъ; а народъ малороссійскій страдалъ сильно отъ усобицъ гетманскихъ. Россія въ первые четыре года войны терпѣла одни пораженія, потому что Польша противъ вождей русскихъ, большею частью неспособныхъ и возвысившихся по одной родовитости и богатству своему, выставила даровитѣйшихъ полководцевъ своихъ Чарнецкаго, Любомірскаго и Вишневецкаго. Пока завидуя другъ другу, спорили Трубецкой съ Ромодановскимъ объ именитости и знатности своихъ родовъ, они были разбиты на голову гетманомъ Виговскимъ подъ Конотопомъ и Нѣжинымъ. Хованскій, Долгорукій тоже не думали объ общемъ планѣ военныхъ дѣйствіи, ссорились и соперничали между собой; Чарнецкій же выждалъ удобное время и выгналъ ихъ изъ Литвы, нанеся страшное пораженіе русскимъ около Слонима. Юрій Хмѣльницкій, преемникъ Виговскаго, измѣнилъ русскимъ, передавшись Польшѣ тогда, когда узналъ о взятіи въ плѣнъ Шереметева въ Волыни войсками Любомірскаго. Царь спѣшилъ поэтому скорѣй заключить миръ со шведами, и это ему удалось путемъ очищенія всѣхъ занятыхъ русскими городовъ Лифляндіи. Выведенныя оттуда войска были обращены противъ Польши; но важнѣе этого для Алексѣя Михайловича было то, что въ Варшавѣ начались волненія, сеймы сдѣлались до того шумны и паны своевольны, что полный безпорядокъ началъ царить въ Польшѣ. Янъ Казиміръ какъ не старался образумить поляковъ, но не успѣлъ въ этомъ и прямо сказалъ на сеймѣ, что предрекаетъ паденіе своего отечества и раздѣлъ его сосѣдними державами, если поляки будутъ своевольничать и не не жить въ мирѣ съ московскимъ государствомъ. Войско польское, съ трудомъ собранное, ворвалось въ Малороссію, чтобъ вытѣснить оттуда Ромодановскаго, но вдругъ забунтовало, потребовало впредь жалованья и разошлось.

Любомірскій въ Волыни взбунтовался противъ короля, и тотъ не зналъ что ему дѣлать.

Въ Украйнѣ началась неурядица страшная, и потому, можетъ быть по враждѣ къ Россіи, гетманъ Дорошенко самыхъ отчаянныхъ высылалъ на Донъ, гдѣ они набунтовавшись вдоволь, выбрали себѣ аттаманомъ Степана Разина, изъ Донцовъ-казаковъ, который ранѣе этого разбойничалъ на Волгѣ, пробрался оттуда на Каспійское море и разгромилъ прибрежные персидскіе города до того, что перепугалъ шаха. Страшная шайка злодѣевъ взяла Царицынъ, потомъ Астрахань, гдѣ его шайка убила Іосифа, митрополита астраханскаго, за то, что онъ не встрѣтилъ Разина и остался вѣренъ царю до того, что пытался уговаривать разбойниковъ оставить ихъ гнусную жизнь и отдать себя милосердію царя. Разинъ объявилъ, что онъ идетъ освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ, патріарха Никона и какого-то царевича. Ему повѣрили, начали охотно сбираться къ нему и уже съ 20 т. онъ взялъ

Саратовъ. Наконецъ, царь принялъ мѣры успокоить Украйну. Разину пришлось тоже плохо: подъ Симбирскомъ его разбилъ Шереметьевъ, бояринъ Милославскій нанесъ пораженіе бунтовщикамъ и взялъ Астрахань; Разинъ былъ обезсиленъ, его выдали товарищи. Казнь ему была лютая.

Только что спокойствіе возстановилось въ несчастной Украйнѣ, какъ Магометъ IV, султанъ турецкій, съ громаднымъ полчищемъ своихъ воиновъ и крымскими татарами вошемъ въ Малороссію. Города запылали, рѣки крови потекли по Украйнѣ, даже Львовъ сдался Султану, а испуганный этимъ король Михаилъ Вишневецкій предложилъ Магомету заключить миръ и платить ему дань, уступивъ также туркамъ Малороссію. Миръ этотъ названъ Буджановскимъ, но сеймъ не утвердилъ его, и при Хотинѣ Яну Собѣсскому пришлость нанести пораженіе войску Магомета, но неокончательное.

Самъ Дорошенко, видя какъ турки злодѣйствуютъ въ Украйнѣ, посовѣтовалъ казакамъ просить защиты отъ нихъ у Алексѣя Михайловича, который, зная бѣдствія народа украинскаго, принялъ его въ свое подданство и утвердилъ надъ всей Малороссіей гетмана Самойловича. Въ семейной жизни своей царь Алексѣй Михайловичъ являлъ себя христіаниномъ, соблюдалъ посты, посѣщалъ храмы, раздавалъ милостыню, и только мирная жизнь его прерывалась иногда пріемомъ пословъ, выѣздомъ на войну или охоту. Царь былъ женатъ дважды: на Милославской и Наталіи Кирилловнѣ Нарышкиной, имѣлъ семь сыновей, изъ которыхъ седьмой и послѣдній былъ Петръ, впослѣдствіи первый и великій, затѣмъ дѣти отъ Милославской Ѳеодоръ и Іоаннъ тоже остались въ живыхъ и были царями, и нѣсколько незамужнихъ дочерей.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

1676—1682.

Въ 1676 году на престолъ вступилъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Кормиломъ обширнаго государства Ѳеодоръ Алексѣевичъ сталъ править почти еще ребенкомъ, какъ и его упокойный царственный родитель, а именно съ 14 лѣтъ, и, не смотря на такую юность, безпорядковъ никакихъ ни случилось при вступленіи его на престолъ всероссійскій, такъ какъ еще за два года до смерти своей, Алексѣй Михайловичъ утвердилъ за Ѳеодоромъ наслѣдіе престола.

Ѳеодоръ былъ чрезвычайно слабаго здоровья, но обладалъ высокими достоинствами и свѣтлымъ умомъ, что и доказалъ во время своего правленія, хотя къ несчастію царствовалъ весьма недолгое время, а именно шесть лѣтъ; стало быть, даже до кончины своей не успѣлъ достигнуть полнаго совершеннолѣтія.

Кромѣ дѣлъ государственныхъ, юному монарху приходилось

часто разбирать дѣла семейныя, такъ какъ оно раздѣлялось на двѣ партіи, постоянно враждовавшія между собой.

Къ первой и главной партіи принадлежали сестры царя и бояры Милославскіе, родственники царскому дому по первой супругѣ Алексѣя Михайловича,—ко второй и слабѣйшей партіи принадлежали: мачиха царя и ея родныя, Нарышкины, во главѣ съ умнымъ, доровитымъ бояриномъ Матвѣевымъ.

Появленіе этихъ партій произошло отъ того, что упомянутыя лица, приближенныя царя—знали, что при такомъ болѣзненномъ состояніи, въ какомъ находился Ѳеодоръ, настоящее царствованіе должно быть не долгое, а потому невольно возникъ вопросъ: кому быть царемъ послѣ смерти Ѳеодора и кому наперстниками царя? Милославскіе хотѣли видѣть на престолѣ роднаго брата царя, Іоанна, который былъ настолько немощенъ физически и нравственно, что фактически не могъ бы управлять обширнымъ царствомъ, а потому и естестественно, что власть досталась бы въ ихъ руки, какъ ближайшихъ родственниковъ будущаго царя. Съ своей стороны, Нарышкины, имѣя въ виду тѣже недуги Іоанна, о которыхъ зналъ и весь народъ—расчитывали, что царемъ долженъ быть Петръ, если происки Милославскихъ не успѣютъ восторжествовать надъ правдой и гласомъ народа, который, само собой, разумѣется, возвысился-бы въ пользу Петра. Милославскіе это сознавали вполнѣ и, такимъ образомъ, раздѣленіе семейства царя на двѣ партіи и борьба между ними сдѣлалась неизбѣжной.

Нарышкины, сознавая правоту своего дѣла, шли къ цѣли прямымъ путемъ, но Милославскимъ нужно было дѣйствовать совершенно противуположнымъ образомъ, и они не скупились на средства.

Царь не подозрѣвая о коварныхъ замыслахъ Милославскихъ и питая къ нимъ неграниченное довѣріе невольно сталъ на ихъ сторону. Такъ Милославскимъ удалось оклеветать передъ царемъ, опаснаго для своихъ цѣлей, боярина Матвѣева, который, обвиненный въ колдовствѣ и чернокнижіи, былъ лишенъ боярства, достоянія и сосланъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Россіи. Мало того, Милославскіе тѣмъ же способомъ добились осужденія вдовствующей царицы съ дѣтьми на почетное изгнаніе изъ предѣловъ дворца.

Далѣе этого, Милославскимъ, однако, не удалось пойти далѣе въ своихъ проискахъ; царь увидѣлъ свою ошибку и злоупотребленія его довѣріемъ Милославскими и удалилъ ихъ отъ дѣлъ.

Удачно окончивъ войну съ Турціей и договоромъ, заключеннымъ въ Бахчисараѣ, утвердивъ окончательно за Россіей Малороссію и Запорожье, юный Ѳеодоръ оказалъ не менѣе важную услугу отечеству уничтоженіемъ мѣстничества, которое служило

неизсекаемымъ источникомъ безпорядковъ въ мирное время, и бѣдственныхъ пораженій въ военное.

Нелѣпый обычай между служилыми людьми—считаться между собою на службѣ, не по личнымъ заслугамъ и старшинству, а по заслугамъ и чинамъ предковъ до того укоренился, что самыя тяжкія наказанія, даже смертная казнь, не могли прекратить споровъ изъ-за мѣстъ, какъ между родовитыми боярами, такъ между дьяками и, что еще удивительнѣе, между женщинами. «Въ головѣ моей царь воленъ, но въ чести не воленъ,» говорили ослушники грозныхъ царскихъ указовъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ.

Такъ напр., «за царскимъ столомъ какой нибудь бояринъ считаетъ себя обиженнымъ тѣмъ, что сидитъ ниже другаго по его мнѣнію по предкамъ младшаго. Обиженный встаетъ и хочетъ уходить; ему приказываютъ остаться; онъ лезетъ подъ столъ; его вытаскиваютъ и держутъ за руки; онъ вырывается и опять лезетъ подъ столъ. Приказано держать крѣпче. Бояринъ кричитъ: «это царская воля, а моей не было.» Бывали случаи, что упрямцевъ выводили изъ столовой, били нещадно батогами и опять сажали. Боярыни тоже продѣлывали за обѣдами у царицъ.»

Этимъ-то шутовскимъ продѣлкамъ и вообще страннымъ понятіямъ о правахъ на мѣста между служилыми людьми—Ѳеодоръ и рѣшился положить конецъ.

Съ этою цѣлію, подъ предсѣдательствомъ сановитаго баярина, князя Василія Васильевича Голицына, были собраны всѣ высшіе военные чины государства, которые единогласно признали страшный вредъ мѣстничества и высказали желаніе отмѣнить его. Также отмѣнено было оно членами боярской думы и соборомъ высшаго духовенства.

Послѣ этихъ формальностей, царь велѣлъ собрать всѣ разрядныя книги и всѣ дѣла по мѣстничеству, какъ оконченныя такъ и не оконченныя, и сжегъ всенародно. А затѣмъ издалъ указъ такого содержанія: «кто впредь начнетъ споръ о мѣстѣ, тотъ будетъ лишонъ званія и имущества.»

Такимъ образомъ фактъ уничтоженія мѣстничества совершился.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ хотя былъ женатъ два раза, но умеръ бездѣтнымъ, въ 1682 году.

Правленіе Софьи.

1682—1689.

Едва скончался Ѳеодоръ, какъ въ палатахъ кремлевскаго дворца собрались бояре, къ которымъ присоединилась громадная толпа народа московскаго. Всѣхъ ихъ занималъ одинъ и тотъ же важный вопросъ, кому быть царемъ изъ двухъ братьевъ: Іоанну или Петру? Честь провозгласить царя, по обычаямъ того времени,

пренадлежала патріарху, а потому всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его появленія въ палатахъ.

Патріархъ Іоакимъ, въ сопровожденіи всего знатнаго духовенства, съ крестомъ въ рукахъ, вошелъ наконецъ въ палаты и обратился къ предстоящимъ боярамъ и народу съ слѣдующими словами: «Кого изъ двухъ царевичей желаете на царство: Іоаннъ имѣетъ шестнадцать лѣтъ, но одержимъ болѣзнію, а Петру десять лѣтъ, но онъ цвѣтущаго здоровья?» Большинство изъ бояръ и народа назвали Петра, и патріархъ превозгласилъ его царемъ.

За малолѣтствомъ Петра, правленіе царствомъ приняла на себя мать его, вдовствующая царица Наталья Кирилловна, которая воспользовавшись своимъ правомъ возвратила изъ ссылки боярина Матвѣева, и само собой разумѣется приблизила къ себѣ и отставленныхъ своихъ родственниковъ Нарышкиныхъ, которые вскорѣ и стали во главѣ правленія.

Слабый Іоаннъ не добивался власти, а потому совершенно спокойно отнесся къ избранію на царство младшаго своего брата Петра, въ ущербъ его праву по старшинству.

Но этимъ дѣло далеко не кончилось; у Іоанна были сестры, рожденные отъ одной съ нимъ матери, Маріи Милославской. И вотъ, одна-то изъ этихъ сестеръ, Софья, обладавшая необыкновеннымъ умомъ и энергіею и притомъ необычайнымъ чистолюбіемъ, задумала добиться власти.

Царевна Софья, по тогдашнему времени, была чрезвычайно образованная женщина, чему главнымъ образомъ способствовала свобода, какою пользовались царевны при дворѣ Алексѣя Михаиловича и затѣмъ Ѳеодора. Софья часто встрѣчалась и бесѣдовала со многими бывавшими при дворѣ учеными иностранцами; много читала и даже сама написала нѣсколько комедій для дворцоваго театра, и, кромѣ того, вошла въ постоянныя сношенія съ однимъ изъ ученѣйшихъ вельможъ того времени, Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, что и довершило ея развитіе.

Путь къ власти, задуманный чистолюбивою царевною, былъ очень труденъ, но она рѣшилась идти впередъ, опираясь на того же Голицына и Милославскихъ, которые, въ силу обстоятельствъ, волей или неволей должны были идти за ней, чтобы не дожидаться неминуемой опалы чрезъ усилившуюся партію Нарышкиныхъ и Матвѣева, чего даже опасалась и сама Софья по отношенію къ себѣ.

Опасенія эти имѣли основаніе, если припомнить, что Наталья Кирилловна, вмѣстѣ съ воцарившимся уже Петромъ, родственниками Нарышкиными и Матвѣевымъ, не мало потерпѣли отъ происковъ царевны и Милославскихъ; и если первые вздумаютъ когда нибудь отомстить своимъ бывшимъ гонителямъ, то паденіе ихъ неминуемо.

Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, царевна Софья рѣшилась дѣйствовать именемъ брата Іоанна, а разъ онъ будетъ царемъ, то правительницей станетъ безспорно она, такъ какъ слабый братъ всегда подчинялся ея совѣтамъ и волѣ.

Для достиженія своей смѣлой цѣли, Софья воспользовалась безпорядками въ стрѣлецкихъ полкахъ.

«Стрѣлецкое войско было учреждено при Іоаннѣ IV. Это была постоянная рать, главная обязанность которой состояла въ томъ, чтобы въ мирное время охранять спокойствіе государства, а въ военное—биться съ врагами очечества. Служба стрѣльцовъ была наслѣдственная: сынъ стрѣльца становился стрѣльцомъ уже по рожденію, и поступалъ на службу, какъ только въ состояніи былъ владѣть оружіемъ. Стрѣльцы раздѣлялись на полки и жили въ Москвѣ слободами; они получали отъ казны жалованье, но такъ какъ жалованья было недостаточно для прокормленія семействъ, то имъ дозволено было заниматься земледѣліемъ, торговлею и разными ремеслами; имъ даже были предоставлены разныя льготы въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого многіе изъ стрѣльцовъ пріобрѣтали значительныя богатства. Но за то они пренебрегали военнымъ дѣломъ и вообще дисциплины у нихъ было мало.»

Еще не задолго до кончины Ѳеодора Алексѣевича между стрѣльцами произошли нѣкоторые безпорядки по поводу злоупотребленій учиненныхъ ихъ полковниками, которые не додавали стрѣльцамъ опредѣленнаго жалованья, заставляли ихъ работать безплатно для себя и т. д. Стрѣльцы тогда выбрали одного изъ среды себя и отправили его съ челобитной къ правительству. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа былъ въ то престарѣлый князь Долгорукій, который вмѣсто того, чтобы разобрать дѣло, приказалъ выборнаго стрѣльца строго наказать, имѣя въ виду, что этимъ примѣромъ и другимъ будетъ наука—не заводить безпорядки. Стрѣльцы не дали наказать своего выборнаго и по ихъ слободамъ произошло волненіе.

При новомъ правительствѣ повторилась таже исторія, подавались стрѣльцами жалобы на злоупотребленія своихъ начальниковъ, но такъ какъ жалобы эти не были удовлетворяемы тотчасъ же, какъ того требовали стрѣльцы, то они вздумали сами расправляться съ своими не любимыми начальниками, и, по приговору круговъ, сбрасывали ихъ съ каланчей приказовъ и убивали. Пьяные, они толпами расхаживали по слободамъ и своевольничали; казалось для нихъ не существовало правительства и не было ни суда ни расправы.

Этимъ-то броженіемъ стрѣльцовъ Софья и воспользовалась для своихъ цѣлей. Черезъ преданныхъ ей, или скорѣе ея золоту, агентовъ, она все знала, что происходитъ въ стрѣлецкихъ полкахъ; подосланные ею люди искусно внушали стрѣльцамъ, что

Іоаннъ происками не законно устраненъ отъ престола чистолюбивыми Нарышкиными; стрѣльцамъ, имѣющимъ вѣсъ въ полкахъ, Софья раздавала деньги, подарки, а тѣ, въ угоду ей, раздували мятежъ между полупьяными и избалованными свободой товарищами.

И такимъ образомъ, мало по малу, всѣ полки стрѣлецкіе перешли на сторону царевны Софьи, и по первому сигналу готовы были къ мятежу; жертвы были намѣчены заранѣе.

Наконецъ утромъ 15 мая, 1682 года, сигналъ былъ поданъ; нѣсколько заговорщиковъ проскакали по стрѣлецкимъ слободамъ и кричали, что Нарышкины умертвили царевича Іоанна.

Вслѣдъ затѣмъ раздался набатный колоколъ, всѣ стрѣлецкіе полки, кромѣ одного Сухарева, бросились вооружонные къ сборному пункту, а оттуда, съ распущенными знаменами и съ барабаннымъ боемъ, двинулись въ Кремль, окружили дворецъ и потребовали выдачи Нарышкиныхъ.

Чтобы успокоить бунтовщиковъ, Наталья Кирилловна, окружонная боярами, вышла на красное крыльцо ведя обоихъ царевичей за руки. Маститый бояринъ Матвѣевъ, указывая на царевича Іоанна, кротко говорилъ стрѣльцамъ, что ихъ обманули, что царевичъ, какъ сами они видятъ, живъ и здоровъ и ему никто не угрожалъ. Тоже самое подтвердилъ и царевичъ Іоаннъ.

Видя, что царевичъ живъ и слыша кроткій голосъ уважаемаго боярина Матвѣева, стрѣльцы были озадачены и было затихли; но не такого результата хотѣли предводители возстанія; они стали увѣрять стрѣльцовъ, что царевичъ не былъ лишонъ жизни вѣроятно вслѣдствіе какой нибудь случайности, но что ему грозитъ неминуемая погибель отъ Нарышкиныхъ.

Можетъ быть эта клевета и неудалась-бы злоумышленникамъ, но имъ помогъ ненавидимый стрѣльцами ихъ главный начальникъ, тотъ же дряхлый князь Долгорукій, который, вдругъ вмѣшавшись въ дѣло, началъ кричать на стрѣльцовъ и приказывалъ имъ разойдтись, угрожая строгимъ наказаніемъ.

Привиденные въ ярость угрозами князя, бунтовщики вскочили на крыльцо и сбросили оттуда своего начальника на подставленныя копья и бердыши, которыми потомъ разрубили его на части. Также убитъ былъ Матвѣевъ и нѣсколько другихъ бояръ, которые мѣшали Софьи. Братъ Царицы Иванъ Кирилловичъ умеръ измученный и пытаемый бунтовщиками; дома убитыхъ были разграблены до основанія.

Но этимъ еще не окончились дѣянія мятежниковъ; они измѣнили присягѣ Петру и провозгласили царями обоихъ братьевъ, Петра и Іоанна, т. е. добились небывалаго въ Россіи двоевластія, и, такъ какъ устрашенныя кровавыми похожденіями стрѣльцовъ, народъ и бояре не смѣли противорѣчить имъ, то они за-

ставили боярскую думу признать полновластной правительницей государства, по малолѣтству братьевъ, царевну Софью.

Кромѣ того, заставили правительство признать свои злодѣйскіе подвиги за государственную заслугу, и почтить ея памятью, поставивъ столбъ съ надписью и въ ней наименовать убійцъ *надворною стражею.*

Достигнувъ цѣли, т. е. сдѣлавшись правительницей, Софья щедро наградила главныхъ виновниковъ и руководителей бунта въ ея пользу; прибавила жалованья стрѣльцамъ, дала имъ разныя льготы и поставила въ главные начальники надъ ними, по ихъ желанію, князя Хованскаго, послѣдователя раскола; раскольниковъ было уже много между стрѣльцами.

Пользуясь постоянными милостями правительницы, явнымъ потворствомъ со стороны своего главнаго начальника князя Хованскаго, безпокойные стрѣльцы почти съ каждымъ днемъ начали болѣе и болѣе обнаруживать своевольства, обращаясь съ новыми, безразсудными требованіями къ правительству, и ежеминутно готовы были къ новому бунту.

Теперь этимъ грознымъ настроеніемъ и безнаказанностью стрѣльцовъ, слабостію правительства, воспользовались, въ свою очередь, нѣсколько человѣкъ фанатиковъ—старовѣровъ, между которыми особенною закоренелостію выдавался растриженный священникъ Никита, прозванный *Пустосвятомъ.*

Съ вѣдома князя Хованскаго, Никита *Пустосвятъ,* собравъ въ одинъ прекрасный день громадную толпу старовѣровъ-стрѣльцовъ и таковой-же черни, и отправился съ ними въ Кремль, окруживъ дворецъ; старовѣры передъ краснымъ крыльцомъ разставили аналои, разложили на нихъ свои старовѣрскія книги, затеплили восковыя свѣчи и громко, и дерзко стали вызывать патріарха на состязаніе о вѣрѣ. Народъ толпами началъ стекаться изъ города въ Кремль, чтобы присутствовать на этомъ невиданномъ состязаніи, которое однако, въ случаѣ не только успѣха, но даже въ случаѣ дальнѣйшаго потворства со стороны правительства, грозило охватить волненіемъ всю Россію и вовлечь ее въ неисчислимыя бѣдствія.

Только въ эту минуту Софья увидала, наконецъ, свою ошибку въ протворствѣ срѣльцамъ, но уже было поздно; на этотъ разъ нужно было уступить требованію стрѣльцовъ, такъ какъ она сознавала, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи силъ подавить дерзкую выходку *надворной стражи,* готовой взбунтоваться при малѣйшемъ намѣреніи со стороны правительства привести ее къ повиновенію силой.

Сохранивъ наружное спокойствіе, Софья приняла и челобитную и чтобы обличить ихъ въ нелѣпыхъ толкахъ, повелѣла патріарху созвать соборъ изъ высшаго духовенства и свѣтскихъ чиновъ, и въ грановитой палатѣ учинить разборъ старыхъ и новыхъ

книгъ. Старовѣрскимъ вожакамъ также было дозволено присутствовать на этомъ соборѣ.

Въ назначенное время изувѣры съ книгами, со свѣчами явились въ грановитую палату и началось разсужденіе о вѣрѣ, въ присутствіи обоихъ царей, правительницы и всего двора.

Іерархи тщательно разсмотрѣли каждый пунктъ челобитной и безъ большаго труда доказали всю нелѣпость толкованій старообрядцевъ.

Видя слабость своего ученія, Никита Пустосвятъ до того озлобился на одного изъ ревностныхъ защитниковъ православія, епископа холмогорскаго Аѳанасія, что бросился на него и его едва могли удержать; онъ готовъ былъ задушить мудраго учителя.

Эта дерзкая выходка сгубила Никиту Пустосвята и его собратовъ—фанатиковъ, бунтовавшихъ народъ: Софья со слезами обратилась къ выборнымъ отъ стрѣльцовъ и стала ихъ укорять, что допускаютъ разнымъ непотребнымъ людямъ заводить бунтъ въ ея присутствіи и оказывать явное неуваженіе царскому достоинству.

Укоризны Софьи сильно подѣйствовали на стрѣльцовъ, которые ясно увидѣли въ Никитѣ только безрасуднаго бунтовщика; а потому, изъявивъ преданность престолу, они отдали Никиту пустосвята въ распоряженіе правительницы, который и былъ казненъ, а остальные его сообщники частію были сосланы, остальные-же разбѣжались въ разныя стороны.

Не смотря однако на такой благопріятный исходъ этого опаснаго дѣла, государству грозило новое, не менѣе опасное, зло: князь Андрей Хованскій всевозможнымъ потворствомъ и ласковымъ обращеніемъ успѣлъ такъ расположить къ себѣ и къ своему сыну подначальныхъ ему стрѣльцовъ, что безъ всякой боязни сталъ обнаруживать смѣлыя, честолюбивые замыслы добиться первенствующей роли въ государствѣ, и даже, какъ ходила молва, дерзалъ думать о тронѣ.

Софья хорошо знала о безграничной преданности стрѣльцовъ къ князю Хованскому и открыто не въ силахъ была ничего ему сдѣлать, не смотря даже на то, что явное неповиновеніе правительству и даже именнымъ царскимъ указамъ давало ей право строго взыскать съ него, какъ съ бунтовщика противъ державной власти.

Въ виду такихъ объстоятельствъ, правительница рѣшилась хитростью уединить отъ стрѣльцовъ и погубить опаснаго Хованскаго. Удалившись по обыкновенію въ Троицкую лавру, Софья вызвала туда князя Хованскаго съ старшимъ сыномъ, будто-бы для объясненія по дѣламъ, но на дорогѣ велѣла ихъ схватить и безъ суда отрубить обоимъ головы. Ничего не подозрѣвая, Хованскіе выѣхали изъ Москвы и ихъ на дорогѣ, какъ было приказано, умертвили.

Съ паденіемъ Хованскаго самовластное правленіе Софьи было обезпечено. Правда, на первыхъ порахъ стрѣльцы было взбунтовались и даже вооруженной силой вздумали требовать удовлетворенія у правительницы за смерть своего любимаго начальника, но Софья поспѣшила укрыться въ тотъ-же Троицкій монастырь и призвала на помощь городовыя дружины. Тогда стрѣльцы, увидѣвъ свое безсиліе, принесли повинныя головы царевнѣ и выдали главныхъ виновниковъ новаго мятежа, которые были лишены жизни и затѣмъ все затихло.

Съ той поры Софья обратила все свое вниманіе на дѣла внѣшнія и повсюду имѣла успѣхъ. Такъ она окончила тридцатилѣтній споръ за Малороссіею, заключивъ въ 1686 году вѣчный миръ съ польскимъ королемъ Яномъ Собесскимъ, который, наконецъ, отказался отъ всѣхъ городовъ и земель уступленныхъ Россіи, при государяхъ Алексѣй Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Послѣ этого важнаго договора съ Польшей Софья гордо подняла голову и стала даже думать о томъ, чтобы на всегда укрѣпить за собой верховную власть; она уже начала подписываться самодержцей.

Чтобы представить народу свое правленіе блестящимъ, какъ устройствомъ внутреннихъ дѣлъ, такъ и побѣдами, Софья снарядила до 200,000 хорошо вооруженнаго войска и двинула его въ Крымъ подъ предводительствомъ своего фаворита и главнаго совѣтника, князя Василія Васильевича Голицына, который однако воротился безъ всякаго успѣха. Неудачу успѣли свалить на плечи невиннаго малороссійскаго гетмана Самойловича и его, лишивъ гетманскаго достоинства, сослали въ Сибирь, а Голицынъ былъ награжденъ по-царски, какъ побѣдитель.

Желая загладить неудачу перваго похода, Софья вскорѣ снарядила опять войско и предприняла второй походъ въ Крымъ, подъ главнымъ начальствомъ того-же Голицына, который безполезно простоялъ съ войсками нѣкоторое время подъ незначительной татарской крѣпосцой, Перекопомъ, вошелъ съ крымскимъ ханомъ въ переговоры и, заключивъ ни къ чему ни ведущій миръ, возвратился въ Москву.

Правительница однако и тутъ не задумалась: она опять встрѣтила Голицына и его сподвижниковъ, какъ блестящихъ побѣдителей и осыпала ихъ наградами и милостями.

Но, когда мнимые побѣдители пошли благодарить за награды царя—Петра, то Петръ мало того, что не принялъ ихъ, но даже выказалъ большое неудовольствіе на царевну за то, что она наградила людей, съ которыхъ справедливѣе слѣдовало взыскать за бездѣйствіе и безполезную потерю войска.

Въ то время Петръ ужъ достаточно возмужалъ и былъ даже женатъ. И между тѣмъ какъ Софья помышляла вѣнчаться на

царство, Петръ сталъ предъявлять свои права на власть и требовалъ, чтобы царевна сложила съ себя званіе правительницы.

Столкновенія между ними стали повторяться чаще и чаще. Такъ однажды, во время крестнаго хода, Петръ подошелъ къ сестрѣ и сказалъ ей, чтобы она, наперекоръ обычая, не слѣдовала за ходомъ. Софья не послушалась и пошла. Тогда Петръ вышелъ изъ процессіи и уѣхалъ съ родительницей изъ Москвы въ свое любимое село Преображенское.

Софья увидѣла, что такъ продолжаться долго не можетъ; не нынче такъ завтра, а нужно будетъ уступить власть Петру, а уступить она не хотѣла, во чтобы-то ни стало.

Въ средствахъ Софья не любила стѣсняться, а потому и рѣшила—или Петръ или она! Клевреты ея уже начали волновать стрѣльцовъ и подговаривали ихъ вступиться за церевну. Мало того, Шакловитый, преданный душою и тѣломъ Софьи, и поставленный ею въ начальники стрѣлецкаго приказа на мѣсто кн. Хованскаго, рѣшился даже посягнуть на жизнь Петра. Но провидѣнію не угодно было допустить злодѣя до цареубійства; въ роковую ночь два стрѣльца прискакали въ Преображенское и предупредили Петра о задуманномъ злодѣйствѣ. Петръ сѣлъ на коня и ускакалъ вь Троицкую лавру, куда тотчасъ-же стало стекаться къ нему множество приверженцевъ; правительницу-же покинули почти всѣ, кромѣ Шакловитаго. Петръ потребовалъ отъ нея выдачи Шакловитаго и удаленія ея самой въ Новодѣвичій монастырь. Софья принуждена была уступить и смиренно удалилась въ монашескую келью. Шакловитый былъ казненъ, Голицынъ удаленъ изъ Москвы въ ссылку.

Послѣ всего этого Петръ съ громадной пышностію въѣхалъ въ Москву и принялъ на себя управленіе государствомъ,

Заря обновленія взошла надъ русской землей!

Обзоръ государственной, общественной и частной жизни Русскаго народа до Петра I.

Верховная власть въ Россіи принадлежала Рюрикову дому и по пресѣченіи его, когда миновали времена самозванщины, царствованія Бориса Годунова и Василія Шуйскаго, она перешла къ дому Романовыхъ, до нынѣ благополучно царствующему. До Іоанна III, принявшаго титулъ «государя царя и великаго князя» надъ русскимъ государствомъ, оно управлялось княземъ; а потомъ, по раздѣленіи на удѣлы, всѣми наличными членами Рюрикова дома князьями, изъ котырыхъ старѣйшій назывался великимъ княземъ, но дѣйствительной власти надъ своими родственниками и надъ землями ихъ не имѣлъ, довольствуясь только властію надъ тѣмъ городомъ, гдѣ онъ сидѣлъ, такъ какъ

каждый князь былъ совершенно самостоятеленъ въ своемъ удѣлѣ, хотя иногда бывалъ въ зависимости отъ великаго князя или просто князя, но это только уступая одной силѣ. Во время же господства надъ Русью Золотой—Кипчакской орды, князья повиновались хану ея, что выражалось платежемъ ему дани, поѣздками въ орду на поклонъ, посылкой подарковъ, пріемомъ ханскихъ пословъ и т. п.; но вмѣшательство монголовъ въ отношенія князя къ его подданнымъ ни когда не было, и потому можно утверждать, что князь правилъ своимъ удѣломъ,—самодержавно, то-есть соединялъ въ своихъ рукахъ власть законодательную, правительственную и судебную, никѣмъ и ничѣмъ неограниченную. Съ воцареніемъ Іоанна III, въ Россіи утвердилось единодержавіе, такъ какъ государи Московскіе, истинные собиратели земли русской, соединили, при различныхъ обстоятельствахъ и по разнымъ поводамъ, всѣ русскія области въ одно государство московское, и тѣмъ положили конецъ дробленію Руси и смутамъ удѣльнаго властительства князей—Рюриковичей. Постоянной формой правленія въ Россіи осталось и послѣ Іоанна III самодержавная, неограниченная монархія. Уклоненіе отъ этого явилось, и то какъ дѣло неслыханное на Руси, при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, который, соглашаясь на требованіе бояръ, устроившихъ избраніе его въ цари, далъ клятву не казнить смертью безъ боярскаго суда и не отбирать имущества преступниковъ, а передавать его законнымъ наслѣдникамъ,—это послѣднее ограниченіе власти Шуйскаго было постановлено боярами потому, что они знали его ужасное корыстолюбіе. Подобное случилось при избраніи польскаго королевича Владислава на престолъ московскій, но предложенныя ему ограниченія власти имѣли цѣлью только, чтобы иностранецъ Владиславъ не нарушилъ исконнаго порядка жизни русскаго народа; между тѣмъ, какъ избирая Бориса Годунова и даже родоначальника дома Романовыхъ, царя Михаила Ѳеодоровича, еще юнаго и въ дѣлѣ правленія неискушеннаго, имъ ничего не было предложено.

Особа государя и даже членовъ его семейства была священна, не подлежала земному правосудію и охранялась отъ личныхъ оскорбленій страшными карами. Государь имѣлъ титулъ, который измѣнялся сообразно обстоятельствамъ. Въ сношеніяхъ съ другими державами писался полный, въ указахъ, жалованныхъ грамотахъ сокращенный; пропускъ въ титулѣ со стороны иностранныхъ державъ велъ иногда даже къ войнѣ съ ними. Іоаннъ III имѣлъ такой титулъ: «Божіею милостію, великій государь русскія земли, великій кназь Иванъ Васильевичъ, царь всея Руси, владимірскій, московскій, новгородскій, псковскій, тверской, югорскій, вятскій, пермскій, болгарскій и иныхъ.» Этотъ титулъ распространенъ былъ Іоанномъ IV, завоевавшимъ Казань и Сибирь слѣдующимъ: «царь казанскій, царь астраханскій, всея сибирскія земли

и сѣверныхъ странъ повелитель и государь лифляндскія земли.» При сынѣ Грознаго Ѳеодорѣ Іоанновичѣ добавлено было: «всея Руссіи самодержецъ.» Титулъ-же Алексѣя Михайловича былъ таковъ «государь, царь и великій князь всея великія, малыя и бѣлыя Россіи, литовскій, волынскій, подольскій и т. д..... и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ, отчичъ, дѣдичъ и наслѣдникъ, государь и обладатель.» Сокращенный титулъ былъ: «государь, царь и великій князь всея великія, малыя и бѣлыя Россіи.»

Во время удѣловъ престолъ великокняжескій переходилъ къ старшему въ родѣ, отъ отца не къ сыну, а къ брату. Такой порядокъ держался въ древней Руси, какъ остатокъ быта родоваго, гдѣ старѣйшина рода былъ всегда старшій въ родѣ; а сознаніе, что и дѣти имѣютъ право на равную между собой часть изъ отцовскаго достоянія, повело къ образованію удѣловъ. Іоаннъ III установилъ иной порядокъ, а именно: престолъ переходитъ по праву первородства въ прямой нисходящей линіи, наслѣдникъ въ 15-ть лѣтъ считается совершеннолѣтнимъ; но если до достиженія этого возраста, ему приходилось вступить на тронъ, то для управленія назначалась земская дума изъ родственниковъ по женѣ покойнаго царя и именитѣйшихъ сановниковъ государства.

Восшествіе на престолъ сопровождалось вѣнчаніемъ на царство. Во времена князей былъ только обрядъ занятія стола отцовскаго и дѣдовскаго, поставленнаго въ соборной церкви столицы; причемъ народъ приносилъ присягу. Іоаннъ-же III, задумавъ передать царство внуку своему Димитрію, сыну Іоанна младаго, мимо сына Василія, чего въ дѣйствительности не исполнилъ,—пожелалъ вѣнчать его въ соборной церкви Успенія Богородицы въ Москвѣ. Въ назначенный день толпы народныя наполнили Кремль, митрополитъ съ духовенствомъ встрѣтилъ государя и его внука. По вступленіи въ храмъ, Димитрій былъ поставленъ на амвонѣ, около котораго на приготовленномъ мѣстѣ лежали шапка мономаха и бармы, (*) а Іоаннъ и митрополитъ сѣли на возвышеніи на особо устроенныя мѣста, затканныя богатою парчею. Тогда Іоаннъ громко произнесъ, что онъ благословляетъ внука своего Димитрія тѣмъ-же, чѣмъ благословили и отца его Іоанна младаго, именно: великимъ княжествомъ владимірскимъ, московскимъ и новгородскимъ и повелѣлъ, въ свою очередь, митрополиту благословить Димитрія. Митрополитъ вошелъ на амвонъ, возложилъ руки на голову Димитрія и громко молилъ Бога, чтобы ниспослалъ юному князю Свою благодать, укрѣпилъ его разумъ и умудрилъ со временемъ со славою править своимъ народомъ. Затѣмъ владыко подвелъ къ Іоанну внука и поставилъ его передъ

(*) Великому князю кіевскому Владиміру Мономаху,—послалъ въ подарокъ дѣдъ его по матери византійскій императоръ Мономахъ шапку и, кромѣ того бармы—цѣпи золотыя съ образками.

нимъ, а великій князь возложилъ на голову Димитрія вѣнецъ мономаховъ и на плечи бармы, поданные митрополитомъ. Димитрій въ вѣнцѣ обошелъ всѣ церкви, а при выходѣ изъ церкви Успенія дядя его Юрій обсыпалъ его золотой монетой, какъ это дѣлалось на свадьбахъ царей. Послѣ многолѣтія Іоанну и Димитрію во дворцѣ былъ большой пиръ. Мѵропомазаніе царей началось съ Ѳеодора, сына Грознато, митрополитъ говорилъ при этомъ царю объ обязанностяхъ его и, послѣ того, пріобщалъ св. тайнъ.

Во время вѣнчанія царя на царство, народъ приносилъ ему присягу; въ ней было сказано, что подданные клянутся умереть за св. вѣру, царя и отечество, не будутъ колдовствомъ и чародѣйствомъ изводить царя и его семейство, вынимать для того-же царскій слѣдъ и доносить все, что касается къ пользѣ государевой. Эта присяга установлена Борисомъ Годуновымъ.

Начиная съ Василія, сына Іоанна III, русскіе государи начали жениться на дочеряхъ своихъ подданныхъ. Прежде этого великіе князья брали себѣ невѣсть изъ Греціи, сосѣдней Польши, даже у хановъ половецкихъ, но съ Василія и до Петра великаго, по указу царя, дворяне, безъ различія ихъ чиновъ, богатства и родовитости, свозили въ Москву своихъ дочерей на показъ, и царь той, которая понравилась ему, давалъ платокъ; чѣмъ выбиралъ ее въ царицы: она тотчасъ-же получала титулъ «высоконареченной княжны невѣсты» упоминалась на эктиніи и до брака жила во дворцѣ. Доказательствомъ того, что цари наши не обращали вниманія на знатность рода и богатство невѣсты, а только на личныя качества, служитъ женитьба Іоанна Грознаго третьимъ бракомъ на дочери новгородскаго купца, Марьи Собакиной, и царя Михаила Ѳеодоровича вторымъ бракомъ на дочери однодворца села Покровскаго, подъ Москвой, Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, чему даже противилась мать его великая инокиня Марфа. Послѣдствія подобныхъ браковъ царей съ подданными въ иныхъ случаяхъ, имѣли печальныя послѣдствія, такъ какъ этимъ путемъ приближались къ царю люди часто корыстные и недобросовѣстные; но благодаря родству ихъ съ царицей, а иногда они уже приходились дядями и самому царю,—надо было щадить ихъ и не обращать вниманія на ихъ претѣсненія народа или, зная ихъ неспособность къ дѣламъ, — вручать имъ важныя должности, что приносило немалый вредъ государству, тогда еще молодому и неокрѣпшему. Если дворъ великихъ князей русскихъ не отличался особою пышностью, то царскій дворецъ былъ наполненъ придворными, боярами и всякихъ чиновъ людьми, одѣтыми въ парчевыя, низанныя жемчугомъ, одежды съ золотыми гривнами на груди, въ бархатныя шубы и кафтаны съ собольей отторочью, въ высокія дорогихъ мѣховъ шапки. Царь возсѣдалъ во время торжественныхъ пріемовъ, особенно пословъ иностранныхъ, въ златотканной одеждѣ, низанной жемчугомъ и драгоцѣнными ка-

меньями, въ коронѣ и съ реликвіями царскими, на серебряномъ литомъ тронѣ, окруженномъ стражей съ сѣкирами, а по стороны палаты сидѣли, на особо украшенныхъ сѣдалищахъ слоновою костью и дорогими металлами, архіереи и бояре. Дворомъ государевымъ, правили: 1) дворецкій, нынѣ оберъ-гофмаршалъ, 2) кравчій, завѣдующій столомъ царскимъ, 3) чашникъ,—медами и виномъ. Затѣмъ дворами житнымъ, хлѣбнымъ и друг. управляли степенные ключники, 4) конюшій—нынѣ оберъ-шталмейстеръ, его помощникъ, 5) ясельничій, который завѣдывалъ столповыми прикащиками, стремянными и другими чинами по конюшенному вѣдомству, 6) сокольничій и ловчій—царской соколиной и звѣриной охотой, 7) стряпчіе съ ключемъ отъ царскихъ покоевъ,—нынѣ камергеры, 8) постельничій—смотрѣлъ за царской опочивальней, 9) стряпчіе держали посохъ, шапку и другіе вещи царя, 10) шатеросичій смотрѣлъ за украшеніемъ царскихъ палатъ, 11) оружейничій—за оружьемъ, 12) казначей—за сокровищами царя, и множество другихъ лицъ, въ томъ числѣ рынды—стража у трона, были при дворѣ царя. Наконецъ, стольники, подававшіе кушанья за царскимъ столомъ и охранявшіе государя въ походѣ; имъ иногда поручались въ управленіе города и ихъ назначали даже воеводами надъ войскомъ. Пиры во дворцѣ продолжались до полночи, а за столы садились послѣ обѣдни; числу блюдъ не было конца, вино и медъ пили, изъ саженныхъ серебряныхъ кубковъ, ковшами тоже чистато серебра и вообще столъ царскій ломился отъ золотой и серебряной посуды. Послы чужеземные удивлялись роскоши двора московскихъ государей, обилію рѣдкихъ пушныхъ мѣховъ, обилію серебра и золота, многочисленности придворныхъ и бояръ, сотнямъ блюдъ разныхъ яствъ, подаваемыхъ къ царскому столу, на которымъ нерѣдкость было встрѣтить лебедей и павлиновъ, искусно приготовленныхъ царскими поварами; а въ постные дни рѣдкія рыбы сѣверныхъ рѣкъ и морей своей величиной и рѣдкостью изумляли иностранца. Польскій дворъ, во время даже цвѣтенія Польши, не могъ-бы соперничать съ роскошью двора московскаго, особенно въ XVII столѣтіи.

Извѣстно, что вмѣстѣ съ первыми князьями пришли изъ Скандинавіи къ славянамъ и дружины сподвижниковъ ихъ, состоявшіе тоже изъ именитыхъ людей. Дружинники были около князя, всегда ходили съ нимъ на войну, а въ мирное время ѣздили въ города правителями, изъ нихъ тіуны—судили народъ. Дружинники были разныхъ степеней: высшіе — назывались боярами, были по преимуществу совѣтники князя, воеводы и намѣстники областей, и низшіе — отроки, мечники, гридни и тіуны. Эти приближенные князя были его тѣлохранителями, сопровождали его на охоту, на войну; гдѣ нужно было, проливали за князя и новое отечество свою кровь. Князь-же съ своей стороны дѣлилъ съ ними добычу, устроивалъ для нихъ пиры, давалъ имъ жалованье

и частые подарки, стараясь всѣми мѣрами привязать ихъ къ себѣ. И это было предусмотрительно, если припомнить слова Владиміра св: «съ золотомъ и серебромъ дружины не найдемъ, а съ дружиной добудешь и то, и другое.» Въ дружину стали входить и нѣкоторые именитые славяне, которые тоже тамъ возвышались иногда въ бояре. При раздѣленіи Руси на удѣлы, число дружинниковъ увеличилось: каждому князю нужно было имѣть своихъ бояръ и отроковъ, но никогда не лишались они права, какъ люди благородные и свободные, отъѣхать отъ одного князя къ другому. Въ это время всѣ, кромѣ бояръ, получили новое названіе: «дворянъ и служилыхъ люди,» и тѣмъ положили начало существованію въ Россіи дворянства, какъ высшаго служилаго сословія землевладѣльцевъ, такъ какъ князь почти каждаго служилаго человѣка надѣлялъ землей, помѣстьемъ; сверхъ того, на Русси появился еще классъ землевладѣльцевъ, называемый боярскими дѣтьми. Сначала дѣйствительно дѣти боярскіе происходили изъ высокихъ боярскихъ родовъ, но сами почему-либо не могли служить государю, такъ честь имъ оказывалась по заслугамъ отцевъ, тѣмъ что славянскія племена всегда относятся съ особеннымъ почтеніемъ къ дѣламъ предковъ своихъ. Кромѣ того, каждый бояринъ былъ на столько богатъ, что дѣти боярскіе, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, въ началѣ русской государственной жизни получали въ наслѣдство, или въ выдѣлъ, большія помѣстья отъ отцевъ, и были малочисленны. Когда-же этотъ разрядъ умножился, и уже не сыновья боярина, а только потомки ихъ носили тоже названіе дѣтей боярскихъ,—то и крупные собственники между ними исчезли, вслѣдствіе дробленія земли дѣтямъ поровну, и потому явился изъ нихъ классъ мелкихъ собственниковъ, но уже многочисленный. Въ случаѣ войны дѣти боярскіе садились на коней и, вооруживъ всѣхъ своихъ людей, ѣхали на помощъ своему государю; въ это время они являлись, какъ будто-бы земскимъ ополченіемъ, и потому часто за услуги и жертвы ихъ великій князь жаловалъ ихъ мечниками, отроками,—чѣмъ они входили уже въ сословіе дворянъ, а иные изъ нихъ достигали иногда и сана боярскаго. Не рѣдко великій князь, или князь, жалуя помѣстье простолюдину и обязывая его за это службой, переводилъ его этимъ самымъ въ разрядъ дѣтей боярскихъ, чтобъ это полезное сословіе умножилось, и наконецъ всѣ дѣти боярскіе включены были въ дворяне, но только съ нѣкоторыми ограниченіями ихъ правъ. По перенесеніи стола великокняжескаго въ Москву, явилось тамъ при дворѣ, кромѣ бывшихъ мѣстныхъ служилыхъ людей, еще множество пріѣхавшихъ изъ присоединяемыхъ, время отъ времени къ Москвѣ, удѣльныхъ княжествъ. Когда значеніе Москвы увеличилось и княжескія семейства, потерявшія удѣлы, искали чести быть боярами государя московскаго, а со вступленія на престолъ Романовыхъ встрѣчаются въ низшихъ придворныхъ должностяхъ даже князья ста-

рѣйшихъ линій потомства св. Владиміра, и хотя они носятъ княжескій титулъ, но со временъ еще Грознаго считаютъ себя только русскими дворянами, утерявъ всякое воспоминаніе прошлаго своего величія, и гордясь только своею службою государю. Чужеземцы изъ Литвы и Польши, а также знатные князья Крыма и Казани, потерпѣвъ опалу отъ своихъ государей, отъѣзжаютъ къ Москвѣ и входятъ въ составъ дворянства русскаго.

Если много знатности, родовитости и богатства встрѣчается на западѣ, въ средѣ феодальнаго дворянства, то въ Россіи часть дворянъ составляютъ потомки державныхъ князей русскихъ и царей татарскихъ; слѣдовательно, дворянство русское своею знатностью превосходитъ сосѣднихъ потомковъ феодальной аристократіи. Отличительная черта нашего дворянства есть его стремленіе къ службѣ государю и государству, которая даже до Екатерины II великой была обязательна для дворянства. Въ Россіи не мыслимъ былъ не служилый дворянинъ, а каждый имѣлъ свою должность, свое служебное значеніе не зависимо отъ того бояринъ-ли онъ, или изъ думныхъ людей, или изъ стольниковъ. Государи помнили заслуги отцевъ и за то возвышали дѣтей ихъ, а тѣ, въ свою очередь, гордились этимъ и старались въ своей службѣ превзойдти заслуженныхъ предковъ; но вредъ оттого обнаружился въ появленіи ссоръ, между членами разныхъ родовъ, въ спорѣ о старшинствѣ рода предковъ ихъ, что породило въ концѣ концовъ мѣстничество. Оно заключалось въ слѣдующемъ: были заведены особыя книги, въ которыя заносились боярскіе и просто дворянскіе роды, съ обозначеніемъ ихъ мѣста, какое они должны занимать въ средѣ своего сословія.

На пирахъ царскихъ, когда садились за столъ, то каждый занималъ отъ царя то мѣсто, которое принадлежало роду его. Если царь иногда за круговой чашей хотѣлъ наградить кого нибудь, изъ своихъ приближенныхъ, и указывалъ ему сѣсть выше, то тѣ, которымъ жалуемому должно было уступить мѣсто, оказывали страшное сопротивленіе: они забывали о присутствіи царя, иногда такого грознаго какъ Іоаннъ IV, шумѣли, толкались, лезли подъ столъ и навлекали тѣмъ еще большую опалу на свои головы. Это происходило отъ того, что если нынѣ князю Одоевскому, сидѣть указано подъ кн. Оболенскимъ, то и весь родъ Одоевскихъ, хотя бы въ числѣ ихъ были первые вельможи двора, долженъ быть пониженъ въ книгахъ мѣстничества и тогда ни одному Одоевскому, до новой воли царя не сидѣть выше Оболенскихъ. Послѣдствія мѣстничества на войнѣ были печальнѣе всего. Такъ пока воеводы спорятъ, кому подъ кѣмъ быть, взвѣшиваютъ заслуги предковъ и спорятъ о своихъ, нисколько не думая о взаимодѣйствіи, объ общемъ натискѣ на врага, согласно вмѣстѣ выработанному плану, что составляетъ всегда истинный залогъ побѣды,—непріятельскіе полководцы, совсѣмъ не знавшіе мѣстничества, безъ вся-

каго соперничества, дружно нападали на русскія войска и разбивали ихъ на голову; такими примѣрами полна военная исторія этого времени, и гибельность послѣдствій такого порядка была не исчислима для московскаго государства. По этому требовалась большая осторожность при назначеніи начальниковъ войска и опредѣленіи ихъ взаимной подчиненности; при этомъ личныя достоинства отходили на задній планъ, а обращалось вниманіе, чтобъ родотый не былъ подъ рукой у менѣе знатнаго воеводы. Оттого то часто люди неспособные возвышались надъ даровитыми и, не слушая ихъ совѣтовъ, теряли безплодно государевы войска и не пользовались, какъ должно, плодами побѣдъ случайныхъ своихъ. Благодаря мѣстничеству, дворяне не имѣли единодушія, постоянно вели между собой тяжбы, для разбора которыхъ существовало въ Москвѣ особое мѣсто «рязрядъ» и часто за упрямство въ своихъ домогательствахъ, безъ ропота, несли страшныя уголовныя кары, какъ-то: битье батогами, ссылку въ Сибиръ и выдачу «на правежъ» обиженному; послѣднему даже подвергся князь Пожарскій по спорамъ его съ бояриномъ Салтыковымъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ разомъ покончилъ важный вопросъ о мѣстничествѣ, приказавъ сжечь разрядныя книги.

Дворяне въ XVI столѣтія дѣлились такъ. 1) Бояре были первые вельможи царя. Они засѣдали въ царской думѣ, имъ поручались важнѣйшія должности: главныхъ воеводъ на войнѣ, пословъ и т. д. и дозволялось имѣть свиту. 2) Окольничіе тоже засѣдали въ думѣ, занимали должности по всѣмъ отраслямъ управленія, но только менѣе важныя, и часто бывали воеводами. 3) Думные люди, не имѣя званія боярскаго, засѣдали въ думѣ и подавали свой голосъ. Число бояръ и окольничьихъ было ограниченное, иногда пять, шесть человѣкъ, а въ послѣдней четверти XVII столѣтія ихъ было нѣсколько десятковъ.

Стольники и стряпчіе несли разныя обязанности при дворѣ: первые подавали на пирахъ царскихъ кушанья, а вторые блюли царскія одѣянія. Впрочемъ, на долю тѣхъ и другихъ выпадали часто и другія гораздо важнѣйшія службы: посольская, управленіе городами и водительство царскимъ войскомъ; но стряпчіе рѣдко занимали важныя должности. Число стольниковъ доходило иногда до 2,000—3,000 чел. Дворяне московскіе имѣли нѣсколько важнѣе порученія, чѣмъ дворяне городовые и боярскіе дѣти. Московскихъ дворянъ тоже иногда было до 2,000 человѣкъ, и изъ нихъ всегда выбирались тѣлохранители царскіе; для чего, кромѣ московскихъ, вызывались дворяне городовые и дѣти боярскіе въ числѣ 3,000 чел. подъ названіемъ «выборныхъ и жильцовъ.» Главное же, что изъ этого послѣдняго класса составлялось земское ополченіе, въ которомъ служили и крѣпостные люди на жалованьи отъ поставившаго ихъ дворянина. Многіе изъ дѣтей бояр-

скихъ достигали невысокихъ должностей: правителей небольшихъ городовъ, стряпчихъ и т. д.

Впослѣдствіи получившіе общее названіе дворянъ: всѣ эти бояре, придворные и служилые люди освобождены были, за ихъ службу, отъ платежа податей и несенія другихъ личныхъ налоговъ; имъ предоставлено было съ Бориса Годунова владѣть не только землями, но и крестьянами; а также открытъ свободный доступъ къ занятію всѣхъ государственныхъ должностей. За обязанность нести службу, мало того, что дворянамъ давали по сотнѣ и болѣе четвертей земли, но государь жаловалъ ихъ: шубами, кафтанами съ своего плеча, золотыми цѣпями и т. д., но высшая награда была та, что государь пошлетъ спросить о здоровьи заслужившаго милость его.

За дворянствомъ слѣдовало сословіе торговыхъ и промышленныхъ людей, а дѣленіе тогдашнее было на торговыхъ и служилыхъ. Это сословіе всегда находилось подъ покровительствомъ князей и государей русскихъ. Торговые люди имѣли слѣдующіе разряды: 1) гости, 2) гостинная, суконная и 3) черная сотни. Гости пользовались почти дворянскими правами; они также не платили податей, не несли никакихъ повинностей, торговали съ иностранными державами, не платя пошлинъ. Званіе это давалось государемъ и влекло за собой право имѣть крѣпостныхъ крестьянъ, бывать при дворѣ, судиться судомъ государя.

Гостинная и суконная сотни торговали оптомъ, не платя пошлинъ. Изъ этого разряда избирались таможенныя, кабацкія и другія головы. Черная сотня состояла изъ незначительныхъ торговцевъ, которые были въ тяглѣ и слѣдовательно несли всѣ повинности и налоги.

Служилымъ же людямъ государь давалъ земли, рыболовныя озера и, кромѣ того, они занимались мелкими промыслами, пользуясь льготами за свою службу. Служилые люди были стрѣльцы, пушкари, стольничники и казаки.

Таково было разграниченіе этого сословія въ XVII вѣкѣ, а ранѣе, вскорѣ послѣ монгольскаго ига, торговля и промышленность Россіи была въ упадкѣ. Значеніе городовъ, которые были населены торговымъ и промышленнымъ людомъ, пало. Причина такого упадка заключалась въ томъ, что чужеземцы торговали у насъ «безданно и безпошлинно,» а на каждомъ мосту, у каждой заставы собиралась таможенная пошлина, не только государствомъ, но даже иными сильными землевладѣльцами. Нѣкоторые мѣстечки и посады добровольно записывались за какимъ нибудь вельможей, а потомъ, защищаемые имъ, занимались, безпошлинно и не неся налоговъ, торговлей и промыслами, чѣмъ еще болѣе подрывали промышленность городовъ. Этимъ послѣднимъ много вредили льготы монастырскія и разныхъ частныхъ лицъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ старался поднять упадокъ городовъ, но исполнить

это пришлось уже сыну его Алексѣю: онъ отмѣнилъ таможенныя заставы, убавилъ налоги, отнялъ у англичанъ даже право безпошлинной торговли, предоставивъ имъ для торговли только одинъ портъ Бѣлаго моря, Архангельскъ, а о другихъ нечего и говорить; льготы отъ монастырей и вообще всѣ тарханныя льготныя грамоты частнымъ лицамъ и селеніямъ были отобраны; а записавшіеся незаконно въ крѣпостные должны быть немедленно отписаны и считаться отчиною государевою. Эти мѣры благодѣтельно подѣйствовали на экономическій бытъ Россіи, и она побогатѣла настолько, что могла выдержать и со славой кончить борьбу съ Польшей и Литвой, присоединеніемъ Смоленска, свободой Малороссіи и навсегда возвращеніемъ Кіева, праматери городовъ русскихъ.

Низшее сословіе состояло изъ крестьянъ и холопей, изъ которыхъ первые не имѣли хотя своей земли, не было у нихъ и дворовъ, они были просто бездомовые люди, но свободны. Впрочемъ, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ свобода эта кончилась закрѣпощеніемъ этихъ крестьянъ.

Борисъ Годуновъ, самъ лично участвовавшій въ закрѣпленіи крѣпостныхъ, дозволилъ переходить отъ мелкихъ владѣльцевъ крестьянамъ, къ крупнымъ или мелкимъ, какъ они находили удобнѣе. Но это гуманное распоряженіе Бориса вскорѣ было отмѣнено, и кому принадлежалъ крестьянинъ — это было безразлично: его и духовенство, и дворяне, и гости могли всегда продать, но только вмѣстѣ съ землей. Кромѣ уголовныхъ преступленій, крестьяне были подсудны за всѣ другаго рода проступки суду своего господина и никогда не могли сойдти съ земли. Положеніе холоповъ было совершенно безправное. Владѣлецъ не имѣлъ права только убить своего холопа; но все остальное было во власти господина; между тѣмъ, какъ холопы были или русскіе люди, попавшіе въ кабалу по вѣчной, а иногда срочной записи, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, литовскіе плѣнники. О закрѣпленіи крестьнъ и до нынѣ осталась въ памяти народа пословица: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день.» Въ этотъ день крестьяне до Бориса переходили свободно отъ одного помѣщика къ другому.

Вмѣстѣ съ православною вѣрою Русь заимствовала отъ Византіи и церковное устройство, іерархію, номоканонъ или кормчью книгу и монастырскіе уставы. Первые митрополиты кіевскіе и и всея Руси были греки, слѣдовательно искусные въ церковномъ строительствѣ мужи, почему нашему низшему духовенству должно было только исполнять все, что дано Византіей, а не въ чемъ либо трудиться устроивать что либо вновь; при сомнѣніи лучшій истолкователь истинныхъ основаній церковнаго благоустройства митрополитъ не допустилъ бы чего либо противу православнаго, и вразумилъ сомнѣвающихся.

Хотя русская церковь называлась экзархатомъ Византіи, митрополитъ кіевскій подлежалъ суду патріарха Византійскаго и въ случаѣ сомнѣнія дѣла духовныя подлежали рѣшенію патріаршему; но на самомъ дѣлѣ русская церковь была и тогда въ полной независимости отъ церкви восточной.

Патріархъ безъ согласія великаго князя кіевскаго не могъ поставить въ санъ митрополита Россіи; а ежели патріаршаго согласія не давалось на посвященіе въ этотъ санъ желаемаго великимъ княземъ и епископами русскими—лица, то, и безъ этого дозволенія, митрополита имѣли право избрать всѣ епископы земли русской. Неограниченная власть разрѣшать окончательно церковныя дѣла и іерархическое подчиненіе русскаго духовенства распространялось только на представленіе въ Византію этихъ дѣлъ; самъ же патріархъ не могъ требовать на свое разрѣшеніе дѣло русской церкви, или уполномочивать кого либо на ревизію и ближайшее ознакомленіе съ устройствомъ русской церкви. Митрополиту кіевскому всегда патріархи Востока посылали свои грамоты, запечатанными свинцовою печатью, а не, по обыкновенію, воскомъ. Свинцовая же печать прикладывалась къ письмамъ, обращаемымъ къ коронованнымъ особамъ и, слѣдовательно, сами византійскіе патріархи сознавали, что митрополитъ кіевскій и всея Руси—лице самостоятельное и отъ нихъ независимое. Попеченіе о чистотѣ св. вѣры лежало всецѣло на митрополитѣ кіевскомъ и всея Руси съ 5-ю епископами, которыхъ онъ же посвящалъ и составлялъ съ ними освященный соборъ. По числу архіереевъ было, кромѣ кіевской старѣйшей, пять подчиненныхъ епископамъ епархій: новгородская, ростовская, владимірская на Волынѣ, бѣлгородская и черниговская. Духовная власть епископа въ своей епархіи никогда не порождала недоразумѣній съ паствой, потому что, во 1-хъ, была строго опредѣлена въ Византіи кормчею книгою, признанною у насъ за дѣйствующій церковный законъ и, во 2-хъ, мѣстное духовенство, въ полномъ его составѣ, избирало само себѣ архіерея, причемъ и князья имѣли участіе въ выборѣ; почему избиралось почти всегда лицо высокихъ добродѣтелей и, самое главное, признанное достойнымъ епископства, со стороны свѣтской власти и духовенства, а отсюда являлось мирное и чуждой всякой борьбы и многомятежности положеніе епископа въ своей епархіи. Его заботы по дѣламъ церковнымъ клонились къ сохраненію также чистоты св. вѣры, добрыхъ нравовъ, точнаго исполненія строгихъ монастырскихъ уставовъ и избранія на низшія духовныя мѣста свѣдующихъ и твердыхъ въ православіи и, важнѣе всего, добронравственныхъ лицъ, которыхъ епископъ самъ испытывалъ и затѣмъ посвящалъ. Сверхъ того, митрополитъ и епископы творили судъ надъ лицами низшихъ степеней духовенства, а по дѣламъ семейственнаго союза и за нарушеніе доброй нравственности, обрядовъ св. вѣры суду

духовному подлежали и міряне, и духовнымъ же властямъ принадлежало наблюденіе за вѣсами и мѣрами торговыми.

Все духовенство русское было избавлено со времени еще равноапостольнаго Владиміра отъ податей, отъ всѣхъ личныхъ повинностей, а земли монастырскія и др. принадлежащія духовенству—отъ всякаго поземельнаго налога. Даже во время ига монгольскаго, духовенство было освобождено отъ податей и налоговъ, такъ какъ ханы замѣтили глубочайшее уваженіе князей и народа къ духовенству, и громадное вліяніе его на русскій народъ, почему и хотѣли сказанной мѣрой привязать къ себѣ это вліятельное сословіе. Духовенство же, какъ всегда, истинный поборникъ всего христіанскаго, противъ магометанства и идолопоклонства, христіанскаго милосердія и справедливости противъ азіатскаго варварства и магометанскаго изувѣрства, — могло ли привязаться къ царю Золотой орды и дѣйствовать въ пользу его и мусульманскаго народа? Напротивъ, свобода отъ податей дала средство духовенству собрать средства на устройство укрѣпленныхъ монастырей, монахи которыхъ не только словомъ, матеріальною помочью, благословеніемъ своимъ на брань съ невѣрными облегчили русскому народу освободиться впослѣдствіи отъ ига, но даже лично участвовали въ битвахъ.

Никогда не было на Руси, со стороны властей духовныхъ, стремленія къ свѣтскому господству. Если они и участвовали въ распряхъ князей во времена удѣльныхъ усобицъ, то только словомъ своимъ и то въ видахъ одного умиротворенія, а не какъ западное римско-католическое духовенство, которое если гдѣ и дѣйствовало только словомъ, что впрочемъ было рѣдко, то всегда съ какими нибудь корыстными цѣлями. Тамъ на западѣ умиротвореніе враждующихъ государей было средствомъ къ возвышенію значенія духовенства, усиленія его вліянія на свѣтскія дѣла и иногда къ достиженію просто низкихъ корыстныхъ цѣлей, а на востокѣ, въ Россіи, духовенство православное примиряло удѣльныхъ князей ради достиженія только мира, согласно заповѣди Христа.

Но изъ упомянутаго не слѣдуетъ заключать, чтобъ православное духовенство не имѣло у насъ вліянія на свѣтскую власть и въ дѣлахъ свѣтскихъ значенія, авторитета; а извѣстно, что ходатайство за невинныхъ, за всѣхъ неправильно угнетенныхъ приносимое духовенствомъ русскимъ князьямъ и царямъ, а также сановникамъ и судьямъ, всегда уважалось, отчего росло еще большее уваженіе къ нему.

Путемъ убѣжденія, мѣрами кротости и примѣромъ своей жизни, исполненной евангельской простоты, распространяло духовенство русское высокое ученіе Христа въ далекихъ окраинахъ Руси, гдѣ еще въ дѣвственныхъ лѣсахъ гнѣздилось идолопоклонство. Такъ св. Стефанъ, юный монахъ, изучивъ языкъ пермянъ, при вели-

комъ князѣ Димитріѣ Донскомъ, ушелъ въ землю пермскую и жителей ея просвѣтилъ ученіемъ Христовымъ, и былъ первымъ той земли епископомъ. Въ памяти народа пермскаго сохранилось, что св. Стефанъ, только своимъ смиреніемъ, невыразимою силой слова и кротостью избавился отъ преслѣдованій со стороны жрецовъ, и привлекъ къ себѣ народъ, который назвалъ Стефана: апостоломъ пермскимъ, а св. церковь сопричла его къ лику святыхъ.

Ранѣе этого, при Юріѣ Долгорукомъ, и вся страна суздальская была обращена въ православіе также какъ и пермская: единственно убѣжденіемъ и кротостью.

Связь духовенства, особенно бѣлаго, съ русскимъ народомъ была крѣпка, потому что, кромѣ добрыхъ нравовъ и благочестивой жизни, духовные имѣли познанія и о странахъ далекихъ, и знало врачебную науку, и, наконецъ, священники и дьяконы бѣлаго духовенства женясь вступали въ родство съ народомъ, а монашествующіе давали въ своихъ монастыряхъ успокоеніе всѣмъ изгнаннымъ удѣльными усобицами, дѣтямъ—обученіе и вели нѣкоторые лѣтописи и временникъ, гдѣ записывали все, что было при нихъ въ землѣ русской, что они видѣли и слышали,—чѣмъ положили начало исторіи Россіи.

Когда историческія судьбы сѣверной и южной Руси сдѣлались различны, тогда и св. церковь, со времени собора флорентійскаго, при митрополитѣ Фотіѣ раздѣлилась, въ іерархическомъ только отношеніи, на самостоятельныя митрополіи: московскую и кіевскую.

Кіевская митрополія подпала игу польско-литовскому, измѣнила, вслѣдствіи чужеземнаго давленія, чистоту вѣроученія византійскаго и сильно страдала; а московская сохранила все принесенное отъ Константина—града, разбудила умственныя силы великой Россіи и помогала возвышенію государства московскаго своими совѣтами въ думѣ великокняжеской о важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ. Кромѣ значенія государственнаго, московская церковь пріобрѣла громадныя богатства пожалованьемъ льготъ, иначе сказать, тархонными грамотами государей, богатыми вкладами отъ нихъ же и отъ частныхъ лицъ жалованьемъ и доходами церковныхъ земель. Эти богатства до того были велики, что во время войны Москвы съ татарами и Польшей въ XVI ст. духовенство могло поставить и содержать нѣсколько полковъ.

Митрополиты московскіе, исполненные смиренія и кротости, постоянные думцы и совѣтники въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ и печальники за челобитчиковъ предъ государемъ, только наружно являлись въ тоже время могущественными сановниками церкви, окруженными всѣмъ блескомъ власти «міра сего.»

Благодаря несудимымъ граммотамъ, даваемымъ государями митрополиту, онъ самостоятельно творилъ духовный судъ; но въ случаѣ столкновенія духовнаго и гражданскаго вѣдомства дѣло разрѣшалось государемъ окончательно; слѣдовательно, онъ былъ

верховный судья. О зависимости митрополіи московской отъ восточныхъ патріарховъ не было и рѣчи, такъ какъ по покореніи Константинополя турками, митрополитъ избирался государемъ и ставился соборомъ русскихъ епископовъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. При митрополитѣ состояли, также какъ при царѣ, бояре, намѣстники, стольники и дворяне. Тіуны митрополичьи разбирали челобитныя, завѣдуя судопроизводствомъ судовъ духовныхъ. Все это могущество духовной власти зависѣло отъ воли и «милости» государя и если государь желалъ, то всегда могъ отобрать и ограничить право духовенства.

При сынѣ Грознаго, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, набожномъ и милостивомъ, для большаго преданія авторитета церкви, учреждено было патріаршество. Развѣ прибавленіе нѣкоторыхъ обрядовъ при богослуженіи патріаршемъ, согласно уставу византійской церкви, да титулъ «святѣйшаго» замѣтили современники; но сущность и объемъ власти патріарха остался безъ перемѣны. Введеніемъ патріаршества только формально была заявлена полная самостоятельность церкви россійской отъ восточныхъ патріатховъ, что въ дѣйствительности существовало всегда.

Десять патріарховъ управляли церковью впродолженіи 110 лѣтъ до Петра Великаго, а именно: 1) Іовъ во время Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова. 2) Ермогенъ при Василіи Шуйскомъ и въ смутное время самозванцевъ. Онъ уморенъ въ темницѣ голодною смертью поляками. 3) Филаретъ, въ мірѣ бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, отецъ царя Михаила Ѳеодоровича, получившій титулъ «великаго государя и патріарха.» 4) Іосафъ I, при томъ же государѣ. 5) Іосифъ. 6) Никонъ, поставленный въ царствованіе Алексѣя Михайловича и получившій титулъ также «великаго государя и патріарха,» умеръ въ Ярославлѣ на дорогѣ изъ заточенія. 7) Іосафъ II. 8) Питиримъ тоже при Алексѣѣ Михайловичѣ. 9) Іоакимъ и 10) Адріанъ, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича и брата его Петра Великаго, котораго этотъ великій государь, лишившись родителя, почиталъ за отца.

Патріархи всероссійскіе заботились объ благоустройствѣ церкви, исправленіи нравовъ духовенства и развитіи духовнаго просвѣщенія. Для этого патріархи усилили надзоръ епископскій за чистотою жизни низшаго духовенства, отказались отъ льготъ, данныхъ тархонными граммотами государей, такъ какъ сознавали, что этимъ путемъ увеличится благосостояніе государства, а также ввели согласное пѣніе, исправили богослужебныя книги, и затѣмъ ограничили умноженіе монастырскихъ земель, подтвердивъ всѣ мѣры къ этому царемъ Іоанномъ IV принятыя. Сверхъ того въ Москвѣ была учреждена славяно-греко-латинская академія; задача ея была давать Россіи свѣдующихъ учителей и, изъ лучшихъ воспитанниковъ, ученыхъ іерарховъ.

Дѣятельность патріарховъ была направлена къ поддержанію

порядка въ цѣломъ государствѣ. Этого они достигали также совѣтами своими государю и содѣйствіемъ всего духовенства осуществленію предначертаній царскихъ. Особенно укрѣпило московское государство, расшатанное во время самозванцевъ и чужеземнаго вторженія въ междуцарствіе, то, что власть царя и патріарха шла рука объ руку къ умиротворенію государства, укрѣпленію его правительства, водворенію порядка, усмиренію казацкихъ набѣговъ и изгнанію изъ Москвы поляковъ, которые засѣли было въ Кремлѣ и даже осаждали 17-ть мѣсяцевъ Сергіево-Троицкую Лавру, но взять не могли. Въ двухъ случаяхъ ближе всего находились между собою свѣтская и духовная власть. Въ первомъ случаѣ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ родной сынъ патріарха Филарета, и гдѣ бунтъ не могли унять царскіе воеводы, тамъ отлученіе отъ церкви, анаѳема отца поражала непокорныхъ, а во второмъ, царь Алексѣй Михайловичъ полюбилъ Никона, и Никонъ платилъ тѣмъ же царю, такъ что получилъ названіе «собиннаго пріятеля царя Алексѣя,» и тоже послѣдствія дружнаго дѣйствія властей принесли громадную пользу. Въ царствованіе Алексѣя бунтъ новгородскій былъ усмиренъ только духовными мѣрами Никона (тогда митрополита еще,) бунтъ Пскова его же увѣщаніями ослабленъ; противодѣйствіе митрополита астраханскаго Разинскому бунту, и увѣщанія имъ предводителей казацкихъ, наконецъ мученическая кончина его, много повредила Разину и помогла усмиренію мятежниковъ, — и все это было плодъ твердаго направленія, даннаго духовенству патріархами. Мирное состояніе церкви не нарушалось ни появленіемъ сектъ, ни возникновеніемъ раскола, которые бы могли нарушить спокойствіе церковное; но при Димитріѣ Донскомъ какой-то Карпъ Стригольникъ началъ проповѣдывать, что посвященіе священниковъ неправильно и служащіе іереи не есть дѣйствительные, по причинѣ вносимой ими небольшой денежной платы, но лихоимствомъ епископовъ пріобрѣтшіе себѣ рукоположеніе. Отсюда Карпъ выводилъ то положеніе, что и таинства, совершенныя названными за деньги попами, а въ сущности мірянами, не есть таинства. Карпъ явился въ Новгородѣ, и тамъ разъ чѣмъ то раздраженный на кудесника этого народъ утопилъ его въ рѣкѣ Волховѣ; но ересь Карпа усилилась. Послѣдователи его назвались стригольниками, по имени своего учителя и, памятуя, по ихъ словамъ, мученическую смерть его, старались во всемъ отмстить православнымъ за это. На сообщеніе Димитріемъ Донскимъ о безпорядкахъ и смятеніяхъ въ церкви патріарху константинопольскому, отвѣтъ котораго предлагалъ употребить противъ этой секты только убѣжденіе разумнымъ словомъ отпадшихъ воротиться въ лоно церкви. Въ силу этого Донской послалъ въ Новгородъ суздальскаго архіерея Діонисія, и тотъ разъяснилъ сектаторамъ, что эта плата идетъ въ казну, согласно закону; а епископъ изъ этихъ денегъ не можетъ мѣдной

деньги удержать въ свою пользу. Ему повѣрилъ народъ, и мятежъ стихъ.

Болѣе опасная, хитро задуманная, ересь породила другую секту послѣ, при Іоаннѣ III. Отцемъ ея «былъ еврей Схарія, и потому ей имя «жидовская.» Схарія объявилъ, что занимается лживою наукою «каббалою,» съ помощію которой будто-бы можно знать будущее и ему же извѣстна книга отъ Бога данная Адаму и т. д. Необразованные люди, склонные всегда ко всему чудесному и вѣрющіе разнымъ гаданьямъ, не зная намѣренія Схаріи поколебать христіанство, начали стекаться къ нему, слушать его розсказни и изучать каббалу. Соблазнъ новаго ученія былъ такъ великъ, что даже нѣкоторыя духовныя лица и вельможи государя увлекались словами Схаріи. Іоаннъ III, ничего незнавшій объ этомъ, былъ пораженъ ужасомъ, когда Геннадій архіерей Новгорода и св. Іосифъ волоцкій представили ему всю опасность жидовской секты. Былъ собранъ соборъ и на немъ ересь предана анаѳемѣ, и исповѣдующіе ее—заточены.

Вскорѣ Іоанну донесли, что секта эта опять появилась и число ея послѣдователей, увлеченное таинственностью собраній и разными каббалистическими обманами,—за послѣднее время стало велико. Іоаннъ рѣшилъ разомъ покончить съ опасностью; по приказу его виновные—еретики были сожжены въ Москвѣ. Этимъ жидовская ересь покончила свое существованіе.

Въ правленіе церковью патріарха Никона, сознана была необходимость исправить богослужебныя книги, свѣривъ ихъ съ греческими подлинниками; а исправленія, сдѣланныя въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, при патріархѣ Іосифѣ, оказались недостаточными. Признано было созвать соборъ, и на немъ разсмотрѣть и исправить богослужебныя книги. Къ дѣлу этому приступлено было съ величайшею осторожностью: изъ Аѳонскихъ монастырскихъ книгохранилищъ потребованы были несомнѣнные греческіе подлинники богослужебныхъ книгъ, а также и изъ другихъ знаменитыхъ монастырей востока.

Когда дѣло исправленія книгъ, подъ личнымъ руководствомъ Никона и съ участіемъ русскихъ и греческихъ ученыхъ мужей, было кончено, то явились противники, какъ они говорили, «Никоновыхъ новшествъ,» и увѣряли народъ, что новыя книги не православны и, слѣдовательно, еретическія. Между прочимъ, они говорили, что по старымъ книгамъ могли-же спастись святители московскіе Петръ, Алексѣй, Филиппъ и другіе, причтенные св. церковью къ лику святыхъ, такъ почему-же по нимъ нельзя и нынѣ спастись; тѣмъ болѣе что патріархъ Іосифъ книги между собой свѣрилъ и опечатки и погрѣшности исправилъ. Не трудно было замѣтить въ ряду говорившихъ противъ Никоновыхъ нововведеній, бывшихъ помощниковъ Іосифа по исправленію книгъ, которые даже сочли себя обиженными этими нововведеніями. Ни-

конъ узналъ объ этомъ и началъ, по обыкновенію своему, строго преслѣдовать охуждающихъ и непріемлющихъ новыхъ книгъ: лишеніе сана, заточеніе въ монастырѣ и даже плети, все посыпалось на голову ихъ. Эти строгія мѣры вызвали еще большее сопротивленіе, и сторонники старыхъ порядковъ церковныхъ приняли названіе «старовѣровъ» или «старообрядцевъ.» Явился расколъ, къ которому примкнуло множество невѣжественныхъ лицъ изъ духовенства, недовольныхъ строгостью Никона, и мірянъ. Характеристическая черта русскаго народа любить все старое,— поступать какъ поступали отцы и дѣды и невѣжество низшаго духовенства, — много помогло расколу, а возникшая вскорѣ вражда царя съ Никономъ ослабила преслѣдованіе старовѣровъ и развязала имъ еще болѣе руки. Старовѣры тѣмъ временемъ ясно опредѣлили свои требованія: богослуженіе служить по старымъ книгамъ, имѣть иконы старыя, а не новыя живописныя, молиться двуперстнымъ сложеніемъ, имя Іисусъ произносить и писать Ісусъ. Затѣмъ, между старовѣрами тоже возникла рознь и появились различные толки. Старовѣрчество, подававшее только царю Алексѣю Михаиловичу челобитныя, открыто взволновалось при дочери его— правительницѣ Софіи, требуя отмѣны нововвѣдѣній Никона и посрамленія его приверженцевъ, и послѣ того волненій было много. Расколъ существуетъ и до нынѣ.

До принятія христіанства у славянъ не было письменнаго закона, только договоры русскихъ князей Олега и Игоря съ греками служатъ письменными памятниками этого времени, и въ нихъ находимъ темную ссылку на существованіе русскаго закона, который до насъ не дошелъ и, вѣроятно, подъ нимъ разумѣлись просто обычаи, не писанный законъ. При Владимірѣ св. явилась надобность предоставить духовенству преимущества и свой судъ «и было издано постановленіе» о судѣ церковномъ. Ярославъ I ввелъ и гражданскія постановленія объ управленіи, судѣ и расправѣ къ постановленіямъ отца своего и все это издалъ подъ именемъ «русской правды.» Этотъ законъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ даже вошелъ въ статутъ литовскій, составленный при Сигизмундѣ первомъ; такъ долговѣчны были постановленія Ярослава, не говоря уже, что «русская правда» есть краеугольный камень нашего древняго законодательства.

Когда замѣчали, что условія русской жизни перемѣнялись и появлялись новые обычай, то время отъ времени законъ Ярославовъ дополнялся и измѣнялся граммотами князей; но, впрочемъ, усобицы удѣльныхъ князей отвлекали ихъ отъ коренныхъ преоброзованій суда и расправы, а иго монгольское еще болѣе задержало развитіе законодательства на Руси. Вообще-же Руси не пришлось пользоваться законами византійскими, кромѣ церковныхъ уставовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «номоканона,» отчего развитіе нашего права пошло медленно: надо было все уставлять

самимъ безъ помощи Кодекса Юстиніанова, который былъ основаніемъ всѣхъ западныхъ законодательствъ.

Государи московскіе обратили особенное вниманіе на составленіе законовъ, которые были издаваемы до Іоанна III подъ именемъ уставныхъ граммотъ, а при немъ собранные и, сообразно потребности, измѣненные вошли въ уложеніе. Іоаннъ IV Грозный установилъ порядокъ суда особеннымъ закономъ, названнымъ судебникомъ, въ которомъ были исчислены всѣ преступленія и проступки, и влекущее за нихъ наказаніе. Для огражденія отъ кривосуда намѣстниковъ указано было избирать, для совмѣстнаго суда съ царскими судьями, старостъ и цѣловальниковъ изъ лучшихъ людей. Церковные законы при томъ-же государѣ пополнены были изданіемъ обсужденнаго на соборѣ «стоглава,» который указывалъ мѣры противъ пороковъ духовенства, средства къ достиженію церковнаго благоустройства и запрещалъ суевѣрные обряды и соблазнительные обычаи.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича явилось послѣднимъ сборникомъ дѣйствующаго закона за это время. Выборные ото всѣхъ сословій были присланы на соборъ, созванный для этой цѣли въ Москвѣ. Составленіе уложенія названо «великимъ царственнымъ земскимъ дѣломъ.» Главное основаніе этого уложенія— равноправность всѣхъ передъ судомъ и смягченіе уголовныхъ наказаній.

Сверхъ того, письменный законъ разсматриваемаго времени заключался въ изданіи: 1) тарханныхъ граммотъ, освобождающихъ отъ платежа налоговъ и податей, 2) несудимыхъ, дававшимъ право какому либо сословію имѣть свой судъ, 3) помѣстныхъ—представляющихъ прово на владѣніе землей, и 4) уставныхъ, опредѣляющихъ для разныхъ мѣстностей размѣръ таможенныхъ и судебныхъ пошлинъ и т. п.

Всѣ отрасли верховной власти соединялись въ лицѣ сначала князей русскихъ, а потомъ государя московскаго. Ему принадлежало право неограниченнаго управленія, объявленія войны и заключенія мира, суда и помилованія преступниковъ, и наконецъ высшаго рѣшителя дѣлъ церковныхъ. Помощниками князю въ дѣлахъ управленія, суда и войны были дружинники; но при государяхъ московскихъ были учреждены по каждой отрасли управленія и суда отдѣльныя мѣста, подъ завѣдываніемъ государева сановника. Ихъ недостатокъ заключался развѣ въ томъ только, что приказовъ было множество, кругъ дѣятельности каждаго былъ не строго опредѣленъ и запутанный порядокъ производства привелъ къ умноженію переписки. Вѣдѣніе важнѣйшихъ дѣлъ государственныхъ рѣшалось большою думою изъ бояръ «высшихъ чиновъ,» думныхъ людей и окольничихъ. Въ ней государь присутствовалъ лично. Не только изданіе новыхъ и отмѣна сущест-

вующихъ законовъ, но также разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія приказовъ было предметомъ ея обсужденія.

Въ каждомъ приказѣ засѣдалъ бояринъ, при немъ были товарищи, которые и разбирали дѣла. Письменная подготовка дѣлъ къ слушанію лежала на дьякахъ. Дѣла важныя доводились бояриномъ до свѣдѣнія государя, который въ думѣ и рѣшалъ ихъ.

Важнѣйшія дѣла были сосредочены: иностранныя въ посольскомъ приказѣ; внутреннія по дворцому вѣдомству: въ большомъ дворцѣ, оружейномъ приказѣ и мастерской палатѣ; по финансамъ: вѣдалъ приказъ большой казны, приказъ денежнаго дѣла, казенный дворъ, и печатный приказъ; по суднымъ: золотая расправная палата, земскій дворъ, разбойный, холопій и московскій судебный приказъ; по военнымъ: рязрядъ, пушкарскій, стрѣлецкій и рейтарскій приказы. Областное же управленіе находилось въ вѣдѣніи: владимірской чети, казанскаго дворца, сибирскаго приказа, новгородской, галицкой чети, маллороссійскаго приказа и т. д.; церковныя дѣла рѣшались въ патріаршемъ приказѣ.

По областямъ дѣла вѣдались въ земскихъ избахъ головами и старостами, вмѣстѣ съ цѣловальниками, избираемыми міромъ, подъ наблюденіемъ царскихъ воеводъ.

Защита государства московскаго возложена была на дворянъ и дѣтей боярскихъ, иначе на земское ополченіе; постояннаго-же войска, какъ въ древней Руси княжеская дружина, до Іоанна Грознаго не было. Въ случаѣ надобности сзывали московскихъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, владѣвшихъ отчиною или помѣстьемъ пожизненно и раздѣленныхъ на три класса: лучшихъ, среднихъ и худшихъ людей. Низшій размѣръ земли былъ 75, а высшій не менѣе 300 четвертей. Сообразно съ количествомъ земли—вотчинники и помѣщики ея приводили въ свою десятню людей, пѣшихъ и конныхъ, во всякомъ случаѣ не менѣе одного пѣшаго и одного всадника, вооруженныхъ бердышемъ, лукомъ и рогатиной. Въ мирное-же время эти дворяне и боярскія дѣти, записанные въ «лучшіе люди», несли при государѣ службу его тѣлохронителей и часто тѣ изъ нихъ, которые заслужили милость государя, опредѣлялись въ стряпчіе и стольники. Во время службы они получали жалованье и подарки. Списки обязанныхъ военной службы землевладѣльцевъ составлялись воеводами каждой области, и общій списокъ призываемыхъ въ данное время и число потребныхъ пѣшихъ и конныхъ людей заготовлялся потомъ въ рязрядѣ. Если сынъ дворянина достигалъ совершеннолѣтія, а у отца его нечего было выдѣлить сыну, то окладчики, особаго рода чины, верстали его, то-есть записывали въ службу съ выдачею ему помѣстья изъ государевыхъ земель.

Такого рода ополченіе, почти не обученное ратному дѣлу, часто не могло устоять противъ строя иностранныхъ войскъ, по этому-то Іоаннъ IV Грозный повелѣлъ образовать изъ московскихъ лю-

дей постоянное пѣшее войско, названное «стрѣльцами.» Въ стрѣльцы набирались жители московскіе, а большею частію сельчане. Они были вооружены пищалями, жили по городамъ, которые должны были защищать. Въ Москвѣ стрѣльцовъ было 10 тысячъ, дѣлившихся на роты въ 500 чел., сотни и десятки, которыми начальствовали головы, сотники и десятники. Въ бою стрѣльцы приносили большую пользу, поддерживая конницу; а въ мирное время держали караулы, несли полицейскую службу, охраняли дворецъ и иногда носили иностраннымъ посламъ обѣды, число блюдъ которыхъ было такъ велико, что требовало иногда 400 человѣкъ. Стрѣльцы пользовались большими правами, а именно: безпошлинной торговлей, правомъ винокуренія, льготой отъ судныхъ и другихъ пошлинъ, и состояли въ завѣдываніи стрѣлецкаго приказа. Увлекаясь этимъ, даже торговые люди изъ московской черной сотни шли въ стрѣльцы, такъ что число стрѣльцовъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, могло скоро достигнуть указнаго количества—40,000 человѣкъ. Впрочемъ, притокъ въ стрѣлецкое войско московскихъ торговыхъ людей способствовалъ впослѣдствіи многимъ бунтамъ и мятежамъ, которые тогда только прекратились, когда Петръ великій совсѣмъ уничтожилъ стрѣлецкое войско.

Іоаннъ IV, не довѣряя охрану своей особы и порядка въ Москвѣ земскимъ людямъ и стрѣльцамъ, задумалъ образовать опричь, то-есть кромѣ ихъ новое войско, потому-то и названное «опричниками,» которыхъ число отъ тысячи взрасло до шести тысячъ. Въ опричники принимались дѣти боярскіе, у которыхъ почему либо не было земли. Опричники, вступая на службу, приносили особаго рода присягу на вѣрность государю, въ которой клялись не щадить ни отца, ни матери, доносить о всѣхъ лиходѣяхъ и врагахъ царскихъ и всѣми силами оберегать особу цареву. Одѣвались они въ богатые, низанные жемчугомъ, собольи и лисьи кафтаны, кони ихъ были лучшей степной породы, сѣдла высокія, богато убранныя серебромъ и самоцвѣтными каменьями, сбруя съ большими серебряными бляхами. Оружіе опричниковъ состояло изъ бердыша и меча, а у сѣдла метла и собачья голова—знакъ ихъ вѣрности своему государю. Подъ богатой одеждой надѣты были монашескіе рясы, чтобы показать этимъ ихъ братство между собой. Много злодѣйствъ надѣлало это войско за шесть лѣтъ своего существованія; оно исполнило клятву, данную при своей присягѣ: не быть за одно съ боярами и земцами, на которыхъ безсовѣстно клеветали, доводили ихъ до плахи или ссылки, а имущество грабили. Не удивительно послѣ этого, что память объ опричникахъ осталась самая страшная.

При Борисѣ Годуновѣ также охрана особы его была поручена 2,500 иностранныхъ наемниковъ, какъ-то: нѣмцевъ, грековъ и поляковъ. Иностранное войско существовало и при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, но съ другими цѣлями призванное:

при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ для пополненія убыли русскихъ войскъ, а при сынѣ его Алексѣѣ для обученія русскихъ ратныхъ людей европейскому военному строю. Иностранные наемники били «охочіе люди» изъ нѣмцевъ, голштинцевъ, англичанъ, шотландцевъ и голландцевъ; кромѣ того на войну вызывались ногайскіе татары, черемисы и черкесы; всего-же войска было до 300,000 чел. Высшіе военные начальники были всегда бояре, а полковники и капитаны—иноземцы.

Оборонительные мѣры были слѣдующія: на южную границу нашу высылались «станичники,» которые разъѣзжали по степи, наблюдая нѣтъ-ли гдѣ «сакмы,» свѣжаго слѣда крымскихъ татаръ, и если находили что, доносили воеводамъ пограничныхъ укрѣпленныхъ городовъ. Отъ Брянска до Мурома шла засѣка, на ней были надѣланы укрѣпленные остроги, а на западѣ наблюдали отъ Литвы и Польши русскую границу отряды вѣстовщиковъ, и устроенъ былъ рядъ укрѣпленій.

Война объявлялась царскимъ указомъ, читаннымъ на постельномъ крыльцѣ о созваніи земскаго ополченія. Гонцы скакали по всѣмъ городамъ, развозя этотъ указъ и списки призываемыхъ, въ разрядѣ составленныя, и войско собиралось отовсюду.

По сборѣ всѣхъ служилыхъ людей, къ нимъ присоединяли иноземцевъ и инородцевъ: татаръ и черкесовъ, а также казаковъ и дѣлили войско на пять полковъ: большой полкъ, который былъ главнымъ войскомъ, правую руку, лѣвую руку, передовой и сторожевой полки. Полками командовали воеводы, назначаемые не по способностямъ, а по справкамъ въ родословныхъ книгахъ, т. е. по знатности рода, отчего было много вреда. Снарядъ или артиллерія заключалась изъ множества полевыхъ пушекъ, картаунъ и фальконетовъ.

Въ походѣ впередъ пускался «ертоулъ,» отрядъ конницы, а по сторонамъ на десятки верстъ—разъѣзды; въ случаѣ-же остановки для боя съ непріятелемъ кругомъ пѣхоты ставили «гуляй,» загородь изъ телѣгъ и саней со щитами, гдѣ войско дѣлалось почти недоступнымъ для враговъ.

Награды за воинскую доблесть были: спрашиванье отъ имени царя о здоровьи воеводы и войска, пожалованье почетныхъ кафтановъ и шубъ, золотыхъ и серебряныхъ ковшей, помѣстьи, а иногда раздача золотыхъ монетъ.

Торговля и промышленная дѣятельность русскаго народа была слаба; фабричной совершенно не было. Если Новгородъ, принадлежа къ ганзейскому союзу, (союзъ вольныхъ немѣцкихъ городовъ,) и богатѣлъ, то это еще больше вредило московскому государству, потому что всѣ товары для Европы закупались на мѣстѣ новогородцами и рѣдко иноземцами. Всѣ предметы фабричной промышленности, какъ-то: сукна, ружья, полотно, металлическія издѣлія,—все это должно было покупать русскимъ изъ-за границы

дорогою цѣною, когда русская шерсть, желѣзо и ленъ продавались туда черезъ чужеземныя руки по дешевымъ цѣнамъ. Усобицы князей, иго монгольское, а потомъ сильныя и постоянныя войны не дали развиться не только промышленности, но и умственнымъ силамъ русскихъ. Только за стѣнами монастырскими, укрытые отъ треволненій «міра сего,» монахи занимались лѣтописаніемъ событій своего времени, изученіемъ врачебной науки, слѣдили даже за путями небесныхъ свѣтилъ и нерѣдко разработывали философски нѣкоторые отдѣлы богословской науки. Но все же ни одна наука не была послѣдовательно разработана, и труды монаховъ кончались только собраніемъ фактовъ и наблюденій.

Общественной жизни въ настоящемъ смыслѣ этого слова въ разсматриваемое время почти не было. Высшее сословіе отличалось своею спѣсью и невѣжествомъ, а низшіе классы общества не могли опомниться отъ налоговъ и повинностей. Семейная жизнь была по восточному замкнута до Петра великаго, который и ее и всю Россію пробудилъ къ новой жизни.

Петръ I Великій.

1689—1725.

Царь Петръ I Алексѣевичъ, сынъ Алексѣя Михайловича, удаливъ отъ управленія государствомъ сестру свою Софію, принялъ въ 1689 году самъ бразды правленій Россіи. Въ это время «государство московское» было обширнѣйшей монархіей по пространству (260,000 кв. миль,) своему, хотя и малонаселенной. Границы его были съ сѣвера: Кола на Ледовитомъ океанѣ, южнѣе Смоленскъ, Рославль, Запорожье, съ юга: отъ этого послѣдняго степи малороссійскія, (нынѣ Екатеринославскую губернію,) Астраханскія до Каспійскаго моря, по сѣверному побережью его, по рѣкѣ Уралу, верховью Тобола, киргизскія и средней Азіи до Охотскаго моря; къ востоку Камчатка.

При такой обширности, и при умѣренномъ въ большей части ея климатѣ, Россія обладала всѣми естественными богатствами.

Средняя полоса Россіи давала возможность сѣять всѣ хлѣбныя растенія, и этимъ удовлетворять всѣ насущныя нужды народа, не принуждая его прибѣгать къ помощи другихъ государствъ. По всюду, особенно на сѣверѣ, кромѣ степей малороссійскихъ, астраханскихъ, киргизскихъ и маджурскихъ, шли почти дѣвственные лѣса, полные всякаго пушнаго звѣря: соболей, куницъ, лисицъ чернобурыхъ, песцовъ, медвѣдей, оленей и т. д.; кромѣ того годные на кораблестроеніе, назывались корабельнымъ или мачтовымъ лѣсомъ. Рыболовныя озера и рѣки, побережья Ледовитаго океана и сѣверный берегъ Каспійскаго

моря, приносили богатую добычу рѣдкихъ рыбъ, а Ледовиты—и морскаго звѣря: моржей, тюленей и китовъ. Южныя степи европейской Россіи и средней Азіи доставляли удобство водить множество скота. Уральскія горы, раздѣляющія европейскую Россію отъ Сибири, и до нынѣ слывутъ «золотымъ дномъ,» потому что ископаемое богатство ихъ нѣдръ и хвойныя лѣса на поверхности, какъ топливо, пригодны къ развитію горнозаводскаго дѣла.

Первымъ препятствіемъ развитію Россіи и пробужденія всѣхъ естественныхъ силъ ея природы была малочисленность и рѣдкость населенія, котораго едва ли насчитывалось до 10 милліоновъ. И это населеніе въ продолженіи 400 лѣтъ еще было задавлено игомъ монгольскимъ, междоусобіемъ удѣльныхъ князей и позднѣе борьбою съ Польшей за Литву и съ Швеціей за побережья Балтійскаго моря, на которомъ уже Петръ, созданіемъ военнаго флота и развитіемъ торговаго судоходства, положилъ основаніе государственному могуществу Россіи въ Европѣ и увеличенію народнаго богатства внутри.

Другія препятствія заключались въ частыхъ моровыхъ повѣтріяхъ, страшныхъ пожарахъ, которые не давали русскимъ поднять голову, чтобы замѣтить окружающія ихъ богатства; а главное крайнее невѣжество народа, породившее всевозможные пороки, укоренившее суевѣріе до того, что какъ не было бы полезно введеніе чего либо новаго въ промышленности, въ земледѣліи и т. д., но достаточно, что это было новое, и народъ готовъ былъ лучше бунтовать, терпѣть за это всю жестокость тогдашнихъ наказаній, но принять полезной новизны никакъ не рѣшался.

Впрочемъ въ народонаселеніи преобладала надъ татарской, финской и литовской одна главнѣйшая народность: великорусская съ малороссійскою и бѣлорусскою. Даже за Ураломъ, въ Сибири—странѣ, занятой монгольскимъ племенемъ, образовалось уже въ до-Петровское время значительное населеніе русскихъ служилыхъ людей и казаковъ. По крайней мѣрѣ, вездѣ въ дѣлахъ управленія и судѣ господствовалъ русскій языкъ, и это было счастливое условіе для внутренней связи и крѣпости государства русскаго, а слѣдовательно для дальнѣйшаго славнаго существованія. Тому же способствовало и положеніе верховной власти, которая въ это время пріобрѣла страшную силу и неограниченное господство надъ всѣми сословіями, даже надъ духовенствомъ, которое вѣдалось патріархомъ по несудимой грамотѣ, но самъ-то онъ былъ покоренъ всегда велѣніямъ царя, и потому государь влавствовалъ неограниченно въ дѣлахъ церковныхъ; духовенство благоговѣло предъ его особой и дѣйствовало въ его видахъ на русскій народъ, вообще не такъ какъ на западѣ, гдѣ духовенство, ревниво оберегая свѣтскую власть папы, расшатывало всѣми мѣрами власть государей и прочность государственнаго порядка, и тѣмъ задерживало правильное теченіе жизни западныхъ наро-

довъ. Россія или, вѣрнѣй сказать, весь русскій народъ считалъ слово государя—закономъ, и даже ставилъ государя выше закона; но цари русскіе думали и поступали иначе: для нихъ ничего не было важнѣе святости закона, а тотому-то при рѣшеніи дѣлъ государь разсматривалъ сначала всѣ относящіеся къ данному случаю законы, изданные еще его предками, и спрашивалъ кромѣ того совѣта у бояръ.

Въ Россіи были большіе задатки сдѣлаться государствомъ могущественнымъ извнѣ, пріобрѣсти военное могущество надъ сосѣдями и увеличить себя завоеваніями. Эти задатки коренились въ преданности, храбрости и многочисленности русскаго дворянства, что сохранило Россіи самостоятельность; съ Петра же должно было придать государству высокое положеніе въ Европѣ.

Характеръ русскаго народа тоже соотвѣтствовалъ въ будущемъ задачѣ Петра вдвинуть Россію въ число образованныхъ народовъ Европы. Качества русскихъ были: природная смѣтливость и ясный умъ, истинное благочестіе, сохранившее чистоту жизни, патріархальность въ семейной жизни, любовь къ отечеству, желѣзное терпѣніе въ несчастіи, привязанность ко всему русскому, а отсюда народная гордость, повиновеніе властямъ, способствующее водворенію порядка, извѣстное иностранцамъ хлѣбосольство, доброта и прямодушіе. Съ такими качествами русскій народъ былъ достоинъ свѣтлой будущности.

Между тѣмъ иностранцы считали русскихъ «народомъ азіатскимъ,» даже «варварскимъ.» Такое мнѣніе зависѣло частью отъ того, что русскіе, удаленные отъ европейскихъ морей, заслоненные отъ запада Литвой и Польшей, почти не были извѣстны до царствованія Алексѣя Михайловича остальной Европѣ, а частью находились въ состояніи умственнаго застоя, не занимаясь науками и искуствами, что было и не по ихъ винѣ, а просто по несчастному ранѣе того стеченію обстоятельствъ, задержавшихъ движеніе народа впередъ. Отсутствіе умственной дѣятельности, приложенія къ жизни тогдашнихъ открытій въ наукѣ и изобрѣтеній, недостатокъ общественной жизни и, наконецъ, даже безграмотность до того частая, что многіе бояре не умѣли подписать своего имени, и все это тормозило всякій успѣхъ, заставляя продавать шерсть за границу за безцѣнокъ, и покупать ее обратно оттуда въ переработанномъ видѣ за баснословную цѣну; это-же повторялось и съ отпускомъ на западъ сала, пеньки, зерноваго хлѣба и привозомъ въ Россію золота, серебра, желѣза и другихъ металловъ, въ нѣсколько переработанномъ видѣ, которыми былъ заваленъ Уралъ, но платить приходилось за нихъ западу дорого.

Приходило время отмѣнить все отжившее, и проснувшись отъ

вѣковой умственной спячки,—заявить свою живучесть и возмужалость другимъ народамъ.

Россія была окружена въ то время такими сосѣдями, что то и дѣло ей грозила война, а иногда полнѣйшее порабощеніе и уничтоженіе ея самостоятельности. Такъ на западѣ Россія имѣла сосѣдство съ Польшею, владѣвшей тогда Литвою и Галиціей, что принесло русскимъ цѣлый рядъ губительныхъ войнъ и обоюдныхъ бѣдствій: моровыя повѣтрія, обезлюденье пограничныхъ областей и всеобщее обѣднѣніе. Кажется, договоръ между Россіей и Польшей, въ 1686 году заключенный, долженъ былъ положить конецъ вѣковой распрѣ двухъ совѣднихъ славянскихъ народовъ, но рознь вѣроисповѣданія опять повела къ борьбѣ: поляки стали вновь притѣснять и гнать православный народъ на юго-западѣ Россіи, навязывая ему ненавистную унію. Вражда сосѣдей должна была кончиться уничтоженіемъ самостоятельности одного котораго нибудь, и впослѣдствіи Польша пала.

На сѣверѣ шведы тоже были сосѣди немирные. Упоенные побѣдами Густава Адольфа въ прежнее время и въ послѣднее Карла X, шведы заручившись союзомъ съ герцогомъ Голштинскимъ, владѣя Лифляндіей, Эстляндіей, Помераніей, Ингріей и Финляндіей, Столбовскимъ договоромъ пріобрѣли отъ Россіи часть Ингерманландіи и, тѣмъ лишивъ Россію владѣнія побережьемъ Балтійскаго моря, оставили его всецѣло въ своихъ рукахъ. Сосѣдство Швеціи, имѣвшей сильное войско, также мало сулило добра Россіи.

На югѣ, по Дону и въ степяхъ Малороссіи, жили исконно-русскіе и православные люди—казаки, которые хотя не разъ присягали на подданство Россіи, но привычка къ вольной казацкой жизни, лихимъ набѣгамъ часто необдуманнымъ и безъ разбора, просто ради удали, распри партій за гетманство могли повести всегда къ казацкимъ смутамъ и не обѣщали тоже Россіи спокойствія. За степями казацкими, по сѣверному побережью Чернаго моря и на полуостровѣ Крымскомъ, свила себѣ гнѣздо разбойничья орда татаръ, подъ властью хановъ изъ дома Гиреевъ. Ихъ промыселъ былъ грабежъ и война, такъ какъ земли, занятыя ими никакъ не могли прокормить такое населеніе, которое легко выставляло въ поле до 200,000 всадниковъ. Татарамъ было безразлично грабить Польшу ли, Россію ли или Малороссію ли, лишь бы грабить, и кто больше давалъ крымскому хану золота, тому онъ и служилъ. Въ войнахъ Россіи съ Польшей и Литвой, хищники крымскіе часто до рѣшительнаго боя держали нейтралитетъ, то есть не помогали ни той, ни другой сторонѣ, что не мѣшало имъ брать подарки отовсюду; а потомъ бросались и добивали потерпѣвшаго пораженіе. Польское королевство платило татарамъ ежегодно особую дань, чтобъ только они не вторгались въ пограничныя области его. Если кто и добирался до Крыма, то сул-

танъ турецкій всегда горячо защищалъ своего единовѣрца и данника хана крымскаго. Россія, особенно въ виду сомнительной вѣрности Малороссіи и Дона, могла всегда ожидать, что крымцы пройдутъ вѣдомыми только имъ путями степи малороссійскіе, на что ихъ подвинетъ подкупъ со стороны Польши, и произведутъ варварское опустошеніе русскихъ пограничныхъ областей; а наказать этихъ разбойниковъ, защищаемыхъ султаномъ, Россія тогда была не въ состояніи. Только съ сѣвера и востока ничего не грозило государству: тамъ были Ледовитый океанъ и пустыни Сибири, населенныя рѣдкими кочевьями слабыхъ, разрозненныхъ киргизъ, манжуровъ и другихъ робкихъ дикарей. При такомъ сосѣдствѣ съ запада и юга, русское государство, при всѣхъ задаткахъ къ великой будущности, могло достигнуть спокойствія и могущества только тогда, когда у кормила правленія встанетъ государь съ умомъ геніальнымъ, желѣзною волею и преданностью безграничной къ счастію и благу своего отечества. Россія этого дождалась, и желанный государь Петръ I принялъ единодержавіе.

Обладая неутомимою дѣятельностью, любовью къ наукамъ и просвѣщенію, талантами государя и воина, Петръ долженъ былъ бороться сначала съ недостаточностью своего воспитанія, съ своими предразсудками и дурными привычками, а потомъ съ невѣжествомъ, суевѣріемъ и нелюбовью своего народа ко всему новому, хотя и лучшему. Желѣзная воля государя и самая возвышенная любовь его къ славѣ своего отечества и пользамъ русскаго народа дала ему возможность дать новую жизнь всѣмъ отраслямъ государственнаго и народнаго хозяйства, тѣмъ доставить богатство и силу своему народу, сплотить разрозненныя области Россіи единообразіемъ управленія и суда, задавить мятежный духъ казаковъ и другихъ крамольниковъ, заставить русскихъ учиться у иноземцевъ наукамъ и искусствамъ, и безъ ропота принимать отъ нихъ все полезное.

Петру предстояла борьба внутри государства и надо было сломить враговъ внѣшнихъ; онъ не остановился предъ этимъ и началъ бороться съ собой, своей семьей, невѣжествомъ народа русскаго, Польшей, Швеціей и Турціей съ Крымомъ. Положеніе царя временами было опасно: онъ окруженъ былъ при рѣкѣ Прутѣ и ему грозилъ отъ турокъ плѣнъ со всей арміей, передъ полтавскимъ боемъ ему измѣнилъ Мазепа, старикъ—гетманъ малороссійскій, Украйна волновалась; только проиграй Петръ сраженіе, вся Малороссія-бы возстала противъ него; а на Дону атаманъ Булавинъ взбунтовалъ казацкіи геруги, прибивая на всѣхъ перекресткахъ дорогъ свои зазывныя «прелестныя» граммоты, гдѣ приглашалъ къ себѣ всѣхъ и каждаго разбойничать и гулять по пограничнымъ областямъ. Въ Москвѣ старообрядцы, которымъ царь приказывалъ брить бороды и обрѣзывать полы, на подобіе

нѣмецкаго камзола, считали его за «антихриста», да и русскіе люди, къ которымъ была примѣнена эта мѣра, тоже угрюмо смотрѣли на царя и между ними держался упорно слухъ, распущенный еще стрѣльцами, что государь умеръ въ Голландіи; а вмѣсто него пріѣхалъ какой-то самозванецъ—нѣмецъ. Въ семьѣ своей Петръ встрѣтилъ противодѣйствіе своимъ нововвѣдѣніямъ и любви къ иноземцамъ, сначала въ матери своей, которая отнюдь не хотѣла поднести чарку вина Лефорту, тогда уже генералу, между тѣмъ, какъ дѣлала это безъ ропота по отношенію къ гостямъ московскимъ (званіе, равное потомственному почетному гражданству,) потомъ въ женѣ своей Евдокіи Ѳедоровнѣ, взятой изъ боярскаго рода Лопухиныхъ, и наконецъ въ сынѣ и наслѣдникѣ своемъ Алексѣѣ Петровичѣ. Но Петръ не поддался этому, онъ боролся почти всю свою жизнь съ препятствіями; разрушалъ все, что ему мѣшало созидать величіе Россіи, искалъ отдыха въ занятіи ремеслами, изъ которыхъ не было такого, какого бы царь не зналъ; предавался дѣятельности лихорадочно: сейчасъ занимался математическими вычисленіями, потомъ садился плести лапти. Все, что дѣлалъ царь, дѣлалось по строго обдуманному плану. Петръ какимъ-то чудеснымъ образомъ узнавалъ, что надо ему дѣлать и на что обратить вниманіе для пользы Россіи. Онъ на два столѣтія опередилъ свое время, каждый указъ его есть указаніе на какую нибудь отросль дѣятельности, которую или нужно преобразовать, или вновь создать. Многое, что дѣлается теперь, давно предначертано Петромъ; достаточно сказать, что онъ даже задумывалъ завоеваніе средней Азіи и Индіи, что по отношенію къ первой въ настоящее царствованіе исполнилось. Если онъ не щадилъ никого, даже роднаго сына, наказывалъ противниковъ своихъ ссылкой, батогами и кнутомъ, то для блага Россіи онъ не щадилъ и себя; этому доказательстомъ служитъ то, что даже жизни своей не пожалѣлъ для спасенія тонувшихъ солдатъ на Ладожскомъ озерѣ въ страшную бурю, вытащилъ ихъ, но самъ простудился и вскорѣ умеръ.

Плодомъ геніальности и неустанной дѣятельности Петра было: заведеніе фабрикъ и заводовъ, развитіе рудокопнаго дѣла, регулярнаго войска, флота, св. Синода и правительствующаго Сената, школъ и академій, коллелій, замѣнившихъ приказы, изданіемъ регламентовъ, опредѣляющихъ ближе власть и вѣдомство каждаго присутственнаго мѣста, основаніе Петербурга и укрѣпленіе Кронштадта, чѣмъ пріобрѣтено господство на Балтійскомъ морѣ, близкія сношенія съ Европою, заимствованіе оттуда всего полезнаго и, наконецъ, побѣды на югѣ и сѣверо-западѣ, положившія начало военному значенію Россіи въ семьѣ европейскихъ державъ. Вообще, слѣдствія 36 лѣтняго царствованія Петра неисчислимы; нынѣшнее славное положеніе Россіи есть результатъ дѣятельности Великаго, и потому посправедливости онъ заслуживаетъ

этого наименованія, поднесеннаго ему при жизни и укрѣпленнаго за нимъ по смерти благодарнымъ потомствомъ.

Въ первые дѣсять лѣтъ своего царствованія Петръ болѣе занимается перевоспитаніемъ и образованіемъ себя, видя свою недостаточность и плохую подготовку къ великому дѣлу преобразованія своего отечества внутри и возвышенія его внѣ. Въ то же время молодой царь подготовляетъ къ этому средства, заводитъ регулярное войско изъ потѣшныхъ товарищей его юности и, пользуясь, хотя и слабымъ примѣромъ отца своего, начинаетъ заводить флотъ, дѣлаетъ походы, чтобы пріучить свое молодое войско и только что созданный флотъ къ войнѣ, заводитъ дружественныя сношенія съ иностранными дворами и окончательно прекращаетъ стрѣлецкіе мятежи, уничтоженіемъ этого войска. Затѣмъ въ слѣдующее дѣсятилѣтіе царь ведетъ войну со Швеціей, борется съ королемъ ея Карломъ XII, величайшимъ полководцемъ своего времени, а внутри государства съ предразсудками и невѣжествомъ своего народа. Кончивъ счастливо войну шведскую и переломивъ упрямство русскаго народа, Петръ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ своего царствованія довершаетъ начатое, устраняетъ оставшіяся на его пути препятствія и оставляетъ государство на высотѣ могущества и славы.

До Петра образованіе даваемое царевичамъ было очень недостаточно. Болѣе на опытѣ привыкали юные государи править дѣлами, такъ, по крайней мѣрѣ, образовались Іоаннъ III, Алексѣй Михайловичъ и сынъ его Ѳеодоръ. Изученіе св. писанія, нѣкоторое знакомство съ латинскимъ языкомъ и исторіей Россіи по лѣтописямъ Нестора и др. были предметами преподаваемыми, несвѣдующими иногда, наставниками дѣтямъ царскимъ. Также и къ Петру былъ приставленъ повелѣніемъ царя Ѳеодора Алексѣевича дьякъ Зотовъ для обученія его, но самъ былъ безъ хорошихъ свѣдѣній и способностей. Любознательный Петръ слушалъ его съ жадностью, но ничего ему новаго не могъ сказать Зотовъ, а частыя отправки его въ Крымъ, по дѣламъ служебнымъ, отвлекали его иногда на долго отъ занятій съ царевичемъ.

Петръ долго не могъ найдти себѣ учителя; но наконецъ женевецъ Лефортъ, приглашенный на службу въ Россію еще царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, занялъ около Петра мѣсто Зотова. Съ этого времени явился крутой переворотъ въ направленіи воспитанія Петра.

Лефортъ съ молодыхъ лѣтъ, по примѣру всѣхъ швейцарцевъ, служившихъ наемниками въ иностранныхъ войскахъ, долженъ былъ оставить свое отечество и, гоняясь за счастіемъ, пространствовать по Европѣ, служа попеременно то той, то другой державѣ; отчего умъ его развился, и онъ пріобрѣлъ хорошія свѣдѣнія объ иностранныхъ земляхъ. Много видѣлъ, много слышалъ на своемъ вѣку этотъ замѣчательный впослѣдствіи человѣкъ, чѣмъ

пріобрѣлъ отвагу и житейскую опытность. Сначала Лефортъ вступилъ въ гвардію французскаго короля, послѣ того сражался въ Голландіи подъ начальствомъ Вильгельма Оранскаго, находился при датскомъ посольствѣ, а въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ принятъ въ русскую службу въ чинѣ капитана и сдѣлалъ крымскій походъ. Характеръ Лефорта былъ веселый, обращеніе ласковое, рѣчь его, при богатомъ запасѣ свѣдѣній и опытности, всегда была занимательна. Петръ, только что узналъ Лефорта, привязался къ нему всею пылкой душой своей. Разсказы Лефорта объ иностранныхъ государствахъ, о подвигахъ великихъ полководцевъ, о роскоши французскаго двора, развитіи искусствъ и художествъ, флотахъ Голландіи, словомъ о всемъ заморскомъ, диковинномъ,—потрясли душу Петра. Въ его воображеніи проходили правильные ряды европейскихъ армій, носились карабли тогдашней владычицы морей Голландіи и въ ушахъ слышался шумъ сраженій, подробности которыхъ только что разсказалъ ему Лефортъ. Юному царю захотѣлось завести у себя то, что въ устахъ Лефорта ему казалось какою-то чудною сказкою, и Петръ, съ помощью Лефорта, сначала принялся за устройство войска по европейскому образцу.

Царица Наталья Кирилловна съ сыномъ жила въ это время близъ Москвы, въ селѣ Преображенскомъ; при дворѣ ея, по обычаю того времени, было множество придворныхъ: стольниковъ, стряпчихъ и дѣтей боярскихъ. Изъ дѣтей этихъ придворныхъ Петръ составилъ маленькое войско, назвалъ его потѣшною ротою, далъ ружья, а самъ взялъ барабанъ и приказалъ Лефорту учить себя и ихъ по иноземному ружейнымъ пріемамъ и всѣмъ хитростямъ ратнаго дѣла. Софья знала объ этихъ забавахъ Петра, но не мѣшала ему: она думала, что эти игры отвлекутъ его отъ короны, и потому число потѣшныхъ ежеминутно увеличивалось и маневры происходили свободно. Даже стольники и стряпчіе охотой записывались въ потѣшные, и новое войско умножилось до того, что часть его была переведена въ село Семеновское. Однообразная одежда и вооруженіе, строгая дисциплина при исполненіи тягостныхъ осадъ земляныхъ городковъ, нарочно для того построенныхъ, постоянныя ученія и маневры образовали изъ преображенцевъ и семеновцевъ превосходное войско. Барабанщикъ Петръ былъ всѣмъ примѣромъ: онъ самъ копалъ землю, по ночамъ стоялъ на караулѣ и всегда участвовалъ въ походахъ по окрестностямъ, чѣмъ часто доводилъ свою мать до слезъ и горькихъ упрековъ ему, которая боялась, что сынъ ея потеряетъ здоровье отъ такихъ потѣхъ.

Сдѣлавшись правителемъ государства, Петръ обратилъ вниманіе на болѣе правильное устройство и увеличеніе потѣшнаго войска. Было повелѣно: раздѣлить потѣшныхъ на два полка: Преображенскій и Семеновскій, добавить число людей въ нихъ

дворовыми людьми, освобожденными отъ помѣщиковъ и безпомѣстными дворянами. Потѣшные получали отъ Петра жалованье, провіантъ, оружіе, одинаковыя мундиры и постоянно занимались упражненіями во военномъ дѣлѣ по правиламъ науки. Впослѣдствіи это войско, получивъ названіе царской гвардіи, сдѣлалось образцомъ для регулярныхъ войскъ. Въ первое время царствованія Петра, все-таки главная сила русскаго войска заключалась въ стрѣльцахъ, дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ; но, когда давались примѣрныя битвы, потѣшные всегда брали верхъ надъ стрѣльцами. Потому-то на маневрахъ стороны стали драться не на-шутку и потѣшный кожуковскій походъ окончился страшнымъ кровопролитіемъ.

Занимаясь образованіемъ сухопутнаго войска, Петръ задумалъ и объ устройствѣ флота, чтобы и на морѣ достигнуть могущества. При отцѣ его Алексѣѣ Михайловичѣ, когда царь хотѣлъ завоевать Ливонію и побережье Балтійскаго моря, задумано было завести корабли и даже написанъ морской уставъ. Для кораблестроенія выписаны были изъ Голландіи опытные плотники и вскорѣ они устроили царю въ селѣ Дѣдновѣ, коломенскаго уѣзда, верфь на Окѣ для постройки судовъ, на которой былъ построенъ и спущенъ на воду первый русскій карабль «Орелъ,» который, вслѣдствіе неудачъ русскихъ въ ливонской войнѣ, пущенъ былъ внизъ по Волгѣ для открытія по Каспійскому морю пути въ Персію; но доведенный до Астрахани, этотъ карабль былъ сожженъ Разинымъ. Царь Ѳеодоръ и Софья, зная, что у Россіи нѣтъ ни Чернаго, ни Балтійскаго моря, оставили безъ подражанія примѣръ отца своего, только въ селѣ Измайловѣ еще хранился между всякою рухлядью голландскій ботъ, построенный корабельнымъ мастеромъ Брандтомъ въ Дѣдновѣ. Петръ какъ-то былъ въ Измайловѣ и неожиданно увидѣлъ этотъ ботъ, пришелъ въ неописанный восторгъ, велѣлъ спустить его на Яузу, оттуда провести на Москву рѣку и здѣсь дивился быстротѣ хода и дѣйствію руля этого забытаго судна. Появленіе на Москвѣ рѣкѣ хитроустроеннаго голландскаго судна еще больше усилило страсть царя къ мореплаванію. Петръ повелѣлъ построить нѣсколько мелкихъ судовъ на Москвѣ рѣкѣ, а потовъ на Переяславскомъ озерѣ; здѣсь царь при строеніи судовъ въ первый разъ взялся за топоръ и самъ началъ пріучаться къ кораблестроенію. Натѣшившись вдоволь плаваньемъ на Переяславскомъ озерѣ, гдѣ царь совершенно избавился частымъ киданьемъ его за бортъ отъ боязни холодной воды, Петръ поѣхалъ на Бѣлое море и тамъ въ бурю разъ чуть было не утонулъ.

Удовлетворивъ своей страсти къ морю, Петръ увидѣлъ, что устройство флота поведетъ къ силѣ Россіи и развитію торговли съ другими странами; но у Россіи не было моря, кромѣ Каспійскаго, которое считалъ Петръ, что и дѣйствительно такъ, боль-

шимъ озеромъ, а о Бѣломъ, всегда бурномъ и удаленномъ отъ населенныхъ мѣстъ Россіи нечего было и помышлять. Послѣ долгихъ размышленій, Петръ рѣшилъ овладѣть сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря; но для этого надо было объявить войну Турціи, такъ какъ во владѣніи ея были устья Дона и Днѣпра. Эта война, еще предполагалъ Петръ, должна быть полезна и для его войска, которое изучитъ на самомъ дѣлѣ военное искусство. Къ войнѣ же съ Турціей побуждала Польша, настаивая на исполненіи договора 1686 г., по которому Россія обязалась оказать помощь королю Яну III Собѣсскому въ тяжелой для него борьбѣ съ султаномъ. Петръ изъявилъ королю польскому желаніе исполнить договоръ и объявилъ Портѣ войну.

Походъ Петра былъ направленъ на Азовъ по двумъ путямъ: одна часть войска изъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, стрѣльцовъ и казаковъ, имѣя предводителемъ боярина Шеина, поплыла по Дону; съ этой частью былъ Петръ, въ качествѣ капитана и иностранные инженеры; а вторая отправлена была къ устьямъ Днѣпра, подъ начальствомъ боярина Шереметева. Эта послѣдняя, бывшая втрое сильнѣе первой, овладѣла турецкими укрѣпленіями, разбросанными въ Днѣпровскомъ лиманѣ. Бояринъ же Шеинъ началъ осаду Азова; но въ крѣпости оказался значительный турецкій гарнизонъ, а съ моря безъ флота нельзя было турецкимъ кораблямъ воспрепятствовать подвозить Азову военные снаряды и продовольствіе. Петръ съ горестью увидѣлъ, что его суда не въ состояніи дѣйствовать противъ турецкихъ линейныхъ кораблей и долженъ былъ снять осаду Азова.

По возвращеніи своемъ, Петръ приказалъ на Воронежской верфи строить суда для новаго похода на Азовъ. Весной слѣдующаго года два линейныхъ корабля и 30 судовъ, подстроенныхъ въ Воронежѣ, спустились по Дону опять къ Азову. Началась осада: бояринъ Шеинъ дѣйствовалъ на сухомъ пути, а Петръ, самъ командуя флотомъ, при устьѣ Дона отразилъ турецкіе корабли, пытавшіеся пробраться къ Азову съ хлѣбомъ и оружьемъ. Сдѣлавъ это, Петръ, въ свою очередь, началъ громить городъ съ моря. Крымскій ханъ Нурединъ съ турками и своими татарами старался всѣми силами прорваться къ Азову; но пять разъ съ страшной убылью былъ отраженъ отъ города. Два мѣсяца длилась осада, иностранные инженеры дѣлали подкопъ за подкопомъ и укрѣпленія рушились. Между тѣмъ въ городѣ жители и гарнизонъ страдали ужасно отъ голода и ежедневныхъ битвъ съ русскими, почему паша принужденъ былъ сдать Азовъ Петру, которому и отчасти боярину Шеину принадлежитъ вся честь этого счастливаго окончанія похода.

Петръ, чтобъ удержать за собой навсегда дорого пріобрѣтенный Азовъ, повелѣлъ тогда-же возобновить укрѣпленія его, нѣсколько далѣе устроить военную и торговую гавань, имя кото-

рой далъ Таганрогъ, и немедленно приступить къ постройкѣ въ Воронежѣ еще 60 кораблей и фрегатовъ. Сверхъ того, Петръ ожидалъ мести султана и заручился впередъ союзомъ противъ него Австріи и Венеціи; но помощь Польши была удержана Петромъ только благодаря его предусмотрительности и твердости, по отношенію къ этой державѣ. Король Янъ Собѣсскій въ этомъ году умеръ и поляки враждебной Россіи партіи, уступая интригамъ Турціи, хотѣли возвести на тронъ принца Конти; но Петръ объявилъ сейму, что этого онъ никогда не допуститъ и въ подтвержденіе своихъ словъ послалъ на границу Литвы значительное стрѣлецкое войско, ввѣривъ его князю Григорію Ромадановскому, и этимъ поддержалъ партію сторонниковъ курфюрста саксонскаго Фридриха Августа. Этотъ государь былъ избранъ польскимъ королемъ и, вступивъ на тронъ, обѣщалъ Петру свою помощь противъ Турціи.

Скрѣпивъ союзъ Россіи съ Австріей, Венеціею и Польшею, обладая войскомъ и флотомъ, Петръ могъ бы снова опять начать войну съ Турціей, чтобъ окончательно утвердить господство Россіи на Черномъ морѣ; но онъ этого не сдѣлалъ, а къ удивленію современниковъ задумалъ объѣхать Европу, чтобы лично видѣть все, что ему разсказывалъ Лефортъ и другіе иностранцы.

Къ такому путешествію побуждала Петра не прихоть или желаніе показать свою роскошь при дворахъ иностранныхъ, а то же намѣреніе развить русскую промышленность, ознакомивъ своихъ подданныхъ съ пріемами, выработанными на западѣ, а главное пробудить умственную жизнь, которой Русь была совсѣмъ чужда, перенесеніемъ наукъ и искусствъ, доведенныхъ до блестящей степени развитія въ европейскихъ государствахъ. Наконецъ походы подъ Азовъ на дѣлѣ показали Петру, что военное искусство русскихъ таково, что оставляетъ еще желать многаго въ этомъ отношеніи. Убѣдившись во всемъ этомъ, Петръ личнымъ обозрѣніемъ запада захотѣлъ поправить дѣло и для того, сложивъ на время корону, поручилъ управленіе государствомъ князю Ѳеодору Юрьевичу Ромодановскому съ титуломъ кесаря, а самъ занялъ скромное мѣсто подъ именемъ десятника, въ свитѣ блестящаго посольства, отправленнаго къ европейскимъ дворамъ, подъ начальствомъ главныхъ пословъ Лефорта, Головина и Возницына, которымъ вмѣнено было въ обязанность, выразивъ чувства дружбы и пріязни, питаемыя русскимъ царемъ къ иностраннымъ монархамъ, заключить съ ними союзы о взаимныхъ сношеніяхъ и торговлѣ. Всю пышность и роскошь пріемовъ и пировъ при иностранныхъ дворахъ, всѣ почести Петръ оставилъ на долю пословъ; а самъ взялъ на себя тяжелый трудъ изучать военное и морское дѣло, со всѣми относящимися къ нимъ ремеслами, для чего въ помощь себѣ взялъ нѣсколько молодыхъ и способныхъ дворянъ изъ лучшихъ фамилій русскихъ.

Стрѣльцы, узнавъ о поѣздкѣ царя въ чужія земли, поняли, что конецъ ихъ пришелъ и они будутъ замѣнены новымъ регулярнымъ войскомъ. Чтобы удержать за собой свое положеніе, обезпеченное льготами отъ платежа податей и по торговлѣ,—они готовы были на все. Этимъ недовольствомъ и ропотомъ стрѣлецкихъ полковъ воспользовались три злодѣя: окольничій Соковнинъ, полковникъ Цыклеръ и стольникъ Пушкинъ. Соковнинъ былъ кромѣ того старовѣръ и потому заклятый врагъ всего иноземнаго, а царь, который часто бывалъ у него въ гостяхъ, вѣроятно, чтобъ оказать ему благоволеніе, зачислилъ двухъ сыновей этого изувѣра въ свиту посольства, чѣмъ еще больше раздражилъ Соковнина. Цѣль заговора—заманить Петра въ домъ Соковнина и тамъ убить его. Два стрѣльца донесли Петру о готовившейся ему участи, и царь тотчасъ, приказавъ Лопухину съ отрядомъ преображенцевъ быть въ извѣстный часъ въ домѣ Соковнина, поѣхалъ туда одинъ. Заговорщики были въ сборѣ и у нихъ шла пирушка, появленіе на которой незваннаго гостя изумило ихъ и обрадывало. Петръ сначала весело бесѣдовалъ съ хозяиномъ, но взглянувъ на часы и не слыша шаговъ преображенцевъ, хотя назначенное время прошло, царь началъ хмуриться, а заговорщики—шептаться «не пора ли?» Раздраженный этимъ Петръ вскочилъ и со словами «мнѣ пора» далъ пощечину Соковнину. Заговорщики при видѣ этого оцѣпенѣли отъ ужаса, а въ сѣняхъ раздался звукъ шаговъ и бряцаніе оружья преображенскихъ солдатъ и Лопухинъ вломился въ комнату: жизнь Петра была спасена, а заговорщики схвачены и закованы. Въ первую минуту царь думалъ, что Лопухинъ по винѣ своей опоздалъ и ему далъ пощечину, но потомъ убѣдился, что самъ, торопясь расправиться съ злодѣями, ошибся часомъ и за это чуть было не поплатился жизнію. Царь обнялъ Лопухина, наградилъ его и вѣрныхъ преображенцевъ, а заговорщиковъ предалъ лютой казни, послѣ страшнаго розыска, на которомъ выяснилось, что и царевна Софья подговаривала злодѣевъ совершить цареубійство, но Петръ пока оставилъ ее въ покоѣ.

Покончивъ съ заговоромъ Соковнина, царь вмѣстѣ съ великими послами выѣхалъ за-границу. Въ Ливоніи онъ былъ встрѣченъ холодно и даже оскорбленъ отказомъ губернатора Риги дозволить ему осмотрѣть укрѣпленія этого города. Царь поспѣшилъ въ Курляндію, надѣясь тамъ встрѣтить лучшій пріемъ и видѣть что нибудь замѣчательное; но и тутъ ничего не было достойнаго вниманія Петра. Поэтому оставивъ посольство договариваться съ герцогомъ курляндскимъ, Петръ моремъ поѣхалъ въ Кенигсбергъ, гдѣ курфюрстъ бранденбургскій Фридрихъ I оказалъ Петру всевозможныя почести, угощалъ его по-королевски и болѣе всего плѣнилъ царя, показавъ ему свое прекрасно-обученное, рослое войско. Царь довольный пріемомъ Фридриха и тѣми свѣдѣніями, которыя были почерпнуты при осмотрѣ бранденбург-

скихъ войскъ, черезъ Ганноверъ отправился въ Голландію, конечную цѣль поѣздки царя. Передъ отъѣздомъ изъ Бранденбургіи Петръ выразилъ Фридриху величайшую похвалу устройству городовъ: Кенигсберга, Берлина и Потсдама, но сожалѣлъ, что бранденбургцы плохо пользуются близостью моря, удобствомъ гаваней и многоводностью рѣкъ, удобныхъ даже для плаванія большихъ кораблей. Курфюрстъ благодарилъ царя за его дружескій упрекъ и заключилъ съ нимъ договоръ, относительно торговли и на случай войны. По пріѣздѣ въ Голландію, царь поселился въ Сардамѣ, маленькомъ приморскомъ городкѣ, и здѣсь сталъ изучать корабельное дѣло въ качествѣ простаго плотника; въ двѣ недѣли получилъ званіе мастера за успѣшное знаніе дѣла, хотя никто не подозрѣвалъ, что этотъ красивый, рослый и дѣльный плотникъ—царь московскій. Своими руками Петръ сдѣлалъ на Амстердамской верфи легкую яхту и былъ несказанно радъ, когда вышелъ на ней въ море. Ежедневно катаясь на своей яхтѣ, Петръ заботливо изучалъ законы управленія парусными судами и вообще мореплаваніе. Неограничиваясь этимъ, царь и десять дворянъ, въ числѣ которыхъ былъ уже и Меншиковъ, занялись изученіемъ всѣхъ наукъ, относящихся къ кораблестроенію и мореплаванію, а также для этого нужныхъ ремеслъ. Полгода пришлось употребить царю на изученіе физики, анатоміи, хирургіи и даже частью астрономіи, а также на ознакомленіе съ желѣзнымъ дѣломъ, выдѣлкой стали, литейнымъ и т. п. производствами. Ознакомившись болѣе или менѣе хорошо съ этими науками и ремеслами, царь направилъ путь свой въ Англію, въ которой хотѣлъ онъ еще изучить въ теоріи то, что сами голландцы добыли практикой.

Царь посѣтилъ Окедорфъ и долго жилъ въ лондонскомъ адмиралтействѣ, безъ отдыха работалъ надъ всѣмъ, что казалось ему нужнымъ для блага своей родины, закупилъ тамъ множество разныхъ мануфактурныхъ и металлическихъ произведеній, нанялъ опытныхъ мастеровъ по разнымъ ремесламъ и послалъ ихъ въ Россію. Оставивъ Англію, Петръ направился въ Венецію, которая изъ всѣхъ итальянскихъ городовъ славилась своей морской торговлей и флотомъ, чему способствовало ея положеніе у Адріатическаго моря на 400 маленькихъ островкахъ, за что и дано было ей названіе «морской царицы.» На дорогѣ туда Петръ посѣтилъ Вѣну и лично видѣлся съ императоромъ Леопольдомъ I, который радушно принялъ царя и хотя отказалъ ему въ продолженіи войны съ Турціей, но обязался, что безъ вѣдома Петра не заключитъ съ султаномъ отдѣльнаго мира.

Когда все уже было готово къ отъѣзду царя въ Италію, пришла вѣсть изъ Москвы, что воротившіеся съ литовской границы стрѣльцы, подстрекаемые Софьей и разными, съ умысломъ распускаемыми, слухами о смерти царя за границей, взбунтовались у города Торопца, перебили полковниковъ, забрали артиллерійскій

снарядъ и въ числѣ 4-хъ полковъ пошли брать Москву. Узнавъ объ этомъ, Петръ поспѣшилъ въ Россію и хотя на дорогѣ узналъ объ усмиреніи бояриномъ Шеинымъ съ преображенскимъ и семеновскимъ полками мятежниковъ у Воскресенска (46-ть верстъ отъ Москвы,) гдѣ они разбиты были на голову, но все же не вернулся назадъ.

По пріѣздѣ въ Москву, царь занялся розыскомъ по послѣднему стрѣлецкому бунту; начались допросы и пытки, до 700 посажено въ темницу виновныхъ, причемъ выяснилась полная виновность Софьи. Петръ въ страшномъ гнѣвѣ хотѣлъ ее даже убить собственноручно; но Лефортъ удержалъ Петра, представивъ ему всю неблаговидность этого поступка, и потому Софья была, по волѣ брата, пострижена въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ Сусанны, гдѣ и умерла, пробывъ монахиней до 1704 года. Разомъ Петръ велѣлъ постричь въ монашество жену свою Евдокію Ѳеодоровну Лопухину и другую сестру Марѳу Алексѣевну, изъ которыхъ царица Евдокія была заключена въ Суздальскій монастырь. Расправившись такъ жестоко съ своимъ семействомъ, Петръ предалъ смертной казни нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ повѣшены были передъ окнами Софьиной келліи, по стѣнамъ Новодѣвичьяго монастыря, отчего явились пословицы «что на монастырской стѣнѣ зубецъ, то виситъ молодой стрѣлецъ,» а другимъ были отрублены головы, послѣ страшныхъ пытокъ.

Стрѣлецкое войско было уничтожено, а уцѣлѣвшіе отъ казней съ своими семействами были выведены изъ Москвы въ Азовъ, Астрахань и другіе отдаленные города; тамъ они еще сражались съ крымцами и турками, но не составляли ужъ отдѣльнаго корпуса. Съ этой поры начался рядъ преобразованій московскаго государства; и Петръ началъ второе дѣсятилѣтіе своего единодержавія.

По возвращеніи своемъ изъ за-границы, царь восхищенный всѣмъ, что тамъ видѣлъ и чему научился, желалъ и подданныхъ своихъ сдѣлать такими же, какъ нѣмцы и голландцы; но, какъ трудно было царю однимъ взмахомъ пера измѣнить коренные недостатки русскихъ: предразсудки, суевѣріе, нелюбовь къ всему иноземному и приверженность къ старинѣ,—вотъ поэтому-то и началъ Петръ свои преобразованія съ внѣшняго вида, съ наружности русскихъ.

Къ величайшему изумленію московскихъ вельможъ во дворцѣ царскомъ, когда они пріѣхали поздравить государя съ счастливымъ возвращеніемъ изъ чужихъ земель, встрѣтилъ ихъ брадобрѣй, который, согласно тутъ-же объявленному повелѣнію царя, долженъ былъ обрить желающихъ видѣть его; а кто не желалъ разстаться съ бородой царь отказался принять. Бояринъ Шеинъ, герой азовскаго похода, первый дозволилъ обрить себѣ бороду, за нимъ сдѣлали

тоже нѣкоторые изъ сановниковъ; но остальные разъѣхались по домамъ. Съ той поры пошло преслѣдованіе бородъ и усовъ: на балахъ и пирахъ царскихъ присутствовалъ постоянно брадобрѣй, и царь подъ разными предлогами старался обрить какъ можно больше брадатыхъ гостей. Дѣло дошло до того, что едва эта мѣра не была примѣнена къ духовенству. Въ защиту его возсталъ престарѣлый патріархъ Адріанъ, котораго Петръ, рано потерявшій родителя своего, привыкъ уважать и почитать какъ отца, и ходатайство Адріана подѣйствовало. Петръ далъ даже облегчительныя правила о ношеніи бороды, такъ отъ 30 до 100 руб. стоила мѣдная деньга, на которой были вычеканены усы и борода, освобождавшая носившаго ее отъ бритья. Если же владѣлецъ этой льготной деньги, выходя на улицу, забывалъ ее дома, то первый брадобрѣй, который стоялъ на перекресткѣ, сбривалъ ему бороду и усы; въ избѣжаніе этого, мѣдный значекъ, защищающій бороду, носили на шеѣ. Съ сельскихъ обывателей, при въѣздѣ въ Москву, за оставленіе бороды взыскивалось по двѣ деньги. Также преобразованіе коснулось и покроя одежды. Приказано было носить камзолъ сначала венгерскаго, а потомъ нѣмецкаго покроя; освобождалось отъ этого только духовенство и крестьяне. Въ гостинномъ ряду запрещалось подъ строгой отвѣтственностью продавать русскую одежду, а съ тѣхъ, кто не хотѣлъ носить немѣцкое платье, взыскиваемо было: съ конныхъ—2 руб., а съ пѣшихъ—40 коп.

Петръ, наружно измѣнивъ своихъ подданныхъ, принялся за дѣло внутренняго ихъ совершенствованія. Вслѣдствіе вліянія Азіатскихъ обычаевъ на русскую жизнь, женщины не выходили къ гостямъ, не участвовали въ увеселеніяхъ и все время проводили въ дальнихъ покояхъ своихъ домовъ; тамъ онѣ занимались рукодѣльемъ и вскормленіемъ дѣтей. Въ рѣдкихъ случаяхъ, если посѣщалъ хозяина именитый гость, то хозяйка или вообще старшая въ семействѣ, выходила къ нему съ чаркою вина и подносила ее съ поклономъ гостю. Даже женихъ не видѣлъ до выхода изъ подъ вѣнца своей невѣсты, такъ что переговоры и смотрины невѣсты дѣлались отцомъ и матерью жениха и невѣсты, а за отсутствіемъ ихъ старшими родственниками. Изъ этого явилось то, что мужчины, не сдерживаемые присутствіемъ женщинъ, въ своихъ увеселеніяхъ предавались шумному разгулу, были грубы и дики въ своемъ обращеніи, постоянно заканчивали пиры страшнымъ пьянствомъ и обжорствомъ; а семейная жизнь часто была несчастлива, такъ какъ сходились мужъ и жена не по взаимному влеченію и совсѣмъ не зная другъ друга; отсюда являлось несогласіе и ссоры, кончавшіяся дракой и страшными побоями, обыкновенно на носимыми пьянымъ мужемъ женѣ по возвращеніи съ пирушекъ. При такомъ положеніи общественной и частной жизни могъ-ли развиться утонченный вкусъ, наклонность ко всему изящ-

ному и добрая нравственность? Конечно, вниманіе царя обратилось въ эту сторону, и онъ, наглядѣвшись на западѣ на благотворное вліяніе женщинъ въ общественной и частной жизни европейскихъ народовъ,—задумалъ вывести русскихъ женщинъ, изъ крѣпкихъ теремовъ боярскихъ и высокихъ хоромъ дворянъ и гостей московскихъ, на свѣтъ Божій. Для этого начали даваться во дворцѣ пиры, на которыхъ играла музыка, а гости должны были быть въ иностранныхъ костюмахъ, преимущественно: нѣмецкихъ, французскихъ и венгерскихъ; на эти-то вечеринки царскія обязаны были являться гости съ женами и дочерями, которымъ строго вмѣнялось въ обязанность танцовать. Сначала это было дико даже для самихъ женщинъ, но потомъ начали по немногу привыкать къ заморскимъ обычаямъ, глядя какъ веселились безъ всякаго принужденія, на этихъ собраніяхъ приближенные царя, объѣхавшіе съ нимъ чужія края и знатные иностранцы, находившіеся на русской службѣ, съ ихъ семействами.

Послѣ царь приказывалъ кому нибудь изъ вельможъ своихъ дѣлать и у себя такую же пирушку, говоря, что онъ будетъ у него самъ со всѣмъ дворомъ своимъ: эта честь была велика, отказать было нельзя строгому государю и волей—неволей приходилось созывать гостей съ ихъ женами, предупреждать ихъ о волѣ на это царя и дѣлать пиръ на весь городъ. Чтобы сблизить оба пола и дать жениху и невѣстѣ еще до свадьбы видѣться и узнать другъ друга покороче, указомъ 1702 г. повелѣно было сватовство начинать за 6 недѣль до вѣнчанія и никакъ не ближе; спрашивать непремѣнно согласія на бракъ не у родителей, а у самихъ вступающихъ, иначе отнюдь не вѣнчать.

Еще должна была уничтожиться излишняя и безполезная роскошь русской знати, которой иностранцы давали названіе истинно-азіатской и ею поражались. Каждый знатный человѣкъ имѣлъ у себя многочисленную прислугу, дворню, занималъ громадныя и высокія хоромы, украшенныя безъ всякаго вкуса, выѣзжалъ въ колымагахъ, рыдванахъ цугами на множествѣ лошадей, имѣлъ платье парчевое, шубы дорогихъ мѣховъ, высокія собольи и куньи шапки, кафтаны и даже сорочки, низанные жемчугомъ и съ золотымъ шитьемъ,—все это было богато, но аляповато, безвкусно и непригодно. Петръ собственнымъ примѣромъ захотѣлъ уничтожить безумную роскошь русскихъ, такъ какъ зналъ, что они привыкли брать всегда во всемъ примѣръ съ царя. Для того Петръ выѣзжалъ не въ раззолоченныхъ колымагахъ, запряженныхъ чуть не табуномъ лошадей, а въ одноколкѣ, двухколесной телѣжкѣ, запряженной въ одну лошадь, съ деньщикомъ и даже иногда одинъ, жилъ въ самомъ тѣсномъ изъ московскихъ дворцовъ своихъ, а по переѣздѣ въ Петербургъ даже въ нарочно-отстроенномъ для него, извѣстномъ каждому русскому и до селѣ уцѣлѣвшемъ, «домикѣ Петра великаго;» одѣвался въ мундиръ Преобра-

женскаго полка изъ толстаго солдатскаго сукна, штопалъ себѣ чулки и носилъ сопоги и башмаки въ заплатахъ и съ подкинутыми имъ-же самимъ подметками. Кромѣ примѣра своего, насмѣшки царя, а иногда и строгіе выговоры, за лишнюю роскошь, все таки нѣсколько подѣйствовали на жизнь русскихъ вельможъ, заставивъ ихъ сократить число дворни и меньше рядиться въ золото и мѣха.

Въ то же время всѣ отросли государственной и общественной дѣятельности потерпѣли измѣненіе подъ твердой рукой Петра. Онъ задумалъ уничтожить стрѣлецкое войско, не приказывалъ вновь записывать въ него охочихъ людей, а служившихъ разогналъ по окрайнамъ Россіи; земское-же ополченіе изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей еще продолжало существовать во время борьбы со шведами и нѣсколько разъ созывалось для охраны границъ Россіи и даже лучшая часть его для походовъ. Взамѣнъ стрѣльцовъ, въ 1699 г., еще было учреждено 29 полковъ регулярнаго войска, которое не имѣло права заниматься торговлей и ремеслами, получало жалованье и содержаніе отъ казны, оружье и платье, имѣло однообразный мундиръ съ полковыми отличіями, занималось исключительно военными упражненіями и подлежало строгимъ наказаніямъ за малѣйшее уклоненіе отъ дисциплины и ослушаніе начальству. Это регулярное войско было составлено изъ безпомѣстныхъ дворянъ, боярскихъ дѣтей, даточныхъ и освобожденныхъ отъ своихъ помѣщиковъ крестьянъ; въ него-же вступали часто охотою дѣти церковно-служителей и торговые люди. Названіе рядовому воину было солдатъ. Солдаты не имѣли право самовольно покинуть службу и выйдти изъ своего званія почти до совершенной дряхлости или до той поры, когда на полѣ сраженія получали раны и тяжкія увѣчья, дѣлающія ихъ неспособными къ дальнѣйшей службѣ. Къ величайшей чести Петра относится, что онъ не забывалъ этихъ героевъ и даже иногда увѣчныхъ солдатъ помѣщалъ въ монастыри, удовлетворяя ихъ изъ монастырскаго приказа содержаніемъ наравнѣ съ монашествующими, не принуждая принять на себя постригъ.

Чины военные, раздѣленіе регулярныхъ войскъ, экзерциціи,— все было на европейскій ладъ. Команда вручена была иностраннымъ офицерамъ, приглашеннымъ изъ-за границы государемъ: нѣмцамъ, голландцамъ и т. п., изъ которыхъ самый знаменитый былъ, отпущенный Леопольдомъ I на русскую службу, герцогъ де-Кроа. Самъ царь несъ службу въ Преображенскомъ полку, постепенно проходя военные чины и давая этимъ примѣръ другимъ. Съ 1705 года начались правильные рекрутскіе наборы, чего не избѣжали и монастырскія вотчины, обязанныя тоже по окладу выставлять солдатъ. Въ это время войско пріобрѣло дѣйствительно иностранную выправку и устройство, нисколько не напоминая нестройныхъ полковъ стрѣлецкихъ и земскаго ополченія. Если гдѣ еще и встрѣчалась нестройность, такъ это въ толпахъ татаръ, калмы-

ковъ и казаковъ, слѣдовавшихъ всегда за войскомъ во множествѣ, какъ бывало и въ старину. Для награжденія военныхъ и нѣкоторыхъ гражданскихъ заслугъ былъ учрежденъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, который данъ былъ первому адмиралу Головину и второму—гетману Мазепѣ. Кораблестроеніе производилось на верфяхъ: Воронежской, Олонецкой, Архангельской и Брянской на Двинѣ; но флотъ еще далеко былъ не многочисленъ.

На содержаніе войска и устройство флота требовались большія суммы денегъ, что заставляло увеличить доходы государства. Петръ, благодаря своей геніальности и прозорливости, свойственной всѣмъ великимъ людямъ, нашелъ новые источники доходовъ. Особенно крупный доходъ стали давать: поземельныя подати и таможенныя пошлины на заграничные товары, возвышенныя Петромъ; отмѣна же тарханныхъ грамотъ сословіямъ и частнымъ лицамъ и другихъ льготъ отъ податей и повинностей еще больше способствовала увеличенію ихъ; нѣкоторыя отрасли промышленности, объявленны собственностью казны, какъ-то: винокуреніе, добываніе соли и рыбныя ловли; вновь введенны налоги на предметы: гербовыя пошлины съ купчихъ и др. записей, сборы съ мельницъ, постоялыхъ дворовъ и т. д., и наконецъ бывшіе прежде торговые сборы съ возовъ, вѣсовъ и т. п. Большая часть этихъ статей дохода была отдана на откупъ, а нѣкоторыя собирались казеннымъ управленіемъ, которому вмѣнено былъ въ обязанность вести строгую отчетность, и въ случаѣ чего нести отвѣтственность за всѣ упущенія. Устроивъ такимъ образомъ финансовый порядокъ, царь обратилъ вниманіе на порядокъ управленія вообще и развитіе промышленности въ частности.

Учрежденіемъ двухъ мѣстъ: монастырскаго приказа и ратуши было сдѣлано много къ лучшему по управленію монастырскими вотчинами и устройству самыхъ монастырей и по завѣдыванію торговыми и промышленными дѣлами.

Преобразованіе духовнаго управленія началось со смерти патріарха Адріана, бывшаго казанскаго митрополита, человѣка жизни строгой и суровой, яраго противника брадобрейства и разныхъ новшествъ чужеземныхъ, который говаривалъ часто, что безбородые подобны «котамъ и псамъ» и любилъ задаваться вопросомъ, гдѣ станутъ на страшномъ судѣ всѣ русскіе, обрившіе бороды: съ праведниками, украшенными бородами, или съ обритыми еретиками. Такія рѣчи Адріана доходили и до царя, почему онъ не рѣшился назначить ему преемника, а поручилъ править церковными дѣлами рязанскому митрополиту Стефану Яворскому съ титуломъ «блюстителя патріаршаго престола,» причемъ патріаршій разрядъ раздѣлилъ на патріаршій и монастырскій приказы. Вѣдомство перваго было чисто духовное управленіе, подъ надзоромъ блюстителя Стефана, а втораго — завѣдываніе монастырскими вотчинами и вообще всѣми доходами монашествующихъ,

подъ управленіемъ боярина Мусина-Пушкина. Замѣчено было Петромъ, что монастыри обладаютъ страшными богатствами и множествомъ населенныхъ вотчинъ, и главное употребляютъ свои доходы непроизводительно, принимая на свое содержаніе множество тунеядцевъ, которые поступаютъ въ монастырь ради лѣности и ханжества; кромѣ того управленіе монастырскихъ имѣній было самое неряшливое и безпорядочное, отчего часть доходовъ не доходила до казны монастырской. Петръ повелѣлъ по строгомъ разсмотрѣніи принимать людей въ монастырь, испытывать ихъ въ годности къ монашеской жизни и доброй нравственности, и затѣмъ назначилъ каждому монаху изъ монастырскаго приказа жалованье 10 руб. и 10 четвертей хлѣба. Этой мѣрой царь очистилъ монастыри отъ вредныхъ или, по крайней мѣрѣ, безполезныхъ людей и возвысилъ доходность монастырскихъ имѣній, доставилъ имъ хорошее хозяйственное устройство, а государству значительный, за выдачей на содержаніе монаховъ и монастырскихъ церквей, доходъ. 1-е января этого 1700 года было сочтено началомъ новаго гражданскаго года, тогда какъ ранѣе года въ Россіи считались церковные съ сентября мѣсяца,—это вызвало было разные нелѣпые толки, но царю было не до нихъ. Чтобы поднять классъ промышленный и торговый, задавленный вмѣшательствомъ разныхъ начальствующихъ лицъ, царь учредилъ ратушу, въ которой должны были засѣдать выбранные бурмистры, которые вѣдали сборъ доходовъ въ пользу того города, гдѣ находилась ратуша, сбирали налоги за винокуренія, рыбные ловли и выработку соли, творили судъ надъ иностранными купцами и могли ходатайствовать о всемъ, что находили нужнымъ для развитія промышленности, прямо предъ государемъ, а также о защитѣ отъ притѣсненій, съ чьей либо стороны подвѣдомственныхъ ей промышленниковъ и торговыхъ людей.

Народное образованіе также вызвало дѣятельныя мѣры Петра, хотя въ этомъ направленіи ему пришлось много трудиться въ виду непривычки высшихъ классовъ, не говоря уже о другихъ сословіяхъ, отдавать дѣтей своихъ въ науку. Царь обратилъ сначала вниманіе на духовенство, какъ болѣе другихъ просвѣщенное сословіе, и приказалъ при архіерейскихъ домахъ, доходы которыхъ тоже были велики, имѣть школы, чтобы учить дѣтей духовенства св. писанію и языкамъ греческому и латинскому. Кто не прошелъ этой школы, тотъ ни въ какое званіе, кромѣ солдатскаго, поступить не могъ. Дѣтей дворянъ сначалъ посылалъ учиться за границу и по возвращеніи ихъ оттуда, самъ дѣлалъ имъ испытаніе, а по городамъ разсылалъ учителей, тоже лично имъ испытанныхъ въ знаніи наукъ, чтобы они учили тамъ дѣтей дворянскихъ грамотѣ, цифири (ариѳметикѣ,) и землемѣрію (геометріи.) Кто же избѣгалъ ученія тѣхъ, по указу Петра, записывали въ недоросли изъ дворянъ и имъ запрещено было жениться. Для

изученія морскаго дѣла, была также основана высшая школа «новигаціи,» куда опредѣлялись ученики по испытанію царя. Чтобы возвысить умственный уровень своего народа, дать ему возможность слѣдить за всѣмъ, что дѣлается въ государствѣ, Петръ приказалъ издавать газеты, называемыя тогда куранты, въ которыхъ, кромѣ распоряженій правительственныхъ, помѣщалось описаніе всего замѣчательнаго, что дѣлалось при дворѣ: пріемовъ пословъ, празднованій побѣдъ, царскихъ имянинъ и т. д., и сообщалось все полезное, недавно открытое въ разныхъ областяхъ знанія. Необходимѣйшія иностранныя сочиненія по исторіи, математики и т. п. переводились на русскій языкъ, а потомъ печатались въ Амстердамѣ Ив. Тессингомъ, печатнаго дѣла мастеромъ. Послѣ того, начали печатать книги и въ Москвѣ гражданскимъ шрифтомъ, придуманнымъ самимъ Петромъ, придерживаясь латинскаго начертанія буквъ. Иногда царь правилъ самъ корректуру, чему и донынѣ служитъ памятникомъ листъ «устава объ асамблеяхъ,» съ поправки рукой Великаго. Царь страшно былъ огорченъ, если дворяне учившіеся за границей, пріобрѣтали только наружный видъ иностранцевъ, не изучивъ тамъ полезныхъ наукъ и ремеслъ, и не было у Петра радостнѣе дня, когда являлись къ нему молодые люди, не даромъ прожившіе за границей и многому выучившіеся тамъ. Извѣстно, что единственный парадный камзолъ свой, разшитый серебромъ, онъ надѣвалъ два раза въ жизни: въ день коронаціи жены своей Екатерины Алексѣевны и при встрѣчѣ изъ-за границы перваго русскаго живописца Макарова, пожалованнаго имъ въ званіе Гофъ-Маляра. Какихъ усилій не было со стороны Петра, чтобы побороть невѣжество своего народа, и какихъ крутыхъ мѣръ не употреблено имъ для этой цѣли—этого никому другому, менѣе Петра геніальному, дѣятельному и твердому, исполнить было невозможно; но зато и награда Петру была велика: въ 1721 году радостный государь могъ подписать регламентъ объ учрежденіи академіи наукъ, до необходимости имѣть которую, подъ руководствомъ Петра, созрѣлъ русскій народъ.

Въ то время когда Петру приходилось бороться съ невѣжествомъ своего народа внутри государства,—внѣ его онъ долженъ былъ вести войну со Швеціей, называемую сѣверной, за одинъ клочекъ земли на берегу Балтійскаго моря, уже раньше принадлежавшій Россіи, но уступленный Швеціи Столбовскимъ міромъ и дополнительными статьями Кардисскаго договора, по которому отошла отъ Россіи Ингрія, называнная иначе Ингерманландіей. Сѣверная война предпринималась Петромъ для той же цѣли, для какой онъ велъ внутреннюю борьбу: поднять свой народъ въ умственномъ отношеніи, сблизивъ его съ Европой, и развить промышленность, что достигнется скорѣе всего при обладаніи Балтійскимъ моремъ. На предложеніе царя продать Россіи Нарву

или Ніенманцъ,—шведы отвѣчали отказомъ, извѣстивъ, что и промѣнять эти мѣстности на Финскомъ заливѣ ни зачто не согласятся. Послѣ этого Петръ медлилъ войной и можетъ быть долго бы ее не началъ, потому что миръ съ Турціей не былъ еще заключенъ, а шли только переговоры въ Карловицѣ цесарскихъ уполномоченныхъ и русскаго посла Возницына съ турецкими комисарами. Не успѣла Россія еще заключить этого мира, какъ явилось обстоятельство, ускорившее рѣшеніе Петра начать шведскую компанію; оно заключалось въ союзѣ оборонительномъ и наступательномъ между Датскимъ королемъ Фридрихомъ IV и курфюрстомъ Саксонскимъ Августомъ II, названнымъ за необыкновенную тѣлесную силу свою «сильнымъ,» который съ помощью вліянія Петра на избираемый сеймъ въ Варшавѣ и поставленныхъ на литовской границѣ русскихъ войскъ, былъ избранъ королемъ польскимъ. Цѣль этого союза была война со Швеціей, союзницей герцога Шлезвигъ-Голштинскаго. Причины вражды Даніи къ герцогу Голштинскому и поддерживавшей его Швеціи коренились уже полтора вѣка въ постоянномъ соперничествѣ двухъ линій Ольденбургскаго дома, изъ котораго старшая царствовала въ Даніи, а младшая въ Шлезвигъ-Голштейнѣ, составлявшими одно государство, но подъ властью двухъ государей. Король Датскій притѣснялъ часто герцога, а тотъ обращался къ Швеціи, и та начинала войну съ своей соперницей будто бы въ защиту Голштиніи. Въ послѣдній разъ Данія срыла всѣ крѣпости герцогства, и герцогъ бѣжалъ въ Швецію.

Король Августъ II не имѣлъ особыхъ причинъ воевать со шведами; но ему приходилось трудно править поляками, такъ какъ партія французскаго претендента на польскій престолъ принца Конти, отвергнутаго твердой волей Петра, опять подняла голову и начала стѣснять всѣми средствами королевскую власть. Въ виду этого Августъ задумалъ захватить съ помощью своей саксонской арміи самодержавіе надъ Польшей, и сдѣлать домъ свой наслѣдственнымъ; но по законамъ польскимъ, иностранные войска могли быть введены въ Польшу только во время войны, и то какъ союзники. Для этого только заключилъ Августъ II союзъ противъ Швеціи съ Даніей, но чтобы скрыть истинную причину, побудившую его къ войнѣ со Швеціей, онъ выставилъ полякамъ отнятіе отъ шведовъ Лифляндіи и Эстляндіи, принадлежавшихъ ранѣе Польшѣ и возвращеніе которыхъ, если къ тому представится удобный случай, онъ поклялся при вступленіи на престолъ.

Оба монарха, Фридрихъ VI и Августъ II, знали, что русскій царь просилъ Швецію уступить ему путемъ денежной сдѣлки или обмѣна одинъ пунктъ при Финскомъ заливѣ,—но шведское правительство, боясь пріобрѣтенія могущества Россіею на Балтійскомъ морѣ,—отказало царю,—и потому предложили ему пріобрѣ-

сти желаемое путемъ оружья, присоединившись къ ихъ союзу противъ шведовъ, но Петръ отвѣчалъ, что до заключенія мира съ Турціею онъ не начнетъ войны противъ шведовъ. Это выражено было Петромъ лично Августу, во время свиданія обоихъ монарховъ при Равѣ, но былъ человѣкъ, который всѣми силами необыкновеннаго ума своего старался устроить сѣверный союзъ трехъ державъ противъ Карла XII, короля Швеціи,—это лифляндецъ Рейнгольдъ Паткуль, заклятый врагъ его и Швеціи. Поводомъ ненависти Паткуля и неудовольствій Лифляндіи противъ шведовъ, которые послужили на пользу Россіи, было коммиссіи для отобранія въ пользу государства отъ лифляндскихъ дворянъ многихъ земель, которыми они завладѣли хотя и давно, но самовольно. По разсмотрѣніи этого, коммиссія сдѣлала постановленіе изъять изъ владѣнія частныхъ лицъ и передать въ собственность государства всѣ земли, принадлежавшія ранѣе гермейслеру, орденскому капитулу и епископамъ Ливонскаго ордена. Такое рѣшеніе поземельнаго вопроса не понравилось лифляндцамъ, и они послали въ Стокгольмъ четырехъ депутатовъ. Явившись въ Швецію, депутаты горячо отстаивали права своихъ соотечественниковъ на захваченныя шведскимъ правителлствомъ за лифляндскія земли, что страшно разгнѣвало короля Карла, и онъ приказалъ заключить ихъ въ темницу, отдалъ суду какъ мятежниковъ и имъ была объявлена смертная казнь. Одинъ-то изъ этихъ несчастныхъ депутатовъ, Рейнгольдъ Паткуль, успѣлъ бѣжать изъ темницы и теперь нашелъ случай отмстить Карлу. Петръ не могъ устоять противъ доводовъ Паткуля начать войну съ Карломъ и, получивъ увѣдомленіе изъ Вѣны отъ Возницына, что онъ заключилъ двухлѣтнее перемиріе съ Турками, поспѣшилъ, чтобъ развязать себѣ вполнѣ руки, послать въ Константинополь посломъ Украинцева, который и заключилъ съ Турціей перемиріе на 30 лѣтъ; причемъ Азовъ съ его округомъ остался во владѣніи Россіи, а другія взятыя русскими турецкія крѣпости, хотя и отошли назадъ, но укрѣпленія ихъ должны быть срыты.

Въ день полученія извѣстія о мирѣ съ Турціею, Петръ объявилъ войну Швеціи, хотя зналъ, что союзники успѣли начать уже компанію вступленіемъ датчанъ въ Голштинію, и Августа въ Лифляндію, гдѣ армія его начала осаду Риги, и кончили ее позорно, такъ какъ предъ Копенгагеномъ, совсѣмъ неожиданно явился юный Карлъ XII и принудилъ Фридриха къ унизительному миру, заключенному 8 Августа 1700 года, когда Украинцевъ подписалъ 30-ти лѣтній миръ съ Турціей, а Августъ снялъ осаду Риги и сталъ выводить войска свои изъ Лифляндіи.

Дѣйствительно объявленіе войны Даніею и Августомъ II испугало шведовъ, такъ какъ ими управлялъ едва достигшій совершеннолѣтія король—юноша Карлъ XII, который все свое время

проводилъ въ пустыхъ забавахъ и травляхъ звѣрей въ вѣковыхъ лѣсахъ своей суровой страны; неожиданно Карлъ явился самъ въ Сенатъи объявилъ, что самъ онъ не начиналъ войны, но если его вызываютъ на это, то не положитъ оружья дотолѣ,—пока не уничтожитъ союзниковъ. Сенатъ, увлеченный мужествомъ своего молодаго государя, принялъ вызовъ, а Карлъ XII начальство надъ шведской арміей и, какъ сказано, съумѣлъ расправиться съ Даніей и теперь шелъ наказать Августа; но, получивъ объявленіе войны Петромъ, повернулъ къ сѣвернымъ предѣламъ Россіи.

Петръ, не желая дожидаться Карла, направилъ свои войска къ Нарвѣ, въ Лифляндію, чтобы успѣть завладѣть поскорѣй этимъ прибалтійскимъ укрѣпленнымъ городомъ, который былъ такъ необходимъ Россіи. Кромѣ того, этотъ городъ могъ служить базисомъ, основаніемъ всѣхъ военныхъ дѣйствій въ Лифляндіи. Къ Нарвѣ подошло 32,000 русскаго регулярнаго войска, въ томъ числѣ и два гвардейскіе полка, и началась осада; но приступы русскихъ были отбиваемы, не смотря на то, что самъ царь былъ при арміи. Такая безуспѣшность осады происходила отъ того, что русскіе были еще далеко неискусны въ военномъ дѣлѣ, и невсегда понимали что хотѣли отъ нихъ иноземные командиры, а тѣ, въ свою очередь, не знали свойствъ русскаго солдата. Между тѣмъ, какъ комендантъ Нарвы генералъ Горнъ и шведскій гарнизонъ этой крѣпости были опытные воины и хорошо знали другъ друга. Видя сопротивленіе шведовъ, рѣшено было прибѣгнуть къ старому и давно любимому русскими способу осады крѣпостей: обложенію ихъ со всѣхъ сторонъ и тѣмъ прекращенію къ нимъ подвоза жизненныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Русская армія плотно окружила нарвскія укрѣпленія, въ дѣйствительности незначительныя; но въ продолженіи двухъ недѣль, не смотря на эту незначительность крѣпости и поддерживая постоянный артиллерійскій огонь, ничего не могла сдѣлать. Непрерывный огонь русскихъ орудій былъ прекращенъ, и русскіе занялись укрѣпленіемъ своего лагеря, тянувшагося около Нарвы на семь верстъ и ждать сдачи крѣпости отъ голода и недостатка въ ней военныхъ запасовъ; но это почувствовали сами прежде шведовъ. Петръ, чтобы лично распорядиться подвозомъ всего нужнаго и даже увидѣть короля Августа для необходимыхъ переговоровъ, поѣхалъ въ Новгородъ, думая, что Карлъ XII далеко еще отъ Нарвы. Главное начальство надъ арміей вручено было знаменитому полководцу, австрійскому генералу де-Круа. На слѣдующій день по отъѣздѣ Петра, Карлъ XII неожиданно для русскихъ, какъ будто изъ подъ земли, появился предъ русскими окопами, не давъ опомниться молодому войску Петра и, хотя шведы были вдвое менѣе числомъ русскихъ, выбилъ ихъ изъ лагеря. Русская армія, на которую бросались со всѣхъ сторонъ шведы, какъ разъяренные львы, воодушевленные присутствіемъ своихъ генераловъ и главное юнаго короля,—должна

была потерпѣть страшное пораженіе. И какая разница? Когда король и его генералы были все время сраженія въ огнѣ, русскій главнокомандующій де-Круа собралъ своихъ военачальниковъ на военный совѣтъ, и тѣ, оставивъ русскихъ на произволъ судьбы, разсуждали: сдаться ли шведамъ на капитуляцію или нѣтъ, и если сдаться, то какія къ тому прилично принять условія. Пока военный совѣтъ разсуждалъ, русскіе дрогнули и бросились въ бѣгство. И здѣсь, когда дѣло было потеряно, два полка гвардіи: Преображенскій и Семеновскій, оказавъ львиную храбрость, пробились и ушли за рѣку Нарову.

Вся русская армія, согласно обстоятельствамъ и условіямъ капитуляціи, заключеннымъ де-Круа со шведами, положила оружіе предъ Карломъ. Самъ главнокомандующій, всѣ генералы и вся русская армія, оставшаяся въ живыхъ, 170 пушекъ и множество знаменъ были военной добычей шведовъ. Нарвское пораженіе стоило жизни 7,000 русскихъ солдатъ и офицеровъ. Самъ Карлъ увидѣлъ, что этой побѣдой онъ надолго ослабилъ Петра и поспѣшилъ въ Польшу наказать короля Августа, у котораго на театрѣ военныхъ дѣйствій были только одни саксонцы.

Узнавъ о движеніи Карла, Августъ бросилъ свою армію на берегахъ Двины, назначивъ командовать ею фельдмаршала Фонъ-Штейнау, а самъ поѣхалъ въ Варшаву молить сеймъ дать ему вспомогательное польское войско. Саксонская армія могла бы дать отпоръ Карлу; но тотъ, благодаря своему искусству, ударилъ въ тылъ непріятеля и погналъ его въ Литву. Послѣ того, по мѣткому выраженію Петра, «Карлъ увязъ въ Польшѣ.» Дѣйствительно, болѣе пяти лѣтъ громили шведы Литву и Польшу: вездѣ поражалъ Карлъ, а Августъ, оправившись немного, уходилъ въ другое мѣсто своего королевства и тамъ снова укрѣплялся, тогда Карлъ спѣшилъ туда, гдѣ былъ непріятель, и повторялась опять таже исторія. Августъ потому такъ упорно могъ держаться въ Польшѣ, что у шведскаго короля не было обыкновенія закрѣплять за собой, все что онъ занималъ. Наконецъ Карлъ занялъ Варшаву, а Августъ ушелъ въ Краковъ; шведы бросились къ Кракову и у Клиссовы нанесли страшное пораженіе саксонцамъ, а Августъ тѣмъ временемъ успѣлъ уѣхать въ Варшаву, и такъ шла изнурительная война. Августъ не могъ удержать въ своихъ рукахъ ни одного занятаго города, такъ какъ польскій сеймъ требовалъ поперемѣно то удаленія русскихъ войскъ, посланныхъ Петромъ въ помощь Августу, то очищенія Польши отъ саксонцевъ, ссылаясь на польскую конституцію, по которой иностранныя войска не должны занимать безъ согласія сейма польскія земли. Причиной этихъ безумныхъ требованій было существованіе въ Польшѣ двухъ партій: партіи саксонской Огинскаго и партіи шведской Сапѣги, къ которой еще примкнуло польское духовенство въ лицѣ главы его, примаса Радзѣевскаго, яраго

противника Августа. Впрочемъ сильная поддержка партіи Огинскаго и присылка вспомогательнаго корпуса русскихъ, подъ начальствомъ князя Меньшикова, давала еще возможность Августу держаться въ предѣлахъ своего королевства.

Карлъ, утомленный погоней за непріятелемъ, началъ дѣйствовать иначе, а именно: предложилъ польскому сейму низложить Августа, что и было исполнено, а потомъ просто велѣлъ посадить на тронъ сына Яна III,—Яна же Сабѣскаго; но Августъ успѣлъ во время захватить его и посадить въ одинъ изъ замковъ своей Саксоніи. Карлъ велѣлъ возложить корону на голову личнаго своего друга, воеводы Познанскаго, Станислава Лещинскаго, обладавшаго обширнымъ умомъ и великодушіемъ, но ему пришлось царствовать тамъ только, гдѣ стояли шведскіе полки: дальше пушечнаго выстрѣла шведовъ власть новаго польскаго монарха пока не простиралась,—и Карлъ сталъ продолжать войну.

Когда Карлъ XII, увлеченный погоней за королемъ польскимъ, сражался въ Польшѣ, Петръ приступилъ, съ свойственной ему мудростью, къ уничтоженію вреда, нанесеннаго русской арміи пораженіемъ при Нарвѣ, укомплектованіемъ и сформированіемъ вновь полковъ, для чего слѣдовалъ наборъ за наборомъ и увеличилъ артиллерію. Петръ такъ энергично принялся за дѣло, что даже часть колоколовъ перелилъ на пушки и при укрѣпленіи Новгорода и Пскова заставилъ женщинъ таскать землю. Было рѣшено давать помощь Августу, чтобы какъ можно долѣе задержать Карла въ Польшѣ, а тѣмъ временемъ вытѣснить шведовъ изъ Ингерманландіи и твердо встать у Финскаго залива. Стремясь къ этой цѣли и зная всю отвагу шведовъ и опытность ихъ генераловъ въ бою, Петръ не желалъ рисковать всею массою своихъ войскъ, а приказывалъ привыкать русскимъ бить шведовъ сначала малыми отрядами. Чтобы еще болѣе оживить духъ русскихъ, Шереметевъ пошелъ къ Дерпту, но подъ Эррестферомъ встрѣтилъ оставленнаго Карломъ въ Лифляндіи генерала Шлиппенбаха, разбилъ его, а вскорѣ при Гумельсгофѣ, собравшійся съ силами Шлиппенбахъ еще потерпѣлъ страшное пораженіе отъ Шереметева. Причина успѣха русскихъ заключалась отчасти и въ томъ еще, что шведы были вдвое слабѣе ихъ числомъ. Это сознавалъ и Петръ; но все же радости его не было границъ, и онъ говорилъ съ увѣренностью: «слава Богу, мы дошли до того, что шведовъ побѣждать можемъ, пока сражаясь вдвое противъ одного, но скоро начнемъ побѣждать ихъ и равнымъ числомъ.» Потому-то Борисъ Петровичъ Шереметевъ былъ осыпанъ милостями царя: ему данъ чинъ фельдмаршала, орденъ св. Андрея Первозваннаго и портретъ Петра, украшенный бриллiантами, а въ Москвѣ цѣлый день по случаю эррестфертской побѣды звонили въ колокола, палили изъ пушекъ и жгли потѣшные огни.

Хотя побѣды Шереметева были неважны, но положеніе шведовъ въ Лифляндіи и Ингерманландіи было и безъ того незавидно. Несмотря, что въ той и другой находилось множество крѣпостей, прекрасно снабженныхъ всѣмъ нужнымъ и занятыхъ сильными гарнизонами, въ этихъ областяхъ Карлъ не оставилъ сильнаго корпуса, который бы могъ, двигаясь въ поле, подавать помощь осажденнымъ крѣпостямъ. Послѣдствія этой ошибки Карла могли быть важны для непріятеля, и Петръ спѣшилъ воспользоваться этимъ—взятіемъ крѣпостей Ингерманландіи. Первымъ былъ обложенъ Нотебургъ, древнее русское укрѣпленіе Орѣшекъ, стоявшій при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, на островкѣ рѣки. Армія, приведенная туда была вдесять разъ сильнѣе шведскаго гарнизона, имѣла превосходную артиллерію и флотилію, и потому то Нотебургъ вскорѣ взялъ штурмомъ князь Голицынъ. Петръ самъ, въ качествѣ капитана бомбардирской роты, уставлялъ орудія, стрѣлялъ по крѣпости и лично распоряжался осадой, до той поры, когда былъ сдѣланъ значительный проломъ въ стѣнѣ. Тогда нужно было вызвать охотниковъ на штурмъ: вся гвардія хотѣла идти. Поэтому отобравъ молодцовъ изъ преображенцевъ и семеновцевъ, начальникъ гвардіи подплылъ къ крѣпости, но былъ встрѣченъ гранатами и страшнымъ ружейнымъ огнемъ осажденныхъ шведовъ. Къ несчастію, штурмовыя лѣстницы на полторы сажени оказались короче, чѣмъ слѣдуетъ, и русскимъ приходилось плохо. Петръ съ берега приказалъ Голицыну отступить, но тотъ отвѣчалъ посланному: «скажи государю, что я теперь не принадлежу Петру, а Богу,» и бросился самъ на штурмъ: Нотебургъ былъ взятъ. Горнизону крѣпости дозволено было отступить, оставлено оружіе, знамена и, въ уваженіе ихъ храбрости, отдана русскою арміею воинская почесть; а крѣпость переименована Шлиссельбургомъ, что значитъ ключъ-городъ. Петръ сказалъ, что эта крѣпость ключъ къ владычеству его на Балтійскомъ морѣ, двинулся къ устью Невы, гдѣ стояло укрѣпленіе Ніеншанцъ, занимая мѣсто нынѣшней Большой Охты, взялъ его безъ особеннаго труда и засѣлъ въ немъ. Шведская эскадра, не подозрѣвая даже паденія Ніеншанца, подошла на помощь къ нему и остановилась. Русскіе съумѣли отвѣчать на данный ею сигналъ, и успокоенные этимъ шведы выслали два корабля въ устье Невы, ближе къ крѣпости, съ тѣмъ, чтобы утромъ они высадили подкрѣпленіе и выгрузили съѣстные припасы и военный снарядъ. Петръ ночью посадилъ на канонирскія лодки часть своей гвардіи, поплылъ Фонтанкой въ устье Невы и неожиданно окружилъ безпечно стоявшіе тамъ шведскіе корабли. Эти оба корабля были взяты на абордажъ, т. е. русскіе канонирки сцѣпились съ ними и солдаты лезли на палубу, и на одинъ изъ нихъ Петръ вошелъ первымъ. Остальная эскадра шведскихъ судовъ снялась съ якоря и бѣжала. Петру за его подвигъ данъ былъ орденъ Андрея Первозваннаго

и той же награды удостоился поручикъ Меньшиковъ. Вскорѣ за этой побѣдой, Петръ 16 мая 1703 года положилъ основаніе, на островѣ Лустъ-Эйландѣ, Петропавловской крѣпостцы, около которой долженъ былъ вырости городъ, впослѣдствіи названный въ честь имени царя Санктъ-Петербургомъ.

Такъ крѣпко утвердившись на побережьи Финскаго залива и овладѣвъ всѣмъ теченіемъ Невы, Петръ обратилъ свое вниманіе на Прибалтійскій край: русская армія вступила въ Лифляндію и Эстляндію, и Шереметеву было приказано опустошать эти области. Предположено было, что Дерптъ и Нарва скорѣе сдадутся, если страна будетъ предана всѣмъ ужасомъ войны. Шереметевъ, исполняя это порученіе, началъ дѣйствовать по примѣру старыхъ русскихъ воеводъ, которые съ неслыханною жестокостью разоряли непріятельскую землю, не щадили ни малаго, ни стараго и уничтожали все, что не могли унести. Не менѣе трехъ четвертей Лифляндіи и Эстляндіи были опустошены, и Петръ, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, взялъ штурмомъ Дерптъ и Нарву, подъ которой Карлъ далъ русскимъ первый жестокій урокъ. Города же Вейсенбергъ, Вейсенштеинъ, Вольмармъ, Венденъ, Рингенъ и, задолго ранѣе, Маріенбургъ, были взяты Шереметевымъ, который испепелилъ ихъ. При сдачѣ Маріенбурга Шереметеву была взята въ плѣнъ Марта Скавронская, впослѣдствіи супруга Петра и, по смерти его, царствовавшая императрица Екатерина I Алексѣевна.

По взятіи Дерпта и Нарвы и опустошеніи прибалтійскихъ земель, остался только корпусъ генерала Левенгаупта, крѣпко засѣвшаго въ Ригѣ. Петръ искусно придумалъ способъ взять Ригу и захватить Левенгаупта съ его корпусомъ: приказано было Шереметеву не допускать къ Ригѣ подвоза провіанта, пресѣчь всѣ сношенія осажденныхъ и, согласно плану Петра, врасплохъ начать штурмъ. Шереметевъ сдѣлалъ ошибку, не могъ выполнить поэтому плана осады Риги, задуманнаго Петромъ, и былъ самъ жестоко разбитъ шведами при Гемаурсгофѣ. Но Петръ, узнавъ объ этомъ пораженіи своего фельдмаршала, заплатилъ за это взятіемъ Митавы и занятіемъ чуть не всей Курляндіи.

Теперь Петръ настойчивѣе сталъ стараться какъ можно долѣе задержать Карла въ Польшѣ, и для этого лично видѣлся съ Августомъ, съ которымъ заключилъ новый союзъ, обязавшись дать ему сильную помощь. Вспомогательная русская армія, посланная въ Польшу, была многочисленна, состояла изъ самыхъ отборныхъ полковъ и побывала ужъ въ огнѣ. Успѣху предпріятія могло препятствовать развѣ то, что Петръ не имѣлъ поръ рукою Шереметева, самаго искуснаго и закаленнаго уже въ бояхъ со шведами полководца, чтобы довѣрить ему эту превосходную армію. Около этого времени вспыхнулъ мятежъ на низовьяхъ Волги, и Астрахань, заселенная бывшими стрѣльцами и бѣглыми монахами и всѣми врагами Петровыхъ преобразованій, открыто взбунтова-

лась. Мятежники умертвили воеводу астраханскаго Ржевскаго, сносились съ казаками Дона, Урала и Терека и волновали ихъ. Бунтъ произошелъ изъ-за бритья бородъ и готовился быть страшнымъ, такъ какъ нѣсколько тысячъ мятежниковъ составили хорошо вооруженное войско и хозяйничали на Волгѣ. Потушить это волненіе былъ посланъ Шереметевъ, который сначала увѣщевалъ мятежниковъ положить оружіе, обѣщая имъ прощеніе; но когда это не подѣйствовало, опытный и храбрый фельдмаршалъ Петра, съумѣвшій ужъ страшно поражать превосходныя войска шведовъ, безъ большаго труда разсѣялъ главное скопище злодѣевъ, взялъ приступомъ Астрахань и, принявъ строгіе мѣры противъ зачинщиковъ, водворилъ полное спокойствіе въ Приволжскомъ краѣ.

Отсутствіе Шереметева принесло громадный вредъ русской арміи, посланной въ Польшу, и врученной неспособному Августу, такъ что, если бы не мудрыя мѣры Петра, она совсѣмъ бы должна была погибнуть, брошенная трусливымъ союзникомъ Петра въ Гродно на произволъ судьбы. Августъ, получивъ отъ Петра это войско, завелъ его въ Гродно, а свою армію раздѣлилъ на малочисленные корпуса и разослалъ ихъ въ разныя области Польши возстановлять его поколебавшуюся власть. Такой искусный полководецъ, какъ король шведскій, не могъ оставить безъ вниманія такую оплошность Августа и ринулся всѣми своими силами къ Гродно, осадилъ его, обложивъ со всѣхъ сторонъ, и не допускалъ русскихъ отступить, и прекратилъ подвозъ провіанта. Отчаянное положеніе русскихъ сдѣлалось еще ужаснѣе, когда Августъ тайно покинулъ Гродно. Русскіе, оставленные безъ вождя и на половину въ меньшемъ числѣ противъ шведовъ, должны были: или положить оружіе, или умереть подъ стѣнами Гродно.

Петръ узналъ объ опасномъ положеніи своей арміи и, хотя былъ вдали отъ Гродно, рѣшился помочь ей своей геніальностью, и помогъ. Царь заботливо изучилъ планъ мѣстности и укрѣпленій Гродно, придумалъ для русскихъ самый удобный способъ выйдти изъ Гродно и послалъ туда въ формѣ повелѣнія всѣ свои замѣчанія. Русскимъ оставалось только выполнить все написанное Петромъ, что они и исполнили такъ искусно, какъ будто бы на ученьи: Гродно былъ покинутъ, а Карлъ не рѣшился преслѣдовать русскихъ еще по той причинѣ, что хотѣлъ скорѣй покончить съ Августомъ, надѣясь въ будущемъ уже перевѣдаться и съ Петромъ. Дѣйствительно пришлось Августу тяжко. Побѣда генерала Реиншильда при Фрауштадтѣ надъ саксонскою арміею Шуленбурга была предъ этимъ до того рѣшительна, что должно считать съ той минуты дѣло Августа навсегда потеряннымъ. Но Карлу надо было еще вторгнуться въ наслѣдственныя земли развѣнчаннаго короля польскаго, и тамъ добить его или принудить къ унизительному миру. Вторженіе Карла въ Курфюршество Сак-

сонское, гдѣ онъ началъ примѣнять испытанный уже имъ въ Польшѣ способъ войны: бить противника, гдѣ бы онъ ни былъ, и гонять его изъ одного мѣста въ другое до совершеннаго истощенія, не давая оправиться и укрѣпиться.

Какъ не былъ Августъ безпеченъ и безсердеченъ, но Карлъ своими побѣдами заставилъ подумать и его, а опустошенія Саксоніи и страшныя страданія его подданныхъ по неволѣ произвели дѣйствіе на курфирста: малодушный монархъ, неспособный къ царствованію и погрязшій въ порокахъ, кончилъ войну съ Карломъ, какъ и слѣдовало ожидать, унизительнымъ миромъ, одной статьей котораго Августъ запятналъ свое имя передъ потомствомъ и заплатилъ черной неблагодарностью своему великодушному и истинному союзнику Петру: посланникъ русскаго царя при польскомъ и саксонскомъ дворѣ, генералъ Петровыхъ войскъ Рейнгольдъ Паткуль, вопреки международнымъ законамъ, былъ выданъ головою своему заклятому врагу Карлу XII. Уполномоченные Карла и Августа, съѣхавшіеся при Альтранштадтѣ, постановили еще, что Августъ долженъ отказаться навсегда отъ короны польской, признать Станислава Лещинскаго — королемъ польскимъ, заплатить шведамъ громадную денежную контрибуцію, отказаться отъ союза съ Русскимъ царемъ и, по одному обстоятельству, случившемуся позже, написать собственноручное письмо своему противнику королю Станиславу. Эти статьи договора, за исключеніемъ послѣдней, были приняты уже Августомъ, находившимся тогда со слабымъ отрядомъ саксонцевъ при корпусѣ Меньшикова, какъ вдругъ русскіе завязали бой съ шведскимъ генераломъ Мардефельдомъ при Калишѣ, принудивъ и Августа съ своимъ слабымъ отрядомъ принять участіе въ битвѣ, которая кончилась пораженіемъ шведовъ. Карлъ былъ въ высшей степени раздраженъ поведеніемъ Августа, сдѣлавшагося невольнымъ участникомъ въ пораженіи Мардефельда, и хотѣлъ признать ничтожнымъ Альтранштадтскій договоръ, желая лишить двуличнаго курфирста даже и его наслѣдственныхъ земель. Страшное униженіе выпало на долю Августа: курфирстъ лично долженъ былъ испросить прощеніе Карла и, что было всего больнѣе сердцу бывшаго короля Польши, написать Станиславу Лещинскому письмо, въ которомъ долженъ былъ принести поздравленіе съ благополучнымъ вступленіемъ его на польскій тронъ.

Своекорыстіе, малодушіе и двуличность Августа лучше всего выразилась его поступкомъ съ Паткулемъ, котораго онъ выдалъ Карлу для спасенія себя, забывъ, что этотъ человѣкъ — посланникъ его союзника Петра, постоянно, въ продолженіи почти шести лѣтъ поддерживавшаго его въ войнѣ съ Карломъ и даже, ранѣе того, доставившаго ему польскую корону. Еще болѣе гнусно то, что ненависть къ Паткулю короля шведскаго была извѣстна всей Европѣ, и слѣдовательно Августъ выдалъ его на вѣрную и

позорную смерть; а затѣмъ, оправдывая себя въ этой низости передъ Петромъ и современниками, курфирстъ страшно клеветалъ на Паткуля самъ и кромѣ того заставлялъ министровъ своихъ приписывать посланнику Петра участіе во всевозможныхъ грязныхъ интригахъ, будто бы веденныхъ Паткулемъ противъ него.

Но вотъ голосъ самого Паткуля, съумѣвшаго изъ темницы переслать письмо Петру, въ которомъ изложены всѣ обстоятельства его ареста, и вѣрнѣе всего выяснена вся лживость навѣтовъ на него Августа и его клевретовъ:

«ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ, ДЕРЖАВНѢЙШІЙ ЦАРЬ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!» (*)

«Ваше царское величество, думаю, не повѣрите, что такой неслыханный поступокъ со мною, вашимъ министромъ при его королевскомъ величествѣ польскомъ, учиненъ въ Дрезденѣ, гдѣ 8/19 сего мѣсяца вечеромъ около 12 часа съ моей постели меня взяли, и, едва давъ время одѣться, за двѣ мили оттуда, сюда въ Зонненштейнъ въ заключеніе привезли, и за крѣпкимъ карауломъ, за рѣшетками желѣзными, за укрѣпленныя окошки и замкнутыя двери, посадили, какъ будто я сдѣлалъ тяжкое преступленіе противъ величества, или измѣну и смертоубійство. Не дали мнѣ ни одного изъ моихъ слугъ, ни моей постели, и въ такое состояніе меня привели, что отъ субботы съ утра до середы вечера, пять сутокъ, я невидалъ ни куска хлѣба, не только что ѣлъ. И чтобы дать вашему величеству понятіе о мѣстѣ моего заключенія, — оно то самое, куда посадили полковника Гверина, заслужившаго смертную казнь. Всѣ люди, которыхъ я на службѣ вашего царскага величества употреблялъ,въ заключеніе; всѣ бумаги мои взяты, и надъ особою публичнаго министра союзнаго государя то сдѣлали, чего въ свѣтѣ никогда не бывало.

«Какъ симъ варварскимъ поступкомъ не только вашего царскаго величества высокая честь и почтеніе, которое къ вашимъ министрамъ вездѣ имѣютъ, но и право народное, свято и невредимо охраняющее министра, зѣло грубо нарушено, то всѣ изъ Дрездена чужіе министры, особливо цесарскій и датскій, какъ изъ мѣста, гдѣ нельзя полагаться на право народное, уѣхали и противъ сдѣланнаго надо мною насилія порядочно протестовали и своимъ государямъ черезъ гонцовъ возвѣстили.

«Между тѣмъ, принужденъ я здѣсь сидѣть, и меня такъ крѣпко держатъ, что не позволено имѣть ни бумаги, ни пера, хотя я о томъ просилъ, что-бы ваше царское величество увѣдомить о моемъ бѣдномъ состояніи. Не позволяютъ также ни съ кѣмъ говорить, чтобы успѣть разгласить обо мнѣ всякую ложь и басни,

(*) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова.

а истину утаить. Припадая къ стопамъ вашего величества, какъ всегда вѣрный рабъ, ради неизмѣнной до сего числа милости вашей, всесмиреннѣйше прошу: не извольте вѣрить навѣтамъ моихъ враговъ, но выслушайте меня. Всѣ мои поступки передъ вашимъ величествомъ, также и предъ королевскимъ величествомъ польскимъ, я оправдаю, такъ, что не только вы съ обоихъ сторонъ, но и весь свѣтъ увидитъ мою невинность и узнаетъ неслыханную свирѣпость сихъ варваровъ. Прошу не милости, а справедливости и суда, и уповаю, что в. в. въ томъ мнѣ не откажете, но своею, Богомъ данною, силою меня освободите и даруете возможность на судъ всего свѣта представить мое дѣло и на меня навѣты.

Смиренно уповаю, что в. в. въ моемъ лицѣ вашу собственную поврежденную честь охраните, подобно другимъ христіанскимъ государямъ, которые такъ поступаютъ въ меньшихъ случаяхъ, и отмстите за ваше оскорбленіе, чтобы всегда имѣли къ вашему величеству почтеніе, какъ наивеличайшему въ свѣтѣ государю. Какъ публичный министръ, я стою подъ властью государя, котораго дѣла отправляю, а у другаго святъ и невредимъ. Все, что можно мнѣ сдѣлать: запретить входъ, а самосильствомъ управы не искать.

«Въ такой надеждѣ уповаю, что в. в. изъ рукъ непріятельскихъ меня освободите. Пусть жалуются на меня в. в. Никому, кромѣ васъ, отвѣтомъ я не повиненъ, и съ радостною совѣстью буду отвѣчать передъ Богомъ и честнымъ свѣтомъ на посрамленіе моихъ враговъ.

«Если же ваше величество, чему я не хочу вѣрить, намѣрены держать меня въ арестѣ, то избавьте меня отъ рукъ моихъ непріятелей и гонителей; я ни минуты не спокоенъ отъ наглаго убійства, отравы и другихъ безбожныхъ дѣлъ. Прикажите отдать меня въ сохраненіе нейтральнаго государя, цесарскаго величества или королевскаго величества прусскаго, и держать до будущаго распоряженія. Я обѣщаю въ поручительство представить сто, двѣсти, триста или болѣе тысячъ ефимковъ, дабы в. в. удостовѣрились, что я желаю оправдаться предъ его к. в., если что противъ меня онъ имѣетъ, или предъ его министрами, но только предъ в. в., ибо никого другаго въ свѣтѣ за государя не признаю.

«Если же при настоящихъ обстоятельствахъ, я и мои непріятели не могутъ пройти къ в. ц в. и. к. в. польскому, то я доволенъ буду, если оба вы предоставите розыскъ и судъ въ семъ дѣлѣ постороннимъ государямъ, вышепомянутымъ, всѣмъ или одному. Только прошу в. в., меня отсюда избавить и не допустить, чтобы вашъ министръ отъ другаго держанъ былъ въ заточеніи, оскорбительномъ для чести в. в. и достойномъ мщенія за то, что дерзаютъ в. в-ву то, чего и наименьшему князю въ Европѣ сдѣлать не смѣютъ. В. ц. в. всегда желали, чтобы я в. в-ву

столь же вѣрно и честно служилъ, какъ вы признали служилъ я королю польскому и отъ другихъ государей засвидѣтельствовано, — и вотъ весь свѣтъ видитъ, какая мнѣ за то награда! В. в. милостово припомните, что многократно прележнѣйше желалъ я избавиться отъ сего двора; но в. в. не признали то полезнымъ, и противъ желанія моего я оставался здѣсь на службѣ в. в. Посему уповаю, что вы вступитесь за своего вѣрнаго раба и его не оставите. Всѣ мои письма въ ихъ рукахъ. Какъ они предъ в. в. отвѣтъ дадутъ, о томъ сердечно желаю слышать. Между письмами они найдутъ доношеніе мое за № 56, если не ошибаюсь къ его прев-ву великому канцлеру Головину. Вѣроятно, будутъ думать, что великую рыбу поймали. Но дабы его к. в. отъ сихъ клеветниковъ не былъ обманутъ, то прошу его изъ моихъ послѣдующихъ донесеній объяснить, въ какомъ мнѣніи и по какой причинѣ оно писано, именно для того, что мы здѣсь полковника Арнстета считали взятымъ въ плѣнъ и что бывшіе у него руки моей проекты и меморіалы попались въ руки непріятелей. Прошу всепокорнѣйше увѣдомить о томъ его к. в. моими подлинными письмами, и полковника Арнстена обязать, чтобы онъ доказалъ моими письмами, какъ я уничтожилъ № 56: ибо вѣсть о плѣнѣ его была несправедлива. Увѣряю его к. в., что о сохраненіи его короны и курфирства я, какъ вѣрный рабъ, трудился и такой награды не заслужилъ.

«Сколько могу догадываться, причиною или предломъ такой страшной игры со мною—вспомогательныя войска. Долгомъ считаю кратко в. в-ву донести о томъ, чтобы вы усмотрѣли дѣло въ настоящемъ свѣтѣ и отъ бездѣльныхъ доношеній и прикрасъ не были обмануты. Главная причина всего та есть, что я непрестаннымъ прилежаніемъ и ревностью полки въ такое состояніе привелъ, что въ обученіи, порядкѣ, службѣ, во всѣхъ частяхъ, они должность свою исполняли, потомъ одеждою и проч. приводили въ стыдъ королевскую нѣмецкую пѣхоту. Это возбудило зависть; они всякими лукавствами хотѣли у меня команду отнять и подъ королевское генеральство самовластно привлечь. Въ томъ я всегда мѣшалъ, и в. ц. в-ва достоинство и пользу такъ берегъ, что клеветники должны были уступить. Между ними главный хитрецъ—генералъ Шуленбергъ, который войску в. в. много обидъ сдѣлалъ и не добръ къ нему былъ.

«Ваше царское величество прошедшею весною мнѣ многократно повелѣвали: войска въ Саксоніи не держать, а вывести ихъ въ Польшу, такъ, что запретили болѣе занимать на нихъ деньги; о чемъ я королю объявилъ и доказалъ ему, что нѣтъ никакой ему помощи, то войско въ службѣ его держать, развѣ что склонить в. в. прислать еще денегъ, или бы онъ солдатамъ въ своей землѣ пропитаніе далъ. Король ни къ одному изъ сихъ способовъ не дѣлалъ никакихъ приготовленій, при всемъ томъ

войска не хотѣлъ отпустить; однакоже бѣдные люди не могли жить отъ вѣтру и добрыхъ словъ.

«Между тѣмъ, не было никакой возможности въ Польшу пройти, и безотвѣтно было бѣдныхъ людей поморить или дать имъ разойтись; и я близъ года въ королевской службѣ то войско на своихъ проторахъ и кредитѣ содержалъ, одѣлъ, досталъ имъ ружья и кормъ, въ надеждѣ, что либо в. ц. в. или король мнѣ заплатитъ.

«Но какъ в. ц. в. подтвердили указъ, чтобы войскамъ въ Саксоніи не быть и генералъ кригсъ — коммисару князю Голицыну денегъ занимать не велѣли, то о томъ я объявилъ королю, который въ Губбеннѣ, при своемъ отъѣздѣ, такую милость о квартирахъ показалъ, что я могъ хвалиться и чаялъ тамъ войско зиму продержать.

«Но генералъ Шуленбургъ тайно съ королемъ въ углу безъ участія фельдмаршала и воинскаго совѣта и безъ моего вѣдома, какъ главнаго командира вспомогательнаго войска, распорядился о назначеніи зимнихъ квартиръ, которое объявлено не прежде, какъ по отъѣздѣ короля. Какъ скоро я увѣдалъ о томъ, тотчасъ далъ знать моему генералъ-маіору и полковникамъ, которые увидѣли, что генералъ Шуленбургъ короля провелъ и обѣщанныя добрыя квартиры, особливо въ Верхнемъ Лаузицѣ, у насъ отнялъ, и что лучшія, послѣ того, квартиры раздѣлены между королевскихъ войскъ, такъ, что они о самыхъ лучшихъ жребій метали.

«Съ войсками в. в. такъ безчестно поступили, что, хотя по воинскому обычаю и по обѣщанію мнѣ короля, имъ также слѣдовало предоставить выборъ квартиръ, но ихъ до жребія не допустили, но, будто бездѣльныхъ людей, поставить хотѣли въ Нижнемъ Лаузицѣ, о бѣдности котораго в. в. изъ моихъ донесній и изъ челобитенъ бѣднаго войска довольно извѣстны. Видя такое бѣдствіе, войско просило меня о помощи: что я по должности къ в. ц. в. и сдѣлалъ вѣрно.

«Между тѣмъ полученъ в. в-ва указъ отъ 3-го октября 1705 г. изъ Тикотина, которымъ мнѣ повелѣно всевозможно трудиться, съ войскомъ въ Польшу идти, а въ Саксоніи не быть; буде же невозможно, въ крайней нуждѣ войско отдать цесарю; но не болѣе, какъ на годъ, и притомъ на полезнѣйшихъ условіяхъ, сколь возможно.

О перепускѣ же большаго числа войска, которое, в. в., хотѣли послать цесарю, по полученіи добраго мира съ шведомъ, договариваться мнѣ и трудиться опредѣлить помощныя деньги, однакоже безъ предъидущаго позволенія в. ц. в. договора не заключать.

«О семъ указѣ я тотъ-часъ увѣдомилъ фельдмаршала и меморіаломъ, ссылаясь на сей указъ, далъ знать, что если пропитаніе мнѣ дано не будетъ, то я принужденъ въ крайней нуждѣ войско

цесарю отдать. Этотъ меморіалъ сообщенъ фельдмаршаломъ, чрезъ генералъ-поручика и тайнаго совѣтника Ланга, колегіи тайнаго совѣтника въ Дрезденѣ; но того не слушали и войскамъ оставалось погибнуть.

«Въ такой крайности, я созвалъ генеральный воинскій совѣтъ и велѣлъ имѣть особое совѣщаніе офицерамъ московскимъ и нѣмецкимъ; самъ я притомъ не былъ, чтобы мнѣнія были свободны и мнѣ въ подозрѣніе, в. в., не впасть, будто я дѣлалъ по своей мысли. Письменное предложеніе мое о походѣ въ Польшу было на московскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ обоихъ собраніяхъ единогласно ген. маіор. Востромирскимъ заключено, что походъ въ Польшу не возможенъ, о чемъ я давно уже донесъ в. ц. в., послѣ сего опять на военномъ генеральскомъ совѣтѣ я предложилъ в. в. указъ о походѣ войскъ въ цесарію. Единогласное мнѣніе было, что крайняя настоитъ опасность поморить войско голодомъ и, для сбереженія чести в. в. войску идти слѣдуетъ къ цесарю.

«Послѣ всего этого, я не оставилъ понуждать королевскихъ министровъ, что если польза государя ихъ требуетъ имѣть здѣсь войско, то заботились бы они о пропитаніи его, къ чему я Верхній Лаузицъ предлагалъ, страну обильную и не столь вытравленную, какъ Нижній Лаузицъ. Фельдмаршалъ мнѣ объявилъ, что Верхній Лаузицъ дадутъ, но на пропитаніе ничего давать не будутъ. Все равно было поморить войско голодомъ въ Верхнемъ или въ Нижнемъ Лаузицѣ. Я не хотѣлъ предпринимать напраснаго похода и объявилъ фельдмаршалу, что останусь въ Нижнемъ Лаузицѣ. По прибытіи въ Дрезденъ, я объявилъ еще прежде цесарскому послу графу Фонъ-Стратману, что имѣю отъ в. ц. в. полномочіе: въ случаѣ крайней нужды, договориться съ цесаремъ о перепускѣ войскъ въ его владѣнія. Посолъ имѣлъ указъ отъ цесаря. Мы предъявили другъ другу полномочія и согласились приступить къ переговорамъ. Но чтобы не сказали королевскіе министры, что я не давалъ имъ обо всемъ знать, подалъ я предложеніе фельдмаршалу, оберъ-гофмаршалу, какъ первому министру, и обоимъ тайнымъ совѣтникамъ королевскимъ, давая имъ время и способъ сыскать путь къ удержанію войска. Они ничего не сдѣлали. Въ то же время пришелъ указъ в. в. отъ 17 Ноября ст. ст., чтобы договоры съ цесаремъ продолжать.

«Когда переговоры были въ полномъ движеніи, велѣлъ я чрезъ генер. поруч. Ланга, еще разъ сказать фельдмаршалу, что я веду переговоры съ цесарскимъ посломъ, и въ вящшей нуждѣ, если королевскіе министры не хотятъ способа сыскать, принужденъ буду на сей путь рѣшиться. Я ничего не могъ сдѣлать и удивлялся несклонности министровъ; да и всѣ другіе люди не иначе разсуждали, что они хотятъ освободить свою землю отъ присутствія русскихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что королевскимъ ука-

зомъ запрещено было обывателямъ не только давать бѣднымъ людямъ хлѣба, но и дрова къ ихъ согрѣванію. Это вынудило меня заключить съ цесарскимъ посломъ договоръ, который хотѣлъ я послать на утвержденіе в. в., но заточеніе тому мое помѣшало.

Всѣ наши тайны теперь въ рукахъ такихъ людей, которымъ и король своихъ секретовъ не открываетъ. Когда же в. в. увидите условія договора, то совершенно уповаю, что вы на оныя съ вящшимъ удовольствіемъ соизволите: ибо при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, симъ великій путь открыть; причемъ я намѣревался на семъ основаніи лучшее зданіе устроить, дѣло по порядку совершить и в. ц. в. и союзниковъ вашихъ съ честію и славою изъ войны вывесть. В. ц. в. будете довольно удивляться, какія выгодныя кондиціи я выговорилъ въ томъ договорѣ королю польскому къ утвержденію его короны и къ обезпеченію единаго клейнота его, курфирства Саксонскаго, и какъ варварски со мною поступаютъ, въ благодарность за то. Богъ будетъ судьею между ими и мною! До сихъ поръ король польскій своими многими посольствами, стоившими ему такъ дорого и такія тревоги надѣлавшими, не могъ получать той пользы, которую я доставилъ ему въ немногія недѣли, въ тишинѣ, не истративъ ему ни одного пенязя. Скоро мы сдѣлали бы еще лучшій поступокъ и такимъ образомъ дошли бы до совершенства, безъ чего война сія кончится бѣдственно, что я, какъ вѣрный рабъ и честный человѣкъ на прощаніе напередъ пророчеству и желаю, какъ дѣло сіе мнѣ въ Польшѣ послѣднее, чтобы иной прямой путь былъ найденъ, и болѣе заслужилъ бы тотъ, кто найдетъ его, чѣмъ я за мои грѣхи, благодарности. Сознаюсь откровенно, что уже давно я видѣлъ въ польскомъ дѣлѣ руку Божію: ибо все, что начинается, дивнымъ образомъ уничтожается, и то, что я часто другимъ людямъ сказывалъ, со мною случилось; что Богъ того по перстамъ бьетъ, кто противъ Его руки трудится или дѣлать хочетъ.

«Возвращаясь къ порядку дѣлъ, в. ц. в. доношу: когда договоръ съ цесарскимъ посломъ объявленъ былъ королевскимъ министрамъ и притомъ сказано, что крайняя нужда и недостатокъ ихъ доброй воли къ войскамъ, принудили меня на сіе рѣшиться, то они нѣсколько разъ присылали ко мнѣ тайнаго военнаго совѣтника разсуждать о томъ, что между мною и ими о войскахъ по сіе число учинилось; они хотѣли многія объстоятельства превратить, многія учиненныя дѣла злохитро скрыть и все такъ выставить, чтобы вина легла на меня. Но я отчасти письмами, отчасти живыми людьми, въ неправости ихъ уличалъ, такъ, что они наконецъ объявили, что будутъ давать войскамъ пропитаніе. Я отвѣчалъ, какъ неоправдаемо они противъ короля своего поступили, что прежде объявленія сего не дали, но тогда его учинили, когда дѣло уже не цѣло, и не въ моей власти обѣщанное

именемъ и по указамъ моего государя тотъ-часъ ниспровергнуть, къ нарушенію чести его и кредита у другихъ потентантовъ. Впрочемъ я обѣщалъ, если они захотятъ со мною соединиться, охотно найти способъ дѣло то позамедлить, пока отъ в. в. и отъ его к. в. о всемъ томъ получится рѣшеніе. Мнѣ пришло тогда на умъ, что цесарю надобно будетъ спросить согласіе короля на выступленіе войска, также и о пути черезъ королевскія владѣнія надобно было согласиться обоюднымъ коммисарамъ. Мнѣ открылся бы удобный случай остановиться походомъ и нашелся бы способъ исправить ошибки ихъ, г. г. министровъ, и уже я далъ письменное приказаніе ген.-м. Востромирскому договориться съ ними о пропитаніи.

«Не смотря на все сіе, они злодѣйское намѣреніе надо мною исполнили и тѣмъ свѣту явили, что они ее мыслили о пользѣ своего государя, но жаль имъ было случай потерять вражду со мною сыскать, войска у меня вырвать, въ свою самовластную волю ихъ привесть, или обратить ихъ въ рекруты, какъ я давно уже замѣчалъ.

«Каждый добрый безпристрастный человѣкъ можетъ разсудить, оказалъ ли я кор. в. какую услугу и заслужилъ ли отъ него какое воздаяніе, что 1) при нынѣшнихъ случаяхъ, когда не о бездѣлицѣ, но о коронѣ и скипетрѣ дѣло идетъ, я отъ в. ц. в. ему корпусъ столь изрядной пѣхоты получилъ; 2) при худомъ состояніи, въ которомъ они были, въ одинъ годъ въ такое учрежденіе привелъ, что всѣ знакомые съ военнымъ искусствомъ будутъ почитать сей корпусъ за стройнѣйшую пѣхоту; 3) съ генваря 1705 года по сіе число въ казну сія пѣхоты дошло векселей только на 33,000 ефимковъ, изъ которыхъ и доселѣ не все заплачено, но на мой кредитъ оно питалось, отъ головы до ногъ я его одѣлъ, новое ружье далъ, палатки, лошадей, аммуницію на мои проторы учредилъ и къ службѣ его к. в. опредѣлилъ; 4) держалъ я его въ земляхъ его к. в. въ такомъ порядкѣ, что жители и до сего часу лучше московское, чѣмъ саксонское войско у себя имѣть желаютъ; 5) при семъ тяжкомъ бремени, которое на выѣ у меня лежало, я королю въ знатныхъ нуждахъ, иногда наличными деньгами, занимая ихъ съ платежемъ 24 %, иногда моими векселями, такъ отъ моего вѣрнаго сердца и единаго усердія помогалъ, что нашъ счетъ простирается до 200,000 ефимковъ, о которыхъ я опредѣленія и отписи до сего часу получить не могу; 6) я трудился основать съ самого начала союзъ между в. ц. в. и его к. в., и хотя послѣ другіе королевскіе министры старались его разрушить и сильно поколебали, но чрезъ мое всеподданнѣйшее объявленіе у в. ц. в. обновилъ и въ новую силу привелъ; 7) в. ц. в. къ тому склонилъ, чтобы побѣдоносное продолженіе своихъ завоеваній оставили и собственною особою, съ столь знатною силою, къ утвержденію своего союзника, пришли; 8) чрезъ мое

домогательство, по полученіи послѣднихъ помощныхъ денегъ, его к. в. отъ в. ц. в. 800,000 рублей, что составитъ 16 бочекъ злата, получилъ; кромѣ моихъ вышеписанныхъ вспоможеній, также подарковъ, помощныхъ войскъ, пропитанія и всего, что в. в. толь высокодушно, къ сохраненію на престолѣ своего союзника, сдѣлали и чрезъ меня трактовать изволили; 9) не щадилъ я трудовъ, ни силъ, ни живота, и съ опасностью жизни предпринималъ многія путешествія, не дѣлая его к. в. ни пенязя проторій.

«И за все сіе заслужилъ благодареніе, явное всему свѣту. Отрываютъ меня насильственно отъ команды, безъ всякаго вниманія къ моему характеру, по всѣмъ правамъ неприкосновенному, и ввергаютъ въ безчестное заточеніе! Я предаю то праведному мщенію в. в. и объявлю о томъ всему свѣту.

«Между тѣмъ изъ всего сказаннаго явно: 1) все должное прилежаніе прилагалъ я къ соблюденію войскъ вашего царскаго величества; 2) по вашему всемилостивѣйшему указу вступилъ въ переговоры съ цесарскимъ министромъ; 3) рѣшился на то въ самой крайней необходимости; 4) обо всемъ заранѣе королевскимъ министрамъ объявлялъ, но отъ нихъ ни мало заблаговременнаго пособія не дано къ избавленію войска отъ конечной погибели; 5) они подвергали себя тяжкому отвѣту и предъ вашимъ царскимъ величествомъ и предъ своимъ королемъ, что нынѣ иначе съ войскомъ обходятся, въ лучшія квартиры поставили, дали пропитаніе и прежній поступокъ свой обвиняютъ исправленіемъ допущеннаго ими зла.

«Не важно и то, чѣмъ они себя оправдываютъ, что поступили со мною не какъ съ министромъ, а какъ съ генераломъ подъ командою фельдмаршала. Грубому ихъ поступку немного поможетъ, если разсудить, что 1) хотя я и вашего царскаго величества, и короля польскаго просилъ прилежно отъ дѣлъ меня освободить, но не успѣлъ, и въ характерѣ моемъ содержалъ и полномочіе получилъ, по сей часъ въ знатныхъ дѣлахъ, которыя еще въ рукахъ моихъ, былъ употребляемъ, такъ, что характеръ публичнаго министра отъ моего генеральскаго чину не раздѣлимъ, отъ всѣхъ министровъ я въ характерѣ моемъ признанъ, и всѣ они убѣждены, что мнѣ сдѣлано насиліе противъ правъ народныхъ; 2) я не былъ въ своемъ генеральскомъ постѣ во время насилія, но находился въ курфирстовой резиденціи и отправлялъ мое званіе публичнаго министра, такъ же, какъ цесарскій и датскій министры, которые меня таковымъ и признавали; 3) въ доказательство, что меня не считали генераломъ, подъ указомъ и подъ командою состоящимъ, служитъ и то, что не фельдмаршалъ посылалъ ко мнѣ повелительный указъ о выходѣ войска, но коллегіумъ тайнаго совѣта былъ собранъ и тайному совѣтнику Шидлеру велѣно со мною разговаривать; каковое дѣйствіе чинится не съ подчиненнымъ генераломъ, а съ главнымъ и публичнымъ

министромъ: съ первымъ не министеріумъ разговариваетъ, а фельдмаршалъ дѣйствуетъ своими повелительными указами; 4) никогда указа мнѣ не послано; какъ же сказать, что я противъ указа чинилъ и какъ противникъ воинскаго порядка арестованъ? 5) тутъ дѣло не о командѣ: случается, что воспомогательныя войска подъ командою фельдмаршала того государя, кому они присланы, бываютъ; но надобно различать, что они подъ командою временною: когда велѣно стоять на томъ или другомъ постѣ, въ той или другой службѣ противъ непріятеля,—тогда они подъ совершенною командою; но когда дѣло идетъ о соблюденіи преимуществъ и правъ ихъ, чести государя и исполненія указа, который государь о войскахъ своихъ особливо пришлетъ, да еще возникнетъ вопросъ: надлежалось имъ ждать, или прочь итти, съ голоду помереть, или съ нужды у другаго хлѣба искать? все это не къ командѣ относится.

Нѣмецкіе князья и курфирсты пользуются симъ правомъ, хотя и подданные суть, и цесарь на свою плату ихъ войска принимаетъ; однакожъ цесарскій фельдмаршалъ не можетъ арестовать генерала, который отъ своего государя особливый указъ имѣетъ, какъ и нынѣшней осени на Рейнѣ съ Брандербургскимъ случилось. А ваше царское величество, какъ самодержавный и многимъ сильнѣйшій монархъ, весьма въ иномъ разсужденіи противъ короля польскаго находитесь, и странно было бы предоставлять войскамъ вашего царскаго величества менѣе права, чѣмъ подданнымъ римской имперіи; и мнѣ было бы не простительно, если бы я то допустилъ. Да если бы и подъ фельдмаршаловою командою я состоялъ въ семъ дѣлѣ (чего я однако не признаю,) то спрашивается: по воинскому ли обычаю со мною поступлено? Не слѣдовало со мною, какъ съ министромъ чрезъ коллегіумъ тайнаго совѣта трактовать (чѣмъ признали мой характеръ министра и потомъ злодѣйственно оспариваютъ,) но фельдмаршалъ долженъ былъ исполнить свою власть и порядочный указъ прислать, и еслибъ я ослушался, взять подъ арестъ. Но генерала, грубымъ образомъ, за нѣсколько миль, въ безчестное заточеніе вкинуть и такъ трактовать, какъ со мною,—фельдмаршалу слѣдовало бы дать отвѣтъ, если бы такъ поступить съ генераломъ и своего государя, тѣмъ болѣе чужому государю обязанъ былъ бы жизнію своею вознаградить. Сіи злодѣйственныя невѣжды, какъ перомъ, такъ и шпагою, куда не обратятся, всегда ошибаются, не могутъ и тѣмъ оправдаться, что опасность была въ медленіи: ибо въ подвигѣ ничего еще не было, и я имъ объявилъ, что охотно соглашусь остаться.

«И такъ предаю все дѣло въ руки вашего царскаго величества и ни о чемъ не молю, какъ только о справедливости и освобожденіи. Тогда предъ вашимъ царскимъ величествомъ и предъ лицемъ всего свѣта я все выведу, всѣ враги мои устыдятся, ваше

величество убѣдитесь, что они коснулись чести столь великаго и добродѣтельнаго монарха, союзника ихъ государя, и такое злодѣйственное безчестіе со мною учинили, что ваше величество не можете его безъ отмщенія оставить, чего я весьма уповаю и вовся дни живота моего пребываю и проч.

I. Р. Паткуль.

«Ежели ваше величество обнаружите, что я изъ заточенія моего нашелъ случай писать, то мнѣ жесточайшій трактаментъ приключатъ; того ради молю сіе тайно держать.

«P. S. Прошу ваше царское величество изъ 400,000 ефимковъ, которые вы недавно намѣрились королю польскому заплатить, удержать до 200,000, которые я далъ королю въ заемъ деньгами и векселями. Кажется, они и не думаютъ войска сіи вашему царскому величеству возвратить: они погибнутъ. Въ Польшу провести нѣтъ средствъ; лучше отдать цесарю, чѣмъ сдѣлаете себѣ друга и у союзниковъ цесаря въ любовь войдете, а они помогутъ въ будущемъ мирѣ: ибо надобно замѣтить, если бы ваше царское величество и болѣе у шведовъ завоевали, но когда послѣ мира съ Франціею, до медіаціи вашего величества дойдутъ, то будутъ обязывать васъ къ генеральному возвращенію шведамъ всего. Но если ваше величество начнете сперва цесаря постороннимъ случаемъ обязать, какъ я было въ договорѣ сдѣлалъ, потомъ и союзникамъ его руки связать, то они въ пользу вашего царскаго величества войти принуждены будутъ: въ чемъ все мое намѣреніе было. Еще разъ, какъ вѣрный рабъ, совѣтую войска отпустить къ цесарю и тѣмъ показать его союзникамъ, какой услуги отъ васъ могутъ ожидать. Прежде я писалъ о худой платѣ въ цесарской службѣ; но способъ къ тому уже сысканъ. Ваше царское величество симъ получите себѣ великую славу, а войскамъ своимъ почитаніе знатное, и вамъ принесетъ многія прибыли, вмѣсто того, что теперь вы свои деньги даете.

АВГУСТЪ II КОРОЛЬ ЦАРЮ, 6 ЯНВАРЯ Н. С. 1706 ИЗЪ ГРОДНО. (*)

«Съ соболѣзнованіемъ доношу вашему величеству, что, вслѣдствіе вреднаго обоюдной нашей пользѣ и противнаго вашему соизволенію поступка генералъ-лейтенанта Паткуля, тайный совѣтъ саксонскій и генеральство, для предостереженія большаго зла и для предупрежденія кровопролитія между саксонскими и вашими войсками (въ запрещеніи похода ихъ,) принуждены были задержать его. Податель сего пространно объявитъ все на письмѣ,

(*) Собственноручное письмо короля, съ помѣтою: «подано Францомъ Шенбекомъ 11 Января 1706 года» въ польскихъ дѣлахъ москов. глав. архива 1706 г. изъ ист. цар. Петра I. Устрялова.

которое прошу перевести по лучшей мѣрѣ слово до слова. Изъ него вы увидите вредныя его намѣренія, и все, что мы учредили къ дружбѣ, онъ ни спровергъ. Я чувствую немалое оскорбленіе отъ его поступковъ, и молю дать мнѣ достойную управу на сего злаго человѣка. Прошу извѣстить, какъ мнѣ съ нимъ поступить? Мнѣніе мое: вещи и счеты его чрезъ обоюдныхъ коммисаровъ разсмотрѣть, чтобы ваше величество основательно были извѣстны о сущности дѣла.

ИНСТРУКЦІЯ КОРОЛЯ АВГУСТА II КАММЕРГЕРУ ФОНЪ-ШЕНБЕКУ, 6 ЯНВАРЯ Н. С. 1706 ВЪ ГРОДНО. (*)

«1. Ѣхать ему, какъ можно скорѣе, къ его царскому величеству и донести, что случилось съ Паткулемъ. 2. Можетъ онъ, для основательнѣйшаго извѣщенія, сообщить списки съ присланныхъ изъ Дрездена отъ тайныхъ совѣтниковъ донесеній. 3. Описать престрашную наглость, которою всегда дѣйствовалъ Паткуль. 4. Несносные его поступки съ нами и наше долготерпѣніе изъ любви къ его царскому величеству. 5. Особливо объявить, что онъ мѣшался въ наши домашнія дѣла, ссорился съ нашими министрами, и нѣкоторыхъ нашихъ офицеровъ толь неучтиво поносилъ, что могло бы дойдти до крайности, еслибы не уважали его характера: въ примѣръ привести случаи съ графомъ Денгофомъ и съ генераломъ Шуленбургомъ. 6. Въ высшей мѣрѣ жаловаться, что онъ при чужихъ дворахъ и при чужестранныхъ министрахъ часто безчестно и хулительно говорилъ о нашемъ царствованіи, поступкахъ и состояніи, и явственно безчестныя письма повелѣлъ выдать. Не излишно объявить его царскому величеству, что онъ открыто похвалялся, что король шведскій обѣщаетъ ему всѣ условія амнистіи, какія только онъ пожелаетъ, и будто имѣетъ собственной королевской руки граммату. 8. Тѣмъ болѣе надобно сомнѣваться въ доброжелательствѣ его къ намъ обоимъ, что изыскивалъ причины къ затѣйнымъ ссорамъ, и отступленіе въ Саксонію, причины котораго ему извѣстны, толь злостно толмачитъ, и тѣмъ только ищетъ возбудить между нами согласіе. 9. Все это подтверждаетъ тѣмъ, что онъ Московскія вспогательныя войска, безъ нашего согласія, безъ вѣдома и воли его царскаго величества, къ ущербу даннаго полномочія, вопреки взаимному договору, только изъ своенравія или партикулярной пользы, не взирая, что его всякимъ образомъ старались утолить и великія обѣщанія дѣлали, цесарю. переступилъ, договоръ о томъ подписалъ, всѣхъ офицеровъ къ походу возмутилъ, хотя онъ прежде непрестанно проповѣдовалъ объ укрѣпленіи и содержаніи войска вмѣстѣ въ Саксоніи, о входѣ въ Польшу и соединеніи съ глав-

(*) Подлинникъ и переводъ въ польскихъ дѣлахъ Москов. Глав. архива, 1706 г.—Устряловъ.

ными царскими войсками. Тоже говорилъ онъ при отъѣздѣ нашемъ изъ Саксоніи, постоянно совѣтовалъ генеральству нашему, и еще недавно писалъ чрезъ полковника Бретшнейдера объ указѣ фельдмаршалу, чтобы при случаѣ, со всѣми войсками вступить въ Польшу соединенно. Но теперь въ самое короткое время отъ своихъ совѣтовъ отступилъ, сталъ упоренъ, несносенъ, явно хочетъ ослабить войска въ Саксоніи и тѣмъ невозможнымъ сдѣлать вступленіе въ Польшу. 10. Для учрежденія дальнаго зла, для сохраненія общаго согласія, для воспрепятствованія гибельнымъ замысламъ, признано необходимымъ особою его себя обнадежить и впредь до царскаго повелѣнія взять подъ арестъ. 11. Объ арестованіи же его на крѣпко представлять его царскому величеству, что выходъ Московскихъ войскъ изъ Саксоніи нашимъ общимъ пользамъ высоковредителенъ и опасенъ былъ: ибо ослабленное саксонское войско не могло бы вступить въ Польшу, и вся надежда къ давножеланному соединенію нарочно опровергалась; а бѣдная Саксонія открыта была бы непріятелю, король же Свейскій, не опасаясь приходу изъ Саксоніи, многимъ бы укрѣпился и преданныхъ намъ удержалъ бы.

Все сіе учтиво, однакожъ на крѣпко представляли Паткулю, обѣщали лучшія квартиры и, по возможности, деньги, не взирая на истощеніе Саксоніи. Онъ ничего слышать не хотѣлъ, всѣ предложенія поносительно отвергалъ, и когда наконецъ просили, чтобы онъ подождалъ въ столь важномъ дѣлѣ еще одного указа царскаго величества, онъ коротко объявилъ, что онъ войскъ сихъ болѣе не владѣтель, что походъ ихъ зависитъ отъ цесарскаго посла и что онъ уже договоръ подписалъ о перепускѣ сихъ войскъ. При такихъ обстоятельствахъ, особливо ради столь кратко назначеннаго къ походу срока, очевидно опасно было: а. генералъ Паткуль, безъ сомнѣнія, уже получивъ указъ оставить продажу войскъ и подчинить его совершенно нашему генеральству, въ команду генералъ-поручику Востромирскому, указъ безъ сомнѣнія утаилъ и съ яростію за такія непріятныя вѣдомости и, опасаясь продолженія тѣхъ указовъ, столь ревностно выступленіе войска понуждалъ, и какъ скоро было бы получено подтвержденіе цесаря, могъ войска сіи ввести въ Шлезію, и намъ бы осталось смотрѣть имъ взадъ; б. легко могло бы произойти кровопролитіе между Саксонскими и Московскими войсками, когда однимъ велѣно было бы удерживать, а другимъ выступать, къ поношенію нашему и къ радости шведовъ. Все было бы ниспровергнуто и ничемъ бы поправить нельзя. Отъ того нашъ тайный совѣтъ, по довольномъ разсужденіи, ничего лучшаго не нашелъ, какъ овладѣть персоною Паткуля, прждe чѣмъ онъ выдастъ войскамъ указъ, чего надлежало опасаться: ибо подтвержденіе цесаря уже пришло. Почему Паткулль, не какъ царскій министръ, но какъ подъ фельдмаршельскою командою стоящій генерелъ, нашимъ именемъ, 19-го

декабря прошедшаго 1705 года, арестованъ, но такъ, что кромѣ охраненія особы его, ничего не случилось. Уповаемъ, что его ц. в. окажетъ намъ достаточную справедливость за наглые поступки Паткуля и на крѣпко воспретитъ ему впредь, особенно отъ сего числа, поносить и осуждать насъ при чужихъ дворахъ. 12. При арестованіи и опечатаніи бумагъ, Паткуль требовалъ, чтобы бумаги его разсматривали только цесарскій и бранденбургскій коммисары, исключивъ даже его царское величество, своего государя, не говоря уже объ насъ. Это даетъ поводъ къ важному подозрѣнію, и весьма бы хорошо поручить князю Голицыну порядочно осмотрѣть письма вмѣстѣ съ другими и сюда сообщить. 13. Предложить его царскому величеству, что способнѣе генерала Паткуля сюда привезть и здѣсь допросить, и если угодно его ц. в-ву мы сдѣлаемъ нужное учрежденіе для безопаснаго его сюда доставленія. Гродно 6-го января 1706 года.

Въ приложенномъ къ инструкціи донесеніи тайнаго совѣта, отъ 21 декабря 1075 года изъ Дрездена сказано, что Паткуль арестованъ за договоръ съ цесаремъ и намѣреніе отдать ему вспомогательное войско, состоявшее изъ 10 батальоновъ. Другихъ причинъ не приведено. Тайный совѣтъ, предвидя, что Паткуль будетъ оправдывать себя дурными квартирами и недостаткомъ провіанта, въ первомъ случаѣ ссылался на королевскій указъ, назначавшій квартиры русскому войску именно въ Нижнемъ Лаузицѣ, а во второмъ хотя и соглашался, что корму дѣйствительно не давали, и что Паткуль неоднократно говорилъ о томъ фельдмаршалу, но полагалъ, что русскіе должны были содержать себя на свой счетъ.»

АРНШТЕДТЪ, ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ И ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО, ШАФИРОВУ, 7 ЯНВАРЯ Н. С. 1706 ИЗЪ ГРОДНО. (*)

«Не сомнѣваюсь, что вы, какъ истинный пріятель г. фонъ-Паткуля, столь же много, какъ и я, испугаетесь о несчастіи сего добраго человѣка. Никогда не былъ я такъ встревоженъ, какъ извѣстіемъ объ арестѣ его въ Дрезденѣ; и хотя, развѣдавъ причины, убѣдился, что болѣе опасаться нечего, тѣмъ не менѣе не могу еще успокоиться. Особенно больно моему сердцу, что я противъ него, лучшаго и любезнѣйшаго моего друга, долженъ перо весть. Каммергеръ Шёнбекъ сегодня поѣхалъ отсюда со множествомъ писемъ, чтобы принести на Паткуля жестокую

(*) Собственноручное письмо на нѣмецкомъ языкѣ, съ переводомъ Шафирова, который здѣсь и помѣщенъ. Въ Польскихъ дѣлахъ Московск. Главн. архива — Устраловъ.

жалобу. У него увидите вы наказъ за моею рукою: нѣкоторый лазуйка написалъ пункты для того, и потомъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ не ожечься, чрезъ короля выправленіе ихъ мнѣ на шею навязалъ. Чтобы не привести себя въ томъ въ подозрѣніе у короля, я не смѣлъ и взглянуть не весело. Но впредь будетъ случай со временемъ тому за сію штуку не хуже отыграть. Между тѣмъ крайне неоходимо, не теряя времени, стараться объ освобожденіи честнаго господина фонъ-Паткуля, котораго я иначе называть не могу, кто что ни говори, не считая возможнымъ думать даже о малѣйшей его невѣрности. Вы можете оказать ему нынѣ большую услугу, о чемъ прошу васъ и не сомнѣваюсь въ томъ, думаю, что и г. первый министръ (Головинъ) будетъ его сильный протекторъ и пріятель, особливо же потому, что все погрѣшеніе Паткуля въ томъ состоитъ, что онъ Московскія помощныя войска цесарю перепустилъ и въ краткія числа намѣренъ былъ имъ велѣть въ походъ идти. Правда, это дѣло по многимъ причинамъ довольно худо, и лучше было бы, если бы не случилось, и я не могу понять, почему онъ такъ былъ ревностенъ въ этомъ дѣлѣ; но какъ оно въ дѣйство не произведено и нынѣ пересѣчено, то не такъ важно, чтобы сего добраго и царю, особливо при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, такъ необходимаго мужа тотчасъ за то опровергнуть. Можно короля тѣмъ удовольствовать, если его ц. в. возметъ Паткуля прочь отъ тѣхъ войскъ и ему сдѣлаетъ выговоръ, что безъ довольнаго указа договоръ заключилъ. Что же по наказу будутъ на него жаловаться въ его наглости. (Violence,) на то отвѣчается само собою: всѣ мы люди, никто не безъ грѣха; въ чемъ иной жестокъ, въ томъ другой слишкомъ кротокъ. Безъ сомнѣнія и самому Паткулю было бы пріятнѣе, если бы его нравъ (humeur) былъ понѣжнѣе; но все даръ Божій и мы не можемъ его перемѣнить. Ссоры же съ министрами и офицерами: можетъ быть г. фонъ-Паткулю они и случайно подавали, ибо господа саксонцы не самые сносные. Но что будто онъ о королевскомъ величествѣ поносно и вредительно говорилъ, этого я не думаю. Правда въ обычаѣ его въ минуты неудовольствія запыльчиво, хотя на царя, короля или цесаря на всѣхъ князей, жаловаться, однакожъ онъ довольно разумѣетъ, чтобы хулительно коснуться величества. Я думаю, что непріятели подхватили нѣкоторыя его слова и теперь такъ зло ихъ толкуютъ. Но чтобы онъ съ шведомъ имѣлъ злые замыслы, то я считаю за самую ложь, пока очевидную улику не увижу. Къ тому же онъ слишкомъ честенъ, и ежели бы былъ въ такомъ намѣреніи, то бы въ Саксоніи не оженился и твердо не осѣлся. Это было бы глупо и несогласно съ разумомъ г. Паткуля. Но желалъ ли онъ между его ц. в. и его к. в. ссору произвесть, или скорѣе согласія утверждать, о томъ извѣстнѣе всѣхъ должно быть е. ц. в-ву. Впрочемъ же не надлежитъ и ни подъ ка-

кимъ видомъ е. ц. в-ву позволять разсматривать бумаги фонъ-Паткуля въ Дрезденѣ; это весьма предосудительно и противно пользѣ его в-ва: ибо каждый потентантъ имѣетъ особыя дѣла и рѣдко можетъ терпѣть, чтобы другой дворъ вѣдалъ о томъ, о чемъ онъ съ иными трактуетъ. Никогда не было въ обычаѣ смотрѣть въ письма чужаго министра, и никто не можетъ, кромѣ его государя. Я уже и его к. в-ву о томъ говорилъ и до того довелъ, что къ тайному совѣту въ Дрезденъ посланъ жестокій указъ, чтобы, безъ царскаго указу, ни самомалѣйшаго изъ писемъ Паткулевыхъ не смотрѣли. Изъ всего этого дѣла скорѣе и лучше можно выйти, если господину Паткулю велятъ быть сюда: здѣсь онъ можетъ вполнѣ оправдаться, и тогда да будетъ милостивъ Богъ къ тѣмъ, которые ему ту штуку учинили. Я очень желаю освободить его изъ тамошнихъ непріятельскихъ рукъ; иначе Богъ вѣсть, что еще они съ нимъ сдѣлаютъ и не дадутъ ли ему отравы, ибо онъ очень имъ мѣшаетъ. Но самъ собою онъ не захочетъ, по моему мнѣнію, сюда ѣхать, ибо арестъ ему такъ болѣзненъ, что онъ будетъ искать мщенія, и тамъ ему лучше этого достигнуть, чѣмъ здѣсь. Я уже внушалъ королю, что необходимо ему сюда быть, и для того велѣно мнѣ и въ Шёнбекову инструкцію о томъ вписать. Здѣсь же, безъ всякаго сомнѣнія, онъ отгрызется; по крайней мѣрѣ я убѣжденъ, что онъ вѣренъ своему государю и противъ его пользы ничего не учинилъ. Негоціація Шёнбека по мнѣнію моему весьма коротка, если его ц. в. объявитъ, что онъ велитъ Паткулю сюда быть, а короля, по изслѣдованіи дѣла, удовольствуетъ. Такимъ образомъ мы выиграли бы время короля укротить, который теперь еще гораздо разъяренъ, въ чемъ г. Фицтумъ, какъ истинный другъ Паткуля, всѣми силами трудится. Я не сомнѣваюсь въ примиреніи его съ королемъ, который еще не всю милость къ нему потерялъ.

Замѣтно, король жалѣетъ, что это дѣло такъ далеко зашло; онъ вчера говорилъ: «много бы за то далъ, чтобы этого не случилось; теперь нельзя отъ него ожидать, особливо ему, королю, болѣе прямой службы, потому что онъ гораздо мстителенъ и болѣе о своемъ мщеніи, нежели о пользѣ общей будетъ мыслить.» Причемъ жаловался король: за что Паткуль такъ ему противодѣйствуетъ? Онъ дѣлалъ все на свѣтѣ, чтобы ему угодить, ласкалъ его, устроилъ съ немалымъ трудомъ ему женитьбу, которая доставила ему по крайней мѣрѣ 300,000 ефимковъ. Паткуль же, вмѣсто благодарности ищетъ всѣми средствами ему вредить и его погубить. Я и Фицтумъ всѣми силами стараемся короля укротить. Ради Бога, трудись, чтобы и царь не былъ къ нему немилостивъ. Тайные совѣтники въ Дрезденѣ не хотятъ Паткуля считать министромъ, потому что какимъ то письмомъ онъ будто сложилъ съ себя свой характеръ. Но этого мало: Паткуль сдѣлалъ то въ запыльчивости и при смутной головѣ; тогда ему отпуска,

ни грамматы не дано, государемъ своимъ не отозванъ, примирился и всегда исправлялъ дѣла полномочнаго министра.

«Между тѣмъ справедливо и то: если его бы не арестовали, то прежде чѣмъ осмотрѣлись бы, цесарь войска бы получилъ, а король на нихъ сзади бы посмотрѣлъ. Между нами сказать это не принесло бы пользы намъ, но надобно выслушать самого Паткуля: кто знаетъ, какія онъ имѣлъ причины? И до сихъ поръ ничего безъ основанія не дѣлалъ; у него такая голова, что я не повѣрю, чтобы онъ, не оглянувшись сюда, заключилъ трактатъ. Бывало и прежде, что брали подъ арестъ вреднаго и опаснаго министра, безъ нарушенія народныхъ правъ: но писемъ его никто не смѣлъ досматривать. Живой примѣръ Гирона, о которомъ Франція ничего не смѣла говорить. Но письма ему слѣдуетъ возвратить, во всякомъ случаѣ, останется ли онъ тамъ по волѣ его ц. в. или привезенъ будетъ сюда. Что между его бумагами есть проекты договоровъ съ дворами цесарскимъ и бранденбургскимъ—это очень возможно и нечему тутъ сомнѣваться: его ц. в. такъ давно съ сими дворами дѣла свои имѣетъ, такъ же, какъ и король свои дѣла съ другими. Довольно одного обнадеживанія союзника.— Что же говорятъ, что онъ требовалъ досмотрѣть его бумаги только цесарскому и бранденбургскому коммисарамъ, это думаю отъ того: онъ опасался, что саксонскій тайный совѣтъ тотчасъ дерзновенно за его бумаги примется, а ему хотѣлось дать время своему государю учинить протестацію. Достаточно, если его ц. в., приказавъ привести Паткуля сюда, объявитъ: если что найдется въ бумагахъ его противное королю, будетъ объявлено о томъ его королевскому в. Король долженъ симъ удовольствоваться. — Съ Шёнбекомъ я не хотѣлъ писать изъ описанія: многіе печальные примѣры устрашаютъ отъ всякаго письма. Я такъ напуганъ, что въ министерію болѣе меня не заведутъ; а дѣти мои ни писать, ни читать не будутъ учиться.

«Я очень боленъ; тѣмъ не менѣе цѣлую ночь трудился надъ Шёнбековымъ наказомъ. Не мука ли больному писать, еще все злое противъ друга! Все употреблю, чтобы спасти его. Трудитесь и вы. Намъ не должно и невозможно допустить столь добраго человѣка до паденія: онъ намъ зѣло нуженъ, и горестно было бы за всѣ его труды, опасности, правдивыя намѣренія и услуги такъ ему заплатить. Проступокъ его о войскахъ слѣдуетъ простить; погрѣшеніе есть удѣлъ человѣка: и умныя курицы кладутъ свои яйцы въ крапивѣ. Князь Александръ сюда еще не возвращался: я буду крѣпко просить его за Паткуля. Когда онъ освободится, сдѣлаю ему хорошій выговоръ; а мнѣ это послужитъ примѣромъ — беречься министерскихъ штукъ и въ нихъ не мѣшаться. Дайте знать, какъ приметъ царь дѣло Паткуля, чтобы сообразно съ тѣмъ здѣсь дѣй-

ствовать. Письмо это тотчасъ сожгите, и Шенбеку ничего не объявляйте: иначе я пропаду.»

Военная слава Карла гремѣла по всей Европѣ: сѣверная часть ея, на которую обрушились шведы, трепетала при одномъ имени короля шведскаго, а Польша и Данія просто чувствовали къ нему какой-то паническій страхъ. Императоръ нѣмецкій, могущественный государь Европы, и тотъ не рѣшался протестовать противъ принятія на себя Карломъ, по примѣру его великаго предшественника Густава Адольфа, наименованія защитника протестанскаго вѣроисповѣданія и нарушенія неприкосновенности имперскихъ земель, черезъ которыя шведы прошли изъ Польши въ Саксонію и обратно. Не находя равнаго себѣ по военнымъ талантамъ и пользуясь величайшимъ уваженіемъ всѣхъ славнѣйшихъ полководцевъ своего времени (Евгенія Савойскаго и Мальборуга,) Карлъ видѣлъ еще врага въ Петрѣ, котораго рѣшился, подобно его союзника Августа, лишить короны и уничтожить навсегда могущество Россіи.

Хотя русская армія была многочисленна, превосходно обучена, испытана въ бояхъ со шведами и находилась подъ начальствомъ искусныхъ генераловъ, а самъ Петръ, занимаясь неутомимо изученіемъ военныхъ наукъ, приготовилъ изъ себя полководца; но все же, лишенный союзниковъ и ранѣе того утомленный долгой борьбой со шведами, Петръ искалъ примиренія съ королемъ шведскимъ, предлагая ему уступить Россіи одинъ только приморскій пунктъ въ Ингерманландіи, удобный для стоянки флота, отказываясь отъ всѣхъ русскихъ завоеваній въ Прибалтійскомъ краѣ. Но Карлъ, упоенный всеобщимъ поклоненіемъ предъ его геніемъ, помнилъ хорошо легкость нарвской побѣды надъ русскими, зналъ безотчетную въ него вѣру шведовъ, готовыхъ идти за нимъ хоть на край свѣта, и, имѣя до 115,000 войска, отвѣчалъ гордымъ отказомъ на мирныя предложенія царя. Чтобы еще болѣе оскорбить русскаго государя, мстительный Карлъ назначилъ своего генерала Шпарра губернаторомъ Москвы. На эту дерзость короля шведскаго, Петръ улыбаясь сказалъ: «братъ мой Карлъ хочетъ быть Александромъ, но во мнѣ не найдетъ онъ Дарія.» Льстецы, окружающіе Карла, сравнивали всегда этого государя съ извѣстнымъ всемірнымъ завоевателемъ древнихъ временъ, царемъ Александромъ Македонскимъ, который разрушилъ обширную монархію Персовъ, побѣдилъ царя ихъ Дарія, и это сравненіе нравилось шведскому герою. Петръ подмѣтилъ страсть короля во чтобы-то ни стало встать по подвигамъ наравнѣ съ героемъ древности и своими словами поразилъ Карла въ самое сердце.

Карлъ раздѣлилъ свою 115 тысячную армію, предназначенную дѣйствовать противъ Россіи, на три части. Изъ Лифляндіи долженъ былъ напасть на предѣлы Россіи генералъ Левенгауптъ, и разгромить Псковъ и Новгородъ, самъ Карлъ съ главными силами

долженъ двинуться изъ Польши, а Либекеръ изъ Финляндіи долженъ былъ занять Ингерманландію и уничтожить русскія крѣпости по Невѣ и Финскому заливу, возведенныя Петромъ, въ томъ числѣ и Петербургъ. Истинный путь арміи Карла на Москву никакъ нельзя было предугадать. Если-бы король пошелъ изъ Польши на Новгородъ, то имѣя здѣсь важное преимущество: соединеніе съ лифляндскимъ корпусомъ Левенгаупта, шведамъ пришлось-бы за этимъ городомъ идти по мѣстамъ, покрытымъ непроходимыми лѣсами, гдѣ всякую минуту должно было ждать нападеній русскихъ мелкими отрядами. Карлъ рѣшилъ, что эта дорога, угрожающая ему съ тылу чрезвычайно утомительная, а иногда очень опасная—неудобна. Походъ черезъ Смоленскъ также Карлъ не могъ признать выгоднымъ и безопаснымъ, такъ какъ въ пути ему не представлялось соединенія съ какой либо частью своей арміи, да и укрѣпленія Смоленска изстари славились своею силою и важностью, а за Смоленскомъ приходилось встрѣтить такія-же свойства страны, какъ и до Новгорода. Заботливо скрывалъ Карлъ отъ всѣхъ третье выбранное имъ направленіе: оно было черезъ Украйну. Выгоды этого направленія къ Москвѣ въ глазахъ Карла были велики. Относительно природныхъ свойствъ, Украйна была совершенно пригодна для войны наступательной, что и нужно было Карлу, не представляя нигдѣ естественныхъ твердынь, гдѣ могли-бы утвердиться русскіе и задержать шведовъ. Общій характеръ поверхности Малороссіи былъ степной, волнообразный, усѣянный кой-гдѣ холмами и совершенно безлѣсный, а черноземъ степей давалъ Украйнѣ богатые урожаи. Кромѣ того, въ народномъ характерѣ, въ свойствахъ казаковъ и ихъ отношеніе къ Россіи,—Карлъ видѣлъ большое подспорье своему предпріятію, покрайней мѣрѣ, его убѣдили въ этомъ. Карлу самому было хорошо извѣстна любовь казаковъ къ свободѣ и независимости, а иногда и буйной необузданности и своеволію. Булавинскій бунтъ на Дону, о которомъ свѣдалъ король, еще больше далъ ему увѣренности ввести свою армію въ южныя русскія степи, а предложеніе гетмана малороссійскхъ казаковъ Мазепы измѣнить Петру, привести къ Карлу малороссійскіе полки и подготовить на пути его склады хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ—заставило короля рѣшительно двинуться въ Украйну. Казалось, все благопріятствовало Карлу.

Петръ дѣятельно приготовился встрѣтить шведовъ, увеличилъ армію и заготовилъ громадные запасы провіанта. Расходы по веденію войны въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Польшѣ и эти приготовленія къ новой компаніи со шведами, потребовали много людей и денегъ. Въ виду всего этого, явилась необходимость изнурить Россію наборами людей въ войска и разными небывалыми налогами до того, что множество русскихъ бѣжало отъ того и другаго въ привольные казацкія степи на Дону. Число этихъ бѣглецовъ такъ увеличилось за послѣднее время, что царь обратилъ

серьезное вниманіе на уклоненіе отъ военной службы и несенія податей и налоговъ, потребовалъ отъ казаковъ выдачи бѣжавшихъ, и для принятія ихъ послалъ на Донъ князя Долгорукова съ военной командой; тогда составились казацкіе круги, на которыхъ рѣшено было не выдавать бѣглецовъ Долгорукову, пользуясь стариннымъ казацкимъ правомъ давать убѣжище всѣмъ пришлецамъ въ казацкія земли. Душой мятежа явился атаманъ Булавинъ, такая-же буйная головушка какъ и Разинъ, и началъ писать и прибивать къ столбамъ по всѣмъ дорогамъ и перекресткамъ граммоты, гдѣ звалъ къ себѣ удалую молодежъ и всѣхъ недовольныхъ Петровскими порядками, обѣщая имъ вдоволь нагуляться въ государевыхъ областяхъ. Долгоруковъ и его отрядъ были истреблены Булавинымъ, и у него составилось тысячь пятнадцать вооруженной вольницы. Узнавъ объ этомъ, самъ Петръ хотѣлъ лично идти съ войскомъ и усмирить бунтовщиковъ: на столько царю показалось опаснымъ это волненіе. Но прежде чѣмъ двинулись войска, казаки одумались и, уступая увѣщаніямъ опытныхъ и разсудительныхъ казаковъ—стариковъ, которые грозили имъ неотвратимымъ гнѣвомъ царя, разошлись по своимъ хуторамъ. Ничего не оставалось дѣлать Булавину, уже было взявшему Черкасскъ, когда онъ увидѣлъ какъ таетъ его войско,—и онъ застрѣлился. Мятежъ стихъ на Дону, но гроза собиралась въ Малороссіи тѣмъ болѣе опасная, что тамъ заправлялъ всѣмъ, не сорви-головя Булавинъ, а хитрый ученикъ іезуитовъ, испытанный въ дѣлахъ войны и управленія, до жадности честолюбивый гетманъ Иванъ Мазепа, котораго Петръ считалъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ своихъ, всегда ласкалъ и осыпалъ милостями. Нельзя было Петру даже подумать, что Мазепа человѣкъ, который подъ Азовомъ сослужилъ ему вѣрную службу, посылалъ аккуратно казацкіе полки, по одному только царскому слову, въ Литву и Волынь, помогать королю Августу и всегда «двадцать лѣтъ спорилъ саблей и умомъ» со врагами Россіи,—могъ на этотъ разъ измѣнить и перейдти на сторону Карла. Чтобы усыпить бдительность Петра, Мазепа еще болѣе принималъ мѣры къ обузданію казаковъ; но самъ сносился съ Карломъ и королемъ польскимъ Станиславомъ Лещинскимъ, а послѣ заключилъ съ ними тайный договоръ, содержаніе котораго доказываетъ, что поводомъ измѣны было только ненасытное честолюбіе старика—гетмана, и заключаетъ слѣдующія обоюдныя обязательства договаривающихся сторонъ: короля польскаго и казацкаго гетмана. Мазепа доженъ въ силу этого договора, при вступленіи шведовъ въ Малороссію, присоединиться къ арміи Карла со всѣми казацкими полками, находящимися въ его власти, которые послѣ компаніи останутся въ подданствѣ Польши и, кромѣ того, на всемъ предполагаемомъ пути шведскихъ войскъ—заготовить склады съѣстныхъ припасовъ и военныхъ принадлежностей. За эту службу гет-

мана, и вѣрнѣй сказать измѣну, Мазепа получаетъ Витебскъ и Полоцкъ съ державными правами, равными присвоенныхъ герцогу курляндскому, подъ главенствомъ Польши. Личность Мазепы чрезвычайно интересна, а жизнь его до конца исполнена всевозможныхъ противорѣчій и приключеній. Иванъ Мазепа былъ, кажется, полякъ по происхожденію, принадлежалъ къ мелкому шляхтству и получилъ образованіе въ іезуитскомъ коллегіумѣ. Говорятъ, что потомъ онъ служилъ пажемъ короля Яна Казиміра, и въ это время чѣмъ-то прогнѣвалъ одного сильнаго вельможу польскаго, который придумалъ ему страшную месть. Мазепу привязали къ спинѣ бѣшеннаго степнаго коня и, совершенно обнаженнаго, пустили на произволъ судьбы. Конь носилъ свою ношу до тѣхъ поръ, пока не издохъ. Казаки, по словамъ нѣкоторыхъ, сняли полуживаго Мазепу съ мертваго коня, привели въ чувство и увезли въ свои степи. Болѣе десяти лѣтъ прошло со времени этого несчастнаго приключенія, и Мазепа явился уже учителемъ дѣтей гетмана Самойловича, вкрался въ душу этого прямаго и отважнаго предводителя казаковъ и, благодаря его вліянію, былъ избранъ войсковымъ писаремъ, должность котораго была важна и вела къ опытности въ иностранныхъ сношеніяхъ, такъ какъ писарь заготовлялъ и большою частью самъ сочинялъ универсалы и грамоты къ разнымъ дворамъ. Мазепа, какъ истинный ученикъ и послѣдователь коварныхъ и безсовѣстныхъ іезуитовъ, заплатилъ Самойловичу за его благодѣяніе доносомъ князю Голицыну, что будто-бы гетманъ, враждуя въ душѣ противъ русскихъ, приказалъ поджечь степь, чтобъ воспрепятствовать ихъ походу въ Крымъ. Голицынъ, тогда всесильный любимецъ правительницы Софьи Алексѣевны, повѣрилъ доносу, погубилъ Самойловича и открылъ Мазепѣ дорогу къ гетманству. Сдѣлавшись гетманомъ, Мазепа правилъ Малороссіей съ страшнымъ своекорыстіемъ и готовъ былъ всегда оклеветать передъ царемъ и погубить лучшихъ казаковъ, чтобъ только воспользоваться ихъ имѣніемъ. Этотъ-то коварный гетманъ ждалъ только удобнаго времени, чтобы присоединиться къ шведамъ и тѣмъ проложить себѣ дорогу къ трону. Тайно и хитро дѣйствовалъ Мазепа, но двое именитыхъ казацкихъ сановниковъ, войсковой судья Кочубей и полковникъ Искра слѣдили за Мазепой, развѣдали истинныя намѣренія гетмана и послали царю доносъ, въ которомъ обвиняли его въ измѣнѣ. Петръ, убѣжденный въ вѣрности Мазепы, переслалъ доносъ къ нему и предоставилъ его усмотрѣнію участь Кочубея и Искры. Мстительный гетманъ предалъ этихъ невинныхъ пыткамъ, обезглавилъ и забралъ все имѣніе казненныхъ въ казну войсковую, въ которой былъ полный хозяинъ, оставя семейства ихъ въ страшномъ положеніи.

Русскія войска стягивались къ Смоленску, такъ какъ Петръ ожидалъ напора шведовъ въ этомъ направленіи, не предполагая

рѣшеннаго уже Карломъ похода въ Украйну, что только угадывалъ Меншиковъ, но ему не повѣрили. Карлъ тѣмъ временемъ переправился черезъ рѣку Дручь при Головчинѣ и черезъ Днѣпръ при Могилевѣ. На дорогѣ своей Карлъ, по обыкновенію своему, дружнымъ натискомъ безъ труда разсѣялъ встрѣченные имъ отряды русскихъ и вступилъ въ область сѣверскую. Теперь сдѣлалось очевидно направленіе шведскихъ войскъ, и вся безполезность укрѣпленной засѣки отъ Пскова до Брянска, устроенной русскими; а потому царь съ своей арміей отошелъ отъ Смоленска, направилъ ее въ слѣдъ за шведами и, истребляя все кругомъ себя, сталъ подвигаться почти о бокъ съ ними. Карлъ увидѣлъ, что русскіе жгутъ Сѣверскую область и тѣмъ лишаютъ его до соединенія съ Мазепой возможности найдти продовольствіе; а недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ началъ ужь чувствоваться. Слѣдствіемъ этого было приказаніе короля генералу Левенгаупту идти изъ Лифляндіи съ своимъ корпусомъ и съ обозомъ съѣстныхъ припасовъ въ Сѣверскую область на соединеніе съ главной арміей. Петръ черезъ лазутчиковъ узналъ объ этомъ и отдѣлилъ нѣсколько полковъ для встрѣчи Левенгаупта.

Недопустить Левенгаупта до соединенія съ Карломъ, отбить весь обозъ съ громаднымъ количествомъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и тѣмъ лишить короля средствъ, не только усилить себя корпусомъ Левенгаупта, но продовольствовать свою армію, было такъ важно для русскихъ, что Петръ самъ принялъ начальство надъ отобранными противъ Левенгаупта полками. Вѣроломство, вѣроятно, подкупленнаго шведами проводника—еврея едва не разстроило этого предпріятія: войско русское пошло къ Смоленску; но Петръ скоро замѣтилъ ненадежность проводника и повернулъ, руководствуясь только своимъ геніемъ, къ Пропойску, городу нынѣшней Могилевской губерніи, гдѣ при селѣ Лѣсномъ встрѣтилъ Левенгаупта и, хотя имѣлъ даже менѣе его войска, разбилъ корпусъ этого генерала, захвативъ весь обозъ съ продовольствіемъ для королевской арміи. Левенгуптъ долженъ былъ явиться бѣглецомъ къ Карлу съ небольшимъ отрядомъ уцѣлѣвшихъ шведовъ, потерявъ большую половину своего корпуса и всю артиллерію. Побѣда эта воодушевила русскихъ надеждой справиться съ непріятелемъ, а Петръ говорилъ, что наконецъ пришло время русскимъ побѣждать шведовъ въ равномъ числѣ, и записалъ въ свой дневникъ, что это была первая солдатская проба которая не мало радовала царя и всѣхъ русскихъ, тѣмъ что Карлъ долженъ былъ остаться безъ продовольствія и тѣмъ довести до изнуренія свою армію; Шереметевъ-же разбитый ранѣе Левенгауптомъ при Гемауртсгофѣ написалъ Петру благодарственное письмо за отмщеніе. Впрочемъ король не унывалъ и, помня о договорѣ съ Мазепой, спѣшилъ соединиться съ нимъ и войдти въ благодатную Украйну.

Дѣйствительно Мазепа на Деснѣ соединился съ Карломъ, но

только съ нѣсколькими тысячами казаковъ, а, не какъ ожидалъ Карлъ, со всѣми полками Малороссійскими. Потомъ оказалось, что и эти немногіе измѣнившіе Петру казаки были обманомъ заманены Мазепою въ Шведскій лагерь, а Украйна осталась вѣрна Петру, за исключеніемъ Батурина, гдѣ засѣли приверженцы Мазепы: Чехелья и Кенигсекъ, отложившіеся отъ царя.

Когда узналъ Петръ объ измѣнѣ Мазепы, то сначала изумленію его, а потомъ гнѣву, не было конца. Чучелу Мазепы приказано было палачу влачить по площадямъ городовъ Малороссіи, а въ церквахъ раздалось проклятіе измѣннику Россіи; но въ виду мятежа въ Батуринѣ и кой-гдѣ еще по Украйнѣ были приняты болѣе дѣйствительныя мѣры и туда былъ посланъ Меншиковъ, съ сильнымъ корпусомъ, которому вмѣнено было въ обязанность жечь и всевозможными мѣрами истреблять всѣ запасы хлѣба и оружья, приготовленные по Малороссіи Мазепою для продовольствія шведской арміи. Меншиковъ пошелъ къ Батурину, истребляя все на пути своемъ и понуждая къ тому же жителей, которыхъ обнадеживалъ за это милостью царскою, обложилъ и взялъ приступомъ этотъ городъ. Мятежники были разсѣяны русскимъ войскомъ, но оставалась еще запорожская сѣчь, гдѣ былъ притонъ враговъ Петра. Туда то двинулъ, по волѣ царя, свои войска Меншиковъ и разгромилъ гнѣздо запорожцевъ. Послѣ такихъ мѣръ, Карлъ встрѣтилъ въ Малороссіи только сопротивленіе жителей, пепелъ хуторовъ и дымящіяся развалины магазиновъ, гдѣ Мазепа запасъ хлѣбъ для шведовъ. Разочарованіе Карла въ его лучшихъ надеждахъ было полное, а тутъ зима 1708 года принесла страшныя страданія шведскому войску, такъ какъ начались до того сильные морозы, что по выраженію простолюдиновъ «птица на лету падала.» Шведы были такъ преданы своему королю, что ни голодъ, ни морозы этой жестокой зимы не заставили ихъ унывать и роптать на Карла, который самъ видѣлъ всю бѣдственность этого похода и говорилъ: «вижу, что мы научили москвитянъ воевать,» но, не привыкли къ отступленію, хотя въ виду бѣдствій похода это слѣдовало бы сдѣлать, «не ухожу въ Польшу, а иду впередъ.» Повинуясь желанію короля, шведская армія продолжала идти далѣе и остановилась только подъ Полтавой весной 1709 года, гдѣ предусмотрительный Петръ имѣлъ 4000 гарнизому, и комендантъ этой крѣпости полковникъ Келлинъ былъ храбрый и искусный офицеръ Петровскихъ войскъ. Карлъ началъ осаду Полтавы, а за рѣкою Ворсклою стояла вся русская армія.

Чудеса храбрости и отваги показалъ комендантъ Келлинъ и горнизонъ Полтавы, вѣроятно воодушевленные близостью царя и русской арміи. Едва только не менѣе храбрые шведы вогружали свое знамя въ какомъ нибудь мѣстѣ крѣпостной стѣны, какъ Келлинъ самъ бросался въ сѣчу и опрокидывалъ и знамя,

и шведовъ. Пожары отъ бомбардировки, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ города вспыхивающіе, тушили даже дѣти. Наконецъ Петръ увидѣлъ, что гарнизонъ Полтавы потерялъ много людей и терпитъ голодъ, а потому послалъ Меньшикова снабдить Келлина съѣстными припасами, военными снарядами и, если можно, ввести въ крѣпость подкрѣпленіе, что Меньшиковъ буквально исполнилъ, чѣмъ оживилъ осажденныхъ.

Карлъ все продолжалъ стоять подъ Полтавою, хотя Келлинъ, получивъ подкрѣпленіе, не думалъ сдаваться, подбивалъ орудія у Карла и наносилъ сильный уронъ людьми шведамъ; но у короля были важныя причины не оставлять Полтавы: онъ возлагалъ надежду на помощь султана турецкаго и, изнуренный походомъ, жаждалъ даже, безъ всякой помощи, боя съ Петромъ, что бы разомъ или побѣдить, или пасть.

Между тѣмъ коммиссары короля шведскаго довели переговоры съ султаномъ было до того, что онъ повелѣлъ хану Крымскому, своему могущественному вассалу, начать военныя дѣйствія противъ русскихъ въ окрестностяхъ Азова; но появленіе русскаго флота въ Азовскомъ морѣ заставило и хана, и султана до того испугаться, что въ помощи Карлу былъ объявленъ его уполномоченнымъ рѣшительный отказъ. Узнавши объ отказѣ султана, Карлу оставалась только попытать счастія въ открытомъ бою съ русскими. Петръ хотѣлъ того-же, и даже такъ сильна была въ немъ надежда на побѣду, назначилъ Полтавскій бой на 29 Іюня, день своихъ имянинъ. Но карлъ, за два дня до этого, раненый наканунѣ въ ногу какимъ то казакомъ горѣлъ желаніемъ начать битву, и началъ ее 27 Іюня.

Шведы бросились на русскіе редуты, подъ предводительствомъ самого Карла, котораго несли поперемѣнно 24 драбанта на носилкахъ впереди своего войска. Едва шведы ворвались въ первый рядъ окоповъ, какъ русская артиллерія загрохотала и, направляемая искусно фельдцейхмейстеромъ Брюсомъ, стала осыпать непріятеля градомъ гранатъ и ядеръ. Огонь русскихъ былъ такъ убійственъ и такъ жестокъ, что испытанные, закаленные въ бояхъ полки шведовъ, предводимые своимъ обожаемымъ королемъ, и тѣ дрогнули и побѣжали къ лѣсу. Оправившись нѣсколько и снова построившись, шведы опять бросились въ битву или побѣдить, или умереть со славою. Тогда русское войско появилось изъ-за окоповъ и стало въ боевой порядокъ.

Вдругъ съ одного края русской арміи до другаго грянуло русское «ура» и переливаясь загрохотало по полкамъ: Петръ появился на конѣ и объѣзжалъ ряды своихъ войскъ. Когда крики смолкли, былъ слышенъ только голосъ Петра, который говорилъ своимъ воинамъ: наконецъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу Россіи, что они идутъ сражаться не за Петра, а за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за вѣру православную,

что не смущаются молвою о мнимой непобѣдимости непріятеля, уже неоднократно ими побѣжденнаго, что имъ, какъ воинамъ русскимъ, надобно имѣть предъ очами правду и Бога, поборающаго по нихъ.» Эти слова свои Петръ окончилъ такъ: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь недорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ.» По окончаній рѣчи царя, стали ожидать вторичнаго натиска шведовъ, а тѣмъ временемъ князь Меншиковъ успѣлъ, пользуясь первымъ замѣшательствомъ шведовъ, отдѣлить ихъ правое крыло, подъ начальствомъ генерала Рооса, и истребилъ его.

Шведы не заставили долго ждать русскихъ и ринулись на нихъ съ новою яростью: закипѣлъ страшный бой. Сначала русскіе отъ страшнаго натиска шведовъ подались назадъ, и шведы ворвались въ нѣсколько окоповъ нашихъ, но Петръ подъ огнемъ бросился по рядамъ своего войска и говоря: «порадѣйте товарищи! Вѣра, церковь и отечество этого ждутъ отъ васъ» съумѣлъ возстановить порядокъ, и бой продолжался. Въ это время у царя пуля пробила шляпу, другая попала въ грудь его, но крестъ,—даръ Аѳона, еще царю Ѳеодору Іоанновичу, спасъ жизнь Петру и наконецъ третья засѣла въ сѣдлѣ царскомъ; но Петръ остался цѣлъ. Черезъ полчаса русскіе опрокинули шведовъ и, въ свою очередь, въ Карла полетѣли ядра; обѣ лошади, запряженныя въ этотъ разъ въ его носилки, были убиты, изъ драбантовъ осталось только трое, наконецъ раненный король дважды былъ сброшенъ ядрами съ носилокъ такъ, что въ послѣдній разъ онъ подумалъ даже, что ядро попало въ него и видя бѣгущихъ шведовъ закричалъ «шведы, шведы;» но князья Меньшиковъ и Голицынъ гнали ихъ. Не прошло и двухъ часовъ, какъ все Полтавское поле было покрыто бѣгущими шведами. Русскіе казаки чуть не захватили короля въ плѣнъ, но онъ соскочилъ съ носилокъ и, не смотря на страшную боль въ ногѣ, вскочилъ на коня, конь въ этотъ моментъ былъ убитъ подъ Карломъ, но полковникъ Герта отдалъ добровольно Карлу своего коня, чѣмъ спасъ его, а самъ тотчасъ же былъ изрубленъ наскакавшими казаками. Карлъ, вмѣстѣ съ Мазепой, бросился къ Днѣпру и успѣлъ переправиться черезъ него, имѣя еще нѣсколько сотъ драбантовъ и пѣхоты, и прискакалъ въ первый турецкій городъ Бендеры, гдѣ и остановился. Уцѣлевшая отъ Полтавскаго боя половина шведской арміи подъ командой Левенгаупта не могла переправиться у Переволочнѣ за Днѣпръ и была окружена тамъ Меншиковымъ и Голицынымъ. Левенгауптъ, видя безполезность сопротивленія, положилъ оружье.

Послѣ этого страшнаго пораженія шведовъ Петру досталась громадная добыча: весь лагерь шведовъ, вся артиллерія, множество знаменъ, всѣ министры, въ числѣ которыхъ былъ первый министръ графъ Пиперъ, всѣ генералы и старшій изъ нихъ фельдмаршалъ Рейншильдъ, болѣе 20,000 плѣнныхъ и весь обозъ.—

Восторгъ Петра и его войска былъ безграниченъ. День Полтавскаго боя кончился пиромъ, на которомъ Петръ поднялъ бокалъ,какъ онъ выразился, за учителей своихъ, «назвавъ этимъ присутствовавшихъ на пирѣ плѣнныхъ шведскихъ генераловъ, задавшихъ хорошій урокъ русскимъ подъ Нарвой. Старшій изъ плѣнныхъ, фельдмаршалъ Рейншильдъ понялъ слова государя и возразилъ, что онъ неблагодарный ученикъ, если такъ поступилъ въ бою подъ Полтавой съ своими учителями. Государь живо переспросилъ Рейншильда» кто же виноватъ, что вы зашли сюда. «Рейншильдъ, поклонившись отвѣчалъ» нашъ король такъ хотѣлъ, и мы повиновались его волѣ. Петръ за храбрость и за этотъ удачный отвѣтъ возвратилъ шпагу шведскому полководцу, сказавъ при этомъ своимъ генераламъ, «вотъ какъ нужно повиноваться волѣ своего монарха.»

Въ Полтавской битвѣ со стороны русскихъ было 42,000 человѣкъ и 72 орудія, а король шведскій имѣлъ армію, превосходящую числомъ, а главное искусствомъ и опытностію Въ числѣ участниковъ этой битвы были русскіе генералы Меншиковъ, фельдмаршалъ Шереметевъ, князь Рѣпнинъ, князь Голицынъ— герой осады Нотебурга, начальникъ артиллеріи Брюсъ, Боуеръ и многіе другіе, а предводительствовали шведами: фельдмаршалъ Рейншильдъ, Шлиппенбахъ, Левенгауптъ — побѣдитель Шереметева при Гемауртсгофѣ въ Лифляндіи, Розенъ и наконецъ измѣнникъ Мазепа съ своими казаками. Важныя слѣдствія имѣла битва Полтавская для утвержденія вліянія Россіи въ Европѣ. Курфирстъ Саксонскій Августъ II, всегда двуличный, малодушный и до безконечности боявшійся Карла, перенесъ свой страхъ и уваженіе на его побѣдителя и своего бывшаго союзника Петра: чуть не со слезами былъ выпрошенъ у него Августомъ новый союзъ и прощеніе за вѣроломство, при разорваніи прежняго. Славный побѣдитель шведовъ простилъ отъ души Августу всѣ его прегрѣшенія и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому сѣверный союзъ государей возстановляется и Россія обязывается вытѣснивъ изъ Польши шведовъ и, низложивъ съ польскаго трона короля Станислава Лещинскаго, поддерживаемаго Франціей, и возвести на него снова Августа. За это Августъ въ свою очередь долженъ помогать Петру въ его завоеваніяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, пославъ Соксонскую армію въ Померанію и отказаться отъ всѣхъ притязаній Польши на Лифляндію, если шведы будутъ выбиты и оттуда. Къ этому союзу присоединился и король Датскій, исконный врагъ Швеціи, и уничтоживъ унизительный для Даніи, договоръ Травендальскій со шведами, онъ обязался сдѣлать высадку въ предѣлы шведскаго государства, въ провинцію его Шонію.

Курфирстъ Ганноверскій (онъ же король англійскій) и король прусскій (ранѣе называвшійся курфирстомъ бранденбургскимъ,)

искали дружбы съ Петромъ и спѣшили заключить съ нимъ торговые и другаго рода договоры. Сверхъ того, гордый императоръ нѣмецкій тоже изъявлялъ желаніе быть въ союзѣ съ побѣдителемъ Карла, державшаго громомъ побѣдъ своихъ почти десять лѣтъ всю Европу въ страхѣ и ужасѣ, а между прочимъ и сосѣднюю Австрію. Всѣ притѣсненія русскихъ подданныхъ, торговавшихъ заграницей кончились, даже сидѣвшіе въ тюрмѣ въ Англіи купцы наши за какія-то вины по торговлѣ, которыхъ освобожденія Петръ требовалъ неоднократно,—едва только раздался по Европѣ отголосокъ побѣды полтавской,—были тотчасъ же самимъ англійскимъ правительствомъ освобождены, и кромѣ того англійскій посланникъ лично засвидѣтельствовалъ передъ Петромъ, что бившіе на нихъ челомъ англичане будутъ оштрафованы и инфамами (лишены чести) объявлены. При торжественныхъ аудіенціяхъ, даваемыхъ Петромъ иностраннымъ посламъ, они иногда именовали Петра «императоромъ.» Только Франція недружественно относилась къ Россіи; причина ея непріязни къ Россіи были польскія дѣла: французское правительство старалось поддержать на польскомъ тронѣ Станислава Лещинскаго, союзника Швеціи, а Петръ потому не могъ его терпѣть своимъ сосѣдомъ.

Пользуясь обаятельностью полтавскаго боя на сосѣднія государства и совершеннымъ истощеніемъ Швеціи, которая потеряла въ этомъ сраженіи лучшій цвѣтъ своихъ войскъ, Петръ не медлилъ ни минуты и перенесъ войну въ Лифляндію, Эстляндію и южную Финляндію, цѣль которой была закрѣпить за собой владычество Россіи въ этихъ областяхъ и тѣмъ создать морское могущество ея на Балтійскомъ морѣ.

Русское войско съ полей полтавскихъ прямо вступило въ Лифляндію, гдѣ все еще шла осада Риги. Какъ ни была упорна защита крѣпостей шведскими гарнизонами и какихъ усилій не дѣлала обезсиленная Швеція, чтобъ удержать за собой Отзейскія области, но время господства шведовъ на сѣверѣ Европы, достигшаго геніемъ и военнымъ счастіемъ Карла до небывалыхъ размѣровъ, безвозвратно прошло, и Швеція должна была уступить свое мѣсто Россіи, которой съ той поры суждено быть рѣшительницею судебъ сѣвера.

Чтобы вѣрнѣе сломить сопротивленіе крѣпостей, изъ которыхъ приморскіе: Рига, Ревель и Выборгъ были сильно укрѣплены, Петръ раздѣлилъ свою армію на отдѣльные корпуса и, пользуясь отсутствіемъ на побережьѣ Балтики шведскаго войска, которыя дѣйствовали бы въ полѣ для прикрытій и помощи, то той, то другой крѣпости, разстянулъ ихъ отъ устья Двины до Выборга, охвативъ все побережье.

Въ одинъ годъ компанія была кончена и всѣ крѣпости пали, оставивъ весь край Прибалтійскій въ рукахъ Петра. Петровскіе полководцы, не смотря на упорное сопротивленіе доведенныхъ

до отчаяннаго мужества шведскихъ гарнизоновъ, брали одна за другой остзейскіе твердыни: Динаминдъ и Рига были взяты лучшимъ полководцемъ Петровскаго времени Шереметевымъ, адмиралъ графъ Апраксинъ завладѣлъ Выборгомъ, а Бауръ завладѣлъ Ревелемъ и Пернау и т. д. Тѣмъ временемъ Меншиковъ громилъ шведовъ въ Польшѣ и выгналъ ихъ въ Померанію, гдѣ предоставилъ добивать ихъ саксонской арміи Августа, которому своими побѣдами доставилъ возможность опять вступить на польскій тронъ и изгнать совершенно изъ предѣловъ Польши своего, поддерживаемаго еще только Франціей, соперника Станислава Лещинскаго.

Завладѣніе почти всѣмъ краемъ Прибалтійскимъ не могло удовлетворить Петра, старавшагося для блага Россіи навсегда уничтожить вліяніе Швеціи на сѣверѣ и раздавить въ конецъ эту державу.

Государь хотѣлъ лично командовать своей арміей, съ которою думалъ начать военныя дѣйствія прямо осадой Стокгольма, столицы Швеціи. Для этого у Петра былъ флотъ, была превосходная армія, были искусные генералы и союзники: Датчане, высадившіеся въ Шонію, и саксонцы, дѣйствовавшіе въ Помераніи; оставалось только сѣсть на суда и плыть къ Стокгольму.

Но великому замыслу Петрову не суждено было исполниться: Датчанъ разбилъ при Гелзингборгѣ шведскій генералъ графъ Штейнбокъ, успѣвшій собрать кой-какія остатки Карловыхъ солдатъ, и выгналъ непріятеля изъ Шоніи; въ Помераніи военныя дѣйствія саксонцевъ шли вяло, такъ какъ Августъ, удовлетворенный возвратомъ короны польской, не настаивалъ на оживленіи ихъ; а Петръ, готовый переплыть Балтійское море и предписать шведамъ миръ въ Стокгольмѣ, узналъ о страшной бурѣ, грозившей Россіи на югѣ и устремился туда.

Дѣло заключалось въ томъ, что Карлъ, жившій все это время въ Бендерахъ, не терялъ его даромъ, какъ это казалось его торжествующимъ врагамъ, и всѣми силами подстрекалъ къ войнѣ своего друга султана турецкаго. Всѣ домогательства Карла заставить турокъ объявить войну Россіи были напрасны, благодаря миролюбію и личному расположенію къ Петру великаго визиря Турціи Чурлули, пользовавшагося безграничнымъ довѣріемъ своего государя Ахмета III. Къ величайшему негодованію Карла былъ подтвержденъ константинопольскій 30-ти лѣтній миръ съ Россіей, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы предоставить Карлу полную свободу проѣхать черезъ Россію въ свое королевство. Договору этому осуществиться не суждено было, такъ какъ Карлъ и не думалъ оставить Турцію и ѣхать домой, а напротивъ всѣми мѣрами старался черезъ агентовъ своихъ, польскихъ сановниковъ, Потоцкаго и Понятовскаго, погубить благосклоннаго къ Россіи великаго визиря. Какъ не твердо держался Чурлули, но старанія польскихъ

сторонниковъ Карла передъ султаномъ, подкрѣпленныя просьбами хана крымскаго и посла враждебной Россіи Франціи, сдѣлали свое дѣло: великій визирь палъ и политика Турціи приняла воинственное направленіе. Ахметъ, напуганный увѣреніями защитниковъ Карла, что Россія, укрѣпляясь на Азовскомъ морѣ и пріобрѣтя южную часть Польши, приготовляется нанести рѣшительный ударъ владычеству отомановъ на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ живутъ подъ игомъ турокъ единовѣрные и большею частью единоплеменные русскимъ народы.

Это опасеніе, возбужденное въ умѣ султана врагами Россіи, еще больше имѣло вѣсъ, что шло отъ Карла, котораго турки, пораженные его храбростью и беззавѣтной отвагой, искренно полюбили; даже мать султана (султанша Валидэ) сочувствовала бѣдствіямъ короля—героя и старалась употребить въ его пользу все свое вліяніе на своего царственнаго сына.

Слѣдствіемъ всѣхъ интригъ и уловокъ Карла при дворѣ султана было объявленіе имъ Петру войны, которая для Россіи не могла, если предположить и успѣхъ на сторонѣ Петра, принести въ то время значительныхъ выгодъ; но въ виду страшныхъ приготовленій Турціи къ войнѣ и неожиданности ея,—она для Петра была болѣе чѣмъ не желательна: онъ сомнѣвался въ успѣхѣ и боялся потерять плоды всѣхъ своихъ трудовъ и побѣдъ, купленныхъ дорогой цѣною. Желая раздавить Россію, султанъ собралъ многочисленное войско для перехода черезъ Дунай и вторженія въ предѣлы Россіи: 300,000 турецкаго войска и 400 пушекъ, подъ начальствомъ великаго визиря, должны были сокрушить Россію.

Петръ разсчиталъ, что допустить турокъ въ Россійскія области, гдѣ они будутъ все жечь и истреблять, чрезвычайно опасно и вредно, и потому театромъ военныхъ дѣйствій избралъ Дунайскія княжества: Молдавію и Валахію, не довольныя правительствомъ турокъ и всегда просившія у Петра защиты отъ ихъ насилій. Для этой цѣли былъ заключенъ союзъ Россіи съ господарями: Кантемиромъ Молдавскимъ и Бранкованомъ Валахскимъ. Оба господаря признали надъ собой покровительство Россіи и обязались снабжать русскую армію всѣмъ необходимымъ; для чего должно было запасти склады хлѣба и другихъ жизненныхъ потребностей, а по прибытіи въ княжество русской арміи,—вооружить всѣхъ способныхъ носить оружіе на совокупную съ русскими войну съ турками.

Оба гвардейскіе полка и самыя отборныя войска, въ числѣ 40,000 человѣкъ, были ввѣрены Петромъ начальству лучшаго его полководца фельдмаршала Шереметева и посланы въ Молдавію. Чтобы больше придать воодушевленія русской арміи въ предстоящей борьбѣ ея съ страшными полчищами турокъ, Петръ вскорѣ поѣхалъ къ арміи и самъ, и супруга его Екатерина Алексѣевна, съ которой онъ хотѣлъ дѣлить и горе, и радость въ

опасной для Россіи компаніи съ турками. Впослѣдствіи оказалось, что присутствіе Екатерины въ русскомъ лагерѣ было ненапрасно, и она помогла своему супругу спасти себя и войско отъ ужаснаго позора, даже отъ вѣроятнаго плѣна, а Россію—избавить на долго отъ турецкихъ нашествій и крымскихъ набѣговъ. Въ началѣ еще этого похода сама природа была противъ русскихъ: страшный зной въ Дунайскихъ княжествахъ, а потомъ налеты саранчи истребили хлѣба, и потому молдавскій господарь, какъ ни старался обезпечить продовольствіе русской арміи, совершенно ничего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, и русскимъ пришлось терпѣть большой недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ.

Достигнувъ столицы Молдавіи Яссъ, русская армія остановилась, не зная, какъ дѣйствовать впередъ, и потому фельдмаршалъ Шереметевъ въ этомъ городѣ созвалъ военный совѣтъ, чтобы обсудить дальнѣйшій ходъ компаніи. Русскіе генералы настаивали имѣть главную квартиру арміи въ Яссахъ и здѣсь заготовлять, по мѣрѣ возможности, склады продовольствія; но присутствующій на совѣтѣ господарь Кантеміръ, оспаривая это благоразумное мнѣніе, говорилъ, что, какъ ему хорошо извѣстно, у Браилова заготовлено турками громадное количество съѣстныхъ припасовъ и военнаго матеріяла для ихъ арміи; стоитъ русскимъ двинуться туда, продолжалъ онъ, и всѣ эти запасы будутъ захвачены. Слова Кантеміра подѣйствовали на Петра благопріятно, и онъ велѣлъ идти впередъ къ Дунаю, чтобы выполнить его предположеніе. Русская армія пошла по правой сторонѣ Прута, но вдругъ Петръ узналъ, что турки предупредили его, переправились черезъ Дунай и стоятъ у мѣстечка Фальчи. Положеніе русскихъ тогда же явилось въ глазахъ Петра опаснымъ: кругомъ была песчаная, безводная и раскаленная южными жарами степь, возвратиться въ Яссы, пропущено время, съѣстныхъ припасосъ нѣтъ, конницы мало; а между тѣмъ вблизи стоялъ великій визирь съ 250,000 войска, въ числѣ котораго, по азіатскому обычаю, масса превосходной конницы, снабженной припасами въ излишествѣ и обезпеченной съ тыла подкрѣпленіями изъ ряда придунайскихъ крѣпостей.

Руководствуясь этими соображеніями, Петръ приказалъ своему войску остановиться на берегу Прута, окопавшись со всѣхъ сторонъ, ждать наступленія турокъ. Великій визирь со всѣми своими силами не заставилъ долго ждать и явился передъ окопами. Турки сначала предположили ворваться силой въ русскій лагерь; но посланные великимъ визиремъ на русскихъ самые отважнѣйшіе полки янычаръ, которые съ яростію бросились въ окопы, были отбиты искусно-направленнымъ огнемъ русской артиллеріи и штыками гвардейцевъ. Оставивъ около семи тысячь убитыхъ, янычарамъ пришлось прекратить свои попытки прорвать окопы, а великому визирю этотъ мужественный отпоръ показалъ, что только обложеніе со всѣхъ сторонъ русской арміи поведетъ къ

ея сдачѣ отъ недостатка хлѣба и воды, и турки, обложивъ русскихъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзавъ даже отъ Прута, лишили ихъ подвоза продовольствія.

Тогда пришли Петру и его войску тяжелые дни томительнаго отсиживанія безъ воды и хлѣба въ знойной степи. Всегда мужественный и твердый Петръ, попавъ въ такое гибельное положеніе, не видѣлъ никакого исхода изъ него: невозможно было побѣдить многочисленную армію турокъ истомленными голодомъ и жаждою войсками русскими, такъ далеко уступавшими въ числѣ туркамъ, что приходилось одному русскому драться съ семерыми; пробиться хотя и было возможно, но отступать подъ натискомъ множества турецкой конницы большею частью пѣшимъ русскимъ полкамъ, равно было истребленію ихъ; а положить оружіе къ ногамъ турецкаго паши и опустить предъ нимъ знамена, къ которымъ недавно еще была прикована побѣда на поляхъ полтавскихъ,—было выше силъ Петра.

Не боязнь позорнаго плѣна, который положитъ конецъ военной славѣ Петра, смущала его; но страхъ, что турки, воспользовавшись его плѣномъ, заставятъ Россію, изъ преданности и любви къ нему, принять всевозможныя условія мира съ турками, къ своему явному вреду и ущербу, наполнялъ душу Петрову ужасомъ, и любовь къ славѣ отечества водила его рукою, при написаніи будто бы слѣдующаго письма сенату: «Господа сенатъ! извѣщаю васъ, что «я со всѣмъ моимъ войскомъ безъ вины или погрѣшности на«шей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣ«стіямъ, въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, «что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены и что безъ «особливыя Божія помощи ничего инаго предвидѣть не могу, «кромѣ совершеннаго пораженія или что я впаду въ турецкій «плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня по«читать царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, «хотя бы то по собственно-ручному повелѣнію отъ насъ было «требуемо, покамѣсть я самъ не явлюсь между вами въ лицѣ «моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о «моей смерти, то выберите между собой достойнѣйшаго мнѣ «въ наслѣдники.» (*) Это письмо лучше всего показываетъ величіе души Петра въ его безнадежномъ положеніи.

Шереметевъ рѣшился написать письмо великому визирю о мирѣ; но на него отвѣта не было. На вторую попытку Шереметева просить мира, великій визирь изъявилъ согласіе на веденіе мирныхъ переговоровъ чрезъ присланнаго къ нему уполномоченнаго. Вице-канцлеръ Шафировъ поѣхалъ въ турецкій лагерь съ предложеніемъ въ случаѣ крайности отдать обратно шведамъ все завоеванное у нихъ, за исключеніемъ одного Петербурга съ

(*) Но это письмо едвали достовѣрно, такъ какъ наслѣдникомъ законнымъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ.

теченіемъ Невы, а если и на этомъ будетъ настаивать великій визирь, то уступить взамѣнъ будущей столицы Петра и Псковъ, при томъ Турціи возвратить Азовъ и Таганрогъ.

Мысль о мирѣ запала въ голову первой Екатеринѣ, которая внушила своему державному супругу завести переписку съ великимъ визиремъ; а, при отправленіи Шафирова для переговоровъ о мирѣ, отправила съ нимъ въ подарокъ великому визирю случайно взятые ею съ собой всѣ свои брилліанты и драгоцѣнности, разсчитывая на азіатскую жадность турецкаго военачальника. Этотъ хитро задуманный Екатериною способъ расположить великаго визиря къ нисходительности въ его требованіяхъ, и искусство Шафирова при веденіи мирныхъ переговоровъ съ нимъ, послужили къ предложенію со стороны турокъ неожиданно легкихъ для Россіи условій мирнаго договора.

Великій визирь требовалъ только возвращенія Турціи Азова и Таганрога съ отнятыми отъ нея округами ихъ, невмѣшательства въ дѣла Польши, дозволенія Карлу XII проѣхать черезъ Россію въ свое государство и, что одно развѣ представляло важное препятствіе къ миру, выдачи туркамъ господаря молдавскаго Кантеміра для казни за измѣну султану и помощь Петру. На всѣ эти условія согласился Петръ, но кромѣ послѣдняго, прочтя которое онъ вскричалъ; «скорѣе полцарства моего отдамъ непріятелю, но не измѣню даннаго слова» и наотрѣзъ отказалъ выдачѣ Кантеміра. Великодушіе этого поступка Петра, находившагося на краю гибели, безпримѣрно въ исторіи, которая между тѣмъ заноситъ часто на свои страницы дѣянія, подобныя выдачѣ Паткуля Августомъ II саксонскимъ.

Къ счастію великій визирь оставилъ свое требованіе выдачи Кантеміра и миръ, названный Прутскимъ, былъ подписанъ еще съ тѣмъ, что русская армія, сохраняя свое оружіе, знамена, артиллерію и обозъ, свободно пропускается въ отечество.

Карлъ, все продолжавшій жить въ Бендерахъ, съ радостію узналъ объ обложеніи при Прутѣ Петра и поскакалъ чуть не въ перекладной тележкѣ принять въ плѣнъ своего славнаго побѣдителя при Полтавѣ. Но радость Карла была непродолжительна, по крайней мѣрѣ до той поры, когда онъ подъѣхалъ къ турецкому лагерю и увидѣлъ издали развернутыя знамена и дальній бой барабановъ русской арміи, которая вышла изъ окоповъ и удалялась по направленію къ отечеству. Карлъ бросился въ ставку великаго визиря, и тотъ объявилъ взбѣшенному и такъ Карлу, что миръ съ Петромъ подписанъ и онъ съ своей арміей въ силу этого ушли безвозвратно; а Карлъ въ свою очередь обѣщалъ турецкому военачальнику за эту потерю головы. Спустя нѣсколько времени Карлъ исполнилъ свою угрозу, и великій визирь Мегмедъ-паша былъ обезглавленъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ стараніями Карла и новаго вели-

каго визиря Юсуфа, человѣка воинственнаго и приверженца шведовъ, была вновь объявлена война Россіи за неочищеніе Польши и невозвращеніе Турціи Азова; Шафировъ же, бывшій тогда посланникомъ въ Константинополѣ, былъ посаженъ тамъ въ семибашенный замокъ. Оттуда-то русскій вице-канцлеръ съумѣлъ отвратить войну увѣреніемъ, что Петръ не возвратитъ Азова и не очиститъ Польши до выѣзда изъ Турціи врага Россіи Карла. Посланники дружественныхъ Петру дворовъ поддержали передъ султаномъ заявленіе Шафирова, и миръ былъ подтвержденъ, но только не надолго. Вмѣсто выѣзда въ свою Швецію, король шведскій опять подстрекнулъ турокъ къ войнѣ; но Петръ возвратилъ Азовъ, чѣмъ положилъ конецъ нашествію крымцевъ на Украйну.

Подтвердивъ Адріанопольскимъ договоромъ всѣ основанія Прутскаго мира, султанъ долженъ былъ обязаться 25 лѣтъ не поднимать оружія противъ русскихъ и немедленно понудить Карла выѣхать изъ предѣловъ Турціи.

Не такъ-то легко удалось туркамъ выжить короля-героя даже изъ Бендеръ. Больше десяти тысячь янычаръ съ пашою во главѣ двинулись выбить Карла съ его драбантами изъ этого мѣстечка, такъ какъ онъ объявилъ, что будетъ защищаться. Отважный до безразсудства король встрѣтилъ янычаръ выстрѣлами изъ оконъ своего дома, защищался цѣлый день и, когда домъ былъ подожженъ турецкими солдатами, король со шпагою и пистолетомъ въ рукахъ выскочилъ съ уцѣлѣвшими шведами, но длинными шпорами запутался въ травѣ и упалъ; его сейчасъ же посадили въ карету и подъ конвоемъ увезли въ окрестности Адріанополя.

Но и тамъ Карлъ удержался еще около двухъ лѣтъ, сдружась съ великимъ визиремъ, и возбуждалъ турокъ къ войнѣ, но безуспѣшно; наконецъ узнавъ о стѣсненіи Швеціи войсками сѣвернаго союза, укрѣпившагося вновь со времени Прутскаго мира, Карлъ въ страшномъ гнѣвѣ на султана поѣхалъ съ однимъ только провожатымъ черезъ Валахію, Трансильванію, Венгрію, Австрію и Брауншвейгъ въ Штральзундъ, единственную крѣпость шведовъ въ областяхъ нѣмецкихъ.

Послѣ Прутскаго мира Петръ прямо поѣхалъ въ Германію, задумавъ женить своего сына и наслѣдника Алексѣя Петровича, въ супруги которому избралъ сестру жены императора Карла IV, Софію Шарлоту, принцессу Вольфенбиттельскую; отъ этого брака родился впослѣдствіи императоръ Петръ II Алексѣевичъ.

Швеція до прибытія своего короля въ Штральзундъ не только лишилась Эстляндіи, Лифляндіи и Ингерманландіи, занятыхъ войсками Петра, но потеряла еще двѣ обширныя свои области: въ нѣмецкихъ земляхъ Померанію и сосѣднюю съ собой Финляндію. Въ потерѣ первой виновенъ былъ самъ Карлъ, который отнюдь не пожелѣлъ сдѣлать ее нейтральной, что постановлено было по ходатайству нѣмецкаго императора на конгрессѣ морскихъ

державъ въ Гаагѣ, съ цѣлью отклонить войну отъ нѣмецкихъ земель. Пользуясь безразсуднымъ отказомъ Карла, датскія и саксонскія войска короля Августа стали хозяйничать въ Помераніи, соперничая между собой и стараясь вытѣснить другъ друга. Генералъ Штейнбокъ, побѣдитель датчанъ въ Шоніи, и въ Помераніи при Гадебушѣ нанесъ страшное пораженіе имъ, такъ что личное прибытіе Петра въ армію союзниковъ и принятіе имъ на себякомандованья ею погубило шведовъ. Штейнбокъ потерпѣлъ пораженіе отъ Петра, заперся было въ Тенингенѣ; но здѣсь русскія войска, подъ командой Меншикова обложили его и стѣснили до того, что онъ долженъ былъ сдаться военноплѣннымъ со всею своею арміею. Послѣ такого погрома вся Померанія очутилась въ рукахъ союзниковъ, за исключеніемъ городовъ Штральзунда и Штетина, изъ которыхъ первый едва могъ обороняться, а второй доведенный до крайности княземъ Меншиковымъ, отдался покровительству короля прусскаго Фридриха Вильгельма, уже невыпустившаго его изъ рукъ своихъ, ссылаясь на громадныя будто бы издержки Пруссіи по оказанію помощи этому городу.

Участь Помераніи испытала и Финляндія, исключительно завоеванная подвигами и искусствомъ Петра и его генераловъ. Прежнія завоеванія Петра въ Прибалтійскомъ краѣ могли тогда только быть прочны, когда русская армія будетъ стоять и въ Финляндіи, готовая каждую минуту переступить границу собственно шведскаго королевства и принудить силой признать все, что хочетъ Россія. Генералъ Либекеръ, командовавшій всѣми шведскими войсками, въ Финляндіи, подвергся нападенію русской арміи, подъ личнымъ предводительствомъ самого Петра, и уступая его искусству и безграничному мужеству русскихъ войскъ, очистилъ имъ область Нью-ландскую, а крѣпости Або и Гельсингфорсъ, прекрасно снабженныя всѣмъ необходимымъ и имѣвшія многочисленные гарнизоны, принуждены были отворить Петру свои ворота. Неудачи, понесенныя генераломъ Либекеромъ въ битвахъ съ русскими, привели въ уныніе всю Швецію, и такъ уже оставленную на произволъ судьбы своимъ своенравнымъ королемъ. Генералъ Армфельдъ, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ Карла, явился въ сенатъ и потрясенный бѣдствіемъ Финляндіи торжественно обѣщался поправить все зло, происшедшее будто-бы отъ неспособности и нерадѣнія Либекера, и выгнать Петра съ его арміей изъ всѣхъ захваченныхъ имъ мѣстностей Финляндіи. Рѣчь Армфельда подѣйствовала на шведскій сенатъ, и генералъ Либекеръ былъ отозванъ отъ арміи, которая была ввѣрена начальству Армфельда.

Столкнувшись лицомъ къ лицу съ русской арміей, подъ командой князя Голицына, пылкій на словахъ, Армфельдъ долженъ былъ отъ него бѣжать; но Голицынъ пошелъ за нимъ съ тѣмъ, чтобы окончательно уничтожить шведскій корпусъ. При деревнѣ Наппо, въ Остроботніи, встрѣтились противники, начали рѣши-

тельный бой, введя въ дѣйствіе всѣ свои силы, въ которомъ Голицынъ разбилъ Армефельда и разсѣялъ шведовъ.

Послѣ такого пораженія осталось немного сдѣлать, чтобы Финляндія вся подпала власти Петра. Самъ же Петръ былъ виновникомъ прекращенія сосѣдства шведомъ вь Финляндіи своею морскою побѣдою при Гонгеудѣ, гдѣ юный русской флотъ въ первый разъ показалъ свою силу и превосходство надъ шведскимъ. Въ реляціи объ этой битвѣ, 27 іюля 1714 года, сказано, что русскимъ флотомъ начальствовали командиры: Змаевичь, Петръ Михайловичь (самъ царь) и Апраксины, искусствомъ и мужествомъ которыхъ большая часть шведскаго флота истреблена, адмиралъ Эренгилльдъ взятъ въ плѣнъ и захвачены острова аландскіе, имѣющіе важное значеніе, какъ удобная стоянка для флота.

Послѣдняя крѣпость Нейшлотъ, гдѣ держался еще шведскій гарнизонъ, должна была также пасть предъ силою русскихъ, и съ этого времени совершенно вся Финляндія была очищена отъ шведскихъ войскъ и подпала власти Россіи.

Появленіе въ Штральзундѣ Карла XII, послѣ пятилѣтняго отсутствія, исполнило радости сердца преданныхъ шведовъ; но, въ виду уже сильныхъ успѣховъ войскъ сѣвернаго союза и общаго истощенія Швеціи, оно не могло поправить положенія ея; а напротивъ Карлъ своею иногда доходившей до безразсудства задорливостью еще больше повредилъ своему государству, накликавъ на себя новыхъ враговъ.

Первымъ долгомъ своимъ почелъ Карлъ не признать договора, заключеннаго Швеціею съ королемъ Прусскимъ объ уступкѣ ему города Штетина въ залогъ за понесенныя Пруссіей издержки; а курфирсту ганноверскому воспрепятствовалъ занять шведскіе города: Бременъ и Верденъ, уступленные датскимъ королемъ. Затѣмъ, Карлъ позволитъ своимъ каперамъ брать суда и нейтральныхъ державъ, изъ которыхъ Англія и Голландія, въ наказаніе за это Карла, объявили ему войну и присоединились къ Сѣверному союзу.

Хотя Карлъ, вытѣсненный даже изъ Штральзунда, не уступалъ въ своихъ требованіяхъ и не старался покончить войну миромъ, но казалось, что послѣдній часъ Швеціи насталъ подъ ударомъ сѣвернаго союза, въ составъ котораго вошло семь государствъ: Россія, Пруссія, Польша, Данія, Ганноверъ, Голландія и Англія. Первенствующее значеніе въ этомъ союзѣ имѣлъ Петръ и, поспѣвая вездѣ то денежной помощью, то посылкой войска своимъ союзникамъ, то принятіемъ личнаго начальства надъ ихъ войсками и слѣдовательно своимъ геніемъ и военнымъ искусствомъ,—вредилъ страшно этотъ государь бывшей владычицѣ Сѣвера. Наконецъ было рѣшено, по настоянію русскаго царя, снарядить около Копенгагена, приморской столицы Даніи, союзный флотъ, поручить его Петру и послать къ берегамъ Шоніи, чтобы совер-

шенно раздавить Карла и его державу. Восемьдесятъ три военныхъ корабля, принадлежавшихъ означеннымъ союзнымъ государствамъ, составили союзный флотъ, которымъ начальство приняль уже Петръ, который и готовился отплыть къ берегамъ Швеціи, но тутъ явилось явное недоброжелательство его союзниковъ, особенно датскаго и польскаго королей, вызванное недовѣріемъ къ Петру, и вѣрнѣе завистью этихъ государей; и разгнѣванный Петръ отказомъ въ продовольствіи со стороны Даніи, замедленіемъ въ посадкѣ датскихъ и августовыхъ войскъ на суда и другими явно враждебными мѣрами своихъ союзниковъ противъ него,—приказялъ русскимъ войскамъ идти въ отечество и объявилъ сѣверный союзъ прекращеннымъ.—Узнавъ объ этомъ, Карлъ вздохнулъ свободнѣй, потому что гроза, собравшаяся было у Копенгагена,—не разразилась надъ истерзанной Швеціей, но радоваться ему еще нечего было: Петръ порѣшилъ, хотя отдѣльно отъ союзниковъ, все же вѣдаться съ Швеціей на сушѣ и морѣ, доколѣ не утвердятся за Россіей всѣ пріобрѣтенія отъ шведовъ, купленныя ручьями русской крови.

Но хотя русскіе грозили ежеминутно ворваться въ предѣлы Швеціи, довѣріе оказанное Карломъ голштинцу Герцу, сдѣлавшемуся первымъ министромъ Швеціи, и его желаніе заключить на твердыхъ основаніяхъ миръ съ Петромъ, отсрочило на долго вторженіе русскихъ. Чѣмъ живѣе велись переговоры о мирѣ съ Герцемъ, тѣмъ слабѣе дѣйствовали русскіе корпуса на границахъ Швеціи. Предварительныя статьи мира были уже обсуждены, какъ вдругъ при осадѣ крѣпости Фридрихсгаля, Карлъ, какъ говорятъ, измѣннически былъ убитъ; послѣдствіемъ чего было не только паданіе Герца, но даже враги его взвели этого замѣчательнаго человѣка на эшафотъ. Отъ такихъ неожиданныхъ перемѣнъ переговоры о мирѣ прекратились и опять пришлось обѣимъ державамъ взяться за оружье. На этотъ разъ русскія войска вошли въ предѣлы Швеціи, начали жечь шведскія города и селенія, угрожая и самому Стокгольму. Въ окрестностяхъ этого города появились козаки, а русское войско подъ начальствомъ Ласси, замѣнившаго ранѣе того умершаго фельдмаршала Шереметева, продолжало жечь и истреблять все попадавшееся на пути; такъ что денежныя субсидіи, данныя королевѣ шведской Урилькѣ Элеонорѣ, сестрѣ Карла, не могли заставить шведовъ продолжать войну, а напротивъ королева отказалтсь отъ престола и предоставила корону своему супругу принцу Гессенскому Фридриху. Начались тогда переговоры о мирѣ между Россіей и Швеціей, но такъ поспѣшно, что веденіе ихъ уже не вызвало со стороны Петра шутки на медленность, съ которой тянулись переговоры на Аландскомъ конгрессѣ, что онъ туда пошлетъ сорокъ тысячъ дипломатовъ, у которыхъ пушки будутъ вмѣсто перьевъ. 20-ти лѣтняя война Петра со Швеціею, названная «Великою Сѣ-

верною войною, окончилась 20 августа 1721 года, заключеніемъ Ништадтскаго мира, по которому Россія навѣчно оставила за собой завоеванныя ею Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію съ Петербургомъ и основанной на островѣ Котлинѣ крѣпостью Кронштадтомъ, что для Петра было важнѣе всего, и часть Финляндіи съ приморскимъ городомъ Выборгомъ. Петръ получилъ извѣстіе объ этомъ великомъ событіи на дорогѣ въ Выборгъ, сейчасъ же вернулся въ Петербургъ торжествовать окончаніе бѣдственной войны такимъ выгоднымъ для Россіи миромъ. Во всѣхъ церквахъ приказано было служить благодарственные молебны и по улицамъ разъѣзжать герольдамъ (царскимъ глашатаямъ), въ пышныхъ одеждахъ особаго покроя, съ объявленіемъ, что 22 октября назначено въ Петербургѣ трехдневное торжество съ пушечной пальбою и колокольнымъ звономъ. Святѣйшій Синодъ, (взамѣнъ Патріаршества, собраніе нѣсколькихъ русскихъ іерарховъ для рѣшенія дѣлъ церкви) и правительствующій Сенатъ составили за общимъ подписаніемъ постановленіе, въ которомъ просили Петра принять за всѣ труды его и заслуги отечеству титулъ: Великаго, Отца отечества и Императора. Князь Меншиковъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Государя, и Петръ послѣ долгихъ колебаній принялъ всѣ эти наименованія отъ современниковъ, которыя за нимъ впослѣдствіи укрѣпило и потомство. Три дня торжества прошли въ общественныхъ маскарадахъ, иллюминаціяхъ и фейерверкахъ, называемыхъ тогда потѣшными огнями; а для народа ежедневно на всѣхъ площадяхъ были поставлены зажаренные быки и бараны съ золоченными рогами и устроены фонтаны краснаго и бѣлаго вина. Награды посыпались на всѣхъ героевъ сѣверной войны, и даже не были забыты милостями царя нѣкоторые плѣнные шведскіе генералы. Высочайшій манифестъ о мирѣ разнесъ радость по всей русской землѣ и принесъ прощеніе преступникамъ, изъ которыхъ только убійцы и разбойники потерпѣли наказаніе, но безъ тѣлеснаго даже наказанія; всѣ же приговоренные къ смерти, были помилованы и только сосланы въ Сибирь.

Въ концѣ этого года было также празднество въ Москвѣ, гдѣ выставлены были картины недавней войны и портреты государей, изъ которыхъ подъ изображеніемъ царя Іоанна IV было написано «началъ,» а подъ портретомъ Петра «совершилъ.»

Самъ Петръ чувствовалъ и высказывалъ, что хотя выгоды Ништадтскаго мира для Россіи были громадны; но это не должно успокоить русскихъ до того, чтобъ они вполнѣ почили отъ дѣлъ своихъ, а напротивъ должно было еще болѣе, по мнѣнію государя, стараться дѣйствовать вездѣ, куда только призывали выгоды и польза Россіи. Поэтому Петръ зорко продолжалъ смотрѣть по сторонамъ и не упускалъ изъ виду ни дѣлъ внутреннихъ, ни европейскихъ.

За четыре года еще до Ништадтскаго мира богатыя области

средней Азіи и даже восточная Индія привлекали вниманіе Петра, занятаго тогда еще войной шведскою и онъ, чтобъ утвердить на Востокѣ русское вліяніе для привлеченія азіатскихъ странъ, обладающихъ громадными естественными богатствами, къ участію въ торговлѣ съ Россіей, въ 1717 году послалъ князя Бековича—Черкасскаго съ 7500 человѣкъ войска въ среднюю Азію съ тою цѣлью, чтобы развѣдать дорогу въ Индію, пріобрѣсти свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ государствахъ ея и, если возможно, склонить Бухарскаго и Хивинскаго хановъ признать надъ собой покровительство Россіи. Князь Бековичъ началъ свой походъ счастливо и, переплывъ Каспійское море, вошелъ въ область Хивинскую. Появленіе превосходно вооруженнаго русскаго войска привело хана и хивинцевъ въ ужасъ, и они готовы были принять даже подданство Россіи; но князь Бековичъ сдѣлалъ ошибку, которая погубила его и заставила русскихъ на долго отказаться отъ мысли укрѣпить свое владычество въ глубинѣ Азіи. Хивинскій ханъ пригласилъ Бековича къ себѣ для переговоровъ, и тотъ, не подозрѣвая вѣроломства хана, поѣхалъ къ нему въ гости только съ небольшимъ почетнымъ конвоемъ и офицеромъ; ханъ, пользуясь этимъ, приказалъ его убить.

Отправленное около того же времени посольство въ Китай, тоже не принесло Россіи выгодъ, потому что подозрительные къ иностранцамъ китайскіе сановники окружили всѣхъ лицъ посольства стражею и шпіонами, которые должны были доносить о каждомъ словѣ и шагѣ русскихъ, и сверхъ того требовали исполненія такихъ унизительныхъ церемоній, при представленіи китайскому Императору, что русской посолъ на отрѣзъ отказался отъ свиданія съ нимъ и уѣхалъ обратно, не заключивъ никакого трактата съ Китаемъ.

Впрочемъ скоро дѣла персидскія представили Петру случай оказать вліяніе на Востокъ и отчасти открыть дорогу къ богатствамъ азіатскихъ странъ, утвержденіемъ своего господства на Кавказѣ по западно-южному побережью Каспійскаго моря.

Причиной вмѣшательства Петра въ персидскія дѣла, похода на побережье Каспійскаго моря и пріобрѣтеніе тамъ нѣсколькихъ городовъ была междуусобная распря, свирѣпствовавшая болѣе десяти лѣтъ въ Персіи, слѣдствіемъ которой были постоянные грабежи и захваты товаровъ русскихъ купцовъ, торговавшихъ на Каспійскомъ морѣ и по Кавказу, а оттого остановка привоза въ Россію персидскихъ товаровъ, особенно ширванскаго шелка, который требовался русскими въ большомъ количествѣ.

Виновникомъ всѣхъ волненій былъ безпечный шахъ Персіи Гуссейнъ, который, утопая въ роскоши своего гарема, предоставилъ дѣла правленія своимъ корыстолюбивымъ вельможамъ, что было причиной бунта въ Афганистанѣ, гдѣ предводителемъ явился

отважный Миръ-Вейссъ. Онъ повелъ авганцевъ, которые слывутъ и до нынѣ за войнственное племя средней Азіи, на Тегеранъ, выгналъ Гуссейна изъ него въ Испагань и даже угрожалъ ей. Петру хотя представлена была чрезъ его посланника въ Персіи, впослѣдствіи знаменитаго министра, Артемія Волынскаго, просьба шаха о помощи противъ мятежниковъ, но Россіи некогда было вступаться въ дѣла Персіи, и шахъ получилъ отказъ. Между тѣмъ сынъ вскорѣ умершаго Миръ-Вейсса, взялъ съ бою Испагань и, засадивъ Гуссейна въ темницу, вступилъ на тронъ Персіи подъ именемъ Махмуда. Во время-то этихъ волненій приверженцы Махмуда коликумыки и лезгины овладѣли Шемахою, которая оставалась еще вѣрна Гуссейну и, не зная никакихъ договоровъ персидскаго правительства съ Петромъ, начали страшные грабежи и убійства русскихъ торговыхъ людей на Кавказѣ. Было донесено Петру, что въ одной Шемахѣ перебито русскихъ торговыхъ людей до 300 ч., не говоря уже объ убійствахъ въ другихъ городахъ Каспійскаго побережья. Къ этимъ ужасамъ присоединилось ходатайство сына Гуссейна, шаха Томасина, который искалъ помощи Россіи противъ Махмуда и его сторонниковъ. Петръ началъ приготовленія къ персидскому походу, которыя ускорилъ тѣмъ еще обстоятельствомъ, что султанъ послалъ громадную армію къ границамъ Персіи подъ предлогомъ будто-бы оказать помощь Томасину; но, какъ доложили Петру, на самомъ дѣлѣ съ цѣлью захватить нѣкоторыя персидскія области и утвердить свое вліяніе на Кавказѣ, что противно было интересамъ Россіи. 30,000 человѣкъ отборныхъ войскъ было отправлено Петромъ въ Астрахань, откуда пѣшіе полки поѣхали на судахъ, а конницѣ пришлось сухимъ путемъ идти въ Дагестанъ. За своею арміей выѣхалъ изъ Петербурга самъ государь и его супруга также въ Астрахань, чтобы лично руководить компаніей и возможно опередить вступленіе турецкихъ войскъ на Кавказъ. По прибытіи изъ Астрахани въ Тарки, главный городъ Шамхальства того-же имени, гдѣ царственная чета была встрѣчена Шамхаломъ Адилъ-Іиреемъ, владѣтелемъ тогда почти всего Дагестана, съ великими почестями и съ изъявленіемъ покорности; такъ что Петру и Екатеринѣ оставалось покойно отправиться далѣе къ султану Утемишевскому. Этотъ горскій князь поступилъ иначе, чѣмъ его могущественный сосѣдъ и оказалъ сопротивленіе; но за это былъ строго наказанъ Петромъ: его владѣнія были преданы огню и грабежу.

На дорогѣ Петра стоялъ укрѣпленный городъ Дербентъ, который могъ-бы оказать не малое сопротивленіе, но страхъ Петрова имени заставилъ эту крѣпость сдаться безъ выстрѣла, и жители другаго значительнаго города Баку послали своихъ выборныхъ къ царю съ изъявленіемъ покорности. Петръ было направился въ Баку, но принужденъ былъ вернуться въ Астрахань со всѣмъ своимъ войскомъ, потому что русская армія осталась

безъ провіанта, суда съ которымъ затонули въ страшную бурю у береговъ Каспійскаго моря. Въ Астрахань, куда прибылъ царь и его войско, явилась депутація съ южнаго берега Каспійскаго моря съ просьбой защитить городъ Рештъ, осажденный сторонниками Махмуда, и Петръ, уѣзжая въ Петербургъ, послалъ нѣсколько отрядовъ, отбившихъ Рештъ и занявшихъ провинцію Гилянь. Вообще признано было Петромъ самою удобною мѣрою для успѣха въ горской войнѣ, посылку на Кавказъ и на южный персидскій берегъ Каспійскаго моря русскихъ войскъ мелкими отрядами.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ въ Петербургъ посланникъ Томасина, заключившій отъ его имени, съ Петромъ договоръ, по которому Персія уступала Россіи города Дербентъ, Баку и области Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ; Россія же должна была послать Томасину вспомогательное войско для изгнанія Махмуда. По силѣ этого договора было предоставлено право Турціи, которая уже готова была объявить Петру войну за его участіе въ персидскихъ дѣлахъ, занять Грузію и нижній Дагестанъ.

По непонятной причинѣ Томасинъ не утвердилъ этого договора и приказалъ выбить силою русскія войска изъ предѣловъ Персіи, такъ что на южномъ побережьѣ русскимъ пришлось биться и съ войсками Томасина, и съ приверженцами Махмуда. Если бы царствованіе Петра продолжалось еще, то онъ, не смотря на эти невзоды, навѣрное бы укрѣпился на западно-южномъ берегу Каспія и обезпечилъ бы себѣ торговый путь вь восточную Индію.

Во все свое царствованіе, начиная съ вступленія Августа, курфирста саксонскаго на польскій тронъ, Петръ былъ рѣшителемъ дѣлъ польскихъ. Государи московскіе часто спорили съ Польшей за области исконно-русскія, вошедшія въ разное время въ составъ республики польской, а чаще за притѣсненія и гоненія православной вѣры вь княжествѣ Литовскомъ; но никогда не входили во внутреннія дѣла Польши, какъ-то: въ избраніе королей и въ ихъ отношенія къ сейму и магнатамъ Польши; такого рода отношенія къ Польшѣ существовали съ Іоанна III до Алексѣя Михайловича, при которомъ явилась еще причина разлада съ Польшей,—это принятіе Россіей въ свое подданство терзаемой поляками Малороссіи. Между тѣмъ раздоры и междоусобія разныхъ партій въ Польшѣ усилились до того въ царствованіе Петра, что онъ созналъ, что рано или поздно эта республика съ королемъ во главѣ должна кончить свое существованіе и быть поглащена сосѣдями, а потому началъ распоряжаться ею, какъ своей областью. Посадивъ на польскій тронъ Августа и помогая ему болѣе пяти лѣтъ посылкой своихъ войскъ въ Польшу, въ войнѣ его съ Карломъ, Петръ хорошо узналъ государственный строй всегда безпокойной и самовольной республики, привыкъ разбирать споры магнатовъ польскихъ между собою и управлять

сеймомъ, вліяя вооруженною силой на его постановленія. Петръ пріучилъ польскихъ пановъ смотрѣть на него, какъ на верховнаго судію ихъ поступковъ; награждая, иногда буквально осыпая милостями вѣрныхъ Августу пановъ, которые своею помощью или службой повредили Карлу и принесли пользу своему государю, Петръ въ то же время былъ безпощаденъ въ преслѣдованіи приверженцевъ шведскаго короля и, вообще, враговъ своего короля, шумѣвшихъ противъ него на сеймѣ. Въ то время когда безсильный и нелюбимый поляками Августъ бросался во всѣ стороны по своему многомятежному государству, величаемому поляками республикой польской, и нигдѣ не могъ удержаться отъ натиска преслѣдовавшихъ его шведовъ, Петръ издали вѣдалъ дѣла польскіе и чрезъ своихъ полководцевъ, стоявшихъ въ Польшѣ съ русскимъ войскомъ, давалъ сильно чувствовать ей, что осталась еще надъ нею власть крѣпкая и мощная, по крайней мѣрѣ, выше всегда безсильной королевской.

Полтавскій бой придалъ значенію Петра и вліянію Россіи въ польскихъ дѣлахъ преобладающій вѣсъ: Петръ сталъ судіею между королемъ Августомъ и сеймомъ, дѣйствуя иногда безгранично, чрезъ своего посланника въ Варшавѣ князя Григорія Долгорукова, на того и другаго. Если недовольные королемъ паны разрывали сеймъ и составляли противъ него конфедераціи, то-есть союзы противниковъ королевской воли, готовыхъ поддержать свои требованія даже вооруженною рукою, Петръ разбиралъ ихъ жалобы, иногда требовалъ присылки къ себѣ уполномоченныхъ отъ возставшихъ конфедератовъ для личныхъ объясненій; а также выслушивалъ доводы королевскихъ пословъ, и послѣ того безапелляціонно рѣшалъ распри польскія. Не одни только разногласія между королемъ и магнатами были поводомъ вмѣшательства Петра въ дѣла Польши, но притѣсненія поляками русскихъ въ литовскомъ княжествѣ за исповѣданіе православной вѣры и иностранцевъ, не римско-католическаго вѣроисповѣданія, вызывали горячее участіе Россіи къ судьбѣ ихъ, и заставляли Петра принять строгія мѣры по отношенію къ Польшѣ. Получивъ жалобы отъ гонимыхъ въ Польшѣ не католиковъ, Петръ объявилъ себя защитникомъ ихъ попранныхъ правъ и требовалъ присылки комиссаровъ отъ короля и сейма, чтобы они вмѣстѣ съ русскими уполномоченными разобрали неудовольствія гонимыхъ. Король всѣми мѣрами старался отклонить предложеніе Петра о составленіи посреднической коммисіи по дѣламъ вѣры, и сеймъ также не назначалъ коммисаровъ, приводя какъ тотъ, такъ и другой всевозможныя нелѣпыя оправданія въ несправедливости жалобъ не католиковъ; на что Петръ хотѣлъ отвѣтить движеніемъ русскихъ войскъ въ Польшу и, вѣроятно, присоединеніемъ къ Россіи княжества Литовскаго. Если бы царствованіе Петра продолжалось еще нѣсколько лѣтъ, то русское господство, доведенное

этимъ государемъ до высочайшей степени могущества и силы на сѣверѣ Европы и обезпеченное достаточно на югѣ Россіи, укрѣпилось бы и въ Азіи пріобрѣтеніями отъ Персіи на Кавказѣ и южномъ побережьи Каспійскаго моря, утвержденіямъ тамъ своего вліянія надъ шаткими и враждующими за обладаніе трономъ правительствами: законнымъ сына Гуссейна шаха Томасина и захватившимъ власть путемъ насилія и мятежа Махмуда Авганскаго. По исполненіи этой задачи, могла бы сбыться лучшая мечта Петра: открытіе дороги въ восточную Индію и подчиненіе для этой цѣли незначительныхъ ханствъ средней Азіи, называемыхъ Туркестаномъ и населенныхъ хищническими племенами кочевниковъ, и тѣмъ положить конецъ ихъ набѣгамъ на русскую границу; а также нескончаемымъ волненіямъ кочевниковъ въ предѣлахъ Россіи, которые имѣли опору и убѣжище особенно въ хивинскомъ ханствѣ. На западѣ Россіи въ концѣ правленія Петра стояло еще государство польское, расшатанное внутренними усобицами, борьбою партій необузданныхъ пановъ и опустошенное войной Карла XII съ Августомъ, которые не оставили клочка земли въ Польшѣ и Литвѣ, чтобъ не обогрить его кровью.

Къ этому готовому рухнуть государству примыкало еще угнетаемое имъ въ своей народности и вѣрѣ княжество литовское, которое видѣло въ Петрѣ защитника попранныхъ Польшею православныхъ жителей Литвы, и жаловалось ему на польскаго короля, сеймъ и несправедливости пановъ, говоря этимъ Россіи, что рано или поздно княжество должно войти въ составъ ея.

Но не Петру суждено было выполнить все это, достаточно если онъ съумѣлъ подготовить, положить краеугольный камень будущему раздѣлу Польши, присоединенію. къ Россіи Кавказа, утвержденію владычества ея въ средней Азіи, прочно укрѣпивъ могущество русскихъ на сѣверѣ и снискавъ своими трудами по просвѣщенію народа и побѣдами надъ врагами высокое положеніе Россійской имперіи между европейскими державами.

Внѣ укрѣпивъ могущество Россіи, Петръ придалъ внутри ея полную силу исконно-русской формѣ правленія: самодержавію, и возбудилъ въ своихъ подданныхъ глубокое уваженіе къ закону, предъ которымъ благоговѣлъ самъ. Всѣ указы Петра исполнялись съ буквальною точностію, и его власти явно никто не смѣлъ прекословить; но впрочемъ тайно гнѣздились въ Россіи враги Петровыхъ предначертаній и противники его повелѣніямъ; за что навлекали они на себя страшныя кары правительства, если не успѣвали бѣжать на Донъ и въ степи при Каспійскомъ морѣ, куда все таки же иногда посылалъ Петръ своихъ генераловъ съ командами солдатъ ловить бѣглецовъ и возвращать ихъ на родину для строгаго суда и расправы съ ними по закону. Какъ понималъ Петръ святость и значеніе закона въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ. доказываетъ его указъ, и до нынѣ помѣщен-

ный на зерцалѣ въ присутственныхъ мѣстахъ, который заключаетъ слѣдующія многознаменательныя слова великаго преобразователя Россіи и творца ея могущества и славы, а именно: «понеже ничто такъ по управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти.» Въ глазахъ Петра всѣ должны были равно соблюдать законы и за нарушеніе ихъ нести равную отвѣтственность, безъ различія дворянинъ ли, раскольникъ ли или вельможа совершилъ преступленіе. На любимцевъ царскихъ, въ томъ числѣ и на самого ближняго къ царю Меншикова, за ихъ проступки была управа и судъ самый строгій. Самое легчайшее наказаніе для ближнихъ къ Петру сановниковъ за ихъ вины было битье «дубинкой Петра Великаго,» а въ случаяхъ болѣе важныхъ, особенно за лихоимство и взяточничество, пороковъ изстари сильно укоринившіеся на Русси, грозилъ имъ эшафотъ, отъ котораго не могли спасти ни личныя заслуги, ни богатство, ни связи и даже невсегда ходатайство предъ Петромъ Его супруги Екатерины Алексѣевны, которую онъ обожалъ. Дѣло о ссорѣ вице-канцлера Шафирова съ генералъ-прокуроромъ Скорняковымъ-Писаревымъ служитъ доказательствомъ справедливой строгости Петра даже къ истинно-заслуженнымъ сановникамъ своимъ. При разбирательствѣ этого дѣла оказалось, что Шафировъ, которому поручено было управленіе только что учрежденнымъ почтовымъ вѣдомствомъ, присвоилъ себѣ большое количество пересылаемыхъ почтою частными лицами денегъ и надѣлалъ еще много разныхъ другихъ злоупотребленій; а генералъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ тоже признанъ былъ виновнымъ, но только въ меньшихъ преступленіяхъ по своей должности. Судъ, основываясь на всей строгости узаконеній Петра, за лихоимство и взяточничество приговорилъ: Шафирова къ смертной казни отрубленіемъ головы, а Скорнякова-Писарева къ лишенію чиновъ и дворянства.—Какъ не просила Петра Его супруга Екатерина простить Шафирова, который помогъ ей устроить Прутскій миръ и тѣмъ сдѣлаться не по имени только, но истинной помощницей Петра въ дѣлахъ его, но онъ утвердилъ смертный приговоръ надъ Шафировымъ и повелѣлъ исполнить казнь.

Впрочемъ предъ самою казнью Петръ самъ вспомнилъ великія заслуги Шафирова по заключенію Прутскаго договора и его «свыше силъ человѣческихъ страданія», во время сидѣнія у Турокъ въ Семибашенномъ замкѣ, и рѣшилъ помиловать осужденнаго, не отмѣняя впрочемъ обряда публичной казни.

Шафировъ былъ привезенъ въ простыхъ саняхъ на красную площадь и возведенъ на эшафотъ, гдѣ была приготовлена плаха и ожидалъ его палачъ съ сверкавшимъ топоромъ. По прочтеніи смертнаго приговора, осужденный сбросилъ съ себя шубу и, кре-

стясь легъ подъ топоръ на плаху, которымъ палачъ, раньше предупрежденный о царской милости, сразмаху ударилъ по дереву: Шафировъ ничего незнавшій о прощеніи былъ такъ потрясенъ этимъ, что его снесли съ эшафота въ сильномъ обморокѣ и сейчасъ же пустили изъ руки кровь. Приходя въ чувство, бывшій вице-канцлеръ увидѣлъ кровь и сказалъ, показывая на свою шею «зачѣмъ пустили кровь не отсюда: позоръ хуже смерти» и съ площади его увезли въ ссылку. Въ царствованіе Екатерины I Алексѣевны Шафировъ былъ возвращенъ ко двору, а Скорнякову-Писареву еще ранѣе возвратили чины; но все же строгая кара этихъ вельможъ подѣйствовала на умы подданныхъ. Блюдя постоянно неприкосновенность своихъ самодержавныхъ правъ, полученныхъ отъ Бога, императоръ Петръ считалъ своею священною обязанностью служить Россіи и заботиться о томъ, «чтобъ она жила въ блаженствѣ и славѣ.» Держась крѣпко этой обязанности и желая показать примѣръ своимъ подданнымъ, какъ надо служить отечеству, Петръ Великій проходилъ самъ всѣ чины, начиная съ барабанщика до генералъ-адмирала, получая за службу отъ князя Ромодановскаго, который именуясь Кесаремъ, какъ будто бы олицетворялъ Россію, а за отсутствіемъ Петра и управлялъ ею. Каждый чинъ полученный Петромъ не даромъ, а за дѣйствителлную побѣду, за подвигъ радовалъ Петра, и онъ въ восторгѣ благодарилъ князя-кесаря за милость, называя ее «незаслуженною.» Любовь Петра къ отечеству выражалась не только отвагой на поляхъ Полтавскихъ и въ другихъ битвахъ на сушѣ и морѣ, гдѣ онъ явно подвергалъ жизнь свою опасности для блага Россіи, но больше всего тѣмъ, что для той же цѣли онъ не пощадилъ роднаго сына, въ которомъ не видѣлъ добрыхъ задатковъ.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ старшій сынъ Петра Великаго отъ перваго брака его съ Евдокіею Ѳеодоровной Лопухиной, которая за свою приверженность ко всему старому и враждебность къ нововведеніямъ своего супруга, была заключена монахинею въ Суздальскій монастырь тогда, когда Алексѣю было только 9-ть лѣтъ отъ роду. Ссылка матери неизмѣнила любви отца къ сыну, тѣмъ болѣе, что Петръ зналъ, что Алексѣй, какъ старшій и единственный его сынъ, будетъ наслѣдовать престолъ и корону царей русскихъ. Чтобы сдѣлать царевича достойнымъ продолжителемъ славныхъ начинаній своихъ, онъ самъ собственноручно написалъ все то, что считалъ сдѣлать нужнымъ для воспитанія своего сына и поручилъ это исполнить барону Гизену съ нѣсколькими умными и свѣдующими наставниками; при чемъ и самъ царь иногда толковалъ сыну о пользѣ наукъ и искусствъ, бралъ его съ собой въ походы и возилъ за границу. Царевичъ Алексѣй имѣлъ хорошія способности и доброе сердце; но дурное вліяніе на него его несчастной матери, которая внушала ему, что все дѣлаемое его отцемъ дурно, а потомъ

любовь его къ ней и постоянное сознаніе, что она удалена отцемъ въ монастырь, гдѣ заперта въ келью, еще больше усиливали непріязнь сына къ отцу. Частое удаленіе изъ Петербурга Петра и главнаго наблюдателя за воспитаніемъ царевича князя Меншикова то же послужило много къ дурному направленію царственнаго отрока, такъ какъ партія удаленной царицы тѣмъ временемъ съумѣла подѣйствовать на воспитателей Алексѣя и, какъ потомъ оказалось, приставить къ нему: Кикина, Дубровскаго и Вяземскаго, которые были тайные сторонники Евдокіи и всѣми силами старались возбудить въ молодомъ Алексѣѣ ненависть ко всему иноземному и виновнику введенія нѣмецкихъ обычаевъ отцу его, Петру, увѣряя, что народъ русскій не хочетъ подчиняться нововведеніямъ и готовится ежеминутно возстать противъ царя. Больше всего злонамѣренные воспитатели Алексѣя пользовались добротою его сердца и распаляли воображеніе своего питоеца картиной страданій его матери, будто бы невинно гонимой Петромъ, а также занимали его разными пустыми играми и врмдными забавами, отвлекая отъ изученія всего нужнаго пріемнику Петра. Такое дурное направленіе въ воспитаніи царевича, его лѣность и не любовь къ наукамъ, вражду ко всему иноземному и ненависть къ отцу—приверженцу европейскихъ обычаевъ и просвѣщенія, Петръ поздно замѣтилъ, такъ какъ Алексѣй, наученный хитрить, умѣлъ хорошо все это скрывать. Пораженный открытіемъ въ сынѣ всего того, за что гналъ Петръ безпощадно послѣдняго своего подданнаго, огорченный отецъ нѣсколько разъ горячо увѣщевалъ Алексѣя перемѣнить образъ жизни, отложить лѣность и заняться приготовленіемъ себя къ высокому сану государя и истиннаго слуги своего отечества; но эти слова не касались ожесточеннаго сердца царевича и онъ нисколько не старался имъ слѣдовать, а говорилъ «когда я буду на царствѣ, — все сдѣлаю по старому и Петербургу не быть;» чему вторили и тетка его Марія Алексѣевна и всѣ приверженцы старины, Петръ разсчитывая на то, что умная, образованная и любящая жена скорѣе всего поможетъ Алексѣю исправиться, послалъ его за границу и вскорѣ послѣ заключенія Прутскаго мира съ Турціей поѣхалъ самъ въ Карлсбадъ лечиться и, главное, искать невѣсты сыну: выборъ царя палъ на дочь герцога Брауншвейгъ-Бланкенбургскаго, Софію Шарлоту, принцессу Вольфенбюттельскую, отличавшуюся умомъ, кротостью и замѣчательной красотой. Петръ съ радостію принялъ въ свою царственную семью невѣсту, думая, что добрыя свойства ея характера и замѣчательный умъ подѣйствуютъ благотворно на Алексѣя Петровича, который самъ же выбралъ ее въ супруги. Но эта надежда обманула Петра, потому что его сынъ на первыхъ же порахъ своей жизни съ Софіей Шарлотой, по наущенію своихъ невѣжественныхъ клевретовъ, сталъ звать ее лютеркой и говорилъ какъ ему православному царевичу жить съ

некрещеной, опираясь на то, что принцесса не пожелала, при вступленіи въ бракъ, принять православную вѣру. Отсюда явилось дурное обращеніе Алексѣя съ своей супругой, исполненное вражды и презрѣнія. Какъ ни уговаривалъ Петръ сына не враждовать съ Софіей Шарлотой, любить ее и слушать ея умные совѣты, но царевичъ продолжалъ тѣснить ее до того, что огорченная царевна зачахла и, кажется, оттого преждевременно умерла. Доказательствомъ этого служитъ письмо, написанное Петромъ къ царевичу въ день погребенія царевны, въ которомъ смерть ея приписывалась дурному поведенію царевича и всѣмъ оскорбленіямъ имъ нанесеннымъ покойной супругѣ, за что, если не будетъ раскаянія и полнаго исправленія со стороны Алексѣя, угрожало ему отрѣшеніе отъ престоланаслѣдія. На это гнѣвное письмо Петра, царевичъ отвѣчалъ притворно, что и самъ считаетъ себя неспособнымъ къ царствованію, а желаетъ принять монашество. Покорный тонъ письма Алексѣя и поѣздка Петра въ Копенгагенъ отвлекли его отъ личныхъ объясненій съ сыномъ. Въ Копенгагенѣ Петръ рѣшился окончательно переговорить съ неисправимымъ сыномъ и приказалъ ему ѣхать къ себѣ; но царевичъ зная, что буря готовиться разразиться надъ его головой, хотя отправился въ дорогу, но изъ Кенигсберга неизвѣстно куда бѣжалъ.

Петръ, узнавъ о бѣгствѣ роднаго сына, былъ страшно пораженъ этимъ и употреблялъ всѣ мѣры розъискать его. Царевичъ же тѣмъ временемъ пробрался въ Австрію къ императору нѣмецкому, гдѣ предъ нимъ жаловался на притѣсненіе его отцомъ и страшно клеветалъ на Петра. Нѣмецкій императоръ, снисходя къ просьбамъ царевича, отправилъ его тайно въ замокъ Сентъ-Эльмо въ Неополитанскомъ королевствѣ, гдѣ Алексѣй жилъ до тѣхъ поръ, пока гвардіи капитанъ Румянцевъ, которому поручено было развѣдать гдѣ царевичъ, не доложилъ Петру, что Алексѣй въ Сентъ-Эльмѣ. Толстой привезъ его оттуда въ Москву, когда нѣмецкій императоръ уступилъ требованіямъ Петра и выдалъ ему Сентъ-Эльмскаго затворника. — Петръ предложилъ виновному сыну пощаду подъ двумя условіями: 1) отречься отъ престола и 2) открыть всѣхъ своихъ единомышленниковъ. Первое условіе царевичъ исполнилъ, торжественно прочитавъ въ Успенскомъ соборѣ актъ объ своемъ отреченіи отъ правъ на Россійскій престолъ, а второе не могъ; началъ сбиваться въ своихъ показаніяхъ, скрывать своихъ приверженцевъ и выгораживать передъ отцомъ всѣхъ близкихъ къ нему людей; въ этомъ числѣ свою мать, царицу Евдокію, и тетку царевну Марію Алексѣевну. Раздраженный скрытностью сына, его ложью и нераскаянностью, Петръ повелѣлъ заключить Алексѣя, какъ отрекшагося отъ правъ своихъ, слѣдовательно ставшаго наравнѣ съ другими преступниками, въ Петропавловскую крѣпость и учре-

дилъ надъ нимъ судъ изъ 144 духовныхъ и свѣтскихъ особъ, который изрекъ Алексѣю Петровичу за его побѣгъ къ нѣмецкому императору, за желаніе смерти государю-родителю, за оклеветаніе его предъ нѣмецкимъ императоромъ и за написаніе собственноручныхъ писемъ къ членамъ синода и сенатъ, заключающихъ воззваніе къ мятежу, — смертный приговоръ. Алексѣй Петровичъ, потрясенный этимъ, наканунѣ смертной казни, скончался, въ Петропавловской крѣпости, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтныхъ дѣтей: сына Петра и дочь Наталію. Царица Евдокія была отправлена еще въ болѣе строгое заключеніе въ Ладожскій монастырь за тайное вліяніе на покойнаго царевича. — Такъ для избавленія Россіи отъ будущаго недостойнаго и дурновоспитаннаго своего пріемника, Петръ рѣшился пожертвовать роднымъ сыномъ и даже допустить надъ нимъ произнесеніе смертнаго приговора, который только за смертью Алексѣя Петровича не былъ исполненъ, чѣмъ явилъ высокій примѣръ самопожертвованія для блага и счастія Россіи.

Дѣло царевича Алексѣя повліяло на изданіе Петромъ, въ его безконечной заботливости о благѣ отечества, манифеста, въ которомъ было сказано, что царствующій государь по волѣ своей можетъ назначать себѣ пріемника, что однако же было впослѣдствіи причиною нѣкоторыхъ неустройствъ и отмѣнено императоромъ Павломъ I, который основнымъ закономъ опредѣлилъ истинный порядокъ престолонаслѣдія въ россійской имперіи.

Послѣ смерти царевича Алексѣя Петровича, семейство Петра состояло изъ второй его супруги Екатерины Алексѣевны и двухъ юныхъ дочерей отъ нея: цесаревны Анны и великой княгини Елисаветы; родившійся же сынъ Петръ Петровичъ скончался въ младенчествѣ. Исключая сказанныхъ членовъ были внуки: Петръ Алексѣевичъ и сестра его Наталья, дѣти умершаго Алексѣя Петровича. Изъ этого видно, что Петръ Великій не имѣлъ у себя взрослаго наслѣдника, испытаннаго въ дѣлахъ правленія и усвоившаго всѣ его предначертанія, кромѣ любимой имъ до обожанія супруги своей Екатерины Алексѣевны, которая отличалась высокимъ умомъ и была истинной помощницей Петра, сопровождавшей его въ походахъ и знавшей его сокровенныя мысли, а также иногда помогавшей ему въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Высоко цѣня достоинства своей супруги и предполагая въ ней, за юностью своихъ наслѣдниковъ, будущую правительницу Россіи, Петръ рѣшился возложить на главу Екатерины царскую корону; о чемъ издалъ манифестъ, въ которомъ было сказано: «во всѣхъ трудахъ нашихъ супруга наша великою помощницею «была; во многихъ воинскихъ дѣйствіяхъ, отложа немощь жен«скую, волею съ нами присутствовала и елико возможно вспо«могала, а наипаче въ Прутской компаніи, почитай какъ муже-

«ски, а не женски поступала.» По обнародованіи этого манифеста Петръ торжественно короновалъ свою супругу императрицу Екатерину Алексѣевну въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, что заключилось великолѣпными празднествами при дворѣ, угощеніемъ народа на всѣхъ площадяхъ Москвы, иллюминаціями и фейерверками.

По возвращеніи же своемъ въ Петербургъ, Петръ и Екатерина заключили коронаціонныя празднества духовнымъ торжествомъ, а именно встрѣчей святыхъ мощей сродника своего великаго князя Александра Невскаго, почивавшаго до этого времени во Владимірѣ.

Считая себя хранителемъ православія русскаго народа и защитникомъ его даже за предѣлами государства своего, Петръ строго каралъ своихъ подданыхъ за уклоненіе отъ исполненія христіанскихъ обязанностей, а особенно за распространеніе раскола и всѣхъ вредныхъ вѣроученій, противныхъ чистотѣ православно-греко-россійскаго вѣроисповѣданія и, сверхъ того, являлся внѣ государства своего всегда защитникомъ всѣхъ православныхъ, хотя и не русскихъ подданныхъ; цѣлый рядъ указовъ Петра объ благоустройствѣ и благополучіи церковномъ свидѣтельствуетъ о его заботливости и попеченіи о дѣлахъ церковныхъ. Важнѣйшее преобразованіе Петра въ управленіи церковью было учрежденіе святѣйшаго синода для высшаго управленія церковью и при немъ камеръ-конторы для управленія монастырскими имуществами. Титулъ «святѣйшаго» данъ Синоду потому что онъ замѣнилъ единоличную власть патріарха, имѣвшаго этотъ титулъ, и хотя это учрежденіе было коллегіальное, тоесть состоявшее изъ собранія іерарховъ русской церкви, но вселенскіе патріархи: константинопольскій, антіохійскій, александрійскій и іерусалимскій признали его своимъ о Христѣ «братомъ,» какъ признавали до того патріарха московскаго и всея Россіи. Права и обязанности св. синода были совершенно одинаковы съ Патріархами; но только съ тѣмъ различіемъ, что синодъ не имѣетъ возможности вносить чего либо личнаго, какъ часто бывало съ патріархами, въ свои отношенія къ государю и вообще можетъ подвергать всестороннему обсужденію дѣла церкви и духовенства; отчего явилось улучшеніе въ разрѣшеніи дѣлъ патріаршаго вѣдомства.

Изданіе духовнаго регламента, которымъ опредѣлены были права и обязанности духовенства, послужило къ нравственному усовершенствованію и благоустройству этого сословія, а также опредѣленіе для присутствованія въ св. синодѣ оберъ-прокурора изъ гражданскихъ сановниковъ, по выраженію Петра «ока царево,» обязанность котораго была слѣдить за правильнымъ соблюденіемъ государственныхъ законовъ, при разрѣшеніи дѣлъ церковныхъ, послужило къ должному и успѣшному ихъ теченію.

Учрежденіемъ камеръ-конторы взамѣнъ монастырскаго приказа для управленія монастырскими и вообще церковными имуществами, которую составляли гражданскіе чиновники, принесло большую пользу государству и духовенству, увеличивъ правильнымъ управленіемъ доходность имѣній и надлежащимъ распредѣленіемъ доходовъ съ нихъ, какъ-то на содержаніе монастырей, церковныхъ причтовъ и ихъ сиротъ, училищъ и наконецъ госпиталей для больныхъ и раненныхъ воиновъ. Петръ, сознавая великое и трудное служеніе духовенства удовлетворенію духовныхъ нуждъ русскаго народа, хотѣлъ даже вовсе избавить это сословіе отъ всѣхъ хозяйственныхъ заботъ по управленію своими обширными помѣстьями, которыя предпологалось Петромъ присоединить къ государственнымъ имуществамъ, а духовенству выдавать денежное жалованье, а церквамъ и монастырямъ содержаніе, но исполнить это Петру не суждено было.

Преобразованіе Петра въ церковномъ управленіи и введеніи имъ благоустройства въ духовномъ сословіи дошли до свѣдѣнія ученыхъ богослововъ запада, которые, не понявъ, что государь заботится только объ улучшеніи и возможномъ совершенствованіи порядка разрѣшенія дѣлъ церковныхъ въ духѣ православія и истины, — предположили, что пришло время навязать Россіи соединеніе съ западною церковью, далеко уклонившуюся отъ чистоты единой апостольской и соборной церкви. Ученые сорбонской академіи первые предложили св. синоду обсудить способы къ соединенію восточной и западной церкви. Митрополитъ Стефанъ Яворскій и архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ дали отвѣтъ французскимъ ученымъ, что они всегда возсылаютъ мольбы къ Богу о соединеніи всѣхъ церквей; но что основанія къ соединенію должны быть обсуждены, по древнему христіанскому обычаю, вселенскимъ соборомъ, а не коллегіею ученыхъ академиковъ. Англійскіе ученые, пытавшіеся тоже снестись съ св. синодомъ по вопросу о соединеніи православной и англиканской церквей, получили въ отвѣтъ слова патріарха константинопольскаго, съ которымъ сносился св. Синодъ какъ поступить съ ходатайствомъ англійскихъ богослововъ. Эти слова заключались въ томъ, что патріархъ не находилъ надобности въ новомъ разсмотрѣніи догматовъ православной греко-россійской вѣры, такъ какъ они всесторонне обсуждены Вселенскими соборами; а слѣдовательно, все придуманное вновь будетъ ложное мудрованіе, противное православію. Послѣ такихъ попытокъ французскихъ и англійскихъ богослововъ присоединить Россію къ своимъ вѣроисповѣданіямъ, — новыхъ предложеній съ запада по дѣламъ церкви не было.

Духовенство, какъ сословіе государственное, до Петра занимало почетное положеніе въ средѣ другихъ сословій: дворянства, средняго класса, людей торговыхъ и промышленныхъ и

крестьянъ, которое Петръ еще болѣе укрѣпилъ за духовенствомъ, не нарушая коренныхъ условій его существованія, но придавъ ему большую благоустроенность и благочинность изданіемъ духовнаго регламента.

По этому акту, опродѣляющему права, обязанности и предѣлъ власти іерарховъ надъ подчиненнымъ нисшимъ духовенствомъ,— ему данъ свой судъ и расправа, подтверждено освобожденіе отъ податей и повинностей и наконецъ учреждено правильное управленіе помѣстьями духовенства; отъ него же только и требовалось исполненіе своихъ обязанностей, нравственная чистота жизни и покорность верховной власти, а также соблюденіе государственныхъ законовъ, ею издаваемыхъ.

Дворянство, состоявшее ранѣе царствованіе Петра, изъ бояръ, московскихъ и городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не имѣло одного опредѣленнаго названія и правильнаго сословнаго устройства; то и другое далъ имъ Петръ. Въ составъ дворянства вошли всѣ владѣльцы населенныхъ отчинъ и помѣстьевъ, занимавшіе высшіе правительственныя и придворныя должности, а также занесенныя въ роспись разряда о призывѣ въ земское ополченіе, съ обязанностью выставить и на свой счетъ содержать опредѣленное число, смотря по достатку и количеству земли, воиновъ изъ своихъ крѣпостныхъ людей. Съ утвержденіемъ за благородными фамиліями, владѣвшими землею и бывшими на службѣ государственной, одного общаго названія дворянинъ, ранѣе присвоеннаго только одному разряду служилыхъ людей ниже стольниковъ, стали выходить изъ употребленія званія служащихъ: бояринъ, окольничій, думные люди и т. д., а потому Петръ издалъ «табель о рангахъ» и въ ней раздѣлилъ всѣхъ служащихъ дворянъ и недворянъ на военные и гражданскіе чины 14-ти классовъ. Названія чиновъ были заимствованы отъ иностранцевъ и остались до настоящаго времени. Полученіе перваго офицерскаго чина давала право на дворянство, а по гражданской службѣ—неиначе какъ чина VIII класса, равнаго маіору по военной. Не дослужившіе до этихъ ранговъ считались также дворянами, но личными, а не потомственными; для полученія же потомственнаго дворянства если неизвѣстный рангъ, то требовалось доказать свое происхожденіе отъ предковъ, занимавшихъ когда либо высокія должности.—Владѣніе отчинами и помѣстьями оставлено Петромъ за дворянами, но съ условіемъ: имѣть образованіе и служить отечеству. Въ силу этого приказано было дѣтей дворянскихъ учить грамотѣ, ариѳметикѣ, и геометріи; а по достиженіи совершеннолѣтія привозить молодыхъ дворянъ въ столицы, гдѣ Петръ самъ осматривалъ ихъ, испытывалъ нѣкоторыхъ въ наукахъ и, по своему усмотрѣнію, росписывалъ ихъ: въ солдаты, въ матросы, въ гражданскую службу и лучшихъ отправлялъ заграницу доканчивать свое образованіе. Не рѣдко государь самъ училъ воинскому строю луч-

шихъ по способностямъ и телѣсному сложенію молодыхъ дворянъ, и потомъ замѣщалъ ими офицерскія мѣста по гвардіи и другимъ полкамъ. Осмѣлившихся не явиться на службу постигали строгія наказанія, и во всякомъ случаѣ, отнятіе крестьянъ и земель, оказавшіеся не знающими требуемыхъ наукъ писались иногда всю жизнь «недорослями изъ дворянъ,» и имъ запрещено было жениться и владѣть населенными отчинами. Срокъ службы дворянъ въ войскахъ былъ 7 лѣтъ а гражданскомъ вѣдомствѣ 10 лѣтъ. По отбытіи которыхъ дворянинъ могъ лично и полноправно владѣть всѣми своими вотчинами и помѣстьями.

Желая высоко поднять званіе дворянина, Петръ опасался раздробленія дворянскихъ имѣній раздѣломъ ихъ между всѣми дѣтьми владѣльца и отъ того въ будущемъ раззоренія дворянскихъ семей; а также предполагалъ изъ этого же сословія нѣкоторыхъ членовъ оставить безъ надѣла землей и тѣмъ заставить, послѣ хорошаго домашняго образованія, пріобрѣтать себѣ средства къ жизни личнымъ трудомъ, занимаясь науками, художествами и вообще искусствами. Слѣдствіемъ этихъ соображеній явился законъ, сущность котораго заключалась въ недѣлимости дворянскихъ имѣній и запрещеніи отчуждать и даже закладывать ихъ; порядокъ же наслѣдованія такихъ земель былъ указанъ слѣдующій: дворянинъ—владѣлецъ долженъ былъ передать свое недвижимое имѣніе только одному изъ своихъ сыновей и за неимѣніемъ ихъ—изъ боковыхъ родственниковъ, а остальнымъ дѣтямъ или родственникамъ могъ, если хотѣлъ, передать денежныя суммы и вообще что либо изъ движимаго имѣнія своего.—Этотъ законъ былъ взятъ съ запада, гдѣ и сейчасъ онъ практикуется въ сословіи англійскаго дворянства; но въ Россіи привиться вполнѣ не могъ и былъ уничтоженъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, какъ не соотвѣтствующій русскимъ правамъ и обычаямъ.

Торговый и промышленный классъ соединенъ былъ Петромъ въ одно сословіе, такъ сказать, среднее между высшимъ и низшимъ: дворянствомъ и крестьянами, и ему дана возможность развивать свободно и самостоятельно свою дѣятельность для общей пользы. Особое учрежденіе «ратуша» была дана этому сословію для суда и расправы по всѣмъ дѣламъ, касающимся торговыхъ и промышленныхъ людей; она-же вѣдала иностранныхъ купцовъ, дѣлала представленія по надобностямъ своего сословія прямо царю и, имѣя свой составъ изъ выборныхъ купцовъ, пользовалась большимъ довѣріемъ правительства, въ силу чего завѣдывала сборомъ государственныхъ доходовъ отъ винокуренія, рыбныхъ ловлей, соляной продажи и другихъ статей. Придавъ самостоятельность внутри среднему сословію, Петръ обратилъ вниманіе на заграничную торговлю. До Петра для заграничной торговли былъ открытъ русскими иностранцамъ только одинъ Архангельскъ на Бѣломъ морѣ, путь къ которому затруднялся плавающими льдами

и бурями Сѣвернаго океана; короткій срокъ навигаціи въ этой негостепріимной странѣ дозволялъ только вялыя торговыя сношенія съ сѣверомъ Европы, производившіяся на 40 и рѣдко не много болѣе того корабляхъ, которые всѣ были иностранные. Иностранные гости покупали русскіе товары на мѣстѣ, иногда даже далеко засылая своихъ скупщиковъ во внутрь страны, и русскіе торговцы, боясь и даже брезгуя ближайшими сношеніями съ иностранными землями, отнюдь туда не ѣздили. Замѣчателенъ только примѣръ ярославца Антона Лаптева, который пренебрегъ предразсудками своихъ соотечественниковъ, снарядилъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича корабль и, нагрузивъ его дорогими мѣхами, поплылъ въ Голландію; но амстердамскіе торговцы, закупавшіе товары прямо въ Россіи, захотѣли проучить смѣльчака Лаптева и отбить у русскихъ купцовъ охоту пускаться за море; голландцы сдѣлали стычку и тѣмъ заставили Лаптева воротиться со всѣмъ товаромъ въ Архангельскъ, гдѣ дали за побывавшій въ Амстердамѣ русскій товаръ высокую цѣну, чѣмъ не дали обѣднять отважному русскому мореходцу. Такой примѣръ былъ на памяти у торговыхъ людей; но Петръ, открывъ для Россіи два моря: Балтійское и Черное, которое впрочемъ по прутскому договору было утеряно; на первомъ изъ нихъ развилъ морскую торговлю до того, что при жизни его лѣсъ мачтъ торговыхъ иностранныхъ и русскихъ судовъ окружалъ Петербургъ. Приходъ въ петербургскій портъ не только русскаго, даже иностраннаго торговаго судна на первыхъ порахъ былъ праздникомъ для города и даже семейства царскаго. Часто самъ царь встрѣчалъ пришедшее судно на катерѣ и, войдя на его бортъ, представлялся шкиперу или судохозяину въ качествѣ лоцмана и самъ вводилъ корабль въ гавань при пушечной пальбѣ съ крѣпости. Кромѣ Петербурга морская торговля развилась въ Ригѣ и вообще на всемъ побережьѣ Балтійскаго моря; для изысканія и принятія мѣръ къ развитію русской торговли Петръ учредилъ Коммерцъ-коллегію, на которую возложилъ заботу по устройству путей сообщенія; слѣдствіемъ чего явилась Вышневолоцкая система, связавшая воднымъ путемъ Балтійское съ Каспійскимъ моремъ и начало проведенія канала въ обходъ бурнаго Ладожскаго озера, сверхъ этого были учреждены въ тѣхъ иностранныхъ городахъ, которые вели торговлю съ Россіей, консульства. На обязанности консуловъ лежело защищать интересы русскихъ торговцевъ отъ притѣсненій иноземныхъ властей, сообщать русскому правительству на какіе товары явился запросъ, цѣны ихъ въ случаѣ смерти русскаго— сохранить его имѣніе для наслѣдниковъ и т. д.

Облегчая развитіе торговли Россіи съ иностранными землями, Петръ замѣтилъ, что не разнообразно и не вилико было количество русскихъ товаровъ, потребныхъ къ отпуску за границу. По причинѣ слабаго развитія русской промышленности, шли за гра-

ницу только сырыя произведенія страны: мѣха, хлѣбъ, сало, пенька, кожи, смола и т. д. Обработки этого сырья не было, и оно шло по дешевымъ цѣнамъ за границу, какъ оставшееся за удовлетвореніемъ нуждъ русскихъ; а потому слѣдовало заставить обработывать это сырье для того, чтобъ ввести въ Россіи фабричную и заводскую промышленность. Петръ лично ознакомившись съ этимъ предметомъ за границей и потомъ приступилъ къ заведенію фабрикъ казенныхъ, а послѣ и частныхъ, привлекая къ этому капиталистовъ большими льготами отъ податей и повинностей. Учрежденіемъ мануфактуръ—коллегіи была дано фабрикантамъ возможность пользоваться всѣми оттуда нужными для нихъ указаніями привиллегіями и проводить мѣры, полезныя для этой отрасли народнаго хозяйства. Всѣ заботы Петра на созданіе мануфактурной дѣятельности были награждены тѣмъ, что до 100 фабрикъ суконныхъ, полотняныхъ, бумажныхъ и другихъ явилось въ концѣ его царствованія.

Рудокопное дѣло было въ Россіи совсѣмъ не развито, не смотря на громадныя богатства всевозможныхъ рудъ на Уральскомъ хребтѣ, что заставило Петра для развитія горной промышленности учредить бергъ-коллегію. Право добывать благородные металлы предоставлено было отыскавшимъ ихъ гдѣ-бы то ни было, даже на чужихъ земляхъ. Утайка рудъ и воспрепятствованіе ихъ разработки наказывалась жестоко: плетьми, кнутомъ и даже смертью. Правителямъ велѣно было оказывать заводчикамъ горнымъ всякое содѣйствіе, по закону они освобождены были отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей, могли пріобрѣтать для производства на своихъ заводахъ крѣпостныхъ людей, изъ которыхъ потомъ образовались заводскіе крестьяне. Нѣкоторые заводчики пользовались милостями царя, особенно извѣстный Никита Демидовъ, которому покровительство и милости царя помогли составить себѣ несмѣтное богатство. Благодаря заботливости Петра объ горной промышленности, при немъ еще возникли оружейные, чугоноплавильные, литейные, желѣзодѣлательныя и другіе заводы, изъ которыхъ впрочемъ большая часть принадлежала казнѣ.

Въ послѣднее время царствованія Петра Ратуша́ была замѣнена камеръ—коллегіей, а судебная власть по дѣламъ торговымъ ввѣрена магистрату, въ которомъ засѣдалъ бурмистръ и выборные, а жалобы на это учрежденіе приносились только Сенату. Торговые люди были раздѣлены на двѣ купеческія гильдіи, а ремесленники—на цѣхи, и имъ дана по ремесленнымъ дѣламъ своя управа.

Крестьянское сословіе получило также правильное устройство при Петрѣ введеніемъ ревизіи, то есть переписи всѣхъ крестьянъ государства, для чего состовлялись ревизскія сказки обо всѣхъ отчинахъ и помѣстьяхъ; а затѣмъ обложеніемъ общею подушною

податью всѣхъ крѣпостныхъ и свободныхъ земледѣльцевъ, изъ которыхъ Петръ подготовилъ современемъ образованіе государственныхъ крестьянъ.

Образованіе согласій, безъ правильнаго устройства которыхъ немыслимо и спѣшное развитіе государственной и общественной жизни, повело къ измѣненію Петромъ всего порядка государственнаго управленія.

Какъ не боролся Петръ съ лихоимствомъ и взяточничествомъ, но все же хорошо видѣлъ, что сколько-бы не платилъ народъ податей и налоговъ, они расходывались не правильно и даже расхищались жадными приказными. Задумавъ дать новыя государственныя учрежденія своему отечеству, царь не зналъ откуда ихъ пересадить на русскую почву, и вообще какъ установить порядокъ по всѣмъ отраслямъ управленія, которое велось по разнымъ приказамъ, гдѣ дѣлалось все, что хотѣли приказные, забравшіе въ свои руки весь правительственный механизмъ и распоряжавшіеся всѣми дѣлами по своему усмотрѣнію, подбирая указы къ нимъ. Для этой великой цѣли государь, во время своихъ путешествій по Европѣ, часто совѣтывался съ иностранными законовѣдами и приглядывался къ существующимъ тамъ правительственнымъ учрежденіямъ. Послѣ этого и долгихъ размышленій, Петръ порѣшилъ взять за образецъ и положить въ основаніе своего правительственнаго преобразованія государственную систему управленія въ Швеціи. Придерживаясь этого, было признано основаніемъ новаго устройства коллегіальность, что устраняло произволъ, и подчиненность всѣхъ мѣстъ, названныхъ коллегіями, одному высшему въ государствѣ, а именно Сенату.

Учредивъ это высшее правительственное мѣсто въ 1711 году, Петръ сосредоточилъ въ немъ: верховное наблюденіе за однообразнымъ примѣненіемъ законовъ во всемъ государствѣ, истолкованіе ихъ, высшій судъ, обсужденіе всѣхъ мѣръ, необходимыхъ для преуспѣнія государства, возведеніе въ княжеское, графское и дворянское достоинство; а за отсутствіемъ государя, управленіе всѣмъ государствомъ съ самою обширнѣйшею властью. Въ Сенатѣ присутствовали всѣ президенты, т. е. предсѣдатели коллегій и сверхъ того высшіе сановники, опредѣляемые въ званіе сенаторовъ самимъ государемъ. Засѣданія Сената происходили подъ надзоромъ генералъ-прокурора, котораго обязанность была смотрѣть за точнымъ исполненіемъ закона при разрѣшеніи перенесенныкъ въ Сенатъ дѣлъ. Какъ оберъ-прокуроръ Синода, такъ и генералъ-прокуроръ Сената были, по выраженію Петра, «очи царя,» который и самъ часто присутствовалъ въ Сенатѣ.

Каждая отрасль государственнаго управленія была ввѣрена особой коллегіи, состоящей изъ трехъ, а иногда и болѣе членовъ, изъ которыхъ старшій руководилъ обсужденіями дѣлъ; ко-

торыя рѣшались большинствомъ голосовъ, а въ случаѣ разногласія переносились въ Сенатѣ. Охраненіемъ государства извнѣ и защитою его завѣдывали три коллегіи: иностранныхъ дѣлъ, военная и адмиралтейская, къ которой относилось завѣдываніе флотомъ и обороной береговъ; внутреннимъ порядкомъ и судомъ тоже три: юстицъ-коллегія, вотчинная и главный магистратъ; государственными доходами и расходами три-же: камеръ-коллегія, завѣдывавшая и церковными имуществами, вѣдала доходы, штатсъ-контора расходы, а ревизіонъ-коллегія имѣла контроль надъ первыми двумя; торговлею внутреннею, внѣшнею и промышленностью: комерцъ-коллегія, мануфактуръ-коллегія и бергъ-коллегія. Для всѣхъ коллегій былъ изданъ генеральный регламентъ и кромѣ того для каждой въ отдѣльности особый регламентъ, опредѣлящій кругъ ея дѣйствій. Всѣ эти регламенты составлены самимъ Петромъ съ знаніемъ дѣла и стремленіемъ утвердить въ государствѣ порядокъ, правосудіе и благосостояніе.

Въ особенности обращено было вниманіе на управленіе областями; для чего Петръ, вводя губернскія и провинціальныя учрежденія, раздѣлилъ свое государство на 12 губерній: Московскую, С.-Петербургскую, Смоленскую, Архангелогородскую, Кіевскую, Нижегородскую, Казанскую, Астраханскую, Азовскую, Сибирскую, Рижскую и Ревельскую, которыми завѣдывали губернаторы и выборные отъ дворянства; эти губерніи въ свою очередь дѣлились на провинціи, управляемыя воеводами, числомъ до 40.

По судебной части Петръ повелѣлъ основывать судебныя рѣшенія на показаніяхъ постороннихъ лицъ, издалъ замѣчательный по ясности и практичности своей указъ «о формѣ суда,» строго наказывалъ пристрастныхъ судей и, сознавая неопредѣленность и неясность русскихъ законовъ, хотѣлъ издать ихъ сводъ, что исполнить Петру не выпало на долю; а совершено это въ царствованіе уже императора Николая Павловича.

Не возвышеніе податей и налоговъ и увеличеніе статей обложенія ими, а скорѣе строгая отчетность по взиманію государственныхъ доходовъ, бережливость въ ихъ расходованіи и строгія кары противъ виновныхъ въ присвоеніи казенныхъ суммъ, довели доходы государства до 10 милліоновъ ежегодно и за покрытіемъ расходовъ, являлся еще остатокъ до 200,000 руб. сер. Такое прочное финансовое положеніе повело къ тому, что Россія могла безъ труда пользоваться вездѣ кредитомъ.

Если что было главнымъ предметомъ заботливости Петра, это войско, на которое онъ возлагалъ надежду давать внѣшній отпоръ врагамъ Россіи, блюсти внутри ея порядокъ и являть для русскаго народа примѣръ образованности, такъ какъ высшее и самое образованное сословіе дворянства, владѣвшее крестьянами и землею, проходило военную службу, начиная ее съ солдата. Прежніе сборы дворянъ на войну были временны и медленны,

но при Петрѣ дворяне постоянно требовались на службу, распредѣлялись по полкамъ и должны были оставаться и въ мирное время на своихъ должностяхъ по арміи не менѣе 7-ми лѣтъ. Изданный и сочиненный самимъ Петромъ «воинскій уставъ» въ тонкости опредѣлялъ обязанности людей военнаго званія, давалъ имъ точныя указанія способовъ къ изученію военнаго искусства и исчислялъ всѣ наказанія по родамъ проступковъ противъ воинскаго долга и чести. Вообще-же, воинское званіе было высоко поставлено въ государствѣ: офицеръ, участникъ въ компаніяхъ Петра противъ враговъ, могъ быть во дворцѣ его наравнѣ съ знатнымъ дворяниномъ, но не бывшимъ въ военной службѣ, а, пожалуй, и выше его. Лѣность въ исполненіи служебныхъ обязанностей и особенно показанія себя, «въ нѣтехъ,» что бывало часто при предшественникахъ Петра, въ его время наказывалось отобраніемъ отчинъ и помѣстьевъ, а въ военное время даже смертною казнію. Исполнительныя по службѣ и отважные на войнѣ военные, будь они дворяне или изъ самого низкаго рода, считались Петромъ, который самъ несъ всѣ труды воинскіе и проходилъ постепенно всѣ чины, его товарищами; на нихъ то царь сыпалъ свои милости, давая деревни, денежныя суммы, осыпанные брилліантами свои портреты, Андреевскія звѣзды, и наконецъ графскія и княжескія достоинства и назначая губернаторами и сенаторами.

Такъ какъ развитіе военныхъ силъ Россіи предположено было въ громадномъ размѣрѣ и требовалось даже непрестанными войнами со Швеціей, Турціей и Персіей, то съ 1705 года начались рекрутскіе наборы для образованія новыхъ и новыхъ полковъ. Въ солдаты требовались преимущественно даточные крестьяне съ дворянскихъ и монастырскихъ имѣній; къ правильному опредѣленію числа призываемыхъ послужила подушная ревизія, доставившая правительству вѣрныя свѣдѣнія о народонаселеніи Россіи и его движеніи. Путемъ наборовъ и неопустительнымъ привлеченіемъ дворянства и неучившихся дѣтей духовенства, русское войско доведено было до 180,000 человѣкъ, и дѣлилось на гвардейскіе пѣшіе полки: Семеновскій и Преображенскій, на армейскіе: 50 пѣшихъ и 33 конныхъ и сверхъ того въ гарнизонахъ считалось до 55 полковъ пѣхоты и конницы.

Флотъ русскій былъ сооруженъ всецѣло Петромъ, который былъ виновникъ морскаго могущества Россіи на Балтійскомъ морѣ. Маленькой ботикъ Брандта, уцѣлѣвшій въ селѣ Измайловѣ сдѣлался, по выраженію Петра, благодаря его трудамъ и заботамъ «дѣдушкой русскаго флота,» который состоялъ при Петрѣ изъ 48 линѣйныхъ кораблей, 800 судовъ и на нихъ до 30,000 матросовъ и другихъ морскихъ чиновъ. Петръ даже сдѣлалъ однажды торжество въ честь «дѣдушки русскаго флота,» которое заключалось въ томъ, что на кронштадтскомъ рейдѣ былъ

поставленъ въ линію весь флотъ, разукрашенный флагами, и ботикъ былъ встрѣченъ пальбой со всѣхъ кораблей; затѣмъ внуки—корабли поплыли за своимъ утлымъ дѣдомъ, у руля котораго стоялъ адмиралъ Петръ Михайловъ (самъ царь) съ княземъ Меншиковымъ, а гребцами были адмиралы.

Много трудовъ было понесено Петромъ при образованіи, если и не всего русскаго народа, то по крайней мѣрѣ духовенства и дворянства. Приказано было строго духовнымъ—отдавать дѣтей въ духовныя училища при архіерейскихъ домахъ учрежденныя, и дворянамъ—въ провинціальныя школы, куда учить Петръ послалъ испытанныхъ въ свѣдѣніяхъ имъ самимъ учителей. Не учившіеся по лѣности, а иногда по желанію невѣжественныхъ родителей, дѣти духовныхъ могли только поступать въ солдаты и больше никуда; у дворянскихъ же—отнимались отчины и помѣстья съ обязанностью именоваться «недорослями;» способные и хорошо выучинные дворяне посылались доучиваться за границу и, вѣрнувшись оттуда, если успѣли въ ученіи, то опредѣлялись къ высокимъ должностямъ.

Заботясь о наученіи всему полезному и другія сословія, Петръ приказывалъ приглашать изъ-за границы искусныхъ мастеровъ по ремесламъ и художествамъ, которымъ поручалъ учить фабрикантовъ и заводчиковъ; а крестьянъ, занимавшихся земледѣльемъ, приказывалъ учить всему касающемуся до этого занятія, какъ-то: удобривать землю, сѣять и убирать хлѣбъ, строить удобныя избы и т. д.

Всѣ старанія Петра образовать свой народъ и просвѣтить его, пересажденными съ запада знаніями и обычаями, оказались приложенными имъ не напрасно. Русскій народъ, считавшій себя ранѣе выше всѣхъ другихъ народовъ, уразумѣлъ подъ вліяніемъ Петра, что онъ далеко отсталъ отъ иностранцевъ, у которыхъ надо много и долго еще учиться. Если при Петрѣ не явилось замѣчательныхъ ученыхъ и художниковъ, то послѣдующее появленіе ихъ было плодомъ усилій Петра, разбудившаго русскихъ отъ вѣковаго сна. Послѣднимъ актомъ дѣятельности Великаго Императора въ послѣдній годъ его царствованія было основаніе академіи наукъ, планъ устройства которой составленъ Петромъ и одобренъ Лейбницомъ, великимъ мыслителемъ того времени; цѣль же ея существованія была троякая: изслѣдованіе научныхъ истинъ, приготовленіе учителей и составленіе учебныхъ книгъ.

Важнѣйшимъ же дѣяніемъ Петра было основаніе Петербурга при устьѣ Невы и на берегу Балтійскаго моря. Болотистая, низменная мѣстность, частью и совершенная топь, была избрана Петромъ для будущей столицы, которую онъ заложилъ въ 1703 году, а по его словамъ «въ день Полтавскаго боя съ помощью Божіею уже совершенно положенъ камень въ основаніе Петербурга,» то есть только поразивъ Шведовъ при Полтавѣ Импера-

торъ убѣдился, что тогда уже отстроенный Петербургъ не будетъ отбитъ шведами обратно у Русскихъ. Сначала построенная крѣпость Петропавловская на островѣ Лустъ-Эландѣ между протоковъ Невы была защитой для возникающаго города на сушѣ, а вскорѣ же основанная Петромъ вблизи Петербурга крѣпость Кроншлотъ, нынѣшній неприступный Кронштадтъ, служила для юной столицы Россіи стражемъ на морѣ отъ нападенія шведскаго флота.

Важное торговое, военное и просвѣтительное значеніе имѣло основаніе Петербурга для всей Россіи, и царь сознавалъ это; а потому желѣзною волею Петра болото было засыпано трудами десятка тысячь работниковъ, высылаемыхъ изъ сосѣднихъ губерніи, и городъ сталъ въ первый же годъ своего существованія рости, какъ говорятъ, не по днямъ, а по часамъ, потому что всѣ сановники Петра и всѣ богатѣйшіе и знатные дворяне обязаны были построить себѣ по дому въ новой столицѣ. Дворецъ князя Меншикова, палаты графа Апраксина и другихъ, а также дома построенные обязанными къ этому дворянами скоро сдѣлали Петербургъ значительнымъ городомъ, даже въ глазахъ иностранцевъ: Бассевича, Голштинскаго министра—резидента и камеръ-юнкера Бергольца, оставившаго объ этомъ городѣ и того времени нравахъ въ немъ любопытныя записки; они удостовѣряютъ, что Петербургъ застроенъ прекрасными домами вельможъ, но наполненъ противоположностями рѣзкими, какъ не одинъ городъ изъ видѣнныхъ ими: рядомъ съ дворцомъ бѣдная хижина, обокъ съ разолоченнымъ экипажемъ сановника—телѣжка какого нибудь чухонца. Никакія препятствія не останавливали Петра при постройкѣ своей новой столицы: страшныя не разъ наводненія, распространеніе заразительныхъ болѣзней между рабочими, которыхъ въ продолженіи первыхъ десяти лѣтъ высылалось къ Петербургу не менѣе 40,000 ежегодно, не достатокъ продовольствія по неимѣнію путей сообщенія и наконецъ сильное предубѣжденіе русскихъ, даже нѣкоторыхъ членовъ царственной семьи Петра къ этому строившемуся на голландскій манеръ городу. Какъ часто не доходили до слуха Петра слова его сестеръ и даже наслѣдника-сына «не быть Петербургу.... Петербургъ новый городъ,» но указъ за указомъ требовалъ, то высылки рабочихъ изъ дальныхъ окраинъ государства на берега Невы, то прекращенія всѣхъ каменныхъ работъ по Россіи и огульной отсылки всѣхъ каменщиковъ класть дворцы въ его Невской столицѣ. Къ обезпеченію ея продовольствія была, прорытіемъ Вышневолоцкаго канала, создана водная система этого имени отъ Балтійскаго до Каспійскаго моря и почти конченъ обводной Ладожскій каналъ, устранившій неудобное плаваніе по Ладожскому озеру. Послѣ Полтавской побѣды была заложена въ Петербургѣ церковь св. Сампсонія, а послѣ того выстроена Лавра, куда перенесены въ концѣ царствованія Петра св. мощи великаго князя Александра Невскаго, предуказавшаго своей по-

бѣдой надъ шведами на льду Невы Петру его столицу. Самъ Императоръ перенесъ свою постоянную резиденцію въ Петербургъ, уѣзжая куда даже велѣлъ сжечь домъ, гдѣ онъ жилъ въ Москвѣ, при чемъ сказалъ: «Въ этомъ домѣ рѣшился я объявить войну Швеціи, пусть же съ этимъ домомъ погибнетъ и мысль о новой войнѣ», чѣмъ, слѣдуетъ предположить, государь выразилъ надежду, что съ переѣздомъ его въ Петербургъ укрѣпятся добрыя сношенія съ Европой и взаимные торговые интересы свяжутъ мирными узами Россію съ иностранными державами Запада. Первый голландскій корабль, вѣстникъ будущихъ связей съ Европой, пришедшій въ Петербургъ съ товаромъ, былъ встрѣченъ пушечной пальбой, самъ царь за лоцмона провелъ его въ портъ и лично угощалъ шкипера, а матросамъ были розданы деньги.

Новая столица, городъ Петра, должна была быть образцемъ для остальной Россіи свѣжими западными нравами и обычаями, которые лучше всего могли приняться въ Петербургѣ, такъ близко стоявшемъ отъ иностранныхъ земель и потому постоянно посѣщаемомъ голладцами, нѣмцами и англичанами.

Выстроенный въ Петербургѣ домикъ для Петра находился у лѣтняго сада, гдѣ стоитъ и въ настоящее время, обложенный отъ ветхости въ каменный футляръ; размѣры его были невелики и удовлетворяли только скромной семейной жизни Петра; а всѣ пиры, маскарады и балы давались Петромъ въ роскошномъ дворцѣ князя Меншикова, а иногда въ домахъ другихъ вельможъ. На придворныя празднества гости должны были являться съ женами и дочерями, ранѣе того запертыми въ Московскихъ теремахъ, слушать нѣмецкую музыку, танцовать, играть въ карты и кости и т. д. сверхъ того, въ извѣстные дни лѣтомъ петербуржцы съ своими семействами должны были гулять въ лѣтнемъ саду. О времени гулянья повѣщалось барабаннымъ боемъ, а не явившіеся или явившіеся только безъ женъ подлежали значительному штрафу, если не имѣли законныхъ причинъ неявки своей, точно перечисленныхъ въ «уставѣ объ ассамблеяхъ.» Взамѣнъ лѣтнихъ гуляній, зимой приказано было состоятельнымъ людямъ въ опредѣленные дни дѣлать у себя собранія, для чего открывать двери своихъ домовъ, освѣщать парадныя комнаты, быть въ нихъ самимъ хозяевамъ въ нѣмецкомъ платьѣ, а отнюдь женщинамъ не въ сарафанахъ и душегрѣяхъ, встрѣчать званныхъ и незванныхъ гостей ласково и угощать ихъ покрайней мѣрѣ чаемъ. На этихъ ассамблеяхъ молодые танцовали, а старые бесѣдовали и играли въ разныя игры. Самъ Петръ не рѣдко посѣщалъ эти собранія и, если находилъ, что хозяева исполняютъ свой долгъ и гости веселятся, то принималъ самъ личное участье въ играхъ и забавахъ, своими разсказами потѣшалъ гостей и вскорѣ этотъ нежданный гость дѣлался вполнѣ душою общества. Русскіе люди, по

крайней мѣрѣ высшій классъ, отличавшіеся нелюдимостью и невѣжественной гордостью, начали по немногу усвоивать себѣ западную образованность, тамошніе нравы и обычаи, такъ что послѣ десятка лѣтъ существованія Петербурга русское высшее общество, хотя только можетъ быть по наружности, но вполнѣ походило на европейски-образованное. Изъ столицы все, что дѣлалось тамъ, передавалось по другимъ городамъ Россіи, находило подражателей, и общественная жизнь начала развиваться повсюду: нелюдимость уступила мѣсто общительности, гордость и довольство всѣмъ только русскимъ—смѣнились сознаніемъ своей отсталости и вражда къ чужеземному—иногда даже излишней приверженностію. Наплывъ съ Запада новыхъ идей, понятій привело сначала къ вторженію въ русскій языкъ множества иностранныхъ словъ, которыя обрусѣли и обогатили русскую рѣчь, которая сдѣлалась живой и выразительной, благодаря развившейся общежительности, обученію въ заведенныхъ Петромъ школахъ и пробужденію русскаго народа ко всякого рода дѣятельности. Разговорная рѣчь повліяла и на образованіе литтературнаго языка, въ чемъ помогъ даже самъ Петръ, писавшій такъ, какъ говорилъ. Бывшіе до того: книжный и приказный языки были забыты, потому что оба они устарѣли и отличались отъ разговорнаго неясностью и вычурностью. Такимъ образомъ русскому языку былъ облегченъ путь къ совершенствованію, а Академіи наукъ, основанной Петромъ, вмѣнено въ обязанность заботиться о чистотѣ роднаго слова.

Петръ имѣлъ отъ природы характеръ живой, пылкій, но твердый. Иногда предаваясь гнѣву, онъ одумывался и горько раскаявался. Дѣятельность его была изумительна: онъ брался съ охотой за каждое ремесло и вскорѣ успѣвалъ въ немъ до того, что могъ считаться мастеромъ; а любознательность была до такой степени развита въ Петрѣ, что даже шкиперъ какого нибудь иностраннаго, заѣхавшаго въ Петербургъ, корабля, удостоивался чести бесѣдовать съ Императоромъ, и Петръ засыпалъ его вопросами, гдѣ онъ былъ и что видѣлъ. Частная жизнь великаго царя отличалась скромностью и бережливостью: онъ жилъ въ домикѣ о трехъ комнатахъ и издерживалъ на содержаніе себя и своего семейства въ годъ только 900 руб. сер., которые получалъ съ своихъ частныхъ помѣстьевъ. Избѣгая всегда тщеславія, онъ часто жилъ за-границей инкогнито, особенно когда занимался работами въ Голландіи. Разсказываютъ, что во время пребыванія своего въ Сардамѣ или Лондонѣ, Петръ записался плотникомъ на верфь купца Рогге, гдѣ работалъ наравнѣ съ другими, а по праздникамъ ходилъ навѣщать семейства мастеровыхъ, работавшихъ въ то время въ Россіи, разговаривалъ за просто, пилъ водку у матери Томаса Іовіаса, а женѣ Аріенка-Матьё сказалъ даже, что съ мужемъ ея вмѣстѣ строилъ корабли. «Такъ вы

плотникъ,» спросила, жена Матье. «Да, я плотникъ,» отвѣчалъ Петръ. Коснсь на мощныя руки Царя, голландка съ улыбкой сказала: «Должно быть вы очень хорошій плотникъ.» Жилъ Петръ на квартирѣ у кузнеца Киста и платилъ ему за каморку 7 гульденовъ. Никто изъ рабочихъ не могъ замѣтить, что Петръ не простой плотникъ, но только нарушило инкогнито письмо изъ Россіи къ одному сардамцу, въ которомъ было сказано, что царь плотничаетъ въ Саардамѣ, высокаго роста (2 ар. 14 вер.), собой красивый, на лицѣ у него бородавка, на ходу часто качаетъ головой и всегда машетъ правой рукой. Послѣ того, любопытство голландцевъ надоѣло Петру, и онъ выѣхалъ изъ Саардама въ Амстердамъ, куда имѣлъ торжественный въѣздъ съ русскимъ посольствомъ.

Заботливость Петра о русскомъ солдатѣ, чтобы онъ былъ всѣмъ снабженъ необходимымъ и вѣрный взглядъ царя на важное значеніе обильнаго продовольствія для войска, доказывается разговоромъ съ Датскимъ королемъ, который просилъ послать осенью русское войско въ Швецію, говоря, что оно можетъ тамъ зимовать въ землянкахъ и вести съ успѣхомъ осаду двухъ значительныхъ въ Шоніи крѣпостей Мальме и Ландскроны.

На это отвѣчалъ «Петръ: Сіе значитъ погубить людей болѣе, нежели въ баталіи; да и чѣмъ продовольствовать войско?» Король отвѣчалъ, что «въ Шоніи найдется довольно припасовъ для стола.» За тѣмъ столомъ уже сидятъ тридцать тысячъ шведовъ, которые не дадутъ мѣста незванымъ гостямъ,» былъ отвѣтъ царя. Король, продолжая настаивать на посылкѣ русскихъ въ Швецію, продолжалъ... «мы еще можемъ получить запасы съ нашихъ острововъ.»

Отвѣчая на такое предположеніе короля, Петръ кончилъ этотъ разговоръ знаменательными словами: «солдатскіе желудки не насыщаются пустыми обѣщаніями и надеждами, и еще менѣе ландкартами, на коихъ показываютъ начерченными острова, а они требуютъ вездѣ готовыхъ и вѣрныхъ магазейновъ.»

Здравые и практичные взгляды царя на все, что привлекало его вниманіе, поражаютъ и до нынѣ своею ясностью. Петръ не любилъ вычурности, запутанности въ словахъ, а болѣе еще въ дѣлахъ.

На длинную и запутанную рѣчь Амстердамской городской депутаціи, произнесенную при въѣздѣ царя, онъ отвѣчалъ: «Прошу васъ говорить не такъ вычурно, потому что я выучился голландскому языку плотниковъ.» Жалобы, челобитные и доклады по дѣламъ, подаваемые Петру, бывали писаны большею частью канцелярскимъ слогомъ, языкомъ приказныхъ, отличавшимся наборомъ ничего невыражающихъ словъ, также запутанностью и темнотою выраженій, что возмущало царя до глубины души и, если въ такой бумагѣ онъ находилъ неправду или вѣрнѣй сказать всег-

да ему ненавистное сутяжничество, то царской резолюціей строго наказывался виновный въ этомъ, иногда даже съ примѣсью презрительной насмѣшки Петра надъ сутягою; чему доказательствомъ служитъ слѣдующаго рода дѣло.

Одинъ купецъ принесъ челобитную о взысканіи съ своего сосѣда 300 рублей убытковъ за съѣденную коровою отвѣтчика капусту въ огородѣ истца. По этой челобитной началось разслѣдованіе и оказалось, что капусты съѣдено и потоптано коровою не болѣе какъ на три рубля. По доведеніи этого дѣла до свѣдѣнія Петра, онъ написалъ такое рѣшеніе: «взыскать съ истца въ пользу отвѣтчика триста рублей, да на мундиры солдатъ преображенскаго полка триста-же. А чтобъ всѣ сутяги помнили это рѣшеніе, недобросовѣстному просителю писаться впредь и навсегда Капустинымъ.»

За лихоимство и взяточничество, которыя были тоже невистны Петру, терпѣлъ отъ него побои даже князь Меншиковъ, который часто оказывался причастенъ этого рода грѣхамъ, а разъ будто бы до того разгнѣвалъ царя, что онъ сказалъ князю: «Знаешь ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ? Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю, и по улицамъ кричи: пироги подовые, какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ! Ты не достоинъ милости моей.» Страшно перепуганный этими словами, князь Меншиковъ бросился прямо къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, всегда оказывавшей ему благоволеніе, и просилъ её слезно заступиться за него предъ государемъ, готовымъ обратить его въ прежнее состояніе пирожника. Снисходя къ просьбѣ Меншикова, государыня пошла въ кабинетъ своего супруга; но найдя его мрачнымъ и нахмуреннымъ отъ недавняго гнѣва, не осмѣлилась даже упомянуть о князѣ, причинѣ дурнаго расположенія Петра, а старалась всѣми силами развеселить его и, кажется, нѣсколько успѣла въ этомъ. Тѣмъ временемъ Меншиковъ выбѣжалъ на улицу и взялъ у перваго встрѣченнаго имъ пирожника кузовъ съ пирогами, который повѣсилъ на себя и, чтобъ показать Петру покорность его волѣ, вошелъ къ нему въ кабинетъ. Государь, взглянувъ на Меншикова, улыбнулся и сказалъ: «Слушай, Александръ! Перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника.» Сказавъ это, государь простилъ Меншикова; но онъ уходя изъ кабинета въ слѣдъ за Екатериной все еще продолжалъ кричать: «пироги подовые». Петръ еще усмѣхнулся и сказалъ уходящему князю: «Помни, Александръ!» князь отвѣчалъ: «Помню, Ваше Величество, и не забуду» и снова закричалъ: «пироги подовые.»

Если и прощалъ царь Меншикова за его проступки, то не потому только, что онъ находилъ защиту у Екатерины Алексѣевны, постоянной покровительницы всѣхъ подпавшихъ гнѣву супруга ея, а особенно Меншикова, или за его выходки, смѣшив-

шія царя, а какъ говорилъ самъ Петръ: «за заслуги оказанныя генераломъ Александромъ Меншиковымъ въ Полтавскомъ бою.» Дѣйствительно, въ началѣ этого боя князь Меншиковъ искуснымъ движеніемъ своего корпуса съумѣлъ оттѣснить правое крыло шведовъ отъ главной арміи и, охвативъ его со всѣхъ сторонъ, истребить; при чемъ князь оказалъ чудеса личной храбрости и чѣмъ способствовалъ полной побѣдѣ Петра надъ непріятелемъ. Также память о прежнихъ заслугахъ спасла вице-канцлера Шафирова отъ смертной казни: за труды его по заключенію Прутскаго договора съ Турціей и за страданія во время заключенія въ семибашенный замокъ ему, обвиненному въ лихоимствѣ, оставлена жизнь.

Если же Петръ сознавалъ, что онъ самъ поступилъ такъ, что принесъ кому либо неправильный вредъ или непріятность, то спѣшилъ загладить это. Такъ въ первые года своего царствованія Петръ, набирая потѣшныхъ, увидѣлъ какого-то молодаго, хорошо сложеннаго и рослаго сына небогатаго торговца. Петръ обратился къ отцу этого молодца и убѣдилъ его отдать сына въ солдаты, увѣряя «имѣть его въ своей милости.» Молодой человѣкъ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ, а вскорѣ пошелъ въ походъ подъ Нарву и тамъ въ бою исчезъ,— неизвѣстно куда. Отецъ этого солдата, узнавъ о погибели единственнаго сына, сильно огорчился, сталъ небрежно заниматься своими дѣлами и потерялъ оттого все свое состояніе. Впавшій въ нищенство старикъ черезъ 12 лѣтъ узналъ, что сынъ его живъ; но, взятый въ плѣнъ при Нарвѣ, живетъ въ Швеціи. Узнавъ объ этомъ, старикъ неимѣвшій денегъ выкупить сына изъ шведскаго плѣна, подалъ Петру прошеніе, въ которомъ жаловался ему на него же за невыкупъ изъ плѣна сына-солдата, ссылаясь на то, что царь обѣщалъ «имѣть его въ милости.» Явясь съ этимъ прошеніемъ къ царю, старикъ услышалъ отъ него, что подаваемая челобитная написана не по порядку и что надо составить другую, какъ слѣдуетъ. Послѣ этихъ словъ, Петръ самъ взялъ перо и написалъ объ этомъ же предметѣ прошеніе въ сенатъ; но не упоминая имени отвѣтчика и, отдавая эту бумагу, сказалъ старику отцу, что надо ее подать сенату; тотъ такъ и сдѣлалъ.

Сенатъ разсмотрѣвъ челобитную истца, объявилъ свое рѣшеніе слѣдующаго содержанія: 1) отвѣтчику выкупить плѣннаго и 2) возвратить истцу всѣ понесенные имъ проторы и убытки.

Такое рѣшеніе сената царь-отвѣтчикъ исполнилъ въ точности: солдатъ-преображенецъ былъ выкупленъ Петромъ и возвращенъ отцу, которому, сверхъ того, были заплочены всѣ убытки, понесенные имъ отъ разстройства его торговыхъ дѣлъ.

Петръ такъ свято исполнявшій судебныя рѣшенія, строго наказывавшій за взяточничество и кривосудъ, и не терпѣвшій сутяжничества, не могъ оставить широкій просторъ дѣйствовать

людямъ злонамѣреннымъ, злоупотребляя введеннымъ при Алексѣѣ Михайловичѣ правомъ каждаго сказывать на кого только вздумается, «государево слово и дѣло,» чѣмъ иногда привлекать къ розыску людей ничѣмъ неповинныхъ.

Руководствуясь тѣмъ, что «слово и дѣло» сказывалось иногда изъ чувства личной мести или корысти и, какъ потомъ оказывалось по розыску, по проступкамъ маловажнымъ, Петръ указалъ: государево слово и дѣло сказывать и писать дозволяется только по преступленіямъ, относящимся до «государскаго здоровья и чести, до бунта или измѣны, а кто дерзнетъ сказать оное о другомъ какомъ преступленіи, таковымъ быть въ великомъ изгнаніи и раззореніи и сосланнымъ въ каторгу.»

Тяжесть обозначенныхъ въ этомъ указѣ наказаній должна была сдержать отъ неосновательныхъ доносовъ, которыхъ число уменьшилось въ значительной степени, и подданные Петра вздохнули свободнѣй.

Употребляемые способы при розыскахъ по важнымъ преступленіямъ въ западной Европѣ: пытки, битье плетьми и т. п., существовали и въ Россіи, что объясняется духомъ того времени, грубостью нравовъ; но Петръ все же отмѣнилъ пытки для дворянъ и уничтожилъ остатокъ отъ вліянія монгольскаго: выдачу головою на правежъ, которая заключалась въ томъ, что виновнаго водили съ конвоемъ къ потерпѣвшему и передъ его домомъ били приведеннаго нещадно, по усмотрѣнію обиженнаго.

Серьезная дѣятельность Петра и его планы о возвышеніи отечества, утомлявшіе душу и тѣло, заставляли царя иногда искать отдыха въ веселыхъ забавахъ и устройствѣ шутливыхъ праздниковъ, которые иногда рука объ руку шли съ дѣлами первой государственной важности.

Еще въ первые годы царствованія Петра примѣрные походы потѣшныхъ, ихъ битвы и взятіе ими земляныхъ городковъ оканчивались всегда веселыми пирушками съ оттѣнкомъ забавной шутливости, на которыхъ всегда предсѣдательствовалъ бывшій учитель царя, думный дьякъ Никита Зотовъ, человѣкъ вообще недалекаго ума, получившій отъ бывшаго своего ученика-царя шутливый титулъ: «Всешутѣйшаго отца Іоанникиты, Пресбурскаго, Кокуйскаго и Всеяузскаго патріарха.» На пирушкахъ потѣшныхъ Петръ занималъ должность діакона и вмѣстѣ съ другими исполнялъ ревностно разные забавные обряды въ честь чужеземнаго Бахуса, или иногда по-просту воздавалъ великія почести своему отечественному Ивашкѣ Хмѣльницкому, какъ въ шутку русскіе звали божка всего хмѣльнаго. Въ битвахъ же и осадахъ, которые хотя производились примѣрно, но часто до того ожесточенно, что бывали и сильно пострадавшіе въ схваткахъ, при чемъ часто доставалось Петру, который сражался наровнѣ съ другими, называясь то бомбардиромъ, то ротмистромъ.

По большому числу участвующихъ войскъ и сложности военныхъ операцій, особенно былъ замѣчателенъ походъ Кожуховскій, окончившійся рядомъ веселыхъ празднествъ.

Войска раздѣлены были на русскую и польскую арміи; въ составъ первой вошли полки гвардіи: Преображенскій и Семеновскій и солдатскіе: Бутырскій и Лефорта, восемь ротъ конныхъ рейторовъ, гранатчики и отряды налетовъ; а во вторую стрѣльцы и роты дьяковъ, подъячихъ. Русской арміей, при которой былъ и Петръ командовалъ князь Ромодановскій подъ именемъ генералиссимуса Фридриха; а польскою—Ив. Ив. Бутурлинъ съ титуломъ короля польскаго. Было устроено довольно сильное укрѣпленіе придерживаясь всѣхъ правилъ крѣпостнаго искусства, и въ немъ засѣлъ съ своей арміей король, а генералиссимусъ осаждалъ укрѣпленіе и конечно взялъ его. При этомъ замѣчательно было съ обоихъ сторонъ страшное ожесточеніе, явившееся послѣдствіемъ начавшейся вражды и постояннаго соперничества между собою новаго войска Петра и стрѣльцовъ. Послѣ примѣренныхъ битвъ осталось много раненныхъ и даже убитыхъ. Замѣтивъ вражду потѣшныхъ и стрѣльцовъ, царь прекратилъ потѣшные походы, но этотъ послѣдній кончилъ все же долговременнымъ и сильнымъ поклоненіемъ Ивашкѣ Хмѣльницкому.

Около же этого времени зимой царь шумно и весело праздновалъ въ Москвѣ свадьбу своего любимаго шута Якова Тургенева. Новобрачные къ вѣнцу ѣхали въ богатой бархатной каретѣ, за которой рядами шли первые вельможи въ государствѣ: князья Голицыны, Трубецкіе, Шереметевы и въ числѣ ихъ самъ царь сзади же тянулся длинный шутовской поѣздъ высшихъ сановниковъ: бояръ, окольничьихъ и думныхъ людей. «А ѣхали они на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ, а въ платьяхъ были смѣшныхъ: въ куляхъ мочальныхъ, въ шляпахъ лычныхъ, въ крашенинныхъ кафтанахъ, опушенныхъ кошачьими лапками, въ сѣрыхъ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, опушенныхъ бѣличьими хвостами, въ саломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ, въ лубочныхъ шапкахъ. «Свадьба Тургенева продолжалась три дня, и всѣ они прошли въ пирахъ и маскарадахъ.

Отъ потѣшныхъ военныхъ игръ Петръ прямо перешелъ къ великой сѣверной войнѣ, а отъ шутливыхъ маскарадовъ и разныхъ придворныхъ пирушекъ и забавъ онъ часто переходилъ къ долговременнымъ занятіямъ дѣлами внѣшними и внутренними первой важности, послѣ чего изнуренный и усталый отъ умственной и физической кипучей дѣятельности опять отдыхалъ, развлекая себя забавами и шутливыми маскарадами.

Кромѣ князя Ромодановскаго, правителя государства за отсутствіемъ царя изъ предѣловъ Россіи и предсѣдателя всѣхъ пиршествъ Петра, а также главнаго распорядителя его затѣй,—былъ избираемъ всѣми участниками придворныхъ забавъ и ма-

скарадовъ еще въ помощь князю-кесарю—князь-папа, должность котораго была привлекательна для многихъ, такъ какъ кромѣ 2000 руб. жалованья въ годъ давало почетное мѣсто на всѣхъ пирахъ и ассаблеяхъ, гдѣ бы они ни давались, и слѣдовательно, представляло возможность постоянно угощаться и напиваться даромъ. Эту должность долго несъ бывшій польскій король Кожуховскаго похода Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, а по смерти его случившейся не задолго до кончины Петра,—созвано всетаки было собраніе для выборовъ новаго папы, иначе называемое конклавомъ. Петръ хотя чувствовалъ тогда себя больнымъ, но, вѣроятно, желая развлечься приказалъ дѣятельно приготовляться къ шутовскому конклаву и самъ лично успѣлъ присутствовать на немъ. Обстановка залы конклава была такова: стѣны покрыты соломою, кругомъ ложи для избирателей съ соломенными перегородками, вмѣсто лампъ висѣли лапти, а посреди стояли два громадныхъ кресла причудливой формы, увязанныя соломой же, для князя-кесаря и будущаго папы. Члены-избиратели были во всевозможныхъ костюмахъ и выборы кончились признаніемъ княземъ-папой какого-то провіантмейстера, выбраннаго, должно быть, за великое умѣніе служить и иноземному Бахусу и русскому Ивашкѣ Хмѣльницкому. Избраніе это отпраздновано было тоже придворными балами и маскарадами.

На всѣ эти забавы Петра съ маскарадными затѣями, выходившими иногда изъ стѣнъ дворца на улицы и площади столицъ, враждебно смотрѣли приверженцы старины; а особенно ихъ много было въ Москвѣ.

Злонамѣренные люди распускали слухи въ легковѣрномъ народѣ, что сынъ Алексѣя Михайловича православный русскій царь не сталъ бы дѣлать при дворѣ «игрища бѣсовскія,» подразумѣвая подъ этимъ маскарады, и не вводилъ бы разныхъ «мытарскихъ» обычаевъ. «Плодомъ такихъ тревожныхъ слуховъ являлось у невѣжественныхъ людей предположеніе, что Петръ не есть истинный сынъ царя Алексѣя, а у раскольниковъ государь просто считался антихристомъ, который завладѣлъ русскимъ престоломъ, чтобы искоренить на Руси древнее благочестіе и ввести «люторство.»

Посошковъ, жившій при Петрѣ и видѣвшій все невѣжественное сопротивленіе приверженцевъ старины и старообрядцевъ, пишетъ въ своей книгѣ «о скудости и богатствѣ,» такъ: «видимъ всѣ какъ великій нашъ монархъ трудится, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ ему мало: онъ на гору едва самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ;» а раскольники, для которыхъ все «что старо, то было свято» были самыми ярыми противниками Петровскихъ преобразованій. Не имѣя силъ устоять противъ твердости Петра въ его стремленіи къ просвѣщенію русскаго народа, раскольники бѣжали изъ Москвы и дру-

гихъ городовъ въ глушь и въ вѣковыхъ лѣсахъ основывали скиты, откуда выходили искусившіеся въ начетничествѣ, грубые и невѣжественные поборники старой вѣры и старыхъ обычаевъ. Организовавшись въ церковно-гражданскія общины, нѣсколько сотъ тысячъ раскольниковъ гнѣздилось въ Заонежскомъ поморьи, лѣсахъ Керженскихъ (Нижегородской губ.) Вѣткѣ въ западномъ краѣ, Стародубѣ и Сибири, гдѣ хотя и явилось сначала два толка: поповщина и безпоповщина, но впослѣдствіи возникло множество сектъ, что придало еще болѣе живучести отщепенцамъ: сектаторы соперничали между собой и всякими путями съ большей противъ прежнихъ ревностью совращали православныхъ въ свои секты.

Великій царь скорбѣлъ душею о невѣжествѣ раскольниковъ, не хотѣлъ принимать противъ нихъ строгихъ и крутыхъ мѣръ, зная, что религіозныя гоненія не ослабляютъ расколъ, а напротивъ увеличиваютъ еще число гонимыхъ за него новыми послѣдователями.

«Пусть вѣруютъ, чему хотятъ,» говорилъ Петръ о раскольникахъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ, а мучениками быть за глупость ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ.»

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, кому и какъ вѣруютъ раскольники, давая имъ въ этомъ полную свободу, Петръ строго требовалъ отъ нихъ несенія государственныхъ податей и повинностей; для того приказывалъ объѣзжать притоны старообрядчества, переписывать найденныхъ по скитамъ раскольниковъ и взимать съ нихъ подати вдвойнѣ противъ православныхъ.

Сверхъ того, были приняты строгія мѣры противъ распространенія раскола, заключавшіяся въ томъ, чтобы раскольниковъ, какого бы толка они ни были, отнюдь не допускать къ общественнымъ должностямъ во избавленіе отъ дурнаго вліянія ихъ на подчиненныхъ, а явныхъ совратителей православныхъ въ сектаторство казнить лютою смертью; что и было строго исполняемо надъ нѣкоторыми изувѣрами.

Впрочемъ нельзя сказать рѣшительно, что Петръ не заботился совершенно объ отщепенцахъ и не старался ихъ возвратить снова въ лоно церкви и сдѣлать вполнѣ полезными членами общества. Неоднократно было повелѣваемо Петромъ знаменитымъ своею ученостью и чистотой жизни духовнымъ лицамъ увѣщевать старообрядцевъ словами и богословскими сочиненіями полемическаго противъ раскола характера. Въ числѣ писателей того времени противъ старообрядчества особенно отличался своими сочененіями въ духѣ мира и истинны, оспаривавшими всѣ шаткія основы раскольничьихъ вѣроученій, св. Димитрій митрополитъ Ростовскій, который оставилъ еще послѣ себя составленныя имъ житіи святыхъ, названныя «Чети-Минеи.» Дѣйствіе

этихъ мѣръ противъ раскола было не особенно сильно, и послѣ него старообрядчество осталось еще въ полной силѣ.

Императоръ Петръ Великій всю жизнь свою посвятилъ Россіи и для блага ея несъ труды неимовѣрные, отчего имѣя еще только 50 лѣтъ отъ роду, сталъ часто чувствовать болѣзненные припадки; но бодрый всегда царь не поддавался ихъ дѣйствію и все крѣпился до одного обстоятельства, подѣйствовавшаго губительно на ходъ болѣзни Петра. Разъ (24 октября 1724 года,) онъ плылъ по заливу около Лахты въ страшную бурю и замѣтилъ, что шедшій на встрѣчу ботъ, съ нѣсколькими солдатами, буря выкинула на мель: люди должны были неминуемо погибнуть. Петръ бросился самъ въ воду спасать солдатъ, побрелъ къ нимъ по поясъ въ водѣ и оставаясь въ такомъ положеніи избавилъ отъ вѣрной смерти двадцать человѣкъ. Потомъ оказалось, что царь страшно простудился при совершеніи этого подвига самоотверженія и истинно христіанской любви къ ближнимъ. Болѣзнь царя день со днемъ усиливалась, но онъ все крѣпился, хотя переносилъ страшныя мученія. Такъ 13-го ноября больной Петръ объявилъ совершеннолѣтней младшую дочь свою Елисавету и шутилъ, когда обрѣзывалъ ей самъ крылышки, которыми тогда украшали дѣвочекъ; а 24-го числа торжествовалъ помолвку старшей дочери своей Анны съ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ.

Новый 1725 годъ Петръ больной встрѣтилъ весело, былъ у обѣдни и давалъ во дворцѣ большой обѣдъ, за которымъ даже шутилъ.

Въ Крещенье было парадное водосвятіе, на которомъ былъ Петръ и, кажется, еще больше простудился; но все еще продолжалъ заниматься дѣлами.

До 22-го января больной еще все крѣпился и даже далъ двѣ послѣднія свои инструкціи капитану Берингу, отправлявшемуся искать проливъ между Азіей и Америкой, нынѣ извѣстный подъ его именемъ, генералу Кропотову, охранявшему русскую границу на Кавказѣ.

22-го числа Петръ слегъ въ постель и началъ такъ ужасно страдать, что, несмотря на твердость свою, не могъ удержаться отъ громкихъ стоновъ, раздававшихся даже на улицѣ.

27-го государь былъ въ памяти и началъ писать завѣщаніе, но написавъ только «отдайте все.....» никакъ не могъ продолжать далѣе и потребовалъ дочь свою цесаревну Анну; но когда она явилась, больной потерялъ сознаніе.

Въ послѣдніе дни своей болѣзни государь съ благоговѣніемъ слушалъ слова утѣшенія отъ высшихъ духовныхъ особъ, которыя неотлучно при немъ находились; а во время минутнаго облегченія Петръ говорилъ окружающимъ его: «изъ меня можно познать —сколь бѣдное твореніе человѣкъ.»

Супруга умирающаго Екатерина Алексѣевна, князь Меншиковъ и всѣ знатнѣйшіе сановники Петровы, были день и ночь у кровати больнаго.

28-го Января великій императоръ съ трудомъ проговорилъ: вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи, помози моему невѣрію, а въ 5 часовъ и 15 минутъ по полудни Россія лишилась Петра.....

Дѣятели временъ Петра были: Адмиралъ Францъ Лефортъ, его воспитатель, генералиссимусъ князь Александръ Меншиковъ, генералъ-фельдмаршалы: графъ Борисъ Шереметьевъ, адмиралъ графъ Ѳедоръ Апраксинъ, князь Михаилъ Голицынъ и другіе.

Петръ Великій рѣдкимъ обладалъ умѣньемъ, впрочемъ, свойственнымъ всѣмъ геніальнымъ людямъ, выбирать людей съ талантами, иногда изъ самого низшаго слоя общества. Всѣ эти люди сдѣлались частью при Петрѣ, частью послѣ него замѣчательными дѣятелями на всѣхъ поприщахъ: военномъ, дипломатическомъ и другихъ, являя всегда безграничную преданность къ государю и горячую любовь къ отечеству.

Прозорливость въ выборѣ людей была у Петра природною; но онъ самъ пріобрѣлъ своими собственными силами, наблюдательностью и трудами вездѣ и надъ всѣмъ. Величайшее искусство, съ которымъ онъ развивалъ и направлялъ къ всему доброму способности избранныхъ имъ, пріурочивалъ ихъ къ тому дѣлу, къ какому они были болѣе пригодны, и пробуждалъ въ нихъ личную доблесть и твердость характера, какъ на полѣ сраженій, такъ и въ дѣлахъ государственныхъ.

Собственный высокій примѣръ Петра неутомимости въ трудахъ, отвага въ битвахъ, справедливости даже въ дѣлахъ маловажныхъ, твердости въ несчастіяхъ и неудачахъ и постояннаго стремленія къ благу отечества, доведеннаго до самоотверженія, болѣе всего дѣйствовалъ на людей, призванныхъ окружать тронъ великаго преобразователя, и если не всѣхъ, то многихъ изъ нихъ привелъ къ славѣ и безсмертію: имена ихъ въ памяти потомства соединились съ именемъ великаго царя.

Если эти сподвижники Петра и имѣли слабости и даже пороки, что свойственно человѣку; но ихъ заслуги и достоинства такъ велики, что должны заставить молчать самого строгаго судью.

Особенными милостями Петра пользовались двое изъ любимцевъ его, какъ самые талантливые и достойные изъ всѣхъ, имена ихъ: Лефортъ и Меншиковъ. Свои задушевныя думы, свои великіе планы и вообще все, что таилось въ душѣ великаго царя, повѣрялось только его воспитателю и потомъ его другу Лефорту, и замѣнившему этого высокихъ добродѣтелей человѣка, послѣ его смерти,—не менѣе талантливому и неутомиму въ трудахъ—Меншикову.

Францъ Яковлевичъ Лефортъ былъ наставникомъ Петра и

облегчилъ ему своими знаніями и опытностью достигнуть образованія, развить его умъ и сердце, чѣмъ косвенно помогъ Россіи сбросить съ себя вѣковую кору невѣжества и мертвеннаго застоя, войдти въ семью европейскихъ державъ и создать себѣ между ними исполненное величія и могущества положеніе. Любовь къ наукамъ была заложена въ Петрѣ съ дѣтства, и его любознательность подсказала ему приблизить къ себѣ Лефорта, который оказалъ великую заслугу только тѣмъ, что сообщалъ свои свѣдѣнія и наблюденія, пріобрѣтенныя достаточнымъ образованіемъ и опытностью, тѣмъ давая пищу великому уму своего ученика, который самъ жадно усвоивалъ ихъ и, когда нужно было такъ кстати примѣнялъ къ дѣлу, что едвали это когда нибудь и подозрѣвалъ его учитель, часто увлекавшійся самъ своими разсказами Петру о всемъ слышанномъ, видѣнномъ и пережитомъ этимъ женевцемъ, рано пустившимся странствовать по Европѣ. Впослѣдствіи Лефортъ, набравшій и обучившій потѣшныхъ, былъ сдѣланъ ихъ командиромъ; пожалованъ генераломъ и генералъ-адмираломъ: былъ при осадѣ Азова; объѣхалъ иностранные дворы вмѣстѣ съ Петромъ великимъ, въ званіи перваго посла, и скончался въ Москвѣ въ 1699 году, 43 лѣтъ отъ роду.

Петръ считалъ Лефорта первымъ своимъ другомъ, что самъ подтвердилъ словами своими: «я лишился друга моего, когда онъ всего болѣе былъ мнѣ нуженъ,» и слезами, пролитыми имъ при погребеніи своего учителя. Безкорыстіе Лефорта, его живой характеръ, веселость, замѣчательный умъ, большія свѣдѣнія и опытность, а главное любовь и безпредѣльная преданность къ Петру— заставили царя долго помнить и оплакивать своего друга, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ письмѣ своемъ, послѣ побѣды русскихъ надъ шведами, образованный этимъ царь писалъ, что онъ радъ такъ и веселъ, какъ не бывалъ и одного раза со смерти Лефорта.

Около Петра мѣсто умершаго Лефорта занялъ Александъ Даниловичъ Меншиковъ, сынъ бѣдныхъ родителей, по преданію, бывшій въ молодости пирожникомъ, родился въ 1672 году. Лефортъ замѣтилъ способности Меншикова и представилъ его Петру, которому тоже понравился умный и расторопный юноша, и участь его была рѣшена: Петръ записалъ Алексашу, какъ любилъ царь называть Меншикова, въ потѣшные. Меншиковъ сталъ неуклонно исполнять волю Петра, отличался находчивостью и ловкостью, а потомъ показалъ такую отвагу въ битвахъ и сообразительность, что сдѣлался на самомъ дѣлѣ искуснымъ полководцемъ. Петръ и такъ любилъ Меншикова, но увидѣвъ въ немъ военный талантъ, засыпалъ его наградами за разбитіе шведской эскадры въ устьѣ Невы. Онъ, будучи поручикомъ, получилъ одновременно съ царемъ Андреевскую звѣзду; за калишскій бой возведенъ въ графское римской имперіи достоинство; въ 1704 году назначенъ первымъ

генералъ-губернаторомъ Петербурга; въ слѣдующемъ году получилъ изъ поручиковъ прямо чинъ генералъ-поручика и достоинство князя; затѣмъ титулъ свѣтлѣйшаго князя Ижерскаго, подполковника Преображенскаго полка (полковникомъ былъ самъ Петръ) и наконецъ послѣ полтавскаго боя чинъ генералъ-фельдмаршала. По возвращеніи изъ Помераніи, Меншиковъ былъ назначенъ предсѣдательствовать въ Сенатѣ и даже принимать у себя иноземныхъ пословъ, чего никогда не дозволялось подданному.

Хотя князь Меншиковъ жилъ съ царскою роскошью, имѣлъ громадное состояніе, потому что вмѣстѣ съ чинами онъ получалъ въ награду и деньги, и деревни; но все-же это не помѣшало ему быть въ высшей степени корыстолюбивымъ, за что даже часто навлекалъ на себя гнѣвъ государя, разъ судился въ Сенатѣ и въ концѣ концовъ заставилъ государя охладѣть въ своей привязанности къ нему. Въ царствованіе Екатерины I и внука Петра II, котораго даже былъ опекунъ, сдѣлался почти полновластнымъ правителемъ Имперіи, помолвилъ свою дочь Наталію за малолѣтняго императора; но вдругъ впалъ въ его немилость, былъ сосланъ съ лишеніемъ чиновъ, званій и имѣній вмѣстѣ съ семьей своей въ Сибирь, гдѣ и умеръ въ городѣ Березовѣ, въ 1729 году. Послѣдніе года своей жизни въ Березовѣ Меншиковъ провелъ какъ истинный христіанинъ, испытавшій всѣ превратности судьбы и просвѣтлившійся своими и своей семьи несчастьями, оставивъ послѣ себя памятникомъ его руками построенную церковь. Относительно просвѣщенности Меншикова должно сказать, что онъ только умѣлъ писать свою фамилію и, кажется, умѣлъ читать: болѣе этого онъ ничего не зналъ.

Борисъ Петровичъ Шереметьевъ имѣлъ обширный умъ, военный талантъ, отвагу, преданность къ царю и родинѣ и истинно европейскую просвѣщенность. За крымскіе походы онъ былъ пожалованъ въ санъ боярина, имѣя только 30 лѣтъ отъ роду. Послѣ похода на Азовъ, Шереметьевъ поѣхалъ въ южную Европу съ цѣлью усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ: побывалъ въ южной Германіи, въ Италіи и наконецъ посѣтилъ ост. Мальту, гдѣ отъ мальтійскихъ рыцарей удостоился получить командирскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ битвѣ при Нарвѣ Шереметьевъ пробился съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками чрезъ армію Карла XII, чѣмъ самъ избавился плѣна и спасъ Петру его гвардію, былъ посланъ въ Лифляндію, гдѣ одержалъ первую побѣду русскихъ надъ шведами, которыми начальствовалъ Шлиппенбахъ, при Эратсферѣ,—за что получилъ первый фельдмаршала и вскорѣ пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго; за усмиреніе астраханскаго бунта возведенъ первый въ графское достоинство. Его отступленіе чрезъ Днѣпръ и Десну, при вторженіи Карла XII въ Россію, было исполнено съ величай-

шимъ искусствомъ; а ясное усвоеніе плана полтавской битвы и необычайная ловкость при исполненіи его послужила къ гибели шведской арміи и торжеству русскихъ. Взятіе Риги, походъ Прутскій, гдѣ Шереметьевъ представлялъ царю, что углубляться въ Молдавію не слѣдуетъ, но Петръ его не послушалъ, и наконецъ 7 лѣтніе побѣды въ Польшѣ и Помераніи противъ шведовъ укрѣпили за фельдмаршаломъ славу талантливаго и искусстнѣйшаго полководца, а его просвѣщенность, безкорыстье и человѣколюбіе, засвидѣтельствованное современниками Шереметьева, даютъ полное право утверждать, что опустошеніе Лифляндіи, произведенное имъ съ страшною жестокостью, не было имъ даже желательно; а просвѣщенный воинъ, признанный собратомъ мальтійскихъ рыцарей, въ этомъ случаѣ подчинился необходимости такого образа дѣствій для спасенія своего отечества отъ злаго генія Карла XII.

За семь лѣтъ до смерти Петра, скончался первый русскій фельдмаршалъ и первый слуга царя и Россіи,

Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ предводительствовалъ юнымъ русскимъ флотомъ; громилъ берега Финляндіи; въ 1708 году при нападеніи генерала Либекера на Петербургъ, только что возникшій изъ болотъ, Апраксинъ разгромилъ его такъ, что онъ болѣе не рѣшался приближаться къ невской столицѣ и долженъ былъ бездѣйствовать. За это получилъ графское достоинство. Взятіе Выборга, удачные поиски у береговъ Финляндіи и высадка въ Швеціи принудили шведское правительство къ миру и были послѣдними подвигами графа Апраксина, который умеръ вскорѣ послѣ смерти Петра, котораго любилъ безгранично.

Во всѣхъ войнахъ Петра, почти во всѣхъ походахъ съ нимъ, участвовалъ храбрѣйшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ окружавшихъ царя генераловъ русскихъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ. Какъ сынъ боярина онъ былъ двѣнадцати лѣтъ записанъ въ Семеновскій полкъ, гдѣ отличился не одною только храбростью и беззавѣтной отвагой, но великодушіемъ и благородствомъ характера. Гдѣ не былъ Голицынъ? Онъ былъ въ обоихъ походахъ подъ Азовъ, при взятіи Нотебурга, гдѣ оказалъ мужество неслыханное, Ніеншанца, Нарвы, а во время пораженія русскихъ при Нарвѣ, вмѣстѣ съ Шереметьевымъ спасъ свой Семеновскій полкъ отъ шведскаго плѣна. Первая побѣда надъ шведами при селѣ Добромъ, во время похода ихъ въ Малороссію, была одержана Голицынымъ, за что данъ ему Андреевскій орденъ; послѣ того при Лѣсномъ, близь Пропойска и Могилева Голицынъ помогъ Петру поразить Левенгаупта, который чуть было не подкрѣпилъ своимъ корпусомъ и подвозомъ громаднаго количества продовольствія войска Карла XII; причемъ бился, «какъ левъ,» за это Петръ расцѣловалъ его тамъ-же на полѣ и спросилъ, какой онъ хочетъ награды. Отвѣтъ Голицына Петру пока-

залъ все величье души героя и заключалъ просьбу о помилованіи царемъ личнаго врага его Рѣпнина, осужденнаго военнымъ судомъ за нерадивость и ошибки въ дѣлѣ со шведами при Головачинѣ. Эта просьба поразила и заставила Петра уважать великодушнаго князя. Въ полтавскомъ бою, командуя гвардіей, явилъ необычайную храбрость, послѣ того первый нагналъ у Переволочины отступающаго Левенгаупта и вмѣстѣ съ Меншиковымъ заставилъ его положить оружье. Во время прутскаго похода, на военномъ совѣтѣ собранномъ Шереметьевымъ, сказалъ коротко, но ясно: «лучше погибнуть, чѣмъ положить оружье къ ногамъ Турецкаго великаго визиря,» окружившаго своею арміею русскихъ со всѣхъ сторонъ. Побѣда при Наппо въ Финляндіи, участіе въ битвѣ со шведами при Гангеудѣ, взятіе 4-хъ шведскихъ фрегатовъ при Гренгамѣ и страхъ наведенный на Стокгольмъ присутствіемъ русскихъ войскъ на Аландскихъ островахъ,—все то было дѣломъ мужества и искусства князя Голицына, который кромѣ того, славился обширнымъ умомъ, образованностью и любовью къ наукамъ; памятникомъ послѣдней онъ оставилъ имъ основанный харьковскій коллегіумъ. Послѣ смерти Петра, Голицынъ получилъ за свои заслуги фельдмаршальство.

Графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, происходившій изъ знатной шотландской фамиліи, родился въ 1670 году, въ Москвѣ; отецъ его былъ полковникомъ русской службы. Брюсъ находился съ Петромъ въ азовскихъ походахъ; былъ подъ Норвою, гдѣ имѣлъ подъ начальствомъ артиллерію; участвовалъ въ битвахъ при Калимѣ, Лѣсномъ и подъ Полтавою; искусно велъ осаду Риги и за взятіе этой крѣпости произведенъ въ генералъ-фельдцейхмейстеры. Битвами въ Помераніи и дипломатической борьбой со шведскими министрами на аландскомъ конгрессѣ и при заключеніи ништадтскаго мира, Брюсъ, бывшій уполномоченнымъ со стороны Россіи при этихъ переговорахъ, закончилъ свою дѣятельность, и произведенный Екатериной I въ фельдмаршалы оставилъ службу. Всѣмъ извѣстенъ составленный этимъ даровитымъ и храбрымъ генераломъ Петра, такъ называемый Брюсовъ календарь, а память оставленная составителемъ этой книги въ русскомъ народѣ, какъ о чародѣѣ и волшебникѣ, доказываетъ какое сильное вліяніе производили на умъ современниковъ богатыя свѣдѣнія Брюса по физикѣ и другимъ прикладнымъ къ математикѣ наукамъ.

На дипломатическомъ поприщѣ проявили свои таланты и дѣятельность канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ и уполномоченный министръ при заключеніи ништадскаго мира, и при преемникахъ Петра, канцлеръ графъ Остерманъ. Головкинъ несъ всю тяжесть управленія иностранными дѣлами, Шафировъ отличился въ переговорахъ съ турками и особенно заключеніемъ прутскаго мира. По наклонности своей къ

ссорамъ, заводимымъ имъ даже въ сенатѣ и разъ открывшимся важнымъ злоупотребленіямъ, подпалъ ополѣ Петра и былъ сосланъ въ заточеніе; но послѣ того помилованъ Екатериной I, призванъ къ дѣламъ и умеръ канцлеромъ Россіи; а Остерманъ, заявившій себя необыкновенной хитростью и ловкостью вести переговоры при заключеніи ништатскаго мира, вполнѣ показалъ свои таланты въ послѣдующія за Петровскимъ царствованія.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, изъ знатнаго рода, начальникъ преображенскаго приказа, который вѣдалъ дѣла по государственнымъ преступленіямъ, имѣлъ высокое званіе «кесаря;» управлялъ за Петра Россіей, олицетворяя ее всегда, — давалъ чины Петру за истинныя его заслуги отечеству и, что самое важное, славился точнымъ исполненіемъ царской воли.

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій «другъ правды,» любимецъ Петра и любившій его со всею горячностью истиннаго вѣрноподданнаго, заботящагося о величіи и славѣ своего государя; почему когда нужно было, князь говорилъ правду въ глаза Петру, не боясь его гнѣва, за что пользовался его уваженіемъ и обезсмертилъ свое имя въ потомствѣ. Долгорукій былъ посломъ во Франціи и Испаніи при правленіи Софьи, участвовалъ въ азовскихъ походахъ; а взятый въ плѣнъ шведами освободился отъ него личною отвагою и въ 1711 году вернулся въ Петербургъ, гдѣ до конца жизни находился въ санѣ сенатора.

Нельзя пройдти молчаніемъ доблесть и любовь къ отечеству родственника Петра, племянника его первой супруги Евдокіи Ѳеодоровны, Василія Абрамовича Лопухина, явившагося во время съ командой преображенцевъ въ домъ заговорщика Соковнина и тѣмъ спасшаго жизнь Петру, сидѣвшему тамъ среди злодѣевъ; а потомъ воспѣтаго въ народныхъ пѣсняхъ за подвигъ свой въ битвѣ при Гроссъ-элгерсдорфѣ, гдѣ смертельно раненный Лопухинъ спросилъ, едва переводя дыханье: «бѣгутъ ли непріятели» и на отвѣтъ: «бѣгутъ» сказалъ: «слава Богу! Такъ я умру спокойно,» и скончался (1756 г.) тотчасъ-же.

Такая доблесть умирающаго генералъа-шефа Лопухина была пріобрѣтена имъ еще въ молодости своей въ семьѣ сподвижниковъ Петра.

Духовное сословіе въ свою очередь доставило изъ своей среды двухъ замѣчательныхъ іерарховъ царствованія Петра, которые своими неусыпными трудами, по устройству дѣлъ церковныхъ и по преобразованію управленія духовенствомъ, постоянно помогали царю въ его предначертаніяхъ. Блюститель патріаршаго престола, митрополитъ Рязанскій Стефанъ Яворскій и архіепископъ Новогородскій Ѳеоѳанъ Прокоповичъ, назначенный впослѣдствіи Петромъ первенствующимъ членомъ св. синода, были

поистиннѣ славные и талантливѣйшіе изъ всего духовенства, благодаря своему высокому уму, глубокой богословской учености, приверженностью къ Петру и пользамъ отечества; а Ѳеоѳанъ Прокоповичъ сверхъ того отличался пламеннымъ краснорѣчіемъ въ проповѣдяхъ своихъ и составленіемъ духовнаго регламента, который отъ Петра получилъ силу дѣйствующаго закона по управленію церковью и духовенствомъ. Кромѣ Стефана Яворскаго и Ѳеоѳана Прокоповича, стоявшихъ во главѣ управленія духовнымъ вѣдомствомъ, жилъ при Петрѣ св. Дмитрій Митрополитъ Ростовскій, прославившійся святостью своей жизни и своими писаніями противъ раскола.

Не только избранные лично Петромъ славные птенцы его гнѣзда, при немъ и долго еще послѣ его царствованія трудились на благо Россіи; но появилось цѣлое поколѣніе людей временъ Петра, — такихъ, изъ которыхъ каждый получилъ стремленіе къ лучшему: образованію и труду.

Заслуги этого поколѣнія при первыхъ преемникахъ Петра были такъ велики и плодотворны для Россіи, что ей оставалось только идти и идти къ величію и славѣ.

Екатерина I-я.

1725—1727.

При жизни своей, Петръ Великій хотя и издалъ манифестъ, (въ 1722 году) которымъ отмѣнилъ древній порядокъ престолонаслѣдія, но пріемника себѣ не успѣлъ назначить, а потому, по кончинѣ его, при дворѣ образовались двѣ партіи—первая, состоящая изъ людей стараго закала и вообще приверженцевъ старины, которые хотѣли возвести на престолъ государева внука, 10 лѣтняго Петра; между тѣмъ какъ вторая партія хотѣла видѣть на престолѣ Екатерину. Въ этой, второй партіи главную роль игралъ Меньшиковъ и, такъ какъ эта партія была многочисленнѣе первой, кромѣ того за Екатерину стояла гвардія и сенатъ, то она и была объявлена самодержавной императрицей,

По вступленіи на престолъ, Екатерина учредила верховный тайный совѣтъ и отняла значеніе у сената учрежденнаго ея царственнымъ супругомъ. Въ верховный совѣтъ были перенесены изъ сената всѣ важнѣйшія государственныя дѣла и разсматривались потомъ подъ предсѣдательствомъ самой императрицы.

Первымъ членомъ верховнаго совѣта былъ князь Меньшиковъ, любимецъ Екатерины. Умомъ и гибкимъ характеромъ онъ успѣлъ

пріобрѣсти полное довѣріе и привязанность государя. Уже во время перваго заграничнаго путешествія Петръ называетъ его въ письмахъ своихъ самыми нѣжными именами. При взятіи крѣпости Нотебурга, Меньшиковъ одинъ изъ первыхъ влѣзъ на непріятельскія стѣны, и Петръ въ награду за храбрость назвалъ его каменданомъ Шлиссельбурга. Съ тѣхъ поръ Александръ Даниловичъ Меньшиковъ началъ быстро возвышаться. Въ 1707 году онъ уже былъ княземъ римской имперіи, свѣтлѣйшимъ княземъ россійскаго государства и Андреевскимъ кавалеромъ. Когда учреждены были коллегіи, Петръ назначилъ его президентомъ военной коллегіи; довѣріе-же и любовь къ нему государя были безграничны. Петръ скучалъ, когда Меньшикова не было при немъ, и писалъ къ нему самыя дружескія письма. Но свѣтлѣйшій князь не вполнѣ оправдывалъ довѣріе къ себѣ царственнаго друга. Такъ обладая огромнымъ состояніемъ пожалованнымъ отъ царя, онъ бралъ взятки, вступалъ подъ чужимъ именемъ въ казенные подряды и т. п. Замѣтивъ корыстолюбіе и жадность въ своемъ любимцѣ, Петръ началъ охладѣвать къ нему, даже предалъ его суду и подвергъ штрафу. Но въ подобныхъ случаяхъ заступницею за Меньшикова всегда являлась Екатерина. Подъ конецъ своего царствованія Петръ однако отнялъ у неисправимаго Меньшикова президенство въ военной коллегіи.»

Съ воцареніемъ Екатерины, Меньшиковъ сдѣлался ея правою рукою и самовластно распоряжался судьбою государства. Онъ обладалъ огромнымъ состояніемъ, но это, казалось, только подстрекало въ немъ еще больше недовольства судьбою—его чистолюбію и алчности не было границъ. Сначала онъ задумалъ сдѣлаться герцогомъ Курляндскимъ и онъ сталъ хлопотать о своемъ избраніи въ герцоги съ такимъ рвеніемъ, что едва не вовлекъ Россію въ опасную войну. Курляндцы его не выбрали.

Послѣ этой неудачи честолюбіе Меньшикова пошло еще дальше. Желая упрочить свое положеніе, онъ искусно удалилъ изъ Россіи опасныхъ для его честолюбивыхъ цѣлей, герцоговъ голштинскихъ—и сталъ хлопотать о томъ, чтобы внукъ Петра, великій князь Петръ Алексѣевичъ былъ пріемникомъ Екатерины, такъ какъ здоровье императрицы находилось въ весьма плохомъ состояніи. Съ воцареніемъ малолѣтняго Петра Алексѣевича, Меньшиковъ во первыхъ надѣялся продолжать править государствомъ, а во вторыхъ разсчитывалъ женить его на одной изъ своихъ дочерей, и такимъ образомъ упрочить за своимъ потомствомъ верховную власть.

И все было сдѣлалось по желанію временщика: умирая Екатерина завѣщала престолъ Петру Алексѣевичу, которому было тогда 12 лѣтъ и даже выразила желаніе, чтобы онъ вступилъ въ супружество съ княжной Меньшиковой.

Петръ II.

1727—1730.

Меньшиковъ, чтобы кто не успѣлъ помѣшать его замысламъ, тотъ часъ же перевелъ юнаго государя изъ дворца въ свой домъ, гдѣ вскорѣ состоялось и обрученіе его съ старшей дочерью Меньшикова, княжною Маріею Александровною; послѣ чего уже въ качествѣ нареченнаго тестя императора, Меньшиковъ даже пренебрегалъ мнѣніемъ верховнаго совѣта и дѣлалъ все по своему, и въ особенности не забывалъ своего ларца.

Царедворцы не любили Меньшикова, да и завидовали ему, а потому естественно, что изъ его враговъ составилась цѣлая партія, которая искала его погибели.

Главными и опасными противниками Меньшикова были—наставникъ молодаго императора хитрый Остерманъ и князья Долгорукіе, между которыми одинъ особенно былъ близокъ къ императору—Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, находившійся безотлучно при немъ. Этимъ-то Долгорукій и былъ главнымъ орудіемъ паденія Меньшикова. Меньшиковъ слишкомъ зазнался для того, чтобы снизойдти до мысли объ опасности угрожавшей ему, а между тѣмъ враги его не дремали и пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, внушали императору, какъ опасно можетъ быть для него самовластіе Меньшикова.

Часъ своего паденія ускорилъ самъ Меньшиковъ. Такъ отправившись на освященіе домовой церкви въ свое любимое помѣстье Ораніембаумъ, куда ждалъ и императора; Долгорукіе однако отговорили Петра отъ этой поѣздки; Меньшиковъ же, до того былъ ослѣпленъ своимъ честолюбіемъ, что при освященіи церкви позволилъ себѣ стать на мѣсто приготовленное для императора, въ видѣ трона подъ великолѣпнымъ бархатнымъ балдахиномъ.

Объ этомъ было тотъ-часъ-же сообщено императору, который уже не допустилъ къ себѣ Меньшикова, по возвращеніи его въ Петербургъ, и вскорѣ за тѣмъ отдалъ приказъ объ его арестѣ и ссылкѣ безъ суда въ Березовъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1729 году, соорудивъ своими собственными руками деревянную церковь.

Едва Меньшиковъ сошолъ со сцены, какъ его вполнѣ замѣнили Долгорукіе при молодомъ императорѣ; даже цѣли ихъ были сходны между собой какъ нельзя быть больше. Всѣ свои помыслы Долгорукіе обратили на то, чтобы привязать къ своему семейству юнаго государѣ и женить потомъ на сестрѣ любимца его Ивана Долгорукаго, Екатеринѣ. Но и они также не успѣли вполнѣ достигнуть своей цѣли, не смотря на то, что княжна Екатерина Долгорукова была также обручена и офиціально объявлена невѣстой Петра.

Въ день крещенья, въ 1730 году, юный императоръ просту-

дился, получилъ оспу и въ день, въ который была назначена его свадьба, къ ужасу Долгорукихъ и къ печали Россій—скончался.

Петръ II-й царствовалъ всего около трехъ лѣтъ.

Анна Іоанновна.

1730—1740.

Послѣ смерти Петра II не осталось ни завѣщанія, которымъ бы назначался наслѣдникъ престола, а мужское колѣно изъ дома Романовыхъ пресѣклось. По праву и завѣщанію Екатерины I, престолъ долженъ былъ принадлежать сыну герцогини Голштинской, дочери Петра Великаго, Анны Петровны—Карлу Петру Ульриху; но, такъ какъ ему было только около двухъ лѣтъ, то честолюбивые члены верховнаго совѣта вздумали воспользоваться его малолѣтствомъ и отсутствіемъ и вручить корону тому изъ членовъ императорскаго дома, который бы согласился на ограниченіе державной власти въ пользу верховнаго совѣта; какъ-то: безъ разрѣшенія его не объявлять войны, не заключать мира, не вводить новыхъ налоговъ, никого не награждать, не наказывать и не избирать преемника.

Понятно, что такимъ ограниченіемъ самодержавія, такъ называемые «Верховники,» т. е. члены верховнаго совѣта—главнымъ образомъ Голицыны и Долгорукіе хотѣли образовать партію аристократовъ, которая соперничала бы съ царской властью.

Но это задуманное верховниками, небывалое ограниченіе царской власти до такой степени не согласовалось съ древними обычаями существовавшими въ Россіи и такъ рѣзко бросалось въ глаза, что нельзя было и ожидать, чтобы подобное предложеніе было принято будущимъ правителемъ, но верховники нашлись, хотя и на свою голову, какъ оказалось впослѣдствіи: они рѣшили возвести на престолъ вдовствующую герцогиню курляндскую Анну Іоанновну.

А такъ какъ герцогиня Курляндская не могла ни какъ и ожидать короны русской, потому что у нея была старшая сестра Екатерина, герцогиня Мекленбургская, то верховники и надѣялись, что въ виду такой неожиданности герцогиня согласится на всѣ условія.

Для верховниковъ оставалось однако покончить еще съ однимъ вопросомъ, а именно: оградить себя въ будущемъ отъ всякой отвѣтственности за свою выдумку, что они и сдѣлали: предложивъ корону Аннѣ Іоанновнѣ, они упросили ея потомъ издать манифестъ къ народу русскому, въ которомъ сказать, что она отказывается отъ указанныхъ выше правъ въ пользу верховнаго тайнаго совѣта, а когда этотъ манифестъ привелъ въ недоумѣніе всѣ высшія сословія въ Россіи, то верховники объясняли всѣмъ, что такова была воля самой императрицы.

Обманъ однако не долго продолжался—Головкинъ и Остер-

манъ, члены того же Верховнаго совѣта, но неучаствовавшіе въ заговорѣ съ остальными шестью членами—объяснили загадку, и обѣ столицы заволновались.

Какъ ни старался верховный совѣтъ успокоить умы и тѣмъ и другимъ способомъ; какъ тщательно не наблюдалъ за всѣми движеніями императрицы, даже приставилъ къ ней стражемъ своего единомышленника князя Василія Долгорукаго, который безъ себя никого не впускалъ въ ея комнаты, но все оказалось напраснымъ:—едва только императрица пріѣхала въ Москву для коронованія, какъ къ ней явились знатнѣйшіе вельможи, дворяне и офицеры гвардіи съ челобитной, въ которой умоляли ея объ уничтоженій условій, предложенныхъ ей врагами Россіи въ Митавѣ. Императрица, выслушавъ просьбу подданныхъ, приказала принести актъ подписанный ею въ Митавѣ и разорвала его въ присутствіи верховнаго совѣта.

Верховный совѣтъ былъ скоро потомъ уничтоженъ и замѣненъ снова сенатомъ, а члены совѣта кромѣ хитраго Остермана и Головкина одни умерли въ заточеніи или въ ссылкѣ, другіе казнены.

Современники говорятъ, что императрица Анна Іоанновна обладала обширнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ; отличалась особенной справедливостью какъ къ заслугамъ людей полезныхъ государству, такъ равно и къ людямъ учинившимъ провинности.

Не бывъ опытной въ правленіи, императрица часто совѣтовалась съ оставшимися поборниками дѣлъ Петра Великаго, которые давали совѣты въ томъ же направленіи какому научились отъ своего великаго учителя, что и клало свой свѣтлый отпечатокъ какъ на внутреннія, такъ и на внѣшнія дѣла государства. Народъ сталъ по немногу забывать тяжолыя годы временьщиковъ, какъ-то Меньшикова и другихъ.

Геніемъ Петра Россія была выдвинута въ Европу, но онъ не успѣлъ ей дать опредѣленнаго мѣста между европейскими государствами; многое было въ ней ново и еще неусовершенствовано, многому нужно было дать правильное теченіе, и это Анна Іоанновна вполнѣ понимала, а потому и не пренебрегала совѣтами людей опытныхъ, людей такъ называемыхъ—Петровской школы.

Къ несчастію, благоденствіе Россіи подъ личными заботами монархини продолжалось всего только около четырехъ лѣтъ, а остальные шесть лѣтъ царствованія Анны Іоанновны можно назвать тяжолымъ временемъ для Россіи.

Это тяжолое время началось съ появленіемъ курляндскаго шляхтича Бирона, который, пользуясь неограниченнымъ къ себѣ довѣріемъ милостивой императрицы, ловко устранилъ всѣхъ русскихъ вельможъ, учениковъ Петровыхъ, отъ дѣлъ и окружилъ престолъ иноземцами, преданными себѣ людьми изъ которыхъ двое, Остерманъ и Минихъ, хотя были и безспорно талантливые люди, но мало любившіе Россію и больше заботящіеся не о ея

благѣ, а о своихъ личныхъ интересахъ, какъ и ихъ патронъ, милостію котораго они держались потомъ и которому должны были смотрѣть въ глаза — это-то и губило ихъ способности, которыми восхищался Петръ.

Остерманъ былъ весьма виднымъ дипломатомъ. Онъ родился въ Вестфаліи и принадлежалъ къ дворянскому роду. Онъ принятъ былъ въ русскую службу Петромъ во время войны съ Швеціею и былъ его дѣятельнымъ помощникомъ. Первая услуга, оказанная Россіи Остерманомъ, было содѣйствіе къ заключенію Прутскаго договора; затѣмъ его дѣйствія на Аландскомъ конгрессѣ и въ Ништадтѣ, гдѣ онъ успѣлъ склонить уполномоченныхъ Швеціи къ такимъ уступкамъ, какихъ никто не могъ ожидать. Несмотря на то, что Остерману приходилось часто переходить изъ одной партіи въ другую болѣе сильную или усиливающуся, онъ такъ умѣлъ это сдѣлать незамѣтнымъ, ни въ комъ не возбудить подозрѣнія къ его предательству, что почти только одинъ и уцѣлѣлъ до конца царствованія Анны Іоанновны—переходя отъ Шафирова къ Меньшикову, отъ него къ Долгорукимъ и отъ послѣднихъ къ Бирону. Въ началѣ-же царствованія Анны Іоанновны онъ тоже много сдѣлалъ для Россіи, какъ и при Петрѣ, подъ руководствомъ котораго сумѣлъ разгадать истинныя потребности и отношенія Россіи къ сосѣднимъ государствамъ; но затѣмъ совершенно подпалъ подъ вліяніе Бирона и служилъ уже только его цѣлямъ, чтобы служить своимъ.

Минихъ, служа нѣсколькимъ государямъ, почти въ одно время съ Остерманомъ попалъ въ Россію, и строеніемъ Ладожскаго канала такъ обратилъ на себя вниманіе Великаго Петра, что ему стали завидовать первые вельможи двора. Обладая обширнымъ умомъ и образованіемъ, Минихъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Петра—какъ искусный инженеръ и военачальникъ, но въ царствованіе Анны Іоанновны, и именно съ проявленіемъ власти Бирона способности его были парализованы окончательно; онъ также, какъ и Остерманъ, началъ уже служить не Россіи, а временьщику.

Первые годы своего царствованія Анна Іоанновна ознаменовала многими славными дѣлами. Всѣ сословія Россіи смотрѣли на нее какъ на спасительницу отечества отъ смутъ и неустройствъ, коими грозила аристократическая партія уже было добившаяся сильной власти въ ущербъ царской. Правый судъ, порядокъ во внутреннемъ управленіи, развитіе и усовершенствованіе войска, устройство школъ народныхъ, однимъ словомъ, все, что только относилось къ устройству общественной жизни, было первою и главной заботой императрицы.

Послѣ-же четырехлѣтняго царствованія, начался какъ бы новый періодъ, который оставилъ по себѣ тяжолую память и получилъ названіе «бироновщины.»

Биронъ былъ простой курляндецъ, выгнанный изъ Кенигсберг-

скаго университета за дурное поведеніе. Онъ еще Петру Первому предлагалъ свои услуги служить Россіи, но Царь съ презрѣніемъ отклонилъ его просьбу. Наконецъ ему какъ то удалось поступить ко двору Анны Іоанновны, въ Митавѣ, гдѣ онъ своей красивой наружностью обратилъ на себя вниманіе герцогини и сталъ пользоваться полнымъ ея расположеніемъ.

Члены верховнаго совѣта, предлагая корону Аннѣ Іоанновнѣ однимъ изъ условій поставили также, чтобы Биронъ не въѣзжалъ въ Россію, но, такъ какъ самодержавіе императрицы было возстановлено, то она и вызвала немедленно ко двору своего любимца изъ Курляндіи, пожаловала ему графское достоинство и назначила оберъ-камергеромъ при своей особѣ.

Биронъ былъ злого нрава и недалекъ по своимъ умственнымъ способностямъ; свое же новое отечество ненавидитъ отъ всей души.

Первые четыре года Биронъ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ государства, вслѣдствіе своего невѣжества, и проводилъ время въ кутежахъ и за картами; но затѣмъ вдругъ нахально сталъ во главѣ управленія, давъ при этомъ полную волю своимъ дурнымъ инстинктамъ, въ особенности-же ненасытному корыстолюбію и мстительности къ людямъ, которые или осмѣливались говорить правду, или не преклонялись предъ его могуществомъ.

Съ этой поры начались неисчимслимыя бѣдствія Россіи.

Первое за что принялся временьщикъ, это приказалъ собрать съ крестьянъ 7 милліоновъ недоимочныхъ денегъ; для чего были имъ употреблены самыя жестокія мѣры: неимѣющихъ средствъ крестьянъ предавали истязаніямъ, отбирали у нихъ послѣдній скотъ, томили на правежѣ; наказывались и тѣ, кто медленно производилъ взысканія, помѣщиковъ держали подъ стражей, воеводъ заковывали въ кандалы и проч. Приводили въ исполненіе эти безчеловѣчныя мѣры временьщика особыя команды, разосланныя по всей Россіи. Собранные-же такимъ путемъ деньги не попали въ казну, а въ собственный корманъ временьщика; а послѣдствія этихъ мѣръ были таковы, что сотни тысячь крестьянъ въ ужасѣ разбѣжались по лѣсамъ и перешли въ расколъ, а также за границу и въ разбойничьи шайки. Имя Бирона съ проклятіями произносилось по всей Россіи.

Ненависть народа не безпокоила временьщика и не отрезвила его, но еще больше и больше озлобляла. Но, во избѣжаніе того, что бы ропотъ народа не долетѣлъ до слуха императрицы, отъ которой онъ тщательно скрывалъ свои дѣйствія, онъ окружилъ себя громаднымъ количествомъ шпіоновъ, на обязанности которыхъ лежало отыскивать недовольныхъ и порицающихъ его распоряженія, и приводить ихъ въ тайную канцелярію, гдѣ ихъ

предавали жестокимъ пыткамъ и потомъ казнили или ссылали въ Сибирь.

Страшное «слово и дѣло,» существовавшее во времена Алексѣя Михайловича, опять было возобновлено Бирономъ и наводило ужасъ на всѣхъ. Одно неосторожное слово стоило или жизни, или ссылки. Число жертвъ кровожадности временьщика доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячь. Но, окружонная клевретами любимца, императрица не могла никогда узнать, какъ несчастны ея подданные отъ произвола временьщика и вѣрила, обманутая первыми, въ благоденствіе народа подъ ея правленіемъ.

Въ особенности же Биронъ жестокъ и не умолимъ былъ въ мщеніи, что особенно выразилось на Долгорукихъ и на кабинетъ—министрѣ Волынскомъ.

Долгорукихъ онъ заподозрилъ въ томъ, что именно они требовали отъ императрицы въ Митавѣ, чтобы онъ не былъ въ Россіи. Сначала онъ искусно устроилъ имъ опалу и имъ приказано было жить безвыѣздно въ своихъ вотчинахъ; потомъ послѣдовало разжалованіе, лишеніе всего имущества и ссылка;—двое: кн. Алексѣй и сынъ его были сосланы туда же, куда и Меньшиковъ, остальные по разнымъ мѣстамъ Россіи. Но этимъ не кончилось, Биронъ еще далеко не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ; черезъ нѣсколько лѣтъ временьщикъ, придравшись къ какому-то несуществовавшему заговору, приказалъ свезти всѣхъ Долгорукихъ въ Новгородъ, гдѣ ихъ долгое время мучили пытками и, затѣмъ, нѣкоторыхъ оставшихся въ живыхъ казнили; одного и именно Ивана Алексѣевича даже колесовали.

О преданіи невиннаго Волынскаго суду, Биронъ самъ просилъ императрицу, стоя предъ ней на колѣнахъ, и когда великодушная царица, чтя заслуги кабинетъ—министра и не видя его виновности въ чемъ-либо, отказала Бирону, то послѣдній употребилъ послѣднее средство и сказалъ, что «либо ему быть, либо мнѣ»; со слезами на глазахъ императрица подписала, по требованію своего любимца, повелѣніе о наряженіи надъ Волынскимъ суда. Бирону дѣятельно помогъ раздѣлаться съ ненавистнымъ министромъ и Остерманъ.

Вины-же Волынскаго въ сущности были слѣдующія: во первыхъ онъ былъ истый русскій вельможа и, радѣя о благѣ отечества, не уступалъ неблагодарнымъ иноземцамъ, заслонившимъ собою тронъ отъ правды и милости къ подданнымъ, и, надѣясь на свою правоту, подавалъ проэкты государыни объ улучшеніи быта народа, причемъ не стѣсняясь высказывалъ иногда свое мнѣніе о дѣйствіяхъ Остермана, который за это и сталъ ему мстить вмѣстѣ съ Бирономъ.

Бирона же Волынскій задѣлъ во время одного засѣданія, когда разсматривался вопросъ о вознагражденіи Польшы за

убытки будто-бы учененные нашею арміею во время прохода черезъ ея владѣнія. Биронъ подалъ голосъ въ пользу Польши, но Волынскій увлекся и отвѣчалъ, что не будучи вассаломъ Польши, онъ не находитъ нужнымъ съ своей стороны удовлетворять ея требованіе. Это было сказано на счетъ Бирона, такъ какъ онъ уже былъ въ то время герцогомъ Курляндіи, которая дѣйствительно находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ польскому королевству. Для Волынскаго были изобрѣтены ужасныя пытки мстительнымъ временьщикомъ, а потомъ, когда истерзанный министръ, приговоренный уже къ смерти. взведенъ былъ на эшафотъ, то ему сначала отрѣзали языкъ, потомъ отрубили руку, и затѣмъ уже голову. Даже дѣти его не были пощажены—ихъ отправили въ ссылку, въ Сибирь.

Россія ждала избавиться отъ страшнаго временьщика, но Бирону, на оборотъ, казалось слишкомъ недостаточнымъ всѣ совершонныя имъ злодѣйства и раззореніе пріютившей его страны, онъ задумалъ еще на долго продлить свое господство надъ Россіей и едва не успѣлъ въ этомъ.

Анна Іоанновна желая утвердить престолъ за потомками царя Іоанна Алексѣевича и устранить династію Петра Великаго, назначила преемникомъ себѣ шести-недѣльнаго внука своего, Іоанна Антоновича, сына Анны Леопольдовны принцессы Брауншвейгъ-Люнебургской. Но, такъ какъ, мать наслѣдника не была способна править государствомъ до совершеннолѣтія сына,—то императрица была поставленна въ затрудненіе—кому поручить регенство? Принца, отца будущаго императора, успѣлъ оклеветать предъ ней Биронъ, и она вслѣдствіе этаго не была расположена къ нему.—Любимца-же своего хотя императрица и считала достойнымъ этой высокой чести, но ея тревожила зависть къ нему вельможъ, которые могли погубить его. Между тѣмъ здоровье монархини было въ опасномъ положеніи, и чистолюбивый Биронъ, давно мечтавшій сдѣлаться регентомъ, рѣшился покончить скорѣе съ этимъ вопросомъ, пока еще власть была въ его рукахъ.

Съ этою цѣлію онъ пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ знатныхъ вельможъ, пользующихся довѣріемъ императрицы—Миниха, Остермана, Левенвольда, князя Черкасскаго—и довольно тонко намекнулъ имъ на то, что здоровье императрицы безнадежно, а регентъ еще не назначенъ ею, то онъ желалъ-бы, что бы они шли къ государынѣ и упросили ея поручить ему опеку надъ малолѣтнимъ императоромъ и Россіей.

Воля Бирона была закономъ для всѣхъ въ государствѣ во все время царствованія Анны Іоанновны, а потому понятно, что призванные вельможи не осмѣлились идти на перекоръ временьщику, хотя и ненавидѣли его отъ всей души.—Одно нерѣшительное движеніе могло стоить жизни каждому изъ нихъ, пока еще жива царственная покровительница Бирона,—это хорошо созна-

вали вельможи, а потому тотъ часъ-же, заготовивъ манифестъ, они отправились въ покои умирающей императрицы и стали неотступно просить ее, назначить герцога Курляндскаго регентомъ имперіи до 17 лѣтняго возраста ея мололѣтняго преемника.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, императрица наконецъ согласилась подписать поданный ей заготовленный минифестъ, и вскорѣ скончалась.

Особенно блестящихъ внѣшнихъ дѣлъ въ царствованіе Анны Іоанновны не было. Въ началѣ царствованія Анны Іоанновны петербургскій кабинетъ потребовалъ отъ порты удовлетворенія за набѣги крымскихъ татаръ (находящихся въ зависимости отъ Султана) на Украйну. Порта отвѣчала, что татары люди вольные и нѣтъ средствъ ихъ смирить; но потомъ Султанъ самъ нарушилъ право народное, впутавшись въ борьбу съ персидскимъ шахомъ Надиромъ, давъ приказъ хану крымскому вторгнуться въ Дагестанъ. Нашъ резидентъ представилъ дивану, что татары могутъ пробраться на Кавказъ не иначе, какъ чрезъ русскія владѣнія на Кубанѣ и Терекѣ, и что для прохода ихъ нужно испросить согласіе русскаго кабинета; но султанъ не обратилъ на это вниманіе. Татары пробились сквозь русскую армію, стоящую у Терека и Сунджи и такимъ образомъ, исполнивъ волю султана, нарушили народныя права и оскорбили Россію. Императрица приказала Миниху опустошить Крымъ, а генералу Ласси овладѣть Азовомъ. Походъ былъ удачный. Ласси взялъ Азовъ, Минихъ встрѣча татаръ у перекопской линіи разсѣялъ ихъ, взялъ Перекопъ, опустошилъ западную часть Крыма до самаго Багчисарая, но по недостатку продовольствія не могъ утвердиться въ Крыму; взорвавъ Перекопъ онъ возвратился въ Украйну. Въ слѣдующемъ году Минихъ взялъ Очаковъ, потомъ близь Хотина, при мѣстечкѣ Ставучанагѣ, разбилъ великаго визиря, взялъ артиллерію, и положилъ на мѣстѣ больше 15,000 человѣкъ, чѣмъ навелъ такой ужасъ на турокъ, что они въ страхѣ побѣжали къ Дунаю. Бѣлградскій миръ остановилъ дальнѣйшіе успѣхи Миниха. Миръ этотъ ничего ни доставилъ Россіи.

Іоаннъ VI-й.

1740—1741.

По кончинѣ Анны Іоанновны, Россія безпрекословно присягнула ея внуку, Іоанну VI и регенту имперіи герцогу курляндскому Эрнсту Бирону. Никакая ненависть народа къ послѣднему не могла поколебать его въ исполненіи воли своей государыни— такова была всегда покорность русскаго народа своимъ царственнымъ повелителямъ и этимъ онъ можетъ вправѣ гордиться.

Что-же касается Бирона, то, сдѣлавшись полноправнымъ правителемъ государства, достигнувъ предѣла всѣхъ своихъ завѣтныхъ желаній, онъ не только не подумалъ о примиреніи съ истерзаннымъ имъ народомъ, путемъ милости и правосудія, но сталъ еще кровожаднѣе, злѣе, онъ кажется готовъ былъ накинуть мертвую петлю на всю русскую землю и затянуть ее своими собственными руками. Не проходило дня, чтобы народъ не былъ свидѣтелемъ какого нибудь новаго звѣрства Бирона—пытки, ссылка, тюрьма, вотъ что было любимымъ дѣломъ правителя, вотъ только въ чемъ онъ былъ не утомимъ до конца.

Къ счастію Россіи самостоятельное правленіе Бирона продолжалось всего только три недѣли; полные ужасы и негодованія: народъ, войско и дворяне собирались по ночамъ толпами въ Петербургѣ и обдумывали мѣры для освобожденія государства изъ желѣзныхъ рукъ правителя. Составился было даже заговоръ, но Бирону донесли объ этомъ и онъ схвативъ заговорщиковъ предалъ ихъ мучительнымъ пыткамъ. Даже отецъ императора былъ арестованъ подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ и было уже рѣшено правителемъ выслать ихъ съ принцессой—матерью за границу.

Но этимъ чаша уже переполнилась, и участь Бирона была рѣшена.

Среди всеобщаго ужаса, гордый Минихъ, руководясь чистолюбивой мыслью, предложилъ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ уничтожить надменнаго регента, и получивъ ея согласіе, принялся за опасное дѣло, опасное потому, что дворецъ Бирона постоянно окружалъ караулъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ солдатъ. Биронъ зналъ, какую непримиримую ненависть питаютъ къ нему всѣ отъ мала до велика, а потому и принималъ всякія предосторожности. Но это, однако, не спасло его. Фельдмаршалъ Минихъ выждалъ время, когда въ караулъ къ герцогу-регенту вступали солдаты, бывшіе съ нимъ въ походахъ и преданные своему маститому фельдмаршалу. Онъ ночью, съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ, Манштейномъ, вошолъ беспрепятственно во дворецъ и, съ помощію тѣхъ же караульныхъ офицеровъ, арестовалъ надмѣннаго герцога курляндскаго. Въ качествѣ регента имперіи, Биронъ управлялъ Россіею всего только три недѣли и былъ арестованъ съ 7 на 8 ноября 1740 года.

Паденіе ненавистнаго тирана произвело потрясающее радостное впечатленіе на всю Россію; въ особенности-же ликовала столица, въ стѣнахъ которой совершилось это замѣчательное событіе.

Принцесса Анна Леопольдовна была объявлена правительницей государства и признана таковою съ радостью всѣми сословіями Россіи.

Биронъ былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и надъ нимъ учрежденъ судъ, который приговорилъ его къ смерти. Приговоръ этотъ призналъ-бы достойнымъ тирана цѣлый свѣтъ, но Анна Леопольдовна, по высокой добротѣ своего сердца, не хотѣла крови уже безпомощнаго человѣка и казнь Бирона была замѣнена ссылкою его въ г. Пелымъ, гдѣ по плану Миниха ему построили и домъ.

Историки говорятъ, что когда надмѣнный и жестокій герцогъ курляндскій и бывшій правитель Россіи услышалъ, находясь въ заключеніи, о произнесенномъ надъ нимъ смертномъ приговорѣ, то пришелъ въ такое малодушное отчаяніе, что едва не лишился разсудка.

По принятіи на себя Анной Леопольдовной званія правительницы, верховное управленіе дѣлами государства было распредѣлено между слѣдующими лицами: принцемъ Антономъ Ульхиромъ, фельдмаршаломъ Минихомъ, Остерманомъ, графомъ Головинымъ и княземъ Черкасскимъ.

Графъ Минихъ совсѣмъ не ждалъ такого раздробленія власти; онъ одинъ думалъ управлять государствомъ и, обиженный невниманіемъ правительницы къ его заслугамъ, подалъ въ отставку и къ своему удивленію не былъ удерживаемъ,

Правленіе Анны Леопольдовны ознаменовано было многими милостями народу и улучшеніями его быта; такъ освобождено было изъ оковъ и ссылки нѣсколько тысячъ несчастныхъ жертвъ Бироновской жестокости, за нѣсколько лѣтъ прощены податныя недоимки народу, умножены школы и проч.

Но, явивъ чрезвычайную дѣятельность въ началѣ правленія, Анна Леопольдовна впослѣдствіи почти совсѣмъ отклонила отъ себя государственныя заботы, чему виною были приближенные къ ней иноземцы—австрійскій посланникъ маркизъ Ботта и саксонскій посланникъ графъ Линаръ. Они успѣли внушить правительницѣ недовѣріе къ ея просвѣщеннымъ совѣтникамъ—министрамъ, Остерману, Минину и друг. такъ что она съ неудовольствіемъ и даже не всегда принимала ихъ къ себѣ съ важными докладами. Кромѣ того упомянутые посланники завели разныя интриги при дворѣ и умѣли стать между правительницей и ея супругомъ, принцемъ Антономъ Ульрихомъ, завѣдывающимъ всѣми россійскими войсками, и, такимъ образомъ, поселивъ несогласіе между правительницею и ея главными сановниками, успѣли склонить первую вступиться въ постороннее для Россіи дѣло: въ споръ Австріи съ Пруссіей за Силезію, что послужило поводомъ къ несогласіямъ съ Французскимъ дворомъ, который, во первыхъ, весьма искусно воспользовался неудовольствіемъ Швеціи противъ Россіи за отторгнутыя у нея Петромъ великимъ области и, подкрѣпляя свои подстрекательства у шведскихъ вельможъ золотомъ

шведскій Сенатъ объявилъ намъ войну, которая и кончилась разбитіемъ шведовъ при Вильманстрандѣ фельдмаршаломъ Ласси.

Во вторыхъ, версальскій кабинетъ предписалъ своему посланнику въ Петербургѣ, маркизу Шаторди, стараться всѣми мѣрами произвести въ Россіи внутренній переворотъ въ пользу цесаревны Елисаветы.

Маркизъ Шаторди ревностно принялся за исполненіе приказанія своего правительства и прежде всего вошолъ въ дружескія отношенія съ лейбъ-медикомъ Елисаветы Петровны, Лестокомъ, человѣкомъ въ высшей степени хитрымъ и настойчивымъ, черезъ котораго и началъ вліять на цесаревну. На соблазнительныя рѣчи Лестока, который постоянно говорилъ цесаревнѣ о правахъ ея на россійскій престолъ, о народной любви къ ней и о возможности взять кормило правленія изъ рукъ регентши, сначала не имѣли никакого вліянія на цесаревну: она любила болѣе блеска жизнь тихую и съ опасеніемъ смотрѣла на заботы государственныя. Сама правительница однако принудила дочь великаго Петра искать короны, на которую она въ сущности имѣла болѣе права, чѣмъ Іоаннъ: Анна Леопольдовна вздумала выдать ея за мужъ за одного мелкаго владѣтельнаго князя изъ нѣмцевъ, имѣя въ виду удалить ея этимъ средствомъ изъ Россіи и объявить себя самодержцей. А такъ какъ Елисавета отказалась отъ предложеннаго ей брака, то между ею и правительницей произошолъ серьезный разрывъ, который могъ кончиться для цесаревны весьма плачевнымъ образомъ. Это будущее стало безпокоить Елисавету, тѣмъ болѣе, что Лестокъ передавалъ ей за вѣрное о намѣреніи правительницы заключить ее въ монастарь. Тогда цесаревна рѣшилась послѣдовать совѣту Лестока.

Ночью 25 ноября 1741 года цесаревна Елисавета, сопровождаемая тѣмъ-же Лестокомъ, Воронцовымъ, Шуваловымъ, и еще нѣсколькими своими приверженцами, явилась въ казармы Преображенскаго полка, взяла съ собою до 300 солдатъ и съ помощью ихъ, окруживъ дворецъ безъ всякаго труда, арестовала правительницу со всѣмъ ея семействомъ.

Елизавета Петровна.

1741—1761.

Елизавета Петровна, любимая народомъ, духовенствомъ и войскомъ была объявлена императрицей. Бывшая правительница Анна съ супругомъ отправлены были въ Холмогоры, гдѣ прожили до конца своей жизни. Іоаннъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и умеръ уже при Екатеринѣ II-й. Остерманъ, Менгденъ, Головкинъ и Левенвольдъ, приверженцы павшей пра-

вительницы, исключая одного Миниха, кончили жизнь въ холодной Сибири. Минихъ же хотя и сосланъ былъ также, какъ и его сотоварищи, въ Сибирь, но при восшествіи на престолъ Петра III былъ возвращенъ и снова занималъ высокій постъ въ государствѣ, въ чинѣ фельдмаршала.

Мѣстомъ ссылки Миниху служилъ г. Пелымъ и ему пришлось жить въ томъ самомъ домѣ, который былъ выстроенъ по его плану для Бирона. Послѣдній былъ переведенъ изъ Пелыма въ Ярославль. Говорятъ, что на дорогѣ, около Казани, враги встрѣтились, вѣжливо раскланялись и, не сказавъ ни слова одинъ другому, разъѣхались въ противоположныя стороны. Впослѣдствіи, при дворѣ Петра III-го, ему еще разъ пришлось встрѣтиться съ Бирономъ, также возвращеннымъ изъ ссылки. Государь хотѣлъ примирить ихъ, но все было напрасно, они по прежнему разстались врагами.

Преображенцы, участвующіе какъ орудіе во время достопамятнаго переворота въ ночь 25 ноября, были щедро награждены императрицей: имъ всѣмъ пожаловано дворянское достоинство и 14 тысячъ душъ крестьянъ въ потомственное владѣніе; кромѣ того изъ нихъ была составлена особая команда и наименована лейбъ-компаніею.

При Елизаветѣ Петровнѣ господство иноземцевъ почти совершенно прекратилось; друзья Бирона, Миниха и Остермана совершенно стушевались; только Лестокъ, Ферморъ и доровитый, честный фельдмаршалъ Ласси остались въ Россіи и двое послѣднихъ служили ей честно до конца.

Неопытная въ дѣлѣ правленія, императрица однако умѣла выбирать людей и окружила престолъ свой одними русскими, весьма даровитыми вельможами, изъ которыхъ особенно выдавались: Воронцовъ, Шуваловы, Разумовскіе, Бестужевъ-Рюминъ, Панины и Румянцевъ; двое послѣднихъ прославились впрочемъ уже при Екатеринѣ II. Въ царствованіе же Елизаветы Петровны заставилъ заговорить о себѣ и нашъ знаменитый полководецъ Суворовъ, находившійся уже въ чинѣ полковника.

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ былъ весьма умный, образованный вельможа и глубокій политикъ. Онъ началъ свою службу еще при Петрѣ Великомъ и затѣмъ честно служилъ его пріемникамъ; пробылъ долго за границей въ качествѣ посланника при нѣкоторыхъ иностранныхъ дворахъ и, изучивъ европейскую политику, въ царствованіе Анны Іоановны вернулся въ отечество, занявъ постъ члена кабинета министровъ. Въ правленіе Анны Леопольдовны онъ былъ оклеветанъ навѣтами Остермана и сошелъ было со сцены, но потомъ по ходатойству Лестока былъ снова призванъ къ участію въ дѣлахъ государства и назначенъ вице-канцлеромъ. Говорятъ, что когда Лестокъ просилъ императрицу о назначеніи Бестужева, она сказала ему:

«знаешь ли, что я по твоей просьбѣ возвышаю человѣка, который погубитъ тебя.» Такъ и случилось. Найдя въ Бестужевѣ-Рюминѣ человѣка весьма полезнаго, императрица приблизила его къ себѣ. Бестужевъ добивался союза съ Австріею, между тѣмъ, Лестокъ, какъ родовой французъ, хотѣлъ склонить Россію къ союзу съ Франціей, его поддерживалъ Шаторди, и между ними началась борьба, кончившаяся тѣмъ, что Бестужевъ, добывъ факты, доказалъ, что Лестокъ и Шаторди подкуплены французскимъ правительствомъ, послѣ чего Шаторди былъ высланъ за границу, а Лестокъ сосланъ въ Устюгъ. Въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, Бестужевъ однако подпалъ подъ опалу и былъ сосланъ въ одну изъ своихъ вотчинъ.

Громадное вліяніе на дѣла во внутреннемъ управленіи имѣли— графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ и его родственникъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Первый составилъ уложеніе о всеобщемъ размѣжеваніи земель, усовершенствовалъ русскую артиллерію и вообще много сдѣлалъ въ улучшеніи военнаго дѣла, устроилъ оружейные заводы и облегчилъ народъ правильнымъ раздѣленіемъ на участки всего государства при наборахъ и проч. и проч.

Второй, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, былъ весьма просвѣщенный человѣкъ и дѣятельно неусыпно помогалъ народному образованію. По его иниціативѣ открытъ былъ первый университетъ въ Москвѣ, въ 1755 году, и основана академія художествъ въ С.-Петербургѣ. Онъ же трудился надъ усовершенствованіемъ морской академіи, переименовавъ ее въ морской корпусъ. Иванъ Ивановичъ былъ близокъ съ знаменитымъ въ то время ученымъ и поэтомъ Ломоносовымъ и покровительствовалъ ему. По указанію Ломоносова въ московскій университетъ назначены были двое первыхъ русскихъ профессоровъ: Поповскій и Барсовъ.

Елизаветѣ Петровнѣ принадлежитъ честь учрежденія постояннаго русскаго театра въ Петербургѣ. Первымъ сочинителемъ русскихъ театральныхъ піесъ и первымъ директоромъ былъ нѣкто Сумароковъ, а первымъ русскимъ актеромъ — Волковъ. Имъ пренадлежитъ слава основателей русскаго театра.

Преданіе говоритъ, что когда Елизавета рѣшилась сдѣлать государственный переворотъ, то дала обѣтъ никого не казнить смертію. Это какъ бы подтверждается тѣмъ, что она впослѣдствіи дѣйствительно отмѣнила смертную казнь и замѣнила ее ссылкою въ тяжкія работы, съ предварительнымъ наказаніемъ плетьми.

Заботясь о будущемъ спокойствіи Россіи, императрица избрала себѣ пріемника, сына своей сестры Анны Петровны герцогини Голштинской, Карла Петра Ульриха, который былъ вызванъ ею въ Петербургъ и въ православіи нареченъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Наслѣдникъ вступилъ въ бракъ по указанію императрицы съ принцессою Ангальтъ-Цербтскою Софіею-Августою,

нареченной по мѵропомазаніи Екатериною Алексѣевною — впослѣдствіи Екатерина II и Великая.

При Елизаветѣ Петровнѣ Россія пользовалась порвенствующимъ голосомъ въ Европѣ и имѣла рѣшительное вліяніе на дѣла иностранныхъ государствъ. Она со славой окончила войну съ Швеціей въ 1743 году, пріобрѣтя часть Финляндіи; за тѣмъ, въ 1757 году, русская армія подъ начальствомъ Апраксина разбила на голову войска Фридриха Великаго, короля прусскаго, которыя считались въ то время лучшими въ Европѣ; и, затѣмъ, постоянными побѣдами въ продолженіи слѣдующихъ четырехъ лѣтъ, храбрые полководцы славнаго царствованія Елизаветы, — Ферморъ, Салтыковъ, Румянцевъ довели до такого состоянія Пруссію, что Фридрихъ Великій едва не рѣшился на самоубійство, чтобы спасти свою честь. Пруссіи грозила совершенная погибель и только кончина императрицы въ 1767 году отклонила Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ головою Пруссіи.

Петръ III Ѳеодоровичъ.

1761—1762.

Внукъ Петра Великаго и Карла XII-го, Петръ III-й, вступивъ на престолъ, по кончинѣ Елисаветы, манифестомъ къ народу своему объявилъ, что царствованіе его будетъ служить неуклоннымъ путемъ по стопамъ его царственнаго дѣда Петра Великаго. И дѣйствительно, Петръ, не смотря на краткость своего царствованія, продолжавшагося только полгода, успѣлъ во многомъ оправдать надежды возлагаемые на него Россіей по обнародованіи имъ манифеста.

Прежде всего Петръ прекратилъ безполезную войну съ Пруссіей, которая была объявлена въ интересахъ Австріи и продолжалась пять лѣтъ, стоивъ Россіи громадныхъ издержекъ и потери людей. Мало того, онъ возвратилъ Фридриху Великому всѣ занятыя русскими войсками прусскія земли и заключилъ съ нимъ наступательный договоръ, приказавъ въ тоже время корпусу генерала Чернышова оставить австрійскаго фельдмаршала Лаудона, подъ начальствомъ котораго онъ состоялъ, и присоединиться къ арміи Фридриха II-го.

Петръ питалъ самую неограниченную дружбу къ Фридриху II, какъ къ одному изъ величайшихъ монарховъ того времени, удивлялся его необыкновенному уму и въ знакъ своего особеннаго расположенія не рѣдко облекался въ мундиръ прусскаго генерала.

Но кромѣ личныхъ своихъ симпатій къ Фидриху, Петръ, прекративъ войну съ Пруссіей, имѣлъ въ виду выставить всѣ силы Россіи противъ Даніи и потребовать отчета за удержаніе ею

Шлезвига, наслѣдственнаго достоянія короны Голштинской, которая принадлежала ему, какъ сыну Карла Фидриха Голштинскаго. Вопросъ за Шлезвигъ уже продолжался около полустолѣтія.

Заручившись по договору съ Пруссіей пропускомъ русскихъ войскъ чрезъ ея владѣнія, Петръ немедленно объявилъ Даніи войну, грозившую между прочимъ, потрясти всю сѣверную Европу. Къ счастію походъ въ Данію былъ остановленъ въ самомъ началѣ, такъ какъ Петръ III долженъ былъ уступить престолъ своей супругѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Этотъ государственный переворотъ лишилъ Петра III привести въ исполненіе множество задуманныхъ имъ весьма обширныхъ плановъ, касающихся внутренняго благосостоянія государства.

Однако, какъ не было кратко царствованіе Петра, но онъ успѣлъ, со свойственной ему рѣшительностью, издать нѣсколько весьма важныхъ правительственныхъ распоряженій, между которыми особенно выдаются: уничтоженіе тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи и съ ней ненавистнаго народомъ «слова и дѣла;» потомъ, указъ объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы и изъятіи ихъ отъ тѣлеснаго наказанія. Кромѣ того, прекращены преслѣдованія раскольниковъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые укрылись за границей, разрѣшено возвращеніе въ Россію безъ всякихъ послѣдствій. Въ этомъ послѣднемъ указѣ, между прочимъ, было сказано: «Внутри всероссійской имперіи и иновѣрные яко могометане и идолопоклонники состоятъ, а тѣ раскольники христіане, точію въ единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что должно не принужденіемъ отвращать и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно.»

Учредилъ Государственный Банкъ въ 5,000000 руб. для облегченія денежныхъ оборотовъ.

Екатерина II Великая.

1762—1796.

Въ царствованіе Екатерины II Алексѣевны продолжались съ особеннымъ успѣхомъ исполняться предначертанія Петра: государство расширялось внѣ путемъ оружья, которое попеременно пришлось Екатеринѣ обращать противъ всѣхъ сосѣдей своихъ и каждый разъ пріобрѣтать Россіи отъ нихъ какія либо земли, уже ранѣе намѣченныя ея великимъ предшественникомъ. Внутреннее развитіе русскаго народа достигло при Екатеринѣ высокой степени совершенства; образованіе распространилось повсюду; дотолѣ грубые нравы смягчились и вездѣ появилась гражданственность, нисколько неуступавшая западно-европейской.

СВѢТЪ, ПРАВДА И НАРОДЫ РОССІИ ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ: ИЛИ

ПОЛНАЯ ИСТОРІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

ЖИЗНЬ РУССКАГО НАРОДА СО ВРЕМЕНИ ПРИЗВАНІЯ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЕЙ; ВСѢ ВОЙНЫ, НАБѢГИ, БУНТЫ, ЛИТЕРАТУРА, МУЗЫКА, ТЕАТРЪ, ХУДОЖЕСТВА

ДО НЫНѢ БЛАГОПОЛУЧНО ЦАРСТВУЮЩАГО ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II,

ЦАРЯ ОСВОБОДИТЕЛЯ НАРОДОВЪ.

Соч. Хитрово.

ТОМЪ II.

МОСКВА.
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У КНИГОПРОДАВЦА С. И. ЛЕУХИНА.
1880.

Екатерина не имѣла всѣхъ великихъ достоинствъ Петра: его геніяльности, величаваго самоотверженія, безпристрастія при оцѣнкѣ заслугъ и строгой справедливости въ наказаніи равно всѣхъ близкихъ и неблизкихъ къ нему виновныхъ, а особенно уступала Петру, въ военномъ геніи, который постигъ военное искусство, можно сказать, въ совершенствѣ и могъ проявить всегда свое мужество и храбрость, предводительствуя лично войсками въ бояхъ,—что Екатеринѣ, какъ женщинѣ, было несвойственно. Но у ней были свои великіе таланты и достоинства: по крайней мѣрѣ кто лучше ея могъ пользоваться обстоятельствами, знать наличныя силы своего народа, слабыя стороны сосѣдей, умѣть съ твердостію и настоичивостью преслѣдовать благія цѣли Петра, частью ихъ достигать, а частью подготовлять къ нимъ,—почему ея царствованіе считается продолженіемъ Петрова, а Екатерина—славной преемницей великаго преобразователя Россіи.

Императрица съумѣла понять истинные планы Петра и чего онъ скоро еще не думалъ достигнуть, великая совершила усовершенствованіемъ государственнаго устройства, благоразумными законодательными мѣрами и вообще строгимъ надзоромъ за исполненіемъ закона по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а также смягченіемъ нравовъ и развитіемъ всѣхъ промышленныхъ и умственныхъ силъ Россіи, поставивъ ее тѣмъ на высокую степень могущества въ Европѣ.

Завоеванія у сосѣдей того, что слѣдовало пріобрѣсти Россіи для дальнѣйшаго ея благоденствія, было исполнено великими полководцами временъ Екатерины съ такимъ искуствомъ и мужествомъ, которыя удивили Европу и снискали ея уваженіе къ русскому оружію.

Екатеринино царствованіе было наполнено великими событіями и продолжалось 34 года, изъ которыхъ первыя двѣнадцать лѣтъ были употреблены Екатериной на усовершенствованіе всего существующаго въ Россіи, утвержденіе своего вліянія въ Польшѣ и ослабленіе Турціи съ вассальнымъ ей Крымомъ; послѣдующія четырнадцать лѣтъ Екатерина мирно правила Россіей, расширивъ только ея предѣлы на югѣ, а послѣднія восемь лѣтъ прошли въ счастливыхъ войнахъ русскихъ со всѣми сосѣдями, какъ то съ Швеціею, Турціею, Польшею и Персіею. Этими войнами Россія укрѣпила за собой всѣ ранѣе сдѣланныя завоеванія, и на южной границѣ распространилась до Днѣстра, пріобрѣла отъ Польши все Литовское княжество, о которомъ еще мечталъ царь Алексѣй Михайловичъ, и Курляндію, испытавшую еще при Петрѣ тяжесть его оружія, привязанную потомъ къ Россіи узами родства Курляндскаго царствующаго дома съ Россійскимъ. Персидская война, въ началѣ которой скончалась Екатерина, потому-то не была плодотворной и не принесла Россіи новыхъ пріобрѣтеніи въ то время; но подготовила все таки грузинское царство

къ принятію русскаго подданства, показавъ стѣсненной отвсюду магометанами христіанской Грузіи, что ея спасеніе только въ присоединеніи къ православной и могущественной Россіи.

Въ разное время царствованія Екатерины дѣйствовали разные вельможи, которыя участвовали въ исполненіи ея предположеній и плановъ, а иногда даже давали другое направленіе, конечно съ согласія Екатерины, ходу великихъ дѣлъ ея царствованія.

Въ первые года правленія Екатерины имѣли вліяніе на государственныя дѣла: братья Орловы: графъ Григорій Григорьевичъ, считавшійся императрицею даже геніальнымъ, графъ Алексѣй, герой морскихъ битвъ съ турками на водахъ Архипелага и менѣе его замѣтный при дворѣ, не имѣвшій особеннаго значенія въ дѣлахъ Россіи, но все же знаменитый участіемъ своимъ въ чесменской морской битвѣ, уничтожившей флотъ Турціи и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ (*). Вліяніе Орловыхъ не было исключительнымъ, его раздѣляли съ ними братья Панины: знаменитый графъ Никита Ивановичъ, направлявшій всю иностранную политику, завѣдуя всѣми иностранными сношеніями и имѣвшій высокое положеніе при дворѣ Екатерины, какъ воспитатель ея единственнаго сына и наслѣдника цесаревича Павла Петровича и братъ его Петръ Ивановичъ, герой семилѣтней войны съ Фридрихомъ II, великимъ королемъ Прусскимъ, въ продолженіи которой сражался во всѣхъ важнѣйшихъ битвахъ съ пруссаками, а въ первую турецкую войну былъ главнокомандующимъ и разгромилъ турокъ, и взялъ Бендеры, чѣмъ нанесъ рѣшительный ударъ военному могуществу порты. Послѣ того, графъ Петръ Ивановичъ долго оставался не у дѣлъ и жилъ въ своемъ имѣніи подъ Москвой, тогда какъ старшій братъ его своимъ обширнымъ умомъ, просвѣщенностью и благородствомъ заслужилъ уваженіе въ цѣлой Европѣ, и Петръ Ивановичъ былъ вызванъ опять ко двору и назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ дѣйствовавшихъ противъ Пугачевскаго бунта, который имъ и былъ усмиренъ.

Русское оружіе было прославлено сначала графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ, получившимъ громкое названіе «Задунайскаго,» который прошелъ военную школу въ бояхъ семилѣтней войны, примѣнилъ все пріобрѣтенное имъ въ этой войнѣ военное искуство къ веденію турецкой компаніи, въ которую былъ назначенъ главнокомандующимъ и послѣ неудачнаго исхода первой войны съ Турціей,—своими подвигами потресъ такъ оттоманскую имперію, что безсиліе ея повело къ господству Россіи на югѣ. Развернувъ всѣ силы своего военнаго таланта въ борьбѣ съ турками,—Румянцевъ хотя находившійся всегда

(*) Одинъ изъ героевъ чесменской битвы, вельможа умный и образованный.

далеко отъ двора, не менѣе счастливо справлялся съ своими придворными соперниками, интриги которыхъ противъ него должны были прекратиться, благодаря личной довѣренности императрицы къ заслуженному полководцу и твердости его благороднаго характера. Впослѣдствіи военное могущество Россіи было укрѣплено за нею навсегда генералами, вышедшими изъ школы Румянцева и подъ руководствомъ его научившимися побѣждать. Довольно того, что подъ начальствомъ Румянцева были и ему обязаны военною славою: князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, снискавшій себѣ Европейскую славу и міровую извѣстность, князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ и Михайло Иларіоновичъ Кутузовъ, спаситель Россіи отъ нашествія французовъ въ 1812 году.

Не одни военные таланты могъ развить Румянцевъ въ заслужившихъ его вниманіе подчиненныхъ своихъ; но онъ же просвѣщенно повліялъ на двухъ замѣчательныхъ государственныхъ мужей Россіи: графовъ Безбородка и Заводовскаго, которыхъ своимъ покровительствомъ Задунайскій вывелъ въ министры и сверхъ того первый при Потемкинѣ замѣнилъ Никиту Панина.

Въ началѣ втораго десятилѣтія правленія Екатерины вліянія на дѣла государственныя перешли всецѣло къ князю Потемкину Таврическому, потому что братья Орловы, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира съ Турціей, и графъ Румянцевъ, отвлеченный управленіемъ Малороссіи—не могли воспрепятствовать возвышенію Потемкина, желавшаго даже замѣнить на войнѣ героя Задунайскаго, но безуспѣшно: его не только замѣнилъ, но даже превзошелъ Суворовъ.

За восемь лѣтъ до кончины императрицы, возвысились два брата Зубовы, особенно графъ Платонъ Валеріановичъ. Ихъ вліяніе на ходъ и направленіе государственныхъ дѣлъ сдѣлалось преобладающимъ вполнѣ по смерти Потемкина, такъ какъ одерживавшій все это время побѣды за побѣдами надъ всѣми сосѣдями Россіи Суворовъ искалъ только одной военной славы, не мѣшаясь въ общія дѣла государственныя, исключая только до военной части.

Вступленіе на престолъ Екатерины совершилось въ то знаменательное время, когда шолъ шестой годъ семилѣтней войны Фридриха II Прусскаго съ Маріей-Терезіей Австрійской и благодаря личной склонности Петра III-го къ королю—герою Фридриху русская армія, бившаяся противъ Пруссіи, была подчинена ему подъ ближайшимъ начальствомъ графа Чернышева. Ожесточеніе обоихъ воюющихъ сторонъ и настойчивость въ этой войнѣ вовлекла въ нее почти всю Европу, такъ что даже на океанахъ Атлантическомъ и Тихомъ суда морскихъ державъ бились за интересы соперничествующихъ: Пруссіи и Австріи.

До Екатерины при Елизаветѣ и Петрѣ III тоже много было

безполезныхъ потерь со стороны Россіи въ этой борьбѣ; но Екатерина, взявши святое правило политики Петровской, не мѣшаться безъ пользы въ чужія дѣла и, видя, что никакихъ выгодъ не принесетъ Россіи ея вмѣшательство, повелѣла графу Чернышеву съ русской вспомогательной Фридриху арміей возвратиться немедленно въ Россію и объявила со стороны Россіи строгой нейтралитетъ.

Эти мудрыя мѣры Екатерины, по отношенію къ Пруссіи и Австріи, привели къ тому, что Прусскій король, хотя и лишившійся помощи Россіи, но невидя ея враждебности и какъ слабѣйшій принужденъ былъ искать дружбы Екатерины; а Австрія, не получивъ поддержки отъ нея, не могла задавить окончательно Пруссіи и тѣмъ усилиться до того, что въ будущемъ угрожать вообще Европейскому миру, а въ частности—спокойствію и развитію Россіи. Отказъ короля шведскаго отъ участія въ семилѣтней войнѣ былъ вызванъ примѣромъ Россіи и заставилъ Марію-Терезію, оставшуюся безъ союзниковъ, прекратить войну съ Фридрихомъ, который въ свою очередь довелъ до истощенія свое незначительное королевство и, вздохнувъ свободно съ помощью Петра III, теперь жаждалъ мира.

Умиротвореніе восточной Европы было обезпечено Губертсбургскимъ миромъ, а западной—мирнымъ договоромъ въ Парижѣ. Съ этой поры Фридрихъ II прусскій сдѣлался постояннымъ союзникомъ Екатерины, заключивъ съ нею наступательный и оборонительный союзъ противъ общихъ враговъ Россіи и Пруссіи, чѣмъ пользовалась особенно Императрица, обладавшая всѣми средствами вести войны для исполненія своихъ великихъ замысловъ; и Фридрихъ только являлся ея союзникомъ, не находя силъ въ своемъ истощенномъ отечествѣ для самостоятельныхъ военныхъ предпріятій.

Другая война, затѣянная Петромъ III съ Данію за Шлезвигъ-Голштинское герцогство,—котораго онъ былъ наслѣдникъ, какъ сынъ герцога Карла Фидриха и дочери Петра I, цесаревны Анны,—представилась Екатеринѣ тоже безполезной для Россіи; а потому-то Императрица отозвала русскія войска, предназначенныя противъ Даніи, и отказалась отъ имени малолѣтняго сына своего Павла Петровича, къ которому перешло отъ отца его право на Шлезвигъ-голштинское герцогство, отъ этого наслѣдства, уступивъ его Даніи и тѣмъ прекратила старинную вражду ольденбургскаго дома. Данія съ своей стороны предоставила въ замѣнъ Голштиніи графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, во владѣніе, согласно волѣ Екатерины, епископу Любскому, какъ главѣ младшей готторской линіи ольденбургскаго дома съ тѣмъ еще условіемъ, что цесаревичъ Павелъ и его наслѣдники сохраняютъ титулъ герцоговъ Голштинъ-Готторпскихъ. Впослѣдствіи, при достиженіи со-

вершеннолѣтія, Павелъ Петровичъ самъ подтвердилъ этотъ договоръ и тѣмъ голштинскій вопросъ былъ конченъ навсегда.

Такой поступокъ Екатерины по голштинскимъ дѣламъ, избавивъ Россію отъ другой неумѣстной войны, привлекъ къ союзу и истинной дружбѣ съ Императрицей короля Датскаго, котораго услуги были необходимы на случай войны со Швеціей, постоянной сосѣдкой—соперницей Даніи.

На западѣ остались двѣ державы: Польша и Швеція, раздираемыя внутренней борьбой партій и неурядицами, слѣдствіемъ безсилія королевской власти и своеволія знатнаго дворянства. Одна изъ этихъ державъ, Польша, республика съ избраннымъ королемъ, которая издавна вела съ Россіей споръ о пограничныхъ областяхъ, о Малороссіи и даже владѣла Кіевомъ—матерью городовъ русскихъ, вытерпѣвъ погромъ шведскій и нашествія турокъ и крымскихъ татаръ,—теперь изнывала отъ своеволія магнатовъ, которые знать не хотѣли короля, заняли королевскія земли, настроили себѣ крѣпкихъ замковъ, гдѣ держали на свой счетъ цѣлыя вооруженныя толпы шляхты, которая готова была отдать жизнь за своего патрона. Вся роскошь, какою окружали себя могущественные вельможи ложилась ярмомъ на городскихъ и сельскихъ жителей, которые буквально были обираемы жадными магнатами. Православное населеніе литвы страдало болѣе всѣхъ другихъ низшихъ классовъ отъ своеволія и жадности пановъ; но и крестьянину-католику было не много лучше этихъ несчастныхъ. Мало всего этого: сеймъ польскій, составленный изъ избранныхъ депутатовъ, конечно, преимущественно отъ дворянства и частью отъ духовенства, во время правленія Августа III только разъ пришелъ къ единогласному рѣшенію, причиною чего былъ самый способъ рѣшенія государственныхъ дѣлъ въ сеймѣ. Склонные къ свободѣ магнаты и шляхта, т. е. мелкое дворянство, къ свободѣ такой, которая заключалась въ своеволіи и необузданности нѣсколькихъ тысячь дворянъ, грабившихъ остальной польскій и литовскій народъ,—допустили на сеймѣ, имѣвшемъ власть законодательную и правительственную, не слыханное правило, по которому слово однаго депутата «не позволяю» дѣлало рѣшеніе сейма недѣйствительнымъ; а слѣдовательно Польша оставалась во время царствованія королей саксонскаго дома безъ всякаго правительства. Дѣйствительно, короли, утопавшіе въ роскоши и предававшіеся только пустымъ забавамъ, не могли укрѣпить въ своихъ рукахъ власть, и польская республика представляла даже не государство, а просто страну безначалія и своеволія магнатовъ и шляхты, ходившихъ съ саблями на сеймъ и даже выставлявшихъ пушки противъ короля и другъ друга. Евреи пользовались всѣмъ этимъ и брали на откупъ у пановъ все, что только можно было взять и сосали изъ задавленнаго народа все, что

только можно было высосать. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Польша ждала только своего послѣдняго часа.

Другая-же держава Швеція, нѣкогда владѣвшая сѣверной Европой, а военнымъ геніемъ и счастіемъ своего короля —героя Карла XII повелѣвавшая даже всѣми западными державами, въ началѣ Екатерининскаго царствованія то-же была безсильна и раздираема усобицами двухъ дворянскихъ партій, такъ называемыхъ шапокъ (приверженцевъ Россіи) и шляпъ (Франціи,) которые ограничили власть короля до того, что, при королѣ Адольфѣ Фридрихѣ, было отнято дворянствомъ у короля даже право назначать и увольнять государственныхъ министровъ и другихъ высшихъ чиновъ, а что всего замѣчательнѣе—даже воспитывать своихъ дѣтей.

Безсиліе королевской власти и борьба «шляпъ» и «шапокъ,» мѣшавшая всякому порядку и породившая только неурядицу въ государственныхъ дѣлахъ,—привели къ упадку и военныя силы Швеціи, и промышленное состояніе народа, и вообще всѣ отрасли государственнаго и народнаго хозяйства пришли въ такой страшный упадокъ, что еще даваемое Франціей золото спасало Швецію отъ полнаго банкротства.

На югѣ сосѣдство съ Турціей не обѣщало Россіи ничего мирнаго, потому что эта страна была еще сильна въ царствованіе султана Мустафы III-го, до него лучшее войско изъ янычаръ пріобрѣло тоже власть перемѣнять султановъ, низводя одного и призывая другаго на оттоманскій тронъ, только бы возводимый былъ изъ царствующаго дома Османа.

Слѣдовательно, нельзя было надѣяться и твердо укрѣпить мирныя сношенія съ Турціей, гдѣ каждый день могла быть перемѣна государя, министровъ и оттого измѣненіе направленія политики. Между тѣмъ славянскіе и греческіе народы, находившіеся подъ властію Турціи, часто поднимали знамя свободы отъ варварскаго владычества невѣрныхъ—видя въ Россіи постоянно свою защитницу, а въ ея государѣ—покровителя. Турція-гонительница христіанскихъ народовъ всегда могла угрожать Россіи покорными волѣ султана татарами: крымскими, буджакскими и кубанскими, которые только жаждали случая ворваться въ предѣлы Россіи.

Со стороны же Персіи не было ничего враждебнаго противъ Россіи, потому что вражда съ Турціей, а главное внутренніе безпорядки и междуособія распавшейся на двѣ державы Персіи: Иранъ и Авганистанъ, не давали ей возможности безпокоить русскую границу.

Первое намѣреніе Екатерины было путемъ оружія на долго обезопасить Россію отъ Польши и Турціи, потому что безурядица первой давала оказывать только вредное на Россію вліяніе иностраннымъ державамъ, а вражда Турціи дѣлала еще невыносимое сосѣдство съ Малороссіей грабительскихъ татарскихъ племенъ, которыя своими набѣгами на русскія окраины дѣлали

Малороссію, имѣвшую всѣ условія быть счастливой и богатой страной,—голою степью, обитатели которой сидѣли по мелкимъ крѣпостямъ и каждую минуту поджидали набѣга татаръ. Сверхъ того, Екатерина видѣла, что задача Россіи—занятіе русскими Чернаго моря, плаваніе по которому принесетъ могущество и богатство Россіи.

Личное свиданіе императрицы съ Минихомъ знаменитымъ, фельдмаршаломъ, который 20 лѣтъ прожилъ ссыльнымъ въ Сибири и былъ возвращенъ Петромъ III обратно, съ возвращеніемъ всѣхъ чиновъ и званій,—произвело на Екатерину глубокое впечатлѣніе, такъ какъ онъ изложилъ предъ нею свой планъ завоеванія Константинополя отъ Турокъ и тѣмъ полнѣйшаго уничтоженія владычества турокъ надъ христіанскими народностями европейской Турціи. Сѣдой, заслуженный фельдмаршалъ потрясъ славолюбивую душу императрицы тѣмъ, что представилъ ея уму возможнымъ возстановленіе греческой имперіи, разрушенной наплывомъ турокъ-османовъ.

Минихъ чуть было не вовлекъ Екатерину въ войну съ Турціей; но обстоятельства возникшія въ Польшѣ заставили Россію обратить оружіе противъ своевольной республики и серьезно заняться судьбой ея.

Вопросъ о соединеніи Польши и Россіи вступленіемъ государя московскаго на польскій тронъ былъ предметомъ всѣхъ договоровъ русскихъ и польскихъ пословъ, начиная съ временъ Іоанна IV Грознаго, до Петра, который задумалъ уже подчинить Польшу своему господству, но великому царю не пришлось этого исполнить, хотя судьба угнетенныхъ православныхъ въ литовскомъ княжествѣ заставила его объявить себя ихъ защитникомъ.

Послѣ Петра вліяніе Россіи было сильно въ Польшѣ до того, что король Августъ III былъ обязанъ короной польской—императрицѣ Аннѣ, какъ предшественникъ его Августъ II—Петру I-му. Въ свою очередь Августъ III обязался за это признать любимца Анны оберъ-камергера Бирона—Курляндскимъ герцогомъ, что и исполнилъ. По ссылкѣ Бирона въ Пелымъ Курляндіей управляли русскіе министры, хотя и именемъ польскаго короля.

Екатерина II задумала для утвержденія своего господства надъ Польшей сначала укрѣпить за Россіей вассальную ей Курляндію. Исполненіе этой мысли Екатерины началось съ того, что она начала стараться возвратить курляндскій тронъ Бирону, въ царствованіе Елизаветы возвращенному изъ ссылки въ г. Ярославль, а при Петрѣ III даже вызванному ко двору съ той же цѣлью возвращенія ему курляндской короны. Въ это время управлялъ Курляндіей сынъ короля польскаго Августа III-го принцъ Карлъ Саксонскій, на что согласилась императрица Елисавета передъ семилѣтней еще войной. Вступивъ на престолъ, Екатерина признала герцогомъ курляндскимъ Бирона, обязавъ его такими усло-

віями, что на самомъ дѣлѣ герцогство сдѣлалось русскою областью, и заставила Карла удалиться въ свою родную Саксонію.

Смерть короля Августа дала поводъ Россіи прямо вмѣшаться въ дѣла Польши и быть рѣшительницей ея судьбы. Въ 1763 г. открылся избирательный сеймъ въ Варшавѣ и на немъ представилась обыкновенная картина безпорядочности и своеволія. Явившіеся магнаты съ своею шляхтой производили страшныя ссоры, ходили на сабли и безчинствовали, какъ кто изъ нихъ хотѣлъ, нисколько не думая о благѣ отечества. Каждый магнатъ съ толпой своей шляхты и слугъ только и думалъ выбрать въ короли того, кто больше ему дастъ привиллегій и обѣщаетъ воли.

Разнузданность польскаго государства была извѣстна Европѣ, и потому охотниковъ на польскій престолъ изъ иностранныхъ принцевъ уже не явилось, кромѣ сына умершаго короля курфирста саксонскаго, который самъ то-же не жаждалъ короны польской, но честолюбивая его жена требовала, чтобы онъ заявилъ свою кандидатуру.

Въ самой Польшѣ двѣ сильныя партіи князей Чарторижскихъ и графа Браницкаго боролись за тронъ, потому что сеймъ въ Варшавѣ постановилъ, по обыкновенію своему, любимое шляхтою правило, что только потомокъ Пяста можетъ получить королевскую корону. Притязанія Чарторижскихъ и Браницкаго этимъ постановленіемъ пріобрѣли законность, потому что не только магнаты, но каждый польскій шляхтичъ, у котораго была на боку сабля, считалъ себя потомкомъ Пяста.

Графъ Браницкій лично для себя требовалъ короны и его поддерживалъ въ этомъ князь Радзивилъ, а Чарторижскіе домогались того-же для племянника своего князя Станислава Августа Понятовскаго. Когда чарторижскіе узнали, что Браницкій сталъ искать помощи у Франціи, они обратились за тѣмъ-же къ Россіи, гдѣ Понятовскій былъ лично извѣстенъ Екатеринѣ, какъ бывшій ранѣе того посланникъ Августа III въ С.-Петербургѣ, и сверхъ того, русское правительство не могло потерпѣть вмѣшательства Франціи въ дѣла Польши.

Екатерина привлекла къ поддержкѣ Понятовскаго и союзника своего Фридриха II прусскаго, выставляя ему на видъ, что личныя свойства будущаго короля польскаго не представляютъ для сосѣдей опасности: Станиславъ Августъ былъ необширнаго ума и слабохарактеренъ.

Русскій посланникъ графъ Кейзерлингъ началъ дѣйствовать на сеймѣ въ пользу Понятовскаго, но его мѣры и домогательства прусскаго двора казались князьямъ чарторижскимъ недѣйствительными, а потому, по ихъ усиленнымъ просьбамъ, былъ посланъ въ Польшу русскій корпусъ, подъ начальствомъ князя Николая Васильевича Репнина, чтобы въ случаѣ чего оружьемъ поддержать партію Чарторижскихъ на сеймѣ.

Репнинъ занялъ Варшаву и этимъ такъ сильно подѣйствовалъ на умы, что сеймъ призналъ Понятовскаго королемъ польскимъ, подъ именемъ Станислава Августа.

Браницкій увидѣлъ, что его дѣло проиграно, убѣжалъ въ литовское княжество и заперся въ Бѣлостокѣ, предоставивъ тѣмъ временемъ своему сопернику Станиславу Августу занять безъ всякихъ волненій тронъ польскій.

Вступленіе на тронъ Станислава Августа пробудило въ сердцахъ православныхъ жителей литовскаго княжества и вообще всѣхъ христіанъ—некатоликовъ въ Польшѣ крѣпкую надежду добиться у сейма своихъ правъ, попранныхъ поляками. Страшныя притѣсненія христіанъ—некатоликовъ, называемыхъ диссидентами, т. е. несогласными въ дѣлахъ вѣры, и гоненія на нихъ, которыя начались открыто со времени Петра Великаго, возбудили въ Екатеринѣ такое сочувствіе къ угнетеннымъ, что она рѣшилась заставить Польшу признать справедливыя требованія ихъ.

Права диссидентовъ основывались на актѣ 1569 года о соединеніи обоихъ государствъ: Польши и литовскаго княжества, какъ равнаго съ равнымъ, и дополнительномъ къ нему постановленіи, что несогласные христіане въ дѣлахъ вѣры съ католиками пользуются всѣми благами мира и свободы.

Съ царствованія Сигизмунда III начались гоненія на диссидентовъ, особенно послѣдователей православной вѣры, хотя сеймъ торжественно каждый разъ подтверждалъ свободу христіанскихъ вѣроисповѣданій въ Польшѣ и то-же самое повторялось въ присягахъ королей при вступленіи ихъ на польскій тронъ. Не одно только введеніе Уніи, т. е. признаніе православными главенства папы и принятія нѣкоторыхъ римско-католическихъ обрядовъ, было поводомъ къ гоненіямъ, а всѣвозможные предлоги придумывались католиками, чтобы задавить диссидентовъ.

Еще въ 1686 году Польша московскимъ договоромъ признала за Россіей право вступаться за диссидентовъ, но избѣгала всѣхъ настояній русскаго правительства въ защиту ихъ, прибѣгая къ всевозможнымъ уловкамъ, а въ 1733 году польскій сеймъ постановилъ, что некатолики не допускаются къ занятію общественныхъ должностей, не могутъ участвовать въ избраніи депутатовъ въ сеймъ и строить вновь церкви.

Георгій Конискій, епископъ бѣлорусскій, привѣтствуя короля Станислава Августа съ его вступленіемъ на польскій тронъ, сказалъ таковое краснорѣчивое слово, исполненное горячей любви къ угнетеннымъ православнымъ, что вся Европа обратила вниманіе на рѣчь православнаго епископа и была потрясена картиною бѣдствій его единовѣрцевъ, которую ораторъ развернулъ предъ королемъ.

Англія, Пруссія, Швеція и Данія присоединились къ Россіи въ защиту правъ диссидентовъ и требовали, чтобы сеймъ при-

зналъ ихъ равноправность и обезпечилъ имъ религіозную свободу, какъ это признано кореннымъ закономъ польской республики. Русскій посланникъ, князь Репнинъ, замѣтилъ что обязанный трономъ Екатеринѣ, король недружелюбно относится къ требованіямъ державъ; а потому послалъ ему грозную ноту, на которую должно по неволѣ было обратить вниманіе сейма. Требованіе пяти сѣверныхъ державъ подѣйствовало сильно даже на такое необузданное и своевольное собраніе, какъ польскій сеймъ; но ярый фанатикъ и заклятый врагъ православія, епископъ Краковскій Каэтанъ Солтыкъ, горячо возсталъ противъ справедливыхъ жалобъ диссидентовъ, и сеймъ послушался его.

Слѣдствія безумнаго отказа сейма было образованіе конфедераціи диссидентовъ въ Тернѣ, Слуцкѣ и двухъ стахъ еще мѣстечкахъ Литвы и польской пруссіи, имѣвшихъ общее управленіе въ Радомѣ. Цѣль конфедератовъ была добиться оружьемъ своихъ правъ, и для того главой своимъ они избрали личнаго врага короля Станислава Августа знатнѣйшаго и сильнѣйшаго магната князя Радзивила.

Угрожающее положеніе, которое приняли диссиденты—конфедераты и ихъ многочисленность и готовность пасть съ оружьемъ въ рукахъ за свои исконныя права испугали короля до того, что онъ, забывъ свое нерасположеніе къ православнымъ, обратился къ Россіи за вспомогательнымъ войскомъ и обѣщалъ, что на этотъ разъ сеймъ возстановитъ религіозный миръ въ Польшѣ.

Русскія войска вступили въ Польшу и король созвалъ чрезвычайный сеймъ для обсужденія правъ диссидентовъ; но безумные епископы Солтыкъ и Залуцкій со своими приверженцами опять распалили на сеймѣ ненависть католиковъ противъ диссидентовъ, причемъ эти епископы дерзко отзывались о русской императрицѣ, за что князь Репнинъ приказалъ схватить ихъ и отправилъ въ Россію.

Эта строгая мѣра Репнина лучше всего подѣйствовала на взволнованные умы своевольныхъ депутатовъ сейма, показавъ имъ что участь Солтыка и Залуцкаго можетъ быть и ихъ удѣломъ, если они будутъ еще сопротивляться требованіямъ Россіи.

Наконецъ 13 Сентября 1768 года смирившійся сеймъ постановилъ всѣ законы изданные ранѣе этого времени противъ диссидентовъ считать недѣйствительными; предоставить всѣмъ исповѣдующимъ православную и евангелическую вѣру полную свободу строить церкви, отправлять публично богослуженіе, заводить училища, присутствовать въ Сенатѣ и посылать своихъ депутатовъ въ сеймъ; словомъ, пользоваться одинаковыми правами съ католиками, имѣть Польшѣ великую дружбу и вѣчный миръ съ Россійскимъ дворомъ, которому предоставляется право охранять интересы диссидентовъ и ненарушимость основныхъ законовъ польскаго государства.

Такое постановленіе сейма успокоило волненіе конфедератовъ и поставило русскій дворъ въ необходимость отозвать свои войска изъ Польши.

Хотя поляки-католики уступили, но примириться съ религіозною свободою диссидентовъ они не могли. Приверженцы высланныхъ въ Россію фанатиковъ были еще многочисленны и употребляли всѣ мѣры опрокинуть постановленіе сейма, для чего ходили переодѣвшись по всѣмъ закоулкамъ Польши, сѣя ненависть къ православнымъ и некатоликамъ вообще.

Особенно волновалъ умы поляковъ каменецкій епископъ Красинскій, другъ и единомышленникъ Каэтана Солтыка, проповѣдовавшій просто крестовый походъ противъ диссидентовъ, увѣряя, что сеймъ малодушно испугался гордаго князя Репнина и что король просто слабъ и безхарактеренъ. Плевелы, посѣянные епископомъ Красинскимъ въ умахъ поляковъ, принесли плодъ: въ городѣ Барѣ, въ Подоліи, приверженецъ его Пулавскій составилъ конфедерацію католиковъ противъ короля, котораго винили въ неизвинительной уступчивости Россіи. Примѣру Пулавскаго нашлись тотчасъ-же послѣдователи, и конфедераціи въ Галичѣ, Люблинѣ, въ Закрочимѣ, близъ Варшавы, въ Краковѣ и другихъ городахъ Польши были отголоскомъ барской конфедераціи. Станиславъ Августъ увидѣлъ, что безъ русской помощи ничего нельзя сдѣлать съ мятежными конфедератами и обратился къ Екатеринѣ съ просьбой о присылкѣ вспомогательныхъ войскъ. Русскіе полки пошли опять въ Польшу и вмѣстѣ съ королевскими направились разгонять конфедератовъ. Во всѣхъ концахъ Польши запылала война и вездѣ конфедераты должны были уступать соединеннымъ королевскимъ и русскимъ войскамъ; но разбитые въ одномъ мѣстѣ они вновь собирись въ другомъ, чтобъ снова бѣжать. Неудачи конфедератовъ, не смотря на ихъ многочисленность и отвагу, происходили отъ тѣхъ-же раздоровъ ихъ предводителей между собой, которые наполняютъ исторію Польши.

Не имѣя возможности достигнуть цѣли своими собственными силами, конфедераты должны были искать помощи у иностранныхъ державъ, и такъ какъ сѣверная Европа была противъ этихъ фанатиковъ, то епископъ Красинскій, душа этого мятежа, обратился за помощью къ католической Франціи.

Въ это время во Франціи былъ въ силѣ первый министръ графъ Шуазель, который хотѣлъ возстановить вліяніе Франціи на дѣла Европы и потому согласился принять участіе въ дѣлахъ польскихъ, чтобы уничтожить вліяніе Россіи на сѣверную Европу. Шуазель послалъ на помощь конфедератамъ искусныхъ французскихъ офицеровъ и золота, а самъ поручилъ французскому послу графу де-Верженю употребить всѣ мѣры, чтобы склонить турецкаго султана Мустафа III къ войнѣ съ Россіей, что де-Вержень и исполнилъ.

Султанъ въ концѣ 1768 года объявилъ Россіи войну, чѣмъ наполнилъ сердца конфедератовъ радостью и несбыточными надеждами.

Разрывъ съ Турціею долженъ-бы былъ произойдти давно со стороны Россіи, потому что зависимые отъ султана крымскіе татары постоянно дѣлали набѣги на русскія границы; но русское правительство оставляло это безъ вниманія, такъ какъ дѣла польскія и главное внутреннія отвлекали его отъ столкновенія съ портой.

Султанъ турецкій, въ свою очередь, былъ недоволенъ поведеніемъ русскаго двора, посадившаго на тронъ Польши Станислава Августа, котораго порта даже отказалась признать королемъ польскимъ, опасаясь вліянія Россіи на Польшу. Присутствіе русскихъ войскъ въ Польшѣ въ защиту правъ диссидентовъ сильно смущало Турцію и она настоятельно требовала ихъ удаленія. Русскій посланникъ въ Константинополѣ было совсѣмъ успокоилъ султана сообщеніемъ, что прибываніе русскихъ войскъ въ Польшѣ кончено, и они возвращаются обратно въ Россію; но вскорѣ долженъ былъ заявить портѣ, что русскія войска должны дѣйствовать противъ барскихъ и другихъ конфедератовъ,—это сильнѣе еще раздражило турокъ.

Пользуясь неудовольствіями султана и его правительства на Россію, графъ де-Вержень, вѣрный исполнитель всемогущаго министра Франціи Шуазеля, ждалъ только случая подстрекнуть порту къ открытому разрыву съ Россіей.

Вскорѣ одинъ изъ русскихъ отрядовъ, преслѣдуя польскихъ мятежниковъ, зажогъ на турецкой границѣ мѣстечко Балту, населенное татарами. Русское правительство, узнавъ объ этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ,—все таки принесло свои извиненія въ этомъ и обѣщало дать за это султану всевозможное удовлетвореніе; но де-Вержень представилъ портѣ, что поступокъ русскаго отряда съ Балтой есть величайше нарушеніе международнаго права и прямое оскорбленіе Турціи.

Султанъ Мустафа III послушалъ навѣтовъ французскаго посланника еще болѣе потому, что самъ Мустафа и его диванъ имѣли давно неудовольствіе на Россію за ея вмѣшательство въ дѣла Польши и, сверхъ того, за постоянную поддержку православныхъ народовъ, находившихся подъ властію Турціи и часто возстававшихъ противъ варварскаго правленія султана.

Мустафа III, выставляя причину войны съ Россіей—истребленіе русскими Балты, приказалъ посадить, по тагдашнему обычаю турокъ, русскаго посланника Обрескова въ семибашенный замокъ и началъ враждебныя противъ Россіи дѣйствія, по всегдашнему турецкому правилу, повелѣніемъ даннику своему крымскому хану, а также татарамъ буджакскимъ и кубанскимъ ворваться въ южныя области Россіи и въ новую Сербію. Татары, склонные всегда

къ грабежу и хищничеству, зимой еще бѣшено начали свои опустошенія, а султанъ подготовилъ къ веснѣ 300,000 армію, которую, ввѣривъ начальству великаго визиря, повелѣлъ направить въ Польшу съ тѣмъ, чтобы и король Станиславъ Августъ, и русское войско были выгнаны оттуда.

Екатерина, узнавъ о враждебности Турціи и той грозѣ, которая собиралась на югѣ Россіи и Польши, направила туда свои войска, раздѣливъ ихъ слѣдующимъ образомъ: первую армію, предназначенную для удержанія великаго визиря отъ вторженія въ Польшу, подчинила князю Александру Михайловичу Голицыну; вторую, для защиты русской границы противъ крымскаго хана и сосѣднихъ татарскихъ ордъ, ввѣрила графу Петру Александровичу Румянцеву; третій корпусъ для дѣйствій на Кубани, чтобъ отвлечь силы татаръ и вспомогательное войско на Кавказѣ, для содѣйствія владѣтелямъ Мингреліи, Имеретіи и Карталиніи, жаждавшимъ освободиться отъ ненавистнаго имъ—ига турецкаго; а русскій флотъ предположено было отправить въ Средиземное море, чтобы дѣйствовать противъ турокъ на островахъ и по берегамъ Архипелага, куда онъ осенью и уплылъ.

Армія Голицына потянулась къ Днѣстру, такъ какъ великій визирь съ главными силами перешелъ Дунай и хозяйничалъ въ Подоліи, опустошая все на пути своемъ; но у Хотина Голицынъ, хотя не могъ разбить турецкой арміи, но все же заставилъ великаго визиря отступить къ Дунаю. Комендантъ крѣпости Хотина, увидавъ отступленіе турокъ, испугался до того, что почти безъ боя сдалъ крѣпость Голицыну. Сдача Хотина и отступленіе турецкихъ силъ не удержали командованіе арміей въ рукахъ Голицына, потому что его образъ дѣйствій былъ найденъ Екатериною не достаточно энергичнымъ: она отозвала Голицына и назначила надъ обоими арміями главнокомандующимъ графа Румянцева. Мустафа III остался тоже недоволенъ дѣйствіями крымскаго хана и великаго визиря: первый замѣненъ былъ Кипланъ-Гиреемъ, а второй—Галиль пашой.

Графъ Румянцевъ, принявъ общее начальство надъ русскимъ войскомъ, нашелъ необходимымъ взятіе прежде всего рядъ турецкихъ крѣпостей по лѣвому берегу Дуная, для чего поручилъ графу Петру Ивановичу Панину осадить Бендеры, куда пошелъ и самъ съ главными силами русскихъ.

Армія Румянцева была въ нѣсколько разъ слабѣе турецкой, которая достигала до 250,000 чел. и стояла уже на лѣвомъ берегу Дуная, растянувшись между Прутомъ и Днѣстромъ и намѣреваясь соединиться съ крымскимъ ханомъ, котораго передовые разъѣзды, какъ доносилъ Панинъ, уже появились около осаждаемыхъ русскими Бендеръ. Изъ этого донесенія Румянцевъ увидѣлъ, что соединеніе обоихъ армій: турецкой и крымской, должно совершиться вскорѣ и тогда еще затруднительнѣе будетъ, и такъ

слабымъ по численности русскимъ войскамъ, одолѣть турокъ и крымцевъ. Чтобы воспрепятствовать соединенію хана съ великимъ визиремъ, Румянцевъ съ своей незначительной арміей потянулся по лѣвому берегу р. Прута, имѣя одно утѣшеніе, заключавшееся въ словахъ Екатерины, писавшей ему, чтобы онъ и его солдаты поступали какъ истые римляне, никогда неразузнававшіе о числѣ враговъ, но спрашивавшіе только—гдѣ они.

Для успѣшнаго исполненія этого предпріятія, требовалась скорость и быстрота движенія русскихъ впередъ, а потому Румянцевъ приказалъ бросить обозъ и рогатки, безъ которыхъ, какъ всегда думали русскіе генералы, невозможно будто-бы пѣхотѣ устоять отъ натиска азіатской конницы, и русскіе пошли налегкѣ.

У Ларги стояла стотысячная армія крымскаго хана, за которой не далеко шелъ и великій визирь. 7-го Іюля Румянцевъ увидѣлъ крымцевъ и, говоря своимъ солдатамъ «огонь и мечъ будетъ вамъ защитою, а неброшенныя вами рогатки,» напалъ на хана, который стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, ворвался туда, завладѣлъ всѣми пушками, выбилъ оттуда татаръ и обратилъ ихъ въ бѣгство безъ всякаго порядка. Весь лагерь и вся артиллерія крымскаго хана достались въ добычу побѣдителю.

Румянцеву некогда было забирать добычу и праздновать побѣду, потому что великій визирь былъ не далеко: русская армія двинулась ему на встрѣчу, отдѣливъ еще отъ себя нѣсколько полковъ для обезпеченія свободнаго подвоза продовольствія. Турки начали укрѣплять свой лагерь на берегахъ рѣки Кагула и поджидать, когда ханъ крымскій соберетъ опять въ тылу русскихъ свою разсѣянную орду, что ханомъ и было исполнено: онъ собралъ сзади русскихъ 80,000 татаръ.

Положеніе Румянцева и его арміи было болѣе чѣмъ опасно, потому что кромѣ татаръ въ своемъ тылу онъ увидѣлъ передъ собой стопятидесятитысячную армію турокъ, заключившуюся въ укрѣпленномъ лагерѣ, между тѣмъ, какъ русское войско, благодаря смертности отъ моровой язвы, ожесточенной битвѣ съ крымцами, состояло только изъ 17,000 человѣкъ.

Спокойно славный русскій полководецъ повелъ войско свое въ бой съ турками, раздѣливъ его на пять колоннъ, командирамъ которыхъ Племянникову и Олицу приказано было ударить въ средину непріятельской арміи, Бауру на лѣвое крыло ея, а князю Репнину и Брюсу— сдѣлать обходъ праваго крыла.

Лишь только что стало разсвѣтать въ достопамятный день 21 іюля, русскіе подошли къ тройному ряду окоповъ, изъ-за которыхъ появились массы турокъ, которые, хотя и изумились отвагѣ русскихъ, но все же стремительно бросились на отрядъ Племянникова, начали рубить русскихъ, и солдаты, обезумѣвшіе отъ страшнаго натиска турокъ, бросились въ бѣгство, но графъ

Румянцевъ закричалъ «стой, ребята!» и бросился въ самый пылъ сраженія.

Солдаты увидѣли своего главнокомандующаго въ огнѣ и его примѣръ подѣйствовалъ: они повернули назадъ, бросились за Румянцевымъ на турокъ, выбили ихъ изъ тройнаго ряда рвовъ, ворвались въ лагерь, куда со всѣхъ сторонъ подоспѣли и всѣ части русскаго войска, и побѣда была Румянцева.

Бой въ лагерѣ продолжался не много времени, не болѣе нѣсколькихъ часовъ, но былъ страшно ожесточенъ, что заставило турокъ бросить весь лагерь въ руки Румянцева, а самимъ бѣжать къ Дунаю, гдѣ еще пришлось утонуть нѣсколькимъ тысячамъ турокъ, отъ поспѣшности при переправѣ; самъ же великій визирь убѣжалъ сейчасъ же въ Болгарію, а лагерь его, артиллерія, обозъ и множество цѣнностей достались Румяцеву. Опасность со стороны хана для Россіи миновала покрайней мѣрѣ на этотъ разъ, потому что только, какъ онъ узналъ о пораженіи турецкой арміи и бѣгствѣ ея, то и самъ, испугавшись Румянцева, побѣжалъ съ своей 80,000 ордой татаръ въ Очаковъ, гдѣ и заперся отъ русскихъ.

Послѣ Кагульской битвы графъ Румянцевъ, обрадованный побѣдой, объѣзжалъ ряды солдатъ и благодарилъ ихъ за отвагу и храбрость въ далеко неравномъ бою съ превосходными силами турецкой арміи; на привѣтливыя слова главнокомандующаго русскіе солдаты отвѣтили ему «ты самъ прямой солдатъ.» Избавленіе русской арміи отъ конечнаго пораженія, а напротивъ побѣда надъ страшною арміею турокъ подѣйствовала такъ радостно и хорошо на духъ Румянцева, что веселье свѣтилось въ его строгихъ глазахъ и всегда серьезное и пасмурное лице русскаго вождя послѣ кагульской битвы пріобрѣло выраженіе радости и довольства: видно было, что онъ шелъ погибнуть въ бою, не надѣясь на побѣду.

Награды графу Румянцеву были велики, то есть за побѣду при Ларгѣ, Екатерина пожаловала ему орденъ св. Георгія Побѣдоносца 1 класса, а за битву при Кагулѣ, — фельдмаршальскій жезлъ.

Послѣдствія побѣдъ Румянцева были благодѣтельны для Россіи и ужасны для турокъ, которые потеряли присутствіе духа до того, что гдѣ только не появились русскіе, — турецкое войско уступало и крѣпостные горнизоны сдавались. Такъ храброму князю Репнину пришлось овладѣть безъ особеннаго труда и потерь тремя крѣпостями: Измаиломъ, Киліею и Акерманомъ; графу П. Ив. Панину пришлось взять осажденный имъ важный военный пунктъ—турецкую крѣпость Бендеры.

Въ непродолжительномъ времени ключи отъ Браилова, Бухареста и Журжева были у ногъ Румянцева, который самъ укрѣпился въ дунайскихъ княжествахъ: Молдавіи и Валахіи.

Только что великій визирь послѣ кагульской битвы бросился бѣжать за Дунай, въ Болгарію, какъ буджакскіе татары, узнавъ объ этомъ, отказали султану въ платежѣ дани, объявили себя самостоятельными и даже, надѣясь на защиту своихъ правъ ослабѣвшею Турціей, изъявили желаніе принести покорность Россіи, признавъ надъ собой ея покровительство.

Татары крымскіе тоже помнили дни Ларги и Кагула и больше уже не надѣялись на помощь обезсиленнаго султана, а потому слабо дѣйствовали противъ русскихъ, не осмѣливались далеко углубляться въ степи Малороссіи для грабежа и опустошеній, производимыхъ ими охотно въ продолженіе прежнихъ войнъ Турціи съ Россіею.

Русскія войска подъ начальствомъ князя Василія Михайловича Долгорукова въ слѣдующемъ году были посланы для занятія Крыма, чтобы тѣмъ еще болѣе потрясти власть Турціи на югѣ Россіи. Князь Долгоруковъ пошелъ къ Перекопу, чтобы ворваться въ самое гнѣздо хищниковъ — татаръ; но ханъ Селимъ-Гирей встрѣтилъ тамъ русскихъ. Время страха къ крымскимъ татарамъ миновало для русскихъ, а побѣда надъ ними у Ларги была у всѣхъ еще на памяти, и потому Долгорукій безъ особенныхъ усилій разсѣялъ войско Селима, которое и не оказывало даже особенно ожесточеннаго сопротивленія.

Ханъ Салимъ-Гирей убѣжалъ въ Турцію, а князь Долгоруковъ обезпечилъ себѣ вліяніе на дѣла Крыма занятіемъ всѣхъ крѣпостей Таврическаго полуострова, которое произошло также безъ особеннаго труда, потому что татары были заняты своими собственными дѣлами: они избрали своимъ ханомъ Сагибъ-Гирея, объявили себя независимыми отъ султана и признали надъ собой покровительство Россіи. Не походъ Долгорукова и его успѣхи въ Крыму были причиной такого благопріятнаго для Россіи оборота дѣлъ на этомъ полуостровѣ, а скорѣй всего побѣды Румянцева подѣйствовали сильно на умы крымскихъ татаръ, для которыхъ существовало одно только правило: на чьей сторонѣ побѣда—на той и они.

Побѣды Румянцева не остались безъ послѣдствій для воинственныхъ племенъ на кавказѣ, порабощенныхъ Турціей, которыя поголовно возстали противъ султана, и конецъ владычеству турокъ въ Грузіи и другихъ княжествахъ Кавказа пришелъ.

Русскій флотъ,—созданіе Петра I-го, былъ блестящимъ образомъ направленъ въ эту войну для нанесенія Турціи страшнаго удара тамъ, гдѣ она его не ожидала, и своими успѣхами въ водахъ Средиземнаго моря и особенно Архипелага помогъ Россіи сдѣлать большіе успѣхи на сушѣ, уничтожить морское могущество турокъ на Средиземномъ и, что важнѣе всего, на Черномъ морѣ, которое по положенію своему должно было со временемъ сдѣлаться исключительно русскимъ. Кромѣ этихъ матеріальныхъ

послѣдствій, неожиданное появленіе у береговъ Турціи русской эскадры нравственно повліяло на жившія тамъ христіанскіе народы и подготовило ихъ къ мысли о великой борьбѣ съ турками за свое освобожденіе отъ ихъ ненавистнаго владычества и греки начали уже волноваться, увлеченные побѣдами Орлова на морѣ, чему примѣромъ послужило возстаніе славянскихъ племенъ подъ вліяніемъ обоятельности побѣдъ Румянцева на сушѣ.

Русскій флотъ, назначенный дѣйствовать въ Средиземномъ морѣ, былъ раздѣленъ на двѣ эскадры, изъ которыхъ одна была поручена Спиридову, а другая Эльфинстону. Императрица повелѣла имъ идти одна за другою и соединиться у береговъ Мореи, гдѣ ждать прибытія изъ Италіи главнокомандующаго надъ ними графа Алексѣя Григорьевича Орлова, при которомъ находился и отважный братъ его Ѳедоръ Григорьевичъ. Цѣль соединенія флота у Мореи была высадка войска на берегъ ея для помощи грекамъ, возстаніе которыхъ противъ турокъ уже подготовлялось Россіей и должно было вспыхнуть въ моментъ прибытія русскихъ кораблей. Предполагавшееся отвлеченіе силъ султана въ Морею, какъ и оказалось впослѣдствіи, должно было принести громадную пользу дѣйствіямъ арміи Румянцева на Дунаѣ.

Спиридовъ съ быстротой неимовѣрной изъ Кронштадта пришелъ въ Англію, гдѣ сдѣлалъ запасъ всего необходимаго. Чрезъ нѣсколько времени турки были поражены появленіемъ эскадры Спиридова въ Средиземномъ морѣ, тѣмъ болѣе еще, что русскій адмиралъ на первыхъ же порахъ захватилъ Наваринъ и Модонъ, чѣмъ далъ возможность и воодушевилъ отважное греческое племя Майнотовъ поднять знамя бунта противъ турокъ.

Бунтъ майнотовъ и волненіе начавшееся между всѣми греками Мореи заставили порту послать туда сухопутное войско, а противъ русскаго флота — турецкую эскадру подъ командой Капитанъ-паши.

Эскадрѣ Эльфинстона, вышедшей въ слѣдъ Спиридову, первой пришлось встрѣтиться съ Капитанъ-пашею при Наполиди-Романи. У берега Мореи русскіе напали на турецкій флотъ такъ отважно и неустрашимо, что, несмотря на его превосходство надъ русскимъ, капитанъ-паша счелъ за лучшее прекратить бой и потянулся къ Малоазійскому берегу съ намѣреніемъ подкрѣпить себя еще нѣсколькими судами. Изъ этого видно, что натискъ Эльфинстона былъ страшенъ для турокъ и у нихъ явилось даже опасеніе, что русскіе могутъ побѣдить.

Лишь только графъ Алексѣй Орловъ узналъ, что турецкій флотъ появился у береговъ Мореи, какъ посадивъ на суда Спиридова все войско, высаженное на греческій берегъ, бросился въ погоню за капитанъ-пашею, который вошелъ въ Хіойскій проливъ и расположился близь малоазійскаго берега.

Графъ Орловъ скоро нашелъ непріятеля и испуганный ту-

рецкій адмиралъ увидѣлъ поднятый Орловымъ на своемъ адмиральскомъ кораблѣ императорскій флагъ (кейзеръ-флагъ) и изъ этого угадалъ, что приходится биться со всѣми морскими силами русскихъ въ Средиземномъ морѣ, а потому и отошелъ подъ защиту баттарей, устроенныхъ на малоазійскомъ берегу. Флотъ турецкій, готовясь къ битвѣ, раположился дугой въ формѣ полумѣсяца и ждалъ нападенія.

Графъ Орловъ не заставилъ турокъ долго себя ждать и завязалъ бой съ Гассанъ-Беемъ, храбрымъ и лучшимъ турецкимъ морякомъ, которому сдалъ начальство удалившійся на малоазійскій берегъ малодушный капитанъ-паша. Въ авангардѣ русскаго флота былъ Спиридовъ, въ аріергардѣ Эльфинстонъ, а въ центрѣ самъ графъ Орловъ.

Спиридовъ приблизился къ турецкимъ кораблямъ среди страшнаго огня со всѣхъ нихъ и береговыхъ баттарей не дальше, какъ на пистолетный выстрѣлъ и ожесточеный бой со обоихъ сторонъ закипѣлъ: корабли, сцѣпившись между собой для рукопашной схватки, поминутно взлетали на воздухъ отъ взрыва пороху или шли ко дну пробитые на сквозь ядрами; люди падали въ рукопашной схваткѣ, валились кучами отъ артиллерійскаго огня, срывались въ воду и взлетали на воздухъ. Среди этихъ ужасовъ адмиралъ Спиридовъ являлъ чудеса храбрости: его адмиральскій корабль схватился съ тремя турецкими линейными кораблями и, нанеся имъ страшный вредъ, завязалъ бой съ адмиральскимъ кораблемъ самого Гассана-бея: оба корабля сцѣпились и бились ихъ экипажи до того, что только взрывъ ихъ закончилъ бой. Предъ общею гибелью своихъ судовъ, почти за нѣсколько минутъ до этого, оба героя—адмиралы Спиридовъ и Гассанъ-бей покинули ихъ.

Безпримѣрное мужество русскихъ, оказанное въ этомъ морскомъ сраженіи всѣми, начиная отъ Спиридова до простого матроса, привело турокъ въ трепетъ и, увидавъ страшную участь своего адмиральскаго корабля и гибель другихъ судовъ, Гассанъ-бей вывелъ остатки своей эскадры изъ области огня и побѣжалъ съ ними въ Чесменскую гавань, снабженную сильными баттареями.

Бѣгство турокъ было такъ быстро, что ихъ корабли успѣли войдти въ гавань и стать тамъ подъ защиту чесменскихъ баттарей: но графъ Орловъ, занявшій входъ въ заливъ Чесмы всѣми русскими силами, отдѣлилъ отъ нихъ отрядъ кораблей подъ начальствомъ копитанъ-командира Грейга для движенія внутрь залива, и поручилъ Грейгу заставить замолчать береговыя баттареи и вызвать турокъ на бой; Грейгъ сдѣлалъ болѣе. По входѣ въ заливъ отряда Грейга, дѣйствительно мѣткій артиллерійскій огонь русскихъ прекратилъ канонаду береговыхъ укрѣпленій и зажегъ нѣсколько турецкихъ кораблей. Не довольствуясь этимъ, муже-

ственный Грейгъ приказалъ попытать пустить четыре брандера, чтобы зажечь еще нѣсколько судовъ и тѣмъ вызвать Гассанъ-бея принять бой со всѣмъ русскимъ флотомъ. Посылка этихъ брандеровъ неожиданно для обоихъ сторонъ рѣшила судьбу турецкаго флота. Два брандера, подъ командой героевъ-моряковъ Ильина и Дугдаля, необъяснимымъ образомъ, благодаря беззавѣтной отвагѣ и величайшему самопожертвованію этихъ храбрецовъ, очутились въ срединѣ непріятельскаго флота, сцѣпились съ ближайшими съ ними кораблями, зажгли ихъ и распространили пожаръ по всей гавани: весь турецкій флотъ изъ 100 кораблей былъ объятъ моремъ огня и только одинъ изъ нихъ ушелъ отъ бѣды и былъ взятъ русскими.

Черезъ нѣсколько часовъ турецкаго флота не стало, и султанъ съ своими сановниками, узнавъ о неслыханномъ бѣдствіи, обезумѣлъ отъ ужаса; предполагая, что русскій флотъ прорвется сквозь Дарданеллы и возьметъ Константинополь, такъ какъ баттареи по берегу этого пролива были очень плохи и слабы.

Если бы графъ Орловъ не потерялъ времени въ занятіи нѣкоторыхъ острововъ Архипелага и тѣмъ не далъ-бы возможности султану возвести крѣпкіе дарданельскіе замки,—Царьградъ былъ бы взятъ и задушевный планъ старика—Миниха о покореніи его исполнился-бы воочію.

Русскій флотъ, отойдя отъ Чесмы, занялся покореніемъ двухъ острововъ: Митилены и Лемноса; а французскій инженеръ баронъ Тоттъ въ то-же время, съ поспѣшностью страшною, заново, по послѣднимъ правиламъ инженернаго искусства, перестроилъ дарданельскія замки, которые турки вооружили страшною артиллеріей и заняли многочисленными гарнизонами.

Послѣ подвиговъ своихъ въ водахъ Архипелага, гдѣ утвердилось крѣпко господство русскихъ, графъ Орловъ вошелъ въ Дарданеллы, чтобы завоевать Царьградъ, но страшный огонь съ дарданельскихъ замковъ былъ до того убійственен, что русскимъ пришлось покинуть проливъ и уйдти опять въ воды Архипелага.

Хотя Константинополь и уцѣлѣлъ отъ графа Орлова, но Мустафа III, одинъ изъ мужественныхъ государей Турціи, считалъ свое положеніе болѣе чѣмъ опаснымъ и потерялъ свою твердость до того, что долженъ былъ искать помощи у иностранныхъ державъ, прося ихъ своимъ посредничествомъ спасти турецкую имперію отъ совершенной гибели.

Въ самомъ дѣлѣ, въ это время положеніе Турціи было отчаянное; чесменская побѣда утвердила господство русскихъ въ Архипелагѣ, усилила возстаніе греческихъ племенъ и отняла у Турціи ея флотъ; Румянцевъ на Дунаѣ когульскимъ боемъ лишилъ турокъ артиллеріи, разсѣялъ ихъ лучшую армію, ускорилъ отпаденіе отъ Турціи крымскихъ и другихъ сопредѣльныхъ съ Россіей татаръ, вызвалъ возстаніе славянъ, занялъ всѣ крѣпости по Ду-

наю, Молдавію, Валахію и шумомъ своего побѣдоноснаго оружья Задунайскій вызвалъ мятежъ противъ турецкаго султана воинственныхъ племенъ Грузіи и Закавказья. Побѣды русскихъ произвели даже волненіе въ Египтѣ, и сильный вассалъ Турціи Али-паша египетскій, задумавъ отъ нея отложиться, возставъ противъ своего государя. Двѣ державы, Австрія и Пруссія, по вѣрному разсчету порты должны были спасти Турцію, и Мустафа III обратился къ нимъ,

Въ Австріи вся иностранная политика ея находилась въ зависимости отъ Кауница, занимавшаго постъ перваго министра и извѣстнаго своей проницательностью и необыкновенною хитростью. Этотъ дипломатъ чрезвычайно боялся усиленія могущества Россіи и особенно утвержденія ея господства въ дунайскихъ княжествахъ, чѣмъ, утверждалъ онъ, не только она будетъ угрожать Австріи, но всѣмъ европейскимъ державамъ и въ концѣ концевъ равновѣсіе Европы будетъ нарушено. Чтобы подѣйствовать сильнѣе на счастливую и мощную соперницу порты, Кауницъ присоединилъ къ просьбѣ султана свое ходатайство предъ Фридрихомъ II прусскимъ о немедленномъ вооруженномъ вмѣшательствѣ его вмѣстѣ съ Австріей въ дѣла Турціи.

Король прусскій зналъ на опытѣ неудобства для Пруссіи усиленія Россіи и тяготился очень выплачиваніемъ ей денежной субсидіи на издержки для войны съ Турціей, которыя обязанъ былъ платить по договору съ Екатериной отъ 1764 года; но опасаясь усиленія и Австріи, своей недавней соперницы, и не желая разорвать дружбу съ петербургскимъ дворомъ, такъ какъ тогда еще предусмотрительный Фридрихъ видѣлъ, что когда нибудь ему пригодятся добрыя отношенія съ могущественной сосѣдкой,—король прусскій предложилъ Екатеринѣ свое мирное посредничество, ссылаясь на требованія австрійскаго двора.

Императрица отвѣчала своему великому союзнику съ истиннымъ достоинствомъ, что она сама не начинала войны, а началъ ее султанъ; что миръ для нея болѣе чѣмъ желателенъ и потому Румянцеву ею повелѣно уже начать мирные переговоры съ турками; но что никому нѣтъ достаточнаго основанія входить въ ея дѣла съ султаномъ, о чемъ проситъ короля передать Австрійскому двору. Впрочемъ, чтобы не давать повода ложнымъ предположеніямъ относительно видовъ Россіи на выгоды отъ турецкой войны, петербургскій дворъ сообщилъ Пруссіи и Австріи слѣдующія требованія Екатерины: признаніе независимости крымскихъ, буджакскихъ и кубанскихъ татаръ отъ Султана, свобода плаванія для русскихъ судовъ по Черному и Эгейскому морю и за военныя издержки Россіи присоединеніе къ ней Молдавіи и Валахіи.

Такая программа мирнаго договора съ Турціей была не по сердцу Кауницу, который самъ старался захватить Молдавію и

Валахію, чтобы доставить Австріи обширное вліяніе на дѣла Россіи и особенно Турціи. По настоянію Кауница Марія Терезія рѣшилась на случай войны съ Россіей собрать большую армію, которая и была сосредоточена въ Венгріи, чтобъ удобнѣе оттуда двинуться на русскую армію и выбить Румянцева съ Дуная. Фридрихъ II воспрепятствовалъ страшной войнѣ, которая готова была разразиться на востокѣ Европы, извѣстивъ Кауница, что онъ, какъ обязавшійся имѣть съ Россіей оборонительный и наступательный союзъ,—ни какъ не можетъ присоединиться къ вооруженному вмѣшательству Австріи въ дѣла Россіи; а напротивъ долженъ дѣйствовать вооруженною рукою противъ Австріи за права Екатерины; въ подтвержденіе-же этихъ словъ двинулъ на границу Австріи свою превосходную конницу.

Положеніе, принятое Фридрихомъ, заставило Кауница замедлить военныя дѣйствія собранныхъ въ Венгріи войскъ; а тѣмъ временемъ король прусскій предложилъ враждующимъ державамъ такой проэктъ примиренія взаимныхъ интересовъ, что даже Кауницъ изумился его практичности и всепримирительности. По этому проэкту раздѣлъ Польши, дошедшей до полнаго безначалія, долженъ былъ успокоить восточную Европу тѣмъ, что Молдавія и Валахія останутся за Турціей, а Россія и Австрія, соперничествующія за обладаніе этими государствами, получатъ взамѣнъ ихъ удовлетвореніе выдѣломъ изъ Польши, отъ которой слѣдуетъ также получить часть земель и Пруссіи за ея денежныя субсидіи Россіи въ войнѣ съ Турціей, такъ какъ Польша была главной виновницей раздора этихъ державъ.

Состояніе Польши въ это время было ужасно: на всѣхъ дорогахъ ея бродили шайки конфедератовъ, грабя и своихъ, и чужихъ. Если Суворовъ съ русскимъ корпусомъ и разбилъ два раза посланнаго Шуазелемъ для командыванія мятежниками знаменитаго потомъ Дюмурьо, то все таки безначалье въ Польшѣ дошло до высшей степени. Надъ этой несчастной страной должны были исполниться рано или поздно слова ея короля, который пророчески сказалъ на сеймѣ еще въ 1661 году «придетъ время когда рѣчь посполитая (Польша) сдѣлается добычею сосѣдей: Бранденбургія возметъ Пруссію, Москва Русь Бѣлую, Австрія Краковъ;» понимая еще лучше Яна Казиміра неспособность Польши къ самостоятельной жизни, Фридрихъ II началъ заботливо преслѣдовать свой планъ вознагражденія Россіи, Австріи и себя областями польскими, видя въ этомъ округленіе своего королевства, которое кой-гдѣ было разъединено проходящими между его владѣніями землями короны польской.

Фридрихъ внушилъ Кауницу, что Польша должна неминуемо отдать сосѣдямъ все захваченное у нихъ въ разное время и совѣтывалъ занять австрійскими войсками староство Спижское, нѣкогда принадлежавшее Венгріи, на что австрійскій дипломатъ,

жаждавшій только случая вознаградить свое отечество за утрату Силезіи, охотно согласился и убѣдилъ свою государыню Марію Терезію занять именемъ Австріи Спижскую область.

Лишь только Фридрихъ II узналъ о вступленіи австрійцевъ въ староство Спижское, какъ самъ отзываясь боязнью моровой язвы, тогда свирѣпствовавшей на востокѣ, какъ будто-бы кардономъ отъ вторженія этой болѣзни, занялъ своими войсками двѣ области польскія: Кульмскую и Познанскую. Довольный всѣмъ этимъ, король послалъ роднаго брата своего Генриха, принца искуснаго на войнѣ и въ дипломатіи, склонить Екатерину II принять участіе въ дѣлежѣ польскихъ областей и вознаградить себя этимъ путемъ за издержки войны съ Турціей, которой оставить Молдавію и Валахію.

За выполненіе этого порученія принцъ Генрихъ принялся осторожно и выжидалъ удобнаго случая подѣйствовать на Екатерину II своимъ краснорѣчіемъ, чтобы обезпечить вѣрный успѣхъ плану своего брата. Вскорѣ сама императрица заговорила съ принцемъ о занятіи Австріей староства Спижскаго, на что жаловался Станиславъ Августъ Петербургскому двору, и при этомъ выразила мысль, что если Австрія считаетъ справедливымъ занять у Польши Спижскую область, то Россія имѣетъ исконныя права на многія Польскія области. Болѣе сказаннаго Екатериной не чего было ожидать Генриху, и онъ сталъ излагать ей проэктъ своего брата, убѣждая ее, что Польша причина постоянныхъ войнъ Россіи и послѣдней турецкой, что Пруссія должна получить земельное вознагражденіе за ея денежныя затраты на эту накликанную польской неурядицей на Россію войну и что Екатеринѣ давно пора за все зло и смуты, принесенныя Польшей ея государству, вознаградить себя, по своему усмотрѣнію, частью самовольной республики.

Екатерина, замѣтивъ изъ словъ принца Генриха, что Австрія и Пруссія уже согласились на раздѣлъ пограничныхъ областей польскихъ и не желая ссориться съ этими державами, предложила верховному совѣру разсмотрѣть дѣло объ отторженіи польскихъ областей; на что совѣтъ согласился, опредѣливъ получить Россіи, Австріи и Пруссіи польскія земли въ равныхъ частяхъ.

Императрица заявила требованіе только Бѣлоруссіи, но Фридрихъ просилъ почти треть Польши съ городами Данцигомъ и Торномъ, а Кауницъ кажется, всѣ земли отъ границъ Австріи до стѣнъ Варшавы.

Екатерина, въ виду такой притязательности, пригрозила уклониться отъ участія въ дѣлежѣ и тѣмъ заставила Фридриха и Кауница опомниться.

Петербургскимъ договоромъ, заключеннымъ 25 іюля 1772 года, 1) Россія пріобрѣла Бѣлоруссію между Днѣпромъ, верховьемъ западной Двины и по теченію Дручя; 2) Австрія—

Галицію и 3) Пруссія-Померанію безъ Данцига и часть великой Польши до рѣки Нетцы—Польскій сеймъ долженъ былъ утвердить этотъ раздѣлъ, а союзники обязались охранять цѣлость оставшихся областей польскихъ съ тѣмъ, чтобы поляки строго блюли существующіе законы и не притѣсняли диссидентовъ; ближайшій же надзоръ за этимъ предоставлялся Россіи.

Австрія осталась вполнѣ довольна отказомъ Россіи отъ присоединенія къ себѣ Молдавіи и Валахіи, предоставивъ Екатеринѣ полную свободу въ устройствѣ дѣлъ турецкихъ.

Стремленіе Екатерины къ миру съ Турціей было велико, хотя побѣды Румянцова и Орлова въ другое время привели бы великую царицу, всегда смѣлую въ своихъ замыслахъ, къ неуклонному намѣренію взять Константинополь, но теперь особаго рода страшно заразительная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ чумы или черной смерти, проникла въ Россію изъ Турціи чрезъ дѣйствующую противъ нея армію. Въ половинѣ 1771 года чума появилась въ Москвѣ и начала страшно опустошать ее: люди умирали тысячами, цѣлыя улицы стояли съ заколоченными домами и трупы непогребенныхъ людей валялись по улицамъ. Главнокомандующій Москвою уѣхалъ въ свои помѣстья и повсюду началось безначалье и своеволье. Пошла молва между народомъ, что единственное спасеніе отъ страшной болѣзни молитва предъ св. иконой Боголюбской Божіей матери, что на Варварскихъ воротахъ. Просвѣщенный архіепископъ Московскій Амвросій замѣтилъ, что сборища москвичей у Варварскихъ воротъ бываютъ большою частью не для богомолья, а чтобы удобнѣе было бунтовать народъ, людямъ если и не злонамѣреннымъ, то невѣжественнымъ,—приказалъ снять икону съ Варварскихъ воротъ для устраненія повода къ мятежнымъ сборищамъ на Варварской площади. Враги Амвросія стали увѣрять народъ, что святитель сговорился съ врачами морить народъ. Бунтовщики бросились въ кремль и разграбили жилище архіерея, но его самого не нашли.

Генералъ Еропкинъ, остававшійся въ Москвѣ успѣлъ вооруженной силой выгнать мятежную чернь изъ кремля; но не могъ удержать ее отъ поисковъ по монастырямъ Амвросія: 17-го сентября послѣдній часъ его наступилъ и чернь, вломившись въ Донской монастырь, гдѣ искалъ убѣжища архіепископъ Амвросій,—убила его.

Генералъ Еропкинъ принялъ благоразумныя мѣры противъ бунтовщиковъ, разгоняя ихъ по всюду и этимъ нѣсколько утишилъ волненіе народа; но прекратить бунтъ вполнѣ не имѣлъ силъ. Пріѣздъ въ Москву посланнаго императрицей графа Григорья Григорьевича Орлова съ войскомъ подѣйствовалъ на умы и запугалъ мятежниковъ.

Графъ Орловъ принялъ тотчасъ же всѣ мѣры къ укрощенію

мятежа, захватилъ главныхъ коноводовъ, приказалъ лѣчить больныхъ, подбирать и хоронить умершихъ.

Къ великой чести и такъ знаменитаго мужа временъ Екатерины относится то, что графъ Орловъ самъ лично распоряжался всѣмъ, что касалось прекращенія болѣзни и при этомъ рисковалъ собственною жизнію. Чума въ Москвѣ кончилась въ томъже 1771 году; но умерло отъ нея болѣе 130,000 человѣкъ. Въ остальной Россіи болѣзнь эта продолжалась еще болѣе года и по недостаточности статистическихъ свѣдѣній въ то время нельзя даже приблизительно опредѣлить сколько человѣческихъ жизней унесла эта страшная зараза. Понятно, что Екатерина при такомъ народномъ бѣдствій тяготилась войною и сверхъ того появленіе на тронѣ Швеціи короля Густава III, по характеру своему смѣлаго и воинственнаго, успѣвшаго обуздать самовластіе аристократовъ, заставило императрицу опасливо смотрѣть на этого юнаго монарха и постоянно ждать отъ него вражды. Франція употребляла всѣ усилія подстрекнуть Густава III къ войнѣ съ Екатериной, а та, зная объ этомъ, все настойчивѣе добивалась мира съ Турціей, для чего приказывала Румянцеву вести переговоры съ султаномъ.

Надежды Мустафы III на помощь Австріи препятствовали усиліямъ Румянцева повести мирные переговоры; но когда порта замѣтила, что Австрія присоединилась къ Россіи по раздѣлу польскихъ областей, то султанъ попросилъ перемирія у Румянцева, освободилъ русскаго посланника Обрескова изъ тяжелаго заключенія въ семибашенномъ замкѣ и послалъ уполномоченныхъ въ Фокшаны, гдѣ объявленъ былъ конгрессъ. Турки знать не хотѣли независимости отъ султана крымскихъ татаръ, говоря, что это противно ихъ вѣрѣ, по которой Калифъ, то есть наслѣдникъ пророка магомета на землѣ, долженъ быть одинъ, именно султанъ, а не два: онъ и ханъ Крымскій. Графъ Орловъ (Григорій) погорячился на конгрессѣ, а австрійскій посланникъ Тугутъ, ярый противникъ Россіи, далъ нѣкоторыя несбыточныя обѣщанія туркамъ, и переговоры кончились ничѣмъ. Потребность въ мирѣ заставила Россію и Турцію открыть вновь переговоры въ Букарестѣ, на веденіе которыхъ былъ уполномоченъ уклончивый и мягкій Обресковъ, но только что очередь дошла до признанія Турціей независимости крымскаго ханства,—уполномоченные султана на отрѣзъ отказались признать самостоятельность татаръ, и опять ничѣмъ не кончился этотъ второй конгрессъ.

Пока шли эти переговоры Турція упорно готовилась къ войнѣ и собрала опять многочисленную армію въ Болгаріи подъ начальствомъ великаго визиря, а Франція подстрекала тѣмъ временемъ султана къ возобновленію войны съ русскими, обѣщая устроить разрывъ между воинственнымъ и уже непріязненнымъ Екатеринѣ королемъ шведскимъ и Россіею, и въ случаѣ чего при-

слать даже французскій флотъ въ воды Архипелага для вытѣсненія оттуда русскихъ и укрощенія мятежа Мореи.

Всѣ происки Франціи и военныя приготовленія Турціи не укрылись отъ бдительности Екатерины, и Румянцевъ получилъ отъ нея повелѣніе перейдти Дунай и начать вновь враждебныя дѣйствія противъ войскъ султана.

На это повелѣніе императрицы Румянцевъ отвѣчалъ Петербургскому двору, что его армія не въ состояніи бороться съ многочисленнымъ войскомъ великаго визиря, стоящимъ въ Болгаріи между сильныхъ турецкихъ крѣпостей.

Императрица писала Румянцеву, что у него войска только 20,000 человѣкъ бывало и всегда, какъ и теперь; но онъ умѣлъ же побѣждать; выставляла ему за образецъ римскихъ полководцевъ, которые спрашивали только, гдѣ враги, но не заботились сколько ихъ, и что самое главное повелѣвала въ точности исполнить ея волю.

Нечаявшій успѣха Румянцевъ перешелъ Дунай и началъ для обезпеченія своего тыла осаду Силистріи въ которой было 40,000 человѣкъ горнизона. Въ это время сераскиръ (турецкій военный министръ) съ большимъ войскомъ обошелъ русскую армію и преградилъ ей обратную дорогу къ Дунаю, а впереди великій визирь съ главными силами началъ спускаться съ Балканскихъ горъ, чтобъ раздавить ничтожную армію русскихъ. Румянцевъ, узнавъ объ этомъ и опасаясь еще вылазки многочисленнаго гарнизона изъ Силистріи, отступилъ отъ нея и думалъ только какъ бы уйдти за Дунай; но даже такой мужественный фельдмаршалъ, какимъ былъ Румянцевъ, началъ отчаяваться въ спасеніи своего войска. Отважный подвигъ генерала Вейсмана съ незначительнымъ корпусомъ спасъ русскихъ отъ пораженія, а Румянцева отъ потери его военной славы. Вейсманъ напалъ при деревнѣ Кайнарджи на армію Сераскира, заградившую путь къ Дунаю, разбилъ его на голову, очистилъ дорогу Румянцеву и всему русскому войску; но самъ побѣдитель и герой этой битвы палъ въ бою. Румянцевъ поспѣшно переправился черезъ Дунай и занялъ свое прежнее положеніе подъ прикрытіемъ крѣпостей лѣваго берега Дуная гдѣ онѣ и его славное имя дѣлало страшнымъ для турокъ малочисленное войско русскихъ. Попытка Румянцева еще разъ перейдти Дунай и укрѣпиться на правомъ его берегу была безуспѣшна, и онъ сильно заболѣлъ и просилъ отставки. Пугачевскій бунтъ былъ въ это время въ самомъ разгарѣ и Екатерина принуждена была подкрѣпить армію Румянцева: дунайская армія была удвоена и ему приказано добиться мира.

46,000 русскаго войска перешло Дунай. Румянцевъ занялся осадой крѣпостей по Дунаю и стоялъ у Силистріи. Генералы Суворовъ и Каменскій были посланы къ Шумлѣ, за твердынями

которой была вся армія великаго визиря, чтобы отвечь его вниманіе отъ осады Дунайскихъ крѣпостей. Дѣйствія Суворова превзошли всѣ ожиданія главнокомандующаго: при деревнѣ Козлуджи этотъ генералъ съ 8,000 корпусомъ напалъ на 40,000 турокъ, разбилъ ихъ на голову и навелъ этимъ такой ужасъ на войска въ Шумлѣ, что появленіе подъ стѣнами ея Каменскаго заставило ихъ разбѣжаться. Султанъ велѣлъ заключить миръ, визирь просилъ назначить конгрессъ, а Румянцевъ требовалъ присылки уполномоченныхъ, которымъ онъ продиктуетъ условія мира. Турки смирились, и миръ при деревнѣ Кайнарджи былъ подписанъ. Вотъ его условія: 1) признаніе независимости татаръ Крыма и другихъ; 2) присоединеніе къ Россіи Азова, Керчи и Кинбурга; 3) свободный проходъ русскихъ торговыхъ судовъ изъ Чернаго въ Средиземное море и обезпеченіе правъ русскихъ людей; 4) забвеніе Турціи грекамъ, славянамъ и молдаво-валахамъ ихъ винъ; 5) уплата Турціей четырехъ съ половиной милліоновъ рублей военныхъ издржекъ и признаніе за Екатериной императорскаго титула и уничтоженіе всѣхъ прежнихъ договоровъ.

Кайнарджскій миръ несказанно обрадовалъ императрицу, такъ какъ въ это время весь край между Волгою и Ураломъ потрясенъ былъ Пугачевскимъ бунтомъ. По Уралу, иначе рѣкѣ Яику до Петра I жили своевольные казаки яицкіе, грабившіе торговыя суда на Каспійскомъ морѣ и незнавшіе надъ собой никакой власти, кромѣ своихъ атамановъ, но Петръ переписалъ ихъ и подчинилъ ихъ военной коллегіи. Впрочемъ яицкая вольница часто волновалась и даже въ 1771 г. нужно было ее усмирить силой и подчинить не своему выборному атаману, а коменданту яицкому отъ правительства. Казаки смирились, но ждали только случая воротить свои вольности, который скоро и представился. Появленіе на Яикѣ донскаго казака Емельяна Пугачева, который сталъ волновать казаковъ, обратило на себя вниманіе правительства: онъ былъ схваченъ и приговоренъ въ каторгу; но бѣжалъ и явился опять на Яикѣ.

Казаки давно хотѣли «тряхнуть Москвой» и теперь рѣшились, для успѣха бунта, выдать Пугачева, который, бывая въ турецкихъ походахъ, зналъ нѣсколько военное дѣло, за императора Петра III, который будто бы живъ, о чемъ давно носилась молва, распускаемая злоумышленниками, но все какъ-то не прививалась въ народѣ. Пугачевъ, имѣя около 300 человѣкъ своихъ единомышленниковъ, дерзнулъ въ сентябрѣ 1773 года объявить себя имераторомъ Петромъ III Ѳеодоровичемъ, сплетя какую-то нелѣпую басню о своемъ появленіи на Яикѣ. На этотъ разъ невѣжественная чернь повѣрила появленію Петра III и къ самозванцу сбѣжалось со всѣхъ сторонъ до 30,000 казаковъ и разнаго сброду.

Пугачевъ началъ брать города по Уралу и, усилившись еще болѣе помощью степныхъ хищниковъ: башкиръ, киргизовъ и

калмыковъ, осадилъ Оренбургъ. Увеличивали зло небрежность оренбургскаго губернатора Рейнсдорфа, который не понялъ всей опасности этого бунта, и самоувѣренность посланнаго ему на помощь генерала Карра, который считалъ волненіе ничтожнымъ, не принялъ противъ него предосторожностей; но, узнавъ о числѣ мятежниковъ, испугался и уѣхалъ въ Петербургъ.

Пугачевъ, пользуясь оплошностью русскихъ генераловъ, не дремалъ и объявилъ, зная что яицкіе казаки и большая часть жителей поволжья старообрядцы, что онъ жалуетъ ихъ «двуперстнымъ крестомъ, бородою и вѣчною волею.» Это такъ подѣйствовало на умы, что все яицкое войско встало въ ряды самозванца. Бунтъ отъ Урала распространился до Волги и даже Казань затрепетала отъ ужаса, такъ что энергическія мѣры необходимы были потушить народное волненіе.

Екатерина отправила для усмиренія Пугачева отличившагося въ Польшѣ молодаго и съ блестящимидорованіями генерала Бибикова который пріѣхалъ въ Казань и, собравъ тамъ сильное войско, спѣшилъ освободить осажденные самозванцемъ города Яицка, Уфа и Оренбурга. Въ то время, какъ Бибиковъ старался успокоить волненіе умовъ, полковникъ Михельсонъ отбилъ мятежниковъ отъ Уфы, генералъ Мансуровъ избавилъ отъ нихъ Яицкъ, а князь Голицынъ, подойдя на помощь къ Оренбургу, подъ самымъ городомъ разбилъ Пугачева на голову и погналъ его въ степи.

Когда край началъ успокоиваться и Пугачевъ окончательно обезсиленный Голицынымъ искалъ убѣжища на берегахъ Тобола, Бибиковъ умеръ. Новый главнокомандующій, князь Щербатовъ оказалъ такое бездѣйствіе и небрежность, что Пугачевъ смогъ пробраться на уральскіе заводы, взбунтовалъ рабочихъ этихъ заводовъ, отлилъ себѣ множество пушекъ и пошелъ на Казань. Этотъ городъ былъ взятъ Пугачевымъ и сожженъ; но гарнизонъ все еще держался въ полуразрушенномъ кремлѣ. Вѣсть о казанскомп погромѣ до того поразила Екатерину, что только графъ Ив. Ив. Панинъ могъ успокоить ее и удержать отъ поѣздки на Волгу.

Туда былъ посланъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ съ чрезвычайными полномочіями; но не успѣлъ еще онъ собрать войска и выступить противъ Пугачева, какъ уже Михельсонъ успѣлъ подъ Казанью разбить скопища самозванца, который бросился за Волгу и на правомъ ея берегу сталъ разсылать свои зазывныя грамотки.

Все поволжье снова приняло сторону Пугачева и онъ двинулся на Москву, но Михельсонъ съ слабымъ своимъ отрядомъ загородилъ ему дорогу, далъ бой подъ Арзамасомъ и погналъ злодѣя обратно по теченію Волги.

Пугачевъ бѣжалъ отъ страшнаго для него Михельсона и, за-

бывъ свои надежды на успѣхъ хотѣлъ только пробраться въ Персію, чтобъ спасти свою голову.

Деревни, села, города Пенза и Саратовъ были сожжены обезсиленнымъ, но ожесточеннымъ самозванцемъ, который почти достигъ Астрахани и радовался, что успѣетъ уйдти оттуда въ Персію; но не далеко отъ Царицына Михельсонъ кинулся на Пугачева, разбилъ мятежниковъ и погналъ ихъ всѣхъ за Волгу въ степи.

Не далеко отъ Елтонскаго озера Пугачевъ былъ окуженъ со всѣхъ сторонъ войсками графа Панина и по пятамъ его шелъ пріемникъ Михельсона еще молодой, но и тогда уже извѣстный Суворовъ, который не давалъ покою скопищу злодѣя и по частямъ истреблялъ его приверженцевъ.

Товарищи Пугачева увидѣли, что погибель ихъ неминуема и, связавъ своего атамана, представили его въ надеждѣ заслужить милость правительства къ яицкому коменданту. Суворовъ въ желѣзной клѣткѣ привезъ Пугачева въ Москву, гдѣ онъ былъ казненъ на Болотной площади. Панинъ вскорѣ своимъ благоразуміемъ успокоилъ юговосточныя области Россіи, и Екатерина переименовала даже рѣку Яикъ, на которой появился Пугачевъ, назвавъ ея Ураломъ.

Укрощеніе Пугачевскаго бунта и подписаніе Кайнарджскаго договора съ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ, пріемникомъ отважнаго Мустафы III, случилось одновременно. Обрадованная Екатерина занялась награжденіемъ своихъ достойныхъ сподвижниковъ и торжествами побѣдъ. Графъ Румянцевъ былъ осыпанъ милостями Екатерины: ему даны титулъ «Задунайскаго,» алмазами украшенный фельдмаршальскій жезлъ, осыпанная бралліантами шпага, лавровый вѣнокъ, масличная вѣтвь, украшенный бралліантами орденъ св. Андрея Первозваннаго высокой цѣнности, деревня въ 5,000 душъ, 100,000 руб. на постройку дома, еще множество разныхъ дорогихъ подарковъ и въ честь его выбита для памяти потомства медаль.

Щедро награждены были всѣ оказавшіе услуги отечеству, а народъ облегченъ былъ отъ платежа части податей и налоговъ; недоимки по сбору ихъ прощены, виновные въ участіи въ бунтѣ Пугачева помилованы и наказанія солдатъ смягчены.

Петербургъ, Москва и всѣ города Россіи ликовали по нѣскольку дней; молебны, пиры во дворцахъ и домахъ знати, угощенія народа, пушечная пальба и колокольный звонъ всюду были отголоскомъ радости царицы и русскаго народа окончанію тяжкой войны, моровыхъ повѣтрій и Пугачевщины. Радость Россіи была не напрасна. Кайнарджскій миръ подготовилъ присоединеніе Крыма, Грузіи, освобожденіе грековъ и славянъ отъ Турецкаго ига; а главное далъ возможность Екатеринѣ заняться

внутреннимъ устройствомъ своего государства и начать тотъ вѣкъ, который называютъ «золотымъ вѣкомъ Екатерины.»

Картина, которую представляетъ Россія, въ слѣдующее за первой турецкой войной время, блестяща. Города поволожья, юга и запада Россіи, разрушенные войной и бунтомъ, возникаютъ вновь изъ пепла и развалинъ, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла; села и деревни, покинутыя жителями, засѣляются; среди степей возникаетъ гражданственность; науки и искусства дѣлаются достояніемъ всѣхъ и каждаго; торговля и промышленность процвѣтаютъ. Русскій языкъ обогатился и сдѣлался краснорѣчивымъ въ устахъ духовныхъ ораторовъ и подъ перомъ свѣтскихъ писателей, которые появились въ это время.

Сама императрица и ея дворъ, блиставшій изяществомъ, восточною роскошью и западно-европейскою утонченностью, былъ предметомъ удивленія Европы. Вельможи, окружавшіе тронъ великой царицы сѣвера, соединяли въ себѣ просвѣщенность и великіе таланты съ заслугами, которые они успѣли уже принести Россіи. Иностранные государи на первыхъ спѣшили выразить свое уваженіе Екатеринѣ и нѣкоторые изъ нихъ лично посѣщали ее и удивлялись ея мудрости и величію. Величіе и слава Екатерины подѣйствовала на воображеніе даже иностранныхъ поэтовъ, писателей и даже на поносившаго всѣхъ Волтера, который восхвалялъ Екатерину и даже искалъ ея благоволенія.

Вся Европа приписывала возбуждавшей ея удивленіе Екатеринѣ всевозможные великіе замыслы и планы, изъ которыхъ завоеваніе Константинополя и возстановленіе разрушенной турками византійской имперіи было не чуждо императрицѣ. Вопросъ объ изгнаніи турокъ-османовъ обратно въ Азію и основаніи на востокѣ христіанскаго государства давно занималъ Европу, но возраставшее могущество Россіи заставило иностранные дворы изъ страха къ ней, а иногда по необходимости, стараться поддержать Турцію, вступать съ ней въ союзы и прибѣгать къ ея помощи. Такъ Карлъ XII прибѣгнулъ первый къ защитѣ султана и втянулъ Турцію въ войну съ Россіей, Фридрихъ II не разъ замышлялъ союзъ съ портой находясь подъ ударами русскихъ войскъ, а также Австрія и Франція изъ вражды къ Россіи сближались съ Турціей. Екатерина хорошо понимала причину стремленія иностранныхъ дворовъ, особенно сосѣднихъ, охранить цѣлость Турціи и внимала совѣту графа Ник. Ив. Панина, завѣдывавшаго иностранными дѣлами не думать о войнѣ съ Турціей, чтобы не вооружить противъ себя всю Европу; но чувствительное сердце императрицы, чуткое къ страданіямъ подвластныхъ султану славянъ, грековъ и молдаво-валаховъ, единовѣрныхъ Россіи, и врожденное влеченіе къ совершенію великихъ дѣлъ заставляли ее думать о новой войнѣ съ Турціей, хотя и не враждовать открыто съ ней.

Благоразумный голосъ графа Панина долженъ былъ умолкнуть и его вліяніе на Екатерину было ослаблено появленіемъ при дворѣ новаго любимца, который съ пламеннымъ краснорѣчіемъ убѣждалъ императрицу вызвать къ жизни порабощенные варварами—турками христіанскіе народы, разгромить Царьградъ и выгнать султана съ его оттаманской ордой въ глубь Азіи. Поборникъ новаго крестоваго похода противъ турокъ, а потому непримиримый врагъ мирной политики на Востокѣ графа Ник. Ив. Панина былъ Григорій Александровичъ Потемкинъ, вскорѣ получившій титулъ князя Таврическаго.

Потемкинъ родился въ небогатой дворянской семьѣ (въ Смоленской губерніи,) поступилъ въ конногвардейскій полкъ вахмистромъ, былъ замѣченъ Екатериной и призванъ ко двору, гдѣ подружился съ братьями Орловыми. Дружба ихъ доставила Потемкину каммергерство, а подвиги его въ первую войну съ Турціей, гдѣ онъ оказалъ необычайную храбрость при Ларгѣ, Кагулѣ и за Дунаемъ, снискали ему расположеніе фельдмаршала Румянцева и извѣстность. Вернувшись ко двору Генералъ-поручикомъ и съ георгіемъ на шеѣ, Потемкинъ разомъ всталъ близко къ трону, благодаря своимъ талантамъ и предпріимчивости. Всѣ близкіе къ Екатеринѣ вельможи должны были уступить свое вліяніе на нея молодому, храброму и талантливому генералу; а императрица удостоила его своимъ довѣріемъ, уважая въ немъ высокій и обширный умъ, постигавшій легко и свободно самые важные и сложные предметы, мужество вездѣ и во всемъ, а главное преданность ей и Россіи.

Пятнадцать лѣтъ пользовался Потемкинъ полною довѣренностью Екатерины, былъ осыпаемъ ея милостями, возведенъ на высшую степень почета и силы, такъ что не имѣлъ себѣ никого равнаго изъ подданныхъ по власти и богатству.

Потемкинъ имѣлъ душу гордую, пылкую, но незлобную и потому русскій народъ благоденствовалъ съ той поры, какъ управленіе государствомъ было сосредоточено въ рукахъ князя Таврическаго, какъ титуловали Потемкина за присоединеніе и устройство Крыма.

Кромѣ доброты душевной князь Потемкинъ былъ набоженъ и истинно религіозенъ, а потому не могъ равнодушно видѣть господство варваровъ—магометанъ надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова; а потому безпрестанно развивалъ передъ государыней картину бѣдствій христіанъ и съ свойственной ему пылкостью, представлялъ всѣ доводы къ изгнанію турокъ изъ Европы.

Императрица сама знала, что образованіе на Востокѣ сильной христіанской державы съ центромъ въ Константинополѣ принесетъ Россіи громадную пользу, грекамъ и славянамъ счастливую будущность, а имени Екатеринѣ II вѣчную славу, а потому

не трудно было Потемкину склонить императрицу къ осуществленію его плановъ относительно судьбы турокъ и подвластныхъ имъ христіанъ.

Чтобы подготовить успѣхъ задуманнаго Екатариною и поддержаннаго Потемкинымъ плана, нужно было привлечь къ союзу съ Россіей Австрію, которая могла сильно облегчить разрушеніе Турецкой имперіи и задержать успѣхи русскаго оружья противъ нея. Австрія въ это время хотя и не была враждебно настроена противъ Россіи, но Марія Терезія питала сильную непріязнь лично къ Екатеринѣ, а министръ ея Кауницъ для подержанія политическаго равновѣсія Европы страшно боялся усиленія мугущества Россій. Сближенію съ Австріей мѣшала еще давняя дружба Екатерины съ Фридрихомъ II, который былъ непріятенъ Кауницу, потому что постоянно препятствовалъ воинственнымъ стремленіямъ Австрійскаго правительства.

По этимъ причинамъ даже для предпріимчиваго Потемкина казался союзъ съ Австріею несбыточнымъ, но дѣло о Баварскомъ наслѣдствѣ сверхъ всѣхъ ожиданій сблизило Россію и Австрію.

Курфиршество Баварія, по пресѣченіи своего царствующаго дома, досталась по наслѣдству Куфрирсту Пфальца Карлу Теодору, котораго Австрія убѣдила отдать ей Баварію, потому что по причинѣ его бездѣтности не только Баварія, но Поральцъ перейдутъ къ герцогу Цвейбрюкенскому, совсѣмъ не близкому родственнику Курфирста. Дѣло было улажено и Австрія заняла Баварію своимъ войскомъ. Видя такое нарушеніе своихъ наслѣдственныхъ правъ, герцогъ Цвейбрюкенскій нашелъ защиту у Фридриха II, который ревниво слѣдилъ за стремленіемъ Австріи округлить свои владѣнія и расширить ихъ. Превосходное войско Фридриха вступило въ Богемію поддержать силой права герцога Цвейбрюкенскаго и отучить Австрію отъ такихъ пріобрѣтеніи, какъ его наслѣдство. Марія Терезія испугалась войны и просила Россію и Францію мирно разсудить дѣло о Баварскомъ наслѣдствѣ. Россія заявила, что Фридрихъ правъ и въ случаѣ войны она присоединиться къ нему: Австрія подчинясь такому рѣшенію Россіи, возвратила Баварію Карлу Теодору. Екатерина увидѣла, что Австрія еще болѣе отдалилась отъ Россіи послѣ Баварскаго дѣла и, слѣдовательно, надежда на союзъ обоихъ державъ совсѣмъ исчезла; но вдругъ въ отношеніяхъ Маріи Терезіи къ Екатеринѣ произошла замѣтная перемѣна къ лучшему.

Австрія, желая пріобрѣсти Баварію во что бы то ниcтало, условилась съ Карломъ Теодоромъ обмѣнять ее на Австрійскіе нидерланды; но, ожидая опять враждебнаго вмѣшательства за этотъ обмѣнъ Фридриха II, Кауницъ предложилъ Маріи Терезіи заблаговременно снискать дружбу Екатерины.

Въ Петербургъ должно было послать искуснаго дипломата, чтобы отвлечь Екатерину отъ дружбы съ Фридрихомъ, и порѣшено было Маріей Терезіей отправить туда своего сына и наслѣдника императора Нѣмецкаго Іосифа II, который и встрѣтилъ Екатерину въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, очаровалъ ее и весь Петербургскій дворъ, своимъ умомъ, ученостью и безъискусственной простотой. Дружба съ Австріей для исполненія замысловъ Екатерины на востокѣ теперь укрѣпилась и сверхъ того Іосифъ II съ Екатериной разстались друзьями; а Потемкинъ получилъ завѣреніе отъ Іосифа II, что его планы уничтоженія могущества оттоманской порты найдутъ въ Австріи всегда поддержку. Вскорѣ Фридрихъ имѣлъ неосторожность предложить Екатеринѣ войдти въ тройной союзъ: изъ Пруссіи, Россіи и Турціи, чѣмъ показалъ близость свою къ послѣдней. Съ этой поры Екатерина сочла дружбу Австріи болѣе полезной для Россіи, чѣмъ добрыя отношенія съ Фридрихомъ II.

Замѣтивъ охлажденіе Екатерины къ Пруссіи и дружбу съ Австріей, графъ Ник. Ив. Панинъ увидѣлъ въ этомъ признакъ вліянія Потемкина на Екатерину и приготовленіе ими войны съ Турціей. Опасаясь новыхъ бѣдствій отечества отъ этой компаніи и желая предотвратить ее, Панинъ обратилъ исключительно вниманіе императрицы, и всего русскаго правительства, а потомъ и всей Европы на задуманный имъ вооруженный нейтралитетъ. Искусный маневръ Панина отодвинулъ на задній планъ замыслы Потемкина по турецкимъ дѣламъ.

Великая борьба Сѣвероамериканскихъ штатовъ, которые ранѣе были колоніей Англіи, за независимость повела къ большимъ затрудненіямъ въ торговыхъ сношеніяхъ на морѣ даже невоюющихъ державъ. Суда этихъ державъ были часто захватываемы подъ предлогомъ провоза контробанды одной изъ воюющихъ сторонъ; а понятіе о контробандѣ толковалось различно, кому какъ хотѣлось; такъ захватившая сторона судно съ хлѣбомъ — конфисковало его, оправдываясь, что хлѣбъ назначенный для противной стороны какъ продовольствіе для блокируемой крѣпости, есть военная контробанда. Особенно шатко было право торговли съ воюющими державами, потому что если какая либо держава воюетъ, то она утверждаетъ, что противно международному праву торговать нейтральнымъ державамъ съ противной ея стороной; но если эта же держава дѣлается нейтральной, то настаиваетъ на своей торговлѣ со всѣми портами воюющихъ сторонъ и т. д.

Наконецъ недостатокъ спеціальныхъ договоровъ о захватѣ торговыхъ судовъ, о томъ, что считать контробандой и т. д., каковые заключены были между нѣсколькими державами, и то всякій разъ отдѣльно между двумя, дозволялъ дѣлать всевозможныя самоуправства каперамъ воюющихъ державъ; отчего стра-

дали общіе интересы международной морской торговли и частные ни въ чемъ неповинныхъ подданныхъ нейтральныхъ государствъ.

Графъ Панинъ задумалъ навсегда покончить всѣ затрудненія со стороны воюющихъ державъ для морской торговли установленіемъ твердыхъ правилъ о нейтральномъ флагѣ, грузѣ, контрабандѣ и т. д., а также заключить союзъ между непринимающими участія въ войнѣ державами для охраненія морской торговли нейтральныхъ судовъ, что и назвалъ вооруженнымъ нейтралитетомъ. Случай къ исполненію предположеній Панина скоро представился. Два русскія торговыя судна съ хлѣбомъ были захвачены испанскими каперами, основываясь на томъ, что этотъ хлѣбъ предназначенъ въ англійскую крѣпость Гибралтаръ. Извѣстіе о такомъ поступкѣ Испаніи, союзницы сѣвероамериканскихъ штатовъ, разгнѣвало императрицу противъ этихъ обоихъ странъ. Въ Кронштадтѣ была уже приготовляема сильная русская эскадра для наказанія Испаніи за оскорбленіе русскаго нейтральнаго флага. Англія, навлекшая на себя войну съ Франціей и Испаніей, какъ союзницами сѣвероамериканцевъ, и неладившая совсѣми сѣверными державами Европы,—сейчасъ-же поручила своему посланнику Гариссу склонить Екатерину къ посредничеству въ пользу Англіи въ ея сѣвероамериканской войнѣ. Екатерина было уже склонялась на предложеніе Гарисса, который уже успѣлъ обѣщать Потемкину содѣйствіе Англіи въ его планахъ на востокѣ, но графъ Панинъ далъ дѣлу другой оборотъ своей запиской о морской торговлѣ.

Въ этой запискѣ, поданной Екатеринѣ, глава иностранной политики Россіи говорилъ, что должно прекратить самоуправство морскихъ державъ надъ нейтральными торговыми судами и что вѣчная признательность народовъ будетъ наградой русской Императрицѣ если она вообще приметъ всѣ мѣры къ охраненію правъ нейтральныхъ навсегда, а не только по отношенію къ захваченнымъ Испаніей судамъ. Екатерина поняла мысль Панина и декларація отъ 28 февраля 1780 года о воруженномъ нейтралитетѣ была разослана ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ. Въ этомъ документѣ Екатерина заявляла, что она никогда не нарушала свободы морской торговли народовъ нейтральныхъ, хотя флотъ ея долгое время былъ въ Средиземномъ морѣ; но съ ней поступаютъ иначе и оскорбляютъ на ея судахъ русскій нейтральный флагъ, захватывая въ добычу самыя эти суда, какъ это сдѣлала Испанія; а потому Россія приметъ всѣ мѣры поддержать путемъ оружія интересы своихъ торговыхъ судовъ. Но прежде чѣмъ приступить къ дѣйствію противъ Испаніи, императрица объявила европейскимъ дворамъ слѣдующія правила, которыя она намѣрена соблюдать впередъ по отношенію къ морской торговлѣ: 1.) Корабли нейтральныхъ державъ свободно могутъ ходить изъ гавани въ гавань и подходить къ берегамъ воюющихъ державъ;

2.) Товары воюющихъ державъ, находящіеся на нейтральныхъ судахъ должны быть неприкосновенны, исключая контрабанды; 3.) Контрабандой должно считать военные снаряды и оружье; 4.) Гаванью во блокадѣ, куда запрещается входить нейтральнымъ судамъ, должна считаться такая, которой входъ загражденъ непріятельскими кораблями, и 5) для охраненія русскихъ торговыхъ судовъ будетъ выслана вооруженная эскадра, которая должна не допускать никого оскорбить честь русскаго нейтральнаго флага.

Какъ только эта декларація была сообщена иностраннымъ дворамъ Европы, то всѣ они, за исключеніемъ только Англіи, хотѣвшей быть законодательницей на морѣ, приняли правила, изложенныя Екатериной, признавая вполнѣ всю мудрость и справедливость ихъ. Образовался союзъ для поддержанія правилъ нейтралитета на морѣ вооруженными эскадрами союзниковъ, которые заключили объ этомъ важномъ предметѣ особые договоры съ Россіей, признавъ ея главою союза и блюстительницей нейтральныхъ законовъ на морѣ.

Видя восторгъ Европы передъ мудростью Екатерины и находя тоже справедливость ея требованій, Англія заявила Екатеринѣ о своемъ полномъ уваженіи къ русскому флагу, хотя не присоединилась къ союзу, несоотвѣтствующему ея интересамъ и мѣшающему ей злоупотреблять своимъ морскимъ могуществомъ надъ беззащитными торговыми судами.

Графъ Панинъ увидѣлъ, что Екатерина ставъ во главѣ вооруженнаго найтралитета пріобрѣла сближеніе со всею Европою, кромѣ одной Англіи, что должно Россіи послужить въ пользу въ случаѣ разрыва съ портой; а также замѣтилъ, что Потемкинъ сталъ подготовлять все къ скорѣйшему присоединенію Крыма, чему Екатерина не препятствуетъ, а еще содѣйствуетъ. Сообразивъ, что вопросъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, имъ поднятый, не оказалъ желаемаго для него дѣйствія на отвлеченіе императрицы отъ разрыва съ Турціей, знаменитый Панинъ удалился отъ дѣлъ, и черезъ недолгое время умеръ, уступивъ свое мѣсто графу Безбородко, а вѣрнѣе сказать князю Потемкину, который съ этой поры началъ направлять по своему желанію внѣшнюю политику Россіи и управлять внутри ея.

Кайнарджскій договоръ даровалъ татарамъ независимость и право выбирать себѣ хана, который правилъ ими, не подчиняясь ни Россіи, ни Турціи. Татары крымскіе, буджакскіе и кубанскіе, вошедшіе въ составъ крымскаго ханства, не имѣли способности къ самостоятельной жизни и въ продолженіи восьми лѣтъ между этими воинственными племенами шли кровавые раздоры и междуусобія. Двѣ партіи турецкая и русская возводили и низлагали по своему усмотрѣнію хановъ изъ дома Чингисова, не давая ни одному изъ нихъ твердо укрѣпить за собою власть.

Россія и Турція, обезпечившія самостоятельность Крыма, на самомъ дѣлѣ желали подчинить его каждая себѣ. Екатерина, опасаясь набѣговъ этихъ хищниковъ, доставила возможность своему присяжнику Сагибъ-Гирею быть возведенному на ханство еще княземъ Долгорукимъ, утвержденнымъ въ достойнствѣ хана и послѣ договора съ Турціей.

Приверженцы султана вскорѣ возненавидѣли вѣрнаго Россіи Сагиба, за его преданность Екатеринѣ и сочувствіе ко всему иностранному, возмутились и заставили Сагиба бѣжать въ Петербургъ. Девлетъ Гирей, отъявленный врагъ русскихъ, захватилъ власть надъ Крымомъ и сталъ явно оказывать дружбу съ султаномъ. Ходатайство Сагиба предъ русскимъ дворомъ о покровительствѣ и поведеніе его соперника Девлета заставили Екатерину послать въ Крымъ русскій отрядъ подъ начальствомъ Суворова вытѣснить оттуда Девлета и смирить его сторонниковъ. Суворовъ безъ труда разсѣялъ скопища приверженцевъ Девлета и заставилъ его въ свою очередь искать спасенія и помощи у султана.

Русское правительство настояло на избраніи въ ханы слабохарактернаго Шагинъ-Гирея, который былъ уже въ Петербургѣ при дворѣ и заявилъ лично Екатеринѣ свою преданность къ Россіи. Татарскіе мурзы, устрашенные присутствіемъ Суворова, покорно признали своимъ ханомъ Шагинъ-Гирея; но султанъ выставилъ ему соперника Селима, который жилъ въ Константинополѣ со времени своего бѣгства отъ князя Долгорукова. Два соперника начали въ Крыму ожесточенную усобицу, такъ что Суворовъ долженъ былъ прекратить безполезное и варварское кровопролитіе: русскіе вытѣснили Селима, разогнали его отряды и заняли важнѣйшіе города ханства. Шагинъ хотя и остался ханомъ, но именемъ его управлялъ Крымомъ Суворовъ. Это обстоятельство не укрылось отъ султана, который сдѣлалъ запросъ объ этомъ у Россіи; ему отвѣчали, что русскіе стоятъ въ Крыму согласно волѣ хана для прекращенія усобицъ.

Неудовольствуясь такимъ объясненіемъ Турція послала къ берегамъ Крыма свой флотъ изъ 160 судовъ, въ числѣ которыхъ было 15 линейныхъ кораблей, подчинивъ его начальству отважнаго адмирала своего капитанъ-паши Гассанъ-бея, того самого который командывалъ при Чесмѣ; но и Суворовъ не бездѣйствовалъ: онъ потребовалъ новыхъ подкрѣпленій, лично осмотрѣлъ всѣ приморскіе пункты и укрѣпилъ ихъ такъ сильно, что высадка турокъ была почти немыслима.

Дѣйствительно Гассанъ, подойдя къ Крыму увидѣлъ, что нѣтъ слабаго пункта на его берегахъ и вездѣ только батареи и солдаты. Голодъ и жажда между тѣмъ дали себя почувствовать застоявшимся у Крыма туркамъ; но Суворовъ не дозволилъ даже

Гассану налить свои бочки водою предъ отъѣздомъ его въ Константинополь.

Правленіе свое Крымомъ, если такъ можно назвать пребываніе Суворова тамъ, онъ ознаменовалъ переселеніемъ 20,000 армянъ и грековъ въ Нахичевань, что-бы тѣмъ увеличить народонаселеніе береговъ Азовскаго моря. Но враги Суворова не дремали: они обвиняли его въ корыстолюбіи, даже препятствовали всѣмъ мѣрамъ его къ выселенію христіанъ изъ Крыма, не зная, что это сдѣлать было тайно повелѣно самою Екатериною. Особенно увидѣвъ непріязнь къ себѣ со стороны фельдмаршала Румянцева, Суворовъ просилъ Потемкина удалить его изъ Крыма и горько жаловался на клеветниковъ своихъ. «Говорятъ, писалъ Суворовъ—будто я сказалъ, что иду завоевать Крымъ.—Нѣтъ я хвастаю только тѣмъ, что сорокъ лѣтъ служу непорочно. Говорятъ, будто я требовалъ у хана—стыдно сказать—красавицъ, но я кромѣ брачнаго ничего не разумѣю. Говорятъ, будто я требовалъ аргамаковъ, а я ѣзжу на подъемныхъ; «лучшихъ уборовъ»—да, ящика-то у меня для нихъ нѣтъ; драгоцѣнностей—да у меня множество брилліантовъ изъ высочашихъ въ свѣтѣ ручекъ; «Индѣйскихъ парчей»—а я, право, и не зналъ естьли онѣ въ Крыму. «О враждѣ Румянцева тоже пишетъ Суворовъ Потемкину, говоря» «фельдмаршала я непрестанно боюсь» и кончая свое письмо такъ «не освѣщаются ли нынѣ и прежнія мои невинныя страданія, происходившія только отъ неожиданныхъ мною успѣховъ? По общему правилу, судьба и воля: послѣдняя въ мѣрахъ человѣческихъ, а первая въ благословеніи Божіемъ. У тварей нашего рода отнимающіе время пороки мною не обладали: и началъ я жить отъ мушкета!»

Послѣ этого письма Потемкинъ перевелъ Суворова въ Астрахань, а въ Крыму начались страшные безпорядки. Шагинъ-Гирей, видя общій мятежъ и узнавъ даже о высадкѣ турокъ въ Крыму для помощи бунтовщикамъ, не могъ долѣе держаться на Тамань и брошенный родными братьями бѣжалъ въ Херсонъ къ русскимъ.

Потемкинъ рѣшился положить разъ на всегда конецъ раздорамъ и своевольству татаръ, чѣмъ сдѣлать первый шагъ къ будущему рѣшенію судьбы турокъ,—и приказалъ русскимъ занять всѣ земли татарскія.

Русское войско вступило въ Крымъ и въ область Кубанскую и смирило татаръ, Шагинъ-Гирей, послѣдній ханъ этихъ хищниковъ, сложилъ съ себя ханское достоинство въ Воронежѣ. По волѣ Екатерины Крымское ханство было навѣчно присоединено къ Россіи, покорные татарскіе мурзы принесли ей присягу на вѣчное подданство, а графъ Безбородко отъ имени Императрицы возвѣстилъ свѣту объ этомъ. событіи.

Присоединеніе Крыма только что совершившееся было не послѣднимъ дѣломъ славнаго царствованія Екатерины; а напро-

тивъ. Мирное подчиненіе Грузіи слѣдовало вскорѣ за этимъ. Россія въ 1774 году освободила царя Грузинскаго отъ платежа дани султану, но внутренніе смуты и мятежи раздирали Грузію, а Персидскій шахъ постоянно безпокоилъ ее своими притязаніями и набѣгами подвластныхъ ему пограничныхъ племенъ. Всѣ эти обстоятельства, а главное единовѣріе грузинъ съ русскимъ народомъ, заставили царя Ираклія II искать покровительства у Екатерины. Князь Потемкинъ заключилъ съ Грузіею славный для Россіи договоръ, по которому Ираклій II призналъ надъ собою верховную власть Россіи на слѣдующихъ условіяхъ 1.) Грузія остается наслѣдственнымъ царствомъ его династіи 2.) Каждый грузинскій царь, вступая на престолъ обязывается испрашивать у Россіи утвержденія себя въ царскомъ санѣ, что должно сопровождаться со стороны государей русскихъ присылкою новому царю утвердительной грамматы, знамена съ императорскимъ русскимъ орломъ, сабли, жезла и мантіи; 3.) Грузія должна постоянно помогать Россіи въ ея войнахъ; а также и Россія должна оказывать покровительство Грузіи въ ея столкновеніяхъ съ сосѣдями 4) Царь безъ согласія русскаго посланника не долженъ имѣть сношеній съ другими владѣніями и 5.) Царю предоставлено управлять своимъ народомъ самодержавно, сообразно грузинскимъ законамъ и обычаямъ.

Турція, отказавшаяся отъ всѣхъ притязаній на Грузію по Кайнарджійскому еще договору, прошла молчаніемъ ея подчиненіе Екатеринѣ, но ранѣе этого была взволнована присоединеніемъ Крыма, считая его своимъ исконнымъ вассальнымъ ханствомъ. Дружба Россіи съ Австріей много помогла ослабленію воинственнаго жара турокъ, а особенно обѣщаніе императора Іосифа II въ случаѣ войны послать свою армію въ помощь Екатеринѣ противъ султана заставило его заключить съ ней, при участіи посланника въ Константинополѣ Булгакова, дополнительную конвенцію, которой присоединеніе Крыма было признано Турціей и рѣка Кубань признана за русско-турецкую границу.

Управленіе Крымомъ было ввѣренно Потемкину, который долженъ былъ устроить новопріобрѣтенный край, находившійся въ страшно-бѣдственномъ положеніи. Жители Крыма цѣлыми тысячами покидали ханство въ послѣдніе года его существованія: татары выселялись въ Турцію и на Кавказъ, а армяне на побережье Азовскаго моря; города стояли въ развалинахъ и вездѣ было запустѣніе. Кромѣ Крыма, названнаго Таврической губерніею, Потемкину была подчинена еще образованная изъ новой Сербіи губернія Екатеринославская.

Потемкинъ славно исполнилъ возложенное на него порученіе Екатерины, хотя истратилъ для этого сотни милліоновъ. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ степи новороссійскаго края заселились привлеченными большими льготами поселянами внутреннихъ обла-

стей; естественныя богатства края привлекли промышленныхъ и торговыхъ людей, которыми наполнились вновь отстроенные города, и у береговъ Крыма, бывшаго нѣсколько вѣковъ гнѣздомъ разбойниковъ, появились торговыя суда иностранныхъ націй. Зоркій глазъ Потемкина замѣтилъ всѣ достоинства Ахтіарской гавани, переименнованной въ Севастопольскую, которая была приведена въ такое состояніе, что вновь созданный черноморскій флотъ могъ всегда найти въ ней убѣжище и защиту отъ болѣе сильнаго флота Турціи. Занимаясь устройствомъ новопріобрѣтенныхъ областей Потемкинъ не могъ быть постоянно при дворѣ, а тамъ враги его увѣряли императрицу, что Крымъ совсѣмъ не нуженъ Россіи, что ничего нельзя сдѣлать добраго въ обширныхъ пустыняхъ Новороссійскаго края и что Потемкинъ только злоупотребляетъ довѣріемъ своей государыни, выманивая большія суммы денегъ отъ государства подъ предлогомъ устройства побережья Чернаго моря, но ихъ обращаетъ въ свою пользу.

Екатерина, хотя и знала преданность и безкорыстіе Потемкина, но чтобы прекратить навсегда всѣ дурные толки о южномъ краѣ, отправилась сама лично обозрѣть Крымъ и Новороссію. До Кіева Екатерина ѣхала въ раззолоченной каретѣ, сопровождаемая длиннымъ поѣздомъ великолѣпныхъ экипажей, въ которыхъ сидѣло все высшее придворное общество и даже приглашенные сопутствовать монархинѣ послы великихъ державъ. Дорога по которой мчался царскій поѣздъ была гладка, какъ полотно; по сторонамъ ночами горѣли чудовищные костры, а днемъ виднѣлись веселенькіе домики, вмѣсто станцій, вновь отстроенные различной архитектуры замки и вездѣ толпы нарядно одѣтаго народа. По городамъ были торжественныя встрѣчи, а въ Мстиславлѣ Архіепископъ Георгій Конискій, славный духовный ораторъ, сказалъ императрицѣ краснорѣчивое слово, обратившись къ ней такъ: «оставимъ астрономамъ доказывать, что земля около солнца обращается; наше солнце ходитъ около насъ.» Когда же царица поплыла по Днѣпру, гдѣ по обоимъ его берегамъ разстянуты были цѣлые полки въ превосходныхъ мундирахъ, дѣвушками водились хороводы и вдали виднѣлись богатые села и хутора, то изумленію ея и радости не было конца. Еще большая прелесть всему, что видѣла Екатерина, была придана прекраснымъ климатомъ юга; а пышность ея путешествія увеличилась свиданіемъ на дорогѣ съ двумя монархами: Станиславомъ Августомъ, королемъ польскимъ и императоромъ Іосифомъ II, который даже проѣхалъ съ нею въ Крымъ, удивлялся тамъ юному черноморскому флоту, вмѣстѣ съ Екатериной заложилъ Екатеринославль и побывалъ въ Херсонѣ, гдѣ она съ торжествующей улыбкой показала своему союзнику надпись на городскихъ воротахъ «путь въ Византію.»

Пораженная всѣмъ видѣннымъ Екатерина убѣдилась, что новыя ея пріобрѣтенія принесутъ современемъ большую пользу

Россіи, что и сейчасъ въ такое короткое время вмѣсто печальныхъ степей явилось населеніе, которое начинаетъ благоденствовать; а потому рѣшено было въ умѣ великой царицы не щадить никакихъ средствъ для устройства южныхъ областей Россіи. За пріобрѣтеніе и устройство Крыма благодарная Екатерина пожаловала Потемкину титулъ князя Таврическаго.

Мирное шествіе Екатерины по южнымъ областямъ ея царства испугало Порту и поселило зависть въ сердцѣ султана, который все еще думалъ воротить Крымъ. Сверхъ того, многочисленное войско, собранное подъ Полтавой, цѣлые полки казаковъ вытянутые по Днѣпру во время путешествія Екатерины и, что важнѣе всего, ея дружественное свиданіе съ императоромъ Іосифомъ II усиливало подозрительность Турціи. Султанъ поддавшись вліянію Англіи и Пруссіи, враждебныхъ Россіи, и обѣщавшихъ ему помощь Польши и Швеціи, заключилъ Булгакова въ семибашенный замокъ, чѣмъ объявилъ Россіи войну. Порта, скрывая истинную причину войны Крымъ, выставила Петербургскому двору, какъ поводы къ войнѣ, подчиненіе Грузіи и покровительство Молдавскому государю Александру Маврокордати, которому въ Турціи грозила страшная казнь.

Объявленіе войны Султаномъ было встрѣчено Екатериной безъ тяжелаго чувства опасенія за успѣхъ ея войскъ. Армія русская была многочисленна; генералы и офицеры ея привыкли въ бояхъ съ Румянцевымъ не считать числа враговъ: самъ фельдмаршалъ хотя состарился, но могъ еще вести русскихъ къ побѣдамъ и устрашать турокъ однимъ своимъ именемъ; наконецъ, появился Суворовъ, который также вездѣ побѣждалъ. Набѣги крымцевъ и другихъ татаръ были уже не мыслимы; а дружба Іосифа II приносила Россіи 200.000 армію австрійцевъ, которую онъ однимъ своимъ словомъ могъ кинуть на Дунай. Съ такими шансами на успѣхъ надо было Россіи ожидать, что Турція будетъ раздавлена.

Предположеніе о будущемъ пораженіи турокъ основывалось на томъ еще, что оттоманская имперія не собралась съ силами послѣ Румянцевскихъ погромовъ: войско ея было слабо числомъ и плохо обучено, а рядъ крѣпостей на границѣ Россіи представлялъ какія-то ветхія и совсѣмъ не грозныя твердыни.

Послѣ всего этого не удивительно, если Екатерина предполагала закончить эту вторую войну съ Турціей образованіемъ изъ Молдавіи, Валахіи и Болгаріи независимаго христіанскаго царства Дакіи; а Потемкинъ мечталъ о возстановленіи имперіи Палеологовъ—Византіи.

Сверхъ всѣхъ ожиданій и вѣрныхъ разсчетовъ война началась неудачно и турки, выигравъ время бездѣйствіемъ противниковъ, пріобрѣли возможность дать сильный отпоръ союзникамъ.

Планъ компаніи со стороны Россіи и Австріи былъ соста-

вленъ искусно, а силы, поставленныя въ полѣ союзниками, громадны. Екатерина выставила 120.000 войска, раздѣливъ его на двѣ арміи: Екатеринославскую, ввѣренную Потемкину, и украинскую, подъ предводительствомъ Румянцева; а Австрійскій Императоръ послалъ 200.000 своего войска на театръ военныхъ дѣйствій. Союзники порѣшили, чтобы Потемкинъ началъ осаду Очакова, который еще принадлежалъ туркамъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, а Румянцевъ шелъ бы въ Молдаві ю, отвлекая этимъ турокъ отъ осады Очакова и поддерживая дѣйст вія австрійцевъ, которыхъ армія должна выступить на Дунай.

Когда же пограничныя съ Россіей и дунайскія крѣпости будутъ взяты, то соединившіяся между собой арміи союзниковъ вступятъ въ Болгарію и нанесутъ тамъ, или, если это неудобно будетъ, за Балканами рѣшительный ударъ туркамъ.

Потемкинъ обладалъ превосходной арміей и скажи онъ одно слово, она была бы вовремя подъ Очаковымъ, плохо укрѣпленнымъ и со слабымъ гарнизономъ,—и эта крѣпость была бы безъ особаго труда взята русскими. Напротивъ, по необъяснимой причинѣ, всегда пылкій и дѣятельный князь Таврическій впалъ въ бездѣйствіе и цѣлый годъ пропустилъ въ пустыхъ приготовленіяхъ къ походу подъ Очаковъ; но турки не дремали. Очаковъ былъ этимъ годомъ приведенъ искусствомъ французскихъ инженеровъ въ такой видъ, что представлялъ дѣйствительно грозную крѣпость, въ него введено было многочисленное войско и ввезено множество военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, а знаменитый капитанъ паша Гассанъ-бей появился около Очакова съ своимъ многочисленнымъ флотомъ, чтобъ поддержать эту крѣпость и потомъ истребить только что возникшій русскій флотъ. Не обращая вниманія на это, Потемкинъ съ своей арміей шелъ медленно къ Очакову, хотя ему извѣстно было, что принцъ Носсау-Зигенскій разбилъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ, имѣя только гребную флотилію, капитанъ-пашу Гассана, а еще сильнѣе поразилъ турокъ Суворовъ на Кинбурнской косѣ и жаждалъ идти штурмовать Очаковъ, но не имѣлъ подкрѣпленія. Армія Потемкина, подойдя наконецъ къ Очакову, еще четыре мѣсяца если не бездѣйствовала, то занималась ни для чего ненужными земляными работами; но застигшая русскихъ въ ихъ землянкахъ зима породила между ними страшную смертность; а непріятель, замѣтивъ бездѣйствіе Потемкина, ободрился и сталъ дѣлать частыя вылазки изъ крѣпости. Генералы, видя что солдаты безполезно гибнутъ отъ повальныхъ болѣзней и вылазокъ турокъ, настоятельно представляли Потемкину необходимость начать штурмъ; но главнокомандующій медлилъ.

Пылкій Суворовъ, врагъ всякой медлительности, рѣшился на отчаянную мѣру, чтобы вызвать Потемкина на штурмъ Очакова, и для того самовольно приказалъ своему корпусу затѣять съ

турками бой; но Потемкинъ оставилъ его безъ помощи, корпусъ Суворова истребленъ, онъ самъ раненъ и навремя удаленъ отъ службы.

Убійственная для русскихъ осада Очакова продолжалась до того, что не оказалось наконецъ продовольствія ни у турокъ въ обложенной крѣпости, ни у русскихъ, и слѣдовательно стоять дольше было нельзя и отступать тоже; тогда только Потемкинъ рѣшилъ штурмъ Очакова.

Русскіе бросились на укрѣпленія, бились два часа только и ворвались въ Очаковъ, гдѣ трое сутокъ истребляли турокъ, ожесточившихъ солдатъ долгимъ сопротивленіемъ, и вырѣзали ихъ до 30.000 человѣкъ.

Потемкинъ приказалъ сровнять съ землей укрѣпленія Очакова и разрушить этотъ ненавистный ему городъ, такъ что отъ его великолѣпныхъ зданій, чудныхъ садовъ и роскошныхъ фонтановъ остались одни только развалины.

Австрійскій Императоръ Іосифъ II довѣрилъ свою армію самому лучшему изъ своихъ генераловъ, фельдмаршалу Ласси; но тотъ повелъ дѣла такъ неудачно, что никто даже не ожидалъ отъ славнаго вождя такой неспособности и медлительности. Ласси, вопреки всѣмъ правиламъ военнаго искусства, раздѣлилъ свою армію на шесть корпусовъ и разбросалъ ихъ на громадное пространство отъ Молдавіи до Адріатическаго моря, приказалъ дѣлать рядъ укрѣпленій по турецко-австрійской границѣ, осаждалъ только Бѣлградъ и Хотинъ и довелъ свою армію до того, что самые храбрые упали духомъ.

Іосифъ II самъ явился въ армію, чтобы оживить духъ своего войска и дать рѣшительный бой великому визирю; но нашелъ къ величайшему своему прискорбію въ войскахъ страшное уныніе, громадную смертность отъ повальныхъ болѣзней и нерѣшительность Ласси, который каждый день мѣнялъ свои планы.

Такое печальное положеніе австрійской арміи было не тайной для турокъ и они подъ начальствомъ великаго визиря при Слатинѣ ударили на авангардъ австрійцевъ; бой завязался и продолжай его австрійцы, личное присутствіе императора и искусство ихъ генераловъ должно было дать Ласси побѣду надъ равными силами великаго визиря.

Ввести въ бой съ турками всю австрійскую армію желалъ императоръ со всѣми генералами, но фельдмаршалъ Ласси убѣдилъ и государя своего, и генераловъ отступить въ ночь и тѣмъ спасти будто бы армію отъ неминуемаго пораженія великимъ визиремъ. При наступленіи темноты австрійцамъ приказано было отступить, но солдаты подумали, что все уже потеряно и бросились бѣжать въ страшномъ разстройствѣ, стрѣляя другъ въ друга и задыхаясь отъ ужасной тѣсноты. Видя неописанное бѣд-

ствіе своей арміи, императоръ Іосифъ II вскочилъ на коня и тоже искалъ спасенія въ бѣгствѣ, чуть чуть не попавъ въ плѣнъ.

Воротившись въ Вѣну, Іосифъ II впалъ въ тяжкую болѣзнь отъ страшнаго горя и заботился только, чтобъ турки не ворвались въ предѣлы его имперіи; но принцъ Кобургскій успокоилъ больнаго и огорченнаго императора тѣмъ, что взятіемъ Хотина заставилъ армію великаго визиря остановиться.

Екатерина лишилась содѣйствія австрійцевъ и видѣла бездѣйствіе своихъ войскъ, а потому, чтобы придать единство и быстроту военнымъ дѣйствіямъ своихъ войскъ, а также устранить вредившее общему ходу компаніи соперничество старика—Румянцева съ молодымъ Потемкинымъ, уволила перваго, поручивъ главное начальство надъ всѣми войсками, дѣйствующими противъ Турціи, послѣднему.

Великій визирь со всею своею арміею, такъ счастливо покончивъ съ австрійцами, устремился на русскихъ въ Молдавію и началъ переходить черезъ Дунай, чтобы напасть на Потемкина, который расположилъ всю русскую армію между Днѣстромъ и Бугомъ, приготовляясь болѣе полгода къ осадѣ Бендеръ.

На рѣкѣ Серетѣ стоялъ Суворовъ съ 8000 корпусомъ и не зналъ какъ выйдти ему изъ своего бездѣйствія, какъ вдругъ получилъ просьбу отъ принца Кобургскаго, стоявшаго при Фокшанахъ, идти туда, чтобы прикрыть отступленіе принца, опасавшагося быть уничтоженнымъ массою переходившихъ Дунай турокъ. Доблестный Суворовъ, жаждавшій славы и битвъ, съ быстротой неимовѣрной явился съ своимъ корпусомъ въ лагерь австрійцевъ и не медля ни минуты отдалъ приказаніе идти въ бой съ турками: русскіе и австрійцы воодушевленные примѣромъ солдатъ Суворова бросились на передовой 35 тысячный корпусъ турокъ, разбили его на голову и, забравъ всю артиллерію и обозъ непріятеля, погнали обратно за Дунай. Совершивъ этотъ подвигъ Суворовъ, какъ истинный солдатъ, отошелъ на прежнюю позицію у Серета ждать приказаній Потемкина; но вмѣсто того новые лавры ждали фокшанскаго героя у Рымника.

Принцъ Кобургскій снова извѣстилъ Суворова, что вся турецкая, армія болѣе 100,000 человѣкъ съ великимъ визиремъ во главѣ, перешла Дунай и, идя по Молдавіи, остановилась у Рымника, гдѣ устроиваетъ себѣ укрѣпленный лагерь. Затѣмъ, было добавлено, что принцъ отъ турокъ стоитъ въ нѣсколькихъ верстахъ и проситъ Суворова придти къ нему на помощь и вмѣстѣ отступить.

Суворовъ на зовъ принца явился такъ быстро, что даже удивилъ этимъ австрійцевъ, и требовалъ немедленно идти въ бой. Принцъ возражалъ Суворову, что силы ихъ обоихъ слишкомъ слабы для нападенія на многочисленное войско визиря, и предлагалъ какъ-бы по искуснѣе отступить; но Суворовъ сказалъ рѣшительно, что если принцъ не хочетъ сражаться русскіе одни

пойдутъ въ битву и великій визирь будетъ разбитъ. Такое мужество и самоувѣренность Суворова воодушевили принца и онъ согласился вмѣстѣ съ русскими напасть на турокъ.

Великій визирь занялъ крѣпкую позицію для своего лагеря, пересѣченную болотами и защищенную съ одной стороны густымъ лѣсомъ, на которой устроилъ четыре укрѣпленныхъ лагеря. (*) Суворовъ освѣдомился о положеніи непріятеля. Главная армія визиря стояла въ Мартинешти, на рѣкѣ Рымникѣ, впадающей въ Серетъ и параллельно текущей съ рѣчкою Рымною, гдѣ, въ одной линіи съ Фокшанами, влѣво отъ Мартинешти, находился авангардъ турецкій изъ 12,000 человѣкъ у Турукукули, отдѣляясь отъ главной квартиры визирской на 15 верстъ; между ними, у Крунгумейлорскаго лѣса, стояло 15,000 янычаръ. Суворовъ предложилъ исполнить тотъ-же маневръ, какой исполненъ подъ Фокшанами—идти и разбить непріятеля. Число австрійцевъ и русскихъ было прежнее, не болѣе 25,000. Принцъ Кобургскій ужаснулся, но довѣренность его къ Суворову была такъ неограниченна, что онъ не смѣлъ спорить. Войско двинулось за рѣку Милкову, и къ утру перешло 28 верстъ, до рѣчки Рымны. Здѣсь переправились ниже Тургукукули. Устроивъ войско шахматомъ изъ двухъ линій пѣхотныхъ каре, и поставя конницу назади, Суворовъ самъ напалъ на турецкій авангардъ при Тургукукули, предписавъ принцу Кобургскому идти въ лѣво и удерживать непріятеля, стоявшаго у Крунгумейлорскаго лѣса.

Переходъ Суворова былъ совершенъ такъ быстро и тихо, нападеніе сдѣлано было такъ внезапно, что когда услышанная вдали канонада распространила тревогу въ турецкомъ лагерѣ, никто не вѣрилъ, что топалъ-паша русскій былъ тутъ и осмѣлился сразиться. Визирь пилъ кофе, чашка выпала у него изъ рукъ при извѣстіи — «Суворовъ здѣсь и уже сражается!» Немедленно велѣлъ онъ идти на помощь авангарду. Шпіонъ, извѣстившій его, что за два дня русскіе стояли спокойно въ Пучени, былъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ: несчастный говорилъ правду, которую превратили въ ложь предусмотрительность и быстрота Суворова.

Помощь отправленная визиремъ къ авангарду, состоявшая изъ 15,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Османа паши, бывшаго подъ Фокшанами, прискакала на мѣсто битвы поздно. Захваченные въ расплохъ, турки выслали отрядъ изъ лагеря. Онъ былъ сбитъ, смятъ, и не боясь пальбы турокъ Суворовъ устремился на высоты. Турки бѣжали, часть ихъ обратилась къ Мартинешти, другая бѣжала прямо къ мѣстечку; попавшись между перекрестнымъ огнемъ, когда Суворовъ обратился на помощь австрійцамъ, Османъ спасался бѣгствомъ. Всѣ укрѣпленія между Тургу-

(*) Н. Полевой.

кукули и Крунгумейлоромъ сдѣлались безполезны. Турки, спѣшившіе отъ Крунгумейлорскаго лѣса съ отрядомъ Османа, въ числѣ 15,000, попали подъ пушки принца Кобургскаго и бѣжали. Видя гибель отвсюду, визирь двинулъ отъ Мартинешти 20,000, и хотя былъ боленъ, но самъ выѣхалъ передъ войско въ каретѣ. Ударъ почти 40,000, сплоченныхъ въ густую толпу, былъ опасенъ. Слѣдуя приказу Суворова, принцъ Кобургскій отстрѣливался картечами и отражалъ штыками отважныхъ янычаръ, пробивавшихся къ его кареямъ. Шесть разъ возобновлялись аттаки турковъ. Принцъ посылалъ къ Суворову адъютанта за адъютантомъ. «Скажи, чтобы держались,» отвѣчалъ Суворовъ, «а бояться нечего—я все вижу!» Онъ далъ часъ на роздыхъ своему войску. двинулся мгновенно и вывелъ въ бой всю линію русскихъ войскъ, такъ что составляя съ австрійцами прямой уголъ, она ударила прямо во флангъ турокъ. Напрасно визирь, забывая болѣзнь свою, пересѣлъ на лошадь и съ кораномъ въ рукѣ уговаривалъ бѣгущихъ, даже велѣлъ стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ—все было тщетно! Толпы турокъ бѣжали за лѣсъ. Суворовъ велѣлъ очистить лѣсъ, гдѣ засѣлъ непріятель, и когда союзники вышли на долину, простиравшуюся отъ лѣса на семь верстъ до рѣки Рымника, вся эта долина представляла зрѣлище бѣгства, безпорядка и гибели. Бѣглецы смѣшивались съ шедшими изъ-за рѣки, гдѣ находился лагерь самого визиря, и сбивали другъ друга взаимно. Все пространство покрыто было мертвыми, ранеными, пушками, обозомъ. Картечные выстрѣлы и конница довершили пораженіе. Вечерѣло когда союзники вступили въ лагерь, бывшій на лѣвомъ берегу Рымника. Принцъ Кобургскій явился къ Суворову съ своими генералами и офицерами и не зналъ какъ благодарить его. На другой день рано утромъ, завладѣли визирскимъ лагеремъ, взяли даже шатеръ его, богато вышитый золотомъ. Турки бѣжали къ Браилову и не останавливаясь переправились за Дунай. Визирь не перенесъ позора пораженія, онъ умеръ въ какой-то Румельской деревнѣ, терзаемый горестью. Число погибшихъ турковъ полагали болѣе 10,000, весь обозъ, 100 знаменъ, 80 пушекъ и мортиръ достались побѣдителямъ, кромѣ богатой добычи и запасовъ. Въ числѣ пушекъ было много австрійскихъ. Въ дѣлежѣ ихъ произошолъ споръ: «отдайте имъ,» сказалъ Суворовъ, «вѣдь они свое берутъ. Мы еще себѣ достанемъ, а имъ гдѣ взять?» Уронъ союзниковъ былъ ничтожный.

Такъ совершилась знаменитая побѣда, которую австрійцы назвали битвою подъ Мартинешти, а русскіе Рымникскою. Она произвела всеобщій восторгъ въ Австріи и Россіи. Императоръ спѣшилъ наградить побѣдителей. Суворовъ возведенъ былъ въ графы Римской имперіи, принцъ Кобургскій пожалованъ, фельдмаршаломъ. Екатерина наградила «своего генерала» по царски: орденъ св. Георгія 1-й степени, графское достоинство, съ назва-

ніемъ Рымникскаго, брилльянтовые знаки Андреевскаго ордена принцу Кобургскому, шпаги, осыпанныя брилльянтами, съ подписью: побѣдителю визиря, свидѣтельствовали признательность императрицы. «Всегда и у всякаго равно пріобрѣли бы вы побѣды и награды, «писалъ Суворову Потемкинъ,» но не всякій съ такимъ удовольствіемъ, какъ я, препроводилъ бы вамъ награду. Увѣрься, графъ А. В., что я добрый человѣкъ и буду такимъ!»

Принцъ Кобургскій справедливо называлъ Рымникскую битву обильною послѣдствіями. Почти безъ боя (ибо Фокшанская и Рымниская битвы были пораженія, а не сраженія) Русскіе очистили все пространство земель до Дуная, заняли Кишеневъ Каушаны, Паланку, Аккерманъ. Сентября 14-го взято приморское укрѣпленіе Гаджибей, находившееся на томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ заложена была великолѣпная Одесса. Едва явился Потемкинъ передъ Бендерами, эта крѣпость, защищаемая 16,000 гарнизона и 300 пушекъ, сдалась безъ всякаго сопротивленія. Не менѣе успѣшно воевали австрійцы. Ослабленіе силъ турецкихъ на верхнемъ Дунаѣ, и ужасъ, распространившійся между турками послѣ Рымникской битвы, дали возможность Лаудону взять Бербиръ, изгнать турковъ изъ Банната, и наконецъ овладѣть Бѣлградомъ (въ концѣ сентября,) за что наградою его былъ чинъ генералиссимуса. Принцу Кобургскому велѣно было занять Валахію. Онъ безъ сопротивленія вступилъ въ Букарестъ. Турки стояли за Дунаемъ, войска союзниковъ расположились на зимнія квартиры. Русскіе занимали области отъ Бендеръ до Яссъ, гдѣ была главная квартира Потемкина.—Но къ чему вели подвиги изумительные? Потемкинъ велъ переговоры о мирѣ съ Гассаномъ, возведеннымъ въ санъ великаго визиря, и мечтая прежде о завоеваніи Царьграда съ досадою видѣлъ, что турки спорятъ объ утвержденіи за Россію даже тѣхъ земель, коими она уже нѣсколько лѣтъ обладала?

Не такихъ слѣдствій ожидалъ, да не такъ хотѣлъ и поступать Суворовъ. «Для чего нейдемъ мы къ Царьграду, когда флотъ нашъ въ то же время осадилъ бы султанскую столицу съ моря?» говорилъ онъ другу своему Дерфельдену. «Надобно пользоваться побѣдою—впередъ, впередъ! Время всего дороже. Отвѣчаю за успѣхъ, если мѣры будутъ наступательныя. Для чего мѣры оборонительныя?.... Что еще ждать намъ визиря и стоять на мѣстѣ, бить тупымъ концомъ, когда можемъ колоть острымъ?» Слова Суворова не были хвастовствомъ: онъ доказывалъ ихъ на дѣлѣ—не въ его волѣ было исполнить то, что казалось ему такъ легко для исполненія. Другія помышленія занимали тогда Австрію, Россію, Екатерину, Іосифа, Потемкина. Терзаемый неисцѣлимою, предсмертною болѣзнію, униженный несчастнымъ началомъ войны съ Турціею, обманутый во всѣхъ своихъ реформахъ, видя волненія въ Нидерландахъ и Венгріи, Іосифъ хотѣлъ мира, требовалъ

спокойствія, совершенно разочарованный въ жизни, потерявшій всякую систему въ политикѣ. Пользуясь его душевнымъ и тѣлеснымъ разстройствомъ, Пруссія оспорила у него первенство въ политикѣ, скрѣпляла союзъ съ Польшею и Швеціею, повелительно принуждала Іосифа къ миру съ оттоманами, — даже поставила войско на границѣ, угрожая войною. Лаудонъ долженъ былъ отложить турецкую войну и принять начальство надъ австрійскимъ войскомъ выставленнымъ противъ прусскаго. Оскорбленная поступками Пруссіи и Польши, видя неспособность Потемкина, какъ полководца, но не рѣшаясь смѣнить его, досадуя, что побѣды не принуждаютъ Швецію къ миру, и не надѣясь болѣе на Іосифа, Екатерина строго подтверждала Потемкину мириться съ Турціею, требуя только одного не унизить достоинства Россіи миромъ. Другія предпріятія увлекали императрицу. Потемкинъ, дряхлый отъ трудовъ, роскоши, пресыщенія всѣми благами міра и терзаній ненасытнаго властолюбія, чувствовалъ изнуреніе силъ, близость смерти (хотя ему только 56 лѣтъ), чувство честолюбія сохранялось еще въ немъ, но не прежняго, высокаго, соединеннаго съ мечтами о славѣ и благѣ отечества—честолюбія мелкаго, соединеннаго съ боязнью видѣть себя смѣненнымъ при дворѣ новымъ временщикомъ, дожить до опалы, паденія, низверженія съ той степени силы и власти, на которой стоялъ онъ пятнадцать лѣтъ. Какъ самовластитель роскошествуя въ Яссахъ, осыпанный новыми наградами (онъ былъ пожалованъ шефомъ полка его имени, 100,000-ми рублей, брилльянтовымъ вѣнкомъ въ 150,000 рублей, чиномъ гетмана казацкихъ войскъ,) Потемкинъ замѣчалъ явное измѣненіе въ поступкахъ Екатерины. Онъ искалъ мира съ Турціею, велъ переговоры и видѣлъ неудачу, ибо юный султанъ, подкрѣпляемый политикою Англіи, Пруссіи и Франціи, не робѣлъ русскихъ побѣдъ, и понималъ, что онѣ ни къ чему не поведутъ побѣдителей, при тогдашнемъ положеніи Европейской политики.

Такъ прошла зима 1789 года. Императоръ и Потемкинъ ничего не оканчивали, и ни тотъ, ни другой не думали о рѣшительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ февралѣ 1790 года скончался Іосифъ. Мѣсто его заступилъ кроткій Леопольдъ. Медленно началъ Потемкинъ движеніе русскихъ войскъ. Леопольдъ смирилъ гордость дотолѣ изъявляемую Австріею, съѣхался съ королемъ прусскимъ въ Рейхенбахѣ и договаривался съ нимъ о мирѣ, при посредствѣ Англіи и Голландіи. Только въ дѣлежѣ не могли условиться. Пруссія требовала себѣ Данцига и Торуна, съ тѣмъ, что Австрія возвратитъ Польшѣ Галицію, за которую обѣщали Леопольду выторговать у Султана часть Валахіи.

Переговоры шли безъ участія Екатерины. Не только не требовали ея согласія, но полагали, въ случаѣ упорства ея, обратить на нее силы Австріи и Пруссіи, подкрѣпляя Турцію, Шве-

цію и Польшу. При такомъ отношеніи, Екатерина уже не думала о Турціи. Войну подерживала для вида. Два корпуса русскіе придвинулись къ польскимъ предѣламъ. Третій собрался на Двинѣ; остальное войско прикрывало Очаковъ и Бендеры. Только Суворовъ оставался для дѣйствія въ Берладѣ. Желая ускорить переговоры о мирѣ съ Султаномъ, Австрійцы заняли Орсову, осадили Журжу, но были отбиты, и турки рѣшились остановить непріятеля. Визирь перешелъ чрезъ Дунай въ Рущукѣ съ 80,000 войска. Принцъ Кобургскій просилъ помощи. Суворову велѣно соединиться съ нимъ. Герой радостно полетѣлъ въ битву. Безъ сомнѣнія турокъ ожидала гибель, тѣмъ болѣе, что принцъ Кобургскій имѣлъ до 45,000 войска, но судьба вырвала у Суворова новую побѣду! Смотря по слухамъ о приближеніи визиря и успѣхахъ или замедленіи переговоровъ съ султаномъ австрійцевъ, Потемкинъ, то подвигалъ, то останавливалъ Суворова. іюля 10-го Суворовъ былъ уже въ Киліенахъ, и простоялъ здѣсь двѣ недѣли; двинулся до Гилешти, и—стоялъ мѣсяцъ; въ два дня перешелъ 70 верстъ до Низапени, и снова мѣсяцъ бездѣйствовалъ. Наконецъ велѣно было сражаться. Въ три дня пролетѣлъ Суворовъ 126 верстъ, до Афумача близь Бухареста, увидѣлся съ другомъ своимъ принцемъ Кобургскимъ, расположилъ планъ битвы..... еще нѣсколько часовъ и битва огласила-бы берега Дуная! Но вмѣсто того принцъ получилъ извѣстіе о мирѣ Австріи съ Турціею и приказъ о немедленномъ очищеніи Валахіи. Потемкинъ ужаснулся видя, что Суворовъ останется съ малымъ корпусомъ противъ Визиря, и спѣшилъ возвратить его.

Между тѣмъ по приказанію Потемкина осаждали Килію и обложили Измаилъ. Рибасъ очистилъ Дунай отъ турецкихъ лодокъ. Килія сдалась Гудовичу октября 18. Гудовичъ обратился къ Измаилу, пока Рибасъ занималъ Тульчу и Исакчу. Потемкинъ думалъ угрозами взять Измаилъ, но Измаилъ былъ не Килія, не Тульча и не Исакча. Грозныя стѣны его защищалъ 40,000 гарнизонъ, подъ начальствомъ сераскира, поклявшагося умереть, а не сдаваться. Генералъ-маіоръ М. Л. Кутузовъ, безсмертный въ послѣдствіи великою войною 1812 г., началъ осаду. Ноября 20 Гудовичъ донесъ Потемкину о невозможности взять Измаилъ въ настоящемъ году. «Вижу пространныя толкованія, а не вижу вреда непріятелю,» отвѣчалъ ему Потемкинъ, и 25 ноября послалъ приказъ Суворову взять Измаилъ. Отвѣтъ Суворова состоялъ въ словахъ: «Получа повелѣніе В. С., отправился я къ Измаилу. Боже! дай помощь свою!»

Но русскіе уже отступили отъ Измаила, не дожидаясь распоряженій Потемкина, изнуряемые осеннею непогодою, болѣзнями, недостаткомъ запасовъ и снарядовъ. Потемкинъ, всегда раздумчивый и робкій, когда надлежало дѣйствовать, испугался слѣдствій своего приказа Суворову, и увѣдомляя его объ отступленіи

Гудовича, писалъ: «Получивъ извѣстіе объ отступленіи русскихъ войскъ отъ Измаила, предоставляю В. С. рѣшить: продолжать или оставить предпріятіе на Измаилѣ? Вы на мѣстѣ. Руки у васъ развязаны, и вы, конечно, не упустите ничего, что способствуетъ пользѣ службы и славѣ оружія.»

Такимъ образомъ на отчетъ Суворова отданъ былъ подвигъ, огромность коего донынѣ изумляетъ смѣлыхъ и опытныхъ воиновъ. Графъ Дибичъ, находясь въ Адріанополѣ, вблизи Царьграда, говорилъ: «Взятіе Измаила почитаю я самымъ отважнымъ дѣломъ въ военной исторіи—я не рѣшился бы на него!» Суворовъ, рѣшаясь на взятіе Измаила, клалъ въ таинственную урну судьбы славу сороколѣтнихъ подвиговъ — болѣе: самую жизнь свою, ибо позора—неудачи не могъ бояться Рымникскій герой: онъ рѣшался не пережить его. Но дабы судить о высокомъ рѣшеніи Суворова, надобно знать, что былъ тогда Измаилъ.

Эта громадная крѣпость, по обширности своей названная турками Орду-Калеси (крѣпость сбора войскъ,) занимала въ окружности 10 верстъ, и составляя треугольникъ примыкалась одною стороною къ Дунаю, гдѣ ограждала ее каменная стѣна; съ другихъ сторонъ былъ земляной валъ, въ 4 сажени вышиною, со рвомъ въ 7 саженъ глубины; 250 пушекъ и 40,000 гарнизона (въ томъ числѣ наполовину было спаговъ и янычаръ) охраняли Измаилъ, подъ начальствомъ сераскира Ау-дузлу-паши, старика, посѣдѣлаго въ битвахъ. При немъ было нѣсколько пашей и находился братъ Крымскаго Хана Капланъ-Гирей, съ шестью юными сыновьями. Надобно вспомнить объ отчаянной храбрости турокъ при защитѣ крѣпостей: робкій бѣглецъ въ полѣ, оттоманъ непобѣдимъ за стѣнами крѣпости! Для взятія Измаила у Суворова было 28,000 войска, унылаго, ослабленнаго недостатками, на половину состоявшаго изъ казаковъ. Время было ужасное: грязь и холодъ отнимали средства дѣйствовать.

Послѣ перваго отвѣта Потемкину, посланнаго изъ Галаца, Суворовъ сѣлъ на казацкую лошадь, и на другой день, съ отрядомъ казаковъ, былъ уже подъ Измаиломъ (2 декабря.)

«Къ Измаилу я прибылъ,» написалъ онъ немедленно къ Потемкину. Войска уже отступали. Суворовъ приказалъ воротиться. Двухсмысленное повелѣніе Потемкина растолковалъ онъ по своему: «Воля отступать и не отступать, слѣдовательно отступать не приказано.» «Безъ особаго повелѣнія вашего—безвременно отступить было бы постыдно,» писалъ онъ Потемкину отъ 3 декабря.— «Ничего не обѣщаю. Гнѣвъ и милость Божія въ его провидѣніи— войско пылаетъ усердіемъ къ службѣ!»

Суворовъ не обманывалъ. Одно волшебное имя его уже переродило всѣхъ. На военномъ совѣтѣ, тѣ самые люди, которые приходили въ отчаяніе за два дня, положили единодушно: «штурмовать Измаилъ — блокада безполезна; спрашивать повелѣній не

нужно; отступать предосудительно.» Платовъ, славный въ войнѣ 1812 года, какъ младшій изъ всѣхъ, первый подписалъ рѣшеніе совѣта и первый подалъ голосъ: «штурмовать!» «Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!» воскликнулъ Суворовъ, обнимая его. «Сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра—побѣда или смерть!» вскричалъ онъ, когда утверждено было общее рѣшеніе. Къ сераскиру послали декабря 2 требованіе о сдачѣ. Онъ совѣтовалъ русскимъ «убраться поскорѣе, если не хотятъ погибнуть отъ холода и голода.» Послали еще разъ. «Скажи Суворову» былъ отвѣтъ сераскира, «что прежде небо упадетъ на землю и Дунай потечетъ къ верху, нежели я сдамъ Измаилъ!» Между тѣмъ русскіе дѣятельно готовили фашины и лѣстницы. Суворовъ самъ училъ солдатъ, какъ ставить лѣстницы, какъ лѣзть на стѣны и сражаться. Утромъ 10 числа, желая занять вниманіе турокъ, открыли пальбу съ флота и съ двухъ баттарей. Вечеромъ она смолкла. Сильнымъ морозомъ скрѣпило грязь. Войско было готово. Пала темная ночь—послѣдняя для столькихъ тысячъ храбрыхъ! Все войско русское дѣлилось на три отдѣленія и въ каждомъ было по три колонны. Первымъ отдѣленіемъ начальствовалъ генералъ-поручикъ Потемкинъ (П. С.;) вторымъ генералъ-поручикъ Самойловъ; третьимъ Рибасъ (бывшій тогда контръ-адмираломъ и снова изъявившій Суворову прежнюю дружбу.) Начальниками колоннъ были: генералъ-маіоры Львовъ, Ласси, Мекнобъ, Безбородко, Кутузовъ, Арсеньевъ, бригадиры Платовъ, Орловъ, Марковъ, атаманъ запорожскій Чепега. Волонтерами при войскѣ находились: сынъ принца Делина; эмигранты: герцогъ Фронсакъ (въ послѣдствіи достопамятный герцогъ Решилье, градоправитель Одесскій и министръ Людовика XVIII-го), графъ Ланжеронъ (герой 1812 года), графъ Валеріанъ Зубовъ, братъ любимца императрицы. Нельзя не удивляться, читая подробности диспозиціи штурма—каждому предписывалось въ точности назначеніе его.

Ни въ городѣ, ни въ лагерѣ русскихъ никто не спалъ. Полки двигались. Осажденные готовились, увѣдомленные отъ перебѣжчиковъ о наступающей грозной минутѣ. Суворовъ объѣзжалъ войско; говорилъ съ офицерами и солдатами; являлся всюду. Радостно привѣтствовали его солдаты.

Въ три часа взлетѣла ракета—всѣ взялись за оружіе; въ четыре часа другая—построились; въ пять третья и—въ одно мгновеніе колонны двинулись къ Измаилу. Стѣны Измаила вспыхнули огнемъ, и скоро крики: ура! алла! показали начало неслыханнаго воинскаго подвига. . . .

Везувій пламень изрыгаетъ,
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ,
Богрово зарево зіяетъ,
Дымъ черный клубомъ въ верхъ летитъ;
Блѣднѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,

Ударамъ въ слѣдъ гремятъ удары,
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ,
Клокочутъ рѣки рдяной лавы—
О Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

Такъ описываемъ взятіе Измаила Державинъ. Не будемъ разсказывать подробностей, довольствуясь немногими чертами. «Въ Измаилѣ не крѣпость была взята, но истреблена была сорокатысячная армія, защищенная укрѣпленіями,» говорилъ Потемкинъ въ донесеніи. Побѣдители сами изумлялись, когда днемъ осматривали рвы и валы, по которымъ ночью перешли подъ губительнымъ огнемъ непріятелей. Первый взошедшій на стѣны былъ маіоръ Неклюдовъ, вызвавшійся идти съ охотниками. Прежде всѣхъ достигла на валъ колонна Ласси. Бросивъ лѣстницы, солдаты лѣзли безъ нихъ, втыкая въ валъ штыки. Въ одномъ мѣстѣ русскіе дрогнули—среди нихъ явился священникъ, и именемъ Бога—побѣдоносца, держа въ рукѣ крестъ, повелъ ихъ впередъ.

Колонна Кутузова остановилась. Онъ извѣстилъ Суворова о невозможности идти далѣе.

«Скажите Кутузову, что я жалую его комендантомъ Измаила!» отвѣчалъ Суворовъ. «Мы другъ друга знаемъ,» говорилъ Суворовъ послѣ взятія Измаила, «ни онъ, ни я не пережили-бы неудачи!»

Въ 8 часовъ утра русскіе овладѣли всѣми внѣшними укрѣпленіями, но имъ предлежала битва не менѣе страшная. Каждая улица, каждый домъ были оспариваемы съ оружіемъ въ рукахъ. Капланъ-Гирей сражался, окруженный своими сыновьями; пятеро изъ нихъ пали въ его глазахъ, и на трупы ихъ, послѣдній—палъ отецъ! Сераскиръ убитъ въ свалкѣ. Сражались даже женщины, ибо пощады не было; только одинъ человѣкъ ушелъ изъ Измаила и принесъ визирю вѣсть о взятіи русскими непобѣдимой крѣпости—до 23,000 турокъ было убито, и только до 5,000, и то большею частію раненыхъ, взято въ плѣнъ.

Въ числѣ убитыхъ было около 60 пашей. Въ 4 часа по полудни Измаилъ лежалъ безмолвною могилою, опаленный пожаромъ, залитый кровью, заваленный трупами, и Суворовъ писалъ Императрицѣ: «гордый Измаилъ у ногъ В. И. В.,» а къ Потемкину: «не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но Измаилъ взятъ—поздравляю В. С.»

Изъ 28,000 русскихъ было убито до 4,000, ранено 6,000; изъ 650 офицеровъ убито и ранено до 400.

Въ числѣ убитыхъ были: бригадиръ Рибопьеръ, 7 полковниковъ, 8 маіоровъ; въ числѣ раненыхъ: 5 генераловъ (изъ нихъ Мекнобъ умеръ отъ раны,) 12 полковниковъ и подполковниковъ, 24 маіора.

Добыча войску досталась несмѣтная—огромные запасы хлѣба, пшена, кофе, рыбы, скота, лошадей. Имѣнія турокъ свезены были

въ Измаилъ для сохраненія изъ Киліи, Аккермана, Хотина и Бендеръ. Изъ числа жителей уцѣлѣло 6,000 женщинъ и дѣтей, 2,000 молдаванъ и армянъ, 200 татаръ, 5,000 жидовъ. Знаменъ и древковъ знаменныхъ, съ коихъ знамена сорвали въ дракѣ, взято было 595, пушекъ 232.

На другой день, Суворовъ пѣлъ благодареніе Богу въ церкви греческаго монастыря св. Іоанна, и подлѣ могилы Вейсмана похоронилъ Рибопьера. Шесть дней очищали городъ, трупы турокъ бросали въ Дунай.

Чрезъ два дня былъ пиръ на кораблѣ у Рибаса, потомъ пировали у генерала Потемкина. Черезъ недѣлю войско пошло на зимнія квартиры. Суворовъ отправился въ Галацъ, по прежнему, верхомъ на казацкой лошадкѣ. Взятіе Измаила поставило Суворова имя выше всѣхъ его современниковъ. Онъ не скрывалъ, что гордился своимъ подвигомъ, не скрылъ и своего негодованія, когда при первомъ личномъ свиданіи Потемкинъ встрѣтилъ его словами: «чѣмъ могу наградить тебя, Александръ Васильевичъ?» «Кромѣ Бога и императрицы никто наградить меня не можетъ— я не купецъ и не торговаться съ вами пріѣхалъ!» отвѣчалъ ему Суворовъ. Пора была высказать истину Потемкину! Суворовъ уже не боялся его, и не думалъ о томъ, что гордый временщикъ оскорбится. Они разстались холодно. Императрица звала Суворова въ Петербургъ, въ январѣ. Онъ отправился въ столицу и былъ пожалованъ въ подполковники гвардіи Преображенскаго полка.

Награда была не щедрая за подвигъ неслыханный, ибо подполковниковъ гвардейскихъ считалось тогда одинадцать: фельдмаршалы Разумовскій, Румянцевъ, Потемкинъ; генералъ-аншефы два Салтыковыхъ, Брюсъ, Рѣпнинъ, Прозоровскій, Мусинъ-Пушкинъ, Долгорукій—Суворовъ былъ младшій изъ всѣхъ.»

Такія побѣды Суворова, хотя и потрясли Турцію, но она не изъявляла еще согласія на миръ, потому что надѣялась на содѣйствіе со стороны своей смѣлаго союзника короля Густава III.

При вступленіи на престолъ этого короля Швеція была въ страшно бѣдственномъ положеніи отъ самоволья дворянства, ограничивавшаго королевскую власть, находившагося подъ вліяніемъ иностранныхъ державъ, которыя поддерживали внутри этого государства раздоры партій и тѣмъ ослабляли его внѣ. Густавъ III, обладая образованнымъ умомъ, смѣлостью и честолюбіемъ, задумалъ положить конецъ внутреннимъ безпорядкамъ усиленіемъ королевской власти надъ своевольнымъ высшимъ сословіемъ и послѣ того воротить Швеціи все ея могущество и славу, которыя она имѣла при Карлѣ XII. Безъ особеннаго труда король ограничилъ права и привиллегіи дворянства, стѣснявшія доселѣ королевскую власть, въ чемъ помогали коронѣ духовенство, войско и городскіе жители, много терпѣвшіе отъ необузданныхъ ари-

стократовъ. Успѣхъ короля во внутренней борьбѣ съ аристократами заставилъ еще болѣе его думать о пріобрѣтеніи обратно шведскихъ областей, уступленныхъ сосѣдямъ. Такое желаніе Густава III повело къ его непріязни съ Екатериною и даже едва не къ войнѣ, которую хотѣла Швеція объявить Россіи во время пугачевскаго бунта, такъ какъ она владѣла по ништадтскому миру Финляндіей и другими шведскими областями.

Объявленіе Екатеринѣ второй турецкой войны дало королю поводъ надѣяться на возвращеніе Финляндіи; а происки Англіи, которая враждуя къ Россіи за установленія вооруженнаго нейтралитета, привели Густава III къ союзу съ Турціей и разрыву съ Екатериной. По договору съ султаномъ, король шведскій обязался оружіемъ поддержать притязанія Турціи на Крымъ, а султанъ далъ Швеціи денежную субсидію на вооруженіе войска и флота.

Шведское войско вступило въ Финляндію, откуда король написалъ Екатеринѣ, что Россія должна возвратить ему всѣ владѣнія ея въ Финляндіи, а султану Крымъ, и тогда Швеція успокоится. Гордый тонъ королевскаго письма заставилъ сказать графа Сегюра, что Густавъ III пишетъ такъ, какъ будто-бы онъ уже выигралъ три сраженія. Екатерина отвѣчала: «если-бы онъ овладѣлъ даже Петербургомъ и Москвою, и тогда не приняла-бы я столь унизительныхъ условій; сама выступила-бъ съ войскомъ и доказала-бъ свѣту, что можно сдѣлать, предводительствуя русскими.» Король получилъ отказъ, и война началась. Впрочемъ, разрывъ съ Швецію произошелъ для Россіи въ самое неблагопріятное время; русскія войска стояли на югѣ, а въ Петербургѣ оставалась только гвардія, число которой не достигало и пятнадцати тысячъ. Къ счастію, русскій флотъ, подъ начальствомъ героя Чесмы, адмирала Грейга, не успѣлъ отплыть въ Средиземное море и встрѣтилъ у Гохланда шведскую эскадру подъ командой герцога Зюдерманландскаго, гдѣ завязался страшной бой. Дѣйствія Грейга были такъ удачны, что герцогъ потерпѣлъ пораженіе и поспѣшилъ укрыться въ Свеаборгѣ.

Въ то-же время шведы на сухомъ пути дѣйствовали также неудачно. Король лично распорядился раздѣлить свою армію на нѣсколько корпусовъ и одновременно началъ осаду цѣлаго ряда крѣпостей: Выборга, Нейшлота, Кексгольма и Вильманстранда. Разрозненное войско шведовъ ничего не могло сдѣлать рѣшительнаго и начало осенью гибнуть отъ болѣзней. Дворянство, узнавъ о неудачной кампаніи своего короля, подняло вопросъ о томъ, что война начата безъ согласія сейма; а также заволновалось и войско. Все это заставило короля ѣхать въ Стокгольмъ, чтобъ успокоить мятежныхъ дворянъ и кромѣ того распорядиться защитой Готенбурга, который блокировалъ союзный флотъ Россіи и Даніи. Встрѣча Густава III въ его столицѣ была такъ враж-

дебна, что онъ отправился въ провинцію Далекарлію, издавно преданную дому Вазы, гдѣ появленіемъ своимъ между воинственными и истинно преданными его предкамъ далекарлійцами король съумѣлъ вооружить ихъ въ защиту своихъ правъ: дворянство смирилось и Готенбургъ былъ защищенъ. Мало того, угроза Англіи послать въ Балтійское море свой флотъ заставила Датскаго короля отстать отъ союза съ Россіей и примириться съ Густавомъ.

Въ слѣдующемъ году шведы начали морскую кампанію въ Финскомъ заливѣ тѣмъ, что герцогъ Зюдерманландскій, возвратившійся еще по осени изъ Свеаборга въ Швецію, отплылъ оттуда къ Ревелю и засталъ тамъ ревельскую эскадру Чичагова. Бой русскихъ со шведами былъ упоренъ; но все таки герцогъ принужденъ былъ Чичаговымъ уйдти отъ Ревеля въ Кронштадтъ. Адмиралъ Крузъ, который показалъ себя героемъ въ водахъ Архипелага, преградилъ дорогу герцогу и началъ близь острова Сескара битву со шведами. Герцогъ, вступая въ бой съ этой кронштадской эскадрой Круза, зналъ хорошо, что король стоитъ у Выборга съ гребной флотиліей и жаждетъ скорѣй быть въ Петербургѣ, и потому хотѣлъ уничтожить Круза, заслонявшаго Петербургъ. Густавъ III, зная, что пушечная пальба битвы при Сескарѣ цѣлый день слышалась въ Петербургѣ, поинтересовался узнать, слышала-ли ее Екатерина, которая на это отвѣчала, что 25 лѣтъ она слышитъ въ Петербургѣ пустыя пушки. Герцогу пришлось опять потерпѣть неудачу и укрыться въ выборгскую гавань, гдѣ стоялъ и флотъ короля. Соединившіяся тѣмъ временемъ эскадры Чичагова и Круза, разсудившихъ, что король и герцогъ попали въ ловушку, заперли входъ въ гавань и окружили Выборгъ съ сухопутья дессантнымъ войскомъ, отрѣзавъ этимъ всѣ пути къ подвозу продовольствія. Черезъ мѣсяцъ шведы стали чувствовать недостатокъ въ съѣстномъ и въ водѣ.

Видя стѣсненное положеніе шведовъ, принцъ Нассау-Зингенскій предложилъ Густаву III сдаться русскимъ на капитуляцію, но гордый король рѣшился пробиться сквозь линію русскихъ кораблей и исполнилъ это подъ страшнымъ огнемъ съ русскихъ кораблей. Король въ этомъ бою показалъ себя героемъ, былъ вездѣ, гдѣ только являлась опасность, и больше половины своего флота увелъ въ Свеаборгъ.

Пораженіе при Выборгѣ было тяжело для шведовъ; но битва при Роченсальмѣ, кончившаяся пораженіемъ принца Нассау-Зингенскаго, обрадовала короля. Дѣло произошло такъ: шведская гребная флотилія бѣжала отъ Выборга, а принцъ гнался за нею, но попалъ на камни и мели такъ называемыхъ шкеръ; половина судовъ его разбилась и шведы, замѣтивъ несчастіе русскихъ, напали на гибнущую эскадру принца и взяли въ плѣнъ до 6000 человѣкъ.

Роченсальмское пораженіе русскихъ не остановило Густава

III, разочарованнаго своими неудачами, искать мира съ Екатериной, которая въ свою очередь видѣла неуспѣхи своей арміи въ борьбѣ съ турками, опасалась разрыва съ Англіей, Пруссіей и Польшей и, лишившись друга своего Іосифа II, провѣдала о намѣреніи его преемника заключить союзъ съ Турками.

На берегу Кимени, въ верельской долинѣ былъ подписанъ договоръ Россіи съ Швеціей о вѣчномъ мирѣ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Швеція отказывается отъ союза съ Турціей и 2) Россія признаетъ существующій образъ правленія въ Швеціи законнымъ и платитъ единовременно Густаву III значительную сумму денегъ за то, чтобъ онъ не вступалъ въ союзъ съ Англіей.

Конгрессъ въ Рейхенбахѣ Англіи, Пруссіи, Польши и Голландіи примирилъ только Леопольда II, императора австрійскаго съ султаномъ, а Екатерина отвергла всѣ предложенія посредничества, приказавъ Потемкину энергичнѣе вести войну.

Паденіе Измаила заставило дружественныя Турціи державы для спасенія ея начать военныя дѣйствія противъ Россіи, а именно: Англія стала приготовлять свой флотъ къ отплытію въ Балтійское море, прусская армія пошла въ Курляндію, а польская заняла Волынь. Враждебныя дѣйствія эти не поколебали Екатерины, а только заставили ее не настаивать на дарованіи портою независимости Молдавіи и Валахіи и объявить, что уступка Россіи Очакова и сохраненіе за нею Крыма положитъ конецъ войнѣ.

Не смотря на это вмѣшательство державъ, Турція сама предложила Россіи вступить въ переговоры о мирѣ, благодаря пораженію великаго визиря у Мачина княземъ Рѣпнинымъ, замѣнившимъ Потемкина, который уѣхалъ ко двору въ Петербургъ. Рѣпнинъ узналъ, что турки стягиваются въ большомъ числѣ къ Мачину, гдѣ находится и великій визирь, чтобы оттуда проникнуть въ Бессарабію, пошелъ со всей русской арміей туда и, перейдя Дунай, нанесъ непріятелю страшное пораженіе. Побѣда при Мачинѣ заставила султана послать уполномоченныхъ для переговоровъ съ Рѣпнинымъ о мирѣ, предварительныя статьи котораго были подписаны въ Галацѣ и пересланы Рѣпнинымъ въ Петербургъ. Военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ по волѣ Екатерины и султана, одобрившихъ Галацкій мирный проэктъ, прекратились и въ Яссахъ начались переговоры объ окончательномъ мирѣ, во время которыхъ Потемкинъ скончался. Пріѣхавшій на мѣсто покойнаго, графъ Безбородко 29 Декабря 1791 года подписалъ миръ съ портой на такихъ условіяхъ, что Турція обязывается соблюдать всѣ условія кайнарджійскаго договора, отказывается отъ всѣхъ своихъ притязаній на Крымъ, который признаетъ на вѣчно присоединеннымъ къ Россіи и уступаетъ ей городъ Очаковъ и всѣ турецкія земли между Днѣстромъ и Бугомъ въ вѣчное владѣніе.

Во время второй войны съ Турціей, Польша оказала враждебность къ Россіи и нарушила договоръ 1775 года, по которому обязалась хранить основные законы Рѣчи Посполитой и быть въ союзѣ съ Россіей. Основными законами были избирательное правленіе, во главѣ съ королемъ отъ Пяста, единогласное рѣшеніе дѣлъ на сеймѣ, наблюдательный совѣтъ за исполненіемъ законовъ, охрана правъ диссидентовъ и войско не болѣе 30,000 человѣкъ.

Хотя Польша и наслаждалась послѣ 1775 года всѣми благами мира, чему конечно была обязана Россіи, но будто бы потеря, какъ выражались поляки, златой вольности, иначе сказать, своеволія и необузданности, заставляла ихъ только ждать времени, чтобы избавиться отъ благотворнаго вліянія Екатерины. Когда Турція и Швеція вступила въ войну съ Россіей, поляки подняли голову, не пропустили чрезъ свои владѣнія часть русской арміи на Дунай, какъ того желалъ петербургскій дворъ, и отказали въ продовольствіи для украинской арміи. Нѣсколько времени спустя, Польша увеличила свою армію до 100,000 человѣкъ, заключила союзъ съ Пруссіей о взаимной помощи, хотя знала о дружбѣ берлинскаго двора, и двинула свои войска въ Волынь.

Екатерина видѣла все это, но терпѣла до тѣхъ поръ, пока поляки не коснулись измѣненія своихъ основныхъ законовъ, заключавшихся въ отмѣнѣ избранія королей и признаніи польской короны наслѣдственною въ домѣ Курфирста Саксонскаго, въ допущеніи рѣшенія дѣлъ на сеймѣ по большинству голосовъ и въ уничтоженіи исполнительнаго совѣта.

Такое измѣненіе основныхъ законовъ, т. е. конституціи Польши, раздѣлило поляковъ на двѣ враждебныя партіи; защитникомъ новыхъ постановленій явился Игнатій Потоцкій, а противникомъ ихъ братъ его Феликсъ и вельможа Ржевусскій, которые вдвоемъ составили конфедерацію въ Тарговицахъ, въ Подольи, и обратились за помощью къ Екатеринѣ.

Торговицкая конфедерація была признана Россіей и на помощь ей двинуто русское войско: генералъ Коховскій занялъ Волынь, а Кречетниковъ Литву, гдѣ также составилась уже Виленская конфедерація изъ приверженцевъ Феликса Потоцкаго.

Станиславъ Августъ къ величайшему изумленію Екатерины принялъ сторону сейма, надѣясь на помощь противъ Россіи иностранныхъ державъ; но жестоко обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Австрія присоединилась къ Россіи; Пруссія за отказъ сейма отдать Данцигъ и Торнъ даже двинула свои войска противъ поляковъ; а Франція только одобрила поведеніе короля и сейма.

Оставленная всѣми, Польша не могла успѣшно вести войну; въ два мѣсяца армія была уничтожена, и явившійся изъ Америки храбрый и искусный литвинъ Тадеушъ Костюшко, хотя и удер-

жалъ русскихъ въ Литвѣ и Подольи, но въ концѣ концевъ отказался продолжажь борьбу съ русскими.

Станиславу Августу осталось только просить Екатерину пощадить Польшу и его тронъ. Екатерина отвѣчала королю, что всѣ поляки должны принять программу Тарговицкой конфедераціи и составить генеральную конфедерацію въ Гродно для утвержденія устройства Польши. Король со всѣми вельможами открылъ гродненскій сеймъ, а Игнатій Потоцкій, Костюшко и другіе враги Россіи удалились за границу. Русскій посолъ Сиверсъ предъявилъ на сеймѣ требованіе Екатерины уступить Россіи ея исконныя области: Подольскую, Минскую и Волынскую, а всего 4600 кв. миль съ 3 милліонами жителей, а Пруссіи отдать часть великой Польши съ гор. Данцигомъ и Торномъ.

Сеймъ подчинился волѣ Екатерины и польское государство уменьшилось до 4000 кв. миль, т. е. сдѣлалось такимъ же незначительнымъ, какъ до присоединенія княжества литовскаго; число войска ея опредѣлено не болѣе 15,000 чел. и возстановлены всѣ условія договора 1775 года, и принято поляками еще обязательство не воевать и не заключать договоровъ безъ согласія Россіи. Для водворенія порядка русское войско вступило въ Варшаву и поляки смирились; но не надолго.

Въ Дрезденѣ, столицѣ Саксоніи, даровитый и храбрый Костюшко составилъ обширный заговоръ съ цѣлью востановить польскую республику; его агенты расходились по Польшѣ и волновали умы. Въ страстную недѣлю, особенно чтимую христіанами, мятежники бросились рѣзать русскихъ солдатъ въ Варшавѣ и разныхъ мѣстахъ Польши. Кровь застигнутыхъ въ расплохъ русскихъ, которыхъ въ одной Варшавѣ было убито болѣе 2000 чел., обагрила мятежную польскую землю, но отмщеніе за это было не далеко.

Хотя король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ двинулъ свои войска въ Польшу, но Добровскій взволновалъ Познань и пруссаки вернулись туда. Пользуясь этимъ, Костюшко прибылъ въ Польшу, объявилъ себя диктаторомъ ея и собралъ многочисленную армію, потому что мятежъ распространился почти до Днѣпра.

Екатерина отправила для усмиренія Польши значительную армію, начальство надъ которой предположила вручить Румянцеву, опытному политику и славному полководцу, который жилъ въ это время на покоѣ въ Малороссіи. Въ своемъ письмѣ Екатерина, приглашая героя задунайскаго командовать дѣйствующей противъ Польши арміей, писала ему: «Вы знаете, какъ помнитъ отечество Ваши незабвенныя заслуги ему, и какъ обрадуется войско, когда услышитъ, что обожаемый Велизарій снова имъ предводительствуетъ.»

Румянцевъ, бывшій въ отставкѣ со времени увольненія его отъ командованія Украйнской арміей, хилый и больной, нахо-

дился почти на краю могилы; но письмо императрицы оживило его, а любовь къ отечеству и войнѣ руководила рукой маститаго старца, когда онъ отвѣчалъ: «мнѣ-ли щадить остатокъ силъ своихъ, когда каждый готовъ пролить кровь свою за отечество.»

Появленіе Румянцева въ арміи воодушевило ее, а вызовъ изъ Крыма графа Суворова далъ дряхлому фельдмаршалу вѣрнаго и отважнаго исполнителя его плановъ. Румянцевъ послалъ Суворова въ Волынь обезоружить нѣсколько десятковъ тысячъ мятежниковъ, которые поджидали тамъ прихода Костюшки и въ короткое время, безъ кровавыхъ расправъ, они положили оружье. Пораженный такимъ искусствомъ Суворова, главнокомандующій довѣрилъ Суворову важное порученіе: идти на Варшаву, гдѣ было скопище главныхъ мятежниковъ, и взять ее, соединившись на дорогѣ съ корпусомъ генерала Ферзена. Предводитель польскій Сѣраковскій у Бреста заградилъ Суворову путь къ Варшавѣ, приказавъ отряду Макрановскако обойдти русскихъ и ударить сзади, чтобы вѣрнѣе истребить ихъ. Суворовъ неожиданно самъ бросился на Сѣраковскаго и успѣлъ разбить его прежде, чѣмъ Макрановскій зашелъ въ тылъ русскихъ; а потомъ обернулъ свое усталое войско и все-же разсѣялъ скопище Макрановскаго. Диктаторъ Костюшко, узнавъ о битвѣ подъ Брестомъ и опасаясь соединенія Суворова съ Ферзеномъ, пошелъ уничтожить отдѣльно каждаго изъ нихъ; но, встрѣтившись съ Ферзеномъ при Маціовицахъ, самъ былъ разбитъ, въ отчаяніи бросилъ свою саблю, вскричавъ «Finis Poloniae!» «конецъ Польши» и отдался въ плѣнъ. Какъ не огорчило поляковъ пораженіе и плѣнъ Костюшки, но его сподвижники рѣшились отстоять Варшаву, собрали громадную армію и сильно укрѣпили столицу Польши и ея предмѣстье Прагу, приготовляясь къ жестокому отпору русскимъ. Суворовъ съ 7000 своего войска соединился съ Ферзеномъ, подошелъ къ Прагѣ и послалъ сказать мятежному правительству, чтобы они покорились и сдали Варшаву безъ бою, обѣщая за это всеобщее помилованье. Члены правительства знали, что армія Суворова вдвое меньше войска польскаго, засѣвшаго въ Варшавѣ, и укрѣпленія ея, особенно Праги, почти неприступны, а потому съ дерзостью отказались сдать городъ.

Три дня приготовлялся Суворовъ къ штурму Варшавы; а въ четвертый повелъ своихъ «чудо богатырей,» какъ называлъ онъ своихъ солдатъ, на штурмъ Праги. Семь колоннъ русскихъ, не смотря на неприступныя твердыни, широкіе рвы и другія препятствія, послѣ четырехчасоваго жестокаго боя ворвались въ Прагу и начали рѣзню, которую съ трудомъ прекратилъ Суворовъ. Паденіе Праги заставило поляковъ обратиться къ Станиславу Августу, чтобы онъ написалъ письмо къ Суворову и походатайствовалъ предъ нимъ объ ихъ участи, и король исполнилъ эту просьбу, говоря въ своемъ письмѣ: «жители хотятъ защищаться, если не

будутъ обнадежены въ безопасности жизни и имѣнія» и убѣждая скорѣе начать переговоры о сдачѣ. Суворовъ на это отвѣчалъ посланнымъ депутатамъ такъ: «договоры не нужны. Войско обезоруживается и всякое оружье отдается русскимъ. Король утверждается въ своемъ достоинствѣ. Русскіе вступаютъ немедленно въ Варшаву. Жизнь и имѣніе жителей безопасны. Отвѣтъ черезъ 24 часа.» На слѣдующій день явились къ Суворову графъ Потоцкій и Мостовскій, прося его дать недѣльный срокъ для выхода изъ Варшавы польскаго войска. «Ни одного часа!» съ гнѣвомъ отвѣталъ Сувтровъ «мы не воюемъ съ Польшей и королемъ ея? О какихъ войскахъ вы мнѣ говорите? Толпа бунтовщиковъ не войско—я посланъ истребить ихъ, я не дипломатъ и переговоры прекращаются.» Послѣ такихъ словъ Суворова, Варшава покорилась безусловно и 29 Октября Суворовъ въѣхалъ въ Варшаву, гдѣ, принимая ключи ея, сказалъ: «Благодарю Бога, что они не такъ дорого куплены, какъ.....,» заплакалъ и посмотрѣлъ въ сторону Праги, а Екатеринѣ донесъ о взятіи Варшавы такъ: «Всемилостивѣйшая государыня, ура! Варшава наша!» Императрица пожаловала Суворова фельдмаршаломъ, написавъ ему въ отвѣтъ: «ура! фельдмаршалъ Суворовъ!», и отправляя къ нему фельдмаршальскій жезлъ, она написала: «господинъ генералъ-фельдмаршалъ, графъ Александръ Васильевичъ, поздравляю васъ съ побѣдами, со взятіемъ Праги и Варшавы.»

Вся Польша смирилась, король Станиславъ Августъ подписалъ отреченіе отъ престола и конецъ Польши наступилъ. Россія присоединила къ себѣ Литву, область Гродненскую и вассальное Польшѣ герцогство курляндское, котораго герцогъ Петръ Биронъ то-же отказался отъ короны; а воеводства краковское, люблинское и сендомирское отошло къ Австріи; всю-же остальную часть Польши съ гор. Варшавой пріобрѣтала Пруссія.

Екатерина великая исполнила то, что хотѣлъ исполнить еще Петръ Великій, которому только смерть помѣшала объявить войну Польшѣ и, можетъ быть, еще тогда разрушить своевольное и безначальное государство.

Положеніе Франціи, потрясенной революціей и грозившей опасностью спокойствію западной Европы, обращало вниманіе Екатерины и даже ранѣе она предугадывала послѣдствія неосмотрительности и непомѣрной роскоши версальскаго двора; но война съ Турціей и Швеціей занимала Россію до того, что Екатерина не имѣла ни силъ, ни времени участвовать дѣятельно въ потушеніи революціонныхъ волненій, но однако-жъ изъявила согласіе давать денежную субсидію Густаву III, который хотѣлъ идти на западъ и усмирить Французовъ, что доказываетъ Дротингольмская конвенція Россіи со Швеціей.

Впрочемъ смѣлый замыселъ короля не осуществился и погибъ

вмѣстѣ съ нимъ: Густавъ III былъ застрѣленъ въ маскарадѣ полковникомъ Анкарстремомъ, приверженцемъ аристократовъ.

Мятежи Польши вскорѣ послѣ того взволновавшейся заставили Екатерину совсѣмъ отвлечься отъ участія въ судьбѣ Франціи; но Пруссія, Австрія и Испанія составили союзъ и дѣйствовали противъ французскихъ войскъ, но безуспѣшно.

Войны юной республики проникли въ Италію и Голландію, утвердили тамъ господство Франціи и готовы были потрясти Германію, а слѣдовательно весь западъ Европы. Успѣхи французскаго оружья заставили европейскихъ государей забыть интересы королевскаго дома Бурбоновъ, но думать исключительно только о спасеніи себя отъ нашествія французовъ.

Въ виду такой опасности, угрожавшей спокойствію Европы, Екатерина рѣшилась примириться съ Англіей, чтобы, составивъ тройной союзъ изъ Англіи, Россіи и Австріи, отразить Французовъ и по возможности водворить порядокъ во Франціи.

Проэктъ англійскаго посланника въ Петербургѣ лорда Витворта о составленіи союза противъ Франціи былъ одобренъ Екатериной и она готова была подписать договоръ, по которому Россія обязывалась послать противъ Франціи свой флотъ и 60,000 войска; но кончина императрицы остановила Россію возстановить на западѣ попранныя французами права европейскихъ монарховъ.

Передъ кончиной Екатерины произошли волненія на Кавказѣ, вызванныя появленіемъ на персидскомъ тронѣ воинственнаго хана Астрабадскаго Аги-Магомеда. Этотъ государь, захвативъ власть въ Персіи, ворвался въ Грузію, занялъ ее и заставилъ царя ея скитаться въ горахъ. Видя грузинскій погромъ, вассальные Россіи владѣтели Имеретіи, Карталиніи и Дербента признали власть Аги-Магомеда и отложились отъ Россіи. Императрица для изгнанія персіянъ и освобожденія Грузіи и другихъ вассальныхъ Россіи земель отъ неистовствъ жестокаго шаха, послала противъ него графа Валеріана Зубова съ сильнымъ корпусомъ, который навелъ страхъ на Персовъ и вообще на все Закавказье.

Взятіе Дербента, Баку и Ганжи не остановило русскихъ; они, чтобы окончательно убить могущество Персіи, вызванное дѣятельностью воинственнаго и даровитаго Аги-Магомеда, приблизились къ предѣламъ Персіи и хотѣли уже вступить туда, но кончина государыни остановила побѣды русскихъ въ Закавказьи.

Хотя войска русскія были отозваны съ Кавказа, преемникомъ Екатерины, императоромъ Павломъ I, но подвиги еще молодаго графа Валеріана Зубова не остались безслѣдны и подготовили въ близкомъ будущемъ отреченіе отъ престола царя грузинскаго и полное подданство Грузіи и другихъ земель Закавказія власти государей Россійскихъ, чему не мало способствовала и смерть

шаха Аги-Магомеда, который за жестокость свою былъ убитъ собственными рабами и умирая, какъ говорятъ, сказалъ своимъ убійцамъ «вы убили не меня, но славу и величіе Персіи.» Эти слова сбылись: Персія сдѣлалась незначительна.

По отношеніи къ внутреннему устройству Россіи Екатерина была продолжательницей великихъ предначинаній Петра I. Замѣтивъ разнорѣчивость и устарѣлость нѣкоторыхъ узаконеній, императрица предположила составить общее уложеніе для всей Имперіи, сообразное съ духомъ времени, просвѣщенностью и потребностями русскаго народа; для чего созвала въ Москвѣ коммисію изъ выборныхъ чиновъ всѣхъ сословій, числомъ 645. Хотя это собраніе по многочисленности своей и разнородности не принесло особенной пользы и было распущено, но наказъ, вышедшій изъ-подъ пера самой Екатерины для руководства коммиссіи, послужилъ основой развитія нашего законодательства, такъ какъ объясненіе идеи закона и примѣненія основныхъ началъ его къ жизни русскаго народа изумило своею ясностью и вѣрностью величайшихъ философовъ того времени, и нынѣ является достопримѣчательнымъ памятникомъ ума, просвѣщенности и человѣколюбія Екатерины, которая по началамъ наказа устроила свое государство. Государственными дѣятелями и помощниками ея были: Бецкій, истинный другъ человѣчества, завѣдывавшій благотворительною и воспитательною частью; генералъ-прокуроръ сената князь Вяземскій, блюститель правосудія, безкорыстно управлявшій финансовою частью; графъ Чернышевъ, которому армія обязана была своимъ устройствомъ; графы Безбородко и Завадовскій, вышедшіе изъ-подъ руководства Румянцева, изъ которыхъ первый замѣнилъ графа Ник. Ив. Панина въ дѣлахъ иностранныхъ, а второй Бецкаго въ дѣлѣ народнаго образованія и былъ при Александрѣ I первымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Трудами Екатерины и этихъ мужей исчезли въ Россіи пытки, мучительныя казни, ненавистное всѣмъ «слово и дѣло,» множившее доносы и тайная канцелярія: вѣкъ Екатерины принесъ спокойствіе души русскимъ. Екатерина пробудила въ русскихъ благородное самолюбіе, желая, чтобъ ее любили, уважали; но отнюдь не боялись. Привязывая къ себѣ сердца своихъ подданныхъ любовью къ нимъ и правосудіемъ Екатерина отмѣнила прежнее унизительное названіе «рабъ» и замѣнило его «вѣрноподанный» и слушала безъ гнѣва справедливыя возраженія, что часто дѣлалъ графъ Петръ Ив. Панинъ, который по рѣзкости и прямотѣ своей слылъ Долгорукимъ ея царствованія. Но не смотря на то, что кончились страшныя опалы и ужасы казней, Екатерина имѣла какъ и предки ея всю полноту самодержавной власти, но проявленія ея смягчились: строгость замѣнилась благостью, справедливостью и милостями, которыя

сыпались на народъ, по заслугамъ каждаго, а также чрезвычайною разборчивостью въ наказаніи виновныхъ, потому что «лучше девять виновныхъ останутся безъ наказанія, чѣмъ будетъ наказанъ одинъ невинный.» Было правиломъ императрицы.

Церковь нашла въ ней свою защитницу, освободившую нѣсколько милліоновъ угнетенныхъ поляками православныхъ, и попечительницу о благоустройствѣ церковномъ и благосостояніи духовенства. Церковныя имѣнія, принадлежавшія монастырямъ и архіерейскимъ домамъ съ 900,000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ отошли въ вѣдѣніе коллегіи экономіи и оброкъ съ души ограниченъ 1 р. 50 к.; доходы же обращены на содержаніе церквей, духовенства, духовныхъ училищъ и монастырей, а излишекъ объявленъ собственностью казны.

Дворянство получило отъ Екатерины жалованную граммоту, по которой учреждены были по губерніямъ дворянскія собранія для выборовъ изъ среды своей въ разныя почетныя правительственныя и судебныя должности, для обсужденія своихъ дѣлъ и нуждъ, сверхъ того, дворяне избавлялись отъ обязательной государственной службы, но неимѣющіе офицерскаго чина не могли быть въ дворянскихъ собраніяхъ, дворянское достоинство отнималось по суду; дворянинъ освобождался отъ тѣлеснаго наказанія, отъ платежа податей и владѣлъ всѣмъ направѣ неотъемлемой собственности.

Среднее сословіе получило отъ Екатерины городовое положеніе, которое представляло ему свой судъ и управленіе на выборномъ началѣ, придало почетность занятіямъ торговлей, промышленностью и ремеслами и охранило личную и имущественную безопасность.

Въ высшемъ управленіи были сдѣланы важныя преобразованія: Сенатъ раздѣленъ на департаменты, а коллегіи уничтожены; каждый департаментъ вѣдалъ дѣла однородныя и во избѣжаніе взяточничества и лихоимства чиновникамъ значительно увеличено жалованье.

Особенную пользу Россіи принесло изданіе учрежденія о губерніяхъ, «каждая съ населеніемъ отъ 300 до 400 тысячъ, и присутственными мѣстами, завѣдывавшими разными отраслями суда и управленія. Начатое Елисаветой генеральное обмежеваніе было подвинуто Екатериною, такъ что 152 милліона десятинъ средней Россіи обмежевано при ней же. Государственные доходы возрасли съ 20 милліоновъ до 50-ти; но расходы часто превышали ихъ. Впрочемъ, финансовое хозяйство государства было въ удовлетворительномъ состояніи, такъ что учрежденный ассигнаціонный банкъ съ фондомъ въ одинъ мил. руб. могъ въ скоромъ времени выпустить до 100 мил. руб. ассигнаціями, что нисколько не повредило имъ и не уменьшило довѣрія къ правительству.

Сверхъ того Екатериною былъ учрежденъ государственный

заемный банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 33 милліона руб. ссуда изъ него производилась за 5% съ уплатою капитала въ 20 лѣтъ для дворянъ и на 22 года для городскихъ обывателей, что развило народное хозяйство и обогатило казну.

Особенной заботливостью Екатерины пользовалось войско. Рекрутскіе наборы для пополненія рядовъ арміи были строго опредѣлены; наказанія нижнихъ чиновъ значительно смягчены; по провіантской части, особенно въ обмундированіи войскъ и продовольствіи, введены разныя улучшенія. Графъ Чернышевъ заботился неустанно объ довольствѣ русскаго солдата, и графъ Румянцевъ вдохнулъ въ него мужество и доблесть, что не только поддержали въ русской арміи, но еще больше укрѣпили герои изъ школы Румянцева, чисто русскіе полководцы славный Суворовъ, Потемкинъ, Рѣпнинъ, Каменскій и Кутузовъ, въ 1812 году мощный врагъ Наполеона и спаситель отечества.

Если на сушѣ появились славные вожди и войско героевъ Кагула, Рымника и Измаила, то флотъ прославился своими подвигами въ водахъ Архипелага и на Балтійскомъ морѣ, гдѣ появились герои Чесмы, Выборга и Сискара, Орловъ, Грейгъ, Спиридовъ. Турецкій флотъ былъ почти уничтоженъ русскими, а шведы, потомки норманновъ «пѣнителей морей,» потеряли славу своихъ предковъ въ борьбѣ съ Балтійскимъ флотомъ Россіи.

Внутренняя безопасность, обезпеченное состояніе средняго сословія, уничтоженіе монополій и отмѣна многихъ сборовъ стѣснявшихъ городскую и сельскую торговлю, развило русскую промышленность. Русскіе увидѣли все благосостояніе жителей городовъ и стали стремиться къ городской жизни, правительство это облегчило громадными тратами и дарованіемъ льготъ и привиллегій городскимъ обывателямъ; отччего въ царствованіе Екатерины возникло двѣсти новыхъ учрежденныхъ городовъ, которые всѣ почти остались до нынѣ, а многіе сдѣлались замѣчательны по богатству своему и промышленности, Екатеринославль, Нѣжинъ, Нахичевань, Севастополь и другіе.

Во всѣхъ дѣлахъ Екатерины по устройству Новороссійскаго края и Крыма главнымъ сподвижникомъ ея былъ князь Потемкинъ Таврическій, который имѣлъ въ тоже время громадное вліяніе на управленіе всею имперіею. Предпріимчивость этого любимца счастія, его энергичная и неутомимая дѣятельность, рѣдкое безкорыстье, при умѣ обширномъ и тонкомъ, принесли много добра русскому народу. Истинно русскій Потемкинъ не напомнилъ Россіи страшнаго времени Бирона, хотя имѣлъ еще болѣе силы и власти его, по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ говорилъ съ презрительной улыбкой, что отказался отъ званія герцога Курляндскаго и могъ бы, но не хочетъ быть королемъ польскимъ! эти слова Потемкина доказываютъ, что онъ хотѣлъ имени великаго человѣка, оправданія подвигами неслыханныхъ наградъ, которыя сыпались на него отъ щедротъ Екатерины,—жаждалъ чести

себѣ, славы Екатеринѣ и блага Россіи. Могъ ли Потемкинъ съ такими возвышенными стремленіями и высокими дарованіями не принести пользы государству и благосостоянія русскому народу.

Въ дѣлѣ народнаго образованія Екатерина имѣла двухъ истинно-полезныхъ и просвѣщенныхъ помощниковъ, Ив. Ив. Бецкаго и графа П. В. Завадовскаго, изъ которыхъ дѣятельность перваго принадлежитъ началу ея царствованія, а втораго—концу.

Бецкій замѣтилъ, что отправленіе молодыхъ людей учиться заграницу и заведеніе училищъ въ Россіи при большихъ тратахъ со стороны правительства не принесли желаемой пользы, потому что старое поколѣніе крѣпко еще держалось предразсудковъ, въ немъ коренились слѣды невѣжества, которое передавалось изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну. Чтобы помочь этому злу Бецкій предложилъ Екатеринѣ основать такія училища, въ которыхъ дѣти принимались бы въ раннемъ возрастѣ, когда дурные примѣры старшихъ и ихъ вліяніе дѣйствуетъ слабо и оставались бы тамъ до 18 лѣтъ. Вообще Бецкій хотѣлъ, чтобъ на Руси появилось молодое поколѣніе, просвѣщенное и способное цѣнить пользу наукъ и искусствъ, которыхъ еще чуждалось старое. Екатерина поняла мысль Бецкаго и начала дѣйствовать по одному съ нимъ направленію, стараясь устранить препятствія: недостатокъ наставниковъ и денежныхъ суммъ. Основаніе въ Петербургѣ при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ учебнаго заведенія для благородныхъ дѣвицъ подѣйствовало благодѣтельно на нравственность и умственное развитіе высшаго и отчасти средняго класса; сверхъ того горный артиллерійскій и инженерный корпуса, возникшіе тоже по плану Бецкаго, дали людей со спеціальнымъ образованіемъ. Въ Москвѣ Бецкій воздвигъ вѣчный памятникъ Екатеринѣ учрежденіемъ воспитательнаго дома для приносимыхъ безпріютныхъ дѣтей, а также получили иное устройство морской и сухопутный корпуса. Для образованія торговаго сословія основано комерческое училище, а для привитія въ Россіи искусствъ академія художествъ. Всѣ эти, можно сказать, высшія учебныя заведенія основались при Бецкомъ въ столицахъ, а среднія и нижнія, по его плану, учреждены замѣнившимъ его Завадовскимъ по всѣмъ городамъ Россіи: по уѣзднымъ малыя народныя училища для первоначальнаго обученія, а по губернскимъ четырехклассныя главныя народныя училища для обученія математическимъ, словеснымъ и естественнымъ наукамъ и нѣкоторымъ изящнымъ художествамъ. Надзоръ за всѣми этими училищами Екатерина ввѣрила особому учрежденію главному правленію училищъ. Университеты, предположенные Бецкимъ основаны не были, а только существовалъ Московскій, бывшій разсадникомъ просвѣщенія для всей Россіи.

Литература при Екатеринѣ начала развиваться и иначе быть не могло, такъ какъ она сама была писательница и, слѣдова-

вательно, покровительница всѣхъ писателей, умѣвшая цѣнить ихъ талантъ по достоинству. Произведенія царственаго пера назначены были или для театра, или для воспитанія державныхъ внуковъ; для первой цѣли Екатерина написала комедіи: «имянины госпожи Ворчалкиной» и «Новогородскій богатырь Боеславичъ и Горе-богатырь Косометовичъ,» а для второй—историческіе разсказы изъ русской исторіи. Подъ именемъ Горе-богатыря Екатерина вывела Густава III короля Швеціи, который такъ неудачно воевалъ съ Россіей.

Слава дѣлъ царствованія Екатерины вдохновила и дала пищу перу даровитаго и истинно великаго поэта—Державина, а ея покровительство помогло развиться талантамъ писателей Фонъ Визина, Хемницера, Богдановича и Димитріева, отчасти баснописца, а также появленію русскаго историка Карамзина котораго дѣятельность впрочемъ относиться къ позднѣйшему времени.

Основанная еще Петромъ Великимъ академія наукъ получила при Екатеринѣ многихъ великихъ ученыхъ, приглашенныхъ изъ за границы: математика Эйлера, Палласа и другихъ, что оживило дѣятельность этого святилища науки и послужило къ совершенствованію русскихъ ученыхъ.

6 Ноября 1796 года Императрица Екатерина II скончалась, оставивъ сыну своему и наслѣднику Павлу Петровичу государство благоустроенное и увеличенное пріобрѣтеніями Крыма, Новороссійскаго края, Литвы, Гродненской области, Курляндскаго герцогства, подчиненіемъ Грузіи и другихъ владѣній на Кавказѣ; а сверхъ того, усиленное свободою плаванія на Черномъ морѣ, которое съ той поры составляетъ достояніе Россійской имперіи: съ именемъ Екатерины II благодарное потомство соединяетъ всегда имя Великой и ставитъ эту монархиню, по славѣ и величію дѣлъ ея, рядомъ съ Петромъ I.

ПОДВИЖНИКИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Суворовъ.

Александръ Васильевичъ Суворовъ, величайшій полководецъ XVIII вѣка, родился въ 1729 году. Отецъ его былъ генералъ и крестникъ Петра Великаго. Поступивъ въ гвардію, въ 1754 г. получилъ онъ офицерскій чинъ, а въ семилѣтней войнѣ отличался храбростью, и достигъ чина полковника. Въ чинѣ бригадира посланъ былъ усмирять смятеніе въ Польшѣ съ 1769 года, и показалъ свои дарованія въ мелкой войнѣ, съ малымъ отрядомъ удерживая мятежъ и уничтожая всѣ покушенія поляковъ до 1773 года. Въ чинѣ генералъ-маіора перешолъ онъ за Дунай, отличился при

двукратномъ взятіи Туртукая, разбилъ турокъ при Гирсовѣ, а въ 1774 году при Казлуджи; посланъ былъ для усмиренія бунта Пугачева, и съ 1776 года сдѣлался помощникомъ Потемкина въ покореніи Крыма и Кубани; произведенъ въ генералъ-аншефы въ 1786 году; началъ войну 1787 года побѣдою подъ Кинбурномъ; былъ при осадѣ Очакова въ 1788 году; одержалъ знаменитыя побѣды при Фокшанахъ и Рымникѣ, за что пожалованъ графомъ, съ титуломъ *Рымникскаго*, въ 1789 году, и взялъ приступомъ Измаилъ въ 1799 году. При возстаніи Польши, въ 1794 году, быстрымъ ударомъ разбилъ онъ поляковъ при Брестѣ, и послѣ пораженія Костюшки, приступомъ взялъ Прагу, пожалованъ фельдмаршаломъ, и пробылъ въ Польшѣ до ея послѣдняго раздѣла. По кончинѣ Екатерины, призванный императоромъ Павломъ, въ 1799 году принялъ начальство надъ Австрійскими и Русскими войсками въ Италіи, разбилъ Моро на Аддѣ, занялъ Миланъ и Туринъ, одержалъ побѣду при Требіи, Нови, освободилъ всю Италію, и принужденный осенью идти въ Швейцарію, совершилъ безсмертный походъ чрезъ Альпы и отступленіе въ Граубинденъ. Возведенный въ званіе генералиссимуса, съ титуломъ *князя Италійскаго*, скончался въ Петербургѣ, въ 1800 году. Похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Графъ Румянцевъ-Задунайскій.

Петръ Александровичъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, родился въ 1725 году, началъ службу при своемъ родителѣ, пожалованъ въ полковники въ 1743 году, и въ чинѣ генералъ-маіора сражался въ походахъ семилѣтней войны; находился въ Цорндорфской и Пальцихской битвахъ; въ Кунненсдорфской битвѣ командовалъ центромъ арміи, и въ 1761 году осадилъ и взялъ Колбергъ. Въ 1770 году, въ чинѣ генералъ-аншефа, бывши главнокомандующимъ Русской арміи, одержалъ знаменитыя побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ, и награжденъ чиномъ фельдмаршала; въ 1771 году перенесъ русское оружіе за Дунай, и награжденъ титуломъ *Задунайскаго;* въ 1774 году кончилъ турецкую войну Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Императрица Екатерина воздвигла памятникъ *побѣдамъ* его, и поручила ему управленіе Малороссіею. Въ 1788 году начальствовалъ онъ арміею, занявшею Хотинъ, но за болѣзнію испросилъ увольненіе, жилъ въ своихъ помѣстьяхъ до самой кончины, удостоенный милости и довѣрія монаршаго. Скончался въ 1796 году. Похороненъ въ Кіевско-Печерской лаврѣ.

Князь Рѣпнинъ.

Николай Васильевичъ Рѣпнинъ замѣчателенъ какъ великій министръ и искусный полководецъ, родился 1734 году, записанъ въ гвардію, и при отцѣ своемъ совершилъ походъ на Рейнъ, въ 1748 году. Съ 1757 года былъ въ Пруссіи, участвуя во многихъ битвахъ; въ 1759 году находился во французской арміи; въ 1760 году участвовалъ въ занятіи Берлина; а въ 1762 году получилъ чинъ генералъ-маіора и отправленъ посломъ къ Фридриху Великому; съ 1763 года былъ министромъ въ Варшавѣ; перешолъ въ дѣйствующую армію противъ турокъ въ 1769 году былъ при взятіи Хотина; въ 1770 году при Ларгѣ и Кагулѣ, и овладѣлъ Киліею и Измаиломъ; разбилъ турокъ въ 1771 году, а въ 1774 году осаждалъ Силистрію и, уполномоченный Румянцевымъ, подписалъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ съ турками. Въ чинѣ генералъ-поручика отправленъ посломъ въ Царьградъ, былъ потомъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ и Орлѣ, командовалъ корпусомъ, посланнымъ въ Силезію; въ 1778 году находился министромъ въ Теменскомъ конгрессѣ; въ 1788 году участвовалъ въ осадѣ и взятіи Очакова; въ 1789 году разбилъ турокъ на Сальчѣ; въ 1791 году оставшись главнокомандующимъ арміею, разбилъ турокъ при Мачинѣ, и заключилъ миръ Ясскій; въ 1794 году, находясь генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ, начальствовалъ войсками въ Литвѣ; произведенъ въ фельдмаршалы въ 1796 году; въ 1798 году былъ посланъ въ Берлинъ. Уволенный вскорѣ послѣ того скончался въ Москвѣ, въ 1810 году. Похороненъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Свѣтлѣйшій князь

Потемкинъ-Таврическій.

(*) Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, свѣтлѣйшій князь Римской имперіи, графъ Россійскій имперіи, генералъ-фельдмаршалъ Россійскихъ войскъ, родился въ 1739 году, въ сельцѣ Домновѣ, въ Смоленской губерніи. Предки его выѣхали изъ Польши, вѣрно служили царямъ русскимъ, но знатность и богатство не были ихъ удѣломъ. Отецъ Потемкина, смоленскій помѣщикъ, вышелъ въ отставку капитаномъ, женился на одной дворянкѣ Д. В. Кафтыревой, и по неизвѣстнымъ причинамъ (можетъ быть по обѣщанію) назначилъ единственнаго сына своего

(*) Русскіе полководцы, изданіе Жернакова.

въ духовное званіе. Потому Григорій Потемкинъ учился въ смоленской семинаріи, и отправился въ московскій университетъ окончить ученіе богословія и другихъ наукъ. Не такой жребій назначала ему судьба. Страннымъ казался молодой Потемкинъ: при необыкновенной памяти, онъ иногда удивлялъ трудолюбіемъ, сидѣлъ день и ночь за книгами, выучился по гречески, по латыни, зналъ наизусть оды Ломоносова, и 17 лѣтъ получилъ университетскую золотую медаль. Но часто онъ бросалъ книги, ничего не дѣлалъ, лежалъ цѣлый день въ постели. То говорилъ товарищамъ, что будетъ фельдмаршаломъ, учился фехтовать, ѣздилъ верхомъ; то удалялся въ Заиконоспаскій монастырь, бесѣдовалъ, дружился съ монахами, удивлялъ ихъ своими познаніями богословіи, и наизустъ пересказывалъ цѣлые святцы. Онъ былъ высокаго роста, строенъ, красивъ, но красота была его какая-то неопредѣленная: то казался онъ грубымъ терситомъ, то величавымъ Ахилломъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Потемкина выключили изъ университета за нехожденіе на лекціи. Онъ явился къ умному архіепископу Амвросію, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, долго говорилъ съ нимъ, и вмѣсто монашескаго клобука взялся за мечь воина. Амвросій ссудилъ ему на расходы 500 рублей. Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и записался въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Здѣсь удивлялъ своею ревностью къ службѣ, произведенъ былъ въ вахмистры, и въ достопамятный день іюня 28, 1762 года, находился въ числѣ немногихъ, сопровождавшихъ Екатерину изъ Петергофа въ Петербургъ. На другой день, когда столица привѣтствовала императрицу радостными кликами, Потемкинъ за услугу его произведенъ въ корнеты, черезъ нѣсколько дней въ подпоручики, посланъ курьеромъ въ Стокгольмъ, по возвращеніи пожалованъ поручикомъ, допущенъ въ избранное общество императрицы, и 30 ноября произведенъ въ каммеръюнкеры, съ оставленіемъ въ военномъ званіи и съ повелѣніемъ присутствовать въ Синодѣ. Такъ, исключенный изъ московскаго университета студентъ, на 23 году былъ уже придворнымъ, еще не важный по чину, но замѣчательный по мѣсту и вліянію на дѣла. Чины не замедлили.

Потемкинъ казался дружнымъ съ Орловыми, тогдашними временщиками, также внезапнымъ переворотомъ іюня 28, изъ бѣдныхъ офицеровъ, поставленными въ число первыхъ царедворцовъ. Но скоро Орловы замѣтили въ Потемкинѣ опаснаго соперника, и дружбу смѣнила вражда. Императрица не выдала своего любимца, хотя честолюбіе его далеко неудовлетворялось наградами, ибо только въ 1768 г. получилъ онъ званіе дѣйствительнаго каммергера и чинъ генералъ-маіора, когда Орловы уже давно были въ высшихъ чинахъ.

Въ 1769 году началась война съ Турціею. Когда Орловы отправились съ русскимъ флотомъ въ Архипелагъ, Потемкинъ до-

толѣ казавшійся изнѣженнымъ царедворцомъ, изумилъ своею просьбою—онъ просился въ дѣйствующую противъ турковъ армію, и еще болѣе изумилъ личнымъ мужествомъ, какое показалъ на полѣ битвъ. Въ кампанію 1769 года служилъ онъ волонтеромъ въ арміи князя А. М. Голицына, мужественно бился подъ Хотиномъ, перешолъ потомъ въ Молдавскую армію, подъ начальство Румянцова, и командовалъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ на Дунаѣ. Въ знаменитую кампанію 1770 года Потемкинъ участвовалъ въ Ларгской битвѣ, и получилъ орденъ св. Георгія 3 класса. Въ Кагульской битвѣ отражалъ онъ толпы татаръ, стремившихся на помощь Визирю, первый вошелъ въ Измаилъ, оставленный оттоманами, и посланъ былъ съ донесеніями въ Петербургъ.

Румянцевъ не терпѣлъ Потемкина, гордаго и не сходнаго съ Румянцовымъ ни службою, ни характеромъ. Въ неважномъ чинѣ своемъ Потемкинъ не хотѣлъ уступать никому, велъ въ лагерѣ роскошную жизнь, не думалъ о порядкѣ и отчетливости, и лишенный дарованій полководца, хотѣлъ указывать другимъ, даже порицалъ распоряженія главнокомандующаго. Къ досадѣ Румянцова, Потемкинъ явился снова въ армію съ рекомендательнымъ письмомъ императрицы. Румянцевъ хотѣлъ унизить временщика иначе, показавъ неспособность его къ военному дѣлу, скрылъ досаду, и поручилъ ему опасное начальство надъ корпусомъ на берегахъ Дуная. Потемкинъ безпечно допустилъ турковъ перейдти черезъ Дунай, взять Журжу и угрожать гибелью цѣлому корпусу. Едва диверсія Вейсмана за Дунаемъ и побѣда подъ Попешти избавили отъ опасности. Въ походѣ 1772 года за Дунай, не смотря на прошлогоднія неудачи Потемкина, Румянцевъ опять поручилъ ему главный, важнѣйшій корпусъ. Когда Вейманъ оказывалъ чудеса храбрости, Потемкинъ отличался только ошибками, и своевольно переправился обратно за Дунай, не смотря на то, что Румянцевъ назначилъ его начальникомъ арьергарда арміи, отступавшей на лѣвый берегъ Дуная. Общее мнѣніе о Потемкинѣ въ арміи было таково, что корпусъ его прозвали мертвымъ капиталомъ. Безуспѣшнымъ дѣйствіемъ Потемкина на Силистрію и безполезнымъ движеніемъ Унгерна и Долгорукаго на Варну и Шумлу, кончился походъ въ 1773 года.

Не думая извиняться въ ошибкахъ, Потемкинъ почиталъ себя обиженнымъ, и съ досадою смотрѣлъ на другихъ, получавшихъ ордена, когда онъ получилъ только по старшинству чинъ генералъ-поручика. Видя однакожъ невозможность оставаться въ арміи, онъ просилъ увольненія, и разстался съ Румянцевымъ непріязнено. Непомѣрное честолюбіе Потемкина казалось смѣшнымъ, но онъ твердо вѣрилъ въ судьбу свою, и пріѣхалъ въ Петербургъ требовалъ наградъ письмомъ, писаннымъ на имя императрицы. «Мнѣ пріятна довѣренность ваша ко мнѣ,» отвѣчала она, «и то, что вы пишете прямо ко мнѣ, а не ищете побочными дорогами.»

Немедленно былъ онъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и награжденъ Александровскою лентою, явился при дворѣ, но все еще казался задумчивымъ, и изумилъ всѣхъ, когда черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Александро-Невскій монастырь, надѣлъ рясу монаха, отпустилъ бороду, и объявилъ, что мѣняетъ блестящій дворъ на иноческую келью. Не много дней продолжалось его отшельничество. Екатерина вызвала Потемкина изъ кельи монастыря, и съ тѣхъ поръ участь его рѣшилась: онъ явился первымъ въ царедворцовъ, былъ назначенъ вице-президентомъ военной коллегіи, генералъ-губернаторомъ Новоросійскимъ, командиромъ конныхъ войскъ и иррегулярной конницы, и декабря 25, 1774 года получилъ Андреевскій орденъ. Жестоко мстилъ онъ Румянцеву, осуждая всѣ его распоряженія и дѣйствія, къ несчастію неудачныя. Миръ Кучукъ-Кайнарджійскій прикрылъ потери и неудачи. Румянцевъ былъ осыпанъ наградами при торжествѣ мира. Но награждая его, императрица возвела и Потемкина въ графское достоинство, пожаловала ему Георгія 2 степени, чинъ генералъ-аншефа, саблю съ алмазами и свой портретъ. Всѣ уступили тогда первенство новому временщику, и уже не считали милости, какими осыпала его императрица. Потемкинъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ; кромѣ придворнаго экипажа и стола, имѣлъ 144,000 рублей годоваго жалованья, получилъ званіе поручика кавалергардскаго, полка, подполковника Преображенскаго полка, пожалованъ шефомъ Ново-троицкаго кирасирскаги полка. Старушка мать его возведена была въ званіе статсъ-дамы. Цари искали дружбы его. Императоръ Іосифъ прислалъ ему дипломъ на званіе свѣтлѣйшаго князя, Фридрихъ великій орденъ Чернаго Орла, Густавъ орденъ Серафима, Христіанъ VII орденъ Слона, Станиславъ Августъ орденъ Бѣлаго Орла и Станислава. Потемкимъ жаловался что не можетъ получить Золотаго Руна, Подвязки и св. Духа, и говорилъ, что могъ бы, если бы захотѣлъ, быть королемъ Польскимъ, или герцогомъ Курляндскимъ, но презираетъ столь ничтожными достоинствами. Онъ могъ презирать ими, бывши всевластенъ въ Россіи, пользуясь неограниченною довѣренностью императрицы, и повелѣвая Ея именемъ, ибо приказы, имъ объявляемые, по Высочайшей волѣ, велѣно было считать наравнѣ съ указами, подписанными императрицею.

Онъ лично вручилъ указъ объ оставкѣ Орлову. Румянцевъ, въ званіи Кіевскаго и Малороссійскаго генералъ-губернатора, былъ подъ его начальствомъ. Все раболѣпствовало передъ Потемкинымъ. Съ 1775 года, до самой кончины его, Россія была управляема его умомъ и волею въ теченіе шестнадцати лѣтъ.

Досихъ поръ мы видѣли въ Потемкинѣ только своенравнаго любимца счастія, дерзкаго временщика, плохаго генерала, хотя при неоспоримой личной храбрости, мечтателя, тревожимаго неисполнимыми желаніями. Но 33 лѣтъ отъ роду ничтожный вах-

мистръ, въ 1775 году полновластный правитель государства, Потемкинъ вскорѣ оправдалъ дѣлами и умомъ неограниченныя милости къ нему императрицы и выборъ его.

Онъ умѣлъ «взвѣсить мощь Русскую и духъ Екатерины,» по выраженію Державина, понялъ мѣсто Россіи въ Европѣ и начертилъ огромный планъ дѣйствій. Управляя Европейскою политикою Россіи, онъ видѣлъ возможность утвердить власть Русскую надъ Чернымъ моремъ, уничтожить Турцію, раздѣлить ее съ Австріею, возстановить Грецію, отдавъ ее одному изъ внуковъ Екатерины, взять Польшу, и поставя орла Русскаго въ Византіи, явить Русское царство первымъ въ Европѣ. Предоставляя другимъ непосредственное занятіе гражданскимъ управленіемъ Россіи, Потемкинъ взялъ на себя устройство войска и флота и дѣла на югѣ, чѣмъ надлежало начать обширные планы.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ казавшійся далеко несоотвѣтственнымъ блестящимъ надеждамъ, съ какими начата была война 1769 года, вполнѣ удовлетворялъ имъ. Неоконченное мечомъ должна была кончить искусная политика. Безъ оружія могла она покорить Россіи Крымъ, къ чему обладаніе Кинбурномъ, Азовомъ, Керчью, независимость отъ Турціи Крымцовъ и другихъ татаръ, и покровительство имъ Россіи, признанное султаномъ, при заведеніи флота на Черномъ морѣ, давали средства. Потемкинъ соединилъ съ сими обширными дѣлами преобразованіе Малороссіи и казаковъ, заселеніе южныхъ степей Черноморскихъ и новое образованіе Русскаго войска, пренебреженное со временъ Петра Великаго.

Занявшись устройствомъ южныхъ пограничныхъ областей, Потемкинъ въ 1775 году уничтожилъ буйную Сѣчу Запорожскую и заложилъ верфь при устьѣ Днѣпра. Здѣсь начатъ имъ Херсонъ. Въ 1777 г. началось устройство Кавказской линіи, и открыты переговоры о подданствѣ Грузіи. Между тѣмъ преобразовывалась Русская армія, и въ 1783 г., дополненная и переформированная, получила не только новое устройство, но даже новую, болѣе удобную одежду. Реформа простиралась на всѣ казацкія войска, извѣстныя подъ именемъ Донскихъ, Яицкихъ, Гребенскихъ, Моздокскихъ, Волжскихъ, Астраханскихъ, Терскихъ и Запорожскихъ. Въ 1784 г. совершился безъ кровопролитія важнѣйшій подвигъ Потемкина—покореніе Крыма. Подъ предлогомъ укрощенія бунтовъ противъ Крымскаго хана, Шагинъ-Гирея, избраннаго Россіею, Русскія войска вступили въ Крымъ, удалили всѣхъ, кто могъ противиться, пріучили татаръ къ русской власти, и когда, убѣжденный золотомъ и обѣщаніями, Шагинъ—Гирей передалъ добровольно царство свое Россіи, никто не смѣлъ возстать, турки лишены были средствъ спорить, и Россія, не вынимая меча, пріобрѣла обширныя страны отъ Кубани до Днѣпра. Крымъ, подъ именемъ Тавриды, сдѣлался русскою областью. Дѣятельно заки-

пѣла тогда гражданская жизнь въ странахъ, надъ которыми нѣсколько вѣковъ тяготѣла власть мусульманская; воздвигались города, закладывались верфи, строились корабли, заселялись пустыни, вооружались крѣпости, внѣдрялась торговля, начиналась промышленность.

Дѣятельность Потемкина была изумительна, а между тѣмъ онъ жилъ безпечно и великолѣпно въ Петербургѣ, по временамъ только пріѣзжалъ въ южныя области, гдѣ все исполнялось по точному распоряженію его, и лежа на диванѣ управлялъ политическою интригою въ одно время въ Царьградѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Стокгольмѣ и Варшавѣ, тревожимыхъ возраставшимъ могуществомъ и превосходною политикою Россіи. Душою всею былъ Потемкинъ, воинъ, министръ, дипломатъ, хозяинъ. Соперники Потемкина должны были сознать его превышавшій всѣ ожиданія геній. Императрица не щадила наградъ, коихъ жаждалъ честолюбивый любимецъ ея. Кромѣ богатыхъ помѣстьевъ и денегъ безъ счета, Потемкину подаренъ былъ Аничковскій дворецъ, незадолго передъ тѣмъ купленный у любимца Елисаветы, Разумовскаго. Первая степень ордена св. Владиміра, учрежденнаго въ 1782 году, званіе сенатора, генералъ-инспектора всѣхъ войскъ, чинъ генералъ-фельдмаршала, съ наименованіемъ Таврическимъ, званіе президента военной коллегіи и шефа кавалергардовъ дополняли другія милости. Въ поѣздкахъ своихъ на югъ Россіи Потемкинъ былъ встрѣчаемъ, какъ властитель государства. Ему воздвигали на пути торжественныя врата, народъ собирался толпами по дорогамъ.

Надлежало довершить, что начато было столь обширно, совершилось столь удачно. Потемкинъ успѣлъ преклонить на войну съ Турціею императора Іосифа, и старался убѣдить императрицу, что интриги Пруссіи и союзъ съ нею Польши и Швеціи ничтожны, при смятеніяхъ, начавшихся на западѣ Европы, началѣ революціи во Франціи и несчастной войнѣ Англіи съ Американскими колоніями. Императрица, уже утомленная 25-ти лѣтнимъ, славнымъ и дѣятельнымъ царствованіемъ, вѣрила Потемкину, но изъявляла опасенія. Потемкинъ настоялъ и готовъ былъ отъ всего отказаться. Враги хотѣли воспользоваться неудовольствіемъ противъ него императрицы. Привыкшій дѣйствовать рѣшительно, Потемкинъ неожиданно отрекся отъ всѣхъ должностей, и не только удалился отъ двора, но даже уѣхалъ изъ Петербурга въ Нарву, осенью 1786 года. Императрица спѣшила согласиться на всѣ планы его, и какъ Потемкинъ хотѣлъ показать ей плоды трудовъ своихъ, а императрица желая вознаградить его, изъявляя ему благоволеніе передъ лицомъ всего государства, положено было, что зимою Екатерина посѣтитъ новыя области, управляемыя Потемкинымъ. Въ январѣ 1787 года, въ сорока каретахъ и болѣе нежели ста другихъ экипажахъ, императрица поѣ-

хала изъ Петербурга въ Кіевъ, и со вскрытіемъ Днѣпра отправилась въ раззолоченыхъ галерахъ по Днѣпру. Многочисленная свита, блестящій дворъ, иностранные послы, тысячи народа, безконечные ряды воиновъ, радость подданныхъ, великолѣпіе встрѣчъ, роскошь пировъ и увеселеній, являли какимъ—то волшебнымъ событіемъ путешествіе Минервы-Сѣвера, она казалась полубогинею изумленнымъ иностранцамъ и восхищеннымъ подданнымъ. Потемкинъ являлся повсюду первымъ лицомъ; все двигалось по его волѣ и слову. Король Польскій выѣхалъ на свиданіе съ императрицею въ Каневъ; императоръ Іосифъ явился за Кременчугомъ и сопровождалъ императрицу въ Крымъ. Путешествіе по Южной или Новой-Россіи показало всю мѣру трудовъ Потемкина. Тамъ, гдѣ за десять лѣтъ были степи и кочевья татаръ, видны были города, крѣпости, селенія, сады, дороги, храмы, дворцы, училища, верфи, корабли, войско, гражданское и воинское устройство, плоды промышленности, богатства торговли. Войско русское было всюду: блестящее, бодрое, готовое на подвиги.

При личномъ свиданіи съ императоромъ Іосифомъ положено было воевать съ турками, уже готовившимися на войну упорную. Потемкинъ мечталъ о покореніи Царьграда. Войско русское состояло изъ 260,000 чел. регулярнаго войска, не считая 200,000 иррегулярнаго: казаковъ, калмыковъ, татаръ. Флотъ черноморскій предполагалось довести до 60 кораблей, фрегатовъ и другихъ судовъ съ 13,000 морскаго экипажа и войска. Пятнадцать кораблей привѣтствовали Екатерину въ Севастополѣ, кромѣ галернаго и другаго флота, видѣннаго ею въ Херсонѣ.

Желанія Потемкина исполнились. Султанъ открылъ военныя дѣйствія осенью 1787 года, едва императрица возвратилась въ Петербургъ. Начало войны было блестящее: Суворовъ уничтожилъ турковъ, напавшихъ на Кинбурнъ, октября 1-го грозныя силы Россіи и Австріи готовились двинуться; все обѣщало вѣрныя побѣды. Надежды Потемкина далеко не сбились.

Главнымъ препятствіемъ было то, что императоръ Іосивъ, почти по неволѣ соглашался на войну, не надѣясь отъ нея никакой пользы Австріи. «Потемкинъ великій человѣкъ, но онъ все умѣетъ только начать, и ничего не умѣетъ кончить. Ему недостаетъ Георгія 1-й степени, онъ получитъ его и заключитъ миръ!» Такъ говорилъ Іосифъ и также неохотно соглашалась императрица, тревожимая интригами въ Польшѣ, угрозами короля Прусскаго, отвагою короля Шведскаго и волненіями на западѣ Европы. Наконецъ важное препятствіе успѣхамъ положилъ самъ Потемкинъ. Забывая свою неспособность предводить войсками, онъ требовалъ себѣ званія главнокомандующаго. Императрица старалась примирить его требованія съ успѣхомъ дѣла, и выбрала средство неудачное: раздѣлила Русскую армію, вручила Потемкину надъ одною изъ нихъ, главною, а другую, меньшую, поручила Румян-

цеву. Румянцевъ, оскорбляемый тѣмъ, что ему вручена небольшая армія, которой предназначалось дѣйствовать вмѣстѣ съ Австрійцами, когда главная армія поручена была Потемкину, не хотѣлъ ничего дѣлать: ссорился, спорилъ, переписывался съ Потемкинымъ, и при нерѣшительности дѣйствій Потемкина, при совершенной неудачѣ дѣйствій Австрійцевъ, планъ военныхъ дѣйствій былъ совершенно разрушенъ.

Предположено было, что Потемкинъ осадитъ и возьметъ Очаковъ, ключъ Бессарабіи, пока Румянцевъ овладѣетъ Хотиномъ, ключемъ Молдавіи, а австрійцы займутъ Валахію. Всѣ три арміи долженствовали послѣ того соединиться на Дунаѣ, и въ 1789 году идти на Царьградъ.

Битвы началъ принцъ Нассау-Зигенъ, начальникъ Русскаго флота въ Херсонѣ. Онъ разбилъ и уничтожилъ турецкій флотъ близъ Очакова, но Потемкинъ, не воспользовался страхомъ турокъ, медлилъ, только въ концѣ іюня подошелъ къ Очакову и повелъ слабую осаду; если не робѣлъ, то недоумѣвалъ, хотя нерѣдко, раздражаемый замѣчаніями другихъ, выѣзжалъ изъ лагеря, становился подъ ядрами, и смѣялся, когда его просили удалиться. Суворовъ, августа 22-го, рѣшился безъ повелѣнія Потемкина напасть на Очаковъ, не былъ подкрѣпленъ, и не смотря на жестокую рану храбраго вождя разгнѣванный Потемкинъ выслалъ его изъ арміи. Осада тянулась. Иногда казалось, что Потемкинъ рѣшается дѣйствовать, но вдругъ все опять останавливалось. Онъ лежалъ въ своей великолѣпной ставкѣ, переводилъ церковную исторію Флери, шутилъ, смѣялся, молчалъ, заставлялъ Сарти играть симфоніи и не двигался съ мѣста. Наступила мокрая осень. За нею слѣдовала жестокая зима. Войско гибло отъ стужи, болѣзней, недостатковъ. Также ничтожны были дѣйствія Румянцева. Все лѣто провелъ онъ въ бездѣйствіи, обложилъ Хотинъ, и сдачею его и занятіемъ Яссъ кончилъ кампанію. Дѣйствія австрійцевъ были гибельны для нихъ. Принявъ на себя начальство арміею императоръ Іосифъ былъ разбитъ турками, и непостоянный во всѣхъ дѣлахъ, думалъ уже о мирѣ, а не о побѣдахъ.

Между тѣмъ Польша волновалась, шведскій король началъ войну съ Россіею на сушѣ и на моряхъ, и отъ морской битвы близъ Кронштадта дрожали окна въ Петербургѣ. Потемкинъ рѣшился наконецъ загладить свою медленность смѣлымъ подвигомъ: декабря 6-го Очаковъ взятъ былъ кровопролитнымъ штурмомъ. Непріятелей погибло болѣе 10,000, русскихъ убито и ранено до 3,000.

Императрица послала Потемкину Георгія 1-й степени, и звала его въ Петербургъ. Всюду встрѣчали его, какъ грознаго побѣдителя, освѣщали дорогу, хвалили въ стихахъ и прозѣ. Едва пріѣхалъ онъ въ столицу, императрица сама посѣтила его. Дворъ

явился въ передней Потемкина. Медаль, особенная похвальная грамата, фельдмаршальскій жезлъ съ лаврами и алмазами, орденъ св. Александра Невскаго на драгоцѣнномъ брилліантѣ, сто тысячъ рублей на окончаніе дворца, который строилъ себѣ Потемкинъ, назвавши его Таврическимъ, шпага съ бралліантами были ему пожалованы. Еще большею наградою почелъ онъ увольненіе Румянцева, который въ отсутствіе Потемкина, зимою, дѣятельно началъ военныя дѣйствія. Потемкину отдано начальство надъ обѣими дѣйствующими арміями. Онъ вполнѣ достигъ своей цѣли, когда мая 6-го, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія изъ арміи, оставилъ Петербургъ. Въ сущности дѣло было далеко не такъ.

Потемкинъ видѣвъ, что императоръ Іосифъ едва-ли подкрѣпитъ его, думая только о мирѣ, терзаемый тяжкою неизлѣчимою болѣзнію, тревожимый возмущеніемъ Фландріи, угрозами Пруссіи, возстаніемъ Польши, когда король шведскій не хотѣлъ мириться, не смотря на побѣды русскихъ. Осыпая наградами Потемкина, императрица рѣшительно требовала отъ него мира, не смотря на возраженія Потемкина и всѣ блестящіе планы его. Армія русская была обезсилена прошлогоднимъ походомъ, когда движеніе въ Польшѣ и недостатки финансовые не дозволяли думать объ усиленіи ея на берегахъ Дуная. Только побѣдами могъ Потемкинъ достигнуть цѣли своей, но умъ его былъ ничтоженъ во всемъ, что касалось начальства войсками, когда между тѣмъ гордость не дозволяла ему передать исполненіе другому. Потемкинъ кончилъ тѣмъ, что выставилъ на битвы Суворова, съ которымъ помирила его императрица, и велѣлъ ему только защищать отъ турокъ Молдавію. Оттоманы начали войну наступательную. Суворовъ, дѣйствуя соединенно съ Австрійцами, разбилъ ихъ подъ Фокшанами, іюля 21-го, и еще славнѣе была Рымникская побѣда, сентября 7-го. Въ тотъ же день князь Рѣпнинъ, царедворецъ искусный и воинъ разсчетливый, разбилъ турокъ на Сальчѣ. Но напрасно Суворовъ и Рѣпнинъ требовали у Потемкина позволенія идти впередъ и дѣйствовать рѣшительно. Потемкинъ ничего не рѣшалъ. Забравъ нѣсколько крѣпостей, Паланку, Аккерманъ, Гаджибей (гдѣ потомъ заложена Одесса,) и Бендеры, онъ говорилъ съ турками о мирѣ. Къ досадѣ его турки отвергали всѣ предложенія. Смерть императора Іосифа, въ февралѣ 1790 году, и миръ заключенный преемникомъ его императоромъ Леопольдомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, усилили затрудненія. Императрица думала ободрить Потемкина наградами. Онъ получилъ 100,000 руб., брилліантовый вѣнокъ въ 150,000 руб., титулъ великаго гетмана казацкихъ, Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ. Въ Яссахъ, куда переѣхалъ тогда Потемкинъ, окруженный великолѣпіемъ, дипломатами и всею роскошью Европы и Азіи, всѣ называли его неслыханнымъ любимцемъ счастія, а онъ страдалъ, томился, пресыщенный жизнью, оскорбляемый неисполненіемъ желаній, тре-

вожимый слухами о новомъ любимцѣ императрицы, молодомъ П. А. Зубовѣ, который горделиво угрожалъ низвергнуть стараго временщика, ненавидимаго столь многими. Надлежало кончить войну и спѣшить въ Петербургъ, но Турки, ободренные миромъ съ Австрійцами и мужествомъ своего новаго султана Селима III-го, вступившаго на оттоманскій престолъ въ 1779 году, были непреклонны. Разсерженный Потемкинъ, осенью 1790 года, началъ дѣйствія наступательныя, видѣлъ неудачи, рѣшился наконецъ ужаснуть турокъ смѣлымъ подвигомъ и велѣлъ Суворову взять неприступный Измаилъ. Едва повелѣніе было дано, Потемкинъ оробѣлъ, хотѣлъ возвратить свой приказъ, но не успѣлъ; Измаилъ, защищаемый 250 пушками и 40,000 войска, взятъ былъ приступомъ, декабря 10-го. Потемкинъ провелъ зиму въ Молдавіи, а въ февралѣ 1791 года пріѣхалъ въ Петербургъ. Началась весна, а Потемкинъ не возвращался въ армію. Апрѣля 29-го далъ онъ императрицѣ и Петербургу пиръ въ своемъ новомъ Таврическомъ дворцѣ. Великолѣпіе пира казалось современникамъ баснословнымъ. Объ немъ разсказывали, какъ о неслыханной диковинкѣ. Будто чувствуя, что близокъ былъ предѣлъ жизни его, Потемкинъ упалъ на колѣни предъ императрицею, когда она оставляла его волшебные чертоги. Потемкинъ все еще являлся правителемъ Россіи. Въ числѣ новыхъ наградъ было повелѣніе воздвигнуть ему памятникъ и подарокъ мундира, обложеннаго бриллiантами, въ 200,000 рублей; но Потемкинъ думалъ только о смерти. Князю Н. В. Рѣпнину далъ онъ полномочіе заключить миръ при первомъ случаѣ. Іюня 28-го Рѣпнинъ одержалъ блистательную побѣду надъ арміею великаго визиря подъ Мачиномъ, и началъ переговоры о мирѣ. Іюля 24-го Потемкинъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ послѣдній разъ видѣлъ почести и благоговѣніе, и больной прибылъ въ Яссы, когда Рѣпнинъ заключилъ миръ. Все, что купила Россія четырехъ-лѣтнею войною, состояло въ утвержденіи за нею того, чѣмъ уже владѣла она до войны. Потемкинъ подтвердилъ условія мира, неусыпно занимался дѣлами, но чувствовалъ смерть въ груди. Онъ хотѣлъ умереть въ городѣ, заложенномъ въ устьѣ Ингула, въ 1789 году, и названномъ Николаевымъ, въ память взятія Очакова, декабря 6-го. Дорогою сдѣлалось ему хуже, и на 38-й верстѣ отъ Яссъ, среди Бессарабской пустыни, Потемкинъ велѣлъ остановиться. Разостлали плащъ, вынесли Потемкина изъ кареты и положили на землю. Тяжело дыша глядѣлъ онъ помутившимися глазами на свѣтлое небо, на пустынную даль и въ полдень октября 5-го, 1791 г., тихо скончался на рукахъ своей племянницы, графини Браницкой и своего вѣрнаго секретаря, В. С. Попова. Вечеромъ, окруженная погребальными факелами, воротилась карета Потемкина въ Яссы. Румянцевъ, услышавъ о смерти Потемкина, заплакалъ. «Не удивляйтесь слезамъ моимъ» сказалъ онъ. «Потемкинъ былъ врагъ

мой, но человѣкъ великій!» — «Се человѣкъ! Се образъ земныхъ суетъ! Бѣги отъ нихъ мудрый!» говорилъ Суворовъ. «C'etait mon élivé et l'homme de genie!» сказала императрица, опечаленная извѣстіемъ о кончинѣ своего любимца. Великолѣпно велѣла она похоронить его въ соборной церкви Херсона и до самой кончины не могла утѣшиться въ его потерѣ.

Празднуя миръ съ Турціей, въ 1793-мъ году, она подтвердила приказъ воздвигнуть Потемкину памятникъ въ Херсонѣ. Съ ея кончиною забытъ былъ Потемкинъ. Велѣно было даже на глухо задѣлать склепъ, гдѣ находился гробъ его. Позднѣйшее потомство лучше оцѣнило заслуги Потемкина, и памятникъ ему былъ поставленъ въ Херсонѣ въ наше время. Бѣдная пирамида въ стѣнахъ Бессарабіи означаетъ то мѣсто, гдѣ скончался Потемкинъ.

Вотъ что сказалъ о Потемкинѣ остроумный принцъ де-Линь, близко знавшій его: «вижу предводителя арміи лѣниваго по наружности, но трудящагося безпрестанно. Колѣна служатъ ему столомъ, а пальцы гребнемъ; онъ вѣчно лежитъ, ни день и ночь не знаетъ сна, ибо его усердіе къ обожаемой имъ государынѣ всякую минуту его мучитъ, ибо каждый пушечный выстрѣлъ, не въ него попадающій, терзаетъ его, заставляя думать, что имъ убитъ который нибудь изъ его подчиненныхъ. Онъ робокъ за другихъ и смѣлъ за себя; останавливается подъ сильнымъ огнемъ батареи для раздачи приказовъ, но болѣе Улиссъ нежели Ахиллъ; онъ безпокоенъ въ ожиданіи опасностей, и веселъ будучи окруженъ ими; несчастенъ отъ чрезвычайнаго счастія, всѣмъ наскучилъ, всѣмъ очень скоро можетъ наскучить; сухъ и не постояненъ, глубокій философъ, искусный министръ, великій политикъ, ребенокъ двѣнадцати лѣтъ; не мстителенъ, проситъ прощенія въ сдѣланной имъ обидѣ; скоро и охотно заглаживаетъ несправедливость, думаетъ вѣрить въ Бога и боиться дьявола, который кажется ему даже сильнѣе и толще самого князя Потемкина; одною рукою подаетъ знакъ прекрасной женщинѣ, другою крестится; складываетъ руки благоговѣйно и обнимаетъ ими прелестный станъ дѣвушки; осыпаный многочисленными дарами своей великой владычицы, онъ раздаетъ ихъ всѣ и въ одну минуту; получаетъ въ подарокъ отъ императрицы деревни, возвращаетъ ихъ ей, или платитъ долги государства, не говоря ей о томъ ни слова; продаетъ обширныя помѣстья, которыя выкупаетъ для того, чтобы построить въ нихъ колоннаду, или развести англійскій садъ, и снова продать ихъ другому; играетъ безпрестанно или совсѣмъ не играетъ; любитъ лучше дарить, чѣмъ выплачивать долги свои; страшный богачъ и никогда не имѣетъ въ карманѣ копѣйки; чрезвычайно подозрителенъ, довѣрчивъ какъ младенецъ; ревнивъ, благодаренъ, угрюмъ и шутливъ; легко предубѣждаемъ во вредъ или въ пользу, и также легко забываетъ

предубѣжденіе; говоритъ о богословіи съ генераломъ, о тактикѣ съ архіепископомъ; никогда не читаетъ, но старается проникнуть тѣхъ, съ которыми говоритъ, или противорѣчитъ имъ, для того, чтобы узнать отъ нихъ болѣе; нахмуренъ, какъ дикарь, или плѣняетъ веселымъ лицомъ своимъ; то милъ, то отвратителенъ въ обхожденіи, то гордый сатрапъ востока, то самый любезный изъ придворныхъ Людовика XIV; подъ личиною жестокости имѣетъ самое нѣжное сердце; работаетъ, спитъ и располагаетъ время свое, какъ вздумается; прельщается всѣмъ, какъ младенецъ и во всемъ отказываетъ себѣ; какъ великій человѣкъ умѣренъ, хотя кажется жаднымъ; грызетъ ногти, яблоки и рѣпу, ворчитъ или смѣется, дразнитъ, кривляется, бранится, проказничаетъ или молится, поетъ или думаетъ; призываетъ за тѣмъ, чтобы отослать; велитъ собраться своимъ адъютантамъ и ни слова не говоритъ имъ лучше другихъ сноситъ ужасный жаръ, но кажется думаетъ только объ однихъ прохладныхъ баняхъ; смѣется надъ холодомъ, показывая, что не можетъ обойтись безъ шубы; вѣчно въ одной рубашкѣ, или въ богатомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ; съ босыми ногами или въ прекрасныхъ, вышитыхъ золотомъ туфляхъ; иногда безъ шляпы, въ дурномъ халатѣ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; иногда въ великолѣпной одеждѣ, во всѣхъ орденахъ, съ тремя звѣздами и съ портретамъ императрицы, осыпаннымъ крупными брилльянтами, которые, какъ нарочно выставлены для пушечныхъ ядеръ. Дома сутулистъ, горбатъ и скорченъ въ дугу;—великъ, прелестенъ, гордъ, благороденъ, исполненъ величія, очарователенъ, словомъ— Агамемнонъ среди греческихъ царей, когда является своей арміи.....

Павелъ I.

1796—1801.

Смерть Екатерины II глубоко отозвалась въ сердцахъ ея подданныхъ, благоговѣвшихъ предъ ея славнымъ именемъ. Дѣла ея, исполненныя великаго разума, оставили глубокій, неизгладимый слѣдъ въ жизни народной, облегченной щедростью, великодушіемъ, мудрыми законами великой монархини.

Такую память оставила по себѣ Россіи Екатерина II Великая.

На осиротѣвшій послѣ Екатерины престолъ вступилъ сынъ ея и Петра III, Павелъ I. Подъ руководствомъ мудрыхъ наставниковъ, между которыми особенно выдался правдивый митрополитъ Платонъ, Павелъ гибкимъ и обширнымъ умомъ своимъ достигъ блестящихъ результатовъ—неутомимость въ трудахъ, вѣрный взглядъ на вещи, большія и разнообразныя свѣдѣнія по раз-

нымъ отраслямъ наукъ, строгость къ самому себѣ и одинаковое къ другимъ, умѣнье цѣнить истинныя заслуги людей и находить достойныхъ себѣ помощниковъ — вотъ какими свойствами души и разума обладалъ Павелъ Петровичъ, и Россія возлагала на него большія надежды.

При вступленіи на престолъ Павелъ Петровичъ имѣлъ уже около 42 лѣтъ. Наслѣдникомъ онъ, по собственному желанію, жилъ постоянно въ Гатчинѣ, близь Петербурга и почти не принималъ никакого участія въ дѣлахъ правленія своей родительницы. Главной причиной этой какъ-бы отшельнической жизни Павла было то, что онъ не любилъ пышной, блестящей обстановки при дворѣ, которою, напротивъ, любила окружать себя императрица—мать, и хотѣлъ пріучить себя къ строгой, воздержной жизни, что ему и удалось вполнѣ. Жизнь въ Гатчинѣ Павла Петровича имѣла большое сходство съ жизнью Петра Великаго въ Архангельскомъ, гдѣ онъ часто жилъ во время правленія Софьи, онъ окружилъ себя не многими преданными лицами, имѣлъ свое крошечное войско, набранное изъ всѣхъ родовъ оружія, которымъ онъ постоянно занимался, и прилагалъ все свое стараніе, чтобъ сдѣлать его образцовымъ, для чего ввелъ въ него иностранные ружейные пріемы, (артикулы) установилъ для него особыя правила, и строго, неуклонно слѣдуя самъ нововведеніямъ, требовалъ того же и отъ всѣхъ въ своей миніатюрной арміи, начиная съ солдатъ. Такъ, напримѣръ, Павелъ введя въ свое войско строгую дисциплину, взамѣнъ чего ограничилъ власть командировъ; установилъ форму съ напудренными буклями, башмаками и проч.

Всѣ эти нововведенія Павелъ Петровичъ, сдѣлавшись императоромъ, перенесъ и на всю россійскую армію, что крайне непонравилось Суворову, и онъ, говорятъ, получивъ приказъ о новой формѣ, со свойственной ему ироніей сказалъ: «пудра не порохъ, пукли не пушки, косы не тесаки, и мы русскіе, а не прусаки.» Эти слова дошли до императора и Суворовъ впалъ въ немилость, получилъ отставку и приказаніе жить въ своемъ имѣніи безвыѣздно.

Не вмѣшиваясь въ дѣла правленія при жизни Екатерины, Павелъ, однако, внимательно слѣдилъ какъ за ходомъ внутренней жизни Россіи, такъ и за ея внѣшней политикой и готовился многое измѣнить, что не согласовалось съ его взглядомъ и убѣжденіемъ.

Вступивъ на престолъ Павелъ прежде всего прекратилъ приготовленія къ назначенному Екатериной походу русскихъ войскъ на Рейнъ, для возстановленія порядка нарушеннаго Франціей, и объяснилъ иностраннымъ дворамъ, заинтересованнымъ въ этомъ походѣ, въ особенности же Англію и Австрію, что и такъ Россія почти полстолѣтія ведетъ безпрерывныя войны, то весьма нуждается въ мирѣ и спокойствіи для возстановленія своихъ потра-

ченныхъ силъ. Однако императоръ также заявилъ при этомъ, что хотя и являетъ себя сторонникомъ мира, но во всякомъ случаѣ будетъ до крайности противиться неистовой французской республикѣ, угрожающей истребленіемъ истиннаго закона, благонравія и правъ во всей Европѣ. Затѣмъ императоръ прекратилъ войну съ Персіей, которую вела Россія за Грузинское царство и отозвалъ свои войска изъ-за Кавказа; и, такимъ образомъ, развязавъ себѣ окончательно руки, все свое вниманіе устремилъ на дѣла внутреннія.

Онъ устроилъ государственные финансы, находившіеся въ послѣдніе годы царствованія Екатерины въ весьма не блестящемъ положеніи, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, которые вела Россія. Установилъ порядокъ престолонаслѣдія по праву первородства—актъ чрезвычайной важности, въ видахъ спокойствія государства; отечески озаботился о народномъ здравіи, издавъ карантинный уставъ, учредилъ во всѣхъ губернскихъ городахъ врачебныя управы для надзора за врачами; установилъ цензуру для привозимыхъ изъ-за границы книгъ, имѣвшихъ тогда вредное вліяніе на умы, въ особенности во время безпорядковъ и распущенности нравовъ во Франціи. Также много сдѣлано благаго императоромъ для просвѣщенія подданныхъ—открытъ университетъ въ Дерптѣ, Маріинскій институтъ въ Петербургѣ, духовная академія, военно-сиротскій домъ для воспитанія офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей и. проч.

Но главная забота государя была обращена на войско. Хотя и громки были побѣды русскихъ регулярныхъ войскъ подъ знаменами своихъ храбрыхъ полководцевъ съ давнихъ временъ, но имъ многаго еще недоставало и въ особенности дисциплины, и Павелъ Петровичъ пополнилъ эти недостатки изданіемъ воинскаго устава, въ которомъ точно были опредѣлены обязанности всѣхъ военныхъ чиновъ и даже всѣ условія военной службы. Малѣйшее отступленіе отъ военнаго устава наказывалось строго государемъ, не смотря на чинъ, лѣта и званіе отступившаго отъ предписанныхъ правилъ.

Эти мѣры хотя отчасти и крутыя, но вмѣстѣ съ неусыпными трудами самого монарха привели къ такимъ громаднымъ результатамъ, что стройности, порядку и главное дисциплинѣ русскихъ войскъ изумлялась вся Европа.

Лица окружавшія престолъ Павла Петровича и имѣвшія вліяніе на дѣла, были почти всѣ возвышены императоромъ до первокласныхъ степеней въ самое короткое время, и въ царствованіе же Екатерины они были едва замѣтны, кромѣ двоихъ: графа Безбородко и князя Рѣпнина. Вотъ имена и должности сподвижниковъ Павла I: генералъ-инспекторъ артиллеріи графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, канцлеръ графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Кура-

кинъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ и генералъ-прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

Отказываясь отъ войнъ, императоръ Павелъ былъ почти убѣжденъ, что едвали иностранныя державы, съ которыми Екатериной Великой предположено быть въ союзѣ и отъ котораго благоразумно уклонился ея преемникъ, будутъ имѣть надобность напомнить ему оговорку, сдѣланную имъ въ объявленіи о восшествіи своемъ на престолъ. Онъ надѣялся, что государства западной Европы одними своими силами сумѣютъ остановить врага, дерзко заносившаго руку надъ западомъ; но вышло противное—Французское революціонное правительство, вступивъ въ страшную борьбу почти со всей Европой, съ каждымъ часомъ дѣлало такіе успѣхи на полѣ войны, что грозило сдѣлать изъ самыхъ сильныхъ вѣнценосцевъ своихъ вассаловъ. Смѣлый и геніальный полководецъ французской республики Бонапартъ, разбросавъ въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ битвахъ австрійскія войска, покорилъ Мантую и вторгнувшись въ Тироль, заставилъ нѣмецкаго императора положить оружіе и заключить съ Франціей убіиственный миръ, отказавшись отъ Ломбардіи и Бельгіи. Вся сѣверная Италія была занята французскими войсками; король Сардиніи былъ поставленъ въ безвыходное положеніе и таковая же участь грозила Генуи; Римъ и Неаполь выслушивали приказанія надменныхъ завоевателей. Германскіе государи настойчиво принуждались отказаться отъ своихъ земель по лѣвому берегу Рейна.

Окончивъ войну съ Германіей, французское правительство отправило Бонапарта для завоеванія Египта. Послѣдній на пути къ Египту вздумалъ занять островъ Мальту, принадлежавшій рыцарямъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, что легко и исполнилъ, занявъ островъ безъ всякаго сопротивленія и причемъ объявилъ его присоединеннымъ къ французскимъ владѣніямъ.

Эту выходку уже императоръ Павелъ Петровичъ принялъ какъ бы личный вызовъ себѣ, такъ какъ Мальтійскій орденъ находился подъ его великимъ покровительствомъ, и война съ Франціей была рѣшена.

Прежде всего императоръ предложилъ тѣсный союзъ Францу II, и предложеніе было принято съ величайшею радостію,—положено было послать въ помощь Австріи 40 т. штыковъ. Затѣмъ были заключены союзы съ Англіей, Турціею и съ королемъ обѣихъ Сицилій.

Объявляя войну Франціи, императоръ Павелъ не имѣлъ въ виду никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и повелъ въ бой свои войска съ великодушнымъ намѣреніемъ спасти Италію, Голландію и Германію отъ меча Франціи, но главные союзники его уже заранѣе намѣтили свои львинныя доли изъ плодовъ побѣдъ россійскихъ войскъ, а потому и сумѣли поставить дѣло такъ, что только мѣшали императору, стѣсняли дѣйствія знаменитаго

русскаго полководца, къ которому питали зависть бездарные генералы засѣдающіе въ Гофъ-кригсъ-ратѣ, въ Вѣнѣ, отъ куда дѣлались всѣ распоряженія.

Союзныя державы обратились съ просьбой къ россійскому императору назначить главнокомандующимъ надъ соединенными арміями Суворова, который все еще находился въ опалѣ и жилъ у себя въ деревнѣ, продолжая по прежнему свои странности: игралъ въ бабки съ деревенскими мальчиками, звонилъ на колокольни за пономаря, читалъ апостолъ въ церкви, пѣлъ на клиросѣ, вставалъ до разсвѣта и обѣдалъ въ 8 часовъ утра; но и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитый старецъ неуклонно слѣдилъ за всѣми событіями въ Европѣ и особенно интересовался походами Бонапарта.

Императоръ изъявивъ согласіе на просьбу союзниковъ, написалъ объ этомъ собственноручное письмо Суворову и отправилъ съ курьеромъ. Суворовъ немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ государю, который дружески принялъ его, обнялъ и со слезами на глазахъ сказалъ: «теперь не время считаться, виноватаго Богъ проститъ!» «Боже! спаси царя!» воскликнулъ растроганный милостивымъ пріемомъ императора маститый старецъ. «Иди ты спасать царей!» отвѣчалъ императоръ и возложилъ на Суворова орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ его встрѣтили, какъ будущаго спасителя Европы. Императоръ Австріи возвелъ его въ чинъ фельдмаршала своихъ войскъ.

Когда однако Суворовъ побывалъ нѣсколько разъ въ придворномъ военномъ совѣтѣ, то съ прискорбіемъ увидѣлъ, что хитрая политика Австріи погубитъ общее дѣло и тѣмъ болѣе, что между засѣдающими членами военнаго совѣта, распоряжавшагося издали дѣйствіями полководцевъ, нѣтъ ни одного дѣльнаго генерала. Между тѣмъ эти члены совѣта послѣ личныхъ сношеній съ жолчнымъ и насмѣшливымъ русскимъ полководцемъ стали крайне нерасположенно относиться къ нему, мало того, не стѣсняясь громко высказывали свои мнѣнія о Суворовѣ, какъ о полководцѣ не способномъ сразиться съ французами и единогласно отвергнули предложенный имъ планъ кампаніи.

Громкихъ побѣдъ Суворова пришлось однако ждать не долго— двѣ недѣли спустя послѣ прибытія къ соединенной арміи въ Верону, Суворовъ встрѣтился съ лучшимъ французскимъ полководцемъ и послѣ трехъ-дневнаго кровопролитнаго боя отбросилъ его за р. Адду и занялъ Миланъ. Опрокидывая французовъ, Суворовъ побѣдоносно вошелъ въ Туринъ, и затѣмъ въ продолженіи всего 40 дней очистилъ всю сѣверную Италію отъ непріятелей.

Французское правительство было потрясено необычайными успѣхами Суворова, отняло командованіе войсками у растерявшагося генерала Моро и замѣнила его однимъ изъ даровитѣйшихъ полководцевъ, Жубертомъ, который горѣлъ желаніемъ сра-

зиться съ Суворовымъ. Битва произошла между двумя знаменитостями 15-го Августа, подъ Нови. Бой былъ жестокій; разбитые на голову французы принуждены были поспѣшно отступить, потерявъ болѣе 10,000 убитыми, около 6,000 плѣнными, 39 пушекъ 3-хъ генераловъ убитыми, въ томъ числѣ и главнокомандующаго Жуберта, и 4 плѣнными.

Геніальный и непобѣдимый Суворовъ готовился уже перенести оружіе въ предѣлы Франціи, но, вслѣдствіе интригъ дипломатіи, ему было приказано идти въ Швейцарію и выгнать оттуда французовъ. Суворовъ пробовалъ доказывать невозможность вести войну въ горахъ съ измученными войсками, совершившими уже трудную кампанію, но его не послушали. Суворовъ двинулся въ Швейцарію, гдѣ его долженъ былъ дождаться австрійскій корпусъ и русскій, которымъ командовалъ генералъ Корсаковъ, но командующій австрійскимъ корпусомъ, вѣроятно вслѣдствіе конфиденціальнаго приказанія изъ Вѣны, вывелъ свои войска изъ Швейцаріи, не дождавшись во-первыхъ Суворова, а во-вторыхъ оставивъ генерала Корсакова на жертву въ трое сильнѣйшаго непріятеля. Слѣдствіемъ этой вѣроломной выходки было то, что французскій маршалъ Массена напалъ на Корсакова подъ Цюрихомъ и совершенно разстроилъ его силы. Не получивъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ пораженіи, Суворовъ вступилъ въ Швейцарію, гдѣ австрійцы должны были доставить продовольствіе, проводниковъ и муловъ для перевозки тяжестей; ничего этого не было исполнено союзниками, вслѣдствіе чего Суворовъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе, почти обреченъ на погибель; —но онъ пошелъ бодро впередъ, черезъ страшныя стремнины и утесы Сентъ-Готардскаго хребта, держась направленія къ Цюриху. Войска должны были, то подниматься къ облакамъ, то опускаться въ глубокія бездны и потомъ снова карабкаться по крутымъ утесамъ, гдѣ каждый неосмотрительный шагъ стоилъ жизни.

Недоступныя высоты Сентъ-Готарда и всѣ ущелья, удобныя для прохода русскихъ войскъ, были уже заняты французскими войсками подъ командой Лекурба, который сторожилъ Суворова, не имѣвшаго возможности избѣжать этихъ высотъ, усѣянныхъ французами. Русскій герой однако не смутился и передъ такимъ положеніемъ—раздѣливъ свои войска на двѣ части, одну лично повелъ противъ фронта, а другой, подъ начальствомъ Розенберга, приказалъ зайти Лекурбу въ тылъ. Но когда Суворовъ подвелъ свои войска къ подошвѣ высочайшаго Сентъ-Готарда, съ его грозными скалами и утесами, занятыми непріятелемъ—то впервые русскіе солдаты остановились недоумѣлые, впервые усомнились въ своихъ силахъ одолѣть врага и природу. Въ эту критическую минуту появляется передъ сплоченными рядами войскъ Суворовъ— «вы не дѣти мои, а я вамъ болѣе не отецъ!» —сказалъ онъ, об-

ращаясь къ солдатамъ; затѣмъ велѣлъ выкопать могилу, легъ въ нее и потребовалъ, чтобъ его закопали живаго.

Это такъ ужасно подѣйствовали на солдатъ, что они съ воплями раскаянія за свое минутное малодушіе бросились въ могилу, вынесли на рукахъ изъ нее своего славнаго вождя и какъ львы полезли на утесы. Въ переднихъ рядахъ войскъ шли—Багратіонъ и великій князь Константинъ Павловичъ, совершившій всѣ походы съ Суворовымъ въ эту кампанію.

Преодолѣвая страшныя трудности, русскія войска пробили себѣ дорогу черезъ вершины Сентъ-Готарда, сбрасывая штыками французовъ въ мрачныя ущелья. По переходѣ черезъ хребетъ горъ, Суворовъ соединился съ Розенбергомъ и, совершивъ еще знаменитый переходъ черезъ Русу по Чертову мосту, вошелъ наконецъ въ давно желаемую долину Мутенъ, надѣясь здѣсь увидѣть конецъ своимъ тяжелымъ испытаніямъ, и вдругъ услышалъ роковое извѣстіе о пораженіи Корсакова, отброшеннаго за Рейнъ, съ потерею десяти тысячъ человѣкъ; кромѣ того, оказалось, что французская армія, въ количествѣ 60 т. подъ командой трехъ искусныхъ генераловъ: Массены, Лекурба и Молитора, заняла всѣ пути къ дальнѣйшему движенію, готовая обрушиться всѣми своими громадными силами и раздавить 18 тысячную русскую армію. Чтобы спасти войска отъ вѣрнаго истребленія, Суворовъ могъ отступить въ Піемонтъ, но это не было въ обычаѣ героя-полководца, Суворовъ никогда не отступалъ и до конца жизни велъ русскія войска только впередъ!

На собранномъ военномъ совѣтѣ Суворовъ сказалъ: «мы среди горъ, окружены непріятелемъ превосходнымъ въ силахъ, что предпринять намъ? Идти назадъ постыдно, никогда еще я не отступалъ. Идти впередъ къ Швицу—невозможно: у Массены больше 60 тысячъ, у насъ и 20 нѣтъ, къ тому-же мы безъ провіанта, безъ артиллеріи..... помощи ждать не отъ кого..... мы на краю гибели! Одна надежда на всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ! Мы русскіе! Съ нами Богъ! Спасите честь Россіи и государя! Спасите сына нашего императора!» Было рѣшено: оставивъ движеніе къ Цюриху, идти на Гларисъ къ Граубиндену, чтобы соединиться съ корпусомъ Корсакова.

Около Мутенталя, французская армія, раздѣлившись на три корпуса, со всѣхъ сторонъ окружила Суворова и бой завязался. Генералъ Массена предводительствовалъ войсками въ тылу нашей арміи,—Суворовъ остановился, чтобы сразиться съ французскимъ полководцемъ и, послѣ нѣсколькихъ часовъ кроваваго боя, опрокинулъ его и отбросилъ къ Швицу. Французы, подъ командой другаго генерала Лекурба, бросились тогда съ фланговъ, но Суворовъ стремительнымъ натискомъ раскидалъ густые ряды французовъ и взялъ самого Лекурба въ плѣнъ. Затѣмъ оставался одинъ Молиторъ, съ фронта, и хотя онъ имѣлъ свѣжія войска,

но Суворовъ принудилъ его очистить себѣ дорогу и побѣдоносно повелъ свои войска черезъ Гларисъ къ Граубиндену. Французы наскоро собрали свои силы и еще разъ сдѣлали попытку задержать Суворова, но были снова разбиты и уступили ему дорогу.

Побѣды и подвиги Суворова изумили Европу и Россію, имя его гремѣло по всему свѣту. Награжденный орденами: австрійскимъ, сардинскимъ, баварскимъ и неаполитанскимъ, Суворовъ возведенъ былъ въ званіе сардинскаго фельдмаршала, съ титуломъ гранда и кузена королевскаго. Императоръ послалъ герою свой портретъ въ перстнѣ и портретъ осыпанный бриллiантами для ношенія на груди, пожаловалъ его титуломъ свѣтлѣйшаго князя съ наименованіемъ «Италійскій,» потомъ возвелъ его въ санъ генералисимуса всѣхъ русскихъ войскъ и повелѣлъ отдавать ему воинскія почести, какія отдаются только государю.

Негодуя на дипломатію своихъ союзницъ, Англію, бывшую причиной пораженія въ Голландіи русской арміи подъ командой генерала Германа, и, въ особенности Австрію, которая кромѣ многихъ неблаговидностей допустила еще оставить въ Швейцаріи на жертву сильной французской арміи корпусъ Корсакова, императоръ Павелъ разорвалъ тройственный союзъ и отозвалъ войска свои изъ Швейцаріи въ Россію. На пути въ Петербургъ, въ Прагѣ,—семидесятилѣтній старецъ Суворовъ въ послѣдній разъ простился съ русскими войсками и больной пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, едва успѣвъ повидаться съ родными, скончался—утромъ 6-го Мая 1800 года.

Бонапартъ, сдѣлавшійся по возвращеніи изъ Египта первымъ консуломъ Франціи, искусно воспользовался неудовольствіемъ императора на своихъ союзниковъ, вошолъ въ соглашеніе съ Россіей и предложилъ Павлу сдѣлать походъ соединенными силами въ Индію. Императоръ изъявилъ согласіе на предложеніе Бонапарта, успѣвшаго расположить его въ свою пользу хорошимъ обращеніемъ съ русскими плѣнными, бывшими во Франціи, отдалъ повелѣніе войскамъ готовиться въ походъ, но ему не суждено было осуществиться. 12-го Марта 1801 года императоръ скончался.

Въ царствованіе Павла Петровича состоялось присоединеніе къ Россіи царства Грузинскаго, возвѣщеннаго манифестомъ отъ 18-го Января 1801 года.

Царствованіе Александра I Павловича.

1801—1825.

Любимый внукъ Екатерины II, воспитаный подъ личнымъ ея наблюденіемъ знаменитымъ Лагарпомъ, Александръ I, вступая 12 марта 1801 года на Всероссійскій престолъ, объявилъ своему

народу, «что онъ будетъ править Богомъ врученный ему народъ по законамъ и по сердцу премудрой бабки своей, Екатерины Великой, да вознесетъ Россію на верхъ славы и да утвердитъ ненарушимое блаженство всѣхъ вѣрныхъ поданныхъ» этими словами государь указалъ Россіи, что его царствованіе будетъ развитіемъ тѣхъ великихъ началъ, которыя были начертаны его бабкою и всего того, что она не успѣла докончить; а тѣмъ самымъ изъявилъ свое намѣреніе укрѣпить извнѣ славу Россіи участіемъ ея въ возстановленіи Европейскаго мира между враждующими въ то время народами запада и доставить благоустройство и благосостояніе внутри твердыней закона, охраной правъ личныхъ и сословныхъ, распространеніемъ просвѣщенія и покровительствомъ промышленности.

Осуществленіе благихъ намѣреній императора умиротворить западъ Европы встрѣтило тамъ страшнаго врага Наполеона Бонапарта, который взялъ въ свои руки судьбу Франціи и сначала являя изъ себя возстановителя порядка и законности въ своемъ отечествѣ даже пользовался расположеніемъ благодушнаго Александра; но потомъ навлекъ на себя вражду его за проявленіе сильнаго властолюбія и стремленія къ порабощенію Европы.

Одиннадцать лѣтъ боролся Александръ съ Наполеономъ, чтобъ утвердить спокойствіе и миръ въ Европѣ, и положить предѣлъ его завоевательной дѣятельности; но безуспѣшно. Изнуренная Россія безпрерывной войной и оттого разстройствомъ своихъ финансовъ и благосостоянія, потерявшая множество своихъ сыновъ на поляхъ битвъ, еще должна была выдержать послѣднее бѣдствіе, нашествіе Наполеона съ двѣнадцатью народами; она вѣрила своему государю, а онъ рѣшилъ сокрушить Наполеона, произнеся знаменательныя слова «я или онъ, онъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ,» и исполнилъ это, отразивъ и уничтоживъ могущество великаго и до той поры непобѣдимаго властелина запада.

Четыре года провелъ Александръ въ возстановленіи всего, что попрано было Наполеономъ въ покоренныхъ имъ странахъ, возвращеніемъ государямъ коронъ ихъ, народамъ свободы и самобытности, а слѣдовательно всей Европѣ водвореніе порядка и мира.

Въ первыя пятнадцать лѣтъ своего царствованія отвлеченный великой борьбой съ Наполеономъ за Россію и самобытность Европы Александръ, хотя ревностно заботился о благѣ своего народа и благоустройствѣ государственномъ, но не имѣлъ возможности сдѣлать столько, сколько было имъ сдѣлано въ послѣднія десять лѣтъ для совершенствованія по всѣмъ отраслямъ государственнаго правленія: устройствомъ новыхъ, измѣненіемъ прежнихъ учрежденій и введеніемъ такихъ законодательныхъ мѣръ, которыя соотвѣтствовали потребностямъ обширнаго русскаго царства и отвѣчали влеченію души Александра, исполнен-

ной человѣколюбія, правосудія и стремленія неудержимаго къ счастію и просвѣщенію своего народа. Александръ, вступившій на престолъ только 24-хъ лѣтъ отъ роду, въ продолженіи другой половины своей жизни исполнилъ все, что возвѣстилъ Россіи въ первомъ своемъ манифестѣ: далъ миръ Европѣ и благоустройство и благосостояніе Россіи, такъ что 25-ти лѣтнее царствованіе этого кроткаго монарха составляетъ свѣтлую лѣтопись въ жизни русскаго народа.

Первымъ дѣломъ Александра было покончить войну съ Англіей, которой флотъ проплылъ Зундъ и вступилъ уже въ Балтійское море, и распри съ Франціею, Испаніею и Австріею, чтобы явить этимъ примѣръ миролюбія для другихъ иностранныхъ державъ, утомленныхъ борьбою другъ съ другомъ и все еще ожесточенно враждующимъ. С. Петербургскимъ миромъ съ Англіей Александръ отрекся отъ сана великаго магистра рыцарскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, чѣмъ отказался отъ притязаній на Мальту (островъ въ Средиземномъ морѣ) и призналъ, что нейтральный флагъ не защищаетъ непріятельскаго груза отъ захвата и права воюющихъ державъ осматривать нейтральное судно, хотя бы и съ конвоемъ; но въ случаѣ ненахожденія на немъ контрабанды должно быть дано вознагражденіе за убытки. Къ этимъ правиламъ объ нейтральности судовъ присоединились и сѣверныя державы: Швеція, Данія и Пруссія; отчего спокойствіе воцарилось на сѣверѣ Европы.

Затѣмъ Александръ обратилъ вниманіе на югъ, чтобы и тамъ укрѣпить добрыя отношенія и забвеніе прошлаго, что было вскорѣ достигнуто договоромъ въ Парижѣ, заключенномъ съ одной стороны: графомъ Марковымъ, посломъ Александра, а съ другой Франціей и Испаніей объ утвержденіи дружбы и торговыхъ сношеніи съ Россіей; но только съ тѣмъ, что Франція обязана примириться съ Турціей, выведя свои войска изъ вассальнаго ей Египта, удовлетворить Сардинскаго короля за Піемонтъ, привести въ порядокъ дѣла Германіи и Италіи, а также обезопасить свободу нейтральной торговли на морѣ.

Покончивъ несогласія съ Австріей, Александръ душевно желалъ для водворенія истинно—мирнаго состоянія Европы примирить Англію и Францію, тѣмъ болѣе, что народы обоихъ странъ искренно желали кончить свою обоюдную вражду; но только Питтъ, первый министръ Англіи, не хотѣлъ мира. Александръ своимъ вліяніемъ, а главное примѣромъ миролюбія, подѣйствовалъ на враждующихъ и миръ между ними былъ заключенъ въ Аміенѣ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Англія отказывалась отъ занятыхъ ею французскихъ, голландскихъ и испанскихъ колоній, кромѣ Тринидата и Цейлона, обязываясь въ трехмѣсячный срокъ возвратить островъ Мальту рыцарямъ державнаго ордена св. Іоанна Іеруссалимскаго, и 2) Франція въ свою оче-

редь дала обязательство не домогаться Египта, Рима и Неаполя. Эти условія показались англійскому народу невыгодны, потому что пріобрѣтеніе острова Цейлона и Тринидата было неважно для Англіи и не соотвѣтствовало большимъ пожертвованіямъ ея, которыя дѣлались для охраненія свободы Голландіи, Бельгіи, Швецаріи и итальянскихъ государствъ.

Александръ старался поддержать водворившееся спокойствіе; но Англія объявила войну французамъ. Наполеонъ началъ стремиться къ захватамъ и уничтожилъ революціонныя волненія во Франціи. Очевидно стало, что Наполеонъ не ограничитъ своего властолюбія Франціей, оно увлечетъ его далеко за предѣлы ея.

Сардинскій король не только не получилъ вознагражденія за Піемонтъ, а потерялъ еще другія земли; кромѣ того Римъ, Неаполь, Ганноверъ были заняты французами; послѣ всего этого Наполеонъ приказалъ схватить принца королевской крови герцога Ангіенскаго, который находился на нейтральной нѣмецкой землѣ въ Баденѣ, привезти его въ Венсенскій замокъ, судить военнымъ судомъ и разстрѣлять. Этотъ беззаконный и варварскій поступокъ вызвалъ громкое порицаніе Европы и слова Александра, сказавшаго по поводу смерти герцога Ангіенскаго, что со стороны Наполеона это «преступное нарушеніе человѣческихъ правъ;» а объявленіе себя императоромъ французовъ и королемъ Италліи каставило Александра въ свою очередь объявить Наполеону войну и составить противъ него союзъ, такъ какъ отвѣтъ на запросъ Россіи, по какому праву нарушена неприкосновенность Германской земли и разстрѣлянъ потомокъ великаго Конде, герцогъ Ангіенскій, былъ грубъ и полонъ дерзостей.

Вилліамъ Питтъ опять взявшійся за управленіе Англіей составилъ планъ союза Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи и Швеціи, по которому 500,000 союзнаго войска должно вступить во Францію и положить конецъ властолюбію Наполеона, свергнувъ его и воротивъ Францію въ ея прежнее состояніе.

Густавъ Адольфъ IV непримиримый врагъ Наполеона, Австрія, жаждавшая возврата Ломбардіи, присоединились немедленно къ союзу, предположенному Питтомъ и одобренному Александромъ; но Пруссія ограничилась только вооруженіемъ своей арміи для защиты себя и не присоединилась къ союзу, хотя король и народъ этого хотѣли, но министръ графъ Гаугвицъ наговорилъ объ опасностяхъ разрыва съ Франціей такъ много, что запугалъ короля.

Силы Наполеона не были развлечены съ сѣвера, благодаря невмѣшательству Пруссіи, и Наполеонъ могъ сосредоточить всѣ свои войска на востокъ Франціи и однимъ ударомъ отразить союзниковъ или, покрайней мѣрѣ, доставить себѣ перевѣсъ надъ ними въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи. Планъ будущихъ дѣйствій

союзниковъ былъ составленъ австрійскими генералами, княземъ Шварценбергомъ и Макъ, такъ неудачно, что помогъ планамъ Наполеона. Эти австрійскіе тактики и присоединившійся къ нимъ русскій генералъ Винцегероде предположили, что военныя дѣйствія начнутся въ Италіи и потому войско Австріи раздѣлили на три арміи такъ: въ Италію долженъ вступить эрцгерцогъ Карлъ, въ Баваріи на берегу Леха оставаться арміи Мака и дожидаться Кутузова съ 90,000 русскихъ для вторженія во Франшъ-Конте, а третьей арміи дѣйствовать противъ Швейцаріи.

Наполеонъ стянулъ свои войска, перешелъ Рейнъ, заставилъ присоединиться къ себѣ Баденъ, Баварію и Виртембергъ, прошелъ черезъ нейтральную Пруссію и раскинулъ неожиданно для Мака, стоявшаго еще одиноко на Иллирѣ, свой лагерь вблизи отъ него на Дунаѣ подъ Ульмомъ, чтобы нанести австрійцамъ полное пораженіе; между тѣмъ Кутузовъ достигъ только Инна, и Маку слѣдовало-бы для спасенія своей арміи отступить туда и соединиться съ русскими; но онъ этого не сдѣлалъ и погубилъ свое войско. Всегда быстрый въ своихъ дѣйствіяхъ Наполеонъ, пользуясь разбросанностью австрійцевъ, приказалъ своимъ полководцамъ Сульту, Даву и Нею обойдти ихъ со всѣхъ сторонъ, а самъ съ отборнымъ войскомъ ударилъ на нихъ въ тылъ: начался страшный бой, французы безъ труда поражали и гнали малочисленные отряды австрійцевъ, которые въ бѣгствѣ своемъ опять натыкались на окружившаго ихъ врага. Почти половина австрійцевъ была истреблена, а съ остальными войсками фельдмаршалъ Макъ едва успѣлъ укрыться въ Ульмѣ, но стѣсненный отвсюду долженъ былъ сдаться въ плѣнъ съ уцѣлевшими войсками.

Поразивъ такъ жестоко австрійцевъ, Наполеонъ болѣе чѣмъ съ 150,000 войска бросился къ Инну, чтобы разбить Кутузова съ его 50,000 арміей, но онъ, воспитанный въ школѣ Румянцева и Суворова, заслышалъ объ этомъ и началъ отступать въ Моравію, чтобы тамъ соединиться съ другой русской арміей. Тяжкій путь пришлось пройдти Кутузову, потому что во все продолженіе его на разстояніи 360 верстъ французы преслѣдовали русскихъ; Кутузовъ отбивался отъ наполеоновскихъ маршаловъ, то и дѣло останавливаясь и вытягивая свое немногочисленное войско, но когда замѣтилъ, что ему хотятъ отрѣзать путь, то самъ кинулся на войска Мортье, принимавшаго обходное движеніе и разбилъ ихъ; при чемъ самъ Мортье съ трудомъ избѣжалъ плѣна.

Въ это время самъ Наполеонъ побѣдоносно вступилъ въ сдавшуюся Вѣну, столицу Австріи, откуда послалъ маршаловъ Мюрата, Сульта и Ланна опять заградить дорогу Кутузову и истребить его армію; но тотъ послалъ въ Шенграбенъ, куда шли французы, князя Багратіона съ 6000 русскихъ, чтобъ задержать непріятеля и дать время всей русской арміи уйдти отъ преслѣдованія. Багратіонъ изумилъ даже враговъ своихъ своею безпри-

мѣрною храбростью и мужествомъ при встрѣчѣ въ десять разъ сильнѣйшей арміи, подъ командой лучшихъ маршаловъ Наполеона; русскіе бились съ ними такъ отчаянно, такъ бѣшенно, что французы даже должны были пропустить большую часть ихъ и самаго Багратіона, который со шпагою въ рукѣ проложилъ штыками своихъ солдатъ себѣ дорогу къ спасенію сквозь густые ряды непріятеля. Кутузовъ, благодаря Шенграбенскому бою, соединился съ другой русской арміей и остатками австрійцевъ (до 15,000) и занялъ позицію у Ольмюца, гдѣ была главная квартира Александра и императора австрійскаго Франца II, а Наполеонъ со всей своей арміей подошелъ къ Брюну. Его желаніе было напасть на союзникавъ и рѣшительнымъ боемъ выиграть каммпанію, потому что Эрцгерцогъ Карлъ, разбившій французовъ въ Италіи, былъ уже въ Венгріи, прусскій король за нарушеніе Наполеономъ нейтралитета прусскихъ земель готовился ударить на него сзади, и пришла вѣсть, что англійскій адмиралъ Нельсонъ въ морской битвѣ при Трафалгарѣ уничтожилъ весь флотъ Франціи, оставивъ тѣмъ берега ея беззащитными.

Хотя испытанный въ бояхъ Кутузовъ хотѣлъ подождать и пруссаковъ, и Карла, и третьей арміи русскихъ, которая была уже на пути; но австрійскіе генералы убѣдили императоровъ вступить въ бой съ Наполеономъ, будто-бы еще не соединившимся съ сильными корпусами Даву и Бернадота, и Кутузовъ пошелъ къ Аустерлицу. Здѣсь русская армія поставлена въ боевой порядокъ, имѣя въ срединѣ австрійцевъ и нѣсколько русскихъ полковъ, подъ начальствомъ Коловрата, правое крыло—подъ командою Багратіона и лѣвое-Буксгевдена. Австрійцы настояли. чтобы Кутузовъ разстянулъ армію, чѣмъ предоставилъ-бы Буксгевдену удобнѣе обойдти правый флангъ французовъ; но геніальный Наполеонъ, не дожидаясь этого, воспользовался разстянутостью боевой линіи русскихъ и слабостью центра, приказалъ Сульту прорвать его. Густыя колоны французовъ бросились на Коловрата, при войскахъ котораго находились и оба императора, опрокинули его и тѣмъ разорвали оба фланга русскихъ, на которые бросились войска Даву и Бернадота, оказавшіеся, сверхъ ожиданій, вмѣстѣ съ Наполеономъ, и довершили пораженіе союзниковъ. Русская гвардія, а съ ней цесаревичъ Константинъ бросились въ бой. Самъ государь, не дорожа своей жизнію, подвергался величайшей опасности, чтобы придать мужество русскимъ; но искуство Наполеона, воспользовавшагося слабою стороною плана австрійцевъ, взяло верхъ: 10,000 взято было въ плѣнъ, не менѣе того убито, а остальные въ разстройствѣ спѣшили укрыться въ Венгрію. Наполеонъ, взявшій трофемъ этого боя 130 пушекъ, назвалъ его «битвою трехъ императоровъ» и, послѣ сраженія, сказалъ, показывая на выглянувшее изъ-за клубовъ пороховаго дыма солнце:

«вотъ аустерлицкое солнце!» Эта побѣда Наполеона имѣла важныя слѣдствія для Россіи, потому что Австрійскій императоръ тогда-же началъ переговоры съ Наполеономъ. и заключилъ перемиріе, окончившееся Пресбургскимъ миромъ, по которому Австрія уступила Тироль и Венеціанскую область и заплатила 100 милліоновъ контрибуціи.

Пресбургскій миръ не поколебалъ твердости Александра: онъ отказался вести переговоры съ Наполеономъ, но только приказалъ русской арміи съ границъ Венгріи возвратиться въ отечество.

Пруссія, пораженная вѣстью объ Аустерлицѣ, забыла свои требованія за нарушеніе Наполеономъ нейтралитета ея земель, именно: за переходъ французовъ черезъ Аншпахскую область, а напротивъ уступила ее Франціи, получивъ въ замѣнъ Ганноверъ, владѣніе короля Англійскаго, захваченный французами.

Вскорѣ Питтъ умеръ, какъ говорятъ, съ горя о пораженіи союзниковъ подъ Аустерлицемъ, и его преемникъ, Фоксъ, хотѣлъ заключить миръ съ Франціей, но Наполеонъ своимъ самовластіемъ заставилъ прекратить всѣ переговоры, такъ какъ онъ лишилъ короля неаполитанскаго его трона и посадилъ на него брата своего, Іосифа Бонапарте; Голландію объявилъ королевствомъ подъ властію другаго своего брата, Людовика, а самъ сдѣлался протекторомъ, т. е. покровителемъ рейнскаго союза, образованнаго имъ изъ государствъ южной Германіи.

Видя все это, Фридрихъ Вильгельмъ Прусскій и его народъ убѣдились, что Наполеонъ готовиться подчинить своему игу незначительныя государства Германіи и что уступка Ганвера самимъ-же властителемъ Франціи не признается законной, такъ какъ онъ обѣщалъ возвратить это курфиршество королю Англіи, забывъ даже объ интересахъ Пруссіи. Мужественная королева прусская даже сама приняла сторону враждебныхъ Наполеону пруссаковъ и супругъ ея объявилъ войну Франціи, требуя отъ Наполеона удаленія французовъ за Рейнъ, и вообще оставленія въ покоѣ земель нѣмецкой имперіи; чувствуя-же себя не въ силахъ бороться съ Наполеономъ, обратился за помощью противъ него къ Александру, который немедленно послалъ 90,000 войска, подъ командой Беннигсена и Буксгевдена.

Прусскій король просилъ Александра о помощи, не подождалъ прихода русскихъ войскъ и сдѣлалъ этимъ величайшую ошибку, хотя бы ему должно было помнить недавнія пораженія Австрійцевъ по той-же причинѣ. Въ одинъ день Наполеонъ уничтожилъ 100,000 чел. прусскаго войска въ битвѣ подъ Іенной и Ауерштедтѣ. Страхъ пруссаковъ къ французамъ былъ до того силенъ, что гдѣ ни появлялся Наполеонъ—все бѣжало и бросало оружіе, даже сильнѣйшія крѣпости Пруссіи: Эрфуртъ, Штетинъ, Кюстринъ и Магдебургъ безъ сопротивленія отворили свои ворота Іенскому

побѣдителю и онъ вступилъ въ Берлинъ. Вся Пруссія была во власти французовъ, исключая Кенигсберга, гдѣ находился лично король и его семейство, и Данцига, съ 20.000 уцѣлѣвшаго прусскаго войска, подъ командой храбраго графа Лестока. Іенская битва заставила потерять Пруссію сто тысячъ плѣнныхъ и четыре тысячи пушекъ, не говоря уже о множествѣ убитыхъ.

Когда Пруссія раздавлена была Наполеономъ и его войска подошли къ Вислѣ и расположились въ числѣ двухсотъ тысячъ на лѣвомъ берегу ея, два русскіе корпуса, назначенные въ помощь пруссакамъ, дошли только до Буга.

Наполеонъ задумалъ нанести русской арміи окончательный ударъ и готовилъ Россіи участь Пруссіи, для чего подстрекнулъ султана вооружиться противъ Александра и сталъ льстить несбыточнымъ мечтамъ поляковъ о потерянной на всегда самостоятельности и златой, какъ они говорили, вольности: мятежные поляки собрали нѣсколько полковъ и ихъ вожди Домбровскій и Заіончикъ присоединились къ Наполеону.

Храбрость, мужество было на сторонѣ русскихъ войскъ, но между Бугомъ и Наревомъ ихъ стояло вдвое менѣе, чѣмъ французовъ, предводимыхъ любимымъ вождемъ и привыкшимъ къ побѣдамъ. Хотя разрывъ съ Турціей заставилъ Александра послать на Дунай значительную армію и волненія поляковъ ставили въ невыгодное положеніе назначенные противъ французовъ корпуса, но русскій императоръ не поколебаяся передъ опасностями продолженія борьбы съ поработителемъ Европы, а повѣлелъ собрать 612,000 человѣкъ государственнаго ополченія для защиты Имперіи. Русскій народъ, по слову своего обожаемаго монарха, всталъ, какъ одинъ человѣкъ: духовенство въ храмахъ проповѣдями призывало всѣ сословія къ жертвамъ своимъ достояніемъ и самою жизнью для спасенія отечества; дворянство ополчилось и выводило дружины русскихъ людей, а купечество и средній классъ жертвовали достояніемъ своимъ на пользу общую.

Александръ съ радостію узналъ, что воля его исполнена, и земское войско собрано, но послать его на войну съ врагомъ на этотъ разъ оказалось ненужно: русская армія съумѣла и одна перевѣдаться съ врагомъ и не допустить его внутрь Имперіи.

Военныя дѣйствія начались въ восточной Пруссіи и Мазовіи. Къ русской арміи пріѣхалъ вновь назначенный главнокомандующій фельдмаршалъ Каменскій, герой войнъ Екатерины; но его дряхлость и болѣзнь не дозволила ему командовать арміей и черезъ четыре дня онъ уѣхалъ обратно, приказавъ отступать. Русскіе начали отступленіе по непроходимымъ дорогамъ Мазовіи за Наревъ: пѣхота и кавалерія едва двигались по страшной грязи, артиллерія буквально вязла въ болотахъ, разбросанность отдѣльныхъ частей, отступавшихъ безъ общаго плана и главно-

командующаго, обратилась въ какую-то безпорядочность и гибель грозила ей.

Видя, что дни Ульма и Іены, Наполеонъ, начавшій уже обходить русскихъ, напомнитъ и имъ, мужественный Беннигсенъ остановился у Пултуска, бросился на наступавшаго маршала Ланна и разбилъ его корпусъ, а князь Голицынъ въ тотъ-же день, 14 Декабря, командуя одной только дивизіей, встрѣтилъ всю армію Наполеона у Галымина, началъ биться въ снѣжную мятель съ стремившимися на него французами, нисколько не поддался ихъ страшному натиску и громадному превосходству силъ и до того довелъ Наполена, что онъ оставилъ мысль о преслѣдованіи и съ утомленнымъ войскомъ ушелъ зимовать въ Варшаву.

Въ Остроленкѣ было объявлено, что Беннигсенъ назначенъ главнокомандующимъ. Движеніе оставшихся на театрѣ военныхъ дѣйствій корпусовъ Нея и Бернадота къ Кенигсбергу, гдѣ держался король прусскій, обезпокоило Беннигсена, и онъ рѣшился опять перейдти Наревъ и напасть на французовъ. Маршалъ Ней успѣлъ отойдти въ сторону и Беннигсенъ началъ наступать на Бернадота.

Узнавъ о движеніи Беннигсена, самъ Наполеонъ поднялъ всю свою армію съ зимнихъ квартиръ въ Варшавѣ, и направился въ сильные морозы опять обойдти русскихъ. Свѣдѣнія о намѣреніи Наполеона были собраны предусмотрительнымъ Беннигсеномъ съ поразительной аккуратностью и онъ, оставивъ въ покоѣ корпуса Бернадота, во время успѣлъ отступить, и, отражая съ успѣхомъ аттаки настигшаго его непріятеля, достигъ Прейсишъ-Эйлау. Здѣсь Наполеонъ началъ бой первый; но скоро Беннигсенъ изъ оборонительнаго положенія былъ въ состояніи перейдти въ нападеніе: русскіе бросились въ штыки, генералъ Дохтуровъ положительно уничтожилъ весь корпусъ Ожеро и французская армія была разорвана на двое. Наполеонъ испугался за исходъ битвы и даже за свою жизнь, такъ какъ одинъ баталіонъ русскихъ очутился неожиданно въ сто шагахъ отъ Наполеона, но русскіе не съумѣли истребить разорванные фланги его арміи, хотя, послѣ двухдневнаго боя, она не могла отдохнуть менѣе, какъ въ девять дней. Бой при Прейсишъ-Эйлау окончился изнеможеніемъ обѣихъ сторонъ и заставилъ Наполеона, потерпѣвшаго вдвое больше русскихъ, опять увести свою армію въ Варшаву, а Беннигсенъ, потерявъ 12 тысячъ въ бою, пошелъ къ Кенигсбергу.

Обѣ враждующія арміи начали получать подкрѣпленія и приготовляться къ открытію военныхъ дѣйствій на весну. Къ Варшавѣ Наполеонъ стянулъ 250 тысячъ, и Беннигсенъ, усилившись приходомъ гвардіи и резервовъ, все-же имѣлъ только до 170,000 человѣкъ.

Зная превосходство силъ Наполеона, Россія обратилась къ Англіи и Австріи за помощью противъ общаго врага. Отвѣтъ

Англіи былъ холоденъ и въ просьбѣ Россіи, оказать ей кредитъ въ 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, получился отказъ, а Австрійскій императоръ принялъ на себя только посредничество между Россіей и Наполеономъ, не двинувъ въ тылъ ему ни одного солдата. Такая холодность Австріи и Англіи не поколебала Александра въ его твердой рѣшимости продолжать войну, хотя Наполенъ, увидѣвъ на дѣлѣ стойкость и мужество русскихъ, склонялся на выгодный миръ съ Россіей; но Александръ лично прибылъ въ Мемель, въ Пруссіи, и повелѣлъ Беннигсену снова начать дѣйствія.

Беннигсенъ двинулся противъ Наполеона, и, имѣвъ съ нимъ не большое дѣло, пошелъ къ Фридланду на Алле. Здѣсь Наполеонъ рѣшилъ дать русскимъ сраженіе, а Беннигсенъ, находясь въ изгибѣ рѣки Алле, рѣшился выдержать напоръ врага, не смотря на всѣ неудобства своей позиціи. Французы, наступая на русскихъ, могли свободно ввести въ сраженье всѣ свои корпуса и вообще развернуть силы своей арміи; но позиція русскихъ не давала Беннигсену этой возможности, потому что рѣка Алле, въ углу которой стояла русская армія, охватывала тылъ ея и отчасти фланги, а въ центрѣ находилось озеро, что еще болѣе стѣсняло русскихъ. На разсвѣтѣ начался бой и до половины дня русскіе крѣпко держались, но къ вечеру Наполеонъ ввелъ въ дѣло всю свою армію. Въ рѣшительную минуту битвы цесаревичъ Константинъ, князь Багратіонъ и Дохтуровъ оказали чудеса храбрости, вводя въ огонь русскіе полки; но Беннигсенъ увидѣлъ, что русскіе не выдерживаютъ ударовъ свѣжихъ колонъ французовъ, и съ быстротой перевелъ уцѣлѣвшую часть своей арміи за рѣку Алле и началъ отступленіе къ Нѣману, гдѣ привелъ въ порядокъ свои разстроенные корпуса и соединился съ резервными войсками князя Лобанова—Ростовскаго. Наполеонъ старался всѣми силами уничтожить русскихъ и шелъ по слѣдамъ Беннигсена до самаго Тильзита, сдерживаемый только казаками, которые съ своимъ удалымъ атаманомъ Платовымъ то и дѣло дѣлали лихіе натиски на передовые полки французовъ и тѣмъ давали время Беннигсену идти впередъ и впередъ.

На обоихъ берегахъ Нѣмана расположилось русское и французское войско. Хотя Беннигсенъ готовъ былъ опять вступить въ бой, но императоръ Александръ, обманутый въ своихъ надеждахъ на помощь Англіи и Австріи, не желалъ уже продолжать войну и согласился лично встрѣтиться съ Наполеономъ, чтобы заключить прочный миръ, что необходимо было для успокоенія Россіи. На срединѣ Нѣмана былъ устроенъ павильонъ для свиданія обоихъ монарховъ, а по берегамъ справа стояло въ ружье русское войско, а слѣва французы. Александръ и Наполеонъ, сопровождаемые своими свитами, подплыли къ павильону, и, войдя въ него, подали другъ другу руку. Такъ произошло Тильзитское

свиданіе двухъ сильнѣйшихъ государей Европы и слѣдствіемъ его было заключеніе мирнаго договора Россіи съ Франціей, по которому Александръ присоединилъ къ своей Имперіи Бѣлостокскую область. Кромѣ этого, Наполеонъ, по ходатайству Россіи, согласился примириться съ королемъ прусскимъ, возвративъ ему одну половину его владѣній, а другую изъ областей между Рейномъ и Эльбою и пріобрѣтенной отъ Польши части онъ отнялъ отъ Пруссіи и раздѣлилъ: Нѣмецкія земли—между Саксонскимъ и Вестфальскимъ королевствами, а изъ Польскихъ—образовалъ герцогство варшавское и отдѣлилъ Россіи Бѣлостокскую область.

По этимъ договорамъ Россія и Пруссія признали за Наполеономъ титулъ императора французовъ, короля италіянскаго и протектора Рейнскаго союза западно-южныхъ государствъ Германіи, а братьевъ его королями: Іосифа—неополитанскимъ, Людовика—голландскимъ и Іеронима—вестфальскимъ.

Наполеонъ обѣщалъ примирить Россію съ султаномъ и этимъ дать возможность Александру очистить Молдавію и Валахію отъ русскихъ, чтобы во всей Европѣ воцарился желаемый миръ. Относительно Англіи, бывшей въ войнѣ съ Наполеономъ, который придумалъ противъ нея континентальную систему, было постановлено, что если эта держава въ пятимѣсячный срокъ не заключитъ мира съ Франціей, то и Россія присоединится къ континентальной системѣ. Эта система была изобрѣтена Наполеономъ, чтобы убить торговлю Англіи и ея могущество, и состояла въ союзѣ континентальныхъ державъ Европы съ цѣлью не допускать въ свои порты привоза англійскихъ товаровъ на европейской материкъ.

На предложеніе Александра лондонскому кабинету примириться съ Франціей былъ полученъ почти отказъ и англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Кеткерта, поплылъ въ Балтійское море, чтобы взять датскій флотъ и отвести его въ Англію, основывая это будто-бы на намѣреніи Наполеона захватить его себѣ. Христіанъ VII, король датскій, жестоко былъ оскорбленъ требованіемъ англійскаго адмирала, приплывшаго къ Копенгагену и угрожавшаго бомбардированіемъ этой столицы. Отвѣтъ короля заключалъ въ себѣ увѣреніе въ томъ, что хотя датское войско въ Голштиніи, но онъ скорѣе готовъ умереть, чѣмъ исполнить такое унизительное для него требованіе англичанъ. Слѣдствіемъ этого было уничтоженіе Копенгагена, обращеннаго англійскими пушками въ груду развалинъ, захватъ датскаго флота и разграбленіе всего, что пощадилъ огонь.

Неслыханный по своей дерзости и жестокости поступокъ Англіи съ Христіаномъ VII, всѣми уважаемымъ, за его высокія дарованія и доброту, изумилъ Европу и возбудилъ всеобщую вражду къ англичанамъ, особенно-же возмущенъ этимъ былъ императоръ Александръ, который запретилъ англійскимъ су-

дамъ входъ въ Балтійское море, отозвавъ своего посла изъ Лондона, и, сверхъ того, возстановилъ правила вооруженнаго нейтралитета Екатерины II, вреднаго пользамъ Англіи. Озлобленные этимъ англичане только захватили нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ у береговъ южной Европы, но не рѣшились сами напасть на предѣлы Россіи, а подстрекнули на это Густава IV Адольфа, который за союзъ Александра съ Наполеономъ, отказался присоединиться къ вооруженному нейтралитету, объявилъ разрывъ Россіи, подвергнулъ аресту русскаго посла и приготовился высадиться въ Данію, которая заключала союзъ съ Александромъ.

Когда всѣ убѣжденія Петербургскаго кабинета въ безумствѣ поступковъ Густава IV Адольфа оказались напрасны и война съ Швеціей сдѣлалась неизбѣжной, то русское войско, подъ начальствомъ генерала Буксгевдена, вступило въ шведскую Финляндію, и найдя шведскіе отряды, раскинутые на большомъ пространствѣ, заняло города: Гельсингфорсъ, Або, Тавастгусъ, Куопіо и Вазу. При занятіи этихъ городовъ, хотя и не было препятствій со стороны шведской арміи, которой тамъ и не было, но трудности, перенесенныя русскими отъ суроваго климата, глубокихъ снѣговъ и обрывистыхъ скалъ были велики. Буксгевденъ требовалъ отъ своихъ генераловъ быстроты въ дѣйствіяхъ, чтобы успѣть до прихода изъ Швеціи свѣжихъ войскъ занять всю Финляндію. Графъ Клинспоръ, который получилъ отъ своего короля пышный титулъ главнокомандующаго всей финляндской арміи, но не получилъ арміи, если не считать кое-гдѣ по Финляндіи раскиданныхъ незначительныхъ отрядовъ, конечно, не могъ остановить занятія русскими Финляндіи; но крѣпость Свеаборгъ лучше этого главнокомандующаго служило стражемъ Финляндіи. Эта крѣпость имѣла, кромѣ природныхъ, искусственныя твердыни; семитысячный гарнизонъ, 2000 пушекъ, множество военныхъ запасовъ и громадный запасъ продовольствія. При взглядѣ на неприступныя укрѣпленія Свеаборга дѣлалась понятной высѣченная на стѣнѣ его надпись: «Свеаборгъ даетъ мудрому владычество надъ моремъ и надъ сушею.»

Русскіе готовы были идти на штурмъ Свеаборга, но видѣли безполезность этого, а правильная осада тоже не могла быть ведена русскими съ успѣхомъ, потому что не было на это достаточной артиллеріи. Русскіе узнали, что комендантъ Свеаборга, адмиралъ графъ Кронштетъ, всегда отличавшійся мужествомъ и и отвагою на морѣ, имѣетъ недостатокъ въ своемъ характерѣ, быть боязливымъ на твердой землѣ, и этимъ воспользовались съ большимъ искусствомъ, а именно: сначала завели съ нимъ переговоры, а потомъ предложили почетныя условія сдачи крѣпости, угрожая соединеніемъ подъ ней, въ случаѣ отказа, всей русской арміи. Кронштетъ склонился на предложеніе русскихъ и подпи-

салъ капитуляцію о сдачѣ Свеаборга, въ которомъ графъ Каменскій, начальствовавшій надъ осаждавшимъ корпусомъ, нашелъ безчисленное множество оружія, военныхъ запасовъ и продовольствія, а сверхъ того 130 военныхъ судовъ, стоявшихъ подъ прикрытіемъ этой крѣпости, не говоря уже объ артиллеріи, которая вся попала въ руки русскихъ.

Послѣ паденія Свеаборга и занятія важнѣйшихъ городовъ шведской Финляндіи, казалось компанія кончилась и Финляндія, большая часть жителей которой была приведена къ присягѣ на вѣрность императору Александру, присоединена къ Россіи; но напротивъ непослѣдовательный и самоправный король шведскій Густавъ IV Адольфъ, допустивъ русскихъ занять всю Финляндію, тогда-то началъ жестокую войну съ цѣлію вытѣснить русскихъ отовсюду. Графъ Клингспоръ, главнокомандующій не существующей арміи, получилъ въ самомъ дѣлѣ отъ своего короля войско, двинутое изъ Швеціи къ Улеаборгу.

Александръ, не обращая вниманія на горячую готовность короля шведскаго продолжать компанію, объявилъ Финляндію навсегда присоединенною къ Имперіи Русской и только послалъ Буксгевдену подкрѣпленія въ замѣнъ понесенныхъ имъ потерь. Буксгевденъ продолжалъ слѣдовать системѣ дѣйствій отдѣльными корпусами, а не всей массой войскъ.

Король шведскій приказалъ графу Клингспору дѣйствовать на сѣверѣ Финляндіи, а самъ съ гвардіею поплылъ на югъ къ Або, нѣсколько разъ высаживался на берегъ, чтобы биться съ Буксгевденомъ и даже захватилъ Аландскіе острова. Такая свобода дѣйствій короля у береговъ Финляндіи обезпечивалась присутствіемъ въ Финскомъ заливѣ союзнаго Швеціи англійскаго флота, который заставилъ адмирала Ханыкова со всей русской эскадрой удалиться отъ береговъ Финляндіи въ Ревель.

На сѣверѣ тоже сначала дѣла шведовъ пошли хорошо. Графъ Клингспоръ съ быстротой неожиданно напалъ на корпусъ Раевскаго, завязалъ съ нимъ бой, заставилъ съ большимъ урономъ отступать къ Тавастгусу и послѣ того почти очистилъ удачными битвами всю среднюю Финляндію отъ русскихъ войскъ. Такое торжество шведскаго оружія надъ русскими скоро кончилось, и пораженіе за пораженіемъ пришлось испытать шведамъ. Графъ Каменскій, желая положить конецъ удачнымъ дѣйствіямъ графа Клинспорта въ средней Финляндіи, встрѣтилъ его при Оравайсѣ, жестоко поразилъ и, опрокинувъ, гналъ до Улеаборга; чѣмъ сдѣлалъ его войско неспособнымъ къ новымъ битвамъ. Аландскіе острова, занятые шведами еще подъ личнымъ предводительствомъ короля, были очищены княземъ Багратіономъ отъ нихъ; но Барклай-де-Толли совершилъ еще славнѣе подвигъ переходомъ своимъ чрезъ Ботническій заливъ по нагроможденному льду въ мартѣ слѣдующаго 1809 года отъ Вазы въ Умео, въ Швеціи.

Этотъ переходъ, истинно безпримѣрный въ исторіи, Барклай сдѣлалъ въ трое сутокъ, карабкаясь съ льдины на льдину и переправляясь черезъ широкіе потоки полой воды, такъ, что ежеминутно представлялась страшная опасность погибнуть, сдѣлайся только легкая оттепель и подуй вѣтеръ. Миновавъ счастливо всѣ опасности, Барклай достигъ берега Швеціи и ворвался въ Умео, а отсюда подчинилъ себѣ всю Вестроботнію. Появленіе корпуса Барклая на шведскомъ берегу поразило своей неожиданностью и навело ужасъ на Швецію. Всѣ свои несчастія въ войнѣ съ русскими шведы приписывали королю и его только одного считали виновнымъ въ потерѣ Финляндіи и допущеніи русскихъ проникнуть въ Швецію, а потому, во избѣжаніе смутъ недовольнаго народа, Густавъ IV Адольфъ подписалъ свое отреченіе отъ короны и это успокоило народъ. Назначенное надъ Швеціей регентство въ лицѣ дяди, отрекшагося короля, Герцога Зюдерманландскаго скоро кончилось, потому что онъ вскорѣ объявилъ себя королемъ и занялъ тронъ подъ именемъ Карла XIII. Новый король изъявилъ миролюбивое намѣреніе кончить брань, но съ тѣмъ, чтобы Россія возвратила Швеціи Аландскіе острова, оставивъ за собой всю Финляндію. Императоръ Александръ не пожелалъ возвратить Карлу XIII Аландскіе острова, купленные страшными пожертвованіями, во время занятія ихъ Багратіономъ, и повелѣлъ продолжать военныя дѣйствія противъ шведовъ. Вторженіе Каменскаго въ Вестроботнію, обошедшаго для этого Ботническій заливъ, и занятіе всей этой области подѣйствовало сильно на Карла XIII и Швецію, а потому начались переговоры, кончившіеся миромъ съ Россіей, заключеннымъ въ Фридрихсгамѣ. По мирному договору Швеція признала присоединеніе къ Россіи Финляндіи по рѣку Торнео и обязалась присоединиться къ континентальной системѣ, заперевъ всѣ свои гавани для англійскихъ судовъ.

Война въ Финляндіи, исключая пріобрѣтенія этой страны, принесла Россіи громадную пользу въ другомъ отношеніи, а именно: превосходно образовала русскихъ, участвовавшихъ въ ней, въ истинныхъ воиновъ, такъ какъ причудливая природа Финляндіи, ея обрывистыя скалы и прибрежные льды, готовые отъ одного порыва вѣтра разнестись по Балтикѣ, дѣлали солдата отважнымъ, умѣлымъ въ переходахъ и осторожнымъ, а невозможность въ такой странѣ дѣйствовать многочисленною арміей, двигать сплоченною массою войскъ, подобно Наполеоновской, заставляла дѣлить русское войско на корпуса и даже на небольшіе отряды и поручать ихъ командиру, большею частью, невысокаго чина, которому, по необходимости, должно было предоставлять полную свободу въ его дѣйствіяхъ и права главнокомандующаго, такъ какъ чрезъ одинъ, два перехода отъ главной квартиры отрядный начальникъ терялъ всякую связь съ нею и поставленъ былъ въ

необходимость самостоятельно командовать своимъ войскомъ и, по своему крайнему разумѣнію, дѣйствовать противъ непріятеля. Самостоятельность, предоставленная отряднымъ начальникамъ хотя и была вызвана необходимостью, но она образовала цѣлое поколѣніе полководцевъ, которыхъ школа была Финляндія, гдѣ они научились преодолѣвать не только неожиданныя нападенія въ разныхъ мѣстахъ раскиданныхъ шведскихъ отрядовъ, но самую природу и пріобрѣли сообразительность и рѣшительность, дѣйствуя часто по долгу на свой страхъ и за своей отвѣтственностью. Примѣненіе русскими высокихъ боевыхъ качествъ, пріобрѣтенныхъ въ Финляндіи, явилось во всемъ блескѣ въ компаніяхъ Россіи противъ геніяльнаго Наполеона и его закаленныхъ въ бояхъ войскъ, и помогло спасенію имперіи Александра отъ нашествія враговъ. Вся Россія узнала въ 1812 году тѣхъ скромныхъ героевъ, которые переходили по готовымъ рухнуть въ пучину леденымъ скаламъ и плавующимъ льдамъ Ботническаго и Финскаго заливовъ и скатывались съ отвѣсныхъ и обрывистыхъ утесовъ на оторопѣлаго врага; недостаточно того, вся Европа заговорила съ почтеніемъ объ именахъ: Барклая-де-Толли, Каменскаго, Багратіона, Витгенштейна, Тучковыхъ, Коновницына, Раевскаго, Голицына, Кульнева и другихъ участникахъ шведской войны и великихъ битвъ съ Наполеономъ. Русское войско, побывавшее въ финляндской компаніи, тоже со славой съумѣло стоять въ жестокихъ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Малоярославцемъ и т. д. противъ полчищъ Наполеона.

Нанесенное Наполеономъ пораженіе союзникамъ подъ Аустерлицемъ и опасенія препятствій со стороны Россіи къ сокрушенію Пруссіи заставили французскаго императора желать войны Александра съ Турціей, завести близкія сношенія съ султаномъ Селимомъ III, и, напугавъ его будто бы намѣреніемъ Россіи разрушить оттоманскую монархію, вовлечь эту державу въ войну.

Селимъ III повѣрилъ навѣтамъ Наполеона, дѣлавшаго ихъ чрезъ своего ловкаго и льстиваго посланника при Портѣ, Себастіани, который завладѣлъ буквально всѣмъ направленіемъ политики Турціи по отношенію къ Россіи, и началъ вражду съ Александромъ тѣмъ, что заперъ русскимъ судамъ входъ въ Дарданеллы и низложилъ двухъ сторонниковъ Россіи, господарей Молдавіи и Валахіи. Александръ понялъ ковы Наполеона и рѣшился дѣйствовать противъ Султана рѣшительно и быстро; почему и приказалъ занять Молдавію и Валахію русской 80-ти тысячной арміей, ввѣривъ ее начальству генерала Михельсона, а Портѣ объявилъ, что если она не распорядиться открыть для Россіи Дарданеллы, то война не избѣжна. Горячо отстаивалъ англійскій посланникъ Арбутнотъ требованіе русскаго императора и передъ Султаномъ и въ турецкомъ диванѣ; но Себастіани пересилилъ его запугиваніемъ Турокъ и разною ложью. Арбутнотъ увидѣлъ,

что ловкій французскій дипломатъ успѣлъ уже овладѣть умами дивана, и оставивъ переговоры и убѣжденія потребывалъ изъ Архипелага англійскій флотъ, чтобы силою заставить Порту исполнить то, что она должна была сдѣлать по силѣ трактатовъ съ Россіей. Адмиралъ Дукворть, имѣя подъ своей командой двѣнадцать линейныхъ кораблей, множество мелкихъ судовъ и брандеровъ, вошелъ въ Дарданеллы и неожиданно явился передъ Константинополемъ. Англійскій посланникъ объявилъ Султану, что если онъ будетъ еще сопротивляться, то участь Копенгагена будетъ удѣломъ Стамбула: англичане сожгутъ его; но какъ ни была потрясена этимъ порта, какъ ни испугался султанъ гибели своей столицы, а Себастіани не унывалъ: онъ только просилъ ихъ затянуть переговоры съ англичанами, обѣщая тѣмъ временемъ сдѣлать Константинополь непреступнымъ, и, дѣйствительно, успѣлъ въ одну недѣлю возвести такія прибрежныя баттареи, что Дукворть искалъ своего спасенія поспѣшнымъ выходомъ въ воды Архипелага. Султанъ объявилъ Александру войну и она началась на Дунаѣ, за кавказомъ и въ Архипелагѣ. Генералъ Михельсонъ дважды разбилъ турецкія войска и взялъ Букарестъ. Въ закавказьи генералъ Гудовичъ встрѣтился на рѣкѣ Арпачаѣ съ превосходившимъ его непріятелемъ, подъ начальствомъ Арзерумскаго сераскира, и нанесъ страшное пораженіе его арміи. Воды Архипелага огласились побѣдами адмирала Сенявина, который у Лемносса жестоко поразилъ турецкій флотъ, поплылъ къ Константинополю, намѣревался уже прорваться чрезъ Дарданеллы, твердо надѣясь взять и разрушить Стамбулъ; но свиданіе въ Тильзитѣ остановило подвиги русскихъ и получилось повелѣніе Александра о прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Турціи на сушѣ и на морѣ.

Переговоры о мирѣ начались между Михельсономъ и турецкими коммисарами въ Слободзеѣ, которые постановили: заключить восьми мѣсячное перемиріе, съ тѣмъ, чтобы русскія войска немедленно вышли изъ Молдаво-Валахіи въ свои предѣлы. Перемиріе началось, но русскія войска остались въ господарствахъ, потому что явно оказалось намѣреніе турокъ занять ихъ, хотя это было запрещено имъ слободзейской конвенціей. Окончательный миръ съ Турціею не подписывался, но и военныя дѣйствія не начинались, такъ какъ обѣ воюющія стороны были заняты другими болѣе важными дѣлами: Александръ войной съ шведами, а Турція—своими внутренними дѣлами: самовольемъ янычаръ, низлагавшихъ, по своему усмотрѣнію, султановъ, такъ погибли въ эту войну Селимъ III и Мустафа, и возстаніемъ сербовъ.

Послѣ эрфуртскаго свиданія Александра съ Наполеономъ, гдѣ была рѣчь о турецкихъ дѣлахъ, князь Прозоровскій, замѣнившій Михельсона, началъ переговоры съ турками въ Яссахъ, но на уступку Молдаво-Валахіи русскимъ и на разрывъ съ

Англіей турецкіе уполномоченные согласія не изъявили, и военныя дѣйствія послѣ полутора годоваго перерыва вновь открылись.

Все время своего командованія русскими князь Прозоровскій провелъ въ безуспѣшной осадѣ Журжева и Браилова, хотя Александръ приказывалъ ему идти къ Царьграду. «Если переходятъ Альпы и Пиринеи, Балканы не должны быть нашею преградою,» говорилъ Александръ. Князь Багратіонъ принялъ начальство по смерти Прозоровскаго. Онъ покорилъ Мачинъ, Измаилъ, Браиловъ, нанесъ пораженіе туркамъ близь Татарицы; но осада русскими Силистріи кончилась неудачно, потому что великій визирь послалъ тридцати тысячную армію освободить крѣпость и Багратіонъ былъ отбитъ.

Назначеніе графа Каменскаго, героя финляндской войны, начальствовать Дунайской арміей дало иной оборотъ дѣламъ на Дунаѣ. Турки почувствовали, что молодой Каменскій готовится однимъ ударомъ поразить ихъ и заперлись въ крѣпостяхъ по Дунаю, чѣмъ принудили русскихъ заняться осадой Рущука, Силистріи и Базарджика, вскорѣ сдавшихся Каменскому. Подъ стѣнами Шумлы онъ потерпѣлъ неудачу, хотя употребилъ въ дѣло всю свою энергію, потому что не было у русскихъ достаточно съѣстныхъ припасовъ.

Великій визирь обрадовался неудачѣ Каменскаго подъ Шумлой и послалъ сераскира съ сорока тысячнымъ войскомъ нанести пораженіе русскимъ и вытѣснить ихъ изъ Турціи. Недалеко отъ Рущука остановилась армія Сераскира. Каменскій, не ожидая нападенія со стороны турокъ, напалъ на нихъ самъ, выбилъ ихъ изъ четырехъ лагерей и жестоко поразилъ въ открытомъ полѣ; хотя русскіе заняли весь правый берегъ Дуная, но отозваніе части русской арміи оттуда на западъ, гдѣ вышли новыя тревоги съ Франціей и смерть Каменскаго, дали все—таки возможность Турціи продолжать войну.

Александръ назначилъ на Дунай Кутузова, сподвижника Суворова, который тотчасъ же показалъ свой высокій умъ и необыкновенную изобрѣтательность. Крѣпости праваго берега Дуная: Никополь, Рущукъ и Силистрія были безъ выстрѣла оставлены русскими и они перешли на лѣвый берегъ. Великій визирь, узнавъ объ очищеніи этихъ крѣпостей русскими, подумалъ, что Кутузовъ трусливъ и нерѣшителенъ, а потому попался въ западню, которую устроилъ ему великій полководецъ. Чтобы нанести рѣшительнай ударъ русскимъ великій визирь съ своей многочисленной арміей перешелъ Дунай, чего только и ждалъ Кутузовъ, приказавшій заградить ему дорогу впередъ устройстзомъ редутовъ, а генералу Маркову приказалъ перейдти Дунай и громить оттуда черезъ рѣку лагерь визиря. Исполняя приказаніе Кутузова, Марковъ съ своимъ корпусомъ переправился на правый берегъ Дуная, встрѣтилъ не далеко отъ Рущука турец-

кое войско, которое было поражено неожиданнымъ появленіемъ русскихъ и неготово къ битвѣ, а потому Марковъ безъ труда обратилъ ихъ въ бѣгство. Послѣ этого русскіе остановились противъ арміи великаго визиря, расположившейся на лѣвомъ берегу и стѣсненной спереди рядомъ русскихъ редутовъ, перевернули противъ турокъ только что отбитыя пушки и начали истреблять ихъ. Великій визирь увидѣлъ весь ужасъ своего положенія и тайно перешелъ Дунай, чтобы только себя одного спасти отъ вѣрнаго плѣна, а армію свою оставилъ на гибель. Янычары и другія войска, брошенныя своимъ главнокомандующимъ, частью погибли, частью сдались Кутузову. 12,000 плѣнныхъ и вся артиллерія турокъ досталась русскимъ. Потеря всей арміи великаго визиря заставила султана желать и даже просить Кутузова начать переговоры о мирѣ и прислалъ уполномоченныхъ. Договоръ между Россіей и Турціей былъ заключенъ въ Букарестѣ, по которому султанъ уступилъ Бессарабію съ крѣпостями: Хотиномъ, Бендерами, Акерманомъ и Измаиломъ. Александръ утвердилъ своимъ подписомъ Букарестскій миръ въ Вильно, тогда какъ на Россію шелъ Наполеонъ и, слѣдовательно окончаніе турецкой войны произошло во время, т. е. когда Россіи необходимо было собрать всѣ свои силы, чтобъ отразить страшнаго врага.

Война съ Персіей.

Въ царствованіе Павла I царство Грузинское присоединилось къ Россіи, и ранѣе того многія владѣнія на Кавказѣ искали уже покровительства Россіи, подчинялись ей, но часто измѣняли и переходили подъ защиту персидскаго шаха. Александръ видѣлъ, что мелкіе владѣтели рано или поздно должны были быть подчинены русской власти и потому вмѣсто генерала Кнoринга, правившаго Грузіей, назначилъ туда князя Циціанова, который при высокихъ дарованіяхъ и преданности Россіи, былъ почитаемъ всѣмъ закавказьемъ, такъ какъ сестра его была замужемъ за послѣднимъ царемъ Грузіи Георгіемъ XIII, и зналъ, какъ природный грузинъ, превосходно нравы кавказскихъ народовъ. Князь Циціановъ, занявшись внутреннимъ устройствомъ своей родины, обратилъ особенное вниманіе на непріязненныхъ сосѣднихъ владѣтелей и приступилъ къ ихъ усмиренію. Ханъ Ганжи, признавшей покровительство Персіи, началъ грабить грузинскихъ купцовъ. За эти разбои Ганжа была взята Циціановымъ, переименована въ Елисаветополь, присоединена къ Грузіи и ханъ въ битвѣ убитъ. Усмиреніе лезгинъ, покорность Аваріи, царя Имеретійскаго Соломона, а также князей Мингреліи и Абхазіи были дѣломъ Циціанова.

Персія видѣла съ завистью успѣхи Циціанова и особенно вознегодовала на Россію за покореніе Ганжи; почему и начала подстрекать царевича Грузинскаго бунтовать закавказскихъ князей. Шахъ Фетъ-Али послалъ своего сына, Абассъ-Мирзу, съ многочисленнымъ войскомъ не прямо на Грузію, но по необходимости усмирить правителя Эриванскаго, возмутившагося противъ шаха. Циціановъ зналъ, что если Абассъ-Мирзѣ удасться овладѣть Эриванью, то надо предположить, что и Грузія не избѣгнетъ нашествія персовъ; а потому храбрый Циціановъ встрѣтилъ Абассъ-Мирзу не далеко отъ Эривани и далъ ему бой подъ стѣнами Эчміадзинскаго монастыря, а не много спустя подъ Эриванью: персы оба раза были разбиты и бѣжали. Шахъ самъ пошелъ спасти остатки своего войска, но потерпѣлъ отъ князя Циціанова участь своего сына: онъ былъ также разбитъ и удалился обратно. Эривань не могла быть взята русскимъ войскомъ, потому что не достало ему продовольствія, и Циціановъ снялъ осаду этой важной крѣпости.

Неудача Циціанова подъ Эриванью, надежды на Персію и присутствіе царевича Грузинскаго, Александра, возмущавшаго горскихъ князей, взволновало воинственныхъ лезгинъ, осетинъ и другихъ горскихъ племенъ. Они отрѣзали сообщенія Грузіи съ кавказскою линіею и дѣлали страшные набѣги на мирныхъ грузинъ. Удачные поиски Циціанова по ауламъ и горнымъ крѣпостямъ этихъ мятежниковъ заставили ихъ нѣсколько смириться и, по крайней мѣрѣ, очистить военную дорогу черезъ Кавказъ. Послѣ этого Циціановъ обратилъ вниманіе на Дагестанъ, который волновалъ ханъ Бакинскій Гуссейнъ-Кули, одинъ изъ сильнѣйшихъ и въ тоже время вѣроломнѣйшихъ владѣтелей этой страны. Чтобы смирить Гусеина и тѣмъ навести страхъ на Дагестанъ и лишить его вождя, опытнаго въ смутахъ и войнѣ, Циціановъ занялъ его владѣнія и обложилъ Баку сильнымъ войскомъ, требуя безусловной сдачи, а иначе начнется штурмъ города. Ханъ изъявилъ притворную покорность и обѣщалъ признать подданство Россіи, а также просилъ Циціанова пріѣхать лично въ Баку, чтобы переговорить съ нимъ о дальнѣйшей судьбѣ своего семейства и ханства. Довѣрчивый герой, не подозрѣвая коварства Гуссеинъ-Кули-хана, поѣхалъ къ воротамъ Эривани, но подъ стѣнами ея двѣ пули сразили князя. Измѣнническій поступокъ Гуссеина принесъ большую пользу мятежникамъ. Все закавказье взволновалось, узнавъ о смерти того, кто умѣлъ держать въ покорности воинственныхъ горцевъ и обуздывать ихъ вѣроломныхъ владѣтелей.

Гудовичъ, назначенный въ Грузію, ежедневно былъ въ походахъ въ Чечню и Лезгинстанъ, разбилъ турокъ при Арпачаѣ, которые хотѣли воспользоваться противъ Россіи возмущеніемъ горцевъ, и отразилъ персіянъ. Начатое Гудовичемъ усмиреніе, про-

должалъ генералъ Тормасовъ. Онъ сжегъ Анапу, откуда турки поддерживали мятежниковъ, и разбилъ нѣсколько разъ персіянъ, чѣмъ опять подчинилъ горскихъ князей власти Россіи и успокоилъ Грузію. Тормасовъ оставилъ Грузію, чтобы участвовать въ войнѣ съ Наполеономъ, и генералъ Ртищевъ, вступивъ въ управленіе Грузіей, завелъ переговоры съ Персіей о мирѣ, но не кончилъ ихъ и ушелъ въ Тифлисъ. Аббасъ-Мирза, пользуясь этимъ, сейчасъ началъ враждебныя дѣйствія посылкой своихъ отрядовъ раззорять вѣрныя Россіи области, но генералъ Котляревскій, стоявшій на Араксѣ съ 2000 войска, перешелъ рѣку и разбилъ персовъ, которыхъ было болѣе 20,000 человѣкъ, а затѣмъ кинулся къ крѣпости Ленкорани и взялъ ее. Неслыханные подвиги Котляревскаго и движеніе другихъ русскихъ войскъ къ границамъ Персіи заставили шаха Фетъ-Али заключить миръ въ Гюлистанѣ-Карабахскомъ, по которому шахъ отказался отъ всѣхъ притязаній на Грузію и сопредѣльныя съ ней владѣнія горскихъ князей, признавшихъ власть Россіи, а Александръ обѣщалъ поддержать своей помощью назначеннаго шахомъ будущаго властителя Персіи.

Дружественныя сношенія Александра и Наполеона укрѣпились еще болѣе послѣ Тильзитскаго мира свиданіемъ ихъ въ Эрфуртѣ. Наполеонъ объяснилъ, что онъ желаетъ брата своего Іосифа, возвести на испанскій престолъ, усилить строгость правилъ континентальной системы противъ Англіи и проситъ содѣйствія Россіи въ случаѣ разрыва съ Австріей, и Александръ согласился на все это. Предложеніе Александра уменьшить контрибуцію, взыскиваемую Франціей съ Пруссіи, непрепятствовать Россіи пріобрѣсти Молдавію и Волахію, а также Финляндію было принято Наполеономъ. Два года продолжалась дружба обоихъ монарховъ. Европа стала спокойно смотрѣть на владычество Наполеона и его братьевъ, какъ будто-бы это такъ и слѣдовало быть, потому что единственный государь, который ранѣе этого былъ защитникомъ Европы отъ самовластія Наполеона и неутомимымъ врагомъ его, вошелъ съ нимъ въ дружбу. Александръ былъ искрененъ и свято исполнялъ мирный договоръ съ Наполеономъ, потому что уваженіе къ закону, мирнымъ договорамъ, постановленнымъ съ врагами, и вѣрность своему царскому слову были свойствомъ души Александра; но Наполеонъ дѣйствовалъ иначе: онъ знать не хотѣлъ трактатовъ, нарушалъ ихъ до не приличія и попиралъ всѣ права, если только ему это было нужно.

Впрочемъ по отношенію къ Александру Наполеонъ сначала скрывалъ свое самовластіе и презрѣніе ко всѣмъ между-народнымъ правамъ, такъ какъ еще боялся Александра, не утвердившись крѣпко въ Европѣ.

Когда Голландія, сѣверная Германія и вольные ея города подпали власти Наполеона, онъ сдѣлался смѣлѣе, а второй пог-

ромъ Австріи и бракъ его съ эрцгерцогинею Маріею-Луизою, дочерью императора Франца II, совсѣмъ развязалъ руки властелину Европы, мечтавшему о всемірномъ владычествѣ, забывая, что когда онъ былъ офицеромъ въ Тулонѣ, то ему грезились только генеральскіе эполеты.

Наполеонъ началъ открыто враждовать къ Александру, нарушать договоры, измѣнять своимъ клятвамъ и посягать на цѣлость Россіи, такъ какъ въ цѣлой Европѣ она еще непоколебимо стояла подъ мудрымъ правленіемъ своего государя, а всѣ остальныя державы были потрясены и порабощены французами, даже Англія изнемогала въ борьбѣ съ ними. Какъ только Александръ замѣтилъ это, то твердо и съ жаромъ вступился за свою честь, за цѣлость и не зависимость своей Имперіи.

Первый поводъ къ неудовольствіямъ дала Польша, изъ части которой Наполеонъ образовалъ герцогство варшавское, на что былъ согласенъ и Александръ, но вскорѣ оно было увеличено присоединеніемъ къ нему польскихъ земель отъ Австріи, а агенты Наполеона внушили полякамъ безумныя надежды. Слѣдствіемъ этого было намѣреніе ихъ присоединить къ герцогству и литовское княжество, что уже громко высказывалось въ Варшавѣ.

Александръ не могъ потерпѣть такого униженія и сдѣлалъ запросъ Наполеону, но тотъ отвѣчалъ, чрезъ своего посла въ Петербургѣ Коленкура, что онъ не только не подавалъ полякамъ повода думать о возстановленіи Польши, но даже готовъ, если то нужно, согласиться вычеркнуть самое имя Польши изъ исторіи и отвсюду; между тѣмъ не утвердилъ договора объ этомъ съ Россіей, заключеннаго Коленкуромъ, что и доказало русскому императору враждебность Наполеона къ Россіи.

Самовольное занятіе французами герцогства ольденбургскаго поселило еще большую вражду между обоими монархами. Это государство было образовано при Екатеринѣ II изъ уступленныхъ Даніей государствъ Ольденбурга и Дельменгорста, въ замѣнъ отданнаго ей россійскимъ императорскимъ домомъ герцогства Голштинскаго. Владѣніе Ольденбургомъ было уступлено родственной государямъ русскимъ младшей линіи Готторпскаго дома. Наполеонъ въ Тильзитѣ призналъ самостоятельность герцога ольденбургскаго и, сверхъ того, зналъ что родственныя связи ольденбургскаго дома въ послѣднее время еще болѣе укрѣпились съ Александромъ бракомъ племянника герцога и великой княжны Екатерины Павловны, сестры русскаго государя.

Очевидно, что нарушеніе неприкосновенности герцогства Ольденбургскаго составляло оскорбленіе достоинства русскаго императора; но Наполеонъ дерзнулъ на это и герцогъ декретомъ французскаго сената былъ лишенъ наслѣдственныхъ ольденбургскихъ земель, и онѣ присоединены къ Франціи. Объясненіе Наполеона на запросъ Россіи было, какъ и слѣдовало ожидать, неудовле-

творительно. Александръ съ справедливымъ негодованіемъ приказалъ русскому послу въ Парижѣ вручить Наполеону формальный протестъ противъ захвата Ольденбурга и сообщить его всѣмъ дворамъ.

Только—что былъ поданъ этотъ протестъ княземъ Куракинымъ, какъ возникло новое неудовольствіе между Россіей и Наполеономъ. Континентальная система противъ Англіи была тяжела для Россіи. Отпускная торговля русскихъ остановилась и товары въ громадномъ количествѣ оставались безъ сбыта въ Англію, а потребность въ колоніальныхъ товарахъ была неудовлетворена, такъ какъ не было ввоза ихъ, потому что большая часть продуктовъ колоній шла въ Россію черезъ руки англичанъ. Такой порядокъ вещей повелъ къ разстройству народнаго благосостоянія Россіи и къ упадку ея промышленности. Бумажныя деньги понизились въ своей цѣнѣ и вексельный курсъ упалъ, что вредно дѣйствовало на государственные финансы. Во Франціи также почувствовалось дурное вліяніе придуманной Наполеономъ системы и самъ онъ сдѣлалъ нѣкоторыя послабленія, дозволивъ ввозъ во Францію необходимыхъ ей англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ, что по беззастѣнчивости своей не допускалъ въ другихъ государствахъ.

Императоръ Александръ счелъ себя вправѣ поступить также, при составленіи тарифа таможенныхъ сборовъ, и допустилъ, впрочемъ, только ввозъ въ Россію колоніальныхъ товаровъ и то подъ американскимъ флагомъ и, что всего больнѣе было Наполеону, воспретилъ пропускъ предметовъ роскоши, которые шли большею частью изъ Франціи. Наполеонъ рѣшилъ покончить съ Россіей за это, сокрушивъ ее въ самомъ сердцѣ, для чего началъ готовиться къ походу и собирать страшныя полчища.

Болѣе года прошло въ приготовленіяхъ Наполеона къ войнѣ съ Россіей, и онъ собралъ 1.200,000 человѣкъ войска, которое состояло изъ самыхъ отборныхъ полковъ Европейскихъ державъ, выставившихъ людей двадцати народностей. Австрія прислала въ помощь Наполеону 30,000 чел., а Пруссія—20-ть, и онъ остался доволенъ, потому что ему не нужно было войска, а хотѣлось только видѣть покорность этихъ державъ его волѣ. Изъ собранной арміи до 500 тысячъ было частью отправлено въ Испанію, частью во Францію для у комплектованія войскъ обороны береговъ; 700.000 человѣкъ назначены были въ Россію. Наполеонъ приказалъ своей арміи, которую пышно назвалъ «великою арміей,» идти черезъ Саксонію, Пруссію и Польшу, на сочувствіе которой сильно разсчитывалъ Наполеонъ, къ Нѣману, чтобы вторгнуться въ то великое царство, которое давно привлекало алчность его, — въ Россію и раздавить ее. Самъ Наполеонъ пріѣхалъ въ Дрезденъ и здѣсь окружилъ себя такимъ блескомъ и торжественностью, какихъ потомъ никогда не было око-

ло Наполеона, и являлся среди собравшихся къ нему покорныхъ монарховъ запада какимъ-то царемъ царей.

Дѣйствительно императоръ австрійскій, короли: прусскій, саксонскій и другіе государи Германіи съѣхались въ Дрезденъ для поклоненія властелину полуміра, котораго войска двигались, по одному слову его, по всей Германіи и были готовы раздавить каждую державу, дерзнувшую прекословить ему. Пока Наполеонъ торжествовалъ въ Дрезденѣ, армія его дошла до Нѣмана и здѣсь оказалась въ числѣ 600.000 строевыхъ, болѣе 100.000 нестроевыхъ, 190.000 лошадей и 1.400 пушекъ. «Составъ великой арміи» былъ самый разнородный: французы, нѣмцы, поляки, испанцы, португальцы, италіанцы и даже египетскіе Мамелюки. Наполеонъ самъ предводительствовалъ своею арміею. При немъ были: братъ его, король вестфальскій, Іеронимъ, зять его, Мюратъ, недавно назначенный король Неаполитанскій и пасынокъ отъ первой жены его, Жозефины, вице-король италіанскій, принцъ Евгеній Богарне, и командиры двѣнадцати корпусовъ «великой арміи,» маршалы: Мортье, Лефевръ, Бессіеръ, Даву, Удино, Ней, Сенъ-Сиръ, Вандамъ, Викторъ, Макдональдъ, Ожеро, а австрійскимъ корпусомъ командывалъ князь Шварценбергъ.

12 іюня Наполеонъ пріѣхалъ на берегъ Нѣмана, и Нѣманъ перешла его армія. Жребій войны брошенъ—и это для Французовъ было роковымъ, хотя и говорилъ дневной приказъ по арміи, что «Россія увлекается рокомъ, внесемъ оружье въ предѣлы ея,—судьба ея должна исполниться!» Этому и еще словамъ Наполеона: «иду въ Москву и кончу все двумя, тремя битвами» не суждено было сбыться.

Вводя въ Россію такую массу войскъ, онъ желалъ вооружить на Россію Швецію и Турцію: шведовъ ласкалъ надеждой обратно взять Финляндію, а Турокъ манилъ возвратомъ Крыма, Бессарабіи и даже Очакова, но ни та, ни другая держава не оказали помощи Наполеону и не объявили Россіи войну. Напротивъ, регентъ Швеціи, признанный наслѣдникомъ короны, Іоаннъ Бернадотъ, предложилъ Александру заключить союзъ и дѣйствовать за одно противъ общаго врага. Надобно замѣтить, что Бернадотъ былъ ранѣе маршаломъ Наполеона, хорошо зналъ его коварные и дерзкіе замыслы; а потому не столько его отказъ въ присоединеніи къ Швеціи Норвежской области отъ союзника Франціи, датскаго короля, сколько опасеніе, что если не устоитъ Россія, то и Швеція будетъ смята исполиномъ запада, привлекло регента къ Александру. Безопасность сѣвера Россіи отъ шведовъ была обезпечена искреннимъ союзомъ ихъ правителя, а югъ умиротворилъ Кутузовъ, который погромомъ арміи великаго визиря противъ Рущука заставилъ турокъ желать мира, запугалъ султана завоевательными планами французовъ на цѣлость его имперіи и заключилъ Букарестскій миръ.

Россія должна была обратить вниманіе только на оборону западной своей границы и для этого ополчилась по слову своего государя, но все таки поспѣшность и быстрота, съ которою Наполеонъ дѣйствовалъ, не дала времени русскимъ собрать противъ него болѣе 400,000 человѣкъ, изъ которыхъ только 218 тысячъ было придвинуто къ западной границѣ, а остальныя войска были оставлены внутри, чтобы обучить ихъ.

Чтобы преградить путь французамъ, которые двигались въ Россію по всей ея западной границѣ отъ Балтійскаго моря до турецкой границы, русскія войска были раздѣлены на три арміи, подчиненныя въ совокупности лично Александру и его штабу, а въ отдѣльности: первая армія была ввѣрена Барклай де Толли и стояла въ Виленской губерніи, вторая подъ начальствомъ Багратіона расположена была около Гродно, а въ Волыни стоялъ Тормасовъ съ третьею, названною обсерваціонной арміей, исключительно противъ вторженія австрійцевъ въ южныя области Россіи. Изъ этихъ армій самая многочисленная была Барклая: 130,000 войска и 558 пушекъ составляли ея силу, а обѣ другія малочисленнѣе: вторая въ 50,000, при 170 орудіяхъ, и третья въ 40,000, при такой же артиллеріи.

Если бы Дунайская армія Кутузова до 50 тысячъ чел. была придвинута къ западной границѣ, то и тогда французы болѣе чѣмъ вдвое превосходили бы русскихъ численностью своей, а въ данное время русскіе были почти втрое слабѣе врага. Наполеоновская армія имѣла во главѣ своей военныхъ знаменитостей Франціи; но въ этомъ отношеніи и въ рядахъ русской арміи были ученики Суворова, герои Финляндіи, Кавказа и даже участники битвъ съ Наполеономъ въ Пруссіи: Барклай, Багратіонъ, Тормасовъ, Дохтуровъ, Тучковъ, Коновницынъ, Кутайсовъ, Раевскій, Дороховъ и многіе другіе, а потомъ Кутузовъ жаждали сразиться съ врагомъ и доказали Европѣ въ битвахъ съ французами, что искусство побѣждать свойственно и русскимъ.

Русская армія не имѣла твердой опоры въ крѣпостяхъ, потому что Динабургъ на Двинѣ, Бобруйскъ на Березинѣ и другіе только что строились, но вблизи отъ Полоцка на Дриссѣ все же былъ устроенъ обширный укрѣпленный лагерь, куда могла укрыться большая армія.

Неизвѣстно было, куда направитъ свои войска Наполеонъ, и поэтому у русскихъ сначала не было опредѣленнаго плана, а просто корпуса были разставлены по западнымъ областямъ отъ береговъ Двины до рѣки Стыри за Пинскомъ, въ Волыни; причемъ только наблюдалось одно правило, чтобы была сохранена возможность съ быстротой соединить эти разставленныя войска и для того имѣть свободное сообщеніе со всѣми его частями.

По переходѣ Нѣмана, сдѣлалось ясно, что Наполеонъ началъ стягивать свои колонны на дорогѣ къ Вильно. Барклай занялъ

тогда лагерь на Дриссѣ и государь далъ повелѣніе Багратіону идти туда на 27 іюня, первая армія заняла Дрисскій лагерь, но вторая не могла пройдти къ нему, такъ какъ отъ Вильно Даву шелъ на Багратіона; по пятамъ его слѣдовалъ Іеронимъ, король Вестфальскій, и, сверхъ того, австрійцы также предприняли движеніе въ сторону этой арміи. Планъ Наполеона, бить по частямъ, отчасти началъ исполняться. Даву остановился у Минска и разъобщилъ обѣ русскія арміи почти на триста верстъ, а главныя силы французовъ шли отъ Вильно къ Дриссѣ, чтобы разбить Барклая, что было болѣе чѣмъ вѣроятно, по причинѣ неудобства Дрисскаго лагеря и малочисленности русскихъ. Во время успѣлъ Барклай составить первоначальный планъ компаніи, стянуть всѣ три арміи къ Дриссѣ и даже подождать тамъ Дунайскихъ войскъ, а потомъ дать бой Наполеону. Теперь цѣль Барклая была иная: соединиться съ Багратіономъ, который предпринялъ отъ Слонима, гдѣ засталъ его приказъ Барклая, движеніе къ Могилеву, а потому первая армія потянулась къ Витебску, оставивъ князя Витгенштейна съ его корпусомъ на Двинѣ у Полоцка сдержать, по возможности, напоръ врага, что вскорѣ было исполнено со славою.

Когда первая армія достигла Витебска, Александръ уѣхалъ въ Москву призвать свою первопрестольную столицу и весь русскій народъ къ всеобщему вооруженію, о чемъ было подписано Государемъ 6 іюня воззваніе къ Москвѣ, Манифестъ о поголовномъ ополченіи русскаго народа.

Александръ, предусмотрительный всегда и въ дѣйствіяхъ своихъ осторожный, предполагалъ, что непріятель прорвется къ Москвѣ, можетъ ударить на Псковъ и пройдти къ Петербургу, а потому даже приказалъ укрѣплять не только пригодныя для этого мѣста около столицъ, но и на Волгѣ. Заботливость государя простирлась до того, что заблаговременно былъ отданъ приказъ вывезти изъ Петербурга всѣ драгоцѣнности, архивы и книгохранилища и предположилъ отправить императорское семейство въ Казань. Москва съ такимъ восторгомъ встрѣтила 11 іюля государя, что онъ вполнѣ увидѣлъ готовность ее пожертвовать всѣмъ. 15 іюля въ Слободскомъ дворцѣ Александръ лично объявилъ дворянству и купечеству объ опасности, грозившей отечеству, и въ одинъ мѣсяцъ цѣлые полки были поставлены дворянами, купечество пожертвовало милліоны и каждый способный носить оружіе спѣшилъ въ ряды ратниковъ, которыхъ собрано было 200,000 человѣкъ.

Сопровождаемый кликами восторга, обѣтами всѣхъ и каждаго умереть въ борьбѣ съ врагомъ и благословеніями своего народа, Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ Або, чтобы укрѣпить союзъ Россіи со Швеціей. При свиданіи государя съ Бернадотомъ, тотъ позволилъ себѣ потребовать возвращенія Шве-

ціи Аландскихъ острововъ. На это Александръ отвѣчалъ регенту Швеціи: «Не уступлю ни аршина земли, еслибы даже мнѣ надобно было удалиться въ Сибирь, и тамъ сражаться за Россію!» Бернадотъ уступилъ, и союзъ съ Швеціей былъ укрѣпленъ.

Наполеонъ въ это время почувствовалъ, что борьба съ Россіей не такъ легка, какъ онъ думалъ. Сочувствіе поляковъ исчезло послѣ холоднаго отвѣта Наполеона въ Вильно, гдѣ представлялась ему ихъ депутація. Барклай отступилъ изъ Дриссинскаго лагеря, гдѣ онъ думалъ устроить ему западню, и твердо стоялъ у Витебска. Близъ Полоцка князь Витгенштейнъ, названный справедливо «защитникомъ Петрова града,» въ битвѣ при Клястицахъ разбилъ сильный корпусъ Удино; потомъ, узнавъ, что онъ получилъ подкрѣпленіе и стоитъ у Полоцка, бросился на него и добилъ его корпусъ, а Сенъ-Сира вскорѣ откинулъ къ Двинѣ. Эти подвиги Витгенштейна, со слабыми силами отбившаго французовъ отъ Пскова, защитили Петербургъ и благодарное дворянство поднесло князю помѣстье около спасенной имъ столицы.

Французы подошли къ Витебску, гдѣ укрѣпился Барклай, ждавшій съ минуты на минуту Багратіона, и потому приказавшій удерживать до прихода его напоръ наполеоновскихъ войскъ. На долю Остермана выпало принять на себя первый ударъ французовъ. Мюратъ массою своихъ войскъ хотѣлъ опрокинуть корпусъ Остермана, подбилъ его орудія, истребилъ цѣлые полки; но русскіе были стойки, дѣлали чудеса храбрости, а Остерманъ, когда его спросили, что дѣлать въ виду множества враговъ, отступать или нѣтъ, отвѣчалъ приказаніемъ «стоять и умирать» и дождался Коновницына. Наполеонъ самъ бился съ нимъ, но не успѣлъ смять какъ его, такъ въ слѣдующій день и графа Палена, который отступилъ въ порядкѣ, нанеся громадный вредъ непріятелю. Армія Наполеона показалась передъ Барклаемъ; утромъ долженъ былъ произойдти бой и французы съ разсвѣтомъ готовились начать его, но Барклай, при наступленіи темноты, къ изумленію русскихъ, ждавшихъ перевѣдаться съ ненавистнымъ врагомъ,—приказалъ отступить и утромъ французы отъ русской арміи нашли только одного соннаго солдата, забытаго въ торопяхъ. Искусство, съ которымъ Барклай сдѣлалъ отступленіе, поразило даже Наполеона и онъ не могъ скоро сообразить, къ Москвѣ или къ Петербургу двинулись русскіе.

Барклай ушелъ къ Смоленску, гдѣ долженъ былъ соединиться съ Багратіономъ, какъ это сообщено ему было въ Витебскѣ, а потомъ опять идти на встрѣчу французамъ.

Зная, что у Минска стоитъ корпусъ Даву Багратіонъ взялъ вправо отъ него и пошелъ къ Могилеву; но Даву предупредилъ его и встрѣтилъ тамъ. Русскіе бросились на французовъ и штыками хотѣли пробить себѣ дорогу къ Витебску, гдѣ былъ Барклай; но французы сильные числомъ съ успѣхомъ отражали отважныя

колоны русскихъ. Багратіонъ убѣдился, что дальнѣйшій бой съ французами безполезенъ, и переправился за Днѣпръ съ искусствомъ, достойнымъ Барклая, и пошелъ на Мстиславль къ Смоленску: здѣсь совершилось давно желаемое событіе первая и вторая арміи соединились въ одну подъ главнымъ начальствомъ Барклая.

Вся русская армія въ числѣ 120,000 чел. пошла прямо къ Витебску; потомъ повернула прямо къ сѣверу, такъ какъ ошибочно сообщено было что Наполеонъ идетъ на городъ Порѣчье, который долженъ былъ остаться влѣво отъ Барклая и предполагаемое движеніе не могло отрѣзать русскую армію отъ Москвы.

Наполеонъ придумалъ искусный планъ: онъ отъ Витебска пошелъ не на Порѣчье, даже не прямо къ Смоленску, а взялъ влѣво къ Днѣпру, разсчитывая черезъ Красный зайдти нѣсколько южнѣе Смоленска, занять его и оттуда движеніемъ къ сѣверовостоку очутиться въ тылу и съ правой стороны направлявшагося къ сѣверу Барклая, чѣмъ загородить ему дорогу на югъ Россіи и къ Москвѣ.

Всѣ обстоятельства способствовали Наполеону: Барклай безполезно потянулся къ сѣверу, въ Смоленскѣ остался одинъ только полкъ, а ветхія укрѣпленія его были ниже всякой посредственности и остались еще отъ временъ Стефана Баторія и Іоанна Грознаго.

Смоленскъ былъ въ страшной опасности, потому что Барклай де-Толли былъ уже за сорокъ верстъ, а французы подошли къ Красному на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ стояло только семь тысячъ русскаго войска, которому приходилось имѣть дѣло съ двухсотъ тысячной арміей, чего даже Наполеонъ и думать не хотѣлъ и не считалъ этотъ отрядъ за препятствіе.

3 Августа переднее войско Наполеона подошло къ Красному и увидѣло русскій отрядъ, окружило его и ожидало сдачи. Хотя артиллерія русскихъ была подбита, но командывалъ ими Невѣровскій, заслужившій за бой подъ Краснымъ даже отъ французовъ названіе льва. Онъ построилъ свой отрядъ въ каре и выдержалъ сорокъ атакъ Мюрата, короля Неаполитанскаго, который пускалъ въ дѣло лучшіе свои эскадроны, которые сплоченными массами мчались на русскихъ, но ружейный огонь и штыки встрѣчали ихъ и сомкнутые ряды оставались непоколебимыми. Невѣровскій сражаясь съ кавалеріей, обскакавшей со всѣхъ сторонъ его отрядъ сталъ тихо отступать среди тучъ враговъ къ Смоленску, задерживая этимъ движеніе стремившихся туда французовъ. Неожиданное мужество Невѣровскаго разстроило планъ Наполеона, который въ битвахъ своихъ съ войсками иностранныхъ державъ обращалъ только вниманіе на соразмѣрность силъ, соображая ихъ по численности; но не особенно принималъ въ разсчетъ духъ арміи и доблесть ея предводителей, за что былъ

строго наказанъ подвигомъ Невѣровскаго: корпусъ Раевскаго успѣлъ вступить въ Смоленскъ.

Раевскій зналъ, что паденіе Смоленска погубитъ русскую армію, въ тылу которой тогда явиться Наполеонъ и, что можно предположить отрѣжетъ ее отъ средины Россіи, а потому рѣшилъ съ своимъ 16-ти тысячнымъ корпусомъ защищать Смоленскъ и разставилъ свое войско по ветхимъ и полуразрушеннымъ городскимъ укрѣпленіямъ.

На слѣдующій день, 4 Августа, на восходѣ солнца, начался штурмъ Смоленска: французы двинулись съ трехъ сторонъ. Защитники рѣшились умереть на стѣнахъ города и потому встрѣтили штурмовыя колоны хладнокровно и съ спокойнымъ мужествомъ, которое выше и полезнѣе пылкой храбрости, стали отбивать враговъ. Гуще всего осыпали французы такъ называемый королевскій бастіонъ, но командывавшій имъ Паскевичъ, отбивалъ массу осаждающихъ враговъ. Вечеромъ французы отбитые отъ города прекратили приступъ, а за Днѣпромъ показался авангардъ Барклая де-Толли, полки котораго бѣглымъ шагомъ стремились къ городу, забывъ усталость и предстоящій бой.

Хотя русская армія кипѣла желаніемъ сразиться подъ стѣнами Смоленска и Наполеонъ готовился цѣлую ночь къ утреннему бою съ Барклаемъ.

Едва наступило утро какъ Наполеонъ началъ продолжать осаду Смоленска и полагалъ, что Барклай приметъ бой и будетъ тутъ-же уничтоженъ.

Русскій полководецъ велѣлъ Раевскому съ его корпусомъ перейдти Днѣпръ и присоединиться къ арміи, а Дохтурову занять Смоленскъ и защищать его для того, чтобы арміи дать время безпрепятственно удалиться къ Доргобужу; послѣ чего бросить городъ французамъ и идти въ слѣдъ за отступающими. Наполеонъ увидѣлъ рѣшимость Барклая отступить и бросился всѣми своми силами на штурмъ, чтобъ скорѣе покончить со Смоленскомъ и идти за Барклаемъ. Если не вся, то вѣрно половина французской арміи была пущена въ дѣло, но русскіе отбили французовъ вездѣ, гдѣ только они нападали. Видя, что сто тысячъ войновъ не могутъ взять ветхой крѣпости, благодаря неимовѣрному мужеству и стойкости малочисленныхъ защитниковъ, Наполеонъ пришелъ въ гнѣвъ и приказалъ начать бомбардированіе города. Пушки великой арміи, предводимой великимъ человѣкомъ, какъ ошибочно называютъ Наполеона многіе, загрохотали и бомбы тучами посыпались, не въ бастіоны, а въ беззащитныя жилища жителей.

Всѣ ужасы начались въ несчастномъ городѣ: цѣлые улицы горѣли и обезумѣвшіе отъ страха жители устилали городъ своими трупами; женщины же и дѣти укрывались отъ летавшихъ снарядовъ въ церквахъ, но напрасно: бомбы залетали въ окна

и разрывались среди толпы страдальцевъ. На стѣнахъ и бастіонахъ стояли войска и отражали французовъ подъ личнымъ наблюденіемъ самого Дохтурова, а Невѣровскій, герой битвы подъ Краснымъ, отбивалъ польскія скопища. Дорого стоилъ Смоленскъ, Наполеону: 12,000 французовъ было выбито въ одинъ только этотъ день. Въ ночь Дохтуровъ оставилъ Смоленскъ, вѣрнѣе сказать, груду развалинъ Наполеону и пошелъ въ слѣдъ за арміей, находившейся внѣ преслѣдованія французовъ и вскорѣ соединился съ ней, отразивъ еще разъ гнавшагося за нимъ непріятеля у Лубина.

Наполеонъ, привыкшій занимать города запада, которые покорно ему отворяли ворота, подносили ключи, высылали депутаціи и т. д., при занятіи обгорѣлыхъ развалинъ Смоленска ясно увидѣлъ, что русскій народъ готовъ лучше умереть на пожарищѣ своихъ пепелищъ, чѣмъ сдаться врагу своего государя и отечества и поднести хлѣбъ-соль за сомнительную обезпеченность завоевателемъ своей жизни и свободы.

Тотчасъ-же началось преслѣдованіе Барклая, но безуспѣшно, потому что ни обоза, ни одной пушки не досталось въ этой погонѣ французамъ. Правда, однажды, на дорогѣ маршалы Ней и Мюратъ, король неаполитанскій, присѣкли связь между аріергардомъ и главной арміей; но Тучковъ своей отвагой успѣлъ отбить непріятеля, хотя самъ и попался въ плѣнъ. Барклай шелъ къ Доргобужу, потомъ къ Вязьмѣ и, прійдя къ Цареву-Займищу, въ 170 верстахъ, остановился.

Походъ Наполеона за арміей русской былъ для него поучителенъ. Вездѣ, гдѣ проходилъ онъ, было все опустошено и жители разбѣжались по лѣсамъ, такъ что не возможно было найдти провіанта и пріютиться отъ непогоды. Если русскіе жгли все свое добро, чтобы не дать продовольствія и пріюта врагу, то они это дѣлали по собственной волѣ: Александръ на столько былъ благодушенъ, что жертвъ такихъ не требовалъ отъ своихъ подданныхъ и не хотѣлъ подражать Петру въ томъ, что онъ приказывалъ самимъ жителямъ жечь и истреблять все, что было на дорогѣ Карла XII. Для Наполеона слѣдствія были одни, что и для Карла XII, потому что русскій полководецъ воспользовался самоотверженіемъ русскаго народа и началъ отступать, зная, что походъ французовъ по раззоренной дорогѣ утомитъ, обезсилитъ ихъ болѣе даже рѣшительной битвы съ сомнительнымъ успѣхомъ, а въ данномъ случаѣ перевѣсъ силъ былъ на сторонѣ Наполеона, и чтобы было съ Россіей, если-бы Барклай де-Толли проигралъ бой? Сознаніе великаго значенія исхода генеральнаго сраженія для Россіи, численность своей слабости и гибельности похода для врага по покинутой самими жителями странѣ, руководило Барклаемъ въ его непрестанномъ отступленіи во внутрь, въ самое сердцѣ Россіи.

Наполеонъ и его армія всю дорогу отъ Витебска испытывали страшныя бѣдствія, на которыя обрекъ ихъ предусмотрительный и великій умъ Барклая, повторявшаго своей арміи одно и то-же: «приказываю отступать,» что значило для французской — снова терпѣть недостатокъ продовольствія, дожди и оттого болѣзни, уносившія изъ рядовъ великой арміи тысячи жертвъ. Наполеонъ рвался подъ Витебскомъ дать рѣшительный бой русскимъ; подъ Смоленскомъ съ тою-же цѣлью пустилъ въ дѣло половину своей арміи, настигалъ русскихъ подъ Доргобужемъ, Вязьмой; но Барклай де-Толли, иногда вечеромъ остановившись и укрѣпивъ свою позицію къ бою, утромъ опять уходилъ и уходилъ.

Изумленный этимъ Наполеонъ спрашивалъ своихъ полководцевъ, свой штабъ, для чего отступаетъ русскій военачальникъ и куда ведетъ свою армію? Вопросъ этотъ Наполеонъ могъ, но боялся рѣшить самъ, потому что онъ имѣлъ для него роковой отвѣтъ: Барклай отступаетъ для гибели французовъ и ведетъ ихъ за собой безславно умирать. Французскій императоръ обманывалъ Европу въ своихъ пышныхъ бюллетеняхъ, что русскіе бѣгутъ отъ его полчищъ и что отступленіе Барклая происходитъ будто-бы отъ робости, отъ желанія отдалить послѣдній часъ своей арміи и Россіи. Но вѣрилъ-ли этому самъ Наполеонъ? Онъ ясно видѣлъ, что пораженіе французовъ подъ Клястицами, подъ Краснымъ и главное губительная для его великой арміи осада Смоленска—не слабый отпоръ и не послѣднее усиліе умирающаго, а напротивъ такія пораженія, отъ которыхъ и французская армія и вожди ея начали терять присутствіе духа и увѣренность въ легкости побѣды надъ русскими.

Самъ Наполеонъ хорошо понималъ тягостное и опасное положеніе своей арміи, но не хотѣлъ вернуться, опасаясь что скажетъ тогда Европа? Не покорность Австріи и Пруссіи и такъ едва удерживавшихъ свои народы отъ возстанія противъ ненавистнаго поработителя ихъ родины, бунтъ Испаніи, которой дороже всего было попранная Наполеономъ самобытность ея и мятежъ въ обманутой имъ Франціи—вотъ что должно было произойдти въ Европѣ и было-бы отвѣтомъ вернувшемуся съ дороги Наполеону.

Въ такомъ положеніи Наполеонъ рѣшился идти дальше и дальше, прямо на Москву, дать подъ нею, какъ онъ говорилъ, великую битву, употребить въ ней все свое военное искуство, свой геній и взять Москву; чѣмъ привести въ страхъ и оцѣпененіе всю Россію и заставить затрепетать самого Александра.

Русскій народъ не зналъ также, какія бѣдствія приходится терпѣть французамъ по переходѣ ихъ чрезъ Нѣманъ. На великую армію Наполеона тогда же полились осенніе дожди, и страшная грязь встрѣтила французовъ по непроходимымъ болотамъ, густымъ лѣсамъ и перекопаннымъ, испорченнымъ отступавшими русскими

дорогамъ Литвы. Бѣдная страна и такъ, но еще опустошенная самими же жителями, которые жгли свои села и деревни, а также развалины отъ сожженныхъ складовъ продовольствія могли ли прокормить армію? Если въ сторонѣ и можно было сдѣлать фуражировку, чтобъ захватить хлѣба и сѣна, то лихіе казаки, которые только и сторожили этого, наскакивали на отдѣлившіеся отряды французовъ и истребляли ихъ. Растянутая на громадное пространство армія Наполеона не могла получить продовольствія изъ-за границы, хотя запасы его дѣйствительно были громадны въ Австріи и Пруссіи, потому что грязь и топи Литвы задержали обозы оттуда. Французы стали умирать отъ заразительныхъ болѣзней, и всѣ города Западнаго края были буквально завалены больными, а смертность распространилась такая, что изъ 700,000 ч., введенныхъ въ Россію, Наполеонъ съ трудомъ могъ стянуть къ Бородину 180,000 войска, а остальные корпуса были въ такомъ разстройствѣ, что совсѣмъ не могли вступить въ бой съ русской арміей, которую сохранилъ Барклай бодрою и устроенную.

Что говорили о Барклаѣ современники? Тоже, что и Наполеонъ «для чего онъ отступаетъ?» и разрѣшали этотъ вопросъ не въ пользу героя. Русская армія хотѣла жестоко перевѣдаться въ бою съ врагомъ ея царя и родины, на что чувствовала себя способной, надѣясь на свое мужество и храбрость; но ей чуждо было пониманіе, что есть еще численный перевѣсъ на сторонѣ непріятеля, что чрезвычайно опасно для русскихъ при геніальности Наполеона и талантахъ его боевыхъ маршаловъ; понимать это— удѣлъ полководца, а не солдата. Въ числѣ генераловъ были тоже противники образа дѣйствій Барклая. Беннигсенъ и Багратіонъ были боевые генералы, свѣдующіе въ военномъ искусствѣ и знавшіе силу врага; но ихъ беззавѣтная отвага и твердая надежда на мужество своей арміи, съ которой они дѣлали уже ранѣе чудеса и ждали ихъ въ будущемъ, заставили ихъ желать боя и враждовать къ уклоняющемуся отъ него Барклаю, но онъ, зная все это и, что главнѣе еще, желаніе государя дать бой непріятелю, наперекоръ всему отступалъ и отступалъ.

Громкое неудовольствіе генераловъ и русскаго войска, которое перестало, послѣ сдачи Смоленска, привѣтствовать появленіе своего вождя обычнымъ «ура,» заставило Александра поручить коммиссіи изъ шести славнѣйшихъ генераловъ, обсудить: правильны ли дѣйствія Барклая-де-Толли и не есть ли онѣ плодъ губительной для русскихъ излишней предусмотрительности и осторожности главнокомандующаго. Рѣшеніе коммиссіи было не въ пользу славнаго Барклая-де-Толли и заключилось въ слѣдующемъ: «недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ недостатка положительнаго надъ всѣми арміями единоначалія и что для успѣшнаго хода войны, необходимо назначить одного общаго главнокомандующаго, избраніе котораго должно быть осно-

вано на извѣстныхъ опытахъ въ военномъ искусствѣ, на отличныхъ талантахъ, на общемъ довѣріи и на старшинствѣ.»

На сторонѣ Барклая-де-Толли не было послѣднихъ двухъ условій для удержанія за собой главнаго начальства надъ русской арміей: онъ не имѣлъ довѣрія къ себѣ и имѣлъ многихъ старше себя по чинамъ и службѣ; а потому Александръ уволилъ его и ввѣрилъ главное командованіе арміей князю Михаилу Илларіоновичу Голенищеву-Кутузову, бывшему незадолго главнокомандующимъ на Дунаѣ, русскому полководцу по имени, по рожденію и по душѣ, герою, израненному въ бояхъ, извѣстному всей Россіи своими подвигами и военнымъ искусствомъ, и обладавшему высокимъ умомъ и непоколебимою твердостью характера.

Согласно съ мнѣніемъ коммиссіи, которая также предполагала ввѣрить начальство Кутузову, государь предоставилъ ему право дѣйствовать по своему усмотрѣнію, и только запретилъ входить въ переговоры съ Наполеономъ. Пока происходило все это, русская армія стояла у Царева-Займища въ полномъ бездѣйствіи.

Потерявъ довѣріе къ своему главнокомандующему и видя постепенное приближеніе врага въ средину отечества ихъ, русская армія упала духомъ и уже не знала, что будетъ въ будущемъ; но вдругъ радостная вѣсть о назначеніи главнокомандующимъ Кутузова разнеслась по войскамъ и русскіе воспрянули духомъ: радость и веселье замѣнили тоску и уныніе, господствовавшія въ войскахъ при Барклаѣ.

Кутузовъ самъ увидѣлъ необходимость дать бой французамъ, чтобы поддержать духъ арміи и исполнить всеобще желаніе, но поджидалъ только прихода ополченія, занимаясь пріисканіемъ для русскихъ выгодной позиціи для предстоящаго боя.

Мѣсто сраженія было выбрано у села Бородина, на рѣкѣ Колочѣ, за 108 верстъ отъ Москвы. Здѣсь-то расположилась русская армія и стала готовиться къ бою, чтобъ защитить первопрестольную столицу Имперіи.

На пространствѣ семи верстъ стояли русскіе въ числѣ 120,000 человѣкъ, при 640 пушкахъ. Правый флангъ арміи примыкалъ къ рѣкѣ Колочѣ, а лѣвое крыло—къ старой Смоленской дорогѣ. Князь Горчаковъ, отбиваясь впереди русскихъ, при Шевердинѣ, чтобы дать возможность Кутузову укрѣпить легкую цѣпь холмовъ, которые были заняты русскими, но не представляли особенныхъ удобствъ къ оборонѣ. Баттареи закладывались живо, а впереди лѣваго фланга былъ устроенъ люнетъ, который составлялъ ключъ позиціи русскихъ. Правое крыло арміи занимали Милорадовичъ, Остерманъ, Багговутъ, Уваровъ и атаманъ Платовъ съ казачьей конницей; — на лѣвомъ стояли: Раевскій сзади люнета, Тучковъ, Коновницынъ, Воронцовъ и Невѣровскій, а въ центрѣ—корпусъ Дохтурова, героя Смоленска. Кутузовъ оставилъ за собою общее наблюденіе за боемъ и распоряженіе всей ар-

міей, предоставивъ командованіе надъ лѣвымъ флангомъ Багратіону, а надъ центромъ и правомъ крыломъ—Барклаю-де-Толли.

26 августа, на разсвѣтѣ, французская армія, состоявшая изъ 185,000 человѣкъ, при 1,000 пушекъ, сосредоточилась противъ лѣваго крыла русскихъ и центра, начавъ бой страшною кононадой, на что, въ свою очередь, загрохотали русскія пушки. Буквально въ дыму пороховомъ французы бросились на русскихъ: корпуса Мюрата, Нея, Даву и Жюно устремились на Багратіона, а вице-король италіанскій, принцъ Евгеній, ударилъ въ центръ; но русскіе встрѣтили напоръ непріятеля твердо и мужественно. Французы ломили и напирали на лѣвое крыло, принцъ Евгеній кинулся на люнетъ, который защищалъ Паскевичъ съ своею дивизіею и истребилъ ее, но дивизіи Ермолова, графа Кутайсова и Васильчикова подоспѣли на помощь къ нему и непріятель былъ отбитъ. Багратіонъ выстоялъ натискъ Мюрата и заставилъ его тоже отступить на свою прежнюю линію. Этой минутой успѣлъ воспользоваться Кутузовъ: онъ приказалъ часть войскъ перевести съ праваго фланга въ центръ и на лѣвое крыло Багратіона, ожидая на эти два пункта новаго натиска непріятеля. Такое распоряженіе Кутузова было чрезвычайно полезно для русскихъ, потому, что французы соединили 400 орудій и направили ихъ на войска Багратіона, чтобы разстроить ихъ и облегчить Мюрату вторую атаку позицій лѣваго крыла, защищаемыхъ такъ жестоко и съ такою яростью русскими, что не было почти надежды у Мюрата сбить Багратіона. На громъ 400 орудій французовъ отвѣтили 300 пушекъ съ лѣваго фланга русскихъ и адская канонада разносила смерть на обѣихъ сторонахъ.

Не смотря на артиллерійскій огонь со всѣхъ холмовъ позиціи Багратіона, которая вся была въ дыму и пламени отъ непрерывной пальбы, французы тихо пошли въ аттаку. Лучшія войска Наполеона, окуренныя порохомъ въ великихъ битвахъ Маренго, Ульма, Іены и Аустерлица, сомкнутыми колоннами, подъ градомъ ядеръ и картечи наступали на лѣвый флангъ Багратіона, держа ружье на перевѣсъ и надвинувъ свои медвѣжьи шапки. Лишь только Мюратъ достигъ до линіи редутовъ, какъ закипѣлъ жестокій рукопашный бой: цѣлые полки падали подъ ударами штыковъ, а другіе—тотчасъ же замѣняли ихъ, принимая на свою грудь врага, и въ свою очередь, падая, и уступая свое мѣсто новымъ и новымъ рядамъ. Хотя цѣлыя дивизіи были истреблены, но русскіе не колебались: одна и та же позиція переходила по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, но ни одинъ полкъ не показалъ тыла врагу. Жестоко, безъ пощады дрались французы и русскіе, но рана, полученная Багратіономъ, лишила его возможности командовать и русскіе должны были отступить къ деревнѣ Семеновской, которая была за версту отъ линіи реду-

товъ. Коновницынъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы отступленіе лѣваго крыла было совершено въ порядкѣ и съумѣлъ удержать французовъ до прибытія Дохтурова, который былъ назначенъ замѣнить раненаго Багратіона.

Боевой генералъ, знавшій хорошо русскаго солдата, ободрилъ полки, и, сомкнувъ ихъ въ грозное каре, началъ отбиваться отъ массъ французской кавалеріи, которая готова была раздавить русскихъ; но живая стѣна людей палила ружейнымъ огнемъ и колола штыками, такъ что три аттаки превосходной конницы Наполеона были отбиты и Мюратъ отказался отъ дальнѣйшаго нападенія.

Противъ центра, гдѣ командовалъ Барклай-де-Толли, одновременно съ аттакой Мюрата противъ лѣваго фланга русскихъ, былъ посланъ принцъ Евгеній, подкрѣпленный резервами; но предварительно раздраженный Наполеонъ неудачею перваго натиска французовъ, приказалъ соединить противъ Барклая-де-Толли тысячу пушекъ и открыть по немъ жестокій огонь. Кононада съ обѣихъ сторонъ началась безъ перерыва, такъ что слышался одинъ общій страшный гулъ; пороховой дымъ обратилъ день въ ночь, застлавъ поле и скрывъ солнце, свѣтившее до этого ярко на безоблачномъ небѣ; земля дрожала подъ ногами войска отъ страшной пальбы полуторыхъ тысячъ пушекъ и всѣмъ казалось, что это пришелъ послѣдній день міра, но Барклай-де-Толли съ обнаженной шпагой въ рукѣ выѣхалъ верхомъ на бѣломъ конѣ и сталъ впереди своихъ полковъ, ожидая справедливо имъ предполагаемой страшной аттаки главныхъ силъ наполеоновской арміи на центръ русской. Когда войско увидѣло своего вождя, стоявшаго впереди подъ градомъ картечи и ядеръ, въ рядахъ раздалось дружное «ура,» котораго съ самаго Смоленска не слыхалъ Барклай-де-Толли; забыта было прежняя вражда къ герою, и войско и Барклай дружно приняли аттаку принца Евгенія, который повелъ ее съ новыми силами и съ новой энергіей. Наполеонъ 10 часовъ ждалъ свѣдѣній отъ принца Евгенія, но тотъ бился все это время съ русскими, и, видя ихъ стойкость, не могъ послать своему императору никакого извѣстія. Окруженный своими генералами, сумрачно сидѣлъ Наполеонъ, ожидая съ часу на часъ, что вотъ подъѣдетъ къ нему адъютантъ и скажетъ: «побѣда, государь!» но адъютанты подъѣзжали и только въ ушахъ императора раздавалось одно «подкрѣпленій и подкрѣпленій нужно сражающимся.»

Послѣ десяти часоваго боя, французы были отбиты Барклаемъ де Толли и принцъ Евгеній, одинъ изъ славнѣйшихъ полководцевъ того времени, долженъ былъ отступить предъ стойкостью русскихъ и искусствомъ, соединеннымъ съ безстрашіемъ ихъ вождя.

Наступившій вечеръ прошелъ въ пушечной пальбѣ съ обѣихъ

сторонъ, а ночь прекратила и ее. На Бородинскомъ полѣ воцарилась тишина послѣ битвы, по ужасамъ своимъ безпримѣрной въ исторіи.

По бивуакамъ русской арміи прошла вѣсть, что Кутузовъ, утромъ готовъ опять сражаться съ Наполеоновскимъ войскомъ и каждый надѣялся завтра кинуться снова на ненавистнаго врага; но Кутузовъ, развѣдавъ о большомъ уронѣ на лѣвомъ крылѣ своихъ войскъ, приказалъ въ ночь идти къ Москвѣ, и на разсвѣтѣ русскіе стройно и бодро пошли по московской дорогѣ, а Наполеонъ слѣдовалъ за ними.

Свѣжіе резервы, которыми думалъ Кутузовъ подкрѣпить свою армію, не подошли и на пятый день русскіе остановились подъ Москвой.

Кутузовъ расположилъ свою армію между деревнею Фили, на берегу Москвы-рѣки, и Воробьевыми горами, а Беннигсену приказалъ пріискивать позицію, удобную для боя подъ Москвой. Выбранное Беннигсеномъ мѣсто для сраженіе не было одобрено Кутузовымъ и рѣшено было имъ собрать военный совѣтъ. На филяхъ, вблизи отъ Дрогомиловской заставы, въ крестьянской избѣ, собрались вожди русскаго войска рѣшить участь столицы. Кутузовъ предложилъ совѣту одинъ только вопросъ: «ждать ли нападенія французовъ въ неудобномъ мѣстѣ или отступленіемъ спасти армію, сдавъ имъ Москву безъ боя?» Явилось разногласіе и генералы раздѣлились на двѣ партіи: Барклай де Толли и Беннигсена.

Барклай утверждалъ, что на неудобной позиціи не возможно ждать Наполеона; идти ему на встрѣчу, по численной слабости русскихъ, и думать нельзя, а слѣдуетъ отступить на Владимірскую дорогу и сдать Москву безъ бою. Къ этому благоразумному мнѣнію присоединились только трое: графъ Остерманъ, Раевскій и Толь, но послѣдній съ важнымъ замѣчаніемъ, что отступить должно не на Владимірскую, а на Калужскую дорогу; причемъ доказалъ, очевидно, преимужества такого движенія и, вѣроятно, на это обратилъ вниманіе Кутузова, что повліяло благодѣтельно на дальнѣйшій ходъ компаніи съ французами. Жарко оспаривалъ это мнѣніе Барклая де Толли постоянный его противникъ, Беннигсенъ, утверждая, что занятіе Москвы французами тяжело отдасться по Россіи и Европѣ, что надежда на побѣду русскихъ еще не потеряна и, настаивая дать бой подъ столицей, предлагалъ воспользоваться предпринятымъ частью непріятельскихъ войскъ обходнымъ движеніемъ, и слѣдовательно отъ того ослабленіемъ арміи врага, напасть на центръ французовъ и выиграть бой. Мнѣнія Беннигсена держались Дохтуровъ, Коновницынъ, Ермоловъ и Уваровъ и потому большинство голосовъ было на ихъ сторонѣ.

Когда всѣ споры кончились и мнѣнія членовъ военнаго совѣта были высказаны вполнѣ, самъ Кутузовъ всталъ и произнесъ:

«съ потерею Москвы не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія. Уступленіемъ столицы мы приготовимъ гибель непріятелю. Я намѣренъ идти на Рязанскую дорогу; знаю, что вся отвѣтственность обрушиться на мнѣ, но жертвую собою для блага отечества.» Сказавъ это, маститый фельдмаршалъ рѣшилъ споры, и участь Москвы словами: «по званію главнокомандующаго и предоставленной мнѣ власти приказываю отступить.» Военный совѣтъ кончился, и члены его отправились къ своимъ частямъ, чтобы все приготовить къ отступленію на слѣдующее утро,

Отступленіе русскихъ на Рязанскую дорогу началось движеніемъ полковъ въ Дрогомиловскую заставу. Московскіе жители изумленно смотрѣли на стройные и бодрые полки, проходившіе по улицамъ столицы на Рязанскую дорогу, и спрашивали другъ у друга, что это значитъ? Даже главнокомандующій Москвою, графъ Ростопчинъ не умѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ и поскакалъ къ Кутузову. Проходившія войска и Москвичи думали, что это какое нибудь обходное движеніе или что нибудь въ этомъ родѣ. Графъ Ростопчинъ увѣрилъ жителей столицы и самъ былъ убѣжденъ, что Москва не будетъ сдана безъ боя непріятелю, а потому, когда горькая вѣсть объ оставленіи столицы и сдачѣ врагу разнеслась, то Москвичи кинули все свое имущество и кто только могъ бросился въ слѣдъ за войскомъ. Смятеніе было ужасное; всѣ обезумѣли отъ страха и горя, но никто не думалъ о встрѣчѣ врага, какъ бываетъ въ иностранныхъ земляхъ съ униженными привѣтствіями и просьбами о пощадѣ города, жизни и имущества гражданъ. Не успѣвшіе убѣжать изъ города спрятались по подваламъ и не показывались наружу: Москва, послѣ смятенія, шума и воплей, вдругъ умолкла и замерла.

Не зная, что русскій народъ не заботиться о сохраненіи не только жилищъ своихъ и имущества, но даже самой жизни, чтобъ только не покориться чужеземцу и сохранить свою самобытность, гордый Наполеонъ подъѣхавъ къ Москвѣ, сошелъ съ коня на Поклонной горѣ, что за Драгомиловской заставой, откуда была видна вся Москва, залитая лучами заходящаго солнца, сказалъ: «вотъ этотъ славный городъ:» и сталъ ждать прибытія депутаціи съ хлѣбомъ—солью и ключами отъ столицы; но ему доложили, что Москва покинута жителями, улицы ея пусты, а кто остался—и тѣ спрятались. Изумленный Наполеонъ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Кремль. Могильная тишина встрѣтила въ русской столицѣ властелина Европы. Императоръ занялъ кремлевскій дворецъ, древнее жилище царей московскихъ, но не надолго. Русскіе исполнили свои слова «лучше сожжемъ все, чѣмъ покоримся врагу» и начали жечь Москву: то здѣсь, то тамъ начались пожары. Наполеонъ увидѣлъ опасность, но помочь было нельзя: Растопчинъ вывезъ всѣ пожарныя трубы, а народная ненависть во всѣхъ частяхъ города подкладывала огонь подъ опустѣлые

дома. Пламя клубами стало взлѣтать надъ Москвою, нарушило равновѣсіе въ воздухѣ и началась страшная буря.

Наполеонъ едва выѣхалъ изъ Кремля въ загородный Петровскій дворецъ, а въ Москвѣ бушевало огненное море. На шестой день затихъ огонь и столбы дыма взвивались только надъ развалинами Москвы, отъ которой уцѣлѣла одна десятая часть ея. Хотя мужество Наполеона и твердость его характера всѣмъ извѣстна, но пожаръ Москвы и на него навелъ ужасъ и содроганіе, а послѣ пожара онъ не могъ безъ тоски смотрѣть на оставшіеся отъ великолѣпной столицы соборы и Кремль среди грудъ пепла и развалинъ.

Впрочемъ, что осталось въ Москвѣ, французы все разграбили, не пощадивъ ни христіанской святыни, ни произведеній искусства, ни древностей; а уходя даже подложили порохъ подъ Кремль, чтобы взорвать св. Соборы и жилище царей русскихъ; но, къ счастію, взрывъ былъ не удаченъ и безъ особеннаго вреда.

Роковая вѣсть о занятіи Москвы непріятелемъ была передана Александру, который сказалъ, что эта рана—предъ которой всѣ другія ничтожны, и что онъ не покинетъ оружія дотолѣ, пока не отомститъ Наполеону за оскорбленное отечество. Слова государя облетѣли Россію и каждый радостно повторялъ ихъ. «Я или онъ, онъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ,» говорилъ государь, и этимъ ясно показалъ Россіи и Европѣ, что за пожаръ Москвы Наполеонъ долженъ быть низложенъ, что только въ состояніи успокоитъ оскорбленную Россію и ея царя.

Сначала русскій народъ оцѣпенѣлъ отъ страха и ужаса, узнавъ о сожженіи столицы, думая, что все кончено и позорный миръ съ Наполеономъ будетъ послѣдствіемъ гибели Москвы, но всѣ успокоились и стали ополчаться на брань съ непріятелемъ, когда въ св. храмахъ всей земли русской раздались слова манифеста, въ которомъ Александръ говорилъ своему народу, «не въ ту страну зашелъ онъ (Наполеонъ) гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войско и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, и спасая себя, спасетъ независимость царей и царствъ.»

Дѣйствительно всѣ сословія соединились, чтобы поднять священную брань на врага, и война народная, опаснѣйшая и страшнѣйшая изъ всѣхъ войнъ,—запылала. Горожане и поселяне, особенно уѣздовъ сосѣднихъ съ театромъ военныхъ дѣйствій, вооружились чѣмъ кто могъ и поспѣшили соединиться съ партизанскими отрядами, Сеславина, Фигнера, Давыдова и другихъ славныхъ начальниковъ, которые поставили себѣ цѣлью, лихими наѣздами и вообще всѣми возможными средствами вредить непріятелю, какъ-то: уничтоженіемъ запасовъ его продовольствія

обозовъ, истребленіемъ отставшихъ отрядовъ, захватомъ его курьеровъ и т. д. До того ненависть къ врагу была сильна въ русскихъ, что даже женщины шли истреблять французовъ, что почти безпримѣрно въ исторіи.

Война народная застигла Наполеона въ такую минуту, когда онъ и его армія жаждали покоя и отдохновенія. Москва была цѣлью французовъ, которые въ ней думали возстановить свои изнуренныя и ослабѣвшія силы отъ дальняго похода и частыхъ битвъ, чего жаждалъ и самъ Наполеонъ, предполагая при этомъ и миръ съ Александромъ. Мужество и отвага съ которой французы бросались въ атаки и гибли дивизіями, также легко объясняется непокорность волѣ Наполеона и обожаніемъ его, а просто желаніемъ найдти успокоеніе въ Москвѣ, куда они и рвались такъ не удержимо. Что же дала великой арміи Москва? Тоску и уныніе, которыя поразили при видѣ сначала безполезнаго, потомъ пылавшаго, а въ концѣ концевъ обращеннаго въ обгорѣлыя развалины города. Разочарованіе было полное и этого мало: надо было безъ отдыха идти обратно, имѣя около русскую армію, бодрую и устроенную, снабженную всѣмъ продовольствіемъ, дѣйствующую въ своей странѣ и, сверхъ того, встрѣчая вездѣ вооруженное населеніе, исполненное ненависти и готовое жечь даже свои дома, чтобъ только не дать на одну ночь пріюта врагу. Французы увидѣли всю разницу, всю пропасть, которая оказалась между пріемомъ ихъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, гдѣ привѣтствіямъ не было конца, гдѣ завоеванное населеніе хотя наружно все же встрѣчало ихъ съ распростертыми объятіями, поило, кормило и даже заботилось о развлеченіяхъ для своихъ грозныхъ побѣдителей,—и пожаромъ Москвы.

Наполеонъ понялъ всю глубину своего несчастія, но раскаяваться было поздно, и онъ надѣялся отступить изъ Москвы на калужскую дорогу и пройдти на югъ въ край благодатный Россіи, гдѣ онъ найдетъ обиліе всего и теплый климатъ. Еще болѣе радовался онъ тому, что Кутузовъ отступилъ на рязанскую дорогу, и слѣдовательно калужская открыта для его арміи. Сверхъ того, въ умѣ его жило предположеніе, что Александръ можетъ согласиться на выгодный миръ, и съ этою мыслью Наполеонъ еще покойно жилъ три недѣли въ Петровскомъ дворцѣ, подъ Москвой, ожидая присылки уполномоченнаго изъ арміи или Петербурга для веденія мирныхъ переговоровъ. Только недостатокъ продовольствія сильно безпокоилъ Наполеона, а особенно встревожило его извѣстіе, что Кутузовъ съ рязанской дороги перешелъ на калужскую и укрѣпился при селѣ Тарутинѣ, въ 80-ти верстахъ отъ Москвы, чѣмъ заградилъ французамъ путь въ южныя области Россіи и могъ во время отрѣзать ихъ отъ Смоленска, еслибы Наполеонъ вздумалъ выступить изъ Москвы туда.

Укрѣпляясь у Тарутина Кутузовъ сказалъ «теперь ни шагу на-

задъ.» Эти слова показываютъ, что онъ достигъ своей цѣли; но вскорѣ и другое его желаніе, задержать какъ можно долѣе французовъ около Москвы, исполнилось: французы простояли пять недѣль подъ Москвой.

Недождавшись пословъ отъ Александра, Наполеонъ послалъ генерала Лористона къ Кутузову съ предложеніемъ мира, и тотъ поѣхалъ въ Тарутино. Отвѣтъ Лористону былъ коротокъ, «я не уполномоченъ вести переговоровъ о мирѣ, говорилъ Кутузовъ послу Наполеона, «мнѣ даже запрещено произносить слово миръ, но доведу о предложеніи Наполеона до свѣдѣнія государя.» Время шло, а отвѣта изъ Петербурга не было. Французы начали ѣсть конину; у лошадей не было сѣна, потому что куда ни пошлютъ отряды для фурожировокъ—имъ нѣтъ возврата: партизанскіе отряды и подмосковные жители начали истреблять рыскавшихъ подъ Москвой за провіантомъ голодныхъ французовъ. День отъ дня голодъ усиливался и дисциплина ослабѣвала въ упавшихъ духомъ войскахъ Наполеона.

Пока французская армія таяла подъ Москвой, Кутузовъ благословлялъ провидѣніе и усиливалъ свою армію. Вмѣсто 75,000 чел., выведенныхъ имъ изъ Бородинскаго боя, онъ имѣлъ подъ Тарутинымъ 105,000 регулярнаго войска, благодаря пришедшимъ на помощь 30,000 человѣкъ свѣжихъ резервовъ и 26 полковъ Донскихъ, всегда воинственныхъ казаковъ, явившихся съ радостью на защиту отечества.

Кутузовъ увидѣлъ, что армія его способна къ бою съ обезсилившими и теперь разстроенными полчищами французовъ и потому рѣшилъ начать наступленіе на непріятеля, чтобы изгнать его за предѣлы Россіи.

Авангардъ французской арміи, подъ начальствомъ Мюрата, стоялъ въ десяти верстахъ отъ Кутузова (у дер. Винкова.) Въ обходъ его посланъ былъ графъ Орловъ-Денисовъ съ казацкими полками, чтобы ударить въ тылъ французамъ тогда, когда Остерманъ и Багговутъ начнутъ атаку съ фронта и фланговъ. Казаки неожиданно для Мюрата появились въ его тылу и бросились съ гикомъ рубить 25-ти тысячный корпусъ его, но Мюратъ все таки успѣлъ отбить атаку пѣхоты съ фронта и уйдти къ Москвѣ, оставивъ до 40 пушекъ, много плѣнныхъ и весь свой лагерь.

7 октября Наполеонъ оставилъ Москву увидѣвъ изъ нападенія русскихъ на Мюрата, что всякую мысль о мирѣ съ Россіей надо оставить, а слѣдуетъ скорѣе сблизиться съ оставленными имъ складами продольствія въ разныхъ городахъ Литвы и вообще западнаго края. При выступленіи въ походъ у Наполеона оказалось только сто тысячъ человѣкъ и то голоднаго войска, а сзади громадный обозъ съ награбленнымъ въ Москвѣ добромъ: золотомъ серебромъ, драгоцѣнностями мѣхами и другими предметами рос-

коши, но хлѣба и вообще съѣстнаго почти не было. Въ это время обозъ съ драгоцѣностями былъ только помѣхой при движеніяхъ французовъ, а имъ нуженъ былъ хлѣбъ, мясо и, покрайней мѣрѣ, сѣно для заморенныхъ безъ корму лошадей кавалеріи и обоза.

Оставляя Москву, раздраженный Наполеонъ позволилъ себѣ варварскій поступокъ, который пятнаетъ его имя и не достоинъ государя образованнаго народа. Маршалъ Мортье, согласно волѣ Наполеона, заложилъ подъ Кремлемъ мины, чтобы взорвать стѣны и соборы Кремля, а дворецъ царскій зажегъ. Дворецъ сгорѣлъ, стѣны были разрушены взрывомъ, древніе соборы Кремля какимъ то чудомъ уцѣлѣли.

Кромѣ этого, все пребываніе Наполеона въ Москвѣ было отмѣчено варварствомъ, недостойнымъ христіанскаго государя Европы: православные храмы поруганы, иные даже обращены въ конюшни для лошадей французовъ, и все, что только было можно унести съ собой—ограблено. Наконецъ въ приказѣ своемъ маршалу Мортье о взорваніи Кремля и сосѣднихъ съ нимъ зданій Наполеонъ назвалъ церковь Василія Блаженнаго, (Покровскій соборъ на рву) на красной площади, мечетью. Впрочемъ, одинъ воспитательный домъ былъ пощаженъ французами.

По уходѣ Наполеона, генералъ Илловайскій съ казаками занялъ Москву и подалъ необходимую помощь страдальцамъ, пережившимъ всѣ ужасы пребыванія французовъ въ Москвѣ.

Планъ отступленія своего Наполеонъ составилъ не дурно, но исполнить его Кутузовъ ему не далъ, и французы погибли. Наполеонъ разсчитывалъ идти на Боровскъ и обойдти Кутузова, потомъ на Калугу, откуда ему легко уже было пройдти и къ Смоленскому, чтобы попасть въ Литву. Кутузовъ, замѣтивъ появленіе французовъ, не далеко отъ Боровска понялъ замыселъ Наполеона и отошелъ, чтобъ загородить ему путь на Калугу къ Малоярославцу, гдѣ предположилъ, если французы будутъ наваливаться, дать имъ бой и силой повернуть армію Наполеона на ту опустошенную дорогу, по которой она шла къ Москвѣ.

Одновременно къ Малоярославцу подходили французы и русскіе и по частямъ вступали въ бой. Первые встрѣтились тамъ Дохтуровъ и Вице-король Итальянскій, принцъ Евгеній, и завязали бой. Сраженье шло въ самомъ городѣ и около него; вскорѣ въ немъ приняли участіе подоспѣвшіе корпуса Даву и Раевскаго, а потомъ и обѣ арміи. Ночь раздѣлила сражающихся послѣ того, какъ несчастный городъ переходилъ шесть разъ изъ рукъ въ руки. Такое кровопролитіе, какъ битва подъ Малоярославцемъ, гдѣ русскіе заставили отступить французовъ, доказала Наполеону, что Кутузовъ твердо рѣшилъ и имѣетъ достаточно силъ не пустить его къ Калугѣ. Французы, отбитые при Малояро-

славцѣ должны были идти къ Вереѣ и Можайску, чтобы оттуда начать свое обратное шествіе по разоренной ими же странѣ.

Намѣренія Кутузова исполнялись, и гибель врага была неминуема. Кутузовъ отъ Малоярославца пошелъ почти рядомъ съ арміею Наполеона, приказывая казакамъ Платова и легкой кавалеріи Паскевича непрестанно тревожить тылъ непріятеля, отбивать его обозы и стараться истреблять отдѣльные отряды аріергарда. Фланги французовъ были подъ постоянными натисками летучихъ партизанскихъ отрядовъ; фуражиры ихъ гибли подъ ударами озлобленнаго населенія, ополчившагося отъ мало до велика.

Положеніе французовъ сдѣлалось еще опаснѣе, когда съ лѣвой стороны его близь Вязьмы начали наваливаться съ фланга войска Милородавича, который сильнымъ натискомъ отдѣлилъ отъ арміи корпусъ Даву, составлявшій хвостъ ея и истребилъ. его Вся французская армія пришла въ уныніе, но Кутузовъ торжествовалъ, исполняя волю своего государя. Потушимъ кровію непріятельской пожаръ Московскій говорилъ Александръ, и Кутузовъ сталъ славно тушить, а начавшіеся морозы за Вязьмою, хотя и не сильные, подѣйствовали страшно на французовъ, терпѣвшихъ уже голодъ, такъ какъ хлѣбъ весь вышелъ, а достать было, если можно, вдалекѣ отъ дороги, но казаки сновали вездѣ и перехватывали фуражировъ.

Наполеонъ увидѣлъ самъ, что бѣдствіе его войскъ доходитъ до невыносимости: люди, не привыкшіе къ суровому климату Россіи и останавливающіеся на отдыхъ на снѣгу не минуемо должны были умерать цѣлыми полками, а тутъ еще голодъ, и дорога Наполеона начала устилаться трупами мертвыхъ, между которыми какъ тѣни плелись толпы больныхъ и слабыхъ. Артиллерійскія лошади останавливались и падали отъ недостатка сѣна; казаки же забирали пушки и рубили прислугу. При Духовщинѣ, близъ Дорогобужа, Наполеону грозилъ новый ударъ. Платовъ догналъ принца Евгенія, зашелъ къ нему справа, и началъ бить корпусъ славнаго полководца, который употреблялъ все свое искуство задержать напоръ лихаго атамана, но былъ разбитъ на голову. Едва самъ Наполеонъ достигъ Краснаго, какъ Кутузовъ навалился на него массою своихъ войскъ, такъ что Милорадовичъ пользуясь этимъ успѣлъ уничтожить цѣлый корпусъ враговъ, подъ начальствомъ знаменитаго Нея.

Разстроивъ французскую армію подъ Краснымъ, Кутузовъ сталъ приготовлять ей гибель на Березинѣ, куда не шли, а положительно бѣжали перемѣшавшіеся остатки великой арміи. Французы потеряли порядокъ и бѣжали въ страшномъ разстройствѣ, оставляя за собою страшный слѣдъ: мертвые и умирающіе люди и павшія лошади между опрокинутыхъ фуръ и ящиковъ валялись по землѣ и отмѣчали путь, пройденный Наполеономъ. Куту-

зовъ отъ Краснаго шелъ по прежнему съ боку французовъ, но не нападалъ на нихъ, потому что видѣлъ, какъ самоуничтожается непріятель, не хотѣлъ терять безполезно своихъ храбрецовъ съ доведенными до отчаянія врагами, и еще оттого, что на Березинѣ готовилъ всѣмъ имъ общую гибель. Для этого фельдмаршалъ сообщилъ Чичагову, что ввѣренная начальству его армія должна идти къ Березинѣ, отразивъ князя Шварценберга съ его австрійцами и Саксонцами а Виттенштейну, заграждавшему у Пскова дорогу въ Петербургъ, идти на Двину, очистить берегъ ея отъ стоявшихъ тамъ корпусовъ непріятеля и оттуда около Березины соединиться съ Чичаговымъ, чтобъ задержать Наполеона и ударить ему во фронтъ, поставивъ французовъ тѣмъ между двухъ огней Витгенштейнъ превосходно исполнилъ порученіе фельдмаршала онъ разбилъ у Полоцка Удино, Сенъ-Сира и отбросилъ Виктора, а затѣмъ оказался въ связи съ Чичаговымъ. Соединившіяся арміи Молдавская и Тормасова тоже удачно исполнили свое дѣло: корпусъ Остенъ-Сакена удержалъ Шваценберга и Чичаговъ искуснымъ движеніемъ во время пришелъ въ Борисовъ на Березинѣ, слѣдовательно, оставалось только бить французовъ, бѣжавшихъ отъ Кутузова и неимѣвшихъ уже кавалеріи и регулярной пѣхоты, кромѣ Наполеоновской гвардіи, которая сохраняла еще бодрый видъ и могла выйдти на бой. Это удачное начало еще больше стало опаснымъ для французовъ, такъ какъ морозы кончились и стало тепло до того, что ледъ на Березинѣ взломало, чѣмъ потеряна была у Наполеона всякая надежда уйдти изъ ловушки, разставленной Кутузовымъ. Ошибка Чичагова спасла Наполеона и дала ему возможность переправиться черезъ Березину. Не удержавъ за собой Борисова, онъ выходя оттуда оставилъ безъ вниманія бродъ на рѣкѣ, которымъ успѣлъ воспользоваться Наполеонъ и приказалъ наводить мостъ для перехода арміи и присоединившихся корпусовъ Удино и Виктора. Этотъ мостъ былъ наведенъ второпяхъ такъ что только пѣхота могла перейдти его, но тяжестей перевезти было нельзя.

У деревни Студянки стоялъ Наполеонъ когда по мосту тянулась его армія, а казаки уже хозяйничали въ обозѣ. Императору доложили, что мостъ трещитъ и онъ съ своими маршалами поскакалъ на противопожный берегъ; спустя не много мостъ дѣйствительно рухнулъ, и аріергардъ и обозъ, и вся артиллерія остались въ рукахъ русскихъ; но захватъ 20,000 плѣнныхъ французовъ не удовлетворилъ Кутузова. Онъ былъ недоволенъ, что врагъ ушелъ и не погибъ здѣсь же, на Березинѣ.

Переходъ черезъ Березину далъ было Наполеону надежду довести свою армію до Вильно, гдѣ были оставлены богатые запасы продовольствія; но провидѣнію угодно было иначе; и ударилъ сильный морозъ, доходившій въ иные дни до 30 градусовъ. Не одѣтая, голодная и изнуренная походомъ и битвами армія

Наполеона стала буквально замерзать, оставляя на пути своемъ цѣлыя груды мертвыхъ людей. Въ Сморгоняхъ императору доложили, что у него нѣтъ арміи, а есть только толпы неспособныхъ къ бою, обморозившихся, голодныхъ и больныхъ людей. Онъ сѣлъ, съ Дюрономъ и Коленкуромъ въ сани и поѣхалъ во Францію, увозя съ собой изъ столькихъ битвъ одинъ трофей: соболью шубу и больше ничего.

Вся великая армія французскаго завоевателя осталась въ Россіи: 400,000 убитыхъ, замершихъ и умершихъ отъ болѣзней и болѣе 200,000 плѣнныхъ, не говоря объ обозѣ, чиновникахъ и прислугѣ при арміи, которые вмѣстѣ со всѣмъ награбленнымъ въ Москвѣ, были захвачены при Березинѣ.

Трофеями побѣдъ русскихъ остались тысяча пушекъ и сто знаменъ, а отъ всей великой арміи уцѣлѣло только 20,000 челов. авангарда и отрядовъ, разбросанныхъ по западному краю при наступленіи французовъ на Москву.

Въ день Рождества Христова русскій народъ узналъ, что слово его царя исполнилось: ни единаго непріятельскаго воина не осталось въ предѣлахъ Имперіи, и Россія избавилась отъ нашествія Галловъ, какъ назывались въ древнее время французы, и съ ними двадесяти языковъ.

Борьба съ Наполеономъ дорого стоила Россіи; но она отстояла свою независимость и достоинство, сокрушивъ врага. Отъ полмилліонной арміи Россіи, раскинутой по всему ея пространству и по мѣрѣ надобности, введенной по частямъ въ дѣйствующія войска, осталось только сорокъ тысячъ у Кутузова, не считая резервовъ и ополченія, которые тоже пополняли убыль арміи Кутузова. Если же армія русскихъ у Нѣмана и считалась болѣе ста тысячъ, то это потому, что кромѣ уцѣлѣвшихъ сорока тысячъ, было въ ней болѣе шестидесяти тысячъ ополченцевъ, козаковъ и разныхъ иррегулярныхъ отрядовъ.

Всѣ уѣзды, лежавшіе на пути Наполеоновскихъ войскъ, были раззорены и обезлюдѣли до того, что годами нужно было заглаживать слѣды погрома французскаго. Если считаютъ, что раззорено и опустошено было всего въ одной Московской губерніи на 300 милліоновъ рублей серебромъ, то можно сказать, что это непреувеличено, а убытки Смоленской, Калужской и другихъ западныхъ губерній? Ихъ несчитали и исчислить не возможно: все было опустошено.

Изгнаніе французовъ изъ Россіи не могло удовлетворить Александра, и онъ стремился исполнить то, что сказалъ въ своемъ манифестѣ русскому народу о призваніи своего государства: «Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, и спасая себя, спасетъ независимость царей и царствъ.» Дѣйствительно Россія не потерпѣла порабощенія и отстояла себя, но теперь

ей слѣдовало, по слову Александра, выполнить предначертанное ей назначеніе спасти независимость царей и царствъ запада, угнетенныхъ Наполеономъ.

Веденіе войны съ Наполеономъ представляло большія удобства и выгоды для Александра: народъ вооружался, резервы шли за резервами, продовольствіе лишь истощалось,—приходили новые обозы; но идти въ Германію, еще покорную Наполеону, сражаться за свободу тѣхъ, которые, хотя и изъ страха только къ Наполеону, бились въ рядахъ его войскъ противъ русскихъ своихъ освободителей,—это подвигъ, свойственный великой душѣ Александра, и онъ повелѣлъ Кутузову, хотѣвшему дать отдыхъ своему утомленному войску въ Вильно, приказъ перейдти границу, хотя старый фельдмаршалъ въ шутку и говорилъ, что ему нужно поправиться «чтобы было съ чѣмъ явиться за границу.»

Появленіе Наполеона во Франціи заставило ее принять всѣ мѣры, что бы собрать какъ можно болѣе войска своему повелителю; ея примѣру должны были послѣдовать подчиненныя ей Голландія и Италія. Хотя обояніе произведенное побѣдами русскихъ надъ французами было довольно сильно въ Германіи и втайнѣ возбуждало радость въ нѣмецкомъ народѣ, но государи Рейнскаго союза были обязаны многимъ Наполеону и боялись еще его могущества; а потому короли Баварскій, Саксонскій, Виртембергскій, великіе герцоги Баденскій и Гессенскій спѣшили выставить свои вспомогательныя войска Наполеону противъ того, который шелъ доставить имъ независимость и счастіе.

Изъ двухъ державъ, сохранившихъ еще нѣкоторую свободу своихъ дѣйствій Австрія готова была за Иллирію и Ломбардію поставить свою армію за Наполеона, который кромѣ того, былъ зять Австрійскаго императора, а Прусскій король, хотя и желалъ присоединиться къ Россіи, но большая часть его крѣпостей и даже столица Берлинъ были въ рукахъ французовъ.

Такое зависимое отъ Наполеона положеніе Европы ставило Александра въ необходимость дѣйствовать только своими собственными силами, пока Германія не будетъ въ состояніи присоединиться къ нему.

Александръ вступая въ брань за предѣлами Россіи, зналъ всю враждебность Европейскихъ кабинетовъ къ нему изъ раболѣпства къ Наполеону и видѣлъ, что русскій народъ долженъ употребить всѣ свои силы и всѣ средства своей страны, чтобы послѣ изнурительной компаніи двѣнадцатаго года, еще за границей продолжать борьбу съ Наполеономъ. Дѣйствительно русское войско было слабо числомъ, и лучшій цвѣтъ его палъ на поляхъ Бородина и Мало-Ярославца, а маститый вождь русскихъ дружинъ, Кутузовъ, не долго могъ еще служить своему государю и отечеству.

Трудности исполненія великодушнаго намѣренія спасти Европу отъ поработителя не поколебали Александра,—и онъ повелъ свой преданный ему народъ, научившійся побѣждать Наполеона, сокрушить въ конецъ его могущество и, обладая мудростью политика и мужествомъ героя, довелъ его до стѣнъ Парижа.

Въ главную квартиру арміи Кутузова прибылъ Александръ, что бы личнымъ присутствіемъ ускорить походъ русскихъ и одушевить ихъ къ новымъ побѣдамъ. Война загорѣлась снова. Кутузовъ съ быстротой перешелъ Нѣманъ у Мерича и пошелъ на Одеръ; Милородовичъ бросился на герцогвство Варшавское и занялъ его, выбивъ оттуда князя Шварценберга съ Австрійскими и Саксонскими корпусами; Курляндія была тѣмъ временемъ очищена отъ французовъ и отъ дѣйствующихъ съ ними за одно прусскихъ отрядовъ удачными дѣйствіями отважнаго Витгенштейна.

Когда русская армія появилась на Одерѣ, то король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, въ душѣ давно преданный Александру, рѣшился открыто вступить съ нимъ въ союзъ противъ общаго врага. Договоръ въ Калишѣ между Александромъ и Фридрихомъ Вильгельмомъ возстановилъ прежнюю дружбу обоихъ государей; но Пруссія не могла доставить большую помощь, потому что ея армія должна была вытѣснять французовъ изъ прусскихъ же крѣпостей и вообще наполеоновскій погромъ ослабилъ могущество этого королевства.

Разосланная изъ Калиша прокламація Кутузова къ государямъ Рейнскаго союза о вооруженіи ихъ противъ притѣсненій и самовластія Наполеона –не произвела никакого дѣйствія, такъ какъ жилъ въ нихъ еще страхъ къ могуществу своего протектора. Ожиданія помощи отъ Австріи оказались напрасны, потому что она ждала времени, чтобы видѣть къ кому ей выгоднѣе пристать, а теперь только предлагала ничего незначащее посредничество.

Въ виду раболѣпства Европы передъ Наполеономъ, Александръ приказалъ князю Лобанову Ростовскому заняться составленіемъ и обученіемъ резервной арміи изъ набора прошедшаго года по 16 чел. съ 1,000 ревизскихъ душъ и черезъ нѣсколько недѣль на театръ военныхъ дѣйствій приведены были шесть корпусовъ, которые обучены были на столько, что могли идти въ бой хотя бы съ французами. Такая успѣшность образованія перваго резерва была замѣчена государемъ, и онъ повелѣлъ и впредь по всѣмъ областямъ Россіи подготовлять резервныя части, чтобы, по мѣрѣ надобности, было подъ рукой свѣжее войско, готовое подкрѣпить дѣйствующую армію въ ея кровавой борьбѣ съ превосходными силами непріятеля и, что важнѣе всего, въ чужой землѣ. Эта заботливость государя о правильномъ образованіи запасовъ для арміи принесла потомъ громадную пользу, такъ какъ русская армія къ удивленію европейцевъ послѣ жесто-

кихъ битвъ, каждый разъ являлась въ полномъ своемъ составѣ, подкрѣпленная свѣжими силами для продолженія неравной борьбы съ исполиномъ Запада.

Въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ сдѣлался въ два мѣсяца опять исполиномъ и навелъ страхъ на нѣмецкія земли собранной въ это короткое время 300,000 арміей, не обращая вниманіе еще на то, что многіе корпуса членовъ рейнскаго союза не успѣли къ нему присоединиться. Русская армія въ это время состояла только изъ 70,000 человѣкъ, хотя Россія и Пруссія имѣли вмѣстѣ тоже до 300,000 войска, но которое частью не могло подоспѣть во время, частью отвлечено было осадой нѣсколькихъ крѣпостей въ Пруссіи и Варшавскомъ герцогствѣ. Не особенно значила малочисленность русскихъ, потому что это были отборныя и бывшія въ битвахъ войска; но важнѣе была случившаяся въ это время для русскихъ невзгода: славный старецъ Кутузовъ, великій вождь, на котораго возлагала въ тайнѣ надежду на свое освобожденіе и Германія, былъ близокъ къ своей кончинѣ. Александръ повелѣлъ Витгенштейну принять главное начальство надъ союзной арміей, при которой находился самъ и король прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ. Армія союзниковъ поспѣшно пошла въ Саксонію, гдѣ народъ съ радостью встрѣтилъ своихъ освободителей, и направилась къ Лейпцигу, около котораго Наполеонъ успѣлъ выставить 130,000 войска.

Обѣ арміи встрѣтились недалеко отъ Люцена, и въ тотъ моментъ, когда наполеоновскія войска шли оттуда по направленію къ Лейпцигу, Витгенштейнъ ударилъ неожиданно на нихъ и вѣрно побѣда была бы за нимъ, но медленность прусскихъ полковъ и бездѣйствіе русской конницы Винцегероде, которая была превосходна, дали время Наполеону сосредоточить свою армію у Люцена. Жестокій бой закипѣлъ; но пробившись цѣлый день союзники не могли уже одолѣть врага и, разстрѣлявъ всѣ снаряды, утромъ отступили, впрочемъ, въ совершенномъ порядкѣ въ Дрезденъ.

Черезъ двѣ недѣли союзники усилившись свѣжими резервами до 30,000 чел., приведенными Барклаемъ-де-Толли, начали движеніе къ Бацену и укрѣпились на берегу рѣки Шпре. Превосходна была позиція союзниковъ по кручамъ горъ, которая дозволяла съ успѣхомъ вести артиллерійскій бой но въ численномъ отношеніи армія Наполеона была сильнѣе на много: онъ имѣлъ 150 тысячъ, а союзники только 100. По гористому берегу Шпре раздалась канонада и началось двухдневное сраженіе, которое стоило съ обѣихъ сторонъ 40 тысячъ человѣкъ убитыми, не считая раненыхъ; но какъ союзники ни старались выиграть бой, но должны были уступить численному превосходству врага и отступили для соединенія съ свѣжими войсками, которыя ждали уже ихъ въ Силезіи. Видя отступленіе союзниковъ, На-

полеонъ преслѣдовалъ ихъ до Одера, но никакъ не могъ принудить ихъ къ новой битвѣ. Наполеонъ тогда задумалъ привлечь Австрію къ войнѣ съ союзниками и съ помощью ея раздавить ихъ армію, но дѣла приняли другое направленіе и Австрія, хотя не пристала открыто къ союзникамъ, но все же приняла на себя посредничество, склоняясь нѣсколько на сторону ихъ.

Такой переворотъ въ политикѣ Австріи и смѣлость предложить Наполеону непріятное для него посредничество произошло потому, что австрійскій императоръ, Францъ I, убѣдился въ искренности чувствъ Александра и получилъ увѣреніе въ томъ, что Иллирія, въ случаѣ союза его съ нимъ, будетъ отдана Австріи. Сверхъ того, въ Австріи появился государственный человѣкъ, который разгадалъ замыслы Наполеона, возненавидѣлъ его и рѣшился употребить всѣ свои силы, чтобы низложить его и доставить Австріи прежнее первенствующее значеніе въ Германіи: этотъ врагъ Наполеона былъ князь Меттернихъ, удивлявшій Европу своими талантами дипломата и политическимъ тактомъ. По совѣту его, Австрія, во время конгресса въ Прагѣ, по умиротворенію воюющихъ державъ, представила Наполеону выработанныя на конгрессѣ союзниками предварительныя статьи мира, заявивъ ему о своемъ сочувствіи къ справедливымъ требованіямъ императора Александра и его союзника. Статьи эти заключались въ слѣдующемъ: отреченіе Наполеона отъ сана протектора Рейнскаго союза и уничтоженіе его; уничтоженіе герцогства Варшавскаго; возстановленіе самобытности Пруссіи и возвращеніе ей всѣхъ ея земель; освобожденіе Голландіи и Испаніи отъ владычества Наполеона и присоединеніе Иллиріи къ Австрійской монархіи, а главное, чтобы Наполеонъ далъ торжественно обѣщаніе не нарушать мира Европы. Наполеонъ затягивалъ переговоры и хотѣлъ воспользоваться временемъ, чтобы еще болѣе усилиться для борьбы съ союзниками и особенно еще разъ припомнить Австріи день Ульма; но они поняли его намѣреніе и приступили противъ него къ военнымъ операціямъ.

Князь Меттернихъ настоялъ предъ Францемъ I объявить Наполеону войну и присоединить къ союзникамъ 260,000 австрійцевъ; силы Россіи также возросли приведенными резервами до 250,000 чел. и надъ этой арміей главнокомандующимъ назначенъ Барклай-де-Толли; Фридрихъ Вильгельмъ призвалъ свой народъ почти къ поголовному вооруженію и выставилъ 200,000 войска, а всего союзники имѣли 800,000 человѣкъ при 2,000 пушекъ. Противъ такихъ страшныхъ силъ Наполеонъ успѣлъ выставить 400,000 армію и 1,300 орудій. Передъ началомъ новыхъ битвъ съ французами союзники были обрадованы присоединеніемъ къ нимъ Англіи, которая 14 іюня договоромъ въ Рейхенбахѣ обязалась предоставить союзникамъ громадныя денежныя средства на военныя издержки и, кромѣ того, доставлять военные снаряды и

пр., сверхъ того, на сѣверѣ европы появился новый союзникъ, Бернадотъ, наслѣдный принцъ и регентъ Швеціи, съ своими войсками.

Союзники предложили главное предводительство войсками Александру, который имѣлъ всѣ таланты полководца, но и замѣчательную скромность почему отвѣчалъ отказомъ, а предложилъ назначить главнокомандующимъ кого либо изъ достойнѣшихъ генераловъ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ подчиненъ верховному совѣту изъ трехъ союзныхъ монарховъ, наслѣднаго принца шведскаго и нѣкоторыхъ высшихъ генераловъ. Назначенъ былъ князь Шварценбергъ, отличавшійся храбростью и дѣятельностью, но уступавшій, по способностямъ своимъ, многимъ изъ подчиненныхъ себѣ генераловъ, не говоря уже о Наполеонѣ. Если бы въ верховномъ совѣтѣ не было разногласія, то Шварценбергъ способенъ еще былъ командовать союзною арміею, исполняя его повелѣнія, но Александръ замѣтилъ, что, при обсужденіи военныхъ дѣйствій, нѣтъ единодушія у членовъ, а потому, послѣ первой неудачи подъ Дрезденомъ, самъ занялся составленіемъ плановъ сраженій и, принялъ главное, руководство надъ Шварценбергомъ, чѣмъ далъ благопріятный оборотъ ходу компаніи.

Въ началѣ былъ принятъ планъ дѣйствій, составленный Шварценбергомъ; онъ заключался въ томъ, чтобы 488 тысячъ союзнаго войска раздѣлить на три арміи: главную, иначе Богемскую, подъ начальствомъ самаго Шварценберга для наступательныхъ дѣйствій противъ Наполеона; Силезскую подъ командой Блюхера и сѣверную, предводимую Бернадотомъ, которыя должны были защищать Силезію, Пруссію и Польшу, а русская армія была раздѣлена между тремя союзными, и, слѣдовательно, не имѣла своего собственнаго главнокомандующаго, что не помѣшало русскимъ совершить геройскія дѣла и въ Германіи.

Наполеонъ, имѣя ключемъ своимъ Дрезденъ, первый началъ наступленіе по направленію къ Силезской арміи. Двухсотъ-тысячная Богемская армія тотчасъ же спустилась съ Богемскихъ горъ и пошла заградить дорогу французамъ, для чего надо было взять Дрезденъ. По неосмотрительности своей, французы оставили въ немъ незначительный корпусъ Сенъ-Сира. Александръ требовалъ, чтобы той же минутой былъ начатъ штурмъ, и, въ такомъ случаѣ, Сенъ-Сиръ долженъ бы сдать Дрезденъ. Не оспаривая справедливое мнѣніе государя, Шварценбергъ сталъ поджидать прихода одного оставшагося корпуса австрійцевъ и потерялъ время, потому что черезъ день появилось подъ Дрезденомъ сто тысячъ французовъ съ самимъ Наполеономъ во главѣ.

Въ виду этого Александръ опять совѣтовалъ отступить на болѣе удобную позицію, чѣмъ занятая, съ чѣмъ соглашался и прусскій король; но Шварценбергъ неожиданно повелъ Богемскую армію брать Дрезденъ, раздѣливъ ее на пять колонъ, которыя были сомкнуты въ громадное и густое каре, что давало

непріятелю удобства бить русскихъ во множествѣ артиллерійскимъ огнемъ. Бой былъ завязанъ на 8 верстъ, шелъ цѣлый день и только ночь прекратила всѣ ужасы битвы, а утромъ она повторилась и достигла поражающихъ размѣровъ: полки бросались на полки, исчезали въ пороховомъ дыму, который покрывалъ поле битвы, и истребляли одинъ другаго. Ядра и картечь скакали по всему полю, попадая въ сомкнутыя колоны живыхъ и въ груды мертвыхъ. Кругомъ лилась кровь, сыпался градъ ядеръ и пуль, а Александръ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ стоялъ подъ этимъ страшнымъ дождемъ, въ двухъ шагахъ отъ него оторвало ядромъ ногу генералу Моро, бывшему сопернику Наполеона по службѣ французской республикѣ, а теперь только что пріѣхавшему изъ Америки служить Александру и видѣть гибель врага.

Русскіе, пруссаки и австрійцы храбро кидались впередъ и мужественно умерили въ кровавомъ бою, видя, что драгоцѣнная жизнь обоихъ монарховъ и та въ опасности. Все это мужество союзныхъ войскъ не помогло противъ искусства Наполеона; онъ, пользуясь нѣсколькими промахами Шварценберга, ловкимъ движеніемъ смялъ лѣвое крыло его арміи и отдѣлилъ отъ него австрійскую дивизію такъ, что поставилъ ее подъ перекрестный огонь; дивизія бросила ружья и сдалась въ плѣнъ. Такое бѣдственное положеніе лѣваго крыла заставило и остальную армію оставить поле сраженія и отступать назадъ въ Богемію.

Упавшее духомъ войско медленно тянулось по горнымъ дорогамъ, размытымъ дождями, едва двигаясь и скользя по крутизнамъ Рудныхъ горъ. Артиллерія и обозъ непремѣнно должны бы остаться въ рукахъ непріятеля, если бы онъ погнался за союзниками, потому что пушки и фуры поминутно вязли въ грязи и ихъ вытаскивали людьми.

Въ такомъ ужасномъ положеніи вдругъ узнала Богемская ярмія, что французы уже въ Богеміи и путь отступленія союзникамъ будто бы занятъ корпусомъ французовъ. Дѣйствительно, Наполеонъ послалъ изъ Дрездена черезъ Рудные горы генерала Вандама съ 35,000 французовъ занять Теплицъ, одинъ изъ городовъ Богеміи, чѣмъ заслонить обратный путь союзникамъ и тѣмъ поставить ихъ на край гибели. Несомнѣнно, что удайся это движеніе Вандаму, армія союзниковъ, завязшая въ грязи Рудныхъ горъ, должна бы или сдаться или умерать, и обѣщанный Наполеономъ Вандаму маршальскій жезлъ былъ бы въ рукахъ этого генерала; но графъ Остерманъ спасъ союзниковъ и вмѣсто жезла, и славы приготовилъ Вандаму и его корпусу позорный плѣнъ.

Дивизія русской гвардіи и нѣсколько армейскихъ полковъ, численностью до 18,000 человѣкъ, проходили по Руднымъ горамъ, послѣ дрезденской битвы, и неожиданно узнали, что не далеко отъ нихъ, въ дефилеяхъ горъ, стоитъ Вандамъ. Графъ Остерманъ, командиръ этой дивизіи, рѣшился напасть на Вандама. Французы,

не ожидавшіе ни откуда враговъ, изумились появленіемъ русской гвардіи и нѣсколько смѣшались, предполагая, что слѣдомъ за ней идетъ и вся армія союзниковъ. Пользуясь этимъ, графъ Остерманъ ударилъ въ штыки и проложилъ себѣ дорогу въ Богемію. Выйдя изъ Рудныхъ горъ, Остерманъ нашелъ удобную позицію у Кульма, въ 3-хъ миляхъ отъ Теплица, и укрѣпился тамъ. Вандамъ, опомнившись отъ славнаго удара Остермана, пошелъ въ слѣдъ занимъ, чтобы выбить его изъ Богеміи или, если можно, вполнѣ истребить. Подъ Кульмомъ произошла битва; но Остерманъ, имѣя войска на половину мѣньше, чѣмъ у французовъ, отражалъ ихъ до той поры, пока ядро не оторвало ему руку; Ермоловъ замѣнилъ его и продолжалъ храбро отбивать аттаки Вандама. Лишь только Александръ узналъ о Кульмскомъ боѣ, то тотчасъ-же послалъ на помощь Ермолову корпуса Барклая де-Толли и Клейста, которые съ разныхъ сторонъ зашли къ сражавшемуся съ Ермоловымъ Вандаму, окружили его и заставили со всѣмъ корпусомъ сдаться въ плѣнъ.

Погибиль корпуса Вандама разрушила блестящій замыселъ Наполеона захватить всю союзную армію и онъ остался въ Дрезденѣ, а союзная армія забыла свою дрезденскую неудачу и, обрадованная Кульмской побѣдой, бодро вступила въ Теплицъ.

Силезская и сѣверная армія этимъ временемъ одержали нѣсколько побѣдъ надъ корпусами французовъ. Блюхеръ сразился съ Макдональдомъ у Каубаха и разбилъ его, а шведскій наслѣдный принцъ напалъ на Удино при Гроссъ-Беренѣ, близъ Берлина, и заставилъ его потерпѣть участь Макдональда, и корпусъ Удино бѣжалъ въ безпорядкѣ; вскорѣ послѣ этого Ней съ своимъ корпусомъ потерпѣлъ пораженіе отъ сѣверной арміи при Денневицѣ.

Успѣхи союзниковъ произвели въ Наполеонѣ опасеніе, что скоро они обрушаться всѣми своими страшными силами на него, и потому приказалъ всѣмъ частямъ своей арміи собраться къ Лейпцигу.

Когда союзники узнали о главномъ скопленіи Наполеоновскихъ войскъ подъ Лейпцигомъ, то у нихъ явилась мысль здѣсь же поразить его. Планъ дѣйствій союзныхъ армій былъ составленъ самимъ Александромъ, который не довѣрилъ уже столь важнаго дѣла, какъ истребленіе Наполеоновской арміи Шварценбергу, а руководство военными дѣйствіями на этотъ разъ взялъ въ свои руки.

Александръ, составляя планъ битвы подъ Лейпцигомъ, измѣнилъ кореннымъ образомъ способъ веденія войны съ Наполеономъ. По прежнему плану арміи дѣйствовали отдѣльно: одна наступала на врага, а двѣ отвлекали вниманіе его и силы, занимая въ то-же время оборонительное положеніе, а по геніальной мысли Александра, уже испытанной имъ подъ Кульмомъ, планъ долженъ быть иной, а именно: арміи должны дѣлать компанію не от-

дѣльно, но поражать непріятеля вмѣстѣ, сходясь къ назначенному мѣсту со всѣхъ сторонъ.

Предерживаясь такой системы, Александръ далъ необходимое наставленіе Шварценберту, способному надѣлать промаховъ по собственному усмотрѣнію только, но вѣрному и точному исполнителю велѣній свыше, разослалъ инструкціи всѣмъ корпуснымъ генераламъ, подробно изложивъ въ нихъ, какъ и что дѣлать, и затѣмъ назначилъ собраться къ Лейпцигу на берега Эльстера всей союзной арміи такъ: Шварценбергъ долженъ идти съ юга изъ Теплица, шведскій наслѣдный принцъ и Блюхеръ съ сѣвера со стороны Виттенберга, а Беннигсенъ съ резервами съ запада изъ Польши, минуя Дрезденъ.

Полмилліона союзныхъ войскъ шло съ трехъ сторонъ на Наполеона, и онъ, узнавъ объ этомъ въ послѣднихъ числахъ сентября, рѣшилъ употребить все свое искусство и опытность, что бы разбить союзниковъ по частямъ, встрѣчая то одного, то другого на дорогѣ подъ Лейпцигомъ.

Согласно этому плану, Наполеонъ двинулся противъ Блюхера, наступавшаго съ сѣвера, но тотъ искусстно избѣжалъ боя и отошелъ въ сторону, какъ отъ Александра приказано было ему сдѣлать. Узнавши о движеніи непріятеля на армію Блюхера, Александръ поспѣшилъ къ Лейпцигу, заставилъ Наполеона оставить въ покоѣ Блюхера и завязалъ съ нимъ бой 4 октября. Въ то время, когда сраженіе шло по всей линіи и всѣ части обоихъ армій были введены въ дѣйствіе, вся конница и страшная масса пѣхоты Наполеона ринулись на центръ арміи союзниковъ, разорвала его и готова была, по своему обыкновенію, бить разъединенные фланги; но надобно было смять еще корпусъ Раевскаго, который стоялъ сомкнутый въ каре и окруженный отвсюду наскакивавшей на него кавалеріей. Пока Раевскій сдерживалъ врага, Александръ, не обращавшій никакого вниманія на летавшія вогругъ него ядра и картечь, громко и ясно давалъ приказанія сдвигать резервы на помощь этому храброму генералу, чтобы задержать наполеоновскую атаку па него. Согласно волѣ государя графъ Орловъ-Денисовъ бросился съ казаками и удержалъ напоръ враговъ до той поры, когда Барклай де-Толли обрушилъ на нихъ тяжелую конницу, а Сухозанетъ приблизился къ мѣсту сраженія и искуссно направилъ на непріятеля 112 орудій, которые заставили его дрогнуть и отступить. Благодаря оплошности Шварценберга лѣвое крыло было сильно разстроено Наполеономъ, и даже генералъ Мерфельдъ долженъ былъ съ нѣсколькими баталіонами сдаться въ плѣнъ; но этотъ успѣхъ былъ не важенъ, и Наполеонъ, сильно пострадавшій предъ центромъ союзниковъ, оставилъ за ними поле сраженія, при чемъ прислалъ къ Александру плѣннаго генерала Мерфельда съ просьбой о перемиріи

и съ обѣщаніемъ, что французская армія будетъ, тотчасъ-же по заключеніи перемирія, уведена обратно за Рейнъ.

Мирныя предложенія Наполеона оказались излишни и посольство Мерфельда не удалось; отвѣта Наполеону не было. Александръ ждалъ союзниковъ и скоро они прибыли: съ сѣвера Бернадотъ и Блюхеръ заняли правый флангъ; въ центрѣ остановился Беннигсенъ съ приведенными имъ изъ Россіи свѣжими войсками и съ Пруссаками, присоединившимися на дорогѣ; слѣва стояла главная армія Шварценберга; всѣ же союзныя войска составляли полукругъ, облегавшій Лейпцигъ, и имѣли въ строю 318,000 челов., между тѣмъ какъ у Наполеона было только 170,000.

На второй день Лейпцигской битвы Наполеонъ крѣпко держался на занятыхъ имъ позиціяхъ. Въ центрѣ союзниковъ кипѣлъ горячій бой. До полмилліона войска билось на разстояніи 7-ми верстъ и было покрыто тучами пороховаго дыма отъ ружейной стрѣльбы и неумолкаемаго рева 2000 пушекъ. Сколько не было употреблено Наполеономъ искусства, а его войсками мужества и отваги, но все оказалось безуспѣшнымъ передъ постояннымъ напоромъ союзническихъ войскъ, ломившихъ на французовъ со всѣхъ сторонъ, и Наполеонъ рѣшился затвориться въ Лейпцигѣ, откуда хотѣлъ уйдти черезъ Эрфуртъ за Рейнъ.

Желаніе разстроенныхъ и разбитыхъ въ жестокой битвѣ французовъ скорѣе отступить въ отечество было угадано Александромъ и на третій день, рано утромъ, онъ повелъ войска союзниковъ на штурмъ Лейпцига, и какъ жестоко не отбивались французы, но городъ былъ взятъ.

Французская армія бросилась въ безпорядкѣ къ Рейну и ужасъ, распространившійся въ рядахъ ея, былъ такъ великъ, что они бросили весь обозъ, пушки и на бѣгу бросали оружье, лишь бы скорѣй уйдти отъ преслѣдованія казаковъ. Эти сыны Дона и легкая кавалерія, раздѣлившись на отряды, гнались за бѣжавшими, нападая съ тыла и съ обоихъ фланговъ, а на Майнѣ наполеоновское войско едва не было уничтожено баварцами, которыхъ король только что отложился отъ Наполеона, и соединившимися съ ними австрійцами, но Наполеонъ опрокинулъ майнскую армію при Ганау и ушелъ за Рейнъ.

Освобожденная Германія торжествовала также изгнаніе французовъ изъ предѣловъ ея, какъ за годъ Россія-избавленіе отъ нашествія двадцати народовъ: все веселилось и ликовало. Гдѣ только развѣвалось французское знамя,—оно было подрублено, а французскіе гарнизоны, раскиданные по Германіи, объявлены военно-плѣнными.

Александръ спасъ Россію и черезъ годъ Германію, доставивъ ей свободу, а государямъ ея независимость; но этого было недостаточно для великодушнаго государя: онъ хотѣлъ обезпечить свободу народовъ и миръ Европы въ будущемъ низложе-

ніемъ Наполеона съ трона Франціи, чтобы отнять у него всякую возможность еще разъ проявить въ Европѣ свое самовластіе и властолюбіе.

Австріи и Пруссіи казалось, что бѣгство Французовъ за Рейнъ и освобожденіе нѣмецкихъ земель отъ занятія ихъ корпусами Наполеона обезпечило вполнѣ свободу нѣмецкаго народа и независимость государей Германіи; а потому рѣшились предложить французскому правительству основанія, на которыхъ можетъ быть утвержденъ европейскій миръ. Князь Меттернихъ во Франкфуртѣ на Майнѣ составилъ условія будущаго мирнаго договора, заключающіяся въ томъ, что Франція должна войдти въ свои прежнія границы и освободить Испанію, Голландію, Италію и Швейцарію отъ всякой зависимости, не говоря уже объ освободившейся при помощи Александра Германіи,—и передалъ все это Наполеону.

Коварный императоръ французовъ заявилъ Меттерниху, что онъ нуждается въ разъясненіи нѣкоторыхъ статей будущаго трактата, хотя и вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ союзниковъ въ главномъ, потому-то, добавлялъ Наполеонъ, ему желательно завести переговоры въ Мангеймѣ; но, между прочимъ, вооружалъ Францію поголовно, призывая къ оружію всѣхъ способныхъ носить его.

Александръ объявилъ союзникамъ, что онъ, какъ и ранѣе сказалъ, не заключитъ мира съ Наполеономъ, котораго властолюбіе и самовластіе онъ давно извѣдалъ и, сверхъ того, твердо убѣжденъ, что только одно низложеніе его можетъ быть ручательствомъ спокойствія и мира Европы. Справедливыя слова Александра подѣйствовали на союзниковъ, которые сами замѣтили лихорадочную дѣятельность Наполеона по вооруженію арміи и призыву ополченія для укомплектованія ея, что не совмѣстимо было съ его мирными намѣреніями, изложенными въ отвѣтѣ Меттерниху, и рѣшили ввести войска во Францію.

Александръ съ своею гвардіею перешелъ Рейнъ у Базеля въ годовщину перехода Нѣмана, то-есть 11-го-же января 1814 года, и назначилъ 400,000 войска союзниковъ дорогу, по которой они должны были вступить во Францію. Повинуясь его волѣ, Шварценбергъ перешелъ Рейнъ около границъ Швейцаріи и миновалъ счастливо Вогезы и Юру, направляясь къ верховьямъ Сены. Армія Шварценберга шла медленно, поджидая, когда Блюхеръ, командовавшій Силезскою арміею и почти одновременно съ Шварценбергомъ перешедшій Рейнъ у Маинца, подойдетъ къ верховьямъ Марны.

Наполеонъ былъ пораженъ смѣлымъ вступленіемъ союзныхъ войскъ шести державъ: Россіи, Австріи, Пруссіи, Баваріи, Виртенберга и Бадена, и прибѣгнулъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы вооружить Францію; но она плохо стала вѣрить своему кумиру, начала роптать противъ его постоянныхъ войнъ, изнурившихъ

страну, и мало давала ему солдатъ: только сто тысячъ далъ Наполеону призывъ къ поголовному ополченію французовъ.

Наполеонъ зналъ неудовольствіе законодательнаго собранія на его образъ дѣйствій и слышалъ ропотъ народа; но не падалъ духомъ, вѣрилъ въ себя, въ свой геній и свое счастіе, а потому только и желалъ выиграть время для обученія новобранцевъ и составленія плановъ будущихъ битвъ; ему для этого достаточно было нѣсколькихъ недѣль и онъ рѣшился завести съ союзниками переговоры о мирѣ, чтобы тѣмъ временемъ воодушевить свой народъ, пробудить въ немъ всегда ему свойственный воинственный жаръ и, пользуясь этимъ, собрать еще войско, обучить его и вывести противъ союзныхъ государей это молодое войско, съ которымъ, казалось Наполеону, онъ съ помощью своего генія опять съумѣетъ пройдти изъ конца въ конецъ всю Европу.

Пока Наполеонъ мечталъ о будущемъ походѣ и объ отмщеніи европейскимъ державамъ за переходъ границъ Франціи, французскій посланикъ Коленкуръ склонялъ союзниковъ къ перемирію, убѣждая ихъ, что Наполеонъ согласенъ принять всѣ условія отъ него требуемыя франкфуртскими статьями Меттерниха; но что необходимо обсудить на конгрессѣ нѣкоторыя подробности предложенныхъ условій. Ковъ Наполеона задержать военныя дѣйствія союзниковъ, чтобъ дать Франціи возможность собраться съ силами для отпора врагамъ, былъ веденъ хитро Коленкуромъ, и союзники изъявили согласіе дать перемиріе; но Александръ опять возсталъ противъ этого, объявивъ на отрѣзъ, что принимаемыя Наполеономъ условія не могутъ удовлетворить теперь Европу, когда побѣды ея оружья представляютъ союзникамъ право требовать большаго.

Союзные монархи согласились съ мнѣніемъ русскаго государя и отказали Коленкуру въ перемиріи, учредивъ только конгрессъ въ Шатильонѣ для обсужденія новыхъ условій, на которыхъ можетъ быть заключенъ миръ съ Наполнономъ. Уполномоченные Россіи, Австріи, Пруссіи, Англіи и Франціи открыли засѣданія конгресса и повели между собой мирные переговоры, а между тѣмъ война закипѣла на этотъ разъ на поляхъ самой Франціи.

Наполеонъ въ свою очередь объявилъ, что на унизительныя условія мира онъ никогда не согласится и съ 70.000 войсками пошелъ на Марну, что бы разбить сначала Силезскую армію, а потомъ покончить и съ главной.

Въ то время Блюхеръ со 130,000 чел. шелъ по верховьямъ Марны, раздѣливъ свое войско на нѣсколько отрядовъ; цѣлью движенія Блюхера было соединеніе его войскъ съ Шварценбергомъ, имѣвшимъ въ строю своей главной арміи 230,000 чел., который тоже медленно и разрозненно двигался къ Сенѣ. Наполеонъ прекрасно понималъ всю пользу для него раздѣленія силъ обѣихъ армій и рѣшился воспользоваться этимъ, чтобъ разбить

союзниковъ по частямъ. Занявъ позицію, между Шварценбергомъ и Блюхеромъ, Наполеонъ всѣми своими силами напалъ на армію Блюхера. Нападеніе было такъ быстро, такъ стремительно, что неожидавшій его Блюхеръ сдѣлалъ второпяхъ важную ошибку: онъ началъ отступать, не стянувъ отдѣльныхъ колонъ своей арміи. Французы уничтожили бы неминуемо разстроенныя и разрозненныя войска Блюхера, если бы русскій корпусъ Сакена незадержалъ врага своимъ отпоромъ атаками его и стойкостью до той поры, когда Александръ успѣлъ соединить разбросанные отряды главной арміи и придвинуть ее на помощь Блюхеру. Наполеонъ при Бріеннѣ напалъ первый на главную армію, но подавленный превосходствомъ силъ союзниковъ принужденъ былъ отступить къ Труа; при чемъ оставилъ въ рукахъ непріятеля 73 пушки и множество плѣнныхъ.

Этотъ успѣхъ союзниковъ подъ Бріенномъ былъ плодъ распорядительности Александра и его военнаго искусства, который послѣ этой битвы рѣшилъ идти на Парижъ и приказалъ Блюхеру, отдѣлившись отъ главныхъ силъ, наступать по теченію Марны на столицу Франціи; самъ же съ Шварценбергомъ, сплотивъ всѣ корпуса его арміи, пошелъ туда-же по берегу Сены. Такое движеніе обѣихъ армій непремѣнно должно было привести къ паденію Парижа, такъ какъ слабыя силы Наполеона, сосредоточенныя у Труа, были отведены имъ еще дальше на югъ и слѣдовательно Парижъ оставался безъ арміи.

Прозорливый Наполеонъ видѣлъ самъ, что его столица должна пасть, а съ нею, конечно, и тронъ его, который еще недавно онъ мечталъ сдѣлать судебнымъ сѣдалищемъ для вселенной, и потому чрезвычайно искуссно прибѣгнулъ къ послѣднему средству, которое онъ, слабый къ вооруженному сопротивленію, могъ еще употребить благодаря своему вражденному коварству и двоедушію: онъ поселилъ несогласіе между союзниками.

Наполеонъ началъ съ того, что приказалъ своему послу Коленкуру признать всѣ требованія союзниковъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы военныя дѣйствія были остановлены. Австрія, Англія и Пруссія были удовлетворены этой уступчивостью Наполеона и ихъ уполномоченные: князъ Меттернихъ, лордъ Кастельре и Гарденбергъ составили проэктъ трактата и хотѣли его подписать; но графъ Разумовскій объявилъ, что ему запрещено государемъ что-либо подписывать на конгрессѣ безъ воли его, а таковой не послѣдовало. Уполномоченные обратились лично къ Александру, настаивая, чтобы онъ умиротворилъ Европу, и такъ усталую отъ постоянныхъ войнъ, изнуренную ими, однимъ словомъ приказать графу Разумовскому «подписать.» Александръ отвѣчалъ, что Наполеонъ хочетъ только имѣть время собраться съ силами и броситься опять въ битвы съ союзниками, такъ какъ онъ не признаетъ святости договоровъ, чему ранѣе уже

были неоднократные примѣры. Всѣ доводы Александра не дѣйствовали на союзныхъ министровъ, которые дѣйствительно считали миръ съ Наполеономъ лучшимъ средствомъ кончить кровопролитіе и бѣдствія въ Европѣ и убѣдили въ этомъ своихъ государей. Если слова мудраго Александра не могли разувѣрить въ добросовѣстности Наполеона, попавшихъ въ ковъ его и Коленкура союзныхъ государей и ихъ министровъ, то императоръ французовъ тогда же не выдержалъ своей роли миролюбца и разоблачилъ себя: онъ поразилъ Блюхера, пользуясь недѣлей переговоровъ.

Князь Шварценбергъ, узнавъ о переговорахъ и какъ оказалось потомъ, имѣя помимо рукъ Александра приказъ своего государя Франца 1-го не наступать далѣе, стоялъ у Труа; между тѣмъ, какъ Блюхеръ полагалъ, что главная армія тянеться у него съ лѣваго фланга, чѣмъ подкрѣпляеть его лѣвое крыло, а потому и ослабилъ связь между корпусами. Наполеонъ не упустилъ случая воспользоваться раздѣленіемъ на значительное пространство корпусовъ Блюхера, особенно слѣва, и ударилъ съ этого фланга на корпусъ Олсуфьева и поразилъ его, разорвавъ по поламъ союзную армію; потомъ туже участь потерпѣлъ храбрый Сакенъ, успѣвшій впрочемъ отступить съ остатками своего корпуса на правый флангъ. Наполеонъ ослабивъ этими двумя побѣдами Блюхера, разбилъ его при Вошанѣ; такъ что Силезская армія въ разсторойствѣ безпорядочно бѣжала къ сѣверу, и Блюхеръ едва ускакалъ отъ плѣна.

Вошанская побѣда пришла во время къ гибнущему и почти оставленному безъ помощи охладѣвшеею Франціей Наполеону, народъ сталъ вооружаться, армія воодушевилась и Коленкуръ сдѣлался на конгрессѣ высокомѣренъ и неуступчивъ.

Битва при Вошанѣ открыла глаза союзникамъ и убѣдила всѣхъ въ справедливости мнѣнія о двуличности и непримиримой ненависти Наполеона къ Европѣ; а потому было рѣшено союзниками вести войну противъ него до окончательнаго погрома Франціи и его низложенія съ трона ея. Согласившись разгромить Франціею, союзники опять не могли придти къ единодушному рѣшенію о дальнѣйшемъ направленіи военныхъ дѣйствій ихъ армій. Александръ съ горестью видѣлъ, что жаркіе споры по военнымъ дѣламъ между союзниками только поселяютъ раздоры, но совершенно безполезны и даже вредны для военныхъ операцій; а потому рѣшилъ кончить разъ навсегда такой безпорядокъ и собралъ военный совѣтъ союзниковъ своихъ и ихъ генераловъ. На этомъ совѣтѣ почти всѣ присоединились къ мнѣнію Шварценберга, что надо отступить за Рейнъ, во избѣжаніе обходнаго движенія изъ южныхъ областей въ тылъ арміи, и тѣмъ пресѣченія ей средствъ сообщаться съ Германіей. Александръ объявилъ, что онъ не согласенъ съ мнѣніемъ Шварценберга и

желаетъ отдѣлиться отъ союза, а пойдетъ съ своимъ войскомъ одинъ на Парижъ. Угроза Александра подѣйствовала и союзники постановили слѣдующее: главной арміи дозволяется отступить только вслѣдствіи появленія сильнаго непріятеля и то подкрѣпившись австрійскими резервами идти опять впередъ; арміи Блюхера усилиться тремя корпусами Воронцова, Винцегероде (оба русскіе) и Бюлова (прусскій,) и идти по направленію рѣки Марны на Парижъ; относительно же отвращенія опасности отъ Ліонской арміи, готовой обойдти союзную, составить южную армію для обезпеченія тыла союзниковъ.

Шомонскій договоръ еще болѣе опредѣлилъ и укрѣпилъ отношенія союзниковъ; по этому договору Россія, Австрія и Пруссія обязались имѣть въ дѣйствующей арміи неменѣе 150,000 человѣкъ, а Англія должна нести расходы по содержанію войскъ союзниковъ. Сила этого договора опредѣлена на 20 лѣтъ; а Коленкуру данъ 10 дневный срокъ для принятія условій мира, по которымъ Франція должна была войдти въ свои предѣлы до 1792 года, т. е. ограничиться Рейномъ, Альпами и Пиринеями, предоставя независимость и свободу всей остальной Европѣ и пр. Коленкуръ не представилъ въ срокъ отвѣта Наполеона, и война не прервалась.

Шварценбегъ сейчасъ-же воспользовался правомъ отступать и пошелъ къ Лангру, сопровождаемый корпусомъ маршала Удино; а тѣмъ временемъ Наполеонъ, успокоенный отступленіемъ главной арміи къ Лангру,—двинулся противъ Блюхера, двигавшагося по Марнѣ къ Парижу. Едва пруссаки замѣтили авангардъ Наполеона, какъ Блюхеръ передвинулся отъ Марны вправо, подкрѣпился двумя корпусами Бюлова и Винцегероде и остановился на удобной позиціи у Лаона. Раскиданность корпусовъ Блюхеровской арміи, которые не успѣли еще сплотиться въ одно цѣлое, давала опять возможность Наполеону разбить по частямъ Блюхера, у котораго было 100,000 войска.

Графъ Воронцовъ далъ возможность Блюхеру собрать и соединить свои разрозненные корпуса въ одно цѣлое близь Лаона. Коргусъ этого генерала стоялъ у Краона и подвергся первый нападенію всѣхъ силъ французовъ; но графъ Воронцовъ бился неутомимо шесть часовъ съ Наполеономъ и не далъ ему никакой возможности захватить какой нибудь трофей: пушку или знамя, а также и плѣнныхъ; въ эти то 6 часовъ Блюхеръ все привелъ въ порядокъ къ встрѣчѣ Наполеона. Дѣствительно французы напали при Лаонѣ на Блюхера, но были отбиты и отступили въ страшномъ разстройствѣ къ Суассону, оставивъ 12,000 чел. убитыхъ и раненныхъ и 6 пушекъ. Наполеонъ, потерпѣвъ самъ неудачу въ Лаонской битвѣ, узналъ, что маршалъ Удино зашелъ очень далеко за Шварценбергомъ, расчитывая на его нерѣши-

тельность и робость, но тотъ опрокинулъ его и идетъ обратно вслѣдъ за отступающими французами. Это извѣстіе заставило Наполсона идти на встрѣчу главной арміи, чтобы поддержать отступленіе своего маршала и, если можно, то нанести ударъ и Шварценбергу, когорый дѣйствительно наступалъ, а уже не оборонялся. Рѣшимость воротиться назадъ у отступающаго Шварценберга не явилась само собой, а была вызвана настоятельностью Александра, къ которой онъ вынуждалъ его выйдти изъ своего бездѣйствія и постояннаго движенія назадъ. Шварценбергъ, повинуясь внушеніямъ Александра шелъ впередъ, но пораженіе графа Сенъ-При у Реймса перевернуло все въ головѣ фельдмаршала: онъ сталъ передвигать корпуса своей арміи такъ, что разбросалъ ихъ болѣе чѣмъ на сто верстъ; будь вблизи Наполеонъ и Шварценбергъ былъ-бы разбитъ на голову.

Раскиданность корпусовъ Шварценберга не укрылась отъ Наполеона, который ускорилъ свой походъ, чтобы разбить ихъ на голову, но Александръ предусмотрѣлъ, что разъединеніе корпусовъ главной армій пагубно для нея и для дѣла союзниковъ; а потому, чтобы встрѣтить Наполеона какъ слѣдуетъ, соединено было, поличному распоряженію государя, до 90,000 союзнаго войска у Арсисъ-Сюръ-Объ, которые удержали Наполеона и вскорѣ завязали съ нимъ бой, отличавшійся стойкостью и мужествомъ обѣихъ сторонъ, которыя бились безъ перевѣса и только ночь раздѣлила воюющихъ. На утро долженъ былъ начаться новый бой; такъ какъ невыяснено было, кто останется побѣдителемъ; но Наполеонъ передъ разсвѣтомъ поднялъ свое войско и повелъ его на Марну, по дорогѣ къ Рейну.

Этотъ искусный маневръ былъ сдѣланъ Наполеономъ затѣмъ, чтобы заставить Шварценберга полагать, что французское войско идетъ ему въ тылъ и этимъ принудить главную армію сойдти съ своего пути, повернувъ на Реинъ, чѣмъ спасти Парижъ а можетъ быть и найдти удобный случай къ бою съ нею.

Хитрость Наполеона едва не удалась, потому что Шварценбергъ дѣйствительно подумалъ, что Наполеонъ хочетъ обойдти его съ тыла, а потому велѣлъ своей арміи идти за Наполеоновской арміей и пригласилъ Блюхера, стоявшаго въ бездѣйствіи на берегу Марны, присоединиться къ главной арміи для преслѣдованія Наполеона.

Александръ разорвалъ исскусно устроенную Наполеономъ сѣть для Шварценберга и вообще для отвлеченія союзныхъ войскъ отъ столицы Франціи тѣмъ, что, узнавъ изъ попавшаго въ руки русскихъ письма Наполеона къ Маріи-Луизѣ, о намѣреніи его отвлечь союзниковъ на Реинъ, убѣдилъ фельдмаршала оставить въ покоѣ уходящаго Наполеона и повернуть къ Парижу, такъ какъ онъ остался совершенно беззащитенъ и слѣдовательно его легко взять, чѣмъ скорѣе всего можно положить конецъ влады-

честву Наполеона. Чтобы французы думали, что замыселъ Наполеона удался и за нимъ идетъ вся союзная армія,—приказано было Винцегероде съ его корпусомъ слѣдовать за арміей Наполеона, стараясь перехватывать его переписку. Обѣ арміи союзниковъ съ мужествомъ и восторгомъ быстро подвигались къ Парижу, какъ вдругъ встрѣтили многочисленные корпуса маршаловъ Мартье и Мармона, которые двигались также между Марною и Сеною на помощь своей арміи. При Феръ-Шампенуазѣ передовой корпусъ русскихъ завязалъ жаркое дѣло съ французами. Маршалы бросились въ бѣгство отъ дружняго удара русскихъ полковъ и графъ Паленъ началъ погоню за разбитымъ непріятелемъ. Александръ, узнавъ только о битвѣ въ авангардѣ, поспѣшилъ туда съ частью войскъ и принялъ участіе въ преслѣдованіи Мортье и Мармона; но неожидано столкнулся съ двумя французскими корпусами, отступавшими отъ Блюхера: государь ихъ разбилъ и заставилъ ихъ сдаться въ плѣнъ, хотя не имѣлъ пѣхоты и почти артиллеріи. Бой при Феръ-Шампенуазѣ еще болѣе обрадовалъ и воодушевилъ русскихъ, потому что болѣе десяти тысячъ сдалось въ плѣнъ, въ томъ числѣ нѣсколько генераловъ, и вся артиллерія изъ 80 пушекъ. Эта хотя неважная побѣда русскихъ имѣла значеніе для союзниковъ тѣмъ, что Парижъ былъ открытъ для союзниковъ и надорогѣ къ нему не было болѣе никакихъ войскъ, кромѣ преслѣдуемыхъ русскими разстроенныхъ корпусовъ маршаловъ.

Александръ во время дальнѣйшаго движенія къ Парижу обрадованный, что всѣ препятствія къ взятію столицы Франціи устранены и, кромѣ того, что въ битвѣ при Феръ-Шампенуазѣ ему представился случай показать личную свою храбрость, объѣзжалъ во время похода ряды арміи союзниковъ, ободрялъ и говорилъ, что конецъ трудовъ ихъ наступилъ: Парижъ близко. Особенно русскіе солдаты, видя каждый часъ передъ своимъ фронтомъ обожаемаго своего государя съ отвагой отбрасывали и били разбросанные отряды Мартье и Мормона и съ быстротой неимовѣрной подходили къ Парижу.

17 Марта союзники увидѣли славный городъ Франціи, котораго золотило вечернѣе солнце и сердца ихъ наполнились радостью, а русскіе, у которыхъ свѣжо было на памяти униженіе и разрушеніе Москвы, говорили при видѣ великолѣпной столицы Наполеона «здравствуй батюшка Парижъ! Какъ-то расплатишься ты за матушку Москву» и день расплаты дорого бы обошелся Парижу, не будь великодушенъ Александръ.

Остатки корпусовъ Мартье и Мармона заняли Парижъ; ихъ подкрѣпила національная гвардія, чтобы во чтобы то ни стало отстаивать съ оружьемъ въ рукахъ столицу Франціи. Воодушевленіе Парижанъ было полное: молодые люди ученики полити-

хнической школы,—и старики—израненные воины республики,—шли подъ знамена, чтобы умереть за родной городъ.

Не любовь къ Наполеону, а чувство народной гордости заставило Парижанъ съ жадностью разбирать оружье; но кромѣ того рѣшимостью держаться до послѣдней крайности руководила боязнь, что русскіе отмстятъ Парижу за пожаръ Москвы, а другіе союзники за позоръ ихъ столицъ.

Маршалы Мартье и Мармонъ, изъ которыхъ первенствующее значеніе имѣлъ послѣдній, приступили къ оборотительнымъ мѣрамъ; для чего высоты Бельвиля и Монмарта на востокѣ и сѣверѣ Парижа были загромождены артиллеріей и заняты сильными корпусами, такъ какъ эти пункты господствовали надъ всею мѣстностью; а исключая ихъ у Парижа не было укрѣпленій.

Наполеонъ, отступавшій къ Реину и сопровождаемый корпусомъ Винцегероде, который принималъ за авангардъ главной арміи, при Сенъ-Дизье повернулся на него и разбилъ его на голову, при чемъ забралъ много плѣнныхъ и отъ нихъ то узналъ ужасную для него вѣсть, что союзныя арміи пошли къ Парижу и уже должны быть подъ стѣнами его. Наполеонъ бросился спасать Парижъ и французы не шли, а бѣжали по берегамъ Сѣны спасти свою столицу. Едва союзники подошли къ Парижу, какъ Наполеонъ былъ въ Фонтенебло, вблизи отъ Парижа, а его армія въ 50 верстахъ отъ него. Императоръ французовъ съ страшной тоской ждалъ прихода своихъ войскъ къ Парижу, чтобы нанести отчаянный ударъ въ тылъ союзнымъ войскамъ; надежда на что была дѣйствительно поддерживаема въ Парижѣ его маршалами, которые объявили осажденнымъ, что имъ должно только держаться противъ союзниковъ, а Наполеонъ съ своей арміей подойдетъ въ тылъ союзникамъ, разобьетъ ихъ и спасетъ городъ.

Дѣйствительно промедленіе со стороны союзниковъ, если бы имъ пришлось поступать по Шварценберговски, могло погубить ихъ и спасти Парижъ. Александръ прекрасно понималъ, что успѣхъ осады Парижа зависитъ отъ быстроты; а потому приказалъ въ ночь-же съ 17 на 18-е марта приготовляться къ штурму; а къ жителямъ издалъ прокламацію отъ имени Шварценберга, въ которой было сказано, что союзные государи ведутъ войну не съ Парижемъ, не съ Франціей, а съ Наполеономъ, который нарушилъ спокойствіе ихъ государствъ, и что единственное желаніе ихъ низвергнуть Наполеона, а во Франціи доставить власть такому правительству, которое умиротворило бы брань и дало благоденствіе французамъ. Прокламація эта не произвела благопріятнаго для осаждающихъ дѣйствія на умы Парижанъ, потому что маршалы увѣряли ихъ, что союзническія войска потерпѣли

предъ этимъ пораженіе отъ Наполеона и онъ загналъ ихъ не добитые корпуса къ Парижу, и самъ идетъ добивать.

Въ то время, когда Наполеоновскіе маршалы разсказывали легковѣрнымъ Парижанамъ разныя нелѣпицы о подвигахъ ихъ гибнущаго государя, Александръ приказалъ: Барклай де-Толли, предводительствуя главной арміей, овладѣть Бельвилемъ, а Блюхеру выбить штыками французовъ съ Монмарта. Равновѣсіе силъ осаждающихъ и осажденныхъ было полное, хотя союзники имѣли въ строю сто тысячъ войска, а Парижъ выставилъ только пятьдесятъ, но за то позиціи французовъ на окрестныхъ высотахъ были грозны и предстовляли важный оплодъ для обороны города.

Въ 5 часовъ утра 18 марта Барклай де-Толли двинулъ штурмовыя колоны на Бельвиль, начавъ страшную канонаду по его батареямъ. Впереди русскихъ колонъ былъ Раевскій, который подъ градомъ ядеръ и картечи повелъ свои войска по скатамъ и кручамъ. Прусскіе и Баденскіе войска бросились подкрѣпить Раевскаго, когда французы соединили противъ него массу войскъ на Бельвилѣ, пользуясь замедленіемъ Блюхера идти на Монмартъ, получившаго поздно приказъ Александра. Бельвиль былъ въ дыму и пламени, среди которыхъ по склонамъ мелкали штурмовые колоны союзниковъ. Когда пришла рѣшительная минута Милородовичъ съ своими гренадерами бросился въ штыки, выбилъ французовъ изъ всѣхъ укрѣпленій Бельвиля, захватилъ пушки и что ужаснѣе всего повернулъ ихъ на Парижъ. Парижане пришли въ ужасъ, убѣдившись что союзники на высотахъ Бельвиля и принудили маршала Мармона просить пощады несчастному городу. Самое скромное заявленіе Мармона, что онъ желаетъ сдать Парижъ на капитуляцію, было уже не умѣстно, такъ какъ Александръ требовалъ сдачи Парижа безъ всякихъ условій, просто на его великодушіе, и послалъ къ Мармону флигель-адъютанта своего Орлова объявить ему, чтобы онъ положилъ немедленно оружье для спасенія города и передать сказанныя Александромъ слова на высотахъ Бельвиля. «Волею или неволею, на штыкахъ или въ труімфѣ, на развалинахъ или въ чертогахъ, но сего же дня, произнесъ государь съ свойственнымъ ему величіемъ, Европа должна ночевать въ Парижѣ,» но все же приказалъ, послушавшись голоса своего человѣколюбія, остановить рвавшіяся на Парижъ войска, исполненныя ненависти и ярости.

Орловъ поскакалъ въ Парижъ, и Бельвиль съ своей грозною артиллеріей замолкъ, а войска Барклая де-Тоялли, разгоряченныя битвой, начали успокоиваться и формироваться въ обычныя свои колонны; но это затишье было нарушено страшной канонадой со стороны Монмарта: это Блюхеръ получилъ запоздалый приказъ Александра и спѣшилъ громить эту природную твердыню, чтобы скорѣй овладѣть столицей ненавистнаго для него Наполеона. Во взятіи Монмарта участвовали преимущественно рус-

скія войска, хотя предводимыя прусскимъ фельдмаршоломъ; генералы Ланжеронъ и Рудзевичъ съ десятью полками, въ 4 часа по полудни кинулись грудью на не приступный Монмартъ, выбили французовъ изъ обоихъ ярусовъ батарей, опоясовавшихъ эту гору, и черезъ 10 минутъ русскія знамена вѣяли на вершинѣ ея. Несомнѣнно, что честь взятія Монмарта принадлежитъ русскимъ, такъ какъ нѣмецкіе корпуса подошли въ концѣ боя, когда русскіе уже заняли Монмартъ и доказывается числовыми-данными: изъ 9000 убитыхъ только двѣ тысячи было союзниковъ, а семь тысячь легло православныхъ сыновъ Россіи, которые, положивъ жизнь свою за свободу народовъ, здѣсь, въ виду Парижа, исполнили слова Александра: «Россія, спасая себя, спасетъ независимость царей и царствъ» сокрушивъ могущество Наполеона.

Страхъ и ужасъ парижанъ былъ неописанный: они думали, что Парижу будетъ участь Москвы: пожаръ, убійства и грабежъ. Опасенія эти были не напрасны, потому что сто тысячъ союзныхъ войскъ стояло подъ Парижемъ, раздраженныхъ до ярости сопротивленіемъ Бельвиля и Монмарта, не успѣвшихъ еще обтереть кровь съ своихъ штыковъ и не успѣвшихъ общимъ желаніемъ отмстить разгромомъ Парижа кто, за Москву, кто за Берлинъ, кто за Вѣну,—и у кого было желаніе и власть сдержать эти опьяненныя кровью и исполненныя ненависти къ притѣснявшимъ ихъ такъ долго французамъ войска? Великодушный Александръ, недоступный низкому чувству мести къ падшему врагу и движимый только истиннымъ великодушіемъ и человѣколюбіемъ, объявилъ депутатамъ Парижа, представившимъ ему капитуляцію о безусловной сдачѣ Мармономъ города и умолявшимъ о пощадѣ, что война кончена, а потому городъ Парижъ будетъ пощаженъ, и ему и всей Франціи даруется миръ и благоденствіе. Выслушавъ съ благоговѣніемъ великодушныя слова государя, который однимъ словомъ своимъ могъ бы обратить въ прахъ великолѣпную столицу Франціи,—депутаты съ восторгомъ объявили парижанамъ, что Парижъ будетъ не тронутъ и Александръ съ союзными войсками мирно вступитъ въ него. Радость и восторгъ парижанъ былъ безграниченъ, и они постановили на слѣдующее утро съ тріумфомъ встрѣтить Александра впереди союзныхъ войскъ.

19-го Марта 1814 года совершился торжественный въѣздъ императора Александра вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ союзникомъ, королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, въ Парижъ. Восторгъ и громкіе крики парижанъ: «да здравствуетъ Александръ! Были привѣтомъ великодушному государю отъ пощаженной столицы.»

Александръ объявилъ прокламацію, что онъ и союзники его не желаютъ вступать ни въ какія сношенія съ Наполеономъ Бонопартомъ и членами его семейства, а предоставляютъ самимъ французамъ озаботиться установить у себя такое правительство,

какое имъ необходимо. Этимъ Александръ вполнѣ привлекъ къ себѣ любовь и почтеніе французскаго народа, который всегда чуткій ко всему великому и прекрасному, по справедливости призналъ въ Александрѣ идеалъ истиннаго царя и благодѣтеля не только своего народа, но и всего человѣчества. Движимые такими чувствами къ Александру французы желали угодить ему всѣми средствами: сенатъ французскій объявилъ Наполеона низверженнымъ съ престола Франціи, а приверженцы разныхъ партій не отступно просили Александра дать имъ правленіе по его усмотрѣнію, только ходатайствуя предъ нимъ: приверженцы монархіи за возстановленіе на тронѣ Франціи королевскаго дома Бурбоновъ; республиканцы—о введеніи народнаго правленія, а Бонапартисты за оставленіе короны на головѣ ребенка—сына Наполеона и Маріи Луизы Австрійской. Александръ, обсудивъ всѣ эти желанія французовъ, объявилъ, что ему пріятно было-бы видѣть на французскомъ престолѣ возстановленнымъ прежде царствовавшій домъ Бурбоновъ, и французы тотчасъ-же провозгласили королемъ своимъ главу этого дома подъ именемъ Людовика XVIII, а Францію—королевствомъ. Наполеонъ подписалъ свое отреченіе отъ престола въ Фонтенебло, предоставивъ карону своему сыну, Наполеону же, извѣстному потомъ подъ именемъ герцога Рейхсштадтскаго; послѣ этого онъ уѣхалъ на островъ Эльбу, который союзники продоставили въ его владѣніе; но замѣчательно, что переѣздъ его туда по Франціи совершился подъ охраной сильнаго конвоя, даннаго ему союзниками, отъ ненависти французскаго народа, который готовъ былъ разорвать своего нѣкогда обожаемаго государя.

Наполеонъ былъ свергнутъ съ высоты могущества и славы, до которой не достигалъ ранѣе ни одинъ государь въ мірѣ, и сверженіе его было плодъ высокаго ума и твердой воли Александра, сильнаго преданностью и любовью къ нему народа русскаго.

Необходимо было дать Франціи мѣсто между европейскими державами и вообще опредѣлить ея политическое существованіе въ будущемъ. Союзники хотѣли раздѣлить ее области и уменьшить политическое значеніе французскаго королевства въ Европѣ до ничтожества. Александръ и въ этомъ отношеніи возсталъ противъ униженія и раздѣла Франціи, объявивъ, что она должна занимать всегда мѣсто между великими державами Европы и сохранить все то, чѣмъ владѣла во время королей, считавшихся при этихъ владѣніяхъ въ сонмѣ первенствующихъ монарховъ Европы. Затѣмъ Франція должна была только отказаться отъ владѣнія не законно захваченными, во время республики и Имперіи, областями сосѣднихъ державъ и не имѣть впередъ завоевательныхъ замысловъ на сосѣднія съ нею страны.

Всѣ государи признали справедливость словъ Александра и

оставили Франціи границы ея до 1792 года, принявъ ее опять въ среду великихъ державъ Европы.

Это постановленіе союзныхъ монарховъ было сообщено Людовику XVIII, и король подписалъ 18 Мая 1814 г. договоръ съ союзниками о своемъ отказѣ отъ областей, пріобрѣтенныхъ Франціею, послѣ низверженія его дома съ престола Франціи. Даже требованіе денежнаго вознагражденія, за издержки войны съ Наполеономъ, въ видѣ наложенія на французское государство контрибуціи въ пользу союзныхъ державъ, было отклонено Александромъ: онъ настоялъ, чтобы союзники прекратили всѣ свои денежныя претензіи къ Франціи, а также оставили во владѣніи ея всѣ произведенія искусства и художествъ, захваченныя Наполеономъ въ другихъ государствахъ, и пощадили монументы, сооруженные въ Парижѣ въ честь побѣдъ Наполеона при Аустерлицѣ, Іенѣ и Ваграмѣ. Заступничество Александра передъ послушной ему Европой за ненавистную всѣмъ тогда Францію доставило не только горячую къ нему преданность и любовь французскаго народа, но уваженіе, соединенное съ благоговѣніемъ къ величію души и дѣлъ его, отъ всѣхъ народовъ, въ чемъ Александръ могъ убѣдиться неудержимымъ восторгомъ англичанъ, которымъ они привѣтствовали пріѣздъ изъ Франціи въ Англію миротворца Европы и его друга короля прусскаго.

Въ то время, когда государь былъ въ Англіи, Россія узнала великую радость о всеобщемъ европейскомъ мирѣ и спокойствіи, и торжество ея было велико. Народъ русскій молился во храмахъ, возсылая благодареніе Всевышнему за дарованныя побѣды; всѣ сословія предались общей радости о низложеніи нарушителя спокойствія Россіи, который порывался поработить свободный русскій народъ и подчинить себѣ его государя. До того времени ни когда не были такой общей и великой радости въ землѣ русской. Манифестъ государя укрѣпилъ во всѣхъ убѣжденіе, что миръ утвержденъ прочно и ничто не грозитъ Россіи опасностью въ будущемъ; но только еще русской народъ ждалъ одной радости: видѣть своего царя, еще пребывавшаго въ чужихъ краяхъ, чтобы изъявить ему свою признательность за подвиги, которые онъ совершилъ для блага и счастія Россіи.

Святѣйшій синодъ, государственный совѣтъ и правительствующій сенатъ въ общемъ чрезвычайномъ собраніи постановили: 1) принести государю императору отъ лица торжествующей Россіи всеподданѣйшее поздравленіе и живѣйшую благодарность за великіе труды, подъятые имъ для славы и благоденствія державы; 2) приложить къ священному имени его титулъ Благословеннаго, тѣмъ болѣе приличный скромности и смиренію государя, что великіе подвиги его, очевидно, ознаменованы покровительствомъ Высшаго Промысла; 3) для преданія потомству славы Россіи и сердечной благодарности виновнику оной выбить медаль и воз-

двигнуть памятникъ съ надписью: Александру Благословенному, императору Всероссійскому, великодушному державъ возстановителю, отъ признательной Россіи.» Для поднесенія государю просьбы о принятіи титула и принесенія поздравленія ему съ дарованными побѣдами и заключеніемъ мира были отправлены три знатнѣйшія особы: князь Куракинъ, генералъ Тормасовъ и графъ Салтыковъ, встрѣтившіе Александра въ Баденѣ, гдѣ онъ, какъ во всѣхъ земляхъ Германіи, ѣхалъ сохраняя инкогнито, подъ именемъ генерала Романова, уклоняясь отъ шумныхъ восторговъ нѣмецкаго народа. Государь принялъ прошеніе и выслушалъ привѣтствія депутатовъ, чѣмъ былъ глубоко тронутъ; но принять титулъ и дозволить устроить памятникъ онъ не согласился, по своей скромности, сказавъ: «да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я его благословляю въ моемъ сердцѣ.»

Хотя Александъ и отказался отъ принятія титула, но и современники, и потомство не иначе называетъ его, какъ Благословеннымъ.

При подписаніи мирнаго трактата въ Парижѣ, Александръ вошелъ въ соглашеніе съ своими союзниками, чтобы обезпечить прочный миръ въ Европѣ устраненіемъ недоразумѣній и споровъ между самими союзными государями для политическаго устройства Европы, созвать конгрессъ въ Вѣнѣ. На этотъ конгрессъ собрались со всѣхъ концевъ Европы: короли, герцоги, владѣтельные князья, полномочные министры, государственные люди, великіе полководцы и вообще тѣ, кому въ удѣлъ данъ былъ; или высокое происхожденіе, или высокій санъ, или дарованія и личныя заслуги. Однимъ словомъ, въ Сентябрѣ 1814 года въ Вѣнѣ можно было встрѣтить всѣхъ, кто славенъ и знаменитъ въ Европѣ. Никогда до этой поры столица Габсбурговъ не была такъ блестяща и великолѣпна, какъ во время этого съѣзда государей, когда на нее обращены были взоры не только всей Европы, но и всего мира.

Прибытіе въ Сентябрѣ Александра на Вѣнскій конгрессъ положило начало его занятіямъ, а собранію монарховъ дало новый блескъ и торжественность.

Предметы обсужденій конгресса были многочисленны и сложны, потому что Бонапартъ, нарушивъ равновѣсіе Европы, измѣнилъ все политическое устройство ея, нарушилъ многія исконныя права государей и народовъ, создалъ новыя государства, раздѣлилъ прежнія и вообще породилъ столько притязаній и споровъ, что чрезвычайно было трудно разрѣшить ихъ по справедливости, чѣмъ утвердить спокойствіе запада.

Конгрессъ открылся подъ предсѣдательствомъ Александра, который дѣйствительно руководилъ всѣми преніями, разрѣшалъ самые затруднительные и спутанные вопросы своими ясными и справедливыми мнѣніями, даже самъ писалъ ноты и другіе ди-

пломатическія документы, въ которыхъ краснорѣчиво и убѣдительно излагалъ свои мудрыя предначертанія. Дѣятельность Александра на Вѣнскомъ конгрессѣ принесла громадную пользу въ въ частности Россіи и вообще Европѣ, а за нимъ утвердила славу мудраго политика и правдиваго рѣшителя по вопросамъ о правахъ государей и народовъ. Помощниками по занятіямъ въ конгрессѣ государя были полномочные министры: графъ Разумовскій, Штакельбергъ и Ниссельроде.

Кромѣ всѣхъ вопросовъ, касавшихся до возстановленія правъ государей и народовъ Германіи, на конгрессѣ былъ поднятъ самый важнѣйшій вопросъ о судьбѣ Польши, которой Наполеонъ много обѣщалъ, пробудилъ надежды поляковъ на несбыточную самостоятельность, которой у нихъ никогда небыло и ранѣе, потому что Польша давно была подъ вліяніемъ иностранныхъ державъ, которыя пользуясь ея волненіемъ и необузданностью, умѣли располагать польскимъ трономъ, дѣлать ее орудіемъ своихъ цѣлей и ареной для всевозможныхъ интригъ.

Въ самомъ дѣлѣ нельзя найдти въ цѣлой Европѣ такого несчастнаго и постоянно мятежнаго государства, какъ Польша. Ея неустройства, волненія на сеймѣ, буйства конфедератовъ, не разъ поднимавшихъ знамя бунта противъ короля, своеволье магнатовъ, отъ котораго страдалъ простой народъ,—все это было безпримѣрно въ исторіи. Даже внѣшнее политическое положеніе, форма ея бытія въ семьѣ державъ Европы вызываетъ изумленіе, такъ какъ польское государство именовало себя республикой, имѣло выборное собраніе—сеймъ, а во главѣ управленія стоялъ, хотя и избираемый, все же монархъ—король. Не устройства въ польскомъ государствѣ еще до Петра I росли и росли, такъ что союзныя державы, видя, что Польша не только сама страдаетъ отъ безпорядковъ и междоусобій, но и заставляетъ сосѣднія государства вступаться по необходимости въ ея дѣла, ссориться между собой, воевать и тѣмъ терять свое спокойствіе и нарушать европейскій миръ.

Нельзя перечесть сколько войнъ огородили волненія Польши и сколько разъ Европа составляла вооруженыя коалиціи, чтобы рѣшить между собой кому сидѣть на тронѣ Польши, кому и въ какой степени имѣть вліяніе на это гибнущее отъ смутъ государство и т. д. Вообще должно сказать, что Польша если не всегда, то часто, и если не по ея винѣ, непрямо, то косвенно была причиной нарушенія мира Европы. Такая роль Польскаго государства была подмѣчена королемъ Прусскимъ Фридрихомъ II Великимъ и онъ составилъ благоразумный и справедливый проэктъ ея же раздѣломъ вознаградить три сосѣднія державы: Россію, Австрію и Пруссію за всѣ безпокойства, смуты и войны, которыя принесла имъ республика Польская.

Третій раздѣлъ Польши положилъ конецъ ея самостоятель-

ности или вѣрнѣе ея бѣдственному существованію, и она вошла въ составъ трехъ сосѣднихъ державъ.

По присоединеніи областей польскихъ къ Россіи, Австріи и Пруссіи, поляки начали пользоваться всѣми благадѣніями тишины и спокойствія подъ защитой законовъ, охранявшихъ неприкосновенность правъ личныхъ и имущественныхъ. Поляки, избавившись отъ смутъ и волненій, стали забывать временна рѣчи посполитой и вообще ихъ мнимой самостоятельности и, какъ они выражались, златой вольности, но появленіе Наполеона породило опять въ умѣ поляковъ не сбыточныя мечты о возвращеніи независимости имъ и возстановленіи Польши.

Наполеонъ видѣлъ въ полякахъ орудіе своимъ завоевательнымъ планамъ противъ Пруссіи, Австріи и наконецъ Россіи, возбуждалъ ихъ къ волненіямъ и метежамъ, обольщая умы съ коварствомъ и хитростью, ему только свойственными, обѣщаніями дать полякамъ немыслимую самостоятельность и златую вольность, хотя въ властительной душѣ своей ненавидѣлъ ихъ своевольной характеръ и презиралъ ихъ прежнія учрежденія, что доказывается тѣмъ, что по образованіи имъ Варшавскаго герцогства, онъ, въ присутствіи обезумѣвшихъ отъ изумленія и униженія польскихъ сенаторовъ, продиктовалъ въ одинъ часъ одному изъ своихъ генераловъ основные законы герцогства, иначе сказать его конституцію.

Наполеонъ дѣйствительно образовалъ въ 1807 году герцогство Варшавское и отдалъ его подъ управленіе короля Саксонскаго, но для чего? чтобы обезсилить Пруссію отнятіемъ у ней областей, для образованія этого герцогства, такихъ областей, которыя захватить Наполеону въ свою пользу было неудобно, по отдаленности ихъ отъ предѣловъ его владѣніи, и не тактично, такъ какъ тогда не вполнѣ еще порабощенная Европа могла увидѣть изъ этого излишнюю притязательность Наполеона, и поберечься вѣрить его пышнымъ обѣщаніямъ свято и не нарушимо хранить въ Европѣ тотъ порядокъ, который былъ установленъ Тильзитскимъ миромъ, а особенно Александръ уклонился бы отъ дружбы съ нимъ, принесшей ему огромную пользу. Чтобы ослабить Австрію Наполеонъ далъ Варшавскому герцогству земли, отнятыя отъ нея по Вѣнскому договору.

Поляки не могли проникнуть тайныхъ помысловъ геніальнаго человѣка и принимали на вѣру всѣ его обольщенія о возрожденіи Польши, а потому почитали его своимъ спасителемъ, шли постоянно подъ его знамена и умоляли только объ одномъ: присоединить къ Варшавскому герцогству и Литву.

Походъ Наполеона на Россію возбудилъ восторгъ въ полякахъ, которые предполагали, что французы уничтожатъ могущество ненавистной имъ «Московіи» и разрушатъ ея вѣковыя учрежденія, а для поляковъ соберутъ обломки ихъ развалившагося

государства, и возстановятъ польскую республику соединенную попрежнему съ Литовскимъ княжествомъ и избавленную отъ могущественнаго сосѣда.

Если бы поляки знали, что ихъ спаситель Наполеонъ писалъ Александру о готовности своей вычеркнуть изъ всѣхъ актовъ и даже изъ исторіи имя Польши, то едвали бы они выставили въ его распоряженіе 80,000, подъ начальствомъ маршала Франціи князя Понятовскаго, и бились бы такъ храбро и даже отчаянно во всѣхъ сраженіяхъ французовъ подъ Москвой. Всѣ ужасы въ Москвѣ производили по взятіи ея польскія войска. которыя оскорбляли святыню православныхъ храмовъ, убивали беззащитныхъ жителей, грабили и уничтожали славныя древности русскаго народа и неистовствовали болѣе, чѣмъ сами французы, думая что послѣдній часъ Россіи пришелъ и имъ нечего бояться возмездія.

Литва была волнуема воззваніями поляковъ и даже праздновала побѣды Наполеона, какъ свои собственныя, что особенно радовало поляковъ Варшавскаго герцогства, думавшихъ о возвратѣ этой земли несуществующей Польшѣ.

Не сбыточныя мечты и неосновательныя надежды разсѣяло появленіе бѣгущихъ остатковъ великой арміи, и за ними—стройной и бодрой русской арміи съ своимъ славнымъ вождемъ, которая остановилась на Вислѣ. Когда Кутузовъ началъ занимать своими воисками польскія земли, то ужасъ поляковъ былъ безграниченъ: они ждали справедливой кары за ихъ содѣйствіе Наполеону, за ихъ нейстовства во время похода на Москву и замыслы на Литву, а эта послѣдняя еще за мятежъ противъ своего государя.

Вмѣсто рисовавшихся въ испуганномъ воображеніи поляковъ: контрибуцій, грабежей, раззореній городовъ и селъ, ссылокъ и т. п., Александръ повелѣлъ своимъ войскамъ, занимавшимъ Польшу, стоять также смирно, какъ и въ своемъ отечествѣ, и даже не смѣть заводить съ поляками ссоръ и другихъ непріятностей.

Распорядившись такъ великодушно по арміи, Александръ не тронулъ учрежденій герцогства, приказавъ только управлять имъ верховному совѣту подъ предсѣдательствомъ Ланскаго; не взялъ контрибуціи, а еще самъ посылалъ денежную помощь Вавшавскому правительству, такъ какъ денежныя средства герцогства были въ плохомъ состояніи, благодаря непосильнаго для него содержанія польскаго корпуса въ арміи Наполеона. Забывъ полякамъ ихъ вражду, Александръ простилъ и Литвѣ, области русской, ея измѣну ему и Россіи.

Такое великодушіе Александра тронуло даже и закоренѣлыхъ въ своей ненависти къ Россіи и ея царю поляковъ, и они отрезвели отъ своихъ безумныхъ мечтаній, навѣянныхъ хитрымъ Наполеономъ; оставили желать самостоятельности и искренно хотѣли присоединиться къ Россіи, чтобы подъ властію Александра

наслаждаться благами мира и счастія. Александръ, хотя занялъ своими войсками Польшу, но не присоединилъ ее къ себѣ и не коснулся даже дарованныхъ ей Наполеономъ и признанныхъ имъ по Тильзитскому договору учрежденій; а имѣлъ относительно устройства будущей судьбы поляковъ совершенно иной планъ. Онъ желалъ собрать раздѣленныя области польскія въ одно царство Польское подъ верховною властію императора Всероссійскаго съ особеннымъ управленіемъ, основаннымъ на обычаяхъ и нравахъ польской народности.

Въ Александрѣ жила мысль, что Польша, наслаждаясь всѣми благами спокойствія и свободы подъ защитой закона и своихъ собственныхъ народныхъ учрежденій, забудетъ свою вражду къ Россіи, государь которой вызвалъ польской народъ къ новой лучшей жизни и осчастливилъ его, а противъ западныхъ державъ она будетъ вѣрной защитницей интересовъ своего благодѣтеля, русскаго императора, и слѣдовательно выгодъ Россіи.

Желая дать полякамъ всѣ блага гражданственности и самобытности подъ своею державой, великодушный Александръ поддался только велѣніямъ своего сердца, исполненнаго благости и кротости, и въ этомъ только случаѣ отступилъ отъ направленія Екатерины II, своей великой бабки, которая всегда стремилась къ уничтоженію самобытности польскаго народа, и впослѣдствіи Александръ увидѣлъ, что она имѣла совершенно правильный взглядъ на польскую народность, считая ее не заслуживающей заботъ, а что самое главное неспособной къ правильной самостоятельной жизни, что неблагодарные поляки вскорѣ и доказали.

Убѣжденный въ желаніи поляковъ присоединиться къ Россіи, Александръ рѣшеніе судьбы Польши оставилъ до окончанія компаніи съ Наполеономъ, упомянувъ въ союзномъ договорѣ съ Австріей и Пруссіей, что дальнѣйшая участь Польши должна быть по умиротвореніи Европы обсуждена союзниками и рѣшена съ ихъ общаго согласія.

На дорогѣ въ Парижъ польская депутація отъ герцогства Варшавскаго представлялась Александру и заявила ему, что существуетъ слухъ о раздѣленіи польскихъ областей опять между Австріей и Пруссіей, а потому просили его о присоединеніи герцогства къ Россіи, чѣмъ избавитъ Польскую народность отъ подчиненія нѣмцамъ. Государь на это сказалъ полякамъ, что нужно имъ ждать благопріятнаго времени, и когда оно придетъ, то онъ дастъ имъ такое устройство, о какомъ они и не помышляютъ. Обрадованная обѣщаніемъ Александра устроить судьбу Польши, депутація герцогства ввзвратилась въ Варшаву, и радостная вѣсть облетѣла Польшу.

При открытіи Вѣнскаго конгресса должна была рѣшиться и судьба Польши. Александръ заявилъ, что Варшавское герцогство, занятое русскими войсками во время войны съ Наполеономъ и

помогавшее ему своими войсками и деньгами, слѣдуетъ присоединить къ Россіи, какъ должное вознагражденіе за всѣ ея громадныя издержки и жертвы въ войнѣ съ Наполеономъ, для блага и спасенія независимости европейскихъ державъ. За тѣмъ, относительно вознагражденія Пруссіи и Австріи за вошедшія отъ нихъ области въ составъ герцогства, Александръ добавилъ, что Пруссія получитъ Саксонію, король которой долженъ быть объявленъ низложеннымъ за преданность его Наполеону, а Австрія Иллирію, которой она домогается давно. Пруссія была довольна присоединеніемъ Саксоніи, которая вполнѣ удовлетворяла ее, но Австрія выразила такое мнѣніе, что присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи усилитъ ее и нарушитъ равновѣсіе Европы, о которомъ еще заботился Кауницъ а потому предложила конгрессу образовать изъ герцогства самостоятельное государство съ особенной династіей. Англія раздѣлила взглядъ Австріи, а Талейранъ, кромѣ этого, ходатайствовалъ объ оставленіи герцогства подъ властію короля Саксонскаго и, если этого нельзя, то оставить ему хотя саксонскія земли.

Александръ увидѣлъ, что державы оставляютъ Россію безъ всякаго вознагражденія и только съ одной славой ея великихъ подвиговъ для спесенія ихъ же. На предложеніе державъ образовать изъ Польши сомостоятельное государство Александръ согласиться не могъ, потому что Польша тогда бы была ареной для иностранныхъ интригъ и подпала бы непремѣнно вліянію какой-либо державы, что навѣрное было бы неудобно для Россіи и грозило бы ей вѣчными тревогами.

Видя сопротивленіе Россіи, князь Меттернихъ предложилъ свой проэктъ, по которому предлагалъ раздѣлить гарцогство на три части между Россіей, Австріей и Пруссіею, но такъ какъ часть ей выдѣляемая мала, то прибавить ей сѣверную Саксонію, а а южную—возвратить ея королю.

По разсмотрѣніи проэкта князя Меттерниха, государь изъявилъ свое неудовольствіе, и сказалъ, что герцогство министры могутъ дѣлить между собой, какъ имъ пожелается, но не слѣдуетъ забывать о занятіи его русскими войсками, которыхъ прежде всего необходимо выгнать, а потомъ уже дѣйствительно располагать участью Польши. Эти слова Александра едва не были причиной войны, такъ какъ Англія и Франція хотѣли поднять оружіе на Россію; но дружба, соединявшая трехъ монарховъ Европы: Александра, Франца и Фридриха Вильгельма спасла Европу отъ новыхъ потрясеній и содѣйствовала упроченію мира.

Бывшіе союзники противъ господства Наполеона, дѣлившіе между собой и горести, и радости, а также узнавшіе коротко другъ друга и связанные еще крѣпче славою совмѣстныхъ подвиговъ —эти три государя не могли ссориться и подѣлили Польшу между собою дружелюбно: Россія получила герцогство Варшав-

ское подъ именемъ царства польскаго, а изъ него выдѣлили Познанскую область Пруссіи, Краковскую признали республикой, а Тарнопольскую съ солеными копями Велички обратно отдѣлили Австріи, отъ которой и была оторвана эта область.

Рѣшая этотъ вопросъ, конгресъ рѣшилъ и участь Саксоніи, которой сѣверная часть была отдана Пруссіи, какъ получившей незначительную часть Варшавскаго герцогства, а южная — королю Саксонскому.

Рѣшеніе польскихъ и саксонскихъ дѣлъ было окончательное и во время, такъ какъ Англія и Франція не смѣли прекословить тремъ могущественнымъ государямъ и согласились на раздѣлъ Польши и Саксоніи, чѣмъ и достигнуто было общее согласіе на конгрессѣ.

Востановившееся согласіе было въ это время необходимѣе всего европейскимъ государствамъ, чего они и сами не подозрѣвали, потому что тотъ, который изъ властелина Европы принужденъ былъ сдѣлаться императоромъ Эльбы, маленькаго островка на Средиземномъ морѣ, воспользовался ея близостью къ Франціи и покинулъ свое крошечное владѣніе, чтобы снова огласить Европу.

Въ послѣднее время пребыванія своего на Эльбѣ Наполеонъ сталъ заботливо слѣдить за всѣмъ, что происходитъ въ Европѣ и тайно сноситься съ своими поклонниками; а потому разногласіе членовъ Вѣнскаго конгресса по польскому вопросу не укрылось отъ пустынника Эльбы, какъ въ шутку называли Наполеона враги его, и онъ возъимѣлъ напрасную надежду, что союзъ европейскихъ государей противъ него рушился. Расчитывая на это, Наполеонъ узналъ, что Людовикъ XVIII не пользовался въ Франціи сочувствіемъ къ себѣ, а еще возбудилъ неудовольствіе въ народѣ.

Эти два обстоятельства сильно подѣйствовали на Наполеона, который убѣдилъ себя, что теперь ему пришло время дѣйствовать и опять явиться во Францію, гдѣ его непремѣнно встрѣтятъ съ восторгомъ, какъ избавителя французовъ отъ владычества нелюбимаго ими короля. Наполеонъ покинулъ Эльбу и высадился на южномъ берегу Франціи, гдѣ дѣйствительно французскій народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ, города высылали къ нему депутаціи и встрѣчали съ торжествомъ, гарнизоны и всѣ вообще попадавшіееся ему на дорогѣ войска, большою частью, сражавшіеся подъ его знаменами, переходили на его сторону. Онъ безпрепятственно дошелъ до Парижа. Людовикъ XVIII выслалъ противъ него почти цѣлую армію, но солдаты, увидѣвъ своего славнаго вождя, отказались сражаться и привѣтствовали его обычными криками. Людовикъ, узнавъ объ измѣнѣ войска, убѣжалъ изъ Парижа въ Бельгію и во время бѣгства едва не попался въ

плѣнъ, а Наполеонъ тріумфально вошелъ въ Парижъ, гдѣ былъ еще разъ провозглашенъ императоромъ Франціи.

Первымъ дѣломъ Наполеона было извѣстить союзныхъ государей, что онъ вступилъ на престолъ Франціи единствено по волѣ народа и, испытанный предшествовавшими опытами, желаетъ исполнять всѣ условія Парижскаго трактата и никогда не нарушать Европейскаго спокойствія.

Конгрессъ издалъ декларацію, въ которой объявилъ Наполеона врагомъ всеобщаго спокойствія и лишеннымъ покровительства законовъ. Наполеонъ не огорчился враждебностью конгресса, а приказалъ Франціи поголовно вооружиться на случай войны съ союзниками, и началъ потомъ ссорить между собой иностранныхъ государей. Средство вооружить Александра противъ союзниковъ своихъ, Наполеонъ нашелъ въ кабинетѣ Людовика XVIII: это былъ договоръ, заключенный Англіей, Франціей и Австріей противъ Россіи, когда она домогалась на конгрессѣ присоединенія къ себѣ всего герцогства Варшавскаго.

Пораженный двуличностью Австріи и Англіи, Александръ особенно былъ удивленъ и оскорбленъ участіемъ въ составленіи этого договора Людовика, обязаннаго ему своимъ трономъ; но, сознавая всю опасность появленія Наполеона во Франціи, забылъ личную вражду и пригласилъ Европу къ новому походу противъ общаго врага и похитителя престоловъ. Вся Германія присоединилась къ Александру, а вскорѣ и Англія. Главнымъ двигателемъ и душею всѣхъ приготовленій союзниковъ къ отпору врага и вторичному его низложенію, а потомъ вождемъ союзническихъ армій въ военныхъ дѣйствіяхъ былъ Александръ.

Когда Александръ убѣдился, что Наполенъ успѣлъ твердо укрѣпиться на тронѣ и собираетъ ополченіе, то созвалъ въ Вѣнѣ военный совѣтъ изъ лучшихъ полководцевъ армій союзниковъ, для обсужденія мѣръ къ правильному и успѣшному веденію компаніи противъ Наполеона, которые, подъ личнымъ руководствомъ государя, постановили: 1) немедленно выставить противъ Франціи три арміи, чтобы дружнымъ ударомъ съ трехъ сторонъ сокрушить непріятеля; 2) Шварценбергу дѣствовать съ австрійскими, Баварскими, Виртенбергскими и Баденскими войсками отъ границъ Швейцаріи; Блюхеру съ прусскими войсками отъ низовьевъ Реина; Веллингтону съ Англійскими и Голландскими корпусами изъ Бельгіи; 3) Русской арміи изъ царства польскаго съ возможной быстротой идти къ берегамъ Рейна, для оказанія помощи союзническимъ арміямъ, подъ командой Барклая де-Толли.

Въ виду начавшейся европейской войны дѣла конгресса были поспѣшно разрушены и государь въѣхалъ въ Гейдельбергъ, чтобы принять личное начальствованіе надъ своей арміей и усилить ею корпуса пруссаковъ Блюхера, потерпѣвшаго пораженіе отъ

французовъ при дерев. Линьи. Когда же русская армія, въ числѣ 225 тысячъ чел., подошла къ Гейдельбергу, Александръ получилъ извѣстіе, что Веллингтонъ и Блюхеръ одержали побѣду надъ Наполеономъ при Ватерлоа. Нисколько не медля, Александръ двинулъ свои войска за Рейнъ и вступилъ въ Вогезскія горы, чтобы потомъ идти долиной Марны въ Парижъ; но узнавъ, что Веллингтонъ и Блюхеръ уже заняли Парижъ, англичане и пруссаки неистовствуютъ въ немъ, партіи волнуются, междоусобіе страшное, и парижане зовутъ спасти ихъ Александра, который можетъ это сдѣлать, — государь съ нѣсколькими приближенными къ нему лицами поѣхалъ въ Парижъ, оставивъ свою армію за 200 верстъ отъ него, чтобы прекратитъ безпорядки, допускаемые Веллингтономъ и Блюхеромъ въ столицѣ Франціи.

Достигнувъ Парижа, Александръ былъ встрѣченъ восторженно, какъ избавитель отъ насилій и безначалья.

Государь, въ переѣздъ свой изъ Вогезскихъ горъ къ Парижу, подвергалъ даже жизнь свою опасности, такъ какъ могъ встрѣтиться съ бродячими шайками, чтобы только спасти Парижъ отъ бѣдствія, а потому тотчасъ же, по пріѣздѣ туда, Веллингтону и Блюхеру строго было приказано прекратить грабежи и неистовства ихъ войскъ, а Людовикъ XVIII тогда же возведенъ на тронъ.

Участь Наполеона была рѣшена: онъ былъ арестованъ англичанами въ Рошфорѣ и, согласно волѣ союзниковъ, отправленъ въ изгнаніе на островъ св. Елены, гдѣ впослѣдствіи и умеръ. Оставшіеся еще по Франціи его сторонники положили оружіе и не смѣли думать дѣйствовать въ пользу изгнаннаго Бонапарта.

Франція знала, что теперь она должна жестоко поплатиться и тяжко будетъ наказана европейскими державами за вторичное провзглашеніе Наполеона императоромъ и за содѣйствіе ему собраніемъ поголовнаго ополченія. Союзники дѣйствительно возмущены были вѣроломствомъ и легкомысліемъ французскаго народа, которыя принесли Европѣ въ стодневное царствованіе Наполеона много тревогъ и безпокойства. Франція сознавала свою виновность передъ Европой, а европескіе державы желали лишить ее средствъ нарушать ихъ спокойствіе въ будущемъ и справедливо требовали вознаградить ихъ уплатой контрибуціи. Для первой цѣли державы—союзницы требовали, чтобы Франція потеряла навсегда нѣкоторыя области свои: такъ предлагали Австрія, Пруссія и отчасти Англія, отдѣлить отъ нее всѣ земельныя пріобрѣтенія при Людовикѣ XIV и ограничить Францію предѣлами тѣми, которое она имѣла до воцаренія его. Проэктъ такого отдѣленія земель въ сущности касался только присоединенныхъ отъ Германіи нѣмецкихъ областей: Альзаса, Латорингіи и Бургундіи, такъ какъ за время отъ Людовика XIV до провозглашенія французской республикой только и были сдѣланы эти присоединенія. Вѣн-

скій кабинетъ предлагалъ державамъ признать эти области нѣмецкой имперіи соединенными въ одно цѣлое, наименовать ихъ королевствомъ Бургундскимъ и вручить надъ ними власть эрцгерцогу Карлу, славному полководцу этого времени, котораго признать королемъ съ наслѣдственной династіей и вообще на правахъ всѣхъ государей нѣмецкихъ земель.

Когда вѣсть объ уступкѣ при Рейнскихъ областей разнеслась по Франціи, то французскій народъ опечалился до глубины души потерей этихъ областей, которыя составляли лучшій перлъ въ коронѣ Франціи, неговоря уже о томъ, что народное самолюбіе и гордость были оскорблены этимъ. Людовикъ XVIII былъ страшно потрясенъ предложеніемъ Вѣнскаго кабинета, которое вызвало уже сочувствіе европейскихъ дворовъ, и обратился съ ходатайствомъ къ императору Александру о сохраненіи цѣлости Франціи.

Государь былъ на столько великодушенъ, что вступился хотя за виновную, но беззащитную Францію, и, благодаря своему авторитету между союзными державами, убѣдилъ ихъ отказаться отъ отторженія отъ Франціи захваченныхъ ею нѣмецкихъ земель, ссылаясь на давность захвата ихъ французскимъ королемъ, а въ замѣнъ этихъ областей предложилъ пяти сосѣднимъ съ Франціей державамъ: Австріи, Пруссіи, Швейцаріи, Сардиніи и Голландіи пріобрѣсти отъ нея незначительныя мѣстности для исправленія своихъ границъ; чѣмъ они и воспользовались. Этимъ неограничилось вмѣшательство великодушнаго Александра для облегченія участи Франціи, и, при обсужденіи вопроса о взысканіи съ нея 800 милліоновъ франковъ контрибуціи въ пользу союзниковъ, онъ настоялъ уменьшить требуемую сумму на 100 милліоновъ франковъ; но призналъ, что всѣ долги Франціи иностраннымъ подданнымъ и разнымъ учрежденіямъ должны быть ею уплачены. Требованіе союзниковъ, оставить въ 18 крѣпостяхъ сѣверовосточныхъ провинцій французскаго королевства войска, для безопасности отъ французскихъ смутъ и волненій, срокомъ на пять лѣтъ, было хотя принято и Александромъ, но все же съ оговоркой, если Франція въ первое время докажетъ Европѣ внутреннимъ спокойствіемъ свою благонадежность, то срокъ этотъ предоставляется Александру уменьшить.

Парижскій трактатъ 18 Ноября принудилъ Францію подчиниться тягостнымъ условіямъ союзныхъ державъ; но участь ея была бы гораздо ужаснѣе, если-бы не заступничество Александра, къ которому въ то время французскій народъ былъ очень признателенъ.

Миссія Александра, не допустить Францію до окончательнаго униженія и паденія, была далеко еще не кончена, такъ какъ долговыя претензіи частныхъ лицъ были на столько велики, что, по соображенію французскаго министерства финансовъ, они равня-

лись 2 милліардамъ франковъ, что почти втрое превышало контрибуцію въ пользу державъ, и, благодаря энергическимъ настояніямъ второстепенныхъ нѣмецкихъ державъ, притязательно поддерживавшихъ требованія своихъ подданныхъ, грозило обѣднившей Франціи, во всякомъ случаѣ, новою войною съ этими державами, что еще ужаснѣе было для французовъ по случаю появленія голода во всемъ королевствѣ. Король обратился къ Александру защитить Францію отъ домогательствъ нѣмецкихъ государей, и государь настоялъ на согласіи союзниковъ послать герцога Веллингтона для разбора всѣхъ долговыхъ претензій и счетовъ по нимъ, предъявленныхъ иностранными подданными къ французскому правительству, съ тѣмъ, чтобы герцогъ рѣшилъ окончательно, какіе долги должны быть удовлетворены и какіе отвергнуты. Герцогъ Веллингтонъ, удостоившійся получить отъ государя письмо, въ которомъ было заявлено желаніе его, возможно облегчить участь страдающей отъ голода и безденежья Франціи, отвергнулъ массу долговыхъ требованій къ Франціи, признавъ ихъ, по данному ему полномочію державъ, ничтожными, и кончилъ такъ всѣ расчеты, что король выразилъ ему искреннюю свою признательность, а французы вздохнули свободно.

Военное занятіе французскихъ крѣпостей 150,000 чел. союзнаго войска, находившагося на полномъ содержаніи вполнѣ изнуренной голодомъ Франціи, заставило Александра настоять на созваніи Ахенскаго конгресса, такъ какъ Людовикъ XVIII удостовѣрялъ въ прочности спокойствія Франціи. На этомъ конгрессѣ участвовали: Россія, Англія, Австрія, Пруссія и Франція, присутствовали два императора, Александръ и Францъ, и король прусскій, которые въ два засѣданія выслушали представленныя министромъ Франціи герцогомъ Ришелье доказательства прочности порядка и спокойствія въ его отечествѣ, и, согласно мнѣнію Александра, постановили освободить Францію отъ военнаго занятія союзнымъ войскомъ, которому дать повелѣніе немедленно возвратиться въ свои земли. Постановленіе Ахенскаго конгресса, благодаря ходатайству Александра, явилось такъ скоро къ освобожденію Франціи отъ непосильныхъ тратъ на содержаніе иноземныхъ войскъ, ихъ успокоенію ея національной гордости и доставило ей опять значеніе великой державы въ семьѣ европейскихъ государствъ.

Исключая признанія Франціи опять вполнѣ самостоятельной великой державой, Ахенскій конгрессъ занялся обсужденіемъ вообще укрѣпленія дружественныхъ отношеній между государями, основанныхъ на братствѣ и христіанской любви, на уничтоженіи взаимной вражды народовъ, на ихъ взаимныхъ связяхъ, которыя должны быть основаны на уступчивости и добросовѣстности, а также объ обязанностяхъ самихъ государей править своими государствами, слѣдуя указаніямъ народнаго права, и заботясь о

просвѣщеніи и развитіи промышленности своихъ подданныхъ. Александръ еще въ 1815 году занялся мыслею прекратить губительныя войны народовъ и вражду ихъ государей, а также внутреннія неурядицы въ нѣкоторыхъ государствахъ, происходившія отъ распущенности нравовъ и забвенія правилъ религіи. Вся Европа ожидала, что Александръ, по низложеніи Наполеона, будетъ думать только о завоеваніяхъ и захватахъ земель, для увеличенія своего государства и пріобрѣтенія преобладающаго вліянія на дѣла европейскихъ державъ; но Александръ стремился не къ достиженію своего могущества на счетъ другихъ державъ, а къ утвержденію между всѣми государями и народами мира, спокойствія и братскихъ отношеній, основанныхъ на правилахъ св. вѣры и доброй нравственности. Слѣдствіемъ такихъ истинно-христіанскихъ намѣреній государя было предложеніе своимъ сподвижникамъ и вѣрнымъ друзьямъ, императору австрійскому Францу I и королю прусскому Фридриху Вельгельму, вступить въ неразрывный союзъ, основанный на чувствѣ братства и заповѣдяхъ Спасителя, возвѣстившаго міру оставить злобу и вражду, а жить въ мирѣ и христіанской любви; австрійскій и прусскій монархи согласились съ предложеніемъ Александра и подписали составленный имъ актъ священнаго союза 14 Сентября 1815 года, въ Парижѣ. Этимъ актомъ три союзныхъ монарха обязались, какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны не посредственно управлять волею царей и водительствовать ихъ дѣяніями, какъ единственное средство утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенства. Въ слѣдствіе сего положили: соединиться узами неразрывнаго братства и оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ, взаимную помощь и доброжелательство; подданныхъ же своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ-же духѣ братства, для охраненія вѣры, правды и мира.»

Въ день Рождества Христова 1815 года Россіи было объявлено содержаніе этого акта, и русскій народъ съ благоговѣніемъ слушалъ въ церквахъ чтеніе его. Всѣ христіанскіе государи Европы вошли одинъ за другимъ въ число членовъ священнаго союза, исключая англійскаго короля, который выразилъ, что святость правилъ, возвѣщенныхъ русскимъ императоромъ, имъ несомнѣнно признается, и онъ готовъ слѣдовать имъ, но конституціонная форма правленія въ Англіи не даетъ ему права торжественно обѣщать ихъ исполненіе.

Ахенской конгрессъ выяснилъ въ своей декларацiи истинную цѣль учрежденія священнаго союза христіанскихъ монарховъ, ко-

торая заключается не въ перемѣнѣ существующихъ между—народныхъ отношеній, а въ охраненіи спокойствія народовъ поддержаніемъ въ нихъ учрежденій и законовъ, относящихся къ утвержденію въ сердцахъ народовъ правилъ св. вѣры и нравственности, «коихъ благодѣтельное дѣйствіе столь видимо ослабѣло, добавлено въ дикларацiи, въ наши времена злополучныя.»

Священный союзъ монарховъ Европы, провозгласившій миръ и спокойствіе царей и народовъ, не задерживая ихъ умственнаго и промышленнаго развитія, въ тоже время сдѣлался оплотомъ противъ всѣхъ волненій и безпорядковъ, нарушавшихъ впослѣдствіи мирное умственное преуспѣяніе и промышленное развитіе народовъ запада. Первымъ поводомъ къ вмѣшательству членовъ священнаго союза во внутреннюю жизнь государствъ было существованіе въ разныхъ странахъ Европы многочисленныхъ тайныхъ обществъ, которыя составились сначала съ намѣреніемъ сбросить владычество Наполеона и освободить отъ него Европу. Когда союзные монархи свергнули иго Наполеона, то тайныя общества перемѣнили свое направленіе и начали волновать умы, соблазняя ихъ къ политическимъ переворотамъ и осуществленію несбыточныхъ надеждъ, враждебныхъ порядку и безопасности.

Въ Германіи, Италіи и Испаніи начались, благодаря вліянію тайныхъ обществъ, революціонныя волненія, пользуясь которыми нѣкоторые безсовѣстные и злонамѣренные честолюбцы старались потрясти порядокъ и спокойствіе въ Европѣ, чтобы захватить въ свои руки власть. Князь Меттернихъ, справедливо опасаясь за Германію, гдѣ уже явились признаки дурнаго направленія умовъ, предложилъ конгрессу въ Карлсбадѣ принять нѣкоторыя необходимыя и рѣшительныя мѣры противъ этого зла, что было одобрено и принято потомъ всѣми нѣмецкими государями; чѣмъ сохранено было спокойствіе Германіи.

Напротивъ въ Испаніи, гдѣ царствовалъ слабохарактерный и несправедливый король Фердинандъ VII, мятежъ начался въ средѣ войска, а къ нему, конечно, присоединился и народъ, чѣмъ король доведенъ былъ до крайности и подписалъ конституцію, лишающую его неограниченной власти и предоставляющую ее собранію депутатовъ отъ народа, названному кортесами. За этимъ, тайныя общества карбонаріевъ въ Италіи произвели мятежъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, взволновавъ войско и народъ. Фердинандъ IV, король неаполитанскій, видя вокругъ себя сильное революціонное движеніе, подписалъ конституцію, составленную по образцу испанской, и почти потерялъ всѣ свои королевскія права, которыя перешли къ палатамъ.

Австрія, опасаясь, что и въ Германію перейдетъ изъ Италіи революціонное движеніе, поставила въ южныхъ областяхъ своихъ, пограничныхъ съ этимъ государствомъ, сильное войско и обратилось за тѣмъ къ Александру обсудить, какія мѣры необходимо

принять противъ безпорядковъ внутри дружественныхъ державъ, клонящихся къ принужденію государей этихъ державъ уступать, покоряясь насилію, права свои различно-составленнымъ собраніямъ избранныхъ народомъ лицъ.

Слѣдствіемъ такого предложенія Австріи и безпорядковъ въ южной Европѣ былъ созванъ конгрессъ въ Тропау изъ полномочныхъ министровъ Россіи, Австріи, Англіи, Пруссіи и Франціи.

Конгрессъ занялся сначала обсужденіемъ вопроса: имѣютъ-ли союзныя державы право вмѣшиваться во внутреннія дѣла самостоятельной державы ихъ союза? Признано было большинствомъ голосовъ, что право это существуетъ, такъ какъ иначе-бы учрежденіе священнаго союза было безполезно и цѣль его, достигнуть въ средѣ союзныхъ государствъ мира и спокойствія, никогда не могла-бы быть достигнута. Слѣдствіемъ этого было постановленіе конгресса о движеніи союзныхъ войскъ въ неаполитанское королевство, чтобы силою заставить мятежный народъ подчиниться королевской власти и тѣмъ возстановить нарушенный порядокъ и спокойствіе; а короля Фердинанда IV неаполитанскаго призвать для личныхъ переговоровъ на конгрессъ союзныхъ монарховъ въ Лайбахъ.

Александръ, по прибытіи туда, узналъ съ негодованіемъ, что революціонное волненіе распространилось въ Піемонтѣ, въ сѣверной Италіи, подвластномъ королю Сардинскому. Чтобы потушить мятежъ, возбужденный италіянскими карбонаріями, австрійскому войску приказано вступить въ Піемонтъ. Карбонаріи разбѣжались, при первомъ появленіи австрійцевъ, что было и въ Неаполѣ, и въ Піемонтѣ, такъ какъ они дѣйствовали только для разбоевъ и грабежей. Лайбахскій конгрессъ установилъ порядокъ въ Италіи, обезпечивъ благоразумными и рѣшительными мѣрами сохрененіе его въ будущемъ, а затѣмъ постановилъ, чтобы для обсужденія испанскихъ дѣлъ созвать конгрессъ въ Веронѣ.

Собравшійся въ скоромъ времени Веронскій конгрессъ принялъ единогласно предложеніе Александра, поручить королю Людовику XVIII, двинуть свою армію въ Испанію, подвергнуть ее военному занятію, вооруженною рукою усмирить народное волненіе и возстановить во всемъ объемѣ верховную власть надъ Испаніей короля Фердинанда VII. Въ силу такого рѣшенія конгресса, герцогъ Ангулемскій перешелъ съ французской арміей Перинейскія горы, вступилъ въ Мадридъ, усмирилъ мятежъ въ народѣ и войскѣ, солдатами разогналъ кортесы и провозгласилъ Фердинанда VII полновластнымъ королемъ Испаніи.

Всѣ эти энергичныя мѣры, принятыя государями священнаго союза, подъ постояннымъ руководствомъ Александра, дѣйствительно принесли Европѣ спокойствіе, а на югѣ ея —усмиреніе разнузданныхъ народныхъ волненій и возстановленіе власти коро-

лей, прекративъ этимъ убійства и грабежи, производимые карбонаріями и другими членами злонамѣренныхъ тайныхъ обществъ.

Избавивъ Европу отъ революціонныхъ безпорядковъ, Александръ обратилъ свое вниманіе на важное событіе на востокѣ, давно уже ожидаемое имъ и другими христіанскими государями Европы, которые, какъ и Александръ, уже ранѣе замѣчали признаки его приближенія. Это событіе было возстаніе грековъ, единовѣрныхъ Россіи и преданныхъ ея государю, противъ варварскаго и жестокаго правленія своихъ завоевателей турокъ.

Турки всѣми мѣрами старались погасить въ угнѣтенныхъ ими грекахъ любовь къ свободѣ и независимости; но ни обремененіе тяжелыми налогами, ни страшныя насилія, ни варварскія казни не погасили въ грекахъ ихъ благороднаго стремленія путемъ оружья свергнуть ненавистное иго магометанъ или умереть въ бою за вѣру и униженное отечество. Мужественный духъ грековъ и ихъ воинская доблесть еще больше укрѣплялись стрададаніями отъ притѣснителей, а чувство мести заставляло ихъ, безъ всякаго разсчета на успѣхъ, поднимать едвали не каждыя десять лѣтъ оружіе противъ своихъ мучителей. Ненависть къ деспотизму султана и къ невыносимому игу магометанъ греки всасывали съ молокомъ матери и почти каждое поколѣніе, со дня взятія Константинополя турками, бралось за оружіе, чтобъ воротить свободу родинѣ и отмстить за поруганные алтари, и за все что истреблялось турками, оставляя своимъ дѣтямъ въ наслѣдство ту же непримиримую вражду къ поработителямъ.

Такъ слѣдовали возстаніе за возстаніемъ въ Пелопонесѣ-Майнотовъ, въ Эпирѣ-Суліотовъ, на островѣ Критѣ-Сфакіотовъ и на островахъ Архипелага—другихъ греческихъ племенъ.

Ни одна христіанская держава запада не считала грековъ мятежниками и бунтовщиками, а напротивъ сочувствовала угнетенному племени героевъ, такъ доблестно боровшемуся и гибнущему за свою свободу и религію, и всегда признавала за ними неотъемлемое право поднимать оружье противъ варварства турокъ.

Греки особенно имѣли надежды на единовѣрную имъ Россію и всегда обращались къ ней за помощью и покровительствомъ, а сами старались заслужить это принятіемъ участія въ войнахъ ея съ султаномъ. Россія оказывала грекамъ, какъ и другимъ христіанскимъ народностямъ Балканскаго полуострова, всегда свое покровительство и защиту, а особенно въ царствованіе Екатерины II было выговорено по Кайнарджійскому договору у турокъ нѣкоторыя обязательства въ пользу грековъ, за ихъ содѣйствіе своимъ возстаніемъ въ Мореѣ дѣйствіямъ русскаго флота у береговъ Греціи, въ Архипелагѣ, а именно: свобода богослуженія, облегченія въ несеніи налоговъ, не производить насилій и не возбранять имъ выѣзжать въ другіе государства. Турки не

особенно стѣснялись статьями трактатовъ съ Россіей, хотя о правахъ грековъ и сербовъ постоянно подтверждалось въ Ясскомъ договорѣ, при той же государынѣ, и Букарестскомъ, при Александрѣ I.

Невозможность обуздать Порту въ ея притѣсненіяхъ православныхъ народностей была очевидна; но проникшее въ среду грековъ просвѣщеніе, занесенное туда съ запада лучшими изъ нихъ, дало иное направленіе умамъ грековъ и ихъ дѣйствіямъ относительно турокъ. Просвѣщенные греки увидѣли, что имъ однимъ не избавиться отъ турецкаго ига; а необходимо пріобрѣсти къ себѣ сочувствіе Европы, особенно Россіи, что можно достигнуть только стремленіемъ къ образованію и сближеніемъ съ западомъ.

Въ 1814 году было основано въ Вѣнѣ тайное общество, подъ именемъ «Гетеріи», которое поставило своею цѣлью просвѣщать на свои средства молодыхъ грековъ и искать у европейскихъ дворовъ поддержки къ будущему освобожденію грековъ. Воспитывая за границей молодое поколѣніе грековъ, будущихъ борцевъ за свободу родины, Гетерія дѣйствительно пріобрѣла сочувствіе европейскихъ державъ; довольно сказать, что въ числѣ ея членовъ явилось нѣсколько коронованныхъ особъ.

Въ Пелапонесѣ и Эпирѣ, на островахъ Архипелага и повсюду гдѣ жили греки, воспитанники «Гетеріи», на ея средства стали заводить школы, гдѣ наставляя въ наукахъ юное поколѣніе Эллиновъ, они вселяли въ нихъ непримиримую ненависть къ поработителямъ и любовь къ родинѣ.

Крѣпкое умомъ и тѣломъ юное поколѣніе грековъ ждало только сигнала своей общей матери «Гетеріи», чтобы поднять оружье на турокъ; но члены ея не рѣшались послать ихъ на вѣрную гибель, а хотѣли найдти помощь у европейскихъ государей, чтобы недаромъ гибло въ бояхъ съ турками воспитанное обществомъ юношество Эллады.

Греки прежде всего обратили свои взоры на Александра, который былъ рѣшителемъ судебъ Европы, и ранѣе сочувствовалъ имъ, какъ единовѣрный имъ и вообще человѣколюбивый монархъ. Случайное обстоятельство давало надежду грекамъ успѣть въ своемъ намѣреніи найдти свою свободу у трона Александра. Членъ Гетеріи, человѣкъ высокаго ума и рѣдкой души, уроженецъ острова Корфу, грекъ по рожденію и по чувствамъ, графъ Іоаннъ Каподистріа, пользовался полною довѣренностью могущественнаго Александра, былъ самый любимый статсъ-секратарь его, на котораго государь возлагалъ самыя главнѣйшія дѣла политическія и всегда смотрѣлъ, какъ на высокоталантливаго и истинно-преданнаго ему министра. Такая близость къ Александру графа Каподистрія давала ему возможность постоянно ходатайствовать предъ государемъ объ освобожденіи угнетенной своей родины и о покровительствѣ своимъ несчастнымъ единоплемен-

никамъ. Эти ходатайства достигли сердца великодушнаго и человѣколюбиваго манарха, и онъ обѣщалъ графу принять участіе въ горькой судьбѣ угнетенныхъ, но только когда будетъ водворено вполнѣ спокойствіе на западѣ. Время свободы Греціи близилось, такъ какъ войны и смуты Европы кончились, и уже Каподистрія ждалъ благопріятной минуты, чтобы поднести государю докладъ по греческимъ дѣламъ, какъ вдругъ князь Ипсиланти своимъ необдуманымъ поступкомъ лишилъ грековъ покровительства Александра и отдалилъ часъ свободы Греціи.

Князь Александръ Ипсиланти, сынъ господаря Молдавіи, мученически казненнаго султаномъ, генералъ русской службы, пользовался также благоволеніемъ государя, который за подвиги его въ отечественную войну осыпалъ своими милостями.

Князь Инсиланти потерялъ на войнѣ руку еще юношей, былъ отваженъ и безкорыстенъ, но честолюбивъ и опрометчивъ. Узнавъ отъ Каподистріа о существованіи «Гетеріи», князь Ипсиланти пожелалъ вступить въ число ея членовъ, куда и былъ принятъ, благодаря своему высокому положенію въ русскомъ обществѣ. Узнавши, что греки готовы каждый часъ возстать противъ турокъ, Ипсиланти, увлеченный местью за отца и своимъ честолюбіемъ, рѣшилъ, не теряя времени, начать возстаніе въ Молдавіи. Когда государь былъ на Лайбахскомъ конгрессѣ, Ипсиланти пріѣхалъ въ Малдавію, собралъ не большой отрядъ и издалъ возваніе къ вооруженію грековъ на борьбу съ турками. Въ своемъ воззваніи Ипсиланти сказалъ, что Россія окажетъ свое содѣйствіе возставшимъ грекамъ, что обѣщать не имѣлъ никакого права, но чему грики повѣрили и возстали въ Мореѣ и на Архипелагѣ.

Государю было доложено о безумной выходкѣ Ипсиланти и его пышномъ обѣщаніи грекамъ помощи со стороны Россіи, что произвело возстаніе въ Греціи. Волненія и мятежи въ государствахъ южной Европы были въ то время предметомъ заботъ государя, а извѣстіе о возстаніи грековъ навело его на мысль, что нѣтъ ли общей связи между революціонаымъ движеніемъ Испаніи и Италіи съ волненіемъ въ Греціи? Государь зналъ, что греки начнутъ возстаніе, но только съ его позволенія, а оно явилось вдругъ по какимъ-то ему неизвѣстнымъ причинамъ и безъ его одобренія, а потому онъ лишилъ ихъ своего покровительства и торжественно объявилъ объ этомъ. Князь Ипсиланти, за подстрекательство къ возстанію грековъ, былъ исключенъ изъ русской службы, а баронъ Строгановъ посланъ къ султану передать ему, что государь не доволенъ поступкомъ грековъ и даже готовъ оказать портѣ содѣйствіе къ усмиренію ихъ, но только увѣренъ въ томъ, что турецкое правительство накажетъ однихъ только виновныхъ и окажетъ пощаду невиннымъ.

Султанъ Махмудъ II не повѣрилъ въ искренность словъ государя переданныхъ русскимъ посломъ барономъ Строгановымъ, на-

говорилъ ему нелѣпыхъ упрековъ, что Ипсиланти подосланъ Россіей и возстаніе грековъ есть дѣло русскаго правителства, а потому объявилъ, что онъ запираетъ для русскихъ судовъ Дарданеллы и истребитъ поголовно на пространствѣ всей свой имперіи христіанское населеніе.

Звѣрское свое намѣреніе вырѣзать христіанъ въ своей державѣ, Махмудъ II повторилъ и въ диванѣ, призвавъ всѣхъ магометанъ поголовно ополчиться на священную брань противъ православныхъ и вообще христіанскихъ народовъ.

Только-что султанъ успѣлъ выронить свое страшное слово, не издавая еще объ этомъ формальнаго указа, какъ турки бросились въ европейскіе кварталы Константинополя рѣзать христіанъ. Бойня началась на всѣхъ улицахъ, и пощады никому не было. Христіане въ ужасѣ спасались отъ турокъ въ своихъ храмахъ; но онѣ вламывались туда и начинали мучить несчастныхъ, а потомъ умерщвлять. Неистовства и звѣрства турокъ дошли до того, что они вломились въ соборную церковь, гдѣ патріархъ Константинопольскій Григорій служилъ литургію въ первый день Пасхи, вытащили его изъ за престола, подвергли страшнымъ истязаніямъ и тутъ же въ храмѣ распяли среди двухъ распятыхъ же греческихъ архіереевъ, которые служили съ нимъ вмѣстѣ.

Мученическая кончина святителя Григорія показала иностраннымъ посламъ всю иступленность злодѣевъ и опасность которая угрожала и имъ. Они заперлись въ своихъ домахъ и боялись выйдти на улицу; но русскій посолъ, баронъ Строгановъ, поѣхалъ прямо къ султану и смѣло объявилъ ему, что надо кончить кровопролитіе въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ Турціи, вновь соорудить разрушенныя христіанскія церкви, удостовѣрить, если это только возможно, христіанскія державы, что смерть Григорія произошла не по его винѣ и, наконецъ, открыть русскимъ судамъ свободный доступъ въ Дарданеллы, а если султанъ не желаетъ этого сдѣлать, то, угрожалъ ему мужественный Строгановъ, онъ чрезъ 8 сутокъ выѣдетъ изъ Константинополя и разрывъ Турціи съ Россіей совершиться.

Султанъ только сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи убійствъ въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ его имперіи, гдѣ тоже началась страшная рѣзня христіанъ; но другихъ требованій русскаго посла не исполнилъ, а потому баронъ Строгановъ оставилъ свой постъ и выѣхалъ въ Россію. По прибытіи къ государю, Строгановъ былъ обласканъ имъ, а всѣ его дѣйствія одобрены. Разрывъ съ султаномъ, объявленный ему Строгановымъ, былъ подтвержденъ русскимъ кабинетомъ и войска двинуты на югъ къ границамъ Молдавіи, для военныхъ дѣйствій противъ Оттоманской порты.

Еще одинъ шагъ, и война должна бы начаться; но Англія и Австрія, опасаясь усиленія могущества Россіи на востокѣ, пред-

ложили Александру свое посредничество по улаженію распри съ Турціей.

Государь, всегда склонный къ миролюбію, согласился принять посредничество этихъ державъ и возобновить переговоры съ портой. Султанъ, въ свою очередь, также принялъ посредничество, и чрезъ англійскаго посла, лорда Странгфорда, согласился на предложенія Россіи, а именно: очистить Молдавію и Валахію немедленно отъ турецкихъ войскъ, пропускать русскія суда чрезъ Дарданеллы безъ досмотра, дать всеобщее помилованіе грекамъ и возстановить христіанскіе храмы.

По заключеніи этого договора, султанъ подъ разными предлогами началъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязательствъ, отзываясь тѣмъ, что христіанскія государства, а особенно Россія, бунтуютъ его христіанское населеніе.

Союзные монархи, чтобы устранить излишнюю подозрительность султана и имѣть основаніе заставить его выполнить принятыя имъ на себя условія мирнаго договора съ Россіей,—объявили на Веронскомъ конгрессѣ, что они порицаютъ возстаніе грековъ; въ подтвержденіи чего отказались выслушать греческое посольство, присланное съ цѣлью заявить союзнымъ монархамъ свои жалобы на неистовства турокъ и просить ихъ покровительства несчастной Греціи.

Такое торжественное заявленіе Веронскаго конгресса должно бы подѣйствовать на султана, но Махмудъ II оставилъ его не замѣченнымъ и продолжалъ упорствовать, ссылаясь на разныя нелѣпыя причины къ не исполненію договора, а самъ тѣмъ временемъ посылалъ въ Грецію и на острова Архипелата цѣлыя орды дикихъ и необузданныхъ племенъ малой Азіи, которыя производили такія варварства надъ несчастными греками, что они рѣшились лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ покориться злодѣйскому правленію султана, и съ отчаяннымъ мужествомъ, съ беззавѣтною отвагою, они отъ мала до велика бились за тѣмъ, чтобы только истребить, какъ можно болѣе своихъ мучителей.

Государь увидѣлъ умышленность постоянныхъ уклоненій султана отъ его обязательствъ въ отношеніи Россіи и убѣдился, что онъ дѣйствительно звѣрски жаждетъ истребленія христіанъ, не разсматривая, кто правъ и кто виноватъ, а просто приказывая вырѣзывать грековъ почти поголовно; а потому, за мѣсяцъ до своей кончины, приказалъ своему послу въ Константинополѣ вручить протестъ султану на его не добросовѣстныя дѣйствія въ отношеніи Россіи и за злодѣйское истребленіе грековъ, защиту которыхъ и другихъ христіанскихъ народностей съ этого времени государь принимаетъ на себя.

Война съ Турціей готова была вспыхнуть и началось уже проготовленія, о чемъ государь извѣстилъ всѣ европейскія державы, объявляя, что четырехлѣтнее неисполненіе султаномъ под-

писаннаго-же имъ трактата съ Россіей составляетъ прямое оскорбленіе Россіи и что жестокости турокъ въ Греціи и въ другихъ христіанскихъ подвластныхъ султану земляхъ грозятъ поголовнымъ истребленіемъ этихъ несчастныхъ, чего допустить Россія не можетъ, и должна поднятъ въ защиту единовѣрныхъ племенъ и въ охрану своего достоинства оружіе на султана и оттоманскій народъ. Войнѣ съ Турціей не суждено было начаться, потому что государь вскорѣ уѣхалъ въ Таганрогъ, гдѣ и скончался 19-го Ноября 1825 года.

Кончина императора Александра I поразила горестью не одну только Россію, но и всю спасенную и умиротворенную имъ Европу.

Императоръ Александръ не только возвеличилъ свое государство извнѣ и пріобрѣлъ ему первенствующее положеніе въ Европѣ, но постоянно заботился о его внутреннемъ устройствѣ и достигъ въ этомъ отношеніи большаго успѣха.

До Александра достаточно было быть грамотнымъ, чтобы считаться образованнымъ; но въ срединѣ его царствованія требовалось для этого имѣть многостороннее образованіе, что составляло уже потребность общества, не смотря на постоянныя войны; въ первые пятнадцать лѣтъ его царствованія нравственныя и умственныя силы русскаго народа развились, а промышленная дѣятельность, застывшая нѣсколько во время существованія континентальной системы, по отмѣнѣ ея и изданіи охранительнаго тарифа, достигла широкихъ размѣровъ и увеличила богатство русскаго народа.

Александъ, со дня своего восшествія на престолъ, явился продолжателемъ предначертаній великой своей бабки, Екатерины II, и далъ торжественный обѣтъ управлять Россіей, по законамъ и по сердцу ея, что и исполнялъ до конца дней своихъ къ благу и счастію своихъ подданныхъ. Въ одинъ день, Александръ сдѣлалъ Россіи много добра, чѣмъ привязалъ къ себѣ сердца всѣхъ сословій и далъ имъ новую жизнь. 2-го Апрѣля 1801 года въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ сената, въ присутствіи самого Александра, были прочитаны пять подписанныхъ актовъ; въ нихъ онъ обезпечилъ за дворянствомъ всѣ права и преимущества, дарованныя этому сословію пожалованной граммотой; возвратилъ силу городовому положенію, дававшему самостоятельность торговому и промышленному сословіямъ; облегчилъ судьбу крестьянъ, освободивъ ихъ отъ нѣкоторыхъ налоговъ и пошлинъ, и отмѣнивъ разныя стѣснительныя мѣры, препятствовавшія успѣшному развитію сельской дѣятельности, а сверхъ того, объявилъ прощеніе всѣмъ находившимся подъ судомъ, кромѣ важныхъ преступниковъ. Послѣдній пятый подписанный государемъ актъ касался уничтоженія тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, существовавшей подъ именемъ тайной экспедиціи и повелѣлъ

«предать дѣла ея вѣчному забвенію,» чѣмъ истинно обрадовалъ свой народъ всегда боявшійся притѣсненій со стороны этого страшнаго учрежденія.

Въ непродолжительномъ времени было объявлено святѣйшему синоду, въ высочайшемъ же присутствіи, что священно-служители избавляются за совершеніе уголовныхъ преступленій отъ обряда торговой казни, чѣмъ былъ востановленъ указъ Павла I.

Въ день своей коронаціи государь повелѣлъ сенату, по своему усмотрѣнію, вовсе освободить тѣхъ заключенныхъ по тюрьмамъ и даже сосланнныхъ, которые обвинены въ преступленіяхъ хотя и важныхъ, но не клонящихся ко вреду государства.

Самое-же важное и благодѣтельное вліяніе произвело на Россію,—это отмѣна пытокъ и другаго рода истязаній при допросахъ по судебнымъ дѣламъ, чтобы, такъ или иначе, исторгнуть отъ подсудимаго желаемое признаніе въ своихъ преступленіяхъ.

Государь объявилъ въ своемъ указѣ сенату, чтобы ни гдѣ, ни подъ какимъ видомъ судебныя мѣста, при изслѣдованіи преступленій, не допускали никакихъ истязаній или пристрастныхъ допросовъ, и чтобы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, было навсегда изглажено изъ памяти народной.

Постоянное желаніе государя было вызвать къ жизни промышленную дѣятельность русскаго народа и утвердить самостоятельное существованіе сословій. Дворяне получили право вести заграничную торговлю продуктами своихъ земель и записываться вообще для торговли въ первыя двѣ гильдіи купеческаго сословія. Духовныя лица получили право пріобрѣтать и укрѣплять за собой земли и освобождены были отъ постойной повинности. Купеческое сословіе также получило отъ Александра привиллегіи, отличія и средства къ расширенію его торговой дѣятельности, а именно: представленно записываться въ купцы трехъ гильдій только русскимъ подданнымъ; установленны новыя почетныя званія для успѣшно занимающихся торговлею: мануфактуръ и коммерціи совѣтниковъ, и представлено имъ и купцамъ первой гильдіи, за полезные труды и особенныя заслуги, получать ордена; купцы по третьей гильдіи избавлены отъ рекрутской повинности; обществамъ городскимъ и сельскимъ предоставленно исключать изъ среды своей людей порочныхъ.

Относительно крестьянскаго сословія сдѣлано слѣдующее: казенные крестьяне получили право пріобрѣтать незаселенныя земли и перечисляться въ купеческое сословіе, а помѣщичьи право искать у правительства защиты отъ жестокаго обращенія и притѣсненій своихъ владѣльцевъ, и что важнѣе всего, запрещена и на будущее время раздача населенныхъ имѣній въ собственность частнымъ лицамъ. Этимъ послѣднимъ постановленіемъ

Александра умноженіе крѣпостныхъ людей задержано и переходъ изъ свободнаго въ несвободное навсегда запрещенъ.

Опредѣливъ права и преимущества сословій и даровавъ имъ все, что необходимо было для ихъ дальнѣйшаго благосостоянія и соотвѣтствовало пользамъ государства, императоръ Александръ обратилъ свое вниманіе на всѣ отрасли государственнаго управленія, желая дать имъ быстрое развитіе, обезпечивающее государственное благоустройство и народное благосостояніе.

Уцѣлѣвшія отъ временъ Петра Перваго коллегіи для завѣдыванія всѣми отраслями государственнаго управленія устарѣли и не удовлетворяли уже потребностямъ времени Алекеандра; а потому государь преобразовалъ ихъ въ министерства, чтобы дать новую жизнь государственной и общественной дѣятельности. Въ манифестѣ своемъ отъ 8-го Сентября 1802 года, государь ясно и опредѣленно предуказалъ цѣль учрежденія министерствъ, а именно, что «благоденствіе народа незыблимо и ненарушимо утверждено быть можетъ тогда единственно, когда правительство будетъ имѣть спасительныя средства не только исправлять всякое явное, погубными слѣдствіями обнаруживаемое зло, но въ особенности искоренять самое начало онаго, отвращать всѣ причины, дающія поводъ къ нарушенію общаго и частнаго спокойствія, открывать нужды народа, предупреждать ихъ, и благоразумно, ревностно, дѣятельно способствовать соблюденію необходимаго во всемъ порядка и умноженію богатства природныхъ и искусственныхъ произведеній, основаніемъ силѣ и могуществу имперіи служащихъ.»

Для достиженія выясненной въ этихъ словахъ цѣли, раздѣлены всѣ государственныя дѣла на разныя части, по ихъ однородности и ихъ внутренней связи, и вѣдѣніе каждой такой части поручено избранному государемъ и облеченному довѣріемъ его министру. Обязанность министровъ опредѣлена такъ, чтобы ихъ постоянный надзоръ и дѣятельность достигали скораго и точнаго исполненія законовъ и правильности дѣйствія учрежденій по всѣмъ дѣламъ вѣдомства каждаго изъ министерствъ, а въ случаѣ если дѣло не входитъ въ упомянутое вѣдомство по чрезвычайной важности своей, то для обсужденія такого рода дѣлъ былъ учрежденъ кабинетъ министровъ; въ случаѣ же необходимости установить новый законъ, измѣнить или совсѣмъ отмѣнить прежній министры должны вносить объэтомъ представленіе въ государственный совѣтъ, образованный еще въ 1801 г., который и обсуждаетъ: дѣйствительно ли полезно для государства и необходима предлагаемая законодательная мѣра и мнѣніе свое повергаетъ на высочайшее воззрѣніе государя.

Сверхъ того, государственному совѣту поручено разсматривать проэкты вновь образуемыхъ учрежденій, уставовъ и повѣрять отчеты министровъ.

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ во всей имперіи поручено сенату, а также ихъ истолкованіе, въ случаѣ возникшихъ недоумѣній при исполненіи ихъ, а также высшій надзоръ за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ судахъ уголовныхъ и гражданскихъ принадлежитъ къ вѣдѣнію этого высшаго въ Имперіи судебнаго мѣста, члены котораго составляютъ судебное сословіе высшаго ранга въ государствѣ.

По учрежденіи министерствъ и кабинета министровъ, всѣ отрасли государственной дѣятельности доведены были до возможнаго совершенства и вообще всему управленію данъ правильный, опредѣленный и успѣшный ходъ.

Александръ сдѣлалъ русскую армію боевой, многочисленной и снабженной правильно устроенными резервами для пополненія ея частей. Первые года царствованія Александра прошли въ одни за другой слѣдующихъ войнахъ, которыя отличались частыми и жестокими битвами въ Австріи, Пруссіи, Молдавіи, Персіи и Финляндіи, гдѣ русская армія получила свое боевое воспитаніе, а ея офицеры, которымъ въ Финляндіи приходилось, по неудобности путей сообщенія, дѣйствовать по своему усмотрѣнію, сообразительности и рѣшительности, качества полководцевъ, каковыми они впослѣдствіи и сдѣлались, какъ напр. Каменскій 2-й главнокомандующій на Дунаѣ, и Барклай де-Толли дѣйствующей арміи противъ Наполеона.

Хотя боевыя качества рускаго войска и достигли высокой степени, но эти битвы и походы унесли много людей отъ болѣзней и руки непріятеля, такъ что при нашествіи Наполеона предполагали, что у Россіи нѣтъ арміи, что ея войска истаяли въ непрестанныхъ битвахъ и не имѣется возможности собрать новыя войска; но говорившіе это, — а это тогда говорила вся Европа,— удивились, когда Россія начала стягивать свои войска, и русская армія дала много кровопролитныхъ битвъ, и, наконецъ Бородинскую; но все-таки не изнемогла и не упала духомъ, а однимъ страшнымъ отпоромъ при Малоярославцѣ погнала нашедшихъ на Россію враговъ обратно.

Устройство военныхъ силъ Россіи было дѣломъ Александра: онъ нашелъ неистощимыя средства въ своей Россіи къ пополненію убыли въ войскахъ, умѣлъ правильно ими пользоваться, не истощая ни одной изъ своихъ областей особенно, а равномѣрно, соображаясь съ населенностью опредѣлять число требуемыхъ въ резервы. Продовольствіе солдатъ, ихъ вооруженіе, наружный видъ, обученіе, дисциплина, нравственность,— все это было предметомъ постоянныхъ заботъ государя, и онъ добился, что его армія, послѣ войнъ съ Наполеономъ въ 1815 году, была многочисленнѣе и лучше обучена, чѣмъ до нашествія французовъ на Россію.

Всѣ мѣры къ развитію боевыхъ силъ Россіи государь начер-

тывалъ самъ, но исполнителями ихъ были преимущественно два министра: графъ Барклай-де-Толли и Аракчеевъ. Первому русская армія обязана установленіемъ порядка по управленію военнаго вѣдомства образованіемъ военнаго министерства и дѣйствующей арміи, а второму—устройствомъ отдѣльныхъ частей военнаго вѣдомства и, главное, преобразованіемъ артиллеріи, которая доведена была имъ до высшей степени совершенства.

Кромѣ того, Александръ умѣлъ вдохнуть въ рускихъ воинственый духъ и такое же одушевленіе, какъ во времена Екатерины II. Дворяне опять шли подъ знамена съ охотою и бились съ безпримѣрнымъ мужествомъ многіе годы, не думая о покинутыхъ семействахъ и имѣніяхъ. Любовь къ государю, который самъ былъ всѣмъ примѣромъ мужества и самопожертвованія, и къ отечеству влекло русскихъ на поля брани. Побѣда Наполеона надъ русскими при Аустерлицѣ оскорбила русскій народъ и Пултускъ, Гейльсбергъ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландъ были отвѣтомъ на Аустерлицъ: русскіе бились такъ, что хотя и не въ силахъ были побѣдить многочисленнаго непріятеля, который давилъ ихъ своими массами, но не отступали ни на шагъ; чѣмъ изумляли враговъ. Трогательное краснорѣчіе манифестовъ Александра много дѣйствовало на развитіе воинственности духа и готовности идти въ ряды воиновъ. Войска Александра, когда шли спасать Европу отъ порабощенія Наполеона, рѣшили, какъ и самъ государь, погибнуть или побѣдить, и тогда уже только заботились о сохраненіи своей военной чести, объ исполненіи своего долга, а потому шли въ битву твердо, и непоколебимо стояли подъ градомъ пуль и ядеръ. Такое мужество и хладнокровіе поражало чужеземцевъ и въ концѣ концевъ побѣдило врага.

Не одни храбрость и мужество вдохнулъ въ русскую армію Александръ, но и другое благородное чувство: щадить непріятеля побѣжденнаго, не жечь городовъ и селъ безъ дѣйствительной надобности и вообще не предаваться необузданности въ земляхъ завоеванныхъ,—было внушено имъ же русскому войску.

Доказательствомъ какъ хорошо вели себя русскіе въ занятыхъ ими съ бою странахъ служитъ то, что по занятіи Парижа союзными войсками, французы только и просили чтобы имъ поставили въ домъ русскаго солдата, а отнюдь не нѣмцевъ.

Войны Александра, кончившіяся миромъ Европы, покрыли русскихъ славою побѣдителей великодушныхъ, а слава военная навсегда связана съ именами Кутузова, Барклая-де-Толли, Багратіона, Виттенштейна, Дохтурова, Раевскаго, Коновницына, Милорадовича, Остермана-Толстяго, Платова, Невѣровскаго, Паскевича, Ермолова, Толя и многихъ полководцевъ русскихъ, которые укрѣпили и образовали свои таланты, а также пріобрѣли опытность въ царствованіе Александра, который былъ для всѣхъ ихъ образцемъ мужества и военнаго искусства.

Въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра промышленность Россіи находилась въ такомъ же неуовлетворительномъ состояніи, какъ и ранѣе. Не обращая вниманія, что государь заботился о развитіи мануфактурной дѣятельности, для чего давалъ льготы и привиллегіи фабрикамъ, но это не дѣйствовало, а также облегченіе торговли сельской отмѣной нѣкоторыхъ стѣснительныхъ правилъ для ея производства и денежныхъ сборовъ не оживило промышленности сельской. Доказательствомъ упадка русской промышленности служитъ то, что въ 1809 г. можно было съ большимъ трудомъ сдѣлать запасъ необходимыхъ вещей для арміи.

Такое печальное состояніе промышленности русской зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ. Россія, имѣвшая громадный ввозъ въ свои предѣлы иностранныхъ товаровъ, конечно, не могла развить своей мануфактурной промышленности, потому что дешевизна привозныхъ товаровъ убила бы въ самомъ началѣ производство русскихъ. Сельской промышленности много повредила континентальная система, придуманная Наполеонномъ, которая запрещала торговлю съ Англіей, между тѣмъ какъ главныя статьи русской отпускной торговли и въ тоже время самыя важнѣйшіе предметы сельской прошленности: зерновой хлѣбъ, пенька, сало, шерсть, кожи, лѣсъ и пр. шли именно туда, а потому это сырье загромоздило всѣ гавани Россіи и рынки, такъ какъ оно пропущено къ англичанамъ быть не могло, чѣмъ и ослабило не только сельскихъ жителей, которые не знали куда дѣваться съ лишнимъ сырьемъ, но, и купцовъ у которыхъ отъ этого кризиса тоже разстроились дѣла. Увѣреніе, что Россія избавилась континентальной системой отъ ввоза иностранныхъ товаровъ, подрывавшихъ ея фабрики, оказалось ложнымъ, потому что моремъ изъ Англіи не шли товары; но это не мѣшало сухимъ путемъ черезъ западную границу идти транзитомъ громадному количеству мануфактурныхъ произведеній особенно изъ Франціи. Еще одно неудобство существованія континентальной системы заключалось для Россіи въ томъ, что не имѣя возможности сбывать свое сырье за границу моремъ, такъ какъ иного рода перевозка этихъ громоздкихъ продуктовъ была немыслима, въ тоже время она не могла получать колоніальные товары, необходимые для производства на русскихъ фабрикахъ и должны были покупать все по дорогой цѣнѣ у Франціи, отпуская туда свои капиталы.

Въ 1810 году императоръ Александръ увидѣлъ, что нужно положить конецъ тягостному состоянію русской промышленности и издалъ для этого тарифъ таможенныхъ сборовъ, по которому разрѣшилъ привозъ колоніальныхъ товаровъ въ Россію, а запретилъ ввозъ изъ за-границы транзитомъ предметовъ роскоши.

Эта мѣра дала развитіе русской промышленности, такъ какъ капиталы оставались въ Россіи, а фабрики имѣли для своего производства привозъ колоніальныхъ товаровъ изъ за-границы,

такъ что въ 1815 году понадобилось дополнитъ тарифъ 1810 года дозволеніемъ ввозить нѣкоторые мануфактурные товары, чтобы доставить ихъ по дешевымъ цѣнамъ нуждающимся покупателямъ и возбудить соревнованіе въ русскихъ фабрикантахъ.

Но вскорѣ было замѣчено, что русскія фабрики не въ состояніи состязаться съ иностранными; а потому министръ финансовъ, гр. Канкринъ, ввелъ опять запретительный тарифъ на основаніяхъ изданнаго въ 1810 году и промышленность русская начала правильно развиваться.

Александръ своими мѣрами и льготами улучшилъ земледѣліе, скотоводство, шелководство и винодѣлье на Кавказѣ и особенно въ Крыму.

Подъ вліяніемъ этихъ мѣръ степи Малороссіи наполнились стадами тонкорунныхъ овецъ и табунами породистыхъ лошадей, а нѣкогда полудикій Крымъ засадился тутовыми деревьями для шелковичнаго червя и виноградными лозами.

Горнозаводская промышленность развилась блистательно въ царствованіе Александра, и Сибирь открыла свои сокровища частной предпріимчивости, которую дозволилъ государь. На уралѣ добывались при немъ уже множество ископаемыхъ богатствъ, кромѣ прежде добываемыхъ чугуна и мѣди.

Торговля-же развилась быстро потому еще, что государь обратилъ особенное вниманіе на устройство путей сообщенія, для чего даже образовалъ особое учрежденіе корпусъ инженеровъ путей сообщенія.

Особенными работами государя пользовалось дѣло народнаго образованія, которое уже привелось въ Россіи; но не имѣло еще школъ для средняго образованія, кромѣ низшихъ училищъ и высшихъ заведеній.

Образовавъ министерство народнаго просвѣщенія, государь повелѣлъ по губернскимъ городамъ главныя училища времени Екатерины переименовать въ гимназіи, а малыя—въ уѣздныя училища; обезпечилъ ихъ средствами къ содержанію; учителямъ далъ важныя преимущества.

Для приготовленія учителей основаны въ С.-Петербургѣ и Москвѣ педагогическіе институты; преобразованы университеты въ Москвѣ, Дерптѣ и Вильно, и вновь основаны—въ Казани, Харьковѣ и С.-Петербургѣ.

Учебныя заведенія, благодаря заботамъ Александра, скоро наполнились молодыми людьми всѣхъ сословій. которыми руководили уже просвѣщенные наставники, успѣвшіе пріобрѣсти свѣдѣнія и подготовить къ своему важному дѣлу въ основанныхъ же Александромъ высшихъ учебнымъ заведеніяхъ Москвы и С.-Петербурга. И такъ Александру I-му пришлось видѣть въ концѣ своего царствованія Россію благоустроенную внутри и окруженную славою внѣ.

ДОСТОПАМЯТНЫЕ СПОДВИЖНИКИ АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.

Михайлъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій происходитъ изъ старинныхъ дворянъ, родился въ 1735 году; получивъ офицерскій чинъ въ 1761 году, сражался въ Польшѣ съ 1764 года, поступилъ въ армію Румянцева въ 1770 году, отличался при Ларгѣ и Кагулѣ, былъ при завоеваніи Крыма Долгорукимъ въ 1773 году, Очаковымъ 1788 году, на Дунаѣ въ 1789 году, при взятіи Измаила въ 1790 году, въ Мачинской битвѣ въ 1791 году. Посланъ въ Царьградъ посломъ въ 1795 году; пожалованный въ генералы отъ инфантеріи, былъ посланъ въ Берлинъ императоромъ Павломъ въ 1799 году, и опредѣленъ генералъ-губернаторомъ Петербургскимъ въ 1801 году. Испросилъ увольненіе, послѣ сорока лѣтъ службы и тяжкихъ ранъ, въ 1802 году. Вызванный снова на поля битвы, начальствовалъ надъ корпусомъ русскихъ войскъ въ Австріи, совершилъ достопамятное отступленіе отъ Браунау до Брюнна, былъ главнокомандующимъ австрійскихъ и Русскихъ войскъ подъ Аустерлицомъ, въ 1805 году; опредѣленъ генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ въ 1806 году; посланъ въ армію на Дунай въ 1808 году; переведенъ генералъ-губернаторомъ въ Вильну въ 1809 году; назначенъ главнокомандующимъ на Дунаѣ, и, разбивъ турокъ подъ Рущукомъ, завелъ великаго визиря за Дунай, и истребилъ оружіемъ иголодомъ всю предводимую имъ турецкую армію, въ 1811 году; награжденный титуломъ графа, заключилъ Бухарестскій миръ въ 1812 году; въ томъ-же году избранъ въ начальники Петербургскаго и Московскаго ополченія, возведенъ въ княжеское достоинство, съ титуломъ *свѣтлѣйшаго,* получилъ главное начальство надъ арміями, дѣйствовавшими противъ Наполеона, далъ битву Бородинстую; уступленіемъ Москвы и отступленіемъ къ Тарутину, спасъ армію и отечество, и послѣ битвъ Тарутинской, Малоярославецкой, принудивъ Наполеона отступать; уничтожилъ полчища его при Вязьмѣ, Смоленскѣ, Красномъ, Березинѣ; изгналъ остатки изъ предѣловъ Россіи, и награжденный чиномъ фельдмаршала и названіемъ *Смоленскаго,* въ въ 1813 году перевелъ русскія войска за границу, занявъ Польшу, Саксонію и Пруссію по Эльбу, и среди торжествъ и побѣдъ скончался въ Апрѣлѣ 1813 года. Похороненъ въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ.

Барклай-де-Толли.

Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли, изъ стариннаго рода шотландскихъ дворянъ, переселившагося въ Лифляндію, родился въ 1761 году; произведенъ въ офицеры въ 1778 году; былъ капитаномъ въ турецкой войнѣ, съ 1788 года, подъ Очаковымъ и въ другихъ мѣстахъ; въ 1790 году отличался въ шведской войнѣ; въ 1794 году находился въ Польшѣ; въ 1799 году получилъ чинъ генералъ-маіора. Особенную храбрость оказалъ въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1806 году, въ битвѣ Пултуской, и въ 1807 году при Янковѣ и Прейсишъ-Эйлау, гдѣ жестоко раненъ. Тогда лично узналъ его императоръ Александръ, наградилъ чиномъ генералъ-лейтенанта, и отправилъ въ Финляндію, гдѣ совершилъ онъ переходъ по льду черезъ Ботническій заливъ въ Швецію. Награжденный чиномъ генерала отъ инфантеріи, въ 1810 году получилъ званіе военнаго министра; оказалъ великія заслуги въ приготовленіяхъ къ войнѣ 1812 года, и опредѣленъ начальникомъ одной изъ русской арміи. Совершивъ съ нею отступленіе до Смоленска, соединился здѣсь съ другою арміею, далъ Смоленскую битву, и продолжалъ отступленіе за Смоленскъ; бился при Лубинѣ; передавалъ начальство Кутузову; въ Бородинской битвѣ командовалъ правымъ крыломъ и центромъ армій; удалился съ поля битвъ въ Октябрѣ 1812 года; въ Декабрѣ того же года призванъ былъ снова; въ 1813 году осадилъ и взялъ Торунь; разбилъ французовъ при Кенигсвартѣ; участвовалъ въ Бауценской битвѣ; получилъ званіе главнокомандующаго русскими и прусскими войсками, и сохранилъ начальство надъ русскою арміею до окончанія войны въ 1814 году. Послѣ Лейпцигской битвы возведенъ въ графское достоинство; послѣ взятія Парижа получилъ чинъ фельдмаршала, начальствовалъ также русскими арміями въ походѣ 1815 года. Скончался въ 1818 году, въ Инстербургѣ, въ Пруссіи. Похороненъ въ Лифляндскомъ помѣстьѣ его, Бетгофъ.

Беннигсенъ.

Баронъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ, стриннаго баронскаго рода, изъ Ганновера, родился въ 1745 году; служилъ въ Ганноверскихъ войскахъ, участвовалъ, бывши въ нихъ, въ Семилѣтней войнѣ, и въ 1773 году перешелъ въ русскую службу маіоромъ; находился въ арміи Румянцева; въ 1787 году произведенъ въ полковники; былъ подъ Очаковымъ въ 1788 году; сражался въ Польшѣ съ 1792 года, и въ чинѣ генералъ-маіора со-

вершилъ походъ съ Зубовымъ въ Персію, въ 1796 году. Въ 1805 году, бывши генераломъ отъ инфантеріи, начальствовалъ корпусомъ войскъ въ Селезіи. Въ 1806 году получилъ начальство надъ корпусомъ войскъ, посланнымъ въ Польшу на помощь Пруссіи. Встрѣченный превосходными силами Наполеона, далъ битву при Пултускѣ, и назначенъ главнокомандующимъ надъ русскимъ войскомъ въ Январѣ 1807 года. Послѣ Морунгенскаго сраженія дана имъ была знаменитая битва при Прейсишъ-Эйлау, а потомъ битвы при Гутистадтѣ, Гейльсбергѣ и Фриландѣ. Въ 1812 году находился при Барклаѣ-де-Толли и Кутузовѣ, и лично распоряжалъ войсками въ сраженіи при Тарутинѣ. Въ 1813 году командовалъ резервною арміею, и начальствовалъ правымъ крыломъ союзныхъ армій при Лейпцигѣ; въ 1814 году распоряжалъ осадою крѣпостей въ Германіи. По заключеніи мира, командовалъ второю арміею, расположенною на югѣ Россіи; уволенъ въ 1818 году; уѣхалъ на родину и скончался тамъ въ 1826 году.

Витгенштейнъ.

Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ, потомокъ знаменитаго, Германскаго, княжескаго рода, родился въ Нѣжинѣ, въ 1768 году. Записанный въ гвардію, получилъ офицерскій чинъ въ 1790 году, и въ 1794 году, въ Польшѣ, съ бою взялъ крестъ Георгія и чинъ маіора; былъ на штурмѣ Праги, а въ 1796 году участвовалъ въ походѣ Зубова въ Персію. Въ 1799 году получилъ генералъ-маіорскій чинъ; находился въ походѣ 1805 года въ Австрію, и, при отступленіи Кутузова, командовалъ конницею въ арріергардѣ Багратіона, былъ подъ Вишау и въ битвѣ Аутерлицкой. Въ 1806 году находился въ Молдавіи, и въ томъ же и въ 1807 году, въ походѣ противъ Наполеона, въ Пруссіи. Пожалованъ генералъ-лейтенантомъ, и въ 1808 году вступилъ въ Финляндію. Въ войнѣ 1812 года, начальствуя корпусомъ войскъ, оставленъ на Двинѣ охранять дорогу въ Петербургъ, и уничтожилъ всѣ покушенія непріятеля битвами при Клястицахъ и Полоцкѣ. При отступленіи Наполеона, взялъ приступомъ Полоцкъ, за что пожалованъ въ генералы отъ кавалеріи; разбилъ непріятелей при Чашникахъ, при Смольнѣ, при Борисовѣ, при Студянкѣ; перевелъ ввѣренныя ему войска за границу въ 1813 году, освободилъ Кенигсбергъ и Берлинъ, разбилъ французовъ на Эльбѣ, и возведенный въ званіе главнокомандующаго союзными войсками, далъ битвы Наполеону при Люценѣ и Беуценѣ; испросивъ увольненіе отъ главнаго начальства, командовалъ корпусомъ, бился подъ Дрезденомъ, подъ Лейпцигомъ и во Франціи, въ 1814 году, при Нанжисѣ и Баръ-Сюръ-Обѣ. Въ 1816 году наз-

наченъ начальникомъ 2-й арміи на югѣ Россіи, и въ 1826 году пожалованъ фельдмаршаломъ. Назначенъ главнокомандующимъ въ турецкой войнѣ 1828 года, перешелъ за Дунай, блокировалъ Шумлу, а въ 1829 году испросилъ увольненіе отъ службы. Въ 1834 году возведенъ въ княжеское достоинство Прусскаго королевства. Скончался въ 1843 году. Похороненъ въ селѣ Каменкѣ, Подольской губерніи, Ольгопольскаго уѣзда, гдѣ провелъ онъ послѣдніе годы жизни.

Багратіонъ.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, потомокъ Грузинскихъ царей, родился въ Кизлярѣ, въ 1765 году, поступилъ въ службу въ 1782 году, сражался съ горцами въ 1783 году, съ Шихъ-Манзуромъ въ 1784 году, опять съ горцами въ 1786 году, подъ Очаковымъ въ 1788 году, и снова съ горцами въ 1790 году; пожалованъ маіоромъ въ 1793 году; былъ съ Суворовымъ на штурмѣ Праги въ 1794 году; пожалованъ въ генералъ-маіоры въ 1799 году; отправился въ Итальянскій походъ, и во все время его былъ начальникомъ авангарда русской арміи при наступленіи, арріергарда при отступленіи, бился при Требіи и Нови, и заключилъ подвиги переходомъ черезъ Альпы и битвою на Чертовомъ мосту. Такую честь начальствовать арріергардомъ имѣлъ онъ при отступленіи Кутузова отъ Браунау, въ 1805 году, и обезмертилъ тогда себя сраженіемъ при Голлабрунѣ. Въ Аустерлицкой битвѣ командовалъ правымъ крыломъ арміи. Пожалованный въ генералъ-лейтенанты, былъ начальникомъ арріергарда при отступленіи въ Прейсишъ-Эйлау, находился въ сей битвѣ, сражался при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ, Фридландѣ, и прикрывалъ отступленіе арміи до Нѣмана, въ 1807 году, сражался въ Финляндіи съ шведами, въ 1808 году, и совершилъ переходъ по льду на Аландскіе острова. Миръ остановилъ дальнѣйшій походъ его въ Швецію. Посланный въ томъ же году главнокомандующимъ на Дунай, разбилъ турковъ при Рассеватѣ, и занялъ Измаилъ и Браиловъ. Въ 1812 году поручено ему начальство на 2-ю русскою арміею. Преслѣдуемый двойнымъ числомъ непріятелей, совершилъ онъ достопамятное отступленіе отъ Бреста до Смоленска, сражаясь на протяженіи похода около 750 верстъ. Послѣ отступленія отъ Смоленска начальствовалъ лѣвымъ крыломъ армій въ Бородинской битвѣ, былъ раненъ, принужденъ удалиться, и скончался въ селѣ Симѣ, Владимірской губерніи. Тамъ пробылъ гробъ его до 1840 года, когда торжественно перевезли его и похоронили на Бородинскомъ полѣ.

Милорадовичъ.

Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, изъ сербскихъ дворянъ, родился въ 1770 году, получилъ офицерскій чинъ въ 1786 году, былъ въ Финляндіи въ 1789 году, пожалованъ генералъ-маіоромъ въ 1798 году, и первый походъ совершилъ въ Италію въ 1799 году, но черезъ нѣсколько лѣтъ соперничалъ славою съ Багратіономъ. Также всегда начальникъ авангарда и арріергарда, онъ бился на Аддѣ, на Требіи, подъ Нови, на Чертовомъ мосту; велъ арріергардъ при отступленіи Кутузова въ 1805 году; дрался подъ Кремсомъ, подъ Аустерлицомъ; переведенный на берега Дуная, спасъ Букарестъ въ 1809 году, былъ въ битвѣ при Рассеватѣ, и пожалованный въ генералы отъ инфантеріи, опредѣленъ въ Кіевъ военнымъ губернаторомъ. Снаряжая полки въ 1812 году въ Калугѣ, онъ спѣшилъ отсюда на поля брани, сражался подъ Бородинымъ, начальствовалъ арріергардомъ до Тарутина, послѣдній вышелъ изъ Москвы, бился при Тарутинѣ, и поражалъ враговъ при Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Смоленскѣ и Красномъ; въ 1813 году занялъ Варшаву, сражался при Люценѣ и Бауценѣ, командовалъ арріергардомъ, послѣ того бился при Кульмѣ, при Лейпцигѣ, и въ 1814 году при Бріеннѣ и Парижѣ. Онъ былъ награжденъ графскимъ достоинствомъ, и съ 1818 года опредѣленъ генералъ-губернаторомъ Петербургскимъ. Никогда не раненый въ столькихъ битвахъ, погибъ, въ Декабрѣ 1826 года, отъ руки мятежника. Похороненъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Платовъ.

Матвѣй Ивановичъ Платовъ, знаменитый аттаманъ Донскихъ казаковъ, родился въ 1751 году; на 13-мъ году отъ роду началъ службу урядникомъ; въ турецкую войну 1770 года пожалованъ есауломъ; въ 1771 году былъ въ Крыму; въ 1772 году получилъ чинъ войсковаго старшины; въ 1774 году бился на Кубани, былъ переведенъ на Волгу и участвовалъ въ укрощеніи Пугачевскихъ смятеній; въ 1782 и 1783 годахъ находился у Суворова на Кубани, въ 1785 году сражался съ горцами; пожалованный въ 1784 году маіоромъ, въ 1786 году полковникомъ, былъ при осадѣ и штурмѣ Очакова въ 1788 году, при взятіи Каушанъ въ 1789 году; произведенъ въ бригадиры, находился при Измаилѣ въ 1790 году, и первый подалъ голосъ: штурмовать, за что Суворовъ обнялъ и поцѣловалъ его; за Измаильскій штурмъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора; въ 1796 году былъ въ походѣ въ Персію съ Зубовымъ; въ 1801 году получилъ чинъ генералъ-лейте-

нанта и званіе главнаго аттамана Донскихъ казаковъ. Явясь въ битвы съ Наполеономъ въ 1805 году, Платовъ показалъ опыты мужества и искусства въ 1806 и 1807 годахъ, когда первый разъ Наполеонъ узналъ казаковъ. Съ 1809 года Платовъ сражался на Дунаѣ, пожалованъ генераломъ отъ кавалеріи, но блистательнѣйшіе подвиги его и командуемаго имъ Донскаго войска, явились въ отечественной войнѣ 1812 года, когда весь Донъ поднялся на голосъ Платова и пика донца была ужасомъ и гибелью французовъ, даже самаго Наполеона, неоднократно подвергавшагося опасности быть взятымъ въ плѣнъ, или погибнуть при нежданномъ налетѣ донцовъ. Проводивъ непріятеля за предѣлы Россіи, Платовъ провелъ казацкія дружины до Парижа, въ 1813 и 1814 годахъ. Заслуги его были награждены графскимъ достоинствомъ. Онъ сопровождалъ въ Англію императора Александра, и возбудилъ своимъ явленіемъ въ Лондонѣ восторгъ англичанъ. Возвратясь на родимые берега Дона Платовъ недолго наслаждался торжествомъ Россіи, и скончался въ началѣ 1818 года. Похороненъ въ Новочеркаскѣ.

Раевскій.

Николай Николаевичъ Раевскій, изъ старинныхъ дворянъ, родился въ 1770 году, служилъ въ гвардіи, былъ офицеромъ съ 1786 года, находился въ турецкой войнѣ 1790 года, получилъ чинъ полковника въ 1791 году, былъ въ Польшѣ въ 1792 году, въ персидскомъ походѣ въ 1796 году, но потомъ былъ отставленъ, и поступилъ снова въ службу уже въ 1805 году, генералъ-маіоромъ. Въ томъ же году находился въ арріергардѣ Багратіона, при отступленіи Кутузова, отличался въ битвахъ 1807 года, особливо въ Фридландской сражался въ Финляндіи въ 1808 году; былъ съ Каменскимъ въ Дунайской арміи въ 1810 году; командовалъ корпусомъ въ арміи Багратіона въ 1812 году сражался при Дашковкѣ, гдѣ схватилъ знамя и съ дѣтьми бросился на непріятеля; блистательный подвигъ совершилъ онъ потомъ защитою Смоленска, Авуста 4-го; въ Бородинской битвѣ изумлялъ мужествомъ, и сражался при Малоярославцѣ; въ 1813 году былъ при Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ, гдѣ пожалованъ генераломъ отъ кавалеріи; въ 1814 году находился при Арсисѣ, Феръ-Шампенуазѣ и Парижѣ. Скончался въ 1827 году.

Ермоловъ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, стариннаго дворянскаго рода, вступилъ въ гвардію въ 1787 году, пожалованъ офицеромъ въ

1791 году, былъ на штурмѣ Праги капитаномъ артеллеріи и получилъ Георгіевскій крестъ, въ 1794 году; послѣ взятія Дербента Зубовымъ, гдѣ онъ находился, награжденъ Владимірскимъ крестомъ, въ 1796 году; въ 1805 году, въ чинѣ подполковника, былъ въ арріергардѣ Багратіона при отступленіи Кутузова, и сражался въ битвахъ при Амштеттенѣ, Кремсѣ и Аустерлицѣ; пожалованъ полковникомъ, и былъ при Голоминѣ въ 1806 году, въ авангардѣ и въ арріергардѣ въ походѣ 1807 года, участвуя во всѣхъ тогдашнихъ битвахъ, и особенно при Прейсишъ-Эйлау и Фринландѣ, послѣ коего награжденъ чиномъ генералъ-маіора, въ 1808 году; находился въ Дунайской арміи въ 1810 и 1811 годахъ; а въ 1812 году былъ начальникомъ штаба 1-й арміи, сражался при Смоленскѣ и Лубинѣ, награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта, и оказалъ незабвенную храбрость при Бородинѣ; потомъ былъ онъ при Тарутинѣ, Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Красномъ и Березинѣ; въ 1813 году при Люценѣ, Бауценѣ, а въ битвѣ при Кульмѣ, когда раненъ былъ Остерманъ-Толстой, заступилъ его мѣсто, и кончилъ бой въ первый день сей великой битвы. Послѣ участія въ битвѣ Лейпцигской, онъ сражался подъ Парижемъ въ 1814 году. По заключеніи мира назначенъ главнокомандующимъ въ Грузію, и въ 1818 году, послѣ посольства въ Персію, пожалованъ генераломъ отъ инфантеріи, началъ военныя дѣйствія при разрывѣ съ персіянами въ 1826 году, и уволенъ, въ 1827 году, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта.

Николай I.

1825—1855.

Александръ Благословенный былъ бездѣтенъ, а потому наслѣдникомъ престола считался братъ его Константинъ Павловичъ, который однако, еще при жизни Александра и съ его согласія, отказался отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу слѣдующаго за нимъ по старшинству брата, Николая Павловича.

(*) «Когда роковая вѣсть о смерти Александра долетѣла до Петербурга, тамъ находились тогда императрица Марія Ѳеодоровна и великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ. Генералъ-губернаторъ Петербурга, графъ Милорадовичъ, любимый государемъ и имѣвшій громадныя полномочія, явился въ зимній дворецъ и принялъ мѣры, чтобы немедленно была принесена вѣрноподданическая присяга старшему брату въ Боѣ почившаго императора, великому князю Константину Павловичу, который находился въ это время въ Варшавѣ въ качествѣ намѣстника царства Польскаго. Предсѣдатель государственнаго со-

(*) Истор. Очер. Цар. Императ. Николая I-го —Зотова.

вѣта князь Лопухинъ и князь Голицынъ объявили, что въ государственномъ совѣтѣ хранятся пакеты съ собственноручной надписью усопшаго государя: «вскрыть ихъ тотчасъ-же послѣ моей кончины, прежде нежели приступить къ какимъ либо распоряженіямъ.» Но графъ Милорадовичъ настоялъ на томъ, чтобы сначала была принесена вѣрноподданическая присяга, а потомъ уже распечатаны пакеты. Первымъ присягнулъ великій князь Николай Павловичъ—и всѣ послѣдовали его примѣру. Въ туже минуту были разосланы указы о присягѣ Константину I-му Павловичу и дѣла въ государствѣ исполнялись именемъ новаго государя.

Вслѣдъ за произнесеніемъ присяги, были распечатаны пакеты, въ которыхъ хранились: 1, манифестъ, отъ 16 Августа 1823 года, о добровольномъ отреченіи Константина Павловича отъ правъ престолонаслѣдія и о назначеніи преемникомъ короны Николая Павловича; 2, письмо цесаревича, отъ 14-го Января 1822 года, къ Александру съ просьбою объ утвержденіи его отреченія, котораго причины были тутъ-же изложены, и 3, отвѣтъ императора цесаревичу съ выраженіемъ согласія на это отреченіе.

По прочтеніи этихъ документовъ рѣшено было ожидать воли цесаревича, которому была принесена уже присяга въ вѣрности всею Россіею. Но тотъ еще 26 Ноября, получивъ извѣстіе о кончинѣ Александра, послалъ письмо къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ Николаю Павловичу, выражая въ нихъ твердую рѣшимость не уклоняться отъ однажды принятаго намѣренія.— Оставалось Николаю Павловичу покориться волѣ судьбы, вручавшей ему престолъ величайшей монархіи въ свѣтѣ.

12 Декабря обнародаванъ былъ высочайшій манифестъ о восшествіи на престолъ императора Наколая I-го съ приложеніемъ всѣхъ бумагъ отреченія. Разосланы были вновь указы о присягѣ, — и поутру 14 Декабря должны были присягать полки Лейбъ-гвардіи.

Вдругъ въ городѣ разнеслась ужасная и постыдная вѣсть, что часть этихъ полковъ взбунтовалась и съ распущенными знаменами явилась на сенатскую площадь съ криками: *ура, царь Константинъ!* а нѣкоторыя лица въ партикулярныхъ платьяхъ возглашали: *конституцію!*

Графъ Милорадовичъ тотчасъ-же явился къ этой горсти заблудшихся (ихъ было 600 человѣкъ,)—и не смотря на свое полупьяное состояніе солдаты узнали своего знаменитаго полководца. Послѣ нѣсколькихъ словъ его и по командѣ, — они уже хотѣли послѣдовать за нимъ, чтобъ умолять о прощеніи государя..... Вдругъ изъ толпы заговорщиковъ выскочилъ человѣкъ въ частномъ платьѣ (Каховскій) и пистолетнымъ выстрѣломъ повергъ героя, не получившаго ни одной раны въ двухъ стахъ сраженіяхъ.

Первый шагъ новаго вѣнценосца былъ грустенъ и труденъ,— но онъ въ немъ и обнаружилъ высокій свой духъ. Какъ достойный братъ Александра I,—онъ зналъ, что первое качество русскаго царя—отца есть милосердіе; но, какъ правитель огромной Имперіи, онъ видѣлъ, что спасеніе и благосостояніе всего народа требуетъ немедленнаго потушенія безразсуднаго и преступнаго бунта. Прежде всего онъ исполнилъ священную обязанность сердца, желая спасти заблудшихся. Съ геройской неустрашимостью поѣхалъ онъ къ рядамъ бунтовщиковъ, чтобы словами кротости и убѣжденія возвратить ихъ на путь долга и чести.—Но когда безумцы пребыли глухи къ спасительнымъ словамъ царя—отца, то Монархъ тотчасъ-же употребилъ силу. Вѣрные полки прочей гвардіи давно уже стояли и ждали повелѣнія; они окружили злодѣевъ,—и нѣсколько выстрѣловъ картечью достаточно было, чтобъ разогнать эту горсть. Въ этотъ-же вечеръ всѣ были перехватаны и преданы законному суду.

Учреждена была слѣдственная комиссія. Она открыла существованіе давнишняго и обширнаго заговора. Это былъ плодъ тайныхъ обществъ, составившихся въ Россіи послѣ компаніи 1813—1815 года по примѣру подобныхъ-же существовавшихъ въ Германіи и Франціи. Главная цѣль ихъ состояла въ преобразованіи общественнаго и административнаго порядка въ Россіи. Только иные, для достиженія этой цѣли, хотѣли постепенно улучшать нравы и обычаи, дѣйствуя на все общество своими членами. Другіе-же требовали насильственныхъ мѣръ и переворотовъ. Были даже такіе злодѣи, которые предлагали истребить всю императорскую фамилію. Подобные изверги, конечно, заслуживали казни, а еще болѣе вѣчнаго заключенія въ дома умалишенныхъ.

Всѣ эти преступные замыслы давно уже тлѣлись, какъ искры,— и искали себѣ пищи въ недозрѣлыхъ умахъ или дурныхъ страстяхъ; но когда долженъ былъ разразиться заговоръ, объ этомъ и сами заговорщики не имѣли еще опредѣленной идеи. Кто знаетъ, разразился ли бы онъ когда нибудь, еслибъ Александръ I-й продолжалъ царствовать? — Онъ зналъ о существованіи замысловъ, но видѣлъ все безсиліе и безразсудства этихъ жалкихъ идеологовъ и преобразователей. Еслибы онъ прожилъ еще, то однихъ успѣлъ бы образумить, спасти, другихъ наказать, — и русскія лѣтописи избавились бы отъ стыда видѣть въ своихъ скрижаляхъ день 14 Декабря. Но кончина его, присяга Константину I—и потомъ вдругъ обнародованіе объ отреченіи его и о вступленіи Николая I-го послужили поводомъ всѣмъ этимъ заговорщикамъ воспользоваться этою минутою замѣшательства для исполненія своихъ преступныхъ замысловъ. Они увѣрили горсть солдатъ, что отреченіе вымышлено и увлекли легковѣрныхъ къ постыдному возмущенію.

По разсмотрѣніи дѣла въ слѣдственной комиссіи составился верховный судъ (манифестъ 1 Іюня 1826 г.,) который и представилъ императору свой приговоръ надъ всѣми. Юный монархъ смягчилъ его, — и вскорѣ вся Россія забыла этотъ постыдный эпизодъ своей исторіи.

Почти тотчасъ-же, по восшествіи своемъ на престолъ, императоръ Николай Павловичъ долженъ былъ вести войну съ Персіей.

Безпорядки, происшедшіе 14 Декабря въ Петербургѣ, до такой степени были преувеличены въ Тегеранѣ, что шахъ Персидскій возмечталъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ отнять у насъ закавказскія владѣнія, которыя были постояннымъ соблазномъ и Турціи и Персіи, но, величіе и могущество Россіи при Александрѣ I, заставляли ихъ скрывать свои хищныя намѣренія; когда-же воцарился Николай I и слухъ преувеличилъ волненіе въ Петербургѣ, то шахъ полагалъ, что съ кончиной Александра, окончилась и мощь Россіи. — Онъ глубоко ошибся въ расчетахъ; при Николаѣ I, величіе Россіи удержалось на той же высотѣ, какъ и при его царственномъ братѣ, и новое царствованіе служило какъ бы продолженіемъ блестящаго царствованія Александра Благословеннаго.

Въ то время, какъ русскаго посла, князя Меншикова, прибывшаго для объявленія шаху о восшествіи на престолъ Николая I, встрѣчали въ Таврисѣ совсевозможными почестями, всѣ персидскія войска уже были выдвинуты къ границамъ Россійскимъ, подъ предводительствомъ наслѣдника престола Аббаса Мирзы и, кромѣ того, магометанское духовенство во всей Персіи призывало правовѣрныхъ къ борьбѣ съ христіанами. Волненіе распространилось по всему закавказью.

Ошеломленные неожиданнымъ нападеніемъ огромной арміи, русскіе отряды, находившіеся близъ персидской границы, принуждены были отступить къ самому Елисаветополю, куда двинулись съ торжествомъ побѣдителей и персы. Но, торжество это не было продолжительно, у Елисаветополя встрѣтилъ наступающаго непріятеля графъ Паскевичъ съ наскоро собранными русскими войсками и разбилъ его на голову. Затѣмъ персіяне были оттѣснены за Араксъ и возмущенный край покорно склонилъ голову передъ русскими знаменами.

Весною Паскевичъ перешелъ въ наступленіе и въ половинѣ Апрѣля разбилъ персидскій корпусъ у Сирдаръ-Абада, потомъ осадилъ крѣпость Абасъ-Абадъ и заставилъ ее сдаться, послѣ весьма короткаго промежутка времени. 1-го Октября пала значительная крѣпость Эривань, за взятіе которой Паскевичъ награжденъ былъ признательнымъ государемъ наименованіемъ *Эриванскаго.*

Быстрые успѣхи главнокомандующаго Паскевича, персидскій

шахъ вздумалъ остановить хитростью и, выигравъ время въ переговорахъ, удвоить свои силы, а потому онъ прислалъ къ нашему полководцу одного изъ своихъ искусныхъ вельможъ съ предложеніемъ переговоровъ о мирѣ. Паскевичъ было согласился вступить въ переговоры, но требованія персіянъ были такъ безразсудны, что навели на него сомнѣніе въ искренности намѣреній непріятеля и онъ неожиданно прервавъ переговоры, возобновилъ военныя дѣйствія, ознаменовавъ себя новыми и славными побѣдами. Въ продолженіи Января занята была Урмея и принуждена къ безусловной сдачѣ крѣпость Ардебиль; послѣ чего славный Паскевичъ двинулъ свои побѣдоносныя войска къ самой столицѣ Персіи-Тегерану.

Это послѣднее обстоятельство привело въ трепетъ персидскаго шаха и онъ поспѣшилъ заключить съ Россіей миръ. Трактатомъ, подписаннымъ воюющими державами 10 Февраля 1828 года, въ Туркманчаѣ, Персія уступила Россіи ханства Эриванское и Нахичеванское и заплатила двадцать милліоновъ золотомъ контрибуціи.

Такими блестящими результатами окончилась первая война при Николаѣ I.

Но едва успѣла кончиться война съ Персіей, какъ русскому монарху пришлось вступить въ борьбу съ Турціей, для защиты единовѣрнаго намъ греческаго народа, который, доведенный до крайности, возсталъ на своихъ угнетателей—турокъ, чтобъ мечемъ отстоять свою независимость.

Положеніе вообще всѣхъ христіанъ, подвластныхъ туркамъ, было самое ужасное.

(*) «Слишкомъ четыреста лѣтъ тому назадъ одна Азіатская орда полудикихъ Туркменцевъ вторглась въ Европу и пользуясь слабостью и раздорами между христіанскими державами, разрушила восточную Римскую имперію. Европа сдѣлала тогда печальную ошибку, допустивъ этой ордѣ варваровъ утвердиться въ прекраснѣйшихъ странахъ христіанскаго міра.—Были отдѣльныя усилія нѣкоторыхъ великодушныхъ племенъ къ отраженію мусульманъ, или къ возвращенію независимости, но ни разу не было произведено общаго благороднаго усилія, чтобъ избавить отъ ига варваровъ десять милліоновъ христіанъ—мучениковъ.—А между тѣмъ военный станъ этой орды болѣе и болѣе распространялся. Была минута, когда Вѣна готова была пасть подъ ея ударами,—и тогда бурный потокъ оттомановъ развился бы по всей Германіи. По счастію, во главѣ одного изъ славянскихъ племенъ былъ тогда герой Іоаннъ Собіесскій—и онъ спасъ Вѣну. Другія державы не думали возстать общими силами, чтобъ за-

(*) Изъ очерковъ—Зотова.

ставить эту орду дикарей возвратиться въ Туркменскія свои степи.

Только въ половинѣ XVIII вѣка явилась держава, которая, отвернувъ всякое своекорыстіе, рыцарски и христіански вступилась за участь единовѣрцевъ, страдавшихъ подъ ярмомъ магометанъ. Это была Россія.—Русскіе первые научили Европу какъ побѣждать турокъ. Кучукъ—Кайнаржійскій миръ впервые далъ христіанской державѣ право заступаться оффиціально за своихъ страдающихъ единовѣрцевъ.—Съ тѣхъ поръ всякая война Россіи съ Турціею была повтореніемъ тѣхъ же побѣдъ и тѣхъ же условій, а именно: чтобъ турки человѣческимъ образомъ обращались съ своими христіанскими подданными. Россія всякій разъ вѣрила, что эти условія будутъ выполнены,—и—увы! ошибалась. Магометъ, основатель Исламизма, далъ послѣдователямъ своимъ коренной законъ (Коранъ,) по которому дѣйствія турокъ никогда не могли измѣниться. У нихъ нѣтъ другихъ книгъ и кодексовъ, какъ для частной и семейной жизни, такъ для войны и политики. Нарушить правила Корана значитъ быть отступникомъ отъ магомета. Вся Европа знаетъ содержаніе Корана; онъ переведенъ на всѣ языки, а христіане все еще воображаютъ себѣ, что турки могутъ преобразоваться и измѣнить правиламъ своей вѣры.

Вотъ главныя узаконенія, предписанныя Кораномъ. Правовѣрные мусульмане *всегда* должны вести войну съ противниками ислама, покуда не покорятъ ихъ. Они могутъ въ случаѣ нужды заключать иногда *перемирія*, чтобъ собраться съ новыми силами,—но давать миръ можно только побѣжденнымъ и завоеваннымъ народамъ. Всякій *невѣрный* долженъ считаться *джяуромъ* (собакою,) служить невольникомъ правовѣрному. Имущество, стада, жены, дѣти невѣрнаго и голова его принадлежатъ правовѣрному,—но онъ можетъ позволить ему пользоваться ими съ полученіемъ за то ежегоднаго окупа (харгачь.) Всякое обѣщаніе и клятва, данныя христіанину, ничего ни значатъ и не къ чему не обязываютъ. Война за всемірное торжество Ислама должна занимать правовѣрныхъ во всю жизнь и во всѣ времена. Земледѣліемъ и скотоводствомъ должны заниматься *раіи* (христіанскіе подданные.) Всякое отступленіе отъ Корана наказывается и здѣсь и по смерти казнію и мученіемъ.

Вотъ основный законъ политики и религіи турокъ.—Притомъ же у нихъ не существуетъ то, что въ Европѣ привыкли называть державою, Имперіею, государствомъ. Съ тѣхъ поръ какъ они полудикою ордою вторглись въ Европу, они ни въ чемъ не измѣнились. Это все тѣже туркменцы Ортогула, разбившіе свой побѣдный лагерь на развалинахъ восточнаго Рима. Султаны ихъ все тѣже военные предводители, которые должны вести ихъ къ побѣдамъ; тѣже блюстители законовъ Корана. У нихъ нѣтъ сто-

лицъ: у султана есть *главный станъ*,—и повелѣнія его принимаются у *подножія стремени*. У нихъ нѣтъ *народа* и *національности*: есть войско, есть правовѣрные—властители и *раіи*—невольники. У нихъ нѣтъ кодекса и суда,—а есть право меча; они не знаютъ общенародныхъ правъ,—а одинъ свой Коранъ.

Западная Европа придумала впослѣдствіи такъ называемый *восточный вопросъ*, но временныя выгоды каждой державы измѣнятся и исчезнутъ, а останется все та же борьба между крестомъ и полумѣсяцемъ, между Евангеліемъ и Кораномъ, между христіанами и изступленными поклонниками магомета.

Можно-ли же послѣ всего этого было когда нибудь Европѣ думать, что Турція сохранитъ условія своихъ съ ней договоровъ. Въ 1826 году заключена была конвенція съ Турціею, а 8 Декабря 1827 года султанъ издалъ свой знаменитый Хатти-Шерифъ, въ которомъ сказалъ: «всѣмъ здравомыслящимъ людямъ извѣстно, что всякій мусульманинъ естественно есть смертельный врагъ невѣрныхъ,—а невѣрный—смертельный врагъ мусульманъ. Россія въ безумныхъ замыслахъ своихъ противъ порты, воздвигла бунтъ грековъ, искони единовѣрцевъ своихъ. Чрезъ происки ея Англія и Франція вступили въ согласіе съ нею и требовали отъ блистательной порты даровать независимость грекамъ. Очевидно, какъ ясный день, что вслѣдствіе этой независимости невѣрные захватятъ подъ свое владычество Европейскія и христіанскія области обитаемыя греками и наконецъ поставятъ раию наряду съ мусульманами, и обратятъ наши мечети въ церкви, будутъ въ нихъ звонить въ колокола.

«Основываясь на этихъ причинахъ, духовныхъ, политическихъ и гражданскихъ, и зная, что отвѣтъ на подобныя предложенія надобно будетъ дать съ мечемъ въ рукахъ, мы старались выиграть время переговорами, чтобъ успѣть сдѣлать надлежащія приготовленія. Даже въ прошломъ году нелѣпыя предложенія Россіи въ Акерманѣ не могли быть приняты, но мы согласились на нихъ, въ ожиданіи благопріятнаго случая. Кому не извѣстно вѣроломство Россіи, Англіи и Франціи въ Наваринской битвѣ! Этимъ самымъ державы нарушили миръ и объявили намъ войну. Но, уступая обстоятельствамъ, мы молчали и обходились дружески, принявъ видъ будтобы вѣримъ ихъ посланникамъ.—Но въ самомъ дѣлѣ мы бы поступили противъ вѣры, еслибъ исполнили ихъ требованія. Это бы значило предать подлымъ невѣрнымъ наши области, нашихъ женъ и дѣтей.—Нѣкогда невѣрные царствовали по всему міру, но со временемъ побѣда перешла на нашу сторону. Мы сотни тысячъ разъ и сотни тысячъ людей предавали мечу. Такъ будетъ и теперь. Мы вездѣ сокрушимъ подлыхъ невѣрныхъ.»

Дѣло въ томъ, что когда императоръ Николай I вступилъ на царство, борьба грековъ съ турками еще продолжалась, но уже

истощенныя силы христіанъ долгой борьбой съ сильной турецкой имперіей готовы были надломиться—и государь принялъ отеческое участіе въ горькой судьбѣ греческаго народа. Но, чтобы не дать Россіи исключительнаго вліянія на дѣла Греціи, возрожденіе которой считалось несомнѣннымъ при заступничествѣ могучаго сѣвернаго императора—Англія и Франція присоединились къ Россіи, и потребовали отъ турецкаго султана, чтобъ онъ тотчасъ-же прекратилъ свои варварскія избіенія въ Греціи и далъ ей свободу—во имя ея многолѣтнихъ страданій подъ владычествомъ мусульманъ. А для внушенія должнаго уваженія къ своимъ требованіямъ, союзныя державы выслали свои эскадры въ Архипелагъ. Султанъ, однако, подъ разными благовидными предлогами уклонился отъ требованія державъ, которыя въ виду этого отказа рѣшили поддержать свои требованія силою оружія; соединенныя морскія силы Россіи, Англіи и Франціи напали на турецко-египетскій флотъ, находившійся въ Наваринской гавани, и впродолженіи всего 4 часовъ уничтожили его до основанія.

Этимъ уничтоженіемъ громаднаго флота нанесенъ былъ необычайный ударъ Турціи и казалось она должна была-бы образумиться, но оказалось совсѣмъ противное: зная, что починъ заступничества за грековъ принадлежитъ Россіи, султанъ Турціи обнародовалъ вышеуказанное воззваніе къ своему народу, въ которомъ призывая подданныхъ къ поголовному ополченію, бутдо бы на защиту вѣры и отечества, которымъ никто не угрожалъ, онъ позволилъ себѣ слишкомъ много рѣзкихъ выходокъ противъ Россіи, оскорбляющихъ ея достоинство; вслѣдствіе такой непріязни и неуваженія къ Россіи, государь императоръ и объявилъ ему войну, повелѣвъ, въ тоже время манифестомъ отъ 14 Апрѣля 1828 года, войскамъ своимъ перейдти границы Турціи въ Азіи и въ Европѣ.

Войсками въ Азіатской Турціи предводительствовалъ герой персидской войны, графъ Паскевичъ-Ериванскій, и несмотря на малочисленность своихъ силъ, онъ велъ дѣло ратное съ чрезвычайнымъ успѣхомъ—не только устоялъ, но въ нѣсколькихъ битвахъ геройски разбилъ многочисленнаго непріятеля и покорилъ первокласную крѣпость Карсъ, служившую оплотомъ блистательной порты въ Азіацкой Турціи, затѣмъ взялъ штурмомъ Ахалцыхъ, и наконецъ занялъ Эрзерумъ—столицу турецкой Арменіи.

Также успѣшно для Россіи ведена была война и въ Европейской Турціи, гдѣ хотя и имѣлъ назначеніе главнокомандующаго, герой 12 г. фельдмаршалъ Видгенштейнъ, но государь императоръ самъ находился съ своею арміею, и своимъ присутствіемъ воодушевлялъ войска, лично распоряжался переправою войскъ черезъ Дунай, и въ тотъ-же день, не смотря на громад-

ное и опасное волненіе, въ запорожской лодкѣ переправился на турецкій берегъ.

Вскорѣ по переправѣ черезъ Дунай были взяты нашими войсками крѣпости Браиловъ и Варна. За болѣзнію престарѣлаго фельдмаршала Видгенштейна, начальство надъ войсками было поручено графу Дибичу, который сдѣлался грозою турокъ— опрокинувъ главную турецкую армію, находившуюся подъ командою самого великаго визиря, онъ отважно перешагнулъ черезъ Балканскія горы и твердо сталъ въ Адріанополѣ второй турецкой столицѣ, угрожая самому Царь-граду.

Казалось бы, что Турціи оставалось только одно — просить міра, но Султанъ медлилъ и интриговалъ Персію, которую ему хотѣлось втянуть въ новую войну съ Россіей. Султанъ имѣлъ нѣкоторыя основанія надѣяться на возобновленіе войны между Русскими и Персами, въ виду совершившагося событія въ 1829 году весною. Фактъ этотъ былъ такого свойства: чернь Персидской столицы, возбужденная своимъ духовенствомъ, напала на домъ русскаго посольства и умертвила нашего посла, знаменитаго Грибоѣдова, создавшаго комедію «Горе отъ ума», а также и всю его свиту. Само собой разумѣется, что это событіе могло повлечь за собою весьма серьезное столкновеніе и кончиться весьма трагически для Персіи; но Шахъ Персидскій, убѣдившись изъ горькаго опыта, чего можетъ стоить ему разрывъ съ Россіей, который былъ неминуемъ, отправилъ внука своего съ особымъ посольствомъ въ Петербургъ просить извиненія за событіе въ Тегеранѣ, обѣщаясь при этомъ достойно наказать виновныхъ. Принявъ во вниманіе, что Персидское правительство не было причиной печальнаго событія и обѣщало дать удовлетвореніе наказаніемъ виновныхъ въ убійствѣ посла, Петербургскій кабинетъ принялъ извиненіе Шаха и дѣло уладилось мирнымъ путемъ. Такимъ образомъ надежды Турецкаго Султана не сбылись и онъ принужденъ былъ просить мира, который и состоялся въ Адріанополѣ въ 1829 году. Россія получила восточный берегъ Чернаго моря, гарантирующій наши закавказскія области отъ нашествія турокъ, и право плавать русскимъ судамъ по Дунаю, Черному морю и Дарданеламъ. Кромѣ того, въ силу Адріанопольскаго договора, Турція обязалась признать независимость Греціи. Княжества Молдавія, Валлахія и Сербія поступили подъ покровительство Россіи,

Наступилъ 1830 годъ—не легкое время для Россіи: одновременно въ нѣсколькихъ городахъ, а именно—въ Тифлисѣ, Астрахани, Царицынѣ, Саратовѣ и Елизаветполѣ—появилась страшная холера. Это началось съ начала весны, а въ концѣ этого же года (1830), въ Варшавѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе.

Царству Польскому, основанному въ 1815 году, Императоръ Александръ Благословенный далъ особое политическое устрой-

ство съ собственными войсками и національнымъ сеймомъ, которое, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, благодаря неусыпной заботливости царственнаго намѣстника Польши, Великаго Князя Константина Павловича, сдѣлала чрезвычайное движеніе впередъ: — торговля, промышленность, литература, образованіе,—все это процвѣтало въ Польшѣ, какъ никогда, и, кромѣ того, 30-ти тысячное войско царства Польскаго было доведено цесаревичемъ Константиномъ до удивительнаго совершенства.

Это внутреннее развитіе и довѣріе къ Польшѣ государя Александра I поляки рѣшились употребить во зло, задумавъ возстановить польское королевство, съ присоединеніемъ къ нему тѣхъ земель, которыми владѣетъ Россія по раздѣламъ 1772, 1789 и 1794 годовъ. Въ Варшавѣ образовались тайныя общества изъ всѣхъ сословій, и искусно стало подготовляться возстаніе.

Такъ нѣкоторые изъ приближенныхъ къ Великому князю Намѣстнику поляки убѣдили его ходатайствовать передъ государемъ императоромъ о переименованіи корпуса русскихъ войскъ, стоявшихъ на зимовыхъ квартирахъ въ западныхъ губерніяхъ, въ *Литовскій*, и о пополненіи его солдатами и офицерами изъ уроженцевъ тѣхъ губерній. Не подозрѣвая злаго умысла въ этой просьбѣ, Великій князь ходатайствовалъ и на его ходатайство послѣдовало Высочайшее соизволеніе—корпусъ былъ переименованъ въ Литовскій.

Возстаніе въ Польшѣ ускорили революціонныя движенія въ Италіи, Испаніи и во Франціи; поляки надѣялись встрѣтить въ Европѣ не только нравственное сочувствіе ихъ возстанію, но даже поддержки вооруженной силой.

Воодушевленные этой послѣдней несбыточной надеждой, ночью, 17-го Ноября, толпа вооруженной польской молодежи напала на Бельведерскій дворецъ, чтобъ умертвить намѣстника, но великій князь Константинъ Павловичъ, благодаря случайности, успѣлъ спастись отъ убійцъ и прибылъ къ двумъ гвардейскимъ полкамъ—Литовскому и Волынскому, съ которыми и вышелъ изъ Варшавы въ одно изъ окрестныхъ селеній. Тѣмъ временемъ по Варшавѣ быстро распространились слухи, что русскіе убиваютъ поляковъ;—это было предлогомъ, чтобъ уничтожать скорѣе всѣхъ преданныхъ Россіи людей, проживавшихъ въ городѣ, что и было выполнено поляками надъ давно намѣченными жертвами.

Волненіе скоро вспыхнуло во всей Польшѣ. Въ Варшавѣ образовалось временное правительство, члены котораго раздѣлялись на двѣ партіи — Чарторижскаго и Лелевеля. Собравшійся сеймъ съ дерзскою самонадѣянностію объявилъ Россійскій Царствующій Домъ лишеннымъ польскаго престола. Князь Чарторижскій, Лелевель и еще нѣкоторые другіе господа явились къ Великому князю Константину Павловичу для переговоровъ отъ лица польскаго народа, и, между прочимъ, заявили требованіе объ

уступкѣ Россіей Польшѣ западно-русскихъ провинцій, нѣкогда входившихъ въ составъ Польскаго королевства. Великій князь холодно отвѣчалъ депутаціи, что онъ не уполномоченъ вести переговоровъ объ этомъ предметѣ.

Между тѣмъ для усмиренія Польши была выслана стотысячная армія подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича. Польскія войска, подъ начальствомъ генерала Хлопицкаго, служившаго нѣкогда въ рядахъ Наполеона I, пытались неоднократно остановить русскую армію, но были оттѣснены къ предѣламъ Варшавы, гдѣ у селенія Грахова принуждены были принять битву, имѣвшую рѣшительный характеръ. Поляки, сознавая всю важность этой роковой встрѣчи двухъ армій, бились съ страшнымъ отчаяніемъ, но были разбиты и предводитель Хлопицкій раненъ. Дибичу оставалось воспользоваться своей побѣдой и, двинувшись на Варшаву, нанести окончательный ударъ Полякамъ; но онъ, по неизвѣстной причинѣ, отступилъ, что и дало возможность повстанцамъ собраться съ силами и, подъ предводительствомъ Скрженецкаго, замѣнившаго Хлопицкаго, дѣйствовать наступательно, но при г. Остроленкѣ снова были разбиты русскими войсками. Дибичъ вскорѣ умеръ отъ свирѣпствовавшей холеры въ войскахъ и въ народѣ. Жертвой этой ужасной болѣзни сдѣлался и Великій князь Константинъ Павловичъ. Начальство надъ войсками, послѣ смерти Дибича, принялъ графъ Паскевичъ-Эриванскій.

Временное правительство Царства Польскаго отправило уполномоченныхъ въ Англію и во Францію просить помощи, но имъ было отказано. Возстаніе въ Волынѣ ограничилось почти только однимъ католическимъ духовенствомъ и панами, но крестьяне-малоросы не приняли участія въ движеніи и даже враждебно смотрѣли на поляковъ. Въ Литвѣ только въ началѣ возстаніе было поддерживаемо партизанскими шайками, вредившими нашимъ войскамъ, но шайки эти скоро были вытѣснены за прусскую границу, гдѣ у нихъ и отобрали оружіе.

Между тѣмъ Паскевичъ, переправившись у Осѣка черезъ р. Вислу, быстро двинулся къ Варшавѣ и, не смотря на ея сильное укрѣпленіе, 25 Августа взялъ штурмомъ передовое укрѣпленіе, а на слѣдующій день, послѣ жестокой битвы, вошелъ въ покоренный городъ. Многіе предводители польскаго мятежа однако успѣли бѣжать за границу—возстаніе было прекращено. За взятіе Варшавы, Паскевичъ получилъ титулъ князя *Варшавскаго* и оставленъ намѣстникомъ царства. Польская самостоятельность, дарованная царству милостивымъ императоромъ Александромъ, была уничтожена.

Въ 1830 году холерная эпидемія миновала Сѣверную столицу, хотя этого никто не думалъ и всѣ со страхомъ и трепетомъ ждали въ Петербургѣ эту ужасную гостью—она не пошла дальше Москвы, гдѣ впрочемъ много погибло народу и только, благодаря

присутствію тамъ самого Монарха и его отеческимъ заботамъ, не погибло въ десятеро болѣе. Но въ слѣдующемъ 1831 году въ Петербургѣ, и именно 14-го Іюня, заболѣлъ холерой одинъ рабочій на соймѣ, прибывшей изъ Вытегры, который хотя и выздоровѣлъ, вслѣдствіе успѣшно поданной ему медицинскій помощи, но этимъ случаемъ не ограничилось появленіе эпидеміи—въ тотъ же день умеръ отъ холеры подмастерье одного живописца; потомъ еще было нѣсколько случаевъ заболѣванія холерой — два смертныхъ. Было ясно, что холера пришла въ Питеръ.

Всѣ жители столицы были объяты ужасомъ—врачи не были опытны въ дѣлѣ лѣченія холеры и лѣчили всякій на свой ладъ, и—въ большинствѣ случаевъ неуспѣшно.

Одно весьма незначительное обстоятельство подало поводъ думать простому народу, что болѣзнь, появившаяся въ столицѣ, ни что иное какъ отрава, а не какъ не холера, о которой онъ между прочимъ не имѣетъ никакого понятія; такъ какъ отъ отравленія грибами и другими веществами, сопровождавшимися рвотой, въ деревняхъ обыкновенно существуетъ почти одно единственное средство—парное молоко, то нѣкоторымъ пришло въ голову попробовать это же средство и отъ рвоты при заболѣваніи холерой,—и многіе спаслись.

Этого было совершенно достаточно; народъ положилъ, что его *отравляютъ*. А кто и для какой цѣли? такъ это не составляло тайны для непросвѣщеннаго народа; онъ не затруднялся въ опредѣленіи и указывалъ на всѣхъ и на все. Такъ какъ въ это время еще не совсѣмъ утихло польское возстаніе, и народъ положилъ, что поляки по злобѣ отравляютъ русскихъ; доктора-нѣмцы не успѣшно лѣчили—и ихъ обвиняли въ томъ же. Полагали, что и вода, и квасъ, и всевозможныя продукты—все отравлено.

И такъ какъ главное подозрѣніе въ мнимыхъ отравленій народа падало на иностранцевъ, то достаточно было появиться на улицѣ человѣку, даже только походившему на иностранца, какъ его тотчасъ же окружала толпа чернаго народа и обыскивала.

Правительство строго воспретило подобное самоуправство, доказывая всю нелѣпость подозрѣній въ отравленіи и разыскиваніе мнимыхъ отравителей; но народъ въ изступленіи проходилъ мимо этихъ развѣшанныхъ по улицамъ объявленій и продолжалъ дѣлать безпорядки. Но на улицахъ необузданному народу показалось недостаточнымъ обыскивать прохожихъ, имѣвшихъ несчастіе быть иностранцами или походить на таковыхъ—для пресѣченія вымышленныхъ имъ-же самимъ злоупотребленій, народъ бросился на одну изъ больницъ, а именно на Сѣнной площади, перебилъ стекла, ворвался туда, повыкидалъ изъ оконъ кровати, прибилъ докторовъ, подозрѣваемыхъ въ томъ, что ихъ будто-бы подкупили поляки отравлять народъ. Едва подоспѣвшій военный караулъ могъ спасти нѣкоторыхъ докторовъ и очистить больницу

отъ грубой черни. Появившійся вслѣдъ за тѣмъ на мѣстѣ происшествія градоначальникъ Эссенъ пробовалъ уговарить собравшуюся толпу, но его не послушали. Народъ не расходился, продолжалъ волноваться на Сѣнной до слѣдующаго дня.

Вдругъ, утромъ, Государь Императоръ, безъ всякаго конвоя и свиты, въ коляскѣ пріѣхалъ на Сѣнную. Едва шумѣвшая толпа народа завидѣла своего Государя, какъ мгновенно смолкла и обнажила головы.

— На колѣни!—крикнулъ Николай Павловичъ своимъ громкимъ голосомъ.

Всѣ опустились на колѣни и заплакали—отрава, нѣмцы—все было забыто.

— Молитесь! — снова сказалъ Государь, указывая на близъ стоявшую церковь, и всѣ стали молиться вмѣстѣ съ своимъ обожаемымъ повелителемъ.

Такъ по одному слову Государя народъ утихъ и волненій больше не повторялось въ Петербургѣ. Мало по малу и болѣзнь стала ослабѣвать, благодаря врачебнымъ пособіямъ и разнымъ санитарнымъ мѣрамъ.

29-го Ноября уже было совершено молебствіе по случаю совершеннаго прекращенія холеры.

Послѣ усмиренія польскаго мятежа, Россія спокойно развивалась и крѣпла подъ мирнымъ управленіемъ своего Государя до 1848 г. Но 1848 году начались революціонныя движенія въ большей части Европы и это не могло не безспокоить наше отечество:—вслѣдствіе смутъ во Франціи, король Людовикъ Филипъ принужденъ былъ покинуть престолъ и удалиться въ Англію, послѣ чего Франція объявила у себя республиканское правленіе, во главѣ котораго сталъ Людовикъ Наполеонъ, племянникъ Наполеона I и сынъ Людовика, бывшаго короля Голландскаго; въ Италіи произошли безпорядки вслѣдствіе требованія одной сильной партіи, къ которой примкнулъ и король Сардинскій Карлъ-Эммануилъ,—объединенія всего Аппенинскаго полуострова; этому послѣдовали и въ Германіи; въ Австріи началось междоусобіе — Чехи, Венгры, Кроаты требовали, каждые для себя, особой самостоятельности; въ Вѣнѣ вспыхнулъ бунтъ — вслѣдствіе чего Императоръ Фердинандъ I отказался отъ престола въ пользу своего юнаго племянника Франца Іосифа, но венгерцы не хотѣли признать его своимъ королемъ. Австрія была близка къ распаденію. Тогда Францъ-Іосифъ обратился за помощію къ Императору Николаю I-му, который, какъ и всегда готовый подать руку помощи слабѣйшему, но правому,—возвѣстилъ манифестомъ отъ 26-го Апрѣля 1849 г. о помощи, даруемой имъ Австріи, и немедленно двинулъ въ Венгрію до 200,000 войска подъ начальствомъ графа Паскевича.

Русскія войска вступили въ Венгрію и положеніе дѣла сейчасъ же измѣнилось;—Паскевичь взялъ штурмомъ Дебричи и заставилъ Кошута, объявившаго себя диктаторомъ Венгерскаго королевства и предводительствовавшаго войсками, — бѣжать оттуда. Диктаторство перешло къ другому венгерскому вождю Гергею, который не былъ счасливѣе своего предшественника, и вскорѣ разбитый на голову русскимъ генераломъ Ридигеромъ, принужденъ былъ со всею своею арміею сдаться ему на капитуляцію. Такъ благодаря Императору Николаю возстаніе было усмирено и Венгерцы признали королемъ Франца-Іосифа. Кошутъ бѣжалъ за границу.

Въ 1853 году началась Восточная война.

(*) Когда Султанъ начиналъ войну 1829 года, то заранѣе сказалъ въ знаменитомъ своемъ Хатти-Шерифѣ, что съ христіанами можно только заключать перемирія, чтобы выиграть время, но что естественнымъ образомъ каждый мусульманинъ долженъ быть вѣчнымъ врагомъ христіанъ. Слѣдовательно, зная основный законъ Корана, можно было быть увѣреннымъ, что и Адріанопольскій миръ, дарованный Императоромъ Николаемъ, когда русская армія была уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Константинополя, послужитъ только для Султана такимъ же перемиріемъ, чтобы собраться съ силами и улучить удобное время для начатія новой войны. Договоры Кучукъ-Кайнаджійскій, Бухарестскій, Акерманскій, Адріанопольскій, — были для Порты мертвою буквою, потому что, по словамъ корана, договоры съ христіанами не связываютъ *правовѣрныхъ*.—Всегдашняя цѣль всѣхъ трактатовъ Россіи съ Турціею состояла только въ томъ, чтобъ улучшить, обезпечить положеніе христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ на востокѣ. Но никогда эти условія не были выполняемы, — да и нельзя было, по справедливо, стиожидать этого выполненія, потому что правила мусульманской вѣры воспрещаютъ почитать христіанина человѣкомъ, который можетъ имѣть равныя права съ поклонникомъ Магомета.

Прошло нѣсколько лѣтъ съ Адріанопольскаго мира — и Николай I убѣдился, что восточные христіане точно также страдаютъ, какъ и прежде, и что договоры столь же явно не выполняются Портою, какъ и всегда. Надобно было напомнить Портѣ ея обязательства, и Государь Императоръ отправилъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посланникомъ генералъ-адъютанта князя Меньшикова, который имѣлъ порученіе требовать какого нибудь письменнаго подтвержденія прежнихъ переговоровъ.

Могло ли быть что нибудь умѣреннѣе и справедливѣе этого требованія? Но Порта, державшаяся до сихъ поръ въ Европѣ

(*) Изъ очерковъ Рафаила Зотова.

только несогласіями христіанскихъ державъ между собою, давно уже видѣла, что весь западъ съ завистью и безспокойствомъ смотритъ на развитіе силы и благосостоянія Россіи, въ особенности Англія, опасавшаяся, чтобъ могущество этой имперіи на востокѣ не потрясло когда нибудь власти Великобританіи между индѣйскими племенами.

Англійскій посланникъ въ Константинополѣ внушилъ Портѣ, что она должна отказать во всѣхъ требованіяхъ Россіи и что если отъ этого произойдетъ война, то Европа будетъ помогать Турціи.—Это былъ верхъ желаній Порты. Ея торжество именно состояло въ томъ, чтобъ вооружать Христіанскія державы одну противъ другой.

Князю Меньшикову было отказано. Онъ долженъ былъ уѣхать, и Императоръ Николай велѣлъ 60,000-ной арміи двинуться въ Дунайскія княжества, чтобъ этой демонстраціею образумить Турцію. Но она сама объявила войну Россіи и начала военныя дѣйствія. На Азіатскомъ берегу захватили уже Турки Николаевскій фортъ и, желая соединиться тамъ съ кавказскими племенами, стали свозить туда многочисленные отряды.

Чтобъ наблюдать за этими подвозами турецкихъ войскъ и не допускать ихъ крейсеровать у береговъ Анатоліи, былъ посланъ вице-адмиралъ Нахимовъ съ кораблями: Императрица Марія, Чесьма и Ростиславъ.

Узнавъ, что изъ Константинополя вышла сильная Турецкая эскадра съ подкрѣпленіями для азіатскихъ корпусовъ своихъ, Нахимовъ тотчасъ же пошелъ ее отыскивать и нашелъ въ Синопской гавани, куда она скрылась отъ бурь. Хотя непріятель былъ гораздо сильнѣе его, но онъ рѣшился блокировать гавань впредь до присоединенія къ нему другой Русской эскадры.

16-го Ноября явилась ожидаемая помощь къ Нахимову. Она состояла изъ 120-ти пушечныхъ кораблей Парижъ, Великій князь Константинъ и три Святителя, фрегатовъ: Кагулъ и Кулевчи. Эта эскадра была подъ начальствомъ контръ-адмирала Новосильскаго.

Нахимовъ далъ тотчасъ же приказаніе готовиться къ бою.

17-го Ноября въ половинѣ десятаго утромъ началось движеніе. Подойдя къ порту, усмотрѣно было, что семь турецкихъ фрегатовъ и три корвета расположены были въ видѣ полумѣсяца подъ прикрытіемъ четырехъ береговыхъ батарей. За боевою же турецкою линіею стояли два военныя парохода и два транспорта.

Въ половинѣ перваго часа по первой пушкѣ Турецкаго флагманскаго корабля (фрегатъ Ауни-Аллахъ) открытъ былъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ и батарей. Корабль Императрица Марія засыпанъ былъ ядрами и книппелями, но храбро шелъ впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ. Не выдержавъ и получасовой пальбы фрегатъ Ауни-Аллахъ выбросился на берегъ къ

батареѣ № 6. Тогда корабль Марія обратилъ огонь свой на 44-хъ пушечный фрегатъ Фазли-Аллахъ (Рафаилъ, взятый у насъ въ 1829 году). Вскорѣ и этотъ фрегатъ, загорѣвшись, бросился тоже къ берегу и сталъ на мель. Такимъ образомъ, не имѣя противниковъ, корабль Марія началъ дѣйствовать по батареѣ № 5 и по судамъ, сопротивлявшимся второй колоннѣ. Но послѣднее оказалось излишнимъ: и вторая половина дѣйствовала также превосходно.

Корабль великій князь Константинъ, принявъ скулою градъ ядеръ, киппелей и картечей, открылъ сильный батальный огонь по батареѣ № 4 и 60-ти пушечнаго фрегата Новекъ-Бахри и другаго такого же Неземи-Зеферъ. Мѣткими выстрѣлами съ бомбической батареи корабля взорванъ былъ на воздухъ чрезъ 20 минутъ фрегатъ Новекъ-Бахри, и тогда, поворотясь на шпрингѣ, корабль обратилъ свой огонь на второй фрегатъ и на 20-ти пушечный корветъ Неджиги-Фачанъ.

Въ часъ пополудни фрегатъ былъ отброшенъ на старую моллу; а вскорѣ за нимъ бросился на берегъ и корветъ близъ батареи № 5. Корабль Чесьма до взрыва фрегата Новекъ-Бахри дѣйствовалъ тоже по немъ и по батареямъ № 3 и 4, а потомъ ужъ по однимъ батареямъ, которыя и срылъ. Корабль Парижъ открылъ страшный батальный огонь по батареи № 5 и по 56-ти пушечному фрегату Дадіадъ и корвету Чули-Седифъ (о 22-хъ пушкахъ).

Въ часъ 5 минутъ по полудни корветъ взлетѣлъ на воздухъ; фрегатъ же въ два часа сдрейфовалъ къ берегу, гдѣ и загорѣлся. Корабль Три Святителя очень хорошо дѣйствовалъ по 54-хъ пушечному фрегату Калди-Зефиръ и принудилъ его броситься къ берегу.

Корабль Ростиславъ сталъ противъ батареи № 6 и 42-хъ пушечнаго фрегата Фейзе-Мебауръ, и вскорѣ фрегатъ былъ отброшенъ къ берегу, а батарея уничтожена.

Въ это время вышелъ изъ линіи турецкій 20-ти пушечный пароходъ Таифъ и пустился въ открытое море. Хотя фрегаты Кагулъ и Кулевчи погнались было за нимъ, но онъ вскорѣ ушелъ.

Такимъ образомъ менѣе нежели въ полтора часа весь непріятельскій флотъ и береговыя батареи Синопа были истреблены. Нахимовъ съ полною побѣдою возвратился, и это сраженіе прибавило еще блистательную страницу въ лѣтописи нашего флота.

Это новое торжество Русскаго оружія ускорило рѣшеніе конференцій, которыя еще продолжались въ Вѣнѣ. Англія не могла простить Россіи побѣды флота ея. Французскій и Англійскій кабинеты объявили, что будутъ силою оружія защищать Турцію.

Императоръ Николай Павловичъ спокойно принялъ вызовъ, и, 11-го Апрѣля 1854 года, обнародовалъ слѣдующій манифестъ:

«Съ самаго начала несогласій нашихъ съ Турецкимъ прави-

тельствомъ, мы торжественно возвѣстили любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что единое чувство справедливости побуждаетъ насъ возстановить нарушенныя права православныхъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ. Мы не искали и не ищемъ завоеваній, ни преобладательнаго въ Турціи вліянія сверхъ того, которое по существующимъ договорамъ принадлежитъ Россіи. Тогда же встрѣтили мы сперва недовѣрчивость, а вскорѣ и тайное противоборство Французскаго и Англійскаго правительствъ толкованіемъ намѣреній нашихъ, введшихъ Порту въ заблужденіе. Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласія наши съ Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая цѣль: обезсилить Россію, отторгнуть у нея часть областей и низвести отечество наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею. Православной-ли Россіи опасаться этихъ угрозъ? Готовясь сокрушить дерзость враговъ, уклонится-ли она отъ священной цѣли Промысломъ Всемогущимъ ей предназначенной? Нѣтъ! Россія не забыла Бога! она ополчилась не за мірскія выгоды; она сражается за вѣру христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братьевъ, терзаемыхъ неистовыми врагами. Да познаетъ же все христіанство, что, какъ мыслитъ царь Русскій, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ нимъ вся Русская семья. Вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, Искупителю нашему Іисусу Христу, православный Русскій народъ за вѣру и христіанство подвизается. Съ нами Богъ, никто же на ны»!

Такимъ образомъ началась война грозная, чудовищная, неестественная, противная человѣчеству, христіанству, всѣмъ здравымъ идеямъ.

Еще недавно Франція и Англія во всѣхъ своихъ нотахъ признавали, что Россія имѣла право требовать у Порты новыхъ обезпеченій. Эти же державы утвердили даже форму тѣхъ требованій, и когда Россія приняла ее, а Порта отказалась, западныя державы объявили войну Россіи, говоря, что эта война за просвѣщеніе противъ варварства.

Другой ударъ еще болѣе прискорбный для сердца Николая I-го ожидалъ его вскорѣ.

Австрія, обязанная всѣмъ своимъ существованіемъ великодушной помощи Императора, съ жаромъ взялась за посредничество между имъ и западными державами. Онъ охотно согласился на это посредничество, увѣренъ будучи въ ея искренномъ усердіи и преданности. Благородное его сердце не помнило всей исторіи Австріи. Онъ не зналъ, что отогрѣтая змѣя кусается. Еще князь Шварценбергъ, управлявшій Вѣнскимъ кабинетомъ, основывалъ свою политику на томъ, чтобъ никогда не быть связаннымъ никакими узами нравственности, и съ ужасающимъ цинизмомъ объявилъ, что «Австрія удивитъ міръ своею неблагодар-

ностію». Но когда при Альмюцскомъ свиданіи съ юнымъ австрійскимъ императоромъ Францомъ Іосифомъ Николай I видѣлъ всѣ *явные* знаки живѣйшей любви; когда на слова Русскаго Царя: «между вами и дѣтьми моими я не дѣлаю никакого различія» —Францъ Іосифъ бросился въ его объятія и отвѣчалъ: «между нами союзъ на жизнь и смерть!» —то Николай вполнѣ ввѣрился, и, увы! былъ жестоко разочарованъ.

Австрія, увидя, что перевѣсъ силы перешелъ теперь на сторону Турціи и западныхъ державъ, объявила, что она вступитъ съ арміею въ Дунайскія княжества и требуетъ, чтобъ Русскіе очистили ихъ.

Съ этой минуты война приняла другой оборотъ. Русскіе оставили Молдавію и Валлахію, спѣша защитить собственныя свои владѣнія; Англо-Французская армія высадилась у Евпаторіи и двинулась къ Севастополю. Князь Меньшиковъ съ 30,000 сразился съ ними у береговъ Альмы—и принужденъ былъ отступить предъ превосходными силами.

Началась тогда безпримѣрная въ лѣтописяхъ войны осада. Открытый городъ вдругъ превратился въ крѣпость. Обоюдныя силы ежедневно прибывали и союзники сохраняли перевѣсъ. Надобно было Россіи увеличить свои арміи. Въ Декабрѣ 1854 года изданъ былъ еще манифестъ и начали составлять народное ополченіе, подобно тому, какъ оно создано было въ достопамятную годину 1812 года.

Внутренняя организація ополченія была во многомъ схожа съ постановленіями 1812 года, и мужествомъ своимъ дружины 1855 года не уступали прославившимся своимъ предшественникамъ, что и доказали успѣвшія участвовать въ битвахъ около Севастополя.

Война съ западомъ была еще во всемъ разгарѣ; Франція, Англія, Сардинія, Турція дѣйствовали въ полѣ и на морѣ. Австрія собиралась и грозила, удерживая чрезъ то значительную часть нашихъ войскъ у своихъ границъ. Пруссія, съ вѣковою, испытанною своею дружбою, объявила себя нейтральною, но трактатомъ 2 Декабря 1854 г. нравственно присоединилась уже къ политикѣ Австріи. Германія клонилась къ тому же, дозволяя безпрепятственно вербовать Англіи войска въ своихъ областяхъ. Испанія согласилась дать союзникамъ вспомогательный корпусъ. Даже Швеція заключила наконецъ трактатъ съ Франціею и Англіею. Борьба была сверхестественною.

Государь Николай Павловичъ ужасался размѣрамъ, какіе приняла война, но правое дѣло было на его сторонѣ, и онъ надѣялся на Бога и на свой народъ.

Между тѣмъ осада Севастополя все еще продолжалась—и 5 Февраля 1855 года произошелъ довольно значительный бой, подъ Евпаторіею, гдѣ генералъ Хрулевъ, производя рекогносци-

ровку, встрѣченъ былъ превосходными силами непріятеля и отступилъ, потерявъ 500 человѣкъ.

Какъ ни малозначуща была эта неудача, но она произвела весьма неблагопріятное впечатлѣніе на императора Николая Павловича, такъ какъ еще въ теченіи всего 1854 года здоровье его уже было разстроено. Кажется это разстройство началось послѣ кончины трехъ особъ, любезныхъ его сердцу: брата и друга Михаила Павловича, дочери Александры и племянницы Елизаветы Михаиловны. Впрочемъ, изъ всѣхъ своихъ подданныхъ онъ едвали не велъ самую умѣренную жизнь. Только исполинскіе труды и заботы мало по малу истощили крѣпкій организмъ его. До конца Января 1855 года простудное разстройство перемѣжалось. Въ первыхъ числахъ Февраля почувствовалъ онъ себя гораздо лучше и думалъ, что всякая болѣзнь миновала. 3-го Февраля выступалъ въ походъ отрядъ войскъ—и онъ рѣшился осмотрѣть ихъ. Врачи противились его выѣзду.

— «Вы не посмотрѣли бы на мою болѣзнь,—сказалъ Императоръ, еслибъ я былъ простой солдатъ.»

— «Нѣтъ, Ваше Величество,—отвѣчалъ ему врачь,—я бы не позволилъ и послѣднему солдату выписаться изъ госпиталя.»

— «Вы исполнили бы свой долгъ, — возразилъ Государь,—а я иду исполнить свой.»

И онъ поѣхалъ.

Вотъ характеристика всей его жизни, всего царствованія, всѣхъ правилъ его сердца. Исполнять долгъ! Онъ для него жилъ, царствовалъ; онъ его внушалъ всѣмъ подданнымъ; онъ для него и умеръ.

На другой день онъ выѣхалъ опять при жестокомъ морозѣ—вслѣдствіе чего болѣзнь его усилилась. Обнаружился упадокъ жизненной дѣятельности въ лѣвой сторонѣ легкихъ. По долгу христіанина, Государь говѣлъ на этой недѣлѣ, но въ пятницу 11 Февраля, когда долженъ былъ исповѣдоваться, слегъ въ постель и уже не вставалъ. Но и тутъ не прекращалъ онъ своихъ государственныхъ занятій. Казалось, онъ заботами хотѣлъ преодолѣть болѣзнь. Увы! она его побѣдила!

17-го Февраля болѣзнь до того усилилась, что врачи предупредили Наслѣдника. Пораженный этимъ ужаснымъ извѣстіемъ, Цесаревичъ рѣшился объявить обо всемъ обожаемой своей родительницѣ, зная высокій ея духъ. Какъ выразить скорбь ея! Царственная подруга, тридцать восемь лѣтъ раздѣлявшая съ нимъ бремя короны и попеченія о подданныхъ, была при величайшей тѣлесной слабости, одарена непоколебимою твердостію души. Съ чувствомъ вѣры и покорности судьбѣ явилась Царица у изголовья больнаго.

Государь нѣсколько удивился ея приходу. Съ кроткою нѣжностію склонилась она къ нему и сказала:

— «Другъ мой! Ты не могъ окончить начатаго тобою говѣнья и пріобщиться вмѣстѣ съ нами Св. Таинъ, какъ всегда бывало. Почему бы не исполнить этого теперь? Ты знаешь, что для христіанина нѣтъ лѣкарства лучше,—и многіе страждущіе получали облегченіе отъ принятія Св. Таинъ.

— «Какъ! Въ постелѣ? — быстро возразилъ Государь. — » Невозможно. Я радъ и желаю исполнить эту обязанность, но когда я буду на ногахъ, когда мнѣ Богъ дастъ облегченіе. Лежа и не одѣтый, могу-ли приступить къ такому великому дѣлу?

Императрица умолкла, заливаясь слезами.

— «Развѣ я въ такой опасности?—спросилъ Государь.

Императрица нѣжно обняла его и сказала:

— «Любишь-ли ты меня, какъ прежде?»

— «Люблю-ли, — отвѣчалъ онъ? — Могу-ли не любить тебя? Когда мы впервые увидѣлись, сердце мое сказало мнѣ — вотъ твой Ангелъ-Хранитель на всю жизнь, и пророчество сердца сбылось.» (Растроганная Государыня продолжала проливать слезы).

— «Ты плачешь,» —сказалъ Государь.

— «Нѣтъ,—отвѣчала она,—и предложила ему вмѣстѣ съ нею прочесть высокую молитву: Отче нашъ. Въ полголоса начала она читать ее и Государь слѣдовалъ за нею. При словѣ: *да будетъ воля Твоя*,—онъ прибавилъ: «да! во всемъ и всегда.»

Послѣ этого Государь просилъ ее удалиться и успокоиться.

«Послѣ полуночи всѣ члены Императорской фамиліи собрались въ малой церкви Зимняго дворца для совершенія молитвы. Въ два часа ночи лейбъ-медикъ Мандтъ, побужденный особами, искренно—преданными и близкими, рѣшился объявить Государю о положеніи его. Войдя къ нему, началъ онъ съ того, что сей часъ встрѣтилъ стараго, хорошаго знакомаго оберъ-священника Бажанова.

— «Да! онъ почтенный и добрый человѣкъ,—сказалъ Государь. А когда вы съ нимъ познакомились?»

— «При самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ: въ послѣднюю болѣзнь великой княгини Александры Николаевны, мы вспоминали съ нимъ объ этомъ времени..... Тутъ была и Государыня Императрица...,. Какъ бы она желала, чтобъ вы позволили ей вмѣстѣ съ духовникомъ вашимъ помолиться у вашей постели о скорѣйшемъ возвращеніи вамъ здоровья.»

Государь понялъ все. Выразительно, но ясно и спокойно спросилъ онъ: «скажите чтожъ, умираю-ли я?»

Почти задыхающимся голосомъ произнесъ медикъ грозный свой отвѣтъ: *да*!

Въ эту минуту держалъ онъ руку Императора, наблюдая за біеніемъ его пульса. Ни одинъ ударъ не ускорился отъ роковаго извѣстія. Онъ жилъ и царствовалъ такъ, что могъ ежеминутно предстать предъ вѣчнаго Судію. Нѣсколько минутъ прошло въ

торжественномъ молчаніи. Потомъ Государь спокойно и просто сталъ распрашивать доктора:

— «Что вы нашли во мнѣ своимъ стетоскопомъ? Каверны?»

— «Нѣтъ, Ваше Величество, — отвѣчалъ врачь, — но начало паралича.»

— «И у васъ достало духу такъ рѣшительно объявить мнѣ мой смертный приговоръ?»

— «Государь! я имѣлъ многія къ тому причины. Первая—та, что исполняю данное мною вамъ обѣщаніе. За полтора года тому назадъ вы говорили мнѣ: требую, что бы вы сказали мнѣ *всю правду и во-время*, когда представится надобность. Къ несчастію эта надобность предстала нынѣ. Во-вторыхъ, я исполняю священную обязанность къ Монарху и Отцу семейства. Предъ вами еще нѣсколько часовъ жизни. Вы въ полной памяти; вы знаете уже, что нѣтъ никакой надежды, и, конечно, захотите воспользоваться этими часами для послѣдней бесѣды съ Наслѣдникомъ вашего престола. Наконецъ, я объявилъ вамъ правду, *всю правду*, потому что знаю васъ и люблю.....» (Врачь залился слезами. Государь подалъ ему руку и сказалъ):

— «Благодарю.» Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія продолжалъ онъ: «позовите старшаго моего сына..... Не забудьте послать и за другими дѣтьми моими, за сыномъ Константиномъ..... но поберегите императрицу.»

Явился Цесаревичъ,—и Государь, объявя ему о скорой своей кончинѣ, прибавилъ; «надѣюсь, что ты ничего не сказалъ и не скажешь матушкѣ.....»

Но та уже все знала и явилась вмѣстѣ съ духовникомъ и со Св. Дарами. При исповѣди всѣ вышли изъ комнаты.

— «Молю Бога, чтобъ Онъ принялъ меня въ свои объятія, сказалъ Государь, по совершеніи Таинствъ. Съ этой минуты онъ хладнокровно занялся послѣдними земными заботами: велѣлъ дать знать по телеграфу въ Москву, Варшаву и Кіевъ, что «Государь умираетъ и прощается». Онъ велѣлъ положить подлѣ гроба своего образъ Богородицы Одигитріи, полученный имъ при святомъ крещеніи отъ императрицы Екатерины; назначилъ въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца залу, въ которой велѣлъ поставить гробъ со своими смертными останками, — и мѣсто для могилы въ Петропавловскомъ соборѣ. Погребеніе свое онъ приказалъ совершить съ наименьшею роскошью, безъ великолѣпныхъ убранствъ въ залѣ и церкви. Срокъ траура по немъ опредѣлилъ онъ самый кратчайшій.

Послѣ этихъ распоряженій умирающій началъ прощаться съ своимъ августѣйшимъ семействомъ.

— «Служи Россіи!» сказалъ онъ Преемнику своему, — и эти слова служатъ ручательствомъ будущаго ея счастія и величія.

Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ сказалъ онъ:

— «Теперь и мнѣ пришло время. — Скажите мой сердечный поклонъ Катѣ (Екатеринѣ Михаиловнѣ) ей и ему (супругу ея), имъ обоимъ.

Болѣе всего ласки умирающаго обращались къ Императрицѣ.

— «Зачѣмъ я не могу умереть съ тобою?—сказала она.»

— «Ты должна жить для нихъ, отвѣчалъ онъ, указывая на дѣтей, которымъ потомъ, указывая и на мать, прибавилъ: «живите всегда, какъ нынѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной.»

Государь продолжалъ еще жить нѣсколько часовъ, сохраняя все присутствіе ума, всю твердость духа. Пріѣхалъ курьеръ изъ арміи съ письмомъ отъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

— «Здоровы ли они?—спросилъ Государь.—Все прочее теперь не касается до меня: я весь въ Богѣ.»

Послѣ этого позвалъ онъ графа (нынѣ князь) Орлова, Министровъ двора и военнаго, благодарилъ ихъ за службу и поручилъ Цесаревичу благодарить отъ его имени всѣхъ прочихъ Министровъ, гвардію, армію, флотъ и въ особенности геройскихъ защитниковъ Севастополя. Наконецъ спросилъ онъ врача съ улыбкою.

— «Скоро ли дадите мнѣ отставку? скоро ли все будетъ кончено?»

— «Не такъ еще скоро,—отвѣчалъ медикъ.»

— «Не лишусь-ли я памяти?»

— «Надѣюсь, Ваше Величество, что все будетъ тихо и спокойно.»

Обнимая Преемника своего, Государь сказалъ:

— «Мнѣ хотѣлось, принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ болѣе всего любилъ на свѣтѣ.»

Духовникъ началъ читать молитвы на исходъ души: Государь слушалъ ихъ съ благоговѣніемъ и осѣнялъ себя знаменіемъ креста. Вскорѣ силы измѣнили ему, языкъ коснѣлъ, онъ не могъ уже говорить, но указывалъ духовнику Императрицу и Наслѣдника, какъ бы прося утѣшать ихъ и молиться за нихъ.

Долго онъ не покидалъ рукъ ихъ и часто пожималъ.

Вдругъ прекратилось это пожатіе,—замолкло біеніе сердца..... Великаго Монарха не стало!

Тогда было двадцать минутъ перваго по полудни—въ пятницу, 18-го Февраля 1855 года.

Никакія слова не могутъ выразить чувства Россіи, когда она узнала о кончинѣ своего обожаемаго Государя. Исторія для него тоже безсмертіе. Всѣ дѣла его были запечатлѣны истиннымъ величіемъ и рыцарскими чувствами. На всѣхъ частяхъ государственнаго управленія осталась печать великихъ его попеченій

о благѣ народномъ.—Какъ нѣкогда Петръ I хотѣлъ народъ свой сдѣлать *Европейскимъ*, такъ Николай I болѣе всего старался сдѣлать его *Русскимъ* со всѣми доблестями души, съ непоколебимою вѣрою христіанина, съ неодолимымъ мужествомъ воина, съ неуклоннымъ исполненіемъ долга гражданина и семьянина. Вѣчная слава Великому изъ монарховъ!

По окончаніи первой войны съ Турціею и по усмиреніи мятежа въ Польшѣ — представляется для Русской исторіи семнадцатилѣтній періодъ спокойствія, мира и внутренняго развитія благосостоянія народа. Николай I находился тогда на высшей точкѣ политическаго своего могущества. Онъ могъ съ гордостью сказать, что сдѣлалъ Россію еще выше и сильнѣе, нежели она была при Александрѣ I. Но чтобъ быть однимъ изъ величайшихъ Монарховъ всемірной исторіи, слава эта была ему не нужна: онъ пріобрѣлъ себѣ другую, лучшую, высшую. Плоды побѣдъ и завоеваній часто исчезаютъ вмѣстѣ съ тріумфаторомъ: но слава Государя—законодателя прочнѣе въ исторіи и благодѣтельнѣе для человѣчества.

Съ той минуты, какъ люди вздумали составить изъ себя благоустроенное общество, имъ нужны были законы,—а иначе они жили бы только правомъ сильнаго, какъ звѣри.—Всѣ общественные законы должны быть основаны на нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ каждаго народа, и въ исполненіи этихъ законовъ строго, добровольно и добросовѣстно состоитъ высшая степень народнаго просвѣщенія.—Если Россія не достигла еще до этой степени, то это не отъ недостатка доблестныхъ чувствъ, а доказательство только исторической юности нашего народа.

Въ древнія, доисторическія времена Славянскія племена широко раскинулись отъ Дуная до Новой Ладоги, отъ Тмуторакани до Западной Двины. Призваніе трехъ братьевъ Варяговъ соединило ихъ въ одно военно-политическое тѣло, которое однакоже не составляло настоящаго государства въ нынѣшнемъ значеніи этого слова;—только сильное единовластіе основываетъ могущественныя державы. Новосозданнная Рюрикомъ Русь распалась на удѣлы послѣ Владиміра, и очевидно было, что при этомъ раздробленіи она будетъ добычею перваго завоевателя. Монголы покорили ее, и до временъ Іоанна III существованіе Россіи было почти загадочно. Литва и Польша съ Запада, Швеція съ сѣвера отторгли у нея области, издревле ей принадлежавшія. Оставалась одна православная вѣра, которая пережила всѣ народныя бѣдствія и перевороты.

Безъ государственной независимости не могло быть законовъ, а безъ законовъ ничего не значитъ честь, нравственность, долгъ, добросовѣстность.—Еще въ первый періодъ св. Владиміра далъ намъ Ярославъ Русскую правду. Это былъ кодексъ начинающейся гражданской жизни, правъ и обязанностей всѣхъ сословій. Но

это были болѣе карательные законы, а не судебные: до настоящаго судебника было еще далеко.

Въ періодъ удѣльной системы у каждаго князя были свои законы, выше которыхъ была всегда воля (вѣче) народа, или военная сила князя. Наконецъ, когда татары покорили Россію, остался одинъ законъ: vae victis (горе побѣжденнымъ)! Свобода, имущество, жизнь, честь — все зависѣло отъ произвола татаръ. Князья возводились на престолъ ярлыками Хана, или низвергались минутою гнѣва его. Въ этотъ несчастный періодъ нашей исторіи погасли лучшія искры нашего народнаго характера. У татаръ можно было покупать правосудіе однимъ золотомъ: подкупъ и лихоимство ихъ привились къ славянскимъ нравамъ.

Наконецъ Русскіе свергли съ себя иго татаръ—и Іоаннъ IV издалъ свой судебникъ, но тутъ можно было повторить слова Цицерона: quids leges sine moribus (что значитъ законъ безъ нравовъ). Слишкомъ двѣсти лѣтъ рабства принесли самые печальные плоды для народной нравственности и гражданской жизни. Періодъ самозванцевъ довершилъ всеобщее растлѣніе нравовъ. Печальное воспоминаніе, которое только для того надобно приводить себѣ на память, чтобъ вполнѣ чувствовать всю благодарность къ благословенной династіи Романовыхъ, которая возвела насъ на степень сильнаго и могущественнаго народа!

Царь Алексѣй Михаиловичъ, первый собиратель роздробленной Россіи, далъ ей первые законы. Его уложеніе болѣе ста лѣтъ служило потомъ основнымъ указателемъ нашего судопроизводства. Петръ I, какъ истинный создатель Европейской Россіи, составилъ въ 1700 году коммисію, чтобъ сдѣлать сводъ изъ уложенія Алексѣя Михайловича и изданныхъ потомъ законовъ. Въ основаніе новаго кодекса взяты были Шведскіе законы. Но это благодѣтельное предпріятіе не было исполнено.

Не прежде Екатерины II возобновилось оно. Она собрала депутатовъ всѣхъ сословій и дала имъ свой безсмертный наказъ; но вскорѣ увидѣла, что для составленія прочнаго кодекса надобно сперва образовать свой народъ, а въ особенности сословіе судей.

Александръ I учредилъ коммисію составленія законовъ, но политическія событія слишкомъ часто отвлекали его отъ законодательства. Весь этотъ огромный трудъ достался царствованію Николая I. Черезъ полтора мѣсяца по восшествіи своемъ на престолъ, учредилъ онъ особое отдѣленіе собственной своей канцеляріи для составленія Свода Законовъ, и сотрудникомъ своимъ въ великомъ дѣлѣ избралъ извѣстнаго государственными заслугами Сперанскаго. Въ 1830 году было уже издано этою канцеляріею сорокъ пять томовъ полнаго собранія законовъ, обнародованныхъ въ теченіи 176 лѣтъ, а въ концѣ 1832 года составленъ былъ и сводъ этихъ законовъ.

Вотъ славнѣйшій памятникъ великаго царствованія Николая I, хотя и до тѣхъ поръ существовалъ государственный законъ, что «нельзя и отговариваться незнаніемъ законовъ,» но очевидно было, что это незнаніе неизбѣжно. Кто могъ знать всѣ пятьдесятъ томовъ полнаго собранія законовъ? Кто могъ пріобрѣсть ихъ? Кто даже въ состояніи былъ отыскать въ нихъ тотъ законъ, который именно до него касается? Только съ изданіемъ свода, законъ о незнаніи получалъ свою силу и дѣйствіе. Съ этой минуты ябеда, кривые толки законовъ, взятотничество и подкупы должны были упасть. Если они еще совершенно не истребились, то это доказываетъ, что истинное просвѣщеніе еще не развилось во всѣхъ сословіяхъ. Только оно одно убѣдитъ людей, что строгое исполненіе законовъ охраняетъ общества и дѣлаетъ людей счастливыми.

Николай I совершилъ великій государственный подвигъ изданіемъ свода законовъ.

Признательный Монархъ собственноручно возложилъ на графа Сперанскаго орденъ Св. Андрея Первозваннаго за труды въ коммисіи при составленіи свода законовъ и постановленій.

(*) Подобно Благословенному Александру, Императоръ Николай совершалъ многократно путешествія по Европѣ, гдѣ личнымъ свиданіемъ съ монархами упрочивалъ миръ и благоденствіе Европы, въ многократныхъ поѣздкахъ по Россіи наблюдалъ за благомъ и счастіемъ своихъ подданныхъ. Одно изъ путешествій его по Россіи простерлось за твердыни Кавказа. Въ 1837 году посѣтилъ онъ западный берегъ Чернаго моря, Эривань и Тифлисъ. Полудикіе горцы, народы, едва только покоренные Русскимъ оружіемъ, благоговѣйно встрѣчали и провожали великаго падишаха Русскаго.

Окончивъ воспитаніе свое, Наслѣдникъ престола, Цесаревичъ, Великій князь Александръ Николаевичъ, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, обозрѣлъ Россію въ 1837 году, посѣтивъ самые отдаленные края имперіи, а съ 1838 года началъ путешествіе по Европѣ, объѣхавъ Швецію, Данію, Германію, Италію, Голландію и Англію. Прекрасно и умилительно было зрѣлище, когда вводимый мудрымъ родителемъ Своимъ въ тайны великой науки государственнаго правленія, Цесаревичъ Наслѣдникъ, по исполненіи совершеннолѣтія, принялъ присягу въ присутствіи Императора, родителя Его, Императорскаго семейства, и вѣрныхъ сподвижниковъ царя Русскаго, сановниковъ и воителей Русскихъ. Въ 1840 году прибыла въ Россію избранная юнымъ Великимъ княземъ невѣста, принцесса Максимиліана Вильгельмина Августа Софія Марія, дочь Великаго Герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, по воспріятіи православнаго исповѣданія при-

(*) Столѣтіе Россіи—К. Полевой.

нявшая драгоцѣнное Русскимъ имя Маріи (Великой княжны Маріи Александровны). Апрѣля 16-го 1841 года совершилось бракосочетаніе Наслѣдника. Императоръ Николай спѣшилъ показать юную чету своей древней столицѣ, Москвѣ, увидѣвшей цвѣтущимъ красотою того, кто родился въ стѣнахъ ея священнаго Кремля.

Русскій флотъ былъ обрадованъ назначеніемъ въ него втораго сына Императора Николая. По волѣ родителя Великій князь Константинъ Николаевичъ возведенъ былѣ въ званіе генералъ-адмирала, и воспитаніе его направлено сообразно сему назначенію. Подобно великому предку своему, юный генералъ-адмиралъ долженъ былъ практически испытать и узнать всѣ подробности и обязанности морской службы, съ самихъ первыхъ чиновъ флотскихъ. Совершивъ морскія путешествія въ Данію и Нидерланды, въ 1844 году генералъ-адмиралъ находился въ отдаленной морской экспедиціи, совершивъ путешествіе изъ Архангельска въ Петербургъ, мимо Нордъ-Капа, и отправляя дѣйствительную службу офицера на кораблѣ. Замѣчательно, что не бывало примѣровъ столь счастливаго и скораго плаванія, какое было совершено при семъ случаѣ. Казалось Провидѣніе хранило и вело по океану корабль, на коемъ находился сынъ Русскаго царя. Въ 1845 году генералъ-адмиралъ предпринялъ морское путешествіе въ Царь-градъ и Архипелагъ. Почтительно привѣтствовалъ его юный Султанъ Турецкій, — перваго изъ Русскихъ князей посѣтившаго Царь-градъ.

Среди обѣтовъ, возсылаемыхъ за него подданными, и среди семейныхъ радостей, въ 1842 году Императоръ Николай праздновалъ семейный праздникъ, свою серебряную свадьбу. Праздникъ былъ въ Петергофѣ, и веселье Русскаго царя раздѣлили вожделѣнные гости: два брата Императрицы Александры Ѳеодоровны, король Прусскій и принцъ Прусскій, и сестра, супруга принца Нидерландскаго. Среди гостей были также сынъ Австрійскаго эрцъ-герцога Карла, принцъ Гейнрихъ Нидерландскій и принцъ Шлезвигъ-Голштейнъ-Зонденбургъ-Глюксбургскій. Въ 1843 году Русскій царь благословилъ первенца — внука, нареченнаго, по имени Августѣйшаго Дѣда, Великимъ княземъ Николаемъ Александровичемъ. Сестра его, Великая княжна, Александра Александровна родилась въ 1842 году. Супружество Великой княгини Маріи Николаевны было осчастливено въ 1843 году рожденіемъ сына, князя Николая. Старшая сестра его, княжна Марія, родилась въ 1841 году.

Воздавая почесть великимъ воспоминаніямъ прошедшаго, и благоговѣя къ памяти Благословеннаго брата, Императоръ Николай воздвигъ ему, въ 1834 году, великолѣпный памятникъ — исполинскую колонну изъ цѣльнаго граната, превосходящую размѣромъ всѣ до нынѣ извѣстные въ мирѣ монолиты. Совершая

обѣтъ Императора Александра, въ 1839 году Императоръ Никокай вновь заложилъ въ Москвѣ храмъ Спасителя, ибо мѣсто, гдѣ происходила закладка храма въ 1818 году, оказалось неудобнымъ для постройки. Вмѣстѣ съ симъ великолѣпнымъ храмомъ воздвигаются въ Москвѣ новые чертоги царскіе, въ обновленныхъ стѣнахъ Кремля. Въ тотъ же годъ поле Бородинское освятилось памятникомъ, у подножія коего положенъ былъ прахъ Багратіона. Печальная тѣнь героя утѣшилась. Со слезами радости присутствовали при семъ народномъ праздникѣ люди двѣнадцатаго года, и любовались на блестящіе ряды войска, гдѣ мѣста ихъ заступили дѣти и внуки покорителя Тавриза, Адріанополя, Эрзерума и Варшавы. Повелѣніемъ Императора Николая воздвиглись въ Петербургѣ памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли, и положено памятниками означить для потомства поля Тарутинскія, поля Малоярославецкія, мѣста битвъ Смоленска, Вязьмы, Краснаго и Березины.

Духъ Петра Великаго почіетъ на главѣ его потомка. Никогда прежде не были предполагаемы въ Россіи столь обширныя предпріятія, никогда не совершались они столь быстро. Такъ предпринималъ, такъ совершалъ только Петръ Великій. Одушевляемый мыслью единства въ составѣ своей великой имперіи, Императоръ Николай хочетъ видѣть Русское царство въ Россіи, и указываетъ ему на ту великую цѣль, которую Провидѣніе столь явно предназначило Россіи, поставя ее между Западомъ и Востокомъ, образуя изъ нея великаго дѣятеля временъ новыхъ, отдѣливъ ее самобытнымъ образованіемъ, исторіею, вѣрою, языкомъ. Онъ постигаетъ силу Русскаго духа, дивную воспріимчивость его и изумительное свойство все усвоить себѣ, не измѣняя своего основанія, и раздвигая все воспринятое въ размѣры исполинскіе, по размѣру и величію Русскаго царства. Дворецъ Русскаго царя сгорѣлъ въ 1837 году—зданіе, созидаемое тридцать семь лѣтъ, съ 1732 до 1769 года. И въ одинъ годъ возникъ онъ въ новой красѣ волею Монарха Русскаго. Въ царствованіе Александра отъ Петербурга до Москвы пролегло шоссе. Николай соединяетъ двѣ столицы свои желѣзною дорогою, и на сооруженіе ея, на протяженіи семи сотъ верстъ, назначено не болѣе четырехъ лѣтъ: предположенная въ 1843, она кончится въ 1847 году.

Пространство, раздѣляющее столицы, исчезло подъ быстротою летучихъ паровозовъ. Такъ пароходство быстро распространилось всюду въ Россіи, и сблизило всѣ ея сообщенія съ Европою. Такъ ученыя предпріятія, дѣла просвѣщенія и образованія народнаго исполнялись, едва мысль объ нихъ успѣвала возникнуть. Укажемъ на великолѣпную Пулковскую обсерваторію, на обсерваторіи для наблюденій магнетизма, на изданіе обширныхъ древнихъ памятниковъ Русской письменности.

Царствованію Императора Николая предоставлено было совершить великій гражданскій подвигъ—собраніе полнаго систематическаго уложенія отечественныхъ законовъ. Мысль, всегда занимавшая Петра Великаго, предметъ постоянной заботливости императрицы Екатерины, исполнена великимъ внукомъ ея, и исполненіе потребовало труда немногихъ лѣтъ знаменитому сановнику, избранному волею Николая.

Среди всѣхъ сихъ событій достигла Россія 1845-го, двадесятаго года царствованія Императора Николая, въ который совершилось сто двадцать лѣтъ со времени кончины Петра Великаго, сто лѣтъ со времени прибытія въ Россію Екатерины, полвѣка со времени кончины ея, треть вѣка послѣ великаго дванадесятаго года. Громъ Русскаго оружія огласилъ въ сей годъ ущелья Кавказа, гдѣ укрывался предводитель хищныхъ горцевъ, дерзнувшихъ противиться волѣ Монарха Русскаго. Да будутъ грядущіе годы подобны тѣмъ, коими знаменовалось царствованіе Императора Николая съ тѣхъ поръ, какъ пролетѣли годы браней и тяжкихъ испытаній! Да хранитъ намъ его Провидѣніе, какъ залогъ славы и счастія Россіи! Да возвеселится онъ тѣми благами, тою честью, какія даровали труды и подвиги его отечеству! «Боже! Царя храни!» Въ сихъ словахъ все сказано для Русскаго человѣка — память былаго, сознаніе настоящаго, надежда будущаго.

Общественное образованіе и литература русская въ царствованіе Императора Николая I сдѣлали значительное движеніе впередъ. Русскій языкъ пріобрѣлъ основательное право гражданства. Въ продолженіе тринадцати первыхъ лѣтъ царствованія Николая I нашъ великій поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, издалъ въ свѣтъ свои лучшія произведенія (1) впослѣдствіи также Лермонтовъ (2) и Гоголь (3) начали и окончили свое свѣтлое литературное поприще въ царствованіе Николая Павловича. Знаменитый Бѣлинскій (4) также всю свою дѣятельность провелъ въ царствованіе Николая I.

Александръ II. (Обзоръ событій)

Роковая вѣсть о кончинѣ императора Николая Павловича быстро облетѣла всю Россію и наполнила скорбью сердца народа.

---

(1) Онъ погибъ очень рано, имѣя только 36 лѣтъ, и умеръ отъ смертельной раны, нанесенной ему во время дуэли однимъ иностранцемъ.

(2) Лермонтовъ тоже убитъ на дуэли 26 лѣтъ.

(3) Гоголь умеръ 42 лѣтъ.

(4) Бѣлгинскій скончался въ 1852 году 49 лѣтъ отъ роду.

Немедленно, по кончинѣ императора Николая I, Россія принесла вѣрноподданническую присягу нынѣ благополучно царствующему императору *Александру* II.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра восточная война не прекратилась. Главнокомандующій войсками въ Крыму, князь Меньшиковъ замѣненъ княземъ Горчаковымъ. Генералъ Муравьевъ принялъ командованіе войсками отъ Реада въ Азіи.

Борьба кипѣла.

«Союзники 25 Марта открыли новое бомбандированіе Севастополя и продолжали его двѣ недѣли, но опять безуспѣшно. Тогда Наполеонъ III прислалъ новаго главнокомандующаго генерала Пелисье. Послѣдній въ день Ватерлоосской битвы 6 Іюля сдѣлалъ приступъ къ Севастополю со всѣми силами, но съ большимъ урономъ былъ отбитъ. При этомъ особеннымъ геройствомъ отличился генералъ Хрулевъ, командовавшій всей атакованной линіей. Къ несчастью у насъ вскорѣ былъ убитъ храбрый и неустрашимый адмиралъ Нахимовъ, любимецъ всѣхъ моряковъ и всего Севастопольскаго гарнизона. Но, не смотря на неудачу приступа, Пелисье подводилъ траншеи и мины все ближе и ближе къ городу. Чтобы помѣшать этимъ работамъ, Горчаковъ приказалъ Реаду и Липранди атаковать непріятеля съ Черной рѣки. Но смерть Реада, убитаго непріятельскою пулею, разстроила дѣло, которое начато было успѣшно. На другой день послѣ этого, Пелисье снова открылъ страшное бомбандированіе по севастопольскимъ укрѣпленіямъ, которое почти не прекращалось до паденія крѣпости. Городъ превратился въ груду развалинъ.»

День тезоименитства обожаемаго Монарха, 30 Августа, останется навсегда памятнымъ Севастопольскимъ героямъ. По окончаніи богослуженія въ походной церкви и послѣ молебна съ многолѣтіемъ царствующему дому, передъ ставкой главнокомандующаго на Инкерманѣ, былъ произведенъ церковный парадъ войскамъ. Чрезвычайно торжественно происходило пѣніе за молебномъ «Спаси Господи люди твоя.» Ничего подобнаго представить себѣ нельзя—тысячи оборванныхъ, израненыхъ и искалѣченныхъ защитниковъ Севастополя, пользуясь позволеніемъ главнокомандующаго—явиться къ молебну въ томъ, что у кого найдется,—присоединились къ духовному хору пѣвчихъ, и окрестность на далекое пространство огласилась этою чудной, воодушевляющей молитвенной пѣснью.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ севастопольцы имѣли счастіе лицезрѣнія своего возлюбленнаго государя и его августѣйшихъ братьевъ, Николая и Михаила Николаевичей, посѣтившихъ Крымскій полуостровъ.

27-го Августа, союзники всей массою своихъ войскъ сдѣлали приступъ на знаменитый Малаховъ Курганъ, съ паденіемъ кото-

раго вся важная часть Севастопольскихъ укрѣпленій неминуемо должна была то-же пасть. Солдаты сознавали важность этого пункта, дрались съ такимъ ужаснымъ ожесточеніемъ, что раненыхъ съ обѣихъ сторонъ совсѣмъ, говорятъ, не оказалось послѣ на Малахавомъ-Курганѣ—все было завалено *только* тѣлами убитыхъ;—десять тысячь вражескихъ труповъ усѣяли въ этотъ день нашу оборонительную линію, и преимущественно роковой Малаховъ-Курганъ, но, отстоять его не удалось, такъ какъ главнокомандующій Горчаковъ, не желая проливать напрасно кровь, приказалъ войскамъ отступить на сѣверную сторону укрѣпленій, гдѣ и сталъ твердо, снова готовый принять враговъ. Выгодъ на сторонѣ непріятеля не оказалось никакихъ съ занятіемъ имъ южной стороны укрѣпленій.

Уступку врагамъ—союзникамъ южной части севастопольскихъ укрѣпленій Россія уравновѣсила взятіемъ первокласной турецкой крѣпости Карса, на Азіатскомъ театрѣ войны, что и склонило воюющія стороны къ примиренію.

18-го Марта 1856 года, въ Парижѣ, были выработаны и подписаны представителями великихъ державъ условія мира, по которому Россія, въ замѣнъ Севастополя, уступила Турціи свои завоеванія въ Азіи и отказалась въ пользу ея отъ устьевъ р. Дуная; а Порта съ своей стороны дала обязательство уровнять съ магометанами подвластныхъ ей христіанъ. Сверхъ того, Россія дала согласіе не возводить на берегахъ Чернаго моря военно-морскихъ арсеналовъ и имѣть въ водахъ его только опредѣленное число кораблей. Это послѣднее условіе было чрезвычайно не выгодно для Россіи, такъ какъ ея береговыя владѣнія на Черномъ морѣ оставались безъ защиты; но, благодаря искусству дипломатіи нашего кабинета, въ 1871 году, эта статья парижскаго договора была отмѣнена и у насъ снова возродился сильный флотъ на Черномъ морѣ.

Въ 1859 году была покорена вся восточная часть Кавказа княземъ Барятинскимъ, а въ 1864 году намѣстникъ Кавказа великій князь Михаилъ Николаевичъ окончилъ покореніе и западной его половины. Война съ Кавказомъ, продолжавшаяся безпрерывно много лѣтъ, стоила весьма значительныхъ жертвъ Россіи, и, только благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ, принятымъ Государемъ Императоромъ, неприступныя твердыни Кавказа пали; и теперь тамъ, вмѣсто грома неумолкавшей брани, вмѣсто дикихъ воинственныхъ криковъ мюридовъ и джигитовъ, по ущельямъ горъ, раздается мирная пѣснь обрусѣлаго татарина, безопасность котораго гарантирована благодѣтельнымъ закономъ Александра II.

Въ 1871 году состоялось окончательное занятіе русскими войсками Туркестанской области. Завоеваніе этой обширной области продолжалось послѣдовательно съ 1864 года. Сначала были взяты

нѣкоторыя крѣпости Хана коканскаго: Ауліета, Туркестанъ и Чемкентъ; затѣмъ непріязненныя дѣйствія Хана и Эмира бухарскаго вынудили Россію идти дальше; въ 1865 году генералъ Черняевъ взялъ г. Ташкенкъ; другой генералъ Романовскій, разбивъ войска бухарскаго Эмира, взялъ приступомъ г. Хаджентъ; въ 1866 году взяты были еще двѣ крѣпости: Ура-Тюбе и Джузакъ. Послѣ этихъ завоеваній наше правительство было прекратило военныя дѣйствія въ Туркестанской области, но безспокойный бухарскій Эмиръ своими враждебными дѣйствіями снова вынудилъ Россію поднять оружіе, послѣдствіемъ чего было завоеваніе въ 1868 году г. Самарканда, бывшаго когда то столицею грознаго предводителя Золотой Орды Тамерлана;—въ 1871 году занятъ былъ наконецъ г. Кульджа; и, такимъ образомъ, громадная Туркестанская область была подчинена Россіи. Въ настоящее время этотъ дикій край совершенно умиротворенъ; въ немъ появились школы, шоссейныя дороги, театры,—быстро развивается торговая дѣятельность, водворенъ порядокъ и тишина, замѣнившіе грабежи, насилія и безправность; умиротворенныя дикія племена съ удовольствіемъ отворачиваются теперь отъ своего недавняго прошлаго и благословляютъ имя могучаго повелителя, миротворца Александра.

Цѣль завоеванія Туркестанской области была вызвана крайней необходимостью обезпечить наши среднеазіатскія владѣнія отъ хищническихъ набѣговъ и постоянныхъ грабежей пограничныхъ дикихъ племенъ—хивинцевъ, бухарцевъ и др. Тѣже самыя причины вызвали завоеванія и хивинскаго царства въ 1873 году. Русскія войска повелъ туда генералъ-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ и въ продолженіи трехъ недѣль все царство хивинское было имъ завоевано. Русскія войска покрыли себя въ этой войнѣ неувядаемой славой;—трудности переносимыя ими въ этомъ знаменитомъ походѣ не находятъ себѣ равныхъ въ исторіи.

Такъ отзывается въ своихъ запискахъ объ этомъ походѣ знаменитый ученый и путешественникъ Вамбери: «я пораженъ, изумленъ предпріимчивымъ духомъ и едва вѣроятною выносливостью русской арміи, которая преодолѣла преграду песчаныхъ, безлюдныхъ и безводныхъ степей, считавшихся недоступными и, во всякомъ случаѣ, представлявшими громадныя трудности для движенія. Своею побѣдою надъ враждебными элементами, надъ холодомъ и зноемъ, снѣгомъ и пескомъ она совершила подвигъ, предъ которымъ блѣднѣютъ знаменитые походы Аннибала и Наполеона I. Самый злѣйшій врагъ не можетъ не удивляться солдатамъ, которые въ полномъ вооруженіи двигаются впередъ въ безводномъ пространствѣ, подъ страшнымъ 45° жаромъ, по раскаленному песку, и приходятъ къ цѣли. Извѣстно, продолжаетъ онъ, что я не особенно долюбливаю русскихъ, но, все-таки, не могу не сказать, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, они одни

достигли Хивы съ того пункта, отъ котораго еще ни кто не отправлялся.»

Въ 1863 году въ Польшѣ произошелъ мятежъ. Такъ-же, какъ и въ царствованіе императора Николая I, Польша увлеклась движеніями въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ, въ особенности-же борьбою итальянцевъ за объединеніе Италіи; но главною причиною польскаго возстанія были Англія и Франція, которыя всѣми мѣрами старались повредить Россіи и своимъ сочувствіемъ къ польскому движенію давали поводъ полякамъ надѣяться на ихъ помощь. Въ Варшавѣ образовался центральный революціонный комитетъ, который писалъ прокламаціи и распространялъ ихъ между поляками, возбуждая ихъ къ преступному возстанію. Правительство старалось кроткими мѣрами образумить бунтовщиковъ, но поляки истолковывали эти мѣры кротости правительства въ благопріятномъ для себя смыслѣ, думая, что оно безсильно принять противъ нихъ энергичныя мѣры и самонадѣянно подняли головы. Дѣло дошло до открытаго возстанія;—шайки вооруженныхъ поляковъ собирались въ лѣсахъ, и дѣлали нападенія на русскія войска; по улицамъ Варшавы и другихъ городовъ ходили толпы народа и пѣли патріотическіе гимны и проч. Тогда правительство принуждено было наконецъ принять болѣе строгія мѣры, и въ 1864 году возстаніе было прекращено, чему главнымъ образомъ способствовали министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ и графъ Муравьевъ, назначенный тогда начальникомъ с.-западнаго края.

Въ незапамятный для Россіи 1861 годъ, 19-го Февраля, въ день восшествія своего на Всероссійскій престолъ, *императоръ Александръ II*, освободитель Россіи, всемилостивѣйше подписалъ манифестъ, по которому двадцать слишкомъ милліоновъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи получили *волю*—право свободнаго состоянія. Манифестъ былъ обнародованъ 5 Марта, въ воскресный день, во всѣхъ церквахъ Петербурга, а по прочтеніи манифеста происходилъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ о долгоденствіи *царя-освободителя*. Въ этотъ день государь императоръ и государыня императрица слушали литургію въ дворцовой церкви, а затѣмъ молились въ Казанскомъ соборѣ, откуда потомъ изволили проѣхать по главнымъ улицамъ столицы, въ парадной каретѣ, вездѣ привѣтствуемые радостными кликами народа. Возвратясь во дворецъ государь императоръ сложилъ съ себя внѣшніе знаки своего величія и въ сѣромъ форменномъ пальто вышелъ на свою обычную прогулку пѣшкомъ. Громадная площадь передъ дворцемъ была буквально залита народомъ. Едва еще царь-освободитель показался на ступеняхъ дворцоваго крыльца—вся громадная масса народа, подобно волнамъ моря, колыхнулась и пала предъ нимъ на колѣна. Энтузіазмъ народа былъ необыкновенный!

Манифестъ заканчивался словами; «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.»

17-го Апрѣля 1863 года государь императоръ отмѣнилъ тѣлесное наказаніе для освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ.

1-го Января 1864 года были введены въ тридцати трехъ губерніяхъ Россійской Имперіи *земскія учрежденія.*

19-го Февраля 1864 года былъ обнародованъ указъ о надѣлѣ польскихъ крестьянъ землею и объ устройствѣ ихъ быта.

20-го Ноября 1864 года высочайшею волею были введены въ Россіи мировыя учрежденія—«судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ.»

Кромѣ того, въ продолженіе этихъ двадцати четырехъ лѣтъ царствованія императора Александра II, много сдѣлано какъ по народному образованію, такъ относительно—финансовъ, торговли, промышленности и проч.; особенно-же замѣчательны слѣдующіе факты: преобразованіе военно-учебныхъ и духовно-учебныхъ заведеній; открытія женскихъ гимназій и прогимназій; открытіе новыхъ торговыхъ портовъ; отмѣна винныхъ откуповъ; развитіе желѣзно-дорожной сѣти; изданіе «городоваго положенія;» устройство на громадное протяженіе телеграфной линіи и проч. и проч. и проч.

Наконецъ въ 1877 году, Государь императоръ далъ повелѣніе русскимъ войскамъ вступить въ предѣлы турецкой Имперіи для освобожденія болгаръ и другихъ христіанскихъ народовъ, подвластныхъ Турціи, изъ подъ ея тяжкаго ига. Долго будетъ жить въ памяти русскаго народа эпоха съ 1876 по 1879 годъ. Нашъ слабый языкъ не въ состояніи выразить ту грандіозность событій, которыя быстро, неудержимо, какъ раскаленная лава, мчалась передъ нами. Да, великая славянская семья переживала такую важную страницу изъ своей исторіи,—путеводная звѣзда ея такъ ярко загорѣлась на дальномъ востокѣ, что весь міръ съ какимъ то трепетнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на нее, чутко прислушиваяся къ грохоту оружія на Балканѣ, и ждалъ чѣмъ все это кончится! Европейская дипломатія все пустила въ ходъ, что только было возможно, при сложившихся обстоятельствахъ, чтобы наложить свою тяжелую лапу на возрожденіе славянскаго народа, но все было напрасно; роковой часъ пробилъ, и ничто не въ состояніи было удержать этого страшнаго потока;—славяне встали, какъ одинъ человѣкъ, на призывъ вѣчеваго колокола и желѣзнымъ кольцомъ обвивали Турцію,—этого исконнаго врага христіанства, каждая пядь земли которой упитана славянскою кровью; которая столько столѣтій попирала ногами всякое человѣческое достоинство въ своихъ христіанскихъ подданныхъ и

кейфовала на награбленныя съ нихъ, потомъ и кровью добытыя, трудовыя крохи.

Страшно вспомнить, при какихъ ужасныхъ обстоятельствахъ началась борьба на жизнь и смертъ двухъ маленькихъ славянскихъ княжествъ—Сербіи и Черногоріи съ обширной турецкой Имперіей.

Боснія, Герцеговина и Болгарія буквально обливались кровью ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, павшихъ подъ ножами убійцъ-турокъ; вырѣзывали почти поголовно цѣлыми округами; заставали въ школахъ дѣтей и предавали всѣхъ тутъ же, на мѣстѣ, ужасной мученической смерти и въ концѣ концовъ отрубали имъ головы, скатывали въ яруса и ни одного голоса не смѣло раздаться въ защиту этихъ несчастныхъ дѣтей; всѣ въ ужасѣ прятались въ погребахъ, въ подвалахъ, кто куда могъ и не показывались наружу до тѣхъ поръ, пока разбойники не уходили дальше изъ села или города отыскивать новыхъ жертвъ своимъ злодѣйствамъ.

Объятые ужасомъ жители этихъ крошечныхъ, подвластныхъ Турціи княжествъ, бросали дома и стали искать убѣжища въ горахъ и лѣсахъ, иные съ оружіемъ въ рукахъ стали защищать свою жизнь, такъ какъ турецкое правительство не только что не обращало ни малѣйшаго вниманія на жалобы и вопли этихъ горемыкъ,—повинныхъ развѣ только въ томъ, что они исповѣдуютъ вѣру Христову, но оно само поощряло эти убійства и передъ глазами всей Европы награждало предводителей этихъ злодѣйствъ, какъ напримѣръ Шевкетъ-пашу, прославившагося своими звѣрскими разбоями въ Болгаріи.—Онъ былъ назначенъ гофмаршаломъ при султанскомъ дворѣ.

Самозащита христіанъ окончательно ихъ сгубила. Турція уже перестала дѣлать убійства въ тихомолку и, подъ предлогомъ усмиренія вооруженныхъ мятежниковъ, командировала цѣлые отряды башибузуковъ, зейбековъ и черкесъ въ свои христіанскія провинціи, и эти-то разбойники весь цивилизованный міръ изумили своими кровавыми похожденіями. Опьянѣлые въ непримиримой ненависти къ гяурамъ, возбуждаемые фанатизмомъ и своими врожденными звѣрскими инстинктами, они какъ палачи съ обнаженными ятаганами, обрызганные кровью, перекочевывали изъ села въ село, разграбляя въ нихъ все до тла, разоряли православные храмы, надругались надъ святыней, рѣзали жителей не успѣвшихъ скрыться, не щада ни пола, ни возраста; женщинъ и дѣвушекъ передъ убійствомъ насиловали на глазахъ ихъ умирающихъ отъ ранъ мужей, отцовъ и братьевъ; красивыхъ женщинъ уводили въ рабство, и затѣмъ предавали все пламени. Трупы несчастныхъ мучениковъ-христіанъ, испустившихъ духъ подъ разными звѣрскими пытками этихъ современныхъ варваровъ, кучами лежали по полямъ, по дорогамъ, среди уцѣлѣвшихъ селъ, не преданные землѣ, и никто изъ православныхъ не смѣлъ даже вида

жалости обнаружить къ нимъ при комъ нибудь изъ разбойниковъ, а не то что хоронить.

Цыфра этихъ ужасныхъ убійствъ возрасла наконецъ до невѣроятныхъ размѣровъ—слишкомъ шестьдесятъ тысячъ поруганныхъ жертвъ, мусульманскаго фанатизма, пало съ мольбою о помощи на запекшихся кровью устахъ;—голодъ, холодъ, стоны и слезы, мѣшаясь со звономъ тяжелыхъ цѣпей, въ которыя заковывали тысячами христіанъ, въ ожиданіи казни чрезъ повѣшеніе или сожженіе на медленномъ огнѣ—вотъ какая потрясающая картина представлялась глазамъ, по ту сторону Дуная, въ христіанскихъ провинціяхъ.

Кочующія шайки турецкихъ патентованныхъ разбойниковъ стали наконецъ дѣлать набѣги на сосѣднія границы Сербіи и Черногоріи, жгли и раззоряли ихъ села, хватали мирныхъ жителей на поляхъ и умерщвляли жестокимъ не человѣческимъ образомъ—и вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ, сгорая жаждой справедливой мести и накипѣвшаго страданія за своихъ братій славянъ, воинственныя княжества Сербія и Черногорія обнажили мечи и объявили Турціи войну. Войну, собственно говоря, не посильную, по количеству войскъ, по качеству вооруженія, и, наконецъ, по мизерности матеріальныхъ средствъ—маленькій котенокъ вышелъ на поединокъ со львомъ, но, воодушевленные сознаніемъ правоты дѣла, съ твердымъ упованіемъ и вѣрой на помощь Божію, эти два маленькія колосса смѣло ринулись въ кровавый бой.

Какія чувства волновали русскій народъ во все время этой ужасной разыгрывающейся драмы на Балканскомъ полуостровѣ, какъ великая русская семья, отъ мала до велика, томилась и страдала за своихъ меньшихъ братій по вѣрѣ, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ слѣдила она за дѣйствіями европейской дипломатіи въ восточномъ вопросѣ, съ какимъ негодованіемъ прислушивалась къ ея вѣроломному голосу за страждущихъ славянъ, которымъ она наводняла одну газетную бумагу,—то это еще свѣжо живетъ въ памяти каждаго изъ насъ.

Мы, пока, позволимъ себѣ привести здѣсь только милліонный голосъ раздавшійся изъ сердца Россіи, голосъ *дѣтей*, воспитанниковъ новочеркасской гимназіи, въ письмѣ къ одному изъ маститыхъ представителей русскаго народнаго сочувствія въ Сербіи М. Г. Черняеву, въ тяжелое время войны ея съ Турціей, и тогда, до нѣкоторой степени, уяснится, что жило въ сердцѣ каждаго русскаго, не говоря уже о безчисленныхъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ, которыя слалъ нашъ народъ страдающимъ братьямъ.

«Примите благосклонно скромное посланіе наше,» пишутъ юноши, «это нашъ искренній голосъ, который мы хотимъ слить съ величавымъ патріотическимъ гуломъ стоящимъ надо всею ши-

рокою святою Русью. Васъ, борцовъ, и всю великую Русь воодушевляетъ двоякое чувство: святая религіозная ревность и глубокое состраданіе къ бѣдствующей райѣ сиротинѣ, горькой, обездоленной.»

«Какъ выраженіе нашего христіанскаго чувства, и какъ залогъ побѣдъ Креста и Евангелія надъ кораномъ и полумѣсяцемъ, просимъ васъ прянять отъ насъ сердечное приношеніе крестоносному народу—св. Евангеліе и Крестъ и передать эти святые побѣдные символы по вашему усмотрѣнію въ какой нибудь разоренный храмъ Божій.»

А вотъ и отвѣтъ нашего доблестнаго воина и собрата на это письмо:

«Молодые друзья мои!

«Въ тяжелой, но славной борьбѣ, выпавшей на мою долю, противъ угнетеній и варварства, меня особенно обрадовало выраженіе вашихъ молодыхъ, горячихъ чувствъ, въ которыхъ вижу залогъ будущей силы и славы Россіи, какъ Главы Славянства. Будьте всегда честны и искренни, какъ честно и искренне побужденіе, подсказавшее вамъ тѣ строки, которыми вы обрадовали меня. Придетъ время, вы явитесь на смѣну намъ и возьмете въ свои руки знамя Славянства, идея котораго не умретъ, какъ не умретъ духъ ее оживляющій, какъ не умретъ православіе, съ которымъ она нераздѣльна.»

Этотъ отвѣтъ имѣетъ значеніе для насъ потому, что ярко рисуетъ намъ: какъ чисты и искренни были побужденія русскихъ добровольцевъ, руководившихъ боевыми силами Сербіи, поднявшей надъ славянскими братьями знамя свободы.

Русскихъ добровольцевъ было не мало въ родной намъ Сербіи; со всѣхъ концовъ нашей обширной святой земли стекались они подъ знамена славянскія, и на ратномъ полѣ клали свои головушки за своихъ угнетенныхъ братьевъ; умирали храброю смертью—весь міръ удивленъ былъ изумительной стойкостью русскихъ баталіоновъ въ Сербіи, которые шли на приступы непріятельскихъ позицій безъ выстрѣла, съ пѣсенниками впередъ, подъ страшнымъ вражьимъ огнемъ. При одномъ видѣ русскихъ удальцовъ, турки бросали оружіе, бѣжали охваченные паникой. Память о русскихъ добровольцахъ не умретъ между Сербами; ихъ имена будутъ записаны на скрижаляхъ ея исторіи.

Чтоже дѣлала въ это время Европейская дипломатія? Роль дипломатіи въ этихъ затрудненіяхъ представляетъ что то неслыханное и ляжетъ неизгладимымъ позоромъ на исторіи нашего вѣка. Идетъ борьба—съ одной стороны горсть людей, отстаивающихъ все, что дорого для христіанина, для Европейца, для человѣка; съ другой громадная варварская сила, безнадежный мракъ, попраніе всего, что свято для человѣческаго чувства. Съ одной стороны, два маленькія княжества съ населеніемъ, едва превы-

шающимъ милліонъ, безъ регулярныхъ армій, безъ оружія, безъ средствъ; съ другой, могущественная орда, повелѣвающая въ трехъ частяхъ свѣта, обладающая всѣми усовершенствованными орудіями разрушенія, которыя она только и могла перенять у европейской цивилизаціи,—располагающая организованными арміями и несмѣтными полчищами иррегулярныхъ войскъ, не признающая никакихъ нравственныхъ стѣсненій, хуже чѣмъ дикій звѣрь..... И что же? Христіанскія, европейскія, гордящіяся своею цивилизаціей націи, либералы, рукоплещущіе всякому движенію подъ знаменемъ свободы, трепетно сочувствовали не слабымъ, не угнетеннымъ, не подавленнымъ, а насилію и варварству, и помогали сильному противъ слабаго, исламу противъ христіанства, звѣрю противъ человѣка!

Что можетъ быть ужаснѣе минутъ, пережитыхъ цивилизованною Европой? Что творилось въ ней, и какимъ именемъ заклеймить ея дѣйствія?

Страшныя бѣдствія и небывалыя потрясенія приготовила было тогда дипломатія для всей Европы!,....

Извѣстно, что турецкая исторія имѣетъ три періода, первый періодъ отъ Орхана до Петра великаго. Въ этомъ періодѣ турки совершили свои завоевательныя нашествія, опустошая область за областью, живя ограбленнымъ имуществомъ завоеванныхъ христіанъ. Второй періодъ звключаетъ время отъ Петра великаго до Адріанопольскаго мира; въ этомъ періодѣ, вслѣдствіе ослабленія въ нихъ завоевательнаго духа, они жили трудами прежде покоренныхъ райевъ, убивая всякаго, кого считали богатымъ, и забирая его имущество. Третій періодъ продолжался до прошлаго года, когда они не могли больше явно безнаказанно умерщвлять. Въ этомъ періодѣ они стали жить выманиваніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ. Съ 1875 года начался четвертый періодъ поголовнаго истребленія всѣхъ райевъ.

Невозможно себѣ представить положеніе христіанъ; оно превосходитъ всякое описаніе.

Нѣкоторыя изъ регулярныхъ войскъ, возвратившихся изъ несчастной Болгаріи съ цѣлыми возами награбленнаго имущества, разсказывали сами Арабамъ, что они были невообразимо удивлены выпавшею на ихъ долю дѣятельностію. Они говорятъ, что сами паши, командовавшіе войсками, приказывали солдатамъ нападать на деревни и вырѣзывать всѣхъ поголовно, отъ малаго до великаго, мужчинъ и женщинъ и, ограбивъ ихъ имущества, предавать все остальное огню. Паши убѣждали при этомъ солдатъ, что такія распоряженія во первыхъ полезны для мусульманъ, а во вторыхъ согласны съ приказаніями правительства, ибо когда *бунтовщики* увидятъ постигшую мирныхъ жителей участь, то испугаются и положатъ оружіе.

Дальше солдаты эти разсказывали, что жители деревень, муж-

чины и женщины, встрѣчали ихъ, сложа крестообразно руки на грудь, (знакъ большаго уваженія на Востокѣ,) какъ обыкновенно встрѣчаютъ гостей, и по незнанію ихъ языка знаками приглашали ихъ въ свои дома. Когда же приглашенные гости хватали мужчинъ и начинали рѣзню, женщины и дѣти съ воплями и рыданіями падали къ ихъ ногамъ, предлагая имъ за выкупъ все, что есть у нихъ цѣннаго, всѣ свои украшенія, деньги, платья и проч. Но войска были неумолимы, а начальники приказывали никого не щадить. Бывали случаи, что они останавливали рѣзню на нѣкоторое время и приказывали приготовлять себѣ кушанья, но насытившись они принимались за обезчещеніе женщинъ и дѣвицъ и, затѣмъ, доканчивая рѣзню, предавали все пламени. Окончивъ съ одной деревней, они отправлялись къ другой.....

Въ Бешъ-Типе, кровопійца Шевкетъ паша, предъявилъ телеграмму изъ Адріанополя отъ Сердарь—экрема, въ которой предписывалось истребленіе этого округа. Благодаря только заступничеству преосвященнаго Серафима, это не совершилось. Епископъ отправился въ лагерь Шевкетъ-паши, вызвался быть порукой за окружныя селенія и, послѣ вынесенія многочисленныхъ оскорбленій, успѣлъ испросить помилованіе этимъ совершенно невиннымъ людямъ.

Между 9 и 30 мая 1876 года начались самые многочисленные аресты вь Болгаріи. Болѣе 700 человѣкъ въ одинъ разъ приведены въ Тырново изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно же изъ Габрова и Сельви; болѣе 200 человѣкъ изъ нихъ имѣли цѣпи на шеѣ. Нѣсколько умерло на дорогѣ отъ жестокаго съ ними обращенія.

Присланный изъ Константинополя Али-Шефикъ-бей для предсѣдательства въ чрезвычайномъ судѣ приказалъ казнить 27 человѣкъ, а остальныхъ или приговорилъ къ тяжкой каторжной работѣ, или къ заточенію въ тюрьмахъ. При допросѣ этихъ беззащитныхъ людей употреблялись пытки, слѣдствіемъ чего было, разумѣется, то, что палачи добивались отъ своихъ жертвъ такихъ показаній, которыми-бы они сами себя приговорили къ смерти.

Священникъ Іоаннъ изъ Габрова былъ подвергнутъ истязаніямъ и пыткѣ по приказанію Физиль-паши, пока онъ не подписалъ сознанія въ томъ, что онъ состоялъ предводителемъ инсургентовъ въ Балканахъ. Онъ былъ осужденъ и повѣшенъ въ Тырновѣ, хотя всѣ жители Габрова могли-бы засвидѣтельствовать, что онъ не оставлялъ города въ продолженіи всей весны. Повидимому Физиль-паша нашелъ нужнымъ его казнить съ цѣлію доказать что священники управляли возстаніемъ.

Этотъ же Физиль-паша, въ пьяномъ видѣ, приказалъ безъ суда повѣсить двухъ купцовъ изъ Боіенджи, схваченныхъ въ окрестности и ни въ чемъ не виновныхъ. Офицеръ, которому по-

ручили совершеніе этой казни, отказался повиноваться безъ предварительнаго допроса осужденныхъ, за что былъ арестованъ на нѣсколько дней, а другой офицеръ исполнилъ приказаніе. На слѣдующій день Физиль-паша приказалъ допросить двухъ арестованныхъ и былъ очень удивленъ, когда узналъ, что они уже повѣшены.

Да, тяжелая, разрывающая сердце каждаго христіанина, драма разыгралась въ Болгаріи; невинно пролитую кровь не успѣвала впитывать въ себя земля. Во многихъ мѣстахъ представляетъ теперь эта злосчастная страна сплошную степь, на которой кое гдѣ виднѣются пепелъ и камни, коими обозначены мѣста, гдѣ когда-то были города и селенія. Тысячи скелетовъ, тысячи костровъ оставили въ этой степи слѣды воспоминаній о тѣхъ дикихъ звѣрствахъ, которые давно не встрѣчались въ образованномъ мірѣ.

Населеніе опустошенныхъ мѣстностей Болгаріи или перебито или же спаслось въ ближайшія деревни и города, которыхъ еще не коснулась рука разъяренныхъ враговъ. Многіе изъ одного города искали убѣжища въ другомъ, откуда на другой же день бывали принуждены опять бѣжать въ третій. Такимъ образомъ, не бывъ въ состояніи остановиться на одномъ мѣстѣ и пріискать себѣ средства заработывать насущный хлѣбъ, многіе бывали подвержены тѣмъ пыткамъ, которыя бываютъ слѣдствіемъ голода и ведутъ къ голодной емерти. Большая часть мирныхъ жителей ходили едва прикрытые и страдая отъ голода и холода коченѣли на мѣстѣ. Никто не выходилъ въ поле запастись хоть чѣмъ нибудь на зиму; каждый думалъ только о жизни, не въ состояніи будучи заботиться о ея поддержаніи. Выйдешь въ поле—убьютъ непремѣнно; останешься съ пустыми руками—грозитъ голодная смерть. Многіе изъ оставшихся въ живыхъ чуть ли не сожалѣли искренно, что ихъ тоже не убили.

А фанатизмъ въ Турціи все усиливался и ожидали, что скоро прекратится всякая сдержанность османлиновъ. Они искали крови и вовсеуслышаніе сожалѣли, что ихъ не допускаютъ покончить со всѣми Болгарами и тогда приняться за другихъ гяуровъ *Московцевъ*. Они всѣ были вооружены и расхаживали по улицамъ, застращивая населеніе угрозами истребить его при первомъ удобномъ случаѣ.

Въ церкви деревни Сатисъ-Кени, мусульманскій ходжа взошелъ на амвонъ, а пришедшіе съ нимъ мусульмане начали ударами ножей принуждать христіанъ принять участіе въ мусульманскомъ моленіи. Въ церкви деревни Ахмедъ-бей они выкололи глаза на изображеніяхъ Спасителя и Богоматери.

Между тѣмъ два небольшія княжества продолжали вести вооруженную борьбу съ Турціей и войну не безуспѣшную. Въ особенности—Черногорцы; они одерживали надъ турками одну за

другой блестящія побѣды; но эта геройская борьба, эти успѣхи не вели, по милости Австріи, ни къ какимъ результатамъ. Иногда Черногорцы оказывались послѣ побѣдъ чуть даже не въ худшемъ положеніи. Такъ однажды, почти тотчасъ за побѣдами на сѣверѣ надъ Махмудъ-пашей и на югѣ надъ Мухтаръ-пашей, Черногоріи грозило вторженіе турецкихъ войскъ съ обѣихъ сторонъ. Также казалось страннымъ, что когда Сербія отклонила предложеніе десятидневнаго перемирія, въ Черногоріи продолжалась пріостановка дѣйствій, съ тѣмъ лишь результатомъ, что ею вѣроломно воспользовался Мухтаръ-паша, къ счастію, на свою голову, потерпѣвъ новое пораженіе при Клобукѣ.

Тутъ ясно что то казалось не ладнымъ и естественно, что дипломатія стѣснила дѣйствіе Черногорцевъ, а дипломатическое давленіе могло быть производимо только со стороны Австріи.

Предъ началомъ войны, Австрійское правительство обнаруживало благосклонность къ Черногоріи, но какъ только началась дѣятельная компанія, благосклонность эта быстро охладѣла, а когда войска князя Николая, вторгшись въ Герцеговину, дошли уже до Невисинья, то князю было прямо сказано, что «ему не позволятъ занять Мостаръ, и что если онъ попытается на это, то будетъ изгнанъ Австрійскими войсками, и за тѣмъ князь былъ приглашенъ очистить Герцеговину внушеніемъ, что успѣхъ его усилій въ этомъ направленіи не будетъ допущенъ.» Такова была причина отступленія черногорскихъ войскъ въ Баньяны, когда они уже находились подъ Бишиной.

Этимъ однако еще не ограничилось доброжелательное вмѣшательство Австріи. Дозволеніе, данное Черногоріей, снабдить продовольствіемъ блокируемыя черногорскими войсками турецкія крѣпости, было исторгнуто-же Австріей, «на перекоръ совѣту болѣе дружественныхъ державъ», а также и движеніе окружившее Мухтаръ-пашу и отрѣзавшее его отъ базиса операцій, было остановлено продолженіемъ перемирія, на которое князь Николай согласился, протестуя противъ него, и это самое перемиріе еще вновь продолженное, дозволило неожиданно Мухтару атаковать черногорцевъ, чѣмъ онъ самъ нарушилъ перемиріе. Такимъ образомъ, Черногорія обязана Австріи за стѣсненія ея движеній обязательствами, которыя не налагали никакой взаимной отвѣтственности на непріятеля.

Удивляться тому, что Черногорцы такъ легко подчинялись явно невыгоднымъ для нихъ требованіямъ, рѣшительно нельзя. Помимо того, что нельзя бѣдному маленькому княжеству идти на перекоръ волѣ могущественнаго сосѣда, есть особыя причины ставящія его въ совершенную зависимость отъ капризовъ Австріи. Нѣтъ вліянія тяжеле, чѣмъ вліяніе нужды, а Черногорцы въ такомъ географическомъ плѣну у Австріи, что приказаніямъ ея трудно перечить; ни одинъ мѣшокъ муки, ни одинъ тюкъ товара

какого либо рода не можетъ попасть въ Черногорію иначе, какъ съ согласія Австріи, и мнимая дружба этой имперіи постепенно перешла въ тираннію, которая лишаетъ княжество всякой свободы дѣйствій. Возмутительнѣе всего эта тираннія проявляется тѣмъ, что она заранѣе желаетъ отнять у Черногоріи всякую надежду на результатъ борьбы. По вопросу объ окончательномъ рѣшеніи, Австрія сбрасываетъ наконецъ маску и противится всякому дѣйствительному улучшенію положенія княжества. Она согласится на присоединеніе къ нему округа Кучей, но ни зачто—на присоединеніе Никшича, Спужа или порта,—ни чего такого, что могло бы сдѣлать его сколько нибудь зажиточнѣе или независимѣе; княжество не получитъ ни моря, ни равнинъ; оно должно оставаться тѣсно запертымъ и зависѣть отъ произвола Австріи.

Что же все это значило? Дѣйствія Австріи относительно Черногоріи представлялись совершенно непостижимыми, потому что со стороны австрійскихъ политиковъ не могло быть ни малѣйшаго опасенія, чтобы Черногорія могла когда либо сдѣлаться для нихъ опасною. Очевидно стало быть, что эти дѣйствія внушены были предосудительнымъ разсчетомъ, и тѣмъ болѣе это вѣроятно, что въ отношеніи къ боснійскому затрудненію Австрійское правительство настаивало лишь на такомъ рѣшеніи, которое, подъ именемъ «административной автономіи», истолкованной въ наиболѣе благопріятномъ для турокъ смыслѣ, оставило бы по прежнему старый механизмъ магометанскаго правленія.

Приближалась зима. Военное счастіе не всегда, однако было на сторонѣ Сербіи; турецкія полчища стали тѣснить ее, давили массой—хотя и эти полчища тоже были не въ блестящемъ положеніи; но Турція напрягала всѣ свои усилія, чтобы до наступленія зимы смять борющееся съ ней княжество—объ этомъ хлопотала и Европейская дипломатія, во главѣ съ Англіей; но Россія своей мощной рукой отклоняла, насколько было возможно, этотъ страшный моментъ, и даже не только что не допускала раздавить борцовъ за вѣру и свободу, но твердо настаивала на томъ, чтобы славянскимъ провинціямъ была дана автономія. Наконецъ Европа возъимѣла намѣреніе остановить кровопролитіе между воюющими сторонами и, до выработки окончательнаго мира, предложила сторонамъ перемиріе. Нашъ посланникъ при Оттоманской Портѣ генералъ Игнатьевъ былъ вызванъ своимъ правительствомъ въ Ливадію, гдѣ въ это время находился Государь Императоръ.

Такъ какъ, по ходу войны, Турціи нельзя было еще навѣрное разсчитывать, что она кончится до зимы, то она, на предъявленный ей уполномоченными великихъ державъ ультиматумъ, и изъявила свое согласіе на перемиріе, но не иначе какъ на пять или на шесть мѣсяцевъ; тѣмъ болѣе, что ея войска на театрѣ

войны находились въ самомъ критическомъ положеніи; они нуждались даже въ водѣ; тѣмъ болѣе, что подходила зима, войска не способны выносить холода, особенно Египтяне всѣ могли перемереть отъ морозовъ. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ можетъ быть не возможенъ, да и жить въ занимаемыхъ ими позиціяхъ зимой рѣшительно не представлялось никакой возможности; на Яворѣ ужъ появлялся снѣгъ. А имѣя, напримѣръ, въ запасѣ пять, шесть мѣсяцевъ, *можно у-Райи отнять и послѣдній грошъ; можно занять денегъ у Англіи и наконецъ пройдетъ этотъ общій энтузіазмъ Европы; забудутся Болгарскія, Боснійскія и Старосербскія душегубства, зародятся другіе вопросы.....* однимъ словомъ, все перемѣлется—мука будетъ. Кромѣ того, Турція требовала, чтобы Россія, во время перемирія, гарантировала прекращеніе отправки русскихъ добровольцевъ въ Сербію.

Россія настойчиво отвергла эти условія и настаивала на шестинедѣльномъ перемиріи. По этому поводу уполномоченный г. Нелидовъ, въ отсутствіи генерала Игатьева, энергически заявилъ въ Константинополѣ, что «Россія не можетъ согласиться на шестимѣсячное перемиріе, такъ какъ, съ одной стороны, въ Бѣлградѣ отвѣчали, что заключеніе перемирія на условіяхъ предлагаемыхъ Портой было бы для Сербіи тяжелѣе цѣлаго ряда боевыхъ пораженій; а съ другой стороны, облеченное Портой, въ формѣ желанія, требованіе, чтобы Россія дала гарантіи на счетъ прекращенія отправки русскихъ добровольцевъ въ Сербію есть инсинуація, какой ни одна Европейская держава не имѣетъ права выставлять права Россіи, и всего менѣе Турція, которая своими злодѣяніями въ Болгаріи потеряла право на голосъ въ Европейскомъ концертѣ. Русское правительство относится совершенно пассивно къ выраженіямъ народнаго сочувствія къ славянскому дѣлу, но вообще считаетъ это движеніе дѣломъ чисто внутреннимъ, такъ что оно взираетъ на всякую попытку затронуть этотъ вопросъ, и при томъ въ формѣ условія, какъ на вызовъ со стороны Порты!»

Вслѣдствіе этого заявленія, въ Европейской дипломатіи снова началось сильное броженіе. Англія давно уже приняла угрожающее положеніе, поставивъ часть флота въ Безикскую бухту; а послѣ отказа Россіи и Сербіи принять предлагаемое шестимѣсячное перемиріе Портой, она предписала полуконфидиціально главнокомандующему держать три армейскіе корпуса на готовѣ, для немедленной отправки въ Средиземное море.

Россія однако не испугалась угрозъ Сентжемскаго кабинета и сама стала готовиться къ вооруженному отпору враговъ свободы славянства. Офицеры генеральнаго штаба, завѣдывающіе передвиженіемъ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, были вызваны въ Петербургъ на съѣздъ, для обсужденія мѣръ по предстоящему отправленію войскъ къ границѣ. Управляющіе центральными юж-

ными желѣзными дорогами вызывались для составленія общаго плана перевозки войскъ. Въ Очаковѣ строилась водяная батарея, гдѣ работали день и ночь 15,000 человѣкъ рабочихъ. Въ Одессу ежедневно экстренные поѣзда везли огромныя пушки, мортиры и пр., укрѣплялся Севастополь и вообще всѣ портовые города Чернаго моря.

Изъ Петербургскаго артиллерійскаго склада огнестрѣльные снаряды перевозились на Балтійскую дорогу. Военная Грузинская дорога загромоздилась обозами артиллеріи и войсками.

Европа стала поговаривать, что если Порта не приметъ *шестинедѣльнаго* перемирія, какъ того требуетъ Россія, поддерживаемая дружественной Пруссіей, то русскіе полки перейдутъ границу.

Почти единственный голосъ въ Англіи о Восточтомъ вопросѣ, въ искренности и прямотѣ котораго не сомнѣвались въ Европѣ, — это голосъ Гладстона и вотъ его взглядъ на политику своихъ министровъ, изложенный въ письмѣ и прочитанный на митингѣ рабочихъ въ Сентъ-Джемсъ-Галлѣ, собравшихся, подъ предсѣдательствомъ члена Парламента г. Джемса Стансфельда, съ цѣлію протеста противъ медлительнаго образа дѣйствій англійскаго министерства въ Восточномъ вопросѣ и для возобновленія требованія объ открытіи осенью сессіи Парламента.

«Правительства Европы находятся въ настоящее время, какъ извѣстно, въ постоянныхъ сношеніяхъ по Восточному вопросу, и отъ тѣхъ рѣшеній, которыя принимаются ими со дня на день, могутъ зависѣть великія и продолжительныя послѣдствія. Ихъ совокупное дѣйствіе можетъ быть результатомъ сближеній, сдѣланныхъ съ ихъ различныхъ точекъ зрѣнія, и уступокъ изъ того, что каждое правительство, дѣйствуй оно независимо, могло было желать. Такія уступки допускаются во многихъ случаяхъ и даже неизбѣжны; но при такомъ положеніи вещей каждая нація въ правѣ ожидать, что ея дипломатія будетъ честнымъ органомъ для выраженія ея всеобщихъ убѣжденій; въ особенности право это принадлежитъ націи тамъ, гдѣ самая ея конституція основана на признанномъ и привычномъ принципѣ самоуправленія. Что касается большей части великихъ державъ въ настоящее время, то нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что правительства ихъ служатъ вѣрными представителями преобладающихъ чувствъ своего народа; но если я спрошу: какія цѣли и какую политику представляетъ Британское правительство, то относительно отвѣта ея теряюсь въ сомнѣніи и неизвѣстности. Все, что при нашихъ ограниченныхъ свѣдѣніяхъ мы можемъ сказать, такъ это то, что цѣли и политика представляемыя нашимъ правительствомъ, носятъ на себѣ печать чего-то существенно отличнаго отъ цѣлей и политики такъ широко провозглашенныхъ страной, потому что эти національныя цѣли и политика расходятся съ дѣйствіями

правительства, обнаруженными въ парламентскихъ документахъ и въ его поступкахъ; эти національныя цѣли и политика безпрестанно осуждаются и оплакиваются органами правительства въ печати и были встрѣчены съ непритворнымъ отвращеніемъ первымъ министромъ и тщательно обработанными контръ-аргументами со стороны министра иностранныхъ дѣлъ. Вотъ почему мы должны опасаться, что за столомъ совѣта Европы, между тѣмъ какъ желанія Великобританіи склоняются на одну чашу вѣсовъ, вѣсъ и вліяніе ея кладутся на другую противоположную. Если это такъ, то горизонтъ не только не проясняется, но напротивъ становится темнѣе. Уничижая европейское единомысліе въ теченіе цѣлаго года, Англійское правительство въ послѣднія нѣсколько недѣль стало само рекомендовать его, и мы слышимъ о необходимости согласить между собою виды всѣхъ державъ. Когда дѣло шло о поблажкѣ Турецкому правительству противъ его христіанскихъ подданныхъ, мы ничего не слышали о такой необходимости, мы гордились одиночнымъ дѣйствіемъ и ставили себѣ въ заслугу то, что разстроили планы другихъ державъ. Теперь когда сильное негодованіе всей страны сдѣлало продолженіе политики въ такомъ направленіи невозможнымъ, правительство, кажется, измѣнило ея форму, ни мало не измѣняя цѣли, и ссылается на взгляды другихъ державъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы сумма добра сдѣланнаго для угнетенныхъ турецкихъ провинцій, была бы какъ можно меньше. Послѣдніе переговоры представляются, кажется, въ такомъ видѣ. Британское правительство обратилось съ нѣкоторыми предварительными предложеніями къ другимъ правительствамъ. Одно изъ этихъ предложеній было въ пользу установленія автономіи или самоуправленія въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Но само Англійское правительство понимало предлагаемую имъ мѣру въ одномъ смыслѣ, другія же державы и главнымъ образомъ Россія—въ другомъ. Это уже новый видъ европейскаго согласія, которое основывается на употребленіи однихъ и тѣхъ же словъ, но въ противорѣчащихъ смыслахъ, и которое продолжается ровно до тѣхъ поръ, какъ дѣло доходитъ до практическаго обсужденія. Но потому ли что новое понятіе оказалось слишкомъ утонченнымъ для мусульманскаго разумѣнія, или оно возбудило подозрѣнія, во всякомъ случаѣ англійскія предложенія были отвергнуты. Это отверженіе сопровождалось, однакоже, новымъ изданіемъ въ свѣтъ турецкихъ обѣщаній, значительно расширенныхъ сравнительно со всѣми предшествовавшими, совершенно подобно тому, какъ во время Французской революціи, количество ассигнацій все увеличивалось по мѣрѣ того, какъ цѣнность ихъ все болѣе и болѣе приближалась къ нулю. «Автономія» нашихъ министровъ подразумѣвала, говорятъ, нѣчто въ родѣ приходскаго, второстепеннаго управленія, которое для тѣхъ цѣлей, какія имѣетъ наша нація въ виду, не имѣло-бы ни-

какого значенія. Мы должны впрочемъ быть признательны Портѣ, что она такимъ образомъ была причиной, что пузырь скоро лопнулъ, а то онъ, не случись этого, покружился бы нѣсколько дней долѣе подъ солнцемъ, но пузырь этотъ казался въ глазахъ сэръ—Стафорда Норткота такимъ огромнымъ, что онъ приглашалъ Англичанъ гордиться ихъ руководительствомъ совѣтами Европы, а лорда Дарби ввелъ въ искушеніе заявить въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, что вопросъ о мирѣ будетъ улаженъ въ нѣсколько дней. Но занимающій насъ вопросъ имѣетъ еще и свою домашнюю сторону значительной и возрастающей важности. Первый министръ, какъ сообщаютъ въ газетахъ, допускаетъ, что его виды въ восточной политикѣ расходятся съ видами народа, министръ же иностранныхъ дѣлъ, что правительству не отчего отрекаться и не о чемъ сожалѣть. Правительство, какъ видно, вовсе не желаетъ распущеніемъ парламента дать народу возможность выразить свое настроеніе несомнѣннымъ образомъ; въ этомъ отношеніи правительство могло бы справедливо заявить, что не обращаетъ вниманія на существующій парламентъ, который не уличенъ въ томъ, чтобъ онъ былъ въ разладѣ съ народомъ, и такой отвѣтъ вполнѣ былъ-бы честный, если-бы онъ сопровождался быстрымъ созваніемъ парламента; но такой отвѣтъ не честенъ, напротивъ, онъ скорѣе походитъ на насмѣшку надъ публикою, если правительство страны, которая высказалась, аппелируетъ къ парламенту, который не допускаетъ высказаться. Упорство въ политикѣ, повидимому, осужденной націей и неизвѣстной или не поддержанной парламентомъ, есть путь несогласный ни съ духомъ, ни съ практикой Британской конституціи, и въ тоже время въ высшей степени унизительный, въ настоящемъ случаѣ, для чести и вліянія Великобританіи. Если мнѣ возразили, что ничто не доказываетъ такого упорства со стороны правительства, я отвѣчу, что правительство, которое приглашали измѣнить тѣ начала, по которымъ оно дѣйствовало, не имѣетъ права скрывать свои дѣйствія въ тишинѣ, но что оно въ правѣ было бы въ такомъ лишь случаѣ, когда бы дѣло шло о примѣненіи принциповъ одобренныхъ самихъ по себѣ къ перемѣннымъ непридвидѣннымъ случайностямъ даннаго вопроса. Если правительство желаетъ успокоить или удовлетворить страну, пусть оно засвидѣтельствуетъ, что насколько отъ него зависитъ, народъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи долженъ быть обезпеченъ въ управленіи своими дѣлами по средствомъ такихъ учрежденій, продолжительность и дѣйствительность которыхъ не зависѣли бы отъ каприза или воли Оттоманскаго правительства. Заявленіе, сдѣланное существенно съ этою цѣлью, хотя оно и не исчерпывало бы вполнѣ всего предмета, тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ въ томъ, много способствовало бы тому, чтобы положить конецъ нашему домашнему разногласію. Но за отсутствіемъ всякаго признака

чего либо подобнаго и въ виду столь многихъ признаковъ противнаго, едва-ли можно ожидать, чтобы народъ этой страны отступился отъ своихъ усилій, и я полагаю, что тѣ, которые быть можетъ разсчитывали или разсчитываютъ на извѣстный промежутокъ времени, достаточный чтобы провести до конца свои рѣшенія, обманутся въ своихъ ожиданіяхъ.

Мнѣ кажется, что убѣжденія въ націи должны господствовать надъ видами тѣхъ джентльменовъ, которые составляютъ правительство.

И если нація того-же мнѣнія, то англійская конституція даетъ достаточныя средства для того, чтобы оно получило силу.

Могутъ сказать, что въ употребленныхъ мною выраженіяхъ заключается нападеніе на администрацію страны.

На сколько я былъ въ состояніи и все еще надѣясь даже тогда, когда, казалось, исчезла всякая надежда, я не разставался съ желаніемъ, чтобы правительство, наконецъ, открыло свои глаза на истинный характеръ даннаго случая. Но и мой запасъ надежды наконецъ истощился. Если правительство измѣнитъ свою политику и будетъ за тѣмъ дѣйствовать прямо, я порадуюсь тому; но послѣ всѣхъ тѣхъ заявленій со стороны правительства, которыя мы слышали, я разумнымъ образомъ не могу ожидать этого, и мнѣ неизвѣстно ни одной такой причины скрывать этотъ мой взглядъ или искать ему оправданія. Каждый обязанъ укрѣпить руку правительства, когда она склонна къ добру; но я не вижу никакой обязанности укрѣплять ее на зло.

Въ заключеніе я надѣюсь, что наши свѣдѣнія касательно дѣйствій правительства не полны. Я истолковалъ ихъ по моему крайнему разумѣнію. Никто болѣе меня не будетъ чувствовать большаго облегченія и удовлетворенія, если окажется, что я ошибался, и что наши министры старались обезпечить тремъ турецкимъ провинціямъ дѣйствительное отъ вѣроломной и жестокой тираніи.»

Великій союзъ трехъ Императоровъ—Россіи, Германіи и Австріи, который имѣлъ впослѣдствіи рѣшающій голосъ въ Восточномъ вопросѣ, долго колебался только на союзѣ первыхъ двухъ державъ, и за тѣмъ уже, послѣ свиданія императоровъ Германіи и Австріи, онъ сталъ на болѣе твердую почву.—Вслѣдствіе отказа Порты принять перемиріе на шесть недѣль и упорства Англіи, которымъ она поддерживала Турцію въ этомъ отказѣ, намекая даже Европѣ, что она готова будетъ въ случаѣ крайности поддержать интересы Турціи, тождественныя будто бы съ ней, — Императоръ Александръ отправилъ графа Сумарокова-Эльстона съ собственноручнымъ письмомъ къ Императору Францу Іосифу.

Эта миссія должна была имѣть важный результатъ, въ отрицательномъ или положительномъ смыслѣ, а потому, корреспон-

денты всѣхъ странъ, въ буквальномъ значеніи слова, осаждали Hotel, гдѣ остановился графъ Сумароковъ по пріѣздѣ въ Вѣну. Каждое слово, произнесенное графомъ или кѣмъ нибудь изъ его свиты, или посѣщавшими графа высокопоставленными лицами, истолковывалось, перетолковывалось по своему и на всѣ лады, и все это летѣло по телеграфу во всѣ четыре страны свѣта. Каждый репортеръ старался прочесть, по выраженію лица графа, войну или миръ повезетъ онъ съ собой въ Россію.

И такъ какъ миссія графа Сумарокова-Эльстона привела къ полнѣйшему соглашенію въ образѣ дѣйствій, по Восточному вопросу, между Россіей и Австріей, — союзъ трехъ императоровъ съ этого времени уже считался на столько прочнымъ, что о разногласіи трехъ великихъ державъ нечего уже было думать, то Англія и Франція заговорили тотъ-часъ же совсѣмъ не тѣмъ самонадѣяннымъ голосомъ.

Въ газетѣ Times появилась статья, въ которой первенствующій органъ англійскаго общественнаго мнѣнія разсыпался лестью передъ руководителемъ германской политики и доказывая, что судьба вопроса — о мирѣ и войнѣ находится исключительно въ рукахъ князя Бисмарка, приглашалъ Германію сказать рѣшительное слово, дабы предотвратить грозящую Европейскому миру опасность, предъ которой блѣднѣютъ всѣ прежнія войны и перевороты этого столѣтія. Германія, доказывала Лондонская газета, болѣе нежели Англія, заинтересована въ томъ, чтобы грозящая теперь война не возгорѣлась. Англія хлопочетъ въ сущности совершенно безкорыстно, чисто изъ человѣколюбія, тогда какъ Россія видимо стремится завладѣть нижнимъ теченіемъ Дуная, что было бы для Германіи не меньшимъ чѣмъ для Австріи ударомъ. Что-же касается судьбы Константинополя, въ которой главнымъ образомъ заинтересована Англія, то послѣдняя, опираясь на свой могущественный флотъ, въ этомъ отношеніи совершенно спокойна. И вотъ, для обсужденія *честолюбивыхъ* замысловъ Россіи, угрожающихъ міру небывалымъ кровопролитіемъ, лондонская газета рекомендовала князю Бисмарку сдѣлать Россіи энергическое и твердое, хотя и дружественное представленіе, и этого было бы достаточно, чтобъ удержать Россію отъ ея замысла *превратить Дунай въ русскую рѣку*. За тѣмъ Times предлагалъ Германіи союзъ Англіи для осуществленія тѣхъ реформъ на Балканскомъ полуостровѣ, которыя признаны будутъ необходимыми для предотвращенія въ будущемъ новыхъ замѣшательствъ и проистекающихъ изъ нихъ опасностей для Европейскаго мира.

Такую рѣчь повели въ Англіи послѣ пресловутаго отвѣта Порты на послѣднее предложеніе державъ, которое было по преимуществу англійскимъ предложеніемъ, и ея встрѣчнаго предложенія о перемиріи на шесть мѣсяцевъ, о коемъ вся европейская

печать, купно съ офиціознымъ телеграфомъ и не исключая англійскихъ газетъ, прямо говорили, что она есть «Шахматный ходъ» противъ Россіи. Никто не отрицалъ, что этотъ «ходъ» внушенъ Портѣ Англіей, тою самою Англіей, которая офиціально выступила въ противоположномъ смыслѣ и для которой отказъ Порты, заключающійся въ ея встрѣчномъ предложеніи, казалось бы, долженъ имѣть значеніе дипломатическаго пораженія. Однако Times не только не возражалъ противъ новаго предложенія Порты, но находилъ, что оно доказываетъ искреннее стремленіе Порты къ мирному разрѣшенію замѣшательствъ на Востокѣ, и если Россія этого предложенія не приметъ, то Times заранѣе провозглашаетъ ее «врагомъ Европы.»

По поводу всѣхъ этихъ наглыхъ выходокъ лондонской газеты отвѣтъ со стороны Германіи послѣдовалъ самый холодный, въ особенности въ органѣ, считающемся органомъ князя Бисмарка:

«Мы должны напомнить лондонской газетѣ, что какъ на берегахъ Шпре, такъ и на берегахъ Дуная еще живутъ люди, которые свое мнѣніе о томъ, должно ли считать Россію другомъ или недругомъ, основываютъ не на воззрѣніяхъ газеты Times, мѣняющихся съ каждымъ днемъ. Что же касается союза съ Англіей предлагаемаго Германской Имперіи, то Times повидимому не хочетъ знать о союзѣ трехъ императоровъ, къ коему Англія могла бы присоединиться во всякое время. Мы, конечно, не можемъ сказать, что скажетъ князь Бисмаркъ о предложеніи названной газеты, очевидно внушенномъ *обуявшимъ эту газету великимъ страхомъ*; не знаемъ также на сколько въ немъ выражается взглядъ англійскаго правительства. Но одно мы знаемъ: князь Бисмаркъ имѣетъ привычку сообразоваться при своей внѣшней политикѣ съ чувствами, одушевляющими германскій народъ, а это настроеніе народа, въ виду поведенія Англіи въ 1870 году и позднѣе, отнюдь не благопріятствуетъ союзу съ Англіей противъ Россіи. Германскій народъ всего менѣе благопріятствовалъ бы политикѣ направленной къ тому, чтобы выгребать для Англіи жареные каштаны изъ огня; и если Times считаетъ необходимымъ реформы въ Турціи, то она съ этимъ обратилась не по надлежащему адресу. Германія не имѣетъ никакого интереса жертвовать своею кровью по поводу Восточнаго вопроса; и Англія не можетъ разсчитывать на то, чтобы Германія подѣлилась съ ней выгодами и потерями Англійской политики на Востокѣ.»

Вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ на искусительныя рѣчи, шедшія изъ Англіи, берлинская офиціозная газета заговорила вновь съ особеннымъ удареніемъ о тройственномъ союзѣ императоровъ, по случаю наступавшей 18 Октября годовщины битвы подъ Лейпцигомъ, на которую съ высоты «холма трехъ монарховъ» взирали, въ качествѣ союзниковъ, государи тѣхъ же трехъ державъ.

Нашъ русскій посланникъ при Оттоманской Портѣ, наконецъ,

возвратился къ своему посту въ Константинополь. Это было въ первый день праздника Байрама, слѣдующаго послѣ Рамазана, и продолжающагося три дня. Въ теченіи этого праздника присутственныя мѣста бываютъ закрыты. Въ первый день турецкіе министры сопровождаютъ султана вмѣстѣ съ прочими высшими сановниками въ мечеть, послѣ чего отправляются во дворецъ его величества, для принесенія ему своихъ привѣтствій, и затѣмъ сами принимаютъ многочисленныхъ посѣтителей, являющихся къ нимъ для поздравленія съ праздникомъ, что продолжается всѣ три дня. Это обстоятельство помѣшало генералу Игнатьеву вступить непосредственно, по своемъ пріѣздѣ, въ переговоры о дѣлахъ съ турецкими министрали. За то онъ могъ въ теченіи турецкаго праздника свободно переговорить съ представителями великихъ державъ, изъ коихъ многіе явились къ нему съ визитомъ тотчасъ по его пріѣздѣ. Но на третій день праздника онъ однако уже имѣлъ продолжительное свиданіе съ великимъ визиремъ, а на слѣдующій день за праздникомъ ему назначили торжественную аудіенцію у султана для представленія его величеству вѣрительныхъ грамотъ, послѣ чего онъ долженъ былъ имѣть и частную аудіенцію.

Пріѣздъ генерала Игнатьева занималъ умы всего Константинопольскаго общества. Многіе были убѣждены, что онъ пріѣхалъ не иначе какъ съ ультиматумомъ. Всѣ старались узнать, какія онъ предложенія сдѣлаетъ Портѣ, послѣ того какъ она отказалась принять автономію для обагренныхъ кровію славянскихъ областей, и что выйдетъ изъ этихъ предложеній — миръ или война?

Однако еще вначалѣ ничего не разъяснилось.—При врученіи кредитныхъ грамотъ генералъ Игнатьевъ сказалъ, однако, Султану, что Императоръ Всероссійскій понимаетъ трудность положенія, и не скрывая своихъ симпатій къ славянамъ Турціи, желаетъ нынѣ улаженія затрудненій, дабы султанъ могъ приступить къ улучшенію участи своихъ подданныхъ. Султанъ сдѣлалъ представителю Россіи самый благосклонный пріемъ.

Трудно сказать,—сколько бы еще времени Европейская дипломатія въ состояніи была тормозить вопросъ о перемиріи,—но вотъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, 19 октября, русскій консулъ Карцевъ, по просьбѣ князя Милана, телеграфировалъ Государю Императору въ Ливадію и генералу Игнатьеву въ Константинополь просьбу отъ имени Сербіи о шестинедѣльномъ перемиріи или вооруженномъ вмѣшательствѣ Россіи.

Роковое совершилось! Моравская армія была разбита на голову во всѣхъ пунктахъ. Заняты высоты Дюниша, сербская армія была разорвана, Хорватовичъ отброшенъ къ Крушевцу подъ Алексинацъ.....»

Боже! что ожидало несчастную страну, открытую для турокъ!

«Турки воспользовались продолжительными пререканіями между державами, чтобы сосредоточить громадныя силы для рѣшительнаго удара. Обнаруженная ими при этомъ энергія представляетъ рѣзкій контрастъ съ ихъ медлительностію во все время компаніи. Сербская армія, и безъ того гораздо слабѣйшая, занимала линію въ двое длиннѣйшую, чѣмъ линія Турокъ, и при томъ сербскіе отряды, вынужденные отстаивать растянутую оборонительную линію, были еще расположены по обѣ стороны рѣки Моравы, тогда какъ вся турецкая армія была стянута на лѣвомъ берегу ея. Отрядъ Хорватовича, одного изъ способнѣйшихъ сербскихъ генераловъ, находившійся на правомъ крайнемъ флангѣ, не могъ во время получить подкрѣпленія.»

«Нѣтъ ничего удивительнаго, что у Сербовъ, не испытавшихъ государственной школы, еще не могло выработаться той дисциплины, которою познается духъ націи въ минуты тяжкихъ испытаній. Еще прежде сообщалось о размолвкѣ и неудовольствіяхъ между главнокомандующимъ генераломъ Черняевымъ, который былъ приглашонъ самимъ же сербскимъ правительствомъ, и военнымъ министромъ. Раздоръ этотъ грозилъ министерскимъ кризисомъ въ Бѣлградѣ, и найдено было нужнымъ отправить министра внутреннихъ дѣлъ въ армію. Результатъ этой поѣздки былъ однако не благополучный, такъ что князь Миланъ самъ внезапно выѣхалъ въ Делиградъ, вслѣдствіе раздора между партіями гражданской и военной. Этими раздорами и объясняется невѣроятный фактъ, что въ битвѣ подъ Дюнишемъ сербская артиллерія отказалась драться и очистила высоты, отказывая въ повиновеніи, не смотря на увѣщанія г. Черняева, противъ котораго она возстала. Такимъ образомъ, эту важнѣйшую позицію, взятіе которой турками разорвало Сербскую армію, пришлось защищать безъ артиллеріи, одному русскому баталіону, половина котораго и легла при этомъ.»

«Кабъ бы то ни было, катастрофа, постигшая Сербію, еще нагляднѣе выставляетъ всю ненормальность явленія и ярко рисуетъ бѣдственную картину малаго княжества, предпринявшаго непосильную войну, которую она вела на частныя средства....»

«Свобода и искупленіе не достаются безъ тяжкихъ жертвъ и усилій. Обманчивое посредничество Европы, подъ руководствомъ Англіи, было направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы высвободить Порту изъ ея затрудненій, но оно ничего не сдѣлало ни для княжествъ, ни для христіанскихъ провинцій Турціи, ужасное положеніе которыхъ и было причиной всѣхъ прошлыхъ замѣшательствъ. Этимъ посредничествомъ Порта воспользовалась тогда, чтобы собраться съ силами для нанесенія рѣшительнаго удара. Предоставленныя самимъ себѣ княжества должны были изнемочь въ неровной борьбѣ, а вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ еще

горшая участь должна была постигнуть христіанскія провинціи Порты.»

Но, благодаря Бога, этого не случилось. Въ эту самую, столь горестную, столь тяжелую минуту, послышалось, наконецъ, давно ожидаемое твердое слово Россіи.

18-го Октября, Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы генералъ-адъютантъ Игнатьевъ объявилъ Портѣ, что въ случаѣ если она въ двухдневный срокъ не приметъ перемирія на шесть недѣль или на два мѣсяца, и если не дастъ приказанія немедленно пріостановить военныя дѣйствія, то онъ совсѣмъ посольствомъ выѣдетъ изъ Константинополя и дипломатическія сношенія будутъ прерваны.

«Было бы тяжело подумать, что кровь, пролитая за Дунаемъ, была напрасною и безсмысленною жертвой. Рѣшеніе Россіи дало этой страшной жертвѣ великое значеніе.»

«Пора рѣшающихъ событій приближалась. Русская земля была готова на дѣло судебъ Божіихъ!....»

Изъ Кронштадта была вытребована партія артиллерійскихъ офицеровъ. Войска получили приказаніе запастись сухарями и привести въ порядокъ свои обозы, офицеры—оружіемъ, револьверами и саблями.'

Въ общественныхъ и казенныхъ зданіяхъ Петербурга приготовилось помѣщеніе для 40,000 войска и 6,000 лошадей. Военное интендантство заготовило продовольствія на цѣлый годъ. Военное министерство обязало офицеровъ находящихся въ отпуску немедленно явиться въ ряды. Число безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ имѣющихъ явиться по первому призыву высчитывалось въ 400,000. Аммуниція и одежда для нихъ были уже заготовлены.

Телеграмма принесла извѣстіе—Ихъ Императорскія Величества со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ изволятъ выѣхать изъ Ливадіи и прибудутъ въ Москву въ четвергъ, 28 Октября.

Всѣ съ трепетомъ ждали: какой отвѣтъ дастъ Порта нашему посланнику? Отвѣтъ получился 21-го Октября, въ коемъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ телеграммой увѣдомилъ:

«Въ часъ по полуночи сего 21 октября я получилъ отъ Сафветъ-паши отвѣтъ, выражающій согласіе Порты на заключеніе двухмѣсячнаго перемирія, считая со вчерашняго дня среды 21 Октября. Начальникамъ оттоманскихъ войскъ передано приказаніе о немедленномъ пріостановленіи военныхъ дѣйствій на всемъ театрѣ войны. Порта оставляетъ за собой опредѣлить позднѣе, по соглашеніи со мною и представителями державъ, подробныя условія относительно перемирія.»

Отъ того же числа генералъ Игнатьевъ увѣдомилъ телеграммой князя Милана; «Порта согласилась на двухмѣсячное перемиріе. Приказъ пріостановить военныя дѣйствія посланъ вчера.»

22-го Октября, Ристичъ официіально объявилъ русскому генеральному консулу о принятіи Сербскимъ правительствомъ предложеннаго перемирія.

По полученіи 21 Октября телеграммы о перемиріи, черногорскія войска были распущены.

Такъ какъ Румынія подготовляла провозглашеніе независимости, то тронная рѣчь князя Карла, произнесенная 21-го Октября и взывавшая къ единодушію всѣхъ румынъ, была встрѣчена единодушнымъ одобреніемъ и князь уѣхалъ изъ палаты, сопровождаемый восторженными кликами сенаторовъ, депутатовъ и публики.

«Предъявленіе Россіей ультиматума Турціи, съ двухдневнымъ срокомъ для согласія на немедленное, безусловное и краткосрочное перемиріе, было совершенною неожиданностью для дипломатіи. Правда, положеніе, принятое тогда Россіей, уже достаточно ясно опредѣлилось, съ той минуты, какъ она отвергла турецкія условія, чѣмъ такъ встревожилась было англійская печать; правда, что и положеніе Сербской арміи становилось съ каждымъ днемъ все болѣе критическимъ, и одно это могло достаточно объяснить энергическое настояніе Россіи на томъ, что ею уже было ясно высказано. Но замѣчательно, что одновременно съ отчаянными усиліями Турокъ, которые отвлекли къ Сербіи часть своихъ войскъ, дѣйствовавшихъ съ юга противъ Черногоріи, до послѣдней минуты, изо всѣхъ центровъ и всѣми агенствами разсылались самыя успокоительныя телеграммы касательно предстоявшаго соглашенія. Утверждали, что Порта обнаруживаетъ готовность согласиться на русскія требованія; передавали, что и послы другихъ державъ поддерживаютъ настоянія Россіи на шестинедѣльномъ перемиріи. И вдругъ ультиматумъ съ двухдневнымъ срокомъ для отвѣта! Чѣмъ могла быть вызвана эта мѣра, если и безъ того соглашенія ожидались неизбѣжно въ самое короткое время?

«Но удивляться этому нечего. Рѣшительное дѣйствіе Россіи вынуждено было *именно* разсчетомъ солидарной съ Турками дипломатіи будто Россія никогда не *рѣшится* на крайнюю мѣру. Послѣдняя фаза переговоровъ, какъ извѣстно, была та, что Россія и Турція были будто бы оставлены, въ виду прежняго неуспѣшнаго коллективнаго дѣйствія державъ, лицомъ къ лицу, развѣдаться между собой, какъ онѣ сами знаютъ. Мыслимо ли казалось, при такихъ условіяхъ, сопротивленіе Порты оставленной всѣми, на кого она могла бы разсчитывать? Но Порта продолжала тянуть переговоры, чтобы выиграть время для нанесенія Сербамъ рѣшительнаго удара.....

Порта принимала русское требованіе шестинедѣльнаго перемирія, желая только получить отъ державъ обязательство, что оно дважды будетъ продолжено на такой же срокъ. Она и ея совѣтники желали имѣть увѣренность, что военныя дѣйствія ни въ

какомъ случаѣ не возобновятся ранѣе какъ черезъ пять мѣсяцевъ. Послѣднія усилія, сосредоточенныя ею, чтобы какъ можно скорѣе разгромить Сербію, изобличаютъ во лжи, разсылавшіяся одновременно съ извѣстіями о ежедневныхъ битвахъ, примирительныя телеграммы изъ Константинополя. Нескончаемая проволочка пререканій объ условіяхъ перемирія и страшные удары, посыпавшіеся на Сербію, достаточно объясняютъ рѣшительныя дѣйствія Россіи. Рѣшеніе Россіи вынудило Порту и поблажающія ей державы немедленно же обнаружить свои дѣйствительныя намѣренія.

Разсчеты турокъ при этой двойной игрѣ были совершенно ясны. Они проглянули потомъ въ туркофильскихъ корреспонденціяхъ англійскихъ газетъ. Такъ бѣлградскій корреспондентъ Times, 29 Октября, наканунѣ предъявленія русскаго ультиматума, телеграфировалъ:—Турки дѣйствовали съ непонятной медленностію; но если они совершатъ то, что имъ теперь стало возможно, то едвали что ихъ удержитъ на пути къ Бѣлграду, если только Россія не объявитъ войны и не доставитъ сюда свои войска, въ весьма не многіе дни послѣ того, какъ турки пройдутъ за Деліградъ на правомъ, и за Дюнишъ на лѣвомъ флангѣ. Другой корреспондентъ, той же газеты изъ Вѣны и отъ тогоже числа, сообщалъ, что «мотивъ турокъ добиться, если возможно, перемирія срокомъ до начала войны, довольно понятенъ: они хотятъ избѣгнуть альтернативы или заключить миръ по принужденію, или же возобновить компанію зимой, что съ ихъ точки зрѣнія весьма естественно». Другими словами, Турки вовсе не намѣрены были подчиняться справедливымъ требованіямъ, и въ то же время разсчитывали приготовиться для отпора принужденію.

Наконецъ, едвали не откровеннѣе всѣхъ объяснилъ цѣль послѣднихъ энергическихъ дѣйствій турокъ берлинскій корреспондентъ той же газеты.» — «Мрачный пунктъ на горизонтѣ въ настоящее время есть положеніе, принятое Румыніей и Греціей; но есть основанія полагать, что послѣднія, послѣ пораженія Сербовъ и уже полученныхъ предостереженій, менѣе чѣмъ когда либо наклонны приступить къ дѣйствію однѣ безъ Россіи.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ газеты, наканунѣ русскаго ультиматума, толковали о необходимости уступокъ со стороны Россіи, какъ послѣдствій несчастныхъ для Сербіи событій. Парижскій корреспондентъ Times писалъ:— «Ясно, что каждый день дѣлается дипломатическое положеніе Россіи болѣе затруднительнымъ. Какимъ образомъ ей можно будетъ потребовать для Сербіи уступокъ, какія могли бы послѣдовать за побѣдой, если эта страна во власти турокъ, которые, конечно, сохранятъ свои позиціи во время перемирія? Въ дѣйствительности теперь Россія должна ускоритъ первую фазу прямыхъ переговоровъ съ Турціей (о перемиріи) и потому слѣдуетъ ожидать, что она окажется менѣе несговорчивою чѣмъ

не много дней тому назадъ. Въ прямыхъ переговорахъ она можетъ надѣяться на успѣхъ, только если окажется расположенною къ уступкамъ, то-есть, если она откажется отъ большей части своихъ условій.

«Эти разсчеты, однако, не оправдались. Россія ускорила перемиріе не отказомъ отъ своихъ требованій, а рѣшительнымъ словомъ, которое должно было убѣдить ея недоброжелателей, что она столь же твердо съумѣетъ стоять и на всѣхъ остальныхъ пунктахъ своей программы. «Твердость Россіи оказала доброе дѣйствіе. Въ дипломатическихъ кругахъ въ Вѣнѣ уже стали осуждать Порту за ея коварный образъ дѣйствій. Нельзя не замѣтить, что неудовольствіе дипломатическихъ сферъ на упорство Порты нѣсколько запоздало тогда и не пожалѣть, что оно не дало себя знать нѣсколько ранѣе, когда турки громили Сербскія позиціи.....

Русскій посланникъ, генералъ Игнатьевъ, послѣ предъявленія ультиматума, принимая у себя представителей иностранныхъ державъ, съ самой изысканной любезностью дипломата, говорилъ:— что «мы желаемъ сегодня того же, чего желали вчера—улучшенія участи восточныхъ христіанъ мирными путями. Мы настаиваемъ потому только, что имѣя дѣло съ турками нельзя довольствоваться одними словами. Мы требуемъ, чтобы обѣщанія ихъ обращены были въ факты.»

«Первое извѣстіе о русскомъ ультиматумѣ произвело переполохъ на биржахъ Лондона, Парижа, Франкфурта и особенно въ Вѣнѣ. Вотъ лучшій коментарій тѣмъ лживымъ успокоительнымъ телеграммамъ, которыя предъ тѣмъ разсылались о готовности будто бы Порты заключить перемиріе въ то время, какъ она напрягала всѣ силы, чтобы сломить Сербовъ.

Немедленно однакоже туркофильскіе агенты оправились и стали истолковывать въ свою пользу настоящее положеніе дѣлъ. Въ иностранныхъ телеграммахъ только и рѣчи было, что о блестящихъ побѣдахъ турокъ, и съ трогательнымъ паѳосомъ возвѣщалось, что теперь Порта подпишетъ перемиріе въ превосходныхъ для нея обстоятельствахъ. Она побѣдоносна; она поддержала честь своего оружія; она «великодушно» соглашается пощадить противника. А потому Европа должна принять во вниманіе «какъ ея побѣды, такъ и жертвы ею принесенныя ради мира.»

«Толковавшіе такимъ образомъ туркофильскіе корреспонденты или не успѣли еще тогда, или умышленно не хотѣли оцѣнить рѣшительннаго слова сказаннаго Россіей. Заблужденіе это однакоже не могло быть продолжительно, и они должны были понять, что предъявленіе Россіей ультиматума не только было вызвано дѣйствительно критическимъ положеніемъ сербской арміи, а означало также, что терпѣніе Россіи истощилось, что она не мог-

ла далѣе дозволить, чтобъ ее проводили безсмысленными проволочками. Русскій ультиматумъ показалъ всей враждебной, какъ Россіи, такъ и турецкимъ христіанамъ, дипломатіи, что обманамъ и изворотамъ долженъ наступить конецъ. Въ самомъ дѣлѣ не возмутительно ли, что до послѣдней минуты все ожидались новыя доказательства миролюбія Россіи, и даже безцеремонно возглашалось, что она будетъ вынуждена дать таковыя, между-тѣмъ какъ Порта не обращала никакого вниманія на представленія Европы, и между тѣмъ вездѣ воспѣвались ея «блестящія побѣды,» провозносилось ея великодушіе!

Говоря о «блестящихъ побѣдахъ» турокъ, почему ничего не упоминали о блестящихъ пораженіяхъ ими понесенныхъ? Почему говоря о войнѣ, совершенно забывали о Черногоріи? Горсть героевъ бойцевъ, въ рукопашныхъ бояхъ, истребляла десятки тысячь регулярныхъ войскъ, устремлявшихся одновременно съ разныхъ сторонъ, чтобы покорить племя, вѣками борьбы отстоявшее свою независимость. Предъ самымъ заключеніемъ перемирія Черногорцы овладѣли крѣпостью, которая нарочно была построена близъ ихъ границы, какъ постоянная для нихъ угроза, а на сѣверной ихъ границѣ турецкій главнокомандующій Мухтаръ, потерпѣвшій цѣлый рядъ пораженій, предъ перемиріемъ былъ загнанъ какъ дикій звѣрь въ свою берлогу. Почему же все это не принимали во вниманіе при сужденіи о положеніи воюющихъ сторонъ, въ какомъ ихъ застало перемиріе? Но и относительно Сербіи ликованія о блестящихъ побѣдахъ турокъ лишены были смысла. Сербы понесли чувствительныя потери, положеніе ихъ въ послѣднюю минуту было тяжкое, этого мы не станемъ отрицать. Но мы не видимъ блестящей побѣды. Въ Сербіи и мѣстность, и характеръ войны, и характеръ самаго народа представляли совершенно иныя условія, чѣмъ въ Черногоріи. Сходство развѣ было только въ несоразмѣрности силъ. Но и въ Сербіи импровизованные ратники бодро и съ одушевленіемъ ринулись въ борьбу, и четыре мѣсяца мужественно отстаивали пядь за пядью родную землю отъ турецкихъ полчищъ..... И какіе же успѣхи одержали надъ ними турки, если взглянуть на карту? Съ самаго начала, малому княжеству съ четырехъ сторонъ грозило вторженіе. Терпѣли, правда, не разъ Сербы пораженія, но ихъ оборона на всѣхъ пунктахъ была успѣшна. Турки разорили, разграбили, сожгли много сербскихъ деревень, но они подвинулись не болѣе какъ на нѣсколько миль на сербской территоріи. При всей неопытности и невыдержанности сербскихъ войскъ, плохо вооруженныхъ старымъ разнокалибернымъ оружіемъ, они съ 20 Августа по 1 Сентября выдерживали въ теченіе десяти дней почти ежедневныя битвы подъ Алексинцемъ, на обширномъ пространствѣ по обѣимъ берегамъ Моравы, и съ такимъ успѣхомъ, что на правомъ берегу непріятель былъ побѣдоносно от-

раженъ, и принужденъ очистить занятыя имъ прежде позиціи. Послѣ турки задумали обойдти Алексинацкую позицію съ лѣваго берега Моравы. И тутъ Сербы долго держались, отбиваясь отъ безпрерывно возраставшихъ силъ врага, и отступили лишь подавленныя численностью. Они оставили Алексинацъ, обойденный съ фланга. Но взглядъ на карту показываетъ, что со времени своего перваго успѣха у Житковца, на лѣвомъ берегу Моравы въ началѣ Сентября, до взятія Дюниша, турки подвинулись впередъ всего на десять англійскихъ миль. И это называется блестящими побѣдами, которыя будто бы Европа должна была принять въ разсчетъ! Лордъ Дерби адресовалъ депешу англійскому послу въ Константинополѣ, поручая ему потребовать отъ Турецкаго правительства строгаго наказанія виновниковъ болгарскихъ избіеній, поименованныхъ въ докладѣ г. Баринга. И что-же? Одинъ изъ этихъ палачей Шефкетъ-паша, все время разгуливавшій на свободѣ въ Стамбулѣ, безпрепятственно выѣхалъ въ Бельгію, а г. Барингъ, посѣтивъ снова Болгарію, нашелъ, что для пострадавшихъ до сихъ поръ ничего не сдѣлано. Съ такою же наглостью и при такомъ же потворствѣ Порта все время вела и переговоры о перемиріи, когда послѣ удачныхъ для Сербовъ многодневныхъ боевъ подъ Алексинацемъ, 20 Августа (1-го Сентября) державы, по иниціативѣ Англіи, предложили посредничество для прекращенія напраснаго кровопролитія. Порта тотчасъ же (3-го Сентября) отвергла было тождественную ноту о перемиріи, и предложила свои шесть пунктовъ, коими она тогда еще хотѣла распорядиться Сербіей, какъ завоеванною страной. Но это было лишь пустое хвастовство: перемиріе тогда было выгодно и, какъ видно по теперешнимъ событіямъ, необходимо Портѣ, чтобы притянуть къ Абдулъ Керим новыя войска, и на другой же день, 4 Сентября, англійскій и италіянскій консулы передали сербскому правительству желаніе Порты сговориться о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, и по истеченіи восьмидневнаго перерыва она хотѣла продлить его еще на шесть дней, конечно, чтобы докончить свои приготовленія. Но это было отклонено. Россія настаивала на заключеніе правильнаго перемирія достаточнаго для обсужденія условій мира.

Тогда явились такъ называемыя англійскія предложенія, съ шестинедѣльнымъ перемиріемъ и административною автономіей для христіанскихъ провинцій. Порта отвергла и англійскія предложенія, и вотъ дипломатія вдругъ спряталась, а съ Турціей осталась наединѣ Россія, которая продолжала настаивать на безусловномъ шестинедѣльномъ перемиріи. Это было 20 Сентября, и съ тѣхъ поръ болѣе мѣсяца Порта все затягивала дѣло пустыми отговорками, а съ какою цѣлью—это было ясно. И послѣ того осмѣливались говорить, что русскій ультиматумъ былъ вовсе не нуженъ въ виду примирительности Порты.

Во вниманіе можетъ и должна быть принята только первоначальная причина войны. Въ этой войнѣ право было не на сторонѣ блистательной Порты, а на сторонѣ слабыхъ, ничтожныхъ силой, но крѣпкихъ духомъ, княжествъ. Это право, вопреки всѣмъ клеветамъ и нареканіямъ, признано потомъ самою Европой. Оба княжества ступились за угнетенныхъ, звѣрски мучимыхъ братьевъ, когда ихъ бросила дипломатія. Посредничество державъ должно было включить въ свою программу судьбу христіанъ подвластныхъ Портѣ. Ультиматумъ Россіи давалъ ручательство, что эта часть программы будетъ ею твердо поддержана.

22 Октября былъ произведенъ обмѣнъ ратификацій торговой конвенціи между Россіей и Румыніей и подписанъ протоколъ, что, въ виду послѣдовавшихъ за тѣмъ событій, имѣло не маловажное значеніе.

Не смотря на принятіе Турціей перемирія, изъ высшихъ сферъ Петербурга разносились слухи о послѣдованіи Высочайшаго повелѣнія о мобилизаціи арміи. Главная квартира предполагалась на первое время въ Кишеневѣ. 27 Октября было опубликовано Высочайшее повелѣніе о безплатномъ снабженіи паспортами лицъ принадлежащихъ къ составу санитарныхъ отрядовъ, отправляемыхъ на Балканскій полуостровъ обществомъ попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ.

Въ военномъ вѣдомствѣ замѣчалась безостановочная дѣятельность: на фабрикахъ и въ арсеналахъ работы не прекращались по ночамъ; формировалась военнопочтовая часть. Въ Варшаву отправлялись пушки.

28 Октября отъ двора Его Императорскаго Величества было объявлено:

«Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по случаю прибытія въ Москву Ихъ Императорскихъ Величествъ и Высочайшаго выхода въ Успенскій соборъ, имѣть 29 Октября, въ 11 часовъ, пріѣздъ въ большой Кремлевскій дворецъ всѣмъ знатнымъ обоего пола особамъ ко двору пріѣздъ имѣющимъ, гвардіи, арміи и флота штабъ и оберъ-офицерамъ, дворянамъ обоего пола, а также московскому городскому головѣ и находящимся въ столицѣ другимъ городскимъ головамъ; россійскому и иностранному почетному купечеству и ремесленникамъ. Быть дамамъ въ высокихъ платьяхъ и шляпахъ, но съ орденами и шифрами, а кавалерамъ въ парадной формѣ. Собираться-же придворнымъ дамамъ и имѣющимъ входъ за кавалергардомъ—въ Екатерининской залѣ, городскимъ дамамъ въ Александровской залѣ, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ въ Андреевской залѣ, гражданскимъ чинамъ и дворянамъ въ Георгіевской залѣ, купечеству и ремесленникамъ въ Владимірской залѣ.»

Ихъ Императорскія Величества, Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества Государь

Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Цесаревна, съ Ихъ Августѣйшими Дѣтьми, и Ихъ Императорскія Высочества Великія князья Сергѣй и Павелъ Александровичи, 28 Октября, въ 8 часовъ и 55 минутъ вечера, изволили прибыть въ Москву по Курской желѣзной дорогѣ.

«Никогда народный энтузіазмъ не выражался съ такою силой при встрѣчѣ *Царя-Освободителя* въ Москвѣ, какъ въ этотъ день. Несмѣтныя толпы народа наполняли улицы на всемъ протяженіи пути отъ станціи до Кремлевскаго дворца, и восторженныя клики не умолкали ни на миниту. Городъ былъ иллюминованъ, на всѣхъ домахъ развѣвались національные флаги. У Иверской часовни Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества вышли изъ экипажей среди безчисленной толпы народа. *Ура* не прерывалось все время пока Августѣйшія особы были въ часовнѣ, гдѣ приложились къ чудотворной иконѣ Богоматери.»

29-го Октября, при выходѣ въ Успенскій соборъ, Государь Императоръ, шествуя чрезъ залы Кремлевскаго дворца съ Государынею Императрицею, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Государынею Цесаревною и Великими князьями Павломъ и Сергѣемъ Александровичами, изволилъ остановиться въ Георгіевской залѣ, гдѣ были собраны дворяне и предводители Московскаго городскаго общества, и, принявъ хлѣбъ-соль отъ города, произнесъ слѣдующія глубоко знаменательныя слова:

«Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали Мнѣ выразить, по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому Я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ. Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась Моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о Сербахъ, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за святое дѣло.»

«Я знаю, что вся Россія вмѣстѣ со Мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію, но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую Русскую кровь.»

«Вотъ почему Я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ.

«На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій.

«Желаю весьма, чтобы мы могли прійдти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится, и Я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы вправѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на Мой призывъ, когда Я сочту нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ.»

Зала огласилась долго неумолкавшимъ, единодушнымъ, восторженнымъ *ура*! Когда, наконецъ, эти клики, по манію Государя, смолкли, Его Величество, снова возвысивъ голосъ, сказалъ:

«Я увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе.»

Снова раздалось горячее, изъ глубины сердца излетавшее *ура*, которое неумолкаемо сопровождало Его Величество въ дальнѣйшемъ шествіи. И когда затѣмъ Ихъ Императорскія Величества, съ своей Августѣйшей семьей и въ сопровожденіи многочисленной свиты, изволили выйдти на красное крыльцо, воздухъ потрясса отъ громоваго удара, несмолкавшаго *ура* безсчисленной народной толпы, наполнявшей Кремль.

1-го Ноября, государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, отправилъ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ правительствахъ циркуляръ слѣдующаго содержанія:

Царское Село, 1-го Ноября 1876 года:

«Прискорбныя событія, обагряющія кровью Балканскій полуостровъ, глубоко взволновали Европу. Европейскіе кабинеты, объяснившись между собою, признали необходимымъ, ради чести человѣчества, ради общаго спокойствія, положить конецъ такому положенію дѣлъ. Они остановили кровопролитіе, принудивъ обѣ стороны къ заключенію перемирія, и условились опредѣлить основанія, на которыхъ долженъ былъ поставленъ миръ, чтобы христіанскія населенія были дѣйствительно обезпечены противъ неисправимыхъ злоупотребленій турецкаго управленія, и противъ необузданнаго произвола оттоманскихъ властей, и тѣмъ обезопасить и Европу отъ періодическаго возврата этихъ кровавыхъ кризисовъ.

«Императорскій кабинетъ всѣми своими усиліями содѣйствовалъ установленію между великими державами общности видовъ по вопросу, въ которомъ политическіе интересы должны поникнуть предъ болѣе общими интересами человѣчества и спокойствія Европы. Онъ употребитъ все, отъ него зависящее, дабы это установившееся согласіе привело къ дѣйствительному и прочному результату, отвѣчающему требованіямъ общественной совѣсти и всеобщаго мира.

«Но пока дипломатія цѣлый годъ разсуждаетъ, какъ привести въ дѣйствіе состоявшееся единомысліе Европы, Порта имѣла вре-

мя созвать изъ глубины Азіи и Африки всѣ запасы наименѣе дисциплинированныхъ силъ исламизма, раздражить мусульманскій фанатизмъ и раздавить, подъ тяжестью численности, христіанскія населенія въ ихъ борьбѣ за свое существованіе. Виновники ужасныхъ избіеній, возмутившихъ совѣсть Европы, продолжаютъ пользоваться безнаказанностью, и теперь ихъ руки, на всемъ пространствѣ оттоманской имперіи и въ глазахъ негодующей Европы, продолжаютъ творить тѣ же самыя дѣла насилія и варварства.

«При такихъ обстоятельствахъ, Его Величество Государь Императоръ, въ твердой съ своей стороны рѣшимости всѣми зависящими отъ Него способами достигнуть цѣли предначертанной соглашеніемъ великихъ державъ, призналъ необходимымъ предписать мобилизацію части Своей арміи.

«Его Императорское Величество не желаетъ войны и сдѣлаетъ все возможное для избѣжанія оной. Но Государь Императоръ рѣшился не останавливаться на пути доколѣ начала, всею Европою признанныя справедливыми, человѣчными и необходимыми и за которыя общественное мнѣніе Россіи высказалось съ величайшею энергіей, не получатъ полнаго осуществленія, утвержденнаго дѣйствительными гарантіями.

«Вы уполномочены прочесть настоящую депешу г. министру иностранныхъ дѣлъ, оставивъ съ нея копію, и т. д.»

Слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго дворца, при поднесеніи Его Величеству адреса сословными представителями Москвы, произвели глубокое впечатлѣніе на русскій народъ. Со всѣхъ концовъ обширнаго русскаго царства понеслись къ подноженію престола Царя — Освободителя вѣрноподданическія чувства; готовность жертвовать всѣмъ—имуществомъ, жизнію ради великаго дѣла, освобожденія своихъ славянскихъ братьевъ изъ подъ варварскаго ига мусульманъ. Отъ этихъ немногихъ словъ, произнесенныхъ Государемъ Императоромъ, въ которыхъ заключался внутренній смыслъ великаго вопроса, взволновавшаго міръ и потрясавшаго до глубины души каждаго истиннаго христіанина, восмидесяти—милліонная Русская семья встрепенулась, какъ одинъ человѣкъ, благословляя въ теплыхъ молитвахъ своего Верховнаго Вождя на великій подвигъ; все слилось въ одинъ непреодолимый порывъ. Русскій народъ съ чистою совѣстью призывалъ къ себѣ на помощь Бога въ предстоящей борьбѣ, сознавая вполнѣ, что отвѣтственность за пролитую кровь падетъ на тѣхъ, кто создали и поддерживали на Востокѣ существовавшее положеніе дѣлъ, на тѣхъ кто ставили выше всего неприкосновенность разлагающейся Турціи, и только тянули время своимъ мнимымъ заступничествомъ за страдающихъ балканскихъ христіанъ, невинной кровью которыхъ была упитана земля ихъ святой родины, окровавленъ почти

каждый порогъ ихъ родныхъ жилищъ;—горемыки изнывали въ цѣпяхъ, стонали подъ ударами турецкихъ бичей, умирали голодною смертью въ горахъ и лѣсахъ, куда загонялъ ихъ страхъ и беззащитность. И зловѣщіе звуки этихъ цѣпей, этихъ подавленныхъ стоновъ какъ кошмаръ вѣяли надъ Русской землей;—охватывали ужасомъ сердца русскаго народа, который нравственно переживалъ съ своими далекими братьями всѣ ихъ невыгоды, всѣ ихъ страданія и слезы. Не было уголка во всемъ обширномъ Русскомъ царствѣ, куда-бы не проникли печальныя вѣсти изъ далекихъ славянскихъ земель, гдѣ-бы не возмущались до ѣдкой боли звѣрствами безпощадныхъ Турокъ, гдѣ-бы не плакали, не молились за павшія жертвы мусульманскаго фанатизма. И потому понятно, какія чувства волновали Русскій народъ, когда онъ выслушалъ изъ устъ любимаго имъ Монарха Его державную волю—во чтобы то ни стало добиться улучшенія участи Балканскихъ христіанъ,

И пока Европейская дипломатія выработывала различные проэкты, касательно судьбы восточныхъ христіанъ, и представляла ихъ на усмотрѣніе Порты, не хотѣвшей выпустить изъ своихъ кровожадныхъ когтей лакомую добычу,—въ Россіи закипѣла грозная дѣятельность, одна часть мобилизованной по Высочайшему Повелѣнію арміи стягивались къ границамъ Румыніи, а вторая къ Азіатской Турціи; главнокомандующими назначены были великія князья, 1-й Николай Николаевичъ старшій, 2-й Михаилъ Николаевичъ.

19-го марта въ Кишеневъ изволилъ прибыть главнокомандующій Его Императорское Высочество, Николай Николаевичъ старшій, въ сопровожденіи его высочества герцога Евгенія Максимильановича Лейхтенбергскаго, съ начальникомъ штаба и свитою, послѣ двѣнадцатидневнаго путешествія, совершеннаго для осмотра войскъ дѣйствующей арміи. Встрѣча со стороны войска и народа была Его Высочеству самая восторженная,

Въ этотъ-же самый день, т. е. 19-го марта 1877 года, представителями шести великихъ державъ былъ подписанъ въ Лондонѣ роковой протоколъ, долженствовавшій быть переданнымъ Оттоманской Портѣ вмѣстѣ съ декларацiей Русскаго посла въ Англіи графа Шувалова, слѣдующаго содержанія:

Протоколъ.

Державы, предпринявшія сообща умиротвореніе Востока и способствовавшія въ этихъ видахъ созванію конфедераціи въ Константинополѣ, признаютъ, что самый вѣрный способъ къ достиженію предположенной ими цѣли состоитъ, прежде всего, въ поддержаніи столь счастливо установившаго между ними согласія и въ новомъ совмѣстномъ утвержденіи принимаемаго ими совокупнаго участія—въ улучшеніи судьбы христіанскаго населенія Турціи и въ реформахъ, имѣющими быть введенными въ Босніи,

Герцеговинѣ и Болгаріи и которые Порта приняла подъ условіемъ самостоятельнаго ихъ примѣненія. Державы принимаютъ къ свѣдѣнію заключеніе мира съ Сербіей. Что касается Черногоріи, то державы считаютъ желательнымъ, въ видахъ болѣе прочнаго и долговременнаго соглашенія, чтобы границы ея были исправлены и допущено свободное плаваніе по Боянѣ. Въ состоявшемся уже и еще имѣющемъ состояться соглашеніи между Портою и обоими княжествами державы видятъ шагъ, сдѣланный на пути къ умиротворенію, составляющему предметъ ихъ общаго желанія.

Онѣ приглашаютъ Порту еще болѣе упрочить это умиротвореніе возвращеніемъ войскъ въ положеніе мирнаго времени, за исключеніемъ того ихъ количества, которое необходимо для поддержанія порядка, и приведеніемъ въ исполненіе въ возможно непродолжительномъ времени, реформъ необходимыхъ для спокойствія и благосостоянія тѣхъ провинцій, участью коихъ была озабочена конференція. Державы признаютъ, что Порта изъявила готовность привести въ исполненіе большую часть этихъ реформъ. Онѣ особенно принимаютъ къ должному свѣдѣнію циркуляръ Порты отъ 13-го февраля 1876 года и заявленія, сдѣланныя оттоманскимъ правительствомъ во время конференціи и за тѣмъ послѣ нея, чрезъ посредство его представителей. Въ виду такихъ благихъ намѣреній Порты и явной пользы для нея отъ немедленнаго приведенія ихъ въ исполненіе державы полагаютъ, что есть основаніе надѣяться, что Порта воспользуется настоящимъ успокоеніемъ для того, чтобы энергически примѣнить мѣры, долженствующія принести дѣйствительное улучшеніе въ положеніи христіанскаго населенія, улучшеніе, единодушно сознаваемое крайне необходимымъ для спокойствія Европы, и что Порта, вступивъ однажды на этотъ путь, пойметъ, что ея честь и польза требуетъ добросовѣстнаго и неуклоннаго по немъ слѣдованія.

Державы намѣрены имѣть бдительный надзоръ, посредствомъ своихъ представителей въ Константинополѣ и чрезъ мѣстныхъ агентовъ, за выполненіемъ обѣщаній турецкаго правительства. Еслибы державы еще разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ и положеніе христіанскихъ подданныхъ султана не было-бы улучшено въ такой мѣрѣ, чтобы предотвратить возвращеніе тѣхъ усложненій, которыя періодически нарушаютъ спокойствіе на Востокѣ. то онѣ считаютъ долгомъ заявить, что такое положеніе вещей было-бы несогласно съ интересами ихъ и Европы вообще.

Въ такомъ случаѣ, онѣ оставляютъ за собою право разсудить совмѣстно о тѣхъ мѣрахъ, которыя онѣ признаютъ наиболѣе дѣйствительными для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и выгодъ всеобщаго мира.'

Составленъ въ Лондонѣ (19-го) 31-то марта 1877 года.

(Подписали:) Мюнстеръ.
Бейстъ.
Д'Аркуръ.
Дерби.
Менабреа.
Шуваловъ.

(*Декларація*).

«Если миръ съ Черногоріею будетъ заключенъ, если Порта приметъ совѣты кабинетовъ, выкажетъ готовность возвратиться къ мирному положенію и приступить на дѣлѣ къ выполненію реформъ, упомянутыхъ въ протоколѣ, то пусть она пришлетъ въ С.-Петербургъ особаго уполномоченнаго для переговоровъ о разоруженіи, на которое въ такомъ случаѣ согласится также съ своей стороны Его Величество Государь Императоръ. Разумѣется, что если произошли бы новыя избіенія, подобныя тѣмъ, которыя обагрили кровью Болгарію, то мѣры къ разоруженію будутъ, по необходимости, остановлены.»

Кромѣ того, еще при врученіи графу Дерби проэкта протокола, графъ Шуваловъ заявилъ, что послѣ понесенныхъ Россіей жертвъ, послѣ застоя, постигшаго ея торговлю и промышленность, послѣ издержекъ, которыхъ потребовала мобилизація 500 тысячной арміи, Россія не можетъ демобилизировать свои войска, не заручившись предварительно какимъ нибудъ осязательнымъ результатомъ относительно учучшенія положенія турецкихъ христіанъ.

При подписаніи протокола Англійскій министръ, графъ Дерби прочитавъ декларацію, вручилъ по экземпляру ея каждому изъ присутствовавшихъ представителей державъ. Декларація эта гласитъ:

«Въ виду того, что Англія согласилась подписать протоколъ только ради сохраненія Европейскаго мира, то само собою разумѣется, что въ случаѣ, если цѣль эта не будетъ достигнута, а именно, не послѣдуетъ одновременно разоруженія Россіи и Турціи и мира между ними, протоколъ слѣдуетъ считать не существующимъ и неимѣющимъ болѣе никакого значенія.» Протоколъ былъ отосланъ Портѣ, а послѣ дѣятельныхъ переговоровъ между шестью кабинетами принято рѣшеніе, что всѣ великія державы, за исключеніемъ Англіи, не пошлютъ своихъ посланниковъ въ Константинополь до тѣхъ поръ, пока не будетъ подписанъ Турецко-Черногорскій миръ и отъ Порты не получится увѣдомленіе объ отсылкѣ отвѣтной ноты, которою, согласно своему заявленію, она намѣревалась отвѣтить на протоколъ.

Настала роковая минута не только для Россіи и Турціи, но и для всей Европы, минута, въ которую должно было рѣшиться— миръ или война!

Между тѣмъ слухи отовсюду шли далеко неблагопріятствующіе европейскому спокойствію. Уполномоченные князя Николая доносили изъ Константинополя, что надежды на заключеніе мира съ Портой почти никакой нѣтъ, такъ какъ послѣдняя не склоняется на исправленіе границъ княжества—вслѣдствіе чего по всей Черногоріи началось усиленное движеніе вооруженныхъ силъ къ границамъ Турціи. Въ Ѳессаліи вспыхнуло возстаніе. Миридиты уже начали борьбу съ турецкими войсками, посланными подъ начальствомъ Дервишъ-паши для усмиренія этого воинственнаго племени и, въ случаѣ возобновленія войны съ Черногоріей, грозили соединиться съ послѣдней. Боснійскіе инсургенты, подъ предводительствомъ храбраго полковника Деспотовича, рѣшили на большомъ совѣтѣ продолжать войну съ Турціей до послѣдней капли крови. Греція, безполезно протестуя предъ Оттоманскимъ правительствомъ чрезъ своего уполномоченнаго въ Константинополѣ, противъ разбойническихъ набѣговъ Черкесовъ на ея пограничныхъ жителей, стала дѣлать приготовленія къ войнѣ. Румынское правительство послало своимъ дипломатическимъ агентамъ за границею по телеграфу предписаніе обратить вниманіе кабинетовъ, при которыхъ они акредитованы, на то обстоятельство, что на Дунаѣ турками дѣлаются приготовленія, наводящія на мысль, что они готовятся къ продолжительному занятію Румыніи, т. е. къ такой мѣрѣ, которая является вопіющимъ нарушеніемъ постановленій Парижскаго трактата, и затѣмъ увѣдомило Порту, что оно не намѣрено оказывать вооруженнаго сопротивленія вступленію русскихъ войскъ въ Румынію, которое произойдетъ съ его согласія, на основаніи предварительнаго соглашенія. Такимъ образомъ, Румынія фактически сбросила съ себя ярмо вассальныхъ отношеній къ Портѣ и тоже начала готовиться отстаивать свою независимость съ оружіемъ въ рукахъ. Но несмотря на всѣ эти весьма внушительные факты, несмотря наконецъ на энергичные совѣты великихъ державъ, Порта намѣревалась уклониться отъ предложенныхъ ей протоколомъ мѣръ къ мирному разрѣшенію важнаго вопроса о судьбѣ ея христіанскихъ подданныхъ.

Введенная въ заблужденіе происками и интригами корыстной Англіи, относительно вооруженнаго вмѣшательства въ Русско-Турецкую распрю, Турція высоко держала голову. Ея государственные сановники даже дошли до такой наивности въ этихъ заблужденіяхъ, что громко высказывались въ томъ смыслѣ, что какъ бы ни были серьезны и энергичны вооруженія и приготовленія Россіи къ войнѣ, какъ бы она ни старалась сдѣлать видъ что дошла до крайнихъ предѣловъ уступчивости по отношенію къ Турціи, все таки Россія не осмѣлится бросить вызовъ къ войнѣ, которая, какъ ей извѣстно, должна имѣть гибельное значеніе для одного изъ противниковъ.

«Россія не начнетъ этой войны, такъ какъ не чувствуетъ себя въ состояніи принять предъ лицемъ Европы всю отвѣтственность за ея послѣдствія.»

Эта-то самоувѣренность и надежда на помощь Англіи и являлась камнемъ преткновенія, чрезъ который должны были перепрыгнуть благія намѣренія великихъ державъ, чтобы избѣжать впослѣдствіи еще большаго усложненія такъ называемаго Восточнаго вопроса, могущаго потрясти въ основаніи спокойствіе всей Европы.

Пресловутый протоколъ появленіемъ своимъ на свѣтъ Божій, за подписью враждебной политикѣ Россіи Англіи, обязанъ исключительно нашему молодому, знаменитому дипломату, генералу Игнатьеву, стяжавшему громкую европейскую извѣстность своею дѣятельностію въ Восточномъ вопросѣ,—и которымъ по справедливости гордится Русскій народъ.

А участіе Англіи въ подписаніи протокола имѣло громадное значеніе въ томъ отношеніи, что если-бы Турція своимъ отказомъ принять предложенія великихъ державъ вздумала бросить вызовъ Европѣ, то вызовъ этотъ былъ бы одинаково брошенъ и Англіи (такъ и случилось впослѣдствіи,) и это уже лишній шансъ для русской политики. Ходъ и характеръ переговоровъ между Россіей и Англіей по вопросамъ о практикѣ и разоруженіи рисуются такимъ образомъ: когда сентъ-джемскій кабинетъ воскликнулъ: «Мы не хотимъ никакого письменнаго соглашенія съ Россіей, мы не желаемъ протокола» —генералъ Игнатьевъ понялъ, что для вразумленія графа Дерби и лорда Биконсфильда, ему слѣдовало какъ можно скорѣе заручиться содѣйствіемъ Австріи.

«Онъ отправился въ Вѣну, гдѣ ему удалось добиться отъ графа Андраши обѣщанія, что Австрія возьметъ на себя роль посредницы. Результатомъ сообщенія по телеграфу этой пріятной новости въ Петербугъ была телеграмма, полученная оттуда на слѣдующій день, въ понедѣльникъ, графомъ Шуваловымъ. Въ телеграммѣ этой ему предписывалось, чтобы онъ не ставилъ на видъ сентъ-джемскому кабинету необходимость принять то или другое рѣшеніе относительно протокола, и заявлялось, что Россія питаетъ твердое желаніе демобилизировать или отодвидвинуть свои войска отъ границы немедленно по заключеніи мира съ Черногоріей, а также, если Порта, принявши представленный ей протоколъ и распустивши свои иррегулярныя войска, докажетъ на дѣлѣ свою добрую волю введеніемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе существенныхъ реформъ.»

«27-го марта, графъ Шуваловъ сообщилъ эту депешу лорду Дерби, который, ознакомившись съ ея содержаніемъ, принялся обсуждать съ графомъ предложенія о соглашеніи, предъявленныя генераломъ Игнатьевымъ окольнымъ путемъ чрезъ лорда Лайонса.»

«При этомъ предметомъ продолжительнаго совѣщанія между

обоими государственными дѣятелями послужила комбинація «о размѣщеніи войскъ по широкимъ квартирамъ» (deconcentration), лордъ Дерби продолжалъ, однакожъ, по прежнему отстаивать свой девизъ: «ни письменнаго соглашенія съ Россіей, ни протокола.»

«Но въ теченіи дня доставлена была въ министерство иностранныхъ дѣлъ графомъ Бейстомъ депеша отъ графа Андраши, которая, не смотря на умѣренность и сдержанность выраженій, указывала однакожъ на то, что отказъ Англіи подписать протоколъ можетъ только поощрить Порту къ дальнѣйшему сопротивленію волѣ Европы, и заявляла, что Австрія готова сама подписать этотъ дипломатическій документъ.»

«Не смотря на комментаріи, которыми графъ Бейстъ старался обставить эту ноту графа Андраши, она произвела на лорда Дерби сильное впечатлѣніе. Весьма миролюбивыя и примирительныя сообщенія со стороны Россіи, которыя ему были переданы на слѣдующій день, въ среду, прибывшимъ изъ Парижа графомъ д'Аркуромъ, побудили министра высказать графу Шувалову надежду, что совѣтъ министровъ подпишетъ протоколъ, представляя дальнѣйшему дипломатическому дѣйствію разрѣшеніе вопроса о разоруженіи.»

«Состоявшійся въ тотъ же день вечеромъ совѣтъ министровъ разсмотрѣлъ всѣ означенныя предложенія, но не принялъ никакого окончательнаго рѣшенія. Лордъ Биконсфильдъ по прежнему настаивалъ на подписаніи такого протокола, который обязывалъ бы Россію и Турцію къ одновременной демобилизаціи или одновременному размѣщенію войскъ по широкимъ квартирамъ.»

«Къ концу засѣданія лорду Дерби удалось, однако, побудить совѣтъ къ признанію въ принципѣ необходимости подписать протоколъ безъ включенія въ него этаго условія.»

«Признавъ такимъ образомъ, что онъ довольствуется словеснымъ обѣщаніемъ Россіи, англійскій совѣтъ министровъ постановилъ приступить на слѣдующій день, 29-го марта, къ обсужденію другихъ двухъ спорныхъ пунктовъ, а именно—вопроса о мирѣ съ Черногоріей и редакціи протокола.»

Вечеромъ лордъ Дерби получилъ изъ Вѣны депешу, увѣдомлявшую его о томъ, что Алеко-паша, довольный сообщеніями генерала Игнатьева, полагаетъ, что вопросъ объ одновременной демобилизаціи или размѣщеніи войскъ по широкимъ квартирамъ можетъ быть улаженъ путемъ непосредственнаго соглашенія между русскимъ правительствомъ и султаномъ.

«Это послѣднее сообщеніе изъ Вѣны убѣдило, наконецъ, англійскихъ министровъ въ томъ, что имъ оставалось только обсудить редакцію протокола, подписать его и затѣмъ положиться во всемъ другомъ на слово Россіи.»

И такъ, роковой протоколъ, по всѣмъ правиламъ дипломатическихъ пріемовъ и формальностей, былъ поднесенъ на усмот-

рѣніе высокой Порты, и Россія, а съ ней и вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ ждали на него отвѣта.

Наконецъ, въ четвергъ 5-го апрѣля, Англійскій повѣренный въ дѣлахъ, г. Жоселенъ, на свиданіи, которое онъ имѣлъ съ Савфетомъ-пашою, увѣдомилъ его, что въ субботу всѣ повѣренные въ дѣлахъ державъ явятся къ нему для выслушанія намѣреній дивана.

«Въ пятницу же, 6-го апрѣля, послѣ полученія новыхъ инструкцій, большинство повѣренныхъ поручило г. Жоселену предложить Портѣ слѣдующій проэктъ соглашенія:

1) Портѣ будетъ предоставленъ извѣстный срокъ времени для введенія реформъ.

2) По истеченіи этого срока, будетъ назначена особая международная комиссія, которая должна провѣрить, принесли ли новыя учрежденія нѣкоторую пользу или же реформаторская дѣятельность Порты оказалась безплодною.

3) Порта отправитъ двухъ уполномоченныхъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы достигнуть соглашенія по вопросу объ одновременномъ разоруженіи.

«Савфетъ-паша, выслушавъ проэктъ этой полюбовной сдѣлки обѣщался внести его на разсмотрѣніе совѣта министровъ и султана.

«На слѣдующій день, въ субботу, г. Жоселенъ, который рано утромъ получилъ отъ Лорда Дерби весьма спѣшныя инструкціи, увѣдомилъ объ этомъ Савфета-пашу и, по окончаніи совѣта министровъ, продолжавшагося три часа, отправился въ блистательную Порту со всѣми другими повѣренными въ дѣлахъ.

«Принятые сначала Савфетомъ-пашею по одиночкѣ, они собрались затѣмъ всѣ вмѣстѣ въ кабинетѣ министра, который, изложивъ весьма вкратцѣ положеніе дѣлъ, сказалъ имъ:

«Совѣтъ министровъ не принялъ еще окончательнаго рѣшенія, относительно протокола и предложеннаго вами проэкта соглашенія.

«Онъ соберется еще завтра. Но уже теперь я могу увѣрить васъ въ томъ, что мы видимъ единственный исходъ изъ настоящаго положенія. Исходъ этотъ состоитъ въ возобновленіи обсужденія державами и Портою протокола по статьямъ, а также въ томъ, чтобы, оставивъ въ сторонѣ какъ протоколъ, такъ и дополняющія его декларацiи, мы постарались достигнуть соглашенія на счетъ новаго мирнаго договора, который Порта скрѣпитъ своею подписью и который долженъ быть составленъ на вѣчныхъ и незыблемыхъ основахъ Парижскаго трактата.

«Но для успѣха этихъ переговоровъ необходимо, чтобы послы великихъ державъ при блистательной Портѣ вернулись на свой постъ. Тогда мы достигнемъ наконецъ соглашенія по всѣмъ этимъ вопросамъ о срокѣ для введенія реформъ и о разоруженіи, ко-

торые никакъ невозможно обсуждать такъ торопливо (au pied levé,) какъ намъ предлагаютъ.

«Не безспокойтесь на счетъ Черногоріи, мы съ нею справимся. Мы доказали въ послѣднее время, что обладаемъ достаточною силою воли. Пусть вернутся послы,—и вы встрѣтите здѣсь всѣ тѣ элементы примиренія, которые необходимы для достиженія соглашенія по всѣмъ спорнымъ пунктамъ.»

«Вслѣдствіе настояній г. Жоселена и г. де Муи, Савфетъ-паша рѣшился наконецъ высказать свое мнѣніе о протоколѣ. Это, сказалъ онъ, вполнѣ невинный актъ, неспособный причинить малѣйшаго зла, но имѣющій тотъ недостатокъ, что даетъ Европѣ право вмѣшиваться въ наши дѣла. Первыя двѣ статьи его можно было, пожалуй, принять, но что касается трехъ слѣдующихъ, то мы рѣшительно ихъ отвергаемъ. Не слѣдовало бы совѣтовать намъ заключить миръ съ Черногоріей и ставить въ зависимость отъ него спокойствіе Европы. Сверхъ того, почему мы, въ силу ст. 3, обязаны разоружиться, тогда какъ Россія стоитъ вооруженная на нашихъ границахъ?

«Я не имѣю ничего сказать о слѣдующихъ двухъ статьяхъ, но на статью, гдѣ торжественно провозглашается право Европы наблюдать за исполненіемъ реформъ чрезъ мѣстныхъ агентовъ державъ, мы не можемъ дать своего согласія, равно какъ мы не можемъ дать его на средства, которыя Европа предоставляетъ себѣ право пріискать сообща въ случаѣ, если въ кратчайшій срокъ времени не послѣдуетъ улучшенія въ положеніи христіанъ.

«Что касается до декларацiи графа Шувалова, то ея редакція слишкомъ неудовлетворительна для того, чтобы мы могли принять ее во всѣхъ шести пунктахъ. Развѣ можно еще серьезно говорить о мнимыхъ избіеніяхъ въ Болгаріи, о нѣсколькихъ несчастныхъ случаяхъ, преувеличенныхъ завѣдомо ложными донесеніями?»....

«Прерванный возгласами негодованія трехъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, Савфетъ-паша не докончилъ этой фразы и поспѣшилъ перейдти къ дѣйствію конституціонныхъ и парламентскихъ учрежденій и къ организаціи новаго корпуса жандармовъ»....

«Наконецъ, когда его попросили резюмировать его рѣчь, Савфетъ-паша заявилъ, что Порта не прочь согласиться на обсужденіе протокола и войдти съ Россіей въ переговоры по вопросу о разоруженіи на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Послы державъ въ Константинополѣ должны вернуться на свой постъ.

2) Право уладить дѣла Черногоріи и ввести реформы должно быть исключительно предоставлено Портѣ.

3) Россія должна взять назадъ декларацію графа Шувалова.

«Савфетъ-паша окончилъ свою рѣчь обѣщаніемъ сдѣлать повѣреннымъ въ дѣлахъ болѣе опредѣленныя сообщенія въ поне-

дѣльникъ, 9-го апрѣля, въ полдень, и на слѣдующій же день, во вторникъ, послать представителямъ Порты за границею циркуляръ, дополняющій и разъясняющій эти сообщенія. Дѣйствительно, въ назначенное время, Савфетъ-пашею была отправлена къ представителямъ Турціи за границею циркулярная депеша въ отвѣтъ на Лондонскій протоколъ.

Вотъ текстъ этого роковаго документа:

«Константинополь, 28-го марта. Высокая Порта получила протоколъ отъ 19-го марта, подписанный первымъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ британскаго правительства, германскимъ, австрійскимъ, французскимъ, итальянскимъ и россійскимъ посланниками, равно какъ и присоединенное къ этому протоколу заявленіе перваго секретаря иностранныхъ дѣлъ правительства ея британскаго величества и посланниковъ итальянскаго и русскаго. Узнавъ содержаніе этихъ актовъ, Высокая Порта не можетъ не выразить живѣйшаго сожалѣнія, что иностранныя великія державы не сочли нужнымъ пригласить Императорское правительство къ участію въ совѣщаніяхъ, въ которыхъ обсуждались самые жизненные интересы оттоманской имперіи.

«Высокое уваженіе, выказываемое императорскимъ правительствомъ при всякомъ случаѣ къ совѣтамъ и желаніямъ великихъ державъ, тѣсная солидарность, столь счастливо связывающая интересы имперіи съ интересами остальной Европы, неоспоримѣйшіе принципы справедливости, наконецъ торжественно принятыя обязательства давали Высокой Портѣ полное право полагать, что и она съ своей стороны также будетъ призвана къ участію въ дѣлѣ, назначенномъ для того, чтобы возвратить Востоку миръ и утвердить такимъ образомъ на справедливыхъ и законныхъ основахъ соглашеніе между великими державами. Но съ той минуты, какъ этого не случилось, Высокая Порта видитъ себя въ необходимости возвысить голосъ противъ несправедливости подобнаго акта и указать на пагубныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отсюда для принциповъ, охраняющихъ безопасность взаимныхъ отношеній государствъ.

«При тщательномъ изученіи этого акта, Высокая Порта пріобрѣла убѣжденіе, что если бы державы, подписавшія парижскій договоръ, приняли болѣе въ соображеніе обмѣнъ мыслей, происходившій во время Константинопольской конференціи, результаты, добытые въ промежутокъ времени, новыя опасности, угрожающія миру, то было бы легко, можетъ быть, чрезъ всестороннее разсмотрѣніе великихъ спорныхъ интересовъ, придти къ окончательному соглашенію, которое не зависѣло бы ни отъ грубыхъ правонарушеній, ни отъ неудобоисполнимыхъ условій.

«Во время Константинопольской конференціи, Порта опираясь на конституцію, которую е. в. султанъ даровалъ передъ тѣмъ по собственному побужденію и которая осуществляла самыя

обширныя реформы, какія когда либо вводились въ нашемъ государствѣ во все время его существованія, усиливалась доказать несправедливость какихъ бы то ни было мѣропріятій, которыя, подъ видомъ реформъ, имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ различіе провинцій, вѣроисповѣданій или классовъ подданныхъ, и принятіе которыхъ представлялось положительною невозможностью, какъ противное цѣлости и независимости имперіи.

«Эта двойственная точка зрѣнія вполнѣ отвѣчаетъ условіямъ англійской программы, принятой великими державами. Эта программа ставила своимъ основнымъ принципомъ поддержаніе цѣлости и независимости имперіи и требовала для нѣкоторыхъ провинцій системы учрежденій, которая доставила бы гарантіи противъ дурнаго управленія и произвола. Такая система учрежденій фактически уже введена, именно чрезъ созданіе новой политической организаціи, которая дана имперіи безъ различія языковъ, вѣроисповѣданій и провинцій. Съ тѣхъ поръ оттоманскій парламентъ былъ созванъ и собраніе, составленное на основахъ либеральной избирательной системы, засѣдаетъ въ Константинополѣ и съ полной свободой обсуждаетъ важнѣйшія дѣла государства. Если на эту систему реформъ возразятъ, что она еще слишкомъ нова, чтобы принести непосредственные плоды, то на это можно возразить, что этотъ доводъ въ одинаковой степени можетъ быть приведенъ и противъ реформъ, рекомендованныхъ великими державами, равно какъ рѣшительно противъ всякой реформы, которая, именно ради своей новизны, въ началѣ не можетъ имѣть практической пользы, пріобрѣтаемой ею только съ теченіемъ времени. Съ другой стороны, спокойствіе внутри было возстановлено на продолжительное время: Сербія побѣждена, а съ Черногоріей ведутся переговоры, въ которыхъ Порта выказываетъ чрезвычайную умѣренность.

«Къ несчастью, между тѣмъ, обнаружились новые факты и необычныя вооруженія, происходившія въ Россіи въ теченіи послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вынудили Высокую Порту принять оборонительныя мѣры. Эти вооруженія не только помѣшали полнѣйшему успокоенію умовъ, но вызвали еще болѣе опасное положеніе дѣлъ. Высокая Порта можетъ съ большимъ правомъ констатировать, что она не упускала случая, чтобы разсѣивать всѣ сомнѣнія и успокоивать тревожное состояніе умовъ. Такъ какъ ей трудно было бы устоять передъ всѣми утомительными и тяжелыми испытаніями, которыя старались приготовить для нея революціонные происки во всѣхъ провинціяхъ имперіи, то было естественно, что она стремилась къ покою и имѣла лишь одно желаніе—немедленно посвятить себя своему внутреннему возрожденію. Съ тѣхъ поръ она могла лишь искренно сожалѣть, что осуществленіе этого желанія удалялось съ каждымъ днемъ все болѣе, ибо необходимость военныхъ мѣропріятій

оставляла ей лишь одинъ выборъ налагать тяжелыя жертвы на свои населенія, истощать свои финансы огромными непроизводительными расходами и прежде всего заботиться о томъ, чтобъ всѣми средствами избѣгать столкновенія, которое могло бы глубоко потрясти европейскій миръ.

«Естественно, что великія державы были озабочены этимъ положеніемъ дѣлъ. По причинамъ, которыхъ здѣсь нѣтъ надобности излагать, Высокая Порта избѣгала доселѣ оффиціально обращать вниманіе великихъ державъ на этотъ новый фазисъ вопроса, который безъ сомнѣнія былъ серьезнѣйшимъ изъ всѣхъ. Заявленія, которыми ихъ превосходительства лордъ Дерби и графъ Шуваловъ сопровождали подписаніе протокола, даютъ однакожъ Портѣ теперь поводъ указать дружественнымъ кабинетамъ на настоятельную необходимость, положить конецъ этому столь опасному замѣшательству, замедленіе въ разрѣшеніи котораго лежитъ болѣе во власти Порты. Вслѣдствіе этого и въ отвѣтъ на заявленіе е. п. русскаго посланника, Высокая Порта дѣлаетъ съ своей стороны державамъ, подписавшимъ договоры, слѣдующее заявленіе:

1) Придерживаясь по отношенію къ Черногоріи такому же образу дѣйствій, какъ и по отношенію къ Сербіи, Высокая Порта объявила два мѣсяца тому назадъ Черногоріи, что она не прочь вступить съ этой страной въ соглашеніе, хотя бы и съ нѣкоторыми для себя жертвами. Считая же Черногорію неотъемлемою частью оттоманскихъ владѣній, Высокая Порта предложила Черногоріи весьма выгодное для послѣдней исправленіе демаркаціонной линіи, и отнынѣ окончательное рѣшеніе этого спора будетъ зависѣть отъ совѣтовъ умѣренности, которые будутъ преобладать въ Цетиньѣ.

2) Императорское правительство готово привести въ исполненіе всѣ обѣщанныя реформы; но, согласно основнымъ постановленіямъ нашей конституціи, эти реформы не должны имѣть особеннаго исключительнаго характера, и при развитіи этихъ учрежденій императорское правительство будетъ настойчиво дѣйствовать при полной и неограниченной свободѣ.

3) Императорское правительство готово поставить свои войска на мирную ногу, лишь только оно узнаетъ, что и Русское Императорское Правительство принимаетъ мѣры къ такой-же цѣли. Вооруженія же Турціи имѣютъ исключительно оборонительный характеръ.

4) Что касается до могущихъ произойти въ Турціи безпорядковъ, которые могли бы пріостановить разоруженіе русскихъ войскъ, то Императорское Правительство отвергаетъ оскорбительныя слова, въ которыхъ было сдѣлано это выраженіе, ибо оно полагаетъ, что Европа убѣждена въ томъ, что совершавшіеся въ провинціяхъ безпорядки происходили по идущимъ извнѣ под-

стрекательствамъ, за которыя императорское правительство не можетъ принять на себя отвѣтственности, и что, слѣдовательно, было бы весьма несправедливо, еслибъ Русское Императорское Правительство поставило демобилизацію своихъ войскъ въ зависимость отъ подобныхъ случайностей.

5) Что касается до посылки спеціальнаго посла въ Петербургъ для переговоровъ объ обезоруженіи, то Императорское Правительство не имѣетъ никакого основанія отказываться отъ этого акта вѣжливости, налагаемой дипломатическими приличіями и основанной на взаимности.

Но Императорское Правительство не можетъ уразумѣть связи между подобнымъ актомъ международной вѣжливости и разоруженіемъ; послѣднее не можетъ быть замедлено ни по какой очевидной причинѣ, и для его исполненія достаточно простаго приказа.

«Высокая Порта проситъ державы, подписавшія договоры, принять къ свѣдѣнію всѣ предъидущія заявленія, отдать справедливость духу, которымъ они проникнуты, и придать имъ ту важность, которой они справедливо заслуживаютъ въ виду настоящаго положенія дѣлъ, положенія, о всей опасности котораго Императорское Правительство предоставляетъ судить самимъ державамъ и отвѣтственность за которое оно торжественно слагаетъ съ себя.

«Послѣ тѣхъ усилій, какія были сдѣланы прежде императорскимъ правительствомъ для возстановленія мира, и послѣ выясненія причинъ, помѣшавшихъ ему въ этомъ, кабинеты, подписавшіе протоколъ 19-го марта, легко поймутъ, какое тяжелое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ документъ на императорское правительство. Было бы безполезно возвращаться здѣсь къ тѣмъ мѣстамъ протокола, которыя касаются двухъ княжествъ и вопроса объ обезоруженіи.

Но чего въ дѣйствительности нельзя не пожалѣть, такъ это того малаго значенія, которое великія державы придаютъ, во первыхъ, великимъ принципамъ равенства и справедливости, которыя стремится осуществить императорское правительство, во вторыхъ, его независимости и державнымъ правамъ.

«Дѣйствительно слѣдуетъ удивляться, что въ этомъ протоколѣ дружественныя державы считаютъ нужнымъ «снова подтверждать совмѣстный интересъ, питаемый ими къ введенію реформъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, реформъ, которыя Порта приняла подъ условіемъ самостоятельнаго ихъ примѣненія;» что державы считаютъ необходимымъ пригласить Порту «въ возможно скорѣйшій срокъ ввести эти реформы въ означенныхъ провинціяхъ, составлявшихъ предметъ заботы конференціи;» очень странно, что дружественныя державы выражаютъ надежду, что Порта энергически должна принять мѣры, дѣйствительно улучша-

ющія положеніе христіанскаго населенія и единодушно отъ нея требуемыя, и разъ вступивъ на этотъ путь, Порта должна считать своимъ существеннымъ интересомъ съ честью и ревностно идти по немъ.

«Порта не принимала никакихъ спеціальныхъ реформъ для Босніи, Герцеговины и для Болгаріи. Она нисколько не сомнѣвается въ томъ, что соотвѣтствуетъ ея интересамъ и ея обязанности удовлетворять всѣ справедливыя требованія ея христіанскихъ подданныхъ. Она не могла бы согласиться, чтобъ рекомендуемыя ей усовершенствованія ограничивались бы исключительно христіанскимъ элементомъ. Въ виду доказательствъ честности и преданности, которыя дали всѣ подданные Его Величества и въ виду реформъ, соединяющихъ всѣ народы имперіи въ одно политическое цѣлое, Порта должна отклонить отъ себя подозрѣніе, которое старается накинуть на нее протоколъ въ справедливости ея чувствъ по отношенію къ ея христіанскимъ подданнымъ и кромѣ того протестовать противъ равнодушія, съ которымъ относится протоколъ къ ея мусульманскимъ и другимъ подданнымъ.

«Нельзя допустить, чтобъ улучшенія, имѣющія цѣлью обезпечить спокойствіе мусульманъ, не имѣли бы также никакого значенія въ глазахъ просвѣщенной, вѣротерпимой и справедливой Европы. Мѣропріятія, направленныя къ тому, чтобъ всѣмъ и повсюду въ имперіи обезпечить свободное духовное и матеріальное развитіе, составляютъ цѣль, которую поставили себѣ нынѣ Турція, и она считаетъ своею честью упорно шествовать по этому пути.

«Конституція служитъ тому лучшимъ и надежнѣйшимъ обезпеченіемъ. Если же правительство видитъ себя въ необходимости отвергать все, что направлено къ посѣянію раздора между различными элементами ея населенія и способно внушать имъ взаимное недовѣріе и недовѣріе къ ихъ законнымъ властямъ, то оно ни подъ какимъ условіемъ не можетъ присоединиться къ протоколу, который освящаетъ введеніе вышеупомянутыхъ одностороннихъ улучшеній.

«Когда, поэтому,» протоколъ говоритъ, что «державы намѣрены имѣть бдительный надзоръ, посредствомъ своихъ представителей въ Константинополѣ и чрезъ мѣстныхъ агентовъ, за выполненіемъ обѣщаній турецкаго правительства; когда онъ прибавляетъ, что «если ихъ надежды еще разъ не осуществятся, то онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно разсудить о тѣхъ мѣрахъ, которыя онѣ признаютъ наиболѣе дѣйствительными для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и выгоды всеобщаго мира;» то очевидно, что все это должны вызвать законный протестъ и формальное сопротивленіе императорскаго правительства. Турція, въ своемъ качествѣ независимой державы,

не можетъ допустить, чтобъ она была поставлена подъ коллективный или не—коллективный надзоръ. Такъ какъ она съ другими дружественными державами поддерживаетъ правильныя сношенія на основаніи международнаго права и трактатовъ, то она не можетъ признать за иностранными агентами или представителями, преслѣдующими единственно интересы своей національности,—миссіи оффиціальныхъ надсмотрщиковъ. Наконецъ императорское правительство не можетъ согласиться, чтобъ оно настолько заслужило упрекъ въ неуваженіи къ справедливости и и цивилизаціи, чтобъ подвергнуться столь унизительному и безпримѣрному въ свѣтѣ положенію.

«Парижскій договоръ выразительно подтвердилъ принципъ невмѣшательства.

Этотъ договоръ, который для державъ, принимавшихъ въ немъ участіе, столь обязателенъ, какъ и для Турціи, нисколько не устранялся протоколомъ, въ которомъ Турція не принимала участія, и если Турція ссылалась на постановленія парижскаго договора, то это происходило не потому, что послѣдній создавалъ бы для нея какое-нибудь особенное право, какого она не имѣла бы безъ него, но чтобъ напомнить о тяжелыхъ обстоятельствахъ, побудившихъ великія державы, 20 лѣтъ тому назадъ, въ интересахъ европейскаго мира, гарантировать неприкосновенность державной власти Порты.

«Въ параграфѣ, который составленъ на случай неисполненія обѣщанныхъ Портою реформъ и въ которомъ за державами оставляется право принять серьезныя мѣры, императорское правительство усматриваетъ оскорбленіе своего достоинства и покушеніе на свои права, угрозу, которая имѣетъ цѣлью отнять заслугу добровольности у ея собственныхъ рѣшеній въ этомъ направленіи, и источникъ тяжелыхъ замѣшательствъ для настоящаго и будущаго. Поэтому никакое соображеніе не можетъ удержать императорское правительство отъ его рѣшенія протестовать противъ содержанія протокола 19-го марта, и на сколько касается это Турціи, считать его несправедливымъ и неимѣющимъ обязательнаго для нея характера.

«Сдѣлавшись цѣлью для враждебнаго нападенія, для незаслуженныхъ нападокъ и для открытаго правонарушенія, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушеніе международнаго права, Турція видитъ, что она нынѣ борется за свое существованіе. Сильная справедливостью своего дѣла и своимъ упованіемъ на Бога, Турція объявляетъ, что она никогда не покорится рѣшеніямъ, принимаемымъ безъ нея и противъ нея. Рѣшившись удержать за собою на свѣтѣ мѣсто, назначенное ей Провидѣніемъ, она не перестанетъ выставлять противъ направленныхъ на нее нападокъ принципы общественнаго права и авторитетъ великаго акта, подъ которымъ подписались тѣ же великія державы, что и

подъ протоколомъ 19-го марта. Она обращается напротивъ къ совѣту кабинетовъ, отъ которыхъ она надѣется видѣть продолженія тѣхъ же чувствъ справедливости и дружбы, какъ и прежде. Немедленное и честное разоруженіе было бы единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ устранить опасность, угрожающую всеобщему миру. Отвѣтъ, данный императорскимъ правительствомъ на заявленіе русскаго посла, доставляетъ державамъ надлежащіе элементы для достиженія этого разультата, котораго, конечно, нельзя будетъ достигнуть тѣмъ, если будутъ требовать отъ Порты, чтобъ она поступилась своими правами и честью.»

«Вамъ поручается прочесть г. министру иностранныхъ дѣлъ копію съ этой депеши и оставить ему съ нея копію.

«Савфетъ.»

Этотъ отвѣтъ Порты рѣшительно поставилъ въ тупикъ всѣ великія державы. Правда, Европа предусматривала возможность того случая, что Порта, по истеченіи опредѣленнаго срока, не исполнитъ ея требованій, но, чтобы получился почти дерзкій отвѣтъ и самый протоколъ абсолютно не былъ принятъ, этого она никакъ не ожидала. Даже Англія и та изумилась такому странному обороту дѣла. Турція поставила ее въ такое положеніе своимъ циркуляромъ, которое менѣе всего было желательно въ Лондонѣ. Посланикъ Порты, Муссурусъ-паша, передавая графу Дерби циркуляръ своего правительства, между прочимъ выразилъ мнѣніе, что дѣло не можетъ быть улажено удовлетворительно, если державы не согласятся уничтожить протоколъ. Послѣдній на это отвѣчалъ, что различіе во взглядахъ между англійскимъ правительствомъ и Турціей такъ велико, что онъ считаетъ всѣ переговоры совершенно безполезными и не видитъ возможности устранить войну!

Всѣ государственные люди Европы употребили всѣ свои старанія, чтобы сохранить миръ, но Порта въ концѣ концовъ доказала своимъ циркуляромъ, что съ ней дѣйствительно безполезно вести переговоры, что она встрѣчаетъ насмѣшкой и попираетъ ногами самыя честныя и миролюбивыя стремленія соединенныхъ европейскихъ державъ.

Отвѣтъ Англіи мы уже знаемъ изъ устъ ея перваго министра Дерби.—Кромѣ того, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ Россіей, со стороны Англіи состоялась резолюція: 1) Предоставить Россіи безпрепятственно вести войну противъ Порты. 2) Не противиться переходу русскихъ войскъ черезъ Прутъ и вступленію ихъ въ Румынію. 3) Оставить за собой право выбора, по усмотрѣнію, гарантій, обезпечивающихъ локализацію борьбы и безопасность англійскихъ подданныхъ.

Какого мнѣнія держалась Австрія, то это характеристичнѣе всего обрисовывается слѣдующимъ обстоятельствомъ: когда послѣ полученія турецкой ноты графа Андраши спросили, почему онъ

не предлагаетъ своего посредничества, то онъ отвѣчалъ: «Что касается меня, то признаюсь, что, получивъ ударъ въ одну щеку, я не чувствую ни малѣйшей охоты подставлять другую.» Затѣмъ, повѣренные въ дѣлахъ Франціи и Германіи при Оттоманской Портѣ получили оффиціальныя извѣщенія отъ своихъ правительствъ, что французскій и германскій послы возвратятся въ Константинополь не ранѣе окончанія войны Турціи съ Россіей.

И такъ, Россія наконецъ была поставлена лицомъ къ лицу съ Турціей. 8-го апрѣля, Его Императорское Величество, въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича, изволилъ выѣхать изъ С.-Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ въ Кишеневъ. Въ Высочайшемъ поѣздѣ отправились: графъ Адлербергъ, генералы: Милютинъ, Посьетъ, Мезенцовъ, тайный совѣтникъ Гамбургеръ, докторъ Боткинъ и военные агенты Пруссіи и Австріи.

Черногорскій князь, сопровождаемый сенатомъ, выѣхалъ въ армію. 10-го апрѣля, русская яхта «Аргонавтъ» прибылъ въ Константинополь съ инструкціями для членовъ нашего посольства. Въ этотъ же день Государь Императоръ изволилъ производить два смотра частямъ девятаго корпуса. Въ 9 часовъ утра, въ Жмеринкѣ представлялась 5-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей и обозомъ; по окончаніи смотра, Его Императорское Величество изволилъ собрать къ себѣ офицеровъ всѣхъ частей и произнести имъ напутственное предъ походомъ слово, а 17-му пѣхотному архангелогородскому полку, по случаю дня рожденія Его Августѣйшаго Шефа Великаго Князя Владиміра Александровича, выразилъ увѣренность, что полкъ поддержитъ свою прежнюю боевую славу. *Въ 5½ часовъ на станціи Бирзуля* представлялись 31-я пѣхотная и 11-я кавалерійская дивизіи, съ ихъ артиллеріей и обозами; послѣ смотра Государь изволилъ сказать собраннымъ офицерамъ осмотрѣнныхъ частей слѣдующія слова: Предъ отправленіемъ вашимъ въ походъ, я хочу васъ напутствовать; если придется вамъ сразиться съ врагомъ, покажите себя въ дѣлѣ молодцами и поддержите старую славу своихъ полковъ. Есть между вами молодыя части, еще не бывавшія въ огнѣ, но я надѣюсь, что онѣ не отстанутъ отъ старыхъ и постараются сравняться съ ними въ боевыхъ отличіяхъ. Желаю вамъ возвратиться поскорѣе и со славою. Прощайте, господа! Затѣмъ, обращаясь къ войскамъ, Государь произнесъ: Прощайте, ребята! Отвѣтомъ было громовое, долго не прерывавшееся ура! Офицерамъ 11-й кавалерійской дивизіи Его Императорское Величество выразилъ надежду, что полки дивизіи и въ военное время покажутъ себя столь же блистательно, какъ всегда представлялись Ему въ мирные дни. Повсюду былъ величайшій восторгъ со стороны войскъ и восторженныя встрѣчи народа. Сопровождали

Государя Императора Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, великій князь Николай Николаевичъ младшій, князь Сергѣй Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, министры: двора, военный, путей сообщенія, шефъ жандармовъ, посолъ константинопольскій Игнатьевъ.

Въ 10½ часовъ Его Императорское Величество, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ изволилъ выѣхать изъ Жмеринки на станцію Бирзула, Одесской желѣзной дороги, и произведя тамъ смотръ войскамъ, въ 6-ть часовъ пополудни изволилъ прослѣдовать въ Тирасполь, гдѣ Его Императорское Величество встрѣтили августѣйшій главнокомандующій арміей съ генераломъ Непокойчицкимъ.

Въ понедѣльникъ, 11-го апрѣля, въ девять часовъ утра, въ Тирасполѣ, Его Величество изволилъ смотрѣть части восьмаго корпуса, а именно 9-ю пѣхотную дивизію и первую бригаду 32-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллеріею; по окончаніи смотра Государь Императоръ въ своемъ напутственномъ словѣ, между прочимъ изволилъ сказать: «Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло, и потому Я медлилъ, доколѣ было возможно; Мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для Меня кровь; но разъ что честь Россіи затронута, я убѣжденъ, Мы всѣ до послѣдняго человѣка съумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія.»

Въ 5-ть часовъ пополудни, Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть на станцію Унгены, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ молдавскимъ, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи румынскаго духовенства, а также депутаціею ясскихъ гражданъ, съ ясскимъ префектомъ въ главѣ. Митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, на которое Его Величество отвѣчалъ, что, поручая Себя и русское воинство святымъ молитвамъ православнаго духовенства, Онъ надѣется встрѣтить въ румынскомъ народѣ дружественныя чувства. Смотръ 6-го сапернаго и 3-го желѣзнодорожнаго батальоновъ, 12-й пѣхотной и 8-й кавалерійской дивизіи, съ ихъ артиллеріею, состоялся въ началѣ 6-го часа на пограничномъ полѣ близъ рѣки Прута. Не смотря на самую неблагопріятную погоду, войска представлялись въ блистательномъ порядкѣ. Смыслъ напутственныхъ словъ Государя Императора былъ таковъ-же, какъ и на предшествовавшихъ смотрахъ. Восторгъ войскъ былъ безпредѣльный, неудержимый; народъ русскій и румынскій, пришедшій изъ за Прута, привѣтствовалъ Его Величество съ громкимъ восторгомъ.

По окончаніи смотра коляску Государя Императора сопровождала громадная толпа конныхъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, при несмолкаемыхъ крикахъ войска и народа. Выходя изъ экипажа на станціи, Государь въ послѣдній разъ, обратясь

къ офицерамъ, сказалъ: «Храни васъ Богъ. Поддержите честь русскаго оружія.»

Въ началѣ 12 часа, Его Величество прибылъ въ Кишеневъ и былъ встрѣченъ торжественнымъ звономъ колоколовъ всѣхъ церквей города. Весь путь отъ станціи до губернаторскаго дома, гдѣ Его Величество изволилъ основать свое пребываніе, былъ иллюминованъ огнями, транспарантами, гирляндами и флагами. На утро, отправляясь къ смотру войскъ, собранныхъ на Скаковомъ полѣ, Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Государемъ Цесаревичемъ, его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ и великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ младшимъ изволилъ заѣхать въ городской соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ въ облаченіи со крестомъ и святою водою, при чемъ преосвященный Павелъ, епископъ Кишеневскій и Хотинскій, привѣтствовалъ Его Императорское Величество словомъ. На Скаковомъ полѣ собраны были войска, объѣхавъ фронтъ которыхъ, выстроенныхъ въ двѣ линіи, Его Величество съ многочисленною свитою изволилъ отъѣхать на средину поля, въ виду всего фронта войскъ, и сошелъ съ лошади.—При этомъ спѣшились и всѣ остальныя лица свиты. Тогда выступилъ впередъ преосвященный Павелъ въ полномъ епископскомъ облаченіи и вскрылъ врученный ему пакетъ. Войска ударили бой: «на молитву» и по командѣ обнажили головы. Толпы народа сдѣлали тоже. Обратясь лицомъ къ войскамъ, преосвященный, во всеуслышаніе, отчетливо и яснымъ голосомъ началъ чтеніе Высочайшаго манифеста по писанному тексту. Подъ подавляющимъ вліяніемъ высоко-торжественной, всемірно-исторической минуты, благоговѣйно приступлено было къ слушанію молебна. Раздался ликующій хоръ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ» послѣ чего троекратно пропѣто было: «Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» Когда въ теченіи службы произнесены были слова: «преклонше колѣна, Господу помолимся,» Его Императорское Величество громко произнести изволилъ: «Батальоны, на колѣни!» И по слову Монарха войска его тихо склонились къ землѣ. Одни лишь знамена высоко виднѣлись надъ ними. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Государынѣ Цесаревнѣ съ ихъ августѣйшимъ сыномъ, великому князю Николаю Николаевичу и всему царствующему дому, было возглашено таковое же русскому воинству, и за тѣмъ при пѣніи: «Спаси Господи, люди Твоя,» преосвященный, вышедши впередъ съ напутственнымъ благословеніемъ, на три стороны окропилъ войско св. водой. Его Величество, обратясь къ августѣйшему брату своему, крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ облобызалъ его. Главнокомандующій благоговѣйно и въ трогательномъ волненіи приникъ устами къ рукѣ Монарха. Предъ торжественнымъ служеніемъ молебна было произ-

несено преосвященнымъ слово, обращенное къ главнокомандующему, начальникамъ и войскамъ, въ заключеніе котораго преосвященный, взявъ отъ протоіерея икону и обращаясь къ Его Высочеству главнокомандующему, произнесъ: «Благовѣрный Государь, архистратигъ воинства русскаго! Въ твоемъ лицѣ благословляю предводимое тобою христолюбивое воинство святымъ образомъ Господа Вседержителя. Христосъ да пребудетъ неразлучно съ вами, защитниками дѣла Христова, и да вѣнчаетъ ваши подвиги славными побѣдами.» Благословивъ иконою великаго князя и взявъ другую, преосвященный обратился къ начальнику 14-й пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генералу-маіору Драгомирову, со слѣдующими словами: «Христолюбивый вождь пребывавшаго въ предѣлахъ нашей области воинства! Благословляю тебя и всѣхъ твоихъ сподвижниковъ святою Гербовіецкою иконою Взбранной Воеводы—Царицы Небесной, Покровительницы града и страны нашей; поручаю всѣхъ васъ могущественному покровительству Ея, и молю и буду молить Ее, да ведетъ Она васъ отъ подвига къ подвигу, отъ побѣды къ побѣдѣ. Да возвратитъ васъ Господь къ намъ цѣлыми и невредимыми, увѣнчанными лаврами.» Затѣмъ тихо сѣли всѣ на коней, тихо отъѣхали вслѣдъ за Монархомъ въ сторону, очистивъ мѣсто войскамъ для предстоявшаго церемоніальнаго марша. Сознаніе торжественнаго величія переживаемой минуты ясно выражалось на лицахъ воиновъ, когда они стройными и грозными рядами величаво проходили мимо своего Императора. Всѣ части войскъ показали себя на смотру въ самомъ блистательномъ видѣ и порядкѣ, и каждая изъ нихъ удостоилась Царской похвалы и «спасибо!» За четвертымъ полкомъ 14-й дивизіи слѣдовали два баталіона болгарскихъ добровольцевъ, появленіе коихъ въ строю оказалось полнѣйшею и пріятною неожиданностію для присутствовавшихъ. Государь Императоръ остался весьма доволенъ молодецкимъ, добрымъ, веселымъ и воинственнымъ видомъ этихъ батальоновъ, пропарадировавшихъ мимо Его Величества съ такою же стройностію и порядкомъ, какіе сдѣлали-бы честь и любому регулярному батальону. Люди, вступившіе въ ряды болгарскихъ дружинъ, пришли къ намъ изъ за Дуная. Иные изъ нихъ дрались въ Сербіи и украшены медалями, другіе, потерявъ семью и родной кровъ въ Болгаріи, бѣжали подъ сѣнь Россіи отъ неистовства турокъ, унося въ душѣ непримиримую ненависть и мщеніе врагу ихъ вѣры и племени. Между ними не мало есть людей интеллигентныхъ: студентовъ, гимназистовъ, учениковъ разныхъ школъ, и надо было видѣть, какой восторгъ надежды, вѣры и благодарности написанъ былъ на лицахъ этой молодежи и на солидныхъ усатыхъ физіономіяхъ старыхъ болгаръ, когда они лихо, молодецки проходили мѣрнымъ шагомъ и стройными рядами мимо Монарха пріютившей ихъ страны. Болгарскіе батальоны

вооружены были ружьями системы Шаспо съ штыками, саблями, и однообразно обмундированы: на нихъ красовались сдвинутыя на бекрень мѣховыя шапки съ зеленымъ верхомъ, черные суконные пиджаки, въ родѣ нашихъ матросскихъ, съ алыми погонами, ранцы съ принадлежностію желтой кожи, патронныя сумки, черныя суконныя шаровары и сапоги съ высокими голенищами. Все это снаряженіе и вооруженіе сдѣлано было на счетъ суммъ нашихъ благотворительныхъ славянскихъ комитетахъ. Кадромъ для этихъ первыхъ двухъ батальоновъ послужили офицеры и люди пѣшаго конвоя его высочества главнокомандующаго, составленнаго изъ лучшихъ образцовыхъ людей разныхъ полковъ и частей русской пѣхоты. Организація добровольскихъ частей, порученная состоявшему при главнокомандующемъ генералъ-маіору Столѣтову совершилась въ самый короткій срокъ, когда стало уже ясно, что война неизбѣжна, и надо удивляться тѣмъ замѣчательно успѣшнымъ результатамъ, которые достигнуты были при этомъ въ столь малое время. Государь Императоръ съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовалъ оба батальона Царственнымъ словомъ Своего одобренія и выразилъ благодарность генералъ-маіору Столѣтову. По окончаніи церемоніальнаго марша, Его Императорское Величество изволилъ подъѣзжать къ частямъ войскъ всѣхъ родовъ оружія и высказывалъ собраннымъ вокругъ себя офицерамъ положенія и напутствія,—совершить доблестно предстоящее святое дѣло.

Только въ ту минуту, когда Государь произнесъ войскамъ: «Прощайте! До свиданья!.... Возвращайтесь поскорѣе со славою..... Поддержите честь русскаго оружія, и да хранитъ васъ Всевышній!» — только послѣ этихъ, съ глубокимъ чувствомъ произнесенныхъ словъ, войска разразились громовыми криками. Но что это были за крики! Что за мощная сила вырывала ихъ изъ груди каждаго! Какой восторгъ, какая любовь сіяла на лицахъ, какъ вся эта масса, въ невольномъ порывѣ восторженно ринулась къ Монарху и обступила его съ поднятыми вверхъ шапками, саблями, штыками!.... Солдатскія шапки полетѣли цѣлыми роями въ воздухъ.. Безчисленныя массы народа кидались на колѣни, простирали къ Государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ; женщины, дѣти махали платками, кидали букеты; множество усатыхъ, мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга. «Ура! За братій! За святое дѣло. За вѣру Христову! За свободу славянъ!» раздавались по всюду мощные крики. Казалось, самый воздухъ гремѣлъ надъ этими слившимися во-едино и сплотнившимися вокругъ своего царя массами войска и народа. Но описать этого невозможно..... Такія минуты народныхъ порывовъ, во всемъ ихъ объемѣ, во всей ихъ силѣ не поддаются никакому описанію. Онѣ только глубоко чувствуются и никогда потомъ

не забываются, онѣ всецѣло становятся достояніемъ всемірной исторіи.

Высочайшій манифестъ:

Божіею милостію

Мы, Александръ вторый,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, царь Польскій, великій князь Финляндскій,—и прочая, и прочая, и прочая.

Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбѣ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ Нами и весь Русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все Царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ цѣлію достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными и дружественными Намъ великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы; усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ, съ внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ. Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувства справедливости, и чувство Собственнаго Нашего достоинства. Турція, отказомъ своимъ, поставляетъ Насъ въ

необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи.

Данъ въ Кишиневѣ, Апрѣля 12-го дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семдесятъ седьмое, Царствованія же Нашего въ двадесять третье.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Александръ.

Въ тотъ же достопамятный день, 12-го Апрѣля, состоялся приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи слѣдующаго содержанія.

Приказъ по войскамъ дѣйствующій арміи, главная квартира г. Кишеневъ, 12-го Апрѣля.

Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами—братьями нашими.

Горька ихъ неволя. Все, что дорого человѣку—святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью добытое добро – все поругано, осквернено невѣрными.

Не выдержали несчастные, возстали противу угнетателей, и вотъ уже два года льется кровь христіанская, города и селы выжжены, имущество разграблено; жены и дочери обезчещены, населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано.

Всѣ представленія Монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ, остались безуспѣшными. Мѣра долготерпѣнія нашего Царя-Освободителя истощилась. Послѣднее слово Царское сказано:

Война Турціи объявлена.

Войска ввѣренной мнѣ арміи!

Намъ выпала доля — исполнить волю царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ.

Не для завоеванія идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братіевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой.

И такъ: впередъ! Дѣло наше Свято и съ нами Богъ.

Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядоваго, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени Русскаго. Да будетъ оно и и нынѣ такъ же грозно, какъ въ былые годы. Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные же жители, въ какой бы вѣрѣ и къ какому народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для васъ

неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно; никто не долженъ дозволить себѣ произвола.

Въ этомъ отношеніи, я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины; въ нихъ — наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени.

Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей, мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ тоже гостепріимство, какъ и предки, и отцы наши.

Я требую, чтобы за то всѣ чины платили имъ, братьямъ и друзьямъ нашимъ, полною дружбою, охраною ихъ порядковъ и безотвѣтною помощью противу турокъ, а когда потребуется, то и защищали ихъ дома такъ же, какъ свои собственные. Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ и батареяхъ.

Подписалъ: главнокомандующій дѣйствующей арміею, генералъ-инспекторъ кавалеріи и по инженерной части, «Николай.»

Затѣмъ послѣдовалъ циркуляръ князя Горчакова къ Русскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ пяти великихъ державъ.

Циркуляръ Государственнаго Канцлера.

Россійскимъ посламъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ и Римѣ, отъ 7-го Апрѣля 1877 года.

«Императорскій Кабинетъ тщетно исчерпывалъ, съ самаго начала Восточнаго кризиса, всѣ имѣвшіяся въ его власти средства для того, чтобы, при содѣйствіи великихъ державъ Европы, достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи.

Всѣ предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ, по установившемуся между кабинетами соглашенію, встрѣтили съ ея стороны непреодолимое сопротивленіе.

Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19-го (31-го) марта сего года, былъ послѣднимъ выраженіемъ совокупной воли Европы.

Императорскій Кабинетъ предложилъ его, какъ крайнюю попытку къ примиренію. Онъ заявилъ декларацією отъ того же числа, сопровождавшею протоколъ, такія условія, которыя, будучи честно и искренно приняты и исполнены оттоманскимъ правительствомъ, могли возстановить и упрочить миръ. На все это Порта отвѣчала нынѣ новымъ отказомъ.

Это обстоятельство не было принято въ соображеніе лондонскимъ протоколомъ. Выражая желанія и рѣшенія Европы, онъ ограничился постановленіемъ условія, что въ случаѣ если-бы великія державы обманулись въ надеждѣ на энергическое выполненіе со стороны Порты мѣръ, долженствовавшихъ повести къ улучшенію положенія христіанскаго населенія, единодушно признанному необходимымъ для спокойствія Европы, то онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно обсудить средства, которыя

признаютъ наиболѣе удобными для обезпеченія благосостоянія этого населенія и сохраненія общаго мира.

Такимъ образомъ, кабинеты предусматривали случай невыполненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать, но не предвидѣли случая отказа ея на требованія Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація, сдѣланная лордомъ Дэрби, вслѣдъ за подписаніемъ протокола, заявляла, что такъ какъ правительство Ея Величества Королевы согласилось на подписаніе сего акта только въ видахъ обезпеченія общаго мира, то слѣдовало разумѣть, что протоколъ долженъ считаться недѣйствительнымъ и неимѣющимъ значенія въ томъ случаѣ, если-бы предположенная цѣль, а именно совмѣстное разоруженіе и сохраненіе мира между Россіею и Турціею—не была бы достигнута.

Отказъ Порты и побужденія, на которыхъ онъ основанъ, не оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и совѣты Европы, и не даютъ никакого ручательства въ томъ, что предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія реформы будутъ введены; они дѣлаютъ невозможнымъ миръ съ Черногоріею и выполненіе условій, которыя могли бы привести къ разоруженію и умиротворенію, теряютъ всякую вѣроятность успѣха, и остается одно изъ двухъ или допустить продолженіе положенія дѣлъ, признаннаго державами несовмѣстнымъ съ ихъ интересами и съ интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть путемъ понужденія того, чего единодушныя усилія кабинетовъ не успѣли получить отъ Порты путемъ убѣжденія.

Нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшилъ принять на Себя совершеніе дѣла, къ выполненію котораго, вмѣстѣ съ Нимъ, Онъ приглашалъ великія державы.

Онъ далъ Своимъ войскамъ повелѣніе перейдти границу Турціи.

Благоволите довести объ этомъ рѣшеніи до свѣдѣнія того Правительства, при которомъ вы аккредитованы.

Возлагая на Себя это бремя, Нашъ Августѣйшій Монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на Него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на Востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы.

Примите и проч.

(Подписано:) Горчаковъ.

Въ день объявленія Высочайшаго Манифеста, въ 10 часовъ утра, пришелъ, какъ мы сказали, въ Константинополь русскій военный пароходъ «Аргонавтъ» и привезъ нашему повѣренному А. И. Нелидову послѣднія инструкція князя Горчакова. Получивъ ихъ, Нелидовъ отправился въ Порту и передалъ Савфету пашѣ коротенькую, но выразительную ноту такого содержанія: «Им-

ператорскій кабинетъ, истощивъ средства прійти къ соглашенію съ Портой на основаніяхъ переговоровъ съ гарантирующими державами въ виду категоричаскаго отказа Порты, разрываетъ съ нею дипломатическія сношенія и отзываетъ свое посольство и консульство изъ Турціи.»

Паспорты членовъ посольства были вытребованы Нелидовымъ тутъ-же и послѣднія приготовленія къ отъѣзду стали дѣлаться съ величайшей поспѣшностью.

Архивы и движимости посольства были сданы германскому генеральному консулу, Жилету. Въ два часа въ посольской церкви, посольскій священникъ отслужилъ прощальный молебенъ; въ четыре часа весь персоналъ размѣстился въ четырехъ лондо и предшествуемый двумя ковасами верхомъ, выѣхалъ изъ воротъ въ ту минуту, когда съ фасада зданія сняли каменный государственный гербъ, а на воротахъ покрывали два чугунныхъ. Точно также одновременно съ обнародованіемъ манифеста Государя Императора и циркулярной депеши, государственный канцлеръ передалъ Вефикъ-бею, турецкому повѣренному въ дѣлахъ, ноту, въ которой сообщалось, что—«такъ какъ серьезные переговоры, происходившіе между Императорскимъ кабинетомъ и Оттоманской Портой въ виду прочнаго умиротворенія Востока не повели къ желанному соглашенію, и такъ какъ Его Императорское Величество, къ сожалѣнію, принужденъ былъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, то Императорское правительство отнынѣ признаетъ себя на военномъ положеніи по отношенію къ Турціи.»

Тотчасъ же по объявленіи манифеста 12-го апрѣля, наши войска, стоявшія въ пограничныхъ мѣстахъ, перешли границу въ трехъ пунктахъ: Унгенахъ, Бештанахъ и противъ Кубея; къ вечеру того же дня они уже вступили въ Яссы, Леово, Галацъ и заняли Борбошскій мостъ на рѣкѣ Серретѣ. Переходы эти совершились съ замѣчательной быстротой—казаки сдѣлали около ста, а пѣхота семьдесятъ верстъ. 13-го апрѣля, отъ двухъ до четырехъ часовъ дня, Государь Императоръ изволилъ посѣтить военно—врачебныя заведенія, расположенныя въ Кишеневѣ, а именно: отдѣленія военно-временнаго № 60 госпиталя, помѣщенныя въ особо нанятыхъ и приспособленныхъ домахъ частныхъ владѣльцевъ, и лазаретъ мѣстнаго батальона. Его Величество остался вполнѣ доволенъ какъ самымъ устройствомъ всѣхъ этихъ врачебныхъ заведеній, такъ и найденнымъ въ нихъ образцовымъ порядкомъ, при чемъ изволилъ осчастливить изъявленіемъ своей благодарности инспектора госпиталей генералъ-маіора Кансинскаго, статскаго совѣтника Приселкова, за ихъ дружныя усилія къ доведенію военно-медицинскихъ учрежденій до ихъ настоящаго состоянія и за тѣ дружескія отношенія, какія, установившись между ними, привели къ столь счастливому единенію медицинскаго и госпитально-административнаго персоналовъ. Во

всѣхъ поименованныхъ помѣщеніяхъ Государь Императоръ останавливался надъ наиболѣе интересными случаями болѣзней и ободрялъ болящихъ Своимъ привѣтливымъ словомъ, причемъ врачи изъяснили Его Величеству происхожденіе каждой болѣзни и принятые ими способы ея лѣченія, и проч. Въ мѣстномъ же воинскомъ лазаретѣ вольно-практикующій городовой врачъ, докторъ Духновскій, поступавшій тогда на службу въ военно-медицинское вѣдомство полевыхъ хирурговъ, имѣлъ счастіе объяснить Его Императорскому Величеству во всей подробности новѣйшіе способы наложенія повязокъ и операцій, произведенныхъ имъ надъ хирургическими больными его палаты. Государь Императоръ соблаговолилъ удостоить ординатора Духновскаго особымъ своимъ вниманіемъ и разспросами о его дѣятельности, мѣстѣ образованія и проч., и выразилъ ему полное Свое удовольствіе за его искусство и примѣрную любовь къ своему дѣлу. Въ 6 часовъ по полудни въ собственныхъ аппартаментахъ Его Императорскаго Величества былъ обѣденный столъ, къ которому удостоились приглашенія всѣ начальники отдѣловъ полеваго управленія дѣйствующей арміи. Во время обѣда Его Величество, поднявшись съ мѣста, соблаговолилъ произнести слѣдующій тостъ:

«Пью за здоровье главнокомандующаго, чиновъ его штаба и всего войска! Твердо увѣренъ, что всѣ вы, господа, оправдаете Мое къ вамъ довѣріе и ожиданія Россіи.» Послѣ обѣда Его Императорское Величество, обходя присутствовавшихъ, удостоилъ каждаго изъ представителей отдѣловъ управленія дѣйствующей арміи Своимъ высокимъ вниманіемъ и милостивымъ словомъ; увидавъ же инспектора госпиталей, генералъ-маіора Касинскаго вмѣстѣ съ докторомъ Приселковымъ, изволилъ обратиться къ военному министру и вновь выразить Свое удовольствіе за найденный порядокъ и благоустройство госпиталей.

Указавъ на этихъ двухъ лицъ, Государь Императоръ повторилъ его Императорскому Высочеству главнокомандующему и генералъ-адъютанту Д. А. Милютину выраженіе Своего особеннаго удовольствія за установившіяся дружески—согласныя отношенія между этими двумя представителями двухъ важнѣйшихъ въ военное время учрежденій арміи. Затѣмъ, обратясь къ генералъ-контролеру, дѣйствительному статскому совѣтнику Черкасову, Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что ему извѣстно о ревизіи, произведенной чинами полеваго контроля въ госпиталѣ № 60-го, и пожелалъ услышать отъ самаго генералъ-контролера—въ какомъ видѣ нашелъ онъ въ этомъ военно-медицинскомъ учрежденіи администрацію и хозяйство? Услыхавъ же самые лестные отзывы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Черкасова о самой подробной документальной и имущественной ревизіи помянутаго госпиталя, Его Величество изволилъ выразиться, что

Его «истино радуетъ то честное направленіе, какое дано дѣлу, и честное отношеніе къ нему всѣхъ прикосновенныхъ лицъ.»

13-го апрѣля лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ торжествовалъ свой полковой праздникъ. Государю Императору благоугодно было почтить этотъ полкъ своимъ особеннымъ вниманіемъ, которое выразилось въ томъ, что за обѣдомъ Его Величество изволилъ присутствовать въ лейбъ-гренадерскомъ мундирѣ и, по провозглашеніи тоста, пожелалъ узнать: нѣтъ-ли въ числѣ лицъ полеваго штаба офицеровъ, служившихъ въ лейбъ-гвардіи гренадерскомъ полку? И когда, въ отвѣтъ на это, Его Высочество главнокомандующій указалъ на предсѣдателя военно-полеваго суда, генералъ-маіора Величковскаго, Его Величество соблаговолилъ подозвать къ себѣ этого генерала и, въ лицѣ его, выпилъ «за благоденствіе полка,» причемъ приказалъ музыкантамъ сыграть лейбъ-гренадерскій маршъ, что и было исполнено хоромъ 7-го сапернаго батальона.

Манифестъ Порты на столько интересенъ по тѣмъ уверткамъ и извращеніямъ фактовъ, которыми онъ изобилуетъ, что его рѣшительно несправедливо будетъ обойдти молчаніемъ. Но такъ какъ длина этого глубокомысленнаго произведенія, на сквозь пропитаннаго западной цивилизаціею, захватываетъ дыханіе, то, не желая утруждать читателя, мы приведемъ изъ него только нѣкоторые перлы. Излагая всѣ политическія и дипломатическія усложненія, вызвавшія войну, султанскіе министры, само собою разумѣется, взваливаютъ всю вину на Россію.

«Россія, объявивъ намъ воину, начала непріязненныя дѣйствія въ нашихъ азіятскихъ провинціяхъ и вступила въ предѣлы княжества, составляющаго нераздѣльную часть владѣній султана. Этимъ она разрѣшила самымъ прискорбнымъ образомъ всѣ усложненія, театромъ которыхъ является Востокъ вотъ уже два года. Европа, которая ради интересовъ всего человѣчества и своего собственнаго спокойствія, всячески старалась устранить войну, имѣетъ безъ сомнѣнія право изслѣдовать, почему ея усилія не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ и рѣшить, на чью долю должна пасть отвѣтственность за войну.

«Въ теченіи 1875 года, благодаря наущенію иностранцевъ, двѣ изъ нашихъ провинцій возстали противъ законной власти султана. Подъ пагубнымъ вліяніемъ панславитскихъ обществъ мятежъ вскорѣ принялъ большіе размѣры и, распространяясь на другія провинціи, сталъ угрожать миролюбивому населенію имперіи опустошеніемъ и разрушеніемъ. Дружественныя державы дважды пытались возстановить миръ и спокойствіе, сначала посредничествомъ консуловъ, затѣмъ предложенною вѣнскимъ кабинетомъ программою реформъ. Но посредничество консуловъ повело только къ заявленію неуваженія мятежниковъ къ державамъ,

а программа вѣнскаго кабинета, принятая блистательною Портою, была на отрѣзъ отвергнута инсуррекціей.

Не желая допустить, чтобы бѣдствіе междуусобной войны распространилось на другія провинціи, императорское правительство обратилось съ воззваніемъ ко всѣмъ вооруженнымъ силамъ страны. Благодаря патріотическимъ усиліямъ націи, возстаніе было подавлено, цѣлость имперіи обезпечена и Европѣ доставлено средство избѣжать всеобщаго потрясенія. Взявшись за оружіе, Порта, слѣдовательно, не только оказала услугу самой себѣ, но и всей Европѣ. Но Портѣ предстояла еще другая, не менѣе важная задача, даровать странѣ либеральныя учрежденія и организовать государственное управленіе, согласно принципамъ европейской цивилизаціи. Рѣшеніе этой великой задачи, основаніемъ которой служитъ конституція, дарованная султаномъ, и которая обѣщаетъ возрожденіе имперіи, совершается именно въ настоящую минуту. Воля монарха и его министровъ поддерживается сознаніемъ страны въ пользѣ либеральныхъ учрежденій и дѣятельностью оттоманскаго парламента.

Затѣмъ нота переходитъ къ Константинопольской конференціи и находитъ, что ею нарушена неприкосновенность Оттоманской имперіи въ священнѣйшихъ международныхъ правахъ ея, также какъ и статья трактата 1856 года, подписанная всѣми державами о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Турціи.

«Повидимому, казалось бы естественнымъ, что неудача Константинопольской конференціи не должна имѣть другихъ послѣдствій, какъ заставить державы выжидать результатовъ введенія оттоманской конституціи и принятыхъ посредствомъ ея обязательствъ Блистателаной Порты перемѣнить систему своего управленія. Дѣйствительно, Порта занялась не только осуществленіемъ принциповъ провозглашенной конституціи, но и возстановленіемъ мира между сюзереннымъ дворомъ и княжествами Сербіею и Черногоріею. Послѣдняя задача уже была на половину исполнена, Сербія была умиротворена и уступчивость Порты, казалось, должна была восторжествовать надъ чрезмѣрными требованіями Черногоріи.

Султанское правительство не могло преслѣдовать свою трудную задачу, оставаясь на военномъ положеніи, или нести бремя вооруженнаго нейтралитета, и оно помышляло о разоруженіи.

Но до этого ему было необходимо убѣдиться въ дружественномъ расположеніи къ нему Европы, чтобы не превратить демобилизацію турецкой арміи въ необдуманный и неосторожный поступокъ. Но въ самый моментъ, когда Турція намѣревалась пригласить Европу къ новымъ переговорамъ, С.-Петербургскій кабинетъ нашелъ своевременнымъ взять иниціативу въ новой попыткѣ клонящейся не къ соглашенію съ султанскимъ правительствомъ, а къ давленію на него. Изъ этого неожиданнаго дипломатическаго

похода родился лондонскій протоколъ, который былъ обсужденъ и подписанъ, безъ малѣйшаго шага привлечь участіе Порты и согласія ея. Тѣ же основанія, которыя заставили Порту отказаться отъ извѣстныхъ статей Константинопольской конференціи вмѣняли ей въ долгъ уклониться отъ новыхъ требованій Европы, неудобоисполнимость которыхъ была еще усилена отдѣльными дополнительными декларацiями Россіи. Никакое правительство, дорожащее своей честью и независимостью, не подписало бы подобной программы, даже въ томъ случаѣ, если бы подвергалось за отказъ подвергнутся нападенію сильнаго сосѣда, готоваго поддержать свои требованія силою оружія.»

И такъ, наконецъ наступилъ тотъ великій день, день народнаго праздника котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждала Россія. Манифестъ былъ изданъ. То слово Русскаго Царя, которое должно было рѣшить жребій вѣковой борьбы, было произнесено. И это мощное слово, какъ ударъ вѣчеваго колокола, *гулко* пронеслось отъ Бѣлаго до Чернаго моря, прокатилось по обагреннымъ еще дымящейся алой кровью долинамъ Болгаріи, Герцеговины и Босніи, возвѣщая, что грозные русскіе штыки уже заблистѣли въ предѣлахъ Турціи; воодушлевленные полки пошли довершать давно начатое дѣло великой исторіи Славянства; что наступилъ тотъ роковой часъ, въ который поклонники ислама призывались Державнымъ Представителемъ славянскаго народа къ отвѣту за эту пролитую кровь, за поруганную честь матерей и женъ, за муки отцовъ и братьевъ.

Да! велика была радость въ этотъ день для крещенаго народа русскаго; велики были надежды, радостны слезы и искренни молитвы за Царя—Освободителя въ порабощенныхъ Турціей славянскихъ княжествахъ, гдѣ ужасныя картины людскаго горя, отчаянія, насилія и безчеловѣчія не прекращались уже слишкомъ два года, гдѣ все было залито волнами крови и озарено заревомъ пожаровъ!....

Нагляднѣе всего народный энтузіазмъ, по случаю объявленія манифеста, выразился въ первопрестольной Москвѣ, въ этомъ сердцѣ Россіи. — *Бюллетени* манифеста раскупались народомъ *неимовѣрно быстро*; что запрашивали съ публики разнозчики, то имъ и давали; нѣкоторые платили по 5-ти рублей за экземпляръ и, обнаживши свои головы, читали ихъ собравшемуся кружку людей, которые, выслушавъ Высочайшую волю, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ и кричали «ура.» Въ трактирахъ, при полученіи манифеста, оркестріоны играли гимнъ «Боже царя храни,» а затѣмъ громкое «ура» оглашало воздухъ. На площадяхъ и на главныхъ улицахъ стекались толпы народа и, при чтеніи кѣмъ нибудь Высочайшаго манифеста, летѣли вверхъ фуражки, платки и шляпы, а вечеромъ, когда стало смеркаться, вся Москва уже ликовала о давно ожидаемой радости, заключающейся въ объяв-

леніи войны Турціи. Затѣмъ на слѣдующій день, т. е. 13-го апрѣля, происходило торжественное молебствіе. Не смотря на пасмурное утро, еще за долго до опредѣленнаго для прочтенія манифеста времени, по улицамъ Москвы протянулись вереницы экипажей и пестрыя толпы, направляясь въ Кремль. Скоро Кремль былъ переполненъ народомъ; всѣ галлереи Ивановской колокольни всѣ рѣшетки кремлевской ограды были заняты черными сплоченными рядами; соборы переполнены молящимися до невозможности проникнуть въ эту живую стѣну. На площадяхъ трудно было пробираться черезъ массы. А новыя толпы все прибывали и прибывали. И не одинъ Кремль вмѣщалъ въ себѣ необычное множество народа. Всѣ сорокъ—сороковъ московскихъ были полны богомольцами. Наконецъ раздался въ Кремлѣ торжественный гулъ благовѣста и отозвался по всей первопрестольной столицѣ. Сотни тысячъ сердецъ забилось однимъ молитвеннымъ чувствомъ. Это было всенародное молебствіе. И оно было тѣмъ торжественнѣе, что соединялось съ животворящею пѣснью «Христосъ—воскресе.» Чувствовалось, что истина воскресаетъ; слезы были у всѣхъ на глазахъ; многіе плакали.....

Такъ привѣтствовала Высочайшій манифестъ древняя Москва, и эти чувства раздѣляла съ ней вся Россія, отъ мала до велика.

17-го апрѣля, Россія праздновала день рожденія Государя Императора. Въ тотъ день, Его величество слушалъ въ Кишиневскомъ городскомъ соборѣ литургію и молебенъ; въ 2 часа произвелъ смотръ проходившей чрезъ Кишиневъ первой бригады 9-й пѣхотной дивизіи, съ ея артиллеріею, а въ 6 часовъ прибылъ въ зданіе дворянскаго собранія, гдѣ изволилъ давать обѣдъ всѣмъ лицамъ главной квартиры штаба, начальникамъ отдѣльныхъ частей и управленій, представителямъ городскихъ управленій, дворянства и земства. За обѣдомъ, обращаясь къ августѣйшему главнокомандующему, Его Величество произнесъ слѣдующую рѣчь: «Я душевно радъ, что собственными Моими глазами имѣлъ случай убѣдиться въ отличномъ состояніи дѣйствующей арміи и въ томъ прекрасномъ направленіи, которое ты съумѣлъ дать какъ твоему штабу, такъ и всѣмъ твоимъ многочисленнымъ управленіямъ и войскамъ; увѣренъ, что ты исполнишъ свой долгъ. Пью за здоровье главнокомандующаго и его славной дѣйствующей арміи! Да поможетъ намъ Богъ?» Его Высочество отвѣтилъ: «Ваше Величество, отъ лица моей арміи передаю Вамъ, что мы исполнимъ свой долгъ до послѣдней капли крови. За здоровье Государя Императора «ура!»

Черногорія снова открыла компанію противъ Турокъ. Сербія объявила, что она до тѣхъ поръ будетъ соблюдать нейтралитетъ, пока на Сербскую территорію не ступитъ ни одинъ турецкій солдатъ, и въ видахъ предосторожности поставила на Тимокѣ обсерваціонный корпусъ. Болгарскій комитетъ, находящійся въ

Бухарестѣ, издалъ воззваніе къ болгарамъ, призывая ихъ къ оружію противъ исконнаго врага и притѣснителя болгарскаго народа и къ братской встрѣчѣ русскихъ войскъ и содѣйствію имъ всевозможными мѣрами. Вотъ содержаніе этого документа:

«Братья! Народъ, борющійся за святое дѣло вашей свободы, независимости и проливающій кровь свою, долженъ рано или поздно выйдти побѣдителемъ изъ борьбы. Безъ жертвъ нельзя пріобрѣсти свободы! Томились мы цѣлые вѣка подъ тяжкимъ игомъ, и поднялись мы въ прошедшемъ году, какъ уже это не разъ бывало прежде, чтобы протестовать противъ угнетающаго насъ народа. Но орды турокъ звѣрствами заглушили голосъ нашъ въ крови и своими жестокими истязаніями наполнили негодованіемъ цивилизованный міръ. Наши селенія сожжены; наши матери, жены и дѣти поруганы и измучены; наше духовенство распято, церкви наши осквернены и тысячи неповинныхъ жертвъ истерзаны псами и поля нашей несчастной родины обагрены кровью. Цѣлый годъ сряду терпѣли мы спокойно всѣ эти неслыханныя бѣдствія, но въ теченіи всего этого періода безпрерывныхъ мукъ и страданій, насъ воодушевляла одна надежда, въ которой мы черпали свою силу. Надежда эта, осуществленіе которой нынѣ почти уже улыбнулось для насъ, — православная Россія. Братья! Не напрасно цѣлый годъ надѣялись мы на эту могучую помощь; она нынѣ поднялась, чтобы потребовать возмездія за всю пролитую кровь нашу и всѣ наши страданія, и чтобы наказать виновныхъ. Русскіе идутъ намъ помогать безкорыстно, какъ братья, съ цѣлью завоевать намъ свободу и такое же положеніе, какое они отвоевали грекамъ, румынамъ и сербамъ. Болгаре! Для насъ наступила минута встать всѣмъ какъ одинъ человѣкъ, встрѣтить освободителей по-братски и поддержать нашими силами русскія арміи въ борьбѣ за освобожденіе. Турецкое населеніе вооружилось съ цѣлью возобновить свои прежніе ужасы и звѣрства. И намъ необходимо, по мѣрѣ силъ нашихъ, вооружиться, чтобы не ждать беззащитными прихода нашихъ братій и стать подъ знамена ихъ, какъ только они придутъ. Вооружимтесь же и докажемъ, что мы достойны положенія, которое готовится намъ и поможемъ завоевать свободу нашей отчизны. Наши интересы, наша будущность, да и самое освобожденіе требуютъ, чтобы мы возстали. Наша родина зоветъ насъ къ оружію. Давно желанный часъ насталъ, и правда наконецъ одержитъ побѣду надъ зломъ и варварствомъ. Болгаре, впередъ! Богъ и русскіе братья наши съ нами! Бухарестъ, 12-го (24-го) апрѣля, 1877 года.

Такъ какъ подъ Силистріей было замѣчено сильное движеніе турецкихъ войскъ, то Румынія, въ виду возможности вторженія ихъ въ свои владѣнія, начала вооруженія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Таково было положеніе дѣлъ на востокѣ, когда русская армія двинулась на Дунай.

20-го числа Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Кишинева. 22-го Ея Императорское Величество съ Государынею Цесаревною, по прибытіи изъ Петербурга въ Москву, прослѣдовали по соединительному пути прямо на станцію Курской желѣзной дороги, въ 10 часовъ вечера, гдѣ въ императорской комнатѣ изволили ожидать прибытія Государя Императора. Въ 10½ час. изволилъ прибыть Его Величество, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и герцогомъ Сергіемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ.

Для встрѣчи Ихъ Величествъ собрались на станцію всѣ начальствующія лица столицы, генералы, предводители дворянства, городской голова съ представителями городскихъ сословій и почетныя лица обоего пола. Станція была роскошно убрана арматурами и цвѣтами, а платформа украшалась бюстомъ Государя Императора, въ лавровомъ вѣнкѣ, и гербами, съ блистательнымъ освѣщеніемъ, газовою декоративною иллюминаціею и электрическими солнцами. На щитѣ была надпись изъ газозыхъ рожковъ: «Царствуй на славу намъ и на страхъ врагамъ,» а на противоположной сторонѣ: «Боже, Царя храни.» Два хора музыки играли на платформахъ.

По выходѣ изъ вагона, Его Величество былъ встрѣченъ на платформѣ всѣми начальствующими лицами; единодушное «ура» собравшагося на станцію въ огромной массѣ народа привѣтствовало Государя. Его Величество изволилъ пройти къ Императрицѣ, а за тѣмъ Ихъ Величества и ихъ Высочества отъѣхали въ экипажахъ къ часовнѣ Иверской Богоматери и, приложившись къ чудотворной иконѣ, отправились въ кремлевскій дворецъ. Несмѣтныя толпы народа привѣтствовали Высочайшихъ особъ на всемъ пути съ неописаннымъ восторгомъ и неумолкаемыми криками «ура;» всѣ дома столицы были блистательно иллюминованы и украшены флагами.

На другой день, по разосланнымъ отъ дворца Его Величества объявленіямъ, съѣхались въ большой кремлевскій дворецъ къ 10½ часамъ утра всѣ знатныя обоего пола особы, штабъ—и оберъ-офицеры, предводители дворянства, дворянство обоего пола, московскій городской голова съ членами думы, другихъ городовъ головы, почетное купечество и представители ремесленнаго сословія. Въ 11 часовъ послѣдовалъ Высочайшій выходъ изъ внутреннихъ аппартаментовъ Государя Императора и Государыни Императрицы, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника, Государыни Цесаревны, Великаго князя Владимира Александровича, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и герцога Сергѣя Максимиліановича Лейхтенбергскаго. При выходѣ Ихъ Величествъ въ георгіевскую залу, московскій губернскій предво-

дитель дворянства, графъ Бобринскій прочиталъ и поднесъ Его Величеству слѣдующій всеподданнѣйшій адресъ.

«Всемилостивѣйшій Государь! Съ молитвою въ сердцѣ и на устахъ встаетъ по Слову Вашему земля русская; она встаетъ во Имя Христа на великое, правое дѣло; настало время доказать, что дворянство вѣрно своему призванію. Сыны и братья наши, по примѣру предковъ, стоятъ уже въ рядахъ доблестнаго воинства Вашего. Не всѣмъ намъ выпала завидная и славная доля въ первыхъ рядахъ сразиться съ вѣковымъ врагомъ Россіи за освобожденіе порабощенныхъ собратій. Но на всѣхъ насъ лежитъ другой, болѣе смиренный долгъ: по мѣрѣ силъ нашихъ, въ духѣ братской любви, будемъ мы служить болящимъ и раненымъ воинамъ нашимъ. Господь да поддержитъ Васъ, возлюбенный Государь, въ святомъ, въ высокомъ подвигѣ.»

Вслѣдъ затѣмъ московскій городской голова поднесъ Его Величеству хлѣбъ-соль, а также прочиталъ и представилъ слѣдующій всеподданнѣйшій адресъ:

«Всемилостивѣйшій Государь! Ты призвалъ къ брани—и возликовала Русь! Ты возвѣстилъ ей трудъ грозный и скорбный—и на Руси праздникъ! Двинувъ войска свой въ бой, Ты явился народу въ стѣнахъ его древней столицы—и воздухъ восколебался отъ кликовъ и признательности и благословенія. Никогда не срѣталъ Тебя Твой смиренно-мудрый народъ съ такимъ умиленіемъ и благодарностью, какъ именно нынѣ, внявъ бранному Твоему призыву, ибо важно и свято настоящее мгновеніе; и отъ слова Твоего, Царь, совѣсть и честь Россіи вздохнули свободно ибо вѣдаетъ Твой народъ, что мечъ Россіи обнаженъ Тобою, миролюбивѣйшій изъ Царей, не суетной славы ради, а во Имя Христово, за нашихъ многострадальныхъ славянъ—братьевъ, ибо не порабощать и губить устремилъ Ты доблестные полки Свои за Дунай, а насаждать свободу и благоденствіе, призвать единовѣрныя и единокровныя намъ племена къ новой жизни, благоустроенному бытію. Нѣтъ войны праведнѣе сей, и славя Господа, призвавшаго ее на такой чистый и святой подвигъ, святая Русь молитъ Его лишь о томъ: да сподобитъ Онъ ее явиться достойною призванія и свершить его до конца, вопреки кознямъ враговъ и лукавымъ внушеніямъ мнимой мудрости. Ты медлилъ бранью, милосердуя о жертвахъ брани, щадя дорогую Тебѣ русскую кровь. Въ этихъ любовныхъ словахъ Твоихъ видится намъ залогъ грядущихъ успѣховъ: русская кровь не прольется напрасно. Голосъ Москвы—голосъ Россіи: вѣрь же въ свою Россію, Державный Царь, радуйся въ наступившіе часы испытанія подъемомъ ея духа; какъ доспѣхомъ одѣнься ея любовью; въ ея любви и сила и истина, ея любовь творитъ чудеса.»

По принятіи этихъ адресовъ, Его Величество изволилъ произнести: «шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣ-

нахъ, посреди нашего древняго роднаго Кремля, Я выразилъ вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ до нельзя щадить дорогую русскую кровь; но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12-го апрѣля въ Кишеневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую Я предвидѣлъ, для насъ настала, и вся Россія, какъ Я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня Я счастливъ, что могу вмѣстѣ съ Государынею Императрицею благодарить всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, *что ихъ пожертвованія* превзошли Мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ на бой за вѣру, царя и отечество.»

Слова Его Величества были привѣтствованы единодушными, самыми восторженными криками «ура» всѣхъ присутствовавшихъ, продолжавшимися во все время шествія Высочайшихъ особъ по аппартаментамъ дворца.

Вышедъ изъ дворца на Красное крыльцо, Его Величество изволилъ кланяться съ онаго народу, наполнявшему въ несмѣтной массѣ весь Кремль. Появленіе Ихъ Величествъ на Красномъ крыльцѣ было встрѣчено самыми восторженными криками «ура,» непрерывно продолжавшимися во все шествіе Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ въ Успенскій соборъ, Чудовъ монастырь, въ Николаевскій дворецъ и при возвращеніи оттуда, въ экипажахъ, въ Большой Кремлевскій дворецъ. У дверей собора Ихъ Величества были встрѣчены высокопреосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ, съ двумя викаріями и высшимъ духовенствомъ.

Въ 1¼ часа Его Величество, въ сопровожденіи ихъ высочествъ и свиты, изволилъ выѣхать изъ дворца, верхомъ, на Театральную площадь, гдѣ происходилъ парадъ войскамъ 1-й гренадерской дивизіи, Сумскому гусарскому полку, 1-й гренадерской артиллерійской бригадѣ, а также Александровскому и Юнкерскому военнымъ училищамъ. Непрерывныя массы народа, какъ въ Кремлѣ, такъ и по улицамъ, гдѣ Государь изволилъ слѣдовать, и вокругъ Театральной площади, неумолкаемо привѣтствовали Его Величество криками «ура.» Въ 2¼ часа Его Величество изволилъ возвратиться во дворецъ, а въ 3 часа посѣтилъ Николаевскій институтъ. Ея Высочество Государыня Цесаревна въ то же время посѣтила пріютъ малолѣтнихъ. Въ 10 часовъ вечера Ихъ Величества и Ихъ Высочества осчастливили своимъ посѣщеніемъ раутъ у московскаго генералъ-губернатора. Въ тотъ

же день, чрезъ генералъ-губернатора, поднесенъ Его Величеству всеподданнѣйшій адресъ московскимъ университетомъ:

«Всемилостивѣйшій Государь! Въ настоящемъ году Россія готовилась торжествовать столѣтнюю память Александра I-го, имя которому «Благословенный.»

«Возставалъ въ памяти народной тотъ знаменитый годъ, когда послѣ великихъ жертвъ, принесенныхъ Россіей, Царь, избранный Богомъ въ орудіе освобожденія народовъ, возвѣстилъ своему народу объ этомъ избраніи и повелъ его на священный подвигъ. Европа была освобождена; но торжество историческое, торжество воспоминанія—нынѣ предварено торжествомъ настоящаго. Александръ II, которому Имя «Освободитель,» возвѣстилъ своему народу Свою святую мыслю освободить единовѣрные и единоплеменные народы отъ ихъ тяжкой доли. Слово Царя на доброй русской землѣ *всходитъ* дѣломъ народнымъ. Ликуетъ русскій народъ, услыхавъ отъ Своего Царя свое призваніе—и люди науки не могутъ безмолвствовать, не могутъ не заявить, во имя науки, что такими словами ихъ Царей живутъ и крѣпнутъ народы. Да осуществитъ Богъ для счастья Россіи все то добро, какимъ исполнено сердце Вашего Императорскаго Величества. Государь!—вѣра народа въ сокровище Вашего сердца безпредѣльна и въ этой вѣрѣ сила неодолимая.»

Въ 12-ть часовъ дня 24 апрѣля, Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества отправились со станціи Ярославской желѣзной дороги въ Троицко-Сергіевскую лавру, а по возвращеніи обратно въ Москву,—прямо на станцію Николаевской желѣзной дороги и въ 6½ часовъ по полудни, напутствуемые единодушными общими криками «ура» несмѣтной толпы народа, изволили выѣхать въ Петербургъ.

«Сего дня Государь возвратился въ свою столицу,» писали потомъ изъ Петербурга. «Тысячи народу встрѣчали его на пути восторженными криками. То былъ крикъ сердца, вырывавшійся на встрѣчу Вождя русскаго народа, на встрѣчу русскаго Царя. Еще задолго до начала устроенной въ этотъ день по случаю возвращенія Государя Императора иллюминаціи, главныя улицы нашей столицы, разукрашенныя флагами, начали переполняться публикою. Около хоровъ военной музыки, игравшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Невскаго просп., постоянно собирались толпы народа, среди которыхъ отъ времени до времени, при исполненіи музыкою гимна «Боже Царя храни,» раздавались крики «ура» и аплодисменты, какъ будто бы говорившіе, что вся эта масса проникнута одною общею мыслію: пожеланія благоденствія любимому Государю. Съ начала иллюминаціи въ окнахъ нѣкоторыхъ домовъ появились бюсты Государя Императора и главнокомандующаго дѣйствующею арміею, освѣщавшіеся, отъ времени до времени, бенгальскими огнями. На балконѣ одного изъ домовъ

Большой Морской нѣсколькими дѣвицами, по видимому, воспитанницами какого либо учебнаго заведенія были исполнены нѣсколько разъ гимны «Боже Царя Храни» и «Царствуй на славу,» вызвавшіе въ собравшейся передъ домомъ публикѣ необыкновенный восторгъ. Въ особенности красивый видъ представляла иллюминація съ набережной, откуда открывался видъ на биржу и нѣкоторыя весьма красиво иллюминованныя частныя зданія. По остановкѣ поѣзда противъ царскихъ покоевъ, Государь Императоръ въ формѣ л.-гв. Преображенскаго полка изволилъ выдти изъ вагона, и, принявъ рапортъ отъ временно-командующаго войсками, направился къ офицерамъ стоявшимъ на платформѣ. Его Величество изволилъ обратиться къ собравшимся съ милостивыми словами, при чемъ упомянулъ, что Его Императорское Высочество главнокомандующій кланяется гвардіи и сожалѣетъ, что ея нѣтъ съ нимъ, но что Его Величество надѣется, если гвардіи придется также принять участіе въ походѣ, то она поддержитъ славу русской арміи. Затѣмъ, Его Величество изволилъ прибавить, что великій князь главнокомандующій уже находился въ огнѣ у Браилова, гдѣ три турецкіе броненосца обстрѣливали городъ, не причинивъ, впрочемъ, никакого вреда; наша артиллерія молодецки отвѣчала непріятелю. Послѣ того, Его Величество изволилъ высказать, что войска дѣйствующей арміи представились ему въ самомъ блестящемъ состояніи, не смотря на дурныя дороги и ненастную погоду. Близъ дворца коляска Государя была окружена воспитанниками военно-учебныхъ заведеній, размѣщенными у самаго подъѣзда. Громкіе крики «ура» продолжались еще долго послѣ входа Его Величества въ дворецъ.

Кто не понимаетъ борьбы, происходившей въ душѣ Того, Кто однимъ своимъ словомъ могъ рѣшить миръ или войну? Борьба эта была долгая и мучительная. Народъ, только что освобожденный, еще не совсѣмъ окрѣпъ въ своихъ силахъ; онъ несетъ еще много тяготы на своихъ плечахъ и нуждается въ мирномъ развитіи, но народъ этотъ всегда умѣлъ быть великимъ народомъ, всегда находилъ въ себѣ силу забыть свои тяготы и горе и стать, какъ одинъ человѣкъ, на защиту своей народной чести, своего историческаго призванія, и этотъ народъ привѣтствовалъ своего Царя, какъ выразителя великой идеи освобожденія, какъ поборника русской чести и славы.

Исторія во второй разъ выдвигаетъ Его на сцену міра въ трудныя, тяжелыя времена. Когда кровь лилась потокомъ, вся Европа, во главѣ съ проходимцемъ и предателемъ своего народа и въ хвостѣ съ этою самой Турціей, представительницею антихристіанскаго элемента, громила нашу родину. Стонъ стоялъ надъ русской землей, поражаемой грознымъ врагомъ, который явился къ намъ во всеоружіи своей цивилизаціи; бѣдны мы были ею, народъ рвался изъ крѣпостныхъ *путъ*, «черная неправда,»

по выраженію поэта, подъѣдала наши силы; но мы были богаты мужествомъ; мы костьми своими воздвигали твердыни и умирали за ними, посылая благословенія несчастной родинѣ. Въ это время Богу угодно было поставить во главѣ терзаемой, истекающей кровью Руси того Царя, котораго такъ горячо, такъ искренно привѣтствовалъ сегодня преданный Ему народъ. Не ликованія ожидали Его тогда, а тяжелый трудъ, глубокія разочарованія. Полное страшныхъ испытаній, прошло начало Его царствованія и полно надеждъ, полно высокихъ жертвъ и великихъ замысловъ.

Почти четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ. Русь обновилась, окрѣпла, наполнила своимъ именемъ и именемъ своего Преобразователя цѣлый міръ, пути исторіи—пути Провидѣнія. Только что отдохнувшій народъ призванъ снова стать за дѣло своихъ братьевъ; но онъ теперь становится сознательно и бодро вооруженный всѣмъ тѣмъ, что вдохнули въ него, чѣмъ укрѣпили его эти долгіе годы реформъ, этотъ реформатическій духъ, которымъ только сильна жизнь всякаго государства. Чѣмъ больше его, чѣмъ свободнѣе жизнь и трудъ, тѣмъ крѣпче надежда и вѣра, тѣмъ вѣрнѣе побѣда.

И мы вѣровали въ нее непоколебимо и вѣровалъ въ нее весь народъ, этотъ бѣднякъ, столько разъ являвшійся исполиномъ, столько разъ доказавшій богатство своей природы и мощныя, созидательныя силы своего духа. Мы знаемъ, что мы бѣдны. Но сила наша въ величіи идеи, сила наша въ томъ, что мы знаемъ, что будемъ бѣдны до тѣхъ поръ, пока не закончимъ великимъ подвигомъ освобожденія своего приготовительнаго періода развитія, пока не пріобрѣтемъ того, что должно намъ принадлежать, пока не возвратимъ того, что у насъ отнято врагами, пока не дадимъ «даръ святой свободы, мысли жизнь и жизни миръ» нашимъ порабощеннымъ братьямъ. Національная идея должна совершить свое торжество, должна призвать безправныхъ къ жизни, должна сдѣлать самостоятельнымъ и сильнымъ, сильнымъ духовно и матеріально, тотъ востокъ, гдѣ Русь является передовымъ бойцомъ за лучшія идеи просвѣщенія. Наше поколѣніе должно работать для будущаго, должно выносить на своихъ плечахъ весь трудъ, все бремя тѣхъ задачъ, которыя выпали намъ. Мы должны преклониться передъ закономъ исторіи безропотно, ясно сознавая, что жизнь народа не заключается въ одномъ удовлетвореніи насущныхъ потребностей, что не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ. Это слово Христа какъ нельзя больше идетъ къ настоящему нашему положенію, потому что въ этомъ словѣ заключены великія идеи, двигающія міромъ. Будемъ жить этими идеями, будемъ единодушны, станемъ исполнять честно тотъ долгъ, который лежитъ на каждомъ изъ насъ; будемъ стремиться всѣми силами къ той цѣли, которая указана намъ

исторіей. Благословенія родины, признательность потомства и освобожденныхъ народовъ—это-ли не награда?

И пусть будутъ прокляты всѣ тѣ, которые воспользуются этимъ тяжелымъ временемъ для набиванія своего кармана, для воровства изъ казеннаго сундука, для эксплуатаціи народа; пусть безпощадно судитъ ихъ человѣческій судъ и пусть ляжетъ на нихъ народная анаѳема, какъ на измѣнниковъ своей родины, какъ на предателей и кровопійцъ; пусть въ наши сердца не закрадывается жалость къ такимъ людямъ и пусть зорко слѣдитъ за ними все то, что честно, правдиво, безкорыстно, все то, что проникнуто величіемъ и трудностью настоящей годины и несетъ великодушно на алтарь родины, чести и славы свою жизнь, свое достояніе, свои послѣдніе гроши.

Не съ чувствомъ алчности подходите къ этимъ жертвамъ, а съ чувствомъ вѣрующаго, который прикасается къ народной святынѣ.

Вѣра въ свои силы и свое призваніе, единодушіе, готовность на всѣ жертвы, безпредѣльная любовь къ родинѣ, — вотъ тѣ знаменія, которыми долженъ побѣдить Русскій Царь, ведущій свой народъ побѣдить этотъ изжившій, разлагающійся міръ, покоющійся на непосильномъ трудѣ и рабствѣ балканскихъ народовъ. И развѣ борьба за свободу угнетенныхъ народовъ, за право жить, за правое дѣло можетъ кончиться иначе, какъ побѣдою, какъ возрожденіемъ?»...

Кто же былъ за насъ и противъ насъ въ минувшей войнѣ съ Турціей? Вопросъ этотъ имѣлъ для Россіи громадное значеніе. Едва ли когда нибудь позабудетъ русской народъ своихъ друзей и недруговъ, пережитыхъ въ такой великій моментъ своей исторіи. Отвѣтъ на этотъ вопросъ не сложный. Германія была за насъ, Австія только *офиціально* за насъ, Италія и Франція оставались нейтральны, остальныя державы не принимаются въ разсчетъ. Затѣмъ остается Англія. Англія..... но, вотъ какъ она высказывалась о своихъ отношеніяхъ къ Россіи устами своего премьера.

Отвѣтная депеша лорда Дерби на послѣднюю депешу кн. Горчакова.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, 1-го мая 1877 года.

«Милордъ, я сообщилъ вашему превосходительству въ своей депешѣ, за № 147 отъ 24 апрѣля, копію съ циркулярной депеши князя Горчакова отъ 7-го (19) апрѣля, объявляющей, что Императоръ Всероссійскій повелѣлъ своимъ войскамъ перейдти границу Турціи. Правительство ея величества встрѣтило это сообщеніе съ глубочайшимъ сожалѣніемъ; оно не можетъ считать декларацію и заключенія, которыми сопровождаетъ князь Горчаковъ свою ноту,—за оправданіе принятаго рѣшенія.

Протоколъ, въ которомъ правительство ея величества недавно принимало участіе, по настоятельной просьбѣ Россіи, не тре-

бовалъ отъ султана никакой новой гарантіи для преобразованія его администраціи. Въ виду того, чтобы дать Россіи возможность воздержаться отъ изолированнаго дѣйствія, въ протоколѣ подтверждалось общее участіе, принимаемое державами въ судьбѣ христіанскаго населенія Турціи. Затѣмъ въ немъ было заявлено, что державы будутъ тщательно наблюдать за способомъ выполненій обѣщаній оттоманскаго правительства, и если надежда ихъ еще разъ будетъ обманута, то онѣ оставятъ за собой право сообща пріискать средства, которыя сочтутъ наиболѣе подходящими для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и интересовъ общаго мира.

Согласія Порты на эту декларацію намѣреній державъ не было ни спрошено, ни потребовано. *Вѣроятно* Порта сочла нужнымъ, къ несчастію согласно мнѣнію правительства ея величества, протестовать противъ этихъ заявленій, какъ нарушающихъ верховную власть и независимость султана. Но дѣйствуя такимъ образомъ и объявивъ, что она не можетъ считать протоколъ имѣющимъ обязательный характеръ для Турціи, турецкое правительство снова подтвердило свое намѣреніе привести въ исполненіе уже обѣщанныя реформы.

На этомъ основаніи, правительство ея величества не можетъ допустить, что отвѣтъ Порты, какъ утверждаетъ князь Горчаковъ, уничтожилъ всѣ надежды на то, что она приметъ во вниманіе желанія и совѣты Европы и предоставитъ гарантіи относительно примѣненія требуемыхъ реформъ. Правительство также не раздѣляетъ мнѣнія, что выраженія ноты безусловно исключаютъ возможность заключенія мира съ Черногоріей или соглашенія относительно взаимнаго разоруженія. Правительсто ея величества полагаетъ напротивъ, что при помощи терпѣнія и умѣренности съ обѣихъ сторонъ, цѣли эти могли бы быть достигнуты.

Однако князь Горчаковъ утверждаетъ, что путь ко всѣмъ примирительнымъ попыткамъ закрытъ, что Императоръ рѣшился предпринять задачу достигнуть принудительными мѣрами того, чего не могли добиться отъ Порты соединенныя старанія державъ и при этомъ выражаетъ увѣренность Его Императорскаго Величества въ томъ, что мѣра эта согласуется съ чувствами и интересами Европы.

Нельзя ожидать, чтобы правительство Ея Величества согласилось съ этими взглядами. Оно не скрывало своего убѣжденія, что присутствіе значительныхъ русскихъ войскъ на границахъ Турціи, угрожая ея безопасности, дѣлая разоруженіе невозможнымъ и возбуждая чувство подозрительности и фанатизма среди мусульманскаго населенія, составляетъ главное матеріальное препятствіе внутреннему умиротворенію и осуществленію реформъ. Правительство не можетъ допустить, что вступленіе русскихъ войскъ на турецкую территорію сколько нибудь уменьшитъ су-

ществующія затрудненія или улучшить положеніе христіанскаго населенія во владѣніяхъ султана.

Но образъ дѣйствія, принятый русскимъ правительствомъ, возбуждаетъ соображенія еще болѣе важныя и серьезныя. Оно находится въ противорѣчіи съ постановленіями парижскаго трактата 30-го марта 1856 года, въ силу котораго Россія и другія державы, подписавшія трактатъ, обязались каждая съ своей стороны уважать территоріальную цѣлость и независимость Оттоманской имперіи. На конференціи въ Лондонѣ въ 1871 году, на которой вышеупомянутое постановленіе было снова подтверждено, русскій уполномоченный подписалъ декларацію, гласящую: «что существенный принципъ международнаго закона состоитъ въ томъ, что ни одна держава не имѣетъ права сама по себѣ избавиться отъ обязательствъ трактата, и можетъ измѣнять его постановленія не иначе, какъ съ согласія договаривающихся сторонъ при помощи полюбовнаго соглашенія.»

Предпринимая самостоятельное дѣйствіе противъ Турціи и прибѣгая къ оружію, не посовѣтовавшись съ своими союзниками, Императоръ Всероссійскій отдѣлился отъ европейскаго союза, сохраняемаго до сихъ поръ, и въ то же время отступилъ отъ правила, которому далъ свое торжественное подтвержденіе. Невозможно предвидѣть послѣдствій подобнаго дѣйствія.

Правительство Ея Величества охотно воздержалось бы отъ всякаго замѣчанія на этотъ счетъ; но такъ какъ князь Горчаковъ утверждаетъ въ декларацiи, обращенной ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ, что Россія дѣйствуетъ въ интересахъ Великобританіи и другихъ державъ, то оно считаетъ своимъ долгомъ констатировать такъ же открыто и формально, что это рѣшеніе русскаго правителтства не изъ такихъ, которыя могли-бы снискать содѣйствіе или одобреніе правительства ея величества.»

Подписано: Дерби.

Наша пресса совершенно справедливо разсуждала когда-то, что нѣтъ ничего легче, какъ отвѣчать съ формальной стороны, взявъ за точку отправленія слишкомъ знаменитый трактатъ 30-го марта 1856 года. Трактатъ этотъ составленъ спеціально для того, чтобы выказать недовѣріе къ Россіи и примѣнить къ Турціи экономическій принципъ—laisser passer, который по-русски можетъ быть переведенъ въ этомъ случаѣ словами: пусть дѣлаетъ что хочетъ. Статья 9 я этого трактата, написанная съ необыкновеннымъ дипломатическимъ искусствомъ, давала полный просторъ Турціи и связывала руки Россіи. Напоминаемъ эту статью:

«*Ст. 9. Е. И. В. Султанъ, въ постоянномъ попеченіи о благѣ своихъ подданныхъ*, даровалъ фирманъ, коимъ улучшается участь ихъ безъ различія по вѣроисповѣданіямъ или племенамъ, и утверждаются великодушныя намѣренія его касательно христіанскаго народонаселенія его имперіи и, желая дать новое до-

казательство въ семъ отношеніи чувствъ, *рѣшился сообщить* договаривающимся державамъ означенный, изданный по собственному его побужденію, фирманъ.

«Договаривающіяся державы признаютъ высокую важность сего сообщенія, разумѣя при томъ, *что оно ни въ какомъ случаѣ не дастъ симъ державамъ права вмѣшиваться*, совокупно или или отдѣльно, въ отношенія е. в. султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе имперіи его.»

Статью эту легко толковать такъ: султанъ даровалъ фирманъ, которымъ *улучшилъ* быть христіанскихъ своихъ подданныхъ и сообщилъ объ этомъ державамъ; державы, съ своей стороны, обязались за этотъ клочекъ бумаги оставить Турцію въ покоѣ и не вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. Такъ объяснитъ эту статью всякій читатель; а если прибавитъ къ этому, что, во 1-хъ, фирманъ, о которомъ упоминаетъ статья 9-я, не существовалъ въ то время, когда трактатъ былъ подписанъ, и что, во 2-хъ, султанъ издалъ его впослѣдствіи не по собственному побужденію, а по побужденію державъ, и составленъ онъ былъ смѣшанною коммисіей изъ европейскихъ пословъ и турецкихъ министровъ, то выходитъ, что вся эта статья есть не что иное, какъ сцѣпленіе всяческой лжи, и занесена въ трактатъ не съ тѣмъ, чтобы побуждать Турцію къ исполненію своихъ обязанностей по отношенію къ христіанамъ, а съ тѣмъ, чтобъ помѣшать Россіи, формальнымъ актомъ, возвысить свой голосъ въ пользу христіанъ. Европа проливала кровь своихъ сыновъ единственно съ тою цѣлью, чтобы спасти Турцію и дать ей возможность душить христіанъ, сколько она хочетъ.

Турція такъ и поняла это. Лордъ Дерби подтверждаетъ это торжественно своимъ отвѣтомъ на депешу нашего канцлера.

Ворчливый тонъ этого отвѣта таковъ, точно Англіи нанесено тяжелое оскорбленіе. Строго и внушительно благородный лордъ напоминалъ о лживомъ и антигуманномъ трактатѣ 1856 года, поставившемъ Турцію на плечи Европы, какъ статую мудрости, благоразумія и великодушія. Но вѣдь и не такіе нелѣпые трактаты разрываются, какъ пришедшіе въ ветхость, какъ мѣшающіе развитію большинства народонаселенія. Парижскій трактатъ— чисто аристократическое произведеніе, созданное для господства аристократіи Турціи, османлисовъ надъ демократіей, христіанами. Международные трактаты такого свойства, независимо отъ всякихъ другихъ причинъ, должны подвергаться такому-же измѣненію и отмѣнѣ, какъ законы, управляющіе жизнью какой нибудь страны: сегодня они терпимы, завтра они потеряли свой raison d'être.

Только эгоизмъ и личная выгода могутъ ихъ поддерживать, но жизнь народа отрицаетъ ихъ. Парижскій трактатъ былъ навязанъ Россіи. Россія имѣла полное право сбросить его. На-

стоящее поколѣніе Россіи приняло его съ болью въ сердцѣ; оно очень хорошо понимало не только унизительное его для Россіи значеніе, но и всю фальшь, всю его ложь. Оно видѣло всю эту недостойную комедію, которая разыгрывалась на нотахъ этаго трактата и рѣшилась перейти къ трагедіи, какъ болѣе достойному образу дѣйствія. Лордъ Дерби этого не ожидалъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что сентъ-джемскій кабинетъ рисовалъ себѣ состояніе Россіи и русской арміи совершенно въ иномъ видѣ. Онъ получалъ странныя донесенія отъ своихъ агентовъ, которые шатались по петербурскимъ гостиннымъ и ресторанамъ и собирали тамъ слухи и вѣсти. По этимъ свѣденіямъ, Россія не имѣла войска, не имѣла артиллеріи и, кромѣ того, находилась наканунѣ революціи. Разочарованіе полное постигло сентъ-джемскій кабинетъ, и вотъ это разочарованіе нашло себѣ исходъ въ этой нотѣ.

Разсматривать за тѣмъ подробно всю русско-турецкую компанію намъ не позволяетъ предположенный объемъ настоящей книги, а потому мы ограничиваемся только перечнемъ главныхъ событій войны, изъ котораго однако можно видѣть успѣхи русскаго оружія.—Отъ береговъ Дуная, наша армія, послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ на турками, исполински перешагнула Балканы, и подъ стѣнами самаго Константинополя (въ Санъ-Стефано) заставила турокъ подписать миръ, по которому признана была наконецъ Турціей независимость: Румыніи, Сербіи, и, что всего важнѣе—гарантирована свобода Болгарскому народу. Кромѣ того, къ Черногоріи присоединена часть турецкой территоріи, а также и къ Россіи (Бессарабія) а, сверхъ того, Турція приняла на себя всѣ военныя издержки побѣдителей.

Вѣчная слава нашему Императору Александру II! Да хранитъ намъ Его Провидѣніе, какъ залогъ счастія и величія Россіи!

ПЕРЕЧЕНЬ СОБЫТІЙ

за 1876 и 1878 годъ.

18-го Октября 1876 года. Государь Императоръ повелѣлъ посланнику при Оттоманской Портѣ, генералу Игнатьеву, объявить турецкому правительству, что если шестинедѣльное перемиріе съ Сербіей и Черногоріей не будетъ принято, то Русское посольство выѣдетъ изъ Константинополя.

29-го Октября 1876 года, Государь Императоръ въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго дворца изволилъ произнесть къ представителямъ г. Москвы *извѣстныя знаменательныя слова.*

1-го Ноября 1876 года, Государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, увѣдомилъ циркуляромъ иностранныя державы о мобилизаціи части Русской арміи въ виду тревожныхъ событій на Балканскомъ полуостровѣ.

19-го Марта 1877 года, Его Императорское Весочество, главнокомандующій южною арміею, Николай Николаевичъ Старшій прибылъ въ г. Кишиневъ къ войскамъ.

19-го Марта 1877 года, подписанъ въ Лондонѣ роковой для Турціи протоколъ представителями 6—великихъ державъ.

6-го Апрѣля 1877 года, былъ предложенъ Портѣ проэктъ соглашенія.

8-го Апрѣля 1877 года, Его Величество выѣхалъ изъ Петербурга въ Кишиневъ.

10-го Апрѣля 1877 года, въ Константинополь прибыла Русская паровая яхта «Аргонавтъ» съ важными инструкціями для нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, г. Нелидова.

11-го Апрѣля 1877 года, Государь Императоръ прибылъ въ Кишиневъ.

12-го Апрѣля 1877 года, въ Кишиневѣ былъ объявленъ войскамъ, въ присутствіи Государя Императора, Высочайшій *Манифестъ о войнѣ съ Турціей.*

12-го Апрѣля 1877 года. Г. Нелидовъ предъявилъ полученное имъ Высочайшее повелѣніе Савфету-пашѣ о разрывѣ съ Турціею и выѣхалъ изъ Константинополя.

20-го Апрѣля 1877 года, Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Кишинева въ С.-Петербургъ.

22-го Апрѣля 1877 года, Государь изволилъ прибыть въ Москву.

23-го Апрѣля 1877 года, Императоръ изволилъ принять въ Кремлевскомъ дворцѣ всеподданнѣйшіе адресы отъ всѣхъ сословій Москвы и лично объявить депутатамъ поднесшимъ адресы—о подписаніи Манифеста о войнѣ съ Турціей.

11-го Мая 1877 года, былъ взорванъ русскими артиллеристами первый турецкій мониторъ «Лютфи-Джелилъ.»

Съ 13-го на 14-е Мая 1877 года, лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ совершили отважную экспедицію по Дунаю и взорвали миной турецкій броненосецъ.

11-го Мая 1877 года, пароходъ «Вѣста» вступилъ въ страшный, неравный бой съ громаднымъ турецкимъ броненосцемъ въ открытомъ морѣ и выигралъ сраженіе.

25-го Мая 1877 года, Государь Императоръ изволилъ прибыть въ г. Браиловъ и *26-го* въ Плоешты.

10-го Іюня 1877 года, взята русскими войсками турецкая крѣпость Мачинъ.

15-го Іюня 1877 года, совершилась знаменитая переправа нашихъ войскъ чрезъ Дунай у Зимницы.

Въ тотъ же день (15-го Іюня), войска торжественно вошли въ непріятельскій городъ Систовъ.

16-го Іюня 1877 года, Государь изволилъ переправиться черезъ Дунай на завоеванный непріятельскій берегъ и посѣтить Систовъ.

25 Іюня 1877 года, генералъ Гурко взялъ столицу Болгаріи Тырново.

1-го Іюля 1877 года, въ 5 часовъ вечера генералъ Раухъ ввелъ свой передовой отрядъ войскъ на главную вершину Балканскихъ горъ.

2-го Іюля 1877 года, генералъ Гурко занялъ д. Ханкіой.

4-го Іюля 1877 года, была занята д. Уфлани послѣ жестокаго боя.

5-го Іюля 1877 года, генералъ Гурко взялъ Казанлыкъ и часть его войскъ заняла д. Шипку.

7-го Іюля 1877 года, генералъ Скобелевъ 2-й занялъ знаменитый Шипкинскій перевалъ.

17-го Іюля 1877 года, взята съ бою Іени-Загра.

18-го Іюля 1877 года, происходило славное дѣло подъ Джуранли.

19-го Іюля 1877 года, турки были прогнаны изъ Эски-Загры.

23-го Іюня 1877 года, Рущукскій отрядъ занялъ г. Бѣлу.

5-го Іюля 1877 года, турки были разбиты при д. Хайдаркіой на Кара-Ломѣ.

9-го Іюля 1877 года, происходило дѣло у д. Кадыкіой.

10-го Іюля 1877 года, войсками Цесаревича было сдѣлано наступленіе къ кр. Рущуку.

11-го Іюля 1877 года, произошла стычка войскъ Рущукскаго отряда съ турками у д. Писанцы.

13-го Іюля 1877 года, взята д. Езержи.

23 и 24 го Августа 1877 года, былъ бой у Кацелева и Абловы.

9-го Сентября 1877 года, произошло сраженіе у д. Чаркіоя и Церковны.

12-го Октября 1877 года, было дѣло на Кара-Ломѣ у Кадыкіоя.

30-го Ноября 1877 года, былъ отважный бой при Мечкѣ.

13-го Іюля 1877 года, генералъ Криденеръ взялъ городъ Никополь.

8-го Іюля 1877 года, произошла первая битва подъ знаменитой Плевной.

18-го Іюля 1877 года, *былъ повторенъ штурмъ Плевны.*

Съ 9-го Августа 1877 года, началась незабвенная, храбрая защита русскими войсками Шипкинскаго перевала на Балканахъ, во время которой былъ убитъ генералъ Дерожинскій.

19-го Августа 1877 года, произошла битва подъ Пелишатомъ, гдѣ Русскіе войска остались побѣдителями.

26-го Августа 1877 года, генералъ Скобелевъ 2-й далъ сраженіе туркамъ при Гривицѣ, близь Плевны.

12-го Октября 1877 года, генералъ Гурко взялъ Горный Дубнякъ и Телишъ.

28-го Октября 1877 года, былъ совершенъ лихой кавалерійскій набѣгъ войскъ г. Гурко на гор. Врацу.

28-го Октября 1877 года, начался знаменитый восьмидневный бой на Зеленыхъ горахъ генерала Скобелева 2-го, которые и были взяты.

20-го Октября 1877 года, былъ занятъ г. Гурко Дольный Дубнякъ.

13-го Ноября 1877 года, Русскія войска вступили въ г. Этрополь послѣ жестокаго боя.

28-го Ноября 1877 года, взята штурмомъ Плевна и плѣненъ турецкій главнокомандующій Османъ-паша.

Съ 19 го Декабря 1877 года, начался второй переходъ черезъ Балканы.

23-го Декабря 1877 года, генералъ Раухъ ввелъ войска въ Софію.

2-го Января 1878 года, былъ занятъ Филипополь.

18-го Января 1878 года, взятъ Адріанополь.

19-го Января 1878 года, было подписано перемиріе съ Турціей въ Казанлыкѣ.

19-го Февраля 1878 года, т. е. въ день восшествія на престолъ Всероссійскій нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра II-го былъ подписанъ миръ съ Турціей.

6-го Ноября 1877 года, взятъ штурмомъ Карсъ.

5-го Февраля 1878 года турки начали очищать Эрзерумъ.

10-го Февраля 1878 года, занятъ окончательно русскими Эрзерумъ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Науки, искуства и литература начинаютъ появляться въ Россіи только съ введеніемъ христіанства, и первыми распространителями просвѣщенія были монахи, которые въ тишинѣ монастырскихъ келій записывали событія, совершающіяся на ихъ глазахъ или слышанныя ими отъ другихъ; такимъ образомъ составились лѣтописи. Изъ лѣтописцевъ въ особенности замѣчателенъ Несторъ, жившій въ VII вѣкѣ, въ княженіе Святополка—Михаила. Къ этому же вѣку относится такъ называемое слово о полку Игоревѣ,—поэтитическое сказаніе о походѣ Игоря, князя Сѣверскаго, въ Половецкую землю; авторъ этой рукописи, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ.

Монахи занимались также и астрономическими наблюденіями, замѣчая солнечныя и лунныя затмѣнія а также и явленія кометъ. Путешествуя по святымъ мѣстамъ, они пріобрѣтали географическія свѣдѣнія; нѣкоторые изъ нихъ съ успѣхомъ занимались лѣченіемъ болѣзней, изучая для этого свойства полезныхъ травъ.

Князья, начиная съ Ярослава Мудраго, строили училища и собирали рукописи. Митрополиты и епископы сочиняли проповѣди. Вообще же литтература древняго времени была большею частію духовнаго и назидательнаго содержанія. Слово о полку Игоревѣ представляетъ исключеніе.

Искусства, какъ и науки, перешли къ намъ изъ Греціи. До Андрея Боголюбскаго князья, строя церкви, призывали архитекторовъ и художниковъ изъ Греціи, отъ которыхъ и русскіе переняли искусство. Такъ, въ 1194 году, епископъ Іоаннъ возобновилъ храмъ Богоматери съ помощію однихъ лишь русскихъ мастеровъ.

Къ несчастію, междоусобія русскихъ князей, а затѣмъ продолжительное владычество татаръ надолго задержали развитіе русскаго народа.

Съ уничтоженіемъ татарскаго ига и образованіемъ Московскаго государства начались сношенія съ западною Европою. Вліяніе Греціи уже давно прекратилось, такъ какъ само государство это было завоевано турками. Врачи, архитекторы, художники прибывали въ Россію ужъ не изъ Греціи, а изъ Германіи, Италіи и вообще изъ западной Европы.

При Іоаннѣ Грозномъ въ Москвѣ была учреждена первая въ Россіи типографія, но печатались только однѣ духовныя книги. Для образованія духовенства при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ была основана Славяно-Греко-Латинская Академія, но свѣтскихъ училищъ еще не было. Бояре и знатные люди выучивались кое-какъ грамотѣ у священниковъ, простой же народъ оставался въ полномъ невѣжествѣ. Да и сами бояре учились лишь для того, чтобъ разбирать священныя

книги. Науки же они не только презирали, но даже изученіе ихъ почитали грѣхомъ.—Художество, въ это время, стояло также на низкой степени развитія; такъ напримѣръ живопись существовала только иконописная и русскіе не терпѣли живописи другога рода, считая ее также, какъ и науки, порожденіемъ дьявола. Несчастія, которыя претерпѣли русскіе отъ Монгольскаго ига и затѣмъ смутнаго времени заставили ихъ обратиться къ религіозности.

Но вотъ явился Петръ и дѣло приняло другой оборотъ. Великій государь, ведя дружбу съ иностранцами, съумѣлъ оцѣнить западную науку. Преобразовывая государство, онъ главнымъ образомъ обратилъ свое вниманіе на просвѣщеніе Россіи. Энергія его на этомъ пути дѣйствительно замѣчательна.

Возвратясь изъ-за границы, онъ открылъ въ Москвѣ математическую или навигаціонную школу; въ Петербургѣ была основана морская академія; въ провинціяхъ были учреждены такъ называемыя цифирныя школы, въ которыхъ, точно также какъ и въ другихъ, обучались дѣти дворянъ и чиновниковъ. Чтобы принудить родителей отдавать дѣтей въ эти училища, Петръ принялъ довольно строгія мѣры,—а именно: тѣмъ, которые не получили изъ школъ свидѣтельствъ, воспрещено было вступать въ бракъ. Для обученія солдатскихъ дѣтей было имъ учреждено 56 школъ.

Петръ также заботился и объ образованіи духовенства. Съ этой цѣлью онъ повелѣлъ, чтобъ каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу, въ которой приготовлялись бы будущіе священники. Наконецъ, множество молодыхъ людей было отправлено имъ за границу для обученія наукамъ и ремесламъ.

Кромѣ того Петръ призывалъ въ Россію иностранныхъ учителей, мастеровъ, художниковъ, архитекторовъ, изъ которыхъ замѣчательны Растрелли и Леблонъ,—вообще людей различныхъ спеціальностей. При этомъ Петръ всегда заключалъ съ ними условіе, чтобы они научили русскихъ своему искусству.

Петръ самъ изобрѣлъ нынѣшнюю, такъ называемую, гражданскую азбуку. Первая книга, напечатанная этими буквами, вышла въ 1713 году. Въ ней разсказывается о побѣдахъ Петра.—При немъ появилась также первая русская газета С.-Петербургскія вѣдомости. Заводя первоначальныя школы, Петръ думалъ также и объ ученомъ образованіи, полагая учредить Академію наукъ, но смерть не дала осуществиться его желанію.

Петръ хотя и не дождался плодовъ своего труда по дѣлу просвѣщенія Россіи, но потомство, благодаря ему, имѣло уже людей образованныхъ и полезныхъ отечеству.

Екатерина I исполнила желаніе Петра. При ней была основана Академія наукъ, главная цѣль которой заключалась: въ приготовленіи хорошихъ учителей, изданіи учебныхъ руководствъ для школъ и самое главное изслѣдованіи учебныхъ истинъ по главнѣйшимъ отраслямъ знанія.—Планъ этотъ былъ начертанъ Великимъ Петромъ. При Екатеринѣ была послана ученая экспедиція подъ начальствомъ капитана Беринга для изслѣдованія вопроса о соединеніи Америки съ Азіей.

Но просвѣщеніе Россіи особенно быстро подвинулось впередъ въ царствованіе Елизаветы, благодаря энергіи и заботливости замѣча-

тельнаго сподвижника ея Ивана Ивановича Шувалова, который былъ истиннымъ покровителемъ наукъ и искусствъ. Московскій Университетъ и Академія художествъ обязаны ему своимъ образованіемъ. Для успѣшнаго развитія просвѣщенія Шуваловъ полагалъ учредить въ большихъ городахъ гимназіи, а въ малыхъ школы, въ Москвѣ же Университетъ. Но этотъ обширный планъ не могъ быть исполненъ въ то время, но и то, что было сдѣлано, сильно подвинуло Россію по пути къ развитію.

Московскій Университетъ былъ открытъ въ 1755 г.; при немъ были учреждены двѣ гимназіи,—одна для дворянъ, другая для всѣхъ сословій. Третья гимназія была открыта въ Казани. Въ 1757 году вышелъ указъ объ открытіи Академіи художествъ.

Въ царствованіе Елизаветы былъ открытъ первый постоянный русскій театръ, основателемъ котораго былъ Ярославскій купеческій сынъ Волковъ, который вначалѣ давалъ представленія въ Ярославлѣ, а потомъ, когда слухъ о его театрѣ дошелъ до императрицы, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ со всею своей труппой, изъ которой и образовался первый русскій театръ. Первымъ директоромъ его былъ извѣстный драматитеческій писатель Сумароковъ.

При Елизаветѣ же появился и первый русскій ученый—Ломоносовъ. Шуваловъ, учреждая Университетъ, пользовался его совѣтами и всегда покровительствовалъ ему.

Екатерина II много сдѣлала для образованія русскаго народа. Она первая сознала, какъ необходимо умственное развитіе для женщинъ основавъ Смольный Институтъ. Число учебныхъ заведеній при Екатеринѣ значительно увеличилось: въ Петербургѣ были основаны Артиллерійскій и Инженерный корпуса, Горный и Сухопутныйкорпуса.

Главнымъ помощникомъ Екатерины въ этомъ дѣлѣ былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій. По его плану были учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ Воспитательные дома. Въ 1782 году была составлена коммиссія по учрежденію народныхъ училищъ. Положено было открыть училища во всѣхъ городахъ и даже въ селеніяхъ, но послѣднее было въ то время конечно не осуществимо и исполнилось лишь въ правленіе нынѣ благополучно царствующаго государя императора Александра II, царя—освободителя.

При Великой Екатеринѣ, которая не только покровительствовала литтературѣ, но и сама занималась ею, появились многія періодическія изданія, въ которыхъ сама императрица помѣщала иногда статьи, образовались ученыя общества, такъ, напримѣръ, извѣстный Новиковъ, который издавалъ нѣсколько журналовъ, основалъ «Дружеское ученое общество.

Изъ писателей Екатерининскаго времени въ особенности замѣчателенъ поэтъ Державинъ и драматическій писатель Фонъ-Визинъ, комедіи котораго «Бригадиръ и Недоросль» еще до сихъ поръ не утратили своего интереса.

Въ 1783 году Екатерина основала Россійскую Академію, президентомъ которой была княгиня Дашкова.

Изъ ученыхъ въ царствованіе Екатерины Великой особенно прославился Шлецеръ, который первый критически разработалъ лѣто-

пись Нестора. Княземъ Щербатовымъ была написана исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ.

Главнымъ помощникомъ императора Александра Павловича въ дѣлѣ народнаго развитія былъ графъ Сперанскій. Для завѣдыванія образованіемъ было учреждено Министерство народнаго просвѣщенія и первымъ министромъ былъ назначенъ ученый графъ Завадовскій, въ управленіе котораго были основаны три Университета: С.-Петербургскій, Казанскій и Харьковскій, Медико-Хирургическая Академія, преобразованы Виленскій и Дерптскій (открытый императоромъ Павломъ) Университетъ и др. Главныя народныя училища, учрежденныя при Екатеринѣ, были преобразованы въ гимназіи, а малыя въ уѣздныя училища. Были учреждены семинаріи и духовныя училища. Такимъ образомъ дѣло народнаго образованія, благодаря заботамъ правительства, быстро подвинулось впередъ. Мать государя, супруга императора Павла, императрица Марія Ѳеодоровна приняла подъ свое высокое покровительство учебныя и благотворительныя женскія учебныя заведенія и воспитательныя дома.

Частныя лица слѣдовали пути, указанному высочайшими особами. Демидовъ и Безбородко жертвовали имѣніями и капиталами для учрежденія высшихъ учебныхъ заведеній.—Такъ, въ Ярославлѣ, на пожертвованіе Демидова учрежденъ лицей, а въ Нѣжинѣ основана гимназія высшихъ наукъ на пожертвованія графа Безбородко.

Явились замѣчательные ученые литтераторы. Изъ первыхъ замѣчательны: Карамзинъ написавшій русскую исторію, которую онъ довелъ почти до царствованія Михаила Ѳеодоровича. Этотъ замѣчательный трудъ отличается кромѣ того чистотою и ясностью языка. Бантышъ—Каменскій—тоже историкъ. Востоковъ и Гречъ извѣстны своими изслѣдованіями о русскомъ языкѣ. Дмитріевъ прославился своими сказками и баснями, написанными легкимъ и занимательнымъ слогомъ; наконецъ геніальный Крыловъ написалъ большую часть своихъ басенъ въ царствованіе Александра. Представителемъ романтической поэзіи является Жуковскій и другъ его Батюшковъ; Гнѣдичъ переводитъ Иліаду. Драматическими произведеніями прославился князь Шаховской.

Въ 1820 году появляется первая поэма Пушкина. Что касается искусствъ, то и въ этомъ отношеніи царствованіе Александра можно назвать счастливымъ: Петербургъ украсился прекрасными зданіями, какъ напримѣръ, Казанскій соборъ, доконченный архитекторомъ Воронихинымъ. По части живописи отличались Боровиковскій, Воробьевъ, Венеціановъ, изъ ваятелей Козловскій, Шубинъ и друг.

На театрѣ появились талантливые артисты: Мочаловъ, Самойловъ и Сосницкій.—Изъ композиторовъ замѣчателенъ Бортнянскій, преобразователь духовной музыки.

Въ царствованіе императора Николая Павловича забота правительства о просвѣщеніи не только не ослабла, но еще усилилась. Былъ основанъ Кіевскій университетъ, Военная Академія, Технологическій институтъ, устроены двѣ обсерваторіи—Пулковская и Казанская. Увеличено число кадетскихъ корпусовъ и вообще устроено множество учебныхъ заведеній, перечислять которыя мы здѣсь не станемъ.

Въ самомъ обществѣ появилось сильное стремленіе къ своему собственному развитію,—и вотъ появляются безплатныя публичныя лекціи, не только въ столицахъ, но даже и въ губернскихъ городахъ.

Изъ русскихъ ученыхъ многіе пріобрѣли европейскую извѣстность, какъ, напримѣръ, извѣстный астрономъ Струве, математикъ Остроградскій, профессоръ Якоби и др. Академія художествъ образовала одного изъ первыхъ современныхъ живописцевъ—Карла Брюлова, изъ пейзажистовъ особенно прославился Айвазовскій, по архитектурѣ—Тонъ и Брюловъ, изъ ваятелей—Витали.

Искусство нашло себѣ примѣненіе въ украшеніи столицы: изящный Исакіевскій соборъ заставляетъ восхищаться не только русскихъ но и иностранцевъ. Архитектура, живопись и ваяніе, казалось, соперничали между собою въ устройствѣ этого храма. Постоянный мостъ черезъ Неву свидѣтельствуетъ о русскомъ инженерномъ искусствѣ. Музыкальное искусство дало намъ замѣчательную русскую оперу талантливаго Глинки.

Что касается литтературы, то царствованіе Николая Павловича можно назвать золотымъ вѣкомъ русскаго творчества. Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Грибоѣдовъ—все это имена, знакомыя каждому русскому.

Здѣсь названы только первостепенные писатели, обогатившіе русскую литтературу, а кто, напримѣръ, не читалъ романовъ Загоскина, Лажечникова или Масальскаго.

Учеными трудами въ особенности прославились по исторіи: Строевъ, Бантышъ—Каменскій, Шульгинъ, Лоренцъ, Михайловскій—Данилевскій, Полевой и Устряловъ.

На столичныхъ театрахъ появились талантливые артисты: Щепкинъ, Каратыгинъ и др.

Въ царствованіе Николая I были отправлены многія ученыя экспедиціи, такъ напримѣръ: Беръ на Новую землю, Ленцъ на Кавказъ, Миддендорхъ изслѣдовалъ Сѣверную Сибирь. Профессоръ Строевъ путешествовалъ на счетъ Академіи для обозрѣнія архивовъ въ Россіи, вслѣдствіе чего составилась Археологическая коммиссія, которая задалась цѣлью издать всѣ русскія лѣтописи—трудъ въ высшей степени громадный.

Въ благословенное царствованіе нынѣшняго государя Александра II дѣло народнаго образованія идетъ быстрыми шагами. Освободивъ 20 милліоновъ отъ рабства физическаго, царь—освободитель пожелалъ освободить и отъ рабства умственнаго. Вездѣ теперь въ селахъ заводятся школы и, можетъ быть, недалеко то время, когда русскій народъ станетъ на ряду съ цивилизованными народами западной Европы; умственное развитіе поможетъ ему улучшить свой бытъ и такимъ образомъ приведетъ къ благосостоянію.

Но не на однѣ народныя школы обращено вниманіе царя.—Вся ученая часть преобразована (уставъ гимназій и прогимназій 1871 г. и уставъ реальныхъ училищъ 1872 г.) Женщинамъ тоже данъ широкій путь къ образованію открытіемъ гимназій и прогимназій и учрежденіемъ высшихъ женскихъ курсовъ.

ВАЖНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ ИСТОРІИ РОССІИ.

862 г. предполагается, что состоялось призваніе Варяжскихъ князей.
988 » Владиміръ святой крестился.
1015 » Владиміръ скончался.
1054 » Скончался Ярославъ I-й и водворена удѣльная система.
1125 » Скончался Владиміръ Мономахъ.
1147 » Стала впервые извѣстна Москва.
1174 » Убитъ Андрей Боголюбскій.
1224 » Произошла битва на р. Калкѣ.
1237 » Въ предѣлахъ Россіи появился Батый.
1240 » Александръ Невскій одержалъ побѣду надъ Шведами на берегахъ р. Невы и Нарвы.
1340 » Скончался Іоаннъ Калита.
1380 » Произошла битва Дмитрія Донскаго съ татарами на Куликовомъ полѣ.
1462 » Вступилъ на престолъ Іоаннъ III.
1478 » Покоренъ Новгородъ.
1480 » Россія освободилась отъ ига монголовъ.
1505 » Скончался Іоаннъ III.
1533 » Скончался князь Василій III.
1547 » Короновался Іоаннъ IV Грозный и принялъ титулъ царя.
1552 » Іоанномъ Грознымъ покорена Казань.
1582 » Покорена Сибирь Ермакомъ.
1584 » Скончался Іоаннъ Грозный.
1589 » Учреждено Ѳеодоромъ Іоанновичемъ патріаршество въ Москвѣ.
1598 » Со смерти Ѳеодора прекратилась династія св. Владиміра.
1605 » Лжедмитрій вступилъ въ Москву.
1613 » Избранъ народомъ первый царь изъ дома *Романовыхъ* Михаилъ Ѳедоровичъ.
1653 » Малороссія добровольно приняла подданство Россіи.
1667 » Малороссія была раздѣлена между Польшей и Россіей.

ПЕРЕЧЕНЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

съ 1700 года. (*)

ЯНВАРЬ.

1. Въ 1700 году, Петръ Великій установилъ лѣтосчисленіе съ 1-го Января. (До Петра Великаго считали новый годъ съ 1-го Сентября.)

— Въ 1813 году, Русскія войска перешли за Нѣманъ, а того же числа въ 1814 году за Рейнъ. (Въ царствованіе Александра I.)

(*) По выбор. Н. Полеваго.

2. Въ 1787 году, Императрица Екатерина отправилась въ путешествіе по Россіи.

— Въ 1814 году, занятъ былъ Люттихъ. (Царствованіе Александра I.)

3. Въ 1708 году, Карлъ II-й, на походѣ въ Россіи перешелъ въ Цѣхановъ. (Царствованіе Петра I.)

4. Въ 1804 году, Циціановъ взялъ Ганжу. (Царствованіе Александра I.)

— Въ 1814 году, Императоръ Александръ I вступилъ во Францію.

5. Въ 1814 году, Императоръ Александръ I достигъ Мондельяра.

6. Въ 1709 году, произошла битва Русскихъ войскъ со Шведами при Веприкѣ. (Царствованіе Петра I.)

7. Въ 1814 году, Александръ I имѣлъ пребываніе въ Везулѣ.

8. Въ 1814 году, Александръ I находился въ Комбофонтенѣ.

9. Въ 1709 году, Шведы раззорили Веприкъ.

10. Въ 1814 году, Александръ I прибылъ въ Лангру.

11. Въ 1713 году, Петръ Великій былъ въ Рендсбургѣ.

12. Въ 1814 году произошло движеніе Русскихъ армій на Баръ-Сюръ-Объ. (Царствованіе Александра I.)

13. Въ 1807 году, произошла Моругенская битва. (Царствованіе Александра I.)

14. Въ 1706 году, началась осада Гродно Карломъ XII (въ царствованіи Петра Великаго.)

15. Въ 1814 году, произошла первая битва Русскихъ войскъ съ Наполеономъ въ предѣлахъ Франціи, при Сенъ-Дизье. (Царствованіе Александра I.)

16. Въ 1813 году, дипломатическія переговоры Русскаго кабинета съ Австрійскимъ объ оставленіи Варшавы. (Царствованіе Александра I.)

17. Въ 1814 году, началась Бріенская битва и былъ взятъ Намюръ. (Царствованіе Александра I.)

18. Въ 1800 году, Высочайшимъ Манифестомъ отъ 18-го Января Императоръ Павелъ Петровичъ объявилъ о присоединеніи царства Грузинскаго къ Россіи.

— Въ 1826 году, скончался одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ вельможъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. (Царствованіе Николая I.)

19. Въ 1814 году, предводитель русскихъ войскъ, Видгенштейнъ, сдѣлалъ знаменательное движеніе къ Ножану, на встрѣчу Наполеоновскимъ корпусамъ. (Царствованіе Александра I.)

20. Въ 1770 году, произошла Фокшанская сѣча. (Царствованіе Екатерины Великой.)

— Въ 1813 году, Русскія войска заняли Варшаву. (Царствованіе Александра I.)

— Въ 1814 году, произошла такъ называемая Бріенская битва. (Царствованіе Александра I.)

21. Въ 1758 году, былъ занятъ Кенигсбергъ. (Царствованіе Елизаветы Петровны.)

22. Въ 1713 году, произошло свиданіе двухъ дружественныхъ монарховъ: Петра Великаго и короля Датскаго въ Кроппѣ.

23. Въ 1807 году, была битва при Янковѣ. (Царствованіе Александра I.)

24. Въ 1831 году, Русскіе войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Дибича Забалканскаго, вступили въ предѣлы царства Польскаго для усмиренія мятежа. (Царствованіе Николая Павловича.)

25. Въ 1828 году, графъ Паскевичъ Эриванскій занялъ Ардебиль. (Царствованіе Николая I.)

26. Въ 1807 году, была битва Прейсишъ-Эйлауская, окончившаяся торжествомъ Русскихъ. (Царствованіе Александра I.)

27. Въ 1696 году, скончался царь Іоаннъ Алексѣевичъ — братъ Петра Великаго.

28. Въ 1725 году, Скончался—преобразователь Петръ I Великій.

— Въ 1798 году, родился великій князь Михаилъ Павловичъ, сынъ Павла I.

29. Въ 1814 году, произошла битва русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Алсуфьева съ французами при Шампоберѣ. (Царствованіе Александра I.)

30. Въ 1814 году, генералъ Сакенъ заставилъ отступить французовъ при Монмиралѣ. (Царствованіе Александра I.)

31. Въ 1709 году, Русскія войска заняли Опошню. (Царствованіе Петра Великаго.)

— Въ 1713 году, была битва Швабштецкая. (Царствованіе Петра I.)

ФЕВРАЛЬ.

1. Въ 1813 году, произошла битва съ французами при Калишѣ. (Царствованіе Александра I.)

— Въ 1814 году, таковая же—при Вошанѣ. (Царствованіе Александра I.)

2. Въ 1814 году, былъ взятъ приступомъ Суассонъ. (Царствованіе Александра I.)

4. Въ 1708 году, Петръ Великій принужденъ былъ отступить изъ Вильны.

5. Въ 1814 году, произошла битва съ французами при Морманѣ. (Царствованіе Александра I.)

6. Въ 1814 году, бой при Монтеро съ французами. (Царствованіе Александра I.)

7. Въ 1808 году, Русскія войска выступили въ Финляндію. (Царствованіе Александра I.)

8. Въ 1792 году, Екатерина Великая объявила разрывъ съ Франціею.

— Въ 1833 году, Русскій флотъ подошелъ къ Константинополю. (Царствованіе Николая I.)

9. Въ 1808 году, совершилось занятіе Ловизы. (Царствованіе Александра I.)

10. Въ 1709 году, Русскія войска бились со Шведами при Каснокутскѣ. (Царствованіе Петра Великаго).

— Въ 1828 году, Императоръ Николай Павловичъ заключилъ миръ съ Персіею въ Туркманчаѣ.

11. Въ 1708 году, Карлъ XII пришелъ въ Сморгони. (Царствованіе Петра I.)

12. Въ 1813 году, Александръ Благословенный прибылъ въ Калишъ.

13. Въ 1814 году, состоялся важный военный совѣтъ въ лагерѣ союзныхъ армій, въ Баръ-Сюръ-Обѣ.

14. Въ 1814 году, дана была битва союзными войсками французамъ при Баръ-Сюръ-Обѣ.

15. Въ 1836 году, былъ подписанъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ союзный трактатъ съ Турціею.

16. Въ 1813 году, возобновленъ союзъ между Россіей и Пруссіей. (Царствованіе Александра I).

17. Въ 1719 году, скончался знаменитый воинъ Петра Великаго, фельдмаршалъ Шереметевъ.

— Въ 1814 году, былъ подписанъ Александромъ I Шамонскій договоръ.

18. Въ 1799 году, фельдмаршалъ графъ Суворовъ, вызванный Императоромъ Павломъ I для командованія союзными войсками, прибылъ въ Петербургъ.

— Въ 1814 году, былъ снова занятъ Суассонъ (Царствованіе Александра I.)

19. Въ 1714 году, произошла битва князя М. М. Голицына со Шведами. (Царствованіе Петра Великаго.)

20. Въ 1813 году, генералъ Чернышевъ вступилъ въ порабощенный Наполеономъ Берлинъ. (Царствованіе Александра I.)

21. Въ 1807 году, начальникъ Русской флотиліи Сенявинъ, соединившись съ Англійскою эскадрою, предложилъ послѣднимъ взять Дарданельскій проливъ. (Царствованіе Александра I.)

22. Въ 1809 году, храбрый полководецъ Багратіонъ совершилъ замѣчательный переходъ по льду на Аландскія острова. (Царствованіе Александра I.)

23. Въ 1814 году графъ Воронцовъ далъ битву французамъ при Краонѣ. (Царствованіе Александра I.)

24. Въ 1808 году, Русскія войска были въ Тавастгусѣ. (Царствованіе Александра I.)

25. Въ 1814 году, совершилась Лаонская битва. (Царствованіе Александра I.)

26. Въ 1809 году, Багратіонъ находился на Аландскихъ островахъ. (Царствованіе Александра I.)

— Въ 1813 году, князь Витгенштейнъ занялъ Берлинъ.

27. Въ 1814 году, Наполеонъ I былъ оттиснутъ отъ Лаона. (Царствованіе Александра I.)

28. Въ 1814 году, Русскіе войска заняли Реймсъ.

МАРТЪ.

1. Въ 1808 году, Императоръ Александръ I издалъ указъ о наградѣ нижнихъ чиновъ орденомъ св. Георгія.

2. Въ 1808 году, началась осада Свеаборгской крѣпости. (Царствованіе Александра I.)

3. Въ 1814 году, окончилъ свои засѣданія Шатильонскій конгресъ. (Царствованіе Александра I.)

4. Въ 1808 году, Русскіе заняли Куопіо. (Царствованіе Александра I).

5. Въ 1808 году, Багратіонъ вошелъ въ Біернеборгъ. (Царствованіе Александра I.)

6. Въ 1813 году, занятъ былъ Гамбургъ. (Царствованіе Александра I.)

7. Въ 1809 году, Барклай-де-Толли перешелъ чрезъ Кваркенъ по льду Ботническаго залива. (Царствованіе Александра I.)

8. Въ 1814 году, была сильная битва съ французами при Арсисѣ. (Царствованіе Александра I.)

9. Въ 1697 году, Петръ Великій предпринялъ путешествіе по Европѣ.

10. Въ 1808 году, былъ занятъ Русскими Або. (Царствованіе Александра I.)

— Въ 1813 году, занятъ Любекъ.

11. Въ 1809 году, Русскіе находились въ Торнео. (Царствованіе Александра I.)

12. Въ 1801 году, Императоръ Александръ I вступилъ на Всероссійскій престолъ.

— Въ 1814 году, Александръ Благословенный, въ этотъ знаменательный день (12 Марта рѣшилъ идти на Парижъ — и, такъ сказать, рѣшилъ судьбу Наполеона I.

13. Въ 1814 году, была дана битва французамъ, названная Феръ-Шампенуазской.

14. Въ 1814 году, произошла роковая и послѣдняя битва съ Наполеономъ при Сенъ-Дизье, и былъ занятъ Сезанъ.

15. Въ 1799 году, Суворовъ прибылъ въ Вѣну для принятія командованія надъ союзными Русско-Австрійскими войсками противъ французовъ.

— Въ 1813 году, Александръ Благословенный прибылъ въ Дрезденъ.

16. Въ 1808 году, была объявлена Александромъ война Швеціи.

17. Въ 1814 году, Русскія войска остановились въ виду Парижа. (Царствованіе Александра I.)

18. Въ 1814 году, произошла кровопролитная битва подъ Парижемъ. (Въ царствованіе Александра I.)

19. Въ 1814 году, Парижъ былъ взятъ штурмомъ.

20. Въ 1808 году, присоединена Финляндія къ Россіи. (Царствованіе Александра I.)

21. Въ 1812 году, была битва подъ Люнебургомъ. (Царствованіе Александра I.)

22. Въ 1710 году, началась осада Выборга. (Царствованіе Петра Великаго).

23. Въ 1816 году, составленъ капиталъ въ пользу изувѣченныхъ воиновъ въ отечественную войну. (Царствованіе Алекоандра I.)

24. Въ 1813 году, была битва Меккернская. (Царствованіе Александра I.)

— Въ 1814 году, Наполеонъ I подписалъ отреченіе отъ трона Франціи. (Царствованіе Александра I.)

25. Въ 1813 году, былъ занятъ городъ Ченстоховъ въ Польшѣ. (Царствованіе Александра I.)

26. Въ 1813 году, совершился походъ Императора Александра изъ царства Польскаго къ Дрездену, столицѣ Саксоніи.

27. Въ 1808 году, присоединеніе къ Россіи островка Свеаборга по договору отъ 25-го Марта, заключенному со Швецію. (Царствованіе Александра I.)

28. Въ 1813 году, Русскіе подъ командою Видгенштейна совершили переходъ за рѣку Эльбу. (Царствованіе Александра I.)

29. Въ 1814 году, состоялось занятіе Парижа Императоромъ Александромъ I съ союзниками.

30. Въ 1706 году, Русское вспомогательное войско, посланное въ помощь королю Августу II польскому выступивъ изъ Гродно, было обложено Шведами и удалилось за Нѣманъ. (Царствованіе Петра I.)

31. Въ 1808 году, пріобрѣтены Аландскіе острова отъ Швеціи. (Царствованіе Александра I.)

АПРѢЛЬ.

1. Въ 1799 году, вступленіе Русскихъ войскъ и кардинала Руффо въ Неаполь.

2. Въ 1709 году, Карлъ XII направился къ Полтавѣ. (Царствованіе Петра Великаго.)

— Въ 1799 году, фельдмаршалъ Суворовъ прибылъ въ г. Верону къ войскамъ, которыми былъ назначенъ руководить. (Царствованіе Павла I.)

3. Въ 1779 году, полководецъ Суворовъ сдѣлалъ воззваніе къ народу Италіи. (Царствованіе Павла I.)

5. Въ 1712 году, состоялось заключеніе Россіею мира съ Турціею. (Царствованіе Петра Великаго.)

6. Въ 1794 году, мятежъ въ Варшавѣ. (Царствованіе Екатерины II.)

— Въ 1813 году, занятіе Русскими войсками Торуно. (Царствованіе Александра I.)

7. Въ 1837 году, умеръ фельдмаршалъ русскихъ войскъ Сакинъ. (Царствованіе Николая I.)

8. Въ 1783 году, завоеваніе Крымскаго полуострова и присоединеніе его къ Россіи. (Царствованіе Екатерины II.)

9. Въ 1812 году, Императоръ Александръ I отъѣхалъ въ дѣйствующую армію.

10. Въ 1808 году, состоялось занятіе Готланда нашими войсками. (Царствованіе Александра I.)

11. Въ 1709 году, сраженіе со Шведами на р. Ворсклѣ. (Царствованіе Петра I.)

12. Въ 1813 году, Александръ I прибылъ въ столицу Саксоніи.

— Въ 1799 году, первое сраженіе Суворова, данное имъ французамъ въ Италіи при Палацоло — генералу Моро. (Царствованіе Павла I).

13. Въ 1813 году, была взята нашими войсками крѣпость Шпандау. (Царствованіе Александра I.)

14. Въ 1812 году, Александръ I прибылъ въ Вильно.

— Въ 1828 году, была объявлена война Турціи Николаемъ Павловичемъ.

15. Въ 1808 году, битва съ турками вблизи Патіоки. (Царствованіе Александра I.)

16. Въ 1813 году, умеръ защитникъ отечества и гроза французовъ Кутузовъ Смоленскій, фельдмаршалъ русскихъ войскъ. (Царствованіе Александра I.)

— Въ 1799 году, побѣда Суворова у Кассана.

17. Въ 1818 году, родился *Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій князь Александръ Николаевичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь въ Москвѣ.* (Царствованіе Николая I.)

18. Въ 1799 году, Суворовъ занялъ итальянскій городъ Миланъ. (Царствованіе Павла I.)

— Въ 1809 году, походъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ графа Шувалова въ Швецію.

19. Въ 1769 году, былъ занятъ г. Хотинъ. (Царствованіе Екатерины II.)

20. Въ 1809 году, былъ взятъ послѣ страшнаго штурма г. Браиловъ. (Царствованіе Александра I.)

— Въ 1813 году, произошла жестокая битва союзныхъ войскъ съ французами при Люценѣ. (Царствованіе Александра I.)

22. Въ 1790 году, была битва при Тайкалахъ. (Царствованіе Екатерины II.)

— Въ 1808 году, русскія войска заняли кр. Свеаборгъ. (Царствованіе Александра I.)

23. Въ 1821 году, умеръ на островѣ св. Елены Наполеонъ I, бывшій императоръ французовъ.

24. Въ 1762 году, былъ заключенъ наконецъ миръ съ королевствомъ Прусскимъ, по окончаніи извѣстной въ исторіи семилѣтней войны. (Царствованіе Екатерины II.)

25. Въ 1828 году, войска Императора Николая I совершили переходъ черезъ р. Прутъ.

26. Въ 1713 году, Петръ Великій предпринялъ походъ для завоеванія Финляндіи

— Въ 1827 году, графъ Паскевичъ взялъ кр. Эривань,принадлежавшую Персіи, за что и получилъ названіе «Эриванскаго.» (Царствованіе Николая I.)

— Въ 1828 году, Императоръ Николай Павловичъ отправился къ своимъ войскамъ, находившимся въ походѣ противъ турокъ.

27. Въ 1703 году, Петръ произвелъ развѣдки Невы, при устьѣ которой построенъ имъ Петербургъ.

— Въ 1734 году, фельдмаршалъ Минихъ повелъ русскія войска на приступъ Данцыга. (Царствованіе Анны Іоанновны.)

28. Въ 1709 году, Полтава была осаждена Шведами. (Царствованіе Петра I.)

— Въ 1721 году, начался Ништадскій конгресъ, на которомъ со стороны Россіи были графъ Остерманъ и генералъ Брюсъ. (Царствованіе Петра I.)

29. Въ 1813 году, Русскія войска заняли важную позицію близъ Бауцена. (Царствованіе Александра I).

30. Въ 1828 году, войска Императора Николая I заняли Бухарестъ.

МАЙ.

1. Въ 1703 году, Петръ Великій взялъ ук. Ніеншанцъ, лежавшій на р. Невѣ, съ цѣлію, такъ сказать, очистить мѣсто для будущаго С.-Петербурга.

2. Въ 1792 году, произошла знаменательная битва на Балтійскомъ морѣ со Шведскимъ флотомъ подъ командой Чичагова. (Царствованіе Екатерины II).

3. Въ 1703 году, былъ взятъ Петровскими войсками г. Ямбургъ.

4. Въ 1713 году, произошла сухопутная битва со Шведами, которые принуждены были уступить русскимъ Тоннингенъ и отойти. (Царствованіе Петра Великаго.)

— Въ 1812 году, Бессарабія включена была въ число русскихъ владѣній по мирному договору съ Турціей, при Александрѣ I.

5. Въ 1828 году, Великій князь Михаилъ Павловичъ лично производилъ осаду кр. Браиловъ. (Царствованіе Николая I.)

6. Въ 1800 году, скончался въ Петербургѣ нашъ знаменитый полководецъ генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ—Рымникскій. (Царствованіе Павла I.)

7. Въ 1703 году, Петръ Великій одержалъ морскую побѣду надъ Шведами близь устья р. Невы.

8. Въ 1782 году родился Паскевичъ. (Царствованіе Екатерины II).

9. Въ 1815 году, царство Польское присоединено къ Россіи.

10. Въ 1796 году, завоеванъ Дербентъ Екатериной Великой.

11. Въ 1829 году, прибылъ въ Россію внукъ Персидскаго Шаха, Хозревъ-Мирза, съ цѣлію испросить предъ Императоромъ Николаемъ I извиненія за оскорбленіе Тегеранской чернью русскаго посольства и убійство посла Грибоѣдова, нашего извѣстнаго автора комедіи «Горе отъ ума.»

12. Въ 1801 году, скончался князь Рѣпнинъ, бывшій канцлеръ Россійской Имперіи при Елизаветѣ Петровнѣ.

— Въ 1828 году, Запорожцы принесли повинную Императору Николаю Павловичу и были снова приняты въ число русскихъ подданныхъ.

13. Въ 1815 году, Александръ Благословенный выѣхалъ изъ Вѣны на борьбу съ Наполеономъ.

14. Въ 1799 году, взятъ Тарутинъ войсками Павла Петровича.

— Въ 1818 году, скончался герой отечественной войны Барклай-де-Толли, которому сооруженъ памятникъ въ С.-Петербургѣ. (Царствованіе Александра I.)

15. Въ 1709 году, Петромъ Великимъ была раззорена Запорожская Сѣчь.

16. Въ 1703 году, Петръ Первый положилъ основаніе Петербургу.

17. Въ 1813 году, Барклай-де-Толли получилъ назначеніе командовать союзными арміями противъ французовъ. (Царствованіе Александра I.)

18. Въ 1814 году, былъ подписанъ Александромъ Благословеннымъ миръ, такъ называемый *Парижскій.*

19. Въ 1721 году, генералъ Ласси сдѣлалъ опустошеніе въ Шведскихъ владѣніяхъ, примыкавшихъ къ берегамъ Балтійскаго моря. (Царствованіе Петра Великаго.)

20. Въ 1736 году, тотъ же Ласси взялъ укрѣпленный городъ Азовъ. (Царствованіе Анны Іоанновны.)

21. Въ 1787 году, Екатерина Великая посѣтила Бахчисарай.

22. Въ 1814 году, Александръ Благословенный, по окончаніи войны съ Франціей, проѣздомъ въ Петербургъ имѣлъ пребываніе въ Лондонѣ.

23. Въ 1796 году, Русская флотилія имѣла жаркое морское дѣло со Шведами, близъ Красной Горки. (Царствованіе Павла I.)

24. Въ 1807 году, произошелъ бой при Ломитенѣ. (Царствованіе Александра I.)

25. Въ 1807 году, была битва при Гутштадѣ. (Царствованіе Александра I.)

26. Въ 1709 году, Русскія войска—подъ Полтавой. (Царствованіе Петра I.)

27. Въ 1807 году, произошелъ бой при Геильзбергѣ.

— Въ 1828 году, переходъ Русскихъ войскъ чрезъ Дунай. (Царствованіе Николая I.)

28. Въ 1829 году, совершилось взятіе Рахова, въ Турціи. (Царствованіе Николая I.)

29. Въ 1831 году, скончался фельдмаршалъ Дибичь-Забалканскій, во время польскаго мятежа, отъ холеры.

30. Въ 1672 году, родился великій преобразователь Россіи Петръ I.

— Въ 1844 году, умеръ вождь Русскихъ войскъ во время отечественной войны фельдмаршалъ Видгенштейнъ. (Царствованіе Николая I.)

31. Въ 1709 году, Шведы сдѣлали приступъ къ Полтавѣ. (Царствованіе Петра I.)

ІЮНЬ.

1. Въ 1829 году, русскія и турецкія войска вступили въ кровавую битву при Чаборіи. (цар. Николая I.)

2. Въ 1828 году, Некрасовцы (казаки) приняли подданство Россіи. (цар. Николая Павловича.)

3. Въ 1828 году, русскими войсками сдѣланъ приступъ къ Браилову. (царств. Николая I.)

4. Въ 1709 году, Петръ Великій воодушевилъ войска личнымъ прибытіемъ къ Полтавѣ.

5. Въ 1828 году, взятъ укрѣпленный турецкій городъ Мачинъ. (цар. Николая I.)

6. Въ 1815 году, произошла знаменитая битва съ французами при Ватерлоо. (цар. Александра I.)

— Въ 1828 году, приступъ къ Браилову увѣнчалася успѣхомъ. (царствованіе Николая I.)

7. Въ 1799 году, былъ бой при Требіи. (цар. Павла I.)

9. Въ 1774 году. Суворовъ разбилъ турокъ при Казлуджи. (царст. Екатерины II.)

— 1815 году, русскія войска перешагнули за Рейнъ. (цар. Александра I.)

10. Въ 1812 году, Наполеонъ объявилъ своимъ войскамъ роковой походъ въ Россію. (царствованіе Александра I.)

11. Въ 1728 году, кн. Меньшиковъ покорилъ Анапу. (цар. Петра II.)

12. Въ 1812 году, Наполеонъ перешелъ Нѣманъ на пути въ Россію. (царст. Александра I.)

13. Въ 1713 году, Петръ I-й заключилъ миръ съ Турціею въ Андріанополѣ.

— Въ 1807 году, Александръ Благословенный имѣлъ свиданіе съ Наполеономъ въ Тильзитѣ.

— Въ 1812 году, императоръ Александръ объявилъ, что Наполеонъ вторгнулся въ предѣлы Россіи.

— Въ 1813 году, былъ опущенъ въ могилу кн. Кутузовъ-Смоленскій, уничтожившій *великую* наполеоновскую армію (цар Алекс. I.)

14. Въ 1771 году, Долгорукій разбилъ крымскихъ татаръ. (цар. Екатерины II.)

— Въ 1812 году, произошла *первая* битва русскихъ съ французами при Девелтовѣ. (цар. Александра I.)

15. Въ 1741 году, Елизавета Петровна заключила съ Швеціею Абовскій договоръ.

— Въ 1788 году, битва подъ Очаковымъ. (цар. Екатерины II.)

— Въ 1813 году, Александръ I заключилъ союзъ съ Австріею противъ Наполеона.

16. Въ 1774 году, графъ Румянцевъ перешелъ за Дунай, за что и получилъ отъ Екатерины II-й наименованія Задунайскаго.

17. Въ 1770 году, Румянцевъ разбилъ турокъ близь Рябой-могилы. (царствованіе Екатерины II.)

18. Въ 1734 году, фельдмаршалъ Минихъ взялъ Данцигъ. (цар. Анны Іоановны.)

— Въ 1808 году, турки были разбиты при Арпачаѣ. (цар. Алекс. I.)

— Въ 1829 году, сдалась турецкая крѣпость Силистрія. (царст. Николая I.)

19. Въ 1811 году, Кутузовъ быстро перешелъ черезъ Дунай и далъ битву туркамъ. (цар. Александра I.)

20. Въ 1829 году, графъ Паскевичь разбилъ турокъ при Миллидузѣ. (цар. Николая I.)

21. Въ 1701 году, по повелѣнію Петра I, наши войска соединились съ саксонскими въ Какенгузенѣ.

22. Въ 1736 году, взятъ былъ Азовъ. (цар. Анны Іоанновны.)

— Въ 1790 году, флотъ Екатерины Великой поразилъ шведовъ близъ Выборга.

— Въ 1811 году, новая побѣда Кутузова надъ турками за Дунаемъ. (царствованіе Александра I.)

23. Въ 1828 году, графъ Паскевичь взялъ крѣпость Карсъ. (цар. Николая I.)

24. Въ 1770 году, былъ уничтоженъ турецкій флотъ при Чесмѣ. (цар. Екатерины Великой.)

25. Въ 1797 году, родился Императоръ Николай I Павловичъ.

— Въ 1807 году, подписанъ Тильзитскій миръ Импер. Алескан. I.

26. Въ 1738 году, фельдмаршалъ Ласси взялъ Перекопъ. (царст. Анны Іоанновны.

27. Въ 1709 году, Петръ Великій разбилъ шведовъ подъ Полтавой.

— Въ 1815 году, Императоръ Александръ I выѣхалъ изъ Сенъ-Дизье въ Парижъ.

— Въ 1829 году, Паскевичъ взялъ штурмомъ Эрзерумъ. (царст. Николая I.)

28. Въ 1762 году, Императрица Екатерина II Великая возсѣла на Всероссійскій престолъ.

29. Въ 1812 году, наши войска вступили въ Дриссенскій лагерь подъ командой Видгенштейна. (цар. Александра I.)

30. Въ 1742 году, фельдмаршалъ Ласси взялъ г. Борго. (царст. Елизаветы Петровны.)

ІЮЛЬ.

1. Въ 1709 году, остатки разбитой шведской арміи сдалися побѣдителю Петру Великому при Переволочнѣ.

— Въ 1793 году, совершился второй раздѣлъ Польши между Россіей, Австріей и Пруссіей. (въ царствованіе Екатерины II.)

— Въ 1842 году, Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна праздновали въ Петергофѣ день *своей серебряной свадьбы.*

2. Въ 1828 году, русскія войска подошли къ крѣп. Варнѣ и осадили ее. (цар. Николая I.)

3. Въ 1812 году французскій генералъ Сенъ-Женье былъ во время битвы взятъ въ плѣнъ генер. Кульневымъ. (цар. Александра I.)

4. Въ 1710 году, покорена Рига Петромъ Великимъ.

5. Въ 1827 году, были разбиты турки при Джаванъ Булахѣ. (царствованіе Николая I.)

6. Въ 1812 году, два героя: Барклай-де-Толи и Багратіонъ одновременно заняли два города, выбивъ отътуда французовъ — первый Полоцкъ, а второй—Бобруйскъ. (цар. Александра I.)

— Въ 1814 году, въѣздъ Александра Благословеннаго въ Петербургъ послѣ очищенія отъ враговъ отечества и умиротворенія Европы.

7. Въ 1770 году, была битва при Ларгѣ. (цар. Екатерины II.)

— Въ 1827 году, Паскевичъ взялъ Персидское укрѣпленіе Абасъ-Абадъ. (цар. Николая I.)

8. Въ 1788 году, битва при Очаковѣ. (цар. Екатерины Великой.)

9. Въ 1719 году, борьба Петра Великаго съ турками при рѣкѣ Прутѣ.

— Въ 1829 году, фельдмаршалъ Дибичь ввелъ русскія войска на Балканы. (царствованіе Николая I.)

10. Въ 1719 году, былъ подписанъ Петромъ I миръ съ турціею послѣ битвы на Прутѣ.

— Въ 1774 году, былъ подписанъ Кучугъ-Кайнаджирскій миръ съ Турціею. (царствованіе Екатерины II.)

11. Въ 1812 году, Александръ Благословенный прибывъ изъ Петербурга въ Москву, не задолго до вторженія туда Наполеона.

— Въ 1812 году, извѣстный генералъ Раевскій разбилъ французовъ при Салтановкѣ.

12. Въ 1759 году, произошла битва съ пруссаками при Елизаветѣ Петровнѣ.

— Въ 1829 году, былъ занятъ Бургасъ. (царств. Николая I-го.)

13. Въ 1703 году, Петръ I взялъ Дерптъ, который нынѣ принадлежитъ Россіи.

14. Въ 1710 году, взятъ былъ русскими г. Перновъ. (цар. Петра I.)

— Въ 1812 году, Коновницынъ разбилъ французовъ. (царств. Александра I.)

15. Въ 1798 году, было жаркое морское дѣло со шведами при Гохландѣ. (царствованіе Екатерины II.)

16. 1828 году, Дибичь далъ битву туркамъ при крѣп. Шумлѣ. (цар. Николая I.)

17. Въ 1702 году, знаменитый Петровскій полководецъ Шереметевъ дрался со шведами близъ Гумельсгофа.

— Въ 1799 году, покорена Суворовымъ крѣпость Мантуя въ Италіи. (царст. Павла I.)

18. Въ 1773 году, Суворовъ взялъ штурмомъ кр. Туртукай. (цар. Екатерины Великой.)

19. Въ 1812 году, произошла кровопролитная битва съ французами при Клястицѣ, въ Польшѣ. (цар. Александра I.)

20. Въ 1812 году, умеръ извѣстный генералъ Кульневъ. (царст. Алек. I.)

21. Въ 1815 году, была подписана союзными монархами въ Парижѣ конвенція о ссылкѣ Наполеона I-го на островъ Св. Елены.

— Въ 1826 году, Императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Москву для предстоящей коронаціи.

22. Въ 1812 году, русскія арміи подъ общимъ начальствомъ Кутузова соединились у Смоленска. (цар. Александра I.)

23. Въ 1827 году, Паскевичъ взялъ съ бою Ахалкалахи. (цар. Николая I.)

24. Въ 1783 году, Екатерина II заставила Грузію признать надъ собой протекторатъ Россіи.)

25. Въ 1786 году, началась осада Очакова.

— Въ 1812 году состоялся военный совѣтъ подъ пресѣдательствомъ Кутузова въ Смоленскѣ. (цар. Аленсандра I.)

26. Въ 1812 году, русскія войска сдѣлали наступательное движеніе отъ Смоленска, на основаніи рѣшенія военнаго совѣта, происходившаго канунѣ. (цар. Александра I.)

27. Въ 1831 году, родился В. кн. Николай Николаевичъ, братъ нынѣ благополучно царствующаго Александра II.

28. Въ 1812 году, фельдмаршалъ Видгенштейнъ двинулъ свои войска къ Полоцку. (цар. Александра I.)

29. Въ 1812 году, Императоръ Александръ I. пожаловалъ Кутузову титулъ князя.

30. Въ 1812 году, Видгенштейнъ имѣлъ битву съ французами у мѣстечка Свольны.

31. Въ 1791 году, адмиралъ Ушаковъ одержалъ морскую побѣду надъ турками у Карабурну. (царст. Екатерины II.)

АВГУСТЪ.

1. Въ 1759 году, пруссаки были разбиты на голову при Кунненсдорфѣ. (царствованіе Елизаветы Петровны.)

2. Въ 1812 году, была битва съ французами у Краснаго. (царст. Александра I.

3. Въ 1790 году, заключенъ Екатериной II Верельской миръ со Швеціею.

— Въ 1814 году, Россія поднесла Александру I титулъ *Благословеннаго*, отъ котораго онъ однакожъ отказался.

4. Въ 1812 году, началась защита Кутузовымъ Смоленска. (цар. Александра I.)

5. Въ 1812 году, произошла рѣшительная битва съ французами подъ стѣнами Смоленска. (цар. Александра I.)

6. Въ 1812 году, Барклай-де-Толли далъ битву французамъ подъ Полоцкомъ. (цар. Александра I.)

7. Въ 1782 году Екатерина II присутствовала при открытіе памятника въ Петербургѣ, воздвигнутаго ею Петру I Великому.

8. Въ 1799 году, король Сардинскій пожаловалъ Суворову титулъ князя Италійскаго. (цар. Павла Петровича.)

— Въ 1812 году, Кутузовъ былъ назначенъ Императоромъ Александромъ I. главнокомандующимъ всѣхъ русскихъ войскъ.

— Въ 1829 году, былъ занятъ Дибичемъ Адріанополь. (царств. Николая I.)

9. Въ 1704 году, была взята кр. Нарва. (цар. Петра I.)

11. Въ 1812 году, Кутузовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ армію. (царствованіе Александра I.)

12. Въ 1812 году, Наполеонъ отступилъ отъ Дорогобужа. (царст. Александра I.)

13. Въ 1805 году, Кутузовъ выступилъ въ походъ въ Австрію. (царствованіе Александра I.)

14. Въ 1758 году, происходила битва съ пруссаками. (царствованіе Елизаветы Петровны.)

15. Въ 1828 году, взятъ Ахалцыхъ. (царст. Николая I.)

16. Въ 1827 году, Паскевичъ очистилъ Эчміадзинъ отъ персіянъ. (цар. Николая I.)

17. Въ 1812 году, Кутузовъ прибылъ въ Царево Займище. (цар. Александра I.)

— Въ 1813 году, произошла знаменитая Кульмская битва. (царст. Александра I.)

— Въ 1828 году, графъ Воронцовъ осадилъ турецкую крѣпость Варну. (цар. Николая Павловича.)

18. Въ 1812 году, Наполеонъ во время своего нашествія на Россію находился въ Вязьмѣ. (цар. Александра I.)

— Въ 1813 году, французскій маршалъ Вандамъ, злодѣйствовавшій въ Москвѣ во время занятія ея французскими войсками, былъ взятъ въ плѣнъ въ Кульмскомъ сраженіи. (цар. Александра I.)

19. Въ 1757 году, произошла битва у Эгерсдорфа. (цар. Елизаветы Петровны.)

20. Въ 1710 году, воины Петра I взяли Аренсбургъ.

21. Въ 1812 году, Кутузовъ подошелъ къ Колоцкому монастырю, находящемуся на Смоленской дорогѣ. (цар. Александра I.)

22. Въ 1812 году, Кутузовъ прибылъ въ Бородино, и сталъ готовиться къ бою съ врагомъ. (цар. Александра I.)

— Въ 1826 году, изволилъ короноваться Императоръ Николай I.

23. Въ 1722 году, Петръ I взялъ г. Дербентъ.

— Въ 1741 году, была битва при Вильманстрадѣ при Елизаветѣ Петровнѣ.

24. Въ 1812 году, произошла Шевардинская битва съ французами близъ Бородина. (цар. Александра I.)

25. 1813 году, битва съ Наполеономъ за предѣлами нашего отечества близъ Денневица. (цар. Александра I.)

26. Въ 1770 году, были покорены Бендеры (въ Бессарабіи) при Екатеринѣ II.

— Въ 1812 году, произошла знаменитая въ отечественной исторіи битва Кутузова съ Наполеономъ на поляхъ Бородина. (цар. Алекс. I)

— Въ 1829 году, взятъ Паскевичемъ персидскій городъ Эносъ. (царст. Николая I.)

Въ 1831 году Паскевичь взялъ штурмомъ укрѣпленную мятежниками Варшаву. (царств. Николая I.)

27. Въ 1811 году, славный фельдмаршалъ Кутузовъ сдѣлалъ важную диверсію къ г. Можайску.

28. Въ 1713 году. войсками Петра Великаго взятъ г. Або.

— Въ 1739 году, фельдмаршалъ Минихъ далъ битву туркамъ при мѣстеткѣ Ставучанахъ и разбилъ ихъ. (цар. Анны Іоанновны.)

29. Въ 1708 году, войска Петра Великаго подъ начальствомъ Меньшикова сражались со шведами при Добромъ.

— Въ 1812 году, незначительная стычка съ французами отрядами подошедшими къ Москвѣ.

30. Въ 1721 году, окончена была сѣверная война и Петръ Великій заключилъ со шведами Ништадскій миръ.

31. Въ 1739 году, воспользовавшись побѣдою при Ставучанахъ, фельдмаршалъ Минихъ покорилъ Хотинъ.

— Въ 1808 году, Императоръ Александръ Благословенный выѣхалъ въ Саксонскій городъ Эрфуртъ для свиданія съ Императоромъ французовъ Наполеономъ.

СЕНТЯБРЬ.

1. Въ 1812 году, Кутузовъ собралъ военный совѣтъ, близъ деревни Фили, на берегу Москвы-рѣки, на которомъ былъ утвердительно рѣшенъ роковой вопросъ объ уступкѣ французамъ Москвы. (царств. Александра I.)

2. Въ 1812 году, Наполеонъ вступилъ въ Москву. (цар. Алекс. I.)

— Въ 1829 году, Императоръ Николай I заключилъ съ турками миръ въ Адріанополѣ.

3. Въ 1773 году, Суворовъ разбилъ турокъ при г. Гирсовѣ. (цар. Екатерины II.)

4. Въ 1701 году, произошла первая битва Петра со шведами.

5. Въ 1745 году, родился герей отечественной войны, Кутузовъ. (цар. Елизаветы Петровны.)

— Въ 1810 году, взятъ Ахалкалахъ. (царст. Александра I.)

6. Въ 1739 году, Анна Іоанновна заключила миръ съ Турціею въ Бѣлградѣ.

Въ 1794 году, Суворовъ разбилъ мятежныхъ поляковъ подъ командой Сѣроковскаго и затѣмъ Мокрановскаго. (царст. Екатерины Великой.)

7. Въ 1812 году Кутузовъ съ Можайской дороги передвинулъ войска на Калужскую дорогу, чтобъ не допустить Наполеона пройти изъ Москвы этимъ послѣднимъ путемъ. (цар. Александра I.)

8. Въ 1710 году, Петръ Великій взялъ шведскій городъ Кегсгольмъ.

— Въ 1794 году, битва съ поляками при Брестѣ. (царствованіе Екатерины II.)

— Въ 1843 году, родился Вел. кн. Николай Александровичъ. (въ Бозѣ почившій наслѣдникъ Цесаревичъ.)

9. Въ 1769 году, взятъ Хотинъ. (цар. Павла Петровича.)

— Въ 1827 году, родился Вел. кн. Константинъ Николаевичъ. (цар. Николая I.)

10. Въ 1700 году, Петръ I осадилъ кр. Нарву.

11. Въ 1789 году, произошла геройская битва съ турками при Рымникѣ, за которую Суворовъ получилъ отъ Екатерины II наименованіе Рымникскаго.

12. Въ 1771 году, бой Суворова при Столовичахъ. (царствованіе Екатерины II.)

— Въ 1812 году, умеръ одинъ изъ героевъ отчественной войны, Багратіонъ.

13. Въ 1814 году. Александръ Благословенный прибылъ на конгресъ въ Вѣну.

— Въ 1826 году, битва Паскевича съ персіянами при Елизаветновѣ. (цар. Николая I.)

14. Въ 1789 году, покорена Одесса. (цар. Екатерины II.)

— Въ 1799 году, произошла Цюрихская битва (въ Швейцаріи) съ французами, которыми командовалъ генералъ Массена—русскими Римско-Корсаковъ. (цар. Павла Петровича.)

— Въ 1815 году, былъ заключенъ Священный Союзъ монарховъ трехъ великихъ державъ, душою союза былъ Александръ I.

15. Въ 1770 году, графъ Панинъ взялъ Бендеры. (царствованіе Екатерины II.)

— Въ 1799 году, Суворовъ перешагнулъ черезъ вершины Сенъ-Готарда и Чертовъ мостъ, перекинутый черезъ р. Русу, въ Швейцаріи. (цар. Павла I.)

— Въ 1801 году, Александръ Благословенный короновался въ Москвѣ.

16. Въ 1813 году, занятъ былъ г. Кассель. (цар. Александра I.)

18. Въ 1773 году, состоялся первый раздѣлъ Польши. (царств. Екатерины II.)

— Въ 1812 году, Кутузовъ подошелъ къ Тарутину. (царствованіе Александра I.)

19. Въ 1827 году, Паскевичъ взялъ персидское укрѣпленіе Сардадъ-Аббатъ. (царствованіе Николая I.)

20. Въ 1812 году, Кутузовъ занялъ Тарутинъ. (цар. Алекс. I.)

21. Въ 1713 году. Петръ взялъ Штетинъ.

— Въ 1799 году, произошла такъ называемая Муттенская битва въ Швейцаріи, гдѣ Суворовъ разбилъ громадную французскую армію, которой командовали три искусныхъ генерала: Массена, Лекурбъ и Молиторъ—второй былъ взятъ въ плѣнъ. (царств. Павла I.)

22. Въ 1762 году, короновалась Екатерина Великая.

23. Въ 1811 году, турки были разбиты русскими при Рущукѣ. (царств. Александра I.)

— Въ 1812 году, знаменитый французскій генералъ Лористонъ предложилъ миръ Кутузову въ Тарутинѣ, который Кутузовъ отвергъ. (цар. Александра I.)

24. Въ 1826 году, Императоръ Николай I. заключилъ конвенцію съ турками въ Аккерманѣ.

25. Въ 1799 году, Суворовъ во время перехода отъ Глариса къ Граубиндеру (въ Швейцаріи) вторично разбилъ корпусъ генерала Массены—это была его *послѣдняя* битва. (цар. Павла I.)

— Въ 1828 году, былъ сдѣланъ приступъ къ турецкой кр. Варнѣ Дибичемъ. (цар. Николая I.)

28. Въ 1708 году, Петръ разбилъ шведовъ, командуемыхъ Левенгауптомъ, при Лѣсномъ.

— Въ 1794 году, Суворовъ разбилъ поляковъ и взялъ въ плѣнъ извѣстнаго польскаго вождя Косцюшку, который бросивъ саблю объ землю вскричалъ «конецъ Польшѣ!» (царств. Екатерины II.)

29. Въ 1710 году, Петръ взялъ Ревель.

— Въ 1812 году, генералъ Дороховъ выбилъ французовъ изъ г. Вереи. (царствованіе Александра I.)

— Въ 1828 году, взята приступомъ турецкая кр. Варна. (царст. Николая I.)

ОКТЯБРЬ.

1. Въ 1787 году, Суворовъ разбилъ турокъ.

— Въ 1827 году, графъ Паскевичъ взялъ персидскую крѣпость Эривань, за что былъ наименованъ Императоромъ Николаемъ I «Эриванскимъ.»

2. Въ 1811 году, Кутузовъ атаковалъ турокъ на Дунаѣ. (царств. Александра I.)

3. Въ 1828 году, Паскевичъ взялъ персидскій городъ Марандъ. (царств. Николая I.)

4. Въ 1813 году, начался знаменитый бой союзныхъ войскъ съ Наполеономъ при Лейпцигѣ.

5. Въ 1791 году, умеръ Потемкинъ въ степяхъ Малороссіи. (цар. Екатерины II.)

6. Въ 1812 году, Наполеонъ вышелъ изъ Москвы. Французская армія была разбита Кутузовымъ при Тарутинѣ. (цар. Александра I.)

8. Въ 1812 году, французы были выбиты изъ Полоцка. (царств. Александра I.)

— Въ 1827 году, день знаменитый Наваринской битвы. (царст. Николая I.)

9. Въ 1812 году, Александръ Благословенный отвергнулъ миръ предложенный уже вторично бѣжавшимъ Наполеономъ.

10. 1706 году Петръ Великій осадилъ Выборгскую крѣпость.

11. Въ 1702 году взята Петромъ I Шлиссельбургская крѣпость.

12. Въ 1811 г. Кутузовъ овладѣлъ турецкою крѣпостью Силистріею. (царств. Александра I.)

— Въ 1812 году, произошла достопамятная битва Кутузова съ французами при Малоярославцѣ. (цар. Александра I.)

13. Въ 1827 году, Паскевичь занялъ персидскій городъ Тавризъ.

15. Въ 1794 году, была одержана Суворовымъ побѣда при Кобылкѣ.

16. Въ 1767 году, умеръ знаменитый фельдмаршалъ Минихъ. (цар. Екатерины II.)

17. Въ 1805 году, Кутузовъ отступилъ къ Браунау. (цар. Алекс. I.)

18. Въ 1706 году, князь Меньшиковъ разбилъ шведовъ при м. Калишѣ. (царств. Петра I.)

19. Въ 1812 году, Видгенштейнъ напалъ на французовъ при Чамникахъ. (цар. Александра I.)

22. Въ 1729 году, Меньшиковъ умеръ ссыльнымъ въ Березовѣ, гдѣ онъ своими руками соорудилъ маленькую деревянную церковь. (царств. Петра II.)

— Въ 1805 году, Александръ I заключилъ союзъ съ Пруссіей.

— Въ 1812 году, французы были разбиты подъ Вильною. (царст. Александра I.)

24. Въ 1794 году Суворовъ штурмовалъ крѣпость Прагу. (царст. Екатерины II.)

26. Въ 1812 году, взятъ былъ Витебскъ. (цар. Александра I.)

27. Въ 1812 году, произошла битва съ французами у Духовщины. (царств. Александра I.)

29. Въ 1813 году, Александръ I. предложилъ союзнымъ державамъ походъ во Францію для сверженія Наполеона.

НОЯБРЬ.

1. Въ 1812 году, началась кровопролитная битва Кутузова съ Наполеономъ подъ стѣнами Смоленска. (царст. Александра I.)

2. Въ 1812 году, Наполеонъ покинулъ Смоленскъ и пошелъ на Москву. (цар. Александра I.)

3. Въ 1708 году, Петръ взялъ Батуринъ.

— Въ 1812 году, французы потерпѣли нѣсколько пораженій на Смоленской дорогѣ. (цар. Александра I.)

4. Въ 1789 году, состоялось завоеваніе Бендеръ. (царствованіе Екатерины II.)

5. Въ 1708 году. полковникъ Скоропадскій былъ избранъ въ Глуховѣ гетманомъ Малороссіи, въ присутствіи Петра и въ этотъ же день измѣнникъ Мазепа былъ преданъ проклятію въ Глуховскомъ соборѣ.

6. Въ 1796 году, скончалась мать Россіи Екатерина Великая.

7. Въ 1812 году, Кутузовъ нанесъ окончательное пораженіе Наполеоновской арміи за Смоленскомъ. (цар. Алексардра I.)

9. Въ 1812 году, Наполеонъ принужденъ былъ быстро отступить отъ Риги. (цар. Александра I.)

13. Въ 1729 году, родился Суворовъ. (царст. Петра II.)

14. Въ 1813 году, покоренъ Данцигъ. (царст. Александра I.)

— Въ 1805 году, умеръ фельдмаршалъ Салтыковъ. (царствованіе Александра I.)

15. Въ 1812 году, Наполеонъ потерпѣлъ крушеніе при переправѣ черезъ р. Березину и спасся отъ плѣна только бѣгствомъ. (царств. Александра I.)

16. Въ 1812 году, Видгенштейнъ разбилъ французовъ при Студянкѣ и на другой день заставилъ ихъ спасаться бѣгствомъ черезъ Березину. (царств. Александра I.)

18. Въ 1738 году, заключенъ былъ Анной Іоановной трактатъ въ Вѣнѣ.

19. Въ 1700 году, Петръ Великій сразился съ Карломъ XII подъ кр. Нарвой.

— Въ 1825 году, скончался въ Таганрогѣ Императоръ Александръ Благословенный и на престолъ вступилъ Николай I.

20. Въ 1805 году, произошло Аустерлицкое сраженіе Кутузова съ французами.

21. Въ 1708 году, была битва со шведами при Смѣломъ. (царст. Петра I.)

22. Въ 1708 году, Петръ I имѣлъ пребываніе въ Путивлѣ черниговской губерніи.

23. Въ 1812 году, Наполеонъ бѣжалъ изъ польскаго городка Сморгони. (царствованіе Александра I.)

24. Въ 1799 году, Суворовъ выступилъ въ Россію поокончаніи Итальянскаго похода. (царст. Павла I.)

25. Въ 1741 году, Императрица Елизавета Петровна вступила на престолъ.

27. Въ 1705 году, Петровскія войска взяли Замостье передъ глазами Карла XII. (царств. Петра I.)

— Въ 1812 году, Король Неаполитанскій, зять Наполеона, Мюратъ, спасаясь бѣгствомъ, прибылъ въ Вильно. (цар. Александра I.)

28. Въ 1813 году, былъ занятъ Роттердамъ. (цар. Александра I.)

30. Въ 1718 году, умеръ смертельно раненый въ битвѣ при Фридрихсгамѣ король Швеціи Карлъ XII. (цар. Петра I.)

ДЕКАБРЬ.

1. Въ 1812 году, совершилось бѣгство Мюрата за Нѣманъ. (цар Александра I.)

2. Въ 1812 году маршалъ Ней выступилъ изъ Ковно съ остатками великой арміи Наполеона. (цар. Александра I.)

3. Въ 1812 году, фельдмаршалъ Видгенштейнъ отрѣзалъ путь отступленія французскому полководцу Магдональду. (царствованіе Александра I.)

4. Въ 1812 году, Мюратъ прибылъ въ Кенигсбергъ, проѣздомъ во Францію.

5. Въ 1761 году, взятъ былъ Кольбергъ. (цар. Петра III.)

— Въ 1813 году, Императоръ Александръ Благословенный издалъ манифестъ, въ которомъ сказалъ, что принялъ рѣшеніе перенести оружіе въ предѣлы Франціи.

6. Въ 1788 году, покоренъ Очаковъ. (цар. Екатерины II.)

— Въ 1812 году, Императоръ Александръ I наградилъ Кутузова, за защиту Смоленска, титуломъ князя Смоленскаго.

8. Въ 1796 году умеръ графъ Румянцемъ—Задунайскій. (царств. Екатерины II.)

9. Въ 1813 году, въ Фрейбургѣ состоялось свиданіе союзныхъ монарховъ.

10. Въ 1812 году, Александръ I прибылъ въ Вильно, вскорѣ по пораженіи Наполеона.

11. Въ 1790 году, Суворовъ взялъ Измаилъ. (цар. Екатерины II.)

12. Въ 1777 году, родился Императоръ Александръ I.

19. Въ 1812 году, пораженіе Видгенштейномъ французскаго полководца Магдональда у Тильзита. (царст. Александра I.)

22. Въ 1813 году, фельдмаршалъ Видгенштейнъ перешелъ за Рейнъ по слѣдамъ французской арміи. (царст Александра I.)

23. Въ 1813 году, были розданы медали за отечественную войну.

24. Въ 1712 году, Петръ I преслѣдовалъ шведовъ послѣ пораженія.

25. Въ 1812 году, былъ занятъ нашими войсками Кенигсбергъ. (царствованіе Александра I.)

27. Въ 1812 году, французы окончательно были изгнаны изъ предѣловъ Россіи. (царствованіе Александра I.)

28. Въ 1783 году, Турція уступила Россіи Крымъ.

30. Въ 1701 году, Петръ Великій одержалъ первую побѣду надъ шведами при Эрестфелѣ.

КОНЕЦЪ.

Типографія С. Орлова, у Бородинскаго моста, д. Сорохтиной.